

Русское
устное
народное
творчество




ХРЕСТОМАТИЯ





**Русское
устное
народное
творчество**



ХРЕСТОМАТИЯ

Рекомендовано
Учебно-методическим объединением
по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия для студентов вузов,
обучающихся по направлению 031000 по специальности
03001 – «Филология»



Москва
«Высшая школа» 2006

УДК 82:398
ББК 82.3 (2Рос-Рус)
Р 89

Рецензенты:

докт. филол. наук, академик Российской академии образования,
профессор *Ю.Г. Круглов*; докт. филол. наук, профессор *Т.В. Зуева*

Составитель В.П. Аникин

Р 89 **Русское устное народное творчество: Хрестоматия.** Учеб.
пособие/Сост., вст. ст., коммент. В.П. Аникина. — М.: Высш.
шк., 2006. — 1127 с.

ISBN 5-06-004238-3

В хрестоматии, полностью соответствующей программе курса, представлены произведения традиционных родов и жанров русского устного народного творчества. В книгу вошли обрядовые песни, плачи, причитания, календарный фольклор, устная проза, песенный эпос, сказки, загадки, детский и ярмарочный фольклор, романсы, частушки. Предлагаемый материал всесторонне освещает историю развития русского фольклора, дает глубокие знания о многообразии тематики и форм художественного творчества.

Для студентов филологических и других гуманитарных факультетов университетов, колледжей гуманитарного профиля, руководителей народных фольклорных коллективов.

УДК 82:398
ББК 82.3 (2Рос-Рус)

ISBN 5-06-004238-3

© ФГУП «Издательство «Высшая школа», 2006

Оригинал-макет данного издания является собственностью издательства «Высшая школа», и его репродуцирование (воспроизведение) любым способом без согласия издательства запрещается.

От составителя

Выбрать характерные образцы фольклора трудно в силу его разнообразия, тем более, когда задаешься целью составить учебную книгу. Хрестоматия дополняет учебник «Русское устное народное творчество» (1-е изд. — 2001; 2-е — 2004). Общая композиция и разделы хрестоматии соответствуют учебнику и включают в себе тот материал, без знания которого полноценное усвоение вузовского курса фольклора невозможно.

Устное творчество народа преимущественно представлено в записях XIX—начала XX в., но и записям недавнего времени уделено достаточное внимание, если они остаются в границах *традиции*, вне которой фольклор не существует. В отличие от авторских произведений, фольклорные лишены индивидуальных творческих свойств. На подлинном фольклоре всегда лежит след общепринятого. Фольклор возникает при условии сохранения существующего творчества и продолжения его. Конечно, общепринятое существует всегда с видоизменениями, в неисчислимом множестве вариантов и версий, но при всех условиях сохраняется замысел творцов, совокупно создавших и поддерживающих жизнь устного произведения. Фольклор выражает мировосприятие и мировоззрение людской массы, ее общие художественные вкусы, а не вкусы отдельных лиц, какими бы талантливыми они ни были. Свойство фольклора как *традиционного коллективного* творчества общепризнанно, установлено, что фольклор в этом отношении схож с языком. Как и язык, фольклор ни в какой мере не является продуктом индивидуального порождения, и свойства фольклора как традиционного творчества могут быть постигнуты лишь через изучение мировоззрения, симпатий и антипатий *народа*.

Коллективная природа фольклора обнаруживается в самом существовании у него устойчивых родов и видов (жанров), характерной поэтики и стиля. Все они отличаются от авторского литературного творчества. Можно говорить о присущей фольклору *исторически возникшей особой художественной системе*. Ее содержание и формы отмечены единством, при котором изменение какого-либо одного компонента вызывает изменение целого или разрушение его. По этой причине вполне

объяснимо стремление изучать историю фольклора через постижение разных исторических состояний фольклора, через установление единства и сходства его видов, жанров, стиля, устойчиво повторяющегося из столетие в столетие. Фольклор всегда существовал в пределах особенностей своей системы, исторически менявшейся во времени.

Указание на стадиальность есть организующий принцип подачи и характеристики фольклора, который издавна искали составители хрестоматий еще в XIX в. На памяти педагогов и ученых старшего поколения новаторства профессора Н.П. Андреева как составителя хрестоматии «Русский фольклор» (1-е изд. М.; Л., 1936; 2-е изд., перераб. М.; Л., 1938). Гибель ученого в блокадном Ленинграде (1942) драматически замедлила решение проблемы.

После выхода в свет хрестоматии Н.П. Андреева, содержавшей плодотворные установочные идеи в статье «Фольклор и его история», предпосланной жанровым разделам, новые хрестоматии либо избирательно следовали принципу исторической классификации — к примеру, почти все начинались разделами «Обрядовая поэзия» (заговоры, календарный фольклор и др.), а далее шел произвол, не отмеченный поиском последовательно возникавших свойств фольклора, — либо вообще имел место отказ от исторического принципа, когда, к примеру, разделы «Загадки», «Сказки» ставились перед разделами «Былины» и другими, включившими виды фольклора, еще отмеченные печатью тесной преемственной связи с мифами. Таким образом, изучение жанров, преодолевших мифологическую стадию (загадки, сказки, иные, им подобные), оказывалось не на месте. Последовательность разделов не отвечала исторической эволюции фольклора.

Принцип классификации родов и видов устных произведений в хрестоматии, как и в учебнике, основан на отнесении жанров и к разным историческим стадиям в общем движении фольклора от самых отдаленных эпох к современным. Ввиду важности этого положения хрестоматия открывается особой статьей, в которой предложена характеристика этих стадий. Статья дополняет материалы и соответствующие положения учебника.

Хрестоматия открывается разделом «Народная демонология» — это, как правило, собранные в позднее время сведения о существовании в фольклоре мифов разного, но всегда отдаленного происхождения. В виде измененных рассказов и осовремененных мифов бытовая по преимуществу демонология была широко распространена у народа, сосуществовала рядом, а нередко и в соединении с христианскими понятиями (легендами, духовными стихами и песнями, притчами и проч.), словом, с более развитой формой религиозного и общего миропонимания. По сравнению с соответствующими разделами в используемых в учебном процессе хрестоматиях раздел демонологии (его

можно назвать и «мифологическим») в увеличенном объеме предстает в нашей хрестоматии впервые. Хотя в «концептуальном» отношении (то есть как отвечающий существу общего взгляда на историю фольклора) этот раздел не нов, наша новация есть только возвращение к обыкновению учебных книг, подготовленных много десятилетий назад. Среди таких опытов может быть названо, к примеру, пособие В.Ф. Саводника «Хрестоматия для изучения истории русской словесности» (выпуск 1-й: народная словесность». М., 1914). С целью сообщить важные сведения о бытовании среди народа остатков древнейших демонологических понятий и представлений в хрестоматии уже приводились выдержки из «этнографической литературы» — среди них обширная из очерка С.В. Максимова «Нечистая» сила», из аналогичной литературы «знаменитых знатоков народного быта» (см. указ. работу. С. I—II). Другой пример — «Историко-литературная хрестоматия. Ч. I. Устная народная словесность с историческими и этнографическими комментариями»/ Сост. Н.Л. Бродский, Н.М. Мендельсон и Н.П. Сидоров. М., 1914 (последнее, 4-е, измененное и дополненное издание. М., 1923). С той же целью, что и Саводник, составители указали на «живучесть у нас в глубокой древности народно-поэтического творчества (песен, обычаев, верований, обрядов и т.п.)», включили в раздел «Судьбы русской народной поэзии» летописные известия о «языческих верованиях и обрядах» [в числе их — сведения, извлеченные из церковных правил митрополита Иоанна (XI в.)], приметы, связанные со встречей с «черноризцем», с диким кабаном, свиньей и др. (см.: указ. работа. Изд. 4-е. С. 24—26). В настоящей хрестоматии возрождается давний учебный опыт.

Публикуемые произведения сопровождаются ссылками на источник (названы сборники, время публикации, при наличии сведений указано на место и время записи, другие сведения, важные для понимания качества записи). Особенности местного говора указываются в случаях, когда они имеются, что порой важно для осознания качества записи (при изучении ритмики, рифмовки, запечатления локального своеобразия и других свойств). Пояснение малоизвестных слов и выражений, а также их областных и устаревших значений даны постранично. Когда необходимо осознать возможности традиции, в ссылках как образец живой меняющейся традиции приводятся и вариации текста. В необходимых случаях даны пояснения историко-культурного характера.

Вступительные пояснения, которыми открываются разделы, ставят целью помочь осознать свойства жанра, принципы отбора материала, мотивируют характер отбора произведений из многочисленных публикаций, а равно — подведение материала под классификационные рубрики (тематические, жанровые и иные).

История фольклора

Изначально фольклор принадлежал к области навыков и знаний первобытного коллектива. Фольклор передавал от поколения к поколению важную информацию, нес в себе необходимое для жизни и был однороден как та среда, которой был обязан происхождением. Художественное начало в творчестве только сопутствовало практической деятельности. Такое состояние именуется синкретическим. *Синкретизм — состояние слитности, нерасчлененности: художественное творчество не отделено от другой человеческой деятельности и включено в практическую жизнь.*

Фольклор был *многофункциональным*. В составе комплекса его функций было учить правилам семейно-кланового общежития, поддерживать общепринятые нормы поведения. Осуществлялась и функция сохранения обычаев и обрядов. Ее иногда именуют *коммуникативно-мемориальной*, точнее ее было бы назвать *социально-регулирующей* — она была коммуникативно-мемориальной, сохраняющей бытовые установления, поддерживающей кодекс людского поведения. У фольклора была и *познавательная-прагматическая функция*: она состояла в передаче и закреплении знаний, необходимых для труда и самосохранения рода, племени: фольклор осведомлял о повадках зверей, о ведении охоты, о работе в лесу, поле и проч. Функция соединялась с *религиозно-магической*, вероятно, близкой к *психологической*, регулирующей строй мыслей и чувств человека.

В ряду всех функций у фольклора была и *художественная*, несамостоятельная, еще не осознанная в своей особенности. Образное восприятие мира предполагало отражение реальности *в ритмически и структурно упорядоченных формах*. Первобытное искусство утверждало людей в определенном строе мыслей и эмоций.

Занятия художественным творчеством как отдельным видом деятельности еще не существовало. Только в исторической перспективе оно могло стать делом отдельных людей — лишь со временем появились мастера-профессионалы, творившие искусство.

Долгое время их как создателей художественных произведения не существовало, хотя, конечно, кто-то и прежде мог владеть навыками образно мыслить лучше остальных. И одаренные люди, и все остальные долго оставались создателями находящихся в общем обиходе устных произведений.

Сказанное давно выяснено и стало исходным в понимании фольклора и в русской и в зарубежной науке уже много десятилетий назад. Основоположник отечественной науки о фольклоре академик Федор Иванович Буслаев (1818—1897) писал: «В самую раннюю эпоху своего бытия народ имеет уже все главнейшие нравственные основы своей национальности в языке и мифологии, которые состоят в теснейшей связи с поэзией, правом, с обычаями и нравами (курсив мой. — В.А.)»¹. Под «национальностью» ученый разумел народную племенную особенность. Ученый назвал и форму первых произведений творчества, включавшего в себя все начала и свойства: «Слово есть главное и естественное орудие предания»². И продолжал: «Состоя в неразрывной связи с верованьем, законом, нравственным поучением, с обрядом и обычаем, первые словесные произведения народа носят на себе характер религиозный и поучительный. Удовлетворяя, так сказать, теоретическому пониманию, они имеют и практическое значение обряда»³. В этих суждениях необходимо заменить только слово «религиозный» на «мифологический»: мифология — не только религия, но более обширная система древнейшего мировоззрения и связанная с ним область поведения, отправление обрядов, правил следования принятым обычаям.

Синкретическое состояние долго сохранялось в фольклоре неизменным, и устные произведения оставались многофункциональными. Однако с течением времени происходил распад синкретизма и творчество утратило прежние свойства, но это произошло уже за пределами начального состояния культуры. Как свидетельствует византийский историк Феофилакт Симокатта, в первой четверти VII в. н. э. у южных славян уже существовал профессиональный институт певцов. Этот засвидетельствованный факт указывает на выделение искусства в отдельную область занятий, не мыслимую при начальном синкретизме. Конечно, в фольклоре и тогда, и позднее по традиции еще удерживались некоторые свойства его древ-

¹ Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. I. СПб. 1861. С. 1.

² Там же.

³ Там же. С. 2.

нейшего состояния. Произведения, свободные от утилитарности, остаточно сохраняли черты слияния бессознательного художественного начала с мифологией и обрядами. При этом соотношение утилитарных и художественных качеств менялось в сторону преобладания последних над первыми. В преобразованных формах древнейшее творчество вливалось в творчество последующих эпох.

Соотношение утилитарных и художественных функций — важнейшая проблема, которая при надлежащем и осмотрительном решении позволит понять эволюцию фольклора, исторический характер возникновения его жанров и родов. Если принять во внимание древность связи искусства с практическими функциями, первоначальную неотделимость его от других форм сознания и деятельности, то надо прежде всего признать древними в фольклоре все проявления этой связи. Такие свойства по происхождению восходят к времени слитности искусства со смежными областями общественного сознания, с обрядово-мифологической жизненной практикой. У славянских народов эта эпоха, несомненно, относится к поре, когда они существовали вместе, являли общность, а конец приходится на эпохи выделения племен и народностей из этого состояния. Самая постановка таких вопросов, очень трудных для решения, при всем том позволяет соотнести виды фольклора с его исторической эволюцией. *Историю фольклора можно толковать как историю постепенного замещения синкретизма иными состояниями, традиционно сходными с первоначальным, но и отличающимися от него.*

Ученик Буслаева академик Александр Николаевич Веселовский (1838—1906) дал свое решение проблем эволюции древнейшей культуры. Ученый предположил возникновение новых свойств в культуре не через отвержение прежнего состояния, а через *преобразование его*. Уже в первой, вступительной лекции из курса истории всеобщей литературы, прочитанной студентам Санкт-Петербургского университета в октябре 1870 г. на тему «О методах и задачах истории литературы, как науки», Веселовский поставил перед слушателями вопрос: «Каждая новая поэтическая эпоха не работает ли над исстари завещанными образами, обязательно возвращаясь в их границах, позволяя себе лишь новые комбинации старых, и только наполняя их тем новым пониманием жизни, которое собственно и составляет ее прогресс перед прошлым? По крайней мере, история языка предлагает нам аналогичное явление. Нового языка мы не создаем, мы получаем его от рождения совсем готовым, не подлежащим отмене; фактические изменения, приводимые истори-

ей, не скрадывают первоначальной формы слова или скрадывают постепенно, незаметно для двух следующих друг за другом поколений»¹. Из многосоставной области общей исторической эволюции мировой культуры Веселовский выбрал для себя уяснение *эволюции поэтических форм* как констант, изучение которых позволит заглянуть далеко в глубину древней культуры, частью которой был и остается фольклор. Ученый поставил проблемы *истории художественной культуры*, показал, что в фольклоре наряду с устойчивостью традиционных форм имеет место преобразование прежнего содержания: древние свойства сохранялись *при одновременном преобразовании* их. Новизна вытесняет старину, но не всю — сохранялось и прежнее содержание, но не в том виде, как оно существовало до известной поры, в нем происходили радикальные изменения. При этом *преемственность не устраняла старину бесследно*. Старина удерживалась, получала облик нового. Это касалось всех важных компонентов содержания, и в первую очередь общего состояния традиционного творчества, накладывавшего свою печать на все в фольклоре.

Уже на склоне своих лет Веселовский, даже без надежды завершить задуманный и начатый еще в молодости труд², сумел очень точно обозначить главные моменты исторической эволюции фольклора, хотя и сделал преобладающий акцент на рассмотрение *формальных* историко-поэтических моментов общей эволюции фольклора. Говоря о «синкретизме первобытной поэзии», ученый обратил внимание на одно из ее изначальных качеств: «сочетание ритмизованных, оркестических (т. е. совместных действий коллектива и отдельных актеров. — В.А.) движений с песней-музыкой и элементами слова»³. По другому говоря, была поставлена проблема: необходимо изучать историю ритма с его определяющим значением для возникновения и последующего развития поэзии. К этому необходимо добавить, что к решению проблем генезиса и развития искусства отнесено постижение смысла и форм движений, мелодии, слова, хотя роль поэтического текста в синкретическом единстве разных элементов была самой скромной: «то были восклицания, выражение эмоций, несколько незначущих, несодер-

¹ *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика/Ред., вступ. статья и примеч. В.М. Жирмунского. Л., 1940. С. 51.

² См.: Там же. С. 200 («Три главы из исторической поэтики» — первоначальная публикация: 1898).

³ Там же.

жательных слов, носителей такта и мелодии»¹. По словам Веселовского, «из этой ячейки содержательный текст развивался в медленном ходе истории»².

В первобытном слове движение шло от выражения неотчетливых эмоций в отдельных словах до развития предложения. Как пример ученый назвал историю *песни-игры*, дававшую выход накопившейся физической и психической энергии «путем ритмически упорядоченных звуков и движений». Веселовский считал возможным именовать это явление психофизическим *катарзисом*, понятием, введенным в теорию искусства драмы Аристотелем. Таковы, по толкованию Веселовского, начала искусства, пребывавшие в синкретическом состоянии. Признак его — «преобладающий способ ее исполнения (исполнения песни-игры. — В.А.)». Действовал хор. След «хоризма» традиционно удержан в стиле и приемах даже у позднейшей народной песни. И не только в ней, но и в профессиональном творчестве.

Как отмечено, начальное состояние фольклора характеризуется многофункциональностью, *неизменным присутствием в фольклоре утилитарно-бытовых функций*. Фольклор и его виды еще не выделены из практической жизни и соединены с магией, ритуалом. Художественное творчество не имеет самостоятельного существования. Песня-игра — одна из древних форм художественного творчества в составе слитного единства разных элементов. Эту стадию в истории фольклора можно восстановить ретроспективно, хотя и с разной степенью отчетливости.

Через общее состояние синкретизма прошли все роды и виды древнейшего фольклора, но особенно отчетливо синкретизм запечатлен в фольклоре с общей утилитарно-практической функцией. Такие роды и виды древнейшего фольклора можно не только назвать, но и указать в них свойства и особенности, возникшие в самые отдаленные времена человеческой истории.

Прежде всего это касается *трудовых песен* с их простейшими командами, выкриками, сигналами, подаваемыми по ходу работы. В сущности, рабочая, коллективно исполняемая песня реализует те же принципы образительности, какие присущи песне-игре, хотя трудовая песня не игра и не всегда песня. Причем речь идет не только о сходстве формальных свойств (совместные действия коллектива и ведущего лица). Трудовой песне, как и песне-игре, при-

¹ Веселовский А.Н. Историческая поэтика. С. 200—201.

² Там же. С. 201.

сущ и «хоризм», но в соединении с преследованием практической цели. Трудовой песне свойственно и выражение катарзиса. Она включена в работу, она — часть людской практики. Все дает основания для вывода, что в песне, исполняемой при коллективной работе, присутствуют черты первобытного искусства. Это выражение коллективных эмоций через ритм, тут налицо и сочетание действия хора и запевалы, несомненны элементарные изобразительные моменты, а самое существенное — в слове налицо древняя традиция: от элементарного, еще неопределенного выражения эмоций до четкого высказывания цели работающих. Даже записанные спустя столетия песни остаточно хранят эти свойства первоначального искусства, хотя их традиционная ритмика уже стала частью более сложного целого, в котором нередко утилитарность преодолена: к примеру, это касается чисто художественного развития так называемой «Дубинушки», исполняемой уже вне процесса работы и безотносительно к рабочей цели.

Другим видом древнего творчества, рудиментарно удержавшего в себе первоначальный синкретизм, можно считать *заговоры* как проявление магического обряда с их ритмизированными приказно-волевыми компонентами и общей нацеленностью на достижение практической цели. С течением времен слово в заговоре дополнилось пояснением магических обрядовых действий (а порой — их полной заменой), соединилось с понятиями и представлениями позднего времени и стало непосредственно включать в себя и неосознанно-художественные мотивировки, что выразилось и в составе, и в стиле. В иных случаях искусство слова в заговоре даже стало прямым средством достижения утилитарных целей.

В свою очередь, *календарный фольклор* исконно шел от насущных практических целей людей. Известный нам по поздним записям, он уже включил в себя не только архаические элементы, но развитые, чисто художественные. Первоначальный состав календарного фольклора изменился, но по традиции его жанры, как и прежде, предусматривали преследование практических магических целей. К тому же мировоззренческую основу календарного фольклора составил миф о цикличном мироустройстве, о благоприятном или гибельном следствии свершающихся изменений в природе. Миф уцелел остаточно, но очевидно, что древняя мысль искала средств достижения благополучия и отвращения несчастий, соединялась с обрядово-магическими действиями, с принесением жертв, с заклинанием высших сил. Люди прибегали к помощи календарных гаданий, толковали о грядущем по приметам.

Аналогичные мысли о житейском благополучии и счастливом продолжении рода и семьи присутствуют в *свадебном фольклоре*. Церемония и обряды в первую очередь закрепляли имущественные и семейные права вступающих в брак. Одновременно свадебный фольклор рассчитан на благорасположение высших покровителей, пронизан мыслью об отвращении возможного зла. Ритуалы и связанный с ними фольклор выросли из житейских помыслов и составили его основу. И во всех жанрах свадебного фольклора налицо связь с обрядом, с обыкновением публично закреплять ход всех свадебных действий. Функциональность каждого вида свадебного фольклора не только соотносима с обрядом, его ходом, но и составляет его часть. Конечно, свадебный обряд, в свою очередь, — продукт разных времен и соединяет в себе разновременные компоненты. Но и при сложности состава в нем просматривается появление художественного творчества, часто неосознаваемого, — обряд, но поднятый на уровень особого художественного осмысления. Такие свойства в свадебном фольклоре ясно выступают на поздних стадиях существования и зафиксированы собирателями. Свадьба исторически многослойна, но элемент художественности в ней не менее достоверен, чем и обрядность.

Исходную практическую почву имели и другие виды семейного творчества. Обрядами сопровождали рождение детей, их воспитание, принятие их с достижением возраста в число полноправных членов общинных коллективов — это *фольклор воспитания*. Далеко не весь он сохранился в такой степени, чтобы судить о нем как о целом, но его рудименты обнаруживаются во многих частях детского фольклора. Как целое он далеко отошел от первоначальных традиций и не может считаться архаикой, но заметны и следы прежней утилитарности, хотя и измененные под влиянием позднего времени. В современном виде детский фольклор стал преимущественно явлением художественным, приноровленным к пониманию, забавам и потребностям ребенка. Дети приобщаются к миру яркого художественного слова, которое радует их. В забаве через словесное искусство они открывают для себя мир чувств и мыслей, без которых невозможно формирование полноценной личности.

Практические функции фольклора, связанного с обрядами погребения и почитания мертвых, представляют *причитания*. Связь с древними практическими помыслами выступает здесь с полной ясностью, хотя исторические изменения коснулись и этого фольклора. Древние традиции обнаруживают все виды причитаний: и в *похоронных плачах*, во *внеобрядовых заплачках*, связанных, к примеру, с отлучением кого-нибудь из дома и с иными подобными обыкно-

вениями. Таков и состав *рекрутских, солдатских причетов*, творчество позднего времени, но не менее остального приверженного к древним традициям. Тенденция неизменного исторического обновления всегда была и в этом роде ритуального творчества и выразилась в относительной самостоятельности его художественной образности, в передаче и запечатлении обширной области бытия, наполненного житейскими тревогами и драматическими утратами.

Все названные жанры фольклора сохранили в себе утилитарность и традицию изначальной предназначенности и образуют область «*бытового обрядового фольклора*». Каждый из жанров выполняет и в позднем виде прежнюю функцию, включен в практическую жизнь, хотя новые свойства осложнили их состав и формы, обнаруживая принадлежность и этого фольклора к позднему, нередко чисто художественному творчеству.

Для установления конкретных древнейших проявлений первобытности в каждом отдельном случае надо предпринимать особые разыскания. Речь может идти только о *традициях* древнейшей утилитарности и синкретизма, обнаруживаемых этим фольклором, а не о *полном отнесении* представленных в хрестоматии текстов к отдаленным временам. В таких случаях Веселовский говорил об «опасливой (осторожной, осмотрительной. — В.А.) критике», правильному осмыслению предоставленных нам фольклором данных¹, без непозволительной архаизации, с учетом их позднего приобщения к художественному творчеству.

Утилитарно-практический фольклор представлен в *первом разделе* хрестоматии. Открывается раздел, однако, не трудовыми песнями, как можно было ожидать, а сводкой сведений по *народной демонологии* (тем, что, по давнему обыкновению, именуется «мифами»). Какими были первоначальные мифические представления и понятия у нашего народа, еще долго необходимо изучать. Уяснение характера мифов при бытовом синкретическом состоянии фольклора, без конструирования умозрительных схем — дело будущего, но что самое сознание первобытных людей было мифологическим, никем не подвергается сомнению. И Веселовский, далеко отошедший от общего мифологического толкования древнейшего фольклора, вслед за Буслаевым признал, что воссоздаваемая по частям общая картина исторического развития фольклора должна достигаться в полном согласии с «эволюцией языка-мифа»².

¹ Веселовский А.Н. Историческая поэтика. С. 201.

² Там же. С. 200.

Стадия синкретизма в истории культуры и фольклора как его части сменилась новой. *Фольклор выделился из быта и вместе с другими формами мировоззренческого осмысления реальности отразил новое синкретическое соединение — мировоззренческий синкретизм.* Произошло отделение результатов умственной деятельности человека от непосредственного включения их в практическую жизнь. Связь с ней сохранялась, *но перестала быть прямой.*

Мифология как древнейшая система воззрения на мир, включавшая в себя совокупность юридических, правовых представлений, многосоставная область «натуралистических» понятий — кодекс нравственности, память об историческом прошлом — вообще, все существовавшие в обществе понятия и представления составили *единый синкретический мировоззренческий комплекс.* Фольклор уже не включен в практику непосредственной трудовой деятельности, не составляет часть обрядов и ритуалов, практических магических действий. Фольклор перестал быть частью быта, — функции словесных произведений утратили прямые практические цели. Фольклор такого состояния во всех своих родах и видах, по традиции хотя еще и связанных с предшествующими, отличается от прежнего — его традиции сложились *вне обусловленности чисто практическими целями,* служат разным, но *только* мировоззренческим целям.

Степень независимости от бытовой жизненной практики у видов этого фольклора разная, но уже возникли свобода от утилитарности, независимость от включения в трудовую практику и повседневные дела. Этот род творчества образует *«общемировоззренческий фольклор».* Традиции его жанров сложились под определяющим влиянием нового синкретизма. Однако, как и прежде, идейно-эстетическая функция еще не стала в фольклоре самостоятельной, преобладающей — художественные свойства сосуществуют с другими свойствами и находятся в составе *единого целого.*

Таковы *паремии: пословицы, побасенки, приметы и поговорки.* Область мировоззренческого охвата жизни в афористическом творчестве необычайно широка. Это мысли о большом и малом мире человека: мнения и суждения о мирского укладе, общественном существовании, о правилах и обычаях совместного труда и жизни, суждения об устройстве мироздания, о высших природных силах, о «хозяевах» стихий, приметы, мысли о принадлежности человека к месту, где он родился, суждения о своем и чужом, выска-

звания о людских делах, занятиях человека, его обязанностях, о юридических и правовых порядках, память о пережитом, прошлом и настоящем. Это обширная область оценок и суждений, как жить, как воспитывать детей, как чтить предков, мысли о необходимости следовать их заветам и примерам, это житейские правила поведения. Наконец, это наставления, как правильно мыслить — своего рода житейская логика. Среди паремий есть и набор традиционных характеристик, клишированных способов выражать мысли в емких и метких формулах с помощью образных выражений. Словом, функциональность паремий охватывает многие, если не все мировоззренческие области.

Жанры устной прозы: *предания, бывальщины, былички, легенды* функционально заключают в себе живую память о пережитом. Это память поколений, как правило, усвоенная у предков, или такая, о которой свидетельствовал сам рассказчик: истории о случаях, когда он сталкивался с «хозяевами» земных, водных, лесных и небесных стихий, с покровителями дома, семьи и рода. К таким рассказам присоединились рассказы о святых, святынях и чудесах — обо всех формах общения человека, принявшего христианскую веру, с силами иного высшего порядка. Общемировоззренческая функциональность всей этой устной прозы очевидна и не может быть сведена исключительно к какому-либо одному свойству — в том числе и к эстетическому. Отделить разные мировоззренческие функции тут невозможно. Мы всегда имеем дело со слитным комплексом разных мировоззренческих понятий и представлений. С ним связана и многофункциональность каждого жанра этого «афористического» фольклора.

Мировоззренческой синкретической многофункциональностью отмечены и все виды *песенного эпоса: былины, исторические, воинские, духовные песни*. Героическая *былина* — одновременно и память о мифическом прошлом, и выражение кодекса идеального поведения, и прославление образца общественного поведения, высоко ценимого и прославляемого певцами, и занятая история, исполненная полета фантазии. В *новеллистическом* эпосе могли осуждать недостойное поведение сограждан в годину бедствия, а в моменты упадка общественных нравов могла появляться и сатира на порядок вещей. Многофункциональность отмечается всеми исследователями эпоса — и нет оснований усматривать в нем либо только историческую память о прошлом, или только относить эпос к искусству.

Исторические песни (XIV—XVII вв.) вышли из конкретных обстоятельств острых общественных переживаний. В них содержится публицистическая оценка деяний и поступков общественных

деятелей. Такие песни были и выражением скорби по поводу политических утрат, и политическими памфлетами, размышлением о необходимости сохранить или, напротив, устранить что-то из общественной жизни, и просто рассказами о памятном событии в его отношении к судьбе современников. Мировоззренческие оценки в исторических песнях разнообразны, соответствуют той среде, в которой песни возникали. Причем это могло быть не только заинтересованное изложение событий, но и открытое выражение отношения певцов к общественному укладу, социальным порядкам, событиям, деяниям современников. Обостренность общественной функциональности исторических песен давно отмечена исследователями, которые неизменно сопрягали их с публицистической функцией. При всем том нет оснований сводить функциональность исторической песни к какому-либо одному роду — только историко-публицистическому или только художественному. В песенно-историческом творчестве несомненно сочетание функций — следствие его общемировоззренческого синкретического характера. Свое место в составе таких произведений заняло и искусство слова.

Воинские песни — младшая, поздняя разновидность исторических песен (XVII—XIX вв.). Их темы сами свидетельствуют о том, когда песни возникли и кем созданы — в служилом, воинском сословии: стрелцком и армейском, преимущественно солдатском и др. Воинские песни сохранили память о боевых событиях, героях-полководцах, запечатлели мысли и настроения армейской массы, чувство воинского долга, восхищение победами отечественного оружия. Песни содержат и жалобы на тяготы службы, осуждают поведение казнокрадов. Это целый мир, запечатлевший реальность со своей трактовкой традиционных сюжетов и образов. Достоверность в передаче фактов в соединении с эмоциональной художественностью трактовки обнаруживают общемировоззренческий тип творчества. Оно предполагает преследование многих целей — не только передачу информации о памятном событии, но и приобщение к сопереживанию участников события или тех, кто близко стоял к ним, вовлечение слушателя в круг понятий военной среды и выход к общей трактовке человеческого бытия.

Духовные песни — религиозный аналог мирского эпоса. Песни преследуют ряд своих целей: заключают в себе трактовку общих вопросов мироведения, запечатлевают воодушевленное отношение к христианской вере, передают особенное понимание устоев бытия и целей жизненного поведения, назначения и дел человеческих. В этих произведениях много примесей от неканонических представлений, заимствованных из апокрифов, переосмысленных на собствен-

ный лад. Художественное творчество в духовных песнях обладает высокой степенью обобщения и переводит религиозную эмоцию в разряд качеств художественной работы. К духовным *песням* примыкают и духовные *стихи*, но они значительно дальше ушли от фольклора, перейдя в область наставнического творчества.

Стадия общемировоззренческого синкретизма обычно не выделяется в истории фольклора и по этой причине порождает не имеющие под собой почвы споры. Так, в прошлом имела место дискуссия о характере былин: ставился вопрос — являются ли они и в какой мере художественными произведениями или могут быть причислены к произведениям чисто исторического рода. Подобные споры возникают и относительно того, в каком объеме в исторических песнях присутствует художественность, как трактовать духовные песни и стихи относительно объема эстетических трактовок в них и проч. Самая приблизительность в решении таких вопросов может быть объяснена отсутствием понимания, что на смену древнейшей стадии синкретизма пришла не стадия художественности, а стадия такого состояния фольклора, которое, в свою очередь, характеризуется *несамостоятельностью* в нем начал искусства. Так, говоря о фольклоре этого типа, надо принять к сведению его состояние при возникновении и прежних качествах, а не того состояния, когда он по мере удаления от миновавшего времени влился в состав произведений, чисто художественных по качествам и особенностям.

* * *

Пройдя стадию общемировоззренческого синкретизма, фольклор постепенно уступил место творчеству, в котором традиции предшествующих состояний оказались преодоленными. Возник *«художественный фольклор»*, функционально связанный с преследованием только эстетических целей и не зависимый от других форм осмысления реальности. Это не означает, что перестал существовать фольклор, рожденный в лоне культуры, в которой художественное творчество еще не отделилось от других форм осмысления реальности, и в котором художественные произведения еще не имели самостоятельности. Прежний фольклор сохранялся, но он уже принадлежал прошлому. Возникавший новый фольклор ушел дальше в исторической эволюции, стал поэтическим по основополагающим качествам. В нем уже переработаны и переосмыслены традиции предшествующих состояний. Прежние свойства фольклора: бытовые и общемировоззренческие — если и сохранились, то стали передавать в образно-художественном

виде и в таких его границах иное содержание, выставив в передний ряд воплощение поэтического переживания.

Сказанное относится ко всем видам художественного творчества в фольклоре, но в науке раскрыты лишь общие основания такой эволюции фольклора, а порой и попросту игнорируется самый факт существенных преобразований прежнего фольклора. Как много лет назад остается еще неразрешенной самая проблема, какие преобразования произошли в фольклоре как искусстве, основанном на изменении прежних форм и свойств, а между тем за каждым ставшим художественным компонентом фольклора, как писал Веселовский, имея в виду эпитет, лежит «далекая историко-психологическая перспектива», накопление метафор, сравнений и отвлечений, «целая история вкуса и стиля, в его эволюции от идей полезного и желаемого до выделения понятия прекрасного»¹.

В наше время уже можно поставить точку в споре — является ли фольклор художественным? В 20—30-х годах XX в. известным ученым Ю.М. и Б.М. Соколовым, М.К. Азадовскому, их единомышленникам еще приходилось отстаивать такое понимание фольклора. Но и теперь у такого истолкования фольклора остаются противники. Они желают замкнуть изучение фольклора в рамки этнографии, культурологии, социологии, даже лингвистики в ее структуралистическом виде, в «предметных» границах других научных дисциплин. На место термина «художественный фольклор» ставится понятия «вербальный фольклор», то есть художественность как определяющий признак фольклора позднего состояния делается второстепенной, подчиненной другим свойствам. Противники искусствоведческого (в том числе и филологического) подхода к изучению фольклора пренебрегают историческим анализом и не случайно становятся сторонниками умозрительных догматических концепций (отвлеченной неисторической типологии, схематизма, шаблонизации фольклорных приемов и форм и т. д.). А самое ошибочное — фольклор ставится вне прогресса культуры.

Среди ранних видов чисто художественного фольклора в первую очередь надо назвать *баллады*. Балладная песня как вид эпики не предполагает сопровождения каким-либо обрядом. Она не жанр обрядово-бытового фольклора, не может быть отнесена и к общемировоззренческому фольклору. Никаких иных функций, кроме художественных, баллада не преследует. В этом смысле ее художественное содержание самодостаточно. Конечно, балладная песня свя-

¹ Веселовский А.Н. Историческая поэтика. С. 73. («Из истории эпитета» — первая публикация: 1895).

зана с признанием этических требований к человеку, в частности с осуждением преступлений: певцы балладной песни исходят из того, что нарушение прав человека на жизнь ведет к трагедиям и драмам, но запечатление и декларация такого типа поведения никогда не делается целью. Рассказ о жизненном случае-происшествии художественен и он — главное в балладе. Морализирование, другие этические (в том числе и религиозные) соображения имеют место, когда рассказ о бытовых трагедиях бывает соединен, к примеру, с общей религиозной трактовкой события, но такое случается с побочными явлениями в истории жанра и, как правило, свидетельствует лишь о *синтезе*: о соединении уже раздельно существующих областей художественного творчества и других мировоззренческих областей, о чем пойдет речь дальше.

Как баллады, столь же художественны *лирические песни*. Они исполняются вне обрядов и в любое время, когда певцу приходит желание петь. Общемировоззренческие функции лирическая песня может обрести только при толковании историком, а тематико-сюжетный, образный строй ее мотивов не связан с запечатлением общемировоззренческих понятий и представлений как функциональным назначением пения. Содержание и форма лирических песен связаны исключительно только с передачей художественных идей и соответствующих эмоций, и *только* через них, *в пределах их* могут быть запечатлены и прочие идеи. В каких формах и с какими качествами существует поздняя лирическая песня и чем отличается от обрядовой по стилю, содержанию, давно выяснено в исследованиях Н.П. Колпаковой, С.Г. Лазутина и других фольклористов.

Плясовые песни носят тот же характер, что и лирические песни, но в отличие от них соединяются с пляской. Как и в иных аналогичных случаях, соединение осуществляется через *синтез* искусства слова и искусства хореографии при их *равноправном и раздельном* существовании. Синтез отличается от предшествующего исторического состояния, когда начала искусства слова и искусство хореографии, а также драмы *синкретически* слиты и *по отдельности не существуют*. Синтез и синкретизм — явления *разного исторического* порядка. При синкретизме налицо *неразвитость* в творчестве, *несамостоятельность* его компонентов, при синтезе наблюдается соединение уже *раздельно существующих, развитых* явлений. Синтез видов искусств в фольклоре — нередкое явление в фольклоре на стадии его художественности: и лирическую песню можно было спеть в хороводе, но из этого совсем не следует, что лирическая песня самостоятельна.

Обширную область свободного художественного творчества составляют все виды сказок: *сказки о животных, волшебные, сказки-новеллы*. Сказка — один из древнейших по происхождению видов фольклора. Ее генезис восходит к отдаленным временам. Но жанр сказки *преодоле*л синкретизм (включенность в обрядовую практику). К этому следует добавить, что, как это имело место при состоянии мировоззренческого синкретизма, поздняя сказка никогда не преследует иных целей, кроме художественных, а если преследует, то относится к иным, не чисто художественным явлениям, что наблюдается, к примеру, в фольклоре у культурно отсталых народов. Известная нам русская сказка — чисто художественное творчество: мифологическая, обрядовая, общемировоззренческая функции в ней давно изжиты, их функциональность сопряжена с передачей художественного вымысла.

К чисто художественному фольклору относится и *загадка*. Ее традиции восходят к бытовой, так называемой *тайной речи*, но от этого состояния загадка сохранила лишь в ряде случаев формы традиционных уподоблений, идущих от условного тайного языка. Обыкновенно образность загадки идет от прямой выдумки. Функции загадок в быту современных людей — развлекательные и педагогические (в последнем случае налицо тоже синтез).

Доказывать художественность фольклорных *зрелищ* и фольклорного *театра* не приходится. Во всем разнообразии жанров и видов (игры, ряжения, вертеп, кукольные представления и проч.) этот род фольклора всегда обнаруживает художественную, зрелищную, «театральную» основу, хотя некоторые виды фольклорного ряжения, некоторые игры имеют свою «предысторию» — связь с обрядами, религиозными мистериями и светскими зрелищами. Относительно глубины древности традиций этого фольклора у специалистов существует ряд разноречивых гипотез, разнообразны и выводы, касающиеся самого времени возникновения фольклорных зрелищ у народов. Русский фольклорный театр по функциям типологически сходен с театральным фольклором многих других европейских народов. Наблюдается и прямое заимствование фольклора одним народом и другого. К примеру, из-за рубежа пришел к нам и полностью, до неузнаваемости «образцов» обрусел театр кукольных представлений с Петрушкой, вертепные представления.

Отдельный род художественных представлений образует так называемый *ярмарочный фольклор*. Все существенные свойства его жанров вышли из устных объявлений о начале торговли, из рекламы товара, из речей торговца, но утилитарность не повлияла на состав и характер ярмарочного торгового представления в такой степени, чтобы отрицать

у выкриков и прибауток торговцев самостоятельную установку и на развлечение. Тут снова мы имеем дело с синтезом разнородных начал и функций.

Свою область с многофункциональной педагогической направленностью, соединенной с художественным творчеством, образует *детский фольклор*. Его жанры распадаются на возрастные разряды. Специфичность детского фольклора состоит в том, что его художественность, как преобладающее свойство, как правило, не выступает отдельно от педагогической функции, сообразной с формированием сознания и психики подрастающего ребенка, воспитанием у него нравственных устоев. Включать же детский фольклор в разряд художественных явлений дает основание уже самый факт размежевания с такими формами творчества, какие сопряжены с физическими упражнениями и освоением речи и проч. Детскому фольклору присуща и функция так называемой *социализации* (через участие в отправлении календарных обрядов взрослых, игры, дразнилки, развлечения и шутки в общении сверстников и др.). Древность этих и подобных традиций у детского фольклора никогда никем не ставилась под сомнение, но, к сожалению, мы почти ничего не знаем о его состоянии в далеком прошлом. Известный нам детский фольклор образует область творчества с преобладанием игровых художественных начал, а соединение разнородных начал отмечено печатью обыкновенного синтеза.

К художественному песенному фольклору новейшей формации относятся *частушки* и *романсы*. Традиции их в фольклоре во многом сформировались под влиянием профессиональной художественной культуры (музыкальной и литературной). При всем том оба рода творчества остаются именно фольклором, так как усвоение свойств профессиональной музыкальной культуры и переработки авторских произведений не помешало возникновению у этого фольклора собственных традиций. Оба жанра возникли на исторической основе менявшейся в XIX—XX вв. культуры деревень и городов.

На стыке старинных традиций фольклора и новой культуры развились жанры *анекдота* и многообразные виды еще почти совсем не изученных *присловий* и *острот* — афористического творчества, обновившего традиции старинных паремий и отчасти слившегося с анекдотом. Ряд таких явлений несомненно связан с выполнением общемировоззренческих функций (на правах синтеза), но столь же несомненна и развлекательно-художественная функция их, иной раз становящаяся преобладающей: анекдотом можно развлекать так, как некогда развлекала сказка-новелла.

Деление фольклора и группировка его жанров в соответствии с историческими стадиями, через которые он прошел в своем многовековом развитии, позволяют системно разместить его образцы в хрестоматии под тремя общим рубриками:

— **бытовой обрядовый фольклор** (традиции древнейшей утилитарности и синкретизма);

— **необрядовый фольклор** (традиции мировоззренческого синкретизма);

— **художественный фольклор** (синтез искусств и быт).

К обоснованию исторического размещения материала по названным разрядам необходимо добавить, что многое может быть понято в истории фольклорных жанров, если при уяснении характера их традиций не будут оставлены в стороне и общеисторические условия, в которых развивалась восточнославянская и русская фольклорная культура. В сущности, дело касалось именно этого в опытах построения хрестоматий по истории фольклора (к примеру, в хрестоматии Н.П. Андреева¹).

Изучение фольклорных произведений не может игнорировать их прямые связи с конкретными историческими обстоятельствами, его породившими. Русский фольклор — творчество с исторической печатью славянского и русского своеобразия. Вненациональных свойств в фольклоре нет. Другое дело, что народно-национальные черты русского фольклора по *общим* бытовым, мировоззренческим, образно-поэтическим, стилевым качествам и свойствам могут быть сходными с фольклором других народов, в особенности с фольклором родственных по языку и культуре.

По мере образования единства русских земель на социально-экономической основе происходило отделение русской культуры и фольклора от культуры и фольклора украинцев и белорусов. Национальная специфика у фольклора возникала особо у каждого из восточнославянских народов — она проявилась в своеобразии трактовки жизненных тем, в образности и стиле. Раньше, чем у других, эта специфика возникла в фольклоре русского народа. Многие виды восточнославянского устного творчества рано сделались частью культуры великорусской народности и определили специфику нашего фольклора. Свои преемственные связи с фольклором Киевской Руси существуют и в устном творчестве ук-

¹ Русский фольклор. Хрестоматия для высших педагогических учебных заведений/Сост. Н.П. Андреев. М.; Л., 1936 (2-е издание, переработанное. М.; Л., 1938).

раинцев и белорусов. У каждого народа обновление общих фольклорных традиций шло своими путями.

Сообразно с социальным и культурным развитием история русского фольклора соотносится с периодами общего культурно-исторического развития: периодом единой Киевской Руси и времени раздробленности (IX—XIII вв.) — период длился до нашествия ордынских кочевников. В фольклоре по-своему отразилась борьба с завоевателями, собиравшие русские земли в северо-восточной Руси, создание централизованного Московского государства (XIV—начало XVII в.). Период возникновения новых общественных отношений (XVII—первая половина XIX в.) поставил хронологические рамки для ряда творческих процессов в фольклоре, равно как во всей культуре.

Периодизация социально-политического и экономического развития русской истории позволяет указать на временные границы, которыми отмечено возникновение новых свойств и особенностей в фольклоре, но общая историческая периодизация только частично совпадает с развитием фольклора по стадияльным состояниям. Ощущение относительной самостоятельности культурно-исторического развития фольклора заметно усилится, если принять во внимание, что каждый большой период в истории общества в свою очередь делится на менее крупные. Такое деление оказывается важным для истории отдельных родов и видов фольклора. Можно выделить фольклор времени укрепления и расцвета древнерусского государства (IX—XI вв.), фольклор времени раздробленности земель и краев (XII—XIII вв.), что весьма определенно сказалось на судьбах песенного эпоса. Борьба с татаро-монгольским нашествием, возникновение и расширение Московской Руси (XIV — начало XVII в.) тоже сказались на судьбах фольклора. Периодизация оказывается существенной для уяснения судеб историко-песенного творчества, возникновения внеобрядовой лирики, балладных песен. В XVII — первой половине XIX в., в свою очередь, произошло обновление фольклорных традиций, имели место изменения в лирике. Соотнесение с историческим развитием оказывается существенным для постижения новизны армейского фольклора (воинские песни), для рассмотрения сложения традиций духовных песен, романсовой лирики, народной драмы и театра. Социально-историческая новизна решительным образом сказалась на истории фольклора во второй половине XIX—начале XX в. Появился новый вид песенного творчества — *частушка* и широкой волной разлилось песнетворчество в жанре *городского романа*. В фольклоре XX столетия получили завершение изменения, касающиеся его «репертуарного» состава, произошли и функциональные изменения внутри жанров.

Для правильного понимания истории фольклора важно различать время *активной* жизни фольклора (его сложения и существования как творчества современности) и время *пассивного* бытования в качестве культурного наследства предшествующих эпох: в такие времена фольклорные произведения воспринимаются как память о прошлом, хотя в них и могли быть внесены частные изменения. Это соображение позволит верно определять хронологические границы, в пределах которых свершается сложение и развитие фольклорных жанров и отдельных произведений.

Все необходимые *чисто текстовые* исторические справки и пояснения, важные для установления хронологических примет и характеристик представленных в хрестоматии образцов фольклора, содержатся в пояснительных статьях к жанровым разделам, в примечаниях и в постраничных ссылках.

Остается сказать, что предлагаемая классификация родов и видов русского фольклора представлена составителем хрестоматии в научной и учебной литературе, в первую очередь — в учебнике «Русское устное народное творчество» (1-е издание, М.: «Высшая школа», 2001, 2-е издание, 2004). Сравнительно с другими книгами, находящимися в обиходе университетов и институтов, нов общий характер хрестоматии, предусматривающий учет эволюции самих фольклорных традиций, в учебный обиход вводятся и новые материалы, которые, однако, не выходят за пределы того, что предусмотрено изучением фольклора в соответствии с действующей программой университетского курса.

В фольклоре за долгие века существования много раз происходило образование его разных исторических пластов, но границы между ними заметны. Слои напоминают отложения разных земных пород, которые выступают по берегам рек. По этим пластам судят об истории земли, по аналогичным им мы судим об истории фольклора.

В.П. Аникин

Бытовой
обрядовый
фольклор

Традиции древнейшей утилитарности и синкретизма

Народная демонология (мифы)

Собирание мифов, сведений по народной демонологии в России, как и у других народов, началось поздно. С этим обстоятельством надо считаться и не относить к древности то, что появилось поздно. Если бы запись мифов была осуществлена в свое время, то мы предполагали бы куда более точными и обширными сведениями о ранних верованиях восточнославянских племен. При всем том в древнем происхождении народной демонологии никогда не было сомнений, хотя при ближайшем знакомстве с мифическими рассказами о домовом, лешем, водяном и других сверхъестественных «персонажах» заметны существенные подновления. Наиболее важным стало влияние христианства. Гонимое язычество причудливо соединилось с новой верой. На прежнюю религию лег слой поздних понятий и представлений. И все же языческие понятия и представления удержали в себе архаические элементы. Консервации способствовали медленные изменения в быту. Сопоставительный анализ отрывочных сведений, зафиксированных первыми грамотными людьми, с наблюдениями бытописателей XVIII—XX вв. свидетельствует о сохранности ряда древних демонологических понятий и представлений.

Демонология — сложное соединение религиозных, природоведческих и бытовых понятий народа. Художественное начало обнаруживается в них без намерения людей представить придуманное. Изначальный взгляд на мир присутствует в заговорах, бывальщинах, магии, преданиях, быличках, легендах, календарных и бытовых приметах, ритуальных песнях, исполняемых на свадьбах, в причитаниях — во всем фольклоре. В измененном виде архаика присутствует и в формообразующих элементах художественного фольклора (в сказках, загадках, зрелищах и других видах чисто поэтического

творчества), в бытовых обыкновениях позднего времени. Демонология — обширная область верований, суеверий и понятий человека об окружающем мире.

Составить понятие о свойствах и особенностях демонологии можно, ознакомившись с обстоятельными описаниями, осуществленными вдумчивыми знатоками быта, языка и обычаев народа. Среди них в первую очередь следует назвать Владимира Ивановича Даля (1801—1872), Сергея Васильевича Максимова (1831—1901). Из литературного наследия этих писателей-этнографов взяты систематизированные сведения. Они извлечены: из обзорной работы В.И. Даля «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа» (первоначальная публикация в виде разрозненных журнальных статей в 1845—1846 гг., напечатанных с просветительской целью, что сказалось на стиле и попутных соображениях автора), из знаменитого труда С.В. Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила» (1903), художественного по многим свойствам стиля. Достоверности сообщений не помешало свободное изложение. Они будут полезны при изучении демонологии по их связи с охарактеризованным народным бытом.

Авторские добавления к тексту всюду оговорены. Остальные примечания им не принадлежат.

1

В.И. Даль

ДОВОМОЙ

*Домовой, домовик, дедушка, старик, постен или постень*¹, также *лизун*², когда живет в подполье с мышами, — а в Сибири *суседко*, — принимает разные виды; но обыкновенно это плотный, не очень рослый мужичок, который ходит в коротком смуром зипуне³, а по праздникам и в синем кафтане с алым поясом. Летом также в одной рубашке; но всегда босиком и без шапки, вероятно потому, что мороза не боится и притом всюду дома. У него порядочная седая борода, волосы острижены в скобку, но довольно косматы и частью застилают лицо. Домовой весь оброс мягким пушком, даже

¹ *Постён, постень* — от *стена*, в псковских и новгородских говорах: *постенный сторож* — сторож, охранитель, дедушка, хояин, домовый.

² *Лизун* — в народном языке смысл слова многозначен: в частности — уничтожить, слизнуть, испортить: вероятно, отсюда произошло сближение с грызунами.

³ *Смýрый зипу́н* — зипун: верхняя одежда на меху или из меха; смурый — темно-серый.

подошвы и ладони; но лицо около глаз и носа нагое. Косматые подошвы выказываются иногда зимой, по следу, подле конюшни; а что ладони у домового также в шерсти, то это знает всякий, кого дедушка гладил ночью по лицу: рука его шерстит, а ногти длинные, холодные. Домовой по ночам иногда щиплетя, отчего остаются синяки, которые, однако, обыкновенно не болят; он делает это тогда только, когда человек спит глубоким сном. Это поверье весьма естественно объясняется тем, что люди иногда, в работе или хозяйстве, незаметно зашибаются, забывают потом об этом, и, увидев через день или более синяк, удивляются ему и приписывают его домовому. Иные, впрочем, если могут опаматоваться, спрашивают домового, когда он щиплетя: любя или не любя, к добру или к худу? — и достаиваются ответа, а именно: домовый плачет или смеется; гладит мохнатой рукой или продолжает зло щипаться; выбранит или скажет ласковое слово. Но домовый говорит очень редко; он гладит мохнатой рукой к богатству, теплой к добру вообще, холодной или шершавой, как щетка, к худу. Иногда домовый просто толкает ночью, будит, если хочет уведомить о чем хозяина, и на вопрос: что доброго? — предвещает теми же знаками добро или худо. Случается слышать, как люди хвалятся, что домовый погладил их такой мягкой ручкой, как собольим мехом. Он вообще не злой человек, а больше, причудливый проказник: кого полюбит или чей дом полюбит, тому служит, ровно в кабалу к нему пошел; а уж кого невлюбит, так выживет и, чего доброго, со свету сживет. Услуга его бывает такая, что он чистит, метет, скребет и прибирает по ночам в доме, где что случится; особенно он охоч до лошадей: чистит их скребницей, гладит, холит, заплетает гривы и хвосты, подстригает уши и щетки¹; иногда он сядет ночью на коня и задал конец², другой по селу. Случается, что кучер или стремянный³ сердятся на домового, когда барин бранит их за то, что лошадь ездой или побужкой испорчена; они уверяют тогда, что домовый наездил так лошадь, и не хуже цыгана сбил рысь на иноходь или в три ноги. Если же лошадь ему не полюбитя, то он обиждает ее; не дает есть, ухватит за уши, да и мотает голову; лошадь бьется всю ночь, топчет и храпит; он свивает гриву в колтун⁴ и, хоть день за день расчесывай,

¹ *Щетка* — пучок волос над копытным сгибом.

² *Конец (задать)* — проехать всю улицу.

³ *Стремянный* — помощник, подающий всаднику коня, помогающий вдеть ногу в стремя, принимающий коня при приезде.

⁴ *Колтун* — путаница волос в космы, с трудом расчесываемые, болезнь.

он ночью опять собьет хуже прежнего, лучше не тронь. Это поверье основано на том, что у лошади, особенно коли она на плохом корму и не в холе, действительно иногда образуется колтун, который остригать опасно, а расчесать невозможно. Если домовый сядет на лошадь, которую не любит, то приведет ее к утру всю в мыле, и вскоре лошадь спадет с тела. Такая лошадь пришлась *не по двору*, и ее непременно должно сбить. Если же очень осерчает, так перешибет у нее зад, либо протащит ее бедную в подворотню, вертит и мотает ее в стойле, забьет под ясли¹, даже иногда закинет ее в ясли кверху ногами. Нередко он ставит ее и в стойло занузданную, и иному барину самому удавалось это видеть, если рано пойдет на конюшню, когда еще кучер, после ночной погулки, не успел проспать и опохмелиться. Ясно, что все поверья эти принадлежат именно к числу мошеннических и служат в пользу кучеров. Так, например, кучер требовал однажды от барина, чтобы непременно обменять лошадь на другую, у знакомого барышника, уверяя, что эту лошадь держать нельзя, ее домовый невзлюбил и изведет. Когда же барин, несмотря на все явные доводы и попытки кучера, не согласился, а кучеру не хотелось потерять обещанные могоарычи², то лошадь точно, наконец, взбесилась вовсе, не вынесши мук домового, и околе-ла. Кучер насыпал ей несколько дробей в ухо; а как у лошади ушной проход устроен таким изворотом, что дробь эта не может высыпаться обратно, то бедное животное и должно было пасть жертвою злобы мнимого домового. Домовой любит особенно вороных и серых лошадей, а чаще всего обижает соловых и буланых.

Домовой вообще хозяйничает исключительно по ночам; а где бывает днем, это неизвестно. Иногда он забавляется, как всякий знает, вскочив сонному коленями на грудь и, принявшись, ни с того, ни с сего, душить человека; у других народов есть для этого припадка название альц, кошмар, а у нас нет другого, как *домовой душил*. Он, впрочем, всегда отпускает душу на покаяние и никогда не душит насмерть. При этом домовый иногда бранится чисто по-русски, без зазрения совести; голос его грубый, суровый и глухой, как будто раздается вдруг с разных сторон. Когда он душит, то отогнать его можно только такую же русскою бранью; кто может в это время произнести ее, того он сей же час покидает, и это верно: если в сем припадке удушья сможешь заговорить, бранное или небранное, то всегда опомнишься и можешь встать. Иные и в это

¹ Ясли — устройство для закладки коням сена.

² Могоарыч, магарыч — взятка, подношение.

время также спрашивают: к добру или к худу? — и дедушка завывает глухо: к ху-у-ду! Вообще, он более знает с мужчинами, но иногда проказит и с бабами, особенно если они крикливы и бестолковы. Расхаживая по дому, он шаркает, топаёт, стучит, гремит, хлопает дверьми, бросает, чем попало, со страшным стуком; но никогда не попадает в человека; он иногда подымает где-нибудь такую возню, что хоть беги без оглядки. Это бывает только ночью, в подполье, в клети¹, сенях, чулане, в порожней половине, или на чердаке; иногда он стаскивает и сваливает ворохом все, что попадет. Перед смертью хозяина, он садится иногда на его место, работает его работу, надевает его шапку; поэтому, вообще, увидеть домового в шапке — самый дурной знак. Перебираясь в новый дом, должно, перекрестившись в красном углу, оборотиться к дверям и сказать: «Хозяин домовый, пойдем со мной в дом». Коли ему полюбит жизнь, то станет жить смиренно и ходить около лошадей; а нет, так станет проказить. Голоса его почти никогда не услышишь, разве выбранит кого-нибудь, или зааукает на дворе, либо станет дразнить лошадей, заржав по-кониному. Следы проказ его нередко видны и днем: например, посуда вся очутится за ночь в поганом ушате, сковородники² сняты с древка и надеты на рога ухвата, а утварь сиделая, столы, скамьи, стулья переломаны либо свалены все в одну кучу. Замечательно, что домовый не любит зеркала; иные даже полагают, что его можно выкурить этим средством из такой комнаты, где он много проказит. Но он положительно не терпит сорок, даже мертвых, почему и полезно подвешивать на конюшне убитую сороку. В каких он сношениях с козлом, неизвестно; но козел на конюшне также удаляет или задабривает домового. В этом поверье нет однако же связи с тем, что козел служит ведьме; по крайней мере никто не видал, чтобы домовый ездил на козле. Иные объясняют поверье это так: лошади потеют и болеют, если в конюшне водится ласочка³, которая в свою очередь будто не любит козла и от него уходит.

В иных местах никто не произнесет имени домового, и от этого обычая не поминать или не называть того, чего боишься, как, например, лихорадку, — домовый получил столько иносказательных кличек, в том числе почетное звание *дедушки*. В некоторых местах

¹ *Клеть* — холодная половина избы.

² *Сковорóдник* — древко с крюком, служит для сажения сковороды в печь, доставания ее.

³ *Ласочка, ласка* — животное типа хорька.

дают ему свойство оборотня и говорят, что он катится иногда комом снега, клочком сена, или бежит собакой.

Для робких домовой бывает всюду, где только ночью что-нибудь скрипнет или стукнет; потому что и домовой, как все духи, видения и привидения, ходит только в ночи, и особенно перед светом; но, кажется, что домовой не стесняется первым криком петуха, как большая часть прочих духов и видений. Для недогадливых и невежд, домовой служит объяснением разных непонятных явлений, оканчивая докучливые спросы и толки. А сколько раз плуты пользовались и будут пользоваться покровительством домового! Кучера, под именем его, катаются всю ночь напролет и заганивают лошадей, или воруют и продают овес, уверяя, что домовой замылил лошадь или не дает ей есть; а чтобы выжить постылого постояльца или соседа, плутоватый хозяин не раз уже ночи три или четыре напролет возился на чердаке в сенах и конюшне и достигал иногда цели своей. Нередко, впрочем, и случайные обстоятельства поддерживают суеверие о домовом. <...>

В народе есть поверье о том, как и где домового можно увидеть глазами, если непременно захотеть; должно выскать (скатать) такую свечу, которой бы стало, чтобы с нею простоять в страстную пятницу у страстей, а в субботу и в воскресенье у заутрени; тогда между заутрени и обедни, в светлое воскресенье, зажечь свечу эту и идти с нею домой, прямо в хлев или коровник: там увидишь дедушку, который сидит, притаившись в углу, и не смеет тронуться с места. Тут можно с ним и поговорить.

2

ВОДЯНОЙ

Водяной, водовик или водяник, водяной дедушка, водяной черт, живет на больших реках и озерах, болотах, в тростниках и в осоке, иногда плавает на чурбане или на корчаге; водится в омутах и в особенности подле мельниц. Это нагой старик, весь в тине, похожий обычаями своими на лешего, но он не оброс шерстью, не так назойлив и нередко даже с ним бранится. Он ныряет и может жить в воде по целым дням, а на берег выходит только по ночам. Впрочем, водяной также не везде у нас известен. Он живет с русалками, даже почитается их большаком, тогда как леший всегда живет одиноко и кроме какого-нибудь оборотня, никого из собратьев своих около себя не терпит. О водяном трудно собрать подробные сведения; один только мужик рассказывал мне об нем, как очевидец, — другие

большею частью только знали, что есть где-то и водяные, но Бог весть где. Водяной довольно робкий старик, который смел только в своем царстве, в омуте, и там, если осерчает, хватает купальщиков за ноги и топит их, особенно таких, которые ходят купаться без креста, или же не в указанное время, позднюю осенью. Он любит сома и едва ли не ездит на нем; он свивает себе иногда из зеленой куги¹ боярскую шапку, обвивает также кугу и тину вокруг пояса и пугает скотину на водопое. Если ему вздумается оседлать в воде быка или корову, то она под ним подламывается и, увязнув, издыхает. В тихую, лунную ночь, он иногда, забавляясь, хлопает ладонью звучно по воде, и гул слышен на плесу издавеча. Есть поверье, что если сесть у проруба на воловью кожу и очертиться вокруг огарком, то водяные, выскочив в полночь из проруба, подхватывают кожу и носят сидящего на ней, куда он загадает. При возвращении на место, надо успеть зачурать: *чур меня!* Однажды ребяташки купались под мельницей; когда они уже стали одеваться, то кто-то вынырнул из-под воды, закричал: «Скажите дома, что Кузька помер!» — и нырнул, ребяташки пришли домой и повторили отцу в избе слова эти: тогда вдруг кто-то с шумом и криком *ай, ай, ай* соскочил с печи и выбежал вон: это был домовый, а весть пришла ему о ком-то от водяного. Есть также много рассказов о том, что водяной портит мельницы и разрывает плотины, а знахари выживают его, высыпая по утренним и вечерним зарям в воду по мешку золы.

3

ОБОРОТЕНЬ

Оборотень — на Украине *вовкулака* — какой-то недобрый дух, который мечется иногда человеку под ноги, или поперек дороги, как предвестник беды. От него крестятся и отплеваются. Он никогда не является иначе, как на лету, на бегу, и то мельком, на одно мгновение, что едва только успеешь его заметить; иногда с кошачьим или другим криком и воем, иногда же он молча подкатывается клубком, клочком сена, комом снега, овчиной и проч. Оборотень перекидывается, изменяя вид свой, во что вздумает, и для этого обыкновенно ударится наперед оземь; он перекидывается в кошку, в собаку, в сову, петуха, ежа, даже в клубок ниток, в кучу пакли и в камень, в копну сена и проч. Изредка в лесу встречаешь его страшным зверем или чудовищем; но всегда только мельком, пото-

¹ *Куга* — болотное безлистное круглостебельное растение.

му он никогда не даст рассмотреть себя путем. Нередко он мгновенно, в глазах испуганного насмерть прохожего, оборачивается несколько раз то в то, то в другое, исчезая под пнем или кустом, или на ровном месте, на перекрестке. Днем очень редко удастся его увидеть, но уже в сумерки он начинает проказить и гуляет всю ночь напролет. Перекидываясь или пропадая внезапно вовсе, он обыкновенно мечется, словно камень из-за угла, со странным криком, мимо людей. Некоторые уверяют, что он-то есть коровья смерть, чума, и что он в этом случае сам оборачивается в корову, обыкновенно черную, которая гуляет со стадом, под видом приبلуды или пришатившейся, и напускает порчу на скот. Есть также поверье, будто оборотень — дитя, умершее некрещеным, или какой-то веротступник, коего душа нигде на том свете не принимается, а здесь гуляет и проказит поневоле. В некоторых местах, на севере, оборотня называют кикиморой; ведьме и домовому иногда приписывают также свойства оборотня. Из всего этого видно, что если мужик видел что-нибудь в сумерки или ночью и сам не знает что, — то это бесспорно был оборотень.

4

РУСАЛКА

Русалка — также *чертовка*, или *шутовка*, или *водява*, что означает почти то же, потому что тут у мужиков говорится именно взамен недоброго слова черт. Русалка почти отовсюду вытеснена людьми; а она любит пустые и глухие воды. Нигде почти не найдете вы теперь такого места, где бы, с ведома жителей, поныне водились русалки; или они были тут когда-то и перевелись, или вам укажут, во всяком месте, на другое — а тут-де нет их. На Украине их считают девочками, умершими без крещения; в других местах полагают, что каждая утопленница может обратиться в русалку, если покойница была такова при жизни; или когда девка утонула, купаясь без креста, причем полагают, что ее уташил водяной; опять иные считают русалок вовсе не людского поколения, а нечистыми духами или даже просто навождением дьявольским. На юге у нас русалка вообще не зла, а более шаловлива; напротив, великорусская русалка или шутовка, особенно же северная, где она и называется не русалкой, а просто чертовкой, злая, опасная баба и страшная неприятельница человеческого рода. При таком понятии о них, их представляют иногда безобразными; но вообще русалки большею частью молоды, стройны, соблазнительно хороши: они хо-

дят нагие, или в белых сорочках, но без пояса¹, с распущенными волосами², зелеными, как иные утверждают; живут дружно, обществами, витают под водой, но выходят и на берег; резвятся, поют, шалят, хохочут, качаются на ближних деревьях, вьют плетеницы³ из цветов и украшаются ими, и если залучат к себе живого человека, которого стараются заманить всеми средствами, то щекочут его, для потехи своей, до смерти. Иные утверждают, что у русалок между перстов есть перепонка как у гуся; другие — даже, что у нее, вместо ног, раздвоенный рыбий хвост. Они манят к себе прохожего, если он ночью подойдет к ним — днем они почти не выходят — иногда гоняются за ним, но далеко от берега реки или озера не отходят, потому что боятся обсохнуть. Если при русалке есть гребень, то она может затопить и сухое место: доколе она чешет мокрые волосы, дотоле с нее все будет струиться вода; если же на русалке и волоса обсохнут, то она умирает. Следы этих шаловливых подружек остаются изредка на мокром песке; но это можно только видеть, застав их врасплох: в противном случае они перерывают песок и заглаживают следы свои. Где верят в водяного, там считают его атаманом русалок. Но они, бедненькие, очень скучают без мужчин и все их затеи клонятся к тому, чтобы залучить человека и зачекотать его насмерть. Сказывают, что они иногда от скуки перенимают заночевавшее на воде стадо гусей и завертывают им на спине, как шаловливые школьники, одно крыло за другое, так что птица не может сама расправить крыльев; они же, сидя в омутах, путают у рыбаков сети, выворачивают мотню⁴ и скатывают их с речной травой. Вообще, полная власть шаловливым русалкам дана во время Русальной недели, которая следует за Троицыным днем и до заговенья. Первое воскресенье за Троицей также называется русальным. Это время, по народному мнению, самое опасное, так что боятся выходить к водам и даже в леса. Кажется, несправедливо — как иные полагают — будто русалки хозяйничают до Петрова дня и будто они, по народному мнению, девочки лет семи: этих поверьев я не встречал нигде. На юге, русалка взрослая девушка, красавица; на севере чертовка стара, или средних лет и страшна собой. На Ук-

¹ Пояс — оберег, подпоясанный человек ставил себя под защиту; отсутствие пояса — знак приобщения к иному миру или принадлежности к нему.

² Непокрытые волосы — характерный признак принадлежности к миру нечистых существ; замужним женщинам запрещали выходить во двор без платка.

³ Плетеніца — венок.

⁴ Мотня — мешок посередине рыболовной сети.

раине, в продолжение клечальной¹ недели, есть разные игры в честь русалкам, кои в это время бегают далече в леса и поля, топчут хлеб, кричат, хлопают в ладоши и проч. И.П. Сахаров² напечатал песни русалок, бессмысленные слова или звуки, отзывающиеся украинским или белорусским наречием (языком. — В.А.).

5

ВЕДЬМА

Ведьма известна, я думаю, всякому, хотя она и водится собственно на Украине, а Лысая гора, под Киевом, служит сборищем всех ведьм, кои тут по ночам отправляют свой ша́баш. Ведьма тем разнится от всех предыдущих баснословных лиц, что она живет между людьми и, ничем не отличаясь днем от обыкновенных баб или старых девок, кроме небольшого хвостика, ночью расчесывает волосы, надевает белую рубашку, и в этом наряде, верхом на помеле, венике или ухвате, отправляется через трубу на вольный свет, либо по воздуху, либо до Лысой горы, либо доить или портить чужих коров, портить молодцов, девок и проч. Ведьма всегда злодейка и добра никогда и никому не делает. Она — в связи с нечистой силой, для чего варит травы и снадобья в горшке, держит черную кошку и черного петуха; желая оборотиться во что-либо, она кувыркается через 12 ножей. Ведьма не только выдаивает коров, но даже, воткнув нож в соху, цедит из нее молоко, а хозяйская корова его теряет. Если сорока стрекочет, то беременной женщине выходить к ней не должно: это ведьма, которая испортит, или даже выкрадет из утробы ребенка. Из этого следует, что ведьма перекидывается также в сороку, и, может быть, от этого сорока противна домовому, для чего и подвешивается в конюшне. Ведьме, для проказ ее, необходимы: нож, шалфей, рута, шукура, кровь и когти черной кошки, убитой на перекрестке, иногда также и трава тирлич. Ведьма варит зелье ночью в горшке и, ухватив помело, уносится с дымом в трубу. Ведьма иногда крадет месяц с неба, если его неожиданно заволакивает тучами или случится затмение; она крадет дожди, унося их в мешке или в завязанном горшке; крадет росу, посылает град и бурю, и проч. Есть на Украине преда-

¹ *Клечальная* — от *кльч* (стебель). *Клечальная*, *клечаная* — в приложении к неделе, когда празднуется праздник Святого Духа и Святой Троицы, указывает на березы и цветы, которыми украшают дома и самую церковь.

² Сахаров Иван Петрович (1807—1863) — один из первых собирателей и публикаторов русского фольклора: «Сказания русского народа» и др.

ние, взятое, как говорят, из актов: злая и пьяная баба, поссорившись с соседкой, пришла в суд и объявила, что та украла росу. По справке оказалось, что накануне росы точно не было, и что обвиняемая должна быть ведьма. Ее сожгли. Проспавшись, баба пришла в суд каяться, что поклепала на соседку, а судьи, услышав это, пожалы плечами и ударили об полы руками, сказав: *от тоби раз!*

Ведьме удается иногда оседлать человека, и он, увлекаемый чарами ее, везет ее на себе через трубу и возит по свету до упаду. Есть и обратные примеры, то есть, что осторожный и знающий человек выезжал на ведьме, как мы видим из рассказов Гоголя. Все это приближает ведьму к разряду знахарок, ворожей и колдунов, давая ей иное значение, чем поверьями дано прочим баснословным лицам. Ведьма есть олицетворенное понятие о злой и мстительной старухе, и злые бабы пользуются суеверием людей. Много было примеров, что вместо мнимой ведьмы ловили злую соседку на том, как она перевязывает вымя у коровы волоском, или выходит ночью в одной рубахе, без опояски, босиком, распустив космы, пугать, с каким-либо намерением, суеверных. Много страшного рассказывают о последнем смертном часе ведьм, и в этом отношении они также сравниваются со знахарями и кудесниками: душа не может расстаться с телом, и знающие люди принимают тут различные меры — вынимают доску из потолка, раскрывают угол крыши. Есть также поверье, что ведьмы встают и бродят после смерти, как и колдуны; что ведьму можно приковать к месту, притянув тень ее гвоздем; что ее должно бить наотмашь, т.е. от себя, оборотив ладонь, и, наконец, поверье смешивает ведьм иногда с упырями, известными исключительно на Украине и у южных славян, и говорят, что ведьмы также по смерти сосут кровь из людей или животных и этим их морят. Для этого с ними поступают так же, как с колдунами: перевертывают в могиле ничком и пробивают насквозь осиновым колом между лопаток. Ведьму отчасти смешивают также с *вовкулаками*, или оборотнями, рассказывая, что она иногда подкапывается под ноги клубком, или перекидывается в собаку, волка, свинью, сороку, даже в копну сена. Ведьмы же и сами портят людей и делают из них оборотней. Есть рассказы о том, что, снимая шкуру с убитой волчицы или с медведицы, к общему изумлению людей, находили не волчью тушу, а бабу в сарафане, или в юбке и запаске¹. Если найти черную кошку, без единого белого волоска, сварить ее и выбрать все кости, то можно найти кость, невидимку,

¹ *Запáска* — женский передник, а также два куска шерстяной домотканны (место юбки, паневы).

которая служит ведьме: сядь против зеркала и клади сподряд все косточки попеременно в рот; как попадешь на невидимку, так и сам исчезнешь в зеркале. Иные велят вместо этого просто варить кости черной кошки по ночам, покуда все истают, а одна только невидимка останется.

Известны неистовства, которые в прежние времена происходили по случаю обвинения какой-либо бабы в том, что она ведьма; это в особенности случалось в южной Руси. Нет той нелепицы, какую бы не придумывали люди, от злобы, глупости, с отчаянья или с хитрым умыслом, для искоренения ведьм и для исправления настроенных ими бед. В старину народ верил, что ведьмы или другого рода колдуньи могут держать обилие, т. е. заключать в себе и хранить огромные запасы денег, жита и даже зверков, доставлявших промышленникам богатый пушной товар; на Украине подобное суеверие встречается иногда поныне, в особенности же относительно дождей и урожая.

Трава чернوبыльник, по народному поверью, противна ведьмам и охраняет от них двор и дом.

Общее и единогласное поверье утверждает, что в Москве нет сорок. По этому поводу ходит много разных преданий: говорят, что сорока выдала боярина Кучку¹, убитого в лесу на том месте, где теперь Москва, и что сорока за это проклята была умирающим; другие рассказывают, что митрополит св. Алексий² запретил сорокам летать на Москву, потому именно, что под видом сорок залетали туда ведьмы; и наконец, есть предание, будто они прокляты за то, что у одного благочестивого мужа унесли с окна последний кусок сыра, которым он питался.

Таинственные песни ведьм, состоящие из вымышленных, бессмысленных слов, находятся в известном издании И.П. Сахарова³. На Украине же переходят по преданию счет, будто бы употребляемый ведьмами: *одион, другиан, тройчан, черичан, подон, лодон, сукман, дукман, левурда, дыкса; одино, попино, двикикры, хайнам, дайнам, сповелось, сподалось, рыбчин, дыбчин, клек.*

¹ Кучко Степан Иванович — суздальский боярин, владел селами у Москвы. Юрий Долгорукий устранил его и завладел его селами.

² Св. Алексий — митрополит Киевский и всея Руси (1292—1378).

³ Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. (Последнее переиздание: М., 1989.)

ЧЕРТИ-ДЬЯВОЛЫ (БЕСЫ)

В народном сознании глубоко укоренилось верование, что сонмы злых духов неисчислимы. Очень мало на Божьем свете таких заповедных святых мест, в которые они не дерзали бы проникать; даже православные храмы не освобождены от их дерзких нашествий. Эти бесплотные существа, олицетворяющие собою самое зло, — исконные враги человеческого рода; они не только наполняют безвоздушное пространство, окружающее вселенную, не только проникают в жилища, делая многие из них необитаемыми¹, но даже вселяются в людей, преследуя их беспрестанными искушениями.

Насколько многочисленны эти незримые людские ненавистники, можно судить по богатству самых разнообразных прозвищ этой нежити, лукавой и нечистой силы. Более чем к сорока именам черта, насчитанным В. И. Далем (в его «Толковом словаре великорусского языка»²), еще следует присоединить тот десяток духов, которым присвоены имена и предназначены определенные места для пребывания, и сверх того перечислить те прозвища, которые вращаются в живом народном языке, но еще не подслушаны и не уловлены³. Повсеместное же пребывание чертей и их свободное про-

¹ Например, трудно представить себе любой большой русский город, в котором не указывали бы на дома, населенные чертями и покинутые по причине разных проказ нечистой силы, производящей шум и возню, швыряющей камнями, щепой, песком и т. п. (Примечание С.В. Максимова.)

² Злой дух, демон, сатана, диавол, вельзевул, царь или князь тьмы, царь ада, преисподней; змий, крошешный, враг, ворог, вражья сила, недруг, неистовый, лукавый, нечистый, луканька, не-наш, недобрый, нелегкий, нечистая сила, неладный; соблазнитель, блáзнитель, морóка, марá, ляхой, игрец, шут, шайтан; черная, нéключимая сила, некошной, ненавистник рода человеческого, наше место свято (из статьи «Бес»// «Толковый словарь живого великорусского языка». Т. I. М., 1981. С. 157). И добавочное: шиликун, шиш, шишига, отяпа, хóхлик (статья «Черт», там же. Т. IV. С. 597).

³ Вот для любознательных эти названия: агорянин или огарянин (Орловской губ. и уезда), бес, нежить, нечисть, злой дух, демон, сатана, дьявол, черт, вельзевул, царь тьмы, князь тьмы, царь ада, царь преисподней, змий, крошешный, враг, «тот», «он», ворог, вражья сила, недруг, неистовый, лукавый, нечистый, луканька, не-наш, недобрый, недобрник, нелегкий, нелегкая, нечистая сила, нечестивый, неладный, соблазнитель, блáзнитель, мóрока, марá, лихой, игрец, шут, шайтан, черная сила, черный, неключимая сила, некошной (т. е. не чистый, или поганый), ненавистник рода человеческого, леший, лесовик, дворовый, банник, гуменник, кикимора, русалка, полевой, полевик, водяной, хозяин, хохлик, шиш, шишимора, шишига, шиликун, отяпа, летучий, огненный змей, несветик, рога-тый, пралик, немыйтый, немыйтик, левый, идол, окаянка, окаяшка, шехматик, супротивник, нехороший, анчутка беспяятий, родимец, супостат, шутошка, дерг (в Шуйском уезде Владимирской губ. «д» вместо «ч»), т. е. черт (Примечание С.В. Максимова.)

никновение повсюду доказывается, между прочим, существованием общих верований и обычаев, усвоенных на всем пространстве великой православной Руси. Так, например, в деревенских избах почти невозможно найти таких сосудов для питьевой воды, которые не были бы покрыты если не дощатой крышкой или тряпицей, то, в крайнем случае, хоть двумя лучинками, положенными «крест на крест, чтобы черт не влез». Равным образом среди русского простонародья нелегко натолкнуться на такого рассеянного или забывчивого человека, который, зевнувши, не перекрестил бы своего рта, чтобы святым знамением заградить туда вход нечистому духу. То же самое, с произнесением слов «свят, свят, свят», исполняется и во время грозы при каждом раскате грома, так как черт боится молнии и прячется за спину людей, чтобы Господь не поразил его. Эти обычаи и приемы, может быть, столь же древние, как само христианство на Руси, поддерживались потом более позднейшими, но столь же почтенной старины народными легендами¹.

Обратимся к описанию многообразных коварств и разнообразнейших походов этих духов дьявольской породы, не ограниченных в своей деятельности указаниями явно определенного места (как дома, леса, воды и пр.) и точно обозначенного времени.

І. Дома

Хотя чертям для их походов и отведена, по народному представлению, вся поднебесная, тем не менее и у них имеются излюбленные места для постоянного или особенно частого пребывания. Охотнее всего они населяют те трущобы, где дремучие леса разрежаются сплошными полосами недоступных болот, на которые никогда не ступала человеческая нога и лишь осторожно шагают длинноногие болотные птицы. Здесь, на трясиных или заглохших и заросших озерах, где еще сохраняются пласты земли, сцепленные корнями водорослей, человеческая нога быстро тонет, а неосторожного

¹ Одна из таковых, чисто великорусского происхождения и повсеместно распространенная, повествует, что некий святой подвижник (по преданиям Поволжья, Андрей Блаженный) встретил беса, всего выпачканного.

— Иди обмойся водой речной, — посоветовал святой, — что ты таким пакостным ходишь?

— К реке меня не пускает ангел, а велит идти в ту первую избу, где стоит непокрытая кадка с водой и где она не ограждена крестным знамением. Туда я и иду. Мы ведь там всегда и обмываемся.

Порченные и кликушки во время припадков беснования громогласно, при всем народном множестве, определяют, даже подлинным счетом, число бесов, которые залетели к ним через рот и гложут их животы (чаще всего сорок). (Примечание С.В. Максимова.)

охотника и дерзкого путника засасывает вглубь подземная сила и прикрывает сырым и холодным пластом, как гробовой доской. Тут ли не водиться злой дьявольской силе и как не считать чертям такие мочаги, топи, ходуны-трясины и крепи-заросли благоприятными и роскошными местами для надежного и удобного жительства?

— Отчего ты, черт, сидишь всегда в болоте? — спрашивает обездоленный болотистой и мокрой родиной белорус своего рогатого и хвостатого черта.

— Привык! — коротко и ясно отвечает тот, и отвечает как за себя лично, так и за других, столь же неохотно переменяющих старое и насиженное место жительства на неизвестное, хотя бы и лучшее, новое.

— В тихом болоте черти водятся, — непременно верят великорусы.

— Было бы болото (подкрепляют они, с другой стороны), а черти будут.

— Не ходи при болоте: черт уши обколотит, — доброжелательно советует третья из множества и столь же распространенная поговорка¹.

— И вылез бы черт из болота, и пошел бы в деревню к мужику на свадьбу, да попа боится, — выдают за истинно проверенное наблюдение.

Болотные черти живут семьями; имеют жен, плодятся и множатся, сохраняя свой род на бесконечные времена. С их детьми, бойкими и шустрыми чертенятами (хохликами), такими же черными (в отличие от немецких красеньких)², мохнатыми и в шерсти, с двумя острыми рогами на макушке головы и длинным хвостом, не только встречались деревенские русские люди, но и входили с ними в разнообразные сношения. Образчики и доказательства тому в достаточном количестве разбросаны в народных сказках и, между прочим, в известной всем пушкинской сказке о работнике Балде. Один солдат, строгих николаевских времен, пронесил чертенка в тавлинке³ целый год со днем. Некоторые уверяют, что чер-

¹ Из подобных поговорок в народе возвращаются, например, еще следующие: «Навели на беса, как бес на болото»; «Ходит черт по мхам, по борам, по болотам»; «Всякий черт свое болото хвалит»; «Вольно черту на своем болоте орать»; «Иной ворочает в доме, как черт в болоте, и правит домом, как тот же черт болотом»; «Гнилого болота и черт боится» и т. д. (*Примечание С.В. Максимова.*)

² У наших чертей красным бывает только колпак на голове. (*Примечание С.В. Максимова.*)

³ *Тавлинка* — табличка, берестяная табакерка.

ти — востроголовые, как птицы сычи, а многие, сверх того, уверены, что эти духи непременно хромы. Они сломали себе ноги еще до сотворения человека во время сокрушительного падения всего сонма бесов с неба¹. Так как на землю был свержено нечистой силы очень много, то она, во избежание вражды и ссор, очертила свои владения кругом. Этот круг возымел особое действие и силу: всякий, попавший в него и переступивший след нечистого, обязательно блуждает и без помощи особых средств из него не выйдет и не избавится от дьявольского наваждения.

Когда народная фантазия наделила чертей многими человеческими свойствами, последовательность воображения потребовала изобретения дальнейших сходств и уподоблений. Бесспорно решено, что эти духи подвержены многим людским привычкам и даже слабостям: любят ходить в гости друг к другу, не прочь попить с развалом². На своих любимых местах (перекрестках и росстанях дорог) черти шумно справляют свадьбы (обыкновенно с ведьмами) и в пляске подымают пыль столбом, производя то, что мы называем вихрями. При этом люди, бросавшие в такие пыльные столбы ножи или топоры, удачно разгоняли свадьбу, но на том месте находили всегда следы крови, и после того какая-нибудь слыvuщая ведьмой колдунья долго ходила либо с обвязанным лицом, либо с подвязанной рукой. На пирах, устраиваемых по случаю особенных побед над людьми, равно как и на собственных свадьбах, старые и молодые черти охотно пьют вино и напиваются; а сверх того, любят курить табак, получаемый в дар от догадливых и трусливых людей³. Самое же любимое занятие, превратившееся у чертей в неутолимую страсть, — это игра в карты и кости. В игре для чертей нет удержу и не установлено законов: проигрывают все, что есть за душой (а душа им полагается настоящая, почти такая же, как у людей). Впрочем, если пойдет дело на полную откровенность, то окажется, что дьявольская сила виновна в изобретении и самого вина, и табачного зелья, да и нечистая игра в карты с передержкой и подтасовкой отнесена прямо к бесовским же вымыслам и науке. Конечно, все эти наветы требуют тщательной проверки ввиду того, что

¹ Как сообщают из Смоленской губернии, черти летели с неба сорок дней и сорок ночей, и, кто где упал, тот там и остался хозяином. (*Примечание С.В. Максимова.*)

² *С развалом* — здесь: с размахом, во всю.

³ Олончане даже к рыболовным сетям привязывают листовую табак. (*Примечание С.В. Максимова.*)

уже слишком во многом обвиняют чертей, например, даже в изобретении таких злаков, как чай и картофель, не далее начала прошлого столетия вошедших во всеобщее употребление. В последнем случае оказывается явный поклеп; первое же обвинение — в изобретении вина и табачного зелья — затемняется противоречивыми показаниями. Очевидно, свидетели, недостаточно уверенные в самом факте, стремятся лишь настойчиво навязать то, в чем сами не вполне убеждены и еще колеблются. Так, например, вологжане думают, что предков их выучил варить веселое пойло какой-то странник в благодарность за то, что один добрый мужик приютил его; посадил за стол, нарезал несколько ломтей хлеба, поставил солонку с солью, жбан с квасом. Вдвоем они открыли несколько кабаков, и потянулся туда народ бесчисленными толпами. Во Владимирской губернии черт (также в виде странника, в лаптях, в кафтане и с котомкой за плечами) поведал тайну варить пиво встречному бродяге, который выплакал ему свое житейское горе и разжалобил его. Счастливым мужичком впоследствии похвастался своим умением царю, а неизвестный царь велел варить во всем государстве это самое пиво, которое теперь прозывают вином. У смоляков черт со своим винокурным мастерством нанялся в работники и научил доброго хозяина гнать водку как раз накануне свадьбы дочери и т. д.

В рассказах о происхождении табака еще больше разногласий: то он вырос из могилы кровосмесителей (сестры и брата), то из головы евангельской блудницы (Вятская губ.), то из тела свихнувшейся чернички, убитой громом (Пензенская губ.), то, наконец, из могилы какого-то неведомого человека (Симбирская губ.). У вологжан есть поверье, что разводить табак выучил встреченного в лесу помещика неизвестный черный охотник и т. д.

В подобных догадках да розысках дошли досужие люди до забавного и веселого. Раз у черта (рассказывают мещовские калужане) померла теща, и захотел он ее помянуть получше. Собрал он всех грешников по этой части, т. е. курильщиков и нюхальщиков. Вот куритель курит-курит да сплюнет. Черт увидел это и велел всех курильщиков прогнать: они теще его все глаза заплевали. А нюхальщиков всех оставил: они понюхают и их прошибет слеза — значит, и хорошо для поминок-то чертовой тещи. У тех же калужан, придерживающихся старой веры (в Мещовском уезде), сложилась насмешливая поговорка «Наша троица в табаке роется» (намек на то, что нюхальщики роются в табакерках тремя пальцами, и как раз теми, которые слагаются для крестного знамения).

II. В людях

Все прямые отношения нечистой силы к человеческому роду сводятся к тому, что черти либо проказят, прибегая к различным шуткам, которые у них, сообразно их природе, бывают всегда злы, либо наносят прямое зло в различных его формах, и между прочим в виде болезней. Словом — черти устраивают против людей всякие козни и исполняют главное свое назначение, состоящее в многообразных искушениях. Для облегчения своей деятельности, во всех ее направлениях, дьявольская сила одарена способностью превращений, т. е. черти могут совершенно произвольно сменять свою подозрительную и страшную бесовскую шкурку, принимая личину, сходную с людскою, и вообще принимая формы, более знакомые и привычные для человеческого глаза.

Превращения. Переверты всякого рода и разнообразные перекидыши производятся чертями с такою быстротою и внезапною стремительностью, какой не в силах представить себе людское воображение: последовательно проследить быстроту этих превращений не может самый зоркий глаз.

Всего чаще черти принимают образ черной кошки, почему во время грозы догадливые деревенские хозяева всегда выбрасывают животных этой масти за дверь и на улицу, считая, что в них присутствует дух (отсюда выражение, что при ссоре пробегает между людьми черная кошка). Не менее того черти облюбовали образ черной собаки, живых людей (при случае даже малого ребенка) и великанов огромного роста, вровень с высочайшими соснами и дубами. Если задумает черт выйти из своего болота в человеческом образе и явиться, например, бабе в виде вернувшегося из отлучки мужа, то он представляется всегда скучающим и ласковым. Если же встречается он на дороге, обернувшись кумом или сватом, то является непременно пьяным и готовым снова выпить, да сделает так, чтобы сват очутился потом либо на краю глубокого оврага, либо в колодце, в полойной яме, либо у дальнего соседа и даже на сучке высокого дерева с еловой шишкой в руке, вместо рюмки вина.

Остальные превращения идут в последовательном порядке. Черти оборачиваются: в свинью, лошадь, змею, волка, зайца, белку, мышь, лягушку, рыбу (предпочтительно шуку), в сороку (из птичьего рода это любимый образ) и разных других птиц и животных. Из последних, между прочим, в неизвестных, неопределенного и страшного вида¹.

¹ В лесу с лесом равен, — говорят в Сарапульском уезде Вятской губернии, — в поле с травой, а в людях, с человеком (равен — т. е. схож). (Примечание С.В. Максимова.)

Перевертываются даже в клубки ниток, в вороха сена, в камни и пр. Вообще черти принимают самые разнообразные формы, какие только способны допустить пылкое людское воображение, однако же не без некоторого ограничительного законного предела. Такой предел существует и упорно оберегается: не всегда, например, решаются черти представляться коровой, самым дорогим и полезным домашним животным, да подобному перевертышу и самая глупая баба не поверит. Не дерзают злые духи прикидываться петухами — вестниками приближения светлого дня, который столь ненавистен всякой злой силе, и голубями — самой чистой и невинной птицей в целом мире, памятуя, кто достаивал принимать на себя образ этих милых и ласковых воркунов из царства пернатых. Точно так же никто не видал злой нежити в ослиной шкуре, так как всей их нечистой породе, со времени явления Христа на земле, стало победоносным шествие во святой град, к прославлению своего божественного имени и учения.

Какой бы образ ни принял на себя дьявол, его всегда выдает сильный, очень громкий голос с примесью устрашающих и зловещих звуков («дух со страху захватывает»). Иногда он каркает черным вороном или стрекочет проклятой сорокой. По черному цвету шерсти животных и птичьих перьев тоже распознается присутствие хитрых бесов, и притом именно бесов, потому что, например, колдуны и ведьмы, в отличие от чертей, бывают перевертышами исключительно белых и серых цветов. Зато при всяком превращении черти-дьяволы так искусно прячут свои острые рожки и подгибают и свертывают длинный хвост, что нет никаких сил уличить их в обмане и остеречься их.

Искушения. Смущать человеческий род соблазном или завлечь лукавством — прямая цель дьявольского пребывания на земле. Причем люди искушаются по прямому предписанию из преисподней и по особому выбору самого князя тьмы, или сатаны. Стараются совращать с пути блага и истины те наиболее искусные черти, у которых наука искушения доведена до высокой степени совершенства в течение бесчисленного ряда лет неустанной и неослабной работы. Искуситель всегда налицо: зазвенело в левом ухе — это он летал сдавать сатане грехи того человека, сделанные за день, и вот теперь прилетел назад, чтобы снова стать на страже и выжидать случая и повода к соблазнам. Искуситель, по народному представлению, неизбежно находится у человека с левого бока и шепчет ему в левое ухо о таких злых деяниях, какие самому человеку и в ум не пришли бы без коварных наветов черта. «Черт попу-

тал», — уверенно и обычно говорят все, испытавшие неудачу в начинаниях, а еще чаще те, которые неожиданно впали в прегрешение. Могут попутать свои грехи, могут попутать недобрые люди, но, по народным понятиям, и в том и в другом случае действуют колдуны, ведьмы и злые духи кромешного ада. Для последних личный прямой расчет заключается не в том, чтобы связываться, например, с ворами и разбойниками — людьми уже испорченными, а главным образом в том, чтобы увиваться около хороших людей, испытанной твердости правил и добрых нравов. Во всех таких случаях бесы работают с полной уверенностью в победе и с верой в свою великую силу: «Черт горами качает», — говорится испокон века. <...>

Проказы чертей. Первыми жертвами при забавах нечистой силы являются обыкновенно пьяные люди: то черти соьют с дороги подвыпивших крестьян, возвращающихся домой с храмового праздника из соседних деревень, то, под видом кума или свата, вызовутся на такой раз в провожатые. Ведут видимо по знакомым местам, а на самом деле смотришь, человек очутился либо на краю обрыва горы, либо над прорубью, либо над водою, на свае мельничной запруды, и т. п. Одного пьяного мужика посадил дьявол в колодец, но как и когда — несчастный человек не мог сообразить и припомнить: был на игрище, вышел на крыльцо прохладиться да и пропал. Стали искать и услышали крик в колодце. Вынули и узнали следующее:

— Позвал сват пить чай да пиво. Выпил чашку пива и увидал, что не у свата я в гостях, а в колодце, да не пиво пью, а холодную воду. И не стаканчиком ее пью, а прямо взахлебку.

Однако, наряду с этими злыми шутками, черти, по воззрению народа, сплошь и рядом принимают пьяных под свое покровительство и оказывают им разнообразные услуги. На первый взгляд в таком поведении чертей можно усмотреть как будто некоторое противоречие. В самом деле: черт, злая сила, представитель злого начала, и вдруг оказывает людям добрые услуги. Но на самом деле противоречия здесь нет: каждый пьяный есть прежде всего слуга черта — своей греховной страстью к вину он «тешит беса», и потому черту просто нет расчета причинять своим верным слугам какое-нибудь непоправимое зло — напротив, есть расчет оказывать им помощь. Сверх того, никто другой, как именно черт, наталкивает на пьянство, наводит на людей ту болезнь, которая зовется *хмелевиком*, или запоем: он, следовательно, в вине, он и в ответе. Не наказанием же считать его заботы о пьяных и его хлопоты около тех, которые прямо лезут в огонь или воду, и не карает же он, в самом деле, если забавляется с охмелевшим человеком и шутит шут-

ки хотя бы даже и злые (что ему и к лицу, и по нраву). Привел пьяного к куму в гости — велел раздеваться; захотелось пьяному пить — указал на целый ушат с пивом: пей, да зубы не разбей — долго оно на дворе стояло, замерзло. Раздевшись, испытуемый стал разуваться, озяб. Осмотрелся и видит, что сидит на сломанном пне и босая нога стоит в снегу, а вдали огонек светит. Увидал его, схватился бежать и бежал как угорелый. На горе по обрыву последний сапог потерял; у окна свата стучал и кричал: «Замерзаю, пустите!» — И предстал разутым, раздетым, без шапки. Сват с досады спрашивает: «Где тебя черт носит?» — Отвечает с уверенностью и твердым голосом: «Он-то меня и носил!» — И в самом деле: на откосе валяной сапог нашли, шапку и полушубок сняли с сучка в лесу, а рукавицы валялись подле проруби на реке, из которой угощал давешний кум холодным пивом.

Черт любит, говорят, пьяных по той причине, что таких людей ему легче наталкивать на всякий грех, внушать дурные мысли, подсказывать черные и срамные слова (очень часто хлесткие и остроумные), наталкивать на драку и на всякие такие поступки, для которых у всех, за неимением верного, есть одно дешевое и вечное оправдание: «Черт попутал».

— По пьяному-то делу мало ль чего не бывает, — толкуют опытные люди, — напустит «он» жуть (страх) либо тоску, так и незнамо что представится. Со страху да тоски руки на себя наложишь, а он и рад: начнет под бока подталкивать, на ухо нашептывать. Ты только петлю накинь, а он под руку подтолкнет — и затянет. За тем они и на землю являются, чтобы ввести человека в грех или нанести какой-либо вред.

Трезвые и степенные люди возводят на бесовскую силу немало и других поклепов и обвиняют ее в самых разнообразных злодеяниях и даже в посягательствах на человеческую жизнь. Так, например, во время грозы бес, преследуемый стрелами молнии, прячется за человека, подвергая его явной опасности. Поражая беса, Илья Пророк или Михаил Архангел могут убить и невинного. Вот почему во время грозы надо креститься. Надо поступать подобным же образом перед едою и питьем, помня, что нечистая сила любит проказить, оскверняя неосвященные сосуды чем ни попало. Это (по свидетельству житий), между прочим, любимые шалости чертей, к которым они также прибегают для соблазнов.

Похищают детей. Вращается часто в деревенском быту ругательное слово *оммен* (т. е. обмен, обменыш), основанное на твердом веровании в то, что дьявол подменяет своими чертенятами некрещеных человеческих младенцев. Без разбору черти уносят и тех,

которых в сердцах проклинают матери, и таких, которым в недобрый час скажут неладное (черное) слово, вроде: хоть бы леший тебя унес. Уносят и младенцев, оставленных до крещения без надлежащего присмотра, т. е. когда младенцам дают заснуть, не прекрестивши их, дают чихнуть и не поздравствуют ангельскую душу, не пожелают роста и здоровья. Особенно не советуют зевать в банях, где обыкновенно роженицы проводят первые дни после родов. Нечистая сила зорко сторожит и пользуется каждым случаем, когда роженица вздремнет или останется одна. Вот почему опытные повитухи стараются не покидать матерей ни на одну минуту, в крайнем случае, при выходе из бани, крестят все углы. Если же эти меры предосторожности не будут приняты, то мать и не заметит, как за крышей зашумит сильный ветер, спустится нечистая сила и обменяет ребенка, положив под бок роженицы своего «лешачонка» или «обменьша».

Эти обменьши бывают очень тощи телом и крайне уродливы: ноги у них всегда тоненькие, руки висят плетью, брюхо огромное, а голова непременно большая и свисшая на сторону. Сверх того они отличаются природной тупостью и злостью и охотно покидают своих приемных родителей, уходя в лес. Впрочем, живут они недолго и часто пропадают без вести или обращаются в головешку.

Что касается судьбы похищенных детей, то черти обыкновенно носят их с собой, заставляя раздувать начавшиеся на земле пожары. Но бывает и иначе. Похищенные дети отдаются на воспитание русалкам или проклятым девкам, у которых они остаются, превращаясь впоследствии: девочки в русалок, мальчики в леших. Сюда же, к неизвестным «тайным людям» или к самим дьяволам, поступают «присланные дети», т. е. случайно задушенные матерями во время сна. И в том, и в другом случае душа ребенка считается погибшей, если ее не спасет сама мать постоянными молитвами в течение 40 дней, при строжайшем посте. Ребенок, унесенный «тайными людьми», делается сам тайным человеком: невидимо бродит по белому свету, отыскивая себе пропитание. Пьет молоко, оставленное в горшках неблагословленным, снимает с крынок сметану. Если же ребенок похищен дьяволом, то последний помещает его в темной и тесной темнице. Хотя в темнице нет ни огня, ни кипящей смолы, как в крошечном аду, зато ребенок навсегда лишается света и будет вечно проклинать свою мать за то, что она не уберегла его. Впрочем, для матери, осыпаемой упреками посторонних и страдающей от личного раскаяния, имеется из этого мучительного положения выход. Необходимо три ночи простоять в церкви на молитве; но беда в том, что не всякий священник разрешает это. Тем не менее несчастные

матери слепо веруют, что если ребенка похитили тайные люди, то он, по молитве, явится на своем месте целым и, по окроплении святою водою, останется невредимым. Но зато матерям с чертями предстоит много хлопот, так как приходится подвергать себя испытаниям, которые не по силам женской природе.

Лишь только наступит ночь и женщина, оставшись одна в церкви, встанет на молитву, как тотчас же начинает она подвергаться всяким ужасам: позади поднимается хохот и свист, слышатся топание, пляски, временами детский плач и угрозы. Раздаются бесовские голоса на соблазн и погибель:

— Оглянись — отдадим!..

Кричит и ребенок:

— Не мать ты мне, а змея подколодная!

Оглянуться на тот раз — значит навеки погубить себя и ребенка (разорвут черти на части). Выдержать искушение — значит увидеть своего ребенка черным, как ночь, которого на одну минуту покажут перед тем, как запеть вторым петухам. На вторую ночь происходит то же самое, но с тем лишь различием, что на этот раз ребенок не клянет своей матери, а твердит ей одно слово: молись! После первого петуха появляется дитя на половину тела белым. Третья ночь — самая опасная: бесы начинают кричать детским голосом, пищат и плачут, захлебываясь и с отчаянными взвизгами умоляя взять их на руки. Среди деланных воплей до чуткого уха любящей матери, храбро выдерживающей искушение, доносятся и нежные звуки мягкого голоса, советующего молиться:

— Матушка, родная ты моя! Молись, молись — скоро замолишь!

Пропоеет третий раз петух — и дьявол бросает перед матерью совершенно белого ребенка, т. е. таким, каким она его родила.

— Теперь ты мне родная мать, — спасибо: замолила! — прокричит дитя и мертвым, но спасенным остается лежать на церковном полу.

За отказом священников беспокойства сокрушающихся матерей доходят до крайних пределов, и, только благодаря богомольным настроениям, они находят успокоение в хождениях по монастырям и в увещаниях благочестивых старцев, признаваемых за святых. От старцев тоскующие матери и приносят домой уверенность в том, что душа заспанного младенца пойдет туда же, куда все души прочих умерших детей, т. е. прямо в святой рай, к самому Господу Богу.

Соблазняют женщин. Из некоторых житий святых — особенно по афонскому патерику — и из народных сказок довольно известны сладострастные наклонности всей бесовской породы. Эти наклонности проявляются как в личных поступках отдельных бесов, так и

в характере людских искушений, потому что бесы всего охотнее искушают людей именно в этом направлении. В истории борьбы христианства с язычеством в Византии есть немало указаний на ту же блудную наклонность дьяволов и на связь их с гречанками того времени. Стоит и в наши дни, у нас на Руси, поскучать молодой бабе по ушедшем на заработки муже, в особенности же вдове по умершем, как бесы и готовы уже на утеху и на услуги. Пользуясь способностью перекидываться (принимать на себя всякие личины) и ловкостью в соблазнах и волокитствах, бесы добиваются полных успехов. Начинают, например, замечать соседи, что баба-вдова иногда то делается как бы на положении беременной, а то и опять ничего не заметно, нет никаких перемен. В то же время она со всякой работой справляется отлично, летом выходит в поле одна, а делает за троих. Все это, вместе взятое, приводит к предположению, что баба находится в преступной связи с дьяволом. Убеждаются в том, когда баба начнет худеть и до того исхудает, что останутся только кожа да кости. Прозорливые соседки видят даже, как влетает в избу нечистый в виде огненного змея, и с клятвою уверяют, что на глазах у всех бес влетел в трубу и рассыпался огненными искрами над крышей.

Поверья об огненных змеях настолько распространены, а способы избавляться от их посещений до того разнообразны, что перечисление главных и описание существенных может послужить предметом особого исследования. Рассказы о таких приключениях поражают своею многочисленностью, но в то же время и докучным однообразием. Входит бес во временную сделку с несчастной, поддавшейся обману и соблазну, и всего чаще с женщиной, допустившей себя до полного распутства. Оба стараются по условию и под страхом тяжелого наказания держать эту связь в величайшей тайне, но греховное дело с нечистым утаиться не может. Находится достойный человек, которому доверяется тайна, и отыскивается средство благополучно прекратить это сношение. Помогает в таких случаях накинутый на беса (обычно являющегося в виде дородного мужчины) лошадиный недоуздок. Отваживают от посещений еще тем, что нащупывают у соблазнителя спинной хребет, какового обычно у этих оборотней не бывает. Иных баб, сверх того, спасают отчитыванием (от блудного беса — по требнику Петра Могилы¹); другим помогает чертополох — колючая сорная трава, равно ненавистная всей нечистой силе. Приглашают также в дом священника

¹ Петр Могила (1596—1647) — киевский митрополит, издавал православные духовные книги. Требник — богослужебная книга.

служить молебен; пишут во всех углах мелом и дегтем кресты, курят из ручной жаровенки ладаном и проч.¹

Рассказывают, что иногда и сами черти налетают на беду и остаются в дураках: убегают от сварливых бедовых баб опрометью, добровольно и навсегда. Болтают также, что от подобной связи рождаются черные, глупые и злые дети, которые могут жить очень недолго, так что их даже никто не видит.

Дьявольское наваждение. В сознании простых людей еще окончательно не решено, в чем заключается причина болезней, постигающих человеческий род: в божеском попусшении или в дьявольском наваждении. По сличению сведений, полученных более чем из 50 местностей, относительно происхождения различных недугов, оказывается, что значительный перевес на стороне последнего мнения. При этом известно, что некоторые болезни, как, например, лихорадки, в народном представлении рисуются в форме живых существ, имеющих определенный старческий вид и каждая свое особое имя, как дщери Иродовы². Общее количество лихорадок доходит до двенадцати (а по некоторым сведениям даже до семидесяти), причем все они представляются в виде косматых, распоясанных старух. Против лихорадок издавна вращается в народе целый молитвенный список, присутствие которого в доме считается, подобно такому же апокрифическому сказанию о Сне Богородицы, за действительное и сильное целебное средство. Как заболевшие, так равно и желающие предохранить себя от будущих напастей, должны носить тот или иной список на шейном кресте зашитым в тряпичку.

Лишь в некоторых местностях удалось различить причины болезней, распределив их по двум основным разрядам. Выходит так, что все болезни (особенно эпидемические, вроде холеры и тифа) посылает сам Бог в наказание или для вразумления и лишь немногие зависят от насыла злым человеком или от порчи колдунами и ведьмами. Зато все душевные болезни и даже проказу всегда и бесспорно насылает черт. На него и показывают сами больные, выкликакая имя того человека, который принес по указанию и наущению дьявола порчу и корчу и нашептал всякие тяжелые страдания.

¹ Как всем известно, хотя бы по словам повсюду распространенной поговорки, черти всего больше боятся ладану («Ладан на чертей, тюрьма на воров»), а вследствие того и введены в обычай сумочки-ладанки, носимые вместе с крестами на шее. В такие сумочки зашивают вместе с какой-либо святыней кусочки этой пахучей смолки. Бывает, впрочем, зачастую и так (по пословице же), что у иных «ладан на вороту, а черт на шее». (Примечание С.В. Максимова.)

² Дочери библейского царя Ирода, злодея, жестокого правителя Иудеи.

В некоторых местностях существует глубокая уверенность в том, что на всякую болезнь полагается особый дух и что каждый из этих духов имеет свой вид, например, для лихорадки — вид бабочки, для оспы — лягушки, для кори — ежа и т. п. Сверх прочих существует еще особенный бес, насылающий неожиданные и беспричинные острые боли, пробегающие схватками в спине, руках и ногах. Такой бес называется «притком» (отсюда и обычное выражение «попритчилось»). Для пьяниц черти готовят в водке осолобого червя (белого, величиной с волосок): проглотившие его делаются горькими пьяницами и т. п.

Все болезни, которыми чаще всего страдают женщины, как, например, кликушество и вообще порчи всякого рода (истерии), приписываются бесспорно бесам. Причем сами женщины твердо и непоколебимо убеждены, что это бесы вселились внутрь испорченных, что они вошли через непороченный рот во время зевоты или в питье и еде. Подобные болезни ученые доктора лечить не умеют; тут помогают только опытные знахари да те батюшки, у которых водятся особые, древние молитвенники, какие имеются не у всякого из духовных.

Хотя и придумана давно деревенская пословица «Богу молись, а черта не гневи», — но существует и такая истина, которая выше всякой греховной болтовни и легкомысленных правил: «Без Божьей воли и волос на голове человека не пропадает». Если черт — лиходей для человека только по Божью попущению, то во всяком случае бесовскому влиянию положен известный предел, и самое пребывание нечистой силы на земле ограничено определенными сроками. Так, еще повсюду сохранилось убеждение, что при благовесте в церквах, после третьего удара, вся бесовская сила проваливается в преисподнюю. В то же время сознательно твердо держится вера, что ко всякому человеку, при его рождении, приставляется черт и ангел. Оба они не оставляют человека ни на одну минуту, причем ангел стоит по правую сторону, а дьявол по левую¹. Между ангелом-хранителем и дьяволом-соблазнителем стоит постоянная вражда. Каждый из них зорко следит друг за другом, уступая сопернику лишь в зависимости от поведения человека: радуется, умиляясь, ангел при виде добрых дел; ослабляется, хохочет и хлопает в ладоши довольный дьявол при виде послушания его злым наветам.

¹ Сведущие люди держатся, вследствие подобного верования, того правила, что никогда не плюют на правую сторону и ложатся спать на левом боку, чтобы держать лицо обращенным к своему ангелу и не видеть во сне дьявола. (Примечание С.В. Максимова.)

Ангел записывает все добрые дела, дьявол учитывает злые, а когда человек умрет, ангел спорит с дьяволом о грешной душе его. Кто из двух победит — известно единому Богу.

Впрочем, до того времени на всякий час готово для утешения молитвенное слово: «Ангел мой, хранитель мой! сохрани мою душу, укрепи мое сердце на всяк день, на всяк час, на всякую минуту. По утру встаю, росой умываюсь, пеленой утираюсь Спасова Пречистова образа. Враг-сатана, отшатнись от меня на сто верст — на тысячу, на мне есть крест Господень! На том кресте написаны Лука, и Марк и Никита мученик: за Христа мучаются, за нас Богу молятся. Пречистые замки ключами заперты, замками запечатаны, ныне и присно, и во веки веков, аминь».

7

БАЕННИК

Закоптелыми и обветшалыми стоят врассыпную по оврагам и косогорам утлые баньки, нарочно выставленные из порядка прочих деревенских строений, готовые вспыхнуть как порох, непрочные и недолговечные. По всем внешним признакам видно, что об них никто не заботился, и, изживая недолгий век в полном забросе, бани всегда имеют вид зданий, обреченных на слом. А между тем их задымленные стены слышат первые крики новорожденного русской крестьянской семьи и первые вздохи будущего кормильца-пахаря. Здесь в жарком пару расправляет он, когда придет в возраст, натруженные тяжелой работой члены тела и смывает трудовой пот, чтобы освеженным и подбодренным идти на новые бесконечные труды. Сюда несет свою тоску молодая девушка, обреченная посвятить свои силы чужой семье и отдать свою волю в иные руки; здесь в последний раз тоскует она о родительском доме накануне того дня, когда примет «закон» и благословение церкви. <...>

Несмотря на то что «баня парит, баня правит, баня все исправит», — она издревле признается нечистым местом, а после полуночи считается даже опасным и страшным: не всякий решается туда заглянуть и каждый готов ожидать какой-нибудь неприятности, какой-нибудь случайности и неожиданной встречи. Такая встреча может произойти с тем нечистым духом из нежити, который, под именем баенника, поселяется во всякой бане за каменкой, всего же чаще под полком, на котором обычно парятся. Всему русскому люду известен он за злого недоброхота. «Нет злее баенника, да нет его добрее», — говорят в коренной Новгородчине под Белозер-

ском; но здесь же твердо верят в его всегдашнюю готовность вредить и строго соблюдают правила угодничества и заискивания.

Верят, что баенник всегда моется после всех, обыкновенно разделяющихся на три очереди, а потому четвертой перемены или четвертого пара все боятся: «он» накинется — станет бросаться горячими камнями из каменки, плескаться кипятком; если не убежишь умеючи, т. е. задом наперед, он может совсем запарить. Этот час дух считает своим и позволяет мыться только чертям: для людей же банная пора в деревнях обыкновенно полагается около 5—7 часов пополудни.

После трех перемен посетителей в бане моются черти, лешие, овиинники и сами баенники. Если кто-нибудь в это время пойдет париться в баню, то живым оттуда не выйдет: черти его задушат, а людям покажется, что тот человек угорел или запарился. Это поверье о четвертой, роковой банной «смене» распространено на Руси повсеместно.

Заискивают расположение баенника тем, что приносят ему угощение из куска ржаного хлеба, круто посыпанного крупной солью. А чтобы навсегда отнять у него силу и охоту вредить, ему приносят в дар черную курицу. Когда выстроят, после пожара, новую баню, то такую курицу, не ощипывая перьев, душат (а не режут) и в таком виде закапывают в землю под порогом бани, стараясь подогнать время под чистый четверг. Закопавши курицу, уходя из бани задом и все время отвешивают поклоны на баню бесшесменному и сердитому жильцу ее. Баенник стремится владеть баней нераздельно и недоволен всякими, покусившимися на его права, хотя бы и временно. Зная про то, редкий путник, застигнутый ночью, решится искать здесь приюта, кроме разве сибирских бродяг и беглых, которым, как известно, все на свете нипочем. Идущий же на заработки и не имеющий чем заплатить за ночлег, предпочитает выспаться где-нибудь в стогу, под сараем, под ракитовым или можжевельным кустом. Насколько баенник высоко ценит прямую цель назначения своего жилища, видно из того, что он мстит тем хозяевам, которые это назначение изменяют. Так, во многих северных лесных местностях (например, в Вологодской губ.) в баню вовсе не ходят, предпочитая париться в печках, которые занимают целую 1/3 избы. Бани же здесь хотя и существуют, но благодаря хорошим урожаям льна и по причине усиленных заграничных требований этого продукта, сбываемого через архангельский порт, они превращены в маленькие фабрички-трепальни и чесальни. Тех, кто залезает в печь, баенник, помимо власти и разрешения домового, иногда так плотно заставляя заслонкой, что либо выташат их в обмороке, либо они

совсем задохнутся¹. Не любит баенник также и тех смельчаков, которые хвастаются посещением его жилища не в указанное время. Так как на нем лежит прямая обязанность удалять из бани угар, то в его же праве наводить угар на тех, кем он недоволен. На такие случаи существует много рассказов.

Нарушающих установленные им правила и требования баенник немедленно наказывает своим судом, хотя бы вроде следующего, который испытал на себе рассказчик из пензенских мужичков. Как-то, запоздавши в дороге, забрался он, перед праздником, в свою баню после полуночного часа. Но, раздеваясь, второпях вместе с рубахой прихватил с шеи крест и когда полез на полок париться, то никак не мог оттуда слезть подобру-поздорову. Веники сами собой так и бьют по бокам! Кое-как, однако, слез, сунулся в дверь, а она так притворена, что и не отдерешь. А веники все свое делают — хлещут. Спихватилась баба, что долго нет мужа, стала в оконце звать — не откликается, начала ломиться в дверь — не поддается. Вызвонила (вызвала? — В.А.) она ревом соседей. Эти пришли помогать: рубили двери топорами — только искры летят, а щепок нет. Пришла на выручку баба-знахарка, окропила дверь святой водой, прочла свою молитву и отворила. Мужик лежал без памяти; насилиу оттерли его снегом.

Опытные люди отвращают злые наветы своих баенников тем вниманием, какое оказывают им всякий раз при выходе из бани. Всегда в кадushках оставляют немного воды и хоть маленький кусочек мыла, если только не мылись щелоком; веники же никогда не уносят в избу. Вот почему зачастую рассказывают, как, проходя ночью мимо бани, слышали, с каким озорством и усердием хлещутся там черти и при этом жужжат, словно бы разговаривают, но без слов. Один прохожий осмелился и закричал: «Поприбавьте пару!» — и вдруг все затихло, а у него у самого мороз побежал по телу и волосы встали дыбом.

Вообще шутить с собой баенник не позволяет, но разрешает на святках приходиться к нему завораживаться, причем самое гаданье происходит следующим образом: гадающий просовывает в двери бани голую спину, а баенник либо бьет его когтистой лапой (к беде), либо нежно гладит мохнатой и мягкой, как шелковая, большой ладонью (к счастью). Собрались о святках (около Кадникова, Вологод-

¹ Во Владимирской губ., между прочим, держится такое поверье, что мыться в банях не грешно только мужним женам, а вдовам и девицам грешно, но «если с молитвой, то и им прощается». (Примечание С.В. Максимова.)

ская губ.) девушки на беседу, а ребята на что-то рассердились на них — не пришли. Сделалось скучно, одна девка и говорит подругам:

— Пойдемте, девки, слушать к бане, что нам баенник скажет.

Две девки согласились и пошли. Одна и говорит:

— Сунь-ка, девка, руку в окно: баенник-от насадит тебе золотых колец на пальцы.

— А ну-ка, девка, давай ты сначала сунь, а потом и я.

Та и сунула, а баенник-от и говорит:

— Вот ты и попалась мне.

За руку схватил и колец насадил, да железных: все пальцы сковал в одно место, так что и разжать их нельзя было. Кое-как выдернула она из окна руку, прибежала домой впопыхах и в слезах, и лица на ней нет от боли. Едва собралась она с такими словами:

— Вот, девушки, смотрите, каких баенник-от колец насажал. Как же я теперь буду жить с такой рукой? И какой баенник-от страшный: весь мохнатый и рука-то у него такая большая и тоже мохнатая. Как насаживал он мне кольца, я все ревела. Теперь уже не пойду больше к баням слушать¹.

В сущности, баенник старается быть невидимым, хотя некоторые и уверяют, что видели его и что он старик, как и все духи, ему сродные: недаром же они прожили на белом свете и в русском мире такое неисчислимое количество лет.

Впрочем, хотя этот дух и невидим, по движению его всегда можно слышать в ночной тишине — и под полком, и за каменкой, и в куче свежих неопаренных веников. Особенно чутки к подобным звукам роженицы, которых по этой причине никогда не оставляют в банях в одиночестве: все при них неотлучно находится какая-либо женщина, если не сама бабка-повитуха. Все твердо убеждены, что баенник очень любит, когда приходят к нему жить родильницы до третьего дня после родов, а тем паче на неделю, как это водится у богатых и добрых мужиков. Точно так же все бесспорно верят, что банища — места поганые и очень опасные, и если пожару придется освободить их и очистить, то ни один добрый хозяин не решится поставить тут избу и поселиться: либо одолеют клопы, либо обездолит мышь и испортит весь посильный скарб. В северных же лесных местах твердо убеждены, что баенник не даст покоя и передует весь домашний скот: не поможет тогда ни закладка денег в углах избяного сруба, ни разводка муравейника среди двора и тому подобное.

¹ Сообщивший этот случай прибавляет, что местные крестьяне считают рассказ вполне достоверным. (Примечание С.В. Максимова.)

ОВИННИК (ГУМЕННИК)

На деревенских задворках торчат безобразные бревенчатые строения — овины¹. Словно чудовища с разинутой черной пастью, готовую проглотить человека целиком, обступают они со всех сторон ряды приземистых жилых изб. В сумерки, а особенно ночью, при легком просвете на утренних зорях, овины своим неуклюжим видом настраивают воображение простого человека на фантастический лад и будят в душе его суеверный страх. Задымленные и почернелые, как уголь, овины являют из себя (как подсказывает загадка) «лютото волчища, у него выхвачен бо-чище, не дышет, а пышет». Так как без огня овин не высушишь, а сухие снопы — что порох, то и суждено овинам гореть. И горят овины сплошь и рядом каждую осень. Кому же приписать эти несчастья, сопровождающиеся зачастую тем, что огонь испепелит все гумно со всем хлебным старым запасом и новым сбором? Кого же завинить в трудно поправимом горе, как не злого духа, и притом совершенно особенного?

Вот он и сидит в нижней части строений, где разводят теплины² и днем пекут деревенские ребята картошку, — сидит в самом углу подлаза днем и ночью. Увидеть его можно лишь во время светлой заутрени Христова дня: глаза горят калеными угольями, как у кошки, а сам он похож на огромного кота, величиной с дворовую собаку, — весь черный и лохматый. Овинник умеет лаять по-собачьи и, когда удается ему напакостить мужикам, хлопает в ладоши и хохочет не хуже лешего. Сидеть под садилом³ в ямине (отчего чаще зовут его «подовинником») указано ему для того, чтобы смотреть за порядками кладки снопов, наблюдать за временем и сроками, когда и как затоплять овин, не позволять делать это под большие праздники, особенно на Воздвиженьев день⁴ и Покров⁵, когда, как известно, все овины бывают «именинниками» и по старинным деревенским законам должны отдыхать (с первого Спаса⁶ их готовят). Топить овины в заветные дни гуменник не позволяет; и на добрый слу-

¹ *Овин* — хозяйственное строение, в нем хранили, сушили хлеб, свезенный с полей, посредством разведения огня.

² *Теплины* — здесь: горящие поленья, огонь.

³ *Садило* — отверстие-окно, в которое подают снопы.

⁴ Церковный праздник — Воздвижения креста Господня — 14 сентября (по старому стилю).

⁵ Праздник Покрова Богородицы, 1 октября (по старому стилю).

⁶ 1 августа, день первого, медового Спаса (по старому стилю).

чай — пихнет у костра в бок так, что едва соберешь дыхание; на худой же конец — разгневается так, что закинет уголь между колосниками и даст всему овину заняться и сгореть. Не позволяет также сушить хлеба во время сильных ветров и безжалостно больно за это наказывает.

Гуменник хотя и считается домовым духом, но самым злым из всех: его трудно ублажить-усмирить, если он рассердится и в сердцах залютует. Тогда на овин рукой махни: ни кресты по всем углам, ни молитвы, ни икона Богоматери Неопалимой Купины не помогут, и хоть шубу выворачивай мехом наружу и стереги гумна с кочергой в руках на Агафона-огуменника (22 августа). Ходят слухи, что в иных местах (например, в Костромской губ.) овинника удаётся задривать в его именинные дни. С этой целью приносят пироги и петуха; петуху на пороге отрубают голову и кровью кропят по всем углам, а пирог оставляют в подлазе. Однако сведущие люди этим приемам не доверяют и рассказы принимают за сказки.

В брянских лесных местах (в Орловской губ.) рассказывают такой случай, который произошел с бабой, захотевшей в чистый понедельник¹ в риге лен трепать для пряжи. Только что успела она войти, как кто-то застонал, что лошадь, и захохотал так, что волосы на голове встали дыбом. Товарка этой бабы со страху кинулась бежать, а смелая баба продолжала трепать лен столь долго, что домашние начали беспокоиться. Пошли искать и не нашли: как в воду канула. Настала пора мять пеньку, пришла вся семья, и видят на гребне какую-то висячую кожу. Начали вглядываться и перепугались: вся кожа цела и можно было различить на ней и лицо, и волосы, и следы пальцев на руках и ногах. В Смоленщине (около Юхнова) вздумал мужик сушить овин на Михайлов день². Гуменник за такое кощунство вынес его из «подлаза», на его глазах подложил под каждый угол овина головешки с огнем и столь застрашал виновного, что он за один год поседел, как лунь. В вологодских краях гуменника настолько боятся, что не осмеливаются топить и чистить овин в одиночку: всегда ходят вдвоем или втроем.

Из Калужской губернии (Мещовского уезда) получились такие вести. Лет 40—50 тому назад одного силача по имени Валуя овинник согнул в дугу на всю жизнь за то, что он топил овин не в указанный день и сам сидел около ямы³. Пришел этот невидимка-сто-

¹ Первый день великого семинедельного поста перед Пасхой.

² 8 ноября (по старому стилю).

³ На Феклу-заревницу (зареву от овинных огней) происходят обыкновенно «замолотки» (начинают молотить по утрам с огнем): это первый именинный овин; на Покров — вторые именины. (*Примечание С.В. Максимова.*)

рож в виде человека и начал совать Валуя в овинную печку, да не мог изжарить силача, а только помял его и согнул. Самого овинника схватил мужик в охапку и закинул в огонь. Однако это не прошло ему даром: выместила злобная нечисть на сыне Валуя — тоже ражем детине и силаче и тоже затопившем овин под великий праздник: гуменник поджег овин и спалил малого. Нашли его забитым под стену и все руки в ссадинах — знать, отбивался кулаками.

На кулаках же ведут свои расчеты все эти духи и тогда, когда случается, что они между собою не поладят. Вот что пишут на этот счет из Белозерского уезда (Новгородская губ.).

«К одному крестьянину приходит вечером захожий человек и просит:

— Укрой меня к ночи, пусти ночевать.

— Вишь, у самого какая теснота. Ступай в баню: сегодня топили.

— Ну, вот и спасибо, я там и переночую.

На другое утро вернулся чужак из бани и рассказывает:

— Лег я на полок¹ и заснул. Вдруг входит в баню такой мужик, ровно бы подовинник, и говорит:

— Эй, хозяин. На беседу к себе меня звал, а сам пущаешь ночлежников: я вот его задушу.

Поднялась той порой половица, и вышел сам баенник.

— Я его пустил, так я его и защищаю. Не тронь.

И начали они бороться. Боролись долго, а все не могут одолеть друг друга. Вдруг баенник крикнул мужику:

— Сыми крест да хлещи его.

Поднялся я кое-как, стал хлестать — оба они и пропали».

Угождение и почет гуменник так же любит, как все его нечистые родичи. Догадливые и опытные люди не иначе начинают топить, как попросив у «хозяина» позволения. А вологжане (Кадниковский уезд) сохраняют еще такой обычай: после того как мужик сбросит с овина последний сноп, он, перед тем как ему уходить домой, обращается к овину лицом, снимает шапку и с низким поклоном говорит: «Спасибо, батюшка-овинник: послужил ты нынешней осенью верой и правдой».

Не отказывает овинник в своей помощи (по части предсказания судьбы) и тем девицам, которые настолько смелы, что дерзают мимо бань ходить гадать к нему на гумно². Та, которой досталась

¹ Полók — помост в бане, на котором парятся.

² Гумно — место, где складывают хлеб и где его моложат.

очередь гадать первой, поднимает на голову платье (как и в банях) и становится задом к окну сушила:

— Овинник-родимчик, суждено что ли мне по нынешнему году замуж идти?

А гадают об этом всегда на Васильев вечер (в канун Нового года), в полночь, между вторыми и третьими петухами (излюбленное время у овинника и самое удобное для заговоров).

Погладит овинник голой рукой — девушка будет жить замужем бедно, погладит мохнатой — богато жить. Иные в садило суют руку и делают подобные же выводы, смотря по тому, как ее погладит. А если никто не тронет — значит, в девках сидеть.

9

ЛЕШИЙ

«Стоят леса темные от земли и до неба», — поют слепые старцы по ярмаркам, восхваляя подвиги могучих русских богатырей и борьбу их с силами природы. И в самом деле; неодолимой плотной стеной кажутся синеющие вдали роскошные хвойные леса, и нет через них ни прохода, ни проезда. Только птицам под стать и под силу трущобы еловых и сосновых боров, эти темные «сюезмы» или «раменья», как их зовут на севере. А человеку если и удастся сюда войти, то не удастся выйти. В этой чаще останавливаются и глохнут даже огненные моря лесных пожаров. Сюезмы тем уже страшны, что здесь на каждом шагу, рядом с молодой жизнью свежих порослей, стоят тут же деревья, приговоренные к смерти, и валяются уже окончательно сгнившие и покрытые, как гробовой доской, моховым покровом. Но еще страшнее сюезмы тем, что в них господствуют вечный мрак и постоянная влажная прохлада среди жаркого лета. Всякое движение здесь, кажется, замерло; всякий крик пугает до дрожи и мурашек в теле. Колеблемые ветром древесные стволы трутся один о другой и скрипят с такого силою, что вызывают у наблюдателя острую, ноющую боль под сердцем. Здесь чувство тягостного одиночества и непобедимого ужаса постигает всякого, какие бы усилия он над собой ни делал. Здесь всякий ужасается своего ничтожества и бессилия. Здесь родилась мрачная безнадежная вера дикарей и сложилась в форму шаманства с злыми, немилостивыми богами. В этих трущобах поселяется и издревле живет тот черт, с которым до сих пор еще не может разлучиться напуганное изображение русского православного люда. Среди деревьев с нависшими лишаями, украшающими их наподобие бород, в народных сказках и

в религиозном культе первобытных племен издревле помещены жилища богов и лесных духов. В еловых лесах, предпочтительно перед сосновыми, селится и леший, или, как его называют также, лесовик, лешак¹. В этих лесах наиболее чувствуется живой трелет, и леший является его олицетворенным представителем.

В ярославском Пошехонье лешего называют даже просто «мужичок», а в вологодском полесовье лешему даны даже приметы: красный кушак, левая пола кафтана обыкновенно запахнута за правую, а не наоборот, как все носят. Обувь перепутана: правый лапоть надет на левую ногу, левый — на правую. Глаза у лешего зеленые и горят, как угли. Как бы он тщательно ни скрывал своего нечистого происхождения, ему не удастся это сделать, если посмотреть на него через правое ухо лошади.

Леший отличается от прочих духов особыми свойствами, присущими ему одному: если он идет лесом, то ростом равняется с самыми высокими деревьями. Но в то же время он обладает способностью и умаляться. Так, выходя для прогулок, забав и шуток на лесные опушки, он ходит там (когда ему предстоит в том нужда) малой былинкой, ниже травы, свободно укрываясь под любым ягодным листочком. Но на луга, собственно, он выходит редко, строго соблюдая права соседа, называемого «полевиком» или «полевым». Не заходит леший и в деревни, чтобы не ссориться с домовыми и баенниками, — особенно в те, где поют совсем черные петухи, живут при избах «двуглазые» собаки (с пятнами над глазами в

¹ В Новгородской губернии (в белозерских краях) и в ярославском Пошехонье этому духу дают еще название «вольного», и все с тою же целью, чтобы не обижать его общепринятым прозвищем. В Олонецкой же губернии лешего зовут «лядом» («ляд тя возьми», «пошел к лядам», т. е. ступай ко всем чертям) и еще проще прямо «лесом», сознательно веруя в то же время, что «лес праведен — не то, что черт». Прозвищем «праведного» леший неизменно пользуется во всех лечебных заговорах. Великие знатоки всех лесных порядков и трушобных обычаев — олончане и онежане — знают не только о том, что у леших имеется свой царь — воевода, но и как надо звать его по имени. Если кто-либо из подданных чем-либо обидит лесника, последний говорит заклятые, жалуясь в нем на «праведного леса», причинившего лихо, и просит избавить от беды. В противном случае будет послана грамотка царю в Москву и царское величество пришлет два приказа (отряда) московских стрельцов да две сотни донских казаков и вырубят они лес в день. В подтверждение такой острастки около рябины кладется и грамотка. Старожилы лесовики перед отправлением на сплав или рубку умеют предохранять себя, знают, как «заклясть леса». Они отыскивают лядину, т. е. такую возвышенность, которая обросла мелким лесом и где, между прочим, присоседилась рябина. В ней-то и вся сила обороны. Вырубается такая ветка, у которой была бы «отростелина» (отпрыск), и еще несколько рябиновых палочек. Одни кладут против сердца, другие на спинной хребет, а без тех и других заговор царю Мусаилу не действителен, и прошение он оставит у корня рябины без последствий и никаких угроз не побоятся. (Дополнение С.В. Максимова.)

виде вторых глаз) и трехшерстные кошки. Зато в лесу леший является полноправным и неограниченным хозяином: все звери и птицы находятся в его ведении и повинуются ему безответно. Особенно подчинены ему зайцы. Они у него на полном крепостном праве, по крайней мере, он даже имеет власть проигрывать их в карты соседнему лешему. Не освобождены от такой же зависимости и беличьи стада, и если они, переселяясь несметными полчищами и забывая всякий страх перед человеком, забегают в большие сибирские города, причем скачут по крышам, обрываются в печные трубы и прыгают даже в окна, — то дело ясное: значит, лешие целой артелью вели азартную игру и побежденная сторона гнала проигрыш во владения счастливого соперника. По рассказам старожилов, одна из таких грандиозных игр велась в 1859 году между русскими и сибирскими лешими, причем победили русские, а продувшиеся сибиряки гнали затем из тайги свой проигрыш через Тобольск на Уральские горы, в печерскую и мезенскую тайболы¹. Кроме большой игры артелями, лешие охотно ведут и малую, между собою, с ближайшими соседями, и перегоняют зайцев и белок из колка² в коллок почти ежедневно. А то случается и так, что нагонят в эти колки зайцев и угонят мышей и т. д. У леших же в подчинении находятся и птицы, и в полной зависимости от них все охотники: любимцам своим они сгоняют пернатых чуть ли не под самое дуло. Кого же задумают наказать за непочтение к себе — у тех всегда осечка.

Кому удавалось видеть лешего, хотя бы и через лошадиное ухо, те рассказывают, что у него человеческий образ. Так, например, в Новгородчине видали лешего во образе распоясанного старика в белой одежде и белой большой шляпе. Олончане же настолько искусились в опознавании всей лесной нечисти, что умеют отличать настоящих леших в целых толпах их от тех «заклятых» людей, которые обречены нечистой силе в недобрый час лихим проклятьем. Леший отликает синеватым цветом, так как кровь у него синяя, а у заклятых на лицах румянец, так как живая кровь не перестает играть на их щеках. Орловский леший — пучеглазый, с густыми бровями, длинной зеленой бородой; волосы у него ниже плеч и длиннее, чем у попов. Но, впрочем, в черноземной Орловской губернии лешие стали редки, за истреблением их жилищ (т. е. лесов), а потому за наиболее достоверными сведениями

¹ Тайболы — тайга, обширные непроходимые леса.

² Коллок, колók — отдельный лес.

об этой нечисти следует обращаться к жителям севера. Здесь эта нечисть сохраняется местами в неизменном старозаветном виде (например, в Вятской и Вологодской губ.).

Настоящий леший нем, но голосист: умеет петь без слов и подбодряет себя хлопаньем в ладоши. Поет он иногда во все горло (с такой же силой, как шумит лес в бурю) почти с вечера до полуночи, но не любит пения петуха и с первым выкриком его немедленно замолкает. Носится леший по своим лесам как угорелый, с чрезвычайной быстротой и всегда без шапки¹. Бровей и ресниц у него не видно, но можно ясно разглядеть, что он — карноухий (правого уха нет), что волосы на голове у него зачесаны налево. Это удастся заметить, когда он иногда подходит к теплинам² дроворубов погреться, хотя в этих случаях он имеет обыкновение прятать свою рожу. Владея, как и прочая нечисть, способностью перевертываться, леший часто прикидывается прохожим человеком с котомкой за плечами. При этом некоторым удавалось различать, что он остроголовый, как все черти. С последним показанием, однако, сведущие люди не соглашались, признавая в лешем, как и в домовом, нечисть, приближающуюся к человеческой природе, а многие прямо-таки видят в нем «оборотня», т. е. человека, обращенного в лешего.

Лешие умеют хохотать, аукаться, свистать и плакать по-людски, и если они делаются бессловесными, то только при встрече с настоящими живыми людьми. Во Владимирской губернии³, где леших крестьяне называют «гаркунами»⁴, прямо уверены в том, что эта нежить произошла от связи женщин с нечистой силой и отличается от человека только тем, что не имеет тени.

Лешие не столько вредят людям, сколько проказят и шутят, и в этом случае вполне уподобляются своим родичам-домовым. Проказят они грубо, как это и прилично неуклюжим лесным жителям, и шутят зло, потому что все-таки они не свой брат крещеный человек. Самые обычные приемы проказ и шуток леших заключаются в том, что они обводят человека, т. е. всякого, углубившегося в чашу с целью собирать грибы или ягоды, они либо «заведут» в такое место, из которого никак не выбраться, либо напустят в глаза такого тумана, что совсем собьют с толку, и заблудившийся человек

¹ В карачаевских и брянских лесах его всегда видят с огромной дубиной в руках. (Примечание С.В. Максимова.)

² *Теплина* — огонь, костер, яма, укрытие, в которых разведен огонь.

³ По сведениям из Лиленковского уезда.

⁴ *Гаркун* — от гаркать, крикун.

долго будет кружить по лесу на одном и том же месте. Но зато, выбравшись кое-как из чащи, натерпевшийся страху искатель грибов непременно потом будет рассказывать (и может быть, вполне чистосердечно), что он видел лешего живым, слышал его свист, его ау-канья и хлопанье в ладоши.

Однако во всех таких приключениях, нередких в деревенской жизни (особенно после гулянок со сватами и пиров с кумовьями), шаловливый и сам гульливый леший все-таки не ведет людей на прямую гибель, как делает это настоящий дьявол. Притом же от проказ лесного можно легко отчураться, конечно, прежде всего молитвой и крестным знаменем, а затем при помощи известных приемов, которым учат с малолетства по заповедям отцов и прадедов. Так, заблудившемуся рекомендуется присесть на первой колоде, снять с себя и выворотить наизнанку носильное платье и затем в таком виде надеть на себя. Обязательно при этом также левый лапоть надеть на правую ногу или правую рукавицу на левую руку. Если же в беду попали двое или трое, то им следует всем перемениться одеждой, предварительно выверотив ее наизнанку (в этом случае рекомендуется подражать обычаю того же лешего, у которого все навыворот и наизнанку). Можно точно также вызволиться из беды, проговоривши любимую поговорку лешего, которую удачливые люди успели подслушать у него издали: «Шел, нашел, потерял». А кто спохватится закричать — «Овечья морда, овечья шерсть», перед тем леший исчезает с криком: «А, догадался!»

Бывают, впрочем, случаи, когда все способы борьбы с лешими оказываются бессильными. Это случается раз в год, в тот заповедный день, когда лешие бесятся (4 октября). В этот день¹ знающие крестьяне в лес не ходят.

На Ерофея-мученика указано лешим пропадать или замирать. Перед этим они учиняют неистовые драки, ломают с треском деревья, зря гоняют зверей и, наконец, проваливаются сквозь землю, чтобы явиться на ней вновь, когда она отойдет или оттает весною, и начать снова свои проказы все в одном и том же роде.

Вообще, побаиваясь злых и неожиданных затей лешего, лесной народ не прочь над ним посмеяться, а пользоваться его именем как ругательным словом вся крещеная Русь считает первым удовольствием («Иди к лешему», «Леший бы тебя задавил» и т. п.).

¹ День св. Ерофея.

Существование «лесовых» внесло в жизнь и быт лесных обитателей своеобразные верования, не лишённые некоторых нравственных правил, так что миф о леших недаром просуществовал на Земле тысячелетия. По народным воззрениям, леший служит как бы бессознательным орудием наказания за вольные и невольные грехи человека. Так, помимо того, что он заставляет бесконечно блуждать по лесу рассеянных людей, забывших осенить себя крестным знаменем при входе в глухие тущобы, — он же является мстителем и во многих других случаях. В Никольском уезде (Вологодская губ.), например, леший на виду у всех унес мужика в лес за то, что тот, идя на колокольню, ругался непотребным словом. Ещё сильнее карает леший за произнесение проклятий, и если случится, например, что роженица, потерявши в муках родов всякое терпение, проклянет себя и ребенка, то ребенок считается собственностью лешего с того момента, как только замер последний звук произнесенного проклятия. Обещанного ему ребенка леший уносит в лес тотчас по рождении, подкладывая вместо него «лесное детище» — большое и беспокойное. В случае же, если каким-нибудь чудом заклётого ребенка успеют окрестить ранее, так что взять его сразу нельзя, то леший ждет до 7 лет отрочества, тогда сманивает его в лес. (Лешему дана одна минута в сутки, когда он может сманить человека.) В лесу проклятые живут обыкновенно недолго и скоро умирают. А если и случится, что кто-нибудь из них, по усиленным молитвам матери, выживет, то находят его в самом жалком виде: ходит он одичалым, не помнит, что с ним было, и сохраняет полнейшее равнодушие ко всему, что его может ожидать при совместной жизни с людьми¹.

Деревенские слухи очень настойчиво приписывают, между прочим, лешим страсть к женщинам и обвиняют их в нередких похищениях девушек. Кое-где рассказывают об этих связях с мелкими подробностями и уверяют, что похищенные девушки никогда не рожают детей. В Тульской губернии (в Одоевском уезде) указывают на окрестности села Анастасова и уверяют, что в старину, когда около села были большие леса, девушки сами убегали к лешим, жили с ними года два-три и затем возвращались домой с кучей денег и т. п. Едва ли, впрочем, во всех подобных рассказах лешие не смешиваются с заведомо сладострастными чертями дьявольской породы. Лешим также навязывают жен одинаковой с

¹ У олончан в их густых и непечатых лесах, кроме леших, живут еще особенные «лесные старики», или «отцы», которые собственно и занимаются тем, что сманивают в лес детей, но с какой целью держат их там и чем кормят — самые сведущие люди сказать не могут. (Примечание С. В. Максимова.)

ними породы (лешачиха, лешуха) и детенышей (лешеня), но в этих духах отчасти подозревают живущих в камышах русалок из некрещеных младенцев, отчасти проклятых людей, которые в ожидании светопреставления от безделья также проказят (отчего и зовутся, между прочим, «шутихами»).

10

КОЛДУН-ЧАРОДЕЙ

<...> Колдун-чародей все еще не забыт и все еще властен и крепок, несмотря на свое почтенное долголетие. Он точно тот старый дуб, у которого давно гниет сердцевина, но которого не свалила буря благодаря лишь тому, что корень его так глубоко проник в землю, как ни у одного из прочих лесных деревьев. Самая внешность колдуна, строгая и внушительная, очень напоминает старый дуб. Вспомните обсыпанную снегом фигуру чародея, который стоит на переднем плане превосходной картины нашего жанриста (В.М. Максимова)¹. Внезапно этот чародей явился на свадебный пир и всех напугал не на шутку; молодые вскочили с места и остолбенели от страха, батюшка-поп находится в тревоге, а все остальные настолько испуганы, что на лицах их одновременно можно читать выражение страха и раскаяния: забыли, дескать, позвать колдуна — жди теперь беды; он оскорблен, он отомстит, и запоздалым угощением его теперь не задобрить.

Суеверный страх перед колдунами покоится на общенародном убеждении, что все они состоят в самых близких отношениях с нечистой силой и что черти не только исполняют все их поручения, но даже надоедают, требуя для себя все новой и новой работы. Что ни придумают чародеи — все чертям нипочем, одна забава: выдумал один колдун заставить их овин молотить — в одну ночь измолотили так, что и соломы обирать не надо: осталась одна мякина. Дал другой меру овса и меру льняного семени, велел обе смешать и отобрать по зернышку, каждое в отдельное место: думал, что над льняными зернами, скользкими и увертливыми, черти надсалятся, а они в полчаса всю работу прикончили. Пошлют иные колдуны на елке хвою считать, каждую иголку перебрать, чтобы бесы искололи себе лапы, изошли кровью от укулов, а они сказывают верным счетом да еще самодовольно ухмыляются. Другие затейники на осину им ука-

¹ «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» (Государственная Третьяковская галерея).

зывают: сосчитайте, мол, листья (а осиновый лист, как известно, неподатлив: без ветру изгибается, без устали шевелится, ухватить себя лапами не дается). Долго черти с ними бьются; пот с них льется градом несмотря на то, что на осине листьев меньше, чем иголок на елке, — однако и глазом заказчик едва успел мигнуть, как работа у чертей окончена. Опять ослабили они зубы, опять навязываются на работу. Вбил один колдун в озеро кол и оставил конец над водой: «Заливайте, говорит, кол». Стали черти заливать — не могут. «Теперь не скоро явятся, — думает колдун, — дня два промучаются, а я тем временем отдохну от них». Однако колдун ошибся: хотя он наказал носить воду решетом, да забыл его зааминить: сделать по молитве таким, чтобы они не могли навести свои чары — превратить решето в лукошко. Вот черти и залили кол. Снова пришли, расхохотались: давай им что-нибудь потруднее. Тогда колдун озлился: «Вот вам чурбан из того проклятого дерева¹, которое вы любите за то, что на нем удавился Иуда, и под корою которого видна кровь (кора под кожей красновата); чурбан я вырубил во весь свой рост, да с одного конца отсек от него пол-аршина. Надо вытянуть кряж так, чтобы стал по мерке снова ровень с ростом». Тянули черти три дня целых — ничего у них не вышло. Пришли покаяться и просить работы хотя бы еще поскучнее, например, песок с берега перетаскать в реку, по песчинке, или еще мудренее: развеять куль муки по ветру да и собрать его по порошинке.

Колдуны бывают природные и добровольные, но разницы между ними нет никакой, кроме того, что последних труднее распознать в толпе и не так легко уберечься от них. Природный колдун, по воззрениям народа, имеет свою генеалогию: девка родит девку, эта вторая приносит третью, и родившийся от третьей мальчик делается на возрасте колдуном, а девочка ведьмой. Впрочем, помимо этих двух категорий колдунов существуют, хотя и очень редко, колдуны невольные. Дело в том, что всякий колдун перед смертью старается навязать кому-нибудь волшебную силу, иначе ему придется долго мучиться, да и мать сыра земля его не примет. Поэтому знающие и осторожные люди тщательно избегают брать у него из рук какую-нибудь вещь, даже самые родные стараются держаться подальше, и если больной попросит пить, то не дадут из рук, а поставят ковшик так, чтобы он сам мог до него дотянуться. Рассказывают, что один колдун позвал девку и говорит: «На тебе!» — Та догадалась: «Отдай тому, у кого взял». — Застонал

¹ Осина.

он, заскрипел зубами, посинел весь, глаза налились кровью. В это время пришла проведать его племянница; он и к ней: «На, — говорит, — тебе на память!» — Та спроста приняла пустую руку — захохотал он и начал кончаться.

Для «невольного» колдуна возможно покаяние и спасение; их отчитывают священники и отмаливают в монастырях, для «вольных» же нет ни того, ни другого.

Посвящения в колдуны в общем сопровождаются однородными обрядами, смысл которых повсюду сводится к одному — к отречению от Бога и царствия небесного и затем к продаже души своей черту. Для первого довольно снять с шеи крест и спрятать его под правую пятку или положить икону на землю вниз ликом и встать на нее ногами, чтобы затем в таком положении говорить богохульные клятвы, произносить заклинания и выслушивать все руководящие наставления сатаны. Лучшим временем для этого, конечно, считается глубокая полночь, а наиболее удобным местом — перекрестки дорог, как излюбленное место нечистой силы. Удобны также для сделок с чертом бани, к которым, как известно, приставлены особые духи. При заключении договоров иные черти доверяют клятвам на слово, другие от грамотных требуют расписки кровью, а неграмотным велят кувыряться ведомое число раз через столько-то ножей, воткнутых в землю¹. Когда все обряды благополучно окончены, к посвященному на всю жизнь его приставляются для услуг мелкие бойкие чертенята.

Для изобличения колдунов в некоторых местах (например, в Пензенской губ.) знают три средства: вербную свечу, осиновые дрова и рябиновый прут. Если зажечь умеючи приготовленную свечу, то колдуны и колдуньи покажутся вверх ногами. Равным образом стоит истопить в Великий Четверг² осиновыми дровами печь, как тотчас все колдуны придут просить золы. Рябиновая же палочка помогает опознавать этих недоброхотов во время светлой заутрени: они стоят задом к иконостасу. Это всюду считается самым верным средством, и если встречаются разноречия, то лишь в указании времени (например, в Орловской и Саратовской губерниях полагают более удобным моментом для наблюдений пение Херувимской за пасхальной обедней, причем советуют надеть на себя все чистое и новое до последней ниточки). В Новгородской же губернии колду-

¹ До 12 раз, как сообщают из Пензенской губернии. (Примечание С.В. Максимова.)

² Великий Четверг — перед Пасхой.

нов опознают несколько иначе. Для этого советуют взять в руки первое яйцо молодой курицы и во время светлой заутрени стоять на таком месте, откуда видно было бы всех молящихся; тогда у колдунов удастся заметить даже рога на голове. В Калужской губернии колдуны узнаются по тому, что на святую Пасху приходят в чужую избу огня просить и т. п. Наконец, есть и еще несколько способов, отличающихся большой странностью; в числе их один, например, такого рода: надо положить нож острием кверху и прочитать воскресную молитву («Да воскреснет Бог») с конца: тогда колдун либо заревет, либо начнет скверно ругаться. В Сарапульском уезде Вятской губернии указывают еще на «сорокообеденный ладан» (пролежавший на престоле во время сорокоуста¹). Если такой ладан растереть в порошок и всыпать в вино, пиво и дать подозрительному человеку выпить, то он начнет ходить по избе с одного угла на другой и дверей не найдет. Этот способ тем хорош, что, если в это время дать колдуну напиток поганой воды хотя бы из лоханки, он охотно выпьет и затем потеряет всю силу.

Все эти заботы о приискании предохранительных средств против колдунов вытекают непосредственно из непоколебимой народной веры «в порчу». Здесь, в этой порче, и сосредоточена собственно вся деятельность чародеев, и ею же объясняется их влияние в деревенской среде, наружное уважение к ним, почетные поклоны при всякой встрече и угощения водкой в виде отступного. Тем не менее под наружными признаками заискивающего почтения скрытно таятся зародыши глубокой ненависти, которая и вспыхивает всякий раз, как только отыскивается смельчак-обличитель, который выведет на свежую воду все чародейские шутки. Над опростоволосившимся колдуном охотно смеются, причем вслед за насмешками быстро наступает утрата всякого доверия к нему, полное равнодушие и невнимание. Это на лучший конец. В тех же случаях, когда озлобление скоплялось долгое время и выввалось неудачей злобных выходок чародея, общее негодование сопровождается жестокими побоями, напоминающими расправы с конокрадами. Для этого достаточно бывает ударить его наотмашь левой рукой, не оборачиваясь назад. Если при этом прольется кровь, то чародей уже испортился и в колдуны больше не годится. Он перестает быть опасным и затем, конечно, теряется в самых задних рядах, пребывая в полном презрении и совершенном отчуждении.

¹ Сорокоуст — сорокодневная молитва.

Темное дело порчи, — в какой бы истерической форме она не выражалась: в форме ли кликушества, омерячения, падучей, беснованья и даже пляски св. Витта, — производится «сглазом», заговорами, «напуском» и «относом». Наговаривают на хлеб, соль, воду и проч., напускают по ветру и по следу, посылают порчу на «относ»¹, т. е. подкидывают наговоренные вещи, и, кто их поднимет, тот и захворает. Примеров такого рода порчи рассказывают бесконечное множество: нашла баба наговоренное яйцо у колодца и начала на голоса кричать; подняла другая на дороге узелочек с рубашкой, крестом, поясом, цепочкой и угольками — и лишилась еды, тоска напала, все немилы стали; отнесла назад туда, где нашла, и начала поправляться.

Приемы, к которым прибегают, посылая порчу, очень разнообразны. Сильному колдуну довольно взглянуть своим недобрим косым взглядом, чтобы заставить чахнуть. Колдуну послабее нужен заклятый порошок, чтобы бросить его на намеченную жертву по ветру: дело сделано, если хоть одна порошинка попадет на человека или скотину. Вынутый след, т. е. щепотка или горсточка земли из-под ног обреченного, в мешочке подвешивается в чело печи, а в трубе замазываются глиной волосы его; начнет земля и глина сохнуть — сухота обуюет и того человека. Через наговоренную сильным колдуном вещь достаточно перешагнуть, на зачурованное место стоит сесть, чтобы захворать. Иной колдун только лишь слегка ударит по плечу, ан смотришь — человек испорчен.

Тот колдун, который причинил порчу, снять ее уже не в силах, — надо искать другого, хотя бы и слабенького. И наоборот: если свой колдун успел обезопасить от всяких чар, то чужому тут нечего делать. Последнее всего виднее замечается на свадьбах, около которых преимущественно и сосредоточивается деятельность колдунов.

Чтобы избавить молодых от порчи, колдунов обыкновенно зовут на свадьбы в качестве почетных гостей, причем приглашенного еще в дверях избы встречает сам хозяин низким поклоном, со стаканчиком водки. Вторую чарку колдун попросит сам и затем уже смело начинает кудесить с доброй целью предупредить возможность порчи: берет из рук хозяйки поднесенный хлеб и соль, разламывает хлеб на кусочки, круто сыплет солью и разбрасывает по сторонам. Плюнувши три раза на восток, входит он в избу, осматривает все углы, дует в них и плюет, потом в одном сыплет рожь, в другом свою траву, в остальных двух золу: рожь против порчи, траву на здоровье молодых. Оглядит пристально пол: не набросано ли желтого порош-

ка — ведомого, опасного зелья; заглянет в печь: не кинуты ли на за-гнетку¹ с угольями такие травы, от которых смрад дурманит у всех головы, а у иных баб вызывает рвоту (бывали случаи, когда поезжане из-за этого смрада покидали избу и свадьбу отсрочивали).

Затем колдун выходит на двор и три раза обходит лошадей, назначенных для поезда под жениха и невесту. Заглядывает под хомут: не положил ли какой-нибудь недоброхот репейника или иных колючек. В избе обсыпает молодых рожью, заставляет проходить через разостланный под ноги черный полушубок и этим вконец изводит навеянную порчу. Провожая до церкви, он на каждом перекрестке и под каждым воротами (которые считаются самыми опасными местами) шепчет заклинанья. Из-под венца велит ехать другой дорогой. На свадебном пиру принимает первые чарки и напивается прежде всех до полного бесчувствия. Тогда только его увозят домой с выговоренными подарками, сверх денег: холстом и расшитыми в узор, но не в кресты полотенцами.

В лесных захолустьях еще живы рассказы о том, как целые свадебные поезда лихие люди оборачивали в волков, как один не приглашенный колдун высунул в окно голову и кричал ехавшему по селу поезду: «Дорога на лес!» — а колдун приглашенный отчуровывался своим словом: «Дорога на поле!» — и с соперником сделалось то, что у него выросли такие рога, что он не мог высвободить головы из окна, пока на обратном пути не простили его и не освободили. Другой раз под ноги передней лошади колдун бросил рукавицу на волчьем меху, и лошадь зафыркала, остановилась как вкопанная и задержала весь поезд, который должен совершить свой путь без помех и препятствий. Против всех этих козней колдунов придумано бесчисленное множество самых разнообразных, хотя и малодействительных, средств: тут и лук, и чеснок, и янтарь, и ладан, столь ненавистные чародеям, и крест, нашитый на головной платок невесте, и монета, положенная ей с наговором в чулки, и иголки без ушков, зашитые в подоле платья, и льняное семя, насыпанное в обувь. Все эти меры предосторожности обыкновенно составляют заботу свахи, хотя у колдуна, в свою очередь, припасен гороховый стручок о девяти горошинах — средство, перед которым ничто не устоит.

«Относы», т. е. вещи, снятые с заразного больного и отнесенные на дорогу или повешенные в лесу на суку. Болезнь уходит в дерево или в того неосторожного, который поднимет или снимет те вещи. Осторожные же никогда не поднимут находки, не пере-крестясь и не обдумавши ее с молитвой. (Примечание С.В. Максимова.)

¹ *Загнетка* — угол шестка перед отверстием печи или место сбоку внутри печи, куда сгребают угли.

Колдуны большею частью — люди старые, с длинными седыми волосами и нечесаными бородами, с длинными неостриженными ногтями. В большинстве случаев они люди безродные и всегда холостые, заручившиеся, однако, любовницами, которые к таким сильным и почетным людям очень прилипчивы. Избенки колдунов, в одно окошечко, маленькие и сбоченившиеся, ютятся на самом краю деревни, и двери в них всегда на запоре. Днем колдуны спят, а по ночам выходят с длинными палками, у которых на конце железный крюк. Как летом, так и зимой надевают они все один и тот же овчинный полушубок, подпоясанный кушаком. По наружному виду они всегда внушительны и строги, так как этим рассчитывают поддерживать в окружающих то подавляющее впечатление, которое требуется их исключительным мастерством и знанием темной науки чернокнижия. В то же время они воздерживаются быть разговорчивыми, держат себя в стороне, ни с кем не ведут дружбы и даже ходят всегда насупившись, не поднимая глаз и устрояая тем взглядом исподлобья, который называется «волчьим взглядом». Даже и любовниц своих они не любят и часто меняют их. В церковь они почти никогда не ходят и только, страха ради иудейска, заглядывают туда по самым большим праздникам. Все это, вместе взятое, с одной стороны, совершенно порабощает напуганное воображение захолустных обитателей, а с другой — придает самим колдунам необыкновенную уверенность в своих силах. <...>

Пользоваться помощью колдуна, как равно и верить в его сверхъестественные силы, наш народ считает за грех, хотя и полагает, что за этот грех на том свете не угрожает большое наказание. Но зато самих чародеев за все их деяния обязательно постигнет лютая, мучительная смерть, а за гробом ждет суд праведный и беспощадный. <...>

Самая смерть колдунов имеет много особенностей. Прежде всего колдуны заранее знают о смертном часе (за три дня), и, кроме того, все они умирают приблизительно на один манер. Так, например, пензенских чародеев бьют судороги, и настолько сильно, что они не умирают на лавке или на полатах, а непременно около порога или под печкой. Если над таким колдуном станут читать «псалтырь», то в полночь он вскакивает и ловит посиневшего от страха чтеца. Вологодские колдуны перед смертными страданиями успевают дать родным словесное завещание: если умрет в поле — не вносить в избу, умрет в избе — выносить не ногами вперед, по обычаю всех православных, а головой, и у первой реки заблаговременно остановиться, перевернуть в гробу навзничь и подрезать пятки или подколенные жилы. От смоленских колдунов не требуется и

подобных завещаний: все там твердо знают, что необходимо тотчас же, как только зароят могилу колдуна, вбить в нее осиновый кол¹ с целью помешать этому покойнику подыматься из гроба, бродить по белому свету и пугать живых людей². Умирают колдуны непременно очень долго, так как им указано мучиться сверх положенного. Одна орловская колдунья, например, умирала целых шесть дней: к вечеру совсем умрет — затихнет, положат ее на стол, а наутро она опять залезет в подполье и снова жива. Вытащат ее оттуда, а она опять начинает мучиться: корежит ее и ломает, вся она посинеет, высунет раздутый язык наружу и не может спрятать. Дивуется народ, а не догадается снять конец (верх крыши) или хотя бы одну жердочку, чтобы облегчить предсмертные страдания³. Короче сказать, все рассказчики, рисующие ужасы предсмертных страданий колдунов, не находят слов для выраженья этих мук. Иные из колдунов доходят до того, что бьются головой об стенку, стараясь расколоть себе череп, рвут себе язык на куски и т. п. Один из них не велел жене подходить к нему и смотреть на его лицо, а когда она, бабьим обычаем, не послушалась, то после смерти мужа шесть недель лежала неподвижно, как полоумная, и все время смотрела в одну точку. Самые похороны колдунов — вещь далеко небезопасная, и, зарывая их в землю, надо смотреть в оба, чтобы не случилось какой-нибудь беды. Так, на похоронах одного колдуна (Орловская губ., Брянский уезд) крестьяне не заметили, как дочь его, повинувшись слепо воле умершего, положила в могилу свежей сжатой ржи. Сейчас же после этого грянул гром, нашла грозовая туча с градом и выбило полевые посевы. С тех пор каждый год в день похорон этого колдуна стало постигать «Божье наказание» (и в самом деле, в течение 1883, 1884 и 1885 гг. град при грозе побивал хлеб лишь в одной этой деревне), так что крестьяне наконец решили миром разрыть могилу, вынуть гнилой сноп и только тогда успокоились (выпито при этом было видимо-невидимо).

¹ Во Владимирской губернии кресты на таких могилах обыкновенно не ставят и верят, что колдуны обычно умирают в банях, в стоячем положении. (*Примечание С.В. Максимова.*)

² Вбивают кол обыкновенно по общественному приговору в тех случаях, когда родные не позволяют при погребении положить в могилу осиновой палки. (*Примечание С.В. Максимова.*)

³ В других местах северных лесных губерний с тою же целью, чтобы дать душе простор выйти вон из тела и из избы, снимают целые крыши, веруя, однако, при этом, что черти могут вылететь и привычным своим путем — в трубу. (*Примечание С.В. Максимова.*)

Подводя итоги злой деятельности колдунов, можно с уверенностью сказать, что почти все деревенские напасти имеют прямую или косвенную связь с кознями чародеев. Эта нечисть вредит человеку, вредит скотине и переносит свою ненависть даже на растения. Вред, приносимый человеку, всего чаще выражается в форме болезней. Колдуны, например, «насаживают килы» на людей, т. е. устраивают так, что здоровый человек заболевает грыжей или злокачественными темно-синими нарывами, сопровождаемыми невыносимой болью и необъяснимой тоской: человек просто на стену лезет. Запои также напускаются колдунами, когда несчастный бросает семью, уходит куда глаза глядят, иногда налагает на себя руки. Колдуны же отнимают у человека разум, делают его припадочным, возбуждают у мужа отвращение к жене и обратно, и вообще нагоняют все те болезни, от которых бедняков отчитывают, а людей достаточных берут по монастырям к святым мощам. Что касается растений и животных, то, как выше было сказано, колдуны, уступая настойчивым требованиям нечистой силы, вынуждены обращать свою деятельность и на них¹, причем эта деятельность поддерживает среди темного населения постоянную нервную напряженность, проистекающую от непрерывного ожидания нечаянных несчастий и непредусмотренных бед. Дело доходит до того, что крестьяне, например, купивши новую скотину, стараются укрывать ее подальше от недобрых глаз ведомого колдуна: стоит ему провести рукой по спине коровы, чтобы отнять у нее молоко, или по спине лошади, чтобы посадить ее на задние ноги. Над лошадьми — особенно в свадебных поездах — влияние колдунов безгранично; захочет — не пойдут с места или падут на пути во время движения поезда в церковь. Повальные падежи скота относятся также к работе колдунов.

Из растений колдуны всего более вредят хлебу, отлично понимая, что, уничтожая крестьянские поля, они причиняют величайшее несчастье не только отдельным лицам, но целым крестьянским обществам. Чаще всего чародеи прибегают к так называемому «залому» или «закруткам» (иначе «куклы»).

Залом представляет собою очень спутанный пучок стеблей еще не сжатого хлеба, надломленных в правую и левую сторону, закрученных в узел вместе с золой и присыпанных у корней солью, зем-

¹ Есть, однако, растения, животные и даже вещи, которые помогают волшебству: филины, совы, черные, без всякого пятнышка, кошки, лягушки, змеи и всякие пресмыкающиеся гады безразлично; 12 железных ножей — для превращения в оборотней, осиновая зола, добытая у соседей в Великий Четверг, сажа из церковной печи; травы: Разрыв-трава, Любжа, Иван-да-Марья и др. (*Примечание С.В. Максимова.*)

лей с кладбища, яичной скорлупой и распаренными старыми зернами. Если зола взята из печи одного хозяина, то залом сделан с расчетом нанести вред ему одному, предвещая различные бедствия: пожар, падеж скота и даже смерть. Так думают южные великороссы черноземной полосы и придесненские жители (Брянский уезд); северные же (например, в Пошехонье) боятся заломов еще больше, твердо веруя, что последствием таких закруток неизбежно является полный неурожай на всем поле. Крестьяне этих мест убеждены, что если они и успеют предупредить или ослабить козни колдунов на испорченных полосах, то все-таки выросший хлеб не будет «спориться», т. е. его будет расходоваться в семье гораздо больше обычного среднего количества, так что придется раньше времени покупать хлеб на стороне. Сверх того, с зачурованной десятины зерно получается легковесное и по количеству наполовину не сравняется с соседними. Такой хлеб ни один хозяин поля не решится пустить для домашнего потребления, а постарается поскорее продать его на сторону. Кроме дурного качества зерна, залом имеет еще ту особенность, что с ним чрезвычайно трудно бороться: что бы ни делали хозяева зачурованного поля, как бы ни вырывали и ни жгли залама, но загаданная беда непременно сбудется, если не отслужить молебна с водосвятием и не попросить самого священника вырвать крестом всю закрутку с корнем. Правда, кроме священника, во многих местах хлебородных губерний возлагают еще надежды на опытных стариков и даже на ловких знахарей. В Карачевском уезде, например, в селе Ячном жил 75-летний старик, которого всюду возили «развязывать» заломы старинным и очень мудреным способом¹. Старик этот приносил с собой на загон изломанное колесо, срезанный залом клал в ступицу и сжигал на глазах хозяев, от которых требовал лишь посильного угощения на дому. Не таков был мещанин из Малоархангельска, тоже специалист по части заломов. Этот брал дорого и выезжал на места неохотно. Зато он уж сполна бывало обнадежит и успокоит не только самого потерпевшего, но и всех соседей. Приезжал он обыкновенно с книжкой и по ней читал молитвы (требник Петра Могилы): «Мне, говорит, его московский митрополит дал и сказал: кормись и поминай меня». Самое чтение он обставлял очень торжественно: «За-

¹ Надо вставать по три зари до восхода солнца и нашептывать воду. А шептать надо долго, так что иной шевелит-шевелит губами и языком да и заснет. Нашептанной водой обрызгивают весь загон и потом уже залом срезают и сжигают. (Примечание С.В. Максимова.)

лом-залом, взвейся под огнем, рассыпья пеплом по земле, не делай вреда никому! Огонь очищает, болезнь прогоняет» — так говорил он в поле и притом обыкновенно поднимал руки вверх, держа ладони обращенными к огню, который наказывал приготовить к его приходу. Затем дул на все четыре стороны и говорил какие-то таинственные слова. Куда сам он не ездил, туда посылал либо три палочки (две сложит крестом, третьей прикроет и велит ими поднимать залом), либо давал записку с заклинательными словами, которую приказывал сжечь вместе с заломом, а пепел привезти к нему для окончательного отговора. Мужики при этом удивлялись тому, что откуда бы ветер ни был, но пламя тянуло прямо на него.

Кроме заломов, равносильным и едва ли даже не большим несчастьем следует считать так называемые «прожины» (или «прорезы»). Это не недочет в снопах или копнах, а та дорожка во ржи в вершок шириною, которая проходит с одного края загона до другого и по которой все колосья срезаны. Срезают их жучки и черви в то время, когда рожь в цвету, и потому, конечно, никаких следов человеческих ног по сторонам никогда не замечается, а, напротив, стенки ржи бывают даже приметно гуще, чем в других местах той же хлебной полосы. Но крестьяне объясняют это явление тем, что колдун, делая прожин, стоит в это время обеими ногами на двух иконах, как на лыжах, и ведет дорожку, как колесо катит.

Когда опытные хозяева замечают прожин, то зовут священника и поднимают иконы, придавая между ними большое значение «Святцам» (иконе 12-ти праздников с Воскресеньем в середине). Священник идет по прожину с крестом и кропит по сторонам святою водою. Если же эти меры предосторожности не будут приняты, то результаты прожина скажутся, и надежды на урожай не оправдаются: на корню по всему полю рожь как будто бы хороша, т. е. соломой велика и зерном прибыльна, но как только сжали ее, привезли на гумно и начали молотить, то сейчас же стали замечать, что вместо 5 или 4 мер с копны вышло лишь по две, а то и по одной чистого зерна. Одни при этом толкуют, что затем колдуны и прожин делают, чтобы переливать зерно в свои закрома (пятое со всего поля), другие объясняют беспричинною злобою и желанием всем хозяевам полного недорода¹.

¹ Такие же прожины делают лесные муравьи в траве, прокладывая себе дороги, иногда в 2—3 верстах от муравейника, но таким прожинам не придается зловещего значения. (Примечание С.В. Максимова.)

ВЕДЬМА

В духовном стихе, записанном (А.В. Баловым) в Пошехонье Ярославской губернии, душа ведьмы, уже завершившей свое земное существование, следующим образом кается в своих грехах:

От коровушек молочко отдавала,
Промеж межги полоску прожиновала,
От хлебушка спорынью отмывала.

В этом стихе дается полная характеристика злой деятельности ведьмы, так как эти три деяния составляют специальные занятия женщин, решившихся продать свою душу чертям. <...>

Великорусских ведьм обыкновенно смешивают с колдуньями и представляют себе не иначе как в виде старых, иногда толстых, как кадушка, баб с растрепанными седыми космами, костлявыми руками и с огромными синими носами. (По этим коренным чертам во многих местностях самое имя ведьмы сделалось ругательным). Ведьмы, по общему мнению, отличаются от всех прочих женщин тем, что имеют хвост (маленький) и владеют способностью летать по воздуху на помеле, кочергах, в ступах и т. п. Отправляются они на темные дела из своих жилищ непременно через печные трубы и, как все чародеи, могут оборачиваться в разных животных, чаще всего в сорок, свиней, собак и желтых кошек. Одну такую свинью (в брянских местах) били чем попало, но кочерги и ухватыв отскакивали от нее, как мячик, пока не запели петухи. В случаях других превращений побои также считаются полезною мерою, только советуют бить тележной осью и не иначе, как повторяя при каждом ударе слова «раз» (сказать «два» значит себя сгубить, так как ведьма того человека изломает). Этот ритуал избияния, определяющий, как и чем надо бить, показывает, что кровавые расправы с ведьмами практикуются весьма широко. И действительно, их бьют и доньше, и современная деревня не перестает поставлять материал для уголовных хроник. Чаще всего ведьмы подвергаются истязаниям за выдаивание чужих коров. Зная повсеместный деревенский обычай давать коровам клички сообразно с теми днями недели, когда они родились, а равно и привычку их оборачиваться на зов, — ведьмы легко пользуются всем этим. Подманивая «авторок» и «субботок», они выдаивают их до последней капли, так что коровы после приходят с поля такими, как будто совсем потеряли молоко. Обиженные крестьяне утешают себя возможностью поймать злодейку на месте преступления и изу-

родовать, отрезавши ей ухо, нос или сломавши ногу. (После того в деревне не замедлит обнаружиться обыкновенно баба с подвязанной щекой или прихрамывающая на ту или другую ногу). Многочисленные опыты в этом роде повсеместны, так как крестьяне до сих пор сохранили уверенность, что их коровы выдаиваются не их голодными соседками, не знающими, чем накормить ребят, а именно ведьмами. Притом же крестьяне, по-видимому, не допускают и мысли, что коровы могут потерять молоко от болезненных причин или что это молоко может быть высосано чужеядными животными.

Ведьмы имеют чрезвычайно много общего с колдунами, и если подбирать выдающиеся черты в образе действий тех и других, то придется повторяться. Они также находятся между собою в постоянном общении и стачке (вот для этих-то совещаний и изобретены «лысые» горы и шумные игры шаловливых вдов с веселыми и страстными чертями)¹, точно так же тяжело умирают, мучаясь в страшных судорогах, вызываемых желанием передать кому-нибудь свою науку, и у них точно так же после смерти высовывается изо рта язык, необычно длинный и совсем похожий на лошадиный. Но этим не ограничивается сходство, так как затем начинаются беспкойные ночные хождения из свежих могил на старое пепелище (на лучший случай — отведать блинов, выставляемых за окно до законного сорокового дня, на худший — выместить запоздавшую и неостывшую злобу и свести неоконченные при жизни расчеты с немилыми соседями). Наконец, успокаивает их точно так же осино-вый кол, вбитый в могилу. Словом, бесполезно разыскивать резкие границы, отделяющие волхвов от колдунов, так же точно, как ведьм от колдуний. Даже история тех и других имеет много общего: ее кровавые страницы уходят в глубь веков, и кажется, что они потеряли свое начало — до такой степени укоренился в народе обычай жестокой расправы с колдунами и ведьмами. Правда, против этого обычая еще в средние века выступали наиболее просвещенные

¹ За отдаленностью или прямо за неимением «лысых» гор для свиданий признают достаточно удобными чуланы и особенно бани, причем для надзора за ними существует «ведьмак». По всему югу Великороссии это — либо колдун, либо упырь-кровосос, который, по общему всем славянским народам поверью, ходит после смерти и морит людей. Всего же чаще ведьмак — доброе существо, не только ничего злого не творящее, но даже старающееся быть полезным: он ведьмам мешает делать зло, запрещает ходить мертвецам, разгоняет тучи и пр. Он и по смерти не теряет своей силы. Рассказывают, что не раз видали его, как он дерется с мертвецами на могилах и всегда побеждает. По причине этой путаницы понятий, не дающей ясного представления о ведьмаках, и за принадлежностью к украинским поверьям упырей-мертвецов-ночных бродяг — не находим надобности обоим дать отдельные описания.

отцы церкви, но в ту суровую эпоху проповедь кротости и незлобия имела мало успеха. Так, в первой половине XV века одновременно с тем, как во Пскове во время моровой язвы сожгли живыми двенадцать ведьм, — в Суздалье епископ Серапион вооружается уже против привычки приписывать общественные бедствия ведьмам и губить их за это: «Вы все еще держитесь поганского обычая волхвования, — говорил святой отец, — веруете и сожигаете невинных людей. В каких книгах, в каких писаниях слышали вы, что голода бывают на земле от волхвования? Если вы этому верите, то зачем же вы пожигаете волхвов? Умоляете, почитаете их, дары им приносите, чтобы не устраивали мор, дождь ниспускали, тепло приводили, земле велели быть плодоносною? Чародеи и чародейки действуют силою бесовскою над теми, кто их боится, а кто веру твердую держит к Богу, над тем они не имеют власти. Скорблю о вашем безумии, умоляю вас: отступите от дел поганских. Правила божественные повелевают осуждать человека на смерть по выслушании многих свидетелей, а вы в свидетели поставили воду, говорите: “Если начнет тонуть — невинна, если же поплывет — то ведьма”. Но разве дьявол, видя ваше маловерие, не может поддержать ее, чтобы не тонула, и этим ввести вас в душегубство?» Однако гласом в пустыне прозвучали эти слова убеждения, исполненные высочайших чувств христианского милосердия: через 200 лет, при царе Алексее, старицу Олену сжигают на срубе как еретицу, с чародейскими бумагами и кореньями, после того, как она сама созналась, что портила людей и некоторых из них учила ведовству. В Перми крестьянина Талева огнем жгли и на пытке дали ему три встряски по наговору, что он напускает на людей икоту. В Тотьме в 1674 году сожжена была в срубе, при многочисленных свидетелях, женщина Федосья по оговору в порче и т. д. Когда (в 1632 г.) из Литвы дошли вести, что какая-то баба наговаривает на хмель, чтобы навести моровое поветрие, — то тотчас под страхом смертной казни тот хмель запретили покупать. Спустя еще целое столетие (в 1730 г.) Сенат счел нужным напомнить указом, что за волшебство закон определяет сожжение, а через сорок лет после того (в 1779 г.) епископ Устюжский доносит о появлении колдунов и волшебников из крестьян мужского и женского пола, которые не только отвращают других от правоверия, но и многих заражают разными болезнями посредством червей. Колдунов отправили в Сенат как повинившихся в том, что отреклись от веры и имели свидание с чертом, который приносил им червей. Тот же Сенат, узнав из расспросов колдунов, что их не раз нещадно били и этими побоями вынудили виниться в том, в чем они вовсе не виноваты, распорядился воеводу с

товарищем отрешить от должности, мнимых чародеев освободить и отпустить, а архиереям и прочим духовным особам запретить вступать в следственные дела о чародействах и волшебствах, ибо эти дела считаются подлежащими гражданскому суду. И вот с тех пор, как блеснул во мраке непроглядном животворный луч света, накануне XX столетия мы получаем нижеследующее известие все по тому же чародейскому вопросу о ведьмах: «Недавно,—пишет корреспондент наш из Орла, — в начале 1899 г. чуть было не убили одну женщину (по имени Татьяну), которую все считали за ведьму. Татьяна поругалась с другой женщиной и пригрозила ей, что испортит ее. И вот что потом произошло из-за уличной бабьей перебранки: когда на крики сошлись мужики и обратились к Татьяне со строгим запросом, она обещала им превратить всех в собак. Один из мужиков подошел к ней с кулаком и сказал: “Ты, вот, ведьма, а заговори мой кулак так, чтобы он тебя не ударил”. И ударил ее по затылку. Татьяна упала, на нее, как по сигналу, напали остальные мужики и начали бить. Решено было осмотреть бабу, найти у нее хвост и оторвать. Баба кричала благим матом и защищалась настолько отчаянно, что у многих оказались исцарапаны лица, у других покусаны были руки. Хвоста, однако, не нашли. На крик Татьяны прибежал ее муж и стал защищать, но мужики стали бить и его. Наконец, сильно избитую, но не переставшую угрожать женщину связали, отвезли в волость (Рябинскую) и посадили в холодную. В волости им сказали, что за такие дела всем мужикам попадет от земского начальника, так как де теперь в колдунов и ведьм верить не велят. Вернувшись домой, мужики объявили мужу Татьяны, Антипу, что жену его, должно быть, порешат послать в Сибирь, и что они на это согласны будут дать свой приговор, если он не выставит ведра водки всему обществу. За выпивкой Антип божился и клялся, что не только не видал, но ни разу в жизни даже не заметил никакого хвоста у Татьяны. При этом, однако, он не скрыл, что жена угрожает оборотить его в жеребца всякий раз, когда он захочет ее побить. На другой день пришла из волости Татьяна, и все мужики явились к ней договариваться о том, чтобы она в своей деревне не колдовала, никого не портила и не отымала у коров молока. За вчерашние же побои просили великодушно прощения. Она побожилась, что исполнит просьбу, а через неделю из волости получился приказ, в котором было сказано, чтобы впредь таких глупостей не было, а если что подобное повторится, то виновные за это будут наказаны по закону и, кроме того, об этом будет доводиться до сведения земского начальника. Выслушали крестьяне приказ и порешили всем миром, что наверняка ведьма околдовала начальство и что поэтому впредь не следует доходить до него, а нужно расправиться своим судом». <...>

ЗНАХАРИ-ШЕПТУНЫ

<...>Главное отличие между колдунами и знахарями состоит в том, что первые скрываются от людей и стараются окутать свое ремесло непроницаемой тайной, вторые же работают в открытую и без креста и молитвы не приступают к делу: даже целебные заговоры их в основе своей состоят из молитвенных обращений к Богу и святым угодникам как целителям. Правда, знахари тоже нашептывают тайно, вполголоса, но зато открыто и смело действуют: «Встанет раб Божий, благословясь и перекрестясь, умоется свежей водой, утрется чистым полотенцем, выйдет из избы к дверям, из ворот к воротам, выступит под восточную сторону, где стоит храм Введения Пресвятой Богородицы, подойдет поближе, поклонится пониже, попросит смотреть лестно, и повсеместно, и повсечасно». Колдун действует зачастую по вдохновению: разрешает себе выдумку своих приемов и средств, лишь бы они казались внушительными и даже устрашали. Он выжидает и ищет случаев показать себя в возможно импонирующей обстановке, хотя бы и с растрепанными волосами и со включенной бородой. На свадьбы и за праздничные столы он является незванным и старается прийти неожиданно, словно из-под земли вырасти и т. п. Знахарь же идет торной дорожкой и боится оступиться: он говорит по-ученому, как по писаному, придерживаясь «цветника», или как наставлял его покойничек-батюшка. Знахаря не надо разыскивать по кабакам и не придется заставить полупьяным, выслушивать грубости, смотреть, как он ломается, вымогает плату, угрожает и застрачивает своим косым медвежьим взглядом и посулом несчастий впереди. У знахаря — не «черное слово», рассчитанное всегда на зло и беду, а везде «крест-креститель, крест-красота церковная, крест вселенный — дьяволу устрашение, человеку спасение». (Крест опускают даже в воду перед тем, как задумают наговаривать ее таинственными словами заговора, и таким образом вводят в нее могущественную целебную силу). У знахаря на дверях замка не висит; входная дверь открывается свободно; теплая и чистая изба, с выскобленными стенами, отдает запахом сушеных трав, которыми увешаны стены и обложен палатный брус; все на виду, и лишь только перед тем, как начать пользоваться, знахарь уходит за перегородку Богу помолиться, снадобье приготовить: и тогда оттуда доносятся шепоты и вздохи. Выговаривая себе всегда малую плату (копеек пять-десять), знахарь говорит, что берет деньги Богу на свечку, а чаще довольствуется тем количеством яичек от домашних кур, какое принесут, а то так и ничего не возьмет и, отказываясь, скажет:

«Дело божеское, за что тут брать?» — Впрочем, плата, даваемая знахарям, не считается зазорной главным образом потому, что ею оценивается лишь знание и искусство, а не волшебство или чародейство. К тому же знахарь немало трудится около своих пациентов, так как крестьяне не обращаются к нему по пустякам, а лишь в серьезных случаях. Прежде чем больной пришел за советом, он уже пользовался домашними средствами: ложился на горячую печь животом, накрывали его с головой всем, что находили под рукой тепло-го и овчинного; водили в баню и на полке околачивали вениками до голых прутьев, натирали тертой редькой, дегтем, салом, скипидаром, поили квасом с солью — словом, все делали и теперь пришли к знахарю, догадавшись, что приключилась болезнь не от простой «при-тки», т. е. легкого нечаянного припадка, а прямо-таки от «уроков», лихой порчи или злого насыла, напуска, наговора и чар. Теперь и надо раскинуть умом, потрудиться отгадать, откуда взялась эта порча и каким путем вошла в белое тело, в ретивое сердце? Входит в чело-века порча в следующих случаях:

Сглазу, или что одно и то же, *от призору*. Бывают глаза у людей хорошие, добрые, счастливые, и наоборот — дурные: «Черный глаз, кар-рий глаз, минуй нас!» «Озевает» человек своим нехорошим взглядом встречного и испортит. От «недоброго часа» сглаз приходится отчиты-вать три зори, а от «худого часа» и порчи надо отчитывать 12 зорь.

По следу: злые люди вынут земли из-под ступни проходящего человека и бросят ту землю на дерево, отчего хворь не пройдет до тех пор, пока дерево не засохнет, а с ним вместе и порченный человек не помрет. Освободить от несчастья в таких случаях может лишь са-мый опытный знахарь. Но если бросить землю на воду, то знахарь помочь не в силах, как бы ни старался. Он только скажет: «Сделано крепко и завязано туго — мне не совладать; одна теперь тебе наде-жда на спасение, если была в сапогах соломенная подстилка».

От притки, которая считается много привязчивее сглаза и трудно распознается, отличаясь самыми многосложными и запутан-ными признаками. В них мудрено разобраться: то ли это «схвати-ло» вдруг без всякой причины, то ли это припадок, вызванный ста-рым внутренним повреждением, внезапно и неожиданно обострив-шимся, то ли, наконец, хворь, прикинувшаяся в бане.

От изурочья, или что то же, от уроков. Под этим именем разу-меется заочная посылка порчи. Лиходеи посылают порчу всякими путями и способами: в пище, по воде, по ветру¹. Как пулей из ру-

¹ Выйдет на улицу, встанет против ветра, скажет какое ему нужно слово, ветер под-хватит и, кто первый дыхнет, тот и изурочится. (*Дополнение С.В. Максимова.*)

жья, поражают они ударом по пояснице вроде «утина», напуском жестокого колотья в грудь и болей в живот, да таких, что приходится криком кричать и кататься по земле от невыносимого страдания.

От кладу, которую чародеи зашивают новобрачным в подушки или перины. Это женский волос, спутанный комком, косточка, взятая на кладбище, три лучинки, опаленные с двух концов, и несколько ягод егодки (волчьих ягод). Знахарь устраняет от молодых порчу тем, что опалает кладь на огне, уносит на речку и спускает на воду. Пекут также для кладу лепешки с разными снадобьями и угощают ими или подкидывают, чтобы сами приговоренные нашли и съели.

От удара, или *щипка*, привязывается порча, когда сильный колдун, проходя мимо бабы, как бы ненароком щипнет ее впереди или хлопнет сзади, да еще и прихвалит: «Какая ты, шут, гладкая!»

От оговора, когда «не в час молвится». Рассказывают, например, такой случай: вышла баба после родов рано на улицу, к ней подошла соседка и сказала: «Сидела бы лучше дома». — Баба испугалась, заболела, у ней разлилось молоко, и в конце концов она умерла.

Относом портят не умышленно и не по злости, а ненароком: делано было на другого, а подвернулся посторонний и неповинный человек. Отхаживают в таких случаях тоже знахари, но необходимо, чтобы они были сильнее тех, которые наслали порчу. Самый способ лечения отличается большой простотой: знахарь должен пойти на распутье, где скрещиваются дороги, и бросить там узелок с защитыми в нем золой, углем и кусочком глины от печного чела. Таким относом отводится порча от того больного, к которому знахарь был позван. Но относ имеет свою опасную сторону, так как всякий, кто первым наткнется на отнесенный узелок, непременно будет испорчен. А это, в свою очередь, влечет дурные последствия для первого больного, уже излечившегося от порчи при помощи узелка; однако, когда его душа, в свой смертный час, станет выходить из тела, сатана скажет ангелу Божию: эта душа моя, она зналась со мною, приносила мне на распутье хлеб-соль¹.

¹ В Калужской губернии, Жиздринский уезд, в Бытчинской волости существовал очень странный обычай подобных отношений. На светлый праздник, когда садились разговляться, хозяин семьи отрезал от каждого кушанья по кусочку, отливал хлеба и молока и по окончании еды все это относил на ростани и просил злых духов побережь его скот на пастьбе. Один старик покаялся в этом священнику и, по убеждению последнего, постарался усовестить и повлиять на соседей, причем имел такой успех, что обычай отновов стал прекращаться. Теперь, если и придерживаются его, то только люди закоренелые, да и те действуют тайно, чтобы никому не попасться на глаза. (*Дополнение С.В. Максимова.*)

От какой бы из перечисленных причин ни приключилась болезнь человеку, знахарь, как и весь деревенский русский мир, глубоко убежден, что всякая болезнь есть живое существо. С нею можно разговаривать, обращаться к ней с просьбами или приказами о выходе вон, спрашивать, требовать ответов (не говоря уже о таких, например, болезнях, как кликушество, когда сидящий внутри женщины бес не находит даже надобности скрываться и, еще не видя приближающегося крестного хода или проходящего мимо священника, начинает волноваться и выкрикивать женским языком мужские непристойные ругательства и кабацкие сквернословия. Бывают случаи, когда болезни даже олицетворяются. Так самый распространенный недуг, сопровождающийся ознобом и жаром и известный под общим именем лихорадки, есть не что иное, как одна из двенадцати дочерей библейского царя Ирода (а по другим сведениям из 14)¹. Знахарь умеет распознать, какая именно в данном случае овладела его пациентом: одна ли, например, ломовая, или трепуха, или две вместе. Он определяет, которая из них послабее, положим, знобуха или гнетучка, чтобы именно с такою-то и начать борьбу. Больной и сам умеет подсказать, гноевая ли это (если лихорадка напала в то время, когда свозили навоз на поле) или подтынница (если болезнь началась, когда усталым он свалился под изгородь в лугах и заснул на мокрой траве). В том же случае, когда объявились сильные боли в крестце или разломило в пояснице так, что не продохнешь, — всякий знахарь понимает, что это «утин» и что в этом случае надо положить больного животом на порог избы, взять тупой косарь в руки, насекают им спину и вступить с этим утином в переговоры, спрашивая его и выслушивая ответы: «Что рублю? — Утин секу. — Руби гораздо, чтобы век не было», и т. д.

Бесконечное разнообразие знахарских приемов и способов врачевания, составляющее целую науку народной медицины, сводится, в конце концов, к лечению травами². Как лечат знахари — это составляет предмет особого исследования, предоставленного врачу-специалисту. Нам же остается досказать о том положении, ка-

¹ Живут они в ущельях каменистых гор и летают по воздуху; кого поцелуют, тому не миновать беды. (Примечание С.В. Максимова.)

² Знахари гордятся своими ботаническими сведениями и хвастаются тем, что им известно 99 сортов трав (более скромные упоминают лишь о 77). Из этих трав для каждого знахаря обязательно держат всегда дома 12: цикуту, или одолим, семена белены, корень лапчатки, богородицкую траву, волчьи ягоды, корень морковника, корень папоротника, куричью слепоту, паутинник, земляные орехи, кунавку, бузинный цвет. (Дополнение С.В. Максимова.)

кое занимают знахари и знахарки в деревенской среде в качестве людей, лишь заподозренных в сношениях с нечистой силою, но отнюдь не продавших ей свою душу. Хотя житейская мудрость и велит не обвинять никого без улики, но житейская практика показывает другое, и на обвинение знахарей деревенский люд не скупится. Так, например, ночью знахарям нельзя даже зажечь огонь в избе или продержать его дольше других без того, чтобы соседи не подумали, что знахарь готовит зелье, а нечистый дух ему помогает. Но, живя на положении подозреваемых, знахари тем не менее пользуются большим уважением в своей среде. Объясняется это тем, что знахарями делаются люди преимущественно старые, одинокие холостяки или старушки-вдовы и престарелые девицы, не сделавшиеся черничками потому, что захотели быть лекарками и ворожеями. Положение подозреваемых невольно делает знахарей слегка суровыми и очень самолюбивыми и самоуверенными. Да и подбирается сюда не только народ смысленный, но и положительно стоящий выше других на целую голову. Оттого у знахарей не выходит с соседями ни особенно близкой дружбы, ни хлебосоля, ни откровенных бесед: тайна пуще всего им на руку.

<...> все врачебное дело в деревне держится на знахаре. Впрочем, наряду с знахарем пользуется больных и бабка-лекарка. Она, так сказать, дополняет знахаря по той причине, что бывают по женской части такие дела, в которые мужчине никак не проникнуть. Бабки-повитухи работают вполне независимо, на свой страх и ответ, причем в некоторых случаях им даже отдастся предпочтение перед мужчиной-знахарем, так как бывают такие болезни, где только женская рука, нежная и мягкая, может принести действительную пользу. Так, например, все воспаления глаз всегда и повсюду доверяются лечению исключительно одних знахарок: никто лучше их не сдувает бельма, никому так ловко не вдунуть в глаз квасцов, смешанных с яичным белком. Сверх того, бабка усерднее знахаря: она забежит к своему больному раза три на день. В лечении детских болезней точно так же нет равных знахаркам, хотя и по «сердечным» делам они не утратили заслуженно добытую славу. Они охотно берутся «снимать тоску» с того человека, который лишился любви, но заставить полюбить не могут, так как «присуха» — дело греховное и дается только колдунам. В этом, собственно, и заключается существенная разница между колдунами и знахарями: то, что наколдуют чародеи, — знахари и знахарки снимут и поправят. И слава их в этом отношении так велика, что к ним со всех концов стекаются деревенские люди за помощью. Но еще чаще обращаются к ним в самых обыденных житейских случаях. <...>

Трудовые (рабочие) песни

Трудовые, или как их еще называют, рабочие песни принадлежат к роду произведений, непосредственно связанных с бытовой практикой. Их исполняют при работе, требующей от тех, кто ее ведет, упорядоченных совместных физических усилий. Трудовые песни (в первоначальном виде выкрики, возгласы, команды) возникли из осознания практической пользы ритма и размеренного темпа в работе. Форма и стиль, а также во многом и темы таких словесных образований, обусловлены процессом труда. Ход работы стал структурообразующим моментом и образовал устойчивую традицию самого жанра. Ритм неизменно присутствует как в простых, так и в сложных песенных образованиях. Среди них можно выделить простые формы хорового исполнения и усложненные, предполагающие попеременное выкрикивание и пение запевалы и хора.

Представленные образцы трудовых (рабочих) песен взяты из публикации А.А. Банина «Трудовые артельные песни и припевки» (М., 1971).

1

Ой, еще!
Берем раз еще!
Давай раз еще!
Э, давай раз еще!
Берем раз еще!
Ой, раз еще!
Берем раз еще!
Ой, раз еще!

2

Ой, ой, да разочек да берем.
Да еще!

Еще раз, да разочек да берем
Да еще!

Ой, ой, да разочек да берем.
Да еще!

Молодцы, еще разочек да берем,
Ой, да еще!

Удалые, да берем-ка разочек да берем,
Да еще!

Ой, ой, да разочек берем,
Ой, да еще!

3

Ой, да на подъем,
На подъем его берем!
Ой, да сильный раз!

Ой да тетка го...
Тетка городом идет!
Ой, да сильный раз!

Ой, да в руках ко...
В руках кочета¹ несет!
Ой, да сильный раз!

Ой, да кочет пе...
Кочет песенки поет!
Ой, да сильный раз!

4

Ташим балку по леску,
Подается по вершку.
Да, эх! Еще раз!
Давай разик еще!
Да, эх! Еще раз!
Давай разик еще!

Ташим балку по воде,
Подается по версте.
Да, эх! Еще раз!
Давай разик еще!
Да, эх! Еще раз!
Давай разик еще!

Вы тяните подружней,
Запевайте веселей.
Да, эх! Еще раз!
Давай разик еще!
Да, эх! Еще раз!
Давай разик еще!

5

Эй, ухнем! Эй, ухнем!
Еще разик, еще раз!
Эй, ухнем! Эй, ухнем!
Еще разик, еще раз!

¹ Кочет — петух.

Разовьем мы березу,
Разовьем мы кудряву!
Ай-да, да ай-да, ай-да, да ай-да,
Разовьем мы кудряву!

6

Ой, дубинушка, ухнем,
Раззеленая, сама пойдет,
Подернем, подернем, да ухнем!

Ой, дубинушка, охнем,
Раззеленая сама пойдет,
Подернем, подернем да ухнем!

7

Эх, ребятушки, собирайтесь,
За дубинушку хватайтесь!
 Ай, дубинушку мы ухнем!
 За зеленую подернем,
 Подернем, подернем,
 Да ух!

8

Ну, ребята, принимайся,
За дубинушку хватайся!
Припев: Эй, дубинушка, ухнем!
 Эй, зеленая сама пойдет!
 Подернем, подернем, да ухнем!

Ну-тка, примемся за дело,
Что б оно у нас кипело!
Припев.

Ну-ка примемся мы дружно,
Поскорей окончить нужно!
Припев.

Ну, ребята, не зевайте,
Разом, дружно напирайте!

Припев.
Ну, тяни, ребята, смело,
Что б работа-то кипела!
Припев.

Вы тяните посильнее,
Опускайте враз дружнее!
Припев.

9

Ой, дубинушка, охнем,
Ай, раззеленая сама пойдет!

Идет, идет!
Бери, пойдет!
Идет, идет!
Бери, пойдет!
Идет, идет!
Сама пойдет!

Ой, дубинушка, охнем,
Ай, раззеленая сама пойдет!

Идет, идет!
Бери, пойдет!
Идет, идет!
Бери, пойдет!
Идет, идет!
Сама пошла!

10

Ой, дубинушка, охни.
Ой, зеленая, нейдет, пойдет!
Ой, раз, ой, раз,
Еще, разик, таки раз,
Еще маленький разок!

Наша барка на мель стала,
На деревеньку попала,

На деревню Белу гору,
В Новоселицы под гору.

Вы, девушки, собирайтесь,
За веревочки хватайтесь.

Вы, девушки, не ленитесь,
Хозяина постыдитесь!

Вы, хозяева, не скупитесь,
На орехи расступитесь!

У нас веревочки крутые,
Хозяева молодые.

Если б чаем напоили,
Веселее бы крутили!

Наш хозяин-то да Осип
При себе денежки носит.

Мы барочки погружали,
С Богом в Питер отпускали.

Мы нагрузим барку легко,
И потянем, — пойдет ходко.

Наши девушки печальны,
Косоплеточки мочальны.

Как ведь наши-то девицы
Сами белы, круглолицы.

Уж как бронницы ребята
Сами белы, кудреваты.

Девушки по мосту гуляли,
Робят в глаза не видали,

Робят в глаза не видали,
Хоть видали, не стояли,

Хоть стояли, платки рвали,
Во Мсту реченьку бросали.

Как у Бронницкого мосту
Потонуло девок до сту.

Как у нашего Федота
Подломилися ворота.

Как на прусской на границе
Пропил лоцман рукавицы.

Как прикащица Хохлова
Родила сына слепого.

Как у Летнего у саду
Продает мужик рассаду.

Как Холынская Ненила
За водой ходить ленива.

Утонула крыса в кринке,
Приходил кот на поминки.

Наши девки припотели,
Покупаться захотели.

Закипела в море пена,
Будет ветру перемена.

11

Пошли девки за водой,
Еще разок!

Потонули все до одной,
Еще разок!

Стали мельника ругать,
Еще разок!

Мельницу да проклинять,
Еще разок!

Заговоры

В народе заговоры называли по-разному: *слово, приговор, наговор, оберег, осторóжа, присушка, любжа, отсушка* и пр. Все они относятся к роду многообразных в фольклоре заклинаний и волевых пожеланий. От других видов заклинаний заговоры отличает особенная словесная структура, традиционная формульность. Заговор — сокровенная словесная ритмически организованная формула с репутацией магического воздействия на людей и окружающий мир.

Заговор — типичный вид творчества, сложившийся в условиях синкретизма и предполагает включенность магического слова в бытовую практику. Заговоры — давняя неотделимая часть быта. Выраженный в заговоре практический императив по прямой связи с особенным мировоззрением остается главным свойством словесного высказывания, но проявление человеческой воли обретает в заговоре и неосознаваемую художественность. Как целое (характеризуемое соединением в заклинательном акте магии, выражения особенного понимания мира и безотчетного влечение к образности) заговоры многофункциональны.

Сложный состав заговоров уясняется через постижение связи с ритуальной практикой. Многообразно включение магии заговора в обряды всех типов: календарных, семейно-бытовых, сопровождавших жизнь человека от рождения до смерти. Обильны в заговорах и мифологические понятия — преимущественно они касаются низ-

шей народной демонологии, но немало и христианских заимствований в особенном народном применении и толковании.

Образцы заговоров, представленных в подборке, взяты преимущественно из сборника Л.Н. Майкова «Великорусские заклинания» в редакции переиздания 1994 г. (1-е издание — СПб., 1869). Записи, осуществленные после выхода сборника, преимущественно представляют жанр в форме, которая характерна для его массового бытового использования, но давние традиции в нем удержаны целиком. К числу их относится сохранение в заговоре всех свойств, возникших на стадии его первоначального синкретического состояния. Заговор не стал жанром с чисто художественными функциями, а его мировоззренческие свойства остались связанными с обрядовой практикой.

ОТ ЗАСУХИ

1

Чтобы растения хорошо росли.

Встану я, раб Божий (*имя рек*), благословясь, пойду помолясь из избы в двери, из дверей в ворота, в чистое поле, прямо на восток, и скажу: «Гой еси¹, солнце жаркое, не пали и не пожигай ты овощ и хлеб мой (*имя рек*), а жги я, пали куколь² и полынь-траву». Будьте, мои слова, крепки и лепки.

2

Выхожу я, удал добрый молодец, из ворот в ворота, в чистое поле, заговором заговариваюся, на все четыре стороны поклоняюся, вижу: лежит гроб по верх земли; земля того гроба не принимает, ветер его не обдувает, с небеси дождь не поливает, лежит в том гробе опивец³ зубастый, собой он головастый, как гадина, в гробу распластался, язык его в темя вытягался; Божии тучи мимо проходят, на еретника за семь поприщ⁴ дождя не изводят. Беру я, раб

¹ *Гой еси* — *гой* (ободрительное восклицание) от *гойть* — жить, здравствовать; *гой еси* — да здравствует! да живет!

² *Кюколь* — чернуха, сорная трава, плевел.

³ *Опивец* — пьяница, умерший от запоя. «Где опойцу похоронят, там шесть недель дожди (сеножной) стоят» (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1981. С. 678).

⁴ *Поприще* — расстояние, путевая мера; суточный переход, двадцать верст.

Божий, от дупла осинова ветвь сучнистую¹, обтешу арясину осистую², воткну еретнику в чрево поганое, в его сердце окаянное, схорю в блате³ смердящем, чтоб его ноги поганья были не ходящия, скверныя его уста не говорящия, засухи не наводящия; лежал бы в земле, ни чем недвижим, окаянныя⁴ бы его на ноги не подымали, засухи на поля не напушали; окаянный бы их наибольший⁵ кружало⁶, самого сатаны нечисто въздыхало, в триисподнюю был проклят; аминь; помоги, Господи; словесам моим утверждение.

Нередко случается, что крестьянин соединяет слова этого заговора с теми действиями, которые в нем упоминаются.

НА ВЕДЕНИЕ СКОТИНЫ

3

Поплюешь и начитаешь в пойло к скотинке.

Встану, благословясь, пойду, перекрестясь. Дедушко доможирушко⁷, прими мою скотинку, пеструнюшку-чернунюшку, пусти на подворьице, пой-корми медом, болтушкою скусной. Дедушко доможирушко, да жену, детей не допускай, поутру рано вставай да сам подавай.

Помогат, право, помогат, оно всё испытано.

4

Встану, благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверьми, из дверей в ворота, выйду в чисто поле. В чистом поле стоит соборна церковь, в этой церкви живет Мати Мария и Пятница Прасковья, сидят за престолом на стуле, держат в серебряном блюде, держат по серебряному клюву (*ключу?*), по золотому кольцу. Откладывают⁸, отвлекают все молочныя жилы и суставы, все молочные колодицки⁹. Убежало молочко из сустав по жилам, из жил — в молочные

¹ *Сучнистая* (ветвь) — суковатая.

² *Арясина осистая* — орясина, кол, жердь, толстая ветка; *осистая* — острая.

³ *Блато* — болото.

⁴ *Окаянныя* — черти.

⁵ *Набольший* — старший, главный.

⁶ *Кружало* — кутила, гуляка.

⁷ *Доможирушка, доможир* — домочадец, домовой.

⁸ *Отложить* — открывать.

⁹ *Колодицки* — здесь и далее местное «цоканье» (замена ч на ц): подойничек вместо подойничка и подобн.

колодицки, из колодицков — в вымяцко, из вымяцка — в цицецки, из цицицка — в большой подойнищек, чтобы делалось на белую сметану, на желтое маслице. Как наливается сине море реками, озерами и мелкими ручьями, и так бы наливалась матушка Сидо-нюшка молочком. Стой горой, а дой рекой. Стой горой, а дой рекой. Стой горой, а дой рекой. Отныне и до веку и во веки веков. Аминь.

5

Коровушка-первотёлочка отелится, и ставили, чтоб смирная была:

Стану я, раба Божия (*имя рек*: Катерина), стану, благословясь, пойду, перекрестясь, выйду в чистое поле. Погляжу на все четыре стороны, на четвертой сторонушке стоит церковь Василия Великого на четырех углах. Так же и ты, моя коровушка, стой на четырех ножечках, с ножечки на ножечку не переступай, головушкой не мотни, хвостиком не махни. Будь смирна и кротка, как Василий Великий был смирен и кроток — так и ты, моя коровушка, будь смирна и кротка.

6

Пастушеский обход

Должно с когтем «лева-зверя» (за который нередко выдают клюв гитары) обойти кругом стада коров и при том шептать следующее:

Обхожу я, раб Божий, с когтем лева-зверя мое милое стадо, крестьянский живот¹. Как мои коровушки до сей поры боялись медведя, так теперь да боится медведь моих коровушек; а к этому моему слову небо и земля — ключ и замок; аминь.

ПЧЕЛОВОДСТВО

7

Чтобы пчелы не улетали, надо такие слова сказать:

Стану я на восток и слышу шум пчел. Беру я пчелу роя и сажаю в улей. Не я тебя сажаю, а чист месяц, красно солнце и ясны звез-

¹ Живот — достояние, имущество.

ды. Ты, пчела, ройся у меня, раба Божьего (*имя рек*: Афанасия). Замыкаю я тебе, матка, все пути-дороги, а ключи бросаю в оки-ян-море. Будьте, мои слова, лепки, крепки. Аминь.

ОХОТА

8

<На удачную охоту за зверями и птицами>.

Стану я, раб Божий (*имя рек*), благословясь, пойду перекрестясь из избы дверьми, из двери в ворота, из ворот в чистое поле путем дорогой. В чистом поле млад месяц родился; от млада месяца млад молодец сидит; молодец на вороном коне; у ворона коня по колени ноги в золоте и по локоть руки в серебре, на буйной голове все кудри в золоте. Держит молодец золоту кису¹ и золотой топор и булатной нож; на золотой кисе лежит часть мяса; сечет ножом мясо и бросает на мой волок², на мой золотой стол. Сговорил добрый молодец: «Гой еси чернолисицы, черноухия, черноусья, лисицы бурия, рыси и росомахи и седые волки, и сбегайтесь на мой волок и на мою отраву³ — днем по солнцу, а ночью по месяцу, ко мне, молодцу разудалому, безпонятно на всякий день, на всякий час». Ключ да замок, аминь.

9

Стану благословясь, пойду перекрестясь я, раб Божий (*имя рек*), из избы дверьми, из двора воротми, да поклонюсь и помолюсь на все четыре стороны; пойду на Божия дела, на Божий путь, стану ставить планочки, ловушки на белаго горносталя на чернохвоста. Бежи, бел горносталя, из-за рек из-за быстрых, из-за лес из-за темных через болота зыбучия, бежи ко моим ловушкам! Прибежал бел горносталя ко моим ловушкам, только скочил, спрянул, завидел мою ловушку, поначал⁴ своим теплым гнездышком, схватил бел горносталя в моей ловушечке, принялся за животцу⁵, — моя плашечка возбудилась, прихватила белаго горносталя чернохвоста по

¹ *Киса, кыса* — кожаный мешок, сумка для продуктов.

² *Волок* — путь, дорога.

³ *Отрава* — здесь приманка, гибель.

⁴ *Поначал* — поначал, принял за свое гнездо.

⁵ *Животца* — животка, приманка.

нутру, по самому животцу, по резвым по ножкам, по буйной головке. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков, аминь.

10

От ворона, мешающего охотнику

Господи, Боже, благослови! Стану я, раб Божий (*имя рек*), благословясь; пойду перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами; выйду на широкую улицу, с широкой улицы в чистое поле, с чистаго поля в зеленое лукоморье; пойду на свою милую тропу, на свой завод¹. Стану я, раб Божий (*имя рек*), становить пасточки² и силышки на благословенную птицу, которая создана нам на жертву: на ряба и рябушку³, копалу⁴ и тетеру⁵, косача и косачушку⁶. Проклятая птица, поганый, черный ворон, полети с моей тропы, с моего сгодья, за синее море ко Ироду царю; там Ирод царь бьется, дерется, кровь проливает. Тут тебе, черный ворон, столы разоставлены, ества сподоблены. На моем лесе, на моей тропе, на моем заводе смоливая⁷ спица в правый глаз тебе! К тем моим словам небо и земля — ключь и замок. Аминь.

РЫБНЫЙ ПРОМЫСЕЛ

11

Чтоб был улов рыбы, надобно взять свечу, горевшую на Страстной неделе во время стояния у христовской заутрени, и окурить ею ловушку рыбную, приговаривая:

Сколько было в церкви народу, столько бы в моей ловушке рыбы. Все мои слова лепки и крепки! Тем моим словам рот, зубы — замок, язык — ключь, в море брошены.

¹ *Завод* — здесь: место в лесу, где ставят силки.

² *Пасточка* — пасть, ловушка, крышка запирает зверя.

³ *Ряб, рябушка* — рябчик, лесная птица.

⁴ *Копала* — глухая тетерка, самка глухаря.

⁵ *Тетера* — самка тетерева.

⁶ *Косач, косушка* — полевой тетерев, с раздвоенным хвостом.

⁷ *Смоливая* (о спице) — вероятно, осмоленная (грязная).

ЗДОРОВЬЕ И БОЛЕЗНИ

12

От горячки или огневицы¹

Стану я, раб Божий (*имя рек*), благословясь и пойду перекрестясь во сине море; на синем море лежит бел горячъ камень, на этом камне стоит Божий престол, на этом престоле сидит Пресвятая Матерь, в белых рученьках держит белаго лебедя, обрывает, общипывает у лебедя белое перо; как отскокнуло, отпрыгнуло белое перо, так отскокните, отпрыгните, отпряните от раба Божия (*имя рек*), родимыя огневицы и родимыя горячки, с буйной головушки, с ясных очей, с черных бровей, с белаго тельца, с ретиваго сердца, с черной с печени, с белаго легкаго, с рученек, с ноженек. С ветру пришла — на ветер пойдиди; с воды пришла — на воду пойдиди; с лесу пришла — на лес пойдиди отныне и до века.

13

От золотухи

Читать трижды на масло, которым и натирать больное место.

Стану я, благословясь, пойду перекрестясь, из дверей в двери, в чистое поле, в чистом поле бегут три реки: первая Варварея, вторая Настасея, третья Парасковея. Обмывают эти реки пенья, коренья, белые каменья, и круты берега, и желты пески. Так бы обмывали красну красушину, золоту золотушину у раба Божия (*имя рек*). Красна красушина, скатися, свалися с его костей, с его моздей², из белаго тела, из горячей крови, чтобы не болело, чтобы не щемело ни день, ни ночь, ни час, ни полу-часа, ни минуты, ни полу-минуты, во веки, аминь.

14

От лихорадки

Читается молитва: «Да воскреснет Бог», а потом следующее:

Встану я, раб Божий (*имя рек*), благословясь, пойду перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота, под восточную сторону, в чистое поле, к Окияну морю, на свят Божий остров. На этом острове лежит Алатр камень, а на камени стоит Мати Пречистая

¹ *Огневица* — горячка.

² *Моздеи* — вероятно, от *мозжанья* (боли в ногах и руках).

Богородица, просит и молит безпрестанно Господа Иисуса Христа об нас грешных (*имя рек*). Прошу и молю, Пречистая Божия Матерь, усердно своими горькими слезами: «Заступи обо мне, рабе Божьем (*имя рек*), отгони злую лихоманку за тридевять земель, в тридесятое пустое царство, отгони и отведи от меня, Божья человека (*имя рек*)». Ключь в море, язык в роте.

15

От зубной боли

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Стану я, раб Божий (*имя рек*), до схот¹ солнца, стану благословясь и пойду перекрестясь; выйду в чистое поле, в широко раздолье. В чистом поле, в широко раздолье лежит белой камень Латырь. Под тем белым камнем лежит убогий Лазарь. То я, раб Божий (*имя рек*) спрощу убогаго Лазаря: «Не болят ли у тебя зубы, не шепит ли щеки, не ломит кости?» И ответ держит убогий Лазарь: «Не болят у меня зубы, не шепит щеки, не ломит кости». Так бы у меня, раба Божия (*имя рек*), не болели бы зубы, не шепили бы щеки, не ломило бы кости — в день, при солнце, ночью при месяце, на утренней зори, на вечерней зори, на всяк день, на всяк час, на всякое время. Тем моим словом будь ключь и замок. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.

16

От разных других болезней

Занемогшаго младенца мыть в бане, произнося:

Стану я, раб Божий (*имя рек*), благословясь, выйду перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротми. Выйду я в чистое поле; помолюсь и поклонюсь на восточную сторону. Под восточной стороной есть Окиян море. На Окияне море ходит щука бела, зубы укладны², хвост булатный, поедат³ и пожират⁴ у раба Божия (*имя рек*) уроки⁵ и прикосы⁶; и грыжи, и баенны нечисти, чтобы не в

¹ До схот — вероятно, до восхода солнца.

² Укладны (о зубах) — стальные, наварены.

³ Поедат — поедает.

⁴ Пожират — пожирает.

⁵ Уроки — от урочить, испортить недобрым взглядом, сглазить, наслать болезнь.

⁶ Прикосы — от прикосить, испортить сглазом.

вечерню, ни на нову, ни на ветху и ни на перекрою¹ месяцу. Во веки веков, аминь. Будьте, мои слова, замком замкнуты, ключом заперты.

17

Должно взять воды, которою и окачивают больного.

Встал раб Божий (*имя рек*) благословясь, пошел перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротми, да вышел в чисто поле. В чистом поле есть синее море, на том синем море тихая заводь, на той на тихой на заводе плавает серый гоголь, на том на сером на гоголе не держится ни вода, ни роса. Также на рабе Божиим (*имя рек*) не держались бы ни уроки, ни призоры², ни лихие оговоры, ни ветрены прострелы³ и не ночные переполохи. Во веки веков, аминь.

ПРИВОРОТНЫЕ, ПРИСУШКИ

18

Наговаривается на пищу или питье, которыя дают привораживаемому, или на след его.

Встану я, раб Божий (*имя рек*), и пойду из дверей дверьми, из ворот воротами, под восток, под восточную сторону, под светлый месяц, под луну Господню, к тому синему морю, синему морю Окияну. У того у синяго моря лежит бел Алатр камень; под тем под белым Алатром камнем лежат три доски, а под теми досками три тоски тоскучия, три рыды рыдучия. Подойду я близехонько, поклонюсь низехонько: «Вставайте вы, матушки три тоски тоскучия, три рыды рыдучия, и берите свое огненное пламя; разжигайте рабу (*имя рек*) девицу, разжигайте ее во дни, в ночи и в полуночи, при утренней заре и при вечерней. Садитесь вы, матушки три тоски, в ретивое ея сердце, в печень, в легкия, в мысли и в думы, в белое лицо и в ясныя очи; дабы раб Божий (*имя рек*) казался ей пуще света белаго, пуще солнца краснаго, пуще луны Господней; едой бы она не заедала, питьем бы она не запивала, гульбой бы не загуливала; при пире она или при беседе, в поле она или в доме, — не сходил бы он с ея ума-разума». Будьте вы, мои слова, крепки и

¹ *Нов* — новый; *ветх* — старый, месяц на ущербе; *на перекрѳе* — на переходе, изменении.

² *Призѳры* — порча сглазом.

³ *Прострѳлы* — удары, болезни, паралич.

лепки, крепче камня и булата. Замыкаю я вас тридевятью замками; запираю я вас тридевятью ключами. Нет моим словам переговора и недоговора, и не изменить их ни хитрецу, ни мудрецу.

19

Читается по утренним зорям.

Встану, раба Божия (*имя рек*), благословясь и пойду перекрестясь из дверей в двери, из ворот в ворота, в чистое поле, в восточную сторону, под утреннюю зорю, под красное солнце, под млад месяц, под частая ярыя звезды. Под частыми ярыми звездами стоит гора белокаменная; из этой горы белокаменной бегут три ключа горячие и кипучие; у этих ключей горячих и кипучих стоит истинный Христос со ангелями и с архангелями, со всей силой небесною: всяк их убоится, устрашится; я, раба Божия (*имя рек*), не убоюсь, не устрашусь. Попрошу у их с трех ключей горячих, с трех ключей кипучих воды для того, чтоб у раба Божия (*имя рек*) зажечь легкую печень и горячую кровь и ретивое сердце — кипело бы, горело об рабе Божией (*имя рек*) век по веки, отныне и до веку. Будьте, мои слова, крепки и лепки, чтоб у раба Божия (*имя рек*) зажглася легкая печень и горячая кровь и ретивое сердце кипело бы горело об рабе Божией (*имя рек*) век по веки, отныне и до веку; чтоб у раба Божия (*имя рек*) кипело бы, горело сердце ретивое об рабе Божией (*имя рек*) век по веки, отныне и до веку.

20

Когда сваху посылают засватывать избранную невесту

Этот наговор употребляется только тогда, когда не надеются получить согласие отца и матери невесты.

Встану я (*имя рек*) на утренней заре, на солноскоде красного солнца и пойду из дверей в двери, из ворот в ворота, на восточную сторону, в чистое поле; в том чистом поле гуляет буйный ветер. Подойду я поближе, поклонюсь пониже и скажу: «Гой еси¹, буйный ветер, пособи и помоги мне (*имя рек*) закон получить от сего дома, и взять кого я хочу, и у того бы человека (*имя рек*) ум и разум отступился и на все четыре стороны расшибся, а ко мне бы (*имя рек*) приступился и ум-разум домашних судьбы наипаче, кого хочу получить; и перевалились бы и отошли бы ко мне (*имя рек*) все ея мыс-

¹ *Гой еси* — см. примечание к заговору под № 1: заздравный возглас-клич.

ли, и охоты, и забавы, и все бы их вниз по воде унесло, а на меня (*имя рек*) принесло». Ключ в море, язык в роте. Тому слову нету края и конца, от злаго человека вреда, беды и напасти. А кто бы на меня и на нее подумал (*то есть, недоброе*) и замыслил, у того человека ничего бы не последовало, и заперло бы ключами, и замками и восковыми печатями запечатало.

ОТСТУДЫ, ОТСУШКИ

21

На море на окияне, на острове на Буяне стоит столб; на том столбе стоит дубовая гробница; в ней лежит красная девица, тоска-чаровница; кровь у нея не разгорается, ноженьки не поднимаются, глаза не раскрываются, уста не растворяются, сердце не сокрушается. Так бы и у (*имя рек*) сердце бы не сокрушалось, кровь бы не разгоралась, сама бы не убивалась, в тоску не вдавалась. Аминь.

22

Отговорить девку от парня

Не во имя не Отца, не Сына и не Духа Святого. Не аминь. Встану я, раба Божия (*имя рек*), не благословясь, пойду, не перекрестясь, из дверей не в двери, из ворот не в ворота, сквозь дыру огородную. Выйду я не в чистое поле, не в подвосточную сторону, посмотрю в подзакатную сторону. Под той ли подзакатной стороной течет смородяная река, по той ли смородиной реке плывеет смердячий челн, в смердячем челне сидит Немал-человек — чертова рожа, змеиная кожа, сычьи глаза, волчья пасть, медвежий взгляд, образ звериный, а вздох змеиный. И как этот Немал-человек страшен и ужастен, горек и приторен, — так же бы казался и страшен, и ужастен, и горек, и приторен раб Божий (*имя рек*) рабе Божией (*имя рек*) днем и ночью, утром и вечером, в полдень и заполдень, в полночь и за полночь, на ветхом месяце и на молодике¹, и на перекрое; во всякое время и безвременье. Как бы зверь рыскающий в темном лесе, как змей ползучий в чистом поле. Не мог бы раб Божий (*имя рек*) с рабой Божией (*имя рек*) ни думы подумать, ни мысли помыслить, ни взгляд взглянуть, ни беседы побеседовать. Дрались бы и цапались, и в глаза кидались, в кровь царапались, и

¹ Молодик (о месяце) — молодой.

навстречу бы не встречались, и на уме друг друга не держали всегда, ныне и присно¹, и во веки веков, аминь, аминь, аминь!

После этого заговора взять сучок-двойняшку, разломить надвое, одну часть сожечь, а другую закопать в землю, с приговором:

— Как двум этим часточкам не срастись и не сойтись, так же бы рабе Божией (*имя рек*) с рабом Божиим (*имя рек*) не сходиться и не встречаться навечно.

23

ПРИ ОТПРАВЛЕНИИ В ПУТЬ

Едет Егорий Храбрый на белым коне, златым венцом украшается, булатным копьем подпирается, с татем² ночным встречается, речью с ним препирается: «Куда, тать ночной, идешь?» — «Иду я людей убивать, купцов проезжих добывать». А Егорий удал, ему дороги не дал, православных обороняет, в пути-дороге сохраняет.

ВОИНСКИЕ

24

Мечь умолвити, и он не сечет:

Кован еси, брат; сам еси оловян; а сердце твое воцано³, ноги твои камены, от земли до небес; не укуси мене, аки пес, отай⁴; оба есмь от земля; коли усмотрю тя очима — своего брата, тогда убьется твое сердце моих очей усмотрения; ты воцан!

25

Господи, благослови. Лежит камень бел на горе, что конь в камень нейдет, вот и так бы и в меня, раба Божьего, и в товарищей моих, и в коня моего не шла стрела и пуля. Как молот отскакивает от кувалды, так бы и от меня пулька отскакивала бы. Как жернова вертятся, так не приходила бы ко мне стрела, вертелась бы. Солнце и месяц светлые бывают, так бы — и я, раб Божий (*имя*). Укре-

¹ *Присно* — вечно, от *присный*, вечный, сущий.

² *Тать* — вор, похититель.

³ *Воцано* — из воска.

⁴ *Отай* — возможно, от *отаивать*, таять, исчезать.

пленный за горой замок замкнут, тот замок и ключи — в море. Аминь.

Уговоренную воду берут в рот и три раза спрыскивают ружье перед тем, как идти.

26

Говорится на воду, которой спрыскивают одежду или ружье.

Стану я, благословясь, пойду, перекрестясь, за правое дело, за Русскую землю на извергов, на недругов-кровопийцев, на дворян, бояр, на всех сатанинских детей, выйду боем на чистое поле. В чистом поле свищут пули, я пуль не боюсь, я пуль не страшусь. Не троньте вы, пули, белые груди, буйную голову, стантовую жилу, горячее сердце. Скажу я пулям заветное слово: «Летите вы, пули, в пустую пустыню, в зыбкое болото, в горячие камни, в леса». Голова не приклонится, а моя руда¹ не дуб да железо, кремень да огонь. Аминь.

НА ПОДХОД К ВЛАСТЯМ ИЛИ НА УМИЛОСТИВЛЕНИЕ СУДЕЙ

27

Пойду я, раб Божий, к судьям и начальникам; будь их язык волловий, сердце царя Давида, разсудит нас царь Соломон, Спасова рука. Как мертвый человек в сырой земле лежит, ногами не движет, языком не говорит, сердцем зла не творит, — так бы судьи, начальники, враги и супостаты языком бы не говорили, сердцем зла не творили, ноги бы их не подвигались, руки не подымались, уста бы не отверзались, а кровью бы они запекались, очи бы у них помутились, темнотою покрылись, с плеч буйна голова свалилася.

Календарный фольклор

Эта область фольклора выделена по признаку прямой связи с календарными праздниками и обрядами. Традиции язычества, отчетливо обнаруживаемые в них, как правило, соединены с христи-

¹ Руда́ и руда — кровь.

анскими понятиями и представлениями. Никогда и ни в одном жанре и роде календарный фольклор не бывает только художественным творчеством. Искусство слова, мимики, выразительного жеста, драматической игры с переодеванием, действием неизменно предстает в единстве с магией, заклинаниями и, вообще, со всем комплексом обрядово-ритуальных свойств и особенностей. Мера присутствия художественного начала разная, зависит от возможностей жанра и рода и прежде всего от степени сближения с фольклором в его позднем бытовании.

При отборе образцов принималась во внимание полнота записи, ее давнее использование в учебных книгах. В недавние годы появился ряд новых публикаций и антологических собраний (А.И. Лазарев. Уральские посиделки. Челябинск, 1977; Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья. Сост. Г.Г. Шаповалова, Л.С. Лаврентьева. Л., 1985; Обрядовая поэзия. Составители: В.И. Жекулина, А.Н. Розов. М., 1989 и др.). Они тоже учтены. Это в особенности относится к антологии В.И. Жекулиной и А.Н. Розова, удачной по композиции и составу. В ряде случаев составитель хрестоматии следует ей.

Публикация текста, где необходимо, сопровождается пояснениями. Рубрики следуют за сменой времен года. Обозначены обрядовые моменты, названы сезонные работы, при которых свершались календарные произведения.

ВСТРЕЧА ГОДА

КОЛЯДКИ И ПОЗДРАВЛЕНИЯ

1

В навечерие Рождества Христова, в селах и деревнях, девушки, во многих местах мальчики и парни, собравшись по нескольку человек вместе, ходят кучками по улицам от одного дома к другому и под окнами поют следующие песни:

Проходила коляда
Наперед Рождества.
Виноградье¹ красно-зеленое мое!

Припев этот повторяется после каждого двух стихов.

¹ Виноградье — сад. См. примечание к № 8. Припев, свойственный и свадебным песням.

Напала пороша
Снегу беленького;
Как по этой по пороше
Гуси-лебеди летели, —
Колядовщички,
Недоросточки,
Недоросточки,
Красны девушки
Сочили¹, искали
Иванова² двора.
А Иванов двор³
Ни близко, ни далёко,
На семи столбах⁴;
Вокруг этого двора
Тын серебряный стоит;
Вокруг этого тына
Всё шелковая трава;
На всякой тынинке
По жемчужинке.
Во этом во тыну
Стоит три терема,
Златоверхие.
Во первом терему —
Светел месяц,
Во втором терему —
Красно солнышко,
В третьем терему —
Часты звездочки.
Светел месяц —
То хозяин во дому,
Красно солнышко —
То хозяйюшка,
Часты звездочки —
Малы деточки.
Как самого господина
Дома нетути⁵,

¹ *Сочить* — отыскивать, искать.

² *Имя* хозяина.

³ *Двор* — постройка для скота и хранения корма.

⁴ *На семи столбах* — то есть на семи толстых бревнах.

⁵ *Нетути* — нет.

Дома нетути,
Не случилось:
В Москву съехавши
Суды¹ судить,
Суды судить
Да ряды рядить².
Посудивши, порядивши,
Домой едет он;
Он жене-то везет
Кунью шубу,
Кунью шапочку,
А своим-то сынам
По добру коню,
Своим доченькам
По злату венку,
Своим служенькам
По сапоженькам.
Наша-то коляда
Ни мала, ни велика —
Она в двери не лезет
И в окно нам шлет.
Не ломай, не гибай —
Весь пирог подавай!
Винограде красно-зеленое мое!

2

Пришла коляда
Накануне Рождества.
Дайте коровку³,
Масляну головку!
А дай Бог тому,
Кто в этом дому!
Ему рожь густа,
Рожь ужиниста⁴!
Ему с колосу осьмина⁵,

¹ Суд — здесь: решать дела.

² Ряды рядить — править, судить, заведовать, держать в порядке.

³ Коровка — хлебное печенье в виде коровки.

⁴ Ужиниста — обильная, с большим числом снопов.

⁵ Осьмина — мера сыпучих тел (104,95 л.)

Из зерна ему коврига¹,
Из полузерна — пирог².
Наделил бы вас Господь
И житьем, и бытьем,
И богатством;
И создай вам, Господи,
Еще лучше того!

3

Ходят одни девицы в Васильев вечер, накануне Нового года, по избám и поют калёду.

Ходила калёда
По святым веце́рам,
Искала калёда
Борисова двора́.
Борисов-от двор,
Ён не мал, не велик —
На семидесяти столбах,
На восьмидесяти ве́рстах.
Где хозяин-от сидит,
Красно солнышко пеце́т;
А где хозяйюшка сидит,
Тут свите́л мйсац пеце́т;
Малы де́тушки сидят —
Там цясты звездочки пеку́т.
Кто дает пирога —
Тому двор живота́.
А кто даст рогу́шек —
Тому целый двор телу́шек.

4

Коляда, коляда —
Накануне Рождества!
Мы ходили, мы искали
Святую коляду.
Мы нашли коляду
Во Петровом дворе
У Петра-то двор —
На семи столбах,
На восьми верстах.

¹ *Коври́га (ковыга)* — коровай.

² *Пирог* — хлеб без всякой приправы.

Дядя Мирон
Выносил пиво во двор.
Мы пива не пьем,
Вина в рот не берем.
Как на улице мороз
Подмораживает,
Не велит долго стоять,
Велит скоро подавать:
Выдавай-ко — не ломай,
Выноси — не труси!
(Тетушка, будет ли милость?!)

5

Овсень, Овсень
Ходил по всем:
По заулочкам,
По проулочкам.
Кишку¹, ножку,
Сунь кочережкой² —
В верхнее окошко³.
Здравствуй, хозяин
С хозяйюшкой!
— Где хозяин
С хозяйюшкой?
(Из избы отвечают:)
— Уехали в поле
Пшеничку сеять.
— Дай им Бог
Из полна зерна пирог!

6

Ай, во боре, боре
Стояла там сосна
Зелена, кудрява.
Ой Овсень, ой Овсень!
Ехали бояре,
Сосну срубили,
Дощечки пилили.

¹ *Кишка* — колбаса.

² Ср. побасенку: «Лень, отвори дверь! — А подай кочергу!» В.И. Даль пояснил ее: «чтобы достать с печи» («Толковый словарь живого великорусского языка». Т. II. С. 181). «Сунь кочережкой» — не затрудняй себя.

³ *Верхнее окошко* — в курной избе дымовое.

Ой Овсень, ой Овсень!
Мосточек мостили,
Сукном устилали,
Гвоздями убивали.
Ой Овсень, ой Овсень!
Кому ж, кому ехать
По тому мосточку?
Ехать там Овсеню
Да Новому году!
Ой Овсень, ой Овсень!

7

Овсей, Овсей
Шел по дорожке,
Нашел железце.
Сделал топорочок,
Ни мал, ни велик,
С игольные уши;
Срубил себе сѣсну;
Наснастил мосточек.
По этому мѣсту
Шли три братца:
Первой-то братец —
Рождество Христово,
Второй-то братец —
Крещенье Господне,
Третий-то братец —
Василий Кесаринский¹.
Блин да лепешка
На заднем окошке.
Подавай, не ломай,
Не закусывай!
У хозяина в дому
Велись бы ребятки,
Велись бы телятки.
Велись бы ягнятки,
Велись бы жеребятки,
Велись бы поросятки,
Велись бы козлятки,
Велись бы цыплятки,
Велись бы утятки!

¹ Имеются в виду праздники: Рождество (25 декабря), Крещение (6 января) и Васильев день (1 января).

Да виноградиё¹ да красно-зелёноё!
 Да уж мы ходим, не ходим по Нову-городу
 Уж мы ищем, не ищем господинов двор.
 Господинов двор да высоко на горе,
 Да высоко на горе да далеко в стороне,
 На семидесят верстах да на восьмидесят столбах.
 Да на каждом ли столбе по маковке,
 Да на каждой на маковке по замчужке²,
 Да на каждой на замчужке по ленточке,
 Да на каждой на ленточке по кисточке,
 Да на каждой на кисточке по свечке горит.
 Да этот чей стоит дом, да чей высок новый терём?
 Да этот дом стоит Филиппа Ивановича,
 Да эти горницы Ирины Ивановны.
 Да ты позволь, сударь хозяин, ко двору прийти,
 Да ко двору прийти, да на круто крыльцо взойти,
 Да на круто крыльцо взойти, да за витое кольцо взять,
 Да за витое кольцо взять, да спо новым сеням пройти,
 Да спо новым сеням пройти, да в нову горницу взойти,
 Да в нову горницу взойти, да против грядочки³ встать,
 Да нам еще того повыше — на лавочку сесть,
 Да нам на лавочку сесть, да виноградиё спеть,
 Да виноградиё спеть, в дому хозяина опеть,
 В дому хозяина опеть, в дому хозяйку припеть.
 Да как хозяин во дому — да как Адам в раю,
 Да как хозяйка во дому — да как оладья в меду,
 Да малы деточки — да часты звездочки;
 Да нам хозяин-то дарил да золотую гривну⁴,
 Да нам хозяйка-то дарила бел круписчатый калач,
 Да малы деточки — да по копеечке.
 Да золотую гривну мы в кабак снесем,
 Да мы в кабак снесем, да на вине пропьём,
 Да бел круписчатый калач да на закуску съедим,
 Да эти копеечки — на конфеточки.

¹ *Виноградиё* — виноградный сад, традиционное иносказание благополучия, достатка, изобилия и счастья.

² *По замчужке* — по жемчужине.

³ *Против грядочки* — против шеста, на который вешали одежду. Грядка отгорживала в избе женскую половину.

⁴ *Гривна* — старинная монета.

Дайте коровку¹,
 Мазану головку!
 Уж ты ласточка,
 Ты касаточка,
 Ты не вей гнезда
 Во чистом поле,
 Ты завей гнездо
 У Петра на дворе²!
 Дак дай ему Бог
 Полтораста коров,
 Девяносто быков.
 Они на реку идут,
 Все помыкивают,
 А с реки-то идут,
 Всё поигрывают.

10

Сею, вею, посеваю³,
 С Новым годом поздравляю!
 На Новый год, на ново счастье
 Уродись пшеничка,
 Горох, чечевичка!
 На поле — копнами,
 На столе — пирогами!
 С Новым годом,
 С новым счастьем, хозяйин, хозяйюшка!

11

Сею, вею, посеваю,
 С Новым годом поздравляю!
 Уродись жито, пшеница,
 И всякая чечевица,
 И лен-долгунец⁴
 На разные рубашки.
 Кво, кво! Одно яйцо —
 Сорок цыплят,
 От одной свиньи —
 Двенадцать поросят.

¹ Обрядовое печение.

² По народным понятиям, ласточки, свившие гнездо, приносили в дом счастье.

³ Ритуально-магическая имитация будущего сева.

⁴ Лен-долгунец дает долгие волокна.

12

Сето, сето¹ на новое лето!
Куда конь хвостом,
Туда жито кустом.
Куда коза ро́гом,
Туда сено сто́гом.
Сколько дубочков,
Столько сыночков.
Сколько осиночек,
Столько свиночек.
Сколько свечек,
Столько овечек.

Здравствуйте, хозяин с хозяйкою!
Дайте сала кусок,
Чтоб кабан был высок,
Со стол вышины
И с грубку² толщины!

СВЯТОЧНЫЕ ОБЫКНОВЕНИЯ И ГАДАНИЯ

1

Приносят в избу петуха, на полу в избе рассыпают зерна овса, очерчивают зерна углем... кладут вразброску среди зерен кольца гадающих и становятся вокруг петуха со словами:

Петушок, петушок!
Скажи, не утай —
Выйду ли я нынешний год замуж? (*Три раза.*)

Петух клюет зерна, иногда он схватит и кольцо. Если петух чье-либо кольцо клюнет и выбросит его за черту, та девушка в этот год выйдет замуж.

2

Кормят курицу счетным зерном. Кучка зерен предварительно пересчитывается. После того, как курица поклюет, вновь зерна считают: если окажется, что остаток парный, т.е. делится надвое, девушка в том году парой будет — выйдет замуж.

¹ *Сето* — сеяно.

² *Грубка* — печь либо комнатная печная труба.

3

Подходит каждая (девушка) к поленнице и берет охапку дров, сколь возьмется. Дома смотрим, прикладываем. Если два полена подойдут друг к другу, то, значит, выйти замуж.

4

Во все дни от Рождества до Крещения девицы ложатся на снег и катятся по двору или дому от стены до стены [или] к воротам: если прикатится лицом к воротам или двери, тогда отдадут замуж; если спиной — тогда посидит еще, девкой останется.

5

Девицы кидают со двора чрез ворота на улицу свои башмаки и затем смотрят, куда они ложатся носками. У которой девицы башмак носком ляжет от ворот, то значит — она выйдет замуж, а у которой башмак упадет к воротам, то значит — она не выйдет в будущем году замуж.

6

Запирают замком колодец на ночь, кладут ключ под подушку, говоря: «Суженый-ряженный, приходи коня поить, у меня ключа просить!» Если увидит во сне молодого человека с лошадьё, то значит — выйдет замуж.

7

В полночь кидали мутовку, приговаривая: «Снежок, снежок, где мой женишок?» Смотрели, куда покажет.

8

Выходили за ворота и спрашивали у первого прохожего: «Как зовут?» И какое скажет он имя, так будут звать жениха.

9

Холостые парни и девицы ходят в курячьи хлева и, зажмурив глаза, снимают курицу с насести (наседала); какого цвета курица, такого будет, по примете, суженый.

10

Идут к овину, обскакивают на левой ноге против солнца вокруг овина три раза, каждый раз приговаривая: «Чертово место, черт с тобой!» — и смотрят в окошко. Увидишь в овине своего (свою) суженого (суженую).

После гаданья, прежде чем уйти домой, нужно разворожить-ся — обскакать овин на правой ноге в противоположную сторону (по солнцу) три раза со словами: «Богово место — Бог с тобой!» — иначе может случиться несчастье («черт схватит и утащит»).

11

Выводят из конюшен лошадей не иначе как через оглоблю или через какую-нибудь жердь. Если лошадь зацепит за оглоблю или жердь ногами, то для девушки муж сердитый и несчастная жизнь. Когда же лошадь удобно перешагнет, не зацепив жердь или оглоблю, то для девушки предстоит жить со смирным, ласковым мужем.

12

Несколько девушек около полночи бегут на перекресток дорог; здесь одна девушка, на которую хотят гадать, становится на месте, другая обскакивает вокруг нее на левой ноге против солнца три раза со словами: «Чертово место — черт с тобой!» Потом девушка, стоящая в кругу, приседает на снег и расстилает подол своего платья по снегу, а та девушка, которая обскакивала вокруг нее, кидает на разостланное платье пятой левой ноги снег со словами:

Я полола, полола снежок
На собачий следок.
Злай, злай, собачка,
Где (*называют имя*) женишок!

— и слушают, где залает собака... Перед уходом развораживаются.

13

Святочные вечера провожались в старые годы угощениями, многообразными забавами и гаданиями, которые назывались «девичьим весельем». Гости, особенно суженые, ожидали гаданий с нетерпением. К общему желанию выдвигался стол, накрытый белой скатертью, и ставился свахою посреди комнаты. Старые люди просили молодых попытать свою судьбу. Сердце девушек сильно билось, особенно в то время, когда няня или кто-либо из гостей ста-

Первая-то радость — сына женит,
Слава!
Другая радость — дочь замуж отдает,
Слава!
Кому спели, тому добро,
Слава!

Из самых важных святочных вечеров есть Васильев вечер. Для него делались богатые семейные собрания; тут ничего не щадили для угощений и производили всевозможные способы гаданий. Наши старые люди думали, что все гадания, произведенные в этот вечер, непременно сбывались. Случалось, что сваха или другая какая-либо женщина вынимала с намерением вещи суженого и суженой:

Расцветали на небе две радуги,
Слава!
У красной девицы две радости,
Слава!
С милым другом совет,
Слава!
И растворен подклёт¹,
Слава!

Вынутые таким образом вещи означали неминуемый брак. Сваха продолжала искать два колечка и пела:

Пойду, млада, к вереюшке,
Слава!
Брякну, млада, во колечушко,
Слава!

Отыскав два кольца, она брякала ими в блюде и, обращаясь к гостям, пела:

Как колечко скажется,
Слава!
Так суженый откликнется,
Слава!

¹ *Подклёт* — помещение, где ставили кровать для молодых, обычно холодная комната или чулан.

Девушка ходит между рядами суженых и отбирает у них вещи:

Мы дойдем до умника,
Слава!
До разумника Ивана Михайловича,
Слава!
Ты пожалуй нам, умник,
Слава!
С правой руки золот перстень,
Слава!
С буйной головы золот венец,
Слава!

Когда пели для девушки или для мужчины, тогда оставляли их имена.

Пошли гусли вдоль по горнице,
Слава!
Ай, вдоль, да по скамеечке,
Слава!
Дошли гусли до столешника,
Слава!
Что до дубового,
Слава!
Ты возьми, возьми, умница,
Слава!
С правой руки золот перстень,
Слава!
С своей ли головы золот венец,
Слава!

Девушка перемешивает вещи и берет одну наудачу.

Кому вынется, скоро сбудется,
Слава!
Скоро сбудется, не минуется.
Слава!

Если из собранных вещей доставался кому-нибудь платок, то это означало дорогу с суженым.

Или:

Золотая парча развивается.
Слава!
Кому в дорогу собирать,
Слава!

Стоят сани снаряженные,
 Слава!
И полостью подернуты,
 Слава!
Только сесть, да поехати,
 Слава!

ПОДЪЛЮДНЫЕ ПЕСНИ

14

Сам Исус¹ Христос у ворот стоит,
Сы скотинкою, с животинкою.
 Кому вынется, скоро сбудется!

15

Ходит Никола по полю,
Ставит суслоны по ряду.
 Кому поем, тому с добром,
 Кому сбудется, не минуется.

16

Ай часты, часты звезды на небе.
 Ой люли!
А чашей того копы² на земле.
Мы кому споем — и тому добро.
Кому вынется, тому и оправдится,
Тому оправдится, не минуется.

17

Идет кузнец из кузницы,
 Слава!
Несет кузнец три молота,
 Слава!
Кузнец, кузнец! Ты скуй мне венец,
 Слава!
Ты скуй мне венец и золот и нов,
 Слава!
Из остаточков — золот перстень,
 Слава!

¹ Если запись точная, то по форме «Исус» (вместо обыкновенного «Иисус») можно заключить о гадании в старообрядческих селах.

² *Копá* — копна, куча сена, снопов.

Татьяна любопытным взором
На воск потопленный глядит:
Он чудно вылитым узором
Ей что-то чудное гласит:
Из блюда, полного водою,
Выходят кольца чередою;
И вынулось колечко ей
Под песенку старинных дней:
«Там мужички-то все богаты,
Гребут лопатой серебро;
Кому поем, тому добро
И слава!» Но сулит утраты
Сей песни жалостный напев;
Милей *кошурка* сердцу дев.

В примечании поэт писал, что песня о гребущих серебро пред-рекает смерть. Действительно, серебро (жемчуг) — символ слез, оплакивания. Со слезами причитывали и на свадьбе. Как предвеща-ние свадьбы поэт воспроизвел и слова из песни о кошурке:

Зовет кот кошурку
В печурку спать.

22

Идет медведь через реку,
Распыхался, раздыхался,
Кому поем, тому с добром,
Кому сбудется, не минуется.

23

Катилось зерно по бархату.
Слава!
Прикатилось зерно ко яхонту.
Крупен жемчуг со яхонтом,
Хорош жених со невестою.
Да кому мы спели, тому добро,
Кому вынется, скоро сбудется.

24

Сей, мати, мучицу, пеки пироги.
Слава!
К тебе будут гости, ко мне женихи.

К тебе будут в лаптях, ко мне в сапогах.
Кому мы спели, тому и добро,
Скоро сбудется, не минуется.

25

Полно те, иголоцька,
В коробоцьке лежать,
Пора тебе, иголоцька,
Дары припасать.

Лáдо ладú,
Кому мы поем,
Тому честь воздаем.

26

За рекой хомут, за другою дуга.

Слава!

Перекину дугу я к тому хомуту.

Быть той дуге на том хомуте.

Быть той невесте за тем женихом.

Кому мы спели, тому и добро,
Скоро сбудется, не минуется.

27

Сокол летит из улицы.

Слава!

Соколинка из проулочка.

Слетались, целовались,

Сизым(и) крыльям(и) обнимались.

Да кому мы спели, тому добро,
Кому вынется, скоро сбудется.

28

Кур идет на сени.

Слава!

И курка с ним.

Кур клюет пшеницу —

И курка с ним.

Кур пьет сытицу —

И курка с ним.

Да кому мы спели, тому добро,
Кому вынется, тому сбудется.

29

Сидит воробей
Под застрехою¹
 Слава!
Глядит воробей
На чужую сторону.
 Слава!
 Кому мы спели,
 Тому добро.
 Слава!
 Кому вынется,
 Тому сбудется.
 Слава!

30

На загнётке² сижу,
Долги нитки вожу.
Еще посижу —
Еще повожу.
 Кому вынется, тому сбудется,
 Скоро сбудется, не минуется.

31

Ласточка касатая.
 Слава!
Не вей гнезда в высоком терему,
Ведь не жить тебе здесь и не лётывать.
 Да кому мы спели, тому добро,
 Кому вынется, скоро сбудется.

32

Бежит заяц по рощице,
 Слава!
Чует заяц невзгодушку:
За ним гонятся охотнички.
— Еще побегу, еще погонюсь.
 Кому вынется, тому сбудется.
 На печаль она, на несчастьецо.

¹ *Застрѣха* — край соломенной кровли.

² *Загнѣтка* — здесь: лавка у русской печи.

Везут бревно на семи лошадях.
 Если семь не повезут — восьмую подпрягут,
 Далеко увезут и назад не привезут.
 Это сбудется, да не минуется.
 Илия!¹

ВЕСНА. МАСЛЕНИЦА

1

Русский народ свою масленицу величает: *честная масленица* — *широкая масленица* — *веселая масленица*. В наших церковных книгах масленица называется *сырною неделю*².

Все дни масленой недели имеют свои особенные названия: *встреча* — понедельник, *заигрыши* — вторник, *лакомка* — среда, *разгул*, *перелом*, *широкий четверг* — четверг, *тещины вечерки* — пятница, *золовкины посиделки* — суббота, *проводы*, *прощанья*, *целовник*, *прощеный день* — воскресенье.

На первый день масленицы наш народ справляет *встречу честной масленицы*, *широкой боярыни*. Дети с утра выходят на улицу строить снежные горы. Здесь они, устроивши горы, скороговоркою причитывают:

«Звал, позывал честной Семик³ широкую Масленицу к себе в гости во двор. Душа ль ты моя, Масленица, перепелиные косточки, бумажное твое тельце, сахарные твои уста, сладкая твоя речь! Приезжай ко мне в гости на широк двор на горах покататься, в блинах поваляться, сердцем потешаться. Уж ты ль, моя Масленица, красная краса, русая коса, тридцати братьев сестра, сорока бабушек внучка, трех-материна дочка, цветочка⁴, ясочка⁵, ты же моя перепелочка! Приезжай ко мне во тесовой дом душой потешиться, умом повеселиться, речью насладиться. Выезжала честная Масленица, широкая боярыня на семидесяти семи санях козырных⁶, во широкой лодочке, во велик город пировать, душой потешиться, умом по-

¹ *Илия!* — возможно, подражание возгласу «Аллилуя!»: Хвала Господу!

² В течение ее разрешалось есть сыр и мясо, не исключая обычных постных дней недели: среды и пятницы.

³ О Семике, седьмой недели после Пасхи, см. далее.

⁴ *Кветочка* — цветочек.

⁵ *Ясочка* — звездочка.

⁶ *Козырные* (о санях) — с загнутым кверху передком, небольшие, городские.

веселиться, речью насладиться. Как навстречу Масленице выезжал честной Семик на салазочках, в одних портяночках без лапоток. Приезжала честная Масленица, широкая боярыня к Семику во двор на горах покататься, в блинах поваляться, сердцем потешиться. Ей-то Семик бьет челом на салазочках, в одних портяночках, без лапоток. Как и тут ли честная Масленица на горах покаталася, в блинах повалялася, сердцем потешалася. Ей-то Семик бьет челом, кланяется, зовет во тесовой терем, за дубовый стол, к зеленому вину. Входила честная Масленица, широкая боярыня, к Семику во тесовой терем, садилась за дубовый стол к зеленому вину. Как и она ль, честная Масленица, душой потешалася, умом повеселялася, речью наслаждалася».

После этой встречи дети сбегают с гор и кричат: «Приехала Масленица! Приехала Масленица!» Встреча оканчивается кулачным боем.

В некоторых местах мне случалось видеть, как дети приготавливали утром соломенную куклу — Масленицу. На Масленицу надевали кафтан и шапку, опоясывали кушаком, ноги обували в лапти. Эту Масленицу — куклу на салазках ввозили на гору с причитанием встречи. Неизвестно, когда и кем *позывание Масленицы* перенесено было на *лубочные* картинки.

Наш степенный народ, люди зажиточные, встречу Масленицы начинали посещением родных. С утра свекор с свекровью отправляли невестку на день к отцу с матерью, а вечером сами приходили к сватам в гости. Здесь, за круговой чашей, условливались: когда и где проводить время? кого звать в гости? когда кататься по улицам?

К первому дню масленицы устраиваются общественные горы, качели, вислые и круглые, балаганы для скоморохов (паяцев и комедиантов), столы с сладкими яствами: здесь народ торговый собирает дань с праздности и лени; здесь копейка ставится на ребро. Не ходить на горы, не качаться на качелях, не потешаться над скоморохами, не отведать сладких яств — значило в старину: жить в горькой беде, и то при старости, лежать на смертном одре, сидеть калекой без ног. В старину москвичи масленицу справляли у Красных Ворот. Здесь Петр Великий открывал масленицу с понедельника и качался на качелях с офицерами.

Богатые люди с понедельника начинают печь *блины*, а бедные с четверга или пятницы. В старину первый блин отдавался нищей братии на помин усопшим. В степных селениях первый блин кладут на слуховое окошко для душ родительских. Старухи, кладя блин на это окно, приговаривают: «Честные наши родители! вот для вашей

душки блинок». Прежде печения блинов наши женщины-стряпухи изготовляют *опару* с особенными обрядами. Одни опару готовят из снега, на дворе, когда взойдет месяц. Здесь они причитывают: «Месяц, ты месяц, золотые твои рожки! Выглянь в окошко, подуей на опару». Они остаются в полной уверенности, что месяц выглядывает из окошка и дует на опару. От этого будто блины бывают белые, рыхлые. Другие выходят вечером готовить опару на речки, колодези и озера, когда появятся звезды. Приготовление первой опары содержится в величайшей тайне от всех домашних и посторонних. Малейшая неосторожность стряпухи наводит на хозяйку тоску в продолжение всей недели. Где нет свекра и свекрови, где молодые встречают первую масленицу, тещи приходят к зятям в дом учить своих дочек печь блины. В старину зятя и дочери приглашали заранее таких гостей поучить уму-разуму. Это призвание считалось нашими бабушками за великую честь; об нем говорили все соседи и родные. Званная теща обязана была прислать с вечера весь блинный снаряд: таган, сковороды, дежники¹, половник и кадку, в чем *ставить блины*. Тесть присылал: мешок манной или грешневой муки и коровьего масла. Неуважение зятя к сему обычаю считалось бесчестьем и обидой и поселяло вечную вражду между тещей и зятем.

На *заигрыши* с утра приглашаются девицы и молодцы показаться на горах, поесть блинов. В богатых домах к этому дню братцы устраивали горы для сестриц среди двора. Матушки посылали позываток звать по родным и знакомым дочек и сынков, с наказом: у нас, де, горы готовы и блины испечены — просим жаловать. Позываток встречали с почетом и приветом, угощали вином и блинами и отпускали с наказом: «Кланяться хозяину и хозяйке с детками, со всеми домочадцами; а деток своих пришлем к вечеру». Отказ всегда объявлялся условленным, общим выражением: «У нас, де, построены у самих горы и прошены гости». Соседи толковали такие отказы по-своему: «Здесь, де, начинается разлад и дочку *прочат* за другого».

Гостей принимали с встречами у ворот, крыльца и образной². После нескольких угощений гостей отпускали потешиться на горы. Здесь братцы высматривали невест, а сестрицы поглядывали украдкой на суженых. Нянюшки, матушки, бабушки все это знают; с

¹ *Дежники* — холщевое покрывало на *дежу*, квашню, кадку.

² *Образная* — комната, где иконы, где молятся.

ними встарь то же бывало; теперь они радуются на веселости своих деток, воображая их будущее счастье.

На *лакомки*, в среду, тещи приглашали своих зятьев к блинам, а для забавы любимого зятя сзывали всех своих родных. В Туле тещи для зятя пекут еще *блинцы*, *оладьи* и *творожнички*. В Нерехте бывает съезд из деревень девиц, молодых и пожилых, где они, в праздничных платьях, катаются отдельно от мужчин. Насмешливый русский народ составил несколько песен о заботливости тещи при угощении зятя. Эти песни вечером поют холостые, с разными олицетворениями. Здесь наряженный медведь играет разные фарсы, «как теща про зятя блины пекла — как у тещи головушка болит — как зять-то удал теще спасибо казал».

В *широкий четверг* начинается масленичный разгул: катанье по улицам, разные обряды и кулачные бои.

В Переславле-Залесском, Юрьеве Польском и Владимире возят по улицам мужика. Для поезда выбирают огромные сани, утверждают в середине столб, на столбе привязывают колесо, на колесо сажают мужика с вином и калачами. За этими санями тянется поезд с народом, который поет и играет. В старину в Зарайске возили на санях дерево, украшенное лоскутами и бубенчиками в сопровождении народа. В Архангельске прежде мясники возили быка по городу на огромных санях, к которым прицеплялся поезд¹ с народом.

В Ярославле с четверга начинают колядовщики *петь Коляду*. Там фабричные ходят по домам с бубнами, рожками и балалайками для поздравления с праздником: «Прикажи, сударь-хозяин, коляду пропеть». За колядские песни колядовщиков угощают пивом и награждают деньгами. В Сольвычегодске на мирскую складчину варят пиво. Братчина, разгульный народ, сходится в назначенное место пить пиво и петь песни. В Сибири Масленица возится на нескольких санях, на которых устраивается корабль с парусами и снастями. Здесь усаживаются люди, медведь и честная Масленица. Сани, запряженные в 20 лошадей, возят Масленицу по улицам в сопровождении поезда песенников и шутов. Кулачные бои начинаются с утра и продолжаются до вечера. Сначала начинают бои *сам на сам, один на один*, а потом уже *стена на стену*. В кулачных боях прежде принимали участие все возрасты, но ныне они находят редких поборников и только одни мальчишки напоминают о старых потехах.

¹ *Поезд* — вереница саней.

В XVIII столетии Москва видела три царственные увеселения на масленице. В 1722 году, после Нейштадтского мира, Великий Петр снарядил масленичный поезд из Всесвятского села чрез Тверские Ворота прямо в Кремль. Празднество продолжалось четыре дня. Императрица Елизавета Петровна открывала масленицу в селе Покровском. Императрица Екатерина II, после своей коронации, справляла на масленице трехдневный маскарад на городских улицах.

На тещины вечерки зятя угощают своих тещей блинами. Приглашения бывают почетные, со всею роднею, к обеду, или за просто, на один ужин. В старину зять обязан был с вечера лично приглашать тещу, а потом, утром, присылать нарядных зватых. Чем более бывало зватых, тем теще более оказывалось почести. Дружка или сват приглашались к таким нарядным позывам и за свои хлопоты с обеих сторон получали подарки.

На *золовкины посиделки* молодая невестка приглашала своих родных к себе. Если золовки были еще в девушках, тогда невестка сзывала старых своих подруг-девиц; если они были выданы замуж, тогда она приглашала родню замужнюю и со всем поездом развозила гостей по золовкам. Новобрачная невестка обязана была дарить своих золовок подарками.

В Тульской, Пензенской и Симбирской губерниях в субботу дети строят на реках, прудах и полях снежный городок с башнями и воротами. После своей работы они разделяются на две стороны, одна принимает на себя охранять городок, другая должна отбоем занять его. Охранители вооружаются метлами и помелами, а храбрецы палками. Когда *порядятся взять городок*, тогда вдруг нападают на охранителей, и после битвы врываются в ворота и разрушают городок. В этой игре принимают участие и взрослые. Тогда храбрецы садятся на лошадей и конные нападают на городок. После взятия городка взрослые воеводу купают в проруби. После сего начинается всеобщее угощение и с песнями возвращаются по домам.

Проводы масленицы и прощание отправляются на Руси с разными обрядами.

Проводы честной масленицы в Симбирской, Саратовской и Пензенской губерниях состояли в поезде по городу и селам. Для поезда сколачивали несколько дровень и саней. В средние дровни ставили большой столб, на него клали колесо, на колесо сажали мужика, опытного в разных забавах и причитаниях. Вместо лошадей запрягали разукрашенных людей. Такой поезд разъезжал по всем улицам; впереди и вокруг его пели, играли и плясали скомоходы и колоброды, приходившие из деревень забавляться с город-

скими весельчаками. Прощальный поезд в Ярославле называется: *околка*, в Нерехте: *обоз*, в Туле: *круг и конец*. В Нерехте на проходах сожигают Масленицу. Вечером, после всех гуляний и забав, выходит молодой народ, мужчины, женщины, девицы и дети, из своих дворов с соломою. При пении песен сожигается солома.

Прощание бывает с живыми и покойниками. В Туле и Зарайске выходят на кладбища утром и на могилах просят прощения у покойников. С кладбищ заходят прощаться к священникам. В Нерехте сей обряд отправляется вечером.

Новобрачные ездят по своим родным отдаривать тестя с тещею, сватов и друзей за свадебные подарки. Здесь, кроме подарков, приносились и пряники, испещренные узорами и надписями: *Кого люблю, того дарю*. — *От милого подарок дороже золота*. — *Чин чина почитай, и подарок не забывай*. — *Милости просим нашей хлеба-соли*. — *За все благости наше низкое челобитье*. Тульские пряники, белевские медовики, вяземские коврижки считались у наших отцов дорогими подарками.

На прощенный день ездят отдаривать кума с кумой. За *ризки*¹ и *зубок*² привозят соответственные подарки равным по состоянию, *щедрые* бедным. И здесь пряники составляют необходимую принадлежность. В деревнях самый почетный подарок для кума состоит из полотенца, для кумы из бруска мыла.

Прощание между родными и знакомыми происходит вечером. Прощаться приходят родные к старшему в роде, бедные к богатым. В старые годы на прощанье приносили пряники. Прощаясь, говорили, по обыкновению, друг другу: «Прости меня, пожалуй, буде в чем виноват пред тобою». Прощание заключалось поцелуем и низким поклоном. Прощание между домашними бывало после ужина, пред сном. Здесь дети кланялись в ноги своим родителям и просили прощения. После их приходили все находящиеся в услужении и справляли свое челобитье.

В XVII столетии государи хаживали на прощанье к патриарху с боярами, окольными и думными людьми. Патриарх угощал дорогих гостей медами и романеєю. Маржерет³, очевидец русской масленицы, описал только одно прощание. Неизвестный сочинитель

¹ *Ризки* — здесь: ткань, полотенце.

² *Зубок* — может быть, зубчики кружев.

³ Маржерет — француз, побывал в России, принимал участие в событиях Смуты (XVII в.), напечатал записки «*Estât de l'empire de Russie 1590—1606*» (перевод: «Сказания современников о Дмитрие Самозванце»).

книги «Anhang von der Russischen oder Moscovitischen Religion»¹, бывший в Москве, описал нашу масленицу с самой невыгодной стороны; выдумал, что будто патриарх хотел уничтожить этот праздник, но не успел, и только сократил его на восемь дней, тогда как прежде он продолжался четырнадцать дней; сравнивал нашу масленицу с итальянским карнавалом².

О русской масленице между народом сохранились поговорки: *Не житье, а масленица. — Не всегда коту масленица. — Масленица семь дней гуляет. — Милости просим к нам об масленице с своим добром, с честным животом. — Сваталась Маланья на масленице, думала-гадала замуж пойти, а того Маланья не ведала, что масленица только ставит молодых на показ. — Пируй и гуляй баба на масленице, а про пост вспоминай. — Выпили пиво об масленице, а с похмелья ломало после Радунницы.*

2

ПОХОРОНЫ МАСЛЕНИЦЫ

В прощенное воскресенье, т. е. в последний день масленицы, после обеда соберутся девки и бабы и совершают обряд ее похорон следующим образом: делают из соломы куклу с руками, надевают на нее бабью рубашку и сарафан, а на голову навязывают платок. В таком виде кукла эта изображает собою Масленицу. Затем одну бабу нарядают попом, наденут на нее рогожу вместо ризы и в руки дадут ей навязанный на веревке осметок³ — вместо кадила. Двое из участвующих в обряде берут Масленицу под руки и в сопровождении толпы, под предводительством попа пускаются в путь из одного конца деревни в другой, при пении различных песен. Когда же процессия выступает в обратный путь, то Масленицу сажают на палки вместо носилок, накрывши ее пеленкой. Дошедши до конца деревни, процессия останавливается. Тут куклу Масленицу разрезают, разорвут и растреплют всю. Во все время шествия с масленицей поп, размахивая *кадилом*, кричит «аллилуя», а за ним кри-

¹ «Дополнение к русской или московской масленице (религии)» (нем.).

² И.П. Сахаров имел в виду историка Одерборна (см.: *Калинский И.П.* Церковно-народный месяцеслов на Руси. М., 1990. С. 170).

³ *Осметок* — ошметок, сношенный лапоть.

чит, шумит вся толпа, — кто во что горазд: кто плачет, кто воеет, кто хохочет, и т. д. А когда масленицу хоронят, то поют песни. В заключение нужно заметить, что куклу Масленицу делают во многих домах на деревне, а хоронят только одну.

ПЕСНИ

3

Мы Масленицу состречали, (2)
Люли, люли! состречали,
Гоголек, гоголечек!
На горушке не бывали. (2)
Сыром гору набивали, (2)
Наши горушки катливы,
Наши девушки игривы,
Молодушки веселые, (2)
Стары бабушки воркотливы,
Ены на печки сидять,
На нас воркотять.
— Вы, бабушки, не ворчите!
Дайте масленицу нам прогулять, (2)
С ребятами поиграть, (2)
С ребятами со холостыми,
Со холостыми, неженатыми, (2)
Люли, люли, неженатыми, —
Гоголек, гоголечек!

4

Наша Масленица годовая, (3)
Ена гостика дорогая, (2)
Ена пешою к нам не ходить, (2)
Усе на комонях¹ разъезжаить, (2)
Чтобы коники были вороные,
Чтобы слуги были молодые. (2)

5

Дорогая наша гостья Масленица,
Авдотьюшка Изотьевна,
Дуня белая, Дуня румяная,
Коса длинная, триаршинная,
Лента алая, двуполтинная.

¹ На комонях — на конях.

Платок беленький, новомодненький,
Брови черные наведенные,
Шуба синяя, ластки¹ красные,
Лапти частые, головастые,
Портянки белые, набеленные.

6

Ах ты, Масленка дорогая,
Дорогая, лёли, дорогая.
К нам в гости приезжала,
Приезжала, лёли, приезжала.
Да сыр с маслицем привозила,
Привозила, лёли, привозила.
А мы Масленку прокатили,
Прокатили, лёли, прокатили.
На вороненьком коне катались,
Мы катались, лёли, мы катались.

7

Широкорожая Масленица!
Мы тобою хвалимся,
На горах катаемся,
Блинами объедаемся!

8

Ой, ой, ты, Масленица,
Ой, и ко двору въезжает,
Ой, да ты, широкая,
Ах, ко двору въезжает.
Ах, вот девушки встречают²,
И вот, красные, встречают.
Ох, ты, Масленица,
Погостюй недельку,
Ой, да недельку.
Ох, ты, широкая,
Погостюй другую!
— Ай, да вы, девушки,
Рада бы гостевала,
Ой, да вот, красные,

¹ *Лáстки* — вставки под мышками.

² *Сустречают* — встречают.

Рады бы гостевала.
— Ох, вот, Масленица,
Кого же ты боишься?
Ой, вот, широкая,
Кого же ты боишься?
— Ах, да вот, девушки,
Я поста боюся,
Ах, да вот, красные,
Я поста боюся.
— Ах, да вот, Масленица,
Пост пришел,
Далекая(?) да широкая,
Пост пришел.

9

А масляна, масляна, полизуха!
Полизала блинцы да стопцы¹,
На тарельцы.
А мы свою масляну провожали,
Тяжко, важко да по ней воздыхали,
А масляна, масляна, воротися,
До самого Велика дня² протянися!

10

Масленка, Масленка,
Какая ты малая!
Кабы тебе семь недель,
А посту — одна!

11

Наша Масленица дорогая
Немножечко постояла.
Мы думали — семь неделек,
Схватилися, спохватилися —
Всего семь денечков!
Нас Масленица подманила,
На большой пост посадила.

¹ Вероятно, стопки с питьем; *стопка* — кружка, чарка.

² *Велик день* — Пасха.

Солому, связанную в снопы, складывали в сани и корыта, поджигали ее, и всей гурьбой шли вслед за санями, вдоль деревни с песней:

Ты прощай, прощай,
 Наша Масленица.
 Ты прощай, прощай,
 Наша широкая.
 Ты не в середу пришла
 И не в пятницу,
 Ты пришла в воскресенье,
 Всю неделюшку — веселье.
 Ты пришла с добром.
 С хмельным пивом и вином.
 Со блинами, пирогами
 Да со оладьями,
 Блины масленые,
 Шаньги¹ мазаные.
 Мы катаемся с горы
 От зари и до зари,
 А сегодня, в воскресенье,
 Наше кончилось веселье.
 Прощай, прощай,
 Наша Масленица!

КЛИКАНИЕ ВЕСНЫ

Веснянки

1

Приди к нам, весна,
 Со радостью!
 Со великою к нам
 Со милостью!
 Со рожью зернистою,
 Со пшеничкой золотистою,
 С овсом кучерявым,
 С ячменем усатым,
 Со просом, со гречею,
 С калиной-малиною,
 С черной смородиною,

¹ Шаньга — род ватрушки, сочня.

С грушами, со яблочками,
Со всякой садовинкой,
С цветами лазоревыми,
С травушкой-муравушкой!

2

Весна красная,
Теплое летечко,
 Ай люли-люли,
 Теплое летечко.
Вот пришла весна,
Весна красная,
 Ай люли-люли,
 Весна красная.
Принесла весна
Золоты ключи,
 Ай люли-люли.
 Золоты ключи.
Ты замкни, весна,
Зиму лютую,
 Ай люли-люли,
 Зиму лютую.
Отомкни, весна,
Тёпло летечко,
 Ай люли-люли,
 Тепло летечко.
Зароди, весна.
Жито густое,
 Ай люли-люли,
 Жито густое
Жито густое,
Колосистое,
 Ай люли-люли,
 Колосистое.
Чтоб было с чего
Пиво варити,
 Ай люли-люли,
 Пиво варити.
Чтоб было с чего
Пирогов напечь,
 Ай люли-люли,
 Пирогов напечь.
Пирогов напечь,
Сынов поженить,
 Ай люли-люли,
 Сынов поженить.

3

Благослови, Боже,
 Благослови, Христос,
 Нам весну зачати,
 А зиму проклясти!
 Ой весна красна́,
 Тепло летечко!
 Что нам вынесла?
 — Короб житушка,
 Два — пшеничушки,
 Малым детушкам
 По яичушку,
 Красным девушкам
 По перстёночку,
 Молодым молодушкам
 По детенышку,
 Старым старушкам
 По рублевику¹.

4

— Весна красна,
 На чем пришла?
 На чем пришла,
 Пришла, приехала?
 — На кобыле вороной,
 С сохой, с бороной!

5

— Весна красна,
 На чем пришла?
 — На жердочке,
 На бороздочке,
 На овсяном колосочке,
 На пшеничном пирожочке.
 — А мы весну ждали,
 Клочки допрядали.

Летел кулик из заморья,
 Принес кулик
 Девять замков.
 — Кулик, кулик!

¹ Рублёвик — серебряная монета стоимостью в 30 копеек.

Замыкай зиму.
Замыкай зиму,
Отпирай весну —
Теплое лето!

Эта песня поется детьми обоого пола в сороки, т. е. в день сорока мучеников (9 марта) — первый весенний праздник. Они (т. е. дети) собираются на огородах и приносят с собой куликов, которые пекут из пшеничного или ржаного теста. Иногда они называются *жаворонками*. Этих куликов привязывают нитками к шестам, которые втыкают в одонки¹. Ветер качает куликов, так что они представляются как бы летящими, а дети поют: «Весна красна! На чем пришла» и т. д. Часто куликов качают по падорням², опрокидывают на одонья³, сопровождая это пением приведенной песни, а шесты с куликами иногда держат в руках, или же, отвязав куликов, берут последних руками за крылышки, то опуская их вниз, то подымая вверх, и таким образом они представляются летящими. <...>В тот же день пекут сорок (вероятно, вследствие созвучия слов сороки и сороки) (*пояснения собирателя*).

6

Жаворонки,
Перепелушки,
Птички-ласточки!
Прилетите к нам!
Весну ясную,
Весну красную
Принесите нам!
На жердочке,
На бороздочке,
И с сохой, и с бороной,
И с кобылой вороной,
С пряльцем⁴, с донцем⁵,
С кривым веретенцем⁶!

¹ *Одонки* — остатки сена после увоза копны.

² *Падорня* — подстожье, подстилка под стог.

³ *Одонье* — начатая укладка снопов, сена.

⁴ *Пряльце* — ручная прялка.

⁵ *Донце* — доска, в которую прилаживается гребень с куделью и на которой сидит пряха.

⁶ *Веретенце, веретенó* — точеный стержень, на который наматывается скручиваемая нить. *Кривое веретено* — в переносном смысле, непоседливое существо с быстрыми движениями.

Зима нам надоела,
Хлеб и сено поела,
Ручки-ножки познобила,
Скотинушку поморила!

7

Жаворонки,
Прилетите!
Красну весну
Принесите!
Нам зима-то
Надоела,
Весь хлеб
У нас поела,
Нет ни хлеба,
Ни картошки,
Самовар
Стоит на окошке...

8

Ой вы, жаворонки,
Жавороночки!
Летите в поле,
Несите здоровье:
Первое коровье;
Второе овечье;
Третье человечье!

9

... В каждом доме пекут кулики. Девушки и парни берут по кулику, идут на гумно¹, какой-нибудь один из участвующих собирает кулики и прячет их в солому. Потом все поют:

Кулики, кулики, куликали,
Весну красную закликали:
— Весна красна, на чем пришла?
— На сохе, бороне, на кривой кочерге,
На жердочке, на бороздочке,
На ржаном колоску,
На пшеничном пирожку!

¹ Гумно — здесь: сарай, в котором хранят сено, солому.

Ты пчёлынька,
 Пчёлка ярая!
 Ты вылети за море,
 Ты вынеси ключики,
 Ключики золотые.
 Ты замкни зимыньку,
 Зимыньку студеную!
 Отомкни летечко,
 Летечко теплое,
 Летечко теплое,
 Лето хлебородное!

СРЕДОКРЕСТНАЯ НЕДЕЛЯ

1

В среду крестопоклонной недели (четвертой недели Великого Поста. — В.А.) во всех крестьянских домах пекут из пресного пшеничного теста кресты по числу членов семьи. В крестах запекают или куриное перышко, «чтобы куры велись», или ржаное зерно, «чтобы хлеб уродился», или, наконец, человеческий волос, «чтобы голове легче было». Кому попадетсЯ крест с одним из этих предметов, тот считается счастливым.

В среду же крестопоклонной недели «ломается» пост и маленькие дети ходят под окна поздравлять хозяев с окончанием первой половины поста. В некоторых местностях этот обычай поздравления выражается в очень оригинальной форме: ребятишек-поздравителей сажают, как цыплят, под большую корзину, откуда они тоненькими голосами поют:

Здравствуйте, хозяин — красное солнышко,
 Здравствуйте, хозяйюшка — светлый месяц,
 Здравствуйте, дети — яркие звездочки!..
 Половина говенья переломилась,
 А другая наклонилась.

Простодушных ребят-поздравителей принято обливать при этом водой, а затем, как бы в награду за перенесенный испуг, им дают кресты из теста.

2

Половина говенья
 Переломилась,
 А другая под овраг

Покатилася.
Подайте крест,
Подайте другой,
Обмывайте водой!

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

1

В Вербное воскресенье крестьяне, во время утрени, молятся с освященной вербой и, придя домой, глотают вербные почки для того, чтобы предохранить себя от болезни и прогнать всякую хворь. Детей своих (а также и скотину) крестьяне слегка хлещут вербой, приговаривая: «Не я быю — верба бьет, верба хлест бьет до слез!»

В этот же день бабы пекут из теста орехи и дают их для здоровья всем домочадцам, не исключая и животных. Освященную вербу берегут до первого выгона скота (23 апреля), причем всякая благочестивая хозяйка выгоняет со двора скот непременно вербой, а самую вербу затем или «пускают на воду», или втыкают под крышу дома, с тою целью, чтобы скотина не только сохранилась в целости, но чтобы и домой возвращалась исправно, а не блуждала бы в лесу по несколько дней.

Наряду с этими общепринятыми обычаями, связанными со священной вербой, в некоторых местах, как, например, в Козловском уезде (Тамбовской губ.), существует мнение, что освященная верба, брошенная против ветра, прогоняет бурю и, брошенная в пламя, останавливает действие огня, а воткнутая в поле — сберегает посевы.

В том же Козловском уезде распространено верование, что всякий трус, желающий избавиться от своего недостатка, должен в Вербное воскресенье, по приходе от заутрени, вбить в стену своего дома колышек освященной вербы — средство это, если не превратит труса в героя, то, во всяком случае, прогонит природную робость. В уездах же Темниковском и Елатомском той же Тамбовской губ. советуют всем бесплодным женщинам есть почки освященной вербы, уверяя, что после этого женщина непременно начнет рожать детей.

2

Верба свята,
Верба свята,
Не я освящаю —
Бог освящает

Печки-перепечки¹,
На Божью милость,
На житьё-бытьё,
На корысть, на радость,
На Божью милость.
Хлеб спор²,
Животам³ приплод.
На тебе верёвочку,
А мне парочку яичек!

ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ

1

Первые места в этот день принадлежат серебряной монете, соли и хлебу<...> Пережженую, сероватого и черного вида соль перемешивают с квасною гущею, кладут в старый лапоть и бросают в огонь. Пережженную соль столкут, просеют и затем считают настолько чистою и священою, что приписывают ей даже целебную силу, помогающую как людям, так и скоту. Эта соль считается в особенности пригодной для того, чтобы просолить ею первые, освященные после святой заутрени пасхальные яйца. <...>Умываться в тот день стараются «с серебра», для чего кладут в воду серебряную монету<...> Крестьяне верят, что в Великий Четверг Господь невидимо благословляет тот хлеб, который в этот день подается к обеду. Поэтому крошки и куски, оставшиеся на столе, тщательно собираются и хранятся, как святыня, пригодная, полезная к употреблению во время болезни. Во всякой избе в указанной местности (в Александровском уезде Владимирской губ. — В.А.) во всякое время можно найти хоть маленький ломток четвергового хлеба⁴... В продолжении всей Страстной седмицы⁵ крестьяне, что называется, не покладают рук, чтобы соскоблить, вымыть и вычистить обычную

¹ *Перепечки* — пёрепéча, все хлебное, испеченное.

² *Спор* (о хлебе) — сытный, питательный.

³ *Животы* — богатство, стяжание, имущество.

⁴ Кроме просфоры, пекут кое-где и особые катышки из теста, которые и дают скоту по одному, а овцам по два, чтобы принесли двяток — ягнят (*Добавление С.В. Максимова*). *Двяток* — либо имеется в виду рождение двойни, что считалось предвестием урожая, либо — *девять*: в некоторых местностях было принято считать овец девятками.

⁵ *Седмица* — неделя. *Страстная неделя* — последняя неделя Великого поста.

грязь трудовой обстановки бедных людей и привести свои убогие жилища в чистенький и, по возможности, нарядный вид. Мужики с первых же дней Страстной недели заготавливают хлеба и корму для скотины на всю светлую седмицу, чтобы в праздник не приходилось хлопотать и чтобы все было под рукою. А бабы и девушки хлопчут в избах: белят печи, моют лавки, скоблят столы, вытирают мокрыми тряпками запыленные стены, обметают паутину. Разгар бабьих работ<...> выпадает на чистый четверг, который признается не просто днем Страстной недели, а каким-то особенным угодником Божиим, покровительствующим чистоте и опрятности. В этот день, по народному убеждению, даже «ворона своих воронят в луже моет». На этом же основании и бабы считают своим долгом мыть ребят, а иногда и поросят, а также чистить избы. «Если в чистый четверг вымоешь, — говорят они, — весь год чистота в избе водиться будет». Девушки моются в чистый четверг со специальными целями, твердо веруя, что если на утренней заре хорошенько вымыться, вытереть тело полотенцем и отдать затем это полотенце «оброшнику» (об «оброшниках» см. ниже¹), то от женихов отбою не будет, и в самом скором времени непременно выйдешь замуж. Кроме всеобщего мытья крестьяне стараются приурочить к чистому четвергу и убой скота и свиней, предназначенных для праздничного стола и для заготовки впрок. Это делается на том же основании, как и мытье избы: угодник Божий, чистый четверг, сохраняет мясо от порчи, в особенности если к нему обратиться со следующей короткой молитвой: «Чистый четверг, от червей и от всякого гада сохрани и помилуй на долгое время!»

2

Хозяин или хозяйка выплескивает через порог на улицу ложку киселя со словами:

Мороз, мороз,
Ступай к нам кисель есть!
Не бей рожь и житарь²,
А на посконь³ воля твоя!

¹ См. у нас далее в разделе: «Пасха» (С. 145).

² *Житарь* — ячмень, а также яровая рожь.

³ *Посконь* — конопля.

ПАСХА

1

Все хозяйственные хлопоты заканчиваются обыкновенно к вечеру Великой Субботы, когда народ спешит в церковь слушать чтение «страстей». <...>обыкновенно чаще всего читает какой-нибудь благочестивый старик, которого окружают слушатели из мужиков и целая толпа вздыхающих баб. Долго длится это монотонное, а иногда и просто неумелое чтение и, так как смысл читаемого не всегда доступен темному крестьянскому уму, то усталое внимание притупляется, и многие покидают чтеца, чтобы помолиться где-нибудь в углу или поставить свечку святой Плащенице (бабы уверяют, что Плащеница — это Матерь Божия) или же просто присесть где-нибудь в притворе и задремать. Последнее случается особенно часто, и наши корреспонденты из лиц духовного звания резко осуждают это неуважение к церковному Богослужению, замечая, что спать в церкви, да еще в великую ночь — значит то же, что совершенно не понимать всего происходящего в храме. Нам, однако, думается, что такой ригоризм едва ли можно признать справедливым, так как во всей стране нашей ни одно сословие не сохранило такой теплой и детски наивной веры, как крестьянство <...> Спят сравнительно немногие, а большинство толпится в темноте церковной ограды и деятельно хлопочет над наружным украшением храма. Во всю пасхальную ночь здесь слышны говор и крики; народ расставляет смоляные бочки, prepares костры; мальчишки суетливой толпой бегают по колокольне и расставляют фонари и плошки, а самые смелые мужики и парни, с опасностью для жизни, лезут даже на купол, чтобы осветить и его. Но вот фонари расставлены и зажжены, вся церковь осветилась огнями, а колокольня горит, как исполнская свеча, в тишине пасхальной ночи. На площади перед церковью густая толпа народа глядит и любитесь своим разукрашенным храмом и слышатся громкие восторженные крики. Вот послышался и первый, протяжный и звонкий удар колокола, и волна густого колеблющегося звука торжественно и величаво покатила по чуткому воздуху ночи. Народная толпа заколыхалась, дрогнула, полетали с голов шапки и радостный вздох умиления вырвался из тысячи грудей. А колокол тем временем гудит, гудит и народ валом валит в церковь слушать утреню. Через какие-нибудь пять минут в церкви делается так тесно, что негде яблоку упасть, а воздух от тысячи горящих свечей становится жарким и душным. Особенная давка и толкотня наблюдается у иконостаса и около церковных стен,

где «пасочники» расставили принесенные для освящения куличи, яйца и всякую пасхальную снедь. Когда отойдет утренняя, ровно в 12 часов, по приказанию ктитора¹, в ограде палят из пушки или из ружей, все присутствующие в церкви осеняют себя крестным знаменем и под звон колоколов раздается первое «Христос Воскресе». Начинается процесс христосования: в алтаре христосуется причт, в церкви прихожане, затем причт начинает христосоваться с наиболее уважаемыми крестьянами и обменивается с ними яйцами. (Последнее обстоятельство особенно высоко ценится крестьянами, так как они верят, что яйцо, полученное от священника, никогда не испортится и имеет чудодейственную силу).

После окончания литургии все «пасочники», с куличами на руках, выходят из церкви и строятся в два ряда в ограде, в ожидании причта, который в это время в алтаре освящает пасхи более зажиточных и чтимых прихожан. Ждут терпеливо, с обнаженными головами; у всех на куличах горят свечи, у всех открыты скатерти, чтобы святая вода попала непосредственно на куличи. Но вот причт освятил уже куличи в алтаре и, во главе со священником, выходит наружу. Ряды «пасочников» заколыхались, началась давка, крик, кое у кого вывалилась пасха из миски, кое-где слышится сдержанная брань рассерженной бабы, у которой выбили из рук кулич. А причт между тем читает молитву и, обходя ряды, кропит святой водой пасхи, за что ему в чашу швыряют гривны и пятаки.

Освятив куличи, каждый домохозяин считает своим долгом, не заходя домой, побывать на кладбище и похристосоваться с покойными родителями. Отвесив на родных могилках поклоны и поцеловав землю, он оставляет здесь кусок творогу и кулича для родителей и только потом спешит домой христосоваться и разговляться с домочадцами².

К разговенью матери всегда будят маленьких детей: «Вставай, детеночек, подымайся, нам Боженька пасочки³ дал» — и заспанная, но все-таки довольная и радостная, детвора садится за стол, где отец уже разрезывает пасху на куски, крошит освященные яйца, мясо или баранину и оделяет всех. «Слава Тебе, Господи, пришлось разговеться нам», — в умилении шепчет крестьянская семья, крестясь и целуя освященную пищу.

¹ *Ктитор* — церковный староста.

² Дети с родителями христосуются трижды и только с женами; целоваться при всех считается за большое неприличие. (*Примечание С.В. Максимова.*)

³ *Пасочка* — кулич.

С первого же дня святой Пасхи, на протяжении всей светлой седмицы, в деревнях обязательно служат так называемые пасхальные молебны, причем духовенство расхаживает по крестьянским избам непременно в сопровождении «оброшников» и «оброшниц», которые иначе называются «богоносцами». «Оброшники» вербуются всего чаще из благочестивых стариков и старух, которые или дали обет всю пасхальную неделю «ходить под богами», или же желают своим усердием вымолить у Бога какую-нибудь милость: чтобы перестала трясти лихорадка, чтобы сына не взяли в солдаты, чтобы муж не пьянствовал, не дрался во хмелю и не бил домочадцев. Но очень многие из мужиков берутся «носить богов» с исключительной целью пьянствовать на даровщинку <...>

Пока духовенство не отслужило у крестьянина в доме молебна, ни он, ни его домочадцы, ни под каким видом, не смеют предаваться никаким праздничным развлечениям — это считается за большой грех. Но, затем, когда «иконы прошли», в деревне начинается широкий пасхальный разгул. Взрослые «гостюют» друг у друга, без меры пьют водку, поют песни и с особенным удовольствием посещают колокольню, где и трезвонят с раннего утра до 4—5 часов вечера. Посещение колокольни, вообще, считается излюбленным пасхальным развлечением, так что, в течение всей светлой седмицы, на колокольне толпятся парни, девушки, мужики, бабы и ребята: все хватаются за веревки и поднимают такой трезвон, что батюшка то и дело посылает дьячков унять развеселившихся православных и прогнать их с колокольни. Другим, специально пасхальным развлечением, служит катание яиц и отчасти качели и игра в орлянку и карты. Катают яйца преимущественно ребята: да разве еще девушки, которые соскучились без хороводов и песен (на Пасху светские песни и хороводы считают неприличием и даже грехом). Зато на качелях катаются решительно все. Где-нибудь в конце деревенской улицы парни устраивают так называемые «общественные» качели (в складчину) и возле этих качелей образуется нечто вроде деревенского клуба: девушки с подсолнухами, бабы с ребятами, мужики и парни с гармониками и «тальянками» толпятся здесь с утра до ночи. Одни только глядят да любуются на чужое веселье, другие веселятся сами. Первенствующую роль занимают здесь, разумеется, девушки, которые без усталости катаются с парнями <...>

Наконец, из числа пасхальных развлечений деревенского народа нельзя также не указать на обязательное приглашение в гости кумовьев и сватов. В этом отношении Пасха имеет много общего с

Масленицей, когда точно также домохозяйева считают долгом обмениваться визитами со сватами <...>

Как самый большой и наиболее чтимый христианский праздник, Пасха, естественно группирует вокруг себя целый цикл народных примет, обычаев, суеверий и обрядов, не известных церкви, но пользующихся большой популярностью в темной среде деревенского люда <...> Особняком от этих суеверий стоит целая группа пасхальных примет, которые можно назвать хозяйственными. Так, наш народ твердо убежден, что пасхальные яства, освещенные церковною молитвою, имеют сверхъестественное значение и обладают силой помогать православным в трудные и важные минуты жизни. Поэтому все кости от пасхального стола тщательно берегаются: часть их зарывается в землю на пашнях с целью предохранить нивы от градобития, а часть хранится дома и во время летних гроз бросается в огонь, чтобы предотвратить удары грома. Точно также повсеместно сохраняется головка освященного кулича для того, чтобы домохозяин, выезжая в поле сеять, мог взять ее с собою и съесть на своей ниве, чем обеспечивает прекрасный урожай¹. Но урожай обеспечивается точно также и теми зернами, которые, во время пасхального молебна, стояли перед образами: поэтому богобоязненный домохозяин, приглашая в свой дом батюшку «с богами», непременно догадается поставить ведра с зернами и попросит батюшку окропить их святой водою.

Наряду с крестьянами-домохозяевами, создали свой цикл примет и бабы-хозяйки. Так, например, во всю светлую неделю, каждая хозяйка должна непременно прятать все освященное съестное таким образом, чтобы ни одна мышь не могла взобраться на пасхальный стол, потому что, если мышь съест такой освященный кусочек, то у ней сейчас вырастут крылья и она делается летучей мышью.

Точно также, во время пасхальной утрени, хозяйки наблюдают: какая скотина в это время лежит смиренно — та ко двору, а которая гомозится и ворочается — та не ко двору. Во время пасхальной же заутрени крестьянки имеют обыкновение «шугать» с насеста кур

¹ В некоторых местностях обычай брать в поле головку пасхи превратился даже в своеобразный ритуал. Когда настанет ржаной сев, хозяин встает на заре, умывается и молится Богу, а хозяйка накрывает скатертью стол, приносит головку пасхи, ковригу хлеба, ставит соль и, собрав всех домашних, зажигает свечку, после чего все присутствующие кладут по три земных поклона и просят у Бога: «Зароди нам, Господи, хлебушка». Затем головка пасхи заворачивается в чистую тряпочку и торжественно передается хозяину, который и уезжает с ней в поле. (Примечание С.В. Максимова.)

для того, чтобы куры не ленились, а пораньше вставали, да побольше яиц несли <...>

Что касается деревенских девушек, то и у них имеются свои пасхальные приметы. Так, например, в дни Святой Пасхи не берут соли, чтобы руки не потели, умываются водою с красного яйца, чтобы быть румяной, притом становятся на топор, чтобы сделаться такой крепкой (топор, говорят, удивительно помогает, и девушка делается такой крепкой, что, по пословице, хоть об дорогу ее бей — а ей все нипочем). Сверх того, девушки верят, что все обычные любовные приметы на Пасху сбываются как-то особенно верно: если, например, девица ушибет локоть, то уж непременно ее вспомнит милый; если во щи упадет таракан или муха — наверняка жди свидания; если губа зачесется — не миновать поцелуев; если бровь чесаться станет — будешь кланяться с милым.

2

На Пасху после обедни в некоторых местностях (в частности — в Смоленском крае) было в обычае ходить по избам с пением песен, похожих на колядные — это так называемые волочёбные песни. Волочёбники — песельники, исполнители таких песен.

Хозяинушка, наш батюшка!
Христос воскрес, Сын Божий наш!
Открой окно, погляди в окно,
Погляди в окно, в чисто поле.
В чистом поле на твоей нивке,
На твоей нивке престол стоит,
На престолике много праздников.
Первый праздник — Христов день¹,
Второй праздник — Егорий-свет²,
Третий праздник — Микола-свет³,
Еще праздник — Илья святая⁴!
— Христов день, а где ж ты был?
— В божьей церкви с попам, с дьякам я стосался⁵.
— Егорий-свет, а где ж ты был?
— В чистом поле коров я пас.

¹ Пасха.

² День святого Егория (23 апреля).

³ 9 мая — праздник перенесения мощей святителя, чудотворца Николая (Миколы).

⁴ Ильин день.

⁵ *Стосаться* — христосоваться.

— Микола-свет, а где ты был?
 — В чистом поле с севалинкой¹.
 — Илья святая, где была?
 — В чистом поле с серпом,
 С золотым серпом я рожь жала,
 Где пясть² нажну, там сноп свяжу,
 Где сноп свяжу, там стог складу.
 Высок-далек — под небеса!
 — Хозяинушка, наш батюшка!
 Дари гостей, не томи гостей!
 Стоят гости незваные,
 Незваные, незнанные.
 Заводчушке³ — сорок яец,
 Подводчушкам⁴ — по десяточку,
 Мехоносчушке⁵ — пару яец да пирога конец!
 Не хошь дарить — пойдем ты с нам
 Грязь месить, собак дразнить.
 Собак дразнить, людей смешить!

3

...Молодые в пасхальную субботу, по обычаю, должны были ехать к родителям молодухи, но до этого, рано утром, когда они еще спали, к их крыльцу приходили мужики-соседи. Они стучали палкой о крыльцо и произносили вьюницу⁶, призывая молодых выйти на крыльцо и вынести угощение. Молодая угощала пришедших, подносила им вино и обязательно давала яйца.

Угостить старались как можно лучше. Если окликальщики оставались довольны, то благодарили и желали молодой всяких благ: «Дай те Бог, молодуха, чтоб у тя всего было вдоволь. Дай те Бог, чтоб у тя, молодуха, было сколько в лесу пеньков — столько бы у тя сынков; сколько в лугу кочек — столько бы у тя и дочек!» Если же угощали плохо, то «мужики постараются наговорить совершенно противоположных пожеланий», как, например: «Дай те Бог, молодуха, чтоб у тя народилось — сколько в поле огородов, столько бы у тя и уродов».

¹ *Севалинка* — лукошко.

² *Пясть* — что можно взять рукой.

³ *Заводчушка* — старший у волочбников, заводила.

⁴ *Подводчушки* — помощники старшего.

⁵ *Мехоносчушка* — собиратель даров.

⁶ *Вьюница* — величальная песня, с которой ходили по домам молодоженов.

После ухода окликальщиков приходили ребяташки и проделывали все то, что до них мужчины: стучали о крыльцо с тем же разговором. Молодуха угощала их пирогами, оделяла яйцами и гостинцами.

4

Поют взрослые у ворот домов. Молодые и их родители наливают гостям по рюмке и угощают куличом и пасхой, а напоследок дают по яйцу.

Ты позволь, позволь, хозяин,
Молодая, да ты вьюная!¹
Прикажи-ка, господин,
Нам молитву сотворить
Да калитку растворить!
Во широкий двор войти
Да молодую взвеселить!
Уж мы видели тебя,
Как от матушки ты шла,
Пасху сладкую несла.
Уж мы видели тебя,
Как от бабушки ты шла,
Полуштоф² вина несла.
Нам по чарке поднесешь,
Свое счастье сбережешь!
Не жалея, не береги,
По яичку одели!

ВЕСЕННЯЯ ПАХОТА И СЕВ

Пахота и весенний сев начинаются между днем Бориса и Глеба³ и днем Егория⁴. Существует еще примета на начало сева овса, уже независимая от чисел: сев надо начинать тогда, когда зацветет одуванчик-севун. Пожилые крестьяне выбирают для запашки легкий день, т. е. вторник, четверг или субботу. За день до пахоты пахарь парится в печке и одевает все чистое. В продолжение всего сева ему нельзя будет париться, так как парятся на подстилке из соломы, а по принципу подражательной магии, также может запариться

¹ Вьюная, вьюница — молодая в первый год брака.

² Полуштоф — около пол-литра.

³ 2 мая — день перенесения мощей святых Бориса и Глеба.

⁴ 23 апреля — день святого Георгия Победоносца.

и хлеб, который будет посеян. В некоторых семьях севцу запрещают вообще мыться во время сева, иначе в колосьях будет «бель», т. е. колосья будут пустыми. На пахоту и особенно на сев (в некоторых местах пахота и сев из-за малоземелья бывают в один-два дня) полагается одевать все чистое, чтобы не было во всходах сорной травы.

ВЫГОН СКОТА

В каждом доме перед выгоном скота хозяин с хозяйкой зажигают перед иконами «страстную» свечу, стол накрывают чистой скатертью, кладут на него целый круглый хлеб, ставят на стол полную солонку соли и молятся Богу. Потом хозяин берет икону святого Георгия, страстную свечу, а хозяйка — хлеб с солью, и обходят на дворе кругом весь свой скот, приговаривая: «Святой Егорий-батюшка, сдаем на руки тебе свою скотинку и просим тебя — сохрани ее от зверя лютого, от человека лихого!» Затем кладут на землю под ворота замок и ключ: «Чтобы пасть звериная была так крепко заперта, как запирается замок на ключ!» А икону ставят над воротами и выгоняют скот на улицу, где пастух уже снова обходит все стадо с иконою Николая-чудотворца, также говоря: «О Святой Никола-батюшка, сдаю на поруки все стадо и прошу тебя — сохрани его от зверя лютого!» После этого все гонят скот в поле.

ЕГОРЬЕВСКАЯ ПЕСНЯ

Поют ребята от 5 до 10 лет, ходящие с иконой:

Батюшка Егорий,
Макарий преподобный!
Спаси нашу скотину.
Спаси и сохрани
В поле и за полем,
В лесе и за лесом,
За крутыми берегами,
За быстрыми реками!
Волку, медведю —
Пень да колода;
Матушке скотинке —
Чистая дорожка,
Травка-муравка.
Зелененький лужок.
Пастух выйдет на лужок,
Заиграет во рожок:
Телка, телися,

Овечка, ягнися,
Свинушка, поросися,
Хозяюшка, добрися.
Богу на свечку,
Нам по яичку;
Двоим, троим,
Давно стоим,
Дожидаем!

Хозяйка дает ребятам по яйцу, они поют:

Благодарю тебя, хозяин с хозяйшкой,
На добром слове, на хорошем подаянье!
Дай тебе Господи побольше пожить,
Да побольше нажить:
Сто коров, девяносто быков,
Тридцать куриц, двадцать петухов.

Если же хозяйка ничего не дает, то ребята поют:

Повернись твой дом кверху дном!
Первая беда — лошадь со двора,
Вторая беда — корова со двора,
Ваша скотинка заблудися!
Волк сожрет, и медведь обдерет!

ХОРОВОДЫ

1

Разделившись на две партии, девушки становились в две прямые линии друг против друга на небольшом расстоянии. Каждая партия, подвигаясь попеременно всей своей линией к другой, противостоящей, пела по одному стиху песни с припевом и возвращалась на свое место. Вслед за тем то же самое повторяла другая партия при пении следующего стиха:

1-я партия: А мы чишу чистили, чистили,
Ой, дид Ладу, чистили, чистили.

2-я партия: А мы пашню пахали, пахали, —
Ой, дид Ладу, пахали, пахали.

1-е партия: А мы просо сеяли, сеяли... и т. д.
2-я А мы просо вытопчем, вытопчем... и т. д.

- 1-я А чем же вы вытопчете, вытопчете?
2-я А мы коней выпустим, выпустим.
- 1-я А мы коней выловим, выловим.
2-я На что же вы выловите, выловите?
- 1-я На шелковые поводя, поводя.
2-я А мы коней выпустим, выпустим.
- 1-я На что же вы выпустите, выпустите?
2-я А мы дадим сто рублей, сто рублей.
- 1-я А мы дадим тысячу, тысячу.
2-я Не надо нам тысячу, тысячу.
- 1-я А что же вам надобно, надобно?
2-я Нам надобно девицу, девицу.
- 1-я А мы дадим девицу, девицу.

2

Первые три стиха каждого куплета поет один ряд, остальные три — другой.

— Кто с нами, кто с нами
Пашенку пахати,
Кто с нами?

— Мы с вами, мы с вами
Пашенку пахати,
Мы с вами!

— Кто с нами, кто с нами
Жито рассевати,
Кто с нами?

— Мы с вами, мы с вами
Жито рассевати,
Мы с вами!

— Кто с нами, кто с нами
Жито косити,
Кто с нами?

— Мы с вами, мы с вами
Жито косити,
Мы с вами!

— Кто с нами, кто с нами
Жито вязати,
Кто с нами?

— Мы с вами, мы с вами
Жито вязати,
Мы с вами!

— Кто с нами, кто с нами
Жито возити,
Кто с нами?

— Мы с вами, мы с вами
Жито возити,
Мы с вами!

— Кто с нами, кто с нами
Жито молотити,
Кто с нами?

— Мы с вами, мы с вами
Жито молотити,
Мы с вами!

— Кто с нами, кто с нами
Жито перьявати¹,
Кто с нами?

— Мы с вами, мы с вами
Жито перьявати,
Мы с вами!

— Кто с нами, кто с нами
Солод² солодити,
Кто с нами?

— Мы с вами, мы с вами
Солод солодити,
Мы с вами!

¹ *Перьявати* — от *перья* со значением сперва, сначала.

² *Солод* — пророщенные, высушенные и крупно смолотые зерна; нужен при изготовлении пива, кваса, спирта.

— Кто с нами, кто с нами,
Кто пиво варити,
Кто с нами?

— Мы с вами, мы с вами,
Мы пиво варити,
Мы с вами!

— Кто с нами, кто с нами,
Кто сына женити,
Кто с нами?

— Мы с вами, мы с вами,
Мы сына женити,
Мы с вами!

3

Участвующие, преимущественно девушки, становятся в круг. В середину его выступает одна, и под пение хоровода начинает плясать и выражать пантомимой все те приемы обработки льна, о которых говорится в песне (пояснение записавшего текст. — В.А.). Мать (стоящая в круге) учит дочь и всех дочерей. Каждой строфе предшествует обращение: «Научи меня, мати, как белый лен полоть (дергать, стлать, сушить и проч.)» и действия матери со словами: «Еще так да вот так...».

Под дубравую лен, лен,
Под зеленою лен, лен.
Уж я сеяла, сеяла ленок,
Уж я, сея, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
— Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!

— Научи меня, мати,
Как белый лен полоть.
— Еще так да вот так, чи дочи,
Вот так да, чи дочки мои,
Вот так, да голубушки,
Вот так, да голубушки.

Я полола, полола ленок,
Я полола, приговаривала,
Чеботами приколачивала,

На все бока поворачивала:
— Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!

— Научи меня, мати,
Как белый лен дергать.
— Еще так да вот так, чи дочи,
Вот так да, чи дочки мои,
Вот так, да голубушки,
Вот так, да голубушки .

Уж я дергала, дергала ленок,
Уж я дергала, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
— Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!

— Научи меня, мати,
Как белый лен стлати.
— Еще так да вот так, чи дочи,
Вот так да, чи дочки мои,
Вот так, да голубушки,
Вот так, да голубушки.

Уж я стлала, я стлала ленок,
Уж я стлала, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
— Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!

— Научи меня, мати,
Как белый лен сушить.
— Еще так да вот так, чи дочи,
Вот так да, чи дочки мои,
Вот так, да голубушки,
Вот так, да голубушки.

Я сушила, сушила ленок,
Я сушила, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:

— Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!

— Научи меня, мати,
Как белый лен мяти.
— Еще так да вот так, чи дочи,
Вот так да, чи дочки мои,
Вот так, да голубушки,
Вот так, да голубушки.

Уж я мяла, я мяла ленок,
Уж я мяла, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
— Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!

— Научи меня, мати,
Как белый лен трепати.
— Еще так да вот так, чи дочи,
Вот так да, чи дочки мои,
Вот так, да голубушки,
Вот так, да голубушки.

Я трепала, трепала ленок,
Я трепала, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
— Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!

— Научи меня, мати,
Как белый лен чесати.
— Еще так да вот так, чи дочи,
Вот так да, чи дочки мои,
Вот так, да голубушки,
Вот так, да голубушки.

Я чесала, чесала ленок,
Я чесала, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
— Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!

— Научи меня, мати,
Как белый лен прясти.
— Еще так да вот так, чи дочи,
Вот так да, чи дочки мои,
Вот так, да голубушки,
Вот так, да голубушки.

Уж я пряла, я пряла ленок,
Уж я пряла, приговоривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
— Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!

4

Заинька по сеничкам
Гуляй-таки гуляй,
Серенький по новеньким
Разгуливай, гуляй!
Некуда зайчику
Выскочити,
Некуда серому
Выпрыгнути:
Трѳи воротá
Призтворены стоят,
Все на них замочки
Крепко заперты висят,
А у кажных у ворот
По три сторожа стоят,
По три девицы сидят:
Первая в камкѳ¹,
Другая в тафтѳ²,
А моя-то любезная
Во всем золоте.
«Не хочу камки,
Не хочу тафты —
Хочу ситчику
Полосатенькова,
Люблю девицу
Тороватенькую³».

¹ Камкá — шелковая узорная китайская ткань.

² Тафтá — тонкая гладкая шелковая ткань.

³ Тороватенькая — великодушная, щедрая.

ВОЗНЕСЕНЬЕ, СЕМИК, ТРОИЦА

1

Святое Вознесенье¹, вознеси, Боже, жито!

Ой маю, маю, маю зеляну!

Взнеси, Боже, жито густо, колосисто,

Густо, колосисто, зерном ядренисто!

У поля копнами, на гумне скирдами,

На гумне скирдами, в клети закромами,

В клети закромами, на столе пирогами.

2

В некоторых местах семиковые обряды взрослыми девицами перестали исполняться, а большею частью перешли в разряд игр девочек школьного возраста.

Совершаются они теперь² так. Утром в Семик пекут сдобные «кулички» — круглые лепешки с дырочкой посредине, украшенные полосками в виде радиусов или просто истыканные вилкой; варят яйца, иногда красят их в красный цвет. Связав в платочки эти припасы, девочки отправляются по большей части в лес или в молодую поросль по возможности вблизи поля, или в самое поле со срубленной березкой. Дорóгой поют:

Ты не радуйся, осина (*или* сырой дуб),

А ты радуйся, береза —

К тебе девки идут,

К тебе красные идут

Со куличками со яичками.

(*с. Красное; д. Борисовское; д. Веска и др.*).

Подойдя к облюбленной березке, складывают под ней припасы и начинают ее убирать; завивают на ней венок — «мирское кольцо», плетут на ветках небольшие колечки по числу пар девочек, вешают ленты; затем становятся кругом березки хороводом и поют:

Завивайся ты, березка,

Завивайся ты кудрявая.

Мы к тебе пришли

Со яичками, со куличками,

Яички-те красные

¹ Праздник, установленный в память Вознесения Господня на небо.

² В 20-е годы XX в.

Кулички-те сдобные,
Семик, Семик, Троица,
Пресвятая Мать Купальница,
Ты на чем приехала?
На овсяном зернышке,
На оржаном колосе.

(д. Долгополье).

После этого девушки подбираются парами, целуются чрез колечко, меняются яйцами; местами говорят, как в Пасху: «Христос воскресе» и «Воистину воскресе», или приговаривают: «Кума, не драться, кума, не бороться, кума помириться» и также: «Покумимся, кума, подушимся, душа, не браниться нам, кума, до Троицына дня», обмениваются платками или передниками и становятся из подруг «кумами».

В с. Ивановском на этот праздник выбирают «Оленя» — самую маленькую по росту и худенькую девушку подростка. Подойдя к березе, ставят ее под нею с венком на голове и поют:

Уж, ты, олень, оленек,
Твой кудрявый паренек,
Березынька скрипела,
Всем девушкам кликала:
— Святая купальница,
Всем девкам племянница.
Девушки голубушки,
Сходитесь, кумитесь.

После этого все целуют «Оленя», сходятся кума с кумой, садятся под березкой и съедают принесенные припасы, причем скорлупу и остатки кушанья кладут под березкой.

Возвращаясь домой, девочки приносят с собой украшенную лентами березку, ходят с ней по селу с песнями разного содержания (необрядового) и, наконец, бросают ее в воду (а в других местах в ржаное поле). Праздник заканчивается общей пирушкой и завивание березки этим заканчивается. Развивается она в Троицын день, но только в очень немногих селениях. Обычно же все дело ограничивается одним завиванием.

В Семик или Троицын день плетут венки и пускают их в воду. В [селе] Осипова Пустынь при этом поют:

Все веночки плывут по речушке,
А мой потонул: милый обманул.
— Полно, глупая, не плачь, неразумная,

Твой венок с волной ныряет,
Милый клятвой уверяет:
Хочу верен быть и одну любить.

В [деревне] Ленидово, когда ходят развивать березку, в Троицын день поют:

Уж, ты, радуйся
Дубник, кленник.
Не радуйся, белая береза.
Мы идем тебя развивать
Со куличиками со здобными
Со яиченкой со жареной.

Но лет 30—40 тому назад семиковые обряды справлялись торжественно взрослыми. В районе, например, р. Сулоти, впадающей в Заболотское озеро, этот праздник проводился сообща всеми окрестными селениями. Парни и девки, не менее чем из десятка деревень, сходились на «Полубарский прудок» (близ дер. Полубоярово или Полубарово), к ним присоединялись и младшие, в общем набиралось несколько сот человек и открывалось гулянье в ночь на Семик. Целую ночь по берегу, покрытому кустарником, жгли костры, водили около них хороводы, пели песни, завивали на березках венки, играли в горелки и другие игры, до самого света, всю ночь напролет. Домой возвращались уже белым днем с вырубленными там березками.

В самый Семик каждая деревня, сама по себе «по ровням», по возрастам (а их было по четыре и более во всякой), отправлялась самостоятельно завивать березку в свое ржаное поле. Делалось это во вторую половину дня. Девицы брали с собой по яичнице, по прешушке и по варенику (творог со сметаной, политый молоком с пенками), несли украшенную лентами и бумажками березку и дорогой пели:

Что пошли-то девки в поле,
Поймали соловейку,
Посадили его в клетку,
Его в клетку за беседку,
За серебряну решетку.
— Ты скажи-ко, соловейко
Кому — воля, кому — нега?
— Воля-нега красным девкам,
Молодушкам миновала,
Лицо грязью замарала.

Нам во девушках
Житье хорошо,
Нам у бабушки со матушкой
Гулянице вольно.

Как задумали родители
Меня замуж отдавать,
От веселья от гулянья
Хотят меня отлучать,
Жива буду, не забуду
Девичье житье.

Подойдя к ржаному полю, ставили на лугу принесенную березу, укрепляли ее, а затем под ней клали взятые из дома кушанья, — становились кругом ее хороводом с платками и пели:

Свету, свету Купальница,
Миколу племянница,
На чем ты приехала?..
— На овсяном снопике,
На пшеничном зернышке.

После этого кумились, затем молились Богу на восток и начинали угощаться принесенными припасами, причем ели по очереди у всех понемногу, остатки припасов, не съеденные участниками, черпались ложками и разбрасывались по лугу. В Троицын день с такими же кушаньями приходили сюда «раскумливаться», т. е. разминуться обратно вещами со своими кумами. Отсюда ходили в Полу-барский лесок смотреть венки и примечали: если у кого в венке лист завял, то эта девушка или умрет, или замуж выйдет (дер. Веригино и др.). В этот день заканчивался цикл весенних обрядов и песен.

3

Йо, йо, березынька,
Йо, йо, кудрявая!
Семик честной да Троица —
Только, только
У нас, у девушек,
И праздничек!

4

А и густо-густо на березе листьё,
Ой ли, ой люли, на березе листьё.
Гуще нету того во ржи, пашеницы,
Ой ли, ой люли, во ржи, пашеницы.

— Господа бояре, мужики крестьяне!
Ой ли, ой люли, мужики крестьяне!
Не могу стояти, колоса держати,
Ой ли, ой люли, колоса держати.
Буен колос клонит,
Ой ли, ой люли, буен колос клонит.

РУСАЛЬНАЯ НЕДЕЛЯ

В «русальный вечер» варят кулеш¹. «Пойдемте, сестры, кулеша варить!» — говорят друг другу бабы и девки, выходя для сбора на улицу; выходит и «русалка» в одной рубашке с распущенными волосами, верхом на кочерге, держа в руках помело через плечо. Она в таком виде едет впереди, а за ней толпой идут девки и бабы, бьют в заслон. Ребятишки бегают вперед и то и дело заигрывают с «русалкой», хватая ее кто за руку, кто за рубаху, кто и к кочерге прицепится, приговаривая: «Русалка, русалка! Пощекочи меня!» или: «Не щекочи меня!». Вся эта толпа, с «русалкой» впереди, направляется [с пением] ко ржам <...>

Подошедши ко ржам, «русалка» бросается в толпу, схватит кого-либо и пощекочет, другие защищают преследуемую, стараются отнять ее, но «русалка» бросается на другую, третью и т. д. Тут пойдет свалка, пока ей не удастся вырваться и схорониться во ржах. «Теперь, — кричат все, — мы русалку проводили, можно будет везде смело ходить!» — и разбредутся по домам. «Русалка» же, посидев немного, прокрадется задками домой. Народ же всю ночь до самой зари гуляет на улице.

ПОХОРОНЫ КОСТРОМЫ

Из избы выносят деревянную скамью, ставят ее посреди улицы, на скамью ставят корыто и начинается делание Костромы. Притаскивается большой пук соломы и все находящиеся тут парни и девки делают куклу наподобие женщины, при этом поют:

Кострома, моя Костромушка,
Моя белая лебедушка!
У моей ли Костромы
Много золота, казны.
У Костромского купца
Была дочка хороша,
То Костромушка была!
Костромушка, Кострома,

¹ *Кулеш* — в Рязанском крае мучной кисель, иногда с брусникой.

Лебедушка-лебеда.
У Костромы-то родства —
Кострома полна была;
У Костроминна отца
Было всемеро.
Кострома-то разгулялась,
Кострома-то расхвалилась.
Как Костромин-то отец
Стал гостей собирать,
Гостей собирать,
Большой пир затевать;
Кострома пошла плясать,
А чужие-то притаптывать:
 Кострома, Кострома,
 То Костромушка была.
Я к тее¹, кума, незваная пришла;
Я ли тея², Костромушка;
За рученьку возьму,
Вином с маком напою,
В хоровод тебя введу.
Стала Кострома поворачиваться
С вина-маку покачиваться;
Вдоль по улице пошла,
На подворьице зашла,
На подворье Костромское,
На купецкое.
 Кострома ли, Кострома,
 То Костромушка была.
Костромушка расплясалась,
Костромушка разыгралась,
Вина с маком нализалась.
Вдруг Костромка повалилась:
Костромушка умерла.
 Костромушка, Кострома!
К Костроме стали сходиться,
Костромушку убирать
И во гроб полагать.
Как родные-то стали тужить,
По Костромушке выплакивати:
— Была Кострома весела,
Была Кострома хороша!
 Костромушка, Кострома,
 Наша белая лебедушка!..
 (Село Климово)

¹ К тебе.

² Тебя.

В продолжение этой же песни женщины и девушки одевают чу-чело в сарафан и рубашку, голову повязывают косынкой и убирают в цветы, на ноги надевают башмаки и, убрав таким образом Кострому, и девушки, и женщины кладут ее в корыто <...> Все тут стоящие парни одеваются в рогожи и идут вперед, один из них берет лапоть, изображающий собою как бы кадило и все шествуют медленно, неспеша. А женщины и девушки, покрыв головы белыми платками, берут корыто с куклою на руки и точно так же медленно несут ее по направлению к реке; причем одна группа девушек, изображающая плакальщиц, поет:

Кострома, Кострома,
Ты нарядная была,
Развеселая была,
Ты гульливая была!
А теперь, Кострома,
Ты во гроб легла!
И к тее ль¹, Костроме,
Сошлись незваные сюда.
Стали Кострому собирать, одевать,
Собирать, одевать и оплакивать:
— Кострома, Кострома,
Костромушка моя!
У тея ль², Кострома,
Блины масляные,
Браги сыченые³,
Ложки крашенные,
Чашки липовые.
(Село Климово)

Пришедши к реке или озеру, Кострому разоблачают, снимают с нее все уборы и бросают ее в воду, причем поют следующую песню:

Во поле было в поле,
Стояла береза.
Она ростом высока,
Листом широка.
Как под этой березой
Лежала Кострома;
Она убита, не убита,

¹ К тебе ли.

² У тебя ль.

³ Сыченая (о браге) — подслащенная медом.

Тафтою¹ покрыта.
 Девуца-красавица
 К ней подходила,
 Тафту открывала,
 В лице признавала:
 — Спишь ли, милая
 Костромка,
 Или чего чуешь?
 Твои кони вороные
 Во поле кочуют,
 Дороженьку чуют.
 Девуца-красавица
 Водицу носила,
 Дождичка просила;
 — Создай, Боже, дождя,
 Дождичка частова,
 Чтобы травынку смочило,
 Костроме косу остру притупило.
 Как за речкой, за рекой,
 Кострома сено косит;
 Бросила косу
 Среди покосу.
 (Акиманская слобода)

Этот обычай называется провожанием весны, или хоронением Костромы, и совершается он в последнее воскресенье перед Петровым постом в пригородных слободах Мурома и других селениях, расположенных по сю сторону реки Оки, однако с некоторыми изменениями. Так, например, в северо-западной и западной стороне уезда (Муромского. — В.А.) в селе Климове с окружающими селениями Кострому хоронят так: обряжают молодую женщину или девушку, кладут ее в ящик или корыто и несут ее с причетом и воем до лесу; корыто ставят под березою<...> Корыто с женщиною, избравшей собою Кострому, оставляют в лесу и уходят назад с веселыми песнями, а женщина или девушка, называемая Костромой, уже после присоединяется к своим товаркам. В сельце Зименках, западной стороне того же уезда, Кострому хоронят так: делают из соломы чучела, точно так же, как и в слободе, с той только разницею, что там Кострома изображает собою женщину, а здесь мужчину. Его *сряжают* (т.е. наряжают) в мужское платье и кладут в корыто; одну из находящихся тут молодых женщин выбирают в жены умершего Костромы и когда вся процессия двинется в путь, то

¹ *Тафта* — тонкая шелковая ткань.

жена впереди всех идет за корытом и причитывает: «Батюшка Костромушка, на кого ты меня покинул, закрылись твои ясные очки!» и т. п. Когда же чучело кинут в воду, то изображавшая собою жену Костромы начинает плясать, говоря: «Пойди душа прямо-таки в рай, таки в рай, таки в рай!»

В ближайших к городу селениях заречной стороны (за рекой Окой), деревне Ольховке с прочими обычай этот справляется так: берут сноп соломы, одевают его в новый сарафан и платок, увешивают сноп лентами, цветами, потом несут до речки или болота, тут сноп кидают в воду, припевая:

— Костромушка, Кострома,
Куда твоя голова?
— К бесу, к лесу,
В омут головой!..

Подвигаясь далее на остальное пространство той части Муромского уезда, этот обычай исчез совершенно между взрослыми, которые считают его за греховную забаву и приписывают ему: голод, болезни и другие народные бедствия. Итак, обычая хоронения Костромы здесь между взрослыми не существует, но между детьми (девочками) он составляет любимую игру в весеннее и перволетнее время <...>

ЛЕТО. ПРАЗДНИК ИВАНА КУПАЛЫ

...До нашего времени сохранились следы древних языческих праздников в честь Ярилы. За неделю до Иванова дня¹ в Лукоянове [Нижегородская губ. — В. А.] бывает торг и крестьянское гулянье, которое носит в народе название «молодой Ярило», а в следующий затем базарный день, перед самым Ивановым днем, бывает вновь большой базар и гулянье, известное под названием «старый Ярило».

В настоящее время от языческих празднеств, разумеется, сохранилось одно только название, но замечательно, что и на пространстве целых тысячелетий народ все-таки успел сохранить тот дух купальских празднеств и то веселье, которые были свойственны и языческой эпохе. Так, в песнях, которые распеваются в деревнях

¹ *Иванов день* — 24 июня, день Рождества святого пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

Купала и сейчас называется «любовным», «чистоплотным», «веселым». В одной из купальских песен прямо говорится: «Ай, Купала наш веселый, князюшка наш летний, добрый».

Все эти эпитеты, которыми наделяет Купалу народная песня, находят свое объяснение в целом ряде обычаев, приуроченных к этому дню. Так, «любовным» Купала называется, между прочим, потому, что в его день, раз в году, расцветает папоротник, при помощи которого, по словам одной купальской песни, «сердце девичье огнями зажигают на любовь». Впрочем, сердца деревенской молодежи зажигаются и без папоротника, потому что, еще накануне Купалы, рощи, берега рек, леса и луга оглашаются веселыми хороводными песнями, и парни и девушки вместе ищут чудодейственных трав, вдали от строгих глаз матерей и отцов.

«Чистоплотным» Иван Купала называется оттого, что на заре этого дня принято купаться, причем такого рода купанью приписывается целебная сила. С той же целью — отыскать целебную силу — поутру Иванова дня вологодские бабы «черпают росу»; для этого берется чистая скатерть и «бурак»¹, с которыми и отправляются на луг. Здесь скатерть таскают по мокрой траве, а потом выжимают в бурак и этой росой умывают лицо и руки, чтобы прогнать всякую «болезнь» и чтобы на лице не было ни угрей, ни прыщей. В той же Вологодской губернии, накануне Ивана Купалы, крестьянки обязательно моют у колодца или на реке так называемые «квашенки», т. е. кадушки, в которых водят тесто для ржаного хлеба. (По замечанию нашего корреспондента, эти квашенки только и моются один раз в год.)

В Пензенской губернии точно так же «черпают росу», хотя здесь она служит не только для здоровья, но и для чистоты в доме: купальской росой кропят кровати и стены дома, чтобы не водились клопы и тараканы <...>

В Орловской губернии (как, впрочем, и во многих других) с Иванова дня начинают ломать прутья березы для банных веников. Делается это в том предположении, что веники, срезанные до Иванова дня, приносят вред для здоровья (на теле будет *чес*, т. е. чесотка). Вообще, баня, купанье в реках и умыванье росой составляют один из наиболее распространенных в народе купальских обычаев. Местами этот обычай выродился даже в своеобразный обряд обливания водой всякого встречного и поперечного. «Деревенские парни, — пишет об этом обряде наш орловский корреспондент, — одеваются в грязное, старое белье и отправляются с вед-

¹ *Бурак* — берестяная посуда.

рами и кувшинами на реку, где наполняют их самую грязную, мутно-водой, а то и просто жидкой грязью, и идут по деревне, обливая всех и каждого и делая исключения только для стариков и малолеток». Но всего охотнее, разумеется, обливают девушек: парни врываются даже в дома, вытаскивают и выносят девушек на улицу силой и здесь с ног до головы окачивают водой и грязью. В свою очередь, и девушки стараются отомстить парням и тоже бегут на реку за водой и грязью. Начинается, таким образом, общая свалка, полная веселья, криков и смеха. Кончается дело тем, что молодежь, перепачканная, мокрая, в прилипшей к телу одежде, гурьбой устремляется на реку и здесь, выбрав укромное местечко, подальше от строгих глаз старших, купается вместе, причем, разумеется, и парни, и девушки остаются в одеждах.

Относительно общенародного обычая — купаться в Иванов день — мы получили сведения почти со всей центральной и северной полосы России, и только <...> в некоторых уездах Ярославской губернии крестьяне признают такое купанье очень опасным, так как в Иванов день считается именинником сам водяной, который терпеть не может, когда в его царство лезут люди, и мстит им тем, что не только топит всякого неосторожного, но, затащивши в самую глубь речных омутов, глумится уже над мертвым телом.

Кроме эпитетов «любовный», «веселый» и «чистоплотный» Иван Купала повсеместно именуется еще и «травником». Последнее название указывает на общенародное верование, которое гласит, что все чудодейственные и целебные травы распускаются как раз в ночь на Ивана Купалу, когда творческие силы земли достигают своего наивысшего напряжения. Поэтому знающие и опытные люди, а особенно деревенские лекари и знахари, ни под каким видом не пропускают Ивановой ночи и собирают целебные корни и травы на весь год. Наибольшим вниманием их пользуется: 1) *Петров Крест* — трава, похожая на простой горох без стручков. (Крест находится в корне, на глубине двух аршин, и вполне предохраняет и от колдунов, и от нечистой силы.) 2) *Чертогон* — трава с теми же свойствами: ее втыкают в трещину над воротами и калиткой — от колдунов и под крышами — для изгнания чертей. 3) *Чернобыль-трава*. Эту траву заплетают в плети и кладут их «под Иванову росу» с приговором: «Мать — земля, отец — небо, дайте рабам вашим от этой травы здоровья!» 4) *Зяблица* — помогает от ребячьего крика и от бессонницы, но, для успешного действия, ее нужно топить в молоке. 5) *Расперстице* — трава эта сушится, и порошком ее присыпаются больные места на теле (обрезы, нарывы, опухоли). В большом употреблении точно так же травы: *Дивий*

сил [Девясил. — В.А.]», *Мария-Магдалина* (от тоски), *Богородская* трава (для окуривания отелившихся коров), а также специальный корень, носящий несколько рискованное название и предназначенный для снятия «порчи» с молодых.

ПЕТРОВ ДЕНЬ

С большой торжественностью крестьяне и крестьянки в лучших праздничных нарядах в ночь на Петров день, за час до света, идут на высоту холма и там с немым, но красноречивым восхищением ожидают величественного зрелища восходящего солнца, что они называют «караулить солнце». Они верят, что солнце в сей день при восхождении своем играет: то спрячется, то покажется, то повернется, то вниз уйдет, то блеснет голубым, то розовым, то разными вместе цветами. Как только покажутся первые лучи, запевала начинает и все подхватывают песню с припевом: «Ой, ладо! Ой, ладо!»

ЖАТВА

1

Зажинают всегда в «легкий» день; зажинающая берет с собой кусок черного хлеба с солью, завязанный в тряпочку или полотенце, и икону Спасителя. То и другое она кладет на полосу или на первый сжатый сноп. Сжинает она <...> только три снопа и кладет их крестом. Делается это потому, что, по распространенному суеверию, все, что сжато в первый день, уйдет в закрома к колдунье; если же сжато три снопа, т. е. крест, то колдунья не может к ним прикоснуться. В деревнях, где *зажин от деревни* больше не бытует, в большинстве случаев бытует *зажин от семьи*. В этом случае зажинает старшая в доме. <...> Существует приговорка-молитва: «Дай, Господи, спорыньи и легкости, и доброго здоровья!»

На поле каждая из жниц имеет определенное место, соответствующее ее положению в семье. Свекровь жнет впереди всех; с правой стороны рядом с ней жнет ее старшая дочь, и только за последней дочерью жнет старшая сноха. Если свекровь не выходит уже в поле, то ее место занимает ее старшая дочь. Только после смерти свекрови и свекра, когда хозяйство перешло в руки сыновей, а дочери повышли замуж, место свекрови на жниве переходит к старшей невестке <...> Строго следят за тем, чтобы жница не меняла места: с какой стороны начала, с той и кончи. Если же жница перешла на чужое место, то у остальных жниц спины будут болеть; говорят: «Спины пережала».

Для того чтобы у жниц не болели спины, употребляется ряд магических действий. Когда женщины выходят в первый день в поле, они затыкают за пояс над поясницей первые попавшиеся цветы с межи, или заячью капусту, или первые сжатые колосья. Известен также способ подпоясываться первой сжатой горстью ржи. Для предохранения от боли в спине запрещается также трогать спину руками. Если же спина все-таки начинает болеть, то рекомендуется повалиться по меже, причем надо лечь попеременно по меже.

Существует ряд запретов, относящихся к серпам. Каждая жница жнет своим собственным серпом; жать чужим запрещается, допускается только обмен серпами. Этот запрет подкрепляется предостережением, что в противном случае серп будет резать руки <...>

Большинство селений Дмитровского края на яровом поле оставляют несжатую горсть овса. Старшая жница выпалывает траву вокруг этой горсти и между стеблями, на очищенную таким образом от сорняков землю кладет кусок черного хлеба с солью; затем завязывает стебли узлом так, чтобы колосья были опущены на землю, а самые стебли образовывали нечто вроде дуги, опирающейся концами в землю. Под этой дугой продергиваются все серпы, бывшие на жатве. В некоторых деревнях <...> колосья срезаются поверх узла и кладутся в последний сноп. Эта последняя горсть носит различные названия, в зависимости от местности. В большинстве сёл она называется «Христовой бородкой». В северных частях края говорят: «Завивать бороду Егорию-Победоносцу», со следующим приговором:

Егорий, приходи,
Коня приводи,
И наших коней корми,
И овечку корми.
И коровку корми!

Обычай «завивать бороду» присущ не только яровой жатве, в некоторых селах бороду делают и на яровом, и на озимом поле. В северо-западной части края <...> бороду не завивают, а вместо нее бытует измененный обычай «женитьбы серпа». В последнюю несжатую яровую горсть заматывают или все серпы, бывшие на жатве, или только серп самой старшей жницы, которая его и заматывает. Обматывают серп сначала в самые колосья, постепенно приближаясь к корням; когда серп прижат вплотную к земле, жница

выдергивает овес с корнями и, подымая высоко над головой, говорит: «Родись и водись, на тот год не переводись!» или: «Уродись на тот год вот такой!».

После этого жницы катаются с боку на бок по полю, в некоторых местах не катаются, а кувыркаются через голову со словами: «Яровая жнивушка, отдай мою силушку на долгую зимушку!» Или:

Нивка, нивка, отдай мою силку,
Я тебя жала, силку свою потеряла!

Обычай кататься по сжатой полосе встречается иногда и на дожинах озимого хлеба. Только слова, конечно, другие:

Не боли, моя спинушка,
Заживи на яровую жнивушку!
Матушка, оржаная жнивушка,
Отдай мою силушку на яровую жнивушку!

Иногда этот приговор произносится, сидя на последнем снопе.

«Завязывание бороды» считается не вполне безопасным делом, это обычно выполняет самая старшая жница. До бороды не рекомендуется дотрагиваться <...>

Со снопом связан следующий запрет: нельзя перевязывать сноп, сжатый другой женщиной; перевязывать снопы можно только у старухи. Запрещается это потому, что перевязывавшая будто бы «завяжет детей у сжавшей», иначе — «спорыню в женщине завяжет» или сделает мужа бесплодным.

Последний яровой сноп повсеместно берут с собою в избу. В некоторых местах последний сноп делают из колосьев, растущих на меже. В гузок данного снопа затыкают все бывшие на жатве серпы, — чтобы нос не мерз зимою <...> Внося последний сноп в избу, хозяйка делает снопом на стенах трижды крестное знамение со словами: «Мухи, блохи, вон: хозяйка идет в дом! Ступайте, тараканы, клопы, вон! Хозяйка идет в дом!» Считается, что после этого всякие домашние насекомые должны из избы исчезнуть. Сноп ставят на лавку, в углу, под иконами, там он должен стоять до Покрова¹, когда им будут закармливать скотину. Некоторые хозяева хранят сноп в сусеке до посева и им засеивают...

¹ До 1 октября.

2

Когда оканчивается жнитвом последняя десятина ржи, одна из баб, которая постарее других или пользуется уважением по уму, трудолюбию и сметливости, «обжинает козу». «Обжинать козу» — значит оставить несрезанными несколько небольших пучков ржаных колосьев, расположенных кружком на пространстве в поперечнике до 1 аршина или менее. Эти жиденькие купы колосьев связываются вверху, так что вся «коза» принимает вид игрушечной беседки. Беседочку эту или «козу» внутри выполняют начисто, а в средину положат на землю ломтик хлеба с солью. Потом все бабы помолятся на все четыре стороны, и устроившая «козу» «отжинальщица» садится на землю, лицом к «козе», а бабы отдают ей свои серпы. Собрав серпы и взяв их за рукоятки в обе руки, она бросает их через голову, за себя, насколько может сильнее; серпы разлетаются и, падая, принимают разные положения. Бабы, отдавая серпы, загадывают, доживут ли они или их дети, родные и прочие до нового жнитва? Когда серпы брошены, всякая спешит к своему серпу. Той, чей серп концом воткнулся в землю, по направлению к своей приходской церкви, предвещает смерть; чей серп далее упал от «козы», та проживет более. Но, к счастью, подобные предсказания серпа не наводят уныния на загадывающую. «Ох, бабы! Никак мне умереть?» — восклицает одна, поднимая свой серп. «Ох, баба, и так умрешь!» — отвечают другие, покачивая головами, и затем раздается звонкий порыв хохота <...> «Козу», или «козульку» оставляют в поле.

3

Слава тебе, Боже,
Что в поле пригоже!

В поле копами,
На гумне стогами!

На гумне стогами,
В клетки закромами!

В клетки закромами,
В печи пирогами!

Ты рад, наш хозяин,
Что в поле пожали?

В поле пожали,
В копы поклали.

Уж мы вьем-вьем бороду
 У Василья на поле,
 Завиваем бороду
 У Ивановича нашего.
 На ниве великой,
 На полосе широкой!

ОСЕНЬ

Семин день

День святого Симеона Столпника (1 сентября) на языке народа носит название «Семена-летопроводца» или просто «Семина дня». Это срочный день для взноса оброков, пошлин и податей, и с этого же дня обыкновенно начинаются и прекращаются все условия и договоры, заключаемые поселянами между собой и с торговыми людьми (отдача в наем земли, рыбных ловель и других угодий). В условиях так и пишут: «на Семин день я, нижеподписавшийся, обязуюсь» и т. д.

Название «летопроводца» присвоено Семину дню потому, что около этого времени наступает конец лета, о чем можно заключить и по народным земледельческим поговоркам: «Семин день — севалка с плеч» или: «Семин день — семена долой» (т. е. конец посева), «В Семин день до обеда паши, а после обеда пахаря с поля гони» (намек на то, что с наступлением сентябрьских дней ясная утренняя погода к полудню часто сменяется холодом и ненастьем). Время с Семина дня по 8 сентября называется «бабьим летом» — это начало бабьих сельских работ, так как с этого дня бабы начинают «засиживать» вечера.

Во многих местах с днем Семена-летопроводца связывается «потешный» обычай хоронить мух, тараканов, блох и прочую нечисть, одолевающую крестьянина в избе. Похороны устраивают девушки, для чего вырезают из репы, брюквы или моркови маленькие гробики. В эти гробики сажают горсть пойманных мух, закрывают их и с шутливой торжественностью (а иногда с плачем и причитаниями) выносят из избы, чтобы предать земле. При этом, во время выноса, кто-нибудь должен гнать мух из избы «рукотерником» (полотенцем) и приговаривать: «Муха по мухе, летите мух хоронить» или: «Мухи вы, мухи, комаровы подруги, пора умирать. Муха муху ешь, а последняя сама себя съешь!»

Обычай хоронить мух и тараканов наблюдается по всему северу России, причем даже детали его везде одни и те же и только кое-где вместо «рукотерника» советуют изгонять мух штанами в полной уверенности, что это средство неизмеримо действительнее, так как муха, выгнанная штанами, навсегда теряет охоту возвращаться в избу снова¹.

С изгнанием мух связана и специальная примета: убить муху до Семина дня — народится семь мух; убить после Семина дня — умрет семь мух.

Как ни комична сама по себе ритуальная обстановка борьбы с насекомыми и паразитами, но она дает полное основание заключить, что при бедности нашего крестьянства и при той грязи, которая повсеместно царит в избах, сожительство с паразитами причиняет крестьянам истинное страдание: «сыпной» таракан и «сыпной» клоп, даже при загрубелости кожи, лишают обитателей изб спокойного сна и нормального отдыха; дети же страдают от насекомых невыразимо, поднимая по ночам полные отчаяния вопли.

ВОЗДВИЖЕНЬЕ

Судя по некоторым народным поверьям, наши крестьяне совсем не знают, в чем состоит истинный смысл и значение церковного праздника — Воздвиженья честного и животворящего креста Господня (14 сентября).

По мнению орловцев, разделяемому тамбовцами и владимирцами, в день Воздвиженья все змеи, ужи и вообще все пресмыкающиеся «сдвигаются», т. е. сползаются в одно место, под землю, к своей матери, где и проводят всю зиму, вплоть до первого весеннего грома, который служит как бы сигналом, разрешающим гадине выползть из чрева матери-земли и жить на воле. Вот почему на праздник Воздвиженья, или, по крестьянскому выражению, «Сдвижения», мужики на весь день тщательно запирают ворота, двери и калитки из боязни, чтобы гады, ползущие к своей матери под землю, не заползли по ошибке на мужичий двор и не спрятались там под навозом или в соломе и на нарах. Впрочем, крестьяне верят, что, начиная с Воздвиженья, змеи не кусаются, так как каждая гадина, ужалившая в это время человека, будет строго наказана: всю осень, до первого снега и даже по снегу, будет ползать зря, не находя себе места, пока не уьют ее морозы или не проткнут мужичьи вилы.

¹ Обычай хоронить мух, тараканов и клопов практикуется не только на Семина день, но и на Воздвиженье, и на Покров, и на некоторые другие праздники (дополнение С.В. Максимова).

Наряду с гадиной и лешие вместе с оборотнями и прочей нежитью считают день Воздвиженья каким-то срочным для себя днем. Лешие, например, сгоняют в этот день в одно место все подвластное им зверье, как бы делая ему смотр перед наступающей зимой. Крестьяне, впрочем, не объясняют, с какой именно целью лешие делают такие парады, но это не мешает им твердо верить, что в день Воздвиженья ни под каким видом нельзя ходить в лес, так как оборотни, и особенно лешие, бывают в это время крайне бесцеремонны и, в лучшем случае, могут только побить, а то так и просто отправить мужика на тот свет.

В других местах слово «Воздвиженье» находит себе несколько иное объяснение: говорят, например, что в этот день хлеб с поля на гумно «сдвинулся», так как в половине сентября обыкновенно оканчивается уборка хлеба и начинается молотья. Говорят еще, что Воздвиженье «сдвинет зипун, надвинет шубу» или что на Воздвиженье «кафтан с шубой сдвинулся и шапка надвинулась».

<...> из других обычаев и поверий можем указать только на одно: крестьяне повсюду верят, что день Воздвиженья принадлежит к числу тех, в которые не следует начинать никакого важного и значительного дела, так как все, начатое в этот день, или окончится полной неудачей, или будет безуспешно и бесполезно.

ПОКРОВ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Так как свадьба в крестьянском быту требует значительных расходов, то в деревнях девушек выдают замуж обыкновенно тогда, когда уже закончились полевые работы и вполне определенлся итог урожая. Таким временем повсюду считается Покров Пресвятой Богородицы (1 октября). Поэтому и праздник Покрова считается покровителем свадеб. (Существует даже примета, что если в день Покрова будет очень ветрено, то это предвещает большой спрос на невест). А так как о свадьбах и женихах все больше толкуют девушки, то естественно, что и самый праздник Покрова приобретает до некоторой степени значение девичьего праздника. В этот день всякая девушка-невеста считает непременно долгом побывать в церкви и поставить свечку перед образом Покрова Богородицы, причем повсюду сохраняется уверенность, что девушка, первая поставившая свечу, и замуж выйдет раньше всех. Кроме умиловительной свечи перед образом Покрова читаются и особые молитвы: «Батюшка-Покров, мою голову покрой. Матушка Пятница-Пара-

скева, покрой меня поскорее»¹. Такую же самодельную молитву читают девушки и отходя ко сну: «Покров-праздничек, покрой землю снежком, а мою голову венцом». С Покрова же по всей Велико-россии девицы начинают устраивать беседы. Что касается прочего населения, то день 1 октября оно считает «первым зазимьем» (началом зимы). В этот день бабы начинают топить в жилых горницах печи, причем бабы не упускают случая, чтобы произнести особую молитву: «Батюшка Покров, натопи нашу хату без дров». С Покрова же крестьяне начинают конопатить свои избы (опять-таки с приговором: «Батюшка-Покров, покрой избу тесом, а хозяев добром») и «закармливают» на зиму скот. Последний обычай обставляется довольно торжественно, так как скотине скармливают особый сноп овса, называемый «пожинальником». Пожинальник, или последний сноп с последней полосы, обыкновенно вяжется из тех колосьев, которые оставляются «Илье на бороду». (Делается это с целью умиловить грозного пророка: «Вот тебе, Илья, борода, а нам хлеба вороха»). Эту «бороду Ильи» крестьяне дожинают непременно всей семьей, храня во время работы гробовое молчание. «Из бороды» вяжется отдельный сноп, который ставится на лавку в переднем углу, где и стоит до Покрова. На Покров же его торжественно выносят во двор и дают скотине, с целью предохранить ее от зимней бескормичи и от всех бед и напастей, связанных с самым суровым и тяжелым временем года.

КУЗЬМИНКИ

Кузьма и Демьян известны в народе под именем «курятников» и «кашников», потому что в день 1 ноября, когда празднуется память этих святых, в деревнях носят в церковь «под свято» кур и варят кашу, отведать которую приглашают и святых угодников: «Кузьма-Демьян, — говорят крестьяне, усаживаясь за трапезу, — приходите к нам кашу хлебать».

Трудно сказать, каким образом Косьма и Дамиан, известные по церковным преданиям как врачи-бессребреники, даром лечившие людей, превратились в глазах темного народа в «курятников» и «кашников». Но несомненно, что эпитеты эти распространены по всей России, причем в некоторых местах народная фантазия придумала им легендарное объяснение. Так, в Вологодской губернии, Тотемском уезде рассказывают, что святые Кузьма и Демьян были простыми работниками, которые охотнее всего нанимались моло-

¹ Параскева-Пятница точно также считается покровительницей брака. (Примечание С.В. Максимова.)

тить, но при этом никогда не требовали платы, а ставили лишь условием, чтобы хозяева вволю кормили их кашей. Это вологодское предание породило даже своеобразный обычай, в силу которого на домолотках крестьяне считают как бы правилом варить кашу, а работники требуют ее у хозяев как нечто должное, освященное преданием. Домолачивая последний овин, они обыкновенно говорят: «Хозяину вершок, а нам каши горшок». В Курской губернии наряду с кашей крестьяне считают необходимым бить 1 ноября трех куренок и есть их утром, в обед и вечером, «чтобы птица водилась». По словам нашего корреспондента, трапеза в здешних местах сопровождается всегда специальной молитвой: «Кузьма-Демьян-сребреница! Зароди, Господи, чтобы писклятки водились». Наблюдают также, чтобы за трапезой отнюдь не ломались кости, а то цыплята будут уродливые. Последнее правило еще строже соблюдается в Тамбовской губернии: местные хозяйки твердо убеждены, что если в день Кузьмы и Демьяна зарезать двух петухов или петуха и курицу и, съевши их, повертеть на кобылках¹ их дыры и затем бросить в курятник, то на следующий год неминуемо все куры будут с дырявыми кобылками.

Считаясь защитниками кур, по преимуществу, святые Кузьма и Демьян в то же время известны и как покровители семейного очага и супружеского счастья. День, посвященный их памяти, особенно чтится девушками: в некоторых местах существует даже обычай, в силу которого девушка-невеста считается в этот день как бы хозяйкой дома, она готовится для семьи кушанья и угощает всех, причем в качестве почетного угощения подается куриная лапша, отчего и праздник этот известен в народе под именем «кочетятника» (от *кочет* — петух). Вечер этого дня деревенская молодежь проводит в веселье: девушки собираются в какой-нибудь большой избе и делают так называемые «ссыпки», т.е. каждая приносит что-нибудь из съестного в сыром виде: картофель, масло, яйца, крупу, муку и проч. Из этих продуктов в ознаменование начала зимних работ устраивается пиршество, к которому, в качестве гостей, приглашаются парни. Такие пирушки называются «кузьминками» и продолжаются до света, причем парни обыкновенно успевают вторично проголодаться и отправляются на фуражировку, воруя соседских кур, которых девушки и жарят им в «жировой»² избе. При этом, конечно, сохраняется в полной тайне, сколько и у кого было украдено кур,

¹ *Кобылка* — грудная птичья кость.

² *Жировая* — от *жир*, достаток, богатство, здесь: об избе, где празднуют.

хотя к покражам такого рода крестьяне относятся довольно снисходительно и, если бранятся, то только для порядка.

Вышеописанные «кузьминки» в некоторых местах (как, например, в Пензенской губернии Городищенском уезде) сопровождаются особым обычаем, известным под именем «похорон Кузьмы-Демьяна»; в жировой избе девушки готовят чучело, т. е. набивают соломой мужскую рубашку и шаровары и приделывают к нему голову, затем надевают на чучело «чапан»¹, опоясывают кушаком, кладут на носилки и несут в лес, за село, где чучело раздевается, и на соломе идет веселая пляска.

Чтобы закончить характеристику народных воззрений на Кузьму и Демьяна, необходимо сказать, что оба эти святые называются еще «рукомесленниками» и считаются покровителями ремесел и, главным образом, женских рукоделий. Это объясняется тем, что с 1 ноября (день Кузьмы и Демьяна) женщины вплотную принимают за зимнюю пряжу: «Батюшка Кузьма-Демьян, — говорят они, садясь за прялку, — сравняй меня, позднюю, с ранними», т. е. помоги не отстать от других, которые начали работу раньше.

Свадебный фольклор

Свадебный фольклор, подобно календарному, включает в себя произведения не просто связанные с обрядами, но такие, какие являются их частью. Русская свадьба представляет собой единство, исторически возникшее сравнительно поздно (не ранее середины XIV столетия). Но известные нам ее традиции переработаны и введены в круг поздних понятий и представлений. Регионально-локальные особенности, такие отчетливые в календарных песнях и обрядах, в свадьбе тоже выступают с подобной отчетливостью и укладываются в несколько типов: северо-русский, среднерусский и южно-русский. Внутри их наблюдается своеобразие, естественное для протяженной России. При всем том единство свадьбы не ставилось под сомнение никем из вдумчивых собирателей и исследователей ее. Каждый региональный тип обнаруживает традиционные свойства, общие для свадьбы.

Для образца в хрестоматии выбран свадебный обряд, записанный в середине XIX в. в Ярославской губернии (*Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п.*

¹ Чапан — кафтан.

Материалы, собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном. Т. 1. СПб., 1900. С. 644—662: первоначальная публикация *С.Я. Дерунова* в «Трудах Ярославского губернского статистического комитета». Вып. 5. 1868). Ярославский образец принадлежит к северному типу. Среднерусский тип представляет запись свадебного обряда, осуществленную в Москве и в близких к ней уездах и волостях. О его характере можно судить по публикации профессора *П.И. Страхова* «О свадьбах и свадебных обрядах и обычаях русских крестьян» (Ученые записки имп. Моск. унив., 1836. Ч. 12. Апрель. № 10. Май. № 11) (см.: Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Выпуск I. Песни обрядовые. М., 1911. С. 235—249). Описание обряда, сделанное П.И. Страховым, воспроизведено целиком, опущены лишь побочные суждения автора о мнимой нравственной черствости крестьян. Содержание свадебных причитаний, песен и величаний свидетельствует об обратном. Автор публикации точно не указал, обряд какой местности описал, но, несомненно, это близкие к столице места (упомянуто, что крестьяне привозили на свадьбу крупчатые куличи, купленные в Москве на Красной площади, у Лобного места и проч.).

О южно-русской свадьбе и ее отличии от северно-русской и среднерусской можно отчасти судить по песням, причитаниям и величаниям, представленным в характерных образцах.

Собиратели и публикаторы нередко не отмечали, к какому моменту обряда относится записанный ими текст, без чего трудно судить о его смысле, но и без таких сведений обрядовый смысл произведения становится понятным по содержанию, хотя иногда он только угадывается.

Извлеченный из разных источников материал размещен в соответствии с делением свадебного обряда на части — по его ходу от *сватовства* до так называемого *княжьего пира* и *отводин*. Подборка разрозненных песен, причитаний, величаний и *корений* существенно дополняет описания свадеб, предложенные разными наблюдателями местных обычаев. Здесь использованы образцы свадебного фольклора из классического собрания — Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Вып. I. Песни обрядовые/Под ред. В.Ф. Миллера и М.Н. Сперанского. М., 1911).

О соотношении ритуальных действий и собственно художественного творчества в свадьбе можно судить по самому свойству обряда: свадьба включена в реальный быт, она никогда не была *только* художественной игрой, но в ней много элементов, общих с драмой. За устройство свадьбы брались опытные распорядители и организаторы: говорливая сваха, весельчак-дружка и др. Неосоз-

нанно художественные свойства у свадьбы налицо повсюду, и этот факт не нуждается в доказательстве. Налицо и претворение быта в искусство, как несомненно обретение искусством *бытовых функций*. Такое соотношение реальной практики и искусства слова нередко в фольклоре средних веков. В стародавней культуре свойства художественного творчества являют летописные записи, жития святых, моления, *слово* как вид ораторской прозы и др. Искусство и тут включено в быт, общественную практику. Отличие народной культуры, частью которой является фольклор, от культуры высших сословий лишь в масштабе и конкретных свойствах. Свадьба для народа — юридический акт, соединенный со всеми житейскими понятиями, и всегда — художественное творчество.

СВАДЬБА В ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ
*(Пошехонский уезд, [Щетинская волость],
село Козьмодемьянское, на Шексне)*

Свадьбы в Пошехонском уезде бывают по большей части в осеннее и зимнее время. Крестьяне не любят отдавать дочерей замуж весной — лишаться работницы для летних работ. Каждому началу свадьбы предшествует «сватанье» невесты, к которой посылается сват или сватья, для переговоров: отдают ли невесту, а затем и излагаются условия. Сваха или сват, пришедший сватать невесту, не должен садиться во время переговоров о согласии, даже и тогда, когда ноги устают стоять, то шутливые свахи становятся на колени и говорят о деле. В сельской жизни народа редко случаются браки таких молодых людей, которые бы были незнакомы друг с другом. Прежде чем начинают сватать девушку за парня, которые уже знакомы между собой, переговорили не раз о женитьбе, а некоторые знают друг друга с детства, некоторые познакомились на гуляньях, в хороводах и в праздники.

<...>Мы будем описывать свадьбу того типа, который, по нашему мнению, разнообразней пред другими. Нам приходилось видеть и бывать на свадьбах в разных местах нашего уезда, но характер почти везде один и тот же с разнообразными изменениями, которые в последние 20—30 лет значительно уничтожили те старинные обрядности, которые указывали на давно прошедшие времена. Описание наше свадебных обрядов и обычаев относится ко времени 40—50 лет назад, — в то время, нашего детства и юности, нам приходилось бывать, видеть и наблюдать свадьбы, в волостях: Ериловской, Займищевской, Кануненской, Мусорской, Щетинской и проч.

В разных местах уезда называется начало свадьбы очень разнообразно, как-то: *слово дали, сговорки, просватанье, пропиванье* и проч. При «сговорках» бывают кроме свата и сватья, отец жениха и мать, даже иногда и сам жених. Начнем же с описания «сговорок». Сговоркам предшествуют *смотрины*, но это только у лиц мало знакомых друг с другом.

I

Сговорки

[Происходят,] когда сваха порешит дело, т. е. уговорится с родными невесты, на каких условиях отдают невесту, с каким приданным и выводом, а также в какое время приходиться в дом невесты для «сговорок». Надо заметить, что *сговорки* или *пропиванье* или *слово дают* — всегда в доме невесты. Когда придут сватающиеся в дом невесты, то в это время народу — соседей приходит очень много. Когда будут молиться Богу, то дверь запирают, а все предстоящие садятся, а потом отец невесты зажигает свечу пред иконой и молятся. Договорившиеся сватовья садятся за стол распивать чай и вино, с закусками. Невеста в это время сидит где-нибудь у печки или в *куте*, под полатями. Когда собираются молиться, то она стонет, плачет или причитает, если умеет, причитает сама, а если же нет, то приглашается к ней женщина — *вильница*, умеющая выть — причитать, которая и садится с невестой рядом. Вот некоторые причитанья «в сговорки».

Не давай, кормилец батюшка,
Ты своей-то руки правья,
Моему-то злому ворогу, —
Свату, к тебе заманному¹.
Не зажигай-ка, родимая матушка,
Свечи воска ярова,
Не молитесь вы Богу-Господу,
Не сгубляйте красу девичью.
Мало я-то у вас, желанные,
Пожила, покрасовалася,
Со подружкам поводилася,
Мало я у вас нагулялася,

¹ *Заманный* (о свате) — от слова *заман*, обман, заманивание.

По темным лесам дремучим,
По полям, лугам зеленым
Мало я то у вас порядилася¹
В дорогия платья цветныя.

Когда сватовья и сватьи усядутся за стол, начинают говорить и пропивать. Разговор ведется приблизительно так:

— Ты, сватьяшка, к нам приходила?

— Приходила.

— Речи наши переводила²?

— Переводила.

— Приходится нам ударить по рукам, выпить винцо да и слово дать крепкое, верное.

При этом все целуются и поздравляют друг друга, а невеста причитает:

Не давай, кормилец батюшко,
Ты свово-то слова вернаго,
Не крепи-ко меня девицу,
Крепко накрепко и на веки.
Ты не бей-ко рука об руку,
Не мирися ты с разлучником.
Не пропивай, кормилец батюшко,
За стаканом зелена вина
Ты мою-то красу девичью:
То вино-то из слез сделано,
Да на слезы сватом куплено.
Уж как мне-то красной девице,
Знать, до сыта будет плакаться,
А слезами умыватися.

Сговорки, или пропиванье, бывает очень недолго: разопьют чай и вино, закусят, возьмут у невесты платок и кольцо, а затем сватовья и уходят. Народ же и подружки девушки остаются. Невесту приводят и сажают в передний угол, за стол, где она должна плакать и причитать или вместо ее «вильница», причем невесту одну или с вильницей, сидящей рядом с нею, прикрывают большим платком, чтобы не видно было лица. За столом невеста причитает:

Благослови-ка меня, Господи,
Пресвятая мать Богородица!
Благослови, кормилец батюшко,
И родимая моя матушка

¹ *Порядилася* — наряжалася.

² *Переводила* — вела (речи).

Мне садится-то, красной девице,
Мне во место-то во печальное,
Во печальное, да горе-горькое!
Вы, соколики, братцы милые,
И голубушки невестушки,
Осердились, да распрогневались
На меня, на красну девицу;
Вы пропили меня, желанные,
За стакан за зелена вина!
Знать, не слуга я была, не работница,
Не посылочка была для вас скорая,
Обносила вас, желанные,
Обносила платьем цветным,
Вас объела куском сахарным.

Все предстоящие и родные плачут или говорят тихо о доблестях невесты, называя ее: смиренницей и рукодельницей. Невеста свои причитанья обращает к стоящим и сидящим около ее подругам девицам один из следующих причетов:

Вы, голубушки подруженьки,
Вы лебедушки да белыя,
Вы соседушки болезныя¹,
Что вы долго снаряжались,
Иль посылу дожидались?
Мне послать-то было некого,
Мне самой-то идти не время:
Мне подрезали скоры ноженьки.
Не пришли, знать, вы за спесию²,
Да за гордостью великою!
Не за спесью, не за гордостью,
А за делом за домовьем.
Не прогневайтесь, подруженьки
И соседушки болезныя,
Что не вышла, вас не встретила
Среди улицы широкия,
Среди мостику калинова,
Середь лесники брусовыя³,
Не становилась я, красна девица,
Супротив креста поклоннова,

¹ *Болезные* (о соседушках) — сострадательные, милосердные, ласковые.

² *За спесию* — из-за спеси, по ее причине.

³ *Середь лесники брусовыя* — на лестнице со ступенями из бруса.

Что поклонного, да богомольного,
Среди креста¹ дороженьки,
Среди польныя проезжия².
Не смогу встать — приподняться
Я от лавочки-то от дубовыя,
От опушечки-то³ от кленовыя, —
Скоры ноженьки-то подогнулися,
Белы рученьки-то опустилися,
Ретиво-то сердце испугалось, —
Испугал кормилец батюшко
И родимая-то моя матушка, —
Испугали меня девицу,
Что чужой злодейкой стóроной,
И злодеем злым чужим людям⁴,
И дородным добрым молодцем.

После причитания подруги и соседки начинают уговаривать, чтобы сберегла себя, не надрывалась, а затем прощаются и расходятся. Невеста, оставшись одна или с задушевной подругой, уходит на постель, полати пли печь, — предается там думам, от которых у нее текут горючие слезы.

Во все время, когда «сговоренка» просватана, до венца родные ее не заставляют делать никакого дела. После сговорок каждый день невеста садится за стол и плачет, причитая разные причеты, которые очень разнообразны. Если входит кто-нибудь из подруг или соседей, родных, то невеста и причитает, начиная: «Что вы долго так замешкались, мои подруженьки задушевные» или: «Ты болезненная моя тетушка, не придешь ты, не проведаеть меня-то ли, горюшу горе-горькую». Подруги почти во все время у «сговоренки» шьют приданое, как-то: белье и платье.

II

Рукобитье

В назначенное время, за неделю или дня за три-четыре до брака, бывает рукобитье. Это первое веселие-пирование у невесты. Сват или сватья с отцом и матерью жениха, в сопровождении род-

¹ *Среди креста дороженьки* — на дорожном перекрестье.

² На проезжей дороге в поле.

³ *Опушечка* — в старину к ребру длинной лавки пришивалась доска с узорными фигурными краями наподобие опушки, обычной у одежды.

⁴ И злодеями злыми, чужими людьми.

ственников, едут или идут к отцу и матери невесты в дом, для пи-рования на рукобיתье. Входят в дом, молятся Богу, здороваются с хозяевами, иногда говорят: «Пришли мы гости, хоша и виданые, да незваные, а обычные дела совершати, просим нас принимати — не брезговати». Пришедшие по приглашению хозяина садятся за стол, покрытый скатертью. На нем стоят на тарелке пирог — сгибень¹ и соль. Отец невесты зажигает перед образом свечу, и все в избе встают, а двери запирают на крючок: крепко соблюдается примета, чтобы посторонний не пришел и не сглазил худым глазом дела важного. Молятся. Потом сват или сватья через стол, а иногда и у стоящих один против другого сватов, берет правые руки — рука в руку и, взяв со стола пирог, которым обводит вокруг рук сватовей три раза, говорит: «Дело-то сделано, хлебом-солью укреплено, на веки и на веки аминь». Над руками пирог разламывает, а потом одну половину отдает отцу жениха, а другую отцу невесты. После излома пирога сватовья иногда меряют, чья половина более: правая или левая, правая жениха, а левая невесты. Есть примета: если которая половина больше, то у того больше силы, счастья, здоровья, долголетия и богатства. Переломленный пирог должен храниться у жениха и невесты до дня брака, а после венчания новобрачные должны съесть его прежде всего; но есть пирог надо жениху невестину половину, а невесте женихову. Сватья при этом находится и говорит: «Ешьте, милые, во славу Божию, во любовь вечную, бесконечную, яко же едино тесто в пироге, такожде и ваша плоть воедине до скончания века, неба и земли — аминь». После переломления пирога сватовья садятся за стол, начинается угощение.

Во время переломления пирога невесту проводят под платком, салят у печки или у перегородки на лавку, а подруги около ее стоят или сидят. Если невеста сама не очень горазда причитать, в таком случае зовут «выльницу», которая и распевает причеты, а невеста только рыдает или охает. Причеты во время рукобיתья бывают ни-жеследующие:

Благослови-ка меня, Господи,
Пресвятая Мать-Богородица,
Повыть-то мне, поплакати,
Зычну голосу повынести,
Слез горячих повыронить,
Лицо белое повымочить,

¹ *Сгйбень и сгибёнъ* — пирог, обычно согнутый, сложенный вдвое, с кашей либо с ягодами (пояснение П.В. Шейна со ссылкой на Толковый словарь В.И. Даля).

Ретиво сердце повиытерзать,
Платье цветное повиырудать!¹
Голоса-то у меня младой-младехоньки —
Голоса-то заунывные,
Ретиву сердцу докучные,
А причеты все нескладные.

Невеста обращается к отцу, матери, братьям и невесткам, пирующим за столом.

Ты послушай-ко, кормилец батюшко,
И родимая ты моя матушка,
И соколы да братцы милые,
И голубушки невестушки.
Я о чем буду рассказывать,
Честью, лестью наказывать,
Понизехонько вам буду кланяться,
Горючим слезам² заливатися.

Невесту подруги подводят к отцу, матери и родным, она им кланяется в ноги, рыдает. Все, поднимая ее, плачут. Потом невесту опять отводят на прежнее место, а она начинает причитать:

Ну, Господь же с тобой, батюшко,
И родимая моя матушка,
И соколики, братцы желанные,
И голубушки невестушки!
Не послушались наказу крепкого:
Запоручили вы красну девицу,
За поруки-то за крепкия,
За письма-то вековечныя.
Вы почто так рассердились,
Рассердились, распрогневались?
Запрошу я, красна девица,
У тебя, родимый батюшко,—
Я себе беру приданое:
Города все с пригородками,
Все леса с полями чистыми,
Все ключи с водами чистыми,
Да и реченьки-то быстрыя.
Ты подумал бы, кормилец батюшко,

¹ *Порудать* — затаскать, обносить (пояснение С.Я. Дерунова).

² Горючими слезами.

Я слуга-то была тебе и работница,
Я в семье была покорная,
На работушку дотошная.
Имя честно не бесславила,
Красу девичью не кинула.
А ты ждал мне, кормилец батюшко,
С умом-разумом собратися,
Со подружками сверстатися¹.
Я в чужих людях, младёхонька,
От работушки замаюся;
За столбом² я потихохоньку
От чужих людей наплачуся.
Уж как этим ли чужим людям,
Мои слезы сладким кажутся,
Мое горе — им весельецо,
Мне кручинушка — им радости.

После этого причитанья невеста с причетами обращается к подругам:

Вы подруженьки, вы голубушки,
Задушевные-то вы сударушки,
Что я, вам буду наказывать:
Вы пойдете на гуляньецо,
На гулянье на веселое, —
Меня вспомните, голубушки!
Вы пойдете в леса темные,
Во болотечка во мховыя,
Собирать грибки и ягодки, —
Меня вспомните сердечныя!
Вы пойдете в пору праздную
Выводить хороводы веселые
И игры играть затейныя, —
Меня вспомните, болезныя³!
Вы пойдете во чисты поля,
В зелены луга весенние,
Работать работы страдныя⁴, —
Вспомните меня, милыя!
На чужой я на сторонушке,

¹ *Сверстатися* — сравняться.

² *Столб* — в доме брус-подпора, столб.

³ *Болезныя* — мягкосердечные, желанные, миленькие.

⁴ *Страдныя* — тяжелые, сплошные, заполненные трудом.

Как живу я у чужих людей.
Вспомните от раденьца¹.
Когда я-то растоскуюся;
Я приду к вам, вас проведу,
Про свою вам жизнь поведаю.

В некоторых местах Пошехонского края рукобилье бывает у жениха, но такие обычаи встречаются реже. В таком случае порядок обряда идет так же, но отец жениха угощает на рукобилье — отца, мать и родных невесты. Жених находится при рукобилье и угощает гостей. Когда отец, мать и родные невесты собираются на рукобилье, то невеста провожает их со следующими причетами:

Вы пойдете, мои родимые,
На злодейку чужу сторону,
На злодейку незнакомую,
Не садитесь, мои желанные,
За столы-то за дубовые
И за скатерти-то самобранья,
Не сдавайтесь на слова сладкия,
На поклоны их на низкие, —
Их поклоны-то покуплёные,
А слова-то все заучёныя.
Питья, яства в долг понабраны,
Платья цветны в прокат заняты.
Не давайте, кормилец батюшко,
И родимая моя матушка,
Не давайте руки правыя
Через столы-то, чрез дубовые,
Через скатерти самобранья;
Не запоручайте меня девицу
За поруки вы за крепкия,
Что за крепкия-то вековечныя;
Чтобы мне, молодой, не плакаться,
С вам, желанным², не расстатися.

Потом невеста обращается с причетами к невестке:

Ты послушай-ко, моя невестушка,
Разлюбезная голубушка,
Я о чем тебя просить буду:
Поприметь³, моя сударушка,

¹ *Раденьице* — радение, здесь: участие, доброта, память.

² С вами, желанными.

³ *Поприметь* — здесь: узнать, разведать.

Ты злодейну чужу сторону,
И злодеев всех чужих людей,
И дородна добра молодца:
Он не пьет ли пива пьяного,
До увалу — зелена вина?

Все родные прощаются с невестой, сговоренной, и уезжают на рукобитье. Когда же возвращаются с рукобитья, то невеста встречает их нижеследующими причетами:

Не послушались, мои желанные,
Моего наказу крепкого,
И не сжалилися на мои слезы,
Вы на слезы-то горючия,
Запоручили вы девью красу,
За поруки-то за крепкия,
И за письма вековечныя.
Знать, не слуга я была, не работница,
Не посылочка была скорая,
Ваше имя я бесчестила?

После этого общего причитания невеста обращается со следующим причитанием к невестке:

Ты голубушка, невестушка,
Ты сударушка моя, болезная,
Что заприметила ты, голубушка,
На чужой-то на сторонущке?
Что по этой-то незнакомой мне,
Каковы там чужи люди,
И дородный добрый молодец?
Он не пьет ли пива пьяного,
До увалу — зелена вина?
Ты скажи, моя бóлезная,
Ничево не опаючи,
Всеё пра(в)ды не утаючи?

После этого причитания невестка садится рядом с невестой, и в свою очередь начинает отвечать невесте следующим причитанием:

Ты родимая моя золовушка!
Я скажу-то правду-истину,
Ничего-то не утаючи,
Никово не опаючи:
Я приметила чужих людей,
И дородна добра молодца.

Что они-то все чужи люди:
Люди добрые, смиренные,
Роду честнова, богатова,
А дородный добрый молодец,
Будто яхонтец¹ катается,
Ходит полем² — улыбается,
Будто лебедь — лицо белое,
Очи ясны, как у сокола;
Шлет тебе свои подарочки:
Перстенок с руки золоченый,
Шелковой платок со цветикам(и).
Пива пьяного и в рот не взял,
В руки белы — зелена вина.

После причитаний родные много говорят и утешают невесту, предсказывая хорошее житье.

После рукобитья время проходит до девишника в разных местностях Пошехонского уезда очень разнообразно: в одном месте жених посещает невесту каждодневно, а в некоторых местах — редко; в одних местах невеста при встрече жениха, а также и во все время его пребывания не показывает лица, сидит под платком и причитает, но ее окружают подруги-девицы. В некоторых местах невеста встречает жениха, угощает чаем, сидит за столом, а жених приносит подарки и закуски, гостинцы: орехи, пряники и конфеты³. Девушки после чая поют песни беседные⁴ <...> Все такие посещения женихом невесты называются: *побывашки, поцелуи, проведки*.

Так продолжают посещения жениха до девишника, в котором торжество превосходит все посещения, потому что это последний день девичья житья-бытья.

III

Девишник

Девишник бывает в наших краях в последний день или вечер пред свадьбою. К невесте на девишник сходятся подруги, даже приезжают родные и знакомые из других селений. Ранее жениха и про-

¹ *Яхонтец* — яхонт, рубин, лал.

² В записи — *полом*.

³ Конфеты.

⁴ Исполняемые на *беседах*, вечерних посиделках, за работой, перемежаемой с весельем.

чих гостей приезжает от жениха сваха с сундуком или коробом, в котором находятся разные подарки невесте, а также гостинцы для невесты и подруг, последними она оделяет девушек, детей и прочих зрителей, которые пришли посмотреть на девишник.

Невеста во все время своих причитаний должна сидеть за столом под платком, с закрытым лицом; когда же она не закрытая и не причитает, то она встречает жениха, одетая в лучшее платье. Как в первом, так и в другом случае девушки поют песни. Веселье бывает и во время причитания невесты. В последнее время в редких случаях и местах можно увидеть старые обряды и обычаи свадебные, а потому мы и придерживаемся обычаев свадебных прошедшего времени.

Прежде всего невеста обращается с причетами к подругам:

Не в саду я загулялася,
Не на вишни засмотрелася:
Засмотрелася я, девица,
Загляделася я, красная,
Что на вас, мои подруженьки,
Что на вас, мои голубушки.
Вы сидите все веселая,
На своих местах на радостных,
Вы срядилися сряднёхонько,
Платье цветно на вас новое,
И головушки причесаны,
В косах ленточки вплетеныя.
А вот я-то, красна девица,
Сижу в месте во печальном;
У меня платье измятое,
У меня буйна головушка
Порастрепана, нечесана,
В косу лента не вплетеная,
С красотою¹ на стол положена;
Вы сидите распеваете,
А я плачу горе-горькая!

Потом плачущая невеста обращается «к красоте», которая положена пред ней на столе. Красотою называется повязка из парчи, с позументами и лентами; эту повязку носят (носили прежде) девушки в праздничное время на гуляньях и в хороводах. Прощание с красотой в девишник, «спускание красоты» пред венцом — одна из трогательнейших картин в свадьбе, да и причитания с их грустным

¹ *Красота* — девичья лента, украшение, символ девичества: см. текст далее.

и поэтически-художественным мотивом вызывает невольную грусть и слезы. Мы вписываем только те причитания, которые нам показались более совершенными. Причитаний свадебных много и они разнообразны в вариантах.

Вот одно из причитаний невесты, обращенное к красоте:

Ты прости-ко, краса девичья!
Я на век с тобой расстануся,
Молодохонька наплачуся.
Опушу я тебя, красота,
Опушу тебя со ленточкам(и),
Во поля, в луга широкие,
Во леса, в боры дремучие,
На быстрые реки текучия.
Погляжу я, красна девица,
Погляжу на свою красоту,
Вкруг чего она обвилась:
Вкруг осинушки ли горькия,
Вкруг березоньки ли белыя,
Аль вкруг яблоньки кудрявья?
Если ты обвилась, красота,
Вкруг осинушки-то горькия, —
Мне житье-то будет горькое,
Мне замужье, красной девице,
Не хорошее, печальное.
Если ты обвилась, красота,
Вкруг березоньки-то белыя, —
Мне житье-то будет ровное,
Житье будет долговечное.
Если ты обвилась, красота,
Вокруг яблоньки кудрявья, —
Мне житье будет хорошее,
Развеселое, богатое (счастливое).
Я возьму тебя ли, красота,
На свои на руки белыя,
Отнесу я тебя, красота,
Во луга наши зеленые,
Положу я тебя, красота,
На шелковую на травушку,
На высокую, зеленую;
Как придут-то люди добрые,
В лето тёплое и красное,
Во луга с косами вострыми,
Что найдут-то тебя, красота,
И возьмут на руки белыя,
Вот как скажут: чья-то красота,

Не на местечке положена,
Хоть и бережно поношена,
Тут не место тебе, красота,
Тут не место красоваться!
Я отдам же тебя, красота,
Что голубушке, милой сестра,
Поклонюся ей низёхонько:
— Ты возьми, возьми, мила сестра,
Покрасуйся в моей красоте. —
Ты прости-ко, моя красота,
Я в тебе покрасовалася,
Берегла тебя, лелеяла
И от солнышка от красного,
И от вихря — ветру буйного,
И от дождичка, от частого;
Ты дороже мне казалася
Золотой казны рассыпчатой,
Светлей ясного ты месяца,
Ярче солнышка ты красного.

Сестра или одна из подруг невесты берет со стола «красоту» и уносит.

Девушки после причитания поют следующие песни:

При вечере, было вечере,
При последнем было вечере.
(Каждый стих повторяется).

У Авдотьё на девичнике
Чечевичку девки варили,
На окошко студить ставали.
Прилетал тут млад-ясен сокол,
То Иван-то свет Иванович!
Он садился на окошечко,
На узорчату подзоринку.
Что никто-то ясна сокола
На окошке не усматривал:
Увидала ясна сокола,
Авдотьина матушка:
— Дорогое мое дитятко,
Ты Авдотьюшка Васильевна!
Приласкай-ка ясна сокола.
— Ты, родимая моя матушка!
Я бы рада приголубила:
Он разлука мне великая,
Разлучает с тобой, матушка,
Разлучает с родом-племенем
И с голубками подружками.

* * *

Цветы мои цветики,
Голубые васильковые!
Я немного вас посеяла,
Очень много уродилось.
Много было подруг девушек,
Да одна у нас изменщица,
Авдотья лицемерщица,
Говорила, что замуж не пойду:
— Не иду, не иду, не подумаю!
В монастырь пойду, в монашенки,
Вас, подруженьки, с собой возьму,
А сама буду игуменьей. —
А теперя-то замуж идешь,
Не сдержала слово крепкое.

* * *

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
Понизёхоньку кланялась
Своему-то брату милому,
Ивану Васильичу:
— Ты сокол мой братец миленькой,
Ты запри крепко вороточки
Тремя замками немецкими,
Да запорами дубовыми,
Моему чтобы разлучнику
Ивану Иванычу,
Чтоб за мной сюда не въехати,
На широкий двор на батюшкин. —
Как возговорит Иван-то молодец,
Как возговорит Иванович:
— Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна!
Привезу я с собой слесаря,
Из немецкой земли мастера:
Отопрет замки немецкие,
Все запоры ваши крепкие. —
Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
Понизёхоньку кланялась,
Говорила речь милой сестре:
— Ты голубушка, мила сестра,
Заплети, мне русу косыньку,
И увей мне крепче золотом,

Моему чтобы разлучнику
Не расплесть было русой косы.
— Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна!
Привезу я с собой свахоньку,
Расплетать твою русу косу,
Разовьет всё с косы золото. —
Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
Понизёхоньку кланялась
Подружкам голубушкам:
— Вы, голубушки-подруженьки,
Вы улейте-ка круту гору,
Чтоб нельзя было разлучнику
За мной въехать на круту гору.
— Ты не плачь, не плачь Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна!
Я оставлю коней под горой,
А пешком взойду на круту гору
Со друзьями, со товарищами,
И возьму за руки белья,
Поведу тебя под злат венец.

* * *

Возле реченьки на берегу,
Тут стояла нова светлица,
А во этой новой светлице
Сидит девица покрытая,
Печальная, да сговорёная.
Собирались к ней подруженьки,
На девичник на девический.
— Ты подруженька голубушка,
Свет Васильевна Авдотьюшка!
Нам с тобой больше не гуливать,
Хороводов не вываживать,
Речей тайных не говаривать,
Во леса пойдем во темные
Собирать грибки да яголки,
Вспомянем тебя, голубушку.

Когда сваха отдает подарки и гостинцы невесте и подругам, а также оделяет и предстоящих соседок и детей, девушки поют следующую песню:

Вечером поздним позднёхонько
 К Авдотьюну отцу, к матери
 Приходила сваха-сводница,
 Постучалась под окошечком,
 Выкликала мать Авдотьюну,
 Ей хвалила чужу сторону:
 — На чужой дальней сторонушке
 Поля сахаром засеяны,
 Виноградом огорожены,
 Мёдом-сытою поливаны,
 Середь поля стоит горница,
 Ровно светлая-то светлица,
 Три окошечка косясчаты¹
 И карнизики узорчаты.
 — Соврала ты сваха-сводница!
 На чужой дальней сторонушке
 Кто живал, так всё изведывал:
 Там поля горем засеяны,
 Да кручиной огорожены,
 Горючим(и) слезам(и) поливаны, —
 Середь поля стоит килейка²,
 Как конурка, — развалилася;
 В ней одно окно разбитое.
 Околеть бы тебе, свахонька,
 Без родной семьи, без сродников³,
 На тот свет идти без савана,
 И без гроба бы валяться!
 Повезли бы сваху-сводницу,
 Во леса-то во дремучие,
 Да во грязи во топучие,
 Посвалили б сваху-сводницу
 Не в могилу — поверх матушки
 Сырой земли валяться!

Сваха, разделивши гостинцы, размахивая руками и качая головой, говорит: «Ну-у, девоньки! За такую песенку, не стоило бы вам и гостинцев давать».

По окончании девишника, жених уезжает со своими гостями, а народ расходится. Невеста, окруженная подругами, выходит из избы, идет по селению, ревет «толстым голосом», и, остановившись под окнами, где живут ее родные, причитает:

¹ *Косясчаты* (окна) — с косяками, стойками по краям.

² *Келейка*, келья.

³ *Сродники* — родственники.

Чьи это хоромы,
Чьи это высокия?
В них живет-то
Родной дядюшка
Со болезною со тетушкой.
Вы простите молодёхоньку,
В чем сгрубила, вас прогневала.

Из дому выходят дядя и тетка с плачем навзрыд и, обхватив невесту, дают ей денег, кто сколько при себе имеет: гривенник, пятак — даже семитку и копейку. И таким образом невеста обходит всех родственников, повторяя тот же причет, затем возвращается домой, но если невеста из села, то она отправляется на кладбище прощаться с умершими родными и там, припадая к могиле, причитает¹.

IV

День брака

Утром рано, к невесте приходят девицы-подруги, чтобы собрать ее к венцу. В доме приготавливаются к пиrowанию брачному, потому, что от венца все поезжане с новобрачными приезжают для пиrowания в дом невесты, а отпиrowав, уезжают ночевать первую ночь к жениху, на другой же день у жениха бывает княжий стол. Если же от венца привозят новобрачных в дом жениха, то у невесты стола не бывает и свадьба ограничивается одним княжим столом. Как о первом, так и о втором обычае свадебном скажем далее.

Подруги невесты, собравши невесту к венцу, усаживают ее на лавку, на которой постилается шуба кверху волосом: примета сидеть на волосе шубы — жить богато, а также, чтобы не могли злые люди испортить молодых. Невеста сидит за столом, покрытая платком, а столы покрыты скатертью белой с поставленными на них пирогами. Невеста, девушки и родные, сидя за столом, ожидают приезда дружки, жениха и прочих поезжан — «новой родни», которые должны приехать взять невесту и увезти к венцу. В избе в это время бывает очень много народа, который желает видеть: как приедут за невестой, как ее будут выкупать, благословлять и провожать к венцу.

¹ Этого рода причитаний невесты наш автор (то есть С. Дерунов. — В.А.), к сожалению, не приводит, хотя в тексте он о них упоминает. (Примечание П.В. Шейна.)

Причитанья невесты бывают разнообразны и многочисленны во время *сряжания* к венцу. В некоторых местностях, собирая к венцу невесту, предохраняют ее: от лихих людей, от «порчи», болезни и проч. следующими способами, как-то: «ноги натирают, или всыпают в чулки *колотина*¹», в платье втыкают безголовые булавки, безухия иглы, осыпают хмелем, обвертывают тело мерезками². Жениха, едущего к венцу, также охраняют — даже кладут ему в карман ножик, а невесте ножницы. Платье, как у жениха, так и у невесты, должно быть новое и лучшее. Вот некоторые причитанья невесты в день брака, до венчания:

Ветры буйные, разбушуйтесь,
Заметите путь-дороженьку,
Не пройти бы, не проехати,
Что за мной молодой чужим людям!
Затворитесь, воротечка,
Вы широки, крепко-накрепко.
Ты закройся, красно солнышко,
Разбушуйся туча грозная,
Туча грозная да громовитая, —
Напустися ночью темною,
Рассыпайся, крупный дождичёк,
Разведи ты путь-дороженьку,
Не пройти бы, не проехати
Ко мне злым чужим людям!
Ты послушай, сокол милый брат,
Я об чем тебя просить буду:
Ты сходи-ко, сокол милый брат,
Во поля, в луга во чистые,
Во леса-то во дремучие,
Во дубравушки зеленые,
Где сырой бор с ветром спорится,
Там все звери люты водятся.
Ты поймай-ка зверя лютого,
Зверя лютого, едучего,
Изо рта его — огонь пламенем,
Из ушей его дым столбом валит,
Из очей его искры сыплются.
Привези ты мне зверя лютого,
Привяжи его к двору батюшки:
Как подъедут-то злы чужи люди
К широку двору ко красному, —

¹ *Колотина* — вероятно, какое-то болотное или речное растение.

² *Мерезка* — здесь: сеть. В ряду прочих действий — предохранительная магия.

Они зверя-то испугаются,
От меня, младой, прочь отступятся.
Я еще бы покрасовалася
У кормильца моего батюшки,
У родимья у матушки,
У соколиков братцев милых,
У голубушек невестушек.

* * *

Мне прошедшу тёмну ноченьку
Не спалось красной девице,
Во просонках много виделось:
Будто я-то, красна девица,
Выходила рано в улицу,
Где заря-то занимается,
Красно солнце где красуется.
Там узнала вас, подруженьки!
Мне навстречу — злы чужи люди,
Подзывали, силой забрали,
Полоном-то заполонили¹,
Увезли в леса во темные,
Там мне страшно показалось,
И я с плачем просыпалася.
А другое мне привиделось:
У моего кормильца батюшка
Развалилася хоромина,
Середь улицы рассыпалась,
Брёвна врозь все раскатилися,
Углы прочь поотвалилися.
На трубе сидит да гаркает
Черный ворон громким голосом;
А на ясно красно солнышко
Тучи темныя надвинулись,
Грянул гром, сверкнула молонья...
Я проснулась, испугалася².

Во время причитания невесты изба бывает переполнена народом, который слушает причитания невесты и поджидает приезда «новой родни — сватов» за невестой. Вот и слышится говор в народе: «Дружка подъехал ко двору». Невестин отец должен выйти

¹ *Заполони́ли* — пленили; *полон* — плен.

² Причитаний невесты много разных по мысли и вариантам, а потому и впишутся в особой статье (*примечание С. Дер[унова]*).

на улицу, встретить дружку «с поездом», приехавшим за его дочерью, и пригласить в дом, при этом бывает и жених. Если он берет невесту в другую деревню, в таком случае соседи загораживают дорогу, и дружка обязан дать им вина, пива и закуски: пирогов и пряженцов¹. У дому ворота или калитку также затворяют — и дружка стучит, говоря: «Господи, Иисусе Христе! (трижды). Есть ли у этих дверей придверник, у ворот приворотник, кто бы нам эти ворота отворил и двери на пяты² постановил, а нас добрых молодцов до хозяина допустил?»

Хозяин (отец невесты) выходит, растворяя двери, кланяется и пропускает гостей в избу. Девицы и предстоящие в избе поют песню, встречая ею дружку:

Идет дружка наш хорош,
На лиху болесь похож!
Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький!
Ну-ка, дружка, поскачи,
Вытряхай-ка калачи!
Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький!
На тебе, дружка, кафтан,
Весь по ниточке собран!
Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький!
На тебе, дружка, камзол,
С позолотою узор!
Друженька хорошенький,
Друженька, пригоженький!
На тебе, дружка, штаны,
Черны бархатны!
Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький!
Как на дружке-то чулки,
Белы шелковы!
Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький!
Как на дружке сапоги, —
Пряжки светленькия!
Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький!

¹ *Пряженцы* — лепешки, жаренные в масле, с начинкой из черники, лука, грибов и др.

² *Пятá* — здесь: гнездо в косяке, где крепится дверь.

Дружки шляпа со пером,
Позументы серебром!
Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький!
Коли дружка хочет в рай,
То с нам вместе полезай!
Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький!
Как у нас дружке в раю,
Вино скляницею!¹
Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький!
У нас пиво на столе,
И пирог на столе!
Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький!

Дружка низко кланяется и говорит: «За такую песенку надо и благодарность воздать». Подает вина и пива с закуской, а потом топает ногой и говорит:

— Въехал я, сватушко, к тебе на широкий двор, поставил я коней среди широка двора, приказывать я об них никому не приказывал, привязывать я их — не привязывал. Нельзя ли к моим коням сторожа приставить, чтоб спросить было с кого?

— Будьте, друженька, покойны! Останетесь нами довольны, а добры кони будут сохранны.

Дружка начинает говорить разные приговоры, вот некоторые:

— Пришел я, дружка легкая ножка, удалая головка, в теплую хату к любезному брату, ножку поставил за порог, другую чуть переволок, — ножкой топнул, дверью хлопнул, половнички гнутся, хозяева к печке жмутся. Взшел я, дружка, помолился, добрым людям поклонился. Здравствуйте, добрые люди и все, что есть в избе! Сватушка и сватьюшка, все ли вы здоровы? Наши сват и сватьюшка остались здоровы, приказали нам поклониться вам. Я вам дружка кланяюсь!

Отправивши поклон, т. е. челобитье свату с сватьей, дружка обращается к народу, стоящему в избе, и говорит:

— Здравствуйте, добрые молодцы, удалые головы, широкие бороды! Все ли вы здоровы? Наши молодцы остались здоровы, приказали нам поклониться вам. Я вам, дружка, кланяюсь. Есть у меня наговорец² про вас, да не смею рассказать при вас, а если лъзя да

¹ Вино скляницей — вино в стеклянной посуде. В оригинале: вино с кляницею.

² Наговорец — здесь: острое слово, шутка.

можно, оставлю свои зароки, расскажу ваши пороки: на вас кафтаны очень изорваны, четыре полы, а бока голы.

— Здравствуйте, красные девицы, пирожные мастерицы, горшечные пагубницы! Все ли вы здоровы? Наши девицы все здоровы, приказали нам поклониться вам. Я вам, дружка, кланяюсь. Есть у меня наговорец про вас, да не смею рассказать при вас; если лъзя да можно, оставлю свои зароки, расскажу ваши пороки: полно вам по кринечкам ходить, сметанку сникать¹, колобки месить, молодцов кормить.

— Здравствуйте, молодые молодушки, покрытые головушки! Все ли вы здоровы? Наши молодцы все здоровы, приказали нам поклониться вам. Я вам, дружка, кланяюсь. Есть у меня наговорец про вас, да не смею рассказать при вас; если лъзя да можно, оставлю свои зароки, расскажу ваши пороки: полно вам с мужьями шутить, да их в обман вводить.

— Здравствуйте, малые ребята, голые пузята! Все ли вы здоровы? Наши ребята все здоровы, приказали нам поклониться вам. Я вам, дружка, кланяюсь. Есть у меня наговорец про вас, да не смею рассказать при вас; а если лъзя да можно, оставлю свои зароки, расскажу ваши пороки: вы на полатях-то лежите, да нам в чашки соплей не напустите: нам гостям моркотно² покажется!

В толпе слышится говор: «За такие шутки друженьке надо спеть!» — и ему песенку запевают:

Ой, ты друженька —
Рожа прящицею³!
Ой, ты друженька —
Зенка⁴ скляницею!
Ой, у друженьки —
Нос-то крючком!
Ой, у друженьки —
Голова пестом⁵!.. и проч.⁶

¹ *Сникать* — здесь: снимать верхи, сливки.

² *Моркотно* — неприятно.

³ *Прящица* — прясло, часть изгороди по длине поперечной жерди, здесь: в переносном смысле — широкая рожа.

⁴ «В слов[аре]. В.И. Даля: «Зенко, ср. зеница или зенок — зорочек, зрачек» и т.д.» (примечание П.В. Шейна).

⁵ *Пест* — палка с толстым концом.

⁶ Припевы дружке разнообразны и многочисленны, а потому их и впишем особо (примечание С. Дер[унова]).

Дружка топает ногой и говорит повелительно:

— Но-о! За песню откуп — уймитесь!

Подает денег. Обращаясь к свату или к народу, он говорит:

— Где бы мне своих гостей с нареченным зятем усадить за столы за дубовые?

— Места все заняты, попотчуй нас, друженька, уследим места¹.

— Эх вы, добрые молодцы, умные головушки, широкие бородушки! О чем надобно, — говорите, что надобно, просите, себя, меня и моих поезжан попусту не томите. Я, дружка, не Роман, не сделаю обман.

— Мы тебя, друженька, хотим с дружким чином поздравить.

— Извольте, добрые люди, что дано есть-пить, кушать да нас, добрых молодцов, послушать.

Дружка спрашивает у хозяина, а иногда у свахи: как бы на места садиться?

Ему говорят, указывая на сидящего рядом с невестой «продавца мест» (брата её), что он места продает и распоряжается этими делами.

Дружка обращается к продавцу и говорит:

— Нельзя ли нам, добрый молодец, свое местечко уступить для жениха, а нас, добрых молодчиков, на места за столы дубовые посадить?

— Я своего места даром не уступаю, а продать — продаю.

— Чем же ты, добрый молодец, торгуешь: лисицами или куницами? Или место княженецкое продаешь?

— Я торгую всем: лисицами, куницами и местом княженецким.

— Сколько же тебе надобно, и чем берешь: золотой казной или чем иным? У нашего князя нареченного всего достаточно.

— Когда так, что я буду спрашивать, то и подавай, да мне отвечай.

— Изволь, молодец!

— Дай мне на почине рубликов семь, чтобы любо было всем.

— Изволь, обирай,

Дружка высыпает на блюдо, поставленное на столе, на которое и должен выкладываться «выкуп» за места.

— Давай мне, друженька, что светлее солнца, краше неба звездного.

— Изволь принимать.

Дружка вынимает из-за пазухи образ-икону и подает.

¹ *Уследить место* — отыскать, найти место.

Продавец, принимая икону, крестится и ставит икону на полку в «божницу» в углу. Надо заметить, что дружка едет впереди поезда, а потому у него и образ.

— Давай мне, друженька: сам наг, а рубашка в запазухе.

Изволь принимать.

Дружка подает восковую свечу.

— Дай мне, друженька: поле яровое, другое ржаное, а третье — паренину¹.

— Изволь принимать.

Дружка подает хлеб, пирог и пряженцы².

— Дай мне, друженька: море на пяти столбах в дремучих краях.

— Изволь принимать.

Дружка подает пиво в жбане или ендове.

После этого, когда все спрошенное дружкой подано, начинаются между продавцом и дружкой загадки, которые очень разнообразны по местным знаниям, складам и обычаям, зависящим от знания продавца и дружки.

Вот некоторые из загадок:

«Чем ты, друженька, вперед шел?»

— Мыслями с молитвой.

«Что такое, друженька: великое поле ирланское, много скота астраханского, а один пастырь, две агницы?»

— Поле великое — небо ясное; скот астраханский — звезды; пастырь — месяц; две агницы — утренняя и вечерняя зори.

«Стоит дуб, в дубу тина, в тине сосна, на верху лён?»

— Дуб — квашня; тина — тесто; сосна — мутовка; лён — покрывало-ветошка.

«Вышел из земли, как Адам; взведен на колесницу, как Илья; посажен в огонь, яко Кирик: вышел из ямы, как Иосиф; кто увидит — всяк к себе в дом берет?»

— Горшок³.

«Дóма-то тяп-тяп, в лесу-то ляп-ляп, около тпроуценки, а в середине — тпру!»

¹ Паренина — паровое поле, оставленное на третий год для отдыха, унавоженное.

² Пряженцы — колобки с начинкой. Сравнение с паровым полем основано на начинке в пряженцах и удобрении, внесенном в землю.

³ Загадка с библейской образностью в народном переосмыслении: о сотворении первого человека из глины («вышел из земли»), о святом Илье, взятом на небо и его колеснице, о Кирике (обычно в загадках упоминаются отроки, вверженные в огонь), а о Иосифе говорится, что его везут на торг.

— Сито¹.

«Летит птица орел, несет во рту огонь, а на конце хвоста смерть?»

— Ружье.

«Два кума Абакума, две кумы Авдотьи, пять Фалелеев, десять Андреев?»

— Дровни².

«Раскину я шашни, ввалю толстяка?»

— Лошадь в оглобли вводится.

«Есть штука, собственная своя; люди корыстуются, да не я?»

— Собственное имя.

«На плеш канул, о плешь хлопнул, с плеси долой?»

— Блин.

«Ползунчики ползут, бегунчки бегут, рогульчики везут, толстяка колоть хотят».

— Ползунчики — два полоза у дровней; бегунчик — лошади; рогульчики — вилы: толстяк — стог сена.

«Два стоят, два лежат, пятый ходит, шестой водит?»

— Дверь³.

«Поймаю гуся, пушу его в воду, буду им водить, он будет говорить?»

— Гусь — перо; вода — чернила; водить — писать; говорить — читать.

«Шел я мимо Поповского, видел диво таковское: брюхо-то режут, тело в ад валят, душу-то в рай тащат».

— Молотьба хлеба.

В народе начинается говор: «Дока на доку нашел. Ну, полно вам торговаться да перекоряться, — уморите стоячи новую-то, нареченную родню. Все ли у тебя, друженька, «заговоры» приговорены?»

— У меня, сударики мои, есть их целое лукошко бездонное, давеча нарочно с собой захватил угостить дорогих гостей. Коли хозяин позволит, могу вступить с продавцом в торги: загадка за загадку,

¹ В сите различают шитую лыком *обечайку*, *бранковый обод*, *согнутый лубок*, *бока сита* и *полотно* — из конского волоса. Загадка говорит, как из липы делают обод («в лесу-то тяп-тяп» вместо неточно переданного «ляп-ляп»), пускают в дело лыковые ремешки («около тпрусенки»), что на полотно идет конский волос («а в середине — тпру»), тут и указание: «в доме — ляп-ляп» — это о сите в руках хозяйки.

² *Дровни* — хозяйственные сани. Загадка — об устройстве дровней (саней): ползья — *Абакумы*, оглобли — *Авдотьи*, копылья (стойки) — *Андреи*, вязья (связки) — *Фалелеи*.

³ «Двое стоят» — дверные косяки, «два лежат» — порог и притолка, «пятый ходит» — дверь, «шестой водит» — ручка или скоба.

кто не отганет, с того по рублю на стол для новобрачных князя и княгини, — не пожелаешь ли, молодец?

— Ну, ин спрошу друженьку, в последний раз: дай мне, друженька, чего у нашего хозяина в доме нет?

Дружка берет за руку жениха, подводит к продавцу места; продавец берет жениха за руку и сажает рядом с невестой. Прочие поезжане-гости выкупают себе места за стол у сидящих девушек и садятся.

В некоторых селениях нашего края стол начинается у невестина отца до венчания, что и называется «девкой столуют», а в других селениях поезжане приезжают и увозят невесту, без столования, к венцу. Если до венчания столуют, тогда невеста в продолжение стола-пировастья сидит рядом с женихом, покрытая платком и продолжает причитать.

За стол усаживаются следующим порядком: близкая женихова родня по старшинству и первенству занимает места за столом. *Тысяцкий* садится в самый угол под образа. Тысяцким бывает крестный отец (*божатко*) или родной дядя жениха, или старший его брат. *Большой барин* садится рядом с тысяцким, это дядя жениха или второй брат; от тысяцкого садится по другую руку второй барин — брат жениха или второй дядя. Рядом с женихом садятся родные его — брат или двоюродный: именуется *братнее место*. Против жениха и невесты садится дружка с *полудружьем*, а затем за стол садятся прочие *поезжане-гости*, по родству и старшинству в роде.

Когда дружка ведет разговор с продавцом места, невеста причитает:

Что это родимый батюшко,
Что у тя за пир собирается,
Что за гости к нам съезжаются?
Собираются на пир пировать
Злые вороги, чужи люди, —
То мои с тобой разлучники,
Говорила я родимому
И в упрос просила, плакала:
— Не пускай к себе разлучников! —
Не послушался, не сжалился,
На меня младу прогневался.
Знать не долго мне осталось
Посидеть-то здесь, поплакати
У родимыя у матушки,
У кормильца родна батюшка,
У соколов-то братцев милыёх!

Когда жених садится к невесте, то она причитает к нему следующий причет:

Ты садись-ко, добрый молодец,
Поплотнее со мной рядышком,
Чтобы век-то нам не разлучатися,
Друг на друга не пенятися.
Ты садись не с спесью-гордостью,
А садись с Господней милостью,
Чтобы жить-то нам не маяться,
А проживши, не спокаяться.

После этого причитанья к жениху невеста причитает к каждому поезжанину, когда пьют вино и пиво. Это и называется причитаньями к *стакану вина*. За эти причитанья каждый должен положить невесте несколько медных или серебряных денег на блюдо. Причитанье это следующее:

Ты изволь-ко, сударь тысяцкий,
Изволь выкушать зелена вина,
Зелена вина разымчива.
Зелено вино у батюшка
У кормильца для вас куплено,
А моим(и) слезам(и) разбавлено.

Этим причетом причитает невеста к каждому поезжанину, только изменяя названия. Последнее причитание к *стакану вина* невеста причитает к жениху следующими словами:

Ты изволь-ко, добрый молодец,
Ты прими-ко, да и выкушай
Стакан пива пьянова,
Пиво пьяное разымчивое,
Ведь оно тебе, надеженька,
Слаще сахара покажется,
Виноградиной подкатится
К твоему ли ретиву сердцу.

Жених не встает и не берет в руки стакан пива, а невеста начинает опять причитать:

Уж сударь ли родной батюшко!
Ты приди-ка к чужу-чуженину,
Поклонись ему, надеженьке,
Чтобы выпил пива пьянова,
От меня горюши-девицы.

Отец невесты подходит к столу, кланяется жениху и просит выпить стакан пива, но жених не встает и не берет пива. Невеста опять начинает причитать следующий причет:

Ты приятной, желанной батюшко!
Ты како же выбрал мне чуже-чуженина?
Он ломливый-то да и чемливый-то¹,
Не берет-то он пива пьянова,
От меня-то, души девицы!
До поры-то он до времени
Надо мной-то накуражится.
Видно мне-то, красной девице,
Приподняться на резвы ноги,
Поклониться чужу-чуженину.

Невеста встает на ноги, кланяется, подносит жениху стакан пива, который он и берет из ее рук, а она причитает:

Ты позвол-ко узнать, добрый молодец,
Как назвать-то тебя по имени-изочеству?
Чтобы знать с кем стояти во Божьей церкви,
С кем я стану под златой венец.

Жених называет свое имя и отчество, и оба, поклонившись друг другу, садятся. По окончании стола дружка встает первым и говорит следующий приговор:

Встану, я добрый молодец,
Со лавочки со дубовыя,
От прибоинки² от кленовыя,
Из-за столика крашеного,
Из-за скатерки самобраныя,
Из-за яства сахарного,
Из-за питья медвяного,
Из-за сгибня сдоблёного³.
Будем хозяина благодарить,
Да новореченного князя,
И молодую княгиню
Из-за стола выводить.
Извольте, сватушко и сватьюшка,
Под злат венец благословить —
Свое чадо милыё.

¹ Чванливый.

² Прибоинка — планка вдоль ребра скамьи.

³ Сгибень сдоблёный — сдобный пирог.

За дружкой поднимаются все и благодарят за хлеб, за соль и угощение.

Дружка, выводя жениха и невесту из-за стола, говорит:

— Есть ли у наших новонареченных молодых, князя и княгини, батюшко и матушка, божатушко (*крестный*) и божатенька¹ (*крестная*). Извольте выходить и свое чадо милое благословить под злат венец.

Отец и мать, крестный отец и крестная мать подходят и благословляют жениха и невесту, которые целуют иконы родителей и кланяются в ноги. Выходя из-за стола, невеста причитает и проливает слезы...

Сколько тут бывает слез! Тяжело народ расстается с милыми и дорогими сердцу. Вот один из причетов невесты:

Уж как знать-то, красной девице,
Мне сидеть не отсидется,
Горючим-то слезам не оплакаться.
Мне вставать-то на резвы ноженьки,
Выходить-то из-за стола дубового,
Из-за питья яства сахарного,
Из-за снадобья-то² матушки...
Раздвигайтесь, столы дубовые,
Собирайтесь, скатерки самобранья!
Благослови-ко меня, кормилец батюшко,
И родимая моя матушка,
От раденья ретива сердца,
Чтобы жить-то мне не маяться,
На меня бы вам не плакаться.
Ваше-то благословеньце
Мне дороже злата серебра,
Кроме солнышка мне красного³:
Я, ведь, с ним-то, красна девица,
Буду жить до гробовой доски.
Вы прощайте, мои милые,
Не забудьте меня, бедную,
На чужой дальней сторонушке.
В чем сгрубила — не прогневайтесь!
Я была глупа, не ведала,
Что придется с вам(и) расстаться.

¹ К слову «божатенька» поставлен знак вопроса. В ярославском и других краях встречается слово «божатка» («божаточка»).

² *Снадобья* — приправы к пище.

³ *Красным солнышком* назван жених, будущий хозяин в новой семье.

После благословения родителей, крестного и крестной начинается прощание соседей и соседок с невестой. При прощании невеста не причитает, а что называется «ревет толстым голосом и ойкает».

Дружка идет и приговаривает, потопывая ногой:

Пошел дружка —
Веселая ножка
Из дому угощен
И хозяином улещен.
Накупил дружка
И куниц, и лисиц,
И красных девиц.
Дружка на коня садится,
Конь-то веселится,
Из церкви катит.
Земля дрожит...
Шапки долой!
Едет князь молодой
Со княжюшкой.

Дружка первый садится в сани и впереди всех едет к церкви; с ним садится рядом и полудружье, за дружкой едет жених с «братним местом» — братом, потом невеста со свахой, а за ними едут родные поезжане по старшинству и родству. Невесту везут на паре и тройке, — провожают ее девицы от дому за овины родной деревни. Невеста причитает¹:

Вы простите-ко, подруженьки,
Мои милыя голубушки,
В чем сгрубила — не прогневайтесь!
Вы пойдете, мои милыя,
На работушку на летнюю,
На гулянья на веселья,
На беседушку на зимнюю, —
Вспомяните меня, милыя,
Вы, весной, в лугах зеленых,
Когда будете плести венки
Для меня, для красной девицы.
Голубой веночек не надобен:

¹ Причитаний в свадьбе у невест очень много, почти в каждой местности свои причитания или новые варианты. Здесь же написаны только те, которые были мной напечатаны в 1868 г. в статье «Крестьянская свадьба» (*примечание С. Дерунова*).

Я плела его в последний раз
И бросила в речку быструю, —
Унесло венки в чужую сторону¹,
Ко синю морю Хвалынскому.

Девушки сидят у невесты на санях или тарантасе и поют следующую песню:

Отлетала лебедь белая
Что от стада лебединого,
Приставала лебедь белая
Что ко стаду гусей серых.
Гуси стали лебедь щипати,
Лебедь начала кричати им:
— Не щиплите, гуси серые,
Не сама я к вам, лебедушка,
Залетела — не охотою:
Занесло меня погодою,
Что погодушкой ненастною,
С люта севера снежистого.
Отъезжала красна девица
От своих подруг, Авдотьюшка,
В чужу-дальнюю сторонушку,
В чужу-дальнюю незнакомую,
Ко чужему чуже-чужанину, —
Не своей она охотою:
Поневолил ее батюшко,
Повезли её добры кони,
Что добры кони стоялые
Удалова добра молодца,
Нашей Дуноюшки разлучника.

Кончив эту песню, девушки прощаются с невестой-подругой, плачут и долго-долго стоят на дороге, следя за отъезжающим поездом к церкви, а если в селе, то идут в церковь, в которой смотрят на венчание подруги.

В продолжение всего просватанья невеста сидит за столом, покрытая платком, и лица посторонним людям не показывает, на работы домашние не ходит. В церковь она едет также закрытая платком, и только тогда ей открывают лицо, когда наденут венцы и обводят вокруг налож. После венчания все слезы и причитанья кончаются².

¹ Невеста говорит, что сбылось ее девичье гаданье.

² Народ верит, что надо поплакать невесте за столом. «Не поплачешь за столом, — наплачешься за столбом» (примечание С. Дерунова).

Новобрачных везут в дом жениха, отец и мать которого встречают их с хлебом-солью и с образами, благословляя: отец иконою, а мать хлебом-солью и иконою, а затем новобрачных благословляют крестный и крестная жениха, а потом их вводят в особую избу или горницу, где их наскоро кормят, а поезжан — родных усаживают за столы. Новобрачных усаживают на шубу — шерстью кверху, среди стола, и начинается столованье: пьют, едят, что называется до увалу; одни новобрачные не должны ни пить и ни есть, а сидят за столом плотно, рука с рукой, нога с ногой, чтобы кошка не пробежала. По окончании стола гости бьют тарелки и рюмки, а затем молодых отводят спать в особую горницу или холодную избу, у порога которой бьют горшки и прочее.

Новобрачных в спальню провожает сваха, делая разные наставления и приговорки непечатные в роде: «На первую ночьку паренька и девóчку».

Когда новобрачные остаются одни, молодая должна разуть мужа, у которого в сапог положены деньги. Эти деньги новобрачная берет себе, благодарит мужа, а затем он укладывается на постель, а молодая, раздевшись, вскакивает чрез мужа к стене на постелю и ложится. Новобрачных укладывают в холодную спальню для того, чтобы дети у них были здоровыми и не боялись холода, а молодая скачет чрез мужа на брачную постель для того, чтобы детей родить легко и благополучно. Деньги муж кладет в сапог, чтобы они водились у жены во всю жизнь.

V

Княжий стол

Княжий стол готовится у новобрачного на второй день после свадьбы. Утром, подгулявшие еще с вечера родные — поезжане идут «поднимать молодых»; но в спальню будить молодых входит одна только сваха. Прочие же родные стоят на повети или у дверей горницы, бьют горшки, кринки, тарелки и проч., и при выходе новобрачных их поздравляют и стучат, разбивая посуду. Новобрачные входят, после умывания и наряджения, в избу и их садят за стол «княжий», а за новобрачными усаживаются и прочие родные, а затем начинается угощение — завтрак.

По окончании завтрака новобрачных сряжают в путь к тестю и теще и прочим родным новобрачной звать на княжий стол. Новобрачные уезжают одни. У тестя их угощают чаем и закусками, при-

глашая вместе с ними и всю родню на княжий стол. Новобрачные, пригласив тестя и тещу с новой родней на княжий стол, возвращаются домой, а за ним(и) тотчас же приезжают и званые гости. Все, как приехавшие, так и ночевавшие тут гости, усаживаются за столы и начинается княжий стол.

Новобрачные усаживаются посредине стола, а новая родня садится около новобрачных, занимая первое место к переднему углу. Отец и мать новобрачной должны сидеть в переднем углу, если нет на свадьбе священника с матушкой, но когда они тут присутствуют, то они и занимают первое место, которое и называется «попово место» или «для попов и дураков». Отец и мать новобрачного не сидят за столом, а ходят у столов и кланяются, угощая гостей, а прочие родные новобрачного подают на столы кушанья и напитки. При каждом кушанье, поданном на стол, отец и мать новобрачных, а также и подающие говорят: «Покушайте, гости хорошие, дорогие!»

За княжим столом новобрачные тоже ничего не едят и не пьют, а только, если им подносят вино и пиво, то «пригубливают», т. е. обмачивают только губы. Новобрачных, как пред первым столом после брака, так и перед княжим, чтобы не возбудить у них аппетита, кормят отдельно в другой избе, что и называется «покормить молодых на особинку». Подгулявшие поезжане, за княжим столом, очень часто обращаются к новобрачным и говорят: «Горько, очень горько!», называя новобрачных по имени и отчеству, просят: «Нельзя ли подсластить?» Новобрачные должны встать, поклониться, поцеловаться «крест на крест», сказать: «Покушайте, теперь сладко!» Гость допивает из стакана или рюмки и говорит: «Вот теперь очень сладко», а потом подходит к новобрачным и целует их. Таким образом за княжим столом только и слышится «Горько!» а потому поцелуям и нет конца.

Гости-супруги, не довольствуясь «подслащиваньем» новобрачных, обращаются с(о) словом «горько», муж — к жене, а жена — к мужу, и тоже «подслащивают» — целуются. Затем при окончании стола, когда подадут жаркое, то каждый из гостей встает из-за стола и с кусочком почки на вилке идет к новобрачным, целуется, а затем подходит к своей жене или сватье, с которыми тоже целуется. Этот довольно продолжительный процесс целования приходится весьма по сердцу подгулявшим гостям. На обязанности дружки лежит: солить, резать кушанье и разрезать помельче почку и начинать церемонию с «почкой» и «горько».

На княжий стол посмотреть приходит очень много постороннего народа. В иных местностях и у небогатых домохозяев, когда бывает один стол после брака, то княжего стола не бывает, но все церемонии и обычаи происходят за первым столом после брака, как и за княжим. По окончании столования подгулявшие гости поют и пляшут до полуночи. Некоторые из гостей ночью уезжают по домам, а некоторые остаются и ночуют у новобрачных.

VI

Третий день

Из поезжан и новой родни на третий день остаются очень немногие. Третий день имеет вид праздника семейного. Утром молодую заставляют кое-какое дело поделывать около печки, и смотрят: умеет ли она приниматься за стряпню; но преимущественно ее заставляют стряпать и выпекать блины, которые она и подает от печки на стол, кланяясь, и просит покушать ее печения. После обеда, к вечеру, к новобрачным собираются посидеть девицы, молодые женщины и парни. Молодые люди поют песни, заводят разные игры и пляшут. При этом собрании-вечере новобрачная знакомится с соседями и потчует их блинами, пирогами, пряниками и орехами.

VII

Отводины

Так называемые «отводины» бывают чрез неделю или более, а иногда и менее после свадьбы. Отводины делает отец молодухи и все прочие ее родные, бывшие на свадебном пиру. В назначенный день для отводин тесть едет звать к себе зятя и дочь, а также и всех родных зятя. Когда приедут молодые к отцу, и отпируют сват у свата, а зять у тестя, тогда приглашают к себе по старшинству и прочие родные новобрачной. На отводинах таким образом молодые ходят из дома в дом родных, у каждого угощаются закусками, чаем и водкой.

С окончанием отводин свадьбу считают оконченной. Что за название «отводины», почему такое название и установился обычай, неизвестно, но он широко распространен в нашем краю.

Так была обычная свадьба крестьянская в нашем краю 40—50 лет назад, но в последнее время вся типичность крестьянской свадьбы изменилась. Редко увидеть можно те обрядности, которые существ-

вовали в былое время. Мы, современники, — свидетели и действующие лица описанной свадьбы, и теперь при вечере жизни с восторгом вспоминаем то прошлое, в котором было столько радости и задушевности. Недаром народ говорить: «Брак — великое дело». «Жениться — перемениться».

П.И. Страхов

О СВАДЬБАХ И СВАДЕБНЫХ ОБРЯДАХ И ОБЫЧАЯХ РУССКИХ КРЕСТЬЯН

Свадьбы состоят из нескольких действий, которые происходят в разные дни. Главнейшие из действий: *помолвка, сговор или рукобитье, девичник, поезд, или отпуск под венец, княж обед и спознать.*

Помолвка

Когда холостому парню наступит пора жениться, тогда его родители стараются проведать, нет ли где хороших девиц, из которых можно было бы взять их сыну невесту. Найдя такую *деревню*, обыкновенно посылают туда своего сына *на смотр*, погостить у знакомых или у родных о каком-нибудь празднике, например: о святках, о масленице, о Святой неделе. Тут молодец на играх и в беседах старается выказать весь свой разум, все свое удалство; высматривает красных девушек и примечает тех, которые ему *покажутся*; однако же всячески старается, чтобы никто не проник в его намерения. Воротившись домой, рассказывает родителям своим о замеченных им девицах; тут сообща решают дело, как и какую лучше им сватать. Достоинства девицы, на которые всего больше обращается внимание при этом выборе, состоят в том, чтобы она была из доброй семьи, рукодельна, работяща, здорова телом и сильна; наружная красота не слишком уважается: крестьянину почти все равно, хороша или дурна лицом его жена, только не была б недужна или уродлива. «Эх, молодец, какую нехорошую взял ты себе жену!» — шутя сказал я мужику, который пришел ко мне с женою и с *овощами* на другой день своей свадьбы. «А на што мне красавица? — отвечал детина. — Нашему брату-мужику жена не икона, а работница!» «Бабыя краса лишь до покосу», — примолвила веселая *молодая*.

Как скоро отец и мать жениха согласятся в выборе, то первый ищет, где бы повидаться наедине с отцом избранной ими девушки, просит, или лучше сказать, торгует ее в невесты за сына, и как скоро оба в цене сойдутся, бьют друг другу об руку; женихов отец дает невестину отцу задаток. Обыкновенно за невесту платится деньгами, иногда хлебом, иногда и тем и другим вместе, смотря по договору. У крестьян-земледельцев не в обычай выдавать девиц замуж с приданым; напротив того, за такую отдачу семейство ее берет *ряды* или *выводу* рублей 60 или 100 и до 200. Таким образом невестин и женихов отцы, *помолвивши*, или *положивши на слове*, как делу быть, назначают день, когда быть и *сговору*; и до этого дня помолвку свою держат в тайне, чтобы никто не проведаль, и дело не пошло б в огласку, если бы случилось ему за чем-нибудь разладиться.

Сговор

На свадьбах наблюдается особенное *учливство* между действующими лицами: все друг друга величают по имени и отчеству; и я не лишним почитаю ввести здесь поименно главные действующие лица. Пусть будут:

Женихов отец, Григорий Савельевич,
Женихова мать, Палагея Демидовна,
Жених, Филипп Григорьевич,
Сват, Парамон Федосеевич,
Невестин отец, Ефим Денисьевич,
Невестина мать, Авдотья Афанасьевна,
Невеста, Агафья Ефимовна,
Сваха, Федора Сысоевна.

В назначенный для сговора день поутру в доме у жениха пекут из ситной, либо из пшенишной муки *пирог-сгибень*, с кашею и с яйцами. То же самое делается и у невесты в доме, где также готовится и пир, то есть жарится *убоинка* или баранина, *ососок*, или поросенок, гусь; варится свинина, яичница, молочная каша и т.п.

Около вечереи, в жениховом доме *сват*, кто-либо из родных или знакомых жениха, собирается ехать на сговор: кладет в новый кулек *гостинцы*, то есть пряники, изюм, орехи, цареградские стручья, сушеную грушу и другие *сласти*, и *пирог*; наливают боченок *вина* и другой — *пива*; запрягают лошадь в сани.

Когда к отъезду все будет готово, теплют свечу перед иконами, все домашние молятся Богу и провожают свата приговаривая: «С милостию Божиею, в час добрый!» Сват берет кулек и боченки, садится в сани и отправляется к невестину двору. Лишь только он туда подъедет, невеста уходит в *топлюшку*; а где нет такой каморки, то садится в углу на конёк против печи, либо к жернову.

Сват входит в избу, держит кулек под левою мышкою; Богу молится, на все стороны кланяется; потом, оборотившись к отцу и к матери невесты, говорит:

С в а т: Ефим Денисьевич и Авдотья Афанасьевна, вам Григорий Савельич, Палагея Демидовна и Филипп Григорьевич кланяются хлебом да солью, милостию Божиею и своим даром.

О т е ц и м а т ь: Милости просим, мы добрыми людьми не брезгуем и нами просим не брезговать.

Между тем хозяйка и другие бабы из семьи накрывают стол скатертью и ставят свой пирог.

С в а т: Ефим Денисьевич и Авдотья Афанасьевна, есть у вас товарец, а у нас есть покупщички, давайте-тко родниться, святое дело затевать; сужено, ряжено, ведь, надобно брать.

О т е ц и м а т ь: И ведомо, Парамон Федосеич!

Зажигают свечу перед иконами, все молятся Богу, приговаривая: «Дай, Господи, святое дело зачать, также и кончать».

Помолившись, сват вынимает пирог из своего кулька, который кладет к стороне, берет пирог за один конец обеими руками, прихватывая вместе с пирогом и *полу* своей *шубы*; то ж самое и невестин отец делает с своим пирогом. Оба сходятся посередь избы, *до трех раз бьют* или *хлопают пирог о пирог*, которыми и меняются.

В это самое время невеста, сидя в топлюшке или у жернова, начинает вопить так:

Светел месяц, родимый батюшка,
Красно солнышко, родима матушка!
Не бейте вы полу о полу,
Не хлопайте вы пирог об пирог,
Не пробивайте вы меня бедную,
Не давайте вы меня горькую
На чужу дальну сторонушку,
Ко чужому отцу, к чужей матери:
Как чужие-то отец с матерью
Безжалосливы уродилися,
Без огня у них сердце разгорается,

Без смолы у них гнев раскипается;
Насижусь-то я у них бедная
По конец стола дубового,
Нагляжусь то я, наплачуся.

Отец берет пирог у свата и на блюде ставит его на стол; а сват, взявши пирог у отца, прячет в свой кулек, из которого тут же вынимает гостинцы, или сласти, подает их матери, а она относит к невесте.

В это время посылают на деревню за роднею, за знакомыми и соседями, выставляют на столе ужин и привезенные сватом вино и пиво.

Гости сходятся, Богу молятся, со всеми раскланиваются, здороваются с хозяевами, которые просят их садиться за стол. Подносят гостям сватово вино, на закуску сватов пирог. Каждый гость, выпивая чарку и величая по имени и отчеству хозяев, поздравляет с добрым делом.

Пир идет весело, причем, однако же, сват не пирует и, посидевши, подымается домой. Все встают с мест; отец и мать подходят к свату, прощаются, целуются с ним; отец поручает ему править поклоны жениху и всем родным из его семьи, величая каждого по порядку старшинства по имени и отчеству; мать же невестина подает свату на блюде дары для жениха и для всех его родных, в одной с ним семье живущих, для мужчин полотенцы, для женщин — рукава к рубашам, и тоже с разбором: жениху полотенце получше, отцу его и родным похуже; матери его рукава получше, а прочим бабам и девкам похуже. Подавая сии дары, старуха приговаривает: «Сватушка любезный, Парамон Федосеич, дары примите, мое сокровище полюбите. Не годятся в ручки, поверните на онучки¹».

Сват, принявши дары, откланявшись и распрощавшись, уезжает и с собою увозит невестин пирог. За сватом подымаются ко дворам и гости; и как скоро все разойдутся, невеста выходит к столу и садится на лавке, начинают сходитьсь девки, подруги, соседки, знакомые. При входе их в избу невеста к ним *вопит* нараспев жалобным голосом:

Голубушки мои, белыя подруженьки,
Приступитесь ко мне горько-беденькой,
Пособите-тко мне горюшко мыкати;
Не значай-то ко мне горе привалилося,
Прикачнулося мне горе не малое:

¹ *Онучки* — портянки.

Запоручил-то меня девицу красную,
Светел месяц, родимый батюшка,
Запоручила-то меня бедну, горькую,
Красно солнышко, родима матушка,
За поруки за крепкия,
За замки вековечные.

В это время девицы с невестою здороваются, целуются, по-здравляют с женихом.

Ежели взойдет какая-нибудь родственница, например, тетка невесты, тогда она начинает к ней *завывать* так:

Поди-тко ты сюда, родима тетушка,
Тетушка моя ты, Матрена Михеевна!
Не знаешь, не ведаешь моего горя великова,
Ко мне горе прикачнулося, да не малое:
Как продумали меня бедну, горькую
Светел месяц, родимый батюшка,
Красно солнушко, родима матушка,
На чужу дальну сторонушку,
Ко чужому-то отцу, к чужой матери.

Так она завывает каждой родной, каждому родному, причитая их по имени и отчеству, так же и к посторонним женщинам.

Принявши своих подруг, невеста усаживает их вместе с собою за стол. Мать подает на стол жениховы гостинцы и сласти, потчи-вает девиц, невеста им кланяется.

По угощению девицы прощаются с невестою, целуются и расхо-дятся. Когда они все уйдут, невеста садится на середине лавки у красного окна и начинает завывать к отцу и матери так:

Родимый ты, мой батюшка,
Родима ты, моя матушка!
Куда вы меня пропиваете?
Али я у вас не работница?
Али я у вас не заботница?

Мать старается унимать ее, подает ей ужинать и укладывает спать.

Между тем, как все это делается у невесты, сват приезжает до-мой к жениху; входит в избу, Богу молится, всем правит поклоны от новых родных, вынимает из кулька невестин пирог, ставит на стол, который накрыт заранее; подает невестины дары, кому следует из семьи. По разборе даров, всем домом садятся за стол, пьют вино за

здоровье старых и новых родных, заедают невестиным пирогом, наконец, ужинают.

Так оканчивается день сговора.

На другой день к невесте приходят с поздравлениями знакомые и родные, не бывшие на сговоре; невеста их встречает с таким же пеньем, как и прежде. Это бывает и в последующие дни, пока она *сидит сговореною* и пока ее навещают родные и знакомые. Во все это время невеста слывет *сговореною*.

Девичник

Накануне свадьбы вечером к невесте собираются *на девичник* ее подруги девицы, а к отцу и к матери — соседи и соседки; все ожидают свата, который приезжает с *передатью*; невеста сидит там же, где была и во время сговора.

Передать составляют: шерстяные с зачесом чулки, коты или босовики, зеркало, троицкий красный ларчик с мылом, белилами, румянами и гребнем; пирог, или курник, с курицею, яйцами и кашею; жареные курица, поросенок, баранина; пряники, орехи и прочие сласти; вино, пиво. Вся передать уложена в *коробье* и замкнута замком, а вино и пиво в боченках.

Сват входит в избу, вносит передать и ставит ее к стороне, молится Богу, на все стороны раскланивается и правит поклоны хозяину с хозяйкою так:

С в а т: Ефим Денисьевич, Авдотья Афанасьевна, вам Григорий Савельевич, Палагея Демидовна и Филипп Григорьевич кланяются хлебом да солью, милостию Божиею: наш дар примите, нас любите, к себе в гости пустите, за своих сочтите; а мы вас также за родных почли.

М а т ь и о т е ц: Милости просим, сватушка любезный Парамон Федосеевич; на дарах ваших покорно благодарствуем. Каково поживает, здоров ли Григорий-то Савельевич?

С в а т: Все, слава Богу, здоров, благополучен и вам поклон свой прислал со мною (*кланяется им*).

М а т ь и о т е ц (*откланиваются*): Ну, слава Богу; покорно благодарствуем; а Палагея Демидовна все ли в добром здоровье?

С в а т: И она, слава Господи, здравствует и вам кланяется (*делает один поклон*).

Таким образом отец и мать продолжают спрашивать обо всех живущих в одной семье, то есть в одном дворе с женихом, например: о дяде, о его жене, о старшем брате, о его жене, о женихе, о сестрах, словом сказать, обо всех от велика до мала, по порядку

старшинства, величая их по имени и отчеству, хотя бы тут были и новорожденные младенцы.

Сват, стоя посредине избы, на каждый спрос отвечает с поклоном. Во все это время отец и мать невестины, родные и гости также стоят на ногах.

Кончатся опросы, сват отмыкает коробку, вынимает всю передать, накрывает своею скатертью стол, ставит на него припасы: круглый пирог, или курник, жареное мясо; а дары и сласти подает невесте в топлюшку¹, приговаривая: «Агафья Ефимовна, вот тебе Филипп Григорьевич дарит и кланяется: гостинцев изволь сама покушать и подружек попроси». Невеста, принимая дары, целуется со сватом и завывает:

Родимый ты, мой батюшка,
Родима ты, моя матушка!
Не мечись на золото, на серебро,
Не кидайсь на сласти, на пряники,
Не берите вы белил белых,
Не примайте румян красных,
Не меняйте меня ни на што:
Без золота я у вас богатеонька,
Без сластей-то у вас я сытехонька,
Без белил-то я у вас белехонька,
Без румян-то я у вас краснехонька.

Хозяин и хозяйка просят свата, гостей и *глядельщиков* садиться за стол, каждого вызывая по имени и отчеству, и притом одних только женатых и замужних; а холостых парней и девиц не сажают. Начинают угощать сватовым пивом, вином и ужином. Девушки запевают следующую песню, припевая наперед к свату:

Пойдем-ко мы по ряду,
По всей, честной беседе,
Дойдем-ка до умнова,
До разумнова до сватушки,
До Парамона Федосеича:
Он охоч по пирам ходить,
Он охоч и песен слушати,
Да горазд ведь и певиц дарить.
Не рублем дари, полтиною, —
Золотой своею гривною.
Из гривны по три денежки,
На певицу по копеечке.

¹ *Топлюшка, топлюжка* — отдельная комната, летняя кухня.

Сват сидит и как будто бы не слышит; девицы поют:

Слышишь ли ты, чуешь ли,
Парамон свет Федосенч?
Мы тебе песни поем,
Тебе мы честь воздаем.
Как белый сыр на блюде лежит,
Что сахарный кус — на тарелочке,
Как маков цвет в огороде стоит,
То — сватушка, наш за столом сидит.

Сват сидит и ухом не ведет; девицы продолжают:

Ты, сватушка, дари,
Расхорошенькой, дари!
Станешь нас дарить,
Не будем те бранить.
Как Парамона-то жена
На девишничек сряжала,
В плат полтину завязала,
Отпущаючи приговаривала:
— Ты поедешь, друг, на свадьбу;
Там девицы, тебе красныя
Станут песни правити,
Тебя, мово друга, величати;
Ты дари их, не скупись,
Золотой казной расступися;
Ворона коня тебе не купиши,
По гостям тебе не гостити. —
Ты, сватушка, догадайся,
Расхорошенькой, смекни,
Распахни шубу овчинну,
Доставай мошну сафьянну,
Вымай-ко гривну золотую.
Из гривны по три денежки,
На певичу по копеечке.

Сват берет стакан с пивом, кладет туда медных денег или смотря по достатку серебряной пяточок либо гривенничек, подносит девицам, которые, принявши, поют, ежели он дал им довольно:

Спасибо те, сватушка, на дару твоём:
Уж твой ковш мы весь выпили,
Золотую гривну выняли;
То нам на белые белилы,
То нам на красные румянцы.

Когда же сват положит им денег мало, то начинают его корить:

Штобы те свату по миру ходить,
По миру ходить, суму волочить.
Уж как сват по бережку похаживает,
В чисту реченьку поглядывает;
Да ведь сам себя похваливает:
— Уж и как же я хорош,
Уж и как же я пригож,
Сам-то шестом, голова пестом,
Рожа пряслицею¹, глаза раковицею²
и проч.

Ту же песню поют и к другим гостям, приноравливая к каждому: таким образом она повторяется для каждого гостя, для каждой гостыи. Невеста во все это время поет заунывно.

Когда гости приедят сватово кушанье, сват все оставшиеся на столе куски завертывает в свою скатерть и прячет в свою коробку, для того что невежливо оставлять в гостях свои куски и крохи. Лишь только сват соберет со стола, хозяин и хозяйка накрывают своею скатертью и подают свой ужин; тут пирует и сват, как первый гость; и ежели запируется и долго не собирается домой, тогда девицы поют:

Ты, сватушка, ненаеда, догадайся,
Ко дворам скорей подымайся.
Уж как сват-от ненаед,
Съел корову да быка,
Наседку с цыплятами;
Как у свата косые-то глаза,
По полицам³ все глядят,
Они каши, знать, хотят,
Каши масленой, ложки крашеной.

Когда сват подымеется домой, тогда невестина мать подает ему дары тем же порядком, как и на сговоре.

Сват, распрощавшись, уезжает, увозит с собою коробку и пустые боченки. За ним и гости расходятся все, кроме девиц, которые остаются. Невеста выходит к отцу и к матери, завывая *в голос*:

¹ *Пряслица* — прясло, часть изгороди от столба до столба; смысл сравнения — рожа широкая.

² *Раковица* — створка ракушки, крупная.

³ *Полица* — кухонная полка.

Светел месяц, родимый батюшка,
Красно солнышко, родима матушка!
Мне не надобно ни золота, ни серебра,
Прошу вашего честного благословения.

Мать зажигает свечу перед иконами: все молятся Богу; отец снимает с полки образ, оборачивается лицом к людям и держит образ перед собою; невеста с воплем молится образу, кладет три земных поклона, при каждом поклоне подруги поднимают ее под руки; невеста крестится, прикладывается к образу, целуется с отцом, который передает образ матери. Сия, принявши образ, становится в отцово место и благословляет дочь свою тем же порядком.

По благословении девицы собираются вести невесту в баню: берут с собою кувшин пива и привезенные сватом в ларчике мыло, белила, румяны, гребень, зеркало. Когда нет в деревне бани, тогда топят пожарче избу у того из соседей, у кого печь попросторнее, чтобы можно было в ней париться. Идучи в баню, невеста воет в голос, а девушки поют песню:

Растопися, банюшка, растопися,
Разгорися, каменка¹, разгорися!
Ты рассыпья, бел крупен жемчуг,
Да по атласу, да по бархату,
По серебряному блюдечку.
Ты расплачься, Агафьюшка,
Ты расплачься, свет Ефимьевна,
Перед своим родным батюшкой:
— Государь ты мой, родимый батюшка!
Ты на што, про што пиво варишь,
Ты к чему зелено вино куришь?
— Ты дитя ль мое милое,
Я пиво-то варю и вино-то курю
Да твоих-то бояр поить,
Твоево большова барина,
Филиппа свет Григорыча.

Приходят в баню, поддают на каменку или в печку пивом, которое принесли с собою в кувшине, моются и моют невесту, сама же она ни до чего *не дотыкается*. Вымывшись, одеваются, белятся, румянятся, в зеркало смотрятся; одна только невеста не белится, не румянится и не смотрится в зеркало.

¹ *Каменка* — печь в бане, сложена из камней; на раскаленные камни льют воду — баня наполняется паром.

Из бани идут домой тем же порядком: невеста плачет, а девушки поют песню:

При девичьем было при вечере,
При Агафьином-то девишничке,
Не трубынька трубила рано по заре,
То плакала Агафьюшка по русой косе:
— Свет моя косынька, русая коса!
Разобьют тебя косыньку на шесть доль,
Заплетут тебя косыньку на две косы.
Дотолеча косыньку девушки плели,
Теперича косыньку свахе уж плести;
Укрутят тебя, косыньку, вокруг головы,
Повяжут по косыньке бабью красоту¹;
Бабья красота на печи в углу,
Девичья красота² в поле на лугу.

Когда придут из бани домой, отец и мать встречают невесту с образом так же точно, как и при отпуске в баню.

По благословению подруги сажают невесту за стол на скамейке, на стол ставят перед нею блюдо, возле которого кладут гребень. Каждая подруга подходит к невесте, берет со стола гребень, чешет ей волосы, кладет гребень на стол и в блюдо положит несколько денег, например: пятак либо два, а богатые — серебряной пяточок либо гривенничек. Когда все подруги это дело окончат, тогда заплетают косу лентою по-девичьи. Невеста обращается к отцу к матери:

Светел месяц, родимый батюшка,
Красно солнышко, родима матушка!
Вы расставляйте столы дубовые,
Накрывайте вы скатерти браныя³,
Вы сажайте красных девушек,
Угощайте моих белых подруженек.

Накрывают стол, все девушки садятся, вместе с ними и невеста, и перестает плакать. Подают ужин, после ужина сласти, привезенный сватом. Во весь ужин невеста не ест ни крохи, только лишь подругам кланяется и просит кушать.

¹ *Красота, краса* — имеется в виду головной убор замужней женщины: *кiка*.

² *Крiсота* — головное украшение девицы.

³ *Брiные* (скатерти) — вытканые, с узорами.

Вставши из-за стола, девушки молятся Богу, собираются ко дворам; каждая подходит к невесте, целуется с нею и прощается, приговаривая: «Оставайся, душа, да будь счастлива».

Когда все девушки разойдутся, невеста садится на лавке у красного окна и жалобно поет:

Светел месяц, родимый батюшка,
Красно солнышко, родима матушка!
Не мечитесь на золото, на серебро, и проч.

Потом, обращаясь к матери:

Родима ты, моя матушка!
Поучи меня уму да разуму,
Как мне жить да быть на чужой стороне.

Мать, обнимая, поет в тот же голос:

Ты, родимо мое дитяtko,
Уж живи да привыкай-ко
Ко чужой дальней сторонуще,
Ко чужому отцу, матери!

Наконец мать уводит невесту в топлюшку или в чулан, там подает ей ужинать и укладывает спать.

На утро после девичника, к жениху в дом собираются девушки, поют свадебные песни и помогают домашним стряпать обед и ужин; делают *коровай* и *курник*, или круглый пирог с курицею, яйцами, кашею, который девушки *рядят*, то есть каждая делает из теста какую-нибудь диковинку: человечка, птичку или другую какую *каракульку* и лепит ее на пирог, отчего он выходит довольно забавного вида. Коровай делается из ситного или ячного, либо из пшеничного теста простой, либо сдобный: иногда короваи покупаются в Москве, то есть крупчатые куличи, какие продаются у Лобного места. Коровай идет в печь последний, и женщина в то время, как сажает его на лопату и в печь, припевает следующее:

Коровай катается,
Коровай валяется,
Коровай на лопату сел,
Коровай на ножки встал,
Коровай гряды¹ достал.

¹ *Гряды, гряды* — перекладкины в избе.

При сих последних словах она припрыгивает и старается рукою достать до *грядки*; беда коли промахнется: примета к худу; когда же по грядке попадешь, то к добру.

Кончится стряпня, собираются *прибеседные* и *поезжие*.

Прибеседные, или *посаженные* отец и мать — главные лица после родных отца и матери. Ежели есть у жениха отец и мать крестные, то они должны быть и *прибеседными*; ежели же их нет, то старшие родственники. Это почетные гости на свадебном пиру, которым при величании по имени и отчеству всегда прибавляется титул: *батюшка прибеседный, матушка прибеседная*.

Поезжие, или *поезжаные*, — провожатые жениха к венцу. Они суть:

Тысяцкий, в поезде старшее, впрочем, мало действующее лицо. На его руке жених и невеста меняются до трех раз кольцами. В Иосифовском требнике¹, напечатанном в Москве 1647 года, *тысяцкий* поминается на эктении² при обручении: «еще молимся о рабе Божии тысяцком имя рек». Это и поныне соблюдается у старообрядцев, у которых тысяцким бывает крестный отец жениха.

Большой барин, также из первостепенных особ на свадьбе, ничего особенного не делает и нередко смешивается с тысяцким, так что обоими именами зовется одно лицо.

Малые барины, несколько поезжих второй степени, кроме провожания к венцу, не имеют никакого другого дела.

Дружко, неотлучный спутник жениха, распорядитель всем свадебным порядком и первый весельчак и затейник на празднике.

Подружья, один или двое, товарищи и помощники дружка.

Гвоздарь, в поезде заведывает боченком с пивом.

Холостые парни к поезду не допускаются.

Когда соберется весь поезд, накрывают стол; помолившись Богу, все садятся обедать, пьют вино и пиво. Курника и коровая на стол не подают: первый бережется к ужину, а другой на княж обед.

После обеда все встают, молятся Богу, благодарят хозяев за хлеб, за соль. Дружко громко кричит к отцу и матери: «Григорий Савельевич, Палагея Демидовна, благословляйте-ко добрых коней закладывать!» Все встают и кричат: «Во святой час, нечева ждать!»

Многие из поезжих идут запрягать лошадей.

¹ *Требник* — богослужбная книга, содержит священнодействия и молитвословия.

² *Ектения* — ряд молитвенных прошений, составляющих существенную часть всех церковных богослужений.

Мать, помолвившись Богу, сажает сына-жениха на лавку, на шубу, берет в руки стакан пива, с молитвою и перекрестясь, смачивает пивом голову парню, расчесывает гребнем и, припадая к нему на грудь, вопит в голос:

Родимое мое дитяtko,
Филипушка, свет Григорьич!
Как поедешь ты жениться-то,
Привезешь себе ты молодую жену,
Не покинь же меня бедну, горькую
При старости и при хворости,
Не меняй меня горемышную
На свою молодую-то жену.

Дружки и поезжие, впрягши лошадей, входят в избу. Отец *теплит* свечу перед св[ятыми] иконами, дружка кричит: «Батюшко, Григорий Савельевич, матушка, Палагея Демидовна, благословляйте-тко сынка своего Филиппа Григорьича, пора святое дело затевать, нечева ждать!»

Все встают, молятся Богу; дружка берет женихово подвенцовое платье, *шубу*, обмахивает ею вокруг жениховой головы и встряхивает — и эту хватку повторяет до трех раз. Шубу надевают на жениха и на шею ему повязывают новый красный платок, сложивши его, на угол, так точно как носят платки на шеях женщины: по этому платку жених отличен из всего поезда. Отец берет с полки образ, становится лицом к людям; жених молится, кладет три земных поклона, причем дружка всякий раз подымает его под руки; по троекратном поклонении, жених прикладывается к образу и целует отца, у которого из рук св[ятую] икону принимает мать, становится в отцово место и тем же порядком благословляет сына; после матери тою же иконою и точно так же благословляют дяди родные, отец и мать прибеседны.

Когда благословение кончится, тогда дружка во все горло кричит: «Смотрельщики, глядельщики, зеваки и палашны колюбаки¹, благословляйте-тко все князя новобрачного в путь дороженьку ехать — сужено, ряжено взять, под золотой венец стоять!» Все в один голос кричат крестясь: «Во святой час, дай Бог час добрый!» Дружка и подружья берут жениха под руки, ведут вон садиться в сани и на каждом пороге заставляют его креститься. Отец, мать,

¹ *Колюбака* — пирог с начинкой, имел в обряде то значение, что по нему судили о целомудрии невесты. *Палочные (палашные) колюбаки* — вероятно, охотники до разговоров о целомудрии невесты, достойные наказания.

родные и прибеседные, то есть все, кто только благословлял жениха образом, провожают его до первого порога и к венцу не едут.

В поезд лошади запряжены с колокольчиками, бубенчиками, погремушками, их гривы и челки развязаны пестрыми лоскутьями. Спереди скачет передовой на одной лошади в снях: его обязанность стараться не давать, чтобы перебивали дорогу. За передовым тройкою едут *князь* — жених; у него по правую руку сидит тысяцкий, или большой барин, по левую — дружка; за ними скачут поезжие по порядку старшинства; поезд заключает гвоздарь: он один едет в снях и везет боченок пива и ковш либо два, также коробью с хлебом, солью, с нарядом для невесты и мылом для подарков.

Ежели с поездом встретится какой прохожий, то, снимая шапку, кланяется поезду, приговаривая: «Господь с вами, в добрый час». Такому доброму человеку всем поездом откланиваются и благодарят. Иногда встрешный заваливает поезду дорогу: то есть бросает перед поездом среди дороги шапку, или рукавицу, или палку и т. п.; тогда поезд останавливается, гвоздарь цедит ковш пива, подружья подносит прохожему; сей пьет пиво, поздравляет жениха, желает ему добра и счастья, подымает свой *перелог*; поезд скачет дальше. Ежели на пути есть деревня, то почитай всегда тут заваливают дорогу; мужчины, женщины выходят кучею и стоят по одну сторону дороги, девушки по другую также кучею и поют песни. Мужчин и женщин потчуют пивом, а певицам дают денег. Когда же *завалу* снимут, тогда поезд скачет дальше, наконец подъезжает к невестину двору.

У невесты в доме в этот день с утра большая стряпня, готовится обед; сходятся девицы, невестины подруги, прибеседные, сваха, гости. Подруги наряжают невесту, а маленький брат родной или двоюродный или племянник ее обувает; и лишь только начнет надевать ей чулок на ногу, она завывает к нему:

Родимый ты мой братец!
Куда ты меня обуваешь?
Куда меня ты снаряжаешь?
Обуваете вы меня, снаряжаете
В чужу дальнюю сторонушку,
Ко чужому отцу с матерью,
Ко чужому роду племени.
Али я была у вас не работница?
Али я была у вас не заботница?

Когда невесту нарядают, тогда теплют свечу перед иконами, все молятся Богу; невеста, стоя среди избы, вопит к отцу своему:

Светел месяц, родимый батюшке,
Не прошу-то я ни золота, ни серебра,
Прошу-то я твое чистова благословеньца.

Отец берет с полки образ, оборачивается лицом к невесте, которая молится образу, кладет три земных поклона, причем поднимают ее под руки сваха да родственница замужняя, а не девицы подруги. По троекратном поклонении невеста прикладывается к образу, целует отца, после которого тем же образом и таким же порядком благословляет ее родная мать, родные и прибеседные; к каждому из благословляющих невеста завывает.

По благословении сваха покрывает невестину голову покровом, то есть красным платком; чтобы не видно было лица ее, а руки обертывает и обвязывает чистыми тряпицами, ибо де неприлично жениху прежде венца прикасаться к телу невесты¹. Сваха берет шубу, складывает ее вдвое мехом наружу и стелет на лавке в переднем углу. Сажают невесту на шубу; с левой руки возле невесты на шубе же садится сваха, с правой руки на шубе же садится *продавец*, мальчик, который обувал. Прочие садятся по лавкам и скамьям и дожидаются поезда.

Поезд въезжает на двор ко крыльцу, дружка и подружья входят в избу: у дружка в руках ковш пива, у подружки хлеб да соль; оба становятся середь горницы, Богу молятся, на все стороны раскланиваются, потом дружка *выкликает*: «Сватушка Ефим Денисьевич и сватьяшка Авдотья Афанасьевна, просят вас Григорий Савельевич, Палагея Демидовна и Филипп Григорьевич хлебом да солью, милостью Божиею: ковш пивка искушайте, хлеб-соль примите, нас полюбите, к себе в гости пустите». Старики, принявши пиво и выпивши, отвечают: «Милости просим, мы рады таким дорогим гостям». Подружья ставят хлеб-соль на стол и вместе с дружкой уходят. Потом опять оба входят, дружка с шубою и покровом для невесты и куском мыла для свахи, а подружья с пирогом и жареною говяжьёю лопаткою. Дружка, подавая свахе мыло, говорит: «Свашинька, Федора Сысоевна, мыльцо-то извольте-ка взять, свои белы ручки вымойте, наряды наши примите, Агафью Ефимовну в наше платье нарядите». Сваха кланяется, принимая наряды, благодарит, между тем подружья ставит пирог и мясо на стол.

¹ Жених, как после увидим, сидя вместе с невестою в избе и стоя в церкви, держит ее за руку. (*Примечание П.И. Страхова.*)

Дружки идут вон из избы; в это время сваха надевает на невесту женихову шубу, прежде обмахивая вокруг головы невестинной и стряхивая до трех раз, так же как делал дружка при надевании шубы на жениха. Затем поверх своего покрыва покрывает невесту жениховым покрывом, то есть красным платком, на середине которого нашит медный шейный крест: накрывая сим платком, так сно-ровляют, чтобы крест был наружи и приходился бы на самой маковке невесты.

Входит жених, по правую руку с ним идет дружка, по левую подружья, за ними все поезжаные. Вошед в избу, Богу молятся, на все четыре стороны раскланиваются, дружки *шутствуют*, то есть врут всякую чушь, какая только им взбредет на ум. Между тем жених подходит к продавцу-мальчику выкупать место подле невесты, подносит ему ковш пива, кладет туда денег и говорит: «Сысой Филиппович, ковшичек пивца искушайте, а местечко-то мне уступите». Продавец, сидя на месте, отвечает: «Моя сестра не ковшовая, моя сестра сторублевая». Жених и еще кладет в ковш денег, подносит продавцу с теми словами, и тот же получает ответ; наконец и в третий раз прибавляет денег, подносит пиво и просит продавца уступить место; тогда продавец берет ковш, выпивает пиво, вынимает деньги, целуется с невестою под покрывом и встает с своего места; за ним также встает и невеста.

В это время сваха переворачивает шубу, на которой сидели, то есть тем мехом, который был наверху, оборачивает вниз, а тот, который был внизу, поворачивает вверх. Отец берет невестину правую руку, *вручает* жениху в правую же руку и обоих вдруг сажает на шубу; сваха садится по левую руку рядом с невестою, а дружка рядом с женихом. Хозяин и хозяйка просят поезжих и гостей садиться за стол; подают обед и пируют. Девки поют свадебные песни. Во все это время жених держит невесту за руку; оба сидят за столом не евши.

После обеда все встают из-за стола, молятся Богу. Дружка кричит: «Ефим Денисьевич, Авдотья Афанасьевна, благословляйте своих милых детей под золотые венцы стояти». Зажигают свечу перед иконами, отец снимает с полки образ, начинается благословение, как и в прежние разы. После отца благословляет мать, невестины родные и прибеседные. Первый к образу подходит жених, за ним невеста; при земных поклонах жениха поднимают дружки, невесту — сваха да родственница баба.

По благословении дружка *выкликает* тестя и, подавая печать мыла, говорит: «Ефим Денисьевич, от Григорья Савельича, Палагеи Демидовны и Филиппа Григорьевича дар примите, нас

полюбите». Затем выкликает невестину мать и родных из семьи, каждому приговаривая те же слова и подавая по куску мыла; выкликая и детей, также величает по имени и отчеству и дарит мальчикам по прянику, а девочкам по лоскуточку в косы или на *прорамки*¹ к рубашам. Одаривши всех, дружно размахивая руками во все стороны, кричит во все горло: «Глядельщики и смотрельщики, ротозей и зеваки, и палoshны колюбаки, мужики да бабы, красные девицы, пригожие и негожие, гладкие и рябые, все, што ни есть, благословляйте молодых князей в церковь Божию идти под золоты венцы стояти!» Все кричат: «Путь добрый, час добрый, Господь их благословит».

Подружья идет впереди и несет невестин образ, за ним жених с невестою, по руку жениха дружка, по руку у невесты сваха, за молодыми идет весь поезд. На каждом пороге заставляют жениха и невесту креститься. Отец, мать, родные и прибеседные провожают только до первого порога и остаются дома.

Как скоро молодые переступят за порог из избы вон, невестина мать садится на дочернино место, на шубу, и начинает выть в голос:

Прощай, родимое дитяtko!
Поила-было я, кормила тебя,
Лелеяла мою дитяtkу,
Думала, чаяла, што будешь ты
При старости мне, при хворости
На радость да на сбереженье.
Оставила ты меня при старости,
Покинула ты меня при хворости,
Обросила² меня, сироту одинокую.

Выходят жених с невестою с крыльца, садятся в сани рядушком, возле жениха садится дружка, возле невесты сваха; перекрестившись, всем поездом едут в церковь: впереди передовой и подружья с образом, за ними *князьья молодые*, за сими тысяцкой и большой барин, там весь поезд, на конце гвоздарь.

Лишь только поезд съедет со двора, подружья ворочается назад утешать невестину мать; възжает на двор, входит в избу, молится Богу, кланяется на все стороны, подходит к столу, становится против старухи, которая завывает безумолку, ставит перед нею блюдо, вынимает из-за пазухи кошну с деньгами, высыпает их на блюдо и говорит:

¹ *Прорáмки* — прорезная петля на одежде.

² *Обросила, обрасила* — бросила, оставила.

Полно-ка, сватьяшка, плакати,
Перестань, родная, кручиниться,
Бери-тко ты золотой казны,
Покупай себе добрых коней
К нам в гости ездити,
Мед, вино да пиво кушати.
Знай, езди, не ленись
Ешь, пей да веселись
И нас в гости к себе позывай.

Мать берет деньги; подают подружье ковш пива; он пьет, благодарит, Богу молится, со всеми прощается и гонит за поездом.

Когда поезд со двора тронется, в тоже время ставят в особые сани *коробью* с невестными (*невестиными*) животами и бельем; на коробью садится *коробейщик*, отправляется прямо к жениху в дом. Приехавши туда, входит в горницу, Богу молится, на все стороны раскланивается и говорит: «Государь ты наш, Григорий Савельевич, государыня ты наша, Палагея Демидовна, извольте получать нашей Агафьи Ефимьевны животы, белье с нарядами». Коробейщику подносят ковш пива; выпивши, просит кого-нибудь, чтобы ему пособили внести коробью, уходит вон и с ним еще кто-нибудь из семьи; коробью вносят в сенник или в чулан. Сделавши свое дело, коробейщик опять входит в избу; тут сажают его за стол и начинают чествовать¹ и угощать.

Между тем поезд скачет к церкви; встречные благословляют либо заваливают дорогу; на деревнях девки поют свадебные песни, мужчины и женщины поздравляют; их угощают пивом, девиц дарят деньгами. Наконец подъезжают к церковной паперти; жених с невестой входят в церковь, дружка идет возле жениха, сваха возле невесты: жених не выпускает невестиной руки из своих рук.

Иногда девушки собираются у входа в церковь, нарочно стесняются около жениха, отбивают его от невесты, которую уводят к стороне и обступают около нее толпою. В таком случае жених должен свою оплошность поправлять выкупом: дарить девушкам деньги.

Когда начнется священнодействие, тогда жених, невеста, сваха и дружка стоят прежним порядком, причем первые делают то же самое, что делают последние, то есть дружка или сваха перекрестится — и жених или невеста то же сделает; дружка поклонится в землю — и жених так же. Когда священник поведет обрученных к венчанию, тогда сваха раскидывает перед налоем *подножье*, лоскут

¹ Чествовать — чествовать.

холстины, и ставит на него по ноге, то есть правую ногу жениха и правую же ногу невестину, обе вместе, чтобы друг друга не опереживали.

По венчании дружка кричит громко: «А кто кому покорен?» При сих словах *молодая* упадает *молодому* в ноги и, вставши, целуется с ним из-под покровов.

Сваха берет молодую под руку, отводит в трапезу церкви к стороне; замужние и девицы толпою окружают их, чтобы мужчины не видали, что с молодою будут делать. Сваха сажает ее на стул, снимает с головы покровы, разбивает косу, делит на две доли, заплетает две косы, каждую в три косицы; крутит обе косы круг головы, надевает на голову повойник или кичку и повязывает покрывами по-бабьему. Пока сваха занимается сим делом, некоторые из баб стараются исподтишка надеть повойник или кичку на голову молодому; и когда им это удастся, тогда подымается хохот во всех зрителях, — смеются над простотою молодого; особливо же бабы чрезвычайно этим потешаются, во-первых, потому что в самом деле это очень забавно, а, во-вторых, и потому что это хорошая примета для молодой, именно же, что она будет в жизни управлять своим мужем-простаком; в случае их неудачи sproказить, заключают о противном.

Когда сваха уберет совсем молодую, подзывает молодого, ставит обоих рядышком, велит им прислониться щека со щекою и подает им зеркало так, чтобы они оба вдруг погляделись в него; и тут-то в первый раз молодой видит свою жену в лицо, ибо с самого приезда своего за невестою в дом ее и до этого зеркала невеста бывает под покрывами. Прежде случалось, что сим обычаем держать невест под покрывом и не показывать жениху до конца венчания пользовались и подменяли невест; например: когда у крестьянина несколько дочерей невест, и старшую из них женихи *обегают*, подозревая какой-нибудь недуг, припадок, порчу, глухоту, глазную немочь и т. д., в таком случае сватают младшую, а в день свадьбы под покрывом сажают старшую. Так был женат на подменной подслепой и глухой девке староста в имении моего родителя, хотя и сватался за ее меньшую сестру неглую.

Наконец, молодые служат в церкви молебен и, приняв от священника благословенье и кропление святою водою, отправляются к дому; садятся в сани и едут прежним порядком. Дорогою на переезде через реку, овраг, яму или сугроб сваха срывает у молодой с рук те тряпицы, которыми они были обернуты и обвязаны, кидает их туда, *чтобы де молодая на жниве серпком руку себе не порезы-*

вала. Во всю дорогу поезд скачет, не останавливается, хотя бы его и заваливали.

Молодые приезжают на свой двор, входят в сени; дружка отворяет дверь в избу; они, не переступая через порог, останавливаются в сенях. Отец молодого с образом и мать с хлебом да солью, которая насыпана на хлеб кучкою, подходят также к двери к порогу и, не переступая через него, стоят в избе. На матери надета шапка навыворот и шуба навыворот же, чтобы де *застращать* молодую. Молодые, стоя у порога, молятся образу; молодой кладет три земных поклона и через порог прикладывает к образу, целуется с отцом; потом через порог же целует у матери хлеб, целуется и с нею. Тем же порядком и молодая молится и со всеми целуется через порог; затем оба целуются через порог же с прибеседными, причем мать прибеседная осыпает молодых *житом*, то есть ячменем; а если нет его, то — овсом, чтобы молодые были *зажиточны*, богаты всяким житом. Тут прибеседный отец принимает из рук у родного отца образ и несет его к столу; родные отец и мать и оба молодые вчетвером поддерживают хлеб-соль и идут к столу за прибеседным, за ними — подружья с невестиным образом и весь поезд. Подойдя к столу, кладут на него хлеб и соль, святые иконы ставят на полку, Богу молятся, все друг с другом целуются, здороваются, садятся за стол ужинать.

Начинается веселый пир; но молодые тут не едят ни крохи. Собравшиеся девки поют песню, припевая прежде всех к молодым:

Пойдемте-тко по ряду;
По всей честной беседе,
Мы дойдем-ко до умнова,
Дойдем до разумнова,
До умнова до батюшки,
До Филиппа свет Григорьяча,
До разумной своей матушки,
Агафьи свет Ефимьевны.
Мы вам песни поем,
Мы вам честь воздаем
и проч.

Ежели молодой подарит певиц мало, то его корят:

Как у Филиппа-то жена
Не пригожа да не корыстна,
Што кривое коромысло;
Как Филипп-от сам урод,
Ротозея, криворот,

Сам шестом,
Голова пестом,
Харя пряслицею,
Глаза раковицею.

Из-за третьего кушанья дружка выкликает молодых, приговаривая: «Ой вы, гой еси, молодой князь Филипп Григорьевич со молодой княгинеею Агафьею Ефимьевною! Становитесь-ка вы на лыжи¹, подвиньтесь поближе, Господу Богу помолитесь, батюшке, матушке, всем добрым людям поклонитесь, да ступайте-тко опочивать, ложитесь в теплу спальню, к овцам в овчарню». Молодые встают, отец и мать благословляют их образом, потом дружка, подружья и сваха отводят их спать в скотную избу, ежели она есть, а не то в омшаник к овцам; мать несет им туда ужинать разное кушанье и кашу. Гости продолжают веселиться; отпировавши, все идут спать.

На другой день утром дружка, подружья и сваха приходят к молодым подымать их с постели, причем дружка сдергивает с них одеяло кнутом². Молодые встают, наряжаются, входят в избу. Если обнаружится, что молодая еще до брака попустила себя обесчестить, то дружки, поезжие и гости *озоруют*: таскают в избу сор, щепу, навоз, солому и сорят по полу; молодая обязана все вымести и угощать пивом каждого *озорника*. Впрочем, не у всех так поступают с виновницами; гораздо обыкновеннее на такие дела вообще не обращают внимания. «Что тебе старику за охота вязаться за эту девкою, ведь она с пороком?» — так сказал я однажды старику крестьянину, который своему сыну торговал в невесты девку и давал за нее 150 рублей выводу, между тем как помещица просила 200 рублей. «Ну так што ж за беда, што с пороком? — отвечал мне старик. — Нас она ничем не обидела. Ех, кормилец, коли станем разбирать все люцкие пороки, то ни мы никого не возьмем, ни нас никто не возьмет».

Ежели все молодою довольны, то утром до обеда балагурят, особенно же *шутствуют* дружка, подружья и сваха. С сердечною радостью садятся за *княж обед*, пьют, едят и веселятся; то и дело жалуются, что вино и пиво горько, что надобно подсластить; вследствие таких жалоб молодые целуются, и вино и пиво делаются будто бы от того вкусными. На обеде главные кушанья: жареная курица и пирог, или курник ряженный. После обеда сваха в топлюшке

¹ Становитесь на лыжи — иносказательно: готовьтесь убыть, уйти. Остаток тайной речи, разговора обиняком.

² Вообще кнут в руках дружки есть необходимая вещь при свадьбе и много потешает всю беседу (вероятно, *примечание П.И. Страхова*).

или в углу укладывает на блюдо дары: полотенцы и ширинки для мужиков, рукава для баб, а пряники и цветные лоскуточки для ребятешек. Дружка выносит дары на середину избы и выкликает поодиночке отца, мать, дядей, братьев и прочих членов семьи от велика до мала, величая каждого по имени и отчеству. Выкликнутый подходит к блюду, сваха подает ему дар, дружка приговаривает: «Дар примите, молодых князей полюбите. Не годится в ручки, поверните на онучки». Каждый выкликнутый, принявши дар, кладет в блюдо сколько-нибудь денег, которые идут в собственность молодой. В продолжение раздачи даров молодые стоят и каждому кланяются; по раздаче же молодой берет осьмуху¹ вина и деревянный стакан, начинает подносить за свое здоровье; молодая подает на блюде нарезанный ломтиками *каравай*; каждый родной, каждый гость вина изопьет, ломтем каравая закусит и положит на каравай денег, которые после идут к молодой же в карман.

Наконец, садятся за стол как бы ужинать; после ужина сваха подымается домой, а молодая садится на задний конец стола и в голос завывает:

Ты белая² моя суседушка,
Голубушка Федора Сысоевна!
Оставляешь ты меня горьку, бедную
На чужой дальней сторонушке;
Поклонися ты, моя голубушка,
Родимому моему батюшке,
Поклонись ты, моя суседушка,
Родимой-то моей матушке.

Ежели свахою была родственница, например тетка, то молодая вопит так:

Родима ты моя тетушка,
Тетушка Матрена Михеевна!
Оставляешь ты меня бедную, горькую,
и проч.

Сваха со всеми раскланивается, целуется с молодой и уезжает. За нею разъезжаются и гости. Молодая плачет неутешно, *свекровь* и *золовки* стараются ее *утешить*, водят ее по избе и заставляют

¹ *Осьму́ха* — восьмая часть измерения.

² *Белая суседушка* — либо хозяйка *белого дома*, освобожденного от подати, либо носящая не домотканую, а купленную одежду.

каждому старшему в семье кланяться в ноги; она, кланяясь до земли, вопит, например, к дяде своего мужа.

Государь ты мой дядюшка,
Алексей, сударь, Савельевич!
Не покинь меня бедну, горькую
На чужой дальней сторонушке.

Перекланявшись каждому в семье, идет с мужем спать.

Спознать

В третий день свадьбы все родные молодого, бывшие на свадьбе гости и сами молодые приезжают к родным молодой на *спознать*, чтобы всем ознакомиться, *спознаться*. Тут обедают, пируют, пьют за здоровье молодых; молодой подносит всем, начиная с жениного отца, вино, и молодая подает на блюде каравай, так же, как и на княжем обеде. <...>Напоследок гости ужинают, после ужина разъезжаются и расходятся по своим домам, а молодые остаются гостить с неделю, места(ми) и больше. Погостивши, едут к себе домой одни, уже без провожатых.

По возвращении домой, свекровь и золовка молодую сажают за работу, например, дают ей прясть кудель шерсти, и таким образом оканчиваются все свадебные праздники.

ПЕСНИ, ПРИЧИТАНИЯ, ВЕЛИЧАНИЯ И «КОРИЛЬНЫЕ» ШУТКИ (ИЗ СВАДЕБ РАЗНЫХ МЕСТ)

Сватовство

1

Уж вы, гуси, вы серые,
Далече ли вы лётали?
— Уж мы лётали, летали,
С одного моря на море!¹
— Уж вы что, гуси, видели?
— Уж мы видели, видели
Серу утицу в тихой заводе!
— Вы зачем её не взяли?
— Мы хотя её не взяли —
Сизо перье рощипали,
Горячую кровь пролили.

¹ В оригинале: «да моря». Возможно прочтение: «С одного моря до моря».

— Уж вы бóяра, бóяра,
Вы бо́яра Васильевы!
Далече ли вы ездили?
— Уж ездили, ездили
Мы с города на город.
— Вы что, бояра, видели?
— Уж мы видели, видели
Красну девицу в высокóм терему.
— Вы зачем ее не взяли?
— Мы хотя ее не взяли,
Но русу косу расплели,
Горячй слезы пролили.

2

На море утушка купалася,
На синем серая полоскалася¹,
Вышедши на крутой бережék, встрепенулася²,
Встрепенумиши³, утушка сама вскрикнула:
— Как-то мне с моречком расстатись будет?
Как-то мне со крутых бережков приподнятися?
Придут-то, придут морозы студёные,
Выпадут порошицы, снегй белые;
В те поры я с моречком расстануся,
В те поры с крутых бережков приподымуся.
В тереме Верушка умывалася,
В высоким Кондратьевна умывалася,
Белыми белилами набелилася,
Алыми румянами нарумянилася,
Чёрными сурмилами брови сурмила⁴.
Белые белила из Бела города,
Алые румяны из каменной Москвы,
Чёрныя сурмилы из Чернá города.
Снаряжёмши, Верушка сама всплакнула:
— Как-то мне с батюшкой расстатись?
Как-то мне из высока терема приподнятися?
Придет Микита господин со всем поездом,
Приедет Ефимыч со всем поездом,

¹ В оригинале: «полоскалася». П.В. Киреевский привел принятый нами вариант: «полоскалася» (на основании сборника Ивана Прача). Публикация интересна параллельным приведением вариантов: «На море серая полоскалася»; «Серая полоскалася».

² *Варианты*: «Вышедши на берег, встрепенулася»; «Откупавшись, утушка встрепенулася»; «Купавшись, утушка встрепенулася / Купавшись, серая встрепенулася».

³ *Встрепенумиши* — встрепенувшись.

⁴ *Сурмила* — краска. *Сурмить брови* — красить (чернить) брови.

Привезёт он свашеньку ломливую,
Привезёт он друженьку чадливого;
В те поры я с батюшкой расстануся,
В те поры я из высока́ теремá приподымуся.

3

Расшаталася яблонька,
Перед грушицей стоючи. (2)
Как расплакалась Аннушка,
Перед батюшкой стоючи: (2)
— Ты родимой мой батюшка,
Нельзя ль думушку отдумати, (2)
Чтоб меня замуж не выдати? (2)
— Ты дитя ли мое, дитяtko,
Ты дитя ли мое, милое, (2)
Нельзя думушку отдумати, (2)
Чтоб тебя замуж не выдати: (2)
По рукам у нас, ударено,
На словах у нас положено. (2)

4

Из бора¹ ко дуброве
Тропинка лежала,
По той по тропинке
Куна² пробежала,
У куньей у шубе³,
В сафьянных сапожках,
В жемчужных сережках.
За той за куюю
Охотники ездят.
Ульянины братья;
Коней притомили,
Куну не вловили⁴.

Из бора ко дуброве⁵
Тропинка лежала,
По той по тропинке
Куна пробежала,

¹ Киреевским исправлено: вместо «из бор» — «из бора».

² *Куна* — куница.

³ *У куньей у шубе* — в куньей в шубе.

⁴ *Не вловили* — не уловили.

⁵ В оригинале отсутствуют повторяющиеся строки — вместо них указание «и проч.».

У куньей у шубе,
В сафьянных сапожках,
В жемчужных сережках.
За той за кунюю
Охотники ездят,
Да и Павловы братья;
Коней не втомили¹,
Куну изловили.

5

Как только жених со своими поезжанами приедет в дом невесты на «смотрение», невестины подруги встречают его пением:

Не от ветра, не от вихоря,
Не от Божьей-от милости
Веря пошатилася,
Ворота отворилися,
Широки размахнулись.
Не слыхала младшенька,
Как бояра на двор въехали,
С широка двора в новы сени,
С новых сеней в нову горницу;
Уж я столько² услышала,
Уж я столько увидела,
Как Григорий зашел в горницу,
Свет Мосеевич во светлицу;
Тут и я испугалася,
Тут и я перепалася,
Придрогло ретиво сердце,
Приосмякло³ лицо белое,
Резвы ножки подломилися,
Белы ручки опустилися,
Из глаз слезы прокатилися.
Во слезах я слово молвила,
В възрыданье речь говорила:
— Вот идет погубитель мой,
Вот идет раззоритель мой,
Вот идет *расплети-косу*,

¹ Не втомили — не утомили.

² Столько — только.

³ От испуга переменилось, изменилось, опало (*пояснение собирателя*).

Вот идет *потеряй-красу!* —
Тут спроговорит добрый молодец
Да Григорий Мосеевич свет:
— Уж ты глупа, красна девица,
Неразумна, дочь отецкая!
Что не я погубитель твой,
Что не я раззоритель твой;
Погубитель-от — твой батюшка;
Раззорительница — матушка,
Расплети-косу — сватьяшки,
Потеряй красу — друженьки,
Что две дружки хорошие —
Два удалых добра молодца.

6

Сударь ты мой, батюшка, сударь родимый!
Кто к тебе, батюшка, приходили?
Приходили к тебе, батюшка, люди незнамые,
Люди незнамые, нежданые, незваные.
Знать-то, я тебе, батюшка, была не работница?
Знать-то, я тебе, батюшка, была не скорой посол?
Запил ты, батюшка, мою буйну головушку,
Не за злато ты, батюшка, не за серебро,
Запил ты, батюшка, за винну чарочку.

7

Кормилец ты мой, батюшко!
Уж и что вы долго гуляли?
Вы каким торгом торговали?
Не моей ли буйной головой?
Не прогневайся, мой батюшко,
Что я тебя не встретила
Среди двора широкого,
По конец моста калинова,
Двери на пяты не растворила,
Напротив креста не стояла,
Не за спесью, не за гордостью, —
За своим горем великим,
За кручиною немалою!
Запоручил ты, сударь батюшко,
За поруки-то за крепкия,
За грамоты за боярския.

На сговоре — невеста к тетке:

Ты поди-тко, моя тетушка,
 Ты поди-тко, добро жаловать,
 К моему горю великому,
 На мою свадьбу¹ бесчастную!
 Ты подумай со мной думушку,
 Что думушку крепкую!
 Я спрошу-то тебя бѣз лести,
 Ты скажи-тко мне бѣзо лжи,
 Каково жить во чужих людях?

Тетка отвечает:

Ты послушай, мое племечко,
 Я скажу тебе по тайности:
 Во чужих-то людях живучи,
 Много нужды попримаешься,
 И холоду, и голоду.
 Ты носи платье, не складывай,
 Ты терпи горе, не сказывай.
 Резвым ноженькам надо быть подходчивым,
 Белым рученькам подносчивым,
 Буйной голове поклончивой,
 Ретиву сердцу покрѣрливу.
 Всем добрым людям приветливой,
 И на всяко дело сметливой.

9

Весѣл, весѣл ходит
 И Фѣдор Тихнавич².
 Нашел золот перстень
 С дорогим сы камяням³.
 Юньв, юньв⁴ ходит
 Палагей Спанович⁵:
 Потерял золот перстень
 С дорогим сы камяням.

¹ Записавший уточнил, что причитания исполнялись «на сговоре».

² Тихонович.

³ С камнем.

⁴ Т. е. уньв, уньв.

⁵ Степанович.

Баня и девичник

Баня

10

По приходе в баню девушки, раздевши невесту, поют¹:

Мне ночесь, молодой, мало спáлося,
Мало спáлося, да во сне виделось,
Мне страшен же да сон привиделся:
Я ходила да, млада, гуляла
Что во далице², во чистом поле
И увидела я, младешенька,
Тут стояла бела березонька,
Она бела кудреватая.
Из-под той же белой березоньки
Протекал же да тут медвян ручей;
Тут купались белы лебедушки,
Они все вмести, заединое,
Единá только на особицу;
Она купается, да не укорнется³.
Я сама, млада, знаю-ведаю,
Молодешенька, да догадаюся,
Я своим-то да молодым умом:
То кака же да дальня далица?
То какое же да чисто поле?
У моего-то родима батюшки
То оградушка да широкая.
То кака же бела березонька?
То стоит ли да тепла парúша⁴;
То какой же да медвяной ручей?
То наношена ключевá вода;
То каки де белы лебедушки?
То мои де милы подруженьки;
Они все вместе, заединое,
Они моются да и парятся;
Только я, млада, на особицу,

¹ Это пояснение надо понять как самое общее — о приходе в баню. По сути и форме текст — причитание невесты. Его могли исполнять и девушки вместо невесты.

² В дальней стороне (*пояснение собирателя*).

³ *Не укорнется* — не корит, никого не упрекает.

⁴ *Паруша* — парная баня.

Во тоске же да во кручинушке:
Запоручена моя буйна голова
Во чужую же дальню сторону,
Во злодейку да незнакомую.

Когда девушки одевают невесту в бане.

После меня же, да молодешенькой,
Раскатись-ко, да тепла páруша,
Со верхня бревна до окладнова¹;
Ты разсыпья-ко, жарка каменка,
По единому да по камушку.
Как на это да тепло местечко,
Где стояла да тепла páруша,
Я покину да бел горяч камень;
А как будет да лето красное,
Расцветет этот бел горяч камень
Все цветами-то да все алыми;
Я приеду же, да молодешенька,
Ко своему да родну батюшку
И увижу те цветы алые;
Тогда вспомню я, молодешенька,
Где рассталась я с девьей красотой.

По выходе из бани.

Благодарствуйте, милы подруженьки!
Вам на вашей да теплой паруше.
Вы обманули меня молодешеньку:
Вы сказали, да милы подруженьки,
Вы сказали, да мне нахвастали,
Что не смою я девью красоту,
А что смою я горячий слезы,
С ретива сердца злу кручинушку,
А я смыла свою девью красоту.

11

Постойте, мои любезные подруженьки!
Подломилась мои резвые ноженьки,
Опустились мои белья рученьки,
Во слезах я путь-дорожку не вижу;

¹ *Окладное бревно* — нижнее, лежащее на фундаменте.

Спасибо вам, любезные подруженьки,
На пару, на банюшке,
На мягком на веничке,
На склизком на щелочке.

Девичник

12

Не вылетывай, утушка,
Из зеленого тростничка,
— Не сама я вылетывала
Прилетели два ястребца,
Выпугали серу утушку
Из зеленого тростничка. —
Не выходи, Настасьюшка,
Из высокова терема:
— Не сама я выходила,
Выводила меня матушка,
Выдавал сударь батюшка.

13

У высокого терема
Золотые были выходы,
Переходы серебряные.
Тут ходила, погуливала
Душа красная девица
И не знала, не ведала,
Когда сваха приехала,
Гордая, спесивая,
Молодая, ломливая,
Ступить она не ступила,
Только слово промолвила:
— Собирайся ты, умная,
Собирайся ты, разумная,
На чужу дальну сторону:
Чужая сторонюшка
Она сахаром усеяна,
Сытою поливана,
Виноградом огорожена!
— Ох ты, прочь, прочь, разлучница!
Поди прочь, подговорщица!
Я сама знаю-ведаю
Чужу дальнюю сторону:

Чужая сторонушка
Она горем усеяна,
Слезами поливана,
Печалью огорожена!

14

Что при вечере, вечерничке
При остатнем часу-времячке,
При Катеринином девичничке,
При Михайловной девичничке
Прилетал млад ясмён сокол
сизо-крыльчатой;
Он садился на окошечко,
На серебряну причелинку¹;
Что никто ево не видел,
Только видел родной батюшка;
Говорил он своей дочери,
Своей дочери Катерине душе,
Своей дочери Михайловне:
— Ты сердечная дитятко,
Катерина Михайловна!
Приголубь себе голубчика,
Ясного сокола залётного,
Доброго молодца заезжего,
Свет Ивана Александровича!
— Государь родной батюшка,
Государыня матушка!
Я и рада б приголубить его:
Скорые ноженьки подломилися,
Белые рученьки опустилися,
Ретиво сердце испугалось,
На все стороны кидалось,
Ко Ивану приклонялося,
Ко Александровичу приклонялося.

15

Из-за лесу конь бежит,
За конем бежит добрый молодец;
У двора стоит красна девица.
Он кричит ей и гаркает,
Черной шляпою помахивает:
— Перейми, красна девица, добра коня.
— Уж рада бы переняла коня,

¹ Причелинка — наличник.

Повиликой¹ ноги спутаны.
— Уж, я сам знаю, ведаю:
Не повиликой ноги спутаны,
Спутаны кручинушкой;
Не студеной росой вымочены,
Горючими слезми замочены.

16

Летал сокол по поднебесью,
Под межою черною галушку хватант.
Просилась черная галушка на волю:
— Пусти меня, ясен сокол, на волю.
— Я тогда тебя пушу, когда крылья ощиплю,
А сизые перушки в чистое поле пушу. —
Просилась Настасья у Данилы на улицу:
— Ты пусти меня, Данила, на улицу.
— Я тогда тебя пушу, когда косу расплету,
И надвое заплету.

17

Чеши-ка головушку, подруженька, гладехонько,
Плети-ка мою косу мелехонько!
В моей-то косе три ножичка булатненьких,
Обрежут твои рученьки, подруженька.
Свет ты моя честь-хвала, краса девичья коса русая!
Свет мой шелков косник² со алыми со ленточки!
Пусть-то мне свою крósоту во темны леса,
И тут-то моя краса девичья не вскрасуется,
Не вскрасуется, заплутается.
Пусть-то мне свою крósоту во чисто поле:
И тут-то моя краса девичья не вскрасуется.
Пусть-то мне свою крósоту
На любимых на подруженьков:
И тут-то моя краса девичья воскрасуется.

18

Не разливайся, мой тихий Дунай,
Не заливай зеленые луга!
В тех ли лугах есть ковыль трава,
Во той ли траве ходит белый олень,

¹ Повили́ка — трава.

² Ко́сник — девичий головной убор.

Ходит белый олень — золотые роги.
Мимо ехал да Иван сударь,
Мимо ехал да Спиридонович,
Стебнул оленьюшку плеточкой:
— Не бей меня, да Иван сударь,
Не бей меня, Спиридонович!
Ни в кое время пригожусь я тебе:
Жениться будешь — на свадьбу приду,
На двор взойду — я весь двор освечу,
В горницу взойду — всех гостей развеселю,
Да и больше всех да Марью твою,
Чтобы она меньше плакала,
Чтобы она не огорчалась.

19

Раным рано на заре
Стояли кони на дворе.
Никто коней не взлюбил,
Взлюбила коней Катенька,
Сыпала сахар вместо овса,
Становила меду вместо воды,
Отошедши кланилася:
— Пейте вы, кони, кушайте!
Мне завтра ехати
Дале, подале от батюшки,
Ближе, поближе к свекру в дом,
Дале, подале от матушки,
Ближе, поближе к свекрови в дом,
Дале, подале от девушек,
Дале, подале от красных.

20

Подружки Верушке говаривали,
Кондратьевне красные наказывали:
— Не ходи ты, Верушка, на улицу гулять!
Не играй ты, Верушка, с Никитой молодцём!
Проиграешь, Верушка, кунью шубу и себя!
— Подружки, голубушки, что вам за нужда?
Эту проиграю, так две наживу! —
Верушке подруженьки говаривали,
Кондратьевне красные наказывали:
— Не ходи, Верушка, в чисто поле гулять!

Не играй, Верушка, с Никитой молодцём!
Проиграешь, Верушка, русу косу свою!
— Подружки, голубушки, что вам за нужда?
Эту проиграю, так две¹ наживу!

21

В поле лебедушка кричала;
В тереме Лукерьюшка плакала,
В высоком Сергеевна гневалась:
— Бог судья моей матушке родимой!
Отдает меня молоду далекó,
Остаются мои цветики здесь одни:
Аленькой мой миленькой цветочек,
Сизенькой голубчик василечек!
Уставай, моя матушка, раненько,
Поливай мои цветики мокренько
Утренней, вечернёю зарею,
Сверх того горючими слезами.

22

Разудалый добрый молодец²,
Не у садика сидишь,
Не соловьюшки поют:
Поют красны девушки,
Ольгины подруженьки.
Ты слышишь ли, мóлодец?
Подари игриц не рублем, полтиною —
Золотою гривною³!
А не станешь дарить,
Мы станем корить⁴,
В глаза говорить,
А заочно бранить.

¹ После венца косу разделят надвое.

² Названа «величальной» с сопровождающим замечанием: «На случай отказа от платы за величание». Песня предназначена жениху. «Этою же песнью обыгрывают и других холостых, но только с переменою первого стиха: “Государь такой-то”» (*примечание собирателя*).

³ *Гривна* — старинная монета.

⁴ *Корить* — укорять, ругать.

На девичнике свата корят:

Все песни перепели,
 Горлушки пересохли!
 А сватушко рыжий
 По берегу рыщет,
 Хочет удавиться,
 Хочет утопиться,
 От красных девок,
 От белых лебёдок.
 Дари, дари девок!
 Дари лебёдок!
 Не станешь дарити —
 Мы пуше корити!
 — Сватушко, догадайся!
 За мошоночку¹ принимайся!
 В мошне денежка шевелится,
 К красным девушкам норовится².

Утро перед венчанием

24

Уж мать моя, матушка,
 Спалась ли тебе, матушка,
 Еще нынешняя темная ночь?
 А мне, красной девице,
 Мало спалось, много виделось:
 Будто у батюшки на широком дворе
 Стояла хоромина:
 Не покрыта, не обгорожена,
 Углы прочь отвалилися,
 По бревну все раскатилися;
 Во хоромине стол стоит,
 За столом сидит сизой орел,
 По полу ходит лебедушка,
 А по лавочкам голуби,
 По окошечкам — ласточки.
 — Ты дитя ли мое, дитятко,
 Уж я тебе сон весь рассужу,
 На словах тебе весь расскажу:
 Что пустая хоромина —

¹ *Мошо́ночка* — мошна, карман.

² *Норови́тся* (о денежке) — хочет перейти.

Чужа дальняя сторонушка;
Углы прочь отвалилися,
По бревну прочь раскатилися —
От тебя-ли, мое дитятко,
Все сродники¹ отступилися;
За столом сидит сизой орел,
Сизой орел — свекор бабушка,
Лебедушка — свекровь матушка,
Еще голуби — девери,
Еще ласточки — золовушки,
Все Ивановы сроднички,
Все Ефимовича сроднички.

25

Вы подружки, голубушки,
Мои белые лебедушки,
Вы прикройте мою голову
Вы полами, душегрейками,
Еще штофными² шубейками:
Уж как едет погубитель мой,
Уж как едет разоритель мой,
Уж как едет расплети косу.
Расплети, подруженька,
Ленту вывяжи, голубушка.

26

Долго, долго сокол не летит!
Знать, наш сокол за горы улетел!
Погодя маленько, сокол на двор.
Долго, долго Василий не едет,
Долго, долго Григорьевич не едет.
Знать, наш Василий во пиру пирует,
Знать, наш Григорьевич в беседе сидит;
Погодя маленько, Василий на двор:
Сам на коне, а сокол на руке,
Грива у коня колесом завита,
Хвост у коня — лютая змея.
По сторону пятьдесят человек,
По другую еще пятьдесят:
Ровно тут стало сто человек.
Выбирает Василий слугу верного себе:

¹ *Сродники* — родные.

² *Штофные* (шубейки) — от *штофа*, названия плотной шелковой ткани с разводами. По-видимому, речь идет о шубках, прошитых или обшитых шелком.

— Поди, мой слуга, ко Устинье во терем,
Поди, мой верный, ко Филиппьевне в высок;
Если она спит, не будите ее;
Коли так сидит, не пугайте её;
Если плачет, уймите её.

27

— Вы подруженьки, голубушки!
Вы чешите буйну голову,
Заплетите косы русыя,
Вплетайте гайтаны¹, шелковые,
Ввязывайте ленты алыя!
Выходите гулять на улицу,
И вы взойте круту гору,
Чтобы моему разлучничку
Не взойтить бы, не взъехати,
Ни коня бы за собой взвести,
Ни меня бы за себя взяти!
— Не печалься, Верушка,
Не печалься, Кондратьевна!
И я сам взойду на гору,
И коня за собой взведу,
И тебя за себя возьму!
— Вы подружки, голубушки!
Запирайте воротечки
Вы запорами железными!
Моему-то разлучничку
Не отпереть, не подумати,
Ни меня за себя взяти!
— Не печалься, Верушка,
Не печалься, Кондратьевна!
Привезу я с собой слесаря,
Отопру твои воротечки,
И тебя за себя возьму.

28

Прозвякнули недоуздки²
На дворе,
Ай ляли, али ляй ляли, на дворе.
Да и все ж это, Натальюшка,
Для тебя,

¹ *Гайтан* — тесьма, шнурок.

² *Недоуздок* — узда без удил.

Для твою, для твою, для красного
Поезда,
Для твою, для твою, для хорошего
Жениха.

29

Не леса-то ли приклоняются,
Не вода ли приливается
У батюшкина у широкого двора,
У матушкиной у новой горенки?
Не гуси ли заговорили?
Заговорили добры люди,
Сватушки приезжие,
А мои то ли разлучники.
Не вершина в избу клонится;
Идет друженько, Богу молится,
Всем добрым людям поклоняется,
Батюшке с матушкой покоряется.
— Я не знаю тебя, друженько!
Ни имя твоего, ни отчества!
Не бери-тко ты меня, друженько,
За праву меня за рученьку!
Не веди меня, друженько,
За столы то за дубовые,
За скатерти за бранья,
За яствы за сахарныя!

30

Не садись-ко, добрый молодец,
Возле меня красной девицы:
Не твое это местечко!
Уж твое-то местечко
С молодцам(и) стоять за воротами;
Уж мое ли то местечко —
У печки сидеть подле матушки!

31

Родимый батюшка,
Родимая матушка,
Или я вам, родимые, чем надоела?
Или я вас чем озлобила?
Или у вас хлеба-соли не достало?
Молоду в чужи люди отдали,
Не дали мне русой косой покрасоваться,
Девичьей воле нагуляться.

32

Не во трубушки трубят по заре, —
Свет Марьюшка плачет по русой косе:
— Коса ль моя, косынька русая!
Вечор тебя косыньку матушка плела,
Серебряным колечком матушка вила.
Приехала свашенька немилостива,
Что немилостива и нежалостива,
Начала косыньку и рвать и щипать,
И рвать и щипать, на две заплетать.

33

Не прошу я у тебя, батюшка,
Я ни злата, я ни серебра;
Уж прошу я у тебя, батюшка,
Благословеньица великого.
Уж первую я ступень ступила,
Волю батюшкину заступила;
Уж другую ступень ступила,
Негу матушкину заступила.
По лесенке, по брусчатой¹
Не шелковый клуб катается,
Не фата-то ли расстиляется?
Расстиляется руса коса
По моим могучим плечам.
У батюшки на широком дворе
Не яблонница² ли стояла,
Не яблочки ли роняла?
Уж стояла я горькая,
Ронйла горючи слезы
На матушку на сыру землю.

34

Благословлялся светёл месяц
Около ясного солнушка,
Благословлялась княгинюшка
У государя у батюшки,
У государыни матушки:
— Благослови меня, батюшка,
На цужую³ сторонушку,

¹ *Брусчатая* (лесенка) — лесенка со ступенями из досок, а не из колышков.

² *Яблонница* — яблоня.

³ *На цужую* вместо *на чужую*: здесь и далее зафиксирована особенность местного произношения — так называемое «цоканье».

Ко цужому мне батюшке
Ко цужой ли мне матушке. —
Притапелась¹ свеча воску ярого,
Перед образом долго стоючи:
Пристояла княгиня скоры ноженъки.
Перед батюшкой горько плацуци.
Благословили они девицу
На четыре на сторонушки
Хлебом-солью, Спасом-образом².

35

— Матушка! Да что в поле пыльно?
Сударыня моя! Да что в поле пыльно?
— Дитятко мое! Добры кони възгались!
Милое мое! Добры кони възгались!
— Матушка моя! Да что в поле пыльно?
Сударыня моя! Да что в поле пыльно?
— Дитятко мое! Да бояры едут!
Милое мое! Да бояры едут!
— Матушка моя! На широку улицу едут!
Сударыня моя! На широку улицу едут!
— Дитятко мое! Не бось³, не пугайся!
Милое мое! Не бось, не выдам!
— Матушка! На широкий двор взошли!
Сударыня моя! На широкий двор взошли!
— Дитятко мое! Не бось, не пугайся!
Милое мое! Не бось не выдам!
— Матушка! В нову горницу взошли!
Сударыня моя! В нову горницу взошли!
— Дитятко мое! Не бось, не пугайся
Милое мое! Не бось, не выдам!
— Матушка! За праву руку берут!
Сударыня! За праву руку берут!
— Дитятко! Да Бог с тобою!
Милое мое! Да Бог с тобою!

36

Не солнышко за лес закатилось,
Не ясное за лес закатилось:
Свет Дарьюшка с двора съезжает,
Свет Яковлевна с двора съезжает.

¹ *Притапелась* (о свече) — истопилась, стоит в истопленном воске.

² Иконой.

³ Не бойся.

Вот матушка её уваймает¹
Сударыня её уваймает:
— Ты, дитятко, ночуй, ночуй ночку!
О милое, ночуй хоть другую!
— О матушка! Рада б ночевати,
Сударыня, рада б ночевати:
Свет Петрушка за ручку берется,
Иванович за белу берется.
— О дитятко! Не бойсь, я не выдам,
О милое, не бойсь, я не выдам.
— О матушка! На крыльцо выводит,
Сударыня, на крыльцо выводит.
— О дитятко! Не бойсь, я не выдам.
О милое, не бойсь, я не выдам.
— О матушка! В коляску сажает,
Сударыня, в коляску сажает.
— О дитятко! Ступай, Бог с тобою,
О милое, ступай, Бог с тобою!

37

Шло солнушко по залесью,
Шла Аннушка по застолю,
Грякнула об стол золотые ключи:
— Сударь батюшка, тебе я теперь
Не ключница, ни ларечница.
Ключница, ларечница в чужом доме
Чужому батюшке и чужой матушке.

38

У ворот, ворот вербочка стояла,
У новых высокая.
Со двора Марьюшка съезжала,
Сломила у вербушки злот верх:
— Ты стой, моя вербушка, век без верху,
Живи, моя матушка, век без меня,
Без любимыя дочки, без Марьюшки.
Не чаяла матушка с рук меня избыть,
Избыла родимая во единый часок.

39

Разлилась-разлелеялась
По лугам вода поляя,
Унесла, улелеяла
У Петра дитя милое.

¹ *Уваймает* — унимает, ласкает, успокаивает.

Не лебедушка кричала,
Ее матушка кликала:
— Воротись, мое дитяtko,
Воротись, мое милое!
Ты забыла золотые ключи
На колечке серебряном,
На колечке серебряном
На витом позолоченом:
Как и первые ключики —
Что от саду зеленого,
А другие-то ключики —
От терема высокого,
А третьи ключики —
От ларца от кованого.
— Государыня-матушка!
Не одни ключи забыла я:
Я забыла волю батенькину,
Еще негу-то маменькину,
Ласковое слово братцово,
Желанное сестрицино.

40

По дороги пыль-то, пыль,
Но дуброве дым-то, дым.
Не ложись, бел заюшка,
При пути дороженьке:
Там ехать Викторушке,
Там ехать Никитичу;
Там ему конем топтать,
Там ему плетей стება¹.
— Да, братцы товарищи,
Ну за что меня конем топтать,
Ну за что меня плетей стება?
Не я у вас в саду бывал,
Не я у вас яблонь глодал.

41

Кудрявый повозник,
Кудрявый повозник,
Погоняй поскорее,
Чтобы я не слыхала,
Как батюшка тужит,
Тяжело вздыхает,

¹ *Стебáть* — стегать, хлестать, бить плетью.

Меня вспоминает.
Кудрявый повозник,
Погоняй поскорее,
Чтоб я не слыхала,
Как матушка плачет,
Тяжело вздыхает.

Венчание и княжий пир

42

На горе на высокой,
На красе, на великой
Стоял храм белокаменной:
Что во том во Божьем храме
Тут венчаются два отрока,
Что отрок со отрочицею —
Молодец со девицею.
Сговорила (*имя, отчество невесты*):
— Уж ты, свашенька, свашенька,
Ты крестова моя матушка,
Ты крестова моя матушка,
Ты открой покрывальшко,
Покрывальшко шелковое:
Мне не столь бы тошнёшенько,
Мне не столь бы горчешенько
Во Божьей церкви стоючись,
На главах венцы держучись!
Вы, попы, дяки духовные,
Вы, причетники церковные,
Напишите вы грамотку
Ко родителю батюшке
Не по белой бумажечке,
Не пером, не чернилами;
Напишите вы грамотку
Вы по белому бархату
Аравийским¹ красным золотом.
И запечатайте грамотку
Сургучами немецкими.
Отошлите вы грамотку
Со родимым брателком:
— Благодарствуй, батюшка,

¹ *Аравийское* (золото) — восточное, издревле ценное.

С государыней-матушкой,
Что поили, кормили меня
Вы до полного возраста,
До крепка ума-разума
И до моего суженого
И до моего ряженого,
Ивана то Ивановича.

43

У Михаила Архангела
Два голубя венчались,
Сизенькой да беленькой:
Сизенькой — Викторушка,
Беленькой — Настасьюшка.

44

Выйди, мати!
Выйди за ворота,
Ладо, выйди за ворота, ладо.
Припань¹, мати,
Припань ко дороге:
Не звенят ли подковы,
Не стучат ли колёсы?

45

Провожатые:

Мы далечо ездили,
Дородну привезли,
Чистую, речистую,
Белую, румяную,
Настасью Тимофеевну.

Домашние:

Сколь далечо ездили,
Сколь дородну привезли,
Чистую, речистую,
Белую, румяную
Настасью Тимофеевну.

¹ Припади.

46

У Дмитрия Ивановича
 Два цветочка¹ разтвели²,
 Два цветочка лазоревых:
 Да как первый цветочик —
 Василий Димитривич,
 А другой цветочик —
 Наталья Михайловна!

47

— Тысыцкой, тысыцкой, воеводский сын,
 Любишь ли, любишь ли пашеницы скирд³?
 — Как ни любить, кагды Бог зырадил?
 — Тысыцкой, воеводский сын,
 Любишь ли адонья⁴ ржи?
 — Как ни любить, кагды Бог зырадил?
 — Тысыцкой, воеводский сын,
 Любишь ли да супругу свою?
 — Как ни любить, кагды Бог сычтал⁵?

48

Дружинька хорошаньяй!

(привеи после каждого сти.а)

На дружуньке шапочка коломенковая⁶,
 На друженьке кушак⁷ шолковый,
 На друженьке коты⁸ с искрами,
 На друженьке чулки с напусками⁹,
 На друженьке кафтан сир-немецкае сукно¹⁰.

¹ Два цветочка — два цветочка.

² Расцвели.

³ Скирд — большая кладь хлеба (от 50 до 100 возов).

⁴ Адонья — одонья, круглые кладь хлеба в снопах.

⁵ Сочетал.

⁶ Коломенковая — из полосатой ткани.

⁷ Кушак — пояс.

⁸ Коты с искрами — старинные сапоги, яркой окраски.

⁹ Чулки с напусками — с излишком.

¹⁰ Сир-немецкае сукно — привозное сукно, сир — серое (?).

Не бывать бы ветрам, да повеяли,
 Не бывать бы боярам, да понаехали,
 Травушку муравушку притолочили¹,
 Гусей, лебедей поразогнали,
 Красных девушек поразослали,
 Красную Анну душу в полон взяли,
 Красную Михайловну в полон взяли.
 Стала тужить, плакати Анна душа,
 Стала тужить, плакати Михайловна,
 Стал унимать, разговаривати да Иван-то князь,
 Стал унимать, разговаривати Александрович:
 — Не плачь, не тужи, свет Анна душа,
 Не плачь, не тужи, Михайловна!
 Я тебя, Анна душа, да не силой брал,
 Я ж тебя, Михайловна, не неволею:
 Бил челом, кланялся моему батюшке,
 Бил челом, кланялся твоей матушке,
 Сняв шапку, сняв шапку соболиную,
 Распустив полы сарачинския²;
 Износил кафтан китайчатый,
 Истаскал кушак коломенчатый,
 Все до тебя, Анна душа, достапаючи,
 Все до тебя, Михайловна, достапаючи!

Береза белая,
 Береза кудрявая!
 Куда ты клонишься,
 Куда поклоняешься?
 — Я туда клонюсь,
 Туда поклоняюсь,
 Куда ветер повеет.
 — Княгиня-душенька,
 Куда ты ладишься?³
 — Туда я лажуся,
 Куда батюшка отдаёт
 С родимой матушкой.

¹ *Притолочили* (траву) — притоптали, сильно измяли.

² *Сарачинские* (полы) — из материи привезенной, восточной выделки.

³ *Ладиться* — идти замуж; вероятно, от древнего слова «ладо» — муж; часто встречается в народных песнях во многих концах России (примечание П.В. Киреевского).

51

Не шелковая ленточка к стенке льнет,
 Иван Прасковьюшку к сердечку жмет;
 Он жмет, прижимает и выспрашивает:
 — Скажи, Прасковьюшка, кто тебе из роду мил?
 — Мне мил, милешенько родной батюшко!
 — Не правда твоя, Прасковьюшка, не истинная. —
 Не шелковая ленточка к стенке льнет,
 Иван Прасковьюшку к сердцу жмет;
 Он жмет, прижимает и выспрашивает:
 — Скажи, Прасковьюшка, кто тебе из роду мил?
 — Мне мила, милешенька родная матушка!
 — Не правда твоя, Прасковьюшка, не истинная. —
 Не шелковая ленточка к стенке льнет,
 Иван Прасковьюшку к сердцу жмет;
 Он жмет, прижимает и выспрашивает:
 — Скажи, Прасковьюшка, кто тебе из роду мил?
 — Мне мил, милешенек Иван сударь!
 — Вот правда твоя, Прасковьюшка, истинная.

52

Княгиня душенька!¹
 Скажи, пожалуй, нам
 Про свою гóстейку!
 — У меня свет гóстейка,
 (Такая-то)
 Во любви пóзвана,
 Во чести посóжена²,
 Хорошо снаряжена:
 Серёжки — яхонты,
 Лицо разгорелось,
 Монисты зóлоты
 Шею огу́зили!
 — Слышишь ли, гóстейка,
 Тебе песню поём,
 Тебе честь воздаём,
 Мы хотим с тебя даров,
 Даров великих, —
 Две гривны золотом.

¹ Девушки обращаются к молодой (*примечание собирателя*).

² На почетном месте.

Бестолковый сватушко!
 По невесту ехали,
 В огород заехали,
 Пива бочку пролили,
 Всю капусту полили.
 Верее молилися:
 — Верей¹, верёюшка!
 Укажи дороженьку
 По невесту ехати! —
 — Сватушко, догадайся!
 За мошоночку принимайся! —
 В мошне денежки шевелятся,
 Они к девушкам норовятся,
 А копейка ребром становится,
 Она к девушкам норовится!

Мы нальём, мы нальём, чару вина полную,
 Поднесём, поднесём Александре Ивановне!
 Просим её, просим пожаловать, выкушать.

Обрядовые и необрядовые причитания

Помимо свадебных причитаний в фольклоре существуют однотипные виды творчества. Подобно свадебным они тоже возникали в составе обрядов, были их частью. Это относится прежде всего к *похоронным плачам*. Они часть похоронного обряда и вне его не исполнялись. Но не все виды такого творчества были изначально обрядовыми. Некоторые только *соотнесены* с обрядом. Таковы *бытовые заплачки*. Они исполнялись при разных житейских драмах и случаях. Бытовые заплачки прежде всего — выражение душевного состояния терпящих горе. При прямой соотнесенности с похоронным обрядом они исполнялись, когда поминали умерших. В памяти у родных сохранялись дорогие сердцу черты умершего — вспоминали его. Благодарность умершим составляет существенную часть содержания заплачек. Заплачки исполняли и в определенные

¹ *Верей* — воротный столб.

календарные дни, и *независимо* от обрядового обыкновения, в момент, когда чувство утраты требовало выхода. Такая заплачка облегчала душевное состояние терпящего горе. Существовали и заплачки, прямо не связанные с обрядами, их порождали бытовые несчастья, гибельные пожары, болезни, уход или отлучение близких родных из дома. Такие заплачки тоже использовали стиль, поэтику похоронных плачей, но избирательно и без связи с обрядом.

Близки к похоронным плачам и житейским заплачкам *рекрутские и солдатские причеты*, но в причетах помимо обыкновения оплакивать судьбу человека выразилось и многообразие переживаний, связанных с мыслью о тяготах и опасностях военной службы. Рекрутские и солдатские причеты — особенный отдельный вид причитаний. У них свои темы, свой круг идей и своя тональность.

Похоронный обряд полно охарактеризован знаменитым собирателем и знатоком народного быта *Е.В. Барсовым* (1836—1917) в статье «Погребальные обычаи на Севере России». В свое время она служила дополнением к собранию «Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым. Часть I. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные» (М., 1872). Сведения ученого не утратили ценности, хотя в ряде случаев на статье лежит печать увлеченного толкования фольклора как наследства общей индоевропейским народам доисторической старины. При всем том преобладают сведения об обычаях, какими они были у русских крестьян и горожан в XIX в.

Северный тип обряда во многом схож с типом оплакивания смерти у жителей всей России. Отличие касается лишь частных выражения единой мировоззренческой основы обряда. С поправками и дополнениями сведения Е.В. Барсова можно принять за характеристику обыкновений всего русского народа.

Плачи перепечатываются преимущественно из собрания Барсова, как они были записаны от прославленной вопленицы И.А. Федосовой.

Образцы бытовых заплачек приведены в записях, осуществленных другими собирателями в XX в. на Пудогге, в Пермском крае, в Новгородской, Петроградской губерниях, Амурской области.

Рекрутские и солдатские причеты представлены в наиболее выразительных и полных записях, осуществленных на русском Севере. Их публикация дополнена небольшим извлечением из статьи Е.В. Барсова «Рекрутский обряд», хотя, по оценке исследователя причеты К.В. Чистова, она «не дает четкого представления о рекрутском обряде» (примечания к «Причитаньям Северного края» Т. 2, СПб., 1997. С. 548). «Разделение его (рекрутского обряда)

на пять частей соответствует схеме любого провожания уезжающего из деревни», — отмечает К.В. Чистов (там же). Образцы причетов приведены по публикации Е.В. Барсова в записи от И.А. Федосовой.

Чтобы лучше понимать смысл и поэтику причитаний, прилагаем составленный К.В. Чистовым небольшой словарь устойчивых замен-метафор (приложение ко 2-му тому «Причитаний Северного края, собранных Е.В. Барсовым»). Словарь учитывает метафорические замены и в свадебных причитаниях.

СЛОВАРЬ УСТОЙЧИВЫХ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ЗАМЕН

- Бедна горюша* — причитывающая о себе.
Бела (тёпла) пазушка — ребенок или младший брат.
Белая лебедушка — дочь, племянница.
Боровая ягодиночка — дочь, сын.
Бурлацкая удалая головушка — брат.
Бу́ява — кладбище.
Великое желаньице — муж, сын.
Верба́ золочёная — сын, дочь.
Ветля́ная нешю́тушка — невестка, сестра мужа.
Горепáщица — вдова.
Горющица. горюша — вдова, осиротевшая дочь.
Домови́ще дубовое — гроб.
Желанная семеюшка — муж, реже — жена.
Законная (с)державушка — муж.
Законная семеюшка — муж.
Звезда подвосточная — муж, сын.
Златокры́лый ясный сокол — молодой сосед-рекрут.
Злодий супостатый — жених.
Злой разлучник — жених.
Зяблая несчастная утробушка — сын, идущий в рекруты.
Изюмная ягодиночка — сын, дочь.
Князь — жених.
Кокоша горегорькая — причитывающая о себе.
Колода белодубова — гроб.
Косата ластушка — дочь, племянница.
Красно на золоте — муж, сын.
Красно солнышко — сын, муж.
Кручинна(я) — причитывающая о себе.

Кручинная головушка — мать, тетка, сестра рекрута; вдова.
Крылатый ясный сокол — сын.
Лада милая — муж.
Лебедь белая — молодая девушка.
Лётная косата ластушка — дочь.
Любимая сдержавушка — муж.
Любимая семеюшка — муж, жена.
Любимо краснословьице — муж, сын.
Мало устроеньице — могила.
Меженьско мое солнышко — муж, сын.
Милая семеюшка — муж.
Млад (блад) отецкой сын — жених.
Мой мижёный день — отец, мать.
Надёжа — муж, сын.
Надежная головушка — муж, большак, дядя.
Надежная семеюшка — муж.
Надиюшка, надеженька — муж, большак.
Наживная головушка — муж, старший сын, большак, добытчик.
Налимна (наливна) ягодиночка — дочь, сын.
Наше милое любимо краснословьице — муж.
Невольница — невеста.
Немшёное строеньице — гроб.
Ненаглядная ты яра моя свинушка — брат двоюродный.
Новое хоромное строеньице — гроб.
Обидна — потерявшая мужа, детей.
Остудник — жених.
Остудник блад отечьской сын — жених.
Перелётны соколы — братья.
Печальная головушка — причитывающая и близкие родственники покойного; жена рекрута.
Победна, победная — причитывающая о себе, понесшая утрату.
Победная головушка — вдова, осиротевшая мать.
Позябла обиднушка — причитывающая.
Приберёгушка — муж.
Разумная надежная головушка — муж.
Родительско желаньице — сын.
Сахарна деревиночка — дочь, сын.
Сахарная изюмна ягодиночка — муж.
Свет-надёженька — муж.
Свеча воску ярова — покойник мужского рода.
Свеча нетоплёная — сын.

Свеченька топлёная — сын, племянник.
Сдовольный белый светушко — сын-рекрут.
Семеюшка — муж, жена.
Семья любимая — жена.
Сердечное велико краснословице — муж.
Сердечная сугревушка — племянница.
Сердечной доброхотинка — двоюродный брат.
Скачёная жемчужинка — сын, редко — дочь.
Соколочик златокрыленькой — сын.
Спобедна, см. победна.
Станица неудольная — дети покойного, рекрута.
Стена городóвая — муж, большак.
Талая талиночка — муж, сын.
Тёпла пазушка — мать, тетка, старшая родственница, крестная, встретилось и как обозначение покойника мужчины.

ПОХОРОННЫЙ ОБРЯД И ПЛАЧИ

Е.В. Барсов

Погребальные обычаи на Севере России

Так как настоящие плачи суть явления, существенным образом входящие в состав погребального обряда, то мы находим уместным приложить здесь сведения о прочих похоронных обычаях, собранные нами по преимуществу в тех местах, где записаны издаваемые причитания. С одной стороны, эти обычаи во многом объясняют смысл самих причитаний и указывают бытующую действительность в таких словах и оборотах, которые легко принять лишь за поэтические образы; с другой — восполняя причитания, они могут способствовать более отчетливому и точному воспроизведению народных доисторических воззрений на смерть и загробную судьбу человека.

Потребность человека предугадывать свое будущее и страх его за свое настоящее существование, особенно в период детского отношения к природе, послужили широкой основой для суеверных примет и догадок относительно приближения смерти; наблюдая обстоятельства, при которых повторялись смертные случаи, младенческая мудрость народная под влиянием страха спешила возвести эти

обстоятельства в недобрые предзнаменования; впрочем, нет причин отвергать и того, что некоторые из подобных примет имеют и действительное для себя основание или в естественном соотношении органических явлений, или в инстинкте хищных животных, которые, как бы предчувствуя свою добычу, могут приближаться к живо начинающему разлагаться организму.

Кроме вóрона, который в самих причитаниях является предвестником смерти, подобные приметы относятся к разным вещам и явлениям, особенно в области животного и растительного царства. Падает звезда, виднеется огонь на кладбище, буря воеет и срывает с домов крышу, свечка горит в лесу¹, стол трещит², балка скрипит, кузнечики куют, филин или сова-птица садится на церковь или избу, ласточка влетит в дом³, петух поет после полудня с поникшей головой, курица поет петухом, собака воеет перед домом или яму роет под большим углом⁴, от больного кошки не отходит или лежит под столом кверху ногами⁵, мышь по человеку пробежит⁶, гнус в одежде дыру проест⁷, свинья солому со двора выносит, дерево падет и переломится⁸, на полосе или недоростки — пустые места, или хлеб небывалый⁹, печется каравай и внутри его образуется трещина, в масле образуется ямка или ложка застывает горбом — все это предвестники того, что «жалимой в роду помрет»; если петух запоет на вечерней заре, говорят: «Пой над своей головой», и при этом шупают его ноги: когда они холодны — непременно будет покойник; тоже, когда дети во время похорон копают ямку; если на новом мху, т. е. в новом доме, один помрет скоро, то и все; при переходе на новый мох полагают мякушку¹⁰ в передний угол и приносят петуха: если он запоет при этом или уронит мякушку и она покатится к дверям, то это значит, кто-нибудь скоро должен умереть;

¹ В Заонежье. *Далее все неоговоренные ссылки принадлежат Е.В. Барсову.*

² В Вытегорском уезде.

³ В Заонежье.

⁴ В Важинах.

⁵ В Важинах.

⁶ В Андоме Вытегорского уезда.

⁷ В Заонежье.

⁸ В Заонежье.

⁹ В Якшоморецком погосте.

¹⁰ *Мякушка* — лепешка (Ред.).

как скоро курица начинает петь петухом, стараются тотчас же отрубить ей голову; если слышится на сарае стук или движение¹, или является дворовик² — не перед добром: умрет или скотина, или человек. Домовик или, как называют здесь, «хозяин» также иногда дает знать о подобном несчастье: он тогда или наваливается на кого-нибудь из домашних ночью, или же показывается кому-нибудь днем. Если кто спит и глаза полы³ или у кого во снях (*во снах*) зуб выпадает⁴, волосы с головы съехали⁵, или кто спит — голова за подушку — все это к смертным случаям; если умирающий по имени зовет кого-нибудь к себе или в минуту смерти обращается лицом на комнату; когда тешут доски для гроба и одна из них расколется, — все это знак, что будет еще покойник; если у жениха и невесты во время венчания свечи горят неровно и одна свеча остается короче другой, это значит, что скоро умрет жених или невеста⁶; тоже — если чья-нибудь свеча вдруг загаснет во время венца⁷. Указав на предзнаменования смерти, перейдем к описанию самих обрядов.

Как скоро замечают, что человек умирает, тотчас же ставят на окне чашку с водой; если вода колышется, говорят: «Душенька моется».

Между тем дают знать о том всем родственникам, пишут письма или посылают нарочных «вестовых пешеходов», которые и заявляют о случившемся в обычных оборотах: «такого-то в живых нет», «такого-то Бог убрал»; «такой-то жить приказал — много кланяться»; вместе с тем приглашают «на последнее прощенье и на помин души».

В доме покойника тотчас же по его смерти начинается «обрядение». Для смывания мертвого тела приглашаются «старушки стародревние» и для делания гроба — «плотнички-работнички».

Гроб у суисар и заонежан называется «домовищем»; устраивается он из сухих досок — обыкновенно в виде продолговатого ящика; в некоторых приходах, как-то: Сямозерском, Бадобах и др., по сторонам этого ящика устраивают отверстия, и в них вставляют

¹ В Якшоморецком погосте.

² В Заонежье. *Дворовик* — живущий во дворе, покровитель скотины (*Ред.*).

³ *Полы* — не закрыты (*Ред.*).

⁴ В Пиркинском погосте.

⁵ В Заонежье.

⁶ В Шуезере.

⁷ В Заонежье.

стекла так, чтобы эти оконца приходились против плеч покойника; в иных местах стекла кладут в самый гроб, не делая по сторонам его отверстий. В некоторых приходах уездов Лодейнопольского, Повенецкого и Каргопольского (например, Локшморецком) гробы имеют другую форму; здесь делают их в виде колоды и выдалбливают из большой осины или сосны и также полагают сюда небольшой кусочек стекла. Щепки и стружки от гроба бросают в озеро или возят в лес.

Моют покойника обыкновенно теплой водой на соломе, против трубы, из глиняной посуды, натирая его мылом два раза; во время мытья в некоторых местах (например, в Кондушях) у покойниц стригут волосы и кладут их в гроб.

Мыло затем бросают в реку и туда же выливают воду; иногда, впрочем, оставляют их для особых целей: водой, например, пользуются колдуны для порчи новобрачных; говорят, если напоить человека этой водой, то он будет чахнуть; мыло же употребляют против лихорадки.

По омовении покойника одевают. Есть обычай еще перед смертью спрашивать умирающего, во что он прикажет одеть себя; в разных местах готовят разную покриту для покойников: в Петрозаводском, Олонецком и Повенецком уездах надевают белые сапоги или башмаки, шитые одной дратвой, рубаху с поясом и костяным гребешком; сверху — белый балахон с кушаком; покрывалом служит холст; в Каргопольском же уезде во многих приходах сверх холщовой рубашки одевают саван; сверх того надевается всегда крест на шерстяной нитке, а на раскольника — сверх того — четки. Когда готовят покриту¹ для мертвеца, тогда шьют наизнанку, то есть не к себе направляясь острием иглы, а от себя.

Затем на лавку в переднем углу стелят солому и полагают сюда умершего, головой к иконам; глаза закрывают медными деньгами; пока он остается в избе, соблюдается тишина и сдержанность; избы в это время не метут или метут, направляя сор к покойнику, чтобы другие не умерли; часто курят избу ладаном. По переложении в гроб, где есть часовня, выносят умершего туда, а где нет часовни, например в Андоме, выносят в другую избу.

В Кореле покойника берут при этом не голыми руками, а в рукавицах; вместо постели полагают листья, набруснутые² с веников; ими же набивается подушка; по переложении в гроб, на то место,

¹ *Покрúта* — одеяние (Ред.).

² *Набрúснутые* — взятые, набранные (Ред.).

где лежал покойник, в Сямозере полагают квашню, в Верховье — полено, у Суисар — камень, в Кузаранде — ухват и квашню.

Замечательно, что в Индии до сих пор соблюдается также обряд «положения камня близ мертвого тела»; смысл этого обряда виден из тех слов, которые читает при этом брамин:

Живых ради кладу я эту преграду,
Да никто не преступит ее;
Сто лет проживете вы,
Камнем ограждая себя от смерти.

(*Стих. Веды X, 10, 4*)¹

В самый гроб кладут разные предметы; например, в Каргопольском уезде, в Нименском приходе кладут хлеб; в Брусном Петрозаводского уезда — пироги², в Верховье Олонецкого уезда в гробы женщин кладут иголку, для того, говорят, чтобы могла она починить на том свете, что оборвется; если кто умрет на Пасхе, в руку покойника кладут яйцо. В некоторых местах туда же вливают масло. В Свирском монастыре при переделке старой церкви рабочие между прочим откопали гроб, в котором нашли скляницу водки; сейчас же распилили ее; водка оказалась так крепка, что они тут же растянулись и проснулись только на другой день. Кладут также в гроб обрезанные ногти, если покойный собирал их: это делается обыкновенно в убеждении, что придется на том свете подниматься на стеклянную гору.

При выносе в Замошье Вытегорского уезда родные подходят под гроб; затем все кланяются, прощаются у покойника. На вынос собирается обыкновенно вся деревня. При этом хозяйка дома берет «версливый»³ камень, который лежал на лавке или даже в изголовье у покойника, и, обошедши с ним вокруг гроба, полагает его в большой угол под образа⁴. В других местах Петрозаводского уезда этот камень кидают на улицу вслед за покойником, чтобы, как выражаются, «достальные⁵ живы были». С этой же целью при выносе плещут водой по тем местам, где несли покойника; стараются таким

¹ См. статью Макса Мюллера «Die Totenbestattung bei den Brahmanen», помещенную в издании: Zeitschrift der Deutechen morgenländischen Gesellschaft. 1855. 4. IX.

² Один из моих учеников, Павел Сперанцев, бывши в гостях у своего дедушки — священника Архангельского, видел, как однажды дурно сколоченный гроб развалился и вместе с покойником из него вывалились пироги.

³ Круглый.

⁴ Сообщил Михайловский.

⁵ *Достальные* — здесь: оставшиеся жить (*Ред.*).

образом смыть следы смерти, запахать дорогу мертвеца и навсегда воспрепятствовать ей вход в живую семью.

Вынос бывает обыкновенно из дверей избы, по лестнице, но бывают случаи, когда выносят мертвеца прямо чрез окно; так, например, было в Чимкиничах. Ученик мой Гедевский, передавший мне это известие, сам видел, как выняли раму из окна и одни из бывших в избе подняли покойника, а другие, бывшие на улице, приняли его и затем повезли на погост; окна дома остались открытыми. В Малороссии же, неизвестно почему, когда выносят покойника из избы, стараются, напротив, как можно скорее затворять дверь, пока не отнесут его подалее.

Если дорогой лошадь останавливается, заключают, что покойник не едет на погост; при этом смотрят, не в спячке ли он. Везут обыкновенно той дорогой, которая ближе к кладбищу; по дороге останавливаются на местах, знакомых покойнику, заносят его даже в сторону и оплакивают разлуку его с этими местами. Замечательно, что в некоторых селениях Пермской и Тверской губерний при похоронах взрослых девиц подруги ее, провожая, поют свадебные и подвенечные песни¹.

По приезде к кладбищу лошадь распрягается; оглобли отвертываются. При возвращении назад (в Кондушах, например) извозчик садится верхом; тотчас по приезде домой (в Андоме Вытегорского уезда) дровни опускают в воду и оглобли точно так же отвертываются. Погребают непременно до захода солнца...

При этом бросают в могилу деньги, чтобы окупить место; если в могиле окажется рядом другой покойник, то и ему кидают грош, чтобы уступил место; есть и другое объяснение этого обычая; говорят, что деньги нужны покойнику на перевоз чрез огненную реку, которую придется ему переезжать, или же на свободный проход по мытарствам.

На могиле делается холм; ставится крест или садится какое-нибудь дерево; а если покойного считали колдуном, то могилу его забивают клиньями. У суисар, например, все кладбище обросло дубравой: травой и лесом. На некоторых могилах устраивают домики с кровлей и окнами: такие домики я видел в детстве и в Новгородской губернии, именно в Череповском уезде, например у Пречистой в Андоге. По возвращении с погоста, при входе в дом все, участвовавшие в обряде, касаются рукою печки; обычай, доныне наблюдаемый также в Индии.

¹ Сообщила Марья Савельевна Сковронская.

День похорон сопровождается обедом; у корелов этот день называется черным днем (Мустейзет). Почетные гости — церковники; во время обеда в Лодейнопольском уезде оставляют праздное место за столом в большом углу; ложку кладут под скатерть, а хлеб поверх скатерти. В других местах выливают на стол ложку всякого кушанья. В Пиркинском погосте умирающие сами завещают, чем их помянуть; в Андоме пекут небольшие крестики из теста¹; в Сязозере поминают квасом; в Андоме — сушлом² из репы; в Каргополе — горохом и яйцами; в Бадогах — мед льют на могилу³, в Кузринском — оладьями, хлебом; в Кореле — рыбой, репой и т. п. В Петрозаводске при посещении кладбища оставляют там скорлупу, в Лодейнопольском уезде — часть самого яйца.

В Череповском уезде, в Андоге, поминают яичными блинами; в Логинове — пряженниками. Особенно замечательны бывают поминки в 40-й день; в этот срок состоятельные люди большею частью заказывают обедню и приглашают церковников на помин души; иногда дело обходится без обедни; все родственники выходят из избы навстречу священнику с полною верою, что вместе с ним едет и покойник; если священник приезжает накануне поминок, то рядом с его постелью стелется постель и для незримого гостя-покойника (в Брусном Петрозаводского уезда). Во время обеда оставляется для него особое пустое место за столом в переднем углу — с особым прибором; при этом заявляют, какое было любимое кушанье покойника. Пред киселем обыкновенно поется малая лития, но еще прежде все обедавшие, за исключением причта, берут кисель и выходят из дому за деревню на ту дорогу, по которой несен был на погост покойный; обряд этот называется «проводины покойника» (в Лодейнопольском уезде), вся процессия за деревней останавливается и кланяется на погост; затем возвращается домой, где отправляется лития и обед кончается. В Видлицком погосте (Олонецкого уезда) к поминальному дню готовят особые хлебцы на каждого из поминаемых при этом родственников, и над каждым хлебцем поется отдельная панихида. В Кореле лишь только завидят, что священник приближается к дому, вынимают из окна раму и вывешивают полотенце с узорами — в силу верования, что мертвые входят в дом не дверьми, а чрез окно; обычай вывешивать кусок полотна за окно — или к наружному, переднему углу — на 40 дней по смерти кого-нибудь в доме повсеместен и в Новгород-

¹ Сообщил Иконников.

² *Сўсло* — сладковатый навар (*Ред.*).

³ Сообщил Анатолий Казанский.

ской губернии. Как скоро священник приближается к крыльцу — в Кореле вместе с родственниками умершего его встречают плакальщицы, которых собирается очень много: все они бросаются священнику в ноги и просят его войти в дом; начинается обед; для умершего стол с прибором и кушаньями ставится на печке; говорят, что покойник в продолжение сорока дней, находясь в холодной стране, успел уже позастыть, и потому готовится ему стол на печке, чтобы он хотя несколько успел пообогреться (в Лодейнопольском уезде); как скоро подается первое блюдо, вопленицы начинают плакать; сначала причитывают священнику и церковникам, потом родственникам, соседям и посторонним присутствующим; ходят по избе, кланяются во все четыре угла и причитывают во всех местах, где сидел, лежал и ходил покойник; затем выходят на сарай, двор, идут на поля, если они близко, и также кланяются и приплакивают. То же повторяется после второго и третьего кушанья; после каждого — вопленицы меняются; провожают священника со слезами и приплачками: веруют, что вместе с ним и покойник возвращается на кладбище.

Вспомним здесь обычай сопровождать покойника калачом, наблюдаемый, как известно, в Кишиневе; калач этот после похорон съедается церковным причтом; гости, приглашенные на похоронный обед, находят у своих приборов также по калачу, который они обязаны съесть за обедом или взять домой; оставить калач значит обидеть родственников умершего, так как это принимается за нежелание помянуть покойного; в 3-й, 9-й и 40-й день повторяется та же история с калачами; иногда вместо одного огромного калача в похоронной процессии несут корыто, наполненное маленькими калачами; в один из них втыкается ветка с привязанными к ней плодами или ягодами (Современные известия. 1870. № 335).

Интересны приметы относительно того — присутствовал ли умерший на поминках или нет. В Сязозерском приходе, где ставят стол с кушаньями на печку, смотрят потом, мокрая осталась ложка или сухая. В некоторых местах Лодейнопольского уезда, чтобы увидеть умершего за столом в 40-й день, заранее забираются на печку и оттуда смотрят за стол через хомут¹. В Ежесельге в это время носят маленьких детей около стола и спрашивают, видят ли они тату, дядю, тетю и т. п. Если дети повторяют последние слова, то значит,

¹ Г. Михайловский сообщил мне, что у них в приходе для той цели один из близких родственников покойного забирается на печку и, одевшись в шубу левой стороной вверх, смотрит оттуда сквозь решето на место, приготовленное для покойника, впрочем, так, чтобы это было незаметно для присутствующих за столом. Если увидит покойника, это хороший знак; значит, родственники хорошо молились за него.

они видят незримого гостя. Если для покойника постлана была накануне постель, то смотрят на другой день, измята она или нет.

Не можем не записать здесь, для сравнения, обряд, соблюдаемый на поминках у мордвы в Городищенском и Краснослободском уездах Пензенской губернии. Перед днем, назначенным для поминок, главою семейства созывается в дом все родство — и ближнее, и дальнее; приходящие приносят с собою — кто пироги, кто кашу, кто брагу, кто водку. За столом между тем в переднем углу раскидывается перина — и на ней любимое платье покойника. Все собравшиеся молятся и ждут умершего на приготовленный пир — но он не является. «Что же делать?» — говорят одни. — «Да надо ехать за ним, — отвечают другие, — а то ведь осердится!» Как скоро занимается заря, один из любимцев покойника отправляется на могилу и зовет мертвеца в гости. По возвращении он принимает на себя вид покойника, входит в избу, кланяется на все стороны и садится на перину, за столом; с этой минуты он делается предметом глубокого уважения со стороны всех присутствующих; старухи подходят к нему с земными поклонами и спрашивают: хорошо ли жить на том свете, не видал ли он таких-то и таких-то родственников, как они живут... на все подобные вопросы мнимый покойник отвечает утвердительно или отрицательно¹.

Поминовенье умерших повторяется накануне мясного заговенья перед масленицей, но особенные обычаи наблюдаются только около Троицына и Ильина дня.

В Олонецкой губернии около этих праздников совершается обряд заклания «завиченных» животных: быка² или белого барашка³. По окончании общего столованья, за которым съедается жертва, начинается столованье частное; расстилают скатерти на могилах и при этом поминают умерших кто чем может⁴. Подобный же обычай заклания жертвы и поминовения наблюдается у мордвы — в Пензенской губернии, Городищенском уезде, и он-то именно подал повод Пензенской консистории обвинять в идолопоклонстве жителей деревни Вязовки в 1826 году.

Чтобы не бояться покойников, для этого наблюдают также известные обычаи: шупают, например, пятки у покойника, при прощании целуют его покрепче; когда везут на кладбище, смотрят

¹ См.: Дело Пензенской консистории об идолопоклонстве жителей деревни Вязовки, 1826 г.; Так же: Пензенские Епархиальные ведомости. 1870. № 16.

² В Канакшавском приходе.

³ У сунсар.

⁴ См. мою статью в Памятной книжке Олонецкой губернии за 1867 г.

из-под дровень на ноги лошади, везущей мертвеца; по возвращении же с кладбища — касаются пальцами домашней печки. Если он все-таки начинает беспокоить привидениями, то на Свири прогоняют его уздой.

Когда человек умирает без покаяния, родственники умершего кланяются в ноги всякому, приходящему в церковь, а иногда и всякому, с кем только придется встретиться в течение 2-х или 3-х недель; и при этом просят прощения грехов умершего; это делается под влиянием верования, что грехи умершего переносятся на живых, именно на тех, кои участвуют при отпевании или которым вообще будут кланяться его родственники.

Замечательно, что в некоторых приходах Каргопольского уезда совсем нет обычая поминовения; сложилась даже пословица: «Мертвой костью не шевели». У суисар также кутьи не бывает, поминают редко и в церковь приносят одну мякушку.

Об умерших детях обыкновенно говорят: «Погибла невинная душенька». Выкидышей, некрещеных хоронят за оградой — в болоте; но бывали случаи, что их зарывали в подизбище¹. Самоубийц в Воезерском погосте Каргопольского уезда зарывали в 5-ти верстах от церкви; проходящие обыкновенно кладут здесь камни или палки; когда последних наберется много, их сожигают². Удавившихся в Андоме зарывают на горе между елями, поворачивая их лицом в землю.

Плач вдовы по муже

Укатилось красное солнышко
За горы оно да за высокие,
За лесушка оно да за дремучии,
За облачка оно да за ходячии,
За часты звезды да подвосточные!
Покидат меня, победную головушку,
Со стадушком оно да со детиною³,
Оставляют меня, горюшу горегорькую,
Навеки-то меня да вековечный!
Нéкак рóстить-то сиротных мне-ка детушек.
Будут пó миру оны да ведь скитатися,

¹ Подизбище — подполье (Ред.).

² Сообщил Лев Малиновский.

³ Детина — употреблено здесь в смысле собирательном. (Здесь и далее примечания Е.В. Барсова. Редакционные — оговорены). «Со множеством детей» — пояснение К.В. Чистова (Ред.).

По подбóкнюю оны да столыпатися¹,
Будет уличка ходить да не широкая,
Путь-дороженька вот им да не торнёшенька²
Без свóего родителя, без батюшка!
Призвуются-то буйны на них ветрушки,
И набаются-то³ добры про них людюшки,
Што ведь вольныи дети безунённыи,
Не храбры да сыновья растут безотнии,
Не красны да слывут дочери у матушки⁴!
Глупо сделали, сиротны малы детушки,
Мы проглупали родительско желаньице,
Допустили эту скорую смерётушку!
Мы не заперли новых сеней решётчатых,
Не задвинули стекольчатых околенок,
У ворот да мы не ставили приворотщицков,
У дубовых дверей да сторожателей,
Не сидели мы у трудной у постелюшки,
У тяжела, крута-складного зголовьица,
Не глядели про запас мы на родителя-на батюшка,
Как душа да с белых грудей выходила,
Оци ясныи с белым светом прощалися!
Подходила тут скоряя смерётушка,
Она крадчи⁵ шла, злодейка-душегубица,
По крылечку ли она да молодой женой,
По новым ли шла сеням да красной девушкой
Аль калекой она шла да перехожею,
Со синя ли моря шла да все голодная;
Со чиста ли поля шла да ведь холодная;
У дубовых дверей да не стуцялася,
У окошечка ведь смерть да не давалася⁶;
Потихошеньку она да подходила,
И черным вороном в окошко залетела.
Мы проглупали, сиротны малы детушки,
Отпустили мы великое желаньице!
Кабы видели злодйиную смерётушку,
Мы бы ставили столы да ей дубовыи,

¹ Толпами бродить.

² *Не торнёшенька* (дорога) — не удобная для ходьбы, не утоптанная (*Ред.*).

³ *Наба́ются* — наговорятся, будут много говорить (*Ред.*).

⁴ Смысл: дети-сироты, растущие без отца, слывут не храбрыми, не красивыми (*Ред.*).

⁵ Крадучись.

⁶ То есть не просилась.

Мы бы слали скатерти да тонкобранные¹,
Положили бы ей вилки золочёные,
Положили б востры ножички булатнии,
Нанесли бы всяких естувшек сахарניים,
Наливали бы ей питьица медвяного,
Мы садили бы тут скорую смерётушку
Как за этии столы да за дубовыи,
Как на этии на стульица кленовыи,
Отходящи² бы ей низко поклонялися,
И ласково бы ей тут говорили:
«Ай же, ведь скорая смерётушка,
От Господа Распятого, знать, создана,
От Бладыки³ на сыру, знать, землю послана
За бурлацкими⁴ удалыма головушкам?
Ты возьми, злодей-скорая смерётушка,
Не жалею я гулярна⁵ цветна платьица;
Ты жемчужную возьми мою подвѣсточку⁶,
С сундука подам платочки левантеровы⁷,
Со двора возьми любимую скотинушку!
Я со стойлы-то даю да коня доброго,
Со гвоздя даю те ўздицу тесмяную⁸,
Я седёлышко дарю тие черкасское⁹,
Золотой казны даю тие по надобью!
Не бери столько¹⁰ надежной головушки,
Не сироть столько сиротных малых детушек,
Не слези меня, победной головушки!»
Отвечала злодей-скорая смерётушка:
«Я не ем, не пью в домах да ведь крестьянских!
Мне не надобно любимой скотинушки,
Мне со стойлы-то не надо коня доброго,
Мне не надо злотой казны бессчётной.

¹ Вышивные, узорчатые.

² Отходя (*Ред.*).

³ То есть Владыки.

⁴ *Бурлацкие* (головушки) — рабочие, отходники (*Ред.*).

⁵ *Гулярное* — праздничное платье (*Ред.*).

⁶ *Подвѣсточка* — серьги (*Ред.*).

⁷ *Вместо левантиновые* (шелковые. — *Ред.*).

⁸ Из тесьмы (*Ред.*).

⁹ *Черкасское* (седло) — лучшее, как у кавказских наездников (*Ред.*).

¹⁰ Только (*Ред.*).

Не за тым я у Бладыки-Света¹ послана!
Я беру, да злодей-скорая смерётушка,
Я удалые бурлацкие головушки;
Я не брезгую ведь, смерть да душегубица,
Я не нищим ведь есть, да не прохожим,
Я не бедным не брезгую убогим».
Тут спрөговорит вдова благочесливая:
«Видно нет того на свете да не водится,
Што ведь мертвый с погоста не воротится;
Хоть не дальняя дорожка — безызвестная,
Не лесныи перелески — мутарсливыи².
Глупо сделали, сиротны малы детушки,
Не сходили мы во улички рядовые,
Не дошли да мы до лавочки торговые,
Не купили лист бумаженьки гербовые³,
Не взыскали⁴ писарёв да хитромудрых,
Не списали мы родителя-то батюшка
На потрет⁵ да его бело это личушко,
На эту на гербовую бумаженьку,
Его желты бы завивныи кудёрышки,
Его ясно развеселое бы личушко,
Прелестны бы, учтивыи словечушки,
Велико бы родительско желаньицо!
Как подро́стать станут сиротны малы детушки,
По сеням да станут детушки похаживать,
Из окошечка в окошечко поглядывать,
На широкую на уличку посматривать,
Приходить стане(т) разливно красна вёснушка,
Повы́тают снежочки со чистá поля,
Повынесе(т) ледочки со синя моря;
Как вода со льдом ведь есть да поразойдется,
Быстры риченьки с гор да поразольются,
Протекут да ведь мелки малы риченьки
Во это в океян-да сине морюшко!
Как пойдут наши суседи спорядовыи⁶
На трудну на крестьянскую работушку.

¹ У Бладыки-Света — у Бога (Ред.).

² То есть мытарственные.

³ Лист бумаженьки гербовые — лист бумаги, на которой пишут распоряжения; здесь — лучшая (Ред.).

⁴ Не нашли (Ред.).

⁵ На портрет (Ред.).

⁶ Спорядовые, спорядные — соседние, живущие на одной улице-порядке (Ред.).

Будут пахари на чистых на полюшках,
Севчй да на распашистых полосушках.
Малы детушки на мать станут поглядывать,
Сироту да меня, вдовушку, выпрашивать:
«Ты послушай, сирота же вдова-матушка!
Уже где да есть родитель-то наш батюшка?»
Тут я б выняла гербовый лист-бумаженьку,
Показала бы сердечным малым детушкам!
Еще скажут-то сиротны малы детушки:
«Кто же по́йде на распашисты полосушки?
Как у нас, да ведь родитель наша матушка,
Нету пахаря на чистых полосушках,
Сенокосца на луговых нету поженках,
Рыболовушка на синем нет Онегушке!»
Тут я спáхнуся¹, кручинна вся головушка,
За свою да за надежную сдержавушку,
Ушибать стане(т) великая тоскичушка,
Унывать стане(т) ретливое сердечушко:
«Да как растить-то сиротных малых детушек?»

Обращаясь к соседям, вдова падает им в ноги и продолжает:

Поклоню да свою буйную головушку,
Покорю свое печальное сердечушко
Я со этой вышины да до сырой земли
Своим милым спорядовым суседушкам:
«Не откиньте-тко вдову вы бесприютную,
Со обидныма, сиротныма детушкам,
Да вы грубым словечком не обидьте-тось,
Да вы бóльным ударом не ударьте-тось!
Как пойдут мои сиротныи к вам детушки
По вашему крыльцу да по перёному,
Не запирайте-тко новых сеней решётчатых,
Допустите в тепловито свое гнездышко,
Ко дверям да вы на двёрную на лавочку²,
Да вы милостину им тут сотворите-тко
Сиротам моим несчастным малым детушкам,
Вы на добрыи дела их научите-тось!»
Как допреж сего, до этой поры-времечка
Была в живности любимая семеюшка³,

¹ Спыхвачусь.

² Лавка у дверей, предназначенная для нищих и бедняков (Ред.).

³ Был живым муж (Ред.).

Маломощному соседу не корилася¹,
Была гордая ведь я да непоклонная,
Я с соседями была да несговорная.
Не начаяла я горя, не надиялась,
Што разлукушки с законной со державушкой²,
Што останусь, сирота-вдова несчастная,
Я со этой станицей неудольной³,
Со малыма, сердечныма детушкам!
Как жила я с надежной головушкой,
Была счастлива ведь я да все таланная⁴.
Вдруг, знать, счастье-то соседы обзавидали,
Добры людюшки меня да приоббаяли⁵,
Черны вороны талан⁶, знать, приограляли,
Видно, участь ту собаки приоббаяли!
Как по моему великому несчастью
Тут проклятая злодейка бесталанница
Впереди меня, злодейка, уродилася,
Впереди меня в купели окрестилася!
Как жила я у желанных родителей
Во своем да я прекрасном девичестве,
Изнавешена была я цветным платьицом,
Изнасажена была я скатным жемчугом!
Мои милыи, желанныи родители
Тут повыбрали судимую⁷ сторонушку,
Мне по разуму блада⁸ сына отецьского;
Отпущали на судиму как сторонушку;
Отдавали за блада сына отецьского —
Знать, не участью-таланом награждали,
Знать, великиим несчастьем наделяли!
Уж как это зло-великое несчастью
Впереди меня, злодейно, снаряжалася,
На судимую сторонушку справлялося,
Во большом углу несчастью садилася,

¹ Смысл: не жаловалась, не спорила (Ред.).

² С умершим мужем (Ред.).

³ Несчастной (примечание Е.В. Барсова). Со станицей — с детьми (Ред.).

⁴ Таланная — удачливая (Ред.).

⁵ От багать — говорить; здесь: оговорили (Ред.).

⁶ Талан — счастье, судьба (Ред.).

⁷ Судимая — предназначенная судьбой (Ред.).

⁸ Блада — молодого (Ред.).

Впереди да шло несчастье ясным соколом,
Позади оно летело черным вороном!
Впереди оно, несчастье, не укатится,
Позади оно, злодейно, не останется,
Посторонь оно, злодейно, не отшатится!
Кругом-около несчастье обстолпилосся,
Всем беремечком¹, злодейно, ухватилося,
За могучий оно да мои плечушки...

При выносе покойника вдова вопит:

Не спешите-тось, спорядныи суседушки,
Вы нести мою надежную семеюшку
Со этого хоромного строеньица!
Ты прощайся-ко, надежная головушка,
С этим добрым хоромным строеньицем,
Со малыма сердечныма детушкам;
Ты со этой-то деревней садовитою,
Ты со волостью этой красовитою,
Ты со этыма спорядныма суседушкам!
Вы простите, спорядовы вси суседушки,
Мою милую, надежную семеюшку,
Вы любимую законную сдержавушку
Во всех тяжких его да прегрешеньицах
Со светным его да все живленьицом².
Вы не спомните, спорядныи суседушки,
Уж вы злом его не спомните-тко, лихостью!

*Затем, обратившись ко вдове-соседке, если она бывает
при этом, продолжает:*

Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
На тебя смотрю, спорядную суседушку,
На тебя да я, вдову благочесливую,
Отдали ходишь, суседушка, туляешься³,
Со мной на речи, победнушка, не ставишься,
На сговор со мной, печальна, не сдаваешься.
Видно, в живности надежная головушка,
Ты в прохладной живешь да, видно, жирушке!

¹ Беремя — сила, тяжесть (Ред.).

² Житьем-живленьицем.

³ Хоронишься.

А если есть дети — прибавляет:

Знать, не ростишь ты сиротных малых детушек,
Видно, нет в сердче¹ великой кручинушки,
Нет обидушки в ретливом², знать, сердечушке!
Не попустишь ты, суседушка, зычён голос,
Ни умильного, складного причитаньица.
Знать, боишься ты великова несчастьица,
Уж какого е³ злодейна бесталаньица!
Знаю-ведаю, кручинная головушка,
Про твое да горегорькое живленьице⁴:
Ведь ты ростишь-то сиротных также детушек,
Во маётной, во бобыльской ростишь жирушке⁵!
Не одны родители хотя нас отродили,
Одним участью-таланом наделили.
Да ты слушай же, несчастная суседушка,
Хоть головушка твоя да безначальная,
Сердечушко твое да беспечальное!
Мы с тобой, да свет спорядная суседушка,
Во несчастный день во пятницу⁶ засияны,
В бесталаный день во сёреду вспорожены⁷;
Как во ту пору родитель спородила,
Когда кузнецы во кузницах стояли,
Часовьи на часы да прибиралися,
Как булат-это железо разжигали,
Как железны эти обручи ковали
На наши на несчастные сердечушка,
На нашу на победную утробушку⁸!
Да ты слушай же, горюша неприютная,
Кабы знала ты, спорядная суседушка,
Про мою да про велику бы незгодушку,
Про эту бы несносную обидушку!
Как сегодняшним Господним Божьим дёнечком

¹ В сердце (*Ред.*).

² В ретливом (сердце) — в ретивом (*Ред.*).

³ Есть (*Ред.*).

⁴ Живленьеице — житье (*Ред.*).

⁵ Во жирушке — в жизни (*Ред.*).

⁶ Пятница — о еженедельном посте, когда брачные отношения супругов считались грехом (как и в среду: см. далее) (*Ред.*).

⁷ Вспорожены — рождены (*Ред.*).

⁸ Смысл: кузнецы сковали обручи — несчастную долю (*Ред.*).

Без воды да резвы ножки подмывает,
Без огня мое сердечко разгоряется,
Ум за разум у несчастной забегает,
Буйна глова без ветрышка шатается!

Если станут унимать, вдова вопит:

Дайте волюшку, спорядныи суседушки!
Не жалейте-тко печальной горюшицы,
Не могу терпеть, победная головушка,
Как долйт тоска-великая тоскичушка!¹
Со кручинушки смерётушка не прїдет,
Со кручинушки душа с грудей не выдет,
Мое личушко ведь есть да не бумажное!
День ко вечеру теперь да коротается,
Леса к зéни-то² теперь да приклоняются,
Красно солнышко ко западу двигáется,
В путь-дороженьку надéжа снаряжается,
Сирота-бедна вдова да оставляется
Со бессчётною со станицей детиною³.
Подойдите-тко, сиротны малы детушки,
Вы ко этой колоде белодубовой,
Вы ко спáцливу⁴ родителю ко батюшку,
Вы спросите про великое желаньицо,
Вам ведь в ком искать великого желаньица
И ласковых прелестных словечушек?
Уже так мне-ка, победной, тошнёшинько:
Путь-дорожинька топерь да коротается,
Вси отцы-попы духовныи собираются,
Оны Божии-то церкви отпирают,
Оны Божии-то книги отмыкают,
Воску ярого свечи⁵ да затопляются,
Херувимский стихи тут запеваются.

Соседка отвопливает:

Ты послушай же, спорядная суседушка,
Што ведь я скажу, кручинная головушка!
Тебе времьячко, суседушка, выпрашивать
Про мое да про победное живленьице;

¹ Как гнетет тоска-великая тоскичушка (Ред.).

² К земле.

³ Станица детская — много детей (Ред.).

⁴ Ласковому, обходительному.

⁵ Свечи (Ред.).

Мне и в вёшной день кручинушки не высказать¹,
 Мне в осеннюю неделюшку не въпомнить²
 Этой злой, да все вдовиной обидушки;
 Мне на вёшной лед досадушки не выписать³,
 Хитро-мудрым писарям да им не вычитать⁴;
 Как другой живу учётной, долгой годышок⁵,
 Как я рошу-то сиротных малых детушек,
 Накопилось кручинушки в головушку,
 Все несносные тоскичушки в сердечушко;
 У мяя три поля кручинушки насыяно,
 Три озерышка горячих слез нарónено.
 Во победном, сиротском живленьице,
 Во бобыльной, во сиротской живу жирушке,
 За бобыльским столом да хлеба кушаю;
 Я не знаю же, победная головушка,
 Кое — день, кое — темная е ноченька,
 Кое — Светлое Христово Воскресеньице⁶!
 Мы с тобой, моя спорядная суседушка,
 Перед Господом Владыкой согрешили, знать;
 Видно, тяжкого греха да залучили!
 Мы в воскресной день во церковь не ходили,
 Мы молебенов, горяши, не служили!
 Как Пречистой Пресвятой да Богородице,
 Мы не ставили свечи да все рублёвые,
 Мы не клали пелены да все шелковые,
 От желаньица мы Богу не молилися,
 От усердия Бладыку не просили мы
 Про своих да про законных сдержавушек,
 Штобы Господи дал доброго здоровьица,
 Он наставил бы им долгого бы векушку!
 Знать, за наше за велико прегрешеньице
 Дал им Господи тяжело неможеньице⁷,
 Прислал Господи Сам скорую смерётушку!
 Укорóтал Господь долгой-то им векушко,
 Обсиротил нас, победных головушек,

¹ Даже долгого весеннего дня не хватит, чтобы высказать кручину (*Ред.*).

² Семи дней осенней недели не хватит, чтобы рассказать все о горе-обиде (*Ред.*).

³ Сложный образ: смысл — весенний лед растает вместе с надписью на нем, но горе не исчезнет (*Ред.*).

⁴ Мудрым грамотникам не понять горя (*Ред.*).

⁵ *Учетный год (годышек)* — смысл: когда определили взять сына в солдаты (*Ред.*).

⁶ Вдове печальны все дни, не разбирает ни дня, ни ночи, ни праздника Пасхи (*Ред.*).

⁷ Смысл: лишил сил (*Ред.*).

Без своих жить без законных сдержавушек!
 Да как растить-то сиротных малых детушек?
 Надо по́скаки держать да горносталевы¹,
 Поворотушки держать да сера заюшка,
 Надо по́лет-то держать да соловьиной;
 Наб² на лавочке горюшам не посеживать,
 Наб за прялочкой сажёнки не дотягивать³,
 У дубовой надо грядки не постаивать⁴!
 Уж как рóстить-то сиротных малых детушек?
 Резвы ноженьки у нас да все притопчутся,
 Белы рученьки у нас да примахаются,
 Сила-могута во плечушках придержится,
 Без морозушку сердечко прирастрескает;
 Как живуци⁵ без законной сдержавушки;
 Принакопится злодийской тут кручинушки —
 Не высказывай во добрыи во людюшки!
 Ты повыбери слободну пору-времячко,
 Ты выдь-ко там ко быстрой ко риченьке,
 Сядь, победнушка, на крутой этот бёрежок,
 Прибери да неподвижной синей кáмешок;
 Тут повыскажи обидную обидушку,
 Рути⁶ слезушки, горюша, в быстру реку;
 Камышок от рички не откатится,
 В добры люди кручина не расскажется,
 Не узнают того добрыи-то людюшки!

Затем, обратившись к покойнику, соседка-вдова продолжает:

Мне-ка сесть было, печальнойеи голушуке,
 Мне ко этому спорядному суседушку!
 Да ты слушай, спорядовой мой суседушко,
 Да как сойдешь ты на иное живленьице⁷
 На второ́е, на Христо́во как пришествие,
 Не увидишь ли надежнойеи голушуки?

¹ *Горноста́левы* (поскоки) — прыжки горностая (*Ред.*).

² *Наб* — надо бы (*Ред.*).

³ *Сажёнки* — нить, которую тянут, ее длина от кудели до веретена. Смысл: пряхть как надо, не слишком отводить руку (*Ред.*).

⁴ Смысл: не стоять у грядки (перекладины-бруса у печи) и греться (*Ред.*).

⁵ *Живя* (*Ред.*).

⁶ *Лей*.

⁷ *Живлэньице* — жизнь (*Ред.*).

Ты порóскажи, спорядной мой суседушко,
Про мое да про несчастное живленьицо,
Про мое да сирот малых возрастаньицо;
Как во эвтых два учётных долгих годышка
Прискудалась вся сиротна моя жирушка¹,
Разрешетилось² хоромное строеньицо,
На слезах стоят³ стекольчаты околени,
Скрозь хоромишки воронишки летают,
Скрозь тынишка воробишечки пада́ют;
Большака⁴ нету по дому-настоятеля,
Ко крестьянской нашей жирушке правителя;
Задернили⁵ все распашисты полосушки,
Лесом за́росли лугови наши поженки⁶!
Ты порасскажи, спорядной мой суседушко,
Скажи⁷ низкое поклонно челобитьицо
От меня скажи, печальной от головушки,
От сиротного от малого от дитятка!
Глупо сделала, кручинная головушка,
Не писала скорописчатой я грамотки⁸,
Я не клала-то по праву тие рученьку⁹,
Ты бы снес ю¹⁰ на второе на пришествие!
Може, вольная была бы тебе волюшка
От эвтово Бладыки от Небесного,
Може, с друг-другом суседушки свидáлись бы,
Вы настретушку¹¹ бы шли да ведь сретáлись¹²,
Ты бы óтдал скорописчатую грамотку.
На словах скажи ж, спорядной мой суседушко,
Ты про мбе про несчастное живленьицо,
Про бобыльную, сиротску мою жирушку!

¹ *Прискудáла* — обеднела. *Жирушка* — житье (*Ред.*).

² *Разрешéтилось* — поразрушилось, прохудилось (*Ред.*).

³ *На слезах стоят* — плохо вделаны, едва держатся (*Ред.*).

⁴ *Большáк* — старший, распорядитель в семье (*Ред.*).

⁵ *Заросли́*, образовался дерн (*Ред.*).

⁶ *Покосные луга* (*Ред.*).

⁷ *Скажи* — передай (*Ред.*).

⁸ *Скорописчатая* (грамотка) — писана скорописью (*Ред.*).

⁹ Речь идет о письме-грамоте, которую отправляли покойному мужу на тот свет (*Ред.*).

¹⁰ *Ее* (*Ред.*).

¹¹ *Настрéтушку* — навстречу.

¹² *Встречались* (*Ред.*).

У меня, да сироты нонь бесприютной,
Золотой казны на грех да не случилось;
Как по моему вдовиному несчастью
Были лавочки теперечко не отперты,
Нонь купцов да всё во лавках не сгодилось,
Лист-бумаженьки в продаже не явилось,
Писарёв да по домам-то не случилось!
Все по моему несчастному живленьицу
Как у этих писарёв да хитромудрых,
Отчего у их чернильнички скатилися,
Как чернила по столу да проливалися,
Лебединые пера да притупилися?
Как бесщётная была бы золота казна,
Писаря-то бы меня да не боялися,
Написали б скорописчатую грамотку!
Не угаи, скажи, спорядной мой суседушко,
Моей милоей законной сдержавушке:
Как послы своей надежной головушки
Я по земским избам да находилася,
У судебных-то мест да настоялася,
Без креста-то ведь я Богу намолилася,
Без Исусовой молитовки накланялася,
Всем судьям, властям ведь я да накорилася!¹

После отпевания овдовевшая вопит:

Што стою, бедна горящица, задумалася,
Чужих басенок, победнушка, ослухалася!
Дивовать да ведь будут мне-ка людюшки;
Знать, на радости стою да на весельице,
Снаряжаю я законную сдержавушку
Как во жирную, бурлацку во работушку!
Не в бурлакушки спущаю того вольных,
Не по эту золоту казну довольную²;
Я гляжу-смотрю, печальная головушка —
Перед Спасом-то свечи да догоряются,
Херувимский стихи да допеваются,
Божии книги теперь да запираются:
«Спасет Бог да вас, отцы-попы духовных,
Спаси Господи служителей церковных,
Што послушали победную головушку,
Потрудились — шли во церковь во священную,
Што вы душеньку его да отпевали,
Телеса-то вы его да погребали!»

¹ Обращалася, просила о помощи (Ред.).

² Смысл: не снаряжаю мужа на отходную бурлацкую работу (Ред.).

Накрывают эту бедную головушку
Уже этою доской да белодубовой,
Опускают-то во матушку-сыру землю,
Во погреба его да во глубоки!
Ой, тошным да мне, победнушке, тошнёшенько!
Нонь я дольщица Никольской славной улицы,
Половинщица Варварской славной буйавы¹,
Нонь я дольщица великой кручинушки,
Половинщица злодийной я обидушки²!
Мне куды с горя, горюше, подеватися?
Рассадить ли мне обиду по темным лесам?
Уже тут моей обидушке не местечко —
Как посохнут все кудрявы деревиночки!
Мне рассеять ли обиду по чистым полям?
Уже тут обидушке не местечко —
Задернят да все роспашисты полосушки!
Мне спустить ли-то обиду во быстру реку?
Загрузить ли мне обиду во озерышке?
Уже тут моей обидушке не местечко —
Заболотеет вода да в быстрой риченьке,
Заволочится травой мало озерышко!
Мне куды с горя, горюше, подеватися,
Мне куды, бедной, с обидой укрыватися?
Во сыру землю горюше наб вкопатися!
Сиротать будут сиротны малы детушки:
Будут детушки на улочке дурливыи,
Во избы-то сироты да хлопотливыи,
За столом-то будут детушки едучии!
Станут по избы ведь дядюшки похаживать
И невесело на детушек поглядывать,
Оны грубо-то на их да поговаривать:
«Ох уж вольныи вы дети самовольныи!»
Станут детушек-победнушек подергивать,
В буйну голову сирот да поколачивать;
У меня ж тут, у бедной у головушки,
У мня совьется тоска неугасимая;
Я взмолюсь да тут ко матушке-сырой земле:
Ты прими да меня, матушка-сыра земля,
Схорони меня с сиротным малым детушкой!

¹ Кладбища.

² К.В. Чистов прокомментировал это место плача так: «т.е. теперь я не имею права на долю в крестьянском хозяйстве. Здесь имеется в виду обычай нищих в начале зимы — на Николин день, 5 декабря, собирать подаяние на кладбище, на «Варварской буйаве». День святой Варвары — накануне дня св. Николая, 4 декабря, т.е. тоже в начале зимы, когда положение нищих становится катастрофичным» («Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым». Т. 1. Примечания. С. 340).

Когда умершего зароят, вдова припадает к земле и вопит:

Приукрылся нонь надежная головушка,
Во матушку ведь он да во сыру землю,
В погреба ведь он да во глубокии!
Призарили там надежу с гор желтым песком,
Накатали тут катучи белы камешки!
Прозабыла я, кручинная головушка,
Доспроситься у надежной у державушки:
Когда ждать в гости любимое гостибище?
Во полночь ли ждать по светлому по мисяцу,
Али в полдень ждать по красному по солнышку?
Аль по утрышку да ждать тебя ранёшенько,
Аль по вечеру да ждать тебя поздёшенько?
Не утаи, скажи, надежна мне головушка;
Ухожу¹ своих сердечных малых детушек,
Я на эту на спокойну, малу ноченьку,
С горя сяду под косевчатым окошечком,
Со обиды — под туманное околенико,
Сожидать буду надежну, тя, головушку!
Покажись-приди, надежная головушка,
Хоть с-под кустышка приди да серым заюшком,
Из-под камышка явись да горносталюшком² —
Не убоюсь, бедна кручинная головушка,
Тебя стричу³ на крылечике перёном⁴,
Отворю да я новы сени решётчаты⁵,
Запущу да в дом крестьянску тебя, жирушку!
Ты по-старому приди да по-досюльному⁶ —
Большаком ты в дом приди да настоятелем!
Видно, нет того на свете да не водится,
Што ведь мертвые с погоста не воротятся,
По своим домам оны да не расходятся,
Едина стоит могилушка умёршая!
У меня, да у печальной бы головушки,
Кабы было золотой казны по надобью⁷,
Я бы наняла ведь плотничков-работничков,

¹ Уложу (Ред.).

² Горностаем (Ред.).

³ Встречу (Ред.).

⁴ Перёное (крылечико) — крыльцо с перилами (Ред.).

⁵ Решётчаты (сени) — крытые решетинами, пришиваемыми вдоль по стропилам. (Ред.).

⁶ Как прежде, раньше (Ред.).

⁷ Сколько нужно (Ред.).

Я бы сделала кивоты¹ белодубовы,
Я на эту на могилушку умёршую,
Штобы белым снежком не заносило бы,
Частым дождичком могилы не залило бы,
Мурава-трава на ней тут выростала бы,
Всяки-разныи цветочки расцветали бы!
Я бы почаству туда стала учащивать,
Я бы подолгу ведь там стала усеживать;
У меня, да как печальной бы головушки,
В полном возрасте сердечны были детушки²,
Оны б ставили кресты животворящи³
На этой бы могилушке умёршей,
На родителя кормильца-света батюшка!

*Возвратившись с погоста, вдова останавливается
у крыльца своего дома и рыдает, причитая:*

Я приехала, печальная головушка,
Я от этой церкви Божьей посвященной,
Я со этой могилушки умёршей;
Там оставила любимую семеюшку,
Я во матушке оставила сырой земле!
Ночь гляжу-смотрю, печальна горепашаща,
Я на это на хоромное строеньце,
Повону⁴ стоит палата грановитая,
Понутру⁵ стоит тюрьма заключевная,
На слезах стоят стекльчаты околенки,
При обидушке косевцяты окошечка,
Отшатилось⁶ крылечко перёное,
От этого хоромного строеньца,
Разрешетились⁷ новы сени решётчаты;
Мне нельзя пройти, кручинной головушке,
Во это хоромное строеньце!
Повзыщу пойду любимую семеюшку⁸

¹ *Кивоты* — двускатная бревенчатая постройка над могилой (Ред.).

² Смысл: если бы были взрослые дети (Ред.).

³ *Оны б ставили кресты животворящи* — установили бы кресты с иконами (Ред.).

⁴ *Повону* — смысл: внешне, со стороны (Ред.).

⁵ *Понутру* — по смыслу: внутри, по сути (Ред.).

⁶ *Отшатилось* — отошло, пришло в негодность (Ред.).

⁷ *Разрешетились* (сени) — прохудилась кровля (Ред.).

⁸ *Семеюшка* — здесь: хозяин, муж (Ред.).

Я по этому хоромному строеньицу,
На этом ли сарае колесистом¹,
Во этом ли дворе я хоботистоем²:
Не залагат³ ли он ступистой лошадушки,
Не поезжат ли во темны леса дремучии?
Не могу найти, печальная головушка!
Вы жжалуйтесь-ко, спорядныи суседушки,
Засмотрите-тко печальную головушку,
Не покиньте сироту вы горегорькую
Со сердечныма малыма детушкам!
Сирота ведь я, горюша бесприютная;
Нонь позябну я холодной, студёной зимой,
Нонь помучусь я голодной смерётушкой;
Нигде нету-то талой талиночки⁴,
Ни в ком нету мне великого желаньица⁵:
Как-то жить буде печальной мне головушке?

Если молода:

Не порой да моя молодость прокатится,
Голова моя не вóвремя состарится!
Надо жить бедной горящице умиюци,
По уличке ходить надо тихошенько,
Буйну гóлову носить надо низёшенько,
Наб сердечушко держать мне-ка покорное
Ко тым суседам спорядовым,
Не обидели б сиротной, молодой вдовы!

Суседка к молодой вдове:

Не носи гневу, кручинная суседушко,
На меня ты, на приближну свою пóдружку,
Што придам тие духовна ума-разума
В бесталанную твою да я головушку!
Ты послушай, хотя ж причеть нехорошая,
Ты вспомни, хоть наказы нелюбимыи:
Как послы своей любимой семеюшки,
Затюремничкой ведь ты да не насыдишься,

¹ *Сарай колесистый* — сарай для телег (Ред.).

² *Двор хоботистый* — двор с закоулками (Ред.).

³ *Не залагат* — не запряг ли он лошадь? *Ступистая* (лошадь) — быстрая, широко шагающая (Ред.).

⁴ *Талая талиночка* — талое место, теплое (Ред.).

⁵ *Желаньице* — сочувствие (Ред.).

Прозабудешь всю великую кручинушку,
Пооставишь всю злодийную обидушку!
Не носи да свое цветное ты платицо,
Не держи да ты любимой покрутушки¹,
Ты не крась да свое бело это личушко!
Будут зариться² ведь многи столько людюшки,
Приласкаться-то удалы станут мóлодцы,
Будут ласково тебя да уговаривать,
Што возрóстим мы сердечных твоих детушек,
Воспитать тебя мы будем, мать безмужнюю.
Не окинься³, бедна вдовушка молóдая,
Ты на этих на удалых добрых молодцев,
На баску⁴ их молодецкую походочку,
На их цветно ты гулярное⁵ на платицо!
Не окинься на красу-басу с угрожеством,
Не на желты, завивныи кудёрышки,
На учливу, чваковиту⁶ поговорюшку,
Не прикинься к ихным ласковым словечушкам!
Живут ласковы словечушки обманчивы
И прелестной разговор их да надсмечливой⁷;
С уму с разуму оны тебя повыведут,
Ты терпеть будешь, печальна, худу славушку!
Не честь-хвала тебе буде вдовиная
Красоту сменять, победна, на бесчестьицо,
Свой-тот разум — на великое безумьицо!
Тут не хлебушки тебе, да не надиюшка⁸,
Твоим детушкам ведь тут не приберёгушка⁹!
Еще слухай-ко, кручинная головушка:
Как пройдет худа слава нехорошая,
Тут отрékнется¹⁰ порода именитая,
Не потужат по победной твоей бедности;
Говорить да станут сродчи-милы сроднички:
«Эка вольная вдова, да самовольная,

¹ Покрúтушка — одежда (Ред.).

² Засматриваться, жадно глядеть на кого.

³ Не окинься — не прельстись (Ред.).

⁴ Баска (походочка) — хорошая, красивая (Ред.).

⁵ Гулярное — нарядное, одеваемое в праздник, для гуляния (Ред.).

⁶ Нежну.

⁷ Насмéчливой — веселый, насмешливый (Ред.).

⁸ Не надиюшка — не надежда (Ред.).

⁹ Не приберёгушка — не защита (Ред.).

¹⁰ Смысл: скажется, обнаружится (Ред.).

За шальствѡм пошла она да за безумьицом,
 Много суровства¹ стало — больше удали
 Без своей да без надежной головушки!
 Стала хѡрошо ходить да одеватися,
 Стала добела она да намыватися,
 Уж как речь стала у ей не постатейная²,
 Разговорушки у ей да нехорошии!»
 Ты послушай-ко, кручинная головушка,
 Хоть хорошо да скажут люди — не дарить их стать,
 Буде грубо тебе скажут — не бранить их стать!
 Все за благо ты, горюша, принимать будешь,
 Небылицу ты, горюша, да напрасницу.
 Как о Светлом Христове Воскресеньице,
 О Бладычном ли Господнем Божьем праздниче,
 Хоть пойдешь ты во церковь посвященную,
 Пустословье про тебя, как река, бежит,
 Напрасничка ведь е, как порог, шумит!
 Говорят да бают люди потихошеньку,
 Што не Господу пошла Богу молитися,
 За гульбой пошла она да за гуляньицем,
 По подруженькам пошла да нехорошиим!
 Во глаза да недоростки посрекаются³,
 Што гулять да от сердечных ходит детушек.
 Ты послушай-ко, кручинная головушка,
 Ты оставь да свои прежние гуляньица,
 Забывай да свое прежне доброумьицо⁴,
 Не смеси да многих добрых столько людюшек,
 Не бесчѣсти свое род-племя любимое!
 Худой славы на тебя бы не наздынули⁵,
 В чистом поле бы ворѡны не награялись!
 Ими⁶ совесть ты во белом своем личушке,
 Стыд-бесчестьице во ясных держи очюшках,
 Весела ходи, горюшица, — не смейся-тко,
 При тоскичушке ты будь — слезно не плачь, бедна.
 Еще слухай-ко, кручинная головушка,
 Будешь жить да без надежной как семеюшки
 Во сколотной⁷, во маетной этой жирушке,

¹ *Суровство* — быстрота, рьяность (Ред.).

² Неприличная.

³ *Посрека́ться* — злословить (Ред.).

⁴ *Доброумьице* — доброжелательность (Ред.).

⁵ *Наздынуть (худую славу)* — возвести (Ред.).

⁶ Имей.

⁷ Суетливой.

Не клони да в сон ты буйной головушки.
Ты поутрышку ставай, не засыпайся-тко,
Не велико хоть крестьянство — управлять надо!
Ходи к добрым ты людям на беседушку,
Посоветуй о крестьянской о работушке.
Тут крушить будет ретливое сердечушко,
Хоть ты выйдешь ко порядным суседушкам,
Не роздий¹ да ты великой кручинушки,
Спамятуешь меня, бедную-победную,
Ты вспомнишь мою причеть нехорошую,
Тебе слюбятся наказы нелюбимыи.

БЫТОВЫЕ ЗАПЛАЧКИ

1

Плач об одинокой доле

Как я рóстила, горюшица,
Я рожóных своих детушек,
Ночью спать я не ложила,
А днем на место не садилася,
Ви́ла вйто это гнездышко,
Да строила хоромное строеньице.
Я тоё думу удумала:
Как под этим витым гнездышком,
Да под хоромным строеньицем,
Да под косивчатым окошечком
Разведу сады зеленые;
Будут яблони кудрявые,
Будут пташечки веселые,
Будут петь да эти (п)ташицы,
Да будут гуркать соловеюшки!
Так мои рожоны детушки,
Дочери бажёные²
Распевать да будут песенки
Во саду да во зеленоем!
Видно, такая мне судьба пришла,
Тако да пришло времечко:
У мяя яблони сломилися,
А в саду (п)ташки разлеталися.
У мяя, у матери-кукушицы,

¹ *Роздиять* (кручины, кручинушки) — развеять (*Ред.*).

² *Бажёные* (дочери) — любимые (*Ред.*).

Как поразошлись да поразъехались
Дочери бажёные
Да по разным губернкам¹,
Не в свои да деревенки!
У меня есть да присталоса
Как одно только бажёное,
Мое дитятко рожёное
На одно на нагляженьице,
Да не в моем распоряженьице²!

2

Плач по сестре

Со восточной со сторонушки
Подымалися да ветры буйные
Со громами да со гремучими,
С моловьями да со палючими³;
Пала-пала с небеси звезда
Всё на сестрицыну на могилушку!
Расшиби-ко ты, громова стрела,
Еще матушку да мать сыру землю!
Развались-кося ты, мать земля,
Что на все четыре стороны!
Сокройся-ко⁴ да гробова доска,
Распахнитеся да белы саваны!
Отвалитесь да ручки белые
От ретивого от сердечушка,
Разожмитесь да уста сахарные!
Ты промолви-ко, мила сестрица,
Слово-то со мной ласково,
Слово-то со мной приветливо!
Еще я-то, мила сестрица,
Во тоске живу, во кручинушке,
Без своего-то мила ладушки,
Со своими-то с малы детками.
Была-то у меня мила сестрица —
Дума крепкая, слово ласково;
Была-то у меня мила сестрица —
Была ласкова, была приветлива...

¹ Губерниям (Ред.).

² Имеется в виду умерший старший сын (пояснение К.В. Чистова).

³ С молниями да со палючими (Ред.).

⁴ Вскройся либо исчезни (Ред.).

Нанести-то на нас¹ есть кому,
А пристать-то² за нас некому!
Как была бы у меня мила сёстрица,
Постояла бы за меня горой высокою,
Постояла бы стеной да белокаменной.
Во сне-то мне ты не привидишься,
Наяву-то мне да не покажешься...
Прилети-ко, мила сёстрица,
Ко мне да горегорьюкою;
Уж ты сядь-ко, мила сёстрица,
На окутыице да на окошечко.
Ты послушай-ко, мила сестрица,
Горегорьких-то моих песенок:
Я живу-то, горегорьякая,
Без батюшка без родимого,
Без родимой родной матушки,
Без сво́го милóго ладушки!

3

Плач о матери

Еще как-то мне, горюшечке,
Без тебя-то жить будет?
Все ветры повинут³,
Все люди помолвят,
Да меня ограянут⁴!
Снесможнехонько⁵ мне, горюшечке,
Ходить по сырой земле
С такого горя великого,
С печали со кручины!
Куда мне кинуться,
Куда мне броситься?
Али в тёмные леса —
В темных лесах заблужуся,
В лесу зашатаюся!
А неможнехонько молодешеньке
По сырой земле ходити,

¹ Наговорить.

² Заступиться.

³ Станут вейть, дуть (*Ред.*).

⁴ Оговорят (*Ред.*).

⁵ Невыносимо трудно, нет мочи (*Ред.*).

На красное солнышко глядети!
Ознобила ты, кормилица,
Без морозу без лютого,
Ознобила, родитель матушка,
Без вьюги, без мятелицы!

4

Плач по ребенку

Отлетел ты, маленькая пташечка,
Ты от батюшки, от матушки,
Ты на чужу-дальню сторонушку,
Ты на веки-то вековечные!
Прилети ты, маленькая пташечка,
Посреди-то летичка теплого,
Когда распухнет наш зеленый сад
И расцветут всякие цветики!
Прилети ты серой пташечкой,
Сядь на яблоньку на сахарную,
Запой хорошеньким ты соловушком,
Чтобы батюшка с матушкой догадались,
Во зеленый сад похватались;
Как поймали бы эту пташечку,
Эту птичку во белы руки
И сказали бы этой пташечке:
«Ты скажи нам, пташечка,
Что ты, какого роду-племени,
Какого ты поколеньица?
Ты не нашего ль рода-племени?
Ты не нашего ль поколеньица?»
Мы узнаем маленькую пташечку
По белым волосам, по белому личику,
По хорошему наряженьицу¹.
Унимали² мы маленьку пташечку:
«Останься ты, маленька пташечка,
На родной-то на сторонушке!»
Нам отвечает родима пташечка:
«Да ты скажи, кормилец тятенька,
Что не останусь я, батюшка с матушкой,
Я на вашей-то сторонушке, —

¹ По наряду, по одежде (Ред.).

² Здесь: просили (Ред.).

Там ведь жизнь-то гораздо хорошая,
Там и хлеба-то хлебородные,
Там и люди-то добородные».
Удалая ты головушка!

5

Причитание по малолетнем сыне

Дорогой ты мой сыночек,
Костенкин ты Василич!
Уж глупенька ты, моя рыбочка,
Уж малым-то ты малешенька,
Уж какой ты был у меня славненькой,
Говорливенькой, забавненькой.
Ой ты, моя голубушка,
Да как курочка-та снесет яичечко,
Уж не прокараулишь ты, моя голубушка,
Уж ты вытащишь это яичечко.
Уж какой же ты был у меня пакосливенькой¹,
Знала бы я, ведала,
Уж не унимала бы тебя, родимо дитяtko,
Уж бей бы ты яичечки...
Ой, да уж не думала я, не гадала,
Уж как же эта беда случилася.
Уж ты, милый мой сыночек,
Уж я думала, ты будешь мне замёночка,
Уж я думала, ты будешь мне покликаночка,
Уж я думала, ты будешь мне порастушечка,
Уж я думала, ты будешь мне посылочка,
Уж я думала, ты будешь мне помочушка,
Уж как что не тут топерь случилось,
Уж пришлось-то мне расстатца с моим детушкой.

6

Причитание о матери

Моя родненькая матынька,
Не сердись-ка на меня ты, на сиротушку,
Што стелила я, сиротонька,
Теби на житье вековечное,
На вековечно-бесконечное!
Стелила я тебе постелюшку не мякёшеньку,

¹ Здесь: проказливый (Ред.).

Не мякѣшеньку, не хорошошеньку,
Не сердись-ка, моя родненькая матынька!
И што ты, на кого же ты меня оставила, сиротинушку?
И што хоша придѣ ко мни, сиротинушке,
Велико большо горюшко,
Только не к кому, сиротинушке,
Пришануть¹ буйной головушки.
Подожду-то я, сиротинушка,
Што любимой весны красныя,
Весны красныя с летом теплым:
Как повыеду, сиротинушка,
Во любимо чисто полюшко на тяжелую работушку,
Прилети-тка си, моя родненькая матушка,
Любимую серою кукушечкой,
И сядь-кась ты на белую березушку
Ко мне, сиротушке, поблизешеньку!
И узнавать буду, сиротинушка,
Не по крылышкам, не по перушкам —
По твоей по буйной головушке.

РЕКРУТСКИЕ И СОЛДАТСКИЕ ПРИЧЕТЫ

Е.В. Барсов

Рекрутский обряд

1) Обряд рекрутских провод сам по себе очень несложен. Как скоро в суѣм (на сходке) будет вынет рекрутский жеребий, в доме того удалого дѣброго мѡлодца начинается *печальный пир*. Тотчас пекут и пряжат, что могут, собирают на стол и угощают рекрута водкой, чтобы облегчить его горе. В дом приглашается *вопленица*, эта священная народная жрица — истолковательница семейного горя, облегчительница скорбящей души; изображая это горе во всей его глубине и широте, она своим заунывным и монотонным песнопением пробивает слезы у каменного сердца и чрез то облегчает дыхание груди, угнетенной внутреннею тоскою.

В дом этот тотчас же сбегаются соседи и соседки, и старые старухи, и малые ребята, красные девицы и удалы добры мѡлодцы, чтобы посмотреть на рѣкрута, послушать вопленицы и разделить соседнее горе. Это живое соучастие в беде, особенно со стороны тех, которые уже прежде испытали подобное горе, также немало облегчало родительское сердце, удручаемое обидой.

¹ Прислонить (Ред.).

После стола рекрут начинает ходить по комнате, а вопленица начинает свои песни и изливает в них думы и чувства сначала матери, а потом родных и затем — соседей.

2) Затем начинался разгул рекрута вместе со своими сверстниками; они катались на конях по улицам, иногда не только своей деревни, но и других ближайших. Напиваться при этом не только не считалось предосудительным, но даже как бы обязательным. Лучшим объяснением этого обстоятельства служила песня, которая начиналась словами: «Уж мы гулять-то, не гуляем, свое горе заливаем». Песен при этом пелось множество: одни из них мрачные и подавляющие, другие — веселые и плясовые, которые характеризовали быстрый переход русского человека от горя к необыкновенному веселию.

3) Далее следовало прощание с родными: ездили к братьям, к теткам, родным и двоюродным, к сватовьям, кумовьям и вообще объезжали все родство, кровное и духовное; везде происходило то же, что в родительском доме: посильное угощение с обыкновенными слезами и жалобными причитаниями. Вопленица сопровождала уда́лому доброду молотцу при этом прощании.

4) Поездка в церковь для отправления молебна о сохранении от злодийной — приемной палаты белокаменной: ставили свещу воску ярого Владыке Свету Истинному, клали пелену или полотенце Пречистой Богородице, молились от желаньица Николе многомилосливу. Можно себе представить, как искрення и глубока была эта молитва бедствующей крестьянской семьи!

5) Наконец родительским благословением рекрута завершался этот печальный обряд. Причеть дает понять, как величественна и священна была эта минута <...>

Плач по холостом рекруте

В избе много народу. Мать вопит:

Я чего да сижу, мать бедна-бесчастная,
Сирота теперь сижу да бесприютная,
И на брусовой сижу да белой лавочке,
И под печальным косевчатым окошечком,
И под туманной стекольчатой околенькой?
Я сижу, бедна горюша, призадумавши,
И чужих б́асенок, горюша, прислухавши!
Подивуют мне-ка добры эти людюшки

И посрекаются¹ спорядныи суседушки:
«И, знать, на радости сидит да на весельице,
И на великой, знать, Господней Божьей милости:
У ей вси вкупе² сердечны, видно, детушки!»
Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И што ведь прибрались народ да люди добрыи,
И не весельице у нас, да не забавушки,
И не тихии смиренныи беседашки,
И не честное у нас да пированьице!
Нонь как этым учётным долгим го́дышком
И сочинялась грозна служба Государева³,
И сволновался неприятель земли русской⁴,
И присылать стали указы Государевы,
И собирать стали уда́лых добрых мо́лодцев
Как на сходку ведь теперь да на обществу⁵!
И тут писать стали уда́лых добрых мо́лодцев
Да на этот гербовой лист-бумаженьку,
И призывать стали судьи неправосудныи
И всё ко этым ко жеребьям дубовым⁶!
Уж как этии уда́лы добры мо́лодцы
И перед Господа глаза да ведь крестили,
И Богородице молитовку творили;
И оны брали жеребий да тут дубовыи:
И пойти надо тут во службу Государеву!
Как сегоднишним Господним Божьим де́нечком
И хоть не скованы да ре́звы у их ноженьки,
Только сковано ретливое сердечушко;
И хоть не связаны бурлачки⁷ бе́лы рúченьки,

¹ *Посрека́ться* — позлословить, посудачить (Ред.).

² *Вку́пе* — вместе (дома — все, в порядке) (Ред.).

³ «Согласно “жеребьевому порядку”, по положению 1854 г., подтвержденному рекрутскими установлениями 1857 и 1862 гг., набор рекрутов производился с учетом состава семейств. Все лица призывного возраста делились на три разряда: 1) рекруты из больших семей, бездомные и бессемейные, 2) рекруты из семей, имеющих трех работоспособных мужчин, и 3) из семей, имеющих двух работоспособных мужчин. Семьи, имеющие одного работника, от жеребьевки освобождались. Рекруты назначались в очередь по решению общинной сходки. По истечении первого разряда подвергался обсуждению второй и т.д. Номер жребия определял очередность поступления на службу». («Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым». Т. 2. Примечания. С. 522—523. Автор примечаний — К.В. Чистов).

⁴ Вероятно, речь идет о времени предстоящей Крымской войны (50-е годы). Из примечания К.В. Чистова (Там же. С. 522).

⁵ Обществу (Ред.).

⁶ Жеребьи делались на дощечках — на них писали номера (Ред.).

⁷ *Бурла́чки* (руки) — рабочие (Ред.).

И обрестованы¹ указом Государевым!
Вот похаживат сердечно мое дитятко,
И он по доброму хоромному строеньицу.
И да он буйной то головушкой покачиват,
Он желтыма кудёркама потряхиват,
И молодецкима-то ручками помахиват,
И он на память-то словечка спроговариват,
И говорит столько скачѣная² жемчужинка:
«Знать, судьба моя теперь да всё несчастная,
Сустигае, видно, жизнь да неталанная,
Сустигае грозна служба Государева!
И на роду, да видно, служба мне упísана³,
И, видно на́ делу⁴, бурлаку⁵, доставалася!»
Тут он смáхне(т) свои белы эты рученьки
И на бурлацку молодѣцкую головушку
И на завивныи на желтые кудѣрышка!
И не жалие(т) молодецких кúдер желтых
И с горя рвет да свои желтыи кудѣрышка!
Тут он смáхнет молодѣцки белы рученьки
Он на эту на грудь да молодецкую,
И подождет свое ретливое сердечушко:
«И не тоскуй да молодецкое сердечушко,
Не унывай да молодецкая утробушка».
И он пройдет да по хоромному строеньицу,
И он спроговóрит единое словечушко
Всим приближим спорядовым суседушкам,
Всим дружьям да молодцам своим приятелям,
Всобинú да душам красным скажет девушкам:
«Поглядите-тко, народ да люди добрыи,
И на печального бурлáка на молóдого!
И как хожу я по хоромному строеньицу,
И по светлой хожу да я по свѣтлице:
И я не пьян, да с горя, молодец, шатаюся,
Без воды да резвы ножки подмывает,
Без огня мое сердечко разгоряется,
Без смолы моя утроба роскипляется,
Дума думушка бурлака пошибает,
И ум за разум у бурлака забегает!
Вы простите-тко, души да красны девушки!

¹ Арестованы, приневолины (Ред.).

² Ровная, круглая (Ред.).

³ Написана (Ред.).

⁴ На делу — по жеребью (Ред.).

⁵ Бурлáк — здесь: неженатый, парень (Ред.).

Как што сдиется¹ над дóбрым над мóлодцем,
Как возьмут да в грозну службу Государеву,
И вы вспомните, душй да красны девушки,
И спамятите-тко бурлака розмóлóдого.
Вы на этых горах да на искатных,
И вы на тихих на смиренных беседушках!
Помолитесь-ко, старушки стародревнии,
Вы Пречистой Пресвятой да Богородице,
Штобы Господи Бладыко-Свет помиловал
Как от этой бы от службы Государевой
И возвратил бы на судиму Бог сторонушку
И рыболовушком на сине бы Онегушко,
И меня пахарем на чисто бы на полюшко,
И воскормителем желанным бы родителям!
И не тоскуй, моя родитель-родна матушка,
И ты не плачь, мое желанье, горючмы слезмы,
И ты не дай тоски к ретливому сердечушку,
И ты обидушки ко зяблоей утробушке²!»
Я гляжу-смотрю, победная головушка,
И на печальное сердечное свое дитяtko:
И как не белая березка нагибается,
И не шатучая осина расшумелася —
Добрый мóлодец кручиной убивается!
Не дай Боже ведь того, да Боже Господи,
Росставаться со сердечным со дитяtkoм!
Ой, тошнехонько ретливому сердечушку!
Как детская тоска — неугасимая,
И как жива эта разлука пуще мертвой!

Приезжают за рекрутами земские власти; мать вопит:

И прошел денечик теперь да не выдаюца³,
И красно солнышко ко западу двигается,
И ко крылечнику судьи да подъезжают!
И тут подогнаны ступистыи лошадушки,
И не по разуму любимы хоть извощички,
И про сердечное роже́но мое дитяtko.
И по фатерушки⁴ судьи да все похаживают,
И добра мóлодца оны все понаряживают:
«И ты справляйся, молоде́ц, да поскорёшеньку,

¹ Делается, происходит, свершается (Ред.).

² Зяблая утробушка — рекрут (иносказательно) (Ред.).

³ И прошел денечик теперь да не выдаюца — день прошел незаметно, его не видели (деепричастный оборот) (Ред.).

⁴ По квартире, горнице, избе (Ред.).

И одевайся-тко, бурлак, да суровёшенько,
И у крыльца стоят ступистыи лошадушки,
И отправляйся в путь-широкую дороженьку,
Ты ко славному ко городу Петровскому¹,
Ко приёмной палате² белокаменной.
И как у мого сердечного у дитятка
И подломились да тут рёзвы его ноженьки,
И подражали молодецки белы рúченьки.
И поблекло его белое тут личушко,
И приужахнулось бурлацкое сердечушко,
И красота с лица у светушка стерялася,
И с горя желтыи кудерки развеваются!
И хоть одет да он во цветное во платьеце,
Хоть надеты ведь тулупы одинцовыи,
И не цветет да теперь цветно на нем платьеце
И не красит да добра мóлодца покрутушка³,
Не согреват да кунья шубка соболиная!
Дайволюте-тко⁴, народ да люди добрыи,
И смилосердуйтесь, судьи да милосердыи!
Вы возьмите золотой казны по надобью,
Вы увольте-тко на темну эту ноченьку,
Вы рожёное сердечно мое дитятко!
Я удумаю, победная головушка:
Схичу-спрячу я скачёную жемчужинку
Я от этиих властей немилосердых,
Я от этиих судей неправосудных!
Я запру да ведь во светлу его свётлицу,
Я на эту на тесовую кроваточку
Положу да на пуховую перинушку,
Принакрою соболиным одеялышком,
Призадвину я ситцёвы занавесочки!
И отвечать буду судьям да я, обманывать:
«Приотправила сердечно мое дитятко!
Он ко городу уехал ко Петровскому,
И он не ждал да вас, властей ведь милосердых,
Он казенного не ждал да все извощичка!»
И пороздумаюсь победным умом-разумом:
Нынь не скроешь-то сердечного ведь дитятка!
Времена теперь пошли да всё бедовыи,
Хитроумны стали власти страховитыи!
И дайволюте-тко, судьи вы правосудныи,

¹ Город Петровский — Петрозаводск (Ред.).

² Ко приемной палате (Ред.).

³ Покрúтушка — одежда (Ред.).

⁴ Дайволюте-тко — позвольте (Ред.).

Уж как мбему сердечному то дитятку,
И с горя сисьть ему на саночки дубовый,
И попроехать на ступистой лошадушке,
И прокатиться по селу да деревенскому,
И по прогулушке по шйрокой по уличке
И со малыма ему да поровечникам!
Как споют оны солдатску ему писенку
И воспотешат-то уда́ла добра молодца,
И взвеселят его унылую утробушку!
Ой же ты, мое сердечно мило дитятко!
И укатись, да мое красное ты на́ золоте,
И укатись да от родимой нонь от родинки,
И далеко да на чужую на сторонушку,
И ты на эты на урёчны¹ неделюшки!
И в города да удались ты незнакомый,
И ты за крепости уйди новгородский²!
И не знали бы судьи неправосудный,
И не доведались бы власти страховитый!
И тоей по́рушкой³ теперь да тым времечком
И принаполняются наборы Государевы,
И ты останешься сердечно мое дитятко
И во сво́ей да молодецкой вольной волюшке!
И пораздумаюсь победным своим разумом:
Никуда нынь не уде́шь⁴ да не упрячешься.
Времена теперь пошли да всё бедовый,
Хитроумны стали власти скрозекозный⁵!

Вопленица причитает от имени рекрута:

И как у нашего хоромного строеньица,
Как у этого крылечика перёного,
Как у этого столба да у точёного
Есть подогнаны ступистый лошадушки,
И под меня да под несчастна добра мблнца!
И все извошички — крестьяна полномочный,
И челом бьют да мне-ка судьи, поклоняются,
И со мной диют оны до́брое здоровьице⁶.
И как до сегоднишна учётна долга годышка,

¹ Урёчные (неделюшки) — урочная, установленная законом (Ред.).

² Новгородские (крепости) — надежные, дальние (Ред.).

³ По́рушка — пора, время (Ред.).

⁴ Уде́шь — уйдешь (Ред.).

⁵ Скрозекóзные (власти) — строящие козни (Ред.).

⁶ Диют оны до́брое здоровьице — они здороваются (Ред.).

И в моем поро́сту да было, в возрастаньице,
И не знали меня добры эти людюшки,
И по изотчинке¹ меня не нарекали,
И не били-то челом, низко не кланялись!
И столько знать да стали добры эти людюшки,
И примечать стали судьи да правосудныи,
И как брать надо во службу Государеву!
И охти мни, да добру мо́лодцу, тошнёшенько!
И дайволюте-тко вы, власти правосудныи,
И сноровите-тко вы, власти милосердыи,
И мне пройти да по хоромному строеньицу,
И по двору пройти, бурлаку, колосистому²,
И по сараю-то пройти да хоботистому³,
И мни проститься со хоромным строеньицем,
И во двори да со любимой скотинушкой,
И во конюшеньке проститься с конем добрыим!

Мать к молодцам-товарищам и сверстникам рекрута:

И вы послушайте, удалы добры молодцы,
И уж вы милыи любимы поровечники⁴!
И да вы спойте хоть унылу ему писенку,
И взвеселите вы скачёную жемчужинку!
И ты пройди, да ведь уда́лой доброй молодец,
И по прогулушке по широкой по улечке,
И ты меняй свою кручину на весельице,
И ты обидушку свою на доброумьице!
И да мы поглядим, печальныи головушки,
И как ведут да дружьё-братьица, приятели
И как тебя, нашу скачёную жемчужинку,
И под несчастны молодецки белы рученьки,
И воспевают-то солдатску жалку писенку
И уласкают-то скачёную жемчужинку!
И с деревенским селом, да свет, прощается
И сговорит наша скачёная жумчужинка:
«И ты прости, прости, село да деревенское,
И прости, улечка бурлакушка рядовая,
И вси суседушки простите спорядовыи,

¹ По изотчинке — по отчеству, родству (Ред.).

² Колосистое (колесистое) — о дворе, сарае. См. ниже.

³ Хоботистый — кривой, извилистый, см. пояснение выше.

⁴ Поровёчники — сверстники (Ред.).

И вы простите, вси старушки стародревнии,
Меня, ма́лыи бладенцы¹-недоросточки,
И да вы, вдовушки, простите-тко, победныи²,
И меня, горькии бессчастливыи вы сироточки:
И как ходил я по прогульной этой уличке
Я не впервое прошел, бурлак, — последнее,
И проторил да эту малую тропиночку
Я до матушки теперь да до сырой земли!
И от меня да от дородня добра мо́лодца,
И от злодейской от великой от кручинушки,
И мать-сыра земля теперечко шатается,
И от горючих слёз следочки заплываются!»

Рекрута едут кататься по деревне; мать вопит:

И пойду-выйду я на широку на уличку,
И погляжу да на сердечко свое дитятко:
Как он иде³ по прогульной этой уличке,
И на ступистой удалой на лошадушке,
И он на саночках, мой свет, да самокатных,
И как подвязаны звон-унылы колокольчики!
И спотешат себя сердечко мое дитятко,
И взвеселят да молодецкую утробушку!
И вы глядите-тко, народ да люди добрыи,
Вы, приближни спорядовыи суседушки,
И вы смотрите-тко, ведь род-племя любимое.
Вы, добротушки-желанны родны тетушки,
И вы, отданныи сестрицы сдвуродимыи⁴,
Вы на милую скачѣную жемчужинку!
И хоть гулят столько скачѣная жемчужинка,
И он не с радости, наш свет, да не с весельица,
И со злодийной великой со кручинушки,
И с проклятой теперь да со досадушки
И по пути, да по широккой по дороженьке
И добрый конь нонь-ко идет да спотыкается,
И лошадина голова да принаклонена;
Как на санках добрый мо́лодец шатается!
И не вѣшний этот ручей разливается,
И бедный мо́лодец слезами умывается!
Он снимает-то с головушки тут шапочку,

¹ Бладе́нцы — младенцы (Ред.).

² Побе́дныи (вдовушки) — терпящие горе (Ред.).

³ Иде, т.е. едет.

⁴ Сдвауроди́мыи (сестрицы) — двоюродные (Ред.).

И на все на три-четыре на сторонки поклоняется,
И со любимой своей родинкой прощается,
И с горя молвит-то, наш свет, да таково слово:
«И ты прости, прости, село да деревенское!
И ты, усадьба-то, прости, да красовитая!
И вы, деревенки, простите, садовитыи!
И вы простите, темны лесушки дремучии,
И вси сахарнии садовы деревиночки!
И вы простите-тко, луга да сенокоснии,
И добра мóлодца, поля да хлебородныи!
И сине славное, прости, да ты, Онегушко,
И ты, родимая, прости меня, сторонушка!
И прости, волость-то, меня, да красовитая.
И ты, сторонушка, прости меня, гульливая,
И ты гульливая сторонка, щегольливая!
И ты прости, да молодецки вольна волюшка!
И ты прости, да Божья церковь посвященная
И Пресвятая мать, прости, да Богородица!»

С гулянья наезжают в церковь; мать вопит:

И говорит еще скачёная жемчужинка:
«И теперъ съезжу в Божью церковь посвященную,
И попрошу да я попа-отца духовного,
И воспокоюся служителю церковному,
И помолюсь да я Богу от желаньца,
И прослужу да я молебен Богородице,
И я поставлю ей свечи да воску ярова,
И положу-то пелены да ей шелкóвыи!
И помолюсь да со слезами со горячими
Уж я этому Бладыке все небесному:
И сохранил бы меня Господи, помиловал,
И от приёмной полаты белокаменной,
И как от этой бы от службы Государевой!
И ты спаси, да Пресвятая мать Богородица,
Ты от зтих властей немилосердых,
Ты от зтих судей да все безбожных!
И вы простите-тко, попы-отцы духовнии,
И благодетели-служители церковнии!
И на духовных молитвах вспомяните-тко
Вы меня да всё удáла добра мóлодца!
И буде вóзращусь на родимую сторонушку,
Я со этого со города Петровского,
Россчитаюсь я за ваше утруженьце
И за молитовки-то ваши ведь церковнии!
Уж я сдию вам духовно угошеньце!»

Плач по солдате, пришедшем на побывку

читывающая обращается от имени солдата к матери:

И ты послушай же, родитель-моя матушка:
И ты не плачь, бедна родитель, с горячмы слезмы;
И не придай тоски солдатскому сердечушку;
И на моем же ведь несчастном сердечушке
И много-множество великой е кручинушки,
И как больший того злодийной е обидушки!
И уж я думаю, солдат бедной несчастной:
Хоть побывал я на родимой своей родинке,
И не убавится кручинушки — прибавится!
И я гляжу еще, солдат бедной несчастной
И на свою бедну несчастну молоду жену:
И уже так бедна она да наполохана¹,
И уже так у ей сердечко иаобижено;
И по мостиночкам² ступае несмелёшенько,
И говорит бедна она да суровёшенько!
И мои малыи сиротны эти детушки
И быв упалыи³ загнаны серы заюшки,
И не посмиют ко столу притти дубовому,
И отдали⁴ да мои детушки туляются⁵,
И от дубового стола да отдаляются!
И тут солдат еще, бедной, я повыгляжу,
И я от братьевцев желаньица повысмотрю,
И каковы да будут ласковы словечушки.
И ты послушай же, родитель-моя матушка:
И уж как я, бедной солдатушко несчастной,
И отменитой нын⁶ от добрых от людешек,
И отлишен да от крестьянской этой жирушки⁷,
И мне не надобно, родитель-моя матушка,
И мне ведь ваших участков деревенских,
И не луговых не надо ваших поженок!
И столько слушай же, родитель-моя матушка:
И пока на своей родимой я сторонушке,

¹ Наполохана — сильно напугана (Ред.).

² По мостиночкам — по половицам (Ред.).

³ Упалыи (заюшки) — притаившиеся, спрятавшиеся (Ред.).

⁴ Отдали — на расстоянии, не подойдя, издали (Ред.).

⁵ Туляются (детушки) — прячутся друг за друга (Ред.).

⁶ Отменитой нын — отстраненный ныне (Ред.).

⁷ Отлишен (от крестьянской жирушки) — отчужденный от крестьянской жизни (Ред.).

И вы дёржите меня гостюшком любимым;
И столько нёвесто¹, родитель-моя матушка,
И после этого любимого гостибича,
И не начаюся, родитель, не надюся,
И побывать да на родимой больше родинке,
И повидаться мне, солдату, с родом с племенью!
И ты послушай же, родитель-моя матушка:
И хоть гошу я на родимой своей родинке,
И как сердечушко мое не взвеселяется!
И росставаться как с желанной буде родинкой,
И роспрощаться мне, родитель, с родом-племенью?
И пройде времечко теперь да не видаючи,
И как неделюшки пройдут да не слыхаюца;
И поостанется бессчастна молодá жена
И мои нá горе сердечны эти детушки!
И кабы знал да я, бессчастной, про то ведал бы,
И про злодийну бы про службу Государеву,
И пожениться вы б меня да не заставили;
И буде сшел бы я во службу Государеву,
И единá ж была победна бы головушка!

Мать к солдату:

Да ты слушай же, сердечно мое дитятко!
И не на службу ведь тебя я спородила,
И не на гóре я тебя ведь поженила;
И, знать, судьба твоя ведь, дитятко, бессчастная,
И горька жизнь да уписалась неталанная!
И можешь знать-ведать, сердечно мое дитятко:
И как стояла у полаты белокаменной,
И как была я у принёму Государева²,
И подломились там ведь рёзвы мои ноженьки,
И подрожали там бессчастливы мои рученьки,
И приужахнулось ретливое сердечушко,
И я не видла-то³, победна, свету белого!
И можешь знать-ведать, сердечно мое дитятко:
И мне-ка все ровны сердечныи ведь детушки,
И однокровны ведь дёти, единоўтробны!
И глупо сделала печальная головушка,
И я схватилася, победная, поздёшенько⁴,

¹ И столько нёвесто — и неизвестно (ред.).

² У принёму Государева — у приёму, где решали судьбу призываемых на службу (Ред.).

³ Не видела-то (Ред.).

⁴ Позднёшенько, поздно (Ред.).

Уж как приехала со города Петровского;
И не глядить бы на любимых твоих братьицев,
И не жалить бы ведь крестьянской этой жирушки¹,
И нам нажать бы золотой казны по надобью;²
И мы бы прибрали ведь светушка-охотничка²,
И мы бы вольного удáла добра мóлодца:
И он окинулся³ б на золотú казну бессчётную,
И он на этии на виннии на чарочки,
И он на цветное бурлацко бы на платьице,
И на гулярну молодецку бы покрутушку!
И он сменял бы красоту свою-хорошество,
И он на эти бы на виннии на чарочки;
И заменили бы удáла добра мóлодца,
И нашу милую скачёную жемчужинку,
И не спустили бы во службу Государеву!
И побранили меня добры эти людюшки,
И меня милыи спорядныи суседушки
И за тебя, мило сердечно мое дитятко,
И вси жалили спорядовыи суседушки
И дорогú милú вербу да золочёную!
И как послí тебя, сердечно мило дитятко,
У нас дом-житье теперь да изменилося,
И недорос-то⁴ ведь довольным пошел хлебушкам,
И у нас нá двори ведь е да не плодилосья,
И золота казна у братцев не скопилася!
И я проглупала, победная головушка —
И я послухалась ведь братьицев родимых,
И пожалела я крестьянской этой жирушки!
И как обидели сердечно тебя дитятко,
И хоть в поход дитё да отправляли,
И золотой казной ведь тут не наделяли!
И ты послушай-ко, сердечно мое дитятко:
И, знать, судинушка по бережку ходила,
И, знать, с оружицем судьба да с завоенным,
И с пистолетиком она да зарукавным.
И, знать, сустигло зло-великое бессчастье
И на пути тебя-на широкой дороженьке,
И на прогулушке на шíрокой на улíчке,
И сустигало зло-велико бесталаньице!
И натомился ты во службе Государевой,
И наскитался ты по чужо́ей сторонушке

¹ *Жирушка* — достояние, имущество (Ред.).

² *Охотничек* — доброволец, замена рекрута (Ред.).

³ *Окинулся* — польстился (Ред.).

⁴ *Недорос* — неурожай, недобор зерна (Ред.).

И по дальным походам незнакомым!
И наносился ты оружицев пудовых
И на победных солдатских своих плечушках!
И кабы знала я, горюша, про то ведала,
И про твою судьбу теперь да про несчастную,
И с малолетства ведь тебя не обижала бы,
И ведь роботушкой тебя не огружала бы;
И мы бы дали ведь слободну пору-времечко
И быдто вольному рекрутику нанёмному!
И добры кони тебе были бы обседланы,
И при седёлышках ведь е да при черкасских,
И как росписаны дуги были заложены,
И как шелкова тебе плеть была б подавана;
И ты бы холост был, дитё, да не женатой;
И ты бы ездил по Бладычным по праздничкам
И взвеселял бы свою буйную головушку!
И я не знала-то, горюшица, не ведала
И про твою судьбу, дитё, да про несчастную,
И што ведь жизнь буде тебе да неталанная,
И што ведь сойдешь ты во службу Государеву!
И можешь знать-ведать, сердечно мое дитятко,
И как с тобой да я, победна, расставалася,
И я во ту пору, горюша, а тое времечко,
И не страшилась я, победная головушка,
И со тоски да во сыру землю вкопаться,
И со кручины в темном лесе заблудиться,
И во мхах этих дыбучих¹ загрузится!
И столько слушай же, сердечно мое дитятко:
И не начаюся, горюша я печальная,
И за столом тебя, победна, сыто едючи,
И на тесовой кровати долго выпяци!
И теперь ходишь ты, сердечно мило дитятко,
И при обидушке ведь ты, да при кручинушке;
И не подашь виду печальным нам головушкам,
И не даешь тоски-великойея назолушки
И мне победной, несчастной теперь матушке
И ты печальной горюше-молодой жены!
И замечаем мы, несчастныя головушки:
Хоть по мостиночке идешь, да свет, скорёшенько,
И ты отвёрнешься от нас да суровёшенько,
И проливашь да ты несчастны горючий слезы,
И утираешься платочком кашемировым;
И говоришь с нама² хоть, свет, да веселёшенько,

¹ Дыбучие (мхи) — с зыбучих болот (Ред.).

² С нами (Ред.).

И уговаривашь печальных нас головушек:
«И вы не плачьте, мои милы, не тоскуйте-тко!»
И ты послушай же, сердечно мое дитятко:
И для чего ж от нас ты, светушко, туляешься,
И вопотай¹ да ты слезамы обливаешься?
И тебя ль путь да страшит дальная дороженька,
И тебя страх да долит служба Государева,
Аль оружица страшат тебя пудовьи,
Аль ученице страшит тебя тяжёлое?
И хоть ты ходишь-то, скачёная жемчужинка,
И на усталых несчастных рёзвых ноженьках,
И поджимашь часто ретливое сердечушко,
И я гляжу-смотрю, печальная головушка,
Я детина бедна мать, смотрю, солдатская,
И на сердечное болезно тебя дитятко:
И быдто деревцо ты ходишь подсечёное,
И вроде вёшная земля да ворошёная,
И быв как летная трава да подкошённая
И точно рыбинка во сетку изловлённая!
И хоть ты на своей родимой на сторонущке,
И во своем доме-крестьянской во жирушке,
И хоть в любимом ведь у нас да во гостибище,
И быв под тученькой, ты свет, да гряновитой²,
И как под облачкой, ты свет, да страховитой,
И под злодийной неволей под великой!
Вот по утрышку, горюшица, ранёшенько,
И подходила я, кручинная головушка,
И всё к тебе, милой скачёной жемчужинке:
И потихошеньку я двери отперала,
И тихо-кротко я к кровати подходила;
И поглядела на сердечно тебя дитятко,
И от крепка да сна, горюша, не будила!
И все я думала, печальна родна матушка.
«И крепко спит мое рожёно мило дитятко!»
И наложила я несчастны белы рученьки
И на солдатску белу грудь да заслужённую,
И на твое да на печальное сердечушко:
И твое бьется все победно ретливо сердчѐ,
И не в покое всё несчастная утробушка,
И ясны очи темной ноченькой заплаканы,
И как слезами тут сголовице измочено!
И у меня, да у несчастной родной матушки,
И крепко совьется несчастно ретливо сердчѐ,

¹ *Вопотай* — тайно, чтобы не заметили (*Ред.*).

² *Гряновитая* (туча) — грозовая, вот-вот нагрянет.

И об тоби да о сердечном милом дитятке!
И могу знать-ведать, печальная головушка;
И столько думаешь, победной, думу крепкую,
И помышляешь путь-широку дороженьку,
И думу думаешь о службе Государевой!
И я погладила по бладой¹ тут головушке,
И я припала тут ко блеклому ко личушку,
И спросила у сердечна мила дитятка:
«Уже спишь ли ты, рождёно мое дитятко?»
И приотвитит тёпло-красно мое солнышко:
«Ты послушай же, родитель-моя матушка:
И я давно да от крепка сна прохватился²,
И кабы знала ты, родитель, про то ведала,
И што же диется у солдатушка несчастного
И на обидное, печальном ретливом сердце;
И у меня множество великой заботушки,
И в буйной головы великой е кручинушки;
И думу думаю о службе Государевой,
И помышляю о путь-широкой дороженьке,
И как поехать со любимой сторонушки!»
Я гляжу-смотрю, несчастна еще матушка,
И на печальное рождёно свое дитятко:
И хоть ты на своей родимой на родинке,
И быдто чуждой ты от братьцев — чужанинок,
И опришённой³ ты от роду да от племени!
И всё походочка твоя да переменена,
И нариченьиче⁴ твое да не по-прежнему,
И очень томныи солдатски белы рученьки,
И от забот да буйна голова состарелась,
И от побоев бело лице изменилося,
И придержалася-то⁵ сила молодецкая!
И уныват мое победно ретливó сердце,
И разрывает да мою зяблую утробушку⁶,
И столько глядячи на красное тебя солнышко,
И на печальное сердечное свое дитятко!
И ты не гневайся, сдвольной⁷ белой светушко,
И на несчастную родитель, меня, матушку,

¹ *Бладя́я* (головушка) — младая, молодая (Ред.).

² *Прохватиться ото сна* — проснуться, очнуться (Ред.).

³ *Опришённый* — чужой, отстраненный (Ред.).

⁴ *Наричёньиче* — выговор, манера говорить (Ред.).

⁵ *Поубавилась сила* (Ред.).

⁶ *Зяблая утробушка* — холод в теле (Ред.).

⁷ *Сдвольной* — довольный (Ред.).

И я бы нынешним умом да теперь-разумом
И не спустила ведь, печальна бы головушка,
И я тебя да в злодий-службу Государеву,
И я заперла бы во светлу тебя светлицу,
И замнула бы в ларчи¹ да окованыи,
Я держала бы впотай тебя от людюшек!
И как спросили бы народ да люди добрыи,
И про тебя, мило сердечное бы про дитятко,
И я ответила бы добрым тут людюшкам,
Што отправилось рожёно мое дитятко
Со любимого сердечного гостибища,
И он по вечеру, мой светушко, поздешенько
И во полночь да ведь он темной этой ночёнки,
И далеко да в пути-широкой дороженьке!
И ублаждала бы печально тебя дитятко,
И тебе ествушки, победна бы, справляла,
И я медвяныи питья да составляла бы!
И ты послушай же, сердечно мило дитятко:
И лучше матушка-земля бы росступилася,
И туды я, бедна горяша, приукрылась бы!
И не глядили бы несчастны мои очушки
И на солдатску горегорькую кручинушку
И на твои да все победыи горячий слезы!
И тут не ржавело несчастно бы сердечушко
И о тебе да все болезном милым дитятке!

Причитывающая обращается от имени солдата к матери:

И приотвичу² я, желанна тоби матушка,
И на ответ скажу, солдат, да я несчастной:
И отряжать³ до со родимой меня родинки,
И, знать, наскучил я, желанна тоби матушка!
И ты бы лучше ведь, родитель-моя матушка,
И таких бы да ты ричей не говорила!
И сердечушко мое ты не печалила!
И как вспомнишь да ты службу Государеву,
И так ведь совьется⁴ несчастное сердечушко,
И обмират моя победная утробушка!
И кабы знала ты, родитель, про то ведала,
И како да е солдатское живленище,

¹ Ларчи — ларцы (Ред.).

² Приотвичу — отвечу (Ред.).

³ Отряжать — собираться в дорогу, отъезжать (Ред.).

⁴ Совьется — сожмется, скрутится (Ред.).

И беспоместного¹ солдату похожденьице!
Еще слушай же, родитель-моя матушка:
И как вѣшныи ручьи да розливаются,
И так у нас да горьки слезы проливаются,
И на ученьице, родитель, на мученьице,
И уже бьют да нас, победных, без повинности,
И до ран да бьют, родитель, до кровавых,
И до умѣртвия победных бьют головушек,
И скрозе строй² гонят несчастных нас солдатушков!
И не доносят тут ведь рѣзвы наши ноженьки,
И доведут да нас, солдатушки несчастныи!
И тут мы падем от побоев о сырú землю,
И тут ряхнемся ума-разума³ в головушке;
И мы не чувствуем⁴ ведь добрых-то людюшек,
И мы самы себя с побоев тут не ведаем!
И на плечах да мы не слышим⁵ тонко-белых рубашечек,
И мы лежим да со побоюшков без на виду⁶:
И тут подойдут нас солдаты новобранныи,
И под несчастныи горегорьки белы рученьки,
И сговорят эты солдаты новобранныи:
«Есь ли душенька у вас да во белых грудях,
Есь ли зреньице у вас да во ясных очах?»
И мы не чувствуем, победнушки, не знаем;
И так избиты мы, победныи, исколочены,
И ко сырой земли, победныи, приклóнены!
И подымают нас солдаты, выговаривают:
«И да ты можешь ли, несчастной-то солдатушко,
И ты поднять свою несчастную головушку,
И ты от матушки поднять да от сырой земли?
И уже стать да на несчастныи на рѣзвы ногй
И все поднять свои несчастныи белы рученьки?»
И столько в ту пору, родитель, в тое времечко,
И мы родиму свою сторону спомянем,
И мы желанных вас родителей проклянем:
И вы зачем да нас несчастных спородили?
И еще слушай же, родитель-моя матушка,
И как на ученьице ведь этом на мученьице,
И вся изорвана победна наша силушка,

¹ *Беспомѣстное* (похожденьице) — бездомное существование (*Ред.*).

² *Скрозе строй* — сквозь строй, наказание палками (*Ред.*).

³ *Лишиться ума*, потерять сознание (*Ред.*).

⁴ *Не чувствуем* — не чувствуем (*Ред.*).

⁵ *Не слышим* — не ошущаем (*Ред.*).

⁶ *Без на виду* — без сознания (*Ред.*).

И вси сколочены ведь бедны наши костьца,
И вси истомлены ведь бедны наши рученьки,
И бесповинно бьют ведь нас да до умертвия,
И все с голоду-то нас ведь заморяют,
И мы ведь с жадности, солдаты, посыхаем!
И как у нас, да у несчастных солдатушков,
И сердце бьется как волна да на синём море,
И оно кровью ведь, сердечко, обливается,
И точно вода в крутой берег ударяется!
И как на нашу-то Русию подселенную
И наступали-то злодии супостатыи,
И ведь думали-то турки окаянные,
И оны въехать-то в Русию подселенную,
И разорить Москву оны да всё великую,
И поразбить да оны крепость в Новгороде,
И победить да ведь царя-бога русийского,
И благоверную царицу милосердную!
И да мы труд, бедны солдаты, принимали,
И мы трудились за Русию подселенную,
И за этую мы веру христианскую,
И за царя да мы трудились благоверного,
И за царицу-то ведь мы да милосердную;
И день и ночь да на страженьице стояли
И хлеба-соли мы пять суток не едали,
И десять дён воды, несчастны, не пивали,
И не видли мы в дыму да красна солнышка,
И во тумане-то не видли свету белого!
И с огня-с пламяни буйна голова рострескалась,
И дымом съело-то победны наши очушки!
И тут сердечушко у нас да разгорелось,
И молодецкая утроба росходилася,
И тут с дү-другом¹ солдаты роспростилися!
И уже тут да мы, солдатушки, не знаем,
И на кого да мы оружия заряжаем?
И сговорим да тут солдатушки несчастны:
«И спаси Господи Русию подселенную,
И сохрани да ты Бладыко многомилосливой
И благоверного царя да ты русийского;
И как еще да спаси Господи, помилуй
И на страженьице несчастных нас головушек,
И от смерти сохрани да нас напрасной,
И спаси Господи от турки окаянной!
И пособи, да Пресвята мать Богородица,
И победить этих злодией супостатых,
И решить звание-то ведь туркам всё проклятым!»

¹ С ду-другом — друг с другом (Ред.).

И как страженице-война да уходилась бы,
И порóзнесло бы дым да по чистым полям,
И горесть-чад да по лугам бы по зеленым,
Мы увидели бы свет да во ясны́ очи,
И мы обóзрели бы красно это солнышко,
И прилégли бы на матушку-сыру землю,
И на здох¹ да мы на травушку муравую,
И на покой² да на дубравушку зеленую!
И ты послушай же, родитель-моя матушка!
И хоть нá своей родимой я на родинке,
И во своей да я крестьянской во жирушке,
И во сердечном во любимом я гостибнице,
И у своей да я у родителя у матушки,
И у своей да я несчастной молодой жены;
И с того гля́ того³ ретливое сердечушко
И у меня, да ведь солдатушка походного,
И все щемит да во белых грудях!
И как долйт да ведь великая кручинушка
И мою зяблую несчастную утробушку!

¹ *На здох* — отдохнуть (Ред.).

² *На покой* — на покой (Ред.).

³ *С того гля́ того* — потому, глядя (на все) (Ред.).

Необрядовый фольклор

Традиции мировоззренческого синкретизма

Паремии

Именованье афористического фольклора паремиями вошло в научный и учебный обиход. Появление новых терминов — дело обычное. Сложнее определить, что разуметь под тем или иным термином и установить границы его применения. К паремиям относятся *пословицы, поговорки, побасенки и приметы*. Загадки не паремии, хотя тоже «малый» жанр. Но тут сходство внешнее. Назначение у загадок иное по сравнению с паремиями. В паремическом фольклоре образность, хотя и минимальная, но всегда соединена с передачей полной мысли или с цельной характеристикой предмета речи, между тем как образ в загадке неполон, тут нет указания на многие (часто существенные) свойства загаданного предмета. При полноте загадка перестала бы быть вопросом. Как правило, она оперирует сопоставлением или сравнением, причем сопоставляются предметы и явления из далеких друг от друга областей вещественного мира. Загадки принадлежат миру художественного парадокса. В ней преодолены свойства, характеризующие отношение выдумки к практическим заботам и помыслам, между тем паремия принадлежит к миру художественного творчества только частично и в отличие от загадки устремлена к полной передаче смысла, к тому же часто практического: паремия разъясняет, учит, наставляет. Эта особенность — следствие ее назначения. Паремия заключает в себе общую мысль или исчерпывающую характеристику явления, а загадка только *играет* понятиями. Область паремий: правила социального общежития, нравственные законы, историческая память, логика, суждения о людских обычаях и обыкновениях, врачебные советы, наблюдения над погодой,

хозяйственные наставления — вообще все поучительное, о чем необходимо помнить.

Названные свойства с безусловностью свидетельствуют о принадлежности паремий к области общемировоззренческих явлений. Художественные свойства пословиц и поговорок лишь часть и нередко только форма выражения свойств, типичных для такого фольклора, который уже отошел от обрядов и обыкновений народного быта и образовал свободную область особенного неутилитарного содержания.

Как область мироведения паремии обширны, а степень художественности разная. В них налицо неизменное соединение художественного начала с бытовой и мировоззренческой прагматикой. Соединение очевидно в *приметах* (метеорология и область бытовых житейских понятий). Отчетливее всего присутствие художественных свойств в *побасенках*, но по функции они близки к речи и заменяют собой обширное высказывание. Что касается *пословиц* и *поговорок*, то их принадлежность к языку не требует доказательства. Они полноценно функционируют именно в речи. Художественные свойства пословиц и поговорок придают общению людей живость и прелесть, но назначение пословиц и поговорок соединено с речевыми коммуникативными функциями. Это их главное свойство.

В подборке предложено тематическое деление паремий. Оно основано на их соотношенности с бытом и с разными мировоззренческими сферами. Рубрикация учитывает принадлежность паремий к разным областям *общественного и хозяйственного, житейско-бытового применения*. В отдельный разряд вынесены *общие суждения* — бытовая логика народа.

Приметы образуют особый разряд, хотя они и соприкасаются с остальной «прагматикой» фольклора. Причина понятна: прогностика, неизменная и определяющая в приметах, присутствует и в обрядах (свадебных, похоронных, гаданиях, снотолкованиях, календаре и проч.) и, вообще, в повседневном быту. На это обстоятельство обратил внимание В.О. Ключевский. Предложенная им характеристика примет преимущественно касается крестьянского мировоззрения и труда и сопровождается обильным цитированием. Суждения знаменитого историка, касающиеся народного менталитета, будут уместны в этом разделе хрестоматии.

Весь материал извлечен из лучших сборников — среди них первое место несомненно принадлежит собранию В.И. Даля, часто переиздаваемому в последнее время. Лучшим остается переиздание,

осуществленное в 1957 г. (Пословицы русского народа. Сборник В.И. Даля. М.: «Художественная литература», с предисловием М.А. Шолохова «Сокровищница народной мудрости» и со вступительной статьей профессора В.И. Чичерова).

ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ, ПОБАСЕНКИ

I

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОПЫТ НАРОДА

1. ЯЗЫЧЕСКИЕ ВЕРОВАНИЯ И ПЕРЕХОД В ХРИСТИАНСТВО

Береженого коня и зверь в поле не берет.
Ловит волк роковую¹ овцу.
Обещанная скотина не животина².
Мать-сыра земля, говорить нельзя.
Вещий сон не обманет.
Не к ночи будет сказано.
Леший обошел.
Лешак³ тебя возьми.
Кричит, как леший.
Домовой лешему враг.
Домовой тешится, леший заводит, а водяной топит.
Церкви не овины, в них образа все едины.
Егорий да Влас⁴ — всему богатству глаз.
С камня лык не надерешь, амином от беса не отбудешь.
Во всяком подворье свое поверье.
Бес легок на помине.
Задумал мужик брагу сварить, а уже черт с чаркой стоит.
Было бы болото, а черти будут.

2. ЗЕМЛЯ И КРЕСТЬЯНСКАЯ РАБОТА

Не та земля дорога, где медведь живет, а та, где курица скребет.
Наездом хлеба не напашешь⁵.
Плуг кормит, а луг портит.

¹ *Роковой* — урочный, связанный с тем, что обязательно свершится в свой срок; в данном случае — предназначенный.

² *Не животина* — не живучая, обреченная роком, не богатство.

³ *Лешак* — леший.

⁴ *Егорий* — святой Георгий. *Влас* — святой Власий. *Оба* — покровители хозяйства.

⁵ Об оседлости.

Межа не стена, а перелезать нельзя.
Всяк держи свои рубежи¹.
Через чур² и конь не ступит.
Чья земля, того и хлеб.
Чей двор, того и хоромы, чей берег, того и рыба, чей конь, того
и воз, чья земля, того и сено.
Мужик умирать собирайся, а земельку паши.
Держись за соху: она кормилица.
У матушки-сошки золотые рожки.
Держись ближе сохи Андреевны: она не выдаст.
Какова пашня, таково и брашно³.
Клади навоз густо, в амбаре не будет пусто.
Пашню пашут, руками не машут.
Коли орать⁴, так в дуду не играть.
Иглою да бороной деревня стоит.
Коси, коса, пока роса, роса долой — и ты домой.
Перестоялась трава — ни сено, ни труха.
Каково волокно, таково и полотно.
Мни лен боле, волокна будут доле.
В лесу и обжорный ряд⁵, в лесу и пушнина, в лесу — и
курятная лавочка.
Кто пораньше встает, тот грибки себе берет, а сонливый да
ленивый идут после за крапивой.

3. КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА-МИР

Мира никто не судит.
Что миром положено, тому и быть так.
Мирская правда крепко стоит.
Мир столбом стоит.
Мир зинет⁶ — камень треснет.
Мир — волна: что один, то и все.
Где у мира рука, там моя голова.

¹ *Рубеж* — граница, засека, насека, рубец, метка.

² *Чур* — межа, грань, рубеж.

³ *Брашно* — пища.

⁴ *Орать* — пахать.

⁵ *Ряд* — здесь, торговые лавки; *обжорный* — где торгуют едой.

⁶ *Зинуть* — раскрыть рот; здесь: сказать, крикнуть.

К миру приложился, головою заложился.
Никакой мирянин от мира не прочь.
От миру прочь — не мирянин.
С миру по нитке — голому рубаха.
Все за одного и один за всех.
Один вор — всему миру разоренье.
Мирская шея толста.
Мир что вода: пошумит и разойдется¹.
Правда на миру не стоит, а по миру ходит.

4. РУСЬ И ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ

Русь святая, православная, богатырская, мать святорусская земля.

Киев — всем городам мать.
Древний Новгород и Псков — господа.
На одном вече², да не одни речи.
Волга-матушка, глубокая, раздольная, разгульная. Днепр быстрый,
широкий.

Что город, то норы; что деревня, то обычаи.
Что двор, то говор.
С родной (родительской) земли — умри, не сходи.
Своя земля и в горсти мила.
Русский человек хлеб-соль водит.
Русский ни с мечом, ни с калачом не шутит.
За край свой насмерть стой.
Всякая сосна своему бору шумит.
Глупа та птица, которой гнездо свое не мило.
На чужой сторонушке рад своей воронушке.
Родимая сторона — мать, а чужая — мачеха.
И кости по родине плачут.

5. СКОМОРОШЕСТВО

У всякого скомороха свои погудки.
Рад скомрах о своих домрах.
Всякий спляшет, да не как скоморох.
Скоморох голос на гудке настроить умеет, а житья своего не
устроит.
Волынка да гудок, сбереги домок.

¹ Мирская сходка.

² Вече — мирская сходка, народное собрание.

Скоморошья жена всегда весела.
Веселой калиге¹ не товарищ.
Ладно слушать скомороха на гусельках, а сам играть станешь —
ан не по нас.
Медведь лег — игра стала.
Гудки со двора, и жар простыл.

6. РАТНОЕ ДЕЛО

Мир стоит до рати, а рать до мира.
Крепка рать воеводою.
Не ставь недруга овцою, а ставь его волком.
Прежде соберись, а потом дерись.
Один в поле не ратник.
Косу острят на траву, а меч на главу.
Идти на рать, так бердыш² брать.
Колчан³ пригож стрелами, а обед пирогами.
Изломленного лука двое боятся.
Коли у поля стал, так бей наповал.
Язва от стрел глубока, от меча — широка.
Осажден город двоемыслен.
Сиденьем⁴ города не берут.
Кипит суп: котелок — друг, стук-бряк: котелок — враг.
Мозоль не пуля, а с ног валит.

7. ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОЕ ИГО

Пусто, словно Мамай прошел.
Бей сполох⁵, татарин идет.
Не нашу тысячу⁶ рубят.
Старших и в Орде почитают.
Аще бы и в Орде, только бы в добре.
Злее зла татарская честь.
В татарских очах нету проку.

¹ *Веселой* — скоморох, веселые люди скоморохи; *калыга* — калика, странник, богомолец.

² *Бердыш* — оружие, широкий топор с длинной рукоятью.

³ *Колчан* — кобура для стрел.

⁴ *Сидение* — здесь: осада.

⁵ *Сполох* — тревога, удары в колокол.

⁶ *Тысяча* — тысячный полк, тысяча воинов; пословицу связывают с нашествием монголов: указывает на отсутствие у русских князей единства при обороне.

Каков хан, такова и орда.
Рано татарам на Русь идти.
Умерла та курица, которая несла татарам золотые яйца.

8. ЕДИНОЕ ГОСУДАРСТВО, МОСКВА И ЦАРЬ

Царство разделится, скоро разорится.
Москва — всем городам мать; матушка Москва белокаменная,
златоглавая, хлебосольная, православная, словоохотливая.
Наш городок — Москвы уголок.
Не вдруг Москва строилась.
Междоусобица хуже грозного царствия.
Близ царя — близ смерти.
Лучше грозный царь, чем семибоярщина¹.
Царские милости в боярское решето сеются.
Царю застыт², народ напастят.
Не ведает царь, что делает псарь³.
Коли все миром вздохнут, и до царя дойдут.
Царские глаза далеко видят.
У царя руки долги.
Бог — высоко, а царь — далеко.

9. КРЕПОСТНИЧЕСТВО: ДВОРОВЫЕ, МУЖИК И БАРИН

В боярский двор ворота широки, да с двора узки.
Неволя, неволя — боярский двор: ходя — наешься, стоя — вы-
спишься.
Была бы спина, найдется и вина.
Холоп в неволе у господина, а господин — у прихотей своих.
Не куплен — не холоп, не закабален — не работник.
Всякий раб сам себе рад⁴.
В те поры холопу время, когда господину безвремяе.
Солнышко садится — батрак веселится, солнышко восхо-
дит — батрак с ума сходит.
Крестьянскими мозолями бары сыто живут.
Белые руки чужие труды любят.
Один с сошкой, а семеро с ложкой.
Не будет пахатника, не станет и бархатника.

¹ *Семибоярщина* — объединенное правление бояр; память о Смутном времени.

² *Застить* — заслонять, загораживать, мешать.

³ *Псарь* — приставленный к ловчим и борзым собакам.

⁴ *Рад* — радеет.

Нужда учит, а барщина мучит.
День в день, а топор в пень; смотрю не на работу, а на солнышко¹.
Муж крепок² по жене, а жена по мужу.
Не шей дубленой шубы, оброку прибавят.
Крепки ряды³ Юрьевым днем.
Мужик не тумак: знает, когда живет Юрьев день.
Вот тебе, бабушка, и Юрьев день.
Господин — что плотник: что захочет, то и вырубит.
Тело — государево, душа — божья, спина — барская.
Утинога зоба не накормишь, господского кармана не наполнишь.
Господской работы не переработает.
Вселился черт в боярский двор.
Барская хворь — мужицкое здоровье.
Барская просьба — строгий приказ.
Барская милость — кисельная сытость.
Хвали рожь в стогу, а барина — в гробу.
Всякий барин свою милость хвалит, а нашу услугу ни во что не ставит.
Посулил боярин шубу, да не дал: ин слово его тепло.
Дворянское кушанье — два грибка на тарелочке.
Ни тяга⁴ сын боярский.
Барин в поле полует⁵, мужик в поле горюет.

10. ЗАКОН, СУДОПРОИЗВОДСТВО И СУДЬИ

Где закон, там и обида.
Закон — как паутина: шмель проскочит, а муха увязнет.
Закон — что дышло⁶: куда поворишь, туда и вышло.
Холоп на боярина не послух⁷.
Давши кабалку, не тяжутся⁸.
За очи и баба князя перетяжет⁹.

¹ О барщине и, вообще, о ленивой работе.

² О крепостном праве.

³ Ряд — договор; о заключении договора в Юрьев день (9 декабря, по новому стилю).

⁴ Тяга — подать; в расширенном смысле: не тяга — не работник.

⁵ Полевать — охотиться.

⁶ Дышло — ворочает передок повозки.

⁷ Послух — свидетель при судебном разбирательстве.

⁸ Тягаться — судиться.

⁹ За очи — заглазно; перетяжет — докажет свою правду, выиграет суд.

Доносчику первый кнут.

Очи на очи глядят, очи речи говорят¹.

Не скажешь подлинной, так скажешь подноготную²

Узнать подноготную.

На деле прав, а на дыбе виноват³.

Батожье — дерево божье, терпеть можно.

Шемякин суд⁴.

Шиворот на выворот⁵.

Семь бед — один ответ.

Откладывать в долгий ящик⁶.

Снять с кого шапку (платок)⁷.

С него шапки не сымешь.

Берет руками, а отдает ногами⁸.

Борода — лишняя тягота⁹.

Без рубля бороды не отрастишь¹⁰.

Лоскут на ворот, а кнут на спину¹¹.

Где суд, там неправда.

Не бойся вечных мук, а бойся судейских рук.

Из суда, что из пруда, сухой не выйдешь.

Перо в суде — что топор в лесу: что захотел, то и вырубил.

Не бойся истца, бойся судьи.

Ждет, как ворон кости: поп — покойника, а судья — разбойника.

Перед Богом ставь свечку, перед судьбою — мешок.

¹ Об очной ставке.

² В старинном суде пытку начинали с ударов палками (*длинники*); речи пытаемого именовали *под длинниками*, подлинными; после заставляли говорить *подноготную* правду — забивали под ногти железные гвозди.

³ *Дыба* — устройство для пытки. Доведенный до иступления пытаемый ложно оговаривал себя.

⁴ *Шемякин суд* — несправедливый, неправый, по имени князя Дмитрия Шемяки (умер в 1453 г.).

⁵ В старину на виновного для позора надевали платье наизнанку, сажали на коня лицом к хвосту.

⁶ *Долгий ящик* — удлиненный, для просьб и жалоб, заведен при царе Алексее Михайловиче. Разбирательство при этом затягивалось. Ящик прослыл *долгим*.

⁷ С должников на Красной площади или на торгу, при стечении толпы снимали головной убор — лишали доверия. *Опростоволосить* — снять, сбить платок, опозорить.

⁸ Должников наказывали ударами палки по пяткам.

⁹ *Тяготá* — здесь: плата налога.

¹⁰ О пошлине за ношение бороды (по указу Петра I).

¹¹ О наказании раскольников, которым при Петре I нашивали на ворот кафтана лоскут.

Судейский карман — что утиный зоб: и корму не разбирает и сытости не знает.
В земле — черви, в воде — черти, в лесу — сучки, в суде — крючки: куда уйти?
В суд поди — и кошелек носи.
Судье — рыба, а просителю — чешуя.
Когда деньги говорят, тогда правда молчит.
Будь чист, как стекло, будь светел, как солнце праведное, а ступил в суд ногой, полезай в мошну рукой.
В суде убогой с богатым, хотя и прав, бывает виноватым.
Не тягайся с богатым, не борись с сильным: коза с волком тягалась, хвост да шкура осталась.
Пошел в суд в кафтане, а вышел нагишом.

11. РАЗБОЙ И ВОРОВСТВО

Тати¹ не жнут, а погоды ждут.
Темна ночь вору родная мать.
Ну-те, ребята, промыслы водить: люди горох молотить, а мы замки колотить.
Изда крепка запором, а двор — забором.
Без запора и забора не уйдешь от вора.
Чужое добро страхом огорожено.
Вор слезлив, а плут богомолен.
Не годится к страже вор, ни дурак на разговор.
Не тот вор, кто крадет, а кто лестницу подставляет.
Вор — что заяц, и тени своей боится.
Не пойман — не вор.
Вор у вора дубинку украл.
Воровское стяжание не пойдет впрок.
На воре шапка горит².
Мокрый — дождя, а нагой разбою не боится.
Кошка мышей ловить не устанет, а вор воровать не перестанет.
От поблажки и воры плодятся.
По делам вору и мука.
Кто плут, для того сделан кнут.
Как вору не воровать, а петли ему не миновать.

¹ *Táti* — воры.

² Из шутки — на базаре закричали: «На воре шапка горит, а вор за шапку и хватя!»

Отвага мед пьет; отвага и кандалы трет.
Дошел тать в цель, ведут его на рель¹.
Злое ремесло на рель занесло.

12. КАЗЕННЫЕ ПАЛАТЫ, ВОЕВОДЫ И ВЗЯТКИ

Казенная палата от мужиков богата.
Начальнику нужны: и волчий рот и лисий хвост.
Не ходи к воеводе с одним носом, ходи к нему с приносом.
Просьбы не докуки, как не пусты руки.
Неподмазанное колесо скрипит².
Люди ссорятся, а воеводы кормятся.
От трудов праведных не нажить палат каменных.
Когда у кого голова пуста, то голове ума не придадут места.
Не идет место к голове, а голова — к месту.
Судить, рядить не умеет, а на воеводство садят.
В большом месте сидеть — много надобно ума иметь.
Дома жить — чина не нажить.
Кулик на месте соколином не будет птичьим господином.
С ярыжкой³ кто ни поводится, без рубахи находится.
Дьяк у места, что кошка у теста.
Подъячий любит калач горячий.
Хоть возьми на калачи, только делом не волочи.
Жалеть писцу бумажки — не нажить ему рубашки.
Дерет коза лозу, а волк — козу, а мужик — волка, а поп —
мужика, а попа — приказный, а приказного — черт.
Приказный — безотвязный: стоит над тобой, как черт над душой.

13. РЕЛИГИЯ И ДУХОВЕНСТВО

Избу ставят, Бога славят.
С Богом начинай, а руками кончай.
Бог-то Бог, да и сам не будь плох.
Богу молись, а к берегу гребись.
Гром не грянет, мужик не перекрестится.
Из одного дерева икона и лопата.
Бог за оброки не бьет в боки.
Молись до пупу, Бог любит докуку.
Где просто, тут ангелов со сто, а где мудрено, тут нет ни одного.

¹ Рель — виселица.

² О взятке.

³ Ярыжка — низший служка в приказе; пьяница.

Умен, как поп Семен: книги продал, да карты купил; забился в овин, да играет один.

Поповские глаза завидуши, руки загребуши.

Богу — слава, а попу — коровой сала.

Родись, крестись, женись, умирай — за все денежки подай.

Первую мерлушку¹ попу на опушку.

Кому тошно, а попу в мошно².

Монастырщина³ — что барщина.

Игумен — за чарку, а братия — за ковши.

Голодный и архимандрит украдет.

Не всякий в старцы стрижется для Иисуса, иной и для хлеба куса.

Есть деньги, так в свайку; нет денег, так в схиму.

От беды — в чернецы.

14. ГРАМОТА И ОБУЧЕНИЕ

К мягкому воску — печать, а к юному — ученье.

Корень ученья горек, да плод его сладок.

Продай кафтан да купи буквицу⁴.

Азбука — к мудрости ступенька.

Сперва аз да буки, а там и науки.

Без букв и грамматики не учатся и математике.

Молоденький умок — что вешний ледок.

Дерево и учитель познается по плоду.

Пойти в науку — терпеть муку.

Аз, буки и веде⁵ страшат, что медведи.

Азбука — наука, а ребятам бука.

Аз, буки — бери указку в руки; фита, ижица⁶ — плетка ближится.

Азбуку учат, во всю избу кричат⁷.

Мнится, писание — легкое дело, пишут два перста, а болит⁸ все тело.

¹ Мерлушка — шкура ягненка.

² Мошно, мошна — киса, сумка, мешок.

³ Монастырщина — монастырская жизнь, здесь: работа на монастырь.

⁴ Буквица — азбука.

⁵ Аз, б́уки, вéди — названия первых букв старинного алфавита.

⁶ Фита, ижица — две последние буквы в старинном алфавите.

⁷ При обучении хором выкрикивали буквы и слова.

⁸ О наказании ученика за лень и ошибки.

Наука не пиво: в рот не вольешь.
Неразумного учить — в бездонную кадку воду лить.
Сытое брюхо к ученью глухо.
Читает — летает, да ничего не понимает.
Повторенье — мать ученья.
Не на пользу книги читать, коли только вершки в них хватать.
Не всякий, кто читает, в чтении силу знает.
Ученый водит, неученый следом ходит.
Кто грамоте горазд, тому не пропасть.
Наукою люди кормятся.
Красна птица перьем, а человек — ученьем.
Ученье в счастье украшает, а в несчастье утешает.
Ученье лучше богатства.
Ученье человеку ожерелье.
Грамоте учиться — вперед пригодится.
За ученого двух неученых дают, да и то не берут.
Век живи, век учись.
Ученье — свет, а неученье — тьма.

15. ВОЛЬНОЛЮБИЕ И БУНТАРСТВО

Велика святорусская земля, а правде нигде нет места.
Правда на небо улетела.
Правда светлее солнца.
Правда глаза колет.
Неправда — что дуга ветловая: концы в воде, так середка наружу; середка в воде, концы наружу.
Нужда закон не знает, а через шагает.
Еловый пень не отродчиво, а смердий¹ сын непокорчиво.
На Руси не все караси — есть и ерши.
Отольются волку овечьи слезы.
Князья в платье, бояре в платье; будет платье и на нашей братье.
Были, были, и бояре волком выли.
Барин за барина, мужик за мужика.
Пустить красного петуха².
Смелого ищи в тюрьме, глупого — в полах.
После ненастья и ведро³ будет.
Взойдет солнце и перед нашими воротами.
Всяк своего счастья кузнец.

¹ Смерд — крестьянин.

² Сжечь.

³ Вёдро — сухо, ясно.

16. СТАРИННАЯ ВОЕННАЯ СЛУЖБА, СОЛДАТЧИНА И ВОЙНЫ

Дворянская служба, красная нужда.
В стрельцы ставка добра, да лиха выставка.
Жребий — дурак: и отца в солдаты отдает.
Бояться пульки, не идти в солдаты.
Солдатская голова — что под дождиком трава.
Солдат шилом бреется, дымом греется.
На ученье идешь — жмут подтяжки; домой пришел — дожди-
дайся растяжки.
Не довернешься — бьют, и перевернешься — бьют.
Пройтись по зеленой улице¹.
За неимением капрала и ефрейтору править.
Солдат-горемыка хуже лапотного лыка.
Бой отвагу любит.
Не всякая пуля по кости, иная и по кусту.
Сам пропадай, а товарища выручай.
Храбрость города берет.
Воин воюет, а жена горюет.
Пропал, как швед под Полтавой².
От бородинской пушки под Москвой земля дрожала³.
Отогрелся в Москве, а замерз на Березине⁴.
Двадцать пять лет — солдатский век.

17. НУЖДА, ЗАЙМЫ И КАБАЛА

Нужда скачет, нужда пляшет, нужда песенки поет.
Наготы, босоты изувешены шесты: холоду, голоду амбары полны.
Богат Ермошка: есть собака да кошка.
Ни кола, ни двора.
Рогатой скотины — ухват да мутовка, дворовой птицы — сыч да
ворона.
Кому пироги да пышки, а нам желваки да шишки.
Что в пир, что в мир — всё в одном⁵.
Нужда — мизгирь⁶, а заемщик — что муха.

¹ Сквозь строй солдат — наказание шпицрутенами.

² О знаменитом сражении войск Петра I с армией шведского короля Карла XII.

³ О сражении русской армии с французской под Бородино (1812).

⁴ Имеется в виду пожар в Москве и отступление остатков терпящей голод и холод армии Наполеона, на реке Березине французский император чуть не попал в плен.

⁵ Об одежде.

⁶ *Мизгирь* — паук.

Займодавец — удавец.

Возьмешь лычко, а отдашь ремешок.

Взял у черта рогожу, отдать будет и кожу.

Заниматься¹ — что самому продаться.

Долг не разжива.

Долг стоит у порога.

Долг не ревет, а спать не дает.

В долгу — что в море: ни дна, ни берегов, ни сна, ни покоя не видать.

Должища — что печища: сколько ни клади дров — все мало.

В долг брать легко, да отдавать тяжело.

Голод мучит, а долг крушит.

Идти внаймы — принимать кабалу.

Нанялся — проданся.

Нужду мужик в реке топил, да не утопил.

18. БУРЛАЧЕСТВО

Нечем платить долгу — ехать на Волгу.

Вниз вода несет, а вверх кабала ведет².

Кобылу в хомут, а бурлака в лямку.

Лямку три, налегай да при.

В уханье не слышать и оханья.

Шли бечевой³, а хлеба ничего.

Шилом моря не нагреешь и от бурлачества не разбогатеешь.

Бурлак на час денежку копит⁴.

Тяну лямку, пока не выроют ямку.

19. РЫНОК И ВЛАСТЬ ДЕНЕГ

Торг — яма; берегись, не ввались; упадешь, совсем пропадешь.

Торг без глаз, а деньги слепы: за что отдаешь, не видят.

Базар цену скажет.

На базар ехать, с собой цены не возить.

Собою цены не установить.

Мало в привозе — много в запросе.

Не всегда кормит обоз, иногда кормит и воз.

Калачи живут дешево, коли деньги дороги.

¹ *Заниматься* — брать взаймы.

² Против течения, вверх, приходилось тянуть лямку.

³ *Бичевá* — канат; *идти бичевдй* — тянуть судно.

⁴ Заработанные деньги бурлаки пропивали.

И дорогой товар из земли растет.
Барыш с накладом¹ на одних санях ездят.
Лежачий товар не кормит.
Живой товар растит наклад.
Не обманешь — не продашь.
Деньга — торгу большак².
Деньга деньгу достает.
На торгу деньга проказлива.
На торгу деньга на воле, а купцы и продавцы все под неволей.
Деньги отпирают все двери.
Деньгам все повинуется.
Денежка не Бог, а полбога есть.
Деньги — крылья.
Серебряный молоток пробьет железный потолок.
Алтыном воюют, алтыном торгуют, а без алтына горюют.
Алтын сам ворота отпирает и путь очищает.
Злато не говорит, да много творит.
Без денег в город — сам себе враг.
В городе кусхватишь, рубль платишь, а досыта наешься — и не
разделаешься.
Быть было беде, да случились деньги на бедре³.
Кабы не деньги, так бы весь в полденьги⁴.
Без денег везде худенек.
Алтынного⁵ вора вешают, а полтинного⁶ чествуют.
Бедный от богатого невинно погибает, а богатый совесть из лю-
дей мешками выгоняет.
Пусти душу в ад, будешь богат.
Богат шел в пир, а убог брел в мир.
Богат творит как хочет, а убог как может.

20. РАЗОРЕНИЕ ГОСПОД

И барину деньга — господин.
Хоромы кривые, сени лубяные, слуги босые, собаки бор-
зые — дворянский дом.

¹ Наклад — убыток, ущерб, утрата.

² Большак — голова, старший, распорядитель.

³ На бедре — на поясе в кошельке, в кармане.

⁴ Полденьги — половина деньги, самой мелкой монеты, полушка. В копейке 4 полушки (2 денежки).

⁵ Алтынный — от алтына (3 копейки).

⁶ Полтинный — 50 копеек.

Приход пономарский¹, а расход генеральский.
Где слуги в шелках, там баре в долгах.
Дворня вотчину съела.
Дворня да псарня барина съела.
Пропали наши головы за боярами голыми.
Боярин и в рубище не брат².
Такой-сякой боярин, а все не мужик.
Не богат дворянин, а едет не один.
Камзолы зелены, а щи не солены.
На брюхе шелк, а в брюхе щёлк.
Иное барство хуже пономарства.
Что ни лучше барин, то хуже долги платит.

21. ремесло, промышленность и положение работников

За стрижку в закройщики не ставят.
Знай, чеботарь, свое кривое голенище, а в закройщики не суйся.
Я не на выучке, а ты не закройщик.
Работнику алтын, а подрядчику полтина.
Швецу гривна³, а закройщику рубль.
Делавцу полтина, а подрядчику рубль.
С топора не разбогатеешь, а огорбатеешь.
Кто на бумагопрядильне стоит, тот, как свечка, горит.
Шахтер в землю спускается, с белым светом прощается.
Как родился, так и за молот ухватился.
В забой пойдешь — под бой попадешь.
Не кует железа молот, кует кузнецов голод.
Золото добываем — себе могилу копаем.
Золото моем, а сами голосом воем.
На заводе ад, а кругом смрад.
Батюшка Питер бока наши повытер, братцы-заводы унесли
наши годы, а матушка канава и совсем доканала.

22. обнищание и расслоение деревни

Есть и орало⁴, да нечего орать.
Стали дела наши поправляться: стало земли от семян оставаться.
То не беда, что во ржи лебеда; то беда, что ни ржи, ни лебеды.

¹ *Пonomарский* — от именованья служителя в церкви: пономарь зажигает свечи, готовит кадило и проч.

² Т. е. не чета остальным.

³ *Гривна* — здесь: десять копеек.

⁴ *Орало* — общее название орудий для пахоты, часто так называли соху.

Плох овес — наглотаешься слез; не уродится рожь — по миру пойдешь.

Голод в мир гонит.

Не грози щуке морем, а нагому — горем.

Трудись век, едва заработаешь на хлеб.

От работы не будешь богат, а скорее будешь горбат.

У богатого мужика все в долгу.

Буду богат, буду рогат; кого захочу, того избуду.

Кто кого смога, тот того и в рога.

Кто кого сможет, тот того и гложет.

23. СВОБОДОЛЮБИЕ И РАСПРАВА

В те поры жди свободы, как сольют воды.

Боже, царя возьми, он нам не нужен.

Хорош манифест: мертвым свобода, живых под арест.

Середка сыта, да концы бунтуют.

За правду-матку ссылают на Камчатку.

Сошлют к Ермаку латы чистить.

II

ЖИТЕЙСКО-БЫТОВОЙ ОПЫТ НАРОДА

1. МАТЬ И ДЕТИ

Всякой матери свое дитя мило.

Дитя не плачет, мать не понимает.

Малы детушки — что часты звездочки: и светят и радуют в темную ноченьку.

Детки — радость, детки ж — и горе.

Который палец не укуси, все больно.

Какова матка, таковы и детки.

Детей наказывай стыдом, а не грозой и бичом.

Материнская молитва со дна моря вынимает.

Молода жена плачет до росы утренней, сестрица — до золота кольца, мать — до веку.

2. О ЛЮБВИ

Нет лучше игры, как в переглядушки.

Иссушила молодца чужая девичья краса.

Не спится, не ложится, все про милого грустится.

Насильно мил не будешь.

Не по хорошу мил, а по милу хорош.
Без солнышка нельзя пробыть, без милого нельзя прожить.
Хоть в лесной избушке жить, да за любимым быть.
Для милого дружка и сережка из ушка.

3. ВЫБОР НЕВЕСТЫ И СВАТОВСТВО

Не бери приданое, бери милу девицу.
Суженую-ряженую конем не объедешь.
Кто на борзом коне жениться поскачет, тот скоро поплачет.
Не вздыхай тяжело, не отдадут далеко: хоть за лыску, да близко,
хоть за курочку, да на свою улочку, хоть за воронку, да на
свою сторонку, хоть за батожок, да на свой бережок.
На свашенькиных речах хоть садись да катись.
Сваха лукавая — змея семиглавая.
Люди хвастают — не перелезешь; сват сватает — на коне не
перескочишь.
Ближняя — ворона, а дальняя — соколена.
Не жени сына на теще, не отдавай дочери за свекра.
Из посадских взять — много вина держать.
Из приказных взять — надо приказный порядок знать.
Церковного чину взять — кутейником станут звать.
Из дворянства взять — надо много убору держать.
Знатную взять — не сумеет к работе пристать.
Не купи у цыгана лошади, не женись на поповой дочери.
Фабричную взять — дома не собрать.
Богатую взять — станет попрекать.
Бесприданница — безответница.
Он богатый жених: рогатого скота — кошка да курица, оловян-
ной по суды — крест да пуговица.
Дочушку отдать — ночушку не спать.
Покроют¹ головушку — наложат заботушку.
Венец — всему делу конец.
Выдана замуж — отрезанный ломоть.

4. ДОМ И СЕМЬЯ

Всякий дом на большую голову стоит.
Бабе — кросна², мужу — соха.
Руном³ с овцы одевались и отцы.

¹ *Покрýть* — покрыть свадебным покрывалом, платком, ширинкой.

² *Крósна* — домашний ткацкий станок.

³ *Руно́* — шерсть.

Семейный горшок всегда кипит.
Хозяйкою дом стоит.
От хозяина чтобы пахло ветром, от хозяйки — дымом.
Муж — дому строитель, нищете отгонитель.
Жена, что лебедь-птица, вывела детей вереницу.
Хорошее замужество — прянишна коврижка, а худое замужество — гробова покрышка.
Муж да жена — одна душа.
Любовь да совет, так и нуждочки нет.
На что и клад, когда у мужа с женой лад.
Муж не лапоть, с ноги не скинешь.
Жена не рукавица, с руки не сбросишь.
Жена не гусли: поиграв на стенку не повесишь.
Хозяин в дому — что медведь в бору; хозяйюшка в дому — что оладышек в меду.
Мужику не наносить и мешком, что баба натаскает горшком.
Муж возом не навезет, что жена рукавом растрясет.
Веретенем оденусь, сохой укроюсь.
Жена — кабальный батрак.
Замуж идет — песни поет, а вышла — слезы льет.
В девках сижено — горе мыкано, замуж выдано — вдвое при-
было.
Дважды жена мила бывает: как в избу введут да как вон понесут.

5. В ЧУЖОЙ СЕМЬЕ

Богородица-Покров, дай мне смирную свекровь.
Бойся тестя богатого, как черта рогатого.
Женины деньги петухом в горле запоют.
Был у тещи, да рад утекиши.
Свекор — драчлив; свекровь — ворчлива; деверья — журливы, золовки — мутливы.
Свекор — гроза, а свекровь выест глаза.
У лихой свекрови и сзади глаза.
Чужая сторонка без ветра сушит, свекровь-матушка без петли мучит.
Свекровь снохе говорила: «Невестушка, полно молоть; отдохни — потолки».

6. СИРОТСКАЯ И ВДОВЬЯ ДОЛЯ

В сиротстве жить — слезы лить.
Зайцу да воробышу, а третьему — приемышу нет житья на свете хуже.

В лесу медведь, а в доме мачеха.
Мать высоко замахивается, да не больно бьет; мачеха низко замахивается, да больно бьет.
Житье сиротам — что гороху на дороге: кто мимо идет, тот и урвет.
В девках — притворно, замужем — натужно, а во вдовьей чреде — что по горло в воде.
С мужем — нужна, без мужа — и того хуже; а вдовой да сиротой — хоть волком вой.
Вдовицы — беды терпети.
Вдови сени не стоят.
Шей, вдова, широкие рукава, было бы во что класть небывлые слова.

7. О ДАЛЬНЕМ И МНИМОМ РОДСТВЕ

Десятая вода на киселе.
Седьмой квас на гуще.
Нашему слесарю — двоюродный кузнец.
Ваша-то Катерина да нашей Орине — двоюродная Прасковья.
Это барской курицы племянник.
Родня: наши собаки из одного корыта лакали.
Только и родни, что лапти одни.

8. ЛЮДИ. ИХ ДУШЕВНЫЕ СВОЙСТВА, ВНЕШНИЙ ВИД И ПОВЕДЕНИЕ

Неделя середой крепка, а жизнь — половиной.
В бедах человек умудряется.
И на доброго коня бывает спотычка.
Как в кремне огонь не виден, так в человеке душа.
Что в сердце варится, на лице не утаится.
Видна печаль по ясным очам, а кручина по белу лицу.
Ржа железо ест, а печаль сердце.
День меркнет ночью, а человек — печалью.
Печали без радости, ни радости без печали не бывает.
Кто гнев свой одолевает, тот крепок бывает.
Гнев человеку сушит кости, крушит сердце.
Вспыльчивый нрав не бывает лукав.
У страха глаза велики.
Добро творить — себя веселить.
Злой человек как уголь: если не жжет, то чернит.
Злоба, что лед: до тепла живет.
Совесь с молоточком: и постукивает и наслушивает.

Когда придет беда, не пойдет на ум и еда.
В друге стрела, что в пне, а в себе, что в сердце.
Авоська веревки вьет, небоська петли накидывает.
Говорили Афанасью: быть, де, ненастью; знай, поскакал да колеса растерял.
Кувшин пополам — ни людям, ни нам.
Не наше дело горшки лепить, а наше дело горшки колотить.
Не все коту масленица, будет и великий пост.
Всяк кулик свое болото хвалит.
Овсяная каша хвалилась, будто с коровьим маслом родилась.
Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить.
Невесел калика¹, что сума не полна.
Чего в другом не любишь, того и сам не делай.
Береги одежду снова, а здоровье и честь — смолоду.
Сам кашу заварил, сам ее и расхлебывай.
Свои собаки дерутся, чужая не приставай.
Лихи зарецкие собаки, а наша одна от семерых отъелась.
В согласном стаде волк не страшен.
Худая трава из поля вон.
Кошка скребет себе на хребет.
По Сеньке и шапка, по горшку и крышка.
У Сидора обычай, у Карпа свой.
Род в род идет.
Ребенку дорог пряник, а старцу покой.
Колыбелька — младенцу, а костыль — старику.
Молодой — игрушки, а старой — подушки.
Молодость пташкой, а старость черепашкой.
Молодой на битву, а старый на думу.
Каков в колыбельку, таков и в могилку.
В добром житье сами кудри вьются, в худом — секутся.
Не время волос белит, а кручина.
Девичья краса по возрасту, а молодичья² — до веку.
Такая красава, что в окно глянет — конь прынет; на двор вый-дет — три дня собаки лают.
На зеркало нечего пенять, коли рожа крива.
Тош, как хвоц.
Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше.
Сокол на одном месте не сидит, а где увидит птицу, туда и летит.

¹ *Калика* — здесь: нищий.

² Т.е. у молодой замужней.

9. ОБ УМЕНИИ И ТРУДОЛЮБИИ, ЛЕНИ И НЕРАДИВОСТИ

Деревья смотри в плодах, а людей — в делах.
Работа да руки — надежные в людях поруки.
Терпенье и труд все перетрут.
Лес сечь — не жалеть плеч.
Под лежачий камень и вода не течет.
От скуки бери дело в руки.
Маленькое дело лучше большого безделья.
Без охоты не споро¹ у работы.
Встань мужа кормит, а лень портит.
На ловца и зверь бежит.
С топором весь свет пройдешь.
Клин мастеру опора.
Дерево скоро сядят, да не скоро с него плод едят.
За один раз дерева не срубишь.
Не везде — сила, где — уменье, а где — и терпенье.
Тяжело понесешь, домой не донесешь.
Бери всегда ношу по себе, чтобы не кряхтеть на ходьбе.
За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.
Одна пчелка немного меду натаскает.
Не умеешь шить золотом, так бей молотом.
Не за свое дело не берись, за своим делом не ленись.
Горька работа, да сладок хлеб.
Ясли за конем не ходят.
На палатях лежать, так и ломтя хлеба не видать.
Чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть.
Грибов ищут — по лесу рыщут.
На чужом хребте легко работать.
— Ты что делаешь? — Ничего. — А ты что? — Да я ему помощник.
Собака собаку в гости звала: — Нет, нельзя, недосуг. — А что? — Да завтра хозяин за сеном едет, так надо вперед забежать да лаять.
Синица за море летала и море зажигать хотела, синица много нашумела, да не было из шума дела.
Пошла по масло, а в печи погасло.
Стирала — не устала, выстирала — не узнала.
Какова Устинья, такова у нее и ботвинья².
На печи по дрова поехал.

¹ Не споро — здесь, не спорится, не идет работа.

² Ботвинья — похлебка их кваса и отварной ботвы, свекольник.

Делано наспех и сделано насмех.
В лес идут, а на троих один топор берут.
Люди жать, а мы на солнышке лежать.
Двое пашут, а семеро руками машут.
Застала зима сватью в летнем платье.
И готово, да бестолково.
Ух! Работаем до двух, а с двух до пяти никого не найти.

10. УМ И ГЛУПОСТЬ

Око видит далеко, а мысль еще дальше.
Осла знать по ушам, медведя — по когтям, а дурака — по речам.
На вожжах и лошадь умна.
Коня положили, да зайца уходили.
Глупый ищет большого места, а умного и в углу знать.
Умного пошли — одно слово скажи; дурака пошли — три скажи, да и сам за ним поди.
Где умному горе, там дураку веселье.
Голова с печное чело, а мозгу совсем ничего.
Не спрашивай у старого, а спрашивай у бывалого.

11. О ДОБРОМ И ХУДОМ СЛОВЕ

Слово не стрела, а хуже стрелы.
Не ножа бойся, а языка.
До слова крепись, а давши слово, держись.
Написано пером, не вырубись топором.
Язык коснеет, а перо не робеет.
От слова до дела целая верста.
Кто словом скор, тот в делах редко спор.
Хвастать — не косить, спина не заболит.
На языке мед, а на сердце лед.
Лыстец под словами — змей под цветами.
На лъстивы речи не мечись, на грубу правду не сердись.
У насмешливого зубы белы.
Брань на вороту не виснет.
Браниться — бранись, а на мир слово береги.
Заочную брань ветер носит.
Брань не смола, а саже сродни: не льнет, так марают.
На крепкий сук точи топор, на брань умей давать отпор.
Сорока скажет вороне, ворона — борову, а боров — всему городу.
На чужой роток не накинешь платок.
Сухую грязь к стене не прилепишь.

Придорожная пыль неба не коптит.
Ворожба — не молотья.
Твоими б устами да мед пить.

12. О ДРУЖБЕ

У дружных соседей и сохи свились вместе.
Конь познается при горе, а друг при беде.
Старый друг лучше новых двух.
Вешний лед обманчив, а новый друг ненадежен.
Друг познается при рати да при беде.
Дружба — дружбой, а служба — службой.
С кем хлеб-соль водишь, на того и походишь.
С подружьем и горе пополам разгорюешь.

13. О СЧАСТЬЕ

Счастье — вольная пташка: где захотела — там и села.
Не родись хорош, пригож, родись счастлив.
Счастье — вешнее ведро.
У кого счастье поведется, у того и петух несется.
Счастье лучше богатства.
Счастье без ума — дырявая сума: где найдешь, там и сгубишь.
Счастье придет — и на печи найдет.
Счастье не лошадь: его не запряжешь.

14. ВИНО, ПЬЯНСТВО И ГУЛЬБА

Не винно вино, виновато пьянство.
Выпьем по всей, чтоб повеселей.
Сухая ложка рот дерет.
Первая рюмка — колом, вторая — соколом, а третья — мелкой пташкой.
Чару пить — здраву быть; другую пити — ум обвеселити; утроити — ум устроити; учетверити — ум погубити; много пити — без ума быти.
Святые угодники на пьяниц угодливы: что ни день, то праздник.
На радостях запьешь, с горем об руку пойдешь.
Сегодня до дна, завтра — до дна, осталась коровушка одна.
Хмель-хмелек сведет и богатый домок в один уголок.
Хмель-щеголек поводит без сапог.
Ныне гуляшки и завтра гуляшки — находишься без рубашки.
Гули да гули, да и в лапти обули.
Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.
Хмель шумит, ум молчит.

По гостям, коли любо, гуляй, да и сам ворота отворяй.
Горевал, когда брагу сливал, а слил, так всем стал мил; а как
выпили, то и хозяина вон выбили.
Наш Фома пьет до дна: выпьет, поворотит и в доньшко поколотит.
Винушко. — Ась, мое милушко? — Лейся мне в горлыш-
ко! — Изволь, красно солнышко.
Первое — что я вина в рот не беру; второе — что сегодня и
день не такой; а третье — что я уже две рюмочки выпил.
Горе, горе, где живешь? — В кабаке за бочкой. — Горе, горе,
что жуешь? — Сухари с примочкой.
«Послушай дело, Кузя!». А Кузя пьян, как зюзя.
При пире, при бражке — все дружки; при горе-кручине —
все ушли.
Не хвали пиво разливши, а хвали распивши.
Сколько воды ни пить, а пьяну с нее не бывать.
Последнюю юбочку заложить, а маслену проводить.
В лесу — птицы, в тереме — девицы, а у браги — старые бабы.

15. ЕДА И ПИТЬЕ

Хлеб в человеке воин.
Хлеб да вода — то наша мужицкая еда.
На одно солнце глядим, да не одно едим.
Худ обед, когда хлеба нет.
Хлебушка — калачу дедушка.
Что изба, что стряпня.
Недосол — на столе, а пересол — на спине.
Скорый едок — спорый работник.
Заяц скор, да есть не спор.
Когда ем, тогда глух и нем.
Губа не дура, язык не лопатка: знает, что горько, что сладко.
Лук добро и в бою и во щак.
Рыба мелка, да уха сладка.
Много ерша и на деньгу, да столько не съешь, сколько расплюешь.
Хороша курочка перьями, а мясом еще лучше.
Ельник, березник — чем не дрова; хрен да капуста — чем не еда?
Не красна изба углами, красна пирогами.
Блин не клин, брюха не расколет.
Житье блинам на поминках.
Нынче толокно, завтра толокно, да как на всякий день одно, так
прискучит оно.
С медом и долото проглотишь.
Орехи — девичьи потехи.

Где кисель, тут и сел; где оладьи, тут и ладно; где пирог с крупой, тут и мы с рукой.

Семь перемен, а все — редька: редька — триха, редька — ломтиха, редька — с квасом, редька — с маслом, редька — в кусочках, редька — в брусочках да редька — целиком.

16. ЗДОРОВЬЕ, БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ

Здоровье всего дороже.

Держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле.

Здоровье выходит пудами, а входит золотниками¹.

Здорову врач не надобен.

Болезнь человека не красит.

Застарелую болезнь трудно лечить.

Кто не боится холеры, того она боится.

Ретив веку не доживает.

С дерева убилися бортник, утонул рыбак, а убит солдат.

Старость не радость, не красны дни.

Еле-еле душа в теле.

Уходили бурку крутые горки.

Олень быстр бывает, а от смерти не утекает.

Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Дума за горами, а смерть за плечами.

Красны похороны слезами, а свадьба песнями.

III

ОБЩИЕ СУЖДЕНИЯ

1. СОХРАНЕНИЕ СВОЙСТВ И КАЧЕСТВ

(родство, привычки и проч.)

Не бывать калине малиною.

На кукушкиных яйцах цыплят не выведешь.

От овцы волк не родится.

Вороне соколом не быть.

Сколько с быком не биться, а молока от него не добиться.

Черного кобеля не отмоешь до бела.

Родимое пятно и в бане не отмоешь.

От козла ни шерсти, ни молока.

¹ *Золотник* — небольшая мера торгового веса; ее отношение к другим мерам выводится из соотношения: в фунте — 32 лота, в лоте — 3 золотника; в золотнике — 96 долей. Грамм равен 22,5 долям.

Сколько волка не корми, а он в лес глядит.
Степного коня на конюшне не удержишь.
Волк и всякий год линяет, а нрав не переменяет.
Сова хоть бы под небеса летала, а все соколом не будет.

2. СОВМЕЩЕНИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ (их обратимость)

Жгуча крапива родится, да в шах пригодится.
Палка о двух концах.
Нет худа без добра.

3. ОБ УЧЕТЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ МЕСТА И ВРЕМЕНИ (обыкновения, случайности)

Одна головня и в печи не гаснет, а две и в поле курятся.
Дорого при пожаре ведро воды, а при скудости — подаяние.
Дорого яичко к Светлому дню¹.
Дорога ложка за обедом.
Временем — гнать, а другим — бежать.
Веник в мыльне — всем господин.
На безрыбье и рак рыба.
Всякий кулик на своем месте велик.

4. ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ (врожденные свойства, ход вещей, подчинение условиям, их соблюдение и проч.)

Каков сад, таковы и яблоки.
От худой курицы худые яйца.
Не было бы снегу, не было бы и следу.
Как аукнется, так и откликнется.
Не виновен гвоздь, что лезет в стену: обухом колотят.
Без поджоги и дрова не горят.
Что посеешь, то и пожнешь.
Лес рубят — щепки летят.
От одного порченого яблока целый воз загнивает.
Была бы свинка, будет и щетинка.

5. ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ЯВЛЕНИЙ (порядок, время)

Все идет своим чередом.
Через сноп не молотят.
Всякому овощу — свое время.
Посеянное — взойдет.

¹ К Пасхе.

6. РАЗВИТИЕ И ИЗМЕНЕНИЕ (переменчивость, временность, остатки исчезнувшего)

Всему бывает перемена.
Время переходчиво.
Сенька городит, мостит и хоромит, а время и Сенькины сени подломит.
Все перемелется, мука будет.
Умерла щука, да зубы остались.

7. ОБ УЧЕТЕ РЕАЛЬНОСТИ (невозможность, пределы, условия и проч.)

Море песком не засыплешь.
Не сади дерева корнем кверху.
Острым топором камня не перерубишь, лишь топор иступишь.
Иглою шьют, чашею пьют, а плетью бьют.
В камень стрелять, только стрелы терять.
В воде рыбы много, всей не выловишь.
Не погнетши пчел, меду не едать.
Не узнавши броду, не суйся в воду.
Не продавай шкуры, не убив медведя.
Цыплят по осени считают.
Воды из моря синица немного упьет.
Козы сыты и капуста цела.

8. ДРУГИЕ СУЖДЕНИЯ (противоречия, обратимость, внешность и суть, несоответствия и проч.)

Мельница не по ветру, а против ветра мелет.
Мала искра города пожигает, а сама прежде всех погибает.
Незнаемая прямизна наводит на кривизну.
У кольца нет конца.
Не все то золото, что блестит.
Велик осел, да воду возят, мал сокол да на руках носят.
Пятое колесо в телеге.
У зимы с летом ладу нету.

ПРИМЕТЫ

Не примечать — и хлебушка не едать.
Снег глубок — год хорош.
Снегу надует, хлеба прибудет; вода разольется, сена наберется.
Белье зимой долго не сохнет — льны нехороши будут.
Март сухой да мокрый май — будет каша и каравай.

Как в Евдокеи¹ курочка на улочке водицы напьется, так в Егорьев² барашек травки наестся.

Когда весенний лед не тронется, а потонет, то год будет для людей тяжелый.

Вешний день целый год кормит.

До святого Николы³ не сей гречки, не стриги овечки.

Когда дуб развернулся в заячье ухо, сей овес.

Овес Микольский⁴ — ни хозяйский ни конский.

Посев при северном ветре родит рожь крепче и крупнее.

Из семян не есть ни зерна: черви заведутся.

Посев на молодую луну — к урожаю.

Если кто оставит в поле обсевок, то кому-нибудь из семьи умереть.

На первый посев, опасаясь недоброй встречи, выезжать ночью.

Первый гром в постный день⁵ — коровы будут недоины.

Круты рога месяца — к ведру; пологи — к ненастью; тусклый месяц — к мокрети; ясный — к суху; в синеве — к дождю; в красне — к ветру; с ушами — к морозу.

Черная и пестрая корова впереди стада — к ненастью, белая и рыжая — к вёдру.

Урожай сморчков — к урожаю проса и гречихи.

Много комаров — готовь коробов (плетенок, по ягоды), много мошек — готовь лукошек (по грибы).

Плесьень на ветоши — к урожаю рыжиков.

Сажая капусту, надо приговаривать: «Не будь голенаста — будь пузаста; не будь пустая — будь густая; не будь красна — будь вкусна; не будь стара — будь молода; не будь мала — будь велика».

Чтоб большие огурцы родились, надо зарыть в гряде пест.

Если испечь луковицу прежде, чем лук собран с огорода, то весь лук высохнет.

Коли печень в щуке к голове толще — ранний посев будет лучше, а к хвосту — поздний.

Чтобы прекратился град, нужно выкинуть помело в окно.

Дождь пополам с солнышком — где-нибудь есть утопленник.

Ивановские дожди — лучше золотой горы.

¹ В Евдокеи — 1 марта (здесь и далее по старому стилю, день преподобной Евдокии).

² В Егорьев — 23 апреля (день святого Георгия).

³ До Николы — до 9 мая, дня святителя Николая.

⁴ Микольский — Никольский.

⁵ Здесь: о среде и пятнице.

Федул¹ на двор заглянул — пора серпы зубрить.
До Ильина дня² в сене пуд меду, после Ильина дня — пуд навозу.
На которой траве коса переломится в Иванову ночь³, та и разрыв-трава.

В навозницу⁴ в чужой дом огня не дают: рожь сопреет.
Гуси летят высоко — воды будет много, низко — мало.
Лист, осыпаясь осенью с дерева, лежит лицом кверху — к недороду на другой год, а изнанкой — к урожаю.

Акундин⁵ разжигает овин, Пагасий⁶ солнце гасит.
Кто в пятницу дело начинает, у того оно будет пятиться.
Кто в пятницу прядет, тот покойным родителям костровой⁷ глаза запорашивает.

Кирпич выпал из печи — к худу.
Передний угол или матица трещит — к худу.
Дятел мох долбит в избе — к покойнику.
Ворон каркает на церкви — к покойнику на селе; каркает на избе — к покойнику во дворе.

Если собака ночью воеет, то надо перевернуть под головой подушка, сказав: «На свою голову!»
В день Рождества Христова хозяину не годится со двора идти: овцы заблудятся.

Под которой кровлей голуби водятся, та не горит.
Коли ступишь на чужой след, то будут болеть ноги.
Хмель в сапоге спасает от порчи.
Коса или подкова в пороге охраняют от злых людей.
Когда что потеряно, надо перевязать чорту бороду (т. е. обвязать платком ножку стола) и сказать: «Черт, черт, поиграй да отдай!»
Чтобы леший не обошел, надо вывернуть на себе рубаху наизнанку.

Домовой теплою и мохнатою рукой гладит по лицу — к добру, голою и холодною — к худу.

Локоть чешется — спать на новом месте.

¹ *Федул* — день Феодула, 18 июня.

² *Ильин день* — 20 июля.

³ *Иванова ночь* — ночь на 24 июня.

⁴ *Навозница* — время вывоза навоза на поля в июне, между весенними и летними работами, когда сев закончен, а вспашка озимых полей еще не началась.

⁵ *Акундин, Акиндин* — день 2 ноября.

⁶ *Пагасий, Пигасий* — тот же день 2 ноября.

⁷ *Кострикой, шелухой.*

Правая нога в дороге озябнет раньше левой — к добру.

Ус чешется — перед гостинцем.

Шея чешется — к пирушке или к побоям.

Лоб свербит — челом бить; с правой стороны — мужчине, с левой — женщине.

Нельзя обувать левую ногу раньше правой: зубы будут болеть.

На себе платье зашивать — пришьешь память.

Если найденная булавка лежит к тебе головой — вспомнил приятель, если острием — против тебя что-нибудь замышляет враг.

В одной избе разными вениками не мети: разойдется по углам богатство.

Кто носит в кошеле орех-двойчатку — богат будет.

В. О. Ключевский

О РУССКИХ КАЛЕНДАРНЫХ ПРИМЕТАХ

В Европе нет народа менее избалованного и притязательного, приученного меньше ждать от природы и судьбы и более выносливого. Притом по самому свойству края каждый угол его, каждая местность задавала поселенцу трудную хозяйственную загадку: где бы здесь ни основался поселенец, ему прежде всего нужно было изучить свое место, все его условия, чтобы высмотреть уголье, разработка которого могла бы быть наиболее прибыльна. Отсюда эта удивительная наблюдательность, какая открывается в народных великорусских приметах. Здесь схвачены все характерные, часто трудно уловимые явления годового оборота великорусской природы, отмечены ее разнообразные случайности, климатические и хозяйственные, очерчен весь годовой обиход крестьянского хозяйства. Все времена года, каждый месяц, чуть не каждое число месяца, выступают здесь с особыми метко очерченными климатическими и хозяйственными физиономиями, и в этих наблюдениях, часто доставшихся ценой горького опыта, ярко отразились как наблюдаемая природа, так и сам наблюдатель. Здесь он и наблюдает окружающее, и размышляет о себе, и все свои наблюдения старается привязать к святам, к именам святых и к праздникам. Церковный календарь — это памятная книжка его наблюдений над природой и вместе дневник его дум над своим хозяйственным житьем-бытьем. Январь — году начало, зиме середка. Вот с января уже великоросс, натерпевшийся зимней стужи, начинает подшучивать над нею. Крестьянские морозы — он говорит им: трещи, трещи — минули водо-

крещи; дуй, не дуй — не к Рождеству пошло, а к Великодню (Пасхе). Однако 18 января еще день Афанасия и Кирилла; афанасьевские морозы дают себя знать, и великоросс уныло сознаётся в преждевременной радости: Афанасий да Кирилло забирают за рыло. 24 января память преподобной Ксении: Аксиньи — полухлебницы-полузимницы: ползимы прошло, половина старого хлеба съедена. Примета: какова Аксинья, такова и весна. Февраль — богорей, с боку солнце припекает. 2 февраля Сретение, сретенские оттепели: зима с летом встретились. Примета: на Сретенье снежок — весной дождёк. Март тёплый, да не всегда: и март на нос садится, 25 марта Благовещенье. В этот день весна зиму поборола. На Благовещенье медведь встает. Примета: каково Благовещенье, такова и Святая. Апрель — в апреле земля прееет, ветрено и теплом веет. Крестьянин настораживает внимание: близится страдная пора хлебопашца. Поговорка: апрель сипит да дует, бабам тепло сулит, а мужик глядит, что-то будет. А зимние запасы капусты на исходе. 1 апреля Марии Египетской. Прозвище ее: Марья — пустые щи. Захотел в апреле кислых щей! 5 апреля мученика Феодула. Феодул — ветреник. Пришёл Феодул, тёплый ветер подул. Феодул губы надул (ненастье). 15 апреля апостола Пуда. Правило: выставлять пчёл из зимнего омшаника на пчельник — цветы появились. На святого Пуда доставай пчёл из-под спуда. 23 апреля святого Георгия Победоносца. Замечено хозяйственно-климатическое соотношение этого дня с 9 мая: Егорий с росой, Никола с травой; Егорий с теплом, Никола с кормом. Вот и май. Зимние запасы приедены. Ай май, месяц май, не холоден, да голоден. А холодки навёртываются, да и настоящего дела еще нет в поле. Поговорка: май — коню сена дай, а сам на печь полезай. Примета: коли в мае дож — будет и рожь; май холодный — год хлебородный. 5 мая великомученицы Ирины. Арина — рассадница: рассаду (капусту) сажают и выжигают прошлогоднюю траву, чтобы новой не мешала. Поговорка: на Арину худую траву из поля вон. 21 мая святого царя Константина и матери его Елены. С Алёной по созвучию связался лен: на Алену сей лен и сажай огурцы; Алене льны, Константину огурцы.

Точно также среди поговорок, прибауток, хозяйственных примет, а порой и «сердца горестных замет» бегут у великоросса и остальные месяцы: июнь, когда закрома пусты в ожидании новой жатвы и который потому зовется *июнь* — *ау!* потом июль — страдник, работник; август, когда серпы греют на горячей работе, а вода уже холодит, когда на Преображение — второй Спас, бери рукавицы про запас; за ним сентябрь — холоден сентябрь, да сыт — после уборки урожая; далее октябрь — грязник, ни колеса,

ни полоза не любит, ни на санях, ни на телеге не проедешь, ноябрь — курятник, потому что 1 числа, в день Козьмы и Дамиана, бабы кур режут, оттого и зовётся этот день — курячьи именины, куриная смерть. Наконец, вот и декабрь-студень, развал зимы: год кончается — зима начинается. На дворе холодно: время в избе сидеть да учиться. 1 декабря пророка Наума грамотника: начинают ребят грамоте учить. Поговорка: батюшка Наум, наведи на ум. А стужа крепнет, наступают трескучие морозы, 4 декабря святой великомученицы Варвары. Поговорка: трещит Варюха — береги нос да ухо.

Так со святыми в руках или, точнее, в цепкой памяти великоросс прошёл, наблюдая и изучая, весь годовой круговорот своей жизни. Церковь научила великоросса наблюдать и считать время. Святые и праздники были его путеводителями в этом наблюдении и поучении. Он вспоминал их не в церкви только: он уносил их из храма с собою в свою избу, в поле и лес, навешивая на имена их свои приметы в виде бесцеремонных прозвищ, какие дают закадычным друзьям: Афанасий — *ломанос*, Самсон — *сеногной*, что в июле дождём сено гноит, Федул — *ветреник*, Акулины — *гребчишницы*, мартовская Авдотья — *подмочи порог*, апрельская Марья — *зажги снега, заиграй овражки* и т. д. без конца. В приметах великоросса и его метеорология, и его хозяйственный учебник, и его бытовая автобиография; в них отлился весь он со своим бытом и кругозором, со своим умом и сердцем; в них он и размышляет, и наблюдает, и радуется, и горюет, и сам же подсмеивается и над своими горями, и над своими радостями.

Народные приметы великоросса своенравны, как своенравна отразившаяся в них природа Великороссии. Она часто смеется над самыми осторожными расчетами великоросса; своенравие климата и почвы обманывает самые скромные его ожидания, и, привыкнув к этим обманам, расчетливый великоросс любит подчас, очертя голову, выбрать самое что ни на есть безнадежное и нерасчетливое решение, противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги. Эта склонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великорусский *авось*.

В одном уверен великоросс — что надобно дорожить ясным летним рабочим днем, что природа отпускает ему мало удобного времени для земледельческого труда и что короткое великорусское лето умеет еще укорачиваться безвременным неожиданным ненастьем. Это заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы много сделать в короткое время и впору убраться с поля <...>

Устная проза

Раздел открывается *преданиями*, включенными в начальную русскую летопись «Повесть временных лет». Это самые древние из дошедших до нас образцов жанра. В них с очевидностью выступает установка на «достоверность» как определяющее свойство. И хотя рассказу о событиях и деяниях исторических лиц сообщается особенное толкование, а изложение сопровождается несомненным вымыслом, но реальная основа преданий удержана. О летописных преданиях существует обширная исследовательская литература. Непросто отделить от достоверной информации собственно предания и близкие им виды устной прозы, хотя сложный состав летописных известий хорошо изучен. Назовем обстоятельную сводку знаний о древнейших преданиях в главе «Народное поэтическое творчество времени расцвета древнерусского раннефеодального государства (X—XI вв.)», написанной Д.С. Лихачевым для коллективного труда «Русское народное поэтическое творчество. Т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII веков» (М.; Л., 1953. С. 141—178 и др.).

Летописные предания даны в переводе Д.С. Лихачева. Заголовки к ним принадлежат составителю хрестоматии. В разделе представлены предания и поздних времен. Все они по обычному свойству жанра так или иначе касаются исторических лиц и событий, оставивших след в людской памяти. Самые темы преданий характерны. Завершается раздел преданиями, записанными в XX в., и, как правило, собирателями, озабоченными намерением сохранить не только их содержание, но и устную форму. По таким записям можно судить, как бытуют предания. В особенности это касается местных преданий. Из них для хрестоматии взяты немногие, но характерные образцы.

Бывальщины представляют другой вид устной прозы. Он близок преданиям, но отличается от них. Достоверность сообщения в бывальщинах почти всегда подкреплена указанием на свидетелей или участников памятных событий. Это живая молва о недавнем прошлом, о событиях, случившихся во времена, не столь далекие сравнительно с теми, о каких говорят предания. Стиль бывальщин — живая речь, композиция свободная, случаются повторения, вводимые для убедительности. Есть и вымысел, но редко осознаваемый.

В природе бывальщин как фольклорного жанра — повторяемость приемов рассказа, в чем можно убедиться, сличив между собой бывальщины, записанные от лиц одной местности и даже записанные в местах, разделенных огромным пространством. Локальные свойства не выводят бывальщину из рамок общерусских традиций.

От преданий и бывальщин как произведений с установкой на правдоподобие отличаются *былички* и *легенды*. Оба жанра принадлежат к области религии и бытовой веры. Быличка неизменно воспроизводит бытовые понятия и представления, а легенда тесно соединена с христианской верой, укоренившейся в народе. При всем том налицо и некоторая общность выражаемых в быличках и легендах понятий, хотя противоположность их осознается.

Быличкам свойственна форма сказа-повествования от первого лица, но нередка в них и форма повествования в третьем лице. На этом основано различие так называемых *меморатов* (рассказчик свидетельствует о случившемся) и *фабулатов* (это истории или случаи, произошедшие с кем-то другим и о которых говорится «со стороны»). Быличка-фабулат соприкасается с разными видами устной прозы, в особенности часто со сказками. Образцы меморатов и фабулатов представлены в записях, наиболее соответствующих их естественной форме бытования: это записи Н.Е. Ончукова «Северные сказки» и записи братьев Б.М. и Ю.М. Соколовых «Сказки и песни Белозерского края».

В легендах неизменна вера в божественный промысел. Чудо происходит как следствие прямого вмешательства в людскую жизнь творца всего сущего. Легенды усматривают в событиях и во всем происходящем с людьми логику нравственных установлений. Ненаказуемость при их нарушении исключена. Людской грех всегда сопрягается с рассказом о нарушении божьих заповедей. На первом плане мысль о согласии происходящего с требованиями нравственного закона или его нарушения. В легендах представлены праведники и грешники. Мысль о строгом следовании христианской вере сочетается с убеждениями в абсолютной необходимости разумного устройства людской жизни.

Легенды не чужды заинтересованного стремления к занимательности. Их сюжеты, мотивы, отчасти и стиль близки остальной устной прозе, порой чисто сказочной. Новейшие записи (образцы их включены в подборку) отмечены фрагментарностью, утратой цельности в передаче содержания. Но их ценность и в таком виде несомненна, особенно когда в публикациях предстает многообразие

местных тем. Для хрестоматии преимущественно взяты общерусские легенды из сборника «Народные русские легенды» (Лондон, 1859; Москва, 1860; ряд недавних переизданий). Их публикатор А.Н. Афанасьев воспользовался записями П.И. Якушкина, В.И. Даля, других собирателей. Без легенд нет полноты в постижении фольклора.

ПРЕДАНИЯ

1

О построении Киева, трех братьях и сестре их Лыбеди

И были три брата: один по имени Кий, другой — Щек и третий — Хорив, а сестра их была Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев¹, а Щек сидел на горе, которая ныне называется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей. И построили городок во имя старшего своего брата, и назвали его Киев. Был кругом города лес и бор велик, и ловили там зверей. И были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и до сегодня в Киеве².

Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз на Киев»³. Однако, если бы Кий был перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. А между тем Кий этот княжил в роде своем, и ходил он к царю, — не знаем только к какому царю, но только знаем, что великие почести воздал ему, как говорят, тот царь, при котором он приходил. Когда же он возвращался, пришел он на Дунай, и облюбывал место, и срубил небольшой город, и хотел обосноваться в нем со своим родом, но не дали ему близживущие. Так и доныне называют придунайские жители городище то — Киевец⁴. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались.

¹ Подъем (увоз) Боричев — подъем соединял «гору» с Подолом, низменной частью Киева.

² Предполагают, что рассказ о братьях и сестре — культовое предание о прашурах.

³ Свидетельство о существовании среди устных преданий версий об одном и том же.

⁴ По мнению Б.А. Рыбакова, время основания городища («градок мал») — VI в.н.э.

Обры — мучители славян

Когда же славяне, как мы уже говорили, жили на Дунае, пришли от скифов, то есть от хозар, так называемые болгары, и сели по Дунаю, и были насильники славянам. Затем пришли белые угры и наследовали землю славянскую, прогнав волохов, которые еще прежде захватили славянскую землю. Эти ведь угры появились при царе Ираклии, который ходил походом на персидского царя Хоздроя. В те времена существовали и обры¹, воевавшие против царя Ираклия и чуть было его не захватившие. Эти обры воевали и против славян и примучили дулебов — также славян, и творили насилие женам дулебским: если поедет куда обрин, то не позволяя запречь коня или вола, но приказывал впречь в телегу три, четыре или пять жен и везти его — обрина. И так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, а умом горды, и Бог истребил их, и умерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и до сего дня: «Сгнули как обры», — их же нет ни племени, ни потомства. Вслед за этими обрами пришли печенеги, а затем шли черные угры мимо Киева, но было это впоследствии — при Олеге.

От дыма по мечу

Вслед за тем, по смерти братьев этих (Кия, Щека и Хорива. — *Д. Лихачев*), поляне были притесняемы древлянами и иными окрестными людьми. И нашли их хазары сидящими на горах этих в лесах, и сказали: «Платите нам дань». Поляне, посоветовавшись, дали от дыма по мечу. И отнесли их хазары к своему князю и к своим старейшинам, и сказали им: «Вот, новую дань захватили мы». Те же спросили у них: «Откуда?». Они же ответили: «В лесу на горах над рекою Днепром». Опять спросили те: «А что дали?». Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: «Не добрая дань эта, княже: мы доискались ее оружием, острым только с одной стороны, то есть саблями, а у этих оружие обоюдоострое, то есть мечи: ста-

¹ Обры — авары, кочевники.

нут они когда-нибудь собирать дань и с нас, и с иных земель». И сбылось это все, так как не по своей воле говорили они, но по Божьему повелению.

4

Призвание варягов¹

В год 6367 [859]. Варяги из заморья взымали дань с чуди и со славян, и с мери, и с всех кривичей, а хозары брали с полян и с северян, и с вятичей, — брали по серебряной монете и по белке от дыма².

В год 6370 [862]. Изгнали варяг за море и не дали им дани, и начали сами собой владеть. И не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица и стали воевать сами с собой. И сказали они себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называются свей (шведы), а иные норманы и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти прозывались³. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам, и сел старший Рюрик в Новгороде, а другой — Синеус — на Белоозере, а третий — Трувор — в Изборске.

¹ Пристрастное толкование этого летописного известия легло в основу теории о возникновении русского государства по инициативе и воле пришедших норманских князей («приходяще из заморья»). Между тем у летописцев речь идет только о *найме* военной дружины для прекращения междоусобиц, а государственное устройство возникло на почве самостоятельного развития самих восточнославянских племен. При невыполнении возложенных обязанностей варягов изгоняли, строго следили за соблюдением договоров («рядил бы по праву»); варяги получали за службу кормление, имели право взымать дань в установленной норме. При всем том фольклорная основа предания о призвании варягов неоспорима, как несомненна и тенденциозность летописного известия: тут предполагают и позднюю вставку о самом появлении варяжских дружин как полномочной во всем власти, однако какими были сами фольклорные предания, судить трудно. Достоверно известно, что неравнодушные новгородские устные рассказы исходили от представителей посаднического рода воеводы Вышаты Остромирича и его сына Яна.

² *От дыма* — от каждой семьи.

³ Решение вопроса о происхождении названия «русь» вызвало и вызывает у историков споры. Обращено внимание на то, что первоначально «русью» именовали землю полян («поляне, яже ныне зовомая Русь»). Лишь позднее название было перенесено на все восточнославянские земли.

Мать городов русских

В год 6387 [879]. Умер Рюрик и, передав княжение свое Олегу — родичу своему, — отдал ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал.

В год 6390 [882]. Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своих мужей. Оттуда отправился вниз и взял Любеч, и также посадил своих мужей. И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, а сам подошел к горам, неся ребенка Игоря. И подплыл к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что де «Мы купцы, идем к грекам от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим». Когда же Аскольд и Дир пришли, все спрятанные воины выскочили из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода», а когда вынесли Игоря, добавил: «Вот он сын Рюрика». И убили Аскольда и Дира, отнесли на гору и погребли: Аскольда — на горе, которая называется ныне Угорской, где теперь Ольмин двор; на той могиле Ольма поставил церковь святого Николы; а Дирова могила — за церковью святой Ирины. И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: «Да будет матерью городам русским».

Поход Олега на Царьград

В год 6415 [907]. Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцов, известных как толмачи¹: этих всех называли греки «Великая Скифь». И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом 2000. И пришел к Царьграду; греки же замкнули Суд², а город затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств со-

¹ Толмачи — переводчики, знатоки языков.

² Суд (Золотой Рог) — бухта у европейского берега южного входа в пролив Босфор.

творил в окрестностях города грекам; и разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других мучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно поступают враги.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли со стороны поля к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали через послов Олегу: «Не губи города, дадим тебе дани, какой захочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки, и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас от Бога». И приказал Олег дать дани на 2000 кораблей: по 12 гривен на человека, а было в каждом корабле по 40 мужей.

И согласились на это греки, и стали греки просить мира, чтобы не воевал Греческой земли. Олег же, немного отойдя от столицы, начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром и послал к ним в столицу Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида со словами: «Платите мне дань». И сказали греки: «Что хочешь, дадим тебе». И приказал Олег дать воинам своим на 2000 кораблей по 12 гривен на уключину¹, а затем дать дань для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полотска, для Ростова, для Любеча и для прочих городов: ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу<...>

Итак, царь Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и ходили ко взаимной присяге: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили в клятве по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном их богом, и Волосом богом скота, и утвердили мир. И сказал Олег: «Сшейте для Руси паруса из паволок², а славянам полотняные». И было так! И повесил щит свой на воротах в знак победы, и пошли от Царьграда. И подняла Русь паруса из паволок, а славяне полотняные, и разодрал их ветер. И сказали славяне: «Возьмем свои простые паруса, не дались славянам паруса из паволок». И вернулся Олег в Киев, неся золото и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными.

¹ Уключина — у борта ладьи, лодки устройство (отверстие, колышки для вложения весла).

² Паволока — дорогая шелковая ткань.

Смерть Олега

И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и помянул Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников: «Отчего я умру?». И сказал ему один кудесник: «Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ездешь,—от него тебе умереть!». Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше». И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока не пошел на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года, — на пятый год помянул он своего коня, от которого когда-то волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов, и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?». Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Не право говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать себе коня: «Да увижу кости его». И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?». И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер он. Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемой Щековица. Есть же могила его и донныне, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три.

Убийство Игоря

В год 6453 [945]. В тот год сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, да и ты добудешь и мы». И послушал их Игорь — пошел к древлянам за данью, и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, — поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малою частью дружины вернулся, желая бльшого богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если пова-

дится волк к овцам, то выносит все стадо, пока не убьют его. Так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь. И древляне, выйдя из города Искоростеня против Игоря, убили Игоря и дружину его, так как было ее мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня в Деревской земле и до сего времени.

9

Мечь Ольги

Ольга же была в Киеве с сыном своим ребенком Святославом, и кормилец его был Асмуд, а воевода Свенельд — отец Мстиши. Сказали же древляне: «Вот убили князя мы русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала, и Святослава возьмем и сделаем ему, что захотим». И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге. И пристали в ладье под Боричевым подъемом, ибо вода тогда текла возле Киевской горы, а на Подоле не сидели люди, но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордяты и Никифора, а княжеский двор был в городе, где ныне двор Воротислава и Чудина, а ловушка для птиц была вне города; был вне города и другой двор, где стоит сейчас двор Уставщика позади церкви Богородицы Десятинной; над горою был теремной двор — был там каменный терем. И поведали Ольге, что пришли древляне. И призвала их Ольга к себе, и сказала им: «Добрые гости пришли»; и ответили древляне: «Пришли, княгиня». И сказала им Ольга: «Говорите, зачем пришли сюда?». Ответили же древляне: «Послала нас Деревская земля, с такими словами: “Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что ввели порядок в Деревской земле. Пойди замуж за князя нашего за Мала”». Было ведь имя ему, князю древлянскому, — Мал. Сказала же им Ольга: «Любезна мне речь ваша, — мужа моего мне уже не воскресить; но хочу воздать вам завтра честь перед людьми своими; ныне же идите к своей ладье и ложитесь в нее, величаясь. Утром я пошлю за вами, а вы говорите: “Не едем на конях, ни пеши не пойдём, но понесите нас в ладье”. И вознесут вас в ладье». И отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать на теремном дворе вне града яму великую и глубокую. На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями. И пришли к ним и сказали: «Зовёт вас Ольга для чести великой». Они же ответили: «Не едем ни на конях, ни на

возах и пеши не идем, но понесите нас в ладье». И ответили киевляне: «Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя». И понесли их в ладье. Они же уселись величаясь, избоченившись и в великих нагрудных бляхах. И принесли их на двор к Ольге, и как несли, так и сбросили их вместе с ладьей в яму. И, приникнув к яме, спросила их Ольга: «Хороша ли вам честь?». Они же ответили: «Пуще нам Игоревой смерти». И повелела засыпать их живыми; и засыпали их.

И послала Ольга к древлянам, и сказала им: «Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди». Услышав об этом, древляне избрали лучших мужей, управлявших Деревскою землею, и прислали за ней. Когда же древляне пришли, Ольга приказала приготовить баню, говоря им так: «Вымывшись, придите ко мне». И разожгли баню, и вошли в нее древляне, и стали мыться; и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от двери, и сгорели все.

И послала к древлянам со словами: «Вот уже иду к вам, приготовьте меды многие у того города, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и устрою ему тризну». Они же, услышав об этом, свезли множество медов и заварили их. Ольга же, взяв с собою малую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям своим насыпать великую могилу и, когда насыпали, приказала совершать тризну. После того сели древляне пить, и приказала Ольга отрокам своим прислуживать им. И сказали древляне Ольге: «Где дружина наша, которую послали за тобой?». Она же ответила: «Идут за мною с дружиною мужа моего». И когда опьянели древляне, велела отрокам своим пить за их честь, а сама отошла прочь и приказала дружине рубить древлян, и иссекли их 5000. А Ольга вернулась в Киев и собрала войско против оставшихся древлян.

10

Поход Ольги на Искоростень

В год 6454 [946]. Ольга с сыном своим Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на Деревскую землю, и вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска для схватки, Святослав бросил копьем в древлян, и копье пролетело между ушей коня и ударило ему в ногу, ибо был Святослав еще ребенок. И сказали Свенельд и Асмуд: «Князь уже начал; последуем, дружи-

на, за князем», и победили древлян. Древляне же побежали и затворились в своих городах. Ольга же устремилась с сыном своим к городу Искоростеню, так как жители его убили ее мужа, и стала с сыном своим около города, а древляне затворились в нем и крепко боролись из города, ибо знали, что, убив князя, не на что им надеяться после сдачи. И стояла Ольга все лето и не могла взять города. И замыслила так: послала она к городу, со словами: «До чего хотите досидеться? Ведь все ваши города уже сдались мне и обязались выплачивать дань и уже возделывают свои нивы и земли, а вы, отказываясь платить дань, собираетесь умереть с голода». Древляне же ответили: «Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего». Сказала же им Ольга, что де «Я уже мстила за обиду своего мужа, когда приходили вы к Киеву в первый раз и во второй, а в третий раз мстила я, когда устроила тризну по своему муже. Больше уже не хочу мстить, — хочу только взять с вас небольшую дань и, заключив с вами мир, уйду прочь». Древляне же спросили: «Что хочешь от нас? Мы рады дать тебе мед и меха». Она же сказала: «Нет у вас теперь ни меду, ни мехов, поэтому прошу у вас немного: дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжкой дани, как муж мой, поэтому-то и прошу у вас мало. Вы же изнемогли в осаде, оттого и прошу у вас этой малости». Древляне же, обрадовавшись, собрали от двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: «Вот вы и покорились уже мне и моему дитяти. Идите в город, а я завтра отступлю от него и пойду в свой город». Древляне же с радостью вошли в город и повели обо всем людям, и обрадовались люди в городе. Ольга же, раздав воинам — кому по голубю, кому по воробью, приказала привязывать каждому голубю и воробью трут, завертывая его в небольшие платочки и прикрепляя ниткой к каждой птице. И, когда стало смеркаться, приказала Ольга своим воинам пустить голубей и воробьев. Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни, а воробьи под стрехи¹. И так загорелись где голубятни, где клетки, где сараи и сеновалы. И не было двора, где бы не горело. И нельзя было гасить, так как сразу загорелись все дворы. И побежали люди из города, и приказала Ольга воинам своим хватать их. И так взяла город и сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а других людей убила, третьих отдала в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань.

¹ *Стреха* — соломенная крыша.

И возложила на них тяжкую дань. Две части дани шли в Киев, а третья в Вышгород Ольге, ибо был Вышгород городом Ольги. И пошла Ольга с сыном своим и с дружиною по Древлянской земле, устанавливая распорядок даней и налогов. И существуют места ее стоянок и охот до сих пор. И пришла в город свой Киев с сыном своим Святославом, и пробыла здесь год.

11

Святослав

В год 6472 [964]. Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых. И легко ходил в походах, как п¹рдус¹, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину или зверину, или говядину и, зажарив на углях, так ел. Не имел он и шатра, но спал, подстлав потник, с седлом в головах. Такими же были и все прочие его воины. И посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас идти». И пошел на Оку реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал им: «Кому дань даете?». Они же ответили: «Хазарам — по щелягу от рала² даем».

В год 6473 [965]. Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар и город их Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов.

12

Осада Киева и подвиг отрока

В год 6476 [968]. Пришли впервые печенег на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга в городе Киеве со своими внуками — Ярополком, Олегом и Владимиром. И осадили печенег город силою великой: было их бесчисленное множество вокруг города. И нельзя было ни выйти из города, ни вести послать. И изнемогали люди от голода и жажды. И собрались люди той стороны Днепра в ладьях, и стояли на том

¹ П¹рдус — барс.

² Щеляга — монета. Ра¹ло — соха, плуг.

берегу. И нельзя было ни тем пробраться в Киев, ни этим из Киева к ним. И, стали тужить люди в городе, и сказали: «Нет ли кого, кто бы смог перебраться на ту сторону и сказать им: если не подступите утром к городу, — сдадимся печенегам». И сказал один отрок: «Я проберусь», и ответили ему: «Иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел ли кто-нибудь коня?». Ибо знал он по-печенежски и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать. На том берегу заметили это, подъехали к нему на ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: «Если не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам». Воевода же их, по имени Претич, сказал на это: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав». И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенегам же показалось, что пришел сам князь, и побежали от города врассыпную. И вышла Ольга с внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один и обратился к воеводе Претичу: «Кто это пришел?». А тот ответил ему: «Люди той стороны (Днепра)». Печенежский князь снова спросил: «А ты не князь-ли уж?». Претич же ответил: «Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное их множество». Так сказал он, чтобы пригрозить печенегам. Князь же печенежский сказал Претичу: «Будь мне другом». Тот ответил: «Так и сделаю». И подали они друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы, а тот дал ему кольчугу, щит и меч. И отступили печенеги от города. И нельзя было вывести коня напоить: стояли печенеги на Лыбеди. И послали киевляне к Святославу, со словами: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул. А нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?» Услышав эти слова, Святослав с дружиною скоро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о том, что случилось с ними от печенегов. И собрал воинов, прогнал печенегов в поле, и наступил мир.

Поход Святослава на греков

В год 6479 [971]. Пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе. И вышли болгары на битву против Святослава, и была сеча велика, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав своим воинам: «Здесь нам и умереть! Постоим же мужественно братья и дружина!». И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом, и послал к грекам со словами: «Хочу идти на вас и взять столицу вашу, как и этот город». И сказали греки: «Не вмоготу нам сопротивляться вам, так возьми с нас дань на всю свою дружину и скажи сколько вас, чтобы розочлись мы по числу дружинников твоих». Так говорили греки, обманывая русских, ибо греки лживы и до наших дней. И сказал им Святослав: «Нас двадцать тысяч», но прибавил десять тысяч: ибо было русских всего десять тысяч. И выставили греки против Святослава сто тысяч, и не дали дани.

И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их, — сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посралим земли Русской, но ляжем здесь костями, ибо мертвые не принимают позора. Если же побежим, — позор нам будет. Так не побежим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь». И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». И исполнились русские, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали. И пошел Святослав к столице, воюя и разбивая города, что стоят и ныне пусты. И созвал царь бояр своих в палату, и сказал им: «Что нам делать: не можем ведь ему сопротивляться?». И сказали ему бояре: «Пошли к нему дары; испытаем его: любит ли он золото или паволоки?» И послал к нему золото и паволоки с мудрым мужем, наказавши ему: «Следи за его видом, и лицом, и мыслями!». Он же взял дары и пришел к Святославу. И поведали Святославу, что пришли греки с поклоном, и сказал Святослав: «Введите их сюда». Те вошли и поклонились ему, и положили перед ним золото и паволоки. И сказал Святослав своим отрокам, смотря в сторону: «Спрячьте». Греки же вернулись к царю, и созвал царь бояр. Посланные же сказали: «Пришли де мы к нему и поднесли дары, а он

и не взглянул на них, — приказал спрятать». И сказал один: «Испытай его еще раз: пошли ему оружие». Они же послушали его и послали ему меч и другое оружие, и принесли ему. Он же взял и стал царя хвалить, выражать ему любовь и благодарность. Снова вернулись посланные к царю и поведали ему все как было. И сказали бояре: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Плати ему дань». И послал к нему царь, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань, сколько хочешь». Ибо только немногим не дошел он до Царьграда. И дали ему дань. Он же брал и на убитых, говоря: «Возьмет де за убитого род его». Взял же и даров много, и возвратился в Переяславец со славою великою. Увидев же, что мало у него дружины, сказал себе: «Как бы не убили какой-нибудь хитростью и дружину мою и меня», так как многие были убиты в боях. И сказал: «Пойду на Русь, приведу еще дружины».

И послал послов к царю в Доростол, где в это время находился царь, говоря так: «Хочу иметь с тобою твердый мир и любовь». Царь же, услышав это, обрадовался и послал к нему даров больше прежнего. Святослав же принял дары и стал думать с дружиною своею, говоря так: «Если не заключим мир с царем, и узнает царь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А Русская земля далеко, печенеги с нами в войне, и кто нам тогда поможет? Заключим же с царем мир: ведь они уже обязались платить нам дань, — того с нас и хватит. Если же перестанут нам платить дань, то снова из Руси, собрав множество воинов, пойдем на Царьград».

14

Женитьба князя Владимира на Рогнеде

И послал к Рогволоду в Полоцк сказать: «Хочу дочь твою взять себе в жены». Тот же спросил у дочери своей: «Хочешь ли за Владимира?». Она же ответила: «Не хочу разуть сына рабыни, но хочу за Ярополка». Этот Рогволод пришел из-за моря и держал власть свою в Полоцке, а Туры держал власть в Турове, по нему и прозвались туровцы. И пришли отроки Владимира и поведали ему всю речь Рогнеды — дочери полоцкого князя Рогволода. Владимир же собрал много воинов — варягов, славян, чуди и кривичей — и пошел на Рогволода. А в это время собирались уже вести Рогнеду за Ярополка. И напал Владимир на Полоцк, и убил Рогволода и его двух сыновей, а дочь его взял в жены.

Пищанцы волчьего хвоста бегают

В год 6492 [984]. Пошел Владимир на радимичей. Был у него воевода Волчий Хвост; и послал Владимир Волчьего Хвоста вперед себя и встретил тот радимичей на реке Пищане и победил их. Оттого и дразнят русские радимичей: «Пищанцы волчьего хвоста бегают». Были же радимичи от рода ляхов, пришли и обосновались тут и платят дань Руси, повоз везут и доныне.

Поищем себе лапотников

В год 6493 [985]. Пошел Владимир на болгар в ладьях с дядею своим Добрынею, а торков привел берегом на конях; и победил болгар. Сказал Добрыня Владимиру: «Осмотрел пленных колодников: все они в сапогах. Этим дани нам не давать, — пойдем, поищем себе лапотников». И заключил Владимир мир с болгарами и клятву дали друг другу, и сказали болгары: «Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель — тонуть». И вернулся Владимир в Киев.

Поход на Корсунь и принятие Владимиром христианства

И когда прошел год, в 6496 [988] году пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий, и затворились корсуняне в городе. И стал Владимир на той стороне города у пристани, в расстоянии полета стрелы от города, и сражались крепко из города. Владимир же осадил город. Люди в городе стали изнемогать, и сказал Владимир горожанам: «Если не сдадитесь, то простою и три года». Они же не послушались его. Владимир же, изготовив войско свое, приказал присыпать насыпь к городским стенам. И когда насыпали они, корсунцы, подкопав стену городскую, выкрадывали подсыпанную землю и носили ее себе в город и ссыпали посреди города. Воины же присыпали еще больше, и Владимир стоял. И вот некий муж корсунянин, именем Анастас, пустил стрелу, так написав на ней: «Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев,

которые за тобою с востока». Владимир же, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал: «Если сбудется это, — крещусь!». И тотчас же повелел копать наперез трубам и перенял воду. Люди изнемогли от жажды и сдались. Владимир вошел в город с дружиною своею и послал к царям Василию и Константину сказать: «Вот взял уже ваш город славный. Слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу». И, услышав это, опечалились цари. И послали ему весть такую: «Не пристало христианам выдавать жен за язычников; если крестишься, то и ее получишь, и царство небесное воспримешь, и с нами единовен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя». Услышав это, сказал Владимир посланным к нему от царей: «Скажите царям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и любá мне вера ваша и богослужение, о котором рассказали мне посланные нами мужи». И рады были цари, услышав это, и упросили сестру свою, именем Анну, и послали к Владимиру, говоря: «Крестись и тогда пошлем сестру свою к тебе». Ответил же Владимир: «Придите с сестрою вашею и тогда крестите меня». И послушались цари, и послали сестру свою, сановников и пресвитеров. Она же не хотела идти, говоря: «Иду как в полон, лучше бы мне здесь умереть». И сказали ей братья: «Может быть, обратит тобою Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь ли, сколько зла наделала грекам Русь? Теперь же, если не пойдешь, то сделают и нам тоже, что в Корсунь». И едва принудили ее. Она же села в корабль, попрощалась с ближними своими с плачем и отправилась через море. И пришла в Корсунь, и вышли корсунцы навстречу ей с поклоном, и ввели ее в город, и посадили ее в палате. По божественному промыслу разболелся в то время Владимир глазами и не видел ничего. И скорбел сильно, и не знал, что сделать. И послала к нему царица сказать: «Если хочешь избавиться от болезни этой, то крестись поскорей; если же не крестишься, то не избудешь недуга своего». Услышав это, Владимир сказал: «Если вправду исполнится это, то поистине велик Бог христианский». И повелел крестить себя. Епископ же корсунский с царицыными попами, огласив, крестил Владимира. И когда возложил руку на него, тотчас же прозрел Владимир. Владимир же, ощутив свое внезапное исцеление, прославил Бога: «Теперь узнал я истинного Бога». Многие из дружинников, увидев это, крестились. Крестился же он в церкви святого Василия, а стоит церковь та в городе Корсунь посреди града, где собираются корсунцы на торг; палата же Владимира стоит с края церкви и до наших дней, а цари-

цына палата — за алтарем. По крещении же Владимира привели царицу для совершения брака. Не знающие же истины говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят в Васильеве, а другие и по-иному скажут. Когда же Владимира крестили и научили его вере христианской, сказали ему так: «Пусть никакие еретики не прельстят тебя, но веруй, говоря так: «Верую во единого Бога отца вседержителя, творца неба и земли» — и до конца этот символ веры.

18

Свержение идолов и крещение киевлян, всей Руси

После всего этого Владимир взял царицу, и Анастаса и священников корсунских с мощами святого Климента, и Фива ученика его, взял и сосуды церковные, и иконы на благословение себе. Поставил (Владимир) и церковь в Корсуне на горе, которую насыпали посреди города, выкрадывая землю из насыпи; стоит церковь та и доныне. Отправляясь, захватил он и двух медных идолов и четырех медных коней, что и сейчас стоят за церковью святой Богородицы (Десятинной) и про которые невежды думают, что они мраморные. Корсунь же отдал (Владимир) грекам как вено¹ за царицу, а сам вернулся в Киев. И когда пришел, повелел опрокинуть идолы, — одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью, и приставил двенадцать мужей колотить его жезлами. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе, — чтобы принял он возмездие от людей. «Велик ты, Господи, и чудны дела твои!». Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем. Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они святого крещения. И, притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его». Они же исполнили, что им было приказано. И когда пустили Перуна и прошел он пороги, выбросило его ветром на отмель, и оттого прослыло место то Перунья отмель, как и до сих пор зовется. Затем послал Владимир по всему городу со словами: «Если не придет кто завтра на реку — будь то богатый или бедный, или нищий, или раб — да будет мне: враг». Услышав это, с радостью пошли люди, ликуя и говоря: «Если бы не

¹ *Вéно* — плата, подарок за невесту.

было это хорошим, не приняли бы это князь наш и бояре». На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр и сошлось там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, попы же совершали молитвы, стоя на месте. И была видна радость на небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ; а дьявол говорил стеная: «Увы, мне! Прогоняют меня отсюда! Здесь думал я обрести себе жилище, ибо здесь не слышно было учения апостольского, не знали здесь Бога, но радовался я служению тех, кто служил мне. И вот уже побежден я невеждой, а не апостолами и не мучениками; не буду уже царствовать более в этих странах». Люди же, крестившись, разошлись по домам. Владимир же был рад, что познал Бога сам и люди его, посмотрел на небо и сказал: «Христос Бог, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих, и дай им, Господи, познать тебя, истинного Бога, как познали тебя христианские страны. Утверди в них правильную и неуклонную веру, и мне помоги, Господи, против дьявола, да одолею козни его, надеясь на тебя и на твою силу». И, сказав это, приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна и другие, и где творили им требы¹ князь и люди. И по другим городам стали ставить церкви и определять в них попов, и приводить людей на крещение по всем городам и селам. Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них; ибо не утвердились еще они в вере, и плакали о них, как о мертвых.

19

Подвиг Кожемяки и основание Переяславля

В год 6500 [992]. Пошел Владимир на хорватов. Когда же возвратился он с хорватской войны, пришли печенеги по той стороне (Днепра) от Сулы; Владимир же выступил против них, и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту сторону. И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего мужа, а я своего — пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю,

¹ *Трэба* — приношение, жертва.

то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года». И разошлись. Владимир же, вернувшись в стан свой, послал глашатаев по лагерю, со словами: «Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?» И не сыскался нигде. На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел к князю один старый муж и сказал ему: «Князь! Есть у меня один сын меньшей дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился и разодрал кожу руками». Услышав об этом, князь обрадовался, и послали за ним, и привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал: «Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться, — испытайте меня: нет ли большого и сильного быка?» И нашли быка, большого и сильного, и приказали разъярить его; возложили на него раскаленное железо и пустили. И побежал бык мимо него, и схватил быка рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила его рука. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться». На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать: «Есть ли муж? Вот наш готов!» Владимир повелел в ту же ночь надеть вооружение, и сошлись обе стороны. Печенеги выпустили своего мужа: был же он очень велик и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И измерили место между обоими войсками, и пустили их друг против друга. И схватились, и начали крепко жать друг друга, и удавил печенежина руками досмерти. И бросил его оземь. Раздался крик, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали их. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того, и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок тот. И сделал его Владимир великим мужем, и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою.

20

Щедрость и пиры Владимира

И так как любил он (Владимир) книжное чтение, то услышал он однажды Евангелие: «Блаженны милостивые, ибо те помилованы будут» и еще: «Продайте именья ваши и раздайте нищим»; и еще: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль истребляет и воры подкапывают, но собирайте себе сокровища на небе, где моль

не истребляет их и воры не крадут»; и слова Давида: «Благословен человек, который милует и займы дает»; слышал он и слова Соломона: «Благотворящий бедному дает займы Богу». Слышав все это, повелел он всякому нищему и бедному приходить на княжий двор и брать все, что надобно, питье и пищу, и из казны деньгами. Устроил он и такое: сказав, что «...неможные и больные не могут добраться до двора моего», приказал снарядить телеги, и, наложив на них хлебы, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других квас, и развезить по городу, спрашивая: «Где больной, нищий или кто не может ходить?» И раздавали тем все необходимое. И еще нечто большее делал он для людей своих: каждое воскресенье решил он на дворе своем в гриднице устраивать пир, чтобы приходить туда боярам, и гридям, и соцким, и десяцким¹, и лучшим мужам — и при князе, и без князя. Бывало там множество мяса — говядины и дичины, — было в изобилии всякое яство. Когда же бывало подопьются, то начнут роптать на князя, говоря: «Горе головам нашим: дал он нам есть деревянными ложками, а не серебряными». Услышав это, Владимир повелел исковать серебряные ложки, сказав так: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра». Ибо Владимир любил дружину, и с нею совещался об устройстве страны, и о войне, и о законах страны, и жил в мире с окрестными князьями — с Болеславом Польским, и со Стефаном Венгерским, и с Андрихом (Удальрихом) Чешским.

21

Белгородский кисель и сыта

В год 6505 [997]. Когда Владимир пошел к Новгороду за северными воинами против печенегов, — так как была в это время беспрерывная великая война, — узнали печенеги, что нет тут князя, пришли и стали под Белгородом. И не давали выйти из города, и был в городе сильный голод, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, а печенегов было много множество. И затянулась осада города, и был сильный голод. И собрали вече в городе, и сказали: «Вот уже скоро умрем от голода, а помощи нет от князя. Разве лучше нам так умереть? — сдадимся печенегам — кого пусть

¹ *Гриди, соцкие* (сотники), *десяцкие* (десятники) — высокопоставленные чины, приближенные князя.

оставят в живых, а кого умертвят; все равно помираем уже от голода». И так порешили на вече. Был же один старец, который не был на том вече, и спросил он: «Зачем было вече?». И поведали ему люди, что завтра хотят сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им: «Слышал, что хотите сдаться печенегам». Они же ответили: «Не стерпят люди голода». И сказал им: «Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня, и сделайте то, что я вам велю». Они же с радостью обещали послушаться. И сказал им: «Соберите хоть по горсти овса, пшеницы или отрубей». Они же радостно пошли и собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, на чем кисель варят, и велел выкопать колодец и вставить в него кадь, и налить ее болтушкой. И велел выкопать другой колодец и вставить в него кадь, и повелел поискать меду. Они же пошли и взяли лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше. И приказал сделать из него пресладкую сыту и вылить в кадь в другом колодце. На следующий же день повелел он послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам: «Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с десять в город, чтобы посмотреть, что творится в городе нашем». Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдаться, взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали в город, чтобы проведали, что делается в городе. И пришли они в город, и сказали им люди: «Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Если будете стоять и десять лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами». И привели их к колодцу, где была болтушка для киселя, и почерпнули ведром и вылили в горшки. И когда сварили кисель, взяли его и пришли с ними к другому колодцу, и почерпнули сыты из колодца и стали есть сперва сами, а потом и печенеги. И удивились те, и сказали: «Не поверят нам князи наши, если не отведают сами». Люди же налили им корчагу кисельного раствора и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали все, что было. И, сварив, ели князья печенежские, и подивились. И взяв своих заложников, а белгородских пустив, поднялись и пошли от города восвоися.

Пряничная гора

За Волгою, недалеко от границы Симбирской и Самарской губерний, возле слободы Часовни тянутся небольшие горы и в одном месте перерываются овражком. В старые годы, сказыва-

ют, на этом месте Пряничная гора была. Шел один великан и захотел ее скусить; взял в рот (а у него зуб-то со щербинкой был), откусил, а щербинкой-то борозду и провел; так она и по сие время осталась.

23

Волга и Кама

Кама с Волгой спорила: не хотела в нее течь. Сначала хотела ее воду отбить; до половины реки отбила, а дальше не смогла. Поднялась Кама на хитрости; уговорилась она с коршуном: «Ты, коршун, крикни, когда я на той стороне буду, чтобы я слышала; а я под Волгу подроюсь и выйду в другом месте». «Ладно». Вот Кама и начала рыться под Волгу. Рылась-рылась, а тем временем коршуна беркут заприметил и погнался за ним. Тот испугался и закричал, как раз над серединой Волги. Кама думала, что уж она на том берегу, выскочила из-под земли и прямо в Волгу попала.

24

Иван Грозный в Вологде

Иван Васильевич Грозный хотел Вологду сделать столицей. Ему все мерещилась измена. Он уже переехал туда. Стены были дубовые. Он построил собор, и стали святить его. Явилось всё духовенство. Царю сделали место у правого клироса. Он стал, а кирпич свалился и в ноги ему упал. Он разозлился и всех разогнал. Церковь была не освящена до Александра Первого.

25

Зимовье Стеньки Разина

Под Бахилловской горой есть зимовье Стеньки Разина; здесь он жил со своими товарищами. Бывало, мимо Бахилловской горы проходят бурлаки и тянут на лямках вверх по воде посуды купеческие, ведь пароходов тогда на Волге не было.

Если, бывало, нужно будет Стеньке получить с посуды хлеба или мяса, то он выходит сам и говорит громким голосом: «Стой, шишка!»

Бурлаки переставали тянуть лямки и ложились брюхом на землю.

Хозяин посуды или лоцман свезут ему провизии, и Стенька оставался довольный подарком, бурлаков больше не задерживал и уходил в свое зимовье. Старики говорят, что в этом зимовье висят бочки, полные золотом; они привязаны к потолку цепями.

Вот один из крестьян из села Александровки задумал сходить сюда, спроведавать зимовье и найти клады Стеньки Разина. И пошел. Только ступил ногой в зимовье — так сразу и обезножил. Нога отнялась у него, и никакого клада он там не нашел.

26

Стенька Разин

И не могли Стеньку поймать. Поймают, посадят в острог, а он попросит в ковшичке водицы испить, начертит угольком лодку, — выльет воду — и поминай как звали! Однако товарищей его всех переловили и разогнали, а он сам ушел и спрятался в берегу, между Окой и Волгой, и до сих пор там живет: весь оброс мохом, не знать ни губ, ни зуб. Не умирает же он оттого, что его мать-земля не принимает.

27

Трубка Стеньки Разина

За Волгой, на Синих горах, при самой дороге, трубка Стенькина лежит. Кто тое трубку покурит, станет заговоренный, и клады все ему дадутся и все; будет словно сам Стенька. Только такого смелого человека не выискивается до сей поры.

28

О Демидове и Демидовских заводах

Один из наших вельмож, ездивший за границу, привез Петру пистолет. Царь очень потешался подарком, но, к несчастью, сломал курок. Не нашлось в Москве мастера, способного его починить, и кто-то посоветовал обратиться в Тулу, где кузнец Никита Демидов Антуфьев славился ловкостью и искусством. Петр, ехавший в Воронеж, захватил пистолет с собой, остановился в Туле и приказал

позвать кузнеца, который объявил, что дело можно поправить, но что починка потребует времени. Петр оставил ему пистолет с тем, чтоб взять его назад, когда поедет обратно в Москву.

Месяца через два государь прибыл опять в Тулу и спросил о своем заказе. Никита Демидов принес ему пистолет. Осмотревши его, Петр похвалил кузнеца и прибавил:

А пистолет-то каков! Доживу ли я до того времени, когда у меня на Руси будут так работать?

— Что ж, авось и мы супротив немца постоим! — отозвался Никита.

На беду, Петр выпил лишнюю рюмку анисовки, и эти ненавистные слова, слышанные им уже столько раз, взбесили его. Он не сдержал руки и крикнул, ударя в щеку Антуфьева:

— Сперва сделай, мошенник, потом хвались!

— А ты, царь, — возразил, не смущаясь, кузнец, — сперва узнай, потом дерись!

При этих словах он вынул из кармана пистолет и продолжал:

— Который у твоей милости, тот моей работы, а вот твой — заморский-то.

Разглядев пистолеты, обрадованный Петр подошел к Никите и обнял его:

— Виноват я перед тобой, — сказал он, — и ты, я вижу, малый дельный. Ты женат?

— Женат.

— Так ступай же домой и вели своей хозяйке мне приготовить закусить, а я кое-что осмотрю, да часика через два приду к тебе, и мы потолкуем.

Кузнец, не чуя от радости земли под ногами, полетел домой.

Жена его не поскупилась, разумеется, на угощенье, принарядилась и встретила дорогого гостя с низким поклоном. Петр, отведав хлеба-соли, разговорился с Антуфьевым и спросил его, не возьмется ли он устроить в Туле ружейный завод, о котором царь давно мечтал, и много ли потребуется денег на это предприятие.

Антуфьев попросил пяти тысяч. Они были ему немедленно выданы из казны, и он приступил к делу в добрый час. Завод был выстроен, пущен и стал снабжать ружьями нашу армию.

Петр, довольный распорядительностью Антуфьева, пожаловал ему в Тобольском и Верхотурском уездах два железные завода на Каменке и на Нейве, которые давали мало дохода за неимением искусных управителей. Кузнец принял этот дар с большой благодарностью и обязался, в свою очередь, поставлять ежегодно царю известное количество военных запасов, пушек и железа. <...>

Петр Первый после поражения под Нарвой принимает совет пушечного мастера

Из истории монаршей видим мы, что великий сей государь получил в Новгороде известие о совершенном поражении войск своих под Нарвою, в первую осаду города сего; и что вся артиллерия и денежная казна достались неприятелю. И хотя с героическим равнодушием принял он сию печальную ведомость, но должно было, однако же, в самой скорости иметь ему новую артиллерию; меди же, из коей вылить оную надлежало, не было, и достать ее было не можно. Естественно должно было привести сие монарха в крайнее недоумение; но в самое то время видит он расхаживающего взад и вперед против окошка своего в размышлении одного худо одетого человека и повелевает спросить его: «Чего он хочет?» Сей отвечает, что он пришел помочь горю государеву. Монарх повелевает представить его себе и спрашивает, какое имеет он до него дело.

— Прикажите, всемилостивейший государь, прежде поднести мне чарку вина, умираю с похмелья, а денег нет ни полушки.

Из таковыя смелости заключает монарх, что он нечто дельное представить ему хочет, и повелевает поднести ему добрую чарку.

— Говори же, — продолжает государь.

— Ваше величество думаете теперь о потере артиллерии и где взять меди на вылитие новой, не правда ли?

Монарх ожидает продолжения такой речи, которая началом своим уже интересовала его.

— Ну, говори же, что далее? — сказал монарх.

— Прикажите, ваше величество, подать другую чарку вина, истинно не охмелился одною.

Сколь ни должна быть досадна таковая наглость, но содержание начатой речи было довольно важно, чтоб дослушать оную; повелевает подать ему другую чарку.

— Теперь доволен, — продолжает опохмелившийся, — меди, государь, у тебя много; не о чем так о ней думать: сколько излишних и ненужных при церквах колоколов? Что мешает тебе взять целую половину оных и употребить на вылитие стольких пушек, сколько тебе угодно? Нужда государственная важнее, нежели многие колокола; и половина оных слишком довольна для того предмета, для которого они наделаны; а после, как Бог даст, одолеешь своего противника, то из его же пушек наделать можно колоколов

сколько хочешь, к тому ж, — заключил он, — есть из них много разбитых и без употребления.

Монарх, выслушавши сие, улыбнувшись, произнес:

— Камень, его же небрегоша зиждущий, той бысть во главу угла.

Какое награждение учинил государь сему пьяному, неизвестно, а известно только то, что по сему совету было поступлено и в ту же еще зиму вылита из некоторой части колоколов великая артиллерия. Пьяный сей был пушечный мастер, и один престарелый пушкарь, знакомец его и бывший того очевидцем, передал нам сие.

30

Петр Первый наказывает Ладожское озеро

Из Питера поехал Петр Первый по Неве и по Ладожскому озеру; вдруг поднялась буря-падара, погода непомерная; насилуй доплыли к Сторожевскому носу (где маяк Сторожевский). Вышел царь на берег; кружит его — укачало сине море.

— Ай же ты мать сыра земля, — закричал царь. — Не колыбайся! Не смотри на глупо, на Ладожское озеро!

Того часу приказал подать кнут и порешил наказать сердитое море.

Место, где изволил наказать своима царскими руками, звали сухая луда¹, а с тех пор называется царская луда. После того Ладожское стало смирнее и тишину имеет, как и прочие озера <...>

31

Меншиков и смерть Петра Первого

Была война со шведами, Петр бумагу подписал — взять с крестьян по пять пудов хлеба с головы. А Меншиков² порвал. Петр-то осердился, хотел его шашкой рубить.

— Зарубишь, успеешь. Лучше послушай.

— Ну, говори.

— Хлеб надо сушить. Несушеный возьмем — весь погниет.

— А, верно.

¹ *Луда* — мель.

² А.Д. Меншиков (1673—1729) — сподвижник Петра I.

И дает ему чин фельдмаршала. За смекалку.

Он все больше в разведке был. Разведает, где какая крепость и как брать, и доносит Петру. Ну, ему чины. Любимец был.

Петр заболел, смерть подходит. В горячке встал, Нева шумит, а ему счудилось: шведы и финны идут Питер брать. Из дворца вышел в одной рубахе, часовые не видели. Сел на коня, хотел в воду прыгать.

А тут змей коню ноги обмотал, как удавка. Он там в пещере на берегу жил. Не дал прыгать, спас.

Я на Кубани такого змея видел. Ему голову отрубят, а хвост валят — на сало, на мазь, кожу — на кушаки. Он любого зверя к дереву привяжет и даже всадника с лошадей может обмотать.

Вот памятник и поставлен, как змей Петра спас.

Положили опять в постель. А все же помер.

Без него Меншикову житья не стало. Сослали сюда, немец Бирон¹ сослал. Морозы были на сто градусов, жильё делали земляное, бугром, одна труба торчит из-под снега. Дверь на жилах звериных, а все равно бураном дверь отрывало.

Он здесь и сидел, в таком бугре. Опосля гонец прибежал, залез на карачках.

— Тебя прощают. Езжай обратно.

Он, как приехал, и заступил опять министром, так и говорит:

— Дайте перо и бумагу.

Ему подали. И он сразу приказ написал: десять тысяч ссыльных из Сибири на волю отпустить. Узнал, какая сласть в ссылке.

32

Гора Благодать²

Раньше в нашем месте вогулы жили. В основном промыслом-то они и жили, охотились да рыбешку мелкую ловили. Только на одной горе не могли они охотиться. Стрелы-то раньше с наконечниками железными были, так они в землю падали. Слухи об этой горе ходили всякие темные, не могли люди понять, почему же стрелы в землю летели. Один из вогулов, Степан Чумпин, обнаружил как-то на этой горе камень, посмотрел: вроде руда это. Решил он этот камень в Москву отвезти. Дошел пешком до Екатеринбурга. Там он

¹ Э.И. Бирон (1690—1772) — вельможа царедворец при императрице Анне Иоанновне.

² Гора из магнитного железняка. Открыта в 1735 г. вогулом Степаном Чумниным.

попал к Татищеву¹, который заинтересовался камешком-то этим. Приехал Татищев, обследовал гору и нашел руду. Направил он послание царице. Пишет, что, дескать, руду нашел на горе. Говорят люди, что писал он, будто это есть Божий дар, благодать Божья людям. С тех пор и называют гору — Благодать.

33

Пугач и Салтычиха

Когда поймали Пугача² и засадили его в железную клетку, скованного по рукам и ногам в кандалы, чтобы везти в Москву, народ валма-валил и на стоянки с ночлегами и на дорогу, где должны были провозить Пугача, — взглянуть на него; и не только стекался простой народ, а ехали в каретах разные господа и в кибитках купцы.

Захотелось также взглянуть на Пугача и Салтычихе³. А Салтычиха эта была помещица злая-презлая, хотя и старуха, но здоровая, высокая, толстая и на вид грозная. Да как ей не быть было толстой и грозной: питалась она — страшно сказать — мясом грудных детей. Отберет от матерей, от своих крепостных, шестинедельных детей, под видом, что малютки мешают работать своим матерям, или другое там для виду наскажет, — господам кто осмелится перечить? И отвезут-де этих ребятишек куда-то в воспитательный дом, а на самом-то деле сама Салтычиха заколет ребенка, изжарит и съест.

Дело было под вечер. Остановился обоз с Пугачом на ночлег; приехала в то же село или деревню и Салтычиха: дай-де и я погляжу на разбойника-душегубца, не больно-де я из робких. Молва уже шла, что когда к клетке подходил простой народ, то Пугач ничего не разговаривал; а если подходили бары, то сердился и ругался. Да оно и понятно: просто черный народ сожалеет о нем, как жалеет о всяком преступнике, когда его поймают и везут к наказанию, — тогда как, покуда тот преступник ходил на воле и от его милости не было ни проходу пешему, ни проезду конному, готов был колья

¹ В.Н. Татищев (1686—1750) — государственный деятель, историк.

² Е.И. Пугачев (1740 или 1742—1775) — предводитель восстания.

³ Салтыкова Д.Н. (1730—1801) — в преданиях «людоедка», владела 600 крестьянами, за семь лет замучила 139 душ. В 1762 г. жалоба на нее дошла до Екатерины II. Процесс длился 6 лет. Смертная казнь была заменена ей позорным столбом и пожизненным заключением.

поднять, — сожалел по пословице «Лежачего не бьют»; а дворяне более обращались к нему с укорами и бранью: «Что-де, разбойник и душегубец, попался?..»

Подошла Салтычиха к клетке: лакеишки ее раздвинули толпу.

— Что, попался, разбойник? — спросила она.

Пугач в ту пору задумавшись сидел, да как обернется на зычный голос этой злодейки и — Богу одному известно, слышал ли он про нее, видел ли или просто-напросто не понравилась она ему зверским выражением лица и своей тушей, — да как гаркнет на нее; застучал руками и ногами, индо кандалы загремели; глаза кровью налились: ну, скажи, зверь, а не человек. Обмерла Салтычиха, на силу успели живую домой довести. Привезли ее в именье, внесли в хоромы, стали спрашивать, что прикажет, а она уже без языка.

Послали за попом; пришел батюшка, видит, что барыня уж не жилица на белом свете, исповедовал глухую исповедью; а вскоре Салтычиха и душу грешную Богу отдала. Прилетели в это время на хоромы ее два черные ворона... Много лет спустя передельвали дом ее и нашли в спальне потаенную западню и в подполье сгнившие косточки.

34

О названии Соловецких островов

Соловецкими, или Соловками, прозвали острова по соли. Много солеварен было у Соловецкой обители. Соль варили трудники, послушники под надзором старца-солеvara. И со стороны — из Солзы¹, из Уны — в покрут² брали хороших солеваров, знающих. Варили соль и из морской воды, а лучшая вываривалась из воды источников. У нас в Неноксе монастырские варницы были: Глубокая, Никольская, Яковлевская, Поджаровская и еще другие — все по именам. Потом они запустели, как взяли их в казну. Монастырь покупал соль и на стороне, у керетчан, на Терском. Самые большие варницы — ненокские Варвариха и Скоморошица. Хороший источник был, брали его воду через колодези. Возили соль на Двину — до Устюга, на Вологду, по Онеге до Каргополя. Суда особые

¹ Здесь и далее идут местные названия: поселения, монастыри, северные города и края.

² В покрут — здесь: на работу.

монастырь строил под соль: насады, дощаники и какоки¹. Дальше она шла на Москву. Такая и поговорка была: «Москва веками соловецкой солью жила». Да и весь беломорский край нашей солью жил. Наваривали ее прежде по варницам разных монастырей и по крестьянским более четырехсот тысяч пудов в год. Больше всех варили соловяне. Лучше же нашей соли нигде не было. Ненокской солью рыбу и на Мурмане солили. Там морская вода хоть и солонее беломорской, а не та соль вываривалась: горчит, ржавит рыбу. Ненешняя привозная соль тоже неровня нашей, прежней.

Вот за хорошую соль острова и прозвали Соловецкими.

35

Уходящая чужь²

От стариков я слышал такое. По реке Нижней Тойме по ручью Андрианову проживала чужь. Но их вершинский голова выселил, тринадцать домохозяев. Мой отец видел там жернова, стога соломы, молельню в земле. Он же рассказывал (а ему старики) о том, как отступала чужь из Выи от новгородцев, как поклонились в последний день Вые с Поклонной горы, как зарезали быка на Быковой горе и варили тут обед, как хоронили на Фатеевой горе Фатя, умершего в пути, как ушли по Ратной дороге в область коми-зырян. <...>

Кроме того, чужь отступала и другой дорогой — из Горновского сельсовета. Была у них остановка по реке Илеше. Там съели много скота, кости клали в кучу. И сейчас заметна эта куча костей — около ручья Масленник. Название же ручья пошло от того, что сюда вылили они масло.

Повыше Лузанихи, когда шли дорогой в Коду, умер у них один человек. И когда хоронили, каждый нес в подоле песок и сыпал на могилу. Вышел большой бугор. И поныне называется он Пупец.

Есть речка Порвал — тут была прорвана оборона. Когда чужь перешла еще одну большую реку, то сказала новгородцам: «Эта река еще ваша», и ее стали звать Вашкой.

¹ *Насад* — судно, сделанное из одного долбленного ствола, с бортами из досок. *Дощаник* — грузовое однопалубное судно. *Каюк* — скрепленные настилом две лодки.

² «Топонимы и микропонимы основаны на вымысле». (Примечание Н.А. Криичной.)

БЫВАЛЬЩИНЫ

1

Первый сеятель пшеницы на Алтае

Сеяли рожь да ячмень, овес да горох. Пшеницы не знавали. Миколаевский¹ солдат в ранце принес семян немножко, посеял, всем показал. Белы калачи, сладкие, всем на диво. И стали сеять, хоть сперва и не родилась она у нас.

Был он солдат Коля. Без шапки хаживал зимой и летом, голова лыса, гола, одна кушечка волос торчала.

Хаживал по дворам.

— Хозяйка, а хозяйка! Нет ли поробить² чего?

К Настасьюшке зашел. Она и говорит:

— Да вот ворота поставить надо.

А у ней муж хворый был, не работал, на печи лежал.

Был мороз, а он без шапки и руки голы, без рукавиц. Она хотела шапчонку дать, рукавицы. Он только махнул рукой. И через поле как сиганет — и след простыл. Только мигнули — он столб воротный на себе тащит. И опять сиганул, второй столб тащит. И матицу принес. Рта не разинули — ворота поставил. Без рукавиц, не знал их совсем, в одной лопотинке³.

Вечерами-то, бывало, прядут у Федосеюшки. И бабы, и старики, и молоды ребята прядут. А я, девчонка была, светить⁴ прибегу. Они прядут, а я подсвечник держу с лучиной (березу драли на лучину, от нее дыма нет, от сосны дым). И этот солдат Миколай, Коля, сидит, прядет.

Ребятишки его просят:

Расскажи, дядя, расскажи!

И он сказывал:

— Будут пахать на машинах, с огнем, детушка, с огнем. Обтянется белый свет струнами и будут по струнам говорить.

По его словам все так и вышло. В колхозе полземли пшеницей засевают. Родится хорошо.

¹ Николаевский, времен императора Николая I.

² *Поробить* — поработать.

³ *Лопотинка* — одежда; здесь: по-видимому, верхняя одежда: рубаха, порты.

⁴ Следить за горящей лучиной: когда кончится, надо вставить в светец другую.

Как везли камень царю

Я бурщик был, робил на Коргоне¹. Камень ломали — серофиолетовую яшму, копейчату яшму. Получал я пятьдесят копеек в день. Положено было в день по восемь вершков выбивать. На Коргонской каменоломне гора была — называлась Тигра. Еще белоусовской работы гора².

В 1887—88 году мы там монолит вынули из стены — в кубическую сажень монолит. Это на памятник царю Александру Второму.

В марте 1888 года 500 человек набрали по деревням: через полицию набирали. Если два брата — один иди. Они эту махину и тащили на себе по покатам из Ревневской³. На лошадях не взять было — лес там непроходимый. Сначала на Гольцовский прииск⁴, потом через Змеево на Чарышскую пристань. Больше месяца тащили. Там уж лета дождались, пошли дальше водой.

А тащили так: на лямках по два человека. Покаты⁵ были нарублены. Управляющий выдумал катить камень, как вьюрок⁶, — он в бочонке был в деревянном, чтобы не повредить. На седлину⁷ вытащили по покатам, а потом Злобин Павел Андреич выдумал катить его, как вьюрок. Камень и встал. Невозможно катить — снега в марте глубоки. Стали подкапывать — где там, бочка в снег ушла. Вьюга, пока возились — народу обморозилось страсть!.. Едва управились.

На камне шишка была, из бочонка торчала. И сидел на камне мастер Агафон Мурзинцев покойный, глядел за шишкой, чтобы не повредить, не поломать. И кричал:

— Ровнее вези! Шишка прямо!

¹ Старейшая на Алтае Коргонская каменоломня.

² Белоусовской работы гора: «Белоусовы — легендарные беглецы крепостной эпохи». (Примечание А. Мисюрева.)

³ Ревневская каменоломня — в 46 километрах от Горной Колывани. (Примечание А. Мисюрева.)

⁴ Гольцовский прииск, Гольцевская каменоломня — в 40 километрах от Горной Колывани, в сторону Змеиногорска. (Примечание А. Мисюрева.)

⁵ *Покаты* — бревна, доски и иные приспособления для перетаскивания тяжелых грузов.

⁶ *Вьюрок* — здесь: круглое приспособление.

⁷ *Седлина* — горный перевал.

Где лес не позволял тащить, — вырубали, просеки делали.

В Петергофе из этого камня сделали памятник Александру Второму. Говорят — и сейчас он стоит. Вот как для него заставляли рубить.

3

Про беглеца Сороку. Здешний, салаирский¹

Беглецом Сорока из-за того стал, что много розог приговорили. Из-за них и бежал. И гуляка здоровый был — здешний, салаирский.

Кто из квартиры пойдет — наказывает сродственникам:

— Вы крепче запирайтесь, а то Сорока утащит.

Это и теперь говорят.

Бывало, увидят какого нищего — один другому говорят:

— Смотри, не Сорока ли?

От отца я слышал: у Сороки шестики были, костыли. Он уж знает, куда бежать ловчей.

Вот за ним гонятся, а он глядит, где его шестики, до них добирается. Берет шестик, подопрется и махнет через елки в пруд, в болото. И выплывет.

Должен был Сорока хорониться — пакостил казне. Где-то помогал, а где-то грабил.

Говорят, будто бы солдат какой-то старый оторвал от своей шинели медну пуговку, смял, заложил в ружье вместо пули и убил Сороку. Только это — враки.

Есть у нас вон там, на прямушке, вечно голая гора. Он на той горе и скрывался со своей шайкой. Солдаты идут его брать, а он сделал вроде подвоха. Сказал доверенному человеку: веди их той дорогой на крутизну. Солдаты пошли. Ну, что ж? С одной стороны голо, с другой — непроходимая тайга. Им тайгой не пробиться.

Сорока — ему все шутки, он вроде шутил.

¹ Салаирский серебряный рудник был основан в 1781 г. Для удобства выплавки медных руд в 1793 г. кабинетское горное начальство построило за 6 км от рудника Гавриловский завод, названный так по имени главного начальника заводов Гаврилы Симонovichа Качки (первоначально завод называли Екатерининским — в честь Екатерины II). В 6 км от Гавриловского завода и 12 от Салаира в 1815—16 годах был построен и пущен для плавки серебра Гурьевский завод (в честь графа Гурьева — министра при Александре I). (Примечание А. Мисюрева.)

И давай камни бросать. Камень летят — жжж! Ну, конечно, солдаты что могут сделать? Бились трое суток, так и не взяли. Вот это — правда.

Помню, когда парнишкой был — заберемся с ребятами на ту гору и камни вниз — жжж! — ребятам весело.

В гулевую неделю¹ в женских платьях Сорока ходил, женски голоса у него были всякие, разны голоса. Толчется в народе. Ну, как его взять?

4

Желтенькие цветки

Какой был Сорока? Такой человек, как мы. Был ухо с глазом, ничего не боялся.

Ивкина знавал я. Робил на Андобе, на Неожиданном². Шайку собрал. Пуля не брала. Искали долго. В согре³ нашли, в кочках, повыше Солтону⁴, около Шаландайки. Собрались два села — Березовка и Шаландайка — один и убил.

Он пули собирал в горсть, назад бросал:

— Нате вам их!

Которых пулей нельзя убить — только сечкой али медной пуговкой (сечкой так: нарубят меди, только чтобы не одна пуля была).

Бедноту не трогал. На приисках не грабил. Богатых мужичков по деревням — тех.

А ежели кого не достанет — говорит:

До желтеньких цветков тебе жить!

А один и говорит:

Сам проживешь до желтеньких цветков!

Зарядил ружье медной пуговкой. Тут на цветки кровь и пролилась.

¹ *Гулевая неделя* — свободная; давалась алтайским мастеровым после каждых трех недель непрерывного труда по 12 часов в сутки. (*Примечание А. Мисюрева*).

² *Неожиданный прииск* — «в системе золотоносной реки Балык-Су, левого притока в верховьях Томи, на границе Шории и Хакассии». (*Примечание А. Мисюрева*).

³ *Согра* — болотистая равнина.

⁴ *Повыше Солтону*: *Солтон* — «большое старинное село, один из основных пунктов вербовки рабочих на прииски Кузнецкого Алатау. Около 100 км восточнее Бийска, районного центра»; *повыше Солтону*: «т. е. на склонах Верх-Ненинской сопки, в изобилующем сограми бассейне реки Нени, правого притока Вии». (*Примечания А. Мисюрева*).

Всем миром

Все наши старики это знают. Был в Колывани купец Пастухов, держал торговлю. У него обманные гири. Одного обвешает, другого обвешает. Богател с обмана. Народ узнал, всем миром приговорили: привязать к ногам ему эти гири, пускай так и ходит.

И ходил, до самой смерти ходил с гирями. Не обманывай народ.

Про Лиханова¹ Наборная уздечка

В Минайловой спервоначала шесть братьев поселились: Влас да Протас, Кон да Ион, Савелий да Сафрон. Лиханов — от Иона. Этот Ион ловкостью отличался. Его никто не мог побороть, ни в Томске, ни в Иркутске.

Был Мразовский — из ссыльных поляков, у него была узда наборная. Алиханчик Лиханов взял — узда занадобилась, сам уехал богатеньких обирать.

Через сколько времени, не знаю, отчим мой был в гостях в Минайловой в Петров день. Сидят, пьют. Пришел Лиханов. Узду несет Мразовскому.

— Вот, говорит, — твоя узда. Ты что думал, не отдам?

Он бедных не обижал, он богатых обижал.

По деревням народ сгоняли ловить его. Морозов, покойный, рассказывал: он в Конеовой ночевал у Степана Ильича, с Пудановским рядом, двухэтажный дом. И окружили дом. Алиханчик (Лиханов) на крыльцо вышел.

— Вот я — Лиханов. Коль надо — берите!

Всех, как ветром, сдуло — разбежались. А он сел на коня, поехал опять на тракт.

¹ «Иногда Лиханова называют, как в данном сказе, Алиханчиком или же Алихановым, что идет от томских татар, переиначивших по-своему русскую фамилию». (Примечание А. Мисюрева.)

Ребятишек одаривал

Приедет Лиханов в деревню. Ребятишки за околицей его встречают.

— Вот, дядя Лиханов едет.

— Что, голопузые, штанов нет?

— Нету, дядя, нету.

— Натe всем штаны. Да не сказывайте, кто дал.

Вынимает из тороков¹, кидает. Всех штанами наградит, тогда дальше едет.

Лиханов и старуха

Лиханов на рыжем коне ездил. Его невидимкой считали. У купцов отбирал, жертвовал бедноте.

Ехал трактом. И старуха ехала. Сама стара, дряхла, и конь еле живой, кожа да кости, ободранный, весь в парше.

Он ее догнал.

— Эх ты, бабка! До чего со своей клячей дожила!

— Ась, батюшка?

— Чего, говорю, везешь?

— А сметанку, батюшка, на базар, три корчажки².

— Мажь свою клячу сметаной!

— Да ты что, батюшка, сдурел?

— Мажь, говорю!

Делать нечего, слезла старуха с телеги. Свою лошадь и обмазала. И плачет:

— Да я бы сметанку-то за полтора рубля продала!

— Ох ты, старуха! Не реви, на триста рублей!

Сунул ей деньги, сам ускакал. Старуха зажила хорошо, и денег ей до смерти хватило, и лошадь поправилась от парши³, сметана-то помогла.

¹ *Тороки, торока* — ремешки позади седла для пристежки поклажи.

² *Корчажки* — корчаги, горшки.

³ *Парша* — заболевание.

Лихановский конь

Алиханчик <Лиханов> едет — топоток не слышать, и как с неба пал — вот те здравствуй! Мужик встретится — он дорогу спросит. Этот укажет, а он вынимает и дает за спрос сто рублей, а то — двести.

Вырастил коня под собой, вскормил пшеницей. Лончаком, сосунком его взял. Один старичок ему сказывал:

— Ты никуда на нем не езд, покуль с три аршина заплот¹ задней ногой не заденет, подкову не оставит, тогда — езжай.

Так и вышло. Конь заплот подковой заследил, тогда он на нем поехал.

Красивый жеребчик был, грива до ноги, в три кольца. Через Томь прыжки давал — вот какой конь.

10

Деньги

Пошел дедко со внуком в лес и накатилсе оболук; грянуло из оболуку, и вывалилась куча золота. Внуцёк и говорит:

— Дедушко, надо эти деньги обрать.

— Нет, не надо нам этих денег — у нас свои есть.

Стоят кайкают², идет барин с двумя лакиями.

Барин доехал только до этих денег, сказал:

— Стой, лакей!

Лакей остановилсе, и барин спрошал:

— Какие это деньги, што вы не берите их?

Старик ответил:

— Не знаэм, какие деньги; нам их не надо, у нас свои есть.

Барин сказал:

— Отдайте мне.

— Обирай.

Барин послал обоих лакей собрать деньги и скласть в свой экипаж. И выскочили лакеи, стали обирать деньги. И барин вышел, обрала все деньги и поехали снова в город.

¹ *Заплот* — забор из жердей, досок; преграда.

² *Кайковать* — толковать.

Не доехали до городу; лакеи роззорили¹ деньги, и согласились² они убить своево барина.

И убили ево, отвернули в лес, проехали оне одну чашшу, и захали оне на гладкой луг. Выпрегли коней, и один отправился в город за обедом и за выпивкой, а другой осталсе у денёг. Тот купил обед и выпивку и пошел из городу. И роздумалсе: «Што мы напьёмся вина и будём делить деньги, и спроведём, может быть, промежy собой скандал, и нас могут захватить с этими деньгами, а вороцуюсь обратно в город и куплю яду. Напою ево ядом и останутсе деньги мне одному».

Воротилсе взадь в город и купил ёду, и пошел на своё место. Выходит только из этой чашшы на гладкой луг, и тот ево стрелил из пистолета и убил ево: «Вот славно, теперь не с кем делить этих денег».

Обед осталсе на одново, и выпивка и деньги на одново. И зацял он выпивать, и взял эту самую бутылку с ёдом, и налил рюмку, выпил, и сделалсе сам покоён.

Помёрли все три, и никому не стало надо денёг.

БЫЛИЧКИ

1

Чертовка

Мужик шел в Нёноксу³, на мосту, на истоке в Куртяву идти, увидал на мосту сидит чертовка и прикокóкиват:

— Было у меня цветно платьё, всё отняли, а нынче пойду в воду, по немецку моду, про пёстро платьё, да про коротки волосы, и больше некогда не выйду, и не покажу голосу.

2

А этот год тебе хуже всех

Мужик рыбу ловил на Амборских озёрах (там, где скиты), увидал черта на зайзке. Черт сидит, качаитсе и говорит:

Год году хуже, год году хуже, год году хуже.

¹ *Роззорить* — здесь: раззадорили, растревожили.

² *Согласиться* — сговориться.

³ *Нёнокса* — посад на Летнем берегу Белого моря.

Мужик его веслом и хлопнул:
— А этот год тебе хуже всех.
Да и убил.

3

Про лешего

Ягоды на Янь-острове брали. Девушки от меня и ушли. Вдруг зашумело в орге¹, да как будто сватья Маланья рычит²:

— Вставай, пошли!

Вздрыгнула я, никого нету, а рыцать не смею. Давай еще ягоды брать. Вдруг опять:

— Да пошли!

Вижу, он будто женщина, бурак³ в руке.

Ой, до того напугал меня Шишко, дак ажно дрожь на сердце, кровь сменилась в лице.

4

Леший путает

В лесах хóдячи на всякую штуку попадешь. Он попужать-то может. Ночью не всегда сразу к фатерке⁴ попадешь, иной раз верст на пять ошибешься. Иду я раз один зимником. Нет фатерки и нет. И тут сзади меня кто-то ка-ак побежит, да захлопает в долоши⁵. Я его матюгом, он и убежал. Бойтся матюга.

5

В праздник нельзя полесовать⁶

Мой батюшка полесовал по пúтикам⁷. А бор-то све-етлый был! Видит мужик: идет впереди Василий с парнем. Батюшка и рычит:

— Василий, Василий, дожди меня.

¹ *Орга* — островок, возвышенное место среди болота.

² *Рыцйт* — кричит.

³ *Бурак* — берестяной короб, лукошко.

⁴ *Фатёра* — в значении изба, дом. (*Примечание либо Н.Е. Ончукова, либо М.М. Пришвина.*)

⁵ *В долоши* — в ладоши (от *долóнь*).

⁶ *Полесовать* — охотиться.

⁷ *Пúтик* — ряд силков для птиц.

А они идут, будто не слышат, сами с собой советуют и смеются. Он их догоняет, а они все впереди.

Перекрестился он и вспомнил, что праздник был Казанской Божией Матери. Это ему Бог показал, что в праздник нельзя полесовать.

6

Леший-оборотень

В Нёноксы шел Петр Коковин по Солоному ручью, искать коня. Ему встретился Павел Васильевич Непытаев с уздами, на солнце блестя.

Павел Петру и говорит:

— Куда пошел?

— Коня искать, натти¹ не могу.

Павел и захохотал:

— Ха, ха, коня не может натти!

А на самом деле Павел Васильевич никуда не ходил.

7

Уведи тя лешой!

Из Куи ó морё, на Зимном берегу, лешой унёс будто бы девушку в Зимну Золотицу, за тридцать вёрст. Ехал какой-то их Золотицы на оленях, она ревіт², он ей взял и привёз домой.

Старухи замечают, скажет кто:

— Уведи тя лешой!

И уведёт.

8

В няньках у лешего

В Нёноксе жила старуха на веках³, Савиха. Пошла она за ягодами и заблудилась. Пришел мужик:

— Бабка, што плачешь?

¹ Найти.

² Кричит.

³ На веках — у нас на памяти, при нас.

— А заблудилась, дитятко, дом не знаю с которой стороны.

— Пойдём, я выведу на дорогу.

Старуха и пошла.

Шла, шла:

— Што этта лес-от больше стал? Ты не дальше-ле меня ведёшь?

Вывел на чисто место, дом стоит большой; старуха говорит:

— Дёдушка, куды ты меня увёл? Этта дом-то незнакомой?

— Пойдём, бабка, отдохнём, дак я тебя домой сведу.

Завёл в избу, зыбка вёснёт¹.

— На, жонка, я тебе няньку привёл.

Жонка у лешего была русска, тожа уведёна, уташбона.

Старуха и стала жить, и обжилась; три года прожила и стосну́лась².

Жонка зажалела:

— Ты так не уйдёшь, от нас, а не ешь нашего хлеба, скажи, што не могу ись.

Старуха и не стала; сутки и другі, и трётьи не ес.

Жонка мужа и заругала:

— Каку ты эку няньку привёл, не лешого не жрёт и водичча не умет³, отнеси ей домой.

Лешой взял на плечи старуху, посадил да и потащил. Притащил, ко старухину двору бросил, весь костычёнко⁴ прирвал, едва и старик узнал старуху.

Вот она и рассказывала, что у лешего жить хорошо, всего наносит, да только скушно: один дом, невесело.

9

Про рыболова и лесового

Ездил мужик ночью за рыбой луцём⁵. Рыбы было очень мало. Идёт он по реке и видит: стоит человек — одна нога на берегу, а другая — на другом. Рыболов и говорит:

¹ Колыбель висит.

² Затосковала.

³ Ходить за ребенком не умеет.

⁴ Костычёнко — сарафан.

⁵ Луцём — лучба, ночной лов рыбы с помощью огня.

— Ах бы на эти бы нишша¹, да красныё штанишша!

Это было в пондраву² лесовому; обрал³ ногу с берегу на другой и пошел; захопал в ладоши и захохотал. И говорит:

— На эти бы нишша, да красныё штанишша!

Мужик после этово поехал по реке на лодке и так много рыбы бить стал, што сроду не видал. И набил целую лодку.

10

Водяной

Ходил за рябчиками, ночью часов в двенадцать, хотел через реку брести, попадал к лесной избушке; спустился в реку, и в этой речки мне показался водяной хозяин, как есь месяц пёк⁴, пловёт прямо на меня, я и в гору выскочил, острашилса. На гору вы́брал⁵ и ночевал на горы в зарод⁶, в ту ночь не смел брести.

11

Рыбий клеск⁷

Один крестьянин в Пудожском уезде отправился к светлой заутрене на погост с вечера в субботу. Идти ему надо было мимо озера. Идёт он берегом и видит: на другом берегу человек таскает что-то кошелем из воды в лодку. Ударили в колокол на погосте, и человек вдруг пропал. Крестьянин обошел озеро, подошел к лодке и видит, что она полна рыбьим клеском. «Не клад ли?» — подумал мужик; набрал клеску полные карманы и воротился домой.

¹ Нишша — ноги иносказательно названы мерой длины. Ср.: Нище — мера длины речного пути, 100 км.

² В пондраву — понравилось.

³ Убрал, перенес ногу с берега на другой.

⁴ Светил.

⁵ На гору вы́брал — взшел на высокое место.

⁶ Зарод — кладь сена.

⁷ Чешуя.

Дома он опорожнил карманы, захватил мешок и опять пошел на озеро к тому месту, но лодки уже не было. Тогда мужик пошел к заутрене. Воротился домой из церкви, захотел посмотреть свою находку, а вместо рыбьяго клеску — серебро. Мужик разбогател. А тот, что сидел в лодке, každогодне в великую субботу кричит и жалуется на свою пропажу, и грозит мужику. Мужик с той поры никогда больше не подходил близко к озеру.

12

Рыбьи головы

Один бедный мужик слышал, что в одном месте есть клад — золото; а он часто ходил и все искал, не покажется ли ему клад, но как ни ходил, а клад все не покажется. Он стал копать, нашол место и не раз копал, и однажды вдруг слышит голос:

— Что ты, мужичек, трудишься и стараешься понапрасну! Клад ты можешь получить, если дашь мне голову.

Услыхал это мужик и незнай обрадовался, незнай испугался, но, однако, пошел домой и размышлят: «Как тут быть! Какую надо голову?»

В доме, кроме жены и сына, никого не было, он и решился принести голову сына. Пришол домой и обсказал все своей старухе, и говорит:

— Испеки-ко завтра, баба, мне рыбницец¹, а я с сынком пойду на озеро рыбу удить.

Баба испекла ему рыбник из мелких рыб, мужик с сыном и отправился к тому месту, где был клад. Жаль было ему сынка, да и клад-то надо достать.

Пришел на место и вздумал пообедать; разломал рыбник, стал сам есть и сыну дал. В рыбнике рыбки были все мелинькия, он отвертывал у них головы и кидал в сторону.

Вдруг слышит знакомый голос:

— Довольно мне, мужик, твоих голов, бери клад и иди домой.

Обрадовался мужик, взял клад, в котором нашел золото, и пошел домой.

¹ Рыба, запеченная в тесте.

Мужик-медведь

Один полесник¹ ходил в лиси. Имел он свою фатерку² и заходит вецером на ношлуг. Является к ему медведь и заходит за пецку не спрося. Мужичек и перепал³. Стрелить его не смел. Сготовил мужик ужину, поись значить. И дал медведю полрыбника и полмякушки хлеба, медведя накормил, увалились на покой⁴. Поутру выстали, мужичек запоходил в лес, а медведь с фатерки йде. Мужик опять дал полмякушки хлеба и половину рыбника, медведь вышел с фатерки и поклонился ему низко. Один пошел в сторону, а другой в другую.

Мужик явился в зимнее время в крещенску ярмарку в Шуньгу. Один богатый приказчик зовет мужика в гостиницу и ну этого мужика полисника угощать. И так его угостил, што мужичек век такого угощения не видал. И спросил эфтого мужичка:

— Можешь ли знать, за што я тебя угощаю?

Мужик отвецал:

— Не могу знать.

Приказчик ему говорит, што:

— Помнишь, как я у тебя ноцевал? Был ты в своей фатерке в лесу, а я пришел к тебе медведем. Если бы ты сходился с ружьем, я бы тебя съел. Тогда ты меня попоил, покормил. Я был, знацит, испорцен в свадьбу, и сделан я был медведем, и ходил я три году, а воротили меня добры люди обратно в жизнь целовецеску, и жить здраво и хорошо.

Как девки на беседе сидели

Была деревня большая; в этой деревне много девок было. А их на беседу никто не пушшает, они взяли выстроили избу у озера, Ходят вецер, другой и третьей — никто из парней к ним на беседу не идёт. Вот они промеж собой толкуют:

¹ Охотник.

² Лесное жильё.

³ Испугался.

⁴ Легли спать.

— Хошь бы кто из озера пришел на беседу!

Вот с вечера прикатило ребят к им партия человек в двадцать; все здобные такие, с тальянкам¹, при цясах в калошах, ну и давай поигрывать с девкам.

А у онной у девки была принесена девоцька маленькая, лет пять-шесть. Та сидела на пецьке и все смотрела. Ну и стала звать эту девку:

— Нянька, иди сюда-то!

Вот ена подошла. Она и указывает:

— Гляди-ко, нянюшка, глаза-то какие у них вдоль лица и зубы, как жалезные.

— Как бы нам ийти?

— А вот как: я буду проситься до ветру, а ты выведешь меня — в то время и уйдём.

Ну, маленько посидели; эта девценоцька и запросилась до ветру, а они не отпушшают этой девки ийти с ней.

— Што вы, говорит, отпустите! Пришшимите мне хоть сарафан в дверях, никуда я не уйду.

Вот оне взяли выпустили, пришшимимши подол в дверях, а она сицясь лямки скинула с плечь, робенка на плечи и давай бежать.

Прибегает к байне, видит: один гонитсы за ней — догоняет, а она сейцясь в байну. Вбежала в байну и говорит:

— Господин хозяин, оборони от напрасной смерти!

Сама скокнула на полок.

Вот в то время хозяин байны выскоцил из-под полка дратьсы с парнем.

Дрались, дрались, потом спел певун². Эти оба пропали, а ена в это время стала и домой ушла.

Утром схватились других девок мужики, никово домой нету. Направились туды: пришли на беседу, а там только косьё и волосья — больше ницево нету.

15

Мытье в бане

Один устьцылём жил в работниках у пустозёров на Пылемце³. Хозяин всё ходил в баню один. Роботник и спрашивает:

— Ты пошто ино один ходишь? Возьми меня.

¹ С гармошками.

² Петух.

³ Пылемца — деревня (пояснение собирателя).

— А ты не забоишься-ле? Ко мне из-под полка человек выходит. Ты с ума сойдёшь.

— Нет, я не боюсь, не сойду с ума.

— Ну, пойдём.

Роботник пошел, стали мытца, а из-под полка страшной старик и вылез. Роботник им веники распарил, оба они и мылись, а потом старик скатился под полку.

16

Бочка с золотом¹

Жил богатый мужик. Однажды осенью, ночью, кто-то постучался у него под окном. Богач подошел к окну и окликнул. Никто не ответил. Богач лег спать, но опять застучало. Богач опять окликнул; опять никого нет. Тогда богач подумал, что его хотят ограбить, снял со стены ружье и зарядил пулей.

Когда опять под окном застучало, богач открыл окно и выстрелил, а под окном как захохочет кто-то! Богач обмер и стал было за-пирать окно, а чья-то лохматая рука держит ставень. Богач было схватил нож, чтобы руку отрезать, да и увидел под окном рожу: глаза оловянные, лицо черное, изрытое оспою и с рыжими волосами.

— Ступай за мной, — сказал черт.

Богач, делать нечего, вышел; черт схватил его за левую руку, и они пошли; пришли к реке, черт и говорит:

— Ты накопил бочку с золотом, отдай-ко мне ее. Я ведь помогал наживать тебе золото. А не отдашь, в воду брошу.

Богач туда-сюда, делать нечего, согласился, и черт нырнул в воду.

На другую ночь черт постучался под окном, богач вынес бочку с золотом, черт взвалил бочку на плечо и понес. Принесли бочку на берег реки, черт спустился в реку, вытащил оттуда железные цепи, обмотал бочку и спустил и ее в воду.

Потом опять вынырнул, подал мужику горсть золота и сказал:

— Это тебе за верность мне; да, смотри, не болтай...

А богач пришел домой и запил с горя. Долго он никому ничего не говорил, но однажды взял да проболтался по пьяному делу одному приятелю.

¹ *Примечание Н.Е. Ончукова:* «В селе Мегры Лодейнопольского уезда рассказы-вают такое предание».

Вот однажды пошел он с этим приятелем, а навстречу ему мужик, будто знакомый и зовет в гости. Мужички согласились и пошли. Шли долго, вдруг приятель зевнул и перекрестился и видит, что он бредет по колена в воде, а бывший богач еще глубже и наконец скрылся под водой.

На другой день бывшего богача нашли на берегу реки мертвого, обмотанного цепями, с пустой бочкою на шее. Богача тут же на берегу и похоронили.

И вот рассказывают, что в полночь на могиле богача бывает спор о золоте. Богач упрекает черта в том, что после угощения черт обманул его и отпустил домой с пустой бочкой, а золото переложил в другую.

Многие пытались достать бочку с золотом из воды, но безуспешно. Один рыбак было вытащил бочку, но черт увидел и утащил рыбака вместе и с лодкой.

Часто черта выдают на этом месте реки: сидит на камне и расчесывает медным гребнем волосы, а гребень с сажень величиною.

17

Охотник и нечистая сила

В одно время охотник вышел на охоту; ходил он целой день и не мог сыскать ни одной птицы, а также и зверя. На закате солнца увидел на ёлке белку. Когда он зарядил ружьё с медной пуговицей, выстрелил в неё, то вместо белки послышался человеческий голос. Охотник здогадался, что это дело неладно выйдет, и поспешил на ночлег в срубленную им в лесу избу. Мечтает то, что в виду белки окажется нечистой дух.

Поспешил поужинать, снарядил чурбан в свою одежду, уложил его на лавку, а сам с заряженным медным пуговицам ружьём лёг под лавку и стал ожидать чего-то.

Минут таких через десять является из лесу большова роста человек с длинной рогатиной. Открыл дверь избы и ударил рогатиной наряженной охотником чурбан с приговором:

— Вот тебе за дашное!

Охотник долго не думал, произвёл в его выстрел со словом:

— Вот тебе и за теперашнее.

После этого пошел по лесу сильный крик, и собралось несколько таких человек, и стали говорить что-то не по-нашему. Охотник

понял то, что как будто бы он остался не виновен. Видно было, что это говорил ихний *на́больший*. И еще он проговорил, призвал к себе охотника из избы и сказал ему, что «Спи, мужичок, преспокойно».

А им начал говорить на русском языке, что «Я не для тово распустил вас по лесу, чтобы смущать, которые нам неприкосны¹, а только тех, которых боле веруют в нас».

Охотник после этово вернулся домой и рассказал про своё событие, что с ним случилось в лесу, и через неделю помер.

18

Кушак

Девушка придумала *кудесить*² против Крешшёнья и положила себе кусочик³ на уголок, а другой кусочик на другой уголок, богосужоного *чóствовала*. Не благословесь в сени сходила, двери не благосовесь *перэзаперла*, штобы лешому заттй *льзя*. И села на уголок, стала и говорить:

— Богосуженной мой, поди ужинать со мной.

Села и глаза закрыла.

Сени застукали, сапоги стучают, слышит — идёт; в избу идёт, зашел в избу, *крéкнул* и прошел *серёдка* избы; видит: *пиджак*, кафтан норвецкого сукна, кушак *поперецной шелковой*.

Он кушак отвезал сейчас от себя, да в переднем углу на *спичу*⁴ и повесил, и шапку снял на *спичу* и весит.

Как шапку-то клал на спичу, девича и перекрестилась, глаза отворила, а уж негде некого и нет, а кушак-от осталса на спице, *вэснёт*. Девича *высмотрела* его всего, в сундук и убрала. А у мужика и кушак потерялся, она и помалчивает; кабы ей *любой* был, дак она бы сказала подружкам.

Через сколько времени мужик *посваталса*, ей и не хотелось, а родители отдали, тогда она мужу кушак-от и показала.

¹ *Неприкосны* — непричастны.

² Гадать, ворожить.

³ Хлеб.

⁴ *Спича (спица)* — вешалка.

Колдун и священник

Одного колдуна священник увещевал оставить свое ремесло, и колдун за это сердился на священника.

Колдун умер; однажды вечером, вскоре после его смерти, у ворот священника кто-то постучался. Священник подошел к воротам и спросил:

— Кто тут?

— Я, батюшко, пономарь, — отвечал голос, — пришел благословиться звонить к заутрене.

— Что ты! Я еще спать не ложился, а ты уж звонить хочешь. Поди домой, рано еще.

Через полчаса опять пришел пономарь, стучит и говорит:

— Петухи пропели, батюшко, приходи.

Священник отдал в окно ключи, а потом послышался и звон, который слышал он один.

Потом священник оделся, помолился и пошел в церковь. Только священник вошел в церковь, как за ним с шумом растворились двери, и он увидел колдуна; колдун скрипел зубами и говорил:

— Ага, попался-таки!

Священник — скорее в алтарь; взял напестольный крест, оградил себя им и вышел из алтаря.

Колдун, увидя крест, упал навзничь. Петухи пропели, и колдуна не стало.

Крестьяне потом разрывали могилу колдуна и увидели, что он перевернулся вниз лицом; между лопатками ему вбили осиновый кол, чтобы больше не вставал.

Видения вдовы

Навопелась я раз по нем — а я каждое воскресенье к нему на могилку вопеть ходила — и надела мужнюю шубу, да в одевальницу¹ закуталась, а то после вопу-то дрожь брала... Как сennой-то на-

¹ Одеяло.

волок проехали, вдруг рапсонуло¹ на воз-то мне... Гляжу, муж в жилецком платъи.

— Пусти, — говорит, — пусти, не рыщи, я не мертвóй, а живой...

Думаю: какой мне-ко разум пришло, и как будто одурно стало, дрожь пала, и будто кожу сдирают.

Рыцо:

— Миколушка, подь ко мне на воз.

Сидит на возу, я вижу, а он не видит. И сказать боюсь, парень бояться будет. А уж как гугай-то² в лесу рычит, да собачка лает, да вся это лесовая-то сила, страсть! А по снегу кубани-то³! Как я выстану на воз, да думаю, может, отстанет. И как я пала тут!

Как снегом меня терли, да кое чаем, на печь положили. Так я без памяти, да без языка сколько времени лежала.

21

Покойная кумушка

Была старуха богомольная, а у ней померла подружка кумушка. Старушка была к службы ходить охóча. Услышала звон ночью и заходит в церковь, а покойных пóлна церква.

Старушка, ее знакомая кумушка, саван сняла с себя и говорит:

— Нонь мы молилися, а не вы, выйди от нас, штобы не слышали други.

Старушка и ушла.

Покойник к ей ночью пришел и стал ей пугать.

На другу ночь старушка стол скатертью покрыла и петушка под скатерть положила, штобы спел, когда покойник придёт. Пришла ночь, покойник и пришел пугать ей:

— Я тебя съем, зачем к нам ходишь в непоказаны часы.

Это кумушка и пришла.

Скатёрка и говорит покойнице:

— Меня трут и моют, и полощут, всё терплю, а ты одного слова не могла перетерпеть.

Петух спел, покойница и отступилась старуху пугать.

¹ Рапсону́ло — ударило.

² Гугáй — филин.

³ Кубани-то — по-видимому, метельные снежные струи, поземка.

ЛЕГЕНДЫ

1

Касьян и Никола

Раз в осеннюю пору увязил мужик воз на дороге. Знамо, какие у нас дороги; а тут еще случилось осенью — так и говорить нечего!

Мимо идет Касьян-угодник. Мужик не узнал его и давай просить:

— Помоги, родимой, воз вытащить!

— Поди ты! — сказал ему Касьян-угодник, — есть мне когда с вами валяндаться!¹

Да и пошел своею дорогою.

Немного спустя идет тут же Никола-угодник.

— Батюшка, — завопил опять мужик, — батюшка! Помоги воз вытащить.

Никола-угодник и помог ему.

Вот пришли Касьян-угодник и Никола-угодник к Богу в рай.

— Где ты был, Касьян-угодник? — спросил Бог.

— Я был на земле, — отвечал тот. — Прилучилось мне идти мимо мужика, у которого воз завяз; он просил меня: помоги, говорит, воз вытащить; да я не стал марать райского платья.

— Ну, а ты где так выпачкался? — спросил Бог у Николы-угодника.

— Я был на земле; шел по той же дороге и помог мужику вытащить воз, — отвечал Никола-угодник.

— Слушай, Касьян! — сказал тогда Бог, — не помог ты мужику — за то будут тебе через три года служить молебны². А тебе, Никола-угодник, за то, что помог мужику воз вытащить — будут служить молебны два раза в год³.

С тех пор так и сделалось: Касьяну в високосный только год служат молебны, а Николе два раза в год.

¹ *Валяндаться* — возиться.

² 29 февраля.

³ 9 мая, 6 декабря.

Илья-пророк и Никола

Давно было; жил-был мужик. Николин день¹ завсегда почитал, а в Ильин² нет-нет, да и работáть станет; Николе-угоднику и молебен отслужит, и свечку поставит, а про Илью-пророка и думать забыл.

Вот раз как-то идет Илья-пророк с Николой полем этого самого мужика; идут они да смотрят — на ниве зеленя³ стоят такие славные, что душа ни нарадуется.

— Вот будет урожай, так урожай! — говорит Никола. — Да и мужик-то, право, хороший, доброй, набожной; Бога помнит и святых знает! К рукам добро достанется...

— А вот подсмотрим, — отвечал Илья, — еще много ли достанется! Как спалю я молнией, как выбью градом все поле, так будет мужик твой правду знать, да Ильин день почитать.

Поспорили-поспорили и разошлись в разные стороны.

Никола-угодник сейчас к мужику:

— Продай, — говорит, — поскорее ильинскому батьке весь свой хлеб на корню; не то ничего не останется, всё градом повыбьет.

Бросился мужик к попу:

— Не купишь ли, батюшка, хлеба на корню? Все поле продам; такая нужда в деньгах прилучилась, что вынь да положь! Купи, отец! Задешево отдам.

Торговаться-торговаться, и сторговались. Мужик забрал деньги и пошел домой.

Прошло ни много, ни мало времени: собралась, понадвинулась грозная туча, страшным ливнем и градом разразилась над нивою мужика, весь хлеб как ножом срезала — не оставила ни единой былинки.

На другой день идет мимо Илья-пророк с Николою; и говорит Илья:

— Посмотри, каково разорил я мужиково поле!

— Мужиково? Нет, брат! Разорил ты хорошо, только это поле ильинского попа, а не мужиково.

¹ Вероятно, речь идет о весеннем дне чудотворца Николая (9 мая).

² Ильин день — 20 июля.

³ Зеленя (зѣлени) — молодые всходы озимого хлеба.

— Как попа?

— Да так; мужик — с неделю будет — как продал его ильинскому батьке и деньги все сполна получил. То-то, чай, поп по деньгам плачет!

— Постой же, — сказал Илья-пророк, — я опять поправлю ниву, будет она вдвое лучше прежнего.

Поговорили, пошли всякой своей дорогою.

Никола-угодник опять к мужику:

— Ступай, — говорит, — к попу, выкупай поле — в убытке не будешь.

Пошел мужик к попу, кланяется и говорит:

— Вижу, батюшка, наслал Господь Бог несчастье на тебя — все поле градом выбито, хоть шар покати! Так уж и быть, давай пополам грех; я беру назад свое поле, а тебе на бедность вот половина твоих денег.

Поп обрадовался, и тотчас они по рукам ударили.

Меж тем — откуда что взялось — стало мужиково полеправляться; от старых корней пошли новые свежие побеги. Дождевые тучи то и дело носят над нивою и поят землю; чудный уродился хлеб — высокой да частой; сорной травы совсем не видать; а колос налился полной-полной, так и гнётся к земле. Пригрело солнышко, и созрела рожь — словно золотая стоит в поле.

Много нажал мужик снопов, много наклат копен; уж собрался возить да в скирды складывать.

На ту пору идет опять мимо Илья-пророк с Николою. Весело оглянул он все поле и говорит:

— Посмотри, Никола, какая благодать! Вот так наградил я попа, по век свой не забудет...

— Попа?! Нет, брат! Благодать-то велика, да ведь поле это — мужиково; поп тут ни при чем останется.

— Что ты!

— Правое слово! Как выбило градом всю ниву, мужик пошел к ильинскому батьке и выкупил ее назад за половинную цену.

— Постой же! — сказал Илья-пророк, — я отниму у хлеба всю спорыню! Сколько бы ни наклат мужик снопов, больше четверика¹ зараз не вымолотит.

— Плохо дело! — думает Никола-угодник.

¹ Четверик — мера сыпучих тел, 2 осьмины (в осьмине — 104,95 л.).

Сейчас отправился к мужику:

— Смотри, — говорит, — как станешь хлеб молотить, больше одного снопа зараз не клади на ток.

Стал мужик молотить: что ни сноп, то и четверик зерна. Все закрома, все клетки набил рожью, а все еще остается много; поставил он новые анбары и насыпал полнѣхоньки.

Вот идет как-то Илья-пророк с Николою мимо его двора, посмотрел туда-сюда и говорит:

— Ишь какие анбары вывел! Что-то насыпать в них станет?

— Они уж полнѣхоньки, — отвечает Никола-угодник.

— Да откуда же взял мужик столько хлеба?

— Эва! у него всякой сноп дал по четверику зерна; как зачал молотить, он все по одному снопу клал на ток.

— Э, брат Никола! — догадался Илья-пророк; это все ты мужику пересказываешь.

— Ну, вот выдумал; стану я пересказывать...

— Как там хочешь, а уж это твое дело! Ну будет же меня мужик помнить

— Что ж ты ему сделаешь?

— А что сделаю, того тебе не скажу.

— Вот когда беда, так беда приходит! — думает Никола-угодник, и опять к мужику:

— Купи, говорит, две свечи, большую да малую, и сделай то-то и то-то.

Вот на другой день идут вместе Илья-пророк и Никола-угодник в виде странников, и попадается им навстречу мужик, несет две восковые свечи — одну рублевую, а другую копеечную.

— Куда, мужичек, путь держишь? — спрашивает его Никола-угодник.

— Да вот иду свечку рублевую поставить Илье-пророку, уж такой был милостивой ко мне! Градом поле выбило, так он батюшка постарался, да вдвое лучше прежнего дал урожай.

— А копеечная-то свеча на что?

— Ну, эта Николе! — сказал мужик и пошел дальше.

— Вот ты, Илья, говоришь, что я все мужику пересказываю; чай, теперь сам видишь, какая это правда!

На том дело и покончилось; смиловался Илья-пророк, перестал мужику бедою грозить; а мужик зажил припеваючи, и стал с той поры одинаково почитать и Ильин день и Николин день.

Чудо на мельнице

Када-то пришел Христос в худой нищенской одежде на мельницу и стал просить у мельника святую милостыньку. Мельник осерчал:

— Ступай, ступай отселева с Богом! Много вас таскается, всех не накормишь!

Так-таки ничего и не дал.

На ту пору случись — мужичок привез на мельницу смолоть не-большой мешок ржи, увидал нищего и сжалился:

— Подь сюды, я тебе дам.

И стал отсыпать ему из мешка хлеб-ат; отсыпал почитай с целую мерку, а нищий все свою кису подставляет.

— Что, али еще отсыпать?

— Да, коли будет ваша милость!

— Ну, пожалуй!

Отсыпал еще с мерку, а нищий все-таки подставляет свою кису¹. Отсыпал ему мужичок и в третий раз, и осталось у него у само-го зерна так самая малость.

— Вот дурак! Сколько отдал, — думает мельник, — да я еще за помол возьму; что ж ему-то останется?

Ну, хорошо. Взял он у мужика рожь, засыпал и стал молоть; смотрит: уж много прошло времени, а мука все сыпится, да сыпится! Что за диво! Всего зерна-то было с четверть², а муки намоло-лось четвертей двадцать, да и еще осталось, что молоть: мука себе все сыпится, да сыпится... Мужик не знал, куды и собирать-то!

Иван Милостивой и мужик

В одну зимнюю ненастную ночь шел по дороге Иван Милости-вой с двенадцатью апостолами. В поле ночевать было холодно; они и постучались к одному мужику:

— Пусти обогреться!

¹ *Киса* — котомка.

² *Четверть* — куль, в нем 8 четвериков (см. выше).

Мужик сначала не хотел пускать их, да потом согласился и пустил с условием, чтобы завтра чуть свет обмолотили ему три копны ржи.

Наутро хозяин толкнул Ивана Милостивого, а он вместе с апостолами лежал на полу:

— Пора молотить, собирайтесь!

Толкнул и пошел на двор.

Вот апостолы поднялись было и хотели идти на гумно; да Иван Милостивой уговорил их еще немного поспать.

Мужик ждал-ждал, нет помощников! Взял кнут, пошел в избу и давай стегать крайнего, а крайний был Иван Милостивой.

— Полно! — кричал Иван Милостивой, — вслед за тобой иду.

Мужик ушел.

Апостолы опять было поднялись, но Иван Милостивой снова уговорил их остаться и еще хоть немного отдохнуть.

— Будет с него! — молвил он, — отстегал кнутом, теперь больше не придет.

А у самого на уме: «Как придет мужик, опять примется за крайнего!» и залез на самой зад.

Мужик ждал-ждал, воротился в избу с кнутом и думает сам с собою: «За что ж я буду бить одного крайняго? Сем-ка примусь за заднего!» — и принялся за Ивана Милостивого.

Только ушел мужик, Иван Милостивой и в третий раз уговорил апостолов не вставать на работу, а сам залез в середину.

Вот хозяин ждал-ждал, не дождался, и снова пошел в избу с кнутом; пришел и думает:

— Крайнему уже досталось, заднему тоже, примусь-ка теперь за среднего!

И опять-таки досталось Ивану Милостивому.

Нечего делать, поднялся он, и сам начал просить апостолов, чтоб шли помогать мужику.

5

Бедная вдова

Давно было — странствовал по земле Христос с двенадцатью апостолами. Шли они раз как бы простые люди, и признать нельзя было, что это Христос и апостолы.

Вот пришли они в одну деревню и попросились на нос(ч)лег к богатому мужику. Богатой мужик их не пустил:

— Вон там живет вдова, она нищих пускает, ступайте к ней.

Попросились они ночевать у вдовы, а вдова была бедная, пре-беднеющая! Ничего-то у ней не было; только была махонькая краюшечка хлебца, да с горсточку мучицы; была у ней еще коровка, да и та без молока — не отелилась к тому сроку.

— У меня, батюшки, — говорит вдова, — избенка малая, и лечь-то вам негде!

— Ничего, как-нибудь упокоимся.

Приняла вдова странников и не знает, чем напитать их.

— Чем же мне покормить вас, родимых, — говорит вдова, — всего-навсего есть у меня одна махонькая краюшечка хлебца да с горсточку мучицы, а корова не привела еще теленочка, и молока нетуть; все жду — вот отелится... Не взыщите на хлебе-на соли!

— И, бабушка! — сказал Спаситель, — не кручинься, все будем сыты. Давай что есть, мы и хлебушка поедим: все, бабушка, от Бога...

Вот сели они за стол, стали ужинать, одной краюшечкой хлебца все напитались, еще ломтей эва сколько осталось!

— Вот, бабушка, ты говорила, что нечем будет накормить, — сказал Спаситель, — гляди-ка, мы все сыты, да и ломти еще остались. Все, бабушка, от Бога...

Переночевали Христос и апостолы у бедной вдовы.

Наутро говорит вдова своей невестке:

— Подь, поскреби мучицы в закреме; авось наберешь с горсточку на блины, покормить странников.

Невестка сходила и несет муки-таки порядочную махотку (глиняный горшок). Старуха не надивится, откуда взялось столько; было чуть-чуть, а таперьча и на блины хватило, да еще невестка говорит: «Там в закреме и на другой раз осталось».

Напекла вдова блинков и подчует Спасителя и апостолов:

— Кушайте, родимые, чем Бог послал...

— Спасибо, бабушка, спасибо!

Поели они, попрощались с бедною вдовою и пошли себе в путь.

Идут эдак по дороге, а в стороне от них сидит на пригорке серый волк; поклонился он Христу и стал просить себе еды:

— Господи, — завыл, — я есть хочу, Господи, я есть хочу!

— Пойди, — сказал ему Спаситель, — к бедной вдове, съешь у нее корову с теленком.

Апостолы усумнились и сказали:

— Господи, за что же велел ты зарезать у бедной вдовы корову? Она так ласково приняла и накормила нас; она так радовалась,

ожидаючи от своей коровы теленочка: было бы у ней молочко — пропитание на всю семью.

— Так тому быть должно! — отвечал Спаситель, и пошли они дальше.

Волк побежал и зарезал у бедной вдовы корову; как узнала о том старушка, она со смиреньем промолвила:

— Бог дал, Бог и взял; его святая воля!

Вот идут Христос и апостолы, а навстречу им катится по дороге бочка с деньгами. Спаситель и говорит:

— Катись, бочка, к богатому мужику во двор!

Апостолы опять усумнились:

— Господи! Лучше бы велел ты этой бочке катиться во двор к бедной вдове; у богатого и так всего много!

— Так тому быть должно! — отвечал им Спаситель, и пошли они дальше.

А бочка с деньгами прикатилась прямо к богатому мужику во двор; мужик взял, припрятал эти деньги, а сам все недоволен: «Хоть бы еще столько же послал Господь!» — думает про себя.

Христос и апостолы идут себе да идут. Вот в полдень стала большая жара, и захотелось апостолам испить:

— Иисусе! Мы пить хотим, — говорят они Спасителю.

— Ступайте, — сказал Спаситель, — вот по этой дорожке, найдете колодезь и напейтесь.

Апостолы пошли; шли-шли, и видят колодезь. Заглянули в него: там-то срамота, там-то сквернота — жабы, змеи, лягва (лягушки), там-то нехорошо! Апостолы, не напившись, скоро воротились назад к Спасителю.

— Что ж испили водицы? — спросил их Христос.

— Нет, Господи!

— Отчего?

— Да ты, Господи, указал нам такой колодезь, что и посмотреть-то в него страшно.

Ничего не отвечал им Христос, и пошли они вперед своею дорогою.

Шли-шли; апостолы опять говорят Спасителю:

— Иисусе! Мы пить хотим.

Послал их Спаситель в другую сторону:

— Вон видите колодезь, ступайте и напейтесь.

Апостолы пришли к другому колодезю: там-то хорошо! там-то прекрасно! растут деревья чудесные, поют птицы райские, так бы и не ушел оттудова!

Напились апостолы, а вода такая чистая, студеная да сладкая! — и воротились назад.

— Что так долго не приходили? — спрашивает их Спаситель.

— Мы только напились, — отвечают апостолы, — да побыли там всего три минуточки.

— Не три минуточки вы там побыли, а целых три года, — сказал Господь. — Каково в первом колодезе — таково худо будет на том свете богатому мужику, а каково у другого колодезя — таково хорошо будет на том свете бедной вдове!

6

Пятница

Када-та одна баба ни пачла¹ матушку Пятницу и учла (начала) прядиво мыкать да вертеть.

Прапряла она да абеда, и вдруг сон на неё нашол — такой магучай сон! Уснула она, вдруг атварилась дверь и входит, вишь, матушка Пятница в-очью всем, в белом шушуне², да сердитая такая! И шмых(г) пряма к бабе, ще пряла-та. Набрала в горсть кастрики³ с пола, какая атлятала — та ат мочек⁴, и ну насыпать ей глаза, и ну насыпать! Пасыпала да и была такава: паминай как звали! Ничаго и ня молвила, сярдешная.

Та баба как праснулась, так и взвыла благим матам ат глаз, и ни ведая, ат чаго ани забалели. Другия (бабы) сидя(т) в ужасьи и учили вапить:

— Ух ты, акаянная! Заслужила казнь лютую ат матушки Пятницы.

И сказали ей всё, ще было.

Та баба слушала-слушала и ну прасить:

— Матушка Пятница! Взмилуйся мне, памилуй меня грешную; паставлю те (тебе) свечку и другу-недругу закажу абижать те (тебя), матушка!

¹ Не почтила.

² Шушун — женская одежда.

³ Кастрика — шелуха от льняных волокон, кудели.

⁴ Мбчка — пучок кудели.

И ще ж ты думаешь? Ночью, вишь, апять прихадила ана и выбила из глаз у той бабы кастрю-та, и ана апять встала.

Грех великай абижать матушку Пятницу — прядиво мыкать да прасть!

7

Царевич Евстафий

В некотором государстве жил-был царь. У него был молодой сын царевич Евстафий; не любил он ни пиров, ни плясок, ни гульбищ, а любил ходить по улицам, да водиться с нищими, людьми простыми и убогими, и дарил их деньгами. Крепко рассердился на него царь, повелел вести к виселице и предать лютой смерти. Привели царевича и хотят уже вешать.

Вот царевич пал перед отцом на колени и стал просить сроку хоть на три часа. Царь согласился, дал ему сроку на три часа.

Царевич Евстафий пошел тем временем к слесарям и заказал сделать в скорости три сундука: один золотой, другой серебряной, а третий — просто расколоть кряж¹ надвое, выдолбигь корытом, и прицепить замók.

Сделали слесаря три сундука и принесли к виселице. Царь с боярами смотрят, что такое будет, а царевич открыл сундуки и показывает: в золотом насыпано полно золота, в серебряном насыпано полно серебра, а в деревянном наложена всякая мерзость. Показал и опять затворил сундуки и запер их накрепко.

Царь еще пуше разгневался и спрашивает у царевича Евстафия:

— Что это за насмешку ты делаешь?

— Государь батюшка! — говорит царевич, — ты здесь с боярами, вели оценить сундуки-то, чего они сто́ят?

Вот бояре серебряной сундук оценили дорого, золотой того дороже, а деревянной и смотреть не хотят.

Евстафий-царевич говорит:

— Отомкните-ка тепер сундуки и посмотрите что в них!

Вот отомкнули золотой сундук, а там змеи, лягушки и всякая срамота; посмотрели серебряной — и здесь тоже; открыли деревянной, а в нем растут древа с плодами и листвиём, испускают от себя духи сладкие, а посреди стоит церковь с оградой. Изумился царь и не велел казнить царевича Евстафия.

¹ *Кряж* — часть ствола дерева, бревно.

Солдат и Смерть

Жил да был один солдат, и зажился он долго на свете, попросту сказать — чужой век стал заедать. Сверстники его понемногу отправляются на тот свет, а солдат себе и ухом не ведет, знай себе таскается из города в город, из места в место. А по правде сказать — не солгать: Смерть давно на него зубы точила.

Вот приходит Смерть к Богу и просит у него позволения взять солдата: долго-де зажился на свете, пора-де ему и честь знать, пора и умирать! Позволил Бог Смерти взять солдата.

Смерть слетела с небес с такою радостью, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Остановилась у избышки солдата и стучится.

— Кто тут?

— Я.

— Кто ты?

— Смерть.

— А! Зачем пожаловала? Я умирать-то не хочу.

Смерть рассказала солдату все, как следует.

— А, если уж Бог велел, так другое дело! Против воли Божией нельзя идти. Тащи гроб. Солдат на казенный счет всегда умирает. Ну, поворачивайся, беззубая!

Смерть притащила гроб и поставила посреди избы.

— Ну, служивый, ложись, когда-нибудь надо же умирать.

— Не растабарывай! Знаю я вашего брата, не надуешь. Ложись-ка прежде сама.

— Как сама?

— Да так. Я без артикула¹ ничего не привык делать; что начальство покажет: фронт² — что ли там, аль другое что, — то и делаешь. Уж так привык, сударка моя! Не переучиваться же мне: старенок стал!

Смерть поморщилась и полезла в гроб. Только что расположилась она в гробу как следует, — солдат возьми да и нахлопни гроб-то крышкой, завязал веревкой и бросил в море.

И долго, долго носилась Смерть по волнам, пока не разбило бурей гроба, в котором она лежала.

¹ *Артикул* — здесь: предписание, как действовать, порядок.

² *Фронт* — прямая стойка.

Первым делом Смерти, как только она получила свободу, опять была просьба к Богу, чтобы позволил ей взять солдата. Бог дал позволение.

Снова пришла Смерть к солдатской избушке и стучится в двери. Солдат узнал свою прежнюю гостью и спрашивает:

— Что нужно?

— Да я за тобой, дружище! Теперь не вывернешься.

— А, врешь, старая чертовка! Не верю я тебе. Пойдем вместе к Богу.

— Пойдем.

— Подожди, мундир натяну.

Отправились в путь.

Дошли до Бога. Смерть хотела было идти вперед, да солдат не пустил:

— Ну, куда ты лезешь? Как смеешь ты без мундира... идти? Я пойду вперед, а ты жди!

Вот воротился солдат от Бога.

— Что, служивый, правду я сказала? — спрашивает Смерть.

— Врешь, солгала немного. Бог велел тебе прежде леса подстригать да горы ровнять, а потом и за меня приниматься.

И солдат отправился на зимние квартиры вольным шагом, а Смерть осталась в страшном горе. Шутка ли! Разве малá работа — леса подстригать да горы ровнять?

И много, много лет трудилась Смерть за этой работой, а солдат жил себе да жил.

Наконец, и в третий раз пришла за солдатом Смерть, и нечем ему было отговориться: пошел солдат в ад.

Пришел и видит, что народу многое множество. Он то толчком, то бочком, а где ружье на перевес, и добрался до самого сатаны. Посмотрел на сатану и побрёл искать в аду уголка, где бы ему расположиться.

Вот и нашел. Тотчас наколотил в стену гвоздей, развесил амуницию¹ и закурил трубку. Не стало в аду прохода от солдатика; не пускает никого мимо своего добра:

— Не ходить! Вишь, казенные вещи лежат; а ты, может, на руку нечист. Здесь всякого народу много!

Велят ему черти воду носить, а солдат говорит:

— Я двадцать пять лет Богу и великому государю служил, да воды не носил, а вы с чего это вздумали... Убирайтесь-ка к своему дедушке!

¹ *Амуниция* — военная одежда.

Не стало чертям житья от солдата, хоть бы выжить его из ада, так не идет:

— Мне, — говорит, — и здесь хорошо!

Вот черти и придумали штуку: натянули свиначную кожу, и только улегся солдат спать — как забили тревогу. Солдат вскочил да бежать; а черти сейчас за ним двери и притворили, да так себе обрадовались, что надули солдата!..

И с той поры таскался солдат из города в город, и долго еще жил на белом свете, — да вот как-то на прошлой неделе только помер.

9

Соломон Премудрый

Иисус Христос после распятия сошел во ад и всех оттуда вывел, кроме одного Соломона Премудраго.

— Ты, — сказал ему Христос, — сам вы(й)ди своими мудростями!

И остался Соломон один в аду: как ему выдти из аду? Думал-думал, да и стал вить завёртку. Подходит к нему маленький чертенок, да и спрашивает, на что вьет он веревку без конца?

— Много будешь знать, — отвечал Соломон, — будешь старше деда своего сатаны! Увидишь на что!

Свил Соломон завёртку, да и стал размерять ею в аду.

Чертенок опять стал у него спрашивать, на что он ад размеряет.

— Вот тут монастырь поставлю, — говорит Соломон Премудрой, — вот тут церковь соборную.

Чертенок испугался, бегом побежал и рассказал все деду своему, сатане, а сатана взял да и выгнал из аду Соломона Премудрого.

10

Озеро Светлояр и город Китеж

Озеро святое, потому что тут город Китеж был. Говорят, он весь в золоте был. Неприятели-разорители (главный-то у них Батый был) хотели разобрать весь город. Город защищал царь какой-то (как звать, уж не помню — это все прадеды, деды рассказывали). Подъехал хан Батый, а города-то нет — на его месте озеро сделалось.

А горы-то — это соборы Китежа. Господь покрыл их горой, и деревья там выросли. Вишь, Господь их, неприятелей этих, не допустил.

11

Звон

Давно это было. Бабка моя однажды пошла молиться на Владимирскую¹ ночью. Вдруг им показалось, как озеро распахнулось. Говорят, и колокольный звон они оттуда слышали.

12

Град Китеж под горами

Озеро Светлояр, говорят, было здесь спокон веку. И на берегу его как раз и стоял Большой Китеж. Место такое выбрано было для города, потому что больно уж в наших местах красиво. А когда Батый стал к городу из лесу подступать, земля зашевелилась, и Большой Китеж вместе со всеми жителями закрылся горами.

Один мужик из Владимирского рассказывал мне, будто китежские жители уж и не чаяли спасенья-то от лютого врага. И незадолго до того как город ушел под землю, собрали все драгоценности, все золото в одну бочку, выехали на середину Светлояра и прямо с лодки эту бочку сбросили. Думали: уж если погибнем, так быть тому, только уж пусть врагам золото не достанется.

Так что град Китеж — не подводный, а подземный.

И звон если кто слышит, так тоже из-под гор.

Давно это было — три женщины из Семенова сюда приезжали и пошли вокруг озера. Шли — ни о чем не разговаривали, только потом уже одна из них спрашивает:

— Слышали?

Оказалось, все три слышали звон китежского колокола.

В лесу за Светлояром бьет Георгиевский ключик. К нему тропа ведет, а потом гать² болотная.

Некоторые говорят, что там святые какие-то жили, умерли и около «святых могилок» родник образовался. Да только неправда

¹ Село Владимирское Воскресенского района Нижегородской обл.

² Гать — настил на топком месте, чтобы пройти.

это — никаких отшельников, монахов в том лесу не бывало. Это уж после придумали. А что вода там особенная — это так оно и есть. Веришь ли — несколько лет дома стоят и не портятся. И для здоровья она хороша. Вот если хворает кто сильно, а суждено ему выздороветь, так он этой воды напьется — и дело на поправку пойдет.

13

Град Китеж — подводный

Град Китеж под Светлоярм стоит целый, и люди в нем живут, только туда никак попасть нельзя.

Говорят, если очень глубоко нырнуть, так можно увидеть крыши и купола китежских церквей, и резные боярские терема, и городские стены, и улицы, и народ, который своими делами занят. Увидеть это можно. Только надо всем городом лес растет подводный — черный, страшный, ветки, корни сплелись, и через них не пройти никак.

14

Я маленькая еще была

Рядом с селом Владимирским у нас есть Светло озеро. Я маленькая еще была — все слушала, как старушки, приходя с него, рассказывали, словно сказки все равно. Говорили, в старые времена нашествие татаров было. Там монастырь стоял, где озеро-то сейчас. И люди не знали, куда деться. Бог возжалился над ними и залил монастырь озером. И там под водой они и жили.

Говорили, что один человек видел, как на берегу озера открывались ворота и въезжал обоз с хлебом. Хлеб-то людям подводным нужен, если они там живут.

Вот обоз туда въедет, ворота закрываются и снова делаются озером.

Я все мечтала: меня туда родители возьмут, я сама посмотрю, что это за озеро и, может, даже какое чудо увижу.

И меня на праздник взяли к Светлояру.

Шли мы туда долго. Людей становилось на дороге все больше и больше. А уж около озера вообще народу было видимо-невидимо.

Стоят мужики бородатые, споры ведут:

— Моя вера правая!

— Нет, моя!

Около озера церковка стоит, мы в нее тоже попали. А слева горы идут — то выше, то ниже.

— Мам, — говорю, — ведь это туда, под лес монастырь в старину ушел? Горы — как будто дома обозначаются.

— Да, — мама говорит, — похоже очень.

А старушки внизу вокруг озера потихоньку со свечками на коленях ползут.

Я раньше думала: зачем ползут? чего они хотят? о чем Бога молят?

А ведь верили люди, что от этого исцелятся. Верили — и себя не жалели. Много человек может сделать с надеждой.

Вот мне бы сегодня кто точно сказал, что стану снова молодой, проползла бы, хоть ноги болят — мочи нет.

15

О Семене Праведном

Семен Праведный ходил по людям и шил, кому что. За работу деньги не брал, а только ел там, кому съест. Но всегда оставлял работу недоделанной: кому рукав, кому пуговицы не пришьет, кому петли не сделает. Уходил, не дождавшись платы за работу, и люди его не хвалили, а ругали. За эту доброту и стали потом считать его святым.

Когда Семен Праведный умер, его задумали перевезти на лошадях в Верхотурье. Сколько лошадей ни впрягали — не могут сдвинуть с места. Решили перенести на руках, но люди не могут поднять гроб, и ноги не идут. Позвали ребятишек, и те принесли гроб в Верхотурье.

Вскоре монашка видела, как Семен Праведный поднялся из гроба и ушел обратно в Меркушино, а в Верхотурье остались только мощи его. Рассказывают, что недалеко от деревни Раскатино, в деревне Трубиной, стояла часовня. Возле часовни на берегу Туры лежит камень, с которого удил рыбу Семен Праведный, а как он стоял, так и отпечаталась на камне его ступня.

Когда Семен Праведный умер, на месте, где он удил рыбу, вышла икона, которая плыла по течению лицом книзу.

Спустя 50 лет после захоронения гроб Семени Праведного стал подниматься вверх. Вскоре после того как гроб оказался поверх могилы, от святых мощей обильным потоком потекли струи чудодейственной силы — благодать исцелений.

Песенный эпос

Понятие «песенный эпос» включает в себя былины, исторические песни (в двух их разновидностях: старшие, эпического склада с публицистической установкой, и младшие, воинские, армейские песни со стилевой структурой воспоминания о прошлом), а также — духовные песни и стихи. При общности ряда свойств каждый жанр песенного эпоса отличается своей реализацией замысла, сюжетной композицией, тематико-стилевыми свойствами. Возникшие в разное время виды песенного эпоса несут на себе печать времени и творческой среды, их породивших.

У песенного эпоса налицо все свойства творчества с общемировоззренческими установками. Художественные особенности у них никогда не бывают самодовлеющими. В былинах, исторических песнях, воинских песнях, духовных стихах и песнях искусство слова неизменно сопрягается с исторической памятью, политическими идеями, религиозными, нравственными суждениями и всем, что в совокупности образует неразделимый комплекс общего, единого для каждого жанра воззрения на мир. Спор ученых, чем является песенный эпос — искусством или выражением какого-либо одного из других названных начал (исторической памяти, духовных религиозных понятий и др.), не имеет под собой почвы, обнаруживает односторонность. Песенный эпос аналогичен паремиям, а также устной несказочной прозе, и вне рассмотрения комплекса разных мировоззренческих составляющих он не может быть осмыслен в подлинных своих свойствах и границах.

Былины

Былинное песенно-эпическое творчество в традиционной основе восходит к до-киевскому (до IX в.) и киевскому времени (IX—XI вв.). Позднее (XII—XIII вв.) на эпос легла печать областных идей и понятий, возникших при раздельном существовании русских земель. В эпосе налицо и отражение времени татаро-монгольского ига, а на последнем этапе существования (после XIV—XV вв.) — присутствие свойств, навеянных эпохой объединения земель вокруг Москвы как государственного и этнического центра великороссов. Отражение судеб государственности не означает, что былины творчески

связаны с правящими верхами, но политические судьбы и общественное устройство страны не могло не сказаться на истории былинного творчества.

Избранные образцы былинного эпоса размещены в соответствии с предполагаемой исторической эволюцией и развитием восточнославянского этноса. Наиболее ясное выражение изначального мифологического творчества демонстрируют былины: «Вольх Всеславьевич», «Потук Михайла Иванович», «Святогор», «О женитьбе князя Владимира [Дунай Иванович]», что, конечно, не означает исключительную принадлежность этих былин лишь к мифологической древности, как не означает и отсутствия мифологических элементов в других былинах. В «мифологических» былинах старина лишь сохранилась лучше, чем в остальных. Былины «Добрыня и Змей», «Сухмантий» представляют былинное творчество эпохи древнего Киева, а былины: «Илья Муромец и Соловей разбойник», «Илья Муромец и сын», «Илья Муромец и голи кабацкие» являют творчество Северо-Восточной (Владимиристо-Суздальской) Руси. В качестве главного, первоначально местного героя Илья Муромец заменил собой Добрыню Никитича — героя первых киевских былин. Первоначальное творение областного эпоса, былины об Илье Муромце со временем обрели общерусское значение. Аналогичный процесс имел место и в былинах об Алеше Поповиче («Алеша Попович»), других богатырях. Поздние изменения, даже снижение героического типа богатыря («Добрыня и Алеша Попович»), свидетельствуют о многообразии творческих тенденций, менявших эпос. В былинах немало и поздних подновлений и трансформаций. Былины: «Ставер», «Садко», «Василий Буслаев [бой с новгородцами]», «Василей Буслаев молиться ездил», обнаруживая первоначальную областную принадлежность к творчеству Новгородской Руси, лишь со временем вошли в общерусский обиход и претерпели существенные изменения. Так, северно-русская по многим тематико-образным приметам былина «Вольга и Микула» была подновлена самым кардинальным образом. В ней оказалась преимущественно развита близкая крестьянам-землепашцам тема прославления собственного труда. Былина «Василий Игнатъевич и Батыга» возникла как пародийная перелицовка эпоса в среде «веселых людей» скоморохов. Немало было изменений, произведенных в былинах и калликами, певцами духовных стихов.

При выборе образцов былин учитывались полнота сюжета, удержание свойств поэтики, обычных у певцов, хорошо владевших традицией сказывания, а также — типичность песенного эпического стиля.

ВОЛЬХ ВСЕСЛАВЬЕВИЧ

По саду, саду, по зеленому,
 Ходила-гуляла молода княжна
 Марфа Всеславьевна,
 Она с каменю скочила на лютова на змея;
 Обвивается лютой змей
 Около чебота зелен сафьян¹,
 Около чулочника шелкова,
 Хоботом бьет по белу стегну².
 А втапоры княгиня понос понесла,
 А понос понесла и дитя родила³.
 А и на небе просветя⁴ светел месяц,
 А в Киеве родился могуч богатырь,
 Как бы молоды Вольх Всеславьевич.
 Подрожала сыра земля,
 Стреслося славно царство Индейское,
 А и синя моря сколыбалося
 Для-ради рожденья богатырскова,
 Молода Вольха Всеславьевича;
 Рыба пошла в морскую глубину,
 Птица полетела высоко в небеса.
 Туры⁵ да олени за горы пошли,
 Зайцы, лисицы по чащицам,
 А волки, медведи по ельникам,
 Соболи, куницы по островам⁶.
 А и будет Вольх в полтора часа⁷,
 Вольх говорит, как гром гремит:
 — А и гой еси⁸, сударыня матушка,
 Молода Марфа Всеславьевна!

¹ Сафьян — выделанная козловая кожа.

² Стегн — бедро.

³ В древности существовало убеждение, что талантливые вожди рождаются от змея. В византийском романе «Александрия» отцом царя-завоевателя Александра Македонского был змей (см. примечания В.А. Келтуялы к сборнику «Былины». М.; Л. 1929. С. 124).

⁴ Просветя, просвете — засветился.

⁵ Тур — дикий бык.

⁶ Остров — особняком стоящий лес, возвышенное место среди болот.

⁷ В полтора часа — когда исполнилось полтора часа.

⁸ Гой еси — от *гoить*: жить, здравствовать.

А не пеленай во пелену червчатую¹,
А не поясай в поёсья шелкóвья,
Пеленай меня, матушка,
В крепи латы булатныя,
А на буйну голову клади злат шелом,
По праву руку — палицу,
А и тяжку палицу свинцовую,
А весом та палица в триста пуд.
А и будет Вольх семи годов,
Отдавала ево матушка грамоте учиться,
А грамота Вольху в наук пошла;
Посадила ево уж пером писать,
Письмо ему в наук пошла.
А и будет Вольх десяти годов,
Втапоры поучился Вольх ко премудростям:
А и первой мудрости учился
Обвертоваться ясным соколом,
Ко другой-та мудрости учился он, Вольх,
Обвертоваться серым волком,
Ко третьей-та мудрости учился Вольх
Обвертоваться гнедым туром-золотые рога.
А и будет Вольх во двенадцать лет,
Стал себе Вольх он дружину прибирать²,
Дружины прибрал в три годы;
Он набрал дружину себе семь тысячей;
Сам он, Вольх, в пятнадцать лет,
И вся его дружина по пятнадцати лет.
Прошла та слава великая
Ко стольному городу Киеву:
Индийский царь нарежается³,
А хвалится-похваляится,
Хочет Киев-град за щитом⁴ весь взять,
А божьи церкви на дым спустить⁵,
А почестны монастыри розарить.
А втапоры Вольх он догадлив был:
Со всею дружиною хорáброю
Ко славному царству Индийскому
Тут же с ними во поход пошел.
Дружина спит, так Вольх не спит:

¹ *Червчатая* — багряная, малиновая, ярко-красная.

² *Прибирать* — набирать.

³ *Нарежается* — снаряжается.

⁴ *За щитом* — прикрывшись щитом.

⁵ *На дым спустить* — сжечь.

Он обернется серым волком,
Бегал-скакал по темным по лесам и по раменью¹,
А бьет он звери сохатыя²,
А и волку, медведю спуску нет,
А и соболи, барсы — любимой кус,
Он зайцам, лисицам не брезгивал.
Вольх поил-кормил дружину хоробраю,
Абувал-адевал добрых молодцов,
Насили оне шубы соболиныя,
Переменные шубы-то барсовыя.
Дружина спит, так Вольх не спит:
Он обернется ясным соколом,
Полетел он далече на сине море,
А бьет он гусей, белых лебедей,
А и серым малым уткам спуску нет.
А поил-кормил дружинушку хораброю,
А все у него были ества переменныя,
Переменные ества, сахарныя.
А стал он, Вольх, вражду чинить³:
— А и гой еси вы, удалы добры молодцы!
Не много не мало вас — семь тысячей,
А и есть ли у вас, братцы, таков человек,
Кто бы обернулся гнедым туром,
А сбежал бы ко царству Индейскому,
Проведал бы про царство Индейское,
Про царя Салтыка Ставрुльевича,
Про ево буйну голову Батыевичу?
Как бы лист со травой пристилается,
А вся ево дружина приклоняется,
Отвечают ему удалы добры молодцы:
— Нету у нас такова молодца,
Опричь⁴ тебя, Вольха Всеславьевича.
А тут таковой Всеславьевич
Он обернулся гнедым туром-золотыя рога,
Побежал он ко царству Индейскому,
Он первую скок за целу версту скочил,
А другой скок не могли найти;
Он обернется ясным соколом,
Полетел он ко царству Индейскому.

¹ Раменье — строевой лес.

² Зверь сохатый — лось.

³ Вражду чинить — колдовать.

⁴ Опричь — кроме.

И будет он во царстве Индейском,
И сел он на полаты белокаменны,
На те полаты царския,
Ко тому царю Индейскому,
И на то окошечко косящето¹.
А и буйныя ветры по насту тянут²,
Царь со царицею в разговоры говорит.
Говорила царица Аздяковна,
Молода Елена Александровна:
— А и гой еси ты, славной индейский царь!
Изволишь ты нарежаться на Русь воевать,
Про то не знаешь-не ведаешь:
А и на небе просветя светел месяц,
А в Киеве родился могуч богатырь,
Тебе царю сопотивничик.

А втапору Вольх он догадлив был:
Сидючи на окошке косящето¹,
Он те-та де речи повыслушал,
Он обернулся горноста³,
Бегал по подвалам, по погребам,
По тем по высоким теремам,
У тугих луков титивки накусывал,
У каленых стрел железцы⁴ повиымал,
У тово ружья ведь у огненнова
Кременья и шомполы повиыдергал,
А все он в землю закапывал.

Обвернется Вольх ясным соколом,
Взвился он высоко по поднебесью,
Полетел он далече во чисто поле,
Полетел ко своей ко дружине хоробрыя.
Дружина спит, так Вольх не спит,
Разбудил он удалых добрых молодцов:
— Гой еси вы, дружина хоробрая,
Не время спать, пора вставать,
Пойдем мы ко царству Индейскому!

И пришли оне ко стене белокаменной,
Крепка стена белокаменна,
Вороты у города железныя,
Крюки-засовы все медныя,

¹ *Косящето* — окно с косяками.

² *По насту тянут* (о ветре) — дуют; *наст* — затвердевший к весне снег. В подробности видят сибирское, уральское происхождение этой тематической детали.

³ *Горноста* — горноста.

⁴ *Желёзцы* — наконечники.

Стоят караулы денны-нощны.
Стоит подворотня дорог рыбей зуб¹,
Мудрены вырезы вырезано,
А и только в вырез мурашу² пройти.
И все молодцы закручинилися,
Закручинилися и запечалилися,
Говорят таково слово:

— Потерять будет головки напрасныя,
А и как нам будет стена пройти?

Молоды Вольх он догадлив был:
Сам обернулся мурашиком
И всех добрых молодцов мурашками,
Прошли оне стену белокаменну,
И стали молодцы уж на другой стороне,
В славном царстве Индейском
Всех обернул добрыми молодцами,
Со своею стали сбруею со ратною,
А всем молодцам он приказ отдает:
— Гой еси вы, дружина хоробрая!
Ходите по царству Индейскому,
Рубите старова, малова,
Не оставьте в царстве на сѣмена,
Оставьте только вы по выбору
Не много не мало — семь тысячей
Душечки красны девицы.

А и ходят ево дружина по царству Индейскому,
А и рубят старова, малова.
А и только оставляют по выбору
Душечки красны девицы.

А сам он, Вольх, во полаты пошел,
Во те во полаты царския,
Ко тому царю ко Индейскому;
Двери были у полат железныя,
Крюки-пробои по булату злачены,
Говорит тут Вольх Всеславьевич:
— Хотя нога изломить, а двери выставить!

Пнет ногой во двери железныя,
Изломал все пробои булатныя.
Он берет царя за белы руки,
А славнова царя Индейскова,
Салтыка Ставрुльевича,
Говорит тут Вольх таково слово:
— А и вас-та, царей, не быют-не казнят.

¹ *Рыбей зуб* — вероятно, из моржевой кости.

² *Мураш* — муравей.

Ухватя ево, ударил о кирпичетой пол.
Расшиб его в крохи говенный.
И тут Вольх сам царем насел,
Взявши царицу Азвяковну,
А и молоду Елену Александровну,
А и те ево дружина хороброя
И на тех на девицах переженилися.
А и молоды Вольх тут царем насел¹,
А то стали люди посадский²,
Он злата-серебра выкатил,
А и коней, коров табуном делил,
А на всякова брата по сту тысячей.

2

ПОТУК МИХАЙЛА ИВАНОВИЧ

Во стольном городе во Киеве,
У ласкова князя Владимира
Было пиrowание-почестной пир
На три братца названья³,
Святорусские могучие богатыри:
А на первова братца названова —
Святорусскова могучева богатыря,
На Потока Михайла Ивановича,
На другова братца названова,
На молода Добрыню Никитича,
На третьева братца названова,
Что на молода Алешу Поповича.
Что взговорит тут Владимир-князь:
— Ай ты гой еси, Поток Михайла Иванович!
Сослужи мне службу заочную⁴:
Съезди ты ко морю синему,
На теплыя тихи заводи,
Настреляй мне гусей, белых лебедей,
Перелетных малых утачак
К моему столу княженецкому,
Дó любви я молодца пожалую.
Поток Михайла Иванович
Не пьет он, молодец, ни пива и вина,

¹ *Царем насел* — стал царем.

² *Посадские* — жители посада, поселения вне города, за городскими стенами.

³ *Названые (братцы)* — не родные, по клятве.

⁴ *Заочная (служба)* — свершаемая вдали, не на виду.

Богу помолясь, сам и вон пошел.
А скоро-де садился на добра коня,
И только ево увидели,
Как молодец за ворота выехал:
В чистом поле лишь дым столбом.

Он будет у моря синева,
По ево по шаски¹ великия,
Привалила птица к круту берегу,
Настрелял он гусей, белых лебедей
И перелетных малых утачак.
Хочет ехать от моря синева,
Посмотрить на тихия заводи,
И увидел белую лебедушку:
Она через перо была вся золота,
А головушка у ней увивана красным золотом
И скатным земчугом² усажена.
Вынимает он, Поток,
Из налушна³ свой тугой лук,
Из колчана вынимал калену стрелу,
И берет он тугой лук в руку левую,
Калену стрелу — в правую,
Накладыват на титивочку шелковую,
Потянул он тугой лук за ухо,
Калену стрелу семи четвертей⁴,
Заскрыпели полосы булатныя,
И завыли рога у туга лука.
А и чуть боло⁵ спустить калену стрелу,
Провещится⁶ ему лебедь белая,
Авдотьюшка Леховидьевна:
— А и ты, Поток Михайла Иванович!
Не стреляй ты мене, лебедь белую,
Нё в кое время пригожуся тебе!
Выходила она на крутой бережок,
Обвернулася душой красной девицей.
А и Поток Михайла Иванович
Воткнет копье во сыру землю,
Привезал он коня за остро копье,
Сохватил девицу за белы ручки

¹ По щаски — по счастью.

² Скáтный зéмчуг — круглый жемчуг, правильной формы.

³ Налушна, налу́чен — сайдак, ножны для лука.

⁴ Чéтверть — четверть аршина.

⁵ Чуть боло — чуть было.

⁶ Провéщиться — заговорить.

И целует ее во уста сахарныя.

Авдотьюшка Леховидьевна
Втапоры больно ево уговаривала:
— А ты, Поток Михайла Иванович,
Хотя ты на мне и женишься,
И кто из нас прежде умрет,
Второму за ним живому во гроб иди.

Втапоры Поток Михайла Иванович
Садился на своего добра коня,
Говорил таково слово:
— Ай ты гой еси, Авдотья Леховидьевна!
Будем в городе Киеве,
В соборе ударят к вечерне в колокол
И ты втапоры будь готовая,
Приходи к церкви соборныя —
Тут примем с тобою обрученье свое.

И скоро он поехал к городу Киеву
От моря синева.
Авдотьюшка Леховидьевна полетела она
Белой лебедушкой в Киев-град
Ко своей сударыне-матушке,
К матушке и к батюшке.

Поток Михайла Иванович
Нигде не мешкал, не стоял;
Авдотьюшка Леховидьевна
Перво ево¹ в свой дом ускорить могла²,
И сидит она под окошечком косящетым,
сама усмехається,
А Поток Михайла Иванович едет, сам дивуется:
— А негдѣ я не мешкал, не стоял,
А она перво меня в доме появилась.

И приехал он на княженецкой двор,
Приворотники³ доложили стольникам⁴,
А стольники князю Владимиру,
Что приехал Поток Михайла Иванович.
И велел ему князь ко крылечку ехать.

Скоро Поток скочил со добра коня,
Поставил ко крылечку красному,
Походит во гредню⁵ светлую,

¹ *Перво ево* — раньше его.

² *Ускорить могла* — смогла опередить.

³ *Приворотники* — служители, охрана.

⁴ *Стольники* — служители в доме у князя.

⁵ *Гредня* — гридня, покой, помещение в княжеском доме.

Он молится Спасову образу,
Поклонился князю со княгинею
И на все четыре стороны:
— Здравствуй ты, ласковой сударь Владимир-князь!
Куда ты мене послал, то сослужил:
Настрелял я гусей, белых лебедей,
Перелетных малых утачек.
И сам сговорил себе красну девицу,
Авдотьюшку Леховидьевну,
К вечерне быть в соборе
И с ней обрученье принять.
Гой еси, ласковой сударь Владимир-князь!
Хотел боло¹ сделать пир простой
На три брата названья,
А ныне для меня одно
Доспей² свадебной пир веселой,
Для Потока Михайла Ивановича!

А и тут в соборе к вечерне в колокол ударили,
Поток Михайла Иванович к вечерне пошел,
С другу сторону — Авдотьюшка Леховидьевна,
Скоро втапоры нарежалася и убиралася,
Убравши, к вечерне пошла.

Ту вечерню отслушали,
А и Поток Михайла Иванович
Соборным попам поклоняется,
Чтоб с Авдотьюшкой обрученье принять.

Эти попы соборныя
Тому они делу радощны,
Скоро обрученье сделали,
Тут обвенчали их
И привели к присяге такой:

Кто перво умрет,
Второму за ним живому в гроб ийти.

И походит он, Пóтак Михайла Иванович
Из церкви вон со своею молодою женою,
С Авдотьюшкой Леховидьевной,
На тот широкий двор ко князю Владимиру.
Приходит во светлы гридни,
И тут им князь стал весел-радошен,
Сажал их за убраны столы.
Втапоры для Потока Михайла Ивановича
Стол пошел, —
Повары были догадливы:

¹ Было.

² Устрой.

Носили ества сахарныя
И питья медяные,
А и тут пили-ели-прохлажались,
Пред князем похвалялися,
И не мало время замешкавши,
День к вечеру вечеряется,
Красное солнце закатается,
Поток Михайла Иванович
Спать в подклет¹ убирается,
Свели ево во гридню спальную.
Все тут князи и бояра разъехались,
Разъехались и пешком разбрелись.
А у Потока Михайла Ивановича
Со молодой женой Авдотьей Леховидьевной
Немного житья было полтора года:
Захворала Авдотьюшка Леховидьевна,
С вечера она расхворается,
Ко полуночи разболелася,
Ко утру и преставилася.
Мудрости искала над мужем своим²,
Над молодым Потоком Михайлою Ивановичем.
Рано зазвонили к заутрени,
Он пошел, Поток, соборным попам весть подавать,
Что умерла ево молода жена.
Приказали ему попы соборныя
Тот час на снях³ привезти
Ко тоя церкви соборныя,
Поставить тело на паперти.
А и тут стали магилу капать,
Выкопали магилу глубокую и великую,
Глубиною-шириною по двадцати сажен,
Сбиралися тут попы со дьяконами
И со всем церковным причетом,
Погребали тело Авдотино,
И тут Поток Михайла Иванович
С конем и сбруею ратною
Опустился в тое ж магилу глубокою.
И заворочали потолком дубовьем⁴,
И засыпали песками желтыми,
А над могилаю поставили деревянный крест,
Только место оставили веревке одной,

¹ *Подклет* — подклеть, нижний ярус дома, место, где устраивали брачное ложе.

² *Мудрости искала над мужем* — хотела перехитрить.

³ *На снях* — древний похоронный обычай хоронить на снях.

⁴ *Настлали дубовый потолок*.

Которая была привязана к колоколу соборному.

И стоял он, Поток Михайла Иванович,
В могиле с добрым конем
С полудни до полуночи,
И для страху¹, дабыв огня,
Зажигал свечи воску ярова.

И как пришла пора полуночная,
Собиралися к нему все гады змеинья,
А потом пришел большой змей,
Он жжет и палит пламенем² огненным,
А Поток Михайла Иванович
На то-то не робак был,
Вынимал саблю вострую,
Убивает змея лютова,
Иссекает ему голову,
И тою головою змеиною
Учал тело Авдотьино мазати.

Втапоры она, еретница, из мертвых пробужалася.
И он за тое веревку ударил в колокол,

И услышал трапезник³,
Бежит тут к магиле Авдотьеной,
Ажно тут веревка из могилы к колоколу торгается⁴.
И собираются тут православной народ,
Все тому дивуются,
А Поток Михайла Иванович
В могиле ревет зычным голосом.

И разрывали тое могилу наскоро,
Опускали лестницы долгия,
Вынимали Потока и с добрым конем,
И с ево молодой женой,
И объявили князю Владимиру
И тем попам соборным,
Поновили их святой водой,
Приказали им жить по-старому.

И как Поток живучи состарелся,
Состарелся и переставелся⁵,
Тогда попы церковныя
По прежнему их обещанию
Ево, Потока, похоронили,

¹ Чтобы не было страшно.

² Пламенем.

³ *Трапéзник* — здесь: церковный сторож.

⁴ *Торгáться* — дергаться.

⁵ Умер.

А ево молоду жену Авдотью Леховидьевну
С ним же живую зарыли во сыру землю.
И тут им стала быть память вечная.
То старина, то и деянье.

3

СВЯТОГОР

Снарядился Святогор во чисто поле гуляти.
Заседлает своего добра коня
И едет по чисту полю.
Не с кем Святогору силой померяться,
А сила-то по жилочкам
Так живчиком и переливается.
Грузно от силушки, как от тяжелого бремени.

Вот и говорит Святогор:

— Как бы я тяги¹ нашел,

Так я бы всю землю поднял!

Наезжает Святогор в степи

На маленькую сумочку переметную²;

Берет погонялку³, пощупает сумочку, — она не скрянется⁴,

Двинет перстом ее, — не сворохнется,

Хватит с коня рукою, — не подымется.

— Много годов я по свету езживал,

А эдакого чуда не наезживал,

Такова дива не видывал:

Маленькая сумочка переметная

Не скрянется, не сворохнется, не подымется!

Слезает Святогор с добра коня,

Ухватил он сумочку обема руками⁵,

Поднял сумочку повыше колен:

И по колена Святогор в землю угрыз,

А по белу лицу не слезы, а кровь течет.

Где Святогор угрыз, тут и встать не мог,

Тут ему было и кончение⁶.

¹ Тяги — за что взяться и тянуть.

² Переметная (о суме) — два связанных мешка, чтобы носить через плечо.

³ Кнут.

⁴ Не сдвигается с места.

⁵ Обема рукама — обеими руками.

⁶ Кончение — конец, смерть. «Тяги-то он (Святогор. — В.А.) нашел, прибавила рассказчица, а Бог его и попутал за похвальбу».

О ЖЕНИТЬБЕ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА [ДУНАЙ ИВАНОВИЧ]

В стольном в городе во Киеве,
 Что у ласкова сударь-князя Владимира
 А и было пиrowанье-почестной пир,
 Было столованье-почестной стол.
 Много на пиру было князей и бояр
 И русских могучих богатырей.

А и будет день в половине дня,
 Княженецкой стол во полустоле,
 Владимир-князь распотешился,
 По светлой гридне похаживает,
 Черные кудри рочосавает,
 Говорил он, сударь ласковой Владимир-князь,
 Таково слово:

— Гой еси вы, князи и бóяра
 И могучие богатыри!
 Все вы в Киеве переженины,
 Только я, Владимир-князь, холост хожу,
 А и холост я хожу, неженат гуляю,
 А кто мне-ка знает сопротивницу,
 Сопротивницу знает, красну дéвицу:
 Как бы та была девица станом статна́,
 Станом бы статна и умом свершнá¹,
 Ее белое лицо как бы белой снег,
 И ягодицы² как бы маков цвет,
 А и черныя брови как соболи,
 А и ясныя очи как бы у сокола.

И тут большей за меньшева хоронится,
 От меньшова ему, князю, ответу нету.
 Из тово было стола княженецкова,
 Из той скамьи богатырския
 Выступается Иван Гостиной сын,
 Скочил он на место богатырское,
 Скричал он, Иван, зычным голосом:
 — Гой еси ты, сударь ласковой Владимир-князь,
 Благослови пред собой слово молвити,
 И единое слово безопальное,

¹ Умом свершнá — равна (имеется в виду князь Владимир).

² Ягодицы — щеки.

А и без тоє пáлы¹ великия.
Я ли, Иван, в Золотой орде бывал
У грознова короля Етмануила Етмануиловича
И видел во дому ево дву дочерей:
Первая дочь Настасья королевишна,
А другая — Афросинья королевишна;
Сидит Афросинья в высоком терему,
За тридесять замками булатными,
А и буйныя ветры не вихнут² на ее,
А красное солнце не печет лицо;
А и то-та, сударь, девушка станом статна,
Станом статна и умом свершна;
Белое лицо как бы белой снег;
А и ягодицы как маков цвет;
Черныя брови как бы соболи;
Ясныя очи как у сокола,
Посылай ты, сударь, Дуная свататься!
Владимер-князь стольной киевской
Приказал наливать чару зелена вина в полтара ведра,
Подносить Ивану Гостиному
За те ево слова хорошия,
Что сказал³ ему обрушницу⁴.
Призывает он, Владимер-князь,
Дуная Иваныча в спальню к себе
И стал ему на словах говорить:
— Гой еси ты, Дунай сын Иванович!
Послужи ты мне службу заочную:
Съезди Дунай в Золоту орду
Ко грозному королю Етмануилу Етмануиловичу
О добром деле — о сватонье
На ево любимой на дочери,
На честной Афросинье королевишне.
Бери ты моей золотой казны,
Бери три ста жеребцов
И могучих богатырей.
Подносит Дунаю чару зелена вина в полтара ведра,
Турей рог меду сладкова в полтретья ведра.
Выпивает он, Дунай, чару тоя зеленá винá
И турей рог меду сладкова.
Разгоралася утроба богатырская,
И могучия плечи росходилися

¹ Пáла — опала.

² Не вихнут — не повеют.

³ Назвал.

⁴ Обрушница — невеста.

Как у молода Дуная Ивановича,
Говорит он, Дунай, таково слово:
— А и ласково солнцо, ты Владимир-князь!
Не нада мне твоя золота казна,
Не нада три ста жеребцов
И не нада могучия богатыри,
А и только пожалуй одново мне молодца,
Как бы молода Екима Ивановича,
Которой служит Алешки Поповичу.

Владимир-князь стольной киевской
Тотчас сам он Екима руками привел:
— Вот-де те, Дунаю, будет паробочок¹!

А скоро Дунай снарежается,
Скоря тово² богатыри поездку чинят
Из стольнова города Киева
В дальну орду Золоту землю.
И поехали удалы добры молодцы,
А и едут неделю споряду³
И едут неделю уже другую,
И будут оне в Золотой орде
У грознова короля Етмануила Етмануиловича;
Среди двора королевского
Скакали молодцы с добрых коней,
Привезали добрых коней к дубову столбу,
Походили во полату белокаменну.
Говорит тут Дунай таково слово:
— Гой еси, король в Золотой орде!
У тебе ли во полатах белокаменных
Нету Спасова образа,
Некому у те помолится.

А и не за что тебе поклониться.
Говорит тут король Золотом орды,
А и сам он, король, усмехается:

— Гой еси, Дунай сын Иванович!
Али ты ко мне приехал

По-старому служить и по-прежнему?

Отвечает ему Дунай сын Иванович:
— Гой еси ты, король в Золотой орде!

А и я к тебе приехал
Не по-старому служить и не по-прежнему,
Я приехал о деле о добром к тебе,
О добром-то деле — о сватонье:

¹ *Паробочок* — паробок, слуга, помощник, напарник.

² *Скоря тово* — скорее того.

³ *Споряду* — здесь: не останавливаясь, все время.

На твоей, сударь, любимой-то на дочери,
На честной Афросинье королевичне,
Владимер-князь хочет жениться.

А и тут кородю за беду стало,
А рвет на главе кудри черныя
И бросает о кирпичет пол,
А при том говорит таковое слово:
— Гой еси ты, Дунай сын Иванович,
Кабы прежде у меня не служил верою и правдою,
То б велел посадить во погребы глубокия
И уморил бы смертью голодною
За те твои слова за бездельныя.

Тут Дунаю за беду стало,
Разгоралась ево сердца богатырское,
Вынимал он свою сабельку вострую,
Говорил таково слово:
— Гой еси, король Золотой орды!
Кабы у тя во дому не бывал,
Хлеба-соли не едал,
Ссек бы по плеч буйну голову!

Тут король неладом заревел зычным голосом,
Псы борзы заходили на цепях,
А и хочет Дуная живьем сравить
Теми кобелями медеянскими¹.
Скричит тут Дунай сын Иванович:
— Гой еси, Еким сын Иванович,
Что ты стал да чево гледишь?
Псы борзы заходили на цепях,
Хочет нас с тобой король живьем сравить!

Бросился Еким сын Иванович,
Он бросился на широкой двор,
А и те мурзы-улановья²
Не допустят Екима до добра коня,
До своей ево палицы тяжкия,
А и тяжкия палицы, медныя литы,
Оне были в три тысячи пуд;
Не попала ему палица железная,
Что попала ему ось-та тележная,
А и зачел Еким помахивати,
Прибил он силы семь тысячей мурзы-улановья,
Пять сот он прибил медеянских кобелей.

¹ *Медеянские* (кобели) — недобрые.

² *Мурзы-улановья* — мурзы — небольшие татарские князья; *улановья* — уланы, здесь: татарские сановники.

Закричал тут король зычным голосом:
— Гой еси, Дунай Иванович!
Уйми ты своего слугу вернова,
Оставь мне силы хоть на семена,
А бери ты мою дочь любимую,
Афросинью королевичну.

А и молоды Дунай сын Иванович
Унимал своего слугу вернова,
Пришел ко высокому терему,
Где сидит Афросинья в высоком терему,
За тридесять замками булатными,
Буйны ветры не вихнут на ее,
Красное солнце лица не печет,
Двери у полат были железныя,
А крюки-пробои по булату злачены.
Говорил тут Дунай таково слово:
— Хоть нога изломить, а двери выставить!

Пнет во двери железныя,
Приломал он крюки булатныя,
Все тут полаты зашаталися,
Бросится девица, испужалася,
Будто угорелая вся,
Хочет Дуная во уста целовать.
Проговорит Дунай сын Иванович:
— Гой еси, Афросинья королевична!
А и ряженой кус, да не суженому есть!
Не целую я тебя во сахарныя уста,
А и Бог тебе, красну девицу, милует:
Дастанешься ты князю Владимиру.

Взял ее за руку за правую,
Повел из полат на широкой двор,
А и хочут садиться на добрых на коней,
Спohватился король в Золотой орде,
Сам говорил таково слово:
— Гой еси ты, Дунай Иванович,
Пожалуй подожди мурзы-улановья!

И отправляет король своих мурзы-улановья
Везти за Дунаем золоту казну.
И те мурзы-улановья
Тридцать телег ординских¹ насыпали
Златом и серебром и скатным земчугом,
А сверх того каменьи самоцветными.
Скоро Дунай снарежается,
И поехали оне ко городу ко Киеву.
А и едут неделю уже споряду,

¹ *Ординская* — ордынская, поместительная, широкая.

А и едут уже другую,
И тут же везут золоту казну.
А наехал Дунай бродучей¹ след,
Не доехавши до Киева за сто верст,
Сам он Екиму тут стал наказывать:
— Гой еси, Еким сын Иванович,
Вези ты Афросинью королевичну
Ко стольному городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру
Честно-хвально и радостно,
Было бы нам чем похвалитися
Великому князю во Киеве.

А сам он, Дунай, поехал по тому следу,
По свежему, бродучему.

А и едет уж сутки другие,
В четвертые сутки след дошел
На тех на лугах на потешных²,
Куда ездил ласковой Владимир-князь
Завсегда за охотою.

Стоит на лугах тут бел шатер,
Во том шатру опочив³ держит красна девица,
А и та ли Настасья королевична.
Молоды Дунай он догадлив был,
Вымал из налушна тугой лук,
Из колчана вынул калену стрелу,
А и вытянул лук за ухо,
Калену стрелу, котора стрела семи четвертей.
Хлестнет он, Дунай, по сыру дубу,
А спела ведь титивка у туга лука,
А дрогнет матушка-сыра земля
От тово удару богатырскова,
Угодила стрела в сыр крековистой⁴ дуб,
Изломала ево в черенья ножевыя⁵,
Бросилася девица из бела шатра, будто угорелая.
А и молоды Дунай он догадлив был,
Скочил он, Дунай, со добра коня,
Воткнет копьё во сыру землю,
Привязал он коня за остро копьё,

¹ *Бродучий* — здесь: свежий.

² *Потешные* (луга) — где бывает охота.

³ *Опочив* (держит) — поживает, спит.

⁴ *Крековистый* — кряковистый, кривой.

⁵ *Черенья* — части, рукоятки (здесь: ножевые).

И горазд¹ он со девицею драться,
Ударил он девицу по щеке,
А пнул он девицу под гузна², —
Женской пол от тово пухол живет,
Сшиб он девицу с резвых ног,
Он выдернул чингалишша³ булатное,
А и хочет взрезать груди белые.
Втапоры девица возмолилася:
— Гой еси ты, удалой доброй молодец!
Не коли ты меня, девицу, до смерти,
Я у батюшка-сударя отпросалася:
Кто мене побьет во чистом поле,
За тово мне, девице, замуж ийти.

А и тута Дунай сын Иванович
Тому ее слову обрадовался.
Думает себе разумом своим:
«Служил я, Дунай, во семи ордах,
В семи ордах семи королям,
А не мог себе выжить красныя девицы,
Ноне я нашел во чистом поле
Обрушницу-сопротивницу».

Тут оне обручались,
Круг ракитова куста венчались.
А скоро ей приказ отдал собиратися
И обрал у девицы сбрую всю:
Куяк⁴ и панцырь с кольчугою,
Приказал он девице нарежатися
В простую епанечку⁵ белую.
И поехали ко городу ко Киеву.

Только Владимир стольной киевской
Втапоры⁶ едет от злата венца,
И приехал князь на свой княженецкой двор,
И во светлы гридни убиралися,
За убранныя столы сажалися.
А и молоды Дунай сын Иванович
Приехал ко церкви соборныя,
Ко тем попам и ко дьяконам,
Приходил он во церкву соборную,

¹ *Горáзд* — здесь: ловкий, уместный, искусный.

² *Гўзна* — низ, зад.

³ *Чингáлишша* — кинжалище, кинжал.

⁴ *Куя́к* — латы.

⁵ *Епанча́, епанечка* — шубейка, короткая, безрукавная.

⁶ *Вта́поры* — в ту пору, в то время.

Просит честныя милости
У тово архерея соборнова —
Обвенчать на той красной девице.
Рады были тому попы соборныя,
В те годы присяги¹ не ведали,
Обвенчали Дуная Ивановича.
Венчалънова дал Дунай пять сот рублей
И поехал ко князю Владимиру;
И будет у князя на широком дворе,
И скочили со добрых коней с молодой женой,
И говорил таково слово:
Доложитесь князю Владимиру
Не о том, что идти во светлы гридни, —
О том, что не в чем идти княгине молодой:
Платья женскова только одна и есть епанечка белая.
А втапоры Владимир-князь он догадлив был,
Знает он, ково послать:
Послал он Чурила Пленковича
Выдавать платьица женское цветное.
И выдавали оне тут соян² хрущетоу камки³
На тое княгиню новобрачную,
На Настасью-королевичну,
А цена тому сояну сто тысячей.
И снарядили оне княгиню новобрачную,
Повели их во полаты княженецкия,
Во те гридни светлыя,
Сажали за столы убранныя,
За ества сахарныя и за питье медяные.
Сели уже две сестры за одним столом,
А и молоды Дунай сын Иванович
Женил он князя Владимира
Да и сам тут же женился,
В том же столе столовати⁴ стал.
А жили оно время немалое.
У князя Владимира, у солнышка Сеславьевича,
Была пирушка веселая,
Тут пьяной Дунай расхвастался:
— Что нет против меня во Киеве такова стрельца
Из туга лука по приметам стрелять!
Что взговорит молода княгиня Апраксевна:
— Что гой еси ты, любимой мой зятюшка,

¹ *Присяга* — клятва, гласный призыв Бога во свидетельство, целование креста.

² *Соян* — саян, распашной сарафан.

³ *Камка* — шелковая ткань с узорами, *хрущета* — хрустящая.

⁴ *Столовати* — пировать.

Молоды Дунай сын Иванович!
Что нету-де во Киеве такова стрельца,
Как любезной сестрице моей Настасьи-королевичне.

Тут Дунаю за беду стало,
Бросали оне жёребья,
Кому прежде из туга лука стрелять,
И досталось стрелять
Ево молодой жене Настасьи-королевичне,
А Дунаю досталось на главе золото кольцо держать.
Отмерели место на целу версту тысячну,
Держит Дунай на главе золото кольцо,
Вытягала Настасья колену стрелу,
Спела-де титивка у туга лука,
Сшибла с головы золото кольцо.

Тою стрелкою каленою.
Князи и бояра тут металися,
Усмотрили калену стрелу,
Что на тех-та перушках¹ лежит то золото кольцо.

Втапоры Дунай становил на примету
Свою молоду жену,
Стала княгиня Апраксевна его уговаривати:
— Ай ты гой еси, любимой мой зятюшка,
Молоды Дунай сын Иванович!
Та ведь шутачка пошучена.

Да говорила же ево и молода жена:
— Оставим-де стрелять до другова дня,
Есть-де в утробе у меня могуч богатырь.
Первой-де стрелкой не дострелишь,
А другую-де перестрелишь,
А третью-де стрелкою в меня угодишь.

Втапоры князи и бояра
И все сильны-могучи богатыри
Ево, молода Дуная, уговаривали.
Втапоры Дунай озадорелся²
И стрелял в примету на целу версту в золото кольцо,
Становил стоять молоду жену.

И втапоры ево молода жена
Стала ему кланяться и перед ним убиватися:
— Гой еси ты, мой любезной ладушка,
Молоды Дунай сын Иванович!
Аставь шутку на три дни,
Хошь не для меня,
Но для своего сына нерожденного;

¹ На тех же перушках — вероятно, на оперении стрелы.

² Озадобреться — войти в задор.

Завтра рожу тебе богатыря,
Что не будет ему сопротивника.
Тому-то Дунай не поверовал,
Становил свою молодую жену Настасью-королевишну
На мету с золотым кольцом,
И велели держать кольцо на буйной главе.
Стрелял Дунай за целу версту из туга лука,
А и первой стрелой он не дострелил,
Другой стрелой перестрелил,
А третью стрелою в нее угодил.
Прибежавши Дунай к молодой жене,
Выдергивал чингалишша булатное,
Скоро вспорол ей груди белья, —
Выскочил из утробы удал молодец,
Он сам говорит таково слово:
— Гой еси, сударь мой батюшка!
Как бы дал мне сроку на три часа,
А и я бы на свете был
Попрыжея и полутчея в семь семериц¹ тебя.
А и тут молоды Дунай сын Иванович запечалился,
Ткнул себя чингалишшем во белы груди,
Сгареча он бросился во быстру реку.
Потому быстра река Дунай словет,
Своим устьем впала в сине море.
А и то старина, то и деянье.

5

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

Матушка Добрынюшке говаривала,
Матушка Никитичу наказывала:
— Ах ты, душенька, Добрыня сын Никитинич!
Ты не ездитко на гору сорочинскую,
Не топчитко там ты малых змиенышов,
Не выручай же полону² там русского,
Не куплись-ко³ ты во матушке Пучай-реки;
Тая река свирипая,
Свирипая река, сама сердитая:
Из-за первая же струйки как огонь сечет,
Из-за другой же струйки искра сыплется,

¹ В семь семериц — семь раз по семь.

² Полон — плен, здесь: пленники.

³ Не куплись-ко — не купайся-ка.

Из-за третьей же струйки дым столбом валит,
Дым столбом валит да сам со пламенью.

Молодой Добрыня сын Никитинич
Он не слушал да родители тут матушки,
Честной вдовы Офимьи Олександровной,
Ездил он на гору сорочинскую,
Топтал он тут малых змиенышков,
Выручал тут полону да русскаго.
Тут купался да Добрыня во Пучай-реки,
Сам же тут Добрыня испроговорил:
— Матушка Добрынюшке говаривала,
Родная Никитичу наказывала:
«Ты не ездит-тко на гору сорочинскую,
Не топчи-тко там ты малых змиенышев,
Не куплись, Добрыня, во Пучай-реки,
Тая река свирипая,
Свирипая река да е[сть] сердитая:
Из-за первая же струйки как огонь сечет,
Из-за другой же струйки искра сыплется,
Из-за третьей же струйки дым столбом валит,
Дым столбом валит да сам со пламенью».
Эта матушка Пучай-река
Как ложинушка¹ дождёвая.

Не поспел тут жé Добрыня словца мóлвити,
Из-за первая же струйки как огонь сечет,
Из-за другою же струйки искра сыплется,
Из-за третьей же струйки дым столбом валит,
Дым столбом валит да сам со пламенью.
Выходит тут змея было проклятая
О двенадцати змея было о хоботах:
— Ах ты, молодой Добрыня сын Никитинич!
Захочу я нынь Добрынюшку целó сожру,
Захочу Добрыню в хобота возьму,
Захочу Добрынюшку в полон снесу.

Испроговорит Добрыня сын Никитинич:
— Ай же ты, змея было проклятая!
Ты поспела бы Добрынюшку да захватить,
В ты пору Добрынюшкой похвастати, —
А нуьчу Добрыня не в твоих руках.

Нырнет тут Добрынюшка у бережка,
Вынырнул Добрынюшка на другоём.
Нету у Добрыни ко́ня добраго,
Нету у Добрыни ко́пья востраго,

¹ Ложинушка — лужа.

Нечем тут Добрынюшке поправиться¹.
 Сам же тут Добрыня приужахнется,
 Сам Добрыня испроговорит:
 — Видно нонечу Добрынюшке кончинушка!
 Лежит тут колпак да земли греческой,
 А весу-то колпак буде трех пудов.
 Ударил он змею было по хоботам,
 Отшиб змеи двенадцать тых же хоботов,
 Сбился² на змею да он с коленками,
 Выхватил ножищо да кинжалищо,
 Хоче он змею было пороспластать.
 Змея ему да тут смолиласи:
 — Ах ты, душенька, Добрыня сын Никитинич!
 Быдь-ка ты, Добрынюшка, да больший брат,
 Я тебе да сёстра меньшая.
 Сделаю мы же заповедь великую:
 Тебе-ка-ва не ездить нынь на гору сорочинскую
 Не топтать же zde-ка маленьких змиёнышков,
 Не выручать полону да русскаго;
 А я тебе сестра да буду меньшая,
 Мне-ка не летать да на святую Русь,
 А не брать же больше полону да русскаго,
 Не носить же мне народу христианскаго.
 Отслабил³ он колен да богатырских.
 Змея была да тут лукавая,
 Спод колен да тут змея свернуласи,
 Улетела тут змея да во кувыль⁴-траву.
 И молодой Добрыня сын Никитинич
 Пошел же он ко городу ко Киеву,
 Ко ласковому князю ко Владимиру,
 К свёей тут к родители ко матушки,
 К честной вдовы Офимье Олександровной.
 И сам Добрыня порасхвастался⁵:
 — Как нету у Добрыни коня добраго,
 Как нету у Добрыни копья востраго,
 Не на ком поехать нынь Добрыне во чисто поле!
 Испроговорит Владимир стольнекиевской:
 — Как солнышко у нас идет на вечере,

¹ *Поправиться* — сразиться.

² *Сбится* — здесь: упал, ступил.

³ *Ослабил*.

⁴ *Кувыль-трава* — ковыль-трава.

⁵ *Порасхвастался* — стиливой шаблон, тут значение — сказал.

Почестный пир идет у нас на весели¹,
А мне-ка-ва, Владимиру, не весело,
Одна у мяя любимая племянничка,
И молода Забава дочь Потятична.
Летела тут змея у нас проклятая,
Летела же змея да через Киев-град;
Ходила нунь² Забава дочь Потятична
Она с мамкамы да с нянькамы
В зеленом саду гулятитесья.
Подпадала³ тут змея было проклятая
Ко той матушки да ко сырой земли,
Ухватила тут Забаву дочь Потятичну
В зеленом саду да ю⁴ гуляючи
В свои было во хобота змеиныи,
Унесла она в пещерушку змеиную.

Сидят же тут два русскиих могучиих богатыря:
Сидит же тут Алешенька Левонтьевич,
Во дру́гих Добрыня сын Никитинич.
Испроговорит Владимир стольне́киевской:
— Вы русскии могучии богатыри,
Ай же ты, Алешенька Левонтьевич!
Мошь⁵ ли ты достать у нас Забаву дочь Потятичну
Из той было пещеры из змеиною?

Испроговорит Алешенька Левонтьевич:
— Ах ты, солнышко Владимир стольнекиевской!
Я слышал было на сем свети,
Я слышал же от Добрынюшки Никитича:
Добрынюшка змей было крестовый брат,
Отдаст же тут змея проклятая
Мóлоду Добрынюшки Никитичу
Без бою, без драки кроволития
Тут же нунь Забаву дочь Потятичну.

Испроговорит Владимир стольнекиевской:
— Ах ты, душенька, Добрыня сын Никитинич!
Ты достань-ко нунь Забаву дочь Потятичну
Да из той было пещерушки змеиною.
Не достанешь ты Забавы дочь Потятичной,
Прикажу тебе, Добрыня, голову рубить.

Повесил тут Добрыня буйну голову,

¹ *На весели* — весело, разгар веселья.

² На ту пору, в это же время.

³ *Подпадала* — припадала.

⁴ Ее.

⁵ *Мошь* — можешь.

Утопил же очи ясныя
 А во тот ли во кирпичен мост¹.
 Ничего ему Добрыня не ответствует.
 Ставает тут Добрыня на резвы ноги,
 Отдает ему великое почтениё.
 Ему нунь за весело пированиё.
 И пошел же ко родители ко матушке,
 И к честной вдовы Офимьи Олександровной.
 Тут стретает² его да родитель-матушка,
 Сама же тут Добрыне испроговорит:
 — Что же ты, рожоное, не весело,
 Буйну голову, рожоное, повесило?
 Ах ты, молодой Добрыня сын Никитинич!
 Али ествы-ты были не по уму?
 Али питьица-ты были не по разуму?
 Аль дурак-тот над тобою надсмеялся ли?
 Али пьяница ли там тебя приобозвал?
 Али чарою тебя да там приобнесли?
 Говорил же тут Добрыня сын Никитинич,
 Говорил же он родители тут матушке,
 А честной вдове Офимьи Олександровной:
 — А й честна вдова Офимья Олександровна!
 Ествы-ты же были мне-ка по уму,
 А и питьица-ты были мне по разуму,
 Чарою меня там не приобнесли,
 А дурак-тот надо мною не смеялся же,
 А и пьяница меня да не приобозвал;
 А накинул на нас службу да великую
 Солнышко Владимир стольнекиевской:
 А достать было Забаву дочь Потятичну
 А из той было пещеры из змеиную, —
 А нунь нету у Добрыни коня добраго,
 А нунь нету у Добрыни копя востраго,
 Не с чем мни поехати на гору сорочинскую
 К той было змеи нунь ко проклятою.
 Говорила тут родитель ёму матушка,
 А честна вдова Офимья Олександровна:
 — А рожоное моё ты нунь же дитятко,
 Молодой Добрынюшко Никитинич!
 Богу ты молись да спать ложись,
 Буде утро мудро, мудренее буде вечера —
 День у нас же буде там прибыточён³.

¹ *Кирпичен мост* — мощный кирпичом пол.

² *Стретает* — встречает.

³ *Прибыточён* — с прибытком, удачен, хороший.

Ты поди-ко на конюшню на стоялюю,
Ты бери коня с конюшенки стоялыя,
Батюшков же конь стоит да дедушков,
А стоит бурко пятнадцать лет,
По колен в назем¹ же ноги призарощены²,
Дверь по поясу³ в назем зарощена.

Приходит тут Добрыня сын Никитинич
А ко той ли ко конюшеньке стоялыя,
Повыдернул же дверь он вон из назму,
Конь же ноги из назму да вон выдёргиват,
А берет же тут Добрынюшка Никитинич,
Берет Добрынюшка добра коня
На ту же на узду да на тесмяную⁴,
Выводит из конюшенки стоялыи,
Кормил коня пшеною белояровой⁵,
Поил питьями медвяныма.
Ложился тут Добрыня на велик одёр⁶.

Ставае(т) он поутрушку ранехонько,
Умывается он да и белехонько,
Снаряжается да хорошохонько,
А седлает своего да он добра коня,
Кладывае(т) он же потнички⁷ на потнички,
А на потнички он кладе(т) войлочки,
А на войлочки черкальское⁸ седельшко,
И садился тут Добрыня на добра коня.

Провожает тут родитель его матушка,
А честна вдова Офимья Александровна,
На поезде ему плёточку нонь подала,
Подала тут плётку шамахинскую⁹
А семи шелков да было разных,
А Добрынюшке она было наказыват:
— Ах ты, душенька, Добрыня сын Никитинич!
Вот тебе да плетка шамахинская:

¹ *Назём* — навоз, удобрение.

² *Призарощены* (о ногах) — стоят в навозе.

³ *По поясу* — по смыслу: до середины.

⁴ *Тесмянная* (узды) — плетеная.

⁵ *Пшена белояровая* — кукуруза, пшенка.

⁶ *Одёр* — ложе, помост.

⁷ *Потнички* — полость, сваленная из овечьей шерсти, а также войлок, кладутся под седло.

⁸ *Черкальское* (седло) — черкесское, восточное.

⁹ *Шамахинская* (плетка) — шелковая, восточная.

Съедешь ты на гору сорочинскую,
Станешь топтать ма́леньких змиенышов,
Выручать тут полону да русскаго,
Да не станет твой же бурушко поскакивать
А змиенышов от ног да прочь отряхивать, —
Ты хлыщи бурка да нунь про́меж уши,
Ты промеж уши хлыщи да ты проме́ж ноги,
Ты промеж ноги да про́меж заднии,
Сам бурку да приговаривай:
«Бурушко, ты нонь поскакивай,
А змиенышов от ног да прочь отряхивай!»
Тут простиласи да воротиласи.

Видли тут Добрынюшку да сядучи,
А не видли тут удалаго поедучи.
Не дорожками поехать, не воротами,
Через ту стену поехал городовую,
Через тую было башню наугольную,
Он на тую гору сорочинскую.
Стал топтать да ма́леньких змиенышов,
Выручать да полону нонь русскаго.
Подточили тут змиёныши бурку да щоточки¹,
А не стал же его бурушко поскакивать.
На кони же тут Добрыня приужахнется, —
Нунечку² Добрынюшки кончинушка!
Спомнил он наказ да было матушкин,
Сунул он же руку во глубок карман,
Выдернул же плетку шамахинскую
А семи шелков да шамахинских,
Стал хлыстать бурка да он проме́ж уши,
Промеж ушй да он промеж ноги,
А проме́ж ногй да промеж заднии,
Сам бурку да приговариват:
— Ах ты, бурушко, да нунь поскакивай,
А змиенышов от ног да прочь отряхивай!
Стал же ёго бурушко поскакивать
А змиенышов от ног да прочь отряхивать,
Притоптал же всих он ма́леньких змиенышков,
Выручал он полону да русскаго.
И выходит тут змея было проклятое
Да из той было пещеры из змеиною
И сама же тут Добрыня испроговорит:
— Ах ты, душенька, Добрынюшка Никитинич!
Ты порушил свою заповедь великую,

¹ *Щоточки* (у коня) — нижняя часть ноги с пучком жестких волос.

² *Нунечка* — нынче, теперь.

Ты приехал нунь на гору сорочинскую
А топтать же мѡих маленьких змиеньшов.

Говорит же тут Добрынюшка Никитинич:

— Ай же ты, змия проклятая!

Я ли нунь порушил свою заповедь,

Али ты, змея проклятая, порушила?

Ты зачим летела через Киев град,

Унесла у нас Забаву дочь Потятичну?

Ты отдай-ка мне Забаву дочь Потятичну

Без бою, без драки кроволития.

Не отдавала она без бою, без драки кроволития,

Заводила она бой драку великую

Да большое тут с Добрыней кроволитиѡ.

Бился тут Добрыня со змеѡй трои сутки

А не може он побить змею проклятою.

Наконец, хотел Добрынюшка отъехати, —

Из небес же тут Добрынюшка да глас гласит:

— Ах ты, молодой Добрыня сын Никитинич!

Бился со змеѡй ты да трои сутки,

А побейся-ко с змеей да еще три часу.

Тут побился он Добрыня еще три часу,

А побил змею да он проклятою,

Попустила кровь свою змеиную,

От востока кровь она да вниз до запада,

А не прижре матушка да тут сыра земля

Этой крови да змеиную.

А стоит же тут Добрыня во кровь трои сутки,

На кони сидит Добрыня — приужахнется,

Хочет тут Добрыня прочь отъехати.

З-за небесей Добрыне снова глас гласит:

— Ай ты, молодой Добрыня сын Никитинич!

Бей-ко ты копьем да бурзамецким¹

Да во ту же матушку-сыру землю,

Сам к земли да приговаривай!

Стал же бить да во сыру землю,

Сам к земли да приговаривать:

— Росступись-ко ты же, матушка-сыра земля,

На четыре на вси стороны,

Ты прижри-ко эту кровь да всю змеиную!

Росступилась было матушка-сыра земля

На всих на четыре да на стороны,

Прижрала да кровь в себя змеиную.

Опускается Добрынюшка с добра коня

И пошел же по пещерам по змеинным,

Из тыи же из пещеры из змеинной

¹ *Бурзамецкое* (копье) — мурзамецкое, татарское.

Стал же выводить да полону он русскаго.
Много вывел он было князей князевичев,
Много королей да королевичев,
Много он девиц да королевичных,
Много нунь девиц, да и князевичных.
А из той было пещеры из змеиною —
А не може он найти Забавы дочь Потятичной.

Много он прошел пещер змеинных
И заходит он в пещеру во последнюю,
Он нашел же там Забаву дочь Потятичну
В той последнею пещеры во змеиною.
А выводит он Забаву дочь Потятичну
А из той было пещерушки змеиною,
Да выводит он Забавушку на белый свет.
Говорит же королям да королевичам,
Говорит князям да он князевичам,
И девицам королевичным,
И девицам он да нунь князевичным:
— Кто откуль вы да унёсены,
Всяк ступайте в свою сторону,
А собирайтесь вси да по своим местам,
И не троне(т) вас змея болé проклятая,
А убита е(сть) змея да та проклятая,
А пропущена да кровь она змеинная
От востока кровь да вниз до запада,
Не унесет нунь болé полону да русскаго
И народу христианьскаго,
А убита е(сть) змея да у Добрынюшки
И приконьчена да жизнь нуньчу змеинная.

А садился тут Добрыня на добра коня,
Брал же он Забаву дочь Потятичну,
А садил же он Забаву на правó стегно¹,
А поехал тут Добрыня по чисту полю.
— За твою было великую за выслугу
Назвала тебя бы нунь батюшком, —
И назвать тебя Добрыня нуньчу не можно!
За твою великую за выслугу
Я бы назвала нунь братцем да родимым, —
А назвать тебя, Добрыня, нуньчу не можно!
За твою великую за выслугу
Я бы назвала нынь другом да любимым, —
В нас же вы, Добрынюшка, не влюбитесь!

¹ *Стегно* — бедро.

Говорит же тут Добрыня сын Никитинич
Молодой Забавы дочь Потятичной:
— Ах ты мѳлода Забава дочь Потятична!
Вы есть нунчу роду княженецкаго,
Я есть роду христианьского¹:
Нас нельзя же назвать другом да любимым.

6

СУХМАНТИЙ

У ласкова у князя у Владимира
Было пированьице, почестен пир
На многих князей, на бояр,
На русских могучиих богатырей
И на всю паленицу² удалую.
Красное солнышко на вечере,
Почестный пир идет навеселе.
Все на пиру пьяны-веселы,
Все на пиру порасхвастались.
Глупый хвастает молодой женой,
Безумный хвастает золотой казной,
А умный хвастает старой матерью,
Сильный хвастает своей силою,
Силою, хваткой богатырскою.
За тым за столом за дубовым
Сидит богатырь Сухмантий Одихмантьевич,
Ничем-то он, молодец, не хвастает.
Солнышко Владимир стольнокиевский
По гридне³ столовой похаживает,
Желтыма кудеркамы потряхивает,
Сам говорит таковы слова:
— Ай же ты, Сухмантий Одихмантьевич!
Что же ты ничем не хвастаешь,
Не ешь, не пьешь и не кушаешь,
Белья лебеди не рушаешь⁴?
Али чара ти шла не рядобная⁵,

¹ Роду христианьского — по-видимому, крестьянского.

² Палёница, полёница — сообщество воинов, от *поле*, *поляковать* (ездить в поле).

³ Грідня — в княжеских покоях столовая, парадная комната.

⁴ Рўшать — делить, кроить, резать.

⁵ Не рядобная — не по ряду, не по очереди.

Или место было не по отчине¹,
Али пьяница надсмеялся ти²?

Воспроговорит Сухман Одихмантьевич:
— Солнышко Владимир стольнокиевский!
Чара-то мне-ка шла рядобная,
А и место было по отчине,
Да и пьяница не надсмеялся мне.
Похвастать — не похвастать добру молодцу:
Привезу тебе лебедь белую,
Белу лебедь живьем в руках,
Не ранену лебедку, не кровавлену.

Тогда Сухмантий Одихмантьевич
Скоро встает на резвы ноги,
Приходит из гридни из столовые
Во тую конюшенку стоялюю³,
Седлает он своего добра коня,
Взимает палицу воинскую,
Взимает для пути, для дороженьки
Одно свое ножище-кинжалище.
Садился Сухмантий на добра коня,
Уезжал Сухмантий ко синю морю,
Ко тоя ко тихия ко заводи.

Как приехал ко первыя тихия заводи,
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утеныши.
Ехал ко другия ко тихия ко заводи,
У тоя у тихия у заводи
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утеныши.
Ехал ко третия ко тихия ко заводи,
У тоя у тихия у заводи
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утеныши.
Тут-то Сухмантий пораздумался:
«Как поехать мне ко славному городу ко Киеву,
Ко ласкову ко князю ко Владимиру?
Поехать мне — живу не бывать;
А поеду я ко матушке Непры⁴-реке!»
Приезжает ко матушке Непры-реке:
Матушка Непра-река текет не по-старому,
Не по-старому текет, не по-прежнему,

¹ Не по отчине — не по знатности рода.

² Ти — тебе, здесь: над тобой.

³ Стоялая (конюшня) — где стоят кони.

⁴ Непра — Днепр.

А вода с песком помутилася.
Стал Сухмантьюшка выпрашивати:
— Что же ты, матушка Непра-река,
Что же ты текешь не по-старому,
Не по-старому текешь, не по-прежнему,
А вода с песком помутилася?

Испроговорит матушка Непра-река:
— Как же мне течи было по-старому,
По-старому течи, по-прежнему,
Как за мной, за матушкой Непрой-рекой,
Стоит сила татарская неверная,
Сорок тысячей татаровей поганных?
Мостят они мосты калиновы;
Днем мостят, а ночью я повырою:
Из сил матушка Непра-река повыбилась.

Раздумался Сухмантий Одихмантьевич:
— Не честь-хвала мне молодецкая
Не отведать силы татарския,
Татарския силы, неверныя.

Направил своего добра коня
Через тую матушку Непру-реку —
Его добрый конь перескочил.
Приезжает Сухмантий ко сыру дубу,
Ко сыру дубу крякновисту¹,
Выдергивал дуб со кореньями,
За вершинку брал, а с комля² сок бежал,
И поехал Сухмантьюшка с дубиночкой.
Напустил он своего добра коня
На тую ли на силу на татарскую.
И начал он дубиночкой помахивати,
Начал татар покалачивати;
Махнет Сухмантьюшка — улица,
Отмахнет назад — промежуточек,
И вперед просунет — переулочек.
Убил он всех татар поганных.

Бежало три татарина поганных,
Бежали ко матушке Непры-реке,
Садились под кусточки под ракивовы,
Направили стрелочки каленяя.
Приехал Сухмантий Одихмантьевич
Ко той ко матушке Непры-реке, —
Пустили три татарина поганных
Тья стрелочки каленяя

¹ Кряк(н)овист(ый) (дуб) — кривой, крепкий.

² Кóмель — нижняя часть ствола.

Во его в бока во белыя:
Тут Сухмантий Одихмантьевич
Стрелочки каленыя выдергивал,
Совал в раны кровавыя листочки макавы,
А трех татаровой поганных
Убил своим ножищем-кинжалищем.

Садился Сухмантий на добра коня,
Припустил ко матушке Непры-реке,
Приезжал ко городу ко Киеву,
Ко тому двору княженецкому,
Привязал коня ко столбу ко точеному,
Ко тому кольцу ко золоченому,
Сам бежал во гридню во столовую.

Князь Владимир стольнокиевский
По гридне столовыя похаживает,
Желтыма кудеркамы потряхивает,
Сам говорит таковы слова:
— Ай же ты, Сухмантий Одихмантьевич!
Привез ли ты мне лебедь белую,
Белу лебедь живьем в руках,
Не ранену лебедку, не кровавлену?

Говорит Сухмантий Одихмантьевич:
— Солнышко князь стольнокиевский!
Мне, мол, было не до лебедушки:
А за той за матушкой Непрой-рекой
Стояла сила татарская неверная,
Сорок тысячей татаровой поганных;
Шла же эта сила во Киев град,
Мостила мосточки калиновы:
Они днем мосты мостят,
А матушка Непра-река ночью повыроет.
Напустил я своего добра коня
На тую на силу на татарскую,
Побил всех татар поганных.

Солнышко Владимир стольнокиевский
Приказал своим слугам верным
Взять Сухмантья за белы руки,
Посадить молодца в глубок погреб;
А послать Добрынюшку Никитинца
За тую за матушку Непру-реку
Проведать заработки¹ Сухмантьевы.

Седлал Добрыня добра коня,
И поехал молодец во чисто поле.
Приезжает ко матушке Непры-реке
И видит Добрынюшка Никитинец:

¹ Зарботки — дела, сделанное.

Побита сила татарская;
И видит дубиначку-вязаичку¹,
У тоя реки разбитую на лозиночки².
Привозит дубиначку в Киев-град
Ко ласкову князю ко Владимиру,
Сам говорит таково слово:
— Правдой хвастал Сухман Одихмантьевич:
За той за матушкой Непрой-рекой
Есть сила татарская побитая,
Сорок тысячей татаровой поганных;
И привез я дубиначку Сухмантьеву,
На лозиночки дубиначка облочкана³.
Потянула дубина девяносто пуд.

Говорил Владимир стольнокиевский:
— Ай же, слуги мои верные!
Скоро идите в глубок погреб,
Взимайте Сухмантя Одихмантьевича,
Приводите ко мне на ясны очи:
Буду его, молодца, жаловать-миловать,
За его услугу за великую,
Городами его с пригородкамы,
Али селама со приселкамы,
Аль бесчетной золотой казной долюбю.

Приходят его слуги верные
Ко тому ко погребу глубокому,
Сами говорят таковы слова:
— Ай же ты, Сухмантий Одихмантьевич!
Выходи со погреба глубокаго:
Хочет тебя солнышко жаловать,
Хочет тебя солнышко миловать
За твою услугу великую.

Выходил Сухмантий с погреба глубокого,
Выходил на далече-далече чисто поле,
И говорил молодец таковы слова:
— Не умел меня солнышко миловать,
Не умел меня солнышко жаловать:
А теперь не видать меня во ясны очи!
Выдергивал листочки маковые
Со тихих с ран со кровавых,

¹ *Дубиначка-вязаичка* — дуб-вяз, обычное в фольклоре сдвоение и даже утроение понятий для обозначения вещей и явлений более высокого, поэтического, порядка, чем раздельное употребление слов.

² *Лозиночка* — лоза, хлыст, длинная щепка.

³ *Облочкана* — расщеплена, разбита.

Сам Сухмантий приговаривал:
— Потечи, Сухман-река,
От моя от крови от горячия,
От горячия крови, от напрасныя!

7

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК

Из того ли-то из города из Муромля,
Из того села да с Карачирова,
Выезжал удаленькой дородний добрый молодец.
Он стоял заутрену во Муромли,
А й к обеденке поспеть хотел он в стольнёй Киев град.
Да й подъехал он ко славному ко городу к Чернигову,
У того ли города Чернигова
Нагнанó-то силушки черным-черно.
А й черным черно как черна вóрона;
Так пехотою¹ никто тут не прохаживат,
На добром кони никто тут не проезживат.
Птица черной ворон не пролетыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великоёй,
Он как стал-то эту силушку великую.
Стал конем топтать да стал копьём колоть,
А й побил он эту силу всю великую.
Ен подъехал-то под славный под Чернигов град;
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов град.
А й зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
— Ай же мужички да вы черниговски!
Я не йду к вам во Чернигов воеводою,
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольний Киев град.
Говорили мужички ему черниговски:
— Ты удаленькой дородний добрый молодец,
Ай ты славныя богáтырь святорусьски!
Прямоезжая дорожка заколодела²,
Заколодела дорожка, замуравела³.
А й по той ли по дорожке прямоезжою
Да й пехотою никто да не прохаживал,

¹ Пехóтою — пешим.

² Заколóдела — завалена колодами, павшими деревьями.

³ Замуравела — заросла травой.

На добром кони никто да не проезживал:
Как у той ли-то у Грязи-то у Черной,
Да у той ли у березы у покляпяя¹,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Левонидова,
Сиди Соловей разбойник во сырóm дубу,
Сиди Соловей разбойник Одиxмантьев сын,
А то свишет Соловей да по солóвьему.
Ён кричит злодей разбойник по звериному.
И от него ли-то от посвисту соловьяго,
И от него ли-то от покрыку звериногo,
То все травушки мура́вы уплетаются,
Все лазуревы цветочки отсыпаются.
Темны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей, то вси мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой пятьсот есть верст,
А й окольной дорожкой цела тысяща.

Он спустил добра коня да й богатырскогo,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Ёго добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холму стал перемахивать,
Мелки реченки, озерка промеж ног спущал.

Подъезжает он ко речке ко Смородинки,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Черной,
Да ко тою ко березы ко покляпяя,
К тому славному кресту ко Левонидову.
Засвистал-то Соловей да й по солóвьему,
Закричал злодей разбойник по звериному,
Так все травушки муравы уплетались,
Да й лазуревы цветочки отсыпалися,
Темны лесушки к земле вси приклонилися,
Его добрый конь да богатырский
А он на корзни да потыкается;
А й как старый-от казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелковую в белу руку,
А он бил коня а по крутым ребрам;
Говорил-то он Илья да таковы слова:
— Ах ты волчья сыть, да й травяной мешок!
Али ты итти не хошь, али нести не мошь?
Что ты на корзни², собака, потыкаешься?
Не слышал ли посвисту соловьяго,
Не слышал ли покрику звериногo,

¹ *Покляпяя* (береза) — наклоненная.

² *Корзни* — здесь: ветки павших, сломленных деревьев, кора.

Не видал ли ты ударов богатырских?

А й тут старья казак да Илья Муромец
Да берет-то он свой тугой лук розрывчатый¹,
Во свои берет во белы он во ручушки,
Ён тетивочку шелковеньку натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал,
То он стрелил в то́го Со́ловья разбойника.
Ёму выбил право око со косичею².
Ён спустил-то Со́ловья да на сыру землю,
Пристянул его ко правому ко стремечки булатному,
Ён повез его по славну по чисту полю.
Мимо гнездышко повез да Соловьиное.

Во том гнездышке да Соловьиноем
А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимых;
Бо́льша дочка эта смотрит во окошечко косявчато,
Говорит ёна да таковы слова:
— Едет-то наш батюшко чистым полем,
А сидит-то на добром кони,
Да везет ён мужичищо деревенщину,
Да у правого у стремени прикована.

Поглядела его дру́га дочь любимая,
Говорила-то она до таковы слова:
— Едет батюшко роздольцем чистым полём
Да й везет он мужичища деревенщину,
Да й ко правому ко стремени прикована.

Поглядела его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
— Едет мужичищо деревенщина,
Да й сидит мужик он на добром кони,
Да й везет-то наша батюшка у стремени,
У булатняго у стремени прикована.
Ему выбито-то право око со косичею.

Говорила то й она да таковы слова:
— Ай же мужевья наши любимыи!
Вы берите-тко рогатины звериныи,
Да бежите-тко в роздольце чисто поле,
Да вы бейте мужичища деревенщину.

Эти мужевья да их любимыи,
Зятевья-то есть да Соловьинныи,
Похватали как рогатины звериныи
Да и бежали-то они да й во чисто поле
Ко тому ли к мужичищу деревенщине,

¹ *Розрывчатый* (лук) — упругий, тугой, при спуске стрела рассекает воздух, издаёт свист.

² *Око со косичею* — око с виском.

Да хотят убить-то мужичища деревенщину.
Говорит им Соловей розбойник Одихмантьев сын:
— Ай же зятевья мои любимы,
Побросайте-тко рогатины зверины,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В своё гнездышко зовите Соловьиное,
Да кормите его ествушкой сахарною,
Да вы пойте ёго питьцем медвяным,
Да й дарите ёму дáры драгоценные.

Эты зятевья да Соловьиныи
Побросали-то рогатины зверины,
А й зовут-то мужика да й деревенщину
Во то гнездышко да Соловьиное.
Да й мужик-от деревенщина не слушатся,
А он едет-то по славному чисту полю,
Прямоезжею дорожкой в стольнёй Киев град.

Ён приехал-то во славный стольнёй Киев град
А ко славному ко князю на широкой двор.
А й Владимиr князь он вышел со божьёй церкви,
Он пришел в палату белокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Оны сели есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.

А й тут старья казак да Илья Муромец
Становил коня да посерёд двора,
Сам идет он во полаты белокаменны,
Проходил он во столовую во горенку,
На́ пяту он дверь-ту поразмахивал¹,
Крест-от клал ён по-писáному,
Вел поклоны по учёному²,
На все на три на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Еще всим его князьям он подколенным³.

Тут Владимиr князь стал молодца выспрашивать:
— Ты скажи-тко, ты откулешной, дородний добрый мо́лодец?
Тобе как-то молодца да именём зовут,
Звеличают удалаго по отечеству?

Говорил-то старья казак да Илья Муромец:
— Есть я с славнаго из города из Муромля,
Из того села да с Карачирова,

¹ *Пятá* — устройство, на котором ходит дверь; богатырь распахнул дверь до предела.

² Крестится и кланяется по-старинному, как предписано.

³ *Подколённые* (князья) — здесь: младшие.

Есть я старья¹ казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.

Говорит ему Владимир таковы слова:

— Ай же старья казак да Илья Муромец!
Да й давно ли ты повыехал из Муромля
И которою дороженкой ты ехал в стольней Киев град?

Говорил Илья он таковы слова:

— Ай ты славныя Владимир стольнѣ-киевской!
Я стоял заутрену Христовскую² во Муромли,
А й к обеденки поспеть хотел я в стольней Киев град.
То моя дорожка призамешкалась;
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженкой я ехал мимо-то Чернигов град,
Ехал мимо эту Грязь да мимо Черную,
Мимо славну реченку Смородину,
Мимо славную березу-то поклапую,
Мимо славный ехал Леванидов крест.

Говорил ёму Владимир таковы слова:

— Ай же мужичищо деревенщина,
Во глазах мужик да подлыгаешься,
Во глазах мужик да насмехаешься!
Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много множество,
То пехотою³ никто да не прохаживал,
И на добром коне никто да не проезживал,
Туды серый зверь да не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал;
А у той-ли-то у Грязи-то у Черной,
Да у славной у речки у Смородины,
А й у той ли березы у поклапою,
У того креста у Леванидова,
Соловей сидит разбойник Одихмантьев сын,
То как свищет Соловей да по соловьеву,
Как кричит злодей разбойник по звериному,
То все травушки муравы уплетаются,
А лазуревы цветки прочь отсыпаются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей то вси мертво лежат.

Говорил ему Илья да таковы слова:

— Ты Владимир князь да стольнѣ-киевской!
Соловей разбойник на твоём дворе,
Ему выбито ведь право око со косичею,

¹ *Старый казак* — старинный, позднее именование богатыря.

² *Заўтрена Христовская* — пасхальная.

³ *Пехотой* — пешим.

Й он ко стремену булатному прикованной.

То Владимир князь-от стольнѣ-киевской,
Он скорешенько ставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
То он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит-то на свой-то на широкой двор
Посмотреть на Соловья разбойника.

Говорил-то ведь Владимир князь да таковы слова:

— Засвищи-тко, Соловей, ты по соловьему,
Закрычи-тко ты, собака, по звериному.

Говорил-то Соловей ему разбойник Одихмантьев сын:

— Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати,
Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочю-то я послушати.

Говорил-то как Владимир князь да стольнѣ-киевской:

— Ай де старья казак ты, Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Соловью да й по солóвьему,
Прикажи-тко закрыть да по звериному.

Говорит Илья да таковы слова:

— Ай же Соловей разбойник, Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты во пól-свисту солóвьего,
Закрычи-тко ты во пól-крыку звериного.

Говорил-то ему Соловей разбойник Одихмантьев сын:

— Ай же старья казак ты, Илья Муромец!

Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста сахарнии,
Не могу я засвистать да й по солóвьему,
Закрычать не могу я по звериному.
А й вели-тко князю ты Владимиру
Налить чару мни да зеленá вина,
Я повыпью-то чару зеленá вина,
Мои раночки кровавы порозойдутся,
Да й уста мой сахарии поросхоятся,
Да тогда я засвищу да по соловьему,
Да тогда я закрычу да по звериному.

Говорил Илья-тот князю он Владимиру:

— Ты, Владимир, князь да стольнѣ-киевской!
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ко чару зелена вина,
Ты не малую стопу да полтора ведра,
Подноси-тко к Соловью к разбойнику.

То Владимир князь да стольнѣ-киевской
Он скоренько шол в столу свою горенку,
Наливал он чару зеленá вина,
Да не малу он стопу да полторá ведра,
Розводил медами он стоялыма,

Приносил-то ён ко Соловью разбойнику.

Соловей разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку-ту Соловей одним духом,
Засвистал как Соловей тут по соловьяму,
Закрычал разбойник по звериному.
Маковки на теремах покривились,
А окóленки во теремах рассыпались
От него от посвнсту соловьяго,
А что есть-то людошок, так вси мертвы лежат;
А Владимир князь-от стольнѣ-киевской
Куней шубонькой он укрывается.

А й тут старой-от казак да Илья Муромец
Он скорешенько садился на добра коня,
А й он вез-то Соловья да во чисто поле,
Й он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
— Тоби полно-тко свистать да по соловьяму,
Тоби полно-тко крычать да по звериному,
Тоби полно-тко слезить да отцов-мáтерей,
Тоби полно-тко вдовить да жен молóдых,
Тоби полно-тко спущать-то сиротать да малых детушок.
А тут Соловью ему и славу поют,
А й славу поют ему век по́ веку.

8

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СЫН

На горах, горах дак было на высокиих,
Не на шоломя было окатистых¹ —
Там стоял де² ноне да тонкий бел шатёр,
Во шатре-то удаленьки добры молодцы:
Во-первых-то, старый казак Илья Муромец,
Во-вторых, Добрынюшка Микитич млад,
Во-третьих-то, Алешенька Попович-от.
Эх, стояли на заставе они на крепкое,
Стерегли-берегли они красен Киев град;
Стояли за веру христианскую,
Стояли за церкви все за Божие,
Как стояли за честныя монастыри.
Как по утречку было по раннему.

¹ *Ока́тистые шоло́мя* (холмы) — пологие.

² *Де* — вводная частица, обозначающая передачу речей, чужого рассказа: дескать, мол и проч.

А на заре-то было на ранноутренней,
А й как выходит старый казак из бела шатра.
Он смотрел де во трубочку подзорную
На все же на четыре кругом стороны.
Он завидел де, — во поле не дым стоит
Кабы едет удалой да доброй молодец,
Он прямо де едет в красен Киев град,
А не перворачиват на заставу на крепкую;
Он едет, молодец, дак потешается:
Он востро копье мечет да по поднебесьё,
Он одной рукой мечет, другой схватывает;
А впереди его бежит да два серых волка,
Два серых бежит волка да серы выжлока¹,
А на правом плече сидел да млад ясен сокол,
На левом плече сидел да млад бел кречет.

А заходил старый казак во бел шатер,
Говорит-то стары казак таковы слова:
— Уж вы гой еси, удалы вы добрые молодцы!
Уж что же вы спите, да что вы думаете?
Да наехал на нас супостат велик,
Супостат-де велик да добрый молодец.
Он прямо-де едет в красен Киев град,
А не приворачиват на заставу на крепкую.

Ото сну-де ребятушка пробужалися,
Ключевою водою онё умывалися,
Они белым полотенцем да утиралися,
Они Господу Богу помолилися,
А посылали Алешеньку Поповича.

Как выходит Алешенька из бела шатра,
Засвистел он коня да из чиста поля;
А бежит его конь — дак мать-земля дрожит.
Как крутешенько² Алешенька седлал коня,
Он седлал де, уздал да коня доброго:
Он накладывал уздеченьку тесмяную,
Он накладывал седельшко черкальское,
Он двенадцать подпруг дак шелку белого,
Еще шелку белого да шамахинского;
Он тринадцату подпругу через хребетну кость,
А не ради басы³, дак ради крепости,
Еще ради окрепы дак богатырское,
Еще ради поездки да молодецкое,
А не оставил бы конь дак на чистом поле

¹ *Выжлок* — выжлец, гончая собака.

² Быстро, скоро.

³ *Баса* — краса.

Еще черным-то воронам дак на погряяньё,
Еще серым волкам на потерзанье.
Только видели — молодец на коня скочил,
А не видели поездки да богатырское;
Только видели — в поле курева¹ стоит.

А выезжал-то Алешенька на чисто полё,
Он завидел молодца-то во чистом поле,
А ревел-то Алешенька по-звериному,
Засвистел-то Алеша по-соловьиному,
Зашипел-то Алеша по змеиному —
А кабы² едет-от молодец — не оглянется.
Как подумал Алешенька Попович-от;
«А кабы едет молодец-от — не моя чета³,
Не моя едет чета да не моя верста⁴».

Повернул он коня да ко белу шатру.
Приезжает Алешенька ко белу шатру,
А встречает старый казак Илья Муромец.
Говорит тут Алешенька Попович-от:
— Уж ты гой еси, стары казак Илья Муромец!
Кабы едет богатырь — дак по моя чета,
Не моя едет чета да не моя верста.

Посылали тут Добрынюшку Микитича:
Ах, кабы вежливый Добрынюшка, очестливый⁵, —
Он спросил бы о роде и о племени,
Он спросил бы отечество-молодечество,
Он спросил, куда едет да куда путь держит.

А как выходит Добрынюшка из бела шатра,
Засвистел он коня да из чиста поля;
А бежит его конь — дак мать сыра земля дрожит.
А крутешенько Добрынюшка седлал коня,
Он седлал-уздал себе коня доброго:
Он накладывал уздеченьку тесмянную,
Он накладывал седельшко черкальское,
А он вязал-де подпруги шелку белого,
Еще белого шелку шамахинского;
Он застегивал пряжечки серебряны,
Он серебряны пряжечки, позолочены;
Он двенадцать подпруг шелку белого,
А тринадцату подпругу через хребетну кость.

¹ *Курева* — здесь: пыль.

² *Кабы* — здесь: кажись.

³ *Не моя чета* — не мне ровня.

⁴ *Не моя верста* — не мне равняться.

⁵ *Очестливый* — обходительный, тактичный.

«А нам не ради басы, ради крепости,
А еще ради окрепы да богатырское,
Еще ради поездки да молодецкое,
А нам придется де съехаться на поле с неприятелем».

А как крутешенько Добрынюшка на коня скочил,
А не видели поездки богатырское;
Только видели — во поле курева стоит,
Курева-де стоит, дак дым столбом валит.
А выезжал де Добрынюшка на чисто полё,
Он на то же на раздольице на широкоё,
Он завидел молодца-то во чистом поле.

Заехал он молодцу спереди-де, с глаз,
А еще слез де Добрыня со добра коня,
Он снял де шляпу дак земли греческой,
Он не малу, не велику — дак во сорок пудов;
Он низко молодцу да поклоняется:
— Уж ты здравствуй, удаленький добрый молодец!
Уж ты коего города, коей земли?
Еще коего отца-матери?

А куда же ты едешь да куда путь держишь?

А отвечает удалый да добрый молодец;
Не сказал он роду своего, племени,
Не сказал он отчества-молодечества,
А он сказал, куда еду да куда путь держу:
— Еще прямо я еду в красен Киев град,
А еще столен град да во полон возьму,
А еще князя Владимира живком схвачу,
Я княгинюшку Апраксию за себя замуж возьму.

А надевал-то Добрыня да шляпу земли греческой,
Он не малу, не велику — да во сорок пудов;
Он и быстро скочил на добра коня,
Он прямо поехал ко белу шатру.

А встречает старый казак Илья Муромец.
Говорит тут Добрынюшка Никитич млад:
— Уж ты гой еси, старый казак Илья Муромец,
Абы¹ едет богатырь — не моя чета,
Не моя едет чета и не моя верста;
А не сказал он роду своего, племени,
Не сказал он отчества-молодечества,
А он сказал, куда еду да куда путь держу;
А он прямо-де едет да в красен Киев град,
А он стольне-от град да во полон хочет взять,
А он князя-то Владимира живком схватить,
А он княгинюшку Апраксию за себя замуж взять.

А загорело у стара казака ретиво сердце,

¹ Абы — как будто, разве что, наверное.

Закипела во старом да кровь горячая,
Расходилися его да могучи плеча.
Засвистел он коня да из чиста поля;
А бежит его конь — дак мать земля дрожит.
В темях-то¹ старый казак седлал коня,
Он седлал-уздал себе коня доброго:
Он накладывал уздеченьку тесмяную,
Он накладывал седельшко черкальское,
Он вязал-де подпруги шелку белого,
Еще белого шелку шамахинского;
Он двенадцать подпруг да все шелковыя,
Он тринадцату подпругу через хребетну кость;
Он застегивал пряжечки серебряны,
И серебряны пряжечки, позолочены,
А не ради басы, а ради крепости —
Не оставил бы конь дак во чистом поле:
— А мне придется-де съехаться на поле с неприятелем.

А в темях-то старый казак на коня скакал.
И не видели поездки богатырское;
Только видели — во поле курева стоит,
Курева де стоят, дак дым столбом валит.

Выезжат старый казак на полё на чистое,
Он на то же на раздольице на широкой,
Он завидел молодца во чистом поле.
Заревел-то старый казак по-звериному,
Засвистел-то стары казак по-соловьиному,
А зашипел-то старый казак по-змеиному.
Кабы едет молодец-от — не оглянется.

А говорит молодец-от таковы слова:
— А уж вы гой еси, мой вы два серы волка,
Два серы мой волка да серы выжлоки!
Побежите-ка вы тепере во темны леса,
А тепере мне-ка не до вас стало:
Как наехал на меня супостат велик,
Супостат-де велик дак добрый молодец.
А уж ты гой еси, мой млад ясен сокол!
Уж ты гой еси, мой да млады бел кречет!
Полетите-ка теперь во темны леса,
А тепере мне-ка не до вас стало.

А как не две горы вместе сотолкалосе,
Не две тучи вместе да сокаталосе, —
А как съезжаются старый казак с Подсокольником.
А они билися палочками буевыми,
А рукояточки у палочек отвернулисе;
Они тем боем друг дружку не ранили.

¹ В темях-то — в сумерках.

А съезжаются ребяташки во второй након¹,
Они секлися сабельками вострыми;
А у них востры-ти сабельки исщербалисе;
А они тем боем друг дружку не ранили.

А съезжаются ребяташки по третий раз,
А кололися коньями де вострыма —
Долгомерные ратовища² по семь сажон;
По насадочкам копыща свернулисе;
Они тем боем друг дружку не ранили.

А соскочили ребяташки со добрых коней,
А схватилисе плотным боем, рукопашкою.
А кабы борются удады да добры молодцы:
А Подсокольничек кричит — дак мать земля дрожит;
А старый казак скричит — дак леса ломаются.

А как по счастьюцу было дак Подсокольника,
По злосчастьицу было Ильи Муромца, —
А как не правая рука да приокóмбала³,
А как не левая нога его приокóльзела⁴,
А как падал старый казак на сыру землю.
Еще сплыл-то⁵ Подсокольничек на белы груди;
Он не спрашивал ни роду и ни племени,
Он не спрашивал отечества-молодечества;
Он расстегивал латы его кольчужные,
Он вымал из нагалища⁶ кинжалый нож,
Он хочет-пороть его белы груди,
Он и хочет смотреть дак ретивó сердцо.
И еще тут-ти старый казак возымолятся:
— Уж ты Спас, Спас Многомилостив,
Пресвята ты Мати Божия, Богородица!
Как стоял я за веру христианскую,
И стоял я за церкви за Божие,
И стоял я за честные монастыри.

У стара казака силы вдвое прибыло,
Он смахнул Подсоколышка со белых грудей,
А он сплыл Подсокольнику на белы груди,
А он расстегивал латы его кольчужные,
Он вымал из нагалища кинжалый нож,
Он и хочет пороть его белы груди,

¹ *Во второй након* — во второй раз.

² *Ратовищо* — древко копья.

³ *Приокóмбала* — одервенела (объяснение певца).

⁴ *Приокóльзела* (нога) — по-видимому, подскользнулась.

⁵ *Сплыть* — здесь: оказаться наверху.

⁶ *Из нагáлища* — здесь: из чехла, ножен.

Он и хочет смотреть и ретиво сердце.

А еще сам старый что-то прираздумалсе:

«А не спросил я ни роду и ни племени,

Не спросил я отчества-молодечества».

А говорит-то старый казак таковы слова:

— А уж ты ой еси, удалый доброй молодец!

Еще коего города ты, коей земли?

И еще коего ты отца-матери?

И еще как, молодец, тебя именем зовут?

А отвечает удаленькой доброй молодец:

— А когда я у тебя был на белых грудях, —

А я не спрашивал ни роду и ни племени,

Я не спрашивал отчества-молодечества;

Уж я прямо порол бы я белы груди,

И смотрел бы я да ретиво сердце.

А спросил же старый да по второй након.

Отвечает удаленький добрый молодец:

— Я от моря-моря, я от синего,

От того же от камешка от Латыря,

А я от той же от бабы да от Салыгорки;

Уж я ездил, удалый да добрый молодец;

Еще есть я ей сын да Подсокольничек,

По всему я свету есть наездничек.

А ставает старый казак на резвы ноги,

Становит Подсоколышка на резвы ноги,

А целует в уста его сахарные,

А называт Подсокольника своим сыном,

Называет-то своим сыном любимым.

Говорила Подсокольнику матушка родимая:

— Но дошедши до старого, слезывай с коня,

Слезывай-де с коня да низко кланяйсе.

А и побратался старый казак со своим сыном.

А поехал старый казак во чисто поле,

Он во тонкий шатер да бел-полотняной.

А и спит де старый казак он ведь суточки,

А спит де старый казак он двое суточек.

Еще это Подсокольнику за беду стало,

За великую досадушку показалося:

«Я стару казаку так унижался же».

Поехал Подсокольничек ко белу шатру:

«А я старого казака, а Илью Муромца,

Еще прямо его я копьем сколю».

А и приехал Подсокольничек ко белу шатру,

Он и ткнул-де стара казака дак во белы груди.

У стара казака было на белых грудях

Еще чуден крест был Господень,

Не мал, не велик — дак полтора пуда;

А скользёнуло копые Подсокольника.

Ото сна тут старый казак пробуждается,
А он схватил Подсокольника во белы руки,
Вышибал он выше лесу стоячего,
Ниже облака он ходячего.
Ещо падал Подсокольничек на сыру землю,
И разбился Подсокольничек во крошечки.
Еще тут Подсокольничку славу поют,
А славу-де поют да старину скажут.

9

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ГОЛИ КАБАЦКИЕ

Во славном во Киеви городи.
Был сильние славные богатырь Илья Муромец.
Он ездил далече далече во чистом поли,
Он ездил много времени.
Цветно платье¹ ево истаскалосе,
Золота казна у ево издержалосе.
Приезжаё во Киев град,
Захотел он с пути с дорожки опохмелиться,
Приходит он во царев кабак,
Говорит чумакам человальникам²:
— А й вы, братцы, чумаки человальники!
Я ездил долго в чистом поли,
Цветно платье у мя истаскалосе,
Золотая казна у мя издержалосе,
Я желаю теперь с пути опохмелиться,
Со своими людьми познакомиться.
Вы позвольте мне три бочки сороковые
Зелена вина безденежно.

Говорят чумаки человальники:
— А й ты, старая собака, седатый пёс!
Да не дадим мы без денег зелена вина.
Да не много-то Илья у их спрашивал,
Да не много с нима разговаривал.
Приходил он ко подвалу кабачному,
Он пинал правой ногой во двери подвальнии,
Брал он бочку сороковую³ под пазуху,
Да другу́ю брал под другу́ю,
Третью бочку он ногой катил.

¹ *Цветно платье* — не белое, не черное, окрашенное.

² *Чумаки человальники* — целовальники, содержатели кабаков.

³ *Сороковая* (бочка) — вмещающая сорок ведер.

Выходил Илья да на зеленый луг,
Закрыкал он во всю голову человичию,
Во всю силу свою богатырскую,
Он зычным громким голосом:
— А й вы, братцы мои пьяници,
Да вы, голи кабацкие,
Кабацкие голи, мужички деревенские!
Вы пожалуйста ко мне на зеленый луг,
Да вы пейте у мя зелена вина до пьяна,
Да вы молитесь Бога за старого.

Да собиралисе пьяници, голи кабацкие,
Мужики деревенские на зеленый луг,
Они пили вино да и безденежно.
Да чумаки человальники
Не могли у Ильи отнять зелена вина.
Да Илья-то Муромец скидал с себя шубу соболиную,
Обливал эту шубу зеленым вином,
Сам волочил по лужечку зеленому,
Он ко шубы приговаривал:
— Уливайся, моя шуба, зеленым вином.
Судит ли мне Бог волочить собаку царя Галина¹
Да по этому лужечку зеленому,
А ёму от моих белых рук плакати.

Услыхали эти речи чумаки человальники,
Приходили ко князю Владимиру,
Они били челом, низко кланялись.
— Да уж ты, наш свет государь-де Владимир князь!
Да мы не знаем, у нас вчера какое чудо сотворилосе,
Да не знаем, кто пришол:
А черт ли пришол, али водяной пришол
К нам на царев кабак.
Он просил зелена вина безденежно
Три бочки сороковые,
А мы безденежно ёму вино не дали.
Да он не много у нас спрашивал,
Да не горазно² с нами разговаривал,
Шол ко подвалу кабачному,
Он пинал-де во двери подвальние правой ногой,
Брал он бочку сороковую под пазуху,
А другую брал бочку под другую,
Да третью бочку ногой катил.
Да й выходил он, сударь, на зеленый луг,
Закричал-де он громким голосом,

¹ Царь Калин, имя библейского Каина.

² Не горазно — здесь: не много.

Во всю голову человеческу,
Во всю силу свою богатырскую:
«А й вы, братцы, мои, вы, товарищи,
Пьяници, голи кабацкие,
Мужички деревенские!
Вы пожалуйста ко мне на зеленой луг,
Да вы пейте у мя зелена вина безденежно».
Приходили тут пьяници, голи кабацкие,
На зеленой луг,
Роспоил он вино им безденежно,
Да скинал с себя шубу соболиную,
Да уливал эту шубу зеленым вином,
Да й волочил по лужечку зеленому,
Да он ко шубы приговаривал:
«Да уливайся, моя шуба, зеленым вином,
Да судит ли мне Бог волочить собаку князя Владимира
Да по этому лугу зеленому».
Да нам нечем, сударь, Владимир князь,
Нечем буде за вино расчет держать.

Воскричал князь Владимир стольне-киевской
Своим громким голосом:

— Посадить его в погреб глубокие,
В глубокий погреб до сорока сажен,
Не дать ему не пить, не есть да ровно сорок дней,
Да пусть он помрёт, собака, и с голоду.

Как узнала про это честная вдовица¹ княгиня Апраксия,
Что посажен Илья Муромец да во глубокий погреб,
Она сделала подкоп ту тайную,
Да во тот ли погреб глубокие,
Кормила поила Илью ровно сорок дней.

Да прошол туто слух по всем землям, по всем ордам,
Да прознали то все короли иностранные,
Что не стало во Киеви во городи
Славного богатыря Ильи Муромца.
Из той земли из Корельские
Подходил тут под Киев град
Собака Галин царь
Со своей силой армией.
Да й не много не мало было силы нагонено,
Да колько² было в лиси лесу стоячего,
Да й на лесочку-то прутья весучего³,

¹ *Вдовица* — об Апраксии при живом муже Владимире никак нельзя говорить как о вдове. Налицо так называемое «окаменение» (бессознательное следование традиционному стилю). Возможно, под именем Апраксии сказитель вывел не княгиню.

² Сколько.

³ Висячего.

А на прутьях листочку зеленого.
Он пищё во Киев град ко князю Владимиру,
Да ли пищё к ёму со угрозами:
«А й ты, князь Владимир, стольний-киевской!
Ты пожалуй-отдай добром мне Киев град,
Без бою-то драки великие.
А если добром не дашь Киева,
То я возьму его силою,
Я князей бояр твоих всех повырублю,
Да и княгини боярыней живых в полон возьму,
А тебя, князя Владимира,
Предам смерти скорые».

Тех-то угроз Владимир князь испугается,
Об Ильи Муромци схватается¹.

— Как бы был у мя жив несудимый богатырь Ильи Муромец,
Да я не слышал бы я этой угрозы великие.

Да приходит честная вдовица княгиня Апраксия
Ко князю Владимиру.

Она бьет челом да й поклоняется:

— Да уж ты, свет государь наш, Владимир князь!

Да ты прости меня, я виновата есть:

Да жив-то Ильи да ведь Муромец,

Он сидит во тёмном во погреби.

Я сделала подкопь тут тайную

Да во тот ли во погреб глубокие,

Я поила, кормила его сорок дней.

Да говорит ей Владимир князь:

— А й же ты, честная вдова, княгиня Апраксия!

Если правду говоришь до любви буду жаловать,

А если нет жива, буду казнить твою голову.

Приходил князь во погреб глубокие,

Тот погреб сорока сажен.

Он приходит к Ильи, поклоняется,

Говорил-то Владимир Ильи таковы слова:

— Ты прости, сударь Ильиушенка, во первой вины,

Этому делу были виновны человальники.

Да приходит во погреб честная вдова княгиня Апраксия,

Да приходит, Ильи поклоняется:

— А й же ты, сильный богатырь Ильи Муромец!

Послужи ты за веру христианскую,

Да и за землю российскую,

Да за славный за Киев град,

За вдов, за сирот, за бедных людей,

За меня молодую княгиню Апраксию,

Да за князя за стольного Владимира.

¹ Схватается — здесь: вспомнил, спохватился.

Говорил тут Илья-де Муромец:
— А й же ты, честная княгиня, вдовица Апраксия!
Я иду служить за веру христианскую,
И за землю российскую,
Да и за стольные Киев град,
За вдов, за сирот, за бѣдных людей,
И за тебя, молодую княгиню, вдовицу Апраксию.
А для собаки-то князя Владимира
Да не вышел бы я вон из погреба.

Выходил-то Илья из погреба глубокого,
Он седлал-уздal своего коня доброго,
Он садился на добра коня,
Брал он в руки шалыгу¹ железную,
Да железну шалыгу дорожную,
Да котора была весу ровно сто пудов,
Да поехал он во чисто поле,
Где стояла сила собаки царя Галина.
Только видели молодца на коня ведь саждаючи,
Да не увидели, куда его поедучи.

Он как взял этой шалыгой помахивать,
Да и по татарам пошалкивать,
Дак куда ли махнѣ — улица падѣ,
А назадъ отмахнѣ — переулицы,
Да исприбил он всех до единого.

Приезжал ко шатру-де он царскому,
Да он берѣт-де в полон самого царя Галина,
Предал его смерти скорые.

Да тем решилосе царство татарскоѣ,
Покорилась земля-де Корельская
Да стольнѣму князю Владимиру,
Да стали татарова
С той поры дань платить,
И тем это дело прикончилось.

10

АЛЕША ПОПОВИЧ

Из славнова Ростова красна города
Как два ясныя соколы вылетывали,
Выезжали два могучия богатыри:
Что по имену Алешинька Попович млад
А со молодым Екимом Ивановичем.
Оне ездят богатыри плеча о плечо,

¹ Шалыга — дубина, обделанная железом либо с вделанным железом.

Стремяно в стремяно богатырское.
Оне ездили-гуляли по чисту полю,
Ничего оне в чистом поле не наезживали,
Не видали птицы перелетныя,
Не видали оне зверя прыскаучева,
Только в чистом поле наехали
Лежит три дороги широкия,
Промежу тех дорог лежит горяч камень,
А на каменю подпись подписана.
Взговорит Алеша Попович млад:
— Ай ты, братец Еким Иванович,
В грамоте поученой человек!
Посмотри на каменю подписи,
Что на каменю подписано.

И скочил Еким со добра коня,
Посмотрил на каменю подписи, —
Росписаны дороги широкия:
Первая дорога во Муром лежит,
Другая дорога — в Чернигов град,
Третья — ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю Владимиру.
Говорил тут Еким Иванович:
— А и, братец, Алеша Попович млад,
Которой дорогой изволиши ехать?

Говорил ему Алеша Попович млад:
— Лутче нам ехать ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.

Втапоры поворотили добрых коней
И поехали оне ко городу ко Киеву.
Не доехавши оне до Сафат-реки¹,
Становились на лугах на зеленых,
Надо Алеши покормить добрых коней.
Расставили тут два бела шатра,
Что изволил Алеша опочив держать.
А и мало время позамешкавши,
Молоды Еким со добры кони,
Стреножемши, в зелен луг пустил,
Сам ложился в свой шатер опочив держать.

Прошла та ночь осенняя,
Ото сна Алеша пробуждается,
Встает рано-ранешенько,
Утренней зарею умывается,
Белаю ширинкаю² утирается,

¹ *Сафат-река* и ряд других топонимов привнесены в былинку певцами духовных стихов.

² *Ширинка* — полотенце.

На восток он, Алеша, Богу молится.
Молоды Еким сын Иванович
Скоро сходил по добрых коней,
А сводил он поить на Сафат на реку,
И приказал ему Алеша скоро седлать добрых коней.
Аседлавши он Еким добрых коней,
Нарежаются оне ехать ко городу ко Киеву.

Пришел тут к ним калика перехожей,
Лáпатки¹ на нем семи шелков,
Подковырены чистым серебром,
Личико унизано красным золотом²,
Шуба соболиная долгополая,
Шляпа сорочинская земли греческой в тридцать пуд,
Шелепуга³ подорожная в пятьдесят пуд,
Налита свинцу чебурацкова⁴.

Говорил таково слово:

— Гой вы еси, удалы добры молодцы!
Видел я Тугарина Змеевича:
В вышину ли он, Тугарин, трех сажен.
Промеж плечен косая сажень⁵,
Промежу глаз калена стрела;
Конь под ним как лютой зверь,
Из хаилища⁶ пламень пышет,
Из ушей дым столбом стоит.

Привезался⁷ Алеша Попович млад:
— Ай ты, братец, калика перехожея!
Дай мне платье каличее,
Возьми мое богатырское:
Лáпатки свои семи шелков,
Подковырены чистым сéребром,
Личико унизано красным золотом,
Шубу свою соболиную долгополюю,
Шляпу сорочинскую земли греческой в тридцать пуд,
Шелепугу подорожную в пятьдесят пуд,
Налита свинцу чебурацкова.

¹ Лáпатки — лапти.

² Личико унизано красным золотом (о лаптях) — спереди украшены.

³ Шелепуга — кнут, плетка.

⁴ Чебурацкий (свинец) — по искаженному именованию какого-то места добычи.

⁵ Сáжень, косая — называется по расстоянию наискосок — между концом среднего пальца правой руки до конца пальцев на левой ноге.

⁶ Хаилище — хайло, пасть.

⁷ Привезáлся — пристал, стал настойчиво просить.

Дает свое платье калика Алеши Поповичу,
не отказываячи,

А на себе надевал то платье богатырское.

Скоро Алеша каликою нарежается

И взял шелепугу дорожную,

Котора была в пятьдесят пуд,

И взял в запас чингалиша¹ булатное,

Пошел за Сафат-реку.

Завидел тут Тугарин Змеевич млад,

Заревел зычным голосом,

Подрогнула дубровушка зеленая,

Алеша Попович едва жив идет.

Говорил тут Тугарин Змеевич млад:

— Гой еси, калика перехожея!

А где ты слышал и где видал

Про молода Алешу Поповича?

А и я бы Алешу копьем заколол

Копьем заколол и огнем спалил.

Говорил тут Алеша каликою:

— А и ты ой еси, Тугарин Змеевич млад!

Поезжай поближе ко мне,

Не слышу я, что ты говоришь.

И подъезжал к нему Тугарин Змеевич млад.

Сверстался² Алеша Попович млад

Против Тугарина Змеевича,

Хлестнул ево шелепугою по буйной голове,

Росшиб ему буйну голову,

И упал Тугарин на сыру землю.

Скочил ему Алеша на черну грудь.

Втапоры взмолился Тугарин Змеевич млад:

— Гой еси ты, калика перехожея!

Не ты ли Алеша Попович млад?

Токо³ ты Алеша Попович млад,

Сем⁴ побратуемся с тобой.

Втапоры Алеша врагу не веровал,

Отрезал ему голову прочь,

Платья с него снимал цветное на сто тысячей

И все платья на себя надевал,

Садился на ево добра коня

¹ Чингалише — кинжалище.

² Сверстался — здесь: поравнялся.

³ Токо — только.

⁴ Сем — давай, станем.

И поехал к своим белым шатрам¹.

Втапоры увидели Еким Иванович
И калика перехожея²,
Испужались³ ево, сели на добрых коней,
Побежали ко городу Ростову.

И постигает их Алеша Попович млад;
Обвернется Еким Иванович,
Он выдергивал палицу баёвую⁴ в тридцать пуд,
Бросил назад себе,
Показалось ему, что Тугарин Змеевич млад,
И угодил в груди белыя Алеши Поповича,
Сшиб из седелечка черкесскова,
И упал он на сыру землю.

Втапоры Еким Иванович
Скочил со добра коня, сел на груди ему,
Хочет пороть груди белые,
И увидел на нем золот чюден крест,
Сам заплакал, говорил калики перехожему⁵:
— По грехам надо мною, Екимом, учинилося,
Что убил своего братца родимова.

И стали ево оба⁶ трести и качать,
И потом подали ему питья заморскова,
От того он здрав стал.

Стали оне говорити
И между собою платьем меняти:
Калика свое платье надевал каличье,
А Олеша — свое богатырское,
А Тугарина Змеевича платье цветное
Клали в чебодан⁷ к себе.

Сели оне на добрых коней
И поехали все ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.

А и будут оне в городе Кieve
На княженецком дворе,
Скочили со добрых коней,

¹ Отсюда в записи начинается путаница: Тугарин оказывается живым. Его убивают дважды. Соединены две версии былины.

² *И калика перехожея* — и калику перехожего.

³ *Испужались* — испугались. Еким и Алеша пугаются Тугарина, только что убитый он оказывается живым.

⁴ *Баёвую* — боевую.

⁵ То есть переодетому в каличью одежду Алеше.

⁶ Следствие указанной путаницы.

⁷ *Чебодан* — чемодан.

Привезали к дубовым столбам,
Пошли во светлы гридни,
Молятся Спасову образу
И бьют челом-поклоняютца
Князю Владимиру и княгине Апраксевне,
И на все четыре стороны.
Говорил им ласковой Владимир князь:
— Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитесь, как вас по имену зовут,
А по имену вам мочно место дать,
По изо(т)честву можно пожаловати.
Говорит тут Алеша Попович млад:
— Меня, асударь, зовут Алешою Поповичем,
Из города Ростова, старова попа соборнова.
Втапоры Владимир князь обрадовался,
Говорил таковы слова:
— Гой еси, Алеша Попович млад!
По отчеству садися в большое место, в передней уголок,
В другое место богатырское —
В дубову скамью против меня,
В третье место куда сам захошь.
Не садился Алеша в место большее,
И не садился в дубову скомью,
Сел он со своими товарищи на полатной брус¹.
Мало время позамешкавши,
Несут Тугарина Змеевича
На той доске красна золота
Двенадцать могучих богатырей.
Сажали в место большое,
И подле ево сидела княгиня Апраксевна.
Тут повары были догадливы,
Понесли ества сахарные и питья медяныя,
А питья все заморския.
Стали тут пить, есть, прохложатися,
А Тугарин Змеевич нечестно хлеба ест:
По целой ковриге за щеку мечит,
Те ковриги монастырския²;
И нечестно Тугарин питья пьет:
По целой чаше охлестывает,
Котора чаша в полтретья ведра.
И говорил втапоры Алеша Попович млад:
— Гой еси ты, ласковой сударь, Владимир князь!
Что у тебя за болван пришел,

¹ Полатный брус — бревно с настилом.

² Коврига монастырская — крупный формовой хлеб.

Что за дурак неотесоной?
Нечестно у князя за столом сидит,
Ко княгине он, собака, руки в пазуху кладет,
Целует во уста сахарныя,
Тебе князю насмехается!
А у моего сударя батюшка
Была сабачишша старая,
Насилу по подстолью таскалася,
И костью та собака подавилася, —
Взял ее за хвост, под гору махнул.
От меня Тугарину то же будет!

Тугарин почернел, как осенняя ночь,
Алеша Попович стал, как светел месяц.
И опять втапору повары были догадливы:
Носят ества сахарныя,
И принесли лебедушку белую;
И ту рушала¹ княгиня лебедь белую,
Обрезала рученку левую,
Завернула рукавцом, под стол опустила,
Говорила таково слово:

— Гой вы еси, княгини-боярыни!
Либо мне резать лебедь белова,
Либо смотреть на мил живот²,
На молода Тугарина Змеевича.

Он взявши, Тугарин, лебедь белую,
Всю вдруг проглотил,
Еще тут же ковригу монастырскую.

Говорит Алеша на полатном брусу:
— Гой еси, ласковой асударь Владимир князь!
Что у тебе за болван сидит?
Что за дурак неотесоной?

Нечестно за столом сидит,
Нечестно хлеба с солью ест,
По целой ковриге за щеку мечит
И целу лебедушку вдруг проглотил.
У моего сударя-батюшка,
Федора попа ростовского,
Была коровишша старая,
Насилу по двору таскалася,
Забилася на поварню к поварам,
Выпила чан браги пресныя.
От того она лопнула. —
Взял за хвост, под гору махнул.

¹ Резала.

² Живот — здесь: любимый.

От меня Тугарину то же будет!

Тугарин потемнел, как осенняя ночь,
Выдернул чингалишша булатное,
Бросил в Алешу Поповича.

Алеша на то-то вёрток был,
Не мог Тугарин попасть в него.
Подхватил чингалишша Еким Иванович,
Говорил Алеши Поповичу:

— Сам ли ты бросаешь в ево али мне велишь?

— Нет я сам не бросаю и тебе не велю:

Завтра с ним переведаюсь¹.

Бьюсь я с ним о велик заклад,
Не о сте рублях, не о тысячи,
А бьюсь о своей буйной голове.

Втапоры князи и бояра скочили на резвы ноги,

И все за Тугарина поруки держат²:

Князи кладут по сту рублей,

Бояра — по пятидесят,

Крестьяна — по пяти рублей.

Тут же случилися гости купеческие³;

Три карабля свои подписавают

Под Тугарина Змеевича,

Всяки товары заморския,

Которы стоят на быстром Непре.

А за Алешу подписавал

Владыка черниговской.

Втапоры Тугарин взвился и вон ушол,

Садился на своего добра коня,

Поднялся на бумажных крыльях поднебесью летать.

Скочила княгиня Апраксевна на резвы ноги,

Стала пенять Алеши Поповичу:

— Деревенщина ты, засельщина⁴!

Не дал посидеть другу милому!

Втапоры тово Алеша не слушался,

Взвился с товарищи и вон пошел.

Садился на добры кони,

Поехали ко Сафат-реке,

Поставили белы шатры,

Стали опочив держать,

Коней опустили в зелены луга.

Тут Алеша всю ночь не спал,

¹ *Переведаваться* — здесь: поспорить, вступить в поединок.

² *Держать поруки* — поручаться, дать денежный заклад.

³ *Гости купеческие* — купцы.

⁴ *Засельщина* — житель села, то же что деревенщина.

Молился Богу со слезами:
— Создай, Боже, тучу грозную,
А и тучи то с градом дождя!

Алешины молитвы доходны ко Христу,
Дает Господь Бог тучу с градом дождя,
Замочила Тугарина крылья бумажные:
Падает Тугарин, как собака, на сыру землю.
Приходил Еким Иванович,
Сказал Алеши Поповичу,
Что видел Тугарина на сырой земле.

И скоро Алеша нарежается,
Садился на добра коня,
Взял одну сабелку вострую
И поехал к Тугарину Змеевичу.
И увидел Тугарин Змеевич Алешу Поповича,
Заревел зычным голосом:

— Гой еси ты, Алеша Попович млад!
Хошь ли я тебе огнем спалю?
Хошь ли, Алеша, конем стопчу?
Али тебе, Алешу, копьем заколю?

Говорил ему Алеша Попович млад:
— Гой ты еси, Тугарин Змеевич млад!
Бился ты со мною о велик заклад —
Биться, драться един на един,
А за тобою ноне силы сметы нет¹
На меня, Алешу Поповича.

Оглянется Тугарин назад себя;
Втапоры Алеша подскочил,
Ему голову срубил,
И пала глава на сыру землю, как пивной котел.
Алеша скочил со добра коня,
Отвезал чембур² от добра коня
И проколол уши у головы Тугарина Змеевича,
И привезал к добру коню,
И привез в Киев на княженецкой двор,
Бросил среди двора княженецкова.

И увидел Алешу Владимир князь,
Повел во светлы гридни, сажал за убраны столы —
Тут для Алеши и стол пошел³.
Сколько время покушавши,
Говорил Владимир князь:
— Гой еси, Алеша Попович млад!

¹ *Сметы нет* — нет счета, так много.

² *Чембур* — поводок.

³ *Стол пошел* — устроен почестный пир.

Час ты мне свет дал¹;
Пожалуй, ты живи в Киеве,
Служи мне, князю Владимиру,
Дó люби тебе пожалую.

Втапоры Алеша Попович млад
Князя не ослушался,
Стал служить верою и правдою;
А княгиня говорила Алешу Поповичу:
— Деревенщина ты, засельщина!
Разлучил меня с другом милым,
С молодым Змеем Тугаретиным.

Отвечает Алеша Попович млад:
— А ты гой еси, матушка, княгиня Апраксевна!
Чуть не назвал я тебе сукою,
Сукою ту волочайкаю!
То старина, то и деянье.

11

ДОБРЫНЯ И АЛЕША ПОПОВИЧ

Добрынюшка-тот матушке говаривал,
Да Никитинич-от матушке наказывал:
— Ты свет государыня да родна матушка,
Честна́ вдова Офимья Олександровна!
Ты зачем меня Добрынюшку несчастнаго спорóдила?
Породила государыни бы родна матушка
Ты бы беленьким горячим меня камешком,
Завернула государыни да родна матушка
В тонкольяный было белый во рукавичек,
Да вздынула² государыни да родна матушка
Ты на вы́соку на гору сорóчинскую
И спустила государыни да родна матушка
Меня в Черное бы море, во турецкое, —
Я бы век бы там Добрыня во морі лежал,
Я отныне бы лежал да я бы дó веку,
Я не ездил бы Добрыня по чисту́ полю,
Я не убивал Добрыня неповинных душ,
Не пролил бы крови я напрасная,
Не слезил Добрыня отцей матерей,
Не вдовил бы я Добрынюшка молóдых жон,

¹ Час ты мне свет дал — сейчас сделал светлой жизнь.

² Вздынуть — поднять.

Не спущал бы сиротать да малых детушок.

Ответ держит государыни¹ да родна матушка,
Та честна вдова Офимья Олександровна:
— Я бы рада бы тя дитятко спородити:
Я талантом-участью в Илью Муромца,
Я бы силой в Святогора да богатыря,
Я бы смелостью во смелого Алешу во Поповица,
Я походкою тебя шапливою²

Во того Чурилу во Пленковица,
Я бы вежеством³ в Добрыню во Никитича⁴,
Столько тыи статыи есть, а других Бог не дал,
Других Бог статей⁵ не дал, да не пожаловал.

Скоро-на-скоро Добрыня он коня седлал,
Садился он скоро на добра коня,
Как он потнички да клал да на потнички,
А на потнички клал войлочки,
Клал на войлочки черкальское седельшко,
Всех подтягивал двенадцать тугих подпругов,
Он тринадцатой-от клал да ради крепости,
Чтобы добрый конь-от с-под седла не высочил,
Добра молодца в чистом поле не вырушил⁶.

Подпруги были шелковые,
А спенки у подпруг все булатнии,
Пряжи у седла да красна золота.
Тот да шелк не рвется, да булат не трется,
Красно золото не ржавеет.
Молодец-то на кони сидит, да сам не стареет.
Провожала-то Добрыню родна матушка.
Простиласи и воротиласи,
Домой пошла, сама заплакала.

А у тыя было у стремини⁷ у правыя,
Провожала-то Добрыню любимя⁸ семья,
Молода Настасья дочь Викулична
(Она была взята из земли политовския),

¹ Государыня.

² Шапливый — от *щип* (щеголь), щегольский.

³ Вежество — воспитанность.

⁴ В традиционное перечисление достоинств и качеств богатырей механически включен и Добрыня.

⁵ Статья — здесь: качество, достоинство.

⁶ Вырушить — здесь: выронить.

⁷ У стремини — у стремени.

⁸ Семья — здесь: жена.

Сама говорит да таково слово:

— Ты душкa Добрынюшка Микитинич!

Ты когда, Добрынюшка, домой будешь?

Когда со́жидать Добрыню из чиста́ поля?

Ответ держит Добрынюшка Никитинич:

— Когда меня ты стала спрашивать,

Так теперича тебе я стану сказывать:

Сождидай меня Добрынюшку по три́ года.

Если в три года не буду, жди по друго́ три,

А как сполнится то время шесть годов,

Как не буду я, Добрыня, из чиста́ поля,

Поминай меня Добрынюшку убитого.

А тебе-ка-ва, Настасья, воля вольная:

Хоть вдовой живи, да хоть замуж поди,

Хоть ты за князя поди хоть за боярина,

А хоть за русьскаго могучаго богатыря,

Столько не ходи за моего за брата за названого

Ты за смелаго Алешу за Поповица.

Его государыни-то родна матушка,

Она учала как по полати-то похаживать,

Она учала как голосом поваживать,

И сама говорит да таково слово:

— Единоё ж было да солнце красное,

Ночь тепере за темны леса да закатилоси,

Стольки оставлялся млад светёл месяц.

Как единое ж было да чадо милое

Молодой Добрыня сын Никитинич,

Он во далечи, далечи, во чистом поли,

Судит ли Бог на веку хоть раз видать?

Еще столько оставлялась любимá семья,

Молода Настасья дочь Никулична,

На роздей¹ тоски великоя кручинушки.

Стали со́жидать Добрыню из чиста поля по три́ годы,

А й по три́ годы, еще и по́ три дни,

Сполнилось времени цело три́ годы;

Не бывал Добрыня из чиста́ поля.

Стали со́жидать Добрыню по другоё три.

Тут как день за днём да будто́ дождь дождит,

А неделя за неделей как трава растет,

Год тот за годом да как река бежит.

Прошло тому времени другое три,

Да как сполнилось времени да цело шесть годов,

Не бывал Добрыня из чиста поля.

Как во тую пору, да во то время,

Приезжал Алеша из чиста поля,

¹ На роздей — здесь: на развеянье тоски.

Привозил им весточку нерадостну,
Что нет жива Добрынюшки Никитица,
Он убит лежит да на чистом поли:
Буйна голова да испроломана,
Могучи плеча да испростреляны,
Головой лежит да в част ракивов куст.
Как тогда-то государыня да родна матушка
Слезила-то свои да очи ясныи,
Скорбила-то свое да лицо белое
По своём рожоноём по дитятки,
А по молодом Добрыни по Никитичи.

Тут стал солнышко Владимир-то похаживать,
Да Настасьи то Викуличной посватывать,
Посватывать да подговаривать:
— Что как тебе жить да молодой вдовой,
А и молодой век да свой коротати,
Ты поди замуж хоть за князя, хоть за боярина,
Хоть за русьскаго могучаго богатыря,
Хоть за смелаго Алешу за Поповича.

Говорит Настасья дочь Микулична:
— Ах ты солнышко Владимир-то похаживать,
Я исполнила заповедь ту мужнюю —
Я ждала Добрыню цело шесть годов,
Я исполню заповедь да свою женскую:
Я прожду Добрынюшку друго шесть лет.
Как сполнится времени двенадцать лет,
Да успею я в те поры замуж пойти.

Опять день за днём да будто дождь дождит,
А неделя за неделей как трава растет,
Год тот за годом да как река бежит,
А прошло тому времени двенадцать лет,
Не бывал Добрыня из чиста поля.

Тут стал солнышко Владимир тут похаживать,
Он Настасьи той Викуличной посватывать,
Посватывать да подговаривать:

— Ты эй молода Настасья дочь Микулична!
Как тебе жить да молодой вдовой,
А молодой век да свой коротати.
Ты поди замуж хоть за князя, хоть за боярина,
Хоть за русьскаго могучаго богатыря,
А хоть за смелаго Алешу да Поповича.

Не пошла замуж не за князя, не за боярина,
Не за русьскаго могучаго богатыря,
А пошла за муж за смелаго Алешу за Поповича.
Пир идет у них по третий день,
А севодни им ити да ко Божьей церкви,

Принимать с Олешей по злату венцу.

В тую-ль было пору, а в то время,
А Добрыня-то случился у Царяграда,
У Добрыни конь да подтыкается.

Говорил Добрыня сын Никитинич:

— Ах ты, волчья сыть, да ты медвежья шерсть!
Ты чево севодня подтыкаешься?

Испровещится¹ как ему добрый конь,
Ему голосом да человеческим:

— Ах ты эй хозяин мой любимья!

Над собой незгодушки не ведаешь:

А твоя Настасья королевична,
Королевична она замуж пошла
За смелаго Олешу за Поповича.

Как пир идёт у них по третий день,
Севодня им итти да ко Божьей церкви,
Принимать с Олешей по злату венцу.

Тут молодой Добрыня сын Никитинич,
Он бьёт бурка да промежу уши,
Промежу уши да промежу ноги,
Что стал его бурушка поскакивать,
С горы на горы да с холма на холму,
Он река и озёры перескакивал,
Где широкии роздоля — межу ног пушал.
Буде во граде во Киеве.

Как не ясный сокол в перелёт летел,
Добрый молодец да в перегон гонит,
Не воротми ехал он — через стену,
Через тую стену городовую,
Мимо тую башню наугольную,
Ко тому придворью ко вдовиному;
Он на двор заехал безобсылочно,
А в палаты идет да бездокладочно,
Он не спрашивал у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивал придверников;
Всех он взашей прочь отталкивал,
Смело проходил в полаты во вдовиныи,
Крест кладет да по писаному,
Он поклон ведет да по ученому,
На все три, четыре да на стороны,
А честной вдове Офимье Олександровне да в особину:
— Здравствуешь, честна вдова Офимья Олександровна!

Как вслед идут придверники да приворотники,
Вслед идут, все жалобу творят,

¹ Испровещиться — заговорить.

Самы говорят да таково слово:
— Ах ты эй Офимья Александровна!
Как этот-то уда́лый добрый мо́лодец
Он наехал с поля да скорым гонцом,
Да на двор заехал безобсылочно,
В полаты-ты идет да бездокладочно,
Нас не спрашивал у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивал придверников,
Да всех взашей прочь отталкивал,
Смело про́ходил в полаты во вдовиныи.

Говорит Офимья Александровна:
— Ты эй уда́лой добрый молодец!
Ты зачем же ехал на сиротский двор да безобсылочно,
А в полаты ты идешь да бездокладочно,
Ты не спрашивашь у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивашь придверников,
Всех ты взашей прочь отталкивашь?
Кабы было живо моё чадо милое.
Молодой Добрыня сын Микитинич,
Отрубил бы он тебе-ка буйну голову
За твои поступки неумильнии.

Говорил уда́лый добрый молодец:
— Я вчерась з Добрыней порозъехался,
А Добрыня поехал ко Царю-граду,
Я поехал да ко Киеву.

Говорит честна вдова Офимья Александровна:
— Во тую ли было пору во перво шесть лет
Приезжал Алеша из чиста поли,
Привозил нам весточку нерадостну,
Что нет жива Добрынюшки Никитича,
Он убит лежит да во чистом поли:
Буйна голова его испроломана,
Могучи плеча да испростреляны,
Головой лежит да в част ракивов куст.
Я жалешенько тогда ведь по нем плакала,
Я слезила-то свои да очи ясны,
Я скорбила-то своё да лицо белое
По своём рожоном по дитятки,
Я по молодом Добрыни по Никитичи.

Говорил удалый добрый молодец:
— Что наказывал мне братец-от названья,
Молодой Добрыня сын Никитинич,
Спросить про него про любиму семью,
А про мо́лоду Настасью про Микуличну.

Говорит Офимья Александровна:
— А Добрынина любима семья замуж пошла
За смелаго Олешу за Поповица.

Пир идет у них по третий день.
А сегодня им ити да ко Божьей церкви.
Принимать с Олешкой по злату венцу.

Говорил удалой добрый молодец:
— А наказывал мне братец-от названья,
Молодой Добрыня сын Никитинич:
Если случит Бог быть на пору тебе во Киеве,
То возьми моё платье скоморское¹,
Да возьми мои гуселюшка яровчаты
В новой гореньке да все на стопочке.

Как бежала тут Офимья Олександровна,
Подавала ему платье скоморское
Да гуселюшка ему яровчаты.
Накрутился молодец как скоморошиной²,
Да пошел он на хорош почестней пир.
Идет как он да на княженецкий двор,
Не спрашивал у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивал придверников,
Да всех взашей прочь отталкивал,
Смело проходил во полаты княженецкие;
Тут он крест кладёт да по писаному,
А поклон ведёт да по учёному,
На все три четыре да на стороны,
Солнышку Владимиру да в собину.
— Здравствуй, солнышко Владимир стольный киевский
С молодой княгиней со Опраксней!

Вслед идуть придверники да приворотники,
Вслед идуть, все жалобу творять,
Сами говорят да таково слово:
— Здравствуй, солнышко Владимир стольный киевский,
Как эта удала скоморошина
Наехал из чиста поля скорым гонцом,
А теперечу идёт да скоморошиной,
Нас не спрашивал у ворот да приворотников,
У дверей он нас не спрашивал придверников,
Да всех нас взашей прочь отталкивал,
Смело проходил в полаты княженецкие.

Говорил Владимир стольный киевской:
— Ах ты эй удала скоморошина!
Зачем идешь на княженецкий двор да безобсылочно,
А й в полаты идешь бездокладочно,
Ты не спрашивашь у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивашь придверников,

¹ Скоморское — скоморошье.

² Одедся как скоморох.

А всех ты взащей прочь отталкивал?

Скоморошина в речам да не вчуется¹,

Скоморошина к речам не примется²,

Говорит удала скоморошина:

— Солнышко Владимир стольный киевский!

Скажи, где есть наше место скомороское?

Говорит Владимир стольне-киевской:

— Что ваше место скомороское

А на той на печке на муравленой,

На муравленой на печке да на за́печке.

Он скочил скорó на место на показано,

На тую на печку на муравлену.

Он натягивал тетивочки шелковые,

Тыи струночки да золочёные,

Он учал по стрункам похаживать,

Да он учал голосом поваживать.

Играет-то он ведь во Кіеви.

А на вы́нгрыш берет во Царіґради.

Он повы́играл воо гради во Кіеви,

Он во Кееви да всех пойменно,

Он от старого да всех до малаго.

Тут все на пиру́ игры заслу́хались,

И все на пиру призамо́лкнулись,

Самы́ говорят да таково́ слово:

— Солнышко Владимир стольне-киевской!

Не быть это уда́лой скоморо́шины.

А какому нй́ быть надо русьскому

Быть уда́лому да добру молодцу.

Говорит Владимир стольне-киевской:

— Ах ты эй уда́ла скоморошина!

За твою игру да за веселую,

Опушайся-ко из печки из-за́печка,

А садись-ко с нами да за дубов стол,

А за дубов стол да хлеба кушати.

Теперь дам я ти три места три любі́мых:

Перво место сядь подлі́ мене,

Друго место сопровит мене,

Третье место куды сам захошь,

Куды сам захошь, э́ще пожа́луешь.

Опушалась скоморошина из печки из муравленой,

Да не села скоморошина подлі́ князя́,

Да не села скоморошина да сопрови́т князя́,

А садилась в скаме́ечку

¹ Не *вчу́ется* — не внимаает, не слушает.

² Не *прі́мется* — не принимает во внимание.

Сопротив княгины-то обручныя,
Против мѳлодой Настасьи да Никулнчны.

Говорит удала скоморошина:

— Ах ты, солнышко, Владимир стольне-киевской!
Бласлови-ко налить чару зеленá вина,
Поднести-то эту чару кому я знаю,
Кому я знаю, еще пожáлую.

Говорил Владимир стольне-киевской:

— Ай ты эй, удала скоморошина!
Была дана ти повѳлька да великая,
Что захочешь, так ты тѳ делай,
Что ты здумаешь, да еще й то твори.

Как тая удала скоморошина
Наливала чару зелена вина,
Да опустит в чару свой злачен перстѳнь,
Да поднѳсит-то княгины поручѳныя,
Сам говорил да таково слово:
— Ты эй молода Настасья дочь Микулична!
Прими-ко сию чару единой рукой,
Да ты выпей-ко всю чару единым духом.
Как ты пьешь до дна, так ты ведашь добра,
А не пьешь до дна, так не выдашь добра.

Она приняла чару единой рукой,
Да и выпила всю чару единым духом,
Да обсмотрит в чары свой злачен перстѳнь,
А котрым с Добрыней обручаласи,
Сама говорит таково слово:
— Вы эй же вы, князи, да вы бояра,
Вы все же князи вы и двѳряна!
Ведь не тот мой муж, да кой подли мене,
А тот мой муж, кой сопрѳтив мене:
Сидит мой муж да на скамеечке,
Он подносит мне-ко чару зеленá вина.

Сама выскочит из стола да из-за дѳбова,
Да й упала Добрыни во резвыя ноги,
Сама говорит да таково слово:
— Ты эй, молодой Добрыня сын Никитинич!
Ты прѳсти, прѳсти, Добрынюшка Никитинич,
Что не пѳ твоему наказу да я сделала,
Я за смелого Олешенку замѳж пошла.
У нас волос долог да ум короток,
Нас куда вѳдут, да мы туда идѳм,
Нас куда вѳзут, да мы туда едем.

Говорил Добрыня сын Никитинич:

— Не дивую разуму я женскому:
Муж-от в лес, жена и замуж пойдѳт,
У них волос долог, да ум короток,

А дивую я солнышку Владимиру
Со своёй княгиней со Опраксией,
Что солнышко Владимир тот сватом был,
А княгиня-то Опраксия да была свахою,
Они у жива мужа жону да просватали.

Тут солнышку Владимиру к стыду пришло,
Он повесил свою буйну голову,
Утопил ясны очи во сыру землю.

Говорит Олешенко Левонтьевич:

— Ты прости, прости, братец мой названья,
Молодой Добрыня сын Никитинич!

Ты в той вине прости меня во глупости,
Что я посидел подлй твоей любимой семьи,
Подли молодой Настасьи да Микуличны.

Говорил Добрыня сын Микитинич:

— А в той вины, братец, тебя Бог простит,
Что ты посидел подлй моей да любимой семьи,
Подли молодой Настасии Микуличны.
А в дру́гой вины, братец, тебя не прошу.
Когда приезжал из чиста поля во перво шесть лет,
Привозил ты весточку нерадостну,
Что нет жива Добрынюшки Микитича:
Убит лежит да на чистом поле.

А тогда-то государыни да моя родна матушка
А жалешенько она да по мне плакала.
Слезила-то она свои да очи ясныя,
А скорбила-то своё да лицо белое, —
Так во этой вины братец тебя не прошу.

Как ухватит он Олешу за желты кудри,
Да он выдернет Олешку через дубов стол,
Как он бросит Олешу о кирпичен мост,
Да повыдернет шалыгу подорожную,
Да он учал шалыгищем охаживать,
Что в хлопанье-то охканья не слышно ведь,
Да только-то Олешенка и женат бывал,
Ну столько-то Олешенка с женой сыпал.
Всяк-то, братцы, на веку видь женится,
И всякому женитьба удавается,
А не дай Бог женитьбы той Олешиной.

Тут он взял свою да любиму семью,
Молоду Настасью да Микуличну,
И пошел к государыни да и родной матушке,
Да он здыял доброе здоровьице.

Тут век про Добрыню старину скажутъ,
А синему морю на тишину,
А вам добрым людям на послушанье.

СТАВЕР

Во стольном было городе во Киеви
 У ласкова князя у Владимира
 Как было пирование — почестный пир
 На многие князи, на бóяры,
 На всех-тых гостей званых-браных¹,
 Званых-браных гостей, приходящих.

Все на пиру наедалися,
 Все на честном напивалися,
 Все на пиру порасхвасталися:
 Инный хвалится добрым конем,
 Инный хвалится шелковым портом²,
 Инный хвалится селами со приселками,
 Инный хвалится городами с пригородками,
 Инный хвалится родной матушкой,
 А безумный хвастает молодой женой.

Из тыя из земли Ляховицкия
 Сидел молодой Ставер сын Гоудинович:
 Он сидит за столом да сам не хвастает.

Испроговорил Владимир стольно-киевский:
 — Ай же ты, Ставер сын Гоудинович!
 Ты что сидишь — сам да не хвастаешь?
 Аль нет у тебя села со приселками,
 Аль нет городов с пригородками,
 Аль нет у тебя добрых комоней³,
 Аль не славна твоя родна матушка,
 Аль не хороша твоя молода жена?

Говорит Ставер сын Гоудинович:
 — Хотя есть у меня села со приселками,
 Хотя есть города с пригородками,
 Да то мне, молодцу, не похвальба;
 Хотя есть у меня добрых комоней,
 Добры комони стоят — все не ездятся:
 Да то мне, молодцу, не похвальба;
 Хоть славна моя родна матушка,
 Да и то мне, молодцу, не похвальба;
 Хоть хороша моя молода жена, —
 Так и то мне, молодцу, не похвальба:

¹ *Бранные* (гости) — избранные.

² *Порт* — одежда.

³ *Комони* — кони.

Она всех князей-бояр да всех повыманит¹,
Тебя, солнышка Владимира, с ума сведет.

Все на пиру призамолкнули,
Сами говорят таково слово:

— Ты солнышко Владимир стольно-киевский!

Засадим-ка Ставра в погреба глубокие:

Так пушай-ка Ставрова молода жена

Нас князей-бояр всех повыманит,

Тебя, солнышка Владимира, с ума сведет,

А Ставра она из погреба повыручит!

А был у Ставра тут свой человек,

Садился на Ставрова на добра коня,

Уезжал во землю Ляховицкую

Ко той Василисты Микуличной:

— Ах ты ей, Василиста дочь Микулична!

Сидишь ты — пьешь да проклаждаешься²,

Над собой невзгодушки не ведаешь:

Как твой Ставер да сын Гоудинович

Посажен в погреба глубокие;

Похвастал он тобой, молодой женой,

Что «князей-бояр всех повыманит,

А солнышка Владимира с ума сведет».

Говорит Василиста дочь Микулична:

— Мне-ка деньгами выкупать Ставра — не выкупить;

Мне-ка силой выручать Ставра — не выручить;

Я могу ли нет Ставра повыручить

Своею догадочкою женскою!

Скорешенько бежала она к (фельшарам³),

Подрубила волоса⁴ по-молодецки де,

Накрутилася⁵ Васильем Микуличем,

Брала дружинишки хоробрья,

Сорок молодцов удалых стрельцов,

Сорок молодцов удалых борцов,

Поехала ко-о граду ко Киеву.

Не доедутчи до-о града до Киева,

Пораздёрнула⁶ она хорош-бел шатер,

Оставила дружину у бела шатра,

Сама поехала ко солнышку Владимиру.

¹ *Повыманить* — обмануть.

² *Проклаждаться* — наслаждаться.

³ *Фельшара* — фельшер, помощник лекаря; здесь: умельцы стрижки.

⁴ *Подрубить волосы* — обрезать скобкой, как у мужчин.

⁵ *Накрутиться* — одеться, нарядиться.

⁶ *Пораздёрнуть шатер* — развернуть, установить.

Бьет челом, поклоняется:
— Здравствуй, солнышко Владимир стольно-киевский
С молодой княгиней со Опракней!

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Ты откудашной, удалый добрый молодец,
Ты коей орды, ты коей земли,
Как тебя именем зовут,
Нарекают тебя по отчеству?

Отвечал удалый добрый молодец,
Что «я есть из земли Ляховицкия,
Того короля сын ляховицкого,
Молодой Василий Микулич де;
Я приехал к вам о добром деле — о сватовстве
На твоей любимыя на дочери».

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Я схожу — со дочерью подумаю.
Приходил он ко дочери возлюбленной:
— Ах ты ей же, дочь моя возлюбленна!
Приехал к нам посол из земли Ляховицкия,
Того короля сын ляховицкого,
Молодой Василий Микулич де,
Об добром деле — об сватовстве
На тебе любимыя на дочери;
Что же мне с послом будет делати?

Говорила дочь ему возлюбленна:
— Ты ей, государь родной батюшко!
Что у тебя теперь на разуми:
Выдаешь девчину сам за женщину!
Речь-поговоря — все по-женскому;
Перески тоненьки¹ — все по-женскому;
Где жуковинья² были — тут место знать³;
Стегна⁴ жмет — все добра бережет⁵.

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Я схожу посла да поотведаю⁶.
Приходит к послу земли Ляховицкия,
Молоду Василью Микуличу:
— Уж ты молодой Василий сын Микулич де!
Не угодно ли с пути со дороженьки

¹ *Пёрески* — перстки, персты, пальцы.

² *Жуковинья* — кольца.

³ *Место знать* — заметен след.

⁴ *Стегна* — бедра.

⁵ *Все добра бережет* — смысл: по походке видна женщина.

⁶ *Поотведать* — разузнать, проверить.

Сходить тебе во парную во баенку?

Говорил Василий Микулич де:

— Это с дороги не худо бы!

Стопили ему парну баенку,

Покуда Владимир снаряжается,

Посол той поры во баенки испарился¹,

С байны идет — ему честь отдает:

— Благодарствуй на парной на баенки!

Говорил Владимир стольно-киевский:

— Что же меня в баенку не подождал?

Я бы в байну пришел — тебе жару поддал,

Я бы жару поддал и тебя обдал².

Говорил Василий Микулич де,

Что «ваше дело домашнее,

Домашнее дело, княженецкое;

А наше дело посольское —

Недосуг-то долго нам чваниться,

Во баенки долго нам париться;

Я приехал об добром деле — об сватовстве

На твоей любимыя на дочери».

Говорил Владимир стольно-киевский:

— Я схожу — с дочерью подумаю.

Приходит он ко дочери возлюбленной:

— Ты ей же, дочь моя возлюбленна!

Приехал есть посол земли Ляховицкия

Об добром деле — об сватовстве

На тебе любимыя на дочери;

Что же мне с послом будет делати?

Говорит как дочь ему возлюбленна:

— Ты ей, государь мой родной батюшко!

Что у тебя теперь на разуми:

Выдаешь девчину за женщину!

Речь-поговоря — все по-женскому;

Перески тоненьки — все по-женскому;

Где жуковинья были — тут место знать.

Говорил Владимир стольно-киевский:

— Я схожу посла да поотведаю.

Приходит ко Василью Микуличу,

Сам говорил таково слово:

— Молодой Василий Микулич де!

Не угодно ль после парной тебе баенки

Отдохнуть во ложни³ во теплыя?

¹ *Испариться* — кончил париться; здесь: кончил мыться.

² *Обдать* — обдать, окатить водой.

³ *Ложня* — спальня.

— Это после байны не худо бы!

Как шел он во ложню во теплую,
Ложился на кровать на тесовую,
Головой-то ложился, где ногами быть,
А ногами ложился на подушечку.

Как шел туда Владимир стольно-киевский,
Посмотрел во ложню во теплую:
Есть широкия плеча богатырския.

Говорит посол земли Ляховицкия
Молодой Василий Микулич де:

— Я приехал о добром деле — об сватовстве
На твоей любимыя на дочери;
Что же ты со мной будешь делати?

Говорил Владимир стольно-киевский:

— Я пойду — с дочерью подумаю.

Приходит ко дочери возлюбленной:

— Ай же дочь моя возлюбленна!

Приехал посол земли Ляховицкия
Молодой Василий Микулич де,
За добрым делом — за сватовством
На тебе любимыя на дочери;
Что же мне с послем будет делати?

Говорила дочь ему возлюбленна:

— Ты ей, государь родной батюшко!

Что у тебя теперь на разуми:

Выдаешь девчину сам за женщину!

Говорил Владимир стольно-киевский:

— Я схожу посла да поотведаю.

— Ах ты молодой Василий Микулич де!

Не угодно ли с моими дворянами¹ потешиться,

Сходить с ними на широкий двор,

Стрелять в колечко золоченое,

Во тоя в острии ножовыя,

Расколоть-то стрелочка надвое,

Чтоб были мерою равненьки и весом равны?

Стал стрелять стрелок перво князевый;

Первой раз стрелил — он не дострелил,

Другой раз стрелил — он перестрелил,

Третий раз стрелил — он не попал.

Как стал стрелять Василий Микулич де,

Натягивал скоренько свой тугий лук,

Налагает стрелочку каленую,

Стрелял в колечко золоченое,

Во тоя острея во ножевая,

Расколел он стрелочку надвое,

¹ Дворяна — придворные.

Они мерою равненьки и весом равны.
Сам говорит таково слово:
— Солнышко Владимир стольно-киевский!
Я приехал об добром деле — об сватовстве
На твоей на любимый на дочери;
Что же ты со мной будешь делати?

Говорил Владимир стольно-киевский:
Я схожу-пойду — с дочерью подумаю.

Приходит к дочери возлюбленной:
— Ай же ты, дочь моя возлюбленна!
Приехал есть посол земли Ляховицкия
Молодой Василий Микулич де,
Об добром деле — об сватовстве
На тебе любимыя на дочери;
Что же мне с послем будет делати?

Говорила дочь ему возлюбленна:
— Чтó у тебя, батюшка, на разуми:
Выдаваешь ты девчину за женщину!
Речь-поговоря — все по-женскому;
Перески тоненьки — все по-женскому;
Где жуковинья были — тут место знать.
— Я схожу посла поотведаю.

Он приходит к Василью Микуличу,
Сам говорил таково слово:
— Молодой Василий Микулич де,
Не угодно ли тебе с моими боярами потешиться,
На широком дворе поборотися?

Как вышли они на широкий двор,
Как молодой Василий Микулич де
Того схватил в руку, того в другую,
Третьего склеснет¹ в середочку,
По трою за раз он назень² ложил,
Которых положит — тыи с места не стают³.

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Ты молодой Василий Микулич де!
Украти-ко свое сердце богатырское,
Оставь людей хоть нам на семена!

Говорил Василий Микулич де:
— Я приехал о добром деле — об сватовстве
На твоей любимыя на дочери;
Буде с чести не дашь — возьму нé с чести,
А не с чести возьму — тебе бок набыю!

¹ *Склеснуть* — сдавать, столкнуть вместе.

² *Назень* — наземь.

³ *Не стают* — не встают.

Не пошел больше к дочери спрашивать,
Стал он дочь свою просватывать.

Пир идет у них по третий день,
Сего дни им идти к Божьей церкви:
Закручинился Василий, запечалился.
Говорил Владимир стольно-киевский:

— Что же ты, Василий, невесел есть?

Говорит Василий Микулич де,
Что «буде на разуми¹ невесело:
Либо батюшко мой помер есть,
Либо матушка моя померла.
Нет ли у тебя загусельщиков²
Поиграть во гусельшка яровчаты?»

Как повыпустили они загусельщиков,
Все они играют — всё невесело.
— Нет ли у тя младых затюремщичков?

Повыпустили младых затюремщичков.
Все они играют — всё невесело.
Говорит Василий Микулич де:

— Я слышал от родителя от батюшка,
Что посажен наш Ставер сын Гоудинович
У тебя во погреба глубокие:
Он горазд играть³ в гусельшки яровчаты⁴.

Говорил Владимир стольно-киевский:

— Мне выпустить Ставра —

Мне не видеть Ставра;

А не выпустить Ставра —

Так разгневить посла!

А не смет⁵ посла он поразгневати,
Повыпустил Ставра он из погреба.

Он стал играть в гусельшка яровчаты —
Развеселился Василий Микулич де,
Сам говорил таково слово:

— Помнишь, Ставер, памятуешь ли,
Как мы маленьки на улицу похаживали,
Мы с тобой сваечкой поигрывали:
Твоя-та была сваечка серебряная,
А мое было колечко позолоченное?
Я-то попадывал тогда-сёгды,

¹ *Буде на разуми* — на разуме, в мыслях.

² *Загусельщички* — гусельщички, мастера играть.

³ *Горáзд играть* — умеет хорошо играть.

⁴ *Ярóвчаты* — звонкие, сделаны из явора.

⁵ *Не смет* — не смеет.

А ты-то попадавал всегда-всегда?

Говорит Ставер сын Годинович,
Что я с тобой сваячкой не игрывал!

Говорит Василий Микулич де:

— Ты помнишь ли, Ставер, да памятуешь ли,
Мы ведь вместе с тобой в грамоты училися:

Моя была чернильница серебряная,

А твое было перо позолочено?

А я-то помакивал тогда-сёгда,

А ты-то помакивал всегда-всегда?

Говорит Ставер сын Годинович,
Что я с тобой в грамоты не учивался!

Говорил Василий Микулич де:

— Солнышко Владимир стольно-киевский!

Спусти-ко Ставра съездить до бела шатра,

Посмотреть дружинушки хоробрья?

Говорил Владимир стольно-киевский:

— Мне спустить Ставра — не видать Ставра:

Не спустить Ставра — разгневить посла!

А не смет он посла да поразгневати:

Он спустил Ставра съездить до бела шатра

Посмотреть дружинушки хоробрья.

Приехали они ко белу шатру,

Зашел Василий в хорош-бел шатер,

Снимал с себя платье молодецкое,

Одел на себя платье женское,

Сам говорил таково слово:

— Тепереча, Ставер, меня знаешь ли?

Говорит Ставер сын Годинович:

— Молода Василиста дочь Микулична!

Уедем мы во землю Политовскую!

Говорит Василиста дочь Микулична:

— Не есть хвала добру молодцу

Тебе воровски из Киева уехати:

Поедем-ко свадьбы доигрывать!

Приехали ко солнышку Владимиру,

Сели за столы за дубовые.

Говорил Василий Микулич де:

— Солнышко Владимир стольно-киевский!

За что был засажен Ставер сын Годинович

У тебя во погреба глубокие?

Говорил Владимир стольно-киевский:

— Похвастал он своей молодой женой,

Что князей-бояр всех повыманит,

Меня, солнышка Владимира, с ума сведет.

— Ай ты ей, Владимир стольно-киевский!

А нынче что у тебя теперь на разуми:

Выдаешь девчину сам за женщину,
За меня Василисту за Микуличну?

Тут солнышку Владимиру к стыду пришло;
Повесил свою буйну голову,
Сам говорил таково слово:
— Молодой Ставер сын Гоудинович!
За твою великую за похвальбу
Торгуй во нашем городе во Киеви,
Во Киеви во граде век беспошлинно.

Поехали во землю Ляховицкую,
Ко тому королю ляховицкому.

Тут век про Ставра старину поют,
Синему морю на тишину,
Вам всем добрым людям на послушанье.

13

САДКО

А как ведь во славном в Нове-гради
А й как был Садке да гусельщик-от,
А й как не было много несчетной золотой казны,
А й как только ён ходил по честным пирам,
Спотешал как он да купцей, бояр,
Веселил как он их на честных пирах.

А й как тут над Садком теперь да случилось,
Не зовут Садка уж целый день на почестен пир,
А й не зовут как другой день на почестен пир,
А й как третий день не зовут да на почестен пир.
А й как Садку топерь да соскучилось,
А й пошел Садке да ко Ильмень он ко озеру,
А й садился он на синь на горюч камень.
А й как начал играть он во гусли во яровчаты,
А играл с утра как день топерь до вечера.
А й по вечеру как по позднему
А й волна уж в озере как сходиласе,
А как ведь вода с песком топерь смутиласе,
А й устранился Садке топоречку да сидети он,
Одолел как Садка страх топерь великий.
А й пошел вон Садке да от озера,
А й пошел Садке как во Новгород:

А опять как прошла топерь темна ночь,
А й опять как на другой день
Не зовут Садка да на почестен пир,
А другой-то да не зовут его на почестен пир,
А й как третий-то день не зовут на почестен пир.

А й как опять Садку топерь да соскучилось,
А пошел Садке ко Ильмень да ко озеру,
А й садился он опять на синь да на горюч камень
У Ильмень да он у озера.
А й как начал играть он опять во гусли во яровчаты,
А играл уж как с утра день до вечера.
А й как по вечеру опять как по позднему
А й волна уж как в озери сходиласе,
А й как вода с песком топерь смутиласе.
А й устрашился опять Садке да новгородский,
Одолел Садка уж как страх топерь великий.
А как пошел опять как от Ильмень да от озера,
А как он пошел во свой да он во Нбв-город.
А й как тут опять над ним да случилось,
Не зовут Садка опять да на почестен пир,
Ай как тут опять другой день не зовут Садка да на почестен пир,
А й как третий день не зовут Садка да на почестен пир.
А й опять Садку топерь да соскучилось,
А й пошел Садке ко Ильмень да ко озеру,
А й как он садился на синь горюч камень да об озеро,
А й как начал играть во гусли во яровчаты,
А й как ведь опять играл он с утра до вечера,
А волна уж как в озери сходиласе,
А вода ли с песком да смутиласе.
А тут осмелился как Садке да новгородский
А сидеть играть как он об озеро.
А й как тут вышел царь водяной топерь со озера,
А й как сам говорит царь водяной да таковы слова:
— Благодарим-ка, Садке да новгородский!
А спотешил нас топерь да ты во озери,
А у мя было да как во озери,
А й как у мя столованье да почестен пир,
А й как всех розвеселил у мя да на честном пиру,
А й любезных да гостей моих.
А й как я не знаю топерь, Садка, тебя да чем пожаловать:
А ступай, Садке, топеря да во свой во Нов-город.
А й как завтра позовут тебя да на почестен пир,
А й как будет у купца столованьё почестен пир,
А й как много будет купцей на пиру много новгородских,
А й как будут все на пиру да напиватисе,
Будут все на пиру да наедатисе,
А й как будут все пофальбами теперь да пофальятисе,
А й кто чим будет топерь да фастати¹,
А й кто чим будет топерь да похвалятися;

¹ *Пофальба́ми* — похвальбами; *пофальятисе* — похвалятися; *фа́стати* — хва-
стати и проч.

А как иной будет фастати да несчётной золотой казной,
 А как иной будет фастать добрым конем,
 Иной буде фастать силой-удачей молодецкою,
 А иной буде фастать молóдый молодечеством,
 А как умной-разумной да буде фастати
 Старым батюшком, старой матушкой,
 А й безумный дурак да буде фастати
 А й своей он как молодой женой.
 А ты, Садке, да пофастай-ко:
 «А я знаю, что во Ильмень да во озери
 А что есте рыба-то перья золотыи ведь».
 А как будут купцы да богатыи
 А с тобой да будут споровать¹,
 А что нету рыбы такую ведь,
 А что топерь да золотыи ведь,
 А ты с нима бей о залог топерь великии,
 Залагай свою буйную да голову,
 А как с них выражай топерь
 А как лавки во ряду да во гостиноём
 С дорогима да товарамы.
 А потом свяжите невод да шёлковой,
 Приезжайте вы ловить да во Ильмень во озеро.
 А закиньте три тони² во Ильмень да во озери,
 А я в кажну тоню дам топерь по рыбыны,
 Уж как перья золотыи ведь.
 А й получишь лавки во ряду да во гостиноём
 С дорогима ведь товарамы;
 А й потом будешь купец, Садке, как новгородский,
 А купец будешь богатыи.
 А й пошел Садке во свой да во Нов-город.
 А й как ведь да на другой день
 А как пóзвали Садка да на почестен пир
 А й к купцю да богатому.
 А й как тут да много сбиралосе
 А й к купцю да на почестен пир
 А купцей как богатых новгородских.
 А й как все топерь на пиру напивалиси,
 А й как все на пиру да наедалисе,
 А й пофальбами все пофальялисе.
 А кто чем уж как теперь да фастает,
 А кто чем на пиру да похваляется;
 А иной фастае как несчетной золотой казной,
 А иной фастае да добрым конём,

¹ *Спóровать* — спорить.

² *Тонь, тóня* — рыбная ловля, залов.

А йной фастае силой-удачей молодецкою;
А й как умной топерь уж как фастает
А й старым батюшком, старой матушкой,
А й безумной дурак уж как фастает,
А й как фастае да как своей молодой женой.
А сидит Садке как ничим да он не фастает,
А сидит Садке как ничим он не похваляется.
А й как тут сидят купцы богатые новгородский,
А й как говорят Садку таковы слова:
— А что же, Садке, сидишь, ничим же ты не фастаешь,
Что ничим, Садке, да ты не похваляешься?
А й говорит Садке таковы слова:
— Ай же вы, купцы богатые новгородские!
А й как чим мне, Садку, топерь фастати,
А как чем-то Садку похвалятся?
А нету у мя много несчетной золотой казны,
А нету у мя как прекрасной молодой жены,
А как мне, Садку, только есть одним да мне пофастати:
Во Ильмень да как во озери
А есте рыба как перья золотыи ведь.
А й как тут купцы богатые новгородский
А й начали с ним да оны споровать,
Во Ильмень да что во озери
А нету рыбы такую что,
Чтобы были перья золотыи ведь.
А й как говорил Садке новгородский:
— Дак заложу я свою буйную головушку,
Боле заложить да у мя нечего.
А оны говоря: — Мы заложим в ряду да во гостиноём
Шесть купцей, шесть богатых.
А залагали ведь как по лавочки
С дорогима да с товарамы.
А й тут после этого
А связали невод шёлковой,
А й поехали ловить как в Ильмень да как во озеро,
А й закидывали тоню во Ильмень да ведь во озери,
А рыбу уж как добыли перья золотыи ведь;
А й закинули другу тоню во Ильмень да ведь во озери,
А й как добыли другую рыбину перья золотыи ведь;
А й закинули третью тоню во Ильмень да ведь во озери.
А й как добыли уж как рыбинку перья золотыи ведь.
А топерь как купцы да новгородский богатые
А й как видят — делать да нечего:
А й как вышло правильнѣ, как говорил Садке да новгородский.
А й как отперлись¹ ёны да от лавочок

¹ *Отперлись* — здесь: отдали лавки.

А в ряду да в гостиноём
А й с дорогима ведь с товарамы.
А й как тут получил Садке да новгородский
А й в ряду во гостиноём
А шесть уж как лавочок с дорогима он товарамы.
А й записался Садке в купци да в новгородский,
А й как стал топерь Садке купец богатыи:
А й как стал торговать Садке да топеречку
В своём да он во городи,
А й как стал ездить Садке торговать да по всем местам,
А й по прочим городам да он по дальниим,
А й как стал получать барыши да он великие.
А й как тут да после этого
А женился как Садке-купец новгородский богатыи.
А еще как Садке после этого
А й как выстроил он полаты белокаменны,
А й как сделал Садке да в своих он полатушках,
А й как обделал в теремах всё да по-небесному:
А й как на неби пекет да красное уж солнышко —
В теремах у его пекет да красно-солнышко;
А й как на неби светит млад да светёл месяц —
У его теремах да млад светёл месяц;
А й как на неби пекут да звезды частыи —
А у его в теремах пекут да звезды частын.
А й как всем изукрасил Садке свои полаты белокаменны.
А й топерь как ведь после этого
А й сбирал Садке столованье да почестен пир,
А й как всех своих купцей богатых новгородских,
А й как всех-то господ он своих новгородских,
А й как он еще настоятелей своих да новгородских;
А й как были настоятели новгородские
А й Лука Зиновьев ведь да Фома да Назарьев ведь;
А еще как сбирал-то он всих мужиков новгородских,
А й как повел Садке столованье почестен пир богатыи.
А топерь как все у Садка на честном пиру,
А й как все у Садка да напивалисе,
А й как все у Садка топерь да наедалисе,
А й похвальбами-то все да пофалялисе,
А й кто чим на пиру уж как фастает,
А й кто чем на пиру похваляется;
А иной как фастае несчетной золотой казной,
А иной фастае как добрым конём;
А иной фаста силой могучею богатырскою,
А иной фастае славным отечеством,
А иной фастат молодым да молодечеством;
А как умной-разумной как фастает
Старым батюшкой да старой матушкой,

А й безумный дурак уже как фастает
 А й своей да молодой женой.
 А й как ведь Садке по полатушкам он похаживат,
 А й Садке ли-то сам да выговариват:
 — Ай же вы, купци новгородские вы богатые,
 Ай же все господа новгородские,
 Ай же все настоятели¹ новгородские,
 Мужики как вы да новгородские!
 А у меня как все вы на честном пиру,
 А вси вы у меня как пьяны-веселы,
 А как вси на пиру напивалисе,
 А й как все на пиру да наедалисе,
 А й похвальбами все вы похвалялисе.
 А й кто чим у вас топерь хвастает:
 А иной хвастает как былицею²,
 А иной фастает у вас да небылицею.
 А как чем буде мне Садку топерь пофастати?
 А й у мня, у Садка новгородскаго,
 А золота казна у мня топерь не тощится³;
 А цветное платьице у мня топерь не дёржится⁴,
 А й дружинишка хоробрая не изменяется⁵;
 А столько мне, Садку, будé пофастати
 А й своей мне несчётной золотой казной:
 А й на свою я несчётну золоту казну
 А й повыкуплю я как все товары новгородские,
 А как все худы́ товары я добрые,
 А что не буде боле товаров в продаже во городи.
 А й как ставали тут настоятели ведь новгородские,
 А й Фома да Назарьев ведь,
 А Лука да Зиновьев ведь,
 А й как тут ставали да на резвы ноги,
 А й как говорили самы ведь да таковы слова:
 — Ай же ты, Садке-купец богатый новгородский!
 А о чем ли о многом бьешь с намы о велик заклад,
 Ежели выкупишь товары новгородские,
 А й худы товары все, добрыи,
 Чтобы не было в продаже товаров да во городи?

¹ *Настоятели* — начальные люди, главы.

² *Былиця* — правда, истина.

³ *Не тощится* — не истощается.

⁴ *Не дёржится* — не изнашивается, постоянно заменяется.

⁵ *Не изменяется* — обновляется.

А й как ведь топерь уж как мне, Садку,
А й не выкупить как товаров ведь
Со всёго да со бела свету.
А й как лучше пусть не я да богатее,
А Садке-купец да новгородский,
А й как пусть побогатее меня славный Новгород,
Что не мог не я да повыкупить
А й товаров новгородских,
Чтобы не было продажи да во городи;
А лучше отдам я денежок тридцать тысячей,
Залог свой великий».

А отдавал уж как денежок тридцать тысячей,
Отпирался¹ от залогу да великаго.

А потом как построил тридцать кáраблей,
Тридцать кáраблей, тридцать чёрных²,
А й как ведь свалил он товары новгородские
А й на черныи на карабли.
А й поехал торговать купец богатый новгородский
А й как на своих на черных на кáраблях.

А поехал он да по Волхову,
А й со Волхова он во Ладожско,
А со Ладожскаго выплывал да во Неву-реку,
А й как со Невы́ реки как выехал на синё морё.
А й как ехал он по синю́ морю,
А й как тут воротил он в Золоту орду.
А й как там продавал он товары да ведь новгородские,
А й получал он барыши топерь великие.
А й как насыпал он бочки ведь сороковки-ты³
А й как краснаго золота;
А й насыпал он много бочек да чистаго серебра,
А еще насыпáл он много бочек мелкаго он крупнаго
скатняго жемчугу.

А как потом поехал он з-за Золотой орды,
А й как выехал топеречку опять да на синё морё,
А й как на синем море устоялисе⁴ да черны карабли,
А й как волной-то бьет и паруса-то рвет,
А й как ломат черны кáрабли, —
А все с места не йдут черны кáрабли.

А й воспроговорил Садке-купец богатый новгородский
А й ко своей он дружинушки хоробрыи:
— Ай же ты, дружина хоробрая!

¹ *Отпирáлся* — здесь: отдавал.

² *Корабли черные* — грузовые, для перевозки разной тяжести.

³ *Сорокóвка* (бочка) — вместимостью в сорок ведер.

⁴ *Устоялисе* — остановились.

А й как сколько ни по морю ездили,
 А мы Морскому царю дани да не плачивали,
 А топерь-то дани требует Морской-то царь в синё морё.
 А й тут говорил Садке-купец богатый новгородский:
 — Ай же ты, дружина хоробрая!
 А й возьмите-тко вы мечи-тко¹ в синё море
 А й как бочку сороковку красного золота.
 А й как тут дружина да хоробрая
 А й как брали бочку сороковку красного золота.
 А мётали бочку в синё морё.
 А й как все волной-то бьет, паруса-то рвет,
 А й ломат черны карабли да на синём мори, —
 Все не йдут с места карабли да на синём мори.
 А й опять воспроговорил Садке-купец богатый
 новгородский
 А й своей как дружинушки хоробрыи:
 — Ай же ты, дружинушка моя ты хоробрая!
 А видно мало этой дани царю Морскому в синё морё.
 А й возьмите-тко вы мечи-тко в синё морё
 А й как другую ведь бочку чистаго серебра.
 А й как тут дружинушка хоробрая
 А кидали как дру́гую бочку в синё морё
 А как чистаго да серебра.
 А й как все волной-то бьет, паруса-то рвет,
 А й ломат черны карабли да на синём мори, —
 А все не йдут с места карабли да на синём мори.
 А й как тут говорил Садке-купец богатый
 новгородский
 А й как своей он дружинушки хоробрыи:
 — Ай же ты, дружина хоробрая!
 А видно, этой мало как дани в синё море.
 А берите-тко третью бочку да крупнаго мелкаго
 скатняго жемчугу,
 А кидайте-тко бочку в синё морё.
 А как тут дружина хоробрая
 А й как брали бочку крупнаго мелкаго скатняго жемчугу
 А кидали бочку в синё морё.
 А й как все на синём мори стоят да черны карабли,
 А волной-то бьет, паруса-то рвет,
 А й как все ломат черны карабли, —
 А й все с места не йдут да черны карабли.
 А й как тут говорил Садке-купец богатый
 новгородский
 А своёй как дружинушки он хоробрыи:
 — Ай же ты, любезная как дружинушка да хоробрая!

¹ Мечи-тко — бросайте-ка, кидайте.

А видно, Морской-то царь требуе как живой головы
у нас в синё море.

Ай же ты, дружина хоробрая!
А й возьмите-тко уж как делайте
А й да жеребья да себе волжаны¹,
А й как всяк свои имена вы пишите на жеребьи,
А спускайте жеребья на синё морё;
А я сделаю себе-то я жеребей на красное-то на золото.
А й как спустим жеребья топерь мы на синё морё,
А й как чей у нас жеребей топерь да ко дну пойдет,
А тому итти как у нас на синё морё.

А у всёй как у дружины хоробрыи
А й жеребья топерь гоголём плывут,
А й у Садка-купца гостя богатого да ключом на дно.

А й говорил Садке таковы слова:

— А й как эти жеребьи есть неправильни;
А й вы сделайте жеребьи как на красное да золото,
А я сделаю жеребей да дубовыи,
А й как вы пишите всяк свои имена да на жеребьи,
А й спускайте-тко жеребьи на синё морё.
А й как чей у нас жеребей да ко дну пойдет,
А тому как у нас итти да в синё морё.

А й как вся тут дружинушка хоробрая
А й спускали жеребья на синё морё,
А й у всёй как у дружинушки хоробрыи
А й как все жеребья как топерь да гоголём плывут,
А Садков как жеребей да топерь ключом на дно.

А й опять говорил Садке да таковы слова:

— А как эти жеребьи есть неправильни.
Ай же ты, дружина хоробрая!
А й как делайте вы как жеребьи дубовыи,
А как сделаю я жеребей липовой,
А как будем писать мы имена все на жеребьи,
А спускать уж как будем жеребья мы в синё морё,
А топерь как в остатниих²
Как чей топерь жеребий ко дну пойдет,
А й тому как итти да в синё морё.

А й как тут вся дружина хоробрая
А й как делали жеребьи все дубовые,
А он делал уж как жеребей себе липовой.
А й как всяк свои имена да писали на жеребьи,
А й спускали жеребья на синё морё.
А у всей дружинушки ведь хоробрыей

¹ *Жеребья волжаны* — жребии, сделанные из таволги, ивы.

² *В остатниих* — в последний раз.

А й жеребья топерь гоголем плывут да на синём мори,
А й у Садка-купца богатого новгородского ключом на дно.

А как тут говорил Садке таковы слова:

— А й, как видно, Садку да делать топерь нечего,
А й самого Садка требует царь Морской да в синё морё.
А й же ты, дружинишка моя да хоробрая, любезная!
А й возьмите-тко вы несите-тко
А й мою как чернильницу вы вальячную¹,
А й носи-тко как перо лебединоё,
А й несите-тко вы бумаги топерь вы мне гербовыи.

А й как тут дружинишка ведь хоробрая
А несли ему как чернильницу да вальячную,
А й несли как перо лебединоё,
А й несли как лист-бумагу как гербовую.
А й как тут Садке-купец богатый новгородский
А садился ён на ременчат стул²
А к тому он к столику ко дубовому,
А й как начал он именица³ своего да он отписывать:
А как отписывал он имения по Божьим церквам,
А й как много отписывал он имения нищей братии,
А как ино именицо он отписывал да молодой жены,
А й достальнѣё⁴ имение отписывал дружины он хоробрыей.
А й как сам потом заплакал ён,

Говорил ён как дружинишке хоробрыей:

— А й же ты, дружина хоробрая да любезная!
А й полагайте вы доску дубовую на синё морё,
А что мне свалиться, Садку, мне-ка на доску,
А не то как страшно мне принять смерть во синём мори.
А й как тут он еще взимал с собой свои гусёлка яровчаты,
А й заплакал горько, прощался ён с дружинишкой хороброю,
А й прощался ён топеречку со всим да со белым светом,
А й как он топеречку как прощался ведь
А со своим он со Новым со городом;
А потом свалился на доску он на дубовую.
А й понесло как Садка на доски да по синю морю.
А й как тут побежали черны-ты карабли,
А й как будто полетели черны вóроны.
А й как тут остался топерь Садке да на синем мори.
А й как ведь со страху великаго
А заснул Садке на той доске на дубовыи.
А как ведь проснулся Садке-купец богатый новгородский

¹ Вальячная (чернильница) — резная, красиво отделанная.

² Ременчат (стул) — складной, сидение на ремнях.

³ Именице — имущество.

⁴ Достальнѣё — прочее, остальное.

Заставлят как играть мѣня царь Морской.

А ѡй говорил опять старичок namесто таковы слова:

— А ѡй как ты, Садке купец богатый новгородский,

А ѡй как ты струночки повырви-ко,

Как шпинѣчики¹ повыломай,

А ѡй как ты скажи топерь царю Морскому ведь:

«А ѡй у мня струн не случилось,

Шпинѣчиков у мня не пригодилося,

А ѡй как боле играть у мня не во что».

А тебе скаже как царь Морской:

«А ѡй не угодно ли тебе, Садке, женитися в синем мори

А ѡй на душечке как на красной на девушке?»

А ѡй как ты скажи ему топерь да в синем мори,

А ѡй скажи: «Царь Морской, как воля твоя топерь в синем мори,

А ѡй как что ты знашь, то и делай-ко».

А ѡй как он скажет тебе да топеречку:

«А ѡй зѡutra ты приготавлийся-тко,

А ѡй Садке-купец богатый новгородский,

А ѡй выбирай, как скажет, ты девицу себе по уму, по разуму».

Так ты смотри, перво триста девиц ты стадо прѡпусти,

А ты другое триста девиц ты стадо прѡпусти,

А как третье триста девиц, ты стадо прѡпусти,

А в том стади на конци на остатнием

А ѡй идет как девица красавица,

А по фамилии как Чернава-то;

Так ты эту Чернаву-то бери в замужество, —

А ѡй тогда ты Садке да счастлив будешь.

А ѡй как лагешь² спать первой ночи ведь,

А смотри, не твори блудѡ никакого-то

С той девицей со Чернавою.

Как проснешься тут-ты, в синем мори,

Так будешь в Новѡ граде на крутом кряжу³,

А о ту о риченку о Чернаву-ту.

А ежели сотворишь как блуд ты в синем мори,

Так ты останешься навеки да в синем мори.

А когда ты будешь ведь на святой Руси,

Да во своѡм да ты да во городи,

А ѡй тогда построй ты церковь соборную

Да Николы да Можайскому,

А ѡй как есть я Микола Можайский.

А как тут потерялся топерь старичок да седатый.

А ѡй как тут Садке-купец богатый новгородский в синѡм мори

¹ Шпенѣчки — шпень, гвоздик без шляпки.

² Лагѡшь — ляжешь.

³ Крутой кряж — твердь, высокое место.

А й как струночки он повы́рывал,
Шпинёчки у гусёлышек повыломал,
А не стал ведь он боле играти во гусли во яровчаты.
А й остоялся¹ как царь Морской,
Не стал плясать он топерь в синём мори.
А й как сам говорил уж царь таковы слова:
— А что же не играшь, Садке купец богатый новгородский,
А й во гусли ведь да во яровчаты?

А й говорил Садке таковы слова:
— А й топерь струночки как я повы́рывал,
Шпинёчки я повыломал,
А у меня боле с собой ничего да не случилось.

А й как говорил царь Морской:
— Не угодно ли тебе жениться, Садке, в синём мори,
А й как ведь на душечке на красной да на девушке?
А й как он наместо ведь говорил ему:
— А й топерь как волюшка твоя надо мной в синём мори.
А й как тут говорил уж царь Морской:
— Ай же ты, Садке-купец богатый новгородский!
А й за́утра выбирай себе девицу да красавицу
По уму себе да по разуму!

А й как дошло дело до утра ведь до раннаго,
А й как стал Садке-купец богатый новгородский,
А й как пошел выбирать себе девицы красавицы,
А й как посмотрит, стоит уж как царь Морской.
А й как триста девиц повели мимо их-то ведь,
А он-то перво триста девиц да стадо про́пустил,
А друго он триста девиц да стадо про́пустил,
А й третье он триста девиц да стадо про́пустил.
А посмотрит, позади идет девица красавица,
А й по фамилии что как зовут Чернавою,
А он ту Чернаву любовал, брал за себя во замужество.
А й как тут говорил царь Морской таковы слова:
— А й как ты умел да жениться, Садке, в синём мори!
А топерь как пошло у них столованье да почестен пир
в синём мори,

А й как тут прошло у них столованье да почестен пир.
А как тут ложился спать Садке купец богатый новгородский
А в синём мори он с девицею с красавицей,
А во спальней он да во тёплой;
А й не творил с ней блудá никакова, да заснул в сон во крепкии.
А й как он проснулся Садке-купец богатый новгородский,
Ажно очудился² Садке во своем да во городе,

¹ *Остоялся* — остановился, успокоился.

² *Очудился* — очутился.

О реку о Чернаву¹ на крутомъ кряжу.
А й как тут увидел — бежат по Волхову
А свои да черныи да карабли,
А как ведь дружинушка как хоробрая
А поминают ведь Садка в синём мори,
А й Садка-купца богатаго да жена его
А поминат Садка со всей дружиною хороброю.
А как тут увидела дружинушка,
Что стоит Садке на крутом кряжу да о Волхово,
А й как тут дружинушка вся она росчудоваласе²,
А й как тому чуду ведь сдивоваласе:
— Что оставили мы Садка да на синём мори,
А Садке впереди нас да во своем во городи.
А й как встретил ведь Садке дружинушку хоробрую
Вси черные тут карабли,
А как теперь поздоровкались,
Пошли во полаты Садка-купца богатаго.
А как он топеречку здоровкался со своею с молодой женой.
А й топерь как он после этого
А й повыгрузил он со караблей
А как всё свое да он именицо,
А й повыкатил как ён всю свою да несчётну золоту казну.
А й топерь как на свою он несчётну золоту казну
А й как сделал церковь соборную
Николы да Можайскому,
А й как другую церковь сделал пресвятыи Богородицы.
А й топерь как ведь да после этого
А й как начал Господу Богу он да молитися,
А й о своих грехах да он прощатися.
А как боле не стал выезжать да на синё морё,
А й как стал проживать во своем да он во городи.
А й топерь как ведь да после этого
А й тому да всему да славы поют.

14

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ

Жил Буслав в Новегороде,
Жил Буслав девяносто лет,
С Новым городом не спаривал,
Со Опсковым он не вздоривал,

¹ *О реку о Чернаву* — на реке Чернаве.

² *Росчудоваласе* — удивилась.

А со матушкой Москвой не перечился¹.
Живучись Буславьюшка преставился.
Оставалось у Буславья чадо милое,
Молодой Васильюшка Буслаевич.

Будет Василий семи годов,
Стал он по городу похаживать,
На княженецкий двор он загуливать,
Стал шутить он, пошучивать,
Шутить-то шуточки не добрыя
С боярскими детьмы, с княженецкими:
Которого дернет за руку — рука прочь,
Которого за ногу — нога прочь,
Двух-трех вместе столкнет — без души лежат.

Приходят с жалобой от князей новгородских
К пречестной вдовы Мамелфы Тимофеевны:
— Ай же ты, честна вдова Мамелфа Тимофеевна!
Уйми ты свое детище любимое,
Молода Васильюшка Буславьева:
Ходит он по городу, похаживает,
На княженецкий двор он загуливает,
Шутит он шуточки нехорошие
Со тыма детьмы с боярскими,
Со боярскими детьмы, княженецкими,
Побивает смертию напрасною.

Тут честна вдова Мамелфа Тимофеевна
Не спускает сына гулять во Новгород,
Шутить шуточек недобрых.

Будет Василий семнадцати лет,
Обучился Василий всяких хитростей-мудростей,
Разных наук воинских и рыцарских,
Ощутил в себе силушку великую
И делал себе сбрую ратную,
Палицу воинскую и копьё мурзамецкое,
Тугой лук разрывчатый и саблю вострую.
Заводил Василий у себя почестен пир,
Почестен пир на двенадцать дней.
И на пиру было народа множество великое.
Тут Василий вином напоил допьяна,
Хлебом кормил он досыта,
Выбирал себе дружину хоробрую,
Удалых дородних добрых молодцев,
Избирал тридцать молодцев без единого
И распустил весь почестен пир.

Был Васильюшка Буславьевич
У князей новгородских на честном пиру,

¹ Не перечился — не ссорился.

Напился Василий Буславьевич допьяна,
Напился Василий, порасхвастался
И ударил о велик заклад
Со трема князьямы новгородскима —
Выходить на мостик на Волховский
И биться Василью с Новым городом,
Побить всех мужиков до единого.

Проведала его государыня матушка,
Честная вдова Мамелфа Тимофеевна,
Про своего сына, про Васильюшку,
Что на том пиру ударил о велик заклад,
Выводила своего сына любимого
Со того ли пира княженецкого,
Засадил его во погреба глубокие.

Тогда мужики новгородские
Делали шалыги подорожня,
Поутру выставляли ранешенько,
Выступали на мостик на Волховский.
Васильева дружина хоробрая
Выступают сопротиву их.
Оны билися ровно три часа:
Тыи ль мужики новгородские
Попятели дружину Васильеву.
Была его дружина попячена¹,
Головки шалыгамы прошелканы,
Руки кушакамы перевязаны,
Стоит дружина по колен в крови.

С того ль двора со вдовиного
От честной вдовы Мамелфы Тимофеевны
Выбегает девка дворовая,
Дворовая девка чернявка,
На тую на реку на Волхову
Со своима коромысламы железныма,
И видит девка чернявка
Дружинушку Васильеву попячену,
Головки у них шалыгамы проколочены,
Руки кушакамы перевязаны,
Стоит дружина по колен в крови.
Ихватила коромыселко железное,
Иначала пощелкивать мужиков новгородских:
Убила мужиков пятьсот человек.

И потом девка-чернявка побег чинит²,
Прибежала девка к погребу глубокому,

¹ *Попячена* — потеснена.

² *Побег чинит* — побежала.

Сама говорит таково слово:
— Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
Спишь ты, Василий, не пробудишься,
Над собой невзгодушки не ведаешь:
На том ли на мостике на Волховском
Попячена твоя дружина хоробрая,
Головки шалыгамы прощелканы,
Руки кушаками перевязаны,
Стоит дружина по колен в крови.

Тут-то Васильюшко Буславьевич
Молился¹ ей, девке чернявке:

— Ай же ты, девка чернявка!
Выпусти меня со погреба глубокого,
Дам я тебе золотой казны долюби.

Отпирала она дверь у погреба глубокого
И выпускала Василья на белый свет.

Не попало у Василья сбруи ратняя,
Палицы воинския и копьа мурзамецкаго:

У того у погреба глубокого
Лежала ось тележная железная,
Долиною в две сажени печатных²,

А на вес ось та сорока пуд;
Хватает он тую ось железную
На свое плечо богатырское.

Говорит девке-чернявке не с упадкою³:

— Благодарствуешь, девка чернявка,
Что выпустила со погреба глубокого,
Не погубила моей дружины хоробрыя;
Я с тобой опосля рассчитаюся,
А ноть мне недосуг с тобой проклаждатися.

Приходил он ко мостику ко Волховскому

И видит дружину хоробрую попячену,

Стоит дружина по колен в крови,

Головки шалыгамы прощелканы,

Платкамы руки перевязаны,

И ноги кушакамы переверченны⁴.

Говорит Васильюшка Буславьевич:

— Ай, моя дружина хоробрая!

Вы теперь позавтракали,

Мне-ка-ва дайте пообедати.

Становил дружину на сторону,

¹ *Молился* — здесь: взмолился.

² *Сажень печатная* — казенная, предписанная.

³ *Не с упадкою* — не с отчаянием.

⁴ *Переверченны* — обернуты, обвязаны, замотаны.

А сам начал по мужичкам похаживать
И начал мужичков пощелкивать,
Осью железною помахивать:
Махнет Васильюшка — улица,
Отмахнет назад — промежуточек,
И вперед просунет — переулочек.
Мужиков новгородских мало ставится¹,
Очень редко и мало их.

Видят князя беду неминучую:
Прибьет мужиков Василий Буславьевич,
Не оставит мужиков на семена.
Приходят князя новгородские,
Воевода Николай Зиновьевич,
Старшина Фома Родионович,
Ко его государыне ко матушке,
Ко честной вдовы Мамелфы Тимофеевны,
Сами говорят таковы слова:
— Ай же ты, честна вдова Мамелфа Тимофеевна!
Уговори, уйми свое чадо милое,
Молода Василья Буслаевича;
Укротил бы свое сердце богатырское;
Оставил бы мужиков хоть на семена.

Говорит Мамелфа Тимофеевна:
— Не смею я, князя новгородские,
Унять свое чадо милое,
Укротить его сердце богатырское;
Сделала я вину ему великую —
Засадила его во погреба глубокие.
Есть у моего чада милого
Во том во монастыре во Сергеевом
Крестовый его батюшка Старчище Пилигримище:
Имеет силу нарочитую².

Попросите, князя новгородские,
Не может ли унять мое чадо милое.
И так князя новгородские
Приезжают к монастырю ко Сергееву
И просят Старчище Пилигримище,
Со великим просят с унижением:
— Ай же ты, Старчище Пилигримище!
Послужи ты нам верой-правдою,
Сходи ты на мостик на Волховский
Ко своему ко сыну ко крестовому,
Молодому Васильюшке Буславьеву:

¹ *Ставится* — остается.

² *Нарочитая* (сила) — здесь: о наделенном красноречием.

Уговори его сердце богатырское,
Чтобы он оставил побоище,
Не бил бы мужиков новгородских,
Оставил бы малую часть на семена.

Старчище Пилигримище сокручается,
Сокручается он, снаряжается
Ко своему ко крестнику любимому;
Одевает Старчище кафтан в сорок пуд,
Колпак на голову полагает в двадцать пуд,
Клюку в руки берет в десять пуд, —
И пошел ко мостику ко Волховскому
Со тьма князьмы новгородскими.

Приходит на мостик на Волховский,
Прямо к ему во ясны очи
И говорит ему таковы слова:
— Ай же ты, мое чадо крестное!
Укроти свое сердце богатырское,
Оставь мужичков хоть на семена.

Богатырское сердце разъярилося:
— Ай же ты, мой крестный батюшка!
Не дал я ти¹ яичка о Христовом дни,
Дам тебе яичка о Петровом дни!

Щелкнул как крестного батюшку
Тою осью железною,
Железною осью сорокапудовую:
От единого удара Васильева
Крестовому батюшке славу поют².

Тут-то два князя новгородских,
Воевода Николай Зиновьевич,
Старшина Фома Родионович,
Приходят к его государыне матушке,
Честной вдовы Мамелфы Тимофеевны,
Сами говорят таковы слова:
— Ай же ты, честна вдова Мамелфа Тимофеевна!
Упроси свое чадо любимое,
Укротил бы свое сердце богатырское:
Мужичков в Нове-граде редко ставится,
Убил он крестового батюшку,
Честного Старчища Пилигримища.

Тогда государыня его матушка,
Честная вдова Мамелфа Тимофеевна,
Одевала платьица черныя,
Одевала шубу соболиную,

¹ *Ти* — тебе.

² *Славу поют* — здесь: поминуют в молитве.

Полагала шелом на буйну голову,
И пошла Мамелфа Тимофеевна
Унимать своего чада любимого.
То выгодно собой¹ старушка догадалася —
Не зашла она спереди его,
А зашла она позади его
И пала на плечи на могучие:
— Ай же ты, мое чадо милое,
Молодой Васильюшко Буславьевич!
Укrotи свое сердце богатырское,
Не сердись на государыню на матушку,
Уброси² свое смертное побоище,
Оставь мужичков хоть на семена.

Тут Васильюшко Буславьевич
Опускает свои руки к сырой земле,
Выпадает ось железная из белых рук
На тую на мать сыру землю.
И говорит Василий Буславьевич
Своей государыне матушке:
— Ай ты, свет сударыня матушка,
Тая ты старушка лукавая,
Лукавая старушка, толковая!
Умела унять мою силу великую,
Зайти догадалась позади меня,
А ежели б ты зашла впереди меня,
То не спустил бы тебе, государыне матушке,
Убил бы заместо мужика новгородского.

И тогда Васильюшка Буславьевич
Оставил то смертное побоище,
Оставил мужиков малу часть,
А набил тых мужиков, что пройти нельзя.

Тут приходят князя новгородские,
Воевода Николай Зиновьевич,
Старшина Фома Родионович,
Ко тому Васильюшку Буславьеву,
Пали ко Василью в резвы ноги,
Просят Василья во гостебьице³,
Сами говорят таковы слова:
— Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
Прикажи убрать тела убитые,
Предать их матери сырой земле;

¹ *Выгодно собой догадаться* — сообразила.

² *Уброси* — оставь.

³ *Во гостебьице* — в гости.

Во той ли во реченьке Волхове
На целую на версту на мерную¹
Вода с кровью смешилася:
Без числа пластина² принарублена.
Тут-то Васильюшка Буславьевич
Приказал убрать тела убитые,
Не пошел к им в гостебьнице:
Знал-де за собой замашку³ великую.
А пошел в свои палаты белокаменны
Ко своей государыне ко матушке
Со своею дружиною со хороброю.
И жил Васильюшка в праздности⁴,
Излечил дружинушку хороброю
От тых от ран кровавых
И привел дружину в прежнее здравие.

15

ВАСИЛЕЙ БУСЛАЕВ МОЛИТЬСЯ ЕЗДИЛ

Под славным великим Новым-городом,
По славному озеру по Ильмену
Плавает-поплавает сер селезень,
Как бы ярой⁵ гоголь поныривает,
А плавает-поплавает червлен⁶ карабль,
Как бы молода Василья Буславьевича,
А и молода Василья со ево дружиною хороброю,
Тридцать удалых молодцов:
Костя Никитин корму держит,
Маленький Потаня на носу стоит,
А Василе-ет по караблю похаживает,
Таковы слова поговаривает:
— Свет моя дружина хоробрая,
Тридцать удалых добрых молодцов!
Ставьте карабль поперек Ильменя,
Приставайте молодцы ко Нову-городу!

¹ *Мерная верста* — установленная; казенная верста была равна в 500 сажень, а существовали и в 700 и в 1000.

² *Пластина* — здесь, по-видимому: части всякого дерева, дубин и проч.

³ *Замашка* — привычка, обыкновение впадать в гнев во хмелю.

⁴ *В праздности* — здесь: благополучно.

⁵ *Ярый* — светлый, белый.

⁶ *Червлён, червлёный* — багровый, красный, малиновый.

А и тычками к берегу притыкались¹,
Сходни бросали на крутой бережок.
Походил тут Василий
Ко своему он двору дворянскому,
И за ним идут дружинишка хоробрая,
Только караулы оставили.

Приходит Василий Буслаевич
Ко своему двору дворянскому,
Ко своей сударыне матушке,
Матерой² вдове Амелфе Тимофеевне.
Как вьюн около ее убивается³,
Просит благословение великое:
— А свет ты, моя сударыня матушка,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна!
Дай мне благословение великое —
Идти мне, Василью, в Ерусалим-град
Со своею дружиною хоробраю,
Мне-ка Господу помолитися,
Святой святыни приложитися,
Во Ердане-реке искупатися.

Что взговорит матера Амелфа Тимофеевна:
— Гой еси ты, мое чадо милая,
Молоды Василей Буслаевич!
То коли ты пойдешь на добрыя дела,
Тебе дам благословение великое;
То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дам благословение великова —
А и не носи Василья сыра земля!
Камень от огня разгорается,
А булат от жару растопляется,
Материна сердце распущается,
И дает она много свинцу-пороху,
И дает Василью запасы хлебныя,
И дает оружие долгомерное:
— Побереги ты, Василей, буйну голову свою!
Скоро молодцы собираются
И с матерой вдовой прощаются.
Походили оне на червлен карабль,
Подымали тонки парусы полотняныя,
Побежали по озеру Ильменю.
Бегут оне уж сутки другия,
А бегут уже неделю другую,

¹ Тычками к берегу притыкались — опираясь шестью в дно.

² Матерая (вдова) — пожилая, старая.

³ Убиваться — здесь: увиваться, очень просить.

Встречу им гости-карабельщики:
— Здравствуй, Василей Буслаевич!
Куда, молодец, поизволил погулять?
Отвечает Василей Буслаевич:
— Гой еси вы, гости-карабельщики!
А мое-та ведь гулянье неохотное:
Смолода бита, много граблена,
Под старость надо душа спасти.
А скажите вы, молодцы, мне прямова путя
Ко святому граду Иерусалиму.

Отвечают ему гости-карабельщики:
— А и гой еси, Василей Буслаевич!
Прямым путем в Ерусалим-град
Бежать семь недель,
А окольной дорогой — полтора года:
На славном море Каспицкием,
На том острове на Куминском
Стоит застава крепкая,
Стоят атаманы казачия,
Не много, не мало их — три тысячи;
Грабят бусы-галеры¹,
Разбивают червлены карабли.

Говорит тут Василей Буслаевич:
— А не верую я, Васюнька, ни в сон, ни в чох,
А и верую в свой червеной вяз².

А беги-ка-тя, ребята, вы прямым путем!

И завидел Василей гору высокую,
Приставал скоро ко круту берегу,
Походил-су Василей сын Буслаевич
На ту ли гору Сорочинскую,
А за ним летят дружина хоробрая.
Будет Василей в полугоре³,
Тут лежит пуста голова,
Пуста голова — человечья кость.
Пнул Василей тое голову с дороги прочь,
Провещится⁴ пуста голова человеческая:
— Гой еси ты Василей Буславьевич!
Ты к чему меня, голову, побрасоваешь?
Я, молодец, не хуже тебя был,
Умею я, молодец, волятися
А на той горе Сорочинския,

¹ *Бусы-галеры* — буса: большая лодка, галера: военное гребное судно.

² *Червлёный* (вяз) — красный, породистый.

³ *Полугора* — на середине подъема на гору.

⁴ *Провещиться* — проговорить, заговорить.

Где лежит пуста голова,
Пуста голова молодецкая,
И лежать будет голове Васильевой!

Плюнул Василей, прочь пошел:
— Али голова, в тебе враг¹ говорит,
Или нечистой дух!

Пошел на гору высокую,
На самой сопки² тут камень стоит,
В вышину три сажени печатная,
А и через ево только топор подать,
В далину три аршина с четвертью.
И в том-та подпись подписана:
«А кто-де станет у камня тешиться,
А и тешиться-забавляться,
Вдоль скокать по камению, —
Сломить будет буйну голову».

Василей тому не верует,
Приходил со дружиною хороброю,
Стали молодцы забавляться,
Поперек тово камению поскакивати,
А вдоль-то его не смеют скакать.

Пошли со горы Сорочинския,
Сходят оне на червлен карабль,
Подымали тонки паруса полóтняные,
Побежали ко морю Каспицкому,
На ту на заставу карабельную,
Где-та стоят казаки-разбойники
А стары атаманы казачия.
На пристани их стоят сто человек.
А и молоды Василей на пристань стань,
Сходни бросали на крут бережок,
И скочил-та Буслай на крут бережок,
Червлым вязом попирается.

Тут караульщики, удалы добры молодцы,
Все на карауле испужалися,
Много ево не дожидаются,
Побежали с пристани карабельныя
К тем атаманам казачиям.
Атаманы сидят не дивуются,
Сами говорят таково слово:
— Стоим мы на острову тридцать лет,
Не видали страху великова;
Это-де идет Василей Буславьевич —

¹ *Враг* — чорт.

² *Сопка* — здесь: крутой холм, гора.

И обедню с панафидою¹ служил
По родимом своем батюшке
И по всему роду своему.

На другой день служил обедни с молебнами
Про удалых добрых молодцов,
Что смолоду бито, много граблено.
И ко святой святыне приложился он,
И в Ердане-реке искупался.
И расплатился Василей с попами и с дьяконами,
И которая старцы при церкви живут, —
Дает золотой казны не считаючи.

И походит Василей ко дружине из Ерусалима
На свой червлен карабль.
Втапоры ево дружина хоробрая
Купались во Ердане-реке;
Приходила к ним баба залесная²,
Говорила таково слово:
— Почто вы купаетесь во Ердане-реке?
А некому купатися, опричь³ Василья Буславьевича,
Во Ердане-реке крестился
Сам Господь Иисус Христос;
Потерять ево вам будет,
Большова атамана Василья Буславьевича.

И оне говорят тому не верует,
— Наш Василей тому не верует,
Ни в сон, ни в чох.

И мало время поизойдучи,
Пришел Василей ко дружине своей,
Приказал выводить карабль из устья Ердань-реки.
Подняли тонки парусы полотняны,
Побежали по морю Каспицкому,
Приставали у острова Куминскова,
Приходили тут атаманы казачия,
И стоят все на пристани карабельныхя.
А и выскочил Василей Буслаевич
Из своего червленого карабля.
Поклонились ему атаманы казачия:
— Здравствуй, Василей Буслаевич!
Здорово ли съездил в Ерусалим-град?
Много Василей не баит⁴ с ними,
Подад письмо в руку им,

¹ Панафида — панихида.

² Залесная (баба) — живущая за лесом.

³ Опричь — кроме.

⁴ Не баит — не говорит.

Что много трудов за их положил:
Служил обедни с молебнами за их, молодцов.
Втапоры атаманы казачия звали Василья обедати,
И он не пошел к ним,
Прощался со всеми теми атаманы казачими,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали по морю Каспицкому к Нову-городу.

А и едут неделю спóряду,
А и едут уже другую,
И завидел Василей гору высокую Сорочинскую,
Захотелось Василью на горе побывать.
Приставали к той Сорочинской горе,
Сходни бросали на ту гору,
Пошел Василей со дружиною,
И будет он в полгоры,
И на пути лежит пуста голова, человекья кость,
Пнул Василей тое голову с дороги прочь,
Провещится пуста голова:
— Гой еси ты, Василей Буслаевич!
К чему меня, голову, попиноваешь
И к чему побрасоваешь?
Я, молодец, не хуже тебя был,
Да умею валятися на той горе Сорочинские.
Где лежит пуста голова,
Лежать будет и Васильевой голове!

Плюнул Василей, прочь пошел.
Взашел на гору высокую,
На ту гору Сорочинскую,
Где стоит высокой камень,
В вышину три сажени печатная,
А через ево только топором подать,
В далину — три аршина с четвертью.
И в том-та подпись подписана:
«А кто-де у камня станет тешиться,
А и тешиться-забавлятися,
Вдоль скакать по камению, —
Сломить будет буйну голову».

Василей тому не верует,
Стал со дружиною тешиться и забавлятися,
Поперек камению поскаковати.
Захотелось Василью вдоль скакать,
Разбежался, скочил вдоль по камению —
И не доскочил только четверти
И тут убился под камением.
Где лежит пуста голова,
Там Василья схоронили.

Побежали дружина с той Сорочинской горы

На свой червлен карабль.
Подымали тонки парусы полотняныя,
Побежали ко Нову-городу.
И будут у Нова-города,
Бросали с носу якорь и с кормы — другой,
Чтобы крепко стоял и не шатался он.
Пошли к матерой вдове, к Амелфе Тимофеевне,
Пришли и поклонилися все,
Письмо в руки подали.
Прочитала письмо матера вдова, сама заплакала,
Говорила таковы слова:
— Гой, вы еси, удалы добры молодцы!
У меня ныне вам делать нечево.
Подите в подвалы глубокия,
Берите золотой казны не считаючи.
Повела их девушка-чернавушка
К тем подвалам глубокиям,
Брали они казны по малу числу,
Пришли оне к матерой вдове,
Возговорили таковы слова:
— Спасибо, матушка Амелфа Тимофеевна,
Что поила-кормила,
Обувала и одевала добрых молодцов!
Втапоры матера вдова Амелфа Тимофеевна
Приказала наливать по чаре зелена вина,
Подносит девушка-чернавушка
Тем удалым добрым молодцам,
А и выпили оне, сами поклонилися,
И пошли добры молодцы, кому куды захотелось.

16

ВОЛЬГА И МИКУЛА

Жил Святослав девяносто лет,
Жил Святослав да переставился¹.
Оставалось от него чадо милое,
Молодой Вольга Святославович.
Стал Вольга ростеть-матереть,
Похотелось² Вольги да много мудростей:
Щукой-рыбою ходить Вольги во синих морях,
Птицей-соколом летать Вольги под оболоки,
Волком и рыскать во чистых полях.

¹ *Переставился* — преставился, скончался.

² *Похотелось* — захотел.

Уходили-то все рыбушки во глубокі моря,
Улетали все птички за оболокі,
Убегали все звери за темны леса.
Стал Вольга он ростеть-матереть
И сберал соби дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцев без единого,
Сам еще Вольга во тридцатых.
Был у него родной дядюшка,
Славный князь Владимир стольнѣ-киевской.
Жаловал его трима городама все крестьянамы:
Первым городом Гурчовцом,
Другим городом Ореховцем,
Третьим городом Крестьяновцем.

Молодой Вольга Святославгович
Он поехал к городам и за получкою.
Со своей дружинушкой хоробрую.
Выехал Вольга во чисто поле,
Ен услышал во чистом поли ратоя¹.
А орет² в поли ратой, понукивает,
А у ратоя-то сошка поскрипывает,
Да по камешкам омешики³ прочиркивают.

Ехал Вольга он до ратоя,
День с утра ехал до вечера,
Да не мог ратоя в поле наехати.
А орет-то в поли ратой, понукивает,
А у ратоя сошка поскрипывает,
Да по камешкам омешики прочиркивают.

Ехал Вольга еще другой день,
Другой день с утра до пабедья⁴,
Со своей со дружинушкой хоробрую.
Ей наехал в чистом поли ратоя,
А орет в поле ратой, понукивает,
С края в край бороздки пометывает,
В край он уедет — другого не видать.
То кореня камѣня вывертывает,
Да великия он камѣня все в борозду валит.
У ратоя кобылка солóвенька⁵,
Да у ратоя сошка кленовая,
Гужики⁶ у ратоя шелковые.

¹ Ратой — пахарь.

² Орать — пахать.

³ Омешик — лемех, сошник, ральник, лезвие у сохи.

⁴ До пабедья — до полдника.

⁵ Солóвенька — соловая, масть, желтоватая.

⁶ Гужики — гужи, петля, привязь в хомутных клещей, поверх оглобли.

Говорил Вольга таковы слова:

— Бог тебе помочь, оратаюшко,
А орать, да пахать, да крестьяноватй,
С края в край бороздки пометыватй!

Говорил оратай таковы слова:

— Да поди-ко ты, Вольга Святославгович!
Мни-ка надобно Божья помочь¹ крестьяновать,
С края в край бороздки помётывать².
А й далече ль, Вольга, едешь, куда путь держишь
Со своею со дружинишкой хороброю?

Говорил Вольга таковы слова:

— А еду к городам я за получкою³,
К первому ко городу ко Гурьёвцу,
К другому-то городу к Ореховцу,
К третьему городу к Крестьяновцу.

Говорил оратай таковы слова:

— Ай же, Вольга Святославгович!
Да недавно был я в городи, третьяго дни⁴,
На своей кобылке соловою,
А привез оттуль соли я два меха⁵,
Два меха-то соли привез по сороку пуд,
А живут мужики там разбойники,
Ёны просят грошён подорожных⁶,
А я был с шалыгой подорожною,
А платил им гроши я подорожныи:
А кой стоя стоит, тот и сидя сидит,
А кой сидя сидит, тот и лёжа лежит.

Говорил Вольга таковы слова:

— Ай же оратай-оратаюшко!
Да поедем-ко со мною во товарищах,
Да ко тем к городам за получкою.

Этот оратай-оратаюшко

Гужики с сошки он повиыстегнул
Да кобылу из сошки повиывернул,
А со тою он сошки со кленовенькой,
А й оставил он тут сошку кленовую,
Он садился на кобылку солоненьку;
Они сели на добрых коней, поехали

¹ *Помочь* — помощь.

² *Помётывать* — здесь: проводить борозду, переворачивать землю.

³ *Получка* — здесь, дань, налог, оброк.

⁴ *Третьяго дни* — три дня назад.

⁵ *Мех* — мешок.

⁶ *Гроши подорожные* — здесь: плата за проезд.

По славному раздолыцу чисту́ полю.

Говорил оратай таковы слова:

— Ай же, Вольга́ Святославгович!

А оставил я сошку в бороздочки,
Да не для ради прохожаго-проезжего,
Ради мужика деревенщины:

Они сошку с земельки повыдернут,
Из омешиков земельку повытряхнут,
Из сошки омешики повыколнут,
Мне нечем будет мо́лодцу крестьяновати.
А пошли ты дружинушку хороброю,
Чтобы сошку с земельки повыдернули,
Из омешиков земельку повы́тряхну́и,
Бросили бы сошку за ракивов куст.

Молодой Вольга́ Святославгович
Посылает тут два да три¹ добрых мо́лодца
Со своей с дружинушки с хороброюй
Да ко этой ко сошке кленовенькой,
Чтобы сошку с земельки повыдерну́и,
Из омешиков земельку повы́тряхну́и,
Бросили бы сошку за ракивов куст.

Едут туды два да три добрых мо́лодца
Ко этóй ко сошки кленовоей;
Они сошку за обжи² кругом вертят,
А им сошки от зéмли поднять нельзя,
Да не могут они сошку с земельки повыдерну́и,
Из омешиков земельки повы́тряхну́ть,
Бросити сошки за ракивов куст.

Молодой Вольга́ Святославгович
Посылает он целым десяточком
Он своей дружинушки хороброюй
А ко этой ко сошке кленовоей.
Приехали оны целым десяточком
Ко этой славной ко сошке кленовенькой;
Оны сошку за обжи кругом вертят,
Сошки от земли поднять нельзя,
Не могут они сошки с земельки повы́дерну́и,
Из омешиков земельки повы́тряхну́и,
Бросить сошки за ракивов куст.

Молодой Вольга́ Святославгович
Посылает всю дружинушку хороброю,
То он тридцать мо́лодцов без единаго,
Этая дружинушка хоробрая,

¹ *Два да три* — пятерых.

² *Обжи* — оглобли у сохи.

Тридцать молодцов да без единого.
А подъехали ко сошке кленовенькой,
Брали сошку за обжи, кружком вертят,
Сошки от земельки поднять нельзя,
Не могут они сошки с земельки повыдернути,
Из омешиков земельки повытряхнути,
Бросити сошки за ракивов куст.

Говорит оратай таковы слова:

— Ай же, Вольга Святославгович!
То не мудрая¹ дружинушка хоробрая твоя,
А не могут оны сошки с земельки повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросити сошки за ракивов куст.
Не дружинушка тут есте хоробрая,
Столько одна есте хлебоаясть².

Этот оратай-оратаюшкó

Он подъехал на кобылке соловенькой
А ко этоей ко сошке кленовенькой,
Брал эту сошку одной ручкой,
Сошку с земельки повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракивов куст.

Оны сели на добрых коней, поехали
Да по славному раздолью чисту полю.
А у ратоя кобылка она рысью идёт,
А Вольгин-тот конь да поскáкивает;
А у ратоя кобылка грудью³ пошла,
Так Вольгйн-тот конь оставаается.
Стал Вольга покрыватí,
Стал колпаком Вольга помахиватí,
Говорил Вольга таковы слова:

— Стой-ко, постой, да оратаюшкó!

Говорил Вольга таковы слова:

— Ай же, оратай-оратаюшкó,
Эта кобылка конём бы была,
За эту кобылку пятьсот бы далй.

Говорит оратай таковы слова:

— Взял я кобылку жеребчиком,
Жеребчиком взял ю с-под матушки,
Заплатил я за кобылку пятьсот рублей:
Этая кобылка конём бы была,

¹ *Не мудрая* — не умелая, не ведающая как приступить к делу.

² *Одна есте хлебоаясть* — одно дармоедство.

³ *Грудью* — грунюю, тихой рысью.

Этой бы кобылки и сметы¹ нет.

Говорил Вольга таковы слова:

— Ай же ты, оратай оратаюшко!

Как-то тебя да именем зовут,

Как звеличают по отчеству?

Говорил оратай таковы слова:

— Ай же, Вольга ты Святославгович!

Ржи напашу, в скірды складу,

В скирды складу да домой вьволочу²,

Домой выволочу, дома вымолочу.

Драни надеру³ да то я пива наварю,

Пива наварю, мужичков напою,

Станут мужички меня покликиваті:

«Ай ты, мóлодой Микулушка Селянинович!»

17

ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ И БАТЫГА

Как из дáлеча было из чиста поля,

Из-под белые березки кудреватый,

Из-под того ли с под кустичка ракитова.

А й выходила-то турица златорогая,

И выходила-то турица со турятами,

А й расходилиси туры да во чистом поли.

Во чистом поли туры да со турицю.

А й лучилосе⁴ турам да мимо Киев град итти,

А й видли⁵ над Киевым чудным чудно,

Видли над Киевым дивным дивно.

По той по стены по городовыи

Ходит девица душа красная,

А на руках носит книгу Леванидову,

А не только читает, да вдвой плачет.

А тому чуду туры удивилиси,

В чистое поле возвратилиси,

Сошлиси, со турицей поздорóвкалиси:

— А ты здравствуешь, турица, наша матушка!

— Ай здравствуйте, туры, да малы детушки!

А где вы, туры, были, что вы видели?

¹ И цены не было бы.

² *Вьволочь* — волоком оттащить, свезти волокушей.

³ *Дрань* — мука крупного размола.

⁴ *Лучилосе* — случилось.

⁵ *Видли* — видели.

— Ай же ты, турица, наша матушка!
А й были мы, туры, да во чистом поли.
А лучилосе нам, турам, да мимо Киев град итти.
А й видели над Киевом чудным чудно,
А й видели над Киевом дивным дивно:
А по той стены по городовы
Ходит-то девица душа красная,
А на руках носит книгу Леванидову,
А не стольки читает, да вдвой плаче.

Говорит-то ведь турица, родна матушка:

— Ай же вы, туры, да малы детушки!
А й не девица плачет, да стенá плаче,
А й стена-то плаче городовая.
А она ведает незгодушку над Киевом,
А й она ведает невзгодушку великую.

А из-под той ли страны да спод восточныя
А наезжал ли Батыга сын Сергеевич,
А он с сыном со Батыгой со Батыговичем,
А он с зятем Тараканчиқом Корабликовым,
А он со черным дьячком¹ да со выдумщиком.
А й у Батыги-то силы сорок тысячей,
А у сына у Батыгина силы сорок тысячей,
А у зятя Тараканова силы сорок тысячей,
А у черного дьячка, дьячка выдумщика,
А той ли той да силы счёту нет,
А той ли той да силы да ведь смету нет:
Соколу будет лететь да на меженный² долгий день,
А малою-то птички не облететь.

Становилась тая сила во чистом поли.

А по греху-ли-то тогда да учинилосе,
А й богатырей во Киеви не лучилосе³:
Святополк богатырь на Святыих на горах,
А й молодой Добрыня во чистом поли,
А Алешка Попович в богомольной стороны,
А Самсон да Илья у синя моря.
А лучилосе во Киеви голь кабацкая,
А по имени Василей сын Игнатъевич.
А двенадцать годов по кабакам он гулял,
Пропил-промотал все житьё бытьё своё,
А й пропил Василей коня добраго,
А с той ли-то уздицей тесмяноу,

¹ Черный дьячок — здесь, писарь, *черный* — из простого люда.

² Меженный (день) — летний, долгий.

³ Не случилось.

С тем седлом да со черкальским,
А триста он стрелочек в залог отдал.
А со похмелья у Василья голóвка болит,
С перепоею у Василья ретиво сердце шемит,
И нечим у Василья опохмелиться.

А й берет-то Василей да свой тугой лук,
Этот тугой лук Васильюшко розрывчатой,
Налагает ведь он стрелочку каленую.
А й выходит-то Василей вон из Киёва,
А стрелил-то Василей да по тем шатрам,
А й по тем шатрам Василей по полотняным,
А й убил-то Василей три головушки,
Три головушки Василей три хорошеньких:
А убил сына Батыгу Батыговича,
А убил зятя Тараканчика Корабликова,
А убил черного дьячка, дьячка выдумщикка.
И это скоро-то Василей поворот держал
А й во стольнёй во славной во Киев град.

А этот тут Батыга сын Сергийевич
А посылает-то Батыга да скорых послов,
Скорых послов Батыга виноватого искать.
А й приходили-то солдаты каравульнии,
Находили-то Василья в кабаки на печи,
Приводили-то Василья ко Батыги на лицо.
А й Василей от Батыги извиняется,
Низко Василей поклоняется:

— Ай прости меня, Батыга, во такой большой вины!
А убил я три головки хорошеньких,
Хорошеньких головки что ни лучшеньких:
Убил сына Батыгу Батыговича,
Убил зятя Тараканчика Корабликова,
Убил черного дьячка, дьячка выдумщикка.
А со похмелью у меня теперь голóвка болит,
А со перепоею у меня да ретиво сердце шемит.
А опохмель-ко меня да чарой винною,
А выкупи-ко мне да коня добраго,
С той ли-то уздицей тесмянною,
А с тем седлом да со черкальским,
А триста еще стрелочек каленых.
Еще дай-ко мне-ка силы сорок тысячей,
Пособлю взять-пленить да теперь Киев град.
А знаю я воротца не заперты,
А незаперты воротца, незаложены,
А во славный во стольнёй во Киев град.

А на ты лясы́ Батыга приукинулся,
А выкупил ему да коня добра́го,
А с той ли-то уздицей тесмяною,
А с тем седлом да со черкальским.
А триста-то стрелочек каленых.
А наливает ему чару зелена вина,
А наливает-то другую пива пьянаго,
А наливает-то он третью мѣду сладкаго,
А слил-то эти чары в еди́но место.
Стала мерой эта чара полтора ведра,
Стала весом эта чара полтора пуда.
А принимал Василей еди́ною рукой,
Выпивает-то Василей на еди́ный дух.
А крутешенько Василей пово́рачивалсе,
Веселешенько Василей поговáривае:
— Я могу теперь, Батыга, да добрым конѣм владать,
Я могу теперь, Батыга, во чистом полѣ гулять,
Я могу теперь, Батыга, вострой са́белкой махать.
И дал ему силы сорок тысящей.
А выезжал Василей во чисто полѣ
А за ты эти за лесушки за тѣмные,
А за ты эти за горы за высокие,
И это начал он по силушке по́езживатй,
И это начал ведь он силушки пору́бливатй,
И он прибил-прирубил до еди́ной головы.
Скоро тут Василей поворот держал.
А приезжает тут Василей ко Баты́ги на лицó,
А й с добра коня Васильюшка спускается,
А низко Василей поклоняется,
Сам же он Батыге извиняется:
— Ай прости-же ты, Батыга, во такой большой вины!
Потерял ведь я силы сорок тысящей.
А со похмелья у меня теперь голóвка болит,
С перепою у меня да ретиво сердце щемит,
Помутились у меня да очи ясныя,
А подрожало у меня да ретиво сердце.
А опохмель-ко ты меня да чарой винною.
А дай-ко ты силы сорок тысящей,
Пособлю взять-плени́ть да я Киев град.
А на ты лясы Батыга приукинулся,
Наливает ведь он чару зелена вина,
Наливает он другую пива пьянаго,
Наливает ведь он третью мѣду сладкаго,
Слил эти чары в еди́но место, —
Стала мерой эта чара полтора ведра,

Стала весом эта чара полтора пуда.
А принимал Василей единою рукой,
А выпивал Василей на единый дух,
А й крутешенько Василей поворачивалсе,
Веселешенько Василей поговаривае:

— Ай же ты, Батыга сын Сергиевич!

Я могу теперь, Батыга, да добрым конем владать,
Я могу теперь, Батыга, во чистом поле гулять,
Я могу теперь, Батыга, вострой сабелкой махать.

А дал ему силы сорок тысящей,
А садился Василей на добра коня,
А выезжал Василей во чисто полё
А за ты эты за лесушки за темные,
А за ты эты за горы за высокие,
И это начал он по силушке поезживати,
И это начал ведь он силушки порубливати,
И он прибил, прирубил до единой головы.
А розгорелось у Василья ретиво сердце,
А й размахалась у Василья ручка правая.

А й приезжает-то Василей ко Батыги на лицо,
И это начал он по силушке поёзживати,
И это начал ведь он силушки порубливати,
А он прибил, прирубил до единой головы.

А й тот ли Батыга на уход пошол,
А й бежит-то Батыга, запинается,
Запинается Батыга, заклинается:

— Не дай Боже, не дай Бог да не дай дитям моим,
Не дай дитям моим да моим внучатам
А во Киеви бывать да ведь Киева видать!

Ай чистыи поля были ко Опскову,
А широки роздольица ко Киеву,
А высокия-то горы Сорочинскии,
А церковно-то строенье в каменной Москвы,
Колокольнёй-от звон да в Нове-гóроде,
А й тёртые колачики Валдайския,
А й щапливы¹ шеголиви в Ярослави городи,
А дешёвы поцелуи в Белозерской стороне,
А сладки напитки во Питери,
А мхи-ты болота ко синюю морю,
А щельё² каменьё ко сиверикю,
А широки подолы пудожаночки,
А й дублёны сарафаны по Онеги по реки,

¹ Щапливы — франтики (от щап — шеголь).

² Щельё — ущелье, тесный проход между горами, холмами и проч.

Толстобрюхие бабенки лёшмозёрочки,
А й пучеглазые бабенки пошозёрочки,
А Дунай, Дунай, Дунай,
Да боле петь вперед не знай.

Исторические песни

Исторические песни возникали в ходе или по следам событий. Творцы несли слушателям оценку происходящего. Такие произведения — песенная публицистика. В отличие от былин исторические песни не обладают ровностью: рассказ отмечен растяжением и сжатием, сокращением, допускаются пропуски — композиция отвечает публицистическому замыслу.

Из ранних образцов жанра в фольклоре сохранилась песня о Щелкане (о расправе горожан Твери в 1327 г. с татарским баскаком-наместником). В условиях монголо-ордынского ига не все песни сохранились, хотя след недошедших до нас заметен в некоторых местных летописях.

В XVI в. исторические песни соединялись в тематические циклы, что стало возможным при широком бытовании жанра. К циклу песен об Иване Грозном относятся представленные в подборке: «Взятие Казани», «Темрюк-Мастрюк», «Гнев Ивана Грозного на сына». Уникальна запись «Набег Крымского хана», сделанная для англичанина Ричарда Джемса (1619—1620 гг.): она указывает на первоначальный тип исторических песен, с течением времени подвергшийся изменениям. Из песен о Ермаке взята лишь одна: она в достаточной полноте представляет традиции казачьего фольклора.

Песни: «Гришка Отрепьев», «Плач Ксении Годуновой», «Скопин-Шуйский», «Минин и Пожарский» — характеризуют песенную публицистику Смутного времени. Песни («Убийство Карамышева», «Разин и казачий круг», «Поход Разина на Яик» и остальные из этого цикла) демонстрируют новизну творчества в XVII в. — сближение с фольклорной лирикой.

Тексты публикуются в редакции «сводного» переиздания: Исторические песни XIII—XVI веков. Издание подгот. Б.Н. Путилов, Б.М. Добровольский. М.; Л. 1960. (Памятники русского фольклора); Исторические песни XVII века. Издание подгот. О.Б. Алексеева, Б.М. Добровольский, Л.И. Емельянов, В.В. Коргузалов, А.Н. Лозанова, Б.Н. Путилов, Л.С. Шептаев. М.; Л., 1966 (Памятники русского фольклора).

ЩЕЛКАН

А и деялося в Орде,
 Передеялось в большой.
 На стуле¹ золоте,
 На рытом² бархате,
 На чер[в]чатой камке³
 Сидит тут царь Азвяк⁴,
 Азвяк Таврулович;
 Суды⁵ рассуживает
 И ряды⁶ разряживает,
 Костылем⁷ размахивает
 По бритым тем усам,
 По тотарским тем головам,
 По синим плешам.

Шурьев царь дарил
 Азвяк Таврулович
 Городами стольными:
 Василья на Плесу,
 Гордея к Вологде,
 Ахрамея к Костроме⁸.
 Одного не пожаловал —
 Любимого шурина
 Щелкана Дюдентевича⁹.
 За что не пожаловал?
 И за то он не пожаловал, —
 Его дома не случилось.
 Уезжал-то млад Щелкан

¹ *Стул* — сидение, престол.

² *Рытый* (бархат) — с ворсом.

³ *Червчатая камка* — багряный, красный шелк.

⁴ Царь Азвяк Таврулович — именуется еще Возвягом, Везвяком, Возвяком и подобно. Историки считают, что это хан Узбек, правитель Орды (с 1313 по 1342 г.).

⁵ *Суды* — распоряжения, указы, решение, разбирательство дел.

⁶ *Ряды* — сделки, соглашения.

⁷ *Костыль* — по смыслу, должно быть знаком власти, а тут — дубина, посох.

⁸ Перечислены северные русские города. Самая песня записана от уральского (сибирского) сказителя и отразила его осведомленность.

⁹ Щелкан Дудентьевич — Шевкал, сын Дюдения, татарский сборщик дани и наместник, убитый жителями в Твери в 1327 г., о чем и идет речь в песне.

В дальнюю землю Литовскую¹,
За моря синяя;
Брал он, млад Щелкан,
Дани-невыходы,
Царски невыплаты²:
С князей брал по сту рублей,
С бояр по пятидесять,
С крестьян по пяти рублей.
У которого денег нет,
У того дитя возьмет;
У которого дитя нет,
У того жену возьмет;
У которого жены-то нет,
Того самого головой возьмет.

Вывез млад Щелкан
Дани-выходы,
Царские невыплаты:
Вывел млад Щелкан
Коня во сто рублей,
Седло во тысячу,
Узде цены ей нет:
Не тем узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тем, узда, дорога, —
Царская жалованье,
Государево величество³;
А нельзя, дескать, тое узды
Ни продать, ни променять,
И друга⁴ дарить
Щелкана Дюдентевича.

Проговорит млад Щелкан,
Млад Дюдентевич:
— Гой еси, царь Азвяк,
Азвяк Таврулович!
Пожаловал ты молодцов,
Любимых шуринов,
Двух удалых Борисовичев:
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,

¹ Литовская земля — русские земли, попавшие под власть западных соседей в эпоху разорения Руси.

² Прежние долги.

³ Речь идет о ханском подарке какому-то подвластному Азвяку князе. Корыстный Щелкан не посчитался с волей самого хана.

⁴ Друга — дарага, дорага, дорога, сборщик дани.

Ахрамея к Костроме;
Пожалуй ты, царь Азвяк,
Пожалуй ты меня
Тверью старую,
Тверью богатою,
Двомя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи¹.

Проговорит царь Азвяк,
Азвяк Таврулович:
— Гой еси, шурин мой
Щелкан Дюдентевич!
Заколи-тко ты сына своего,
Сына любимого,
Крови ты чашу нацади²;
Выпей ты крови тоя,
Крови горячия,
И тогда я тебя пожалую
Тверью старую,
Тверью богатою,
Двомя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи.

Втапоры млад Щелкан
Сына своего заколол,
Чашу крови нацедил,
Крови горячия,
Выпил чашу тоя крови горячия.
А втапоры царь Азвяк
За то его пожаловал
Тверью старую,
Тверью богатою,
Двомя братцы родимыми,
Дву удалыми Борисовичи.

И втепоры млад Щелкан
Он судью³ насел
В Тверь ту старую,
В Тверь ту богатую.
А немного он судью сидел:
И вдовы-то бесчестити,
Красны девицы позорити,
Надо всеми наругатися,
Над домами насмехатися.
Мужики-то старья,

¹ *Два удалых Борисовича* — тверские князья.

² *Нацади* — нацеди. Азвяк проверяет Щелкана на верность себе. Для творцов песни Щелкан — буквально «кровопивец».

³ *Судья* — наместник хана, распорядитель в покоренном городе.

Мужики-то богатая,
Мужики посадския,
Они жалобу приносили
Двум братьям родимьем,
Двум удалым Борисовичам.
От народа они с поклоном пошли,
С честными подарками¹;
И понесли они честныя подарки —
Злата-серебра и скатного земчуга.
Изошли² его в доме у себя,
Щелкана Дюдентевича.
Подарки принял от них,
Чести не воздал им:
Втапоры млад Щелкан
Зачванелся он, загорденелся.
И они с ним раздорили:
Один ухватил за волосы,
А другой за ноги,
И тут его разорвали.
Тут смерть ему случилася,
Ни на ком не сыскалося³.

2

ВЗЯТИЕ КАЗАНИ

Кто бы нам сказал про царев поход⁴,
Про Грозного царя Ивана Васильевича?
Как он, Грозен царь Иван Васильевич,
Скоплял силушку ровно тридцать лет,
Ровно тридцать лет, еще три года;
Сокоплёмши⁵ свою силушку, воевать пошел
Он под славное царство Казанское;

¹ *Честны́е подарки* — почетные.

² *Изошли́* — нашли, застали.

³ *Не сыска́лося* — от *сыск* (разбирательство вины); *не сыскалося* — не обвинили убивших Щелкана. В действительности хан жестоко покарал Тверь, но певцы говорят только о том, что сам баскак-наместник виноват в своей гибели: в песне дана характеристика его кровавых и нечестивых дел.

⁴ Основу песни составляют события 1545—1552 годов, но не сами по себе. Среди разных подробностей покорения Казанского ханства на первый план вынесено столкновение Ивана Грозного со своими пушкарями.

⁵ Скопивши, скопив. Еще дед царя Иван III ходил походом против воинственных соседей, а отец Василий с трудом отбивался от их набегов. Длительность борьбы отложилась в формулу накопления сил («Ровно тридцать лет, еще три года»). Формула касалась и длительности осады города.

Не дошедши до Казани, становился,
Становился наш батюшка в зеленых лугах
В зеленых лугах, заповедных¹.
Как он, Грозен царь, под Казань подступил,
Под речку под Казаночку подкоп подводил,
Под другую сторону — под Булат под реку².
Мы с порохом боченки закатывали,
Сорок бочек закатили с лютым зельем, с порохом,
Зажигали на бочках воску ярого свечи,
Зажжёмши свечи, сами вон пошли,
Сами вон пошли, сами прочь отошли.
А злые татаришки по стеночке похаживают,
Нашего царя белого Ивана Васильевича подражывают.
На то Грозный царь осердился:
— Подавай мне пушкарёв казнить-вешать!
Вот и выбрался из них молоденький пушкарь:
— Не изволь, государь, нас вешать и казнить,
Дай ты нам речи сговорить.
Наружи-то свечи оне скоро горят,
В подземельи-то свечи нескоро теплются³.
Не успел слово сказать, стало бочки рвать,
Стало бочки рвать, землю на́розно⁴ метать,
И побило всех татар каменничком.

3

[ТЕМРЮК-МАСТРЮК]

Царь Иван сударь⁵ Васильевич,
Содержатель⁶ он всей Руси,
Сберегатель каменной Москвы.
При блаженной его памяти⁷,

¹ Недалеко от Казани была построена крепость Свяжск как опорный пункт осады.

² *Река Казанка, Булат-река* — обозначение реальных рек: проток Булак соединяет озера Верхний и Нижний Кабан с речкой Казанкой, впадающей в Волгу. *Подкоп* — реальная подробность осады.

³ Пушкарь объясняет царю, что в подкопе свечи, от которых должны взорваться бочки с порохом, горят медленно, не так, как свечи «наружи» (контрольные).

⁴ *Нáрозно* — по отдельности, порознь.

⁵ *Сударь или сұдарь* — государь.

⁶ *Содержатель, сберегáтель* — сберегающий, сохраняющий.

⁷ *При блаженной его памяти* — преблаженной, приблагой, блаженной памяти, незабвенной.

Поизволил царь жениться¹.
Он берет не у нас в Москве,
Он берет во иной земле,
У того ли Темрюка-Мастрюка²,
Молодого черкешенина³,
Тоё⁴ малую сестру⁵,
Да свет Марью Темрюковну.
Он и много приданого берет —
Двести татаринов,
Полтараста бояринов
И семьсот донских казаков.
Что ни лучших добрых молодцев.

Еще все гости съехались,
Все любимы солетелися,
Одного гостя нет как нет,
Нет гостя милого,
Того шурина родимого⁶,
Его ли Темрюка-Мастрюка,
Молодого черкешенина.

Еще вон едет милой гость;
Сажает его выше всех.
Пошел пир навеселе⁷,
А смиренные на радостях⁸.
Пили-ели, проклажались⁹,
Между собой похвалялися,
Сильной — своею силою,
А богатый — богатством своим,
Убогой — Божьей милостию:

¹ *Поизволил* — соблаговолил, пожелал. В 1561 г. царь Иван Грозный женился на дочери кабардинского (черкесского) князя Темрюка Марии. Царь взял жену не из русского рода, так как не желал дать власть ни одному из знатных русских родов. Женитьба делала Темрюка союзником в борьбе с Крымом и Малой ногайской ордой. В женитьбе царя простой люд увидел опасность — как бы новые родственники не получили власти в Москве. Песня отводит это подозрение.

² *Темрюк-Мастрюк* — имя неустойчиво: часто назван по отцу Темрюком.

³ *Черкешенин* — черкес.

⁴ *Тоё* — ту.

⁵ *Малую сестру* — молодую, может быть, младшую.

⁶ *Того шурина родимого* — брата царицы, ставшего царю родственником («родимым»).

⁷ *Пошел пир навеселе* — все подпили, стали во хмелю.

⁸ *А смиренные на радостях* — мало пьющие оживлены, веселы.

⁹ *Проклажались* — наслаждались угощением, от *проклажать* — потчевать, доставлять удовольствие.

— Как Бог-ат нас милует,
Государь-царь пожалует,
И будем мы все ровны.

Похваляется Темрюк-Мастрюк,
Он хвалится своей силою:
— Я Москву вашу насквозь пройду,
Не найду себе я спорщика¹,
С ким бы мог я поборотися!

Услыхал же про то царь-государь,
Царь Иван сударь Васильевич,
Содержатель он всей Руси,
Сберегатель каменной Москвы;
Выходил он на красно крыльцо²,
Говорил он громким голосом:
— Эй вы гой еси, мои слуги верные!
Вы подите в каменную Москву,
Прокличьте кличь скорую³,
Есть ли у нас, у нашего царя.
Бойцы-борцы, молодые охотнички⁴?
Шли бы на царской двор
Без доклада государева,
Без допросу безо всякого!

За Москвой стоит деревнишка⁵,
Что деревнишка Онихина.
Во той ли во деревнишке
Жили два брата родных,
Два брата родных, два калашничка,
Два Андрея Андреича.

Встают они ранёхонько,
Умываются белёхонько,
Обуваются гладёхонько,
Чулочки подвязывали,
Башмачки на ноги надёвывали.
Свои усы завивывали,
За уши усы закладывали,
Приходили на государев двор
Без доклада государева,
Без доклада безо всякого,

¹ Спорщик — борец, противник.

² Красно крыльцо — парадное (противоположность черному).

³ Кличь скорая — срочный зов, призыв.

⁴ Охотнички — здесь: добровольцы.

⁵ Деревнишка — деревенька.

Безо всякого веденья¹,
Становились у красна крыльца.
Услыхал про то Темрюк-Кастрюк,
Молодой черкешанин;
Зашипел он по-змеиному,
Заревел он по-звериному,
Переломал пятьдесят скамей,
Передавил он приданство² все —
Двести татаринов,
Полтораста бояринов
И семьсот донских казаков,
Что ни лучших добрых молодцев.

Выходил он на красно крыльцо,
Сохватился с большим братом,
Со Андреем Андреевичам.
Они водиться поводились³
Межонный⁴ день до вечера
И всю ночь до белой зари.
Никто у них не поборол.
Расходиться расходились,
Меж собой поклонились.

Схватился со меньшим братом:
Тот его берет за левой вороток,
Поднимает на правой на носок,
Он приподнял повыше себя,
Ударил о сыру землю,
По колени его в землю вшиб,
По колени, чуть не по пояс;
Он и цветное платье с него сшиб⁵,
Пустил его косо-набосо⁶,
Пустил его, в чем мать родила.

Услыхала про то малая сестра,
Свет Марья Темрюковна,
Выходила на красное крыльцо,
Говорила громким голосом:
— Ты крапива, крапивной сын⁷!

¹ *Безо всякого веденья* — без уведомления, разрешения.

² *Приданство* — свита.

³ *Водиться поводились* — поборолись известное время.

⁴ *Межонный (день)* — летний, долгий.

⁵ *Сшиб* — сверг, снял.

⁶ *Косо-набосо* — здесь: отпустил его босым, *косо* — скорченным.

⁷ *Ты крапива, крапивной сын* — Мария говорит, что победитель ее брата низкого роду.

Немного вас посеяно,
Да много уродилось!
Хотя бы ты и силён,
И хотя бы тебе Бог пособил,
Начто ты так наругаешься
И начто насмехаешься?
Пустил ты его, в чем мать родила.
Сказал тут царь-государь,
Царь Иван сударь Васильевич:
— Ты баба, ты бабье знай!
Не то-то нам дорого,
Что татарин похваляется,
А то-то нам дорого,
Что русак насмехается!

4

[ГНЕВ ИВАНА ГРОЗНОГО НА СЫНА]

Когда воцарился Грозный царь Иван Васильевич¹,
Тогда он полонил славное Ообское²,
Полонил Ообское и еще и Новгород³
И сам на пиру расхвастался:
— Вывел я измену с Ообского
И вывел измену с Новагорода,
Да надо вывести измену с каменной Москвы.
Говорит ему меньшей сын,
Младой Иванушка Иванович:
— Пустым ты, батюшка, расхвастался:
Не вывел измену с Ообского,
Да и не вывел измену с Новагорода,
Да не вывести и с каменной Москвы:
Со изменою и ешь, и пьешь,
И думу думаешь за одним столом⁴.

¹ Иван IV венчался на царство по обряду византийских императоров в 1547 г.

² *Ообское* — Псков.

³ Новгород был лишен самостоятельности еще дедом Ивана Грозного Иваном III. Иван IV жестоко расправился с жителями названных городов за «измену» — сношение с внешними врагами.

⁴ Творцы песни указали на «изменников» из числа опричников. Именно они были приближены к царю. Вне Кремля, где-то на Арбате, царь возвел «низкие хоромы» и здесь обычно пил-ел вместе с опричниками.

Тут скрычал Иван Васильевич:
— Подай измену на очь¹,
А не подашь измены на очь,
Отсеку у тебя буйну голову,
Не дам живота² ни на малый час³.

Тут Иванушко задумался:
Сказать на князя иль боярина —
Пролить кровь напрасная;
А сказать на братца на родимого,
На младшего Федора-царевича.
— Грозный царь Иван Васильевич!
Которыми улицами ты ехал, батюшка,
Теми улицами кура не пила;
И которыми ехал Малюта Скурлатович,
И теми улицами кура не пила;
А которыми ездил Федор Иванович, —
Задергивал решетки железные⁴
И подпись подписывал,
Что улицы казнены и раззорены,
А остались те улицы не казнены, не раззорены.

Скрычал Грозный царь Иван Васильевич:

— Где мои палачи немилостивы?
Возьмите младого Федора-царевича⁵,
Ведите за Москву-реку,
Ко плахе ко липовой, ко сабле ко вострой.

Повел его Малюта Скурлатов сын⁶
За матушку за Москву-реку,
Ко плахе ко липовой, ко сабле ко вострой.

Не белая лань пробегала вдоль по городу —

¹ На очь — на глаза.

² Живот — здесь: жизнь.

³ На малый час — на короткое время, на минуту.

⁴ Задергивал решетки железные — запирали улицу: в старину на ночь улицы закрывали (существовали решетки и цепи, замки).

⁵ Имя царевича неустойчиво (он то Иван, то Федор и проч.). Очевидно, что творцы песни держат в сознании самый факт реального убийства царевича Ивана в 1581 г., но в песне идет речь о спасении царевича его родным дядей Никитой Романовичем. Современники передавали друг другу рассказы, что оговоренный царевич Федор был мягок нравом и характером и не мог смотреть на муки придаваемых казни. Рассказывали, что однажды вместе с дядей Никитой Романовичем он ушел в город с реки Неглинной, где пытали людей.

⁶ Реальное историческое лицо — Малюта Скуратов, Григорий Скурата-Бельский, сподручник царя.

Пробегала царица благоверная¹,
В белой тоненькой рубашечке без пояса,
В одних чулочках без чоботов²
Ко своему братцу родимому,
Ко князю Никите Романовичу.
Князь Никита Романович за столом сидит,
Сидит, хлеб-соль кушает,
Сам говорит таково слово:

— Ты зачем, гостя, незвана идешь?

А она говорит таково слово:

— Ты, братец мой родимой,
Князь Никита Романович!
Потухла зоря раноутренняя,
Поблекло наше красно солнышко:
Повел Малюта Скурлатов сын
Младого Федора-царевича за Москву-реку,
Ко плахе ко липовой, ко сабле ко вострой
Отсечь ему голову.

Князь Никита Романович
Высочил из-за дубова стола,
Через дубовый стол,
Дернул чоботы на босу ногу,
Кинул шляпу на одно ухо,
Кунью шубку за рукав схватил,
Бежал на конюший двор,
Взял коня самолучшего,
Сел не на уздана, не на седлана,
Поехал вдоль по городу за Москву-реку,
Голосом кричит, шляпой машет он:

— Стойте, народ, сторонитесь,
Дайте путь-дорогу широку
Ехать за матушку Москву-реку,
Ко плахе ко липовой, ко сабле ко вострой.

И кричит чрез Москву-реку Малюте Скурлатову:

— Не за кус, собака, хватаешься,
Что съешь, тем и подавишься!

У Малюты сердце испужалось,
Правая рука застоялася,
Левая нога задрожалась.

Приехал князь ко плахе ко липовой, ко сабле ко вострой,
Скочил он со добра коня,
Поднимал младого Федора-царевича
Со плахи со липовой за ручку за правую,

¹ Царица благоверная — лицо откровенно вымышленное. Ко времени, о котором говорит песня, первая жена Грозного Анастасия умерла.

² Чоботы — сапоги.

Целовал его в уста во сахарные,
А сам отдал Малюте Скурлатову
Конюха своего любимого,
Который был лицо в лицо и плечо в плечо,
И один волос с волосом ладилсь¹!

Бил Иван Васильевич в колокол во казенный,
Чтоб идти в церковь в черных платьях всем.
Князь Никита Романович
Надел на себя и на племянника
Красны платья лучше всех,
Подошел к Грозному царю Ивану Васильевичу,
Бил челом, его здравствовал:
— Здравствуй, Грозный царь Иван Васильевич,
Со своей любимой семьей,
И со двумя ясными соколами-сыновьями,
И со всема князьямы и боярмы!

Говорит Грозный царь Иван Васильевич:
— Князь Никита Романович!
Перво был ты мне старый друг,
Теперь стал ты мне старый пес.
Таки ль-то надо мной невзгоды не ведаешь,
Не ведаешь невзгоды али надсмеаешься?

Говорил Никита Романович:
— Живет ли виноватому прощеньице?
Говорит ему Грозный царь Иван Васильевич:
— Рад бы простить, да негде взять!

Вывертывал Никита Романович
Младого Федора-царевича:
— Вот тебе любезный сын,
Младый Федор-царевич.
— Князь Никита Романович!
Прежде был ты мне старый друг,
А теперь роден батюшка.
Городов ли тебе надо с пригородками,
Аль казны тебе несчетной однозолотной²?

Говорит ему князь Никита Романович:
— Городов мне не надо с пригородками,
А казны есть своей про себя.
А дай мне вотчину Микитину,
Чтобы слыла-была вотчина Микитина
Отныне и до веку:
Кто коня угонит, в мою вотчину ушел бы, —
Того и Бог простит;

¹ *Лáдились* — здесь: сходны.

² *Однозолотная* (казна) — одного золота.

Кто жену уведет чужую, в мою вотчину ушел бы, —
Того и Бог простит;
Кто голову убьет, да в мою вотчину уйдет, —
Того Бог бы простил.

Тут дал Грозный царь вотчину,
Котору он хотел¹.

5

НАБЕГ КРЫМСКОГО ХАНА²

А не силная туча затучилася,
А не силнии громы грянули:
Куде едет собака Крымской царь?
А ко силнему царству Московскому:
«А нынечи мы поедем к каменной Москве,
А назад мы пойдем, Резань возьмем».
А как будут они (у) Оки-реки,
а тут они станут белы шатры роставливать.
«А думайте вы думу с целá умá:
Кому у нас сидеть в каменной Москве,
а кому у нас в Володимере,
а кому у нас сидеть в Суздале,
а кому у нас держать Резань Стáрая,
а кому у нас в Звенигороде,
а кому у нас сидеть в Нове́городе?»
Выходит Диви-Мурзы сын Ула́нович:
«А еси́ госуда́рь наш, Крымской царь!
а тобе́, госуда́рь, у нас сиде́ть в каменнóй Москве,
а сы́ну твоему в Володимере,
а плéмнику твоему́ в Суздале,
а срóдичу в Звенигороде,
а боярину коню́шему держа́ть Резань Стáрая,
а меня́, госуда́рь, пожа́луй Новы́м-городом:
у меня́ лежа́т там свет-добры-дни ба́тюшка,
Диви-Мурза́ сын Ула́нович»³.

¹ Очень важный мотив для всей песни: певцы предпочитают местный суд царскому. Царь бывает опрометчив в решениях, несправедлив.

² Записана осенью или зимой 1619—1920 г. для священника-англичанина Ричарда Джемса. События, о которых говорится, относятся к предыдущему столетию. Упоминается пленение в 1572 г. крымского вельможи Дивей-мурзы, сын которого выведен в песне. О каком набеге идет речь, сказать трудно. Запись уникальна, но в ней зафиксированы типичные традиционные положения, когда завоеватели уже делят еще не взятые города.

³ Сын Диви-Мурзы сын Уланович претендует на Новгород, куда был отослан и где скончался его отец.

* * *

Проклічет с небес господень глас
«йно есь собака Крымский царь!
то ли тебе царство не ведомо?
а еще есть на Москве семьдесят апостолов,
опришенно трех святителей;
еще есть на Москвѣ православної царь!»¹

* * *

Побежал еси, собака Крымской царь,
не путем еси не дорогою,
не по знамени не по черному²!

6

ЕРМАК В КАЗАЧЬЕМ КРУГУ³

Как на речке было,
На реке было Камышинке, Камышинке,
Как там жили-проживали
Люди вольные, свободные, свободные,
Казаченьки волжские,
Гребенские да донские, да донские.
У казаков атаманушка
Да Ермак-то Тимофеевич, Тимофеевич.
Не звонка-то труба,
Не громка речь возговорила, возговорила —
Говорил-то атаман,
Сам Ермак-то Тимофеевич, Тимофеевич:
— Уж вы слушайте-ка,
Ребятюшки, дайте думушку мне одумати!

¹ Весь фрагмент посвящен противопоставлению намерению «собаки Крымского царя» православному царю на Москве. Говорится о многочисленных московских храмах. «То ли тебе царство не ведомо?» — неужели ты не знаешь это царство (глас Господень с неба). *Опришенно* — кроме.

² *Не по знамени не по черному* — ср. начало песни: появление грозной тучи. *Не по знамени* — вопреки черному знамени.

³ Ермак Тимофеевич — казацкий атаман, грабил суда на Волге. В 1579 г., спасаясь от московских воевод, ушел на реку Чусовую к купцам Строгановым. Получил у них оружие и с дружиной в 800 воинов перешел Уральский хребет, начал воевать с сибирским ханом Кучумом, взял его столицу. Отправил Ивану Грозному своих посланцев. Получил прощение за прежние свои дела в Москве, был обласкан и награжден. Погиб в 1584 г. В песне представлены размышления Ермака и казаков о том, как распорядиться своей судьбой.

Как проходит лето теплое,
Настает зима холодная, холодная,
Уж и где-то нам, ребята,
Зимушку-то долгу зимовать, зимовати?
Нам на Волге быти —
Нам на Волге все ворами слыть, ворами слыть,
На Яик идтить нам —
На Яик-то переход велик, переход велик;
Под Казань идтить нам
Там стоит Иван Васильевич, Грозный царь.
У него-то много силушки,
Силушки той сто сорок тыщ, сто сорок тыщ.
Идтить — не идтить нам
На Иртыш-реку великую, на сибирскую.
Мы возьмем-то в полон,
Возьмем в полон Тобольск-городок, славный город¹.
А как взявши город,
Пройдем к царю да поклонимся, воспоемся.

7

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВ²

Ты Боже мой, Боже, Спас милостивой,
Владыко царю вседержителю!
За что на нас Господь Бог прогневался,
Как спустил на нас велик тяжкой грех,
Сослал нам Боже прелестника³,
Вора Гришку-росстригу⁴ Отрепьева?
Прелстил он, вор-собака, три земли:
Первого прелстил короля в Литве,
Другого прелстил — землю Полскую,
Третье — силно царство Московское.
Не успел вор-собака на царство сесть,
Понзволил вор-собака жениться.
Не у князя он берет, не у боярина,
Не у нас он берет, в каменной Москве,
Берет вор-собака в проклятой Литве,

¹ Тобольск — основан казачьим головою Данилом Чулковым в 1587 г. В 1610 г. был перенесен на новое место, с 1708 г. стал главным городом Сибирской губ. В песне налицо ряд хронологических смещений.

² Лжедмитрий I — самозванец, авантюрист, захватил царский престол и правил в 1605—1606 гг., ставленник чужеземцев, Речи Посполитой.

³ Прелёстник — прельститель.

⁴ Отрепьев — беглый дьякон Чудова монастыря, тайно перешел в католичество.

Проклятой Литве, у Юрья пана Стредомирского¹,
Берет он Маринку дочь Юрьеву.
А свадьба была на вешней праздник,
На вешней праздник Миколин день²:
Миколин день был в пятницу,
А у Гришки свадьба в четверток была;
Стали благовестить к заутрене
У святого Михаила Архангела,
Где кладутся цари благоверные³,
Благоверные, благочестивые.
Бояра пошли ко заутрене,
Ко святому Михайлу Архангелу,
А Гришка-росстрига в баню пошел
С своею Маринкою дочь Юрьевой.
Бояра идут от заутрени,
А Гришка-росстрига из бани идет,
Шуба на нем соболиная,
На Маринке саян⁴ красного золота.
Всходит на крылечко на красное,
Вскричит он, взвопит громким голосом:
— Есть ли у меня пушкарки?
Свезите снаряд-пушки за город,
За те ли ворота Серпуховские:
Завтре у меня пир будет
Для ради тестя любимого.

Как пошел на крылечко на заднее,
Скрычит он, возвопил громким голосом:
— Есть ли у меня повары,
Мои батюшковы приспешнички!
Варите вы еству скоромную и постную,
Скоромную еству — гуси-лебеди,
А постную еству — рыбу белую:
Завтре у меня пир будет
Ради тестя любимого,
Про Юрья пана Стредомирского.
Скоромную еству сам кушает,
А постну еству раздачей дает,
А местные иконы под себя стелет,
А чудны кресты под пяты кладет.

¹ Юрий Мнишек, воевода Сандомирский. Отрепьев обещал после воцарения отдать Польше Северную и Смоленскую земли, отдать Марине Мнишек Новгород и Псков, уплатить тестю миллион золотых.

² Свадьба действительно была сыграна в четверг, 8 мая 1606 г., канун Николина дня.

³ Архангельский собор в Кремле — родовая усыпальница великих князей и царей.

⁴ Саян — сарафан.

И тут же бояра домышлялися,
И думны дьяки догадалися,
Бросалися-кидалися в девичей монастырь
Ко иноке к Марфе Ивановне¹:
— Ты свет наша матушка,
Инока Марфа Ивановна!
Прямой ли царь на царстве сидит,
Твое дитя рожденное,
Что Дмитрий царевич Углицкой?
Только делает не по-царскому —
Скоромную еству сам кушает,
А постную еству в раздачи дает,
А местные иконы под себя стелет,
А чудны кресты под пяты кладет!
Что зговорит наша матушка,
Инока Марфа Ивановна:
— Вы глупы бояря, неразумные!
Вестимо Богу (и) всей земли,
Что потерян² князь Дмитрей на Угличе,
Его мощи лежат в каменной Москве,
У святого Михаила Архангела,
Где кладутся цари благоверные,
Благоверные, благочестивые.

.....

Что зговорит наша матушка,
Что инока Марфа Ивановна:
— Приезжает с угрозою,
Привозит наголо саблю вострую,
Велит называть своим сыном,
Князем Димитрием — царевичем Углицким.

И тут же бояря догадалися,
И думные дьяки домышлялися,
Выбирали себе дьяка думного,
Того ли Петрушку Басманникова³,
Посылают в палаты во царские,
Велят говорить не с упадкою:
«Помнишь ли, Гришка, спомятуешь ли,

¹ Мария Нагая, мать Дмитрия, инокиня Марфа, вдова Ивана Грозного.

² *Потерян* — убит. Дмитрий Иванович (1582—1591) — сын Ивана Грозного и Марии Нагой, был убит при загадочных обстоятельствах. При царе Василии Шуйском (1606—1610) был канонизирован. Мощи царевича были перенесены в Москву в июне 1606 г.

³ Петр Басманов; реальный исторический Басманнов — сторонник Лжедмитрия, в песне спутан с дьяком Тимофеем Осиповым, обличителем самозванца.

Вместе мы грамоте с тобой училися,
Во том монастыре во Чудове?
Ты был, Гришка, черным дьяконом,
А я был на крылосе псаломщиком».
Видит Гришка (беду) неминучую,
Пошел в палаты во Набережны,
Из Набережных на Житной (двор)¹.

8 — 9

ПЛАЧ КСЕНИИ ГОДУНОВОЙ²

Сплетца³ мала птичка,
Белая перепелка:
«Охти мне, молоды, горевати!
Хотят сырой дуб зажигати,
Мое гнездышко разорити,
Мои малыи дети побити,
Меня, перепелку, поимати».
Сплечется на Москве царевна:
«Охти мне, молоды, горевати,
Что едет к Москве изменник,
Ино Гриша Отрепьев Рострига,
Что хочет меня полонити,
А полонив меня, хочет постритчи,
Чернеческой чин наложити!
Ино мне постричти ся не хочет,
Чернеческого чину не здержати:
Отворити будет темна келья,
На добрых молотцов посмотри
Ино ох милыи наши переходы!
А кому будет по вас да ходити
После царского нашего жътья
И после Бориса Годунова?
Ах милыи наши терёмы!
А кому будет в вас да седети
После царьского нашего жития
И после Бориса Годунова?»

¹ Картина гибели самозванца часто отсутствует: в ряде вариантов Маришка-колдунья оборачивается сорокой и улетает, а Отрепьев выпадает из окошка и разбивается или гибнет на копьях и проч., его тело бросают на съедение птицам и зверям.

² Ксения — дочь царя Бориса Годунова. После смерти отца в 1605 г. ее брат Федор, которому присягнула Москва, был убит вместе с матерью, вдовой Годунова. Ксению оставили в живых, была сделана Лжедмитрием наложницей, пострижена в монахини и сослана, умерла в 1622 г.

³ Сплечетца — от плакать — оплакивать, причитать.

А сплachtetца на Москве царевна,
 Борисова дочь Годунова:
 «Ино Боже Спас милосёрдой!
 За что наше царство загибло,
 За батюшково ли согрешенье,
 За матушкино ли немоленье?
 А светы вы, наши высокие хоромы!
 Кому вами будет владети
 После нашего царьского житья?
 А светы браньи убрусы¹!
 Берёза ли вами крутити²?
 А светы золоты ширинки³!
 Лесы ли вами дарити?
 А светы яхонты-серёжки!
 На сучье ли вас задевати⁴
 После царьского нашего житья,
 После батюшкова преставленья⁵,
 А света Бориса Годунова?
 А что едет к Москве Рострига,
 Да хочет теремы ломати,
 Меня хочет, царевну, поимати⁶,
 А на Устюжну⁷ на Железную отослати,
 Меня хочет, царевну, постритчи⁸,
 А в решётчатой сад⁹ засадити.
 Ино охте мне¹⁰ горёвати:
 Как мне в темну келью ступити,
 У игуменьи благословитца?»

¹ Светы браные убрусы — светы, здесь: дорогие, желанные; *убрус* — фата, платок; *браный* — с узорами.

² Крутити — одевать, наряжать.

³ Золоты ширинки — вышитые золотом полотенца.

⁴ Задевати — воздевать, надевать.

⁵ Преставление — кончина, смерть.

⁶ Поимати — здесь: сделать наложницей.

⁷ Устюжна — город в Вологодском крае.

⁸ Постритчи — постричь в монахини.

⁹ Решётчатый (сад) — обнесенный оградой, закрытый.

¹⁰ Ино охте мне — ино — в этом случае; *охте* — восклицание.

СКОПИН ШУЙСКИЙ¹

Ино² что у нас в Москве учинилося,
 С полуночи у нас в колокол звонили?²
 А расплачутца гости москвичи³:
 — А тепере наши головы загибли,
 Что не стало у нас воеводы
 Васильевича князя Михаила!⁴

А съезжались князи-бояря супротиво к ним,
 Мстиславской-князь⁵, Воротынской⁶,
 И между собою они слово говорили,
 А говорили слово, усмехнулись:
 — Высоко сокол поднялся
 И о сыру матеру землю ушибся!
 А расплачутца свецкие немцы⁷:
 — Что не стало у нас воеводы
 Васильевича князя Михаила!

Побежали немцы в Нов-город,
 И в Нове-городе заперлися,
 И многой мир-народ погубили,
 И в латынскую землю⁸ превратили.

¹ Князь М.В. Скопин-Шуйский, воевода, племянник царя Василия Шуйского, прославился победами над войском Лжедмитрия II. В марте 1610 г. вошел в Москву, где ему была устроена торжественная встреча. Молодой воевода умер при загадочных обстоятельствах вскоре после 23 апреля того же года. Распространился слух, что его отравили на крестинах у князя И.М. Воротынского.

² *Ино* — здесь, по смыслу: как-то, вот что.

³ *Гости москвичи* — торговцы московские.

⁴ Как уже отмечено, М.В. Скопин-Шуйский внезапно умер в мае 1610 г. Подозревали отравление, случившееся на крестинах сына И.М. Воротынского.

⁵ Князь Федор Иванович Мстиславский в 1604 г. разбил дважды Лжедмитрия, но после смерти Бориса Годунова признал его власть, глава так называемой «семибоярщины», правления знатных вельмож.

⁶ Князь Иван Михайлович Воротынский, участник многих событий второй половины и первых десятилетий XVII в., оказывал поддержку многим правителям, менял свои позиции.

⁷ *Свецкие немцы* — шведы; *немцы* — вообще иностранцы, не говорящие по-русски. В войско, с которым Скопин-Шуйский одерживал победы, входили воины, присланные в Новгород шведским королем Карлом IX.

⁸ *Латынская (земля)* — с иной, неправославной верой.

Скопину-то рано мати наговаривала:
 «Ты не езд, Скопин, в каменну Москву,
 Не торгуйся с купцами саморонскими¹,
 Не бери ты товару саморонского,
 Не кумися ты с дочерью Малютиной!»
 Не послушался Скопин родну матушку
 Уж поехал-то Скопин во каменну Москву,
 Подружился он с купцами саморонскими,
 Покумился он с дочерью Малютиной,
 Покрестил-то он сына Скурлатовых.
 «Я чего кум сиж, к куме в гости нейду?»
 «Я чего кума сиж, кума не потчеваю?»

Подходила к поставцу² доморубленному,
 Доставала она чару серебряную,
 Наливала тое чару заморским вином.
 По краям тоя чары змеи шипят,
 По середине той чары ключи кипят³.

Принимал Скопин чару единой рукой,
 Выпивал-то он чару на единый дух.
 Его белые ручки опустилися,
 Его резвые ноги подломилися,
 Его ясные очи помутилися.
 Выходил-то Скопин на красно крыльцо,
 Еще падал Скопин на добра коня,
 Приносила его лошадь добрая
 Во отцовский дом к родной матушке.
 Выходила Скопина мать на красно крыльцо:
 «Встарину-то я Скопинушке говаривала:
 Ты не езд, Скопин, во каменну Москву,
 Не дружи ты с дочерью Малютиной!
 Не послушал Скопин родну матушку,
 Уж поехал ты, Скопин, в каменну Москву,
 Подружился ты с дочерью Малютиной,
 Уж и съела кума молодого Скопина,
 Погубила злодейка добра молодца!
 Не стоять уж Скопину на резвых ногах,
 Уж и быть Скопину полоненному,
 Во темной во могиле схороненному!».

¹ *Саморонские* (купцы) — может быть, саморонные, то есть выпавшие, вышедшие из объединения, не связанный с никаким поручительством.

² *Поставец* — посудный шкаф; *доморубленный* — возможно, домашней работы.

³ Чара, украшенная изображением змей; речь — о пенящемся питье.

МИНИН И ПОЖАРСКИЙ

Как в старом-то было городе,
 Во славном и богатом Нижнем,
 Как уж жил тут поживал богатый мещанин,
 Богатый мещанин Кузьма Сухорукий сын¹.
 Он собрал-то войско из удалых молодцов,
 Из удалых молодцов — нижегородских купцов².
 Собравши их, он речь им взгворил:
 — Ох вы гой еси, товарищи, нижегородские купцы!
 Оставляйте вы свои дома,
 Покидайте ваших жен, детей,
 Вы продайте все ваше злато-серебро,
 Накупите себе вострых копийёв,
 Вострых копийёв, булатных ножей,
 Выбирайте себе из князей и бояр удалого молодца,
 Удалого молодца воеводушку.
 Пойдем-ко сражатися
 За матушку за родну землю,
 За родну землю, за славный город Москву.
 Уж заплонили-то Москву проклятые народы, поляки злы.
 Разобьем их, много перевешаем,
 Самого-то Сузмунда-короля³ их в полон возьмем;
 Освободим мы матушку Москву от нечестивых жидов⁴,
 Нечестивых жидов, поляков злых!
 Уж как выбрали себе солдатушки, молодые ратнички,
 Молодые ратнички — нижегородские купцы,
 Выбрали себе удалого молодца,
 Удалого молодца воеводушку
 Из славного княжеского роду —
 Князя Димитрия, по прозванию Пожарского⁵.

¹ Кузьма Сухорукий сын — от прозвища: Сухорук. Полное имя: Кузьма Минин, сын Захарьев-Сухорукий. Нижегородский купец, земский староста. Убедил народ «стать за веру», сформировал ополчение, возглавил его вместе с князем Дмитрием Пожарским. После венчания на царство Михаила Романова (июль 1613 г.) был пожалован вотчинами и дворянством.

² *Нижегородские купцы* — ремесленники и торговцы.

³ Сузмунд-король — Сигизмунд III, король польский (1587—1632) и шведский (1592—1604), сын шведского короля Иоанна III и Екатерины Ягеллонки, ярый католик, пытался стать московским государем.

⁴ *Нечестивые жида* — здесь: название не по национальной принадлежности, а по принадлежности к иной, неправославной вере.

⁵ Князь Дмитрий Михайлович Пожарский (1578 — ок. 1641), герой освободительной борьбы против иноземцев. Погребен в Суздале в Спасо-Ефимиевом монастыре.

Уж повел их славный князь Пожарский
 За славный Москву-город сражаться,
 С нечестивыми жидами-поляками войной баниться.
 Уж привел-то славный князь Пожарский своих храбрых воинов,
 Привел ко московским стенам:
 Становил-то славный князь Пожарский своих
 добрых воинов
 У московских у крепких стен;
 Выходил-то славный князь Пожарский
 перед войско свое,
 Как уж взгóворил он своим храбым воинам:
 — Ох, вы гой еси, храбрые солдатушки,
 Храбрые солдатушки, нижегородские купцы!
 Помолимся мы на святые на врата на Спаские,
 На пречистый образ Спасителя!
 Помолившись, дело начали.
 Как разбили-проломилы святые врата,
 Уж взошли-то храбрые солдатушки
 в белокаменный Кремль,
 Как и начали солдатушки поляков колоть, рубить,
 Колоть, рубить, в большие кучи валить;
 Самого-то Сузмунда в полон взяли,
 В полон взяли, руки-ноги ему вязали,
 Руки-ноги ему вязали, буйну голову ему рубили¹.
 Собралися все князья, бояре московские,
 Собиралися думу думати,
 Как и взгóворят старшие бояре — воеводы московские:
 — Вы скажите, вы бояре, кому царем у нас быть?
 Как и взгóворют бояре — воеводы московские:
 — Выбираем мы себе в цари
 Из бояр боярина славного —
 Князя Дмитрия Пожарского сына!
 Как и взгóворит к боярам Пожарский-князь:
 — Ох вы гой еси, бояре — воеводы московские!
 Не достоин я такой почести от вас,
 Не могу принять я от вас царства Московского.
 Уж скажу же вам, бояре — воеводы московские:
 Уж мы выберем себе в православные цари
 Из славного, из богатого дому Романова —
 Михаила сына Федоровича.
 И выбрали себе бояре в цари Михаила сына Федоровича².

¹ Судьба Сигизмунда вымышлена.

² Михаил Федорович Романов (1596—1645) — первый царь из династии Романовых.

УБИЙСТВО КАРАМЫШЕВА¹

Подымался с Москвы большой боярин²
 Он на тихий Дон Иванович гуляти,
 Не доехавши тиха Дона становился,
 Похвалялся всех казаков перевешать.
 Казаки-братцы тотчас догадались,
 Во единый круг³ они собрались,
 Среди круга становился царев боярин,
 Он стал читать государевы указы.
 Дочитался он до царского титула,
 Казаки все шапки поснимали,
 А большой царев боярин шляпы не снял;
 От того казаки взволновались,
 На боярина они бросались,
 Буйну голову его срубили,
 А бело тело в тихий Дон бросили.
 И убивши, телу говорили:
 — Почитай ты, барин, государя,
 Не гордись ты перед ним и не славься!
 Ко царю они с повинной приходили:
 — Ты гой еси, батюшко православный царь!
 Ты суди нас праведной расправой,
 Повели нам делать, что изволишь,
 Ты волен над нашими буйными головами.

РАЗИН И КАЗАЧИЙ КРУГ

У нас то было, братцы, на тихом Дону,
 На тихом Дону, во Черкасском городе,
 Породился удалой добрый молодец
 По имени Степан Разин Тимофеевич⁴.

¹ Князь И.К. Карамышев — в 1630 г. был послан из Москвы к казакам с царской грамотой. Казакам предлагалось вместе с турками выступить против Польши. Казаки заподозрили измену и убили посланца. В песне дано казачье толкование намерений князя. Расправа осталась без последствий для казаков.

² Воевода Иван Константинович Карамышев привез в 1630 г. опальную царскую грамоту: за самовольство и непослушание казакам угрожали расправой и отлучали от православной церкви. Царский воевода был убит. Песня сложена казаками в оправдание своих действий.

³ *Казачий круг* — собрание решало все общие дела казаков.

⁴ Разин Степан Тимофеевич (1630—1671) — предводитель казаков, возглавил восстание против царской власти, казнен.

Во казачий круг Степанушка не хаживал¹,
Он с нами, казаками, думу не думывал,
Ходил-гулял Степанушка во царев кабак,
Он думал крепкую думушку с голудьбою²:
— Судари мои, братцы, голь кабацкая!
Поедем мы, братцы, на сине море гулять,
Разобьемте, братцы, басурмански корабли,
Возьмем мы, братцы, казны, сколько надобно,
Поедемте, братцы, в каменну Москву,
Покупим мы, братцы, платье цветное,
Покупивши цветно платье, да на низ поплывем.

15

ПОХОД РАЗИНА НА ЯИК

Течет Яик³ быстрехонько, урываючи круты бережки⁴,
Желты пески сыпучи все поверх воды, свех воды несет,
Все поверх-то воды он несет.
Ни свех было Яика, ни свех было Горыныча⁵ было самого,
Свех Горыныча было самого,
Не серые гуси там все возгоковали, возгоковали,
Возгоковали, не черные там,
Черны там три ворона возлетывали, возлетывали, —
Из устьяца там выбегало три стружка⁶.
Один из них стружек наперед всех выбегал, вперед выбегал,
Вперед он бежит, как сокол летит.
Уже как этот-то стружечек изукрашен был, изукрашен был,
Изукрашен был знаменами он,
Дубовыми весельцами, копиями, ровно лесом усажен.
Середь этого стружечушка
Золотой бунчук⁷ стоит, а под бунчуком сидит атаманушка,
Атаманушка Степан, по имя Степан Разин.
Уж он громко речь возговорил, он возговорил,

¹ Создатели песни утверждают, что к делам и воле казаков С.Т. Разин отношения не имел.

² *Голудьба́, гольтьба́* — бедные казаки.

³ *Яик* — река Урал. Речь идет о походе Разина на гребных судах летом 1667 г.

⁴ *Урываючи круты бережки* — подмывая круглые берега: от *урывать* — быстро течь.

⁵ *Горыныч* — от *гора*, здесь, по-видимому, по смыслу — среди гор.

⁶ *Стружёк, струг* — гребное судно.

⁷ *Бунчѹк* — булава, жезл, знак власти.

Он возговорил, как в трубу протрубил:
— Уж вы гряньте-ка, ребята, ко городу Гурьеву¹, да ко Гурьеву,
К крутому его, его бережку.
Мы стружечки причалим и положим сходенки на крут бережок
И по сходенкам сошел воровской²,
Сошел на берег душа воровской атаманушка, атаманушка.
— Вы пойдите доложите своему
Атаманушке: жаловал, мол, к нему в гости Степан Тимофеевич.
Я приехал к вам не пить, не гулять,
Не баталище³ с вами заводить, а святым храмам поклониться,
Поклониться и молебен отслужить.
Воротички отворились и пустили Стенюшку со ватагою⁴.

16

СЫНОК

Гребитесь, ребяташки, на сторонку на свою,
На своей сторонке жарко и тепло.
Во городе было в Астрахани
Проявился разудалый молодец,
Шибко, щebetко⁵ по городу гулял
Нараспашечку черной бархатнай кафтан,
В белых руках злат персидский кушачок.
Астраханским купцам он не кланяется,
Офицерам господам он чолом-чолом не бьет,
Астраханскому губернатору он под суд ему нейдет⁶.
Как увидел губернатор из косящита окна,
Закричал ли губернатор громким голосом своим:
— Да вы слуги мои, слуги, слуги вернай мои!
Вы подитя, приведяти вы вдалого молодца.
Как и взяли молодца во царевом кабаке,
Приводили ж молодца к губернатору на двор,
Становили ж молодца супроти красного крыльца.
Выходил ли губернатор с губернаторшей своей,
Как и стал губернатор его спрашивати:
— Ты скажи, скажи, бродяга, ты откыда, чей такой?

¹ *Гурьев* — Яицкий городок у устья Яика. Городок был взят хитростью. Впущенные в городок в небольшом числе казаки отворили ворота и пустили остальных.

² *Воровской* — действующий открыто, не тайно, как *тать*.

³ *Батáлище* — баталия, бой.

⁴ *Ватáга* — толпа, сподручники, группа.

⁵ *Щebetко* — щепетко, от *щепетить* — франтить, шеголять.

⁶ *Под суд нейдет* — здесь: не слушается, не подчиняется.

Или с Дону ты казак, иль казацкий ты сын,
Иль казацкий ты сын, или низовский¹ купец?
— Не тебе ли, губернатор, мене спрашивати,
Не тебе ли было мне было сказывати.
Со реки, реки Камышки Стеньки Разина я сын².
Мой батюшка хотел в гости побывать,
Хотел во гости побывать, ты умеи его принятьь,
Ты умеи его принятьь, умеи потчевати.
Если умеешь ты принятьь, куню шубу подарю,
А не умеешь ты принятьь, во острог я посажу.
Закричал ли губернатор громким голосом своим:
— Уж вы слуги мои, слуги, слуги вернай мои!
Вы подитя, отведитя удалого молодца
В белу каменну тюрьму.
Как и душечка молодчик он посиживаить,
Да частешенько в окошечко посматриваить.
На реку, реку Камышку он поглядываить.
По реке, реке Камышке там суденьшко плыветь.
— Вы, ребята, вы ребята, удалый молодцы,
Посмотрите-тка, ребята, то мой батюшка сидить.
— Вы ребята, вы ребята, вы товарищи мои,
Вы не знаетья, ребята, про несчастье мое, —
Как и мой дитё Ванюша в белой каменной тюрьме.
Мы до городу дойдем,
Белу каменну тюрьму мы по камню разберем,
С самого ли губернатора мы шкуру сдерем.

17

РАЗИН ПОД АСТРАХАНЬЮ

Уж, вы горы мои, горы,
Прикажете-ка вы, горы,
Под собой нам постояти.
Нам не год-то годовати,
Не неделюшку стояти,
Одну ночку ночевати.
И тою нам всю не спати,
Легки ружья заряжати,
Чтобы Астрахань нам город
В глуху полночь проехать,
Чтоб никто нас не увидел,
Что никто нас не услышал.

¹ Низовская — с низовья.

² Сын — разинцы называли своего вождя батькой, соответственно, они — сыны.

Как увидел и услышал
Астраханский воевода,
Приказал же воевода
Сорок пушек заряжати,
В Стеньку Разина стреляти.
— Ваши пушки меня не возьмут,
Легки ружьица не проймут,
Уж как возьмет ли, не возьмет
Астраханска девка Маша.

По бережку Маша ходит,
Шелков́ым платком машет,
Шелков́ым платком махала,
Стеньку Разина прельщала.
Стеньку Разина прельстила,
К себе в гости заманила,
За убран стол посадила,
Пивом-медом угостила
И допьяна напоила,
На кровать спать положила
И начальству объявила.

Как пришли к нему солдаты,
Солдатушки молодые,
Что сковали руки-ноги
Железными кандалами,
Посадили же да Стеньку
Во железную во клетку,
Три дня по Астрахани возили,
Три дня с голоду морили.
А попросил у них Стенька
Хоть стакан воды напиться —
И во клетке окатился
И на Волге очутился.

18

РАЗИН ГУЛЯЕТ НА ВОЛГЕ

Вы пойдемте-ка, братцы,
На горы гуляти,
Поглядимте-ка, братцы,
Вниз матушки Волги,
И что это у нас сделалось на Волге?
Случилось большое несчастье,
Не черным-то черно
В поле зачернелось,
Зачернелось-то на Волге два стружочка,

Два стружочка у нас смоляные,
Смоляные у нас стружочки, воровские.
Как на этом стружочке Стенька гуляет,
Не один гулял Стенюшка,
Гулял с ворами,
С ворами, с казаками.

19

ПЕСНЯ РАЗИНЦЕВ

Ты взойди, взойди, ой, солнце красное,
Солнце красное, солнце красное,
Освети ты Волгу-матушку,
Волгу-матушку, Волгу-матушку.
Эх, обогрей ты добрых молодцев,
Добрых молодцев, добрых молодцев.
Мы не воры, эх, не разбойники,
Не разбойники, не разбойники,
Стеньки Разина мы помощники,
Мы помощники, мы помощники.

20

РАЗИН ВИДИТ СОН

Как по морю было, морю синему,
По тому морю по Каспицкому,
Супротив было островов Орловых,
Стоял на якоре воровской корабль.
На кораблике состроен был муравлѣн чердак¹,
В чердаке состроен был золотой бунчук,
В бунчуке стояли царские знамячки²,
Позлаченные, распущенные.
У знамячек стоит часовой казак,
Перед ним стоит раздвиженный стул,
На стуле сидит наш батюшка воровской атаман,
Степанушка Тимофеевич, по прозванью Разин-сын,
Перед ним стоит старшой есаул.
Атаман есаулу сон рассказывал:
— Что-то мне, брат, ночью мало спалось
И во сне много виделось:
Спадала с меня с головы кунья шапка,

¹ *Муравлѣн чердак* — каюта под палубой; *муравлѣн* — зеленый.

² *Знамячки* — знамена.

Распоясался у меня золот колчан,
И рассыпались у меня калены стрелы.
Есаул этот сон рассуживал:
— Сопала у тебя с головы кунья шапка —
Это пропадет твоя буйная головушка;
Распоясался твой золотой колчан —
То мне, есаулу, быть крепко ранену;
Рассыпались калены стрелы — то казаки наши,
Воры-разбойники, на побег пойдут.

21

ЕСАУЛ СООБЩАЕТ О КАЗНИ РАЗИНА

На заре то было, братцы, на утренней,
На восходе красного солнышка,
На закате светлого месяца.
Не сокол летал по поднебесью,
Ясаул гулял по насадику,
Он гулял, гулял, погуливал,
Добрых молодцов побуживал:
— Вы вставайте, добры молодцы,
Пробуждайтесь, козаки донски!
Нездорово на Дону у нас,
Помутился славной тихой Дон
Со вершины до Черна моря,
До Черна моря, Азовского,
Помешался весь казачий круг,
Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича,
По прозванию Стеньки Разина.
Поймали добра молодца,
Завязали руки белые,
Повезли в каменну Москву
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову.

Воинские песни

На рубеже XVII—XVIII вв. на смену старшим песням пришел особенный тип песнетворчества, который отличается от предшествующего тем, что песни обратились в своеобразную документальную мемуарику. Прежние не были в прямом значении выражением

исторической памяти, они возникали по непосредственным следам событий и, частично, даже — в ходе их. Воинские песни (их называют еще «солдатскими», «армейскими») всегда *память* о миновавшем. Рассказать о прошлом могли лучше всего сами участники событий, нередкие свидетели и участники их. Изображенная и изображающая среда в таких песнях по большей части совпадают. Небольшая часть песен могла быть сложена в среде полупрофессиональных воинов-ополченцев — стрельцов (вторая половина XVII в.).

Воинские песни представляют историю сражений, баталий и событий. В подборке представлены характерные образцы стрелецкого, казацкого, армейского творчества. Все образцы приводятся по сводной академической публикации: Исторические песни XVIII века/Издание подгот. О.Б. Алексеева и Л.И. Емельянов. Л., 1971; Исторические песни XIX века/Издание подготовили: Л.В. Домононский, О.Б. Алексеева, Э.С. Литвин. Л., 1973. В некоторых случаях использованы примечания составителей.

1

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН ВОЗВРАЩАЕТСЯ В МОСКВУ

Как не кулик по болотам куликает,
То князь Голицын по лугам гуляет
Со своими стрелецкими полками.
Он думает, князь, гадает,
Про все размышляет:
Где б пройти ему, проехать?
Если полем князю ехать,
Ему будет пыльно,
По глухим дорогам ему ехать,
Будет князю стыдно.

Вот поехал князь Голицын
На Тверскую заставу.
У Тверской ли у заставы
Его окликали:

— Как, кто это по дорожке,
Кто изволит ехать?

Отвечает князь Голицын:

— Здешний ваш начальник.

Подъезжает князь Голицын
К Казанску собору,
Скидает князь Голицын
Шапочку соболью,
Полагает князь Голицын
Три поклона в землю.
Помолившись, князь Голицын

Во Кремль-город едет.

Как подъехал князь Голицын
Ко кремлевским палатам,
Как и вышла-та ему навстречу
Матушка-царевна,
Матушка царевна Софья Алексевна¹.

2

ЦАРЬ СУДИТ СТРЕЛЬЦОВ²

Дотолева зелен сад зелён стоял,
А нонче зелен сад присох-приблек,
Присох-приблек, к земле прилег,
Приуныли в садочке вольны пташечки.
Все горькие кукушечки.

На заре было на утренней,
На восходе солнца красного,
Государь-царь по дворцу гулял,
Он в одних чулках без чоботов,
Тоненький созямчик³ наспашечку.
На все стороны обзирался:
Никто нейдет к белу царю с повинной,
Ни князья, ни бояре, не сильные могучи богатыри,
Только один из них пошел добрый молодец,
По имени Иванушка Иванович,
Стрелецкий атаманушка⁴.

Несет с собой топор и плаху.
Подходил он к белу царю близехонько,
Кланялся белу царю низехонько,
Речь возговорил добрый молодец белу царю:
— Гой ты гой еси батюшка православный царь!
Не прикажи казнить, прикажи слово молвити:
Никто нейдет к тебе, к белу царю, с повинною,

¹ В 1686 и 1689 гг. были предприняты неудавшиеся походы в Крым. Возглавлял войско воевода князь В.В. Голицын, фаворит правительницы Софьи Алексеевны. Князь был ею награжден. Иным, опозоренным, он представлен в песне. Спустя время В.В. Голицына обвинили в измене, он был лишен почестей, боярства и по указу Петра в 1699 г. был сослан в Каргополь.

² Песня рассказывает о подавлении царем Петром восстания стрельцов. Противники Петра воспользовались его отъездом за границу и подняли мятеж.

³ *Созьямчик* — озям, азям, долгополый кафтан.

⁴ Песня говорит о последствиях стрельцкого бунта 1698 года. Царь Петр, вернувшись из заграничной поездки, предпринял свое разбирательство дел мятежников, жестоко покарал виновных. Часть стрельцов покаялась, но большая часть не признала своей вины.

Только я пришел к тебе с повинною,
Принес с собой топор и плаху.

Речь возговорит православный царь:

— Да Бог простит те за все вины, да и я прощу!

Послал в силу-ратию посланника:

Шла бы ратия к белу царю с повинною.

Опять никто нейдет к белу царю с повинною.

На то же православный царь осерчался,

Приказал их всех казнить-вешать.

3

О НАЧАЛЕ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ¹

Накануне было Петрова дни, царского ангела,

Как не золотая трубынька вострубила,

Не серебряна сиповочка² возыграла,

Как возговорит наш батюшка православный царь,

Всей ли же России, Петр Алексеевич:

— Ох вы гой еси князья со боярами!

Пьете вы, едите всё готовое,

Цветное платье носите припасёное,

Ничего-то вы не знаете, не ведаете:

Еще пишет король шведский ко мне грамотку,

Он будет, король шведский, ко мне кушати.

Уж мы столики расставим — Преображенский полк,

Скатерти расстелим — полк Семеновский³,

Мы вилки да тарелки — полк Измайловский,

Мы поильце медяное — полк драгунушек,

Мы кушанья сахарны — полк гусарушек,

Потчевать заставим — полк пехотушек.

4

[ПОХОД НА ШВЕДСКИЙ РУБЕЖ]

По дороженьке по Московской

Шли-прошли три полка солдат,

Три полка солдат, молодых ребят.

Впереди идут — в барабаны бьют,

¹ Речь идет о начале русско-шведской войны (1700—1721). Петр I вел ее за выходы России к Балтийскому морю.

² *Сиповочка* — свистулька.

³ Преображенский и Семеновский полки были сформированы царем Петром из потешного войска. Измайловский полк был создан после смерти Петра, в 1730 г.

За има-то идут со знаменыма,
А во всем полку артикул мечут¹,
Замки крепко бьют, ружьица светлеют,
Замки взбрыкали, солдаты всплакали:
«Где нам день дневать, ночь коротати?
Нам денек дневать во чистом поле,
Во чистом поле, под ясным небом;
Ночь коротати во темном лесу,
Во темном лесу, во сыром бору;
Нам постелечка — мать сыра земля,
Нам зголовьицо — зло кореньицо,
Умываньицо — частый мелкий дождь,
Утираньицо — шелкова трава!».

Позади полка идут — коня ведут,
Лошадь добрую сивогривую;
На коне сидит сам полковничёк,
Сам полковничек — Шереметев-граф².
Во руках держит саблю острую,
Во устах держит речь хорошую:
«Сряжается мой батюшка из Москвы в поход
Как во ту ли землю шведскую, за границу государеву;
Меня, добра молодца, с собой берет.
Не хотелось мне, добру молодцу, из Москвы идти,
Хотелось мне, добру молодцу, при Москве пожить,
При Москве пожить, во дворце служить,
Московским чудотворцам молиться.
Остается у доброго молодца сыр зеленый сад,
Во садике оставалось три деревца:
Первое деревцо — кипарисное,
Другое деревцо — яблонь кудрявая,
Третье деревцо остается — груша зеленая.
Кипарис растёт — родной батюшка,
Яблонь кудрявая — богоданная матушка,
Груша зеленая остается — молода жена.
Оттого мне-ка не хотелось из Москвы идти,
А хотелось мне при Москве пожить,
При Москве побыть, при дворце служить,
Чудотворцам московским поклоняться,
Отца родного на старости печаловать,
За матерью в немоготе ухаживать,
Молодой женой любоваться!»

¹ *Артикул мечут* — здесь — опускают ружья к ноге.

² Шереметев Борис Петрович (1652—1719) — генерал-фельдмаршал. Участник всех значительных сражений Северной войны.

【МОЛОДЕЦ ИДЕТ В ПОХОД ПОД ПОЛТАВУ】

Что за реченькою было за Небрагою,
 За быстрой речкой было Перебрагою¹,
 Не полынь-то ли травонька в поле качается,
 Что качается, шатается добрый молодец,
 Добрый молодец да душа моя.
 Он не сам пошел, не своей охотою,
 Повели его барскою большею неволею.
 Ты неволя, неволя жизнь господская,
 Жизнь господская, служба государева,
 Государева-то царя белого,
 Царя белого Петра Первого.
 Что со вечера было, со полуночи,
 Не частые звезды с неба сыпались,
 Рассыпались звезды по чистой полю,
 По чистой полю, зеленым лужкам.
 То солдатики во поход пошли,
 Во поход пошли во Полтавушку,
 Они бить-губить неприятеля,
 Неприятеля — царя шведского,
 Царя шведского, короля немецкого².

【ШВЕДСКИЙ КОРОЛЬ ХОЧЕТ ОВЛАДЕТЬ ПОЛТАВОЙ】

Как во славной во степи во Черкасской³,
 Как под славным городом Платавой,
 Как стоял тут король земли шведской.
 Он почасту ко Платаве приступает,
 Он приступом Платаву взять не может.
 Во Платаве есть московская пехота,
 Ох, со конницей, со драгуны⁴.
 Генералы к королю приходили,

¹ *Небрага, Перебрага* — в иных записях: Невагушка, Перебрагушка (переправушка), изменение, обычно случающееся при длительном бытовании песни. По теме она близка песням о неволе.

² *Немецкий* (король) — здесь: иностранный.

³ *Черкасская степь* — путаница, произошедшая под влиянием общеэпического указания места действия.

⁴ *Драгуны* — конница.

На словах королю доносили:
— Ох ты гой еси король наш яснейший,
Как нам сколько под Платавой ни стояти,
А приступом Платаву не взяти!¹
Что возговорит король земли шведской:
— Как вы, храбрые мои генералы,
Вы, военные свирепые кавалеры?²
Не выдавши, вы батальи³ убоялись,
Послужите королю всею правдой,
Мы возьмем ли Платаву мимоходом.
Как я дам ли вам великую выгоду:
Распишу ли вам пространные кварталы
Да и во том ли во Московском государстве⁴;
Ох, я сам ли, король, встану в Кремле-граде.
Я драбантов⁵ поставлю в Москворечье,
А [аши]квандронов⁶ поставлю по Мясницкой,
А драгунов поставлю по Неглинной,
А пехотные полки — по всей Москве.

7

ШЕРЕМЕТЕВ ПОД КРАСНОЙ МЫЗОЙ

Середь было красного лета,
В первых числах в июле,
Что из славного города Петербурга
Подымался царев большой боярин,
Генерал и кавалер, и фельдмаршал,
Граф Борис Петрович Шереметев
Подымался под шведскую Красную Мызу⁷.
Не дошед до Красной Мызы, становился,
Он крепкие батареи на шведа наладил,
Он пушки-мортиры разоставил.

¹ Шведы десять раз штурмовали Полтаву, но не смогли ею овладеть. Гарнизон оборонялся два месяца, до прихода войска Петра. Решающее сражение 27 июня 1709 г. решило исход войны. Петр одержал полную победу над Карлом XII.

² *Кавалёры* — воины, награжденные орденами.

³ *Баталья* — здесь: решающее сражение.

⁴ У Карла XII было намерение овладеть Москвой.

⁵ *Драбанты* — трабанты, охранники, телохранители.

⁶ [Аши]квандроны — вероятно, искажение «наши эскадроны», части, подразделения кавалерии.

⁷ Сражение у Красной Мызы, на подступах к Шлиссельбургу (Орешку), произошло в 1702 г.

Не две тучи на небе сходились,
Сходились два войска в чистом поле,
Русское войско — со шведским;
Что не молния на небе проблеснула,
Голубец¹, наша пушка, разряжалась;
Не громкий гром на небе взгрянул,
Запалила Шереметьева пехота.

Ни денно, ни ночью нет покою,
Ни много, ни мало не отступят,
Они крепко к шведу приступают,
Шведскую силу побивают.
Полонили майора земли шведской²,
Повели они майора звать-пытати:
— Ты скажи, скажи, майор, всю сушу правду,
Что по этому крестному целованью:
Много ли стоит силы в Красной Мызе?
Много ли силы войска с Левеноптом³?»
— Ах ты батюшка царев большой боярин!
Ты дай сроку, сударь, на единый час,
Расскажу я тебе, сударь, сушу правду,
Порукою крестное целованье.
Стоит силы в Красной Мызе тридцать тысяч,
С генералом Левеноптом сорок тысяч.

Отвечает царев большой боярин,
Генерал и кавалер, и фельдмаршал,
Граф Борис Петрович Шереметев:
— У меня, генерала, двадцать тысяч,
А и тут ведь я шведа не боюсь,
Под Красную Мызу становлюся!
Генерал Шильпебах⁴ испугался,
Из-под Красной Мызы убирался.

8

СОЛДАТЫ ГОТОВЫ ШТУРМОВАТЬ ОРЕШЕК

Злодей, злодей, ретиво сердце,
Что ты ныло, ретивое, занывало,
Ничего ты мне, сердечко, не сказало,
Да что быть мне молодцу в рекрутах,

¹ *Голубец* — название пушки; в старину было обыкновением давать имена орудиям.

² Пленный майор Розен, командир разбитого шведского отряда.

³ *Левенопт* — шведский военачальник генерал А.Д. Левенгаупт (1659—1723).

⁴ *Шильпебахт* — генерал В.А. Шлиппенбах (около 1650—1739), в сражении под Красной Мызой командовал шведским корпусом.

Во солдатах быть мне и в походе
 Что под славным городом под Орешком¹,
 А по нынешнему званию Шлиссельбургом.
 Что слышав, воры-шведы догадались,
 Что ударили они в барабаны,
 Наши русские солдатухи — в литавры².
 Да что взговорит наш государь-царь:
 — Ах вы гой еси братцы-генералы!
 Вы придумайте мне, братцы, пригадайте,
 Еще как нам будет взяты Орешек?
 — Ах ты гой еси наш батюшка государь-царь!
 Что не лучше ль нам от города отступить?
 Что возговорит государь-царь ко солдатам:
 — Ах вы гой еси мои детушки-солдаты!
 Вы придумайте мне думушку, пригадайте,
 Еще брать ли нам иль нет Орех-город?
 Что не ярые пчелушки во улье зашумели,
 Да что взговорят российские солдаты:
 — Ах вы гой еси наш батюшка государь-царь!
 Нам водою к нему плыти — не доплыти,
 Нам сухим путем идти — не досягнути,
 Мы не будем ли от города отступить,
 А будем мы его белою грудью брати.

9

МОЛОДЦЕВ ОТПРАВЛЯЮТ НА ЛАДОЖСКИЙ КАНАЛ

Поутру то было раным-рано,
 На заре то было на утренней,
 На восходе красного солнышка,
 Что не гуси, братцы, и не лебеди,
 Со лузей³, озер подымались,
 Поднимались добрые молодцы,
 Добрые молодцы, люди вольные,
 Всё бурлаки⁴ понизовые,
 На канавушку на Ладожску⁵,
 На работушку государеву.

¹ *Орешек* — русская крепость. С 1611 г. находилась у шведов. Петр вернул крепость и дал ей новое имя: Шлиссельбург (Ключ-город).

² *Литавры* — особого рода барабан.

³ *Лу́зи* — от *лузь*, луга.

⁴ *Бурлаки* — здесь крестьяне вообще, взятые на работы.

⁵ Ладожский обводной канал, начало проведения — 1718 г.

Провожают их, добрых молодцов,
Отцы, матери, молоды жены
И со малыми со детками.

10

ЦАРЬ ПЕТР НА КОРАБЛЕ

Ах по морю, морю синему,
По синему морю по Хвалынскому¹,
Что плывут тут, vyplываюТ тридцать кораблей.
Что один из них корабль, братцы, наперед бежит,
Впереди бежит корабль, как сокол летит;
Хорошо больно кораблик изукрашен был:
Парусы на корабле были тафтяные,
А тетивочки у корабля шемаханского шелку,
А подзоры у кораблика рытого бархату.
На рулю сидел наш батюшка православный царь.
Что не золотая трубушка вострубила,
Да что взговорит наш батюшка православный царь:
— Ах вы гой еси матросы, люди легкие!
Вы мечитесь на мачты корабельные,
Вы смотрите во трубочки подзорные:
Что далеко ли до Стекольного²?

11

КРАСНОЩЕКОВ НА ДОПРОСЕ

Приуныло, приумолкло войско Дѳнское,
Приужаснулась армеюшка царя белого
Без верного служителя государева,
Без Ивана Матвейча Краснощекова³.
Взяли Краснощекова в полон шведы,
Повели доброго молодца к Левенгаупту.
Как и стал его Левенгаупт спрашивать:
— Ты скажи, скажи, добрый молодец, не утай ничего,

¹ *Хвалынское море* — Каспийское вместо Балтийского по причине следования песенной традиции, что заметно и в подробностях рассказа об оснащении и роскоши на корабле. В 1716 г. Петр Первый возглавил союзный флот ряда европейских держав на Балтийском море с намерением высадиться в Швеции.

² *Стекольный* — Стокгольм.

³ Иван Матвеевич Краснощеков — казачий атаман. Был убит в 1742 г. вблизи Гельсингфорса (Хельсинки).

Ты чем служил царю белому, как ты жалован:
Сотником, полковником иль бригадирушкой?

Речь возговорит Краснощеков Левенгаупту:
— Я служил царю белому ровно тридцать лет,
И не сотником, полковником, бригадирушкой,
Я служил царю белому рядовой казак.
— Нет, неправду, разудалой, открываешь мне.
На тебе, молодец, управушка не казачая,
На тебе-то управушка командирская.
Я хочу тебя, младца, просить просьбою:
Ты служил царю белому ровно тридцать лет,
Послужи ты царю шведскому хоть три года.

Как воскликнул Краснощеков Левенгаупту:
— Ах, если бы была при мне сабля острая,
Послужил бы я над твоей буйной головушкой!

12

КОРАБЕЛЬЩИКИ БРАНЯТ КНЯЗЯ ГАГАРИНА

Бежит речка по песку
Из Казани в Москву,
Как по этой по речонке
Выплывало полтораста кораблей,
Как на всяким на корабличке
По пятиста человек.
Они едут и гребут,
Веселó песни поют,
Други речи говорят,
Всё Гагарина¹ бранят:
— Ох ты Гагарин,
Ты Гагарин,
Расканалья-господин!
Заедаешь-пропиваешь
Наше жалованье.
Он на эти же на денежки,
Граф, палаты себе склал,
Из чистого стеколушка,
Из хрустала потолка.
По самому по конёчку
Быстра реченька бежит,
Не сама она взошла —

¹ Сибирский губернатор М.П. Гагарин был арестован Петром Первым и в 1721 г. повешен за казнокрадство.

Фонтанами взведена¹.
У той же у реченьки
Кровать нова смощена.
Как на этой на кровати
Перинушка пухова;
Как на этой на перинушке
Подушечки парчевые,
На этих на подушечках
Одеялицо новенькое лежит.
Как под этим под одеялом
Князь Гагарин тут лежит,
Белу рыбицу глядит.

13

СМЕРТЬ ЦАРЯ ПЕТРА²

Как у нас то было, братцы, на святой Руси,
На святой Руси, в каменной Москве,
У Ивана у Великого, у собора у Успенского,
Ударили в большой колокол;
Раздался звон по матушке по сырой земле.
Помер, помер у нас, братцы, белой царь,
Белой царь Петр Алексеевич.

Как возговорят его слуги верные, генералушки,
Генералушки, чиновны господа:
— Состроим мы своему царю белому гробницу кипарисову,
Увьем мы ее, гробницу, плисом-бархатом,
Унесем мы свою царя белого за Неву-реку,
Поставим мы его гробницу во сыру землю,
Засыплем его гробницу с гор желтым песком.

14

ВОЙСКО ВЫСТУПАЕТ В ПОХОД³

По Московской по широкой по дороженьке
Не ковыль-трава, братцы, зашаталася,
Не алы цветы, братцы, развевались,
Зашаталася тут сильна армия,
Сильна армия царя белого,
Идучи, братцы, в землю прусскую,

¹ В Москве на Тверской улице стоял роскошный дворец Гагарина.

² Петр Первый Великий скончался 28 января 1725 г.

³ Из песен о семилетней войне (1756—1762).

На чужудальну на сторонушку,
На чужудальну незнакомую.
Раздувались знамены белые.
Наперед идут новокорпусны,
Всереде везут артиллерию,
Позади едет сильна конница,
Славна конница кирасирская¹.
Уж как все весело идут,
Веселы идут, принапудрены.
Что один из них невесёл идет,
Невесёл идет, призадумавшись.
Что за ним идет красна девица,
Она плачет, как река льется,
Возрыдает, что ключи кипят.
Уж как взговорит удалый добрый молодец:
— Ты не плачь, не плачь, красна девица,
Не слези лица румяного,
Не вздыхай, моя разумная!
Не одной-то ведь тебе тошно,
И мне, молодцу, грустнехонько,
Что иду-то я на чужую сторону,
На чужудальну незнакомую,
Что на службу я государеву.

15

НАЧАЛО ВОССТАНИЯ НА ЯИКЕ

Того месяца сентября
Двадцать пятого числа
В семьдесят первым году²
Во Яике-городу
Приходили к нам скоры весте:
Не бывать нам на месте.
Яицкие казаки
Бунтовщики были, дураки.
Не маленькая была их часть,
Задумали в един час.
Генерала они убили,
В том немало их судили.

¹ *Конница кирасирская* — конники в кирасах-латах, кирасиры.

² В 1771 г. власть распорядилась отправить пятьсот казаков в Кизляр, что вызвало недовольство. Действия следственной комиссии во главе с генералом Траубенбергом ожесточили казаков. Генерал был убит. В 1773 г. мятеж возглавил Е.И. Пугачев. В песне излагается свое понимание причин и хода волнения.

Государыня простила,
Жить по-старому пустила.
Они, сердце свое разъяря,
Пошли искать царя.
Они полгода страдали
И царя себе искали.
Нашли себе царя —
Донского казака,
Донского казака
Емельяна Пугача.
Он ко Гурьеву подходил,
Ничего не учинил.
От Гурьева возвратился,
С своей силой скопился.
К Яику подходил,
Из пушек палил.
От Яицкого городка
Протекла кровью река.
Он к Илецку подходил,
Из пушек палил.
Илецкие казаки —
Изменщики-дураки —
Без боя, без драки
Предались вору-собаке.
В Татищевой побывал,
Всю артиллерию забирал,
Рассыпну крепость разбивал.
Из крепости Озерной
На подмогу Рассыпной...
В крепости Рассыпной
Был инералик молодой.
Инерал Лопухин¹ был смел,
На коня он скоро сел,
На коня он скоро сел,
По корпусу разъезжал,
По корпусу разъезжал,
Артиллерию забирал,
Все солдатам подтверждал:
— Ой вы гой еси ребята,
Осударевы солдаты!
Вы стреляйте, не робейте,
Свинцу-пороху не жалейте.
Когда мы вора поймам,
Хвалу себе получим.

¹ Генерал В.А. Лопухин — герой других исторических песен, попал в песню о восстании казаков вследствие обычного перемещения лесенно-эпических персонажей из песни в песню.

[КАПИТАН СУРИН]¹

Из Гурьева городка
 Протекла кровью река.
 Из крепости из Зерной²
 На подмогу Рассыпной
 Выслан капитан Сурин
 Со командою один.
 Он нечаяно в крепость въехал,
 Начальников перевешал,
 Атаманов — до пяти,
 Рядовых — сот до шести.

ПУГАЧЕВ И ПАНИН

Судил тут Панин³ вора Пугачева:
 — Скажи, скажи, Пугаченька Емельян Иваныч,
 Много ли перевешал князей и боярей?
 — Перевешал вашей братьи семьсот семи тысяч.
 Спасибо тебе, Панин, что ты не попался:
 Я бы чину-то прибавил, спину-то поправил⁴,
 На твою-то бы шею варовинны возжи⁵,
 За твою-то услугу повыше подвесил!
 Граф Панин испугался, руками сшибался:
 — Вы берите, слуги верны, вора Пугачева,
 Поведите-повезите в Нижний городочек,
 В Нижнем объявите, в Москве покажите!
 Все московски сенаторы не могут судити⁶.

¹ Пугачевцы взяли крепость Рассыпную, а на пути к Нижне-Озерной встретили роту капитана Сурина, посланную комендантом Нижне-Озерной. Рота присоединилась к восставшим. Пугачев повесил Сурина.

² Крепость Нижне-Озерная.

³ Граф П.И. Панин — предводитель карательной армии, посланной против Пугачева. Пугачев после поражения под Черным яром выданный предателями был схвачен. Его допрашивал Панин. Смелые ответы Пугачева поразили свидетелей допроса.

⁴ Насмешливо о наказании плетями или палками.

⁵ *Варовинны возжи* — пеньковые.

⁶ *Все московски сенаторы не могут судити* — даже сенаторам не судить, действительно ли Пугачев император Петр III, за которого себя выдавал. Творцы песни допускали такую возможность. *Сенаторы* — члены Сената.

[НАПОЛЕОН ПИШЕТ ПИСЬМО АЛЕКСАНДРУ]

Наполеон-король пишет нашему царю белому¹:
 — Я прошу тебя, православный царь, не прогневаться,
 Распиши мне квартирушки на семьсот тысяч
 В своем стольном городе, в каменной Москве,
 Господам нашим генералушкам по своим по купцам,
 А мне, Наполеону-королю, свои царские палаты!

Тут наш православный царь крепко призадумался,
 Повесил свою буйную голову на белые груди,
 Утопил свои очи ясные во сыру землю;
 Перед ним стоит граф Кутузов²,
 Он речи говорит, что в трубу трубит:
 — Что вы, православный царь, крепко призадумались?
 Мы его, собаку, встретим среди поля,
 Среди поля, среди Можайского³,
 Мы поставим ему столы — пушки медные,
 Как скатерть постелим ему — горнодерушков⁴,
 Закусочку ему положим — ядра чугунные,
 Пойлице ему нальем — зелен порох.

КУТУЗОВ ПРИЗЫВАЕТ ПОБЕДИТЬ ФРАНЦУЗОВ

Как заплакала Россиюшка от француза.
 Ты не плачь, не плачь, Россиюшка, Бог тебе поможет!
 Собирался сударь Платов⁵ да со полками,
 С военными полками да со казаками.
 Из казаков выбирали да исаулы⁶,
 Исаулы были крепкие караулы,
 На часах долго стояли да приустиали,
 Белые ручушки, резвы ноженьки задрожали.
 Тут спрговорил-спромолвил да князь Кутузов:
 — Ай вы вставайте ж, мои деточки, утром пораняе,
 Вы умывайтесь, мои деточки, побелея,

¹ Использован обычный в песнях прием рассказа об ультиматуме.

² Генерал-фельдмаршал граф М.И. Кутузов (1745—1813), победитель Наполеона.

³ О битве под Бородино.

⁴ Гренадеры.

⁵ Матвей Иванович Платов (1751—1818), герой Отечественной войны 1812 г., атаман войска донского, граф, генерал от кавалерии.

⁶ *Исаулы* — есаулы, военный чин, равный капитану.

Вы идите, мои деточки, в чистое поле,
Вы стреляйте же, мои деточки, не робейте,
Вы своего свинцю-пороху не жалейте,
Вы своего же, французика побеждайте!
Не осточная¹ звезда в поли воссияла —
У Кутузова в руках сабля воссияла.

20

НАПОЛЕОН В МОСКВЕ

Как на горочке было, на горе,
На высокой было на крутой,
Тут стояла нова слобода,
По прозваньицу матушка Москва,
Разоренная с краю до конца².
Кто, братцы, Москву разорил?
Разорил Москву неприятель злой,
Неприятель злой, француз молодой.
Выкатал француз пушки медные,
Направлял француз ружья светлые,
Он стрелял-палил в матушку Москву.
Оттого Москва загорелася,
Мать сыра земля потрясалася
Все Божьи церкви развалилися,
Все Божьи церкви развалилися,
Златы маковки покатилися.

21

ПЛАТОВ

Как поехал наш граф Платов воевати
С славным войском, с храбрым войском — с казаками:
С ним донского войска много, войска много,
Войско много, войско много, сорок тысяч.
Эсаулы караулы порубили,
Офицеров и майоров в полон взяли.
Как спросил же граф наш Платов у майора:
— Ты скажи мне, молодой маиор, всю правду, —
Много ли у вас войска в Париже?
— Во Париже у нас, Платов, войска много,

¹ Восточная.

² Войска Наполеона вступили в Москву 2 сентября 1812 г., оставили город разоренный и сожженный 7 октября того же года.

Много войска, много войска, — сметы нету¹.
— Я угрозов, молодой маиор, не боюся:
Вот я завтра же в Париж к вам соберуся.
Заблистали остры сабли над главами,
И ворота нам в Париж отворили,
И знамена нам французы преклонили.

22

ФРАНЦУЗ ПОХВАЛЯЕТСЯ ПАРИЖЕМ

Разоренный путь-дорожка
От Можайска до Москвы.
Ах да кто же ее разорил?
Неприятель вор-француз:
Разоримши путь-дорожки,
В свою землю жить пошел.
Подошедши до Парижу
Он подумал, постоял,
Головою покачал:
— Ты Париж мой, Парижок,
Париж— славный городок!
— Не хвалися, вор-француз,
Своим славным Парижом:
Как у нашего царя
Есть получше города.
Распрекрасная Москва
Вся по плану строена,
Диким² камнем выслана.

Духовные песни и стихи

Духовные песни и стихи возникли в результате приобщения народа к книжной культуре. Тут очевидно ближайшее восприятие церковных проповедей, знакомство с житиями христианских подвижников и святых угодников. Религиозная функция духовного творчества очевидна. Его почва — воодушевленное отношение к христианской вере, приложение ее к жизненному поведению и быту

¹ *Сметы нету* — не сосчитать.

² *Дикий камень* — природный, брусчатка.

людей. Сочетание с религиозной проповедью осуществилось с разной степенью постижения ее основ.

Духовные *песни* близко стоят к фольклорному эпосу, сказкам, легендам и тем отличаются от духовных *стихов* с их стремлением к прямому воспроизведению христианских идей, церковных наставлений. И в песнях, и в стихах обнаруживается синкретизм мысли, сочетающий свойства религиозного сознания, вероучения, бытовой этики и искусства. Заметного перевеса какого-либо одного начала над другими не наблюдается, хотя религиозная мысль в стихах теснит искусство.

Образцы духовного творчества представлены по записям XIX — начала XX в., сделанным с разной степенью точности. Лучшей считается публикация: Калики переходные. Сборник стихов и исследование П.[А.] Бессонова. Вып. 1—6. М., 1861—1864. Сборник составлен на основе архива незадолго до этой поры скончавшегося П.В. Киреевского. Сам собиратель и коллекционер успел выпустить в 1848 г. лишь небольшой сборник, в котором представил записи песен и стихов в так называемых «сводных» редакциях (выбиралась полная запись и исправлялась по остальным с дополнением недостающего, — с поправками и изменениями). Сводные редакции, уместные для общедоступных популярных публикаций, не приемлемы для научных. Из прижизненного сборника знаменитого собирателя представлен только один сводный текст: «Разговор Иосафа царевича с пустыней». Сделано это не только с намерением ознакомить со «сводным» типом публикации, но и ради осознания характера творчества, иногда сильно удаляющегося от фольклора. «Разговор Иосафа царевича с пустыней» сблизился с покаянными плачами, типичными для древнерусской певческой традиции. Такой тип творчества требовал профессионализма и книжной эрудиции. Исследователи возводят происхождение «Разговора» к переводной «Повести о Варлааме пустынноике и Иосафе царевиче индийском».

Среди наиболее характерных образцов духовного творчества представлены: *героико-эпические истории — в песенной* («Егорий Храбрый и царице Демьянище», «О спасении Елисавии Арахлинской царевны») и *житийно-легендарной разновидности* («Алексей Божий человек»); *проповеднические песни и стихи — в мироведческой* («Голубина книга сорока пядень») и *эпико-евангельской разновидности* («О Христовом Вознесении», «Два Лазаря»); *лирические плачи и молитвенные стихи* («Плач Адама»). Среди духовных песен и стихов встречаются и смешанные типы: таков стих о расставании души с телом («О грешной душе»).

В произведении сочетаются традиции проповедничества с перечислением грехов и традиции «апокрифа», неканонического, непризнаваемого церковью текста.

1

ЕГОРИЙ ХРАБРЫЙ¹ И ЦАРИЦЕ ДЕМЬЯНИЦЕ

Как-то в славном граде в Ерусалимове,
Как у Федора да видь было благоверного
Да видь што жена была Софья Премудрая,
Да видь породила Федору трех дочерей,
Да што четвертого сына Егория,
Да што святого света Храброго.

Да што из того видь царства Вавилонского
Да поднимался царь-царице Демьянице,
Да видь он на тот на Ерусалимов град,
Да видь он много народу прибил, прирубил,
Да видь он много народу на меч склонил,
Да видь святыя церкви он на дым спущал,
Да видь он много народу в полон набрал,
Да видь заполонил у Федора трех дочерей,
Да видь што четвертого сына Егория,
Да видь што святого света Храброго,
Да видь што увел то его во царство Вавилонское;

Да видь стал-то Егория крепко спрашивать:
— Да ты скажи, Егорий, не лукавься, мне,
Да видь ты которой вере веруешь,
Да видь ты которому Богу молишься?

Да видь што святой-то Егорий проговаривал,
Свет и Храбрый Егорий проглаголивал:

— Да видь, злодей царь-царице Демьянице,
Да видь я в веру верую крещеную,
Да видь я во Мать Божью да Богородицу,
Да видь я во Троицу велику неразделимую.

Да видь што злодей царь-царице Демьянице
Да видь улещает Егория словом ласковым,
Да видь прививает Егория ко своей вере,
Да видь ко своей ко вере ко идольской.
Да видь он сулил-то Егорию много злата-серебра,
Да видь он сулил-то Егорию много скатного жемчугу:
— Да ты верь-ко, Егорий, во мою веру,
Да ты поклоняйся, Егорий, моим идолам,

¹ Георгий Победоносец, святой великомученик. Духовная песня воспроизводит во многом житие и рассказывает о мучениях святого. Георгий — устроитель Русской земли.

Да видь дам тебе я много злата-серебра,
 Да видь дам тебе скатного жемчугу.
 Да и святой-то Егорий проговаривал,
 А свет и Храбрый Егорий проглаголивал:
 — Да видь, злодей царь-царище Демьянище,
 Да видь я в веру верую во крещеную,
 Да видь во мать Божью да Богородицу,
 Да видь во Троицу велику неразделимую.
 Да видь злодей царь да царище Демьянище,
 На святого-то Егорья зло пыляючи,
 Он велел-то Егорья на мученье предать,
 На мученье предать Егорья на великое:
 Дак видь он велел-то Егорья во пилы пилить,
 Дак видь во пилы пилить да во булатныя.
 Дак видь у пил зубье да приломалось,
 Да што Егорью ничего не вре́дило;
 Дак видь што прогласил, проглаголивал:
 — Да видь што великая наша вера крещеная,
 Да велика Мать Божья Богородица,
 Да видь Троица велика неразделимая!
 Да видь што злодей царь-царище Демьянище,
 На святого-то Егорья зло пыляючи,
 Он велел-то Егорья на мученье предать,
 На мученье предать Егорья на великое:
 Да видь велел-то Егорья в топоры рубить,
 В топоры рубить Егорья в железные.
 Дак у топорья лызье приломалось,
 Да што Егорью ничего не вре́дило.
 Да прогласил Егорий до небес святых:
 — Да што великая наша вера крещеная,
 Да што есть Мать Божья да Богородица,
 Да што есть Троица велика́ неразделимая.
 Да и што злодей царь-царище Демьянище,
 Да на святого Егорья зло пыляючи,
 Да видь он велел-то святого Егорья на мученье предать,
 На мученье предать Егорья на великое:
 Велел-то Егорья во печи его жегчи,
 Во печи жегчи Егорья в огне-пóлыме.
 Выростала в печи да трава-му́рава,
 Расцветали цветы да все лазоревы,
 Да видь што святому Егорью ништо не́ вредит.
 Да видь прогласил Егорий до небес святых:
 — Да што велика наша вера крещеная,
 Да што есть Мать Божья да Богородица,
 Да што есть Троица велика неразделимая!
 Да што злодей царь-царище Демьянище
 Да видь на святого Егорья зло пыляючи,

Да видь он велел-то Егорья на мученье предать,
На мученье предать Егорья на великое:
Да видь он велел-то Егорью сапоги ему ковать
Сапоги ковать Егорью железные.
Разжигали же жаром огнем-пóлымем,
Да велели Егорью в сапоги ему ставать,
В сапоги ему ставать да видь в железные,
В железные да видь все в каленые.

Да видь што Егорий в сапоги ставал,
В сапоги ставал да видь в железные,
В железные да видь все в каленые.
Да видь у мастера было у сапожного,
Да видь резвы ноженьки его да повихнулись,
Да видь белы рученьки его да опустилися,
Да видь ясны оченьки его да помутилися,
Да видь буйная голова да покатилася.
Да видь што Егорью ништо нé вредит.

Да видь прогласил Егорий до небес святых:
— Да што велика наша вера крещеная,
Да што есть Мать Божья да Богородица,
Да што есть Троица великá неразделимая!

Да видь што злодей царь-царише да Демьянище,
Да видь на святого Егорья зло пыляючи,
Дак он велел-то Егорья на мученье предать,
Да видь на мученье предать Егорья на великое:
Да видь он велел-то Егорья на воде его топить,
На воде топить Егорья на синем нá море.

Што поверх воды святой Егорий плаваает,
Да видь он поверх воды на святом на воздухе.
Да видь што святому Егорию ничем нé вредит.
Да видь возгласил, прогласил Егорий до небес святых
— Да видь што велика наша вера крещеная,
Да видь што есть Мать Божья да Богородица,
Да видь што есть Троица великá неразделимая.

Да видь што злодей царь-царише Демьянище,
Да видь на святого на Егорья зло пыляючи,
Да видь он велел-то Егорья на мученье предать,
Да видь на мученье предать Егорья на великое:
Да видь он велел-то Егорья пригвоздити кó древу,
Пригвоздити ко дрéву Егорья ко высокому.

Пригвоздили Егорья да гвоздями железными,
Да видь што железными гвоздями раскаленными.
Да видь што святой-то Егорий проговаривал,
Да свет и Храбрый Егорий проглаголивал:
— Дак ты сошли-ко, Господи Боже, с небес ангилей,
Да видь с небес ангилей да двух архангилей,
Дак отгвоздить меня от древа от высокого

Да видь ради веры своя крещеня,
Да видь ради Матери своей да Богородицы,
Да видь ради Троицы своей неразделимая.

Да видь ангилы на землю сохобдили,
Да видь отгвоздили от древа Егория от высокого,
Да пригвоздили ко древу тогда ко высокому,
Да видь самово-то царя-царища Демьянища,
Да видь пригвоздили гвоздями ево железными
Да што железными гвоздями раскаленными.

Да што злодей царь-царище Демьянище
Дак он святому Егорью тогда возмолился,
Да свету Храброму Егорью воспокаился:
— Да видь ты, святой Егорий-свет и храбрый,
Дак отгвозди меня от древа от высоково
Да ради своя веры крещення,
Да ради своя Матери Святой Богородицы,
Да ради Троицы своей неразделимая.
Да видь я не стану тебя в муках мучити,
Да стану в вашу веру я веровать,
Да в Матерь Божию да Богородицу,
Да видь во Троицу Велику неразделимую.

Да што святой-то Егорий-свет проговаривал,
Да свет и храбрый Егорий проглаголивал:
— Да ты злодей царь-царище Демьянище,
Да видь это ты меня, святово Егорья-света,
омманываешь,

Да ты не станешь в нашу веру веровать,
Да ты не станешь нашему Богу молитися,
Да што велика наша вера крещенная,
Да Ево Матерь Божия да Богородица,
Да его Троица Великая неразделимая!

Да видь што святой-то Егорий-свет и храбрый
Дак отгвоздил он от древа от высоково
Да самово царя-царища Демьянища
Да ради своеё веры крещення,
Да ради Матери да Святой Богородицы,
Да ради Троицы святой неразделимая.

Да што злодей царь-царище Демьянище
Да на святого на Егорья пуще возлбился:
Он велел-то Егорья во котле его варить,
Во котле варить, во смоле, свинце, в олове.
Дак налили в котел смолы, свинца, волова,
Дак он и сам-то злодей в котел смолы подкладывал
Дак он и сам-то злодей приговаривал:
— Да раскипись-ко в котле смола, свинец, волово
Да пожри-ко Егорья-света Храброго,
Да не бывать бы Егорью на сей на земли.

Да не видать бы Егорью свету белого,
Да не узреть бы Егорью солнца красного.
Да велел Егорью-свету Храброму
Во котел ставать в смолу, свинец, волово.
Да становился Егорий поверх котла,
Што поверх котла на святом на воздухе,
Да што святому Егорью ништо нэ вредит.
Да возгласил-прогласил до небес святых:
— Да што велика наша вера крещеная,
Да его Мать Божья да Богородица,
Да его Троица великая неразделимая!
Да што злодей царь-царище Демьянище,
Да на святого на Егорья зло пыляючи,
Дак он велел-то Егорью наледник ему копать,
Наледник копать ему глубокои:
Глубиной наледник шестьдесят ему сажон,
Длиной наледник сорока ему сажон,
Зашивать его щитою дубовые,
Закрывать его крышкам железными,
Засыпать его пескам круто-желтыми.
Да святому Егорью-свету Храброму
Да копали наледник глубокои,
Да видь глубиной наледник шестьдесят сажон,
Да видь длиной наледник сорока сажон.
Да видь што святого Егорья посажаючи,
Да все на тридцать лет да все на три года,
Зашивали его щитою дубовые,
Закрывали его крышкам железными,
Засыпали пескам круто-желтыми.
Да видь сам-то злодей песок притоптывал,
Да видь сам-то злодей тогда приговаривал:
— Да видь не бывать бы Егорью на сей на земли,
Да не видать бы Егорью света белого,
Да не узреть бы Егорью солнца красного.
Да проходило время это великое,
Да ровно тридцать лет да ровно три года.
Во сырой-то земли Егорий проговаривал,
Свет и Храбрый Егорий проглаголивал:
— Да вы подуйте-ко витры со вихорем
Со восточные да со сторонушки,
Рознесите пески да круто-желтые,
Дак росшепите вы щиту дубовую,
Дак раскройте вы крышки железные
Да видь все за Егорьево за моление,
Да видь всё за Егорьево за терпение!
Да видь потянули витры со вихорем
Да со восточные да со сторонушки,

Да рознесли пески да круто-желтые,
Да росшепили щиту да дубовую,
Да раскрыли крышки железныя.
Дак што увидел Егорий свету белого,
Дак што ўзрил Егорий солнце красное.
Дак из сырой земли Егорий выхождаючи,
Да видь святую веру утверждаючи,
Да пошел Егорий в Ерусалимов град.
Дак што во дальнем во чистом поле
Дак стояла одна церква соборная,
Да соборная церква богомольная.
Дак во церкву Егорий вохождаючи,
Дак матери Софии в ноги припадаючи:
— Мать моя, София Премудрая,
Скажи, батюшка, где добрый конь?
— Да твоего, батюшка доброй конь да во чистом поле,
Да на добром коне сбруя ратная,
Да видь со добра коня сбруя не снятая.
Да пошел Егорий во чистое поле,
Да што добра коня себе искаючи.
Да по святой-то России проезжаючи,
Да што святую веру утверждаючи.
Дак што святой-то Егорий тогда наедучи
Дак он на те на горы на толкучия.
Дак што те горы толкаются,
Дак они сойдутся-разойдутся, —
Да што нельзя Егорью проехати,
Да што нельзя Егорью и подумати.
Да што святой-то Егорий проговаривал,
Да свет и Храбрый Егорий проглаголивал:
— Дак уж, гой еси, горы толкучия,
Дак видь расходитесь, горы, по всей земли
Да што по всей земли, горы, по святой Руси.
Да што на вас, горы, да будут строити,
Да будут строить церкви соборныя,
Да што соборныя церкви богомольныя.
Да што расходилися по всей земли,
Да што по всей земли да по святой Руси,
Да все за Егорьево все видь умоление,
Да все за Егорьево велико претерпение.
Да што святой-то Егорий тогда поезжаючи,
Да што святую веру Егорий утверждаючи,
Да што святой Егорий тогда наедучи,
Да што на те леса дремучие.
Да што ко сырой-то земли леса клонятся,
Дак от сырой-то земли леса не отклонятся, —
Да што святому Егорию нельзя проехати,

Да што свет и Храброму нельзя и подумати.
Да што святой-то Егорий проговаривал,
Да што свет и Храбрый проглаголивал:
— Дак вы, гой еси, вы леса дремучие,
Дак отделяйтесь, леса, дак от сырой земли,
Да я из вас, леса, да буду строити,
Да буду строити церкви соборныя,
Да церкви соборныя богомольныя.

Да за Егорьево все видь умоление,
Да за Егорьево все видь претерпение,
Дак отделялись леса от сырой земли.

Дак вот святой-то Егорий проезжаючи,
Дак святую веру утверждаючи,
Дак што святой-то Егорий тогда наехавши
Дак он на стадо на серых волков,
На серых волков на прыскучиих.
Да што нельзя Егорию проехати,
Да што нельзя никак и подумати.

Да што святой-то Егорий проговаривал,
Да што свет и Храбыи проглаголивал:
— Да уж вы, гой еси, вольки прыскучие,
Расходитесь, вольки, по всёй земли,
Да вы по всей земли, по святой Руси,
Да где вы по три, по два, по единому,
Да кушайте, волки, все по-велевному,
Да все за Егорьево умоление,
Да за его за святого претерпение.

Расходилися волки по всёй земли,
Да што по всей земли, да по святой Руси,
Да где оны по три, по два, по единому,
Дак оны кушали волки по-велевному.

Да видь што святой-то Егорий проезжаючи,
Дак он святую веру утверждаючи,
Да видь святой-то Егорий тогда наехавши,
Да видь он на то стадо на змеинное,
На змеинное стадо, на лукавое.
Да што пасли это стадо три пастыря,
Да три пастыря, да красныя дѣвицы,
Да што святой-то Егорий проговаривал,
Да свет и Храбрый Егорий проглаголивал:
— Дак ой уж вы, гой еси, да три пастыря,
Да три пастыря, да красныя дѣвицы,
Дак вы откудова, да три пастыря,
Дак вы которого дак вы и города,
Дак вы которого да отца-матери?
— Да уж мы города Ерусалимова,
Дак отца Федора да Благоверного,

Дак наша мати София да Премудрая.
— Дак уж и гой еси, да трии пастыря,
Да трии пастыря, да красны дѣвицы,
Да видь вы родимья да мои сѣстрицы,
Да видь вы пасли стадо змеинное,
Да видь вы окаянного духу нахваталися,
Да вы сходите в Ердань-реку искупайтесея.
Да видь святой Егорий свет и Храбрый,
Да видь стругал Егорий стружки дубовья,
Да видь ко стружкам приговаривал:
— Да видь обращайтесь, стружки, в калені стрелы,
Да видь што побейте змеенышей,
Да видь змеинное стадо лукавое!
Обращались стружки в калены стрелы,
Побили стадо змеинное,
Змеинное стадо лукавое,
Да все за Егорьево умоление
Да все за его, святого, претерпение.
Да што святой-то Егорий тогда поехавши,
Дак он по той-то земли проезжаючи,
Дак он святую веру утверждаючи,
Дак видь святой-то Егорий тогда наехавши
На самого-то царя-царица Демьянища.
Да заревел злодей-царь по-звериному,
Зашипел злодей-царь по-змеинному.
Да видь под ним (под Егорием) конь да озирается,
Да видь от сырья земли не отделяется,
Да видь вынимает палицу дубовую,
Да видь он и бьет коня по крутым бедрам.
Дак и доброй конь да испровещился
Да человеческим ли языком
Да молодецким ли голосом:
— Да ты святой Егорий свет и Храбрыи,
Да натягивай свой тугой лук,
Да накладывай стрелочку каленую,
Да опушай окаянному царю во челюсти,
Да отщепи ему легко с печенью,
Да от него кровь пропусти,
Да ты пролей кровь за батюшку,
Да за батюшку пролей кровь, за матушку,
Да ты пролей еше кровь за родных за сестер.
Дак вот святой Егорий-то свет и Храбрыи
Да видь натягивал свой тугой лук,
Да видь накладывал стрелочку каленую,
Опущал окаянному царю во челюсти,
Отщепил ему легко с печенью,
Да от него кровь пропустил

Да не по ко́лен, да все не по́ пояс,
Дак пожирала Егорья по белым грудям.
Дак вынимал да копые бусурманское,
Дак ударил копьем во сыру землю:
— Уж ты, матушка сыра земля,
Расщепись-ко ты на две половины, на четыре четверти,
Пожри-ко ты в себя кровь неверную,
Да што неверную кровь бусурманскую
Да все за Егорья за умоление,
Да за его, святого, претерпение.

Расступилась матушка сыра земля,
Пожрала в себя кровь неверную,
Што неверную кровь бусурманскую.
Да што святой-то Егорий проговаривал,
Да свет и Храбрыи проглаголивал:
— Уж я пролил кровь я за батюшку
Да за батюшку пролил кровь, за матушку,
Дак я еще пролил кровь да за родных-то сестер.

Да што святой-то Егорий проезжаючи
Да што во то во царство Вавилонское,
Да што он и строил и церкву соборную,
Соборную церкву, богомольную.
Дак он списал свой лик на образи,
Дак он поставил образ за престол Божий,
Завещал попам, отцам духовным,
Дак всему миру православному:
— Дак вы, гой еси, попы, отцы духовные,
Дак вы, християне православные,
Дак вы ходите во церкву во соборную,
Дак вы молнтесь Богу Господу,
Да поклоняйтесь чудному образу
Да святому Егорию Храброму.

Да видь што пошла слава по всей земли,
Да што по всей земли слава по святой Руси,
Што от ныне во веки веков. Аминь.

2

О СПАСЕНИИ ЕЛИСАВИИ АРАХЛИНСКОЙ ЦАРЕВНЫ¹

На три города Господь прогневался,
На три города да на три неверных;
А и на первый город — Арахлин-город,
На другой город — на Солóm-город,

¹ По народным сказаниям, Георгий убил змея, напавшего на царство некоего языческого царя, избавил от гибели царевну.

А на третье царство Сарофимское,
Сарофим-город Бог огнем сожжет,
Солом-город сквозь землю пройдет;
На Арахлинское царство напустил Господь,
Напустил Господь да змею лютую,
Змею лютую, девятиглавую.

А и стала змея да поналётывать,
По головушке да стала схватывать,
По головушке да по куриной, —
Стало мало кур во граде становиться.
А и стала змея да поналетывать,
А и стала змея да понасхватывать
По головушке да по скотинной, —
Стало мало скота в граде ставиться.
А и стала змея да поналетывать,
А и стала змея да понасхватывать
По головушке да человеческой, —
Стало мало людей в граде ставиться.

Арахлииски да были мужики
Собралися да на зеленой луг,
Становилися да во единой круг,
Оны думали да думу крепкую.
Рыли жеребья¹ да промежду собой:
Да кому идти да ко синю морю,
Ко синю морю да на ту сходню²,
Да на ту сходню да на змеиную
Ко лютой змеи да во съядение.

Выпал жеребей да на царской двор
Да на того царя да на Агапия.
Пошел ведь царь да закручинился,
Закручинился да запечалился,
Он повесил свою голову
Ниже плеч своих, ниже могучих,
Он спустил свои ясны очи
Во матушку во сырү землю,
Он пошел в свои палаты белокаменны.
Постретат³ его да молода жена,
Молода жена да Елисавия,
Говорит ему да таковы слова:
— Ай же что же, царь, да закручинился,
Закручинился да запечалился,
Ты повесил свою голову

¹ Бросали жребии.

² Сходня — схождение, встреча.

³ Встречает.

Ниже плеч своих могучиих,
Ты спустил свои ясны́ очи
Во матушку да во сыру землю?

Говорит царь да таковы слова:

— Ай же ты, молода жена,
Молода жена да Елисавия!
Как же мне да не печалиться?
Надо мне пойти да ко синю́ морю,
Ко синю́ морю да на ту сходню
На ту сходню да на змеиную
Ко люто́й змеи да во съядение, —
Мне оставить царство Арахлинское!

Говорит ему да молода жена:

— Не кручинься, царь, да не печалуйся,
Есть у нас ким заменутися,
Есть у нас да едина дочь,
Едина дочи да Елисавия, —
Она не нашую да веру веруе,
Не по-нашему да Богу молится:
Она веруе веру хресьянскую,
Она молится да самому Христу,
Самому Христу да Богу распятому,
Она другому — Егорю Светохраброму,
Она третьему — Миколу Святителю.
Может, тыи боги ю помилуют...

Говорит царь да таковы слова:

— Свеселила ты мою да буйну голову!

А вовходит царь да во палатушку,
Он заходит, царь, до своей дочь,
Говорит ей да таковы слова:

— Ай же ты, едина дочь!
Едина дочи да Елисавия!
Тебе сватают да трой сватова.
Первый сватова да в землю в Русию,
Други сватова — в землю неверную,
Третьи сватова да в орду темную!
За которого ты замуж пойдешь?

Говорит ему да единá дочи,

Едина дочи да Елисавия:
— Я замуж пойду да в землю в Русию!
— Ты замуж пойдешь да в землю в Русию:
Перво платьеци возьми венчальное,
Друго платьеци возьми печальное,
Третье платьеци возьми дорожное!

Аще тут девица срадовáлася,
Да всю ночь она Богу молилася,
Написала вона да три листа,

Три листа ербовой бумаженьки.
Аще первый лист Егорью Храброму,
Другой лист самому Христу,
Самому Христу, Царю распятому,
Она третий лист — Миколу Святителю.
Говорит-то ей Агапий-царь:
— Ай же ты, да единая дочь!
Единая дочь да Елисавия!
Ты вставай утром ранешенько,
Умывайся-ка ты белешенько,
Утирайся-ка ты скорешенько,
Поворот держи да молодецкий!

Уходил ведь царь от своей дочери,
От своей дочери да с ейной комнаты.
Тут девица спать ложилася.
И проснулася она ранешенько,
Умывалася она белешенько,
Утиралася она скорешенько,
Собирала она свои платьица:
Первы платьица взяла венчальные,
Вторы платьица взяла печальные,
Третьи платьица взяла дорожные.
Выходила она да на крылечико,
На крылечко на перёное.
У крылеченка да у перёного,
Там стоит каретушка ведь темная,
Запряжен жеребчик неученый,
Там сидит Ванюша повареный.
Аще тут девица испугалася,
Подломились ейны резвы ноженьки,
Говорит она да таковы слова:
— Дайте строку мне да ведь немножечко,
Хоть на маленьку да на минуточку
Сходить да мне да в свою комнату,
Взять-то мне да свои платьица!

Приходила она да в свою комнату,
Поклонилася да Егорью Храброму,
Другому — Миколу Святителю,
Третьему — да самому Христу,
Самому Христу, Царю распятому.
Говорит девица да таковы слова:
— Ты спаси, Господь, да от съядения,
Ты поспей, Егорей, ко синю морю,
Ко синю морю да на ту сходню,
На ту сходню да на змеиную!

Тут садилася девица во каретушку,
Во каретушку да в темную,

Повезли девицу ко синю морю,
Ко синю морю да на ту сходню,
Ко лютой змеи да на съядение.
Выходила девица со каретушки,
Со каретушки да со темной.

Откуль-нё-откуль да доброй конь бежит,
Он со всей сбруей да с лошадиной,
Он со палицей да со булатной.
На кони теперь да молодец сидит,
Молодец сидит Егорей Светохрабрый.

Приезжал Егорий ко девицушки,
Говорит Егорий таковы слова:
— Для тебя, девица, притомил коня,
Ты садись со мной да на зеленый луг.

И заснул Егорий нонь во крепкий сон.
Стало морюшко да колыбаться,
Стали омуты да подниматься.
Говорит змея да таковы слова:
— Слава Богу, слава Господу,
Три головушки да во съядение, —
Аще первая глава да лошадиная,
Дви головушки да человеческих!

Аще тут девица прирасплакалась,
Выпала слезинка на бело лицо,
На бело лицо Егорью Светохраброму.
И проснулся Свет да со крепкаго сна.

Он встает на ножки резвья,
Говорит змею да таковы слова:
— Ты не радуйся, да змея лютая!
Не твои это головушки во съядение.
Уж ты стань, змея, да тиха-кротка,
Тиха-кротка да что скотинника!
А не станешь ты тиха-кротка,
Тиха-кротка да что скотинника,
Я сожгу тебя да понь на пепелок!

Он брал, Егорий, да змею да во белы руки,
Привязал он, Свет, на шелков пояс,
Подает змею девицы во белы руки:
— Принимай, девица, змеи лютыя.
Ты сведи змею да ныне лютую,
Ты сведи змею да в Арахлин-город,
Привяжи змею да ко родительску
Да ко крылеченку да ко перёному,
Да ко коленченку да золоченому.
Говори отцу своему, отцу да ты родителю:
«Уж вы веруйте веру хресьянскую,
Вы молитесь да самому Христу,

Самому Христу, Царю Небесному!
Вы состройте церковь богомольною!»
Как состроите церковь богомольною.
Я сведу змею да ко синюю морю,
Распушу змею я на маленьки да на гаденыши,
Я на тоненьки на веретеныши.
Распушу змею да по всей Руси.
Не состроите церковь богомольною,
Я спущу змею да взад по-старому!
Говорит-то ей Агапий-царь:
— Ай же ты, единá дочь, Елисавия да Агапиевна!
Не спусти змею да взад по-старому!
Я сострою три церкви богомольныя
Не по своему да по хотеньицу,
А по вашему да по веленьицу.
Уж мы перву — Егорью Светохрабромю,
Уж мы другу — Миколу Святителю,
Уж мы третью — самому Христу, Царю небесному!
Будем веровать веру хресьянскую,
Оставим-ка веру проклятую!

3

АЛЕКСЕЙ БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК¹

Во славном во городе Рыме,
При царе было при Онорие,
Жил человек благочестивый,
Великий Ефимьян-князь;
Супруга его Аглаида.
Жили они многие лета,
У них не было детища ни единого.
Великий славен Ефимьян-князь
Со своей с супругой со княгиней
Молился Богу со слезами,
Со праведными со трудами,
Многия обещания творили,
Честные молебны служили,
У Господа милости просили:
— О Боже, Владыко, Царь небесный!
Услыши нашу молитву,
Увиди моленье,
Призри наше слезное рыданье!
Создай ты нам, Господи, чадо,

¹ По церковным преданиям, Алексей-подвижник жил в конце IV — начале V в.

Единое чадо, молоденца!
При младости нам на погляденье,
При старости нам на сбережение,
При смертном часу на помин душ!
Услышал Господь Бог их молитву:
Создавал им Господь детище единое.
Аглаида во утробе поносила,
Понося ему чадо породила.
Великий славен Ефимьян-князь
Священника в дом свой призывает.
Княгине молитву давали,
А младенцу имя нарекали:
Нарекли ему имя святое,
Святое имя — Алексеем,
Божьим, светом, человеком.
Была в доме многая радость,
Всемирное всем веселье.

Алексей Божий стал семи лет,
Отдавали его грамоте учить:
Скоро ему грамота далася,
Он скоро писать научился.
С семи лет он грамоте доволен,
Божественному рукописанью,
Евангельскому, свет, толкованью.
Как будет Алексей в возрасте, в законе,
Поизволил его батюшко женить:
Избрал он по всему Рыму
Единую красную отроковицу
Великого царского рода.

Не хотелось Алексею жениться —
Хотелось ему Богу помолиться,
За млáдия лета потрудиться.
Он с батюшки воли не снимает:
— Не неволь меня, батюшко, жениться!
Пусти меня Богу помолиться,
Со младости лет Богу потрудиться!

Здесь его отец не послушал,
А он своему отцу не поспóрил.
Поехали Алексею за невестой;
Привезли Алексею невесту.
Жениться Алексей не помышляет,
На образ Спасителей взирает:
— Ты батюшко наш, Спас пречистый!
Не допусти до греха до большого,
До тяжкого прегрешенья!

Повели Алексея в Божью церковь,
Златые венцы на них взолагали,

Златыми перстнями обручали,
Единую чару они распивали.
Из Божьей из церкви их во палаты
Ко великому князю к Ефимьяну;
Сажали за столы дубовы,
За те ли за скатерти за браны,
За те ли за есты за сахарны,
За те ли за питья медовыя.
Очень Алексей скучен-грустен.
Как возгóворит батюшко Ефимьян-князь:

— Ой же ты, чадо мое возлюбленное!

Что ты не весело поступаешь?

Аль тебе княгиня не п'обычью?

Аль твоя обрученная не по нраву?

Отцу Алексей Божий ответил:

— Великий ты князь Офимьяний!

Княгиня ты, матушка родная!

На что ж вы принуждали мя жениться?

Княгиня моя мне п'обычью,

Обрученна моя мне по нраву.

На что принуждали мя жениться,

Не пустили Богу помолиться,

Со младости лет Богу потрудиться?

Они первую, вторую еству воскушáли,

Из-за третьей есты восставали,

Со молодой своей супругой с обручной.

Он Господу Богу помолился,

С батюшкой, с матушкой простился,

Он принял от них благословенье.

Во первом часу было ночи,

Пошел Алексей почивати

Во славные тихие покои,

В те же во отхожие¹ чертоги.

Един Алексей заключался.

Стал же святой во чертоге,

Честно же он Господу молился.

Егда домашние спать ложились,

Родители его приуснули,

Во шестом часу было ночи,

Он возгóворит обручной-то княгине:

— Ой же ты, обручная княгиня!

Ты станешь ли со мной за един Богу молиться?!

Промéж нас будет Святой Дух!

Княгиня ему умолчала,

Никакого ответу не сказала.

¹ Отдельные.

Снял Алексей шелков пояс,
Со правой руки золот перстень,
Отдает обрученной княгине:
— Любезнейшая моя обручная супруга!
Храни сии вещи сердцевья!
Спасет тебя Господь Владыко,
И Бог благословит славен дом твой,
И даст тебе царство небесное;
Да и будет Господь между нами.
Храни ты мои честные дары:
Вот тебе мой шелков пояс,
Со правой руки золот перстень!
Молися ты Господу, трудися
За Алексея Божья человека!
А я пошел в иншую землю,
За батюшкин грех помолиться,
За матушкин грех потрудиться!
Супруга его промолчала,
Ни ответу, ни привету не сказала.

Пошел Алексей во комору:
Берет он себе много злата,
Златотканую ризу, свет, вздевает,
Пошел он из Рыму из граду.

И шел он путем,
Навстречу ему идет нищий:
— Ты нищий, ты нищий брате!
Скинь свою нищенскую одежду!
Возьми ты мое цветно платье,
А мне дай свою нищенску одежду!

Он светлую ризу совлекает,
Сам ветхую одежду, свет, вздевает.
Великая себя он изнуряет,
Христа ради подавает.

Подходит он ко синему ко морю,
На море погода становилась.
Становился тут на море кораблик.
Садился Алексей во кораблик,
Пушался на синее море.

Где не взялись буйные ветры,
Раскачали легкую лодку,
Понесли Алексея синим морем.

Приплыл Алексей во Одес-град¹,
Ко святой ко церкви ко соборной.
Перешел Алексей на крутой берег;
С радостью возвеселимшися,

¹ Турецкий город Эдесса.

Он злато по нищим разделяет.

Приходит ко Божьей ко церкви,
Становился Алексей-свет на папёрти,
У правой руки возле притвору,
Со своей со нищею братьей.
Земные поклоны справляет,
У Господа Бога милости просит:
— Создай ты мне, Господи, влас долгий,
Чтоб отец-мать меня не познали!

Молился Алексей Богу, трудился;
Красота в лице его потребишаса,
Очи его погубишася.
А зренье помрачишася;
Стал Алексей как убогий,
Токмо его единый о́стов.

Отец и мать по нем растужились,
И сия обручная его супруга.
Как горько они по нем рыдали.
Яко реку слез испущали,
Сами жалобно его, света, причитали;
Посылали они рабов его искати.
Рабы же его отъезжали,
По всем по градам его искали.
Рабы же во Одес-град приезжали,
Ко той же ко церкви прихождали,
И тут Алексея не узнали,
Лишь милостину ему воздавали.
У них Алексей принимает,
А Господа Бога прославляет:
— Сподоби ты меня, Господи Владыко,
От раб своих милостину взяти.
За своих за рабов Богу молиться!

Сподобил его Господи Владыко
От раб своих милостину взятию
У них Алексей принимает,
По нище по братьи разделяет;
За милостину он Богу молился.
Молился Алексей во Одесе, трудился,
Семь лет-годов на десяток.

Мать Божия его зрила,
Прогласила во церкви пономáрю:
— Гляди ты, пономарь, на папéри!
Возьми ты святого в Божью церковь,
Постанови мне его перед престолом!
— Свет Пресвятая Богородица!
Я человек пред тобою многогрешный,
Не можно мне святого приузнати!

— Твори ты Иисову молитву,
Святой тебе сам объявится.

Пошел пономарь, слезно заплакал,
Творил он Иисову молитву,
Берет он святого в Божью церковь,
Постановил его перед престолом.

Речет Пресвятая Богородица:

— О раб ты мой, Божий человече!
Зачем ты ко мне, мой раб, приходишь?
Какой милости у меня просишь?

— О свет Пресвятая Богородица!

Пришел я к тебе, свет, помолиться,
За млáдые свои лета потрудиться,
К твоему к честному престолу приложиться!

— Когда ты пришел мне помолиться,

За млáдые свои лета потрудиться,
И к моему честному престолу приложиться,
Гряди¹ ты, Алексей, во славен Рым-град!

Отец тебя и мать не узнают,

И твоя обручная супруга.

Отец и мать будут у обедни,

И твоя обручная супруга.

Дождавши ты их на переходе,

Прими от них благословенье!

Сему же Алексей помолился,
За млáдые свои лета потрудился,
К честному к престолу приложился,
Пошел Алексей вон из церкви.

Хотел он прийти в иншие страны,

Не хотел пребыть в своем доме,

До конца лет, души переселения.

Приходил Алексей в чисто поле,

Подошел ко синему морю,

И садился Алексей в кораблик,

И слушался Алексей на сине море.

Где ни взялись буйные ветры,

Понесли Алексея синим морем.

По Божьему все повеленью.

На море кораблик поносило,

Ко Рыму ко граду примывало.

Бежал он час через море.

Споведал святой волю Божью.

Приходил Алексей во Рым-град.

Во славном во городе Рыме

Звонили звоны колокольны,

¹ Отправься.

Шел же Алексей Рымом-градом,
Приходил ко святым ко воротам,
Ко святой ко Божией церкви.

Отец и мать идут от обедни,
И сия обручная супруга;
Князь Ефимьян идет ему навстречу,
Идучи во царские в палаты
От святой от Божией от церкви,
Со многими князьями, со боярами,
Со великим со кремненством¹.

Дождавши он их на переходе,
Достойно Алексей им поклонился:

— Ой еси, князь благородный!
Призри мя нищего, странного!
Не ради моего упрошенья,
Ради души своей на спасенье.
Сострой ты мне, убогому, келью
Возле своей каменной палаты,
Возле своей белой ограды,
Не ради меня, старца, калеки,
Ради сына твоего Алексея!

Князь Ефимьян возрадовáлся,
Горючими слезами обливался:
— Спасет тебя Бог, человече,
Что ты мне радости возвещаешь
Про моего сына про Алексея,
Про Алексея Божья человека!
Я сам про него, света, не знаю,
В которой он стране пребывает
И где свою душу сохраняет.

Почему же ты моего сына знаешь?
Речет² Алексей к князю к Ефимьяну:

— Батюшко, славен Ефимьян-князь!
Мне как твоего сына не знати,
Алексея Божьего, свет, человека!
В единой мы палатке с ним пребывали,
Единую хлеб-соль мы с ним воскушали,
Единую одежду мы с ним носили,
Единую мы с ним чару пойла распивали,
Мы вместе с ним грамоте учились,
В единой мы с ним пустыне трудились!
Князь Ефимьян прослезился,

¹ В окружении почетных граждан, со свитой.

² Говорит.

Сына своего воспомянувши:
— Ой еси, нищий-убогий,
Ты старец, калика-переходец!
Когда ты про моего сына знаешь,
Алексея Божьего, свет, человека,
Гряди же ты, убогий, вслед за мною:
Велю я напоить тебя, накормити,
И Христа ради келью построю.

Князь Ефимьян милосердный,
Построил князь убогому келью,
Приставил рабов к нему служити,
Келью топити, призирати.
Брали рабы его в любчюю братью,
С радостью за ним ходити,
И келью топить, призирати.

Деймон-враг возненавидствовал,
Зубами злыми воскрежетоше,
Хотел погубить его терпение.
Рабы же Алексея не взлюбили:
Иные рабы укоряли,
А други помоями лили;
Много бесчиниев творили,
Плевали, харкали все на келью.

На то же Алексей не прогневился:
Терпел же святой с благодареньем,
С радостию Алексей нужды принимает,
Князю Ефимьяну не взвещает,
А Господа Бога он прославляет;
За своих за рабов Богу молился.
Молился Алексей у отца в доме неведым¹,
Кушал на неделе по просвирке,
Во всякой неделе исповедáлся,
Святыми тайнами приобщался,
Чудным крестом благословлялся.

Спознал он себе скорую кончину.

Рабов он к князю посылает:

— Сослал бы мне хартиал ради кельи!

Рабы же от князя приходжали,
Бумаги и чернил ему подавали.
Списал Алексей рукописанье,
Списал Алексей свое порождение,
Велико святое умоление,
Списал Алексей вечное извещение,
Списал Алексей яко таинство.

Списамши, святой преставился.

¹ Неузнанным.

Во славном во городе во Рыме
Промежду обѣден, заутрени,
Исполнил Господь благоухания,
Тимьяном и ладаном запахло
По всему по городу по Рыму.
Архиерей сам шел к обедне,
На своем на месте он становился;
Речет он попам, патриархам,
Многим православным христианам:
— Вы ой еси, князья и бояре,
Попы, православные христиане!
Что у нас во Рыме учинилось?
Что пахнет тимьяном и ладаном?
Нет ли во Рыме престáвленного,
Или святых мощей проявлѣнных?
Ходили по Рыму, искали.
Нигде не нашли они престáвленнаго
И святых мощей проявлѣнных.
Много народу собиралось.
Сходились они в соборную Божию церковь,
Всю ночь они Господу молились.
Явился глас им Святого Духа:
«Божьего человека тело исходит!
Ищите вы в доме в Ефимьяновом!»
Тогда царь с патриархом
Свечи и кадила принимали,
Всходили в дом они к князю к Ефимьяну
Со всем с просвещенным собором:
Нашли они забыдящую¹ келью.
Труждающи в келье преставился;
В рúцах он держит рукописание.
Царь к мощам поступался.
Святым мощам царь поклонился:
— Свет вы, святыя отцы-мощи!
Отдайте свое рукописание,
Явите мне свое похождение,
А я есмь царь всему миру!
Царю рукописьмо не далось.
Владыко к святым мощам доступает.
Коленом к нему он преклолняет.
За рукописание он принимает:
— Вы свет святые мощи,
Святыя мощи проявлѣнная!
Отверзайте святую нам ручку,
Распротай свое рукописание!

¹ *Забыдящая* (келья) — забытая всеми.

Яви чудеса свои всему миру!
Как бы нам вас, светов, знати,
По имени бы вас нарекати!
Далось рукописьмо́ патриарху.
Стал патриарх читати
Чудеса же его всему миру;
Дочелся любимого сына:
Порождение он князя Ефимьяна,
Имя ему Алексеем,
И мать его Аглаида;
Повелел им его Господь спознати,
Возлюбленного своего чаду.
Алексея Божьяго, свет человека;
В зрящий пяток приуспокоился,
Сподобил его им Господь в доме видети.

Великий же славен Ефимьян-князь
До святых до мощей доступает,
Святое лицо его воскрывает:
Просияла красота его, яко от ангела.
— Увы мне, сладчайший мой чадо,
Алексей Божий, свет, человеце!
Какое терпел ты терпение!
От раб своих ты укорение!
До веку мне дал скорбей мучение!
Горе мне, оскорблённому!
Плачу я, вижу смерть твою!
Чего ты мне тогда не явился?
Зачем ты пришел в град — не сказался?
Построил бы я келью не такую,
Еще бы не в этакое месте:
В своем в княженецком в подворье,
Возле бы своей каменной палаты
И возле бы коморы жены твоей!
Поил бы, кормил бы я тебя своим бы кусом!
Не дал бы рабам тебя на поруганье!

Проведала матушка родима,
Мать его Аглаида,
Молилась мать у народа:
— Дайте мне место, человецы!
Дайте, православные христолюбцы,
Видети сладчайшего своего чаду!

Дошла до святых мощей, падоше:
— Увы мне, сладчайший мой чадо,
Алексей Божий, свет, человеце!
Не любя пустынная твоя келья!
Что же мне тогда ты не явился?
Зачем пришел в град — не сказался?

Чаще бы я в келью прихождала,
Сама бы я келью топила, призирила!¹
Поила бы, кормила тебя своим кусом!

Проведала обручная княгиня,
Бежит ко святому, сама плачет:
— Свет ты мой, жених обрученный,
Святой ты мой князь возлюбленный,
Алексей Божий человече!
Для чего ты жив был — не сказался?
Потай бы я в келью прихождала,
Мы вместе бы с тобой Богу молились,
Промежду нас был бы Святой Дух!

Тогда же царь с патриархом
Кладут мощи во гробницу;
Они с великим князем Ефимьяном
Понесли святые мощи погребати.
Несли их три дни и три ночи:
Нельзя их приносить в Божью церковь, —
Много народу собиралось.

Провожали его князья и бояре,
Многие православные христиане,
Со ярыми со свечами;
Князя Ефимьяна
До святых мощей не допустят.
Повелел князь Ефимьян золото сыпати
На все на четыре стороны, —
Мир² же на золото не взирали,
А бегут к Алексею на прощанье.
Явил же Господь свое прощение:
Слепым давал Бог прозрение
Глухим давал Бог прослышенье,
Безумным давал Бог разум,
Болящим, скорбящим исцеление,
Всеми миру было поможение.

С трудом его, света, погребали
Во славном во городе во Рыме.
Объявил Алексей святую свою славу
Во всю Святорусскую землю.
Он Богу был, свет, угоден,
Всеми миру он доброхотен
Угодно он Господу скончался.

Алилуия и слава тебе, Господи еси!

¹ Следила за порядком, опекала.

² Люди.

ГОЛУБИНА КНИГА СОРОКА ПЯДЕНЬ¹

Да с начала века животленнова
 Сотворил Бог небо со землею,
 Сотворил Бог Адама со Еввою²,
 Наделил питаньем во светлом раю,
 Во светлом раю жити во свою волю.
 Положил Господь на их заповедь великую:
 А и жить Адаму во светлом раю,
 Не скушать Адаму с едново древа
 Того сладка плоду виноградова³.

А и жил Адам во светлом раю,
 Во светлом раю со своего со Еввою
 А триста тридцать три годы.
 Прелестила змея подколодная⁴,
 Приносила ягоды с едина древа, —
 Одну ягоду воскушал Адам со Еввою
 И узнал промеж собою тяжкой грех,
 А и тяжкой грех и великой блуд:
 Согрешил Адаме во светлом раю,
 Во светлом раю со своею со Еввою.
 Оне тута стали в раю нагим-ноги,
 А нагим-ноги стали, босешуньки, —
 Закрыли соромы ладонцами,
 Пришли оно к самому Христу,
 К самому Христу Царю небесному.
 Зашли оне на Фаор-гору⁵,
 Кричат-ревут зычным голосом:
 — Ты небесной Царь, Исус Христос!
 Ты услышал молитву грешных раб своих,
 Ты спусти на землю меня трудную,
 Что копать бы землю капарулями⁶,
 А копать землю капарулями,
 А и сеить семена первым часом.
 А небесной Царь, милосерде свет,

¹ Голубина (книга) — глубинная, мудрая. Пядень — пядя, мера длины, равна приблизительно четырем в метре.

² Адам и Ева — первые люди.

³ Измененный библейский рассказ о запретном плоде.

⁴ По-своему осмысленный библейский рассказ о змее-искусителе.

⁵ Фаор-гора — знаменитая прославленная в преданиях Фавор-гора в Палестине на западе от Генисаретского моря.

⁶ Копаруля — лопата, заступ.

Опускал на землю его трудную.
А копал он землю копарулями,
А и сеил семена первым часом,
Выростали семена другим часом,
Выжинал он семена третьим часом.
От своих трудов он стал сытым быть,
Обуватися и одеватися.

От того колена от Адамова,
От това ребра от Еввина
Пошли христиане православныя
По всей земли светорусския.

Живучи Адаме состарелся,
Состарелся, переставился,
Свята глава погребенная¹.
После по той потопе по Ноевы,
А на той горе Сионския,
У тоя главы святы Адамовы
Выростала древо кипарисова.
Ко тому-та древу кипарисову
Выпадала Книга Голубиная,
Со небес та книга повывадала:
В долину та книга сорока пядей,
Поперек та книга двадцети пядей,
В толщину та книга тридцети пядей.

А на ту гору на Сионскую
Собиралися-соезжалися сорок
царей со царевичем,
Сорок королей с королевичем,
И сорок калик со каликою,
И могучи-сильныя богатыри,
Во единой круг становилися.
Проговорит Волотомон-царь²,
Волотомон-царь Волотомонович,
Сорок царей со царевичем,
Сорок королей с королевичем,
А сорок калик со каликою
И все сильныя-могучи богатыри
А и бьют челом поклоняются
А царю Давыду Евсеевичу³:

¹ По церковным преданиям, Адам был погребен на Голгофе.

² Волотомон-царь — легендарный царь из «Повести о Волоте Волотовиче, или Беседы Иерусалимской». В ряде случаев заменен Владимиром-крестителем Руси.

³ Давыд Евсеевич — библейский царь, младший сын Иессея (Евсеевич), привел свое царство в цветущее состояние, расширил его пределы, автор «Псалтири», книги хвалений, псалмов.

— Ты премудры царь Давыд Евсеевич!
Подыми ты книгу Голубиную,
Подыми книгу, распечатавай,
Распечатавай ты, просматривай,
Просматривай ее, прочитайвай:
От чего зачался наш белой свет?
Отчего зачался со(л)нце праведно?
От чего зачался и светел месяц?
От чего зачалася заря утрення?
От чего зачалася и вечерняя?
От чего зачалася темная ночь?
От чего зачались часты звезды?

Проговорит премудры царь,
Премудры царь Давыд Евсеевич:
— Вы сорок царей со царевичем,
А и сорок королей с королевичем,
И вы сорок калик со каликою,
И все сильны могучи богатыри!
Голубина книга не малая,
А Голубина книга великая:
В долину книга сорока пядей,
Поперек та книга двадцети пядей,
В толщину та книга тридцети пядей,
На руках держать книгу — не удержать,
Читать книгу — не прочести.
Скажу ли я вам свою памятью,
Своей памятью, своей старою,
От чего зачался наш белой свет,
От чего зачался со(л)нце праведно,
От чего зачался светел месяц,
От чего зачалася заря утрення,
От чего зачалася и вечерняя,
От чего зачалася темная ночь,
От чего зачались часты звезды.
А и белой свет — от лица Божья,
Со(л)нце праведно — от очей его,
Светел месяц — от темичка,
Темная ночь — от затылечка,
Заря утрення и вечерняя — от бровей Божьих,
Часты звезды — от кудрей Божьих!

Все сорок царей со царевичем поклонилися,
И сорок королей с королевичем бьют челом,
И сорок калик со каликою,
Все сильныя-могучия богатыри.
Проговорит Волотомон-царь,
Волотомон-царь Волотомович:
— Ты премудры царь Давыд Евсеевич!

Ты скажи, пожалуй, свою памятью,
Своей памятью стародавнюю:
Да которой царь над царями царь?
Котора моря всем морям отец?
И котора рыба всем рыбам мати?
И котора гора горам мати?
И котора река рекам мати?
И котора древа всем древам отец?
И котора птица всем птицам мати?
И которой зверь всем зверям отец?
И котора трава всем травам мати?
И который град всем градом отец?
Проговорит премудры царь,
Премудры царь Давыд Евсеевич:
— А небесной царь — над царями царь,
Над царями царь, то Иус Христос;
Акиян-море — всем морям отец.
Почему он всем морям отец?
Потому он всем морям отец, —
Все моря из него выпали
И все реки ему покорилися.
А кит-рыба — всем рыбам мати.
Почему та кит-рыба всем рыбам мати?
Потому та кит-рыба всем рыбам мати,
На семи китах земля основана.
Ердань-река — рекам мати.
Почему Ердань-река рекам мати?
Потому Ердань-река рекам мати, —
Крестился в ней сам Иус Христос.
Сионская гора всем горам мати, —
Ростут древа кипарисовы,
А берется сера по всем церквам,
По всем церквам место ладану.
Кипарис-древа — всем древам отец.
Почему кипарис всем древам отец?
Потому древам всем отец, —
На нем распят был сам Иус Христос,
То небесной Царь.
Мать Божья плакала Богородица,
А плакун-травой утиралася,
Потому плакун-травы всем травам мати.
Единорог-зверь — всем зверям отец.
Почему единорог всем зверям отец?
Потому единорог всем зверям отец, —
А и ходит он под землею,
А не держут его горы каменны,
А и те-та реки его быстрья;
Когда выдет он из сырой земли,

А и ищет он сопротивника,
А того ли люта льва-зверя;
Сошлись оне со львом во чистом поле,
Начали оне, звери, драться:
Охота им царями быть,
Над всемя зверями взять большину,
И дерутся оне о своей большинé.
Единорог-зверь покоряется,
Покоряется он льву-зверю,
А и лев подписан — царем ему быть,
Царю быть над зверями всем
А и хвост у него колечиком.
А Нагой-птица — всем птицам мати,
А живет она на акиане-море,
А вьет гнездо на белом камене;
Набежали гости карабельщики
А на то гнездо Нагай-птицы
И на его детушак на маленьких,
Нагай-птица вострепенется,
Акиан-море восколыблется,
Кабы быстры реки разливались,
Топят много бусы-корабли,
Топят много червлененыя корабли,
А все ведь души напрасныя.
Ерусалим-град — всем градам отец.
Почему Иерусалим всем градам отец?
Потому Ерусалим всем градам отец,
Что распят был в нем Иисус Христос,
Иисус Христос, сам небесной царь,
Опричь царства Московскаго¹.

5

ДВА ЛАЗАРЯ

Жил себе на земле славен-богат,
Пил-ел богатый — сахár воскушáл,
Дóроги одежды богат надевал.
Пó двору богатый похаживает;
За ним выходила свышня² раба,
В руцех³ выносила мед и вино:
— Испей, мой богатый, зéлена вина,

¹ Характерная для русского певца оговорка — указывается на значение Москвы как оплота православной веры.

² *Свышня* (раба) — домашняя, от *свычая*, привычки.

³ В руках.

Закушай, богатый, сладкие меды!

Выходил богатый сам за ворота;
Ин пред воротами перед богачевыми
Лежит же убогий во божьем труду¹,
Во божьем труду, сам весь во гною.
Вскричал же убогий брату своему:
— Ой ты, мой братец, славен-богат!
Сошли, Христа ради хошь, милостыню,
Хлеба и соли, чем душу питать;
Про имене Христово напой, накорми.
Христос тебе заплатит, сам Бог со небес;
На мою на проторь² на нищенскую!

Скричал богатый на брата своего:
— Лежишь ты, убогий, во божьем труду,
Во божьем труду, сам весь во гною;
Ой, осмердил³ ты меня, как лютый пес!
Что ты мне за братец? Что ты за родной?
Этих у меня братьев во роду не было!
Есть у меня братья, каков я и сам,
Каков и я сам, князья-бояра;
Много у братьев именья-житья,
Хлеба и соли, злата и сребра;
А твои-то братья — два пса кобеля,
По подстолюю они похаживают.

— По том я тебе братец, по тому родной,
Что единая матушка нас породила,
Что един сударь-батюшка вспоил, вскормил,
Не ёдною долею он нас наделил:
Большему-то брату богатства тьма⁴,
Меньшому-то брату убожество и рай.

Плюнул же богатый, в палаты пошел:
— Я не боюсь твоей кропоты⁵,
Ни злых хуробыих⁶, злых уродливых!
Был у богатого почестный пир;
Пили же и ели друзья и братия;
Еще у богатого два лютые псы:

¹ *Труд* — боль, недуг, страдание.

² *Проторь* — расход, иждивение, повинность; нищий Лазарь говорит, что за него богатому Лазарю приходится нести расходы.

³ *Осмердить* — здесь: заразить запахом, оскорбить самим видом.

⁴ *Тьма* — бесчисленное множество.

⁵ *Кропоты* — худые, нежелательные речи, брань, ворчание.

⁶ *Хуробый* — худой.

Псы по подстолям похаживали,
Обронныя крошечки собиравали,
К убогому Лазарю принашивали.
Владыко со небес ему сам душу питая,
А псы ему раны зализывали.

Вышел убогий в чисто поле,
Взглянет он, взозрит да на небеса,
Воскричал убогий громким голосом:
— О Господи, Господи, Спас милостливый!
Услыши, Господь Бог, молитву мою,
Молитву мою, неправедную:
Сошли ты мне, Господи, грѣзных ангелов,
Грозных и несмирных, немилостливых!
Чтоб вынули душеньку сквозь ребер копьем,
Положили бы душеньку да на борону,
Понесли бы душеньку в огонь во смолу!
И так моя душенька намаялася,
По белому свету находилася!
Как живучи здесь на вольном свету,
Мне нечем, убогому, в рай превзойти,
Нечем в убожестве душу спасти!

Выслушал Господь молитву его;
Принял его душу на хвалы к себе, —
Ссылает Господь Бог святых ангелов,
Тихих ангелов, все милостливых,
По его по душеньку по Лазареву.
Вынимали душеньку честно и хвально,
Честно и хвально в сахарны уста;
Да приняли душу на пелену,
Да вознесли же душу на небеса,
Да отдали душу к Богу в рай,
К святому Аврамию к праведному:
— Вот тебе, душенька, тут век вековать,
В небесном царствии, пресветлом раю!
С праведными жить тебе, лик ликовать!

То же было время, все минулося.
Охоч был богатый торгом торговать,
Прохладен был богатый в беседах сидеть;
Гуляет богатый день до вечера.
Шел же богатый путем ко двору;
Найдет на богатого божия скорбь,
Злая хворыбонька, зла-уродливая смерть;
Предъимет богатого предвыше его,
Ударила богатого об сыру землю,
Не взвидит богатый пути пред собой,
Не узрел богатый двора своего,
Не опознал богатый жены и детей.

Сам лежа богатый молитву творил:
— О Боже, Владыко Спас милостивый!
Услыши, Господь Бог, молитву мою,
Молитву мою всю праведную:
Приими мою душу на хвалы себе!
Создай ты мне, Господи, тихих ангелей,
Тихих и смирных, и милостливых,
По мою по душеньку да по праведную;
Чтоб вынули душеньку честно и хвальнó,
Положили б душеньку да нá пелену,
Понесли бы душеньку к самому Христу,
К самому Христу, к Аврамию¹ в рай!
И так моя душенька поцарствовала!
Живучи здесь на вольном свету,
Пила, ела душенька, все тешилася!
Мне есть чем, богатому, в рай превзойти,
Мне есть чем, богатому, душу спасти,
Много у богатого имения-житья,
Хлеба и соли, злата и сребра!

Не слушал же Господь молитву его,
Молитву его неправедную;
Сослал ему Господи скорую смерть.
Сослал к нему Господь грóзных ангелов,
Страшных, грóзных, немилостивых.
По его по душу по богачеву.
Вынули его душеньку не честнó, не хвальнó,
Не чéстно, не хвáльно, сквозь ребер его,
Да вознесли же душу вельми² высокó,
Да ввергнули душу во тьму глубоко,
В тое злую муку, в геенский огонь:
— Вот тебе, душенька, вечное житье,
Вечное житье бесконечное!

Смотри ж ты, богатый, предвыше себя!

Взирает богатый очми нá небо:

Узрел богатый Аврамя в раю,

Возле Аврамя брата своего,

Мéньшего брата, Лазаря.

Вскричал богатый, во тьме сидючи:

— Братец мой, братец, убогий Лазарь!

Как я поначаял, что ты в превечной муке, —

Ан ты, мой родимый, в пресветлом раю!

Не попомни, братец, грубости моей!

Моги, мой родимый, душе пособить:

¹ Аврамя — библейский патриарх.

² Очень.

Есть у тебя, братец, правая рука,
У правой у рученьки мизинный твой перст
Обмочи ты, мой братец, в студеной воде,
Промочи ты мне, братец, кровавы уста,
Сократи ты, родимый, геенский огонь,
Чтобы мне, богатому, всему не сгореть
В той во злой муке превечней!

Ответ к нему держит убогий Лазарь:
— Ой ты, мой братец, славен-богат!
Нельзя, мой родимый, тебе пособить, —
Здесь нам, братец, воля не своя,
Здесь нам воля все Господова.
Егда мы живали на вольном свету,
Тогда мы с тобой Богу не справливали,
Ты меня, братец, братом не нарекал,
Нарек ты меня, братец, лютым псом;
Про имене Христово ты не подавал,
Нищих-убогих ты в дом не принимал,
Вдов, сирот, братец, ты не призирал,
Ночным ночлегом ты не укрывал,
Нагого, босого ты не одевал,
По пути сидящему ты не подавал,
Темную темницу ты не просвещал,
Во гробе умерших ты не провождал
До Божией до церкви всегда бы со свечой,
От Божией церкви до сырой земли.
В тем бы ты призрен от Господа был!

Речет же богатый, во тьме сидючи:
— Ой ты мой братец, убогий Лазарь!
Когда зная ты, ведал про вечное житье,
Про злую про муку предвечную,
Зачем ты, родимый, мне тогда не сказал?
Ох, я не жалел бы именья-житья,
Хлеба и соли, и злата-сребра!
Про имене Христово я бы подавал,
Тебя бы я братом родным нарекал
Нищих-убогих в дом бы призывал,
Вдов, сирот, братец, я бы призирал,
Ночным ночлегом я бы укрывал,
Нагого-босого я бы одевал,
На пути сидящему я бы подавал,
Темную темницу я бы просвещал,
Во гробе умерших я бы провождал
До Божьей до церкви всегда бы со свечой,
От Божьей церкви до сырой земли.
Тем бы я призрен от Господа был!

Ответ к нему держит убогий Лазарь:

— Ой ты, мой братец славен-богат!
Вспокаялся, братец, да не во время!
Где твое, братец, именье-житье?
Где твое, родимый, злато-сребро?
Да где ж твое, братец, цветное платье?
Где твои, братец, свышние рабы?

Речет же богатый во тьме сидючи:

— Ой ты, мой братец убогий Лазарь!
Именье-житье мое все прахом взято,
Злато мое серебро — земля пожрала,
Цветное платье все тлен восприял,
Друзья мои, братья — все минулися,
Свышняя рабоньки все врозь разошлись,
Спесь моя, гордость вся минулася,
Превечная мука мне сготовилася!

Речет же убогий в пресветлом раю:

— Ой ты, мой братец славен-богат!
Едина нас мать с тобой родила;
Не одни участки нам Господь написал, —
Тебе Господь написал богатства тьма,
А мне Господь написал во убожестве рай.
Тебя во богатстве враг уловил;
Меня во убожестве Господь утвердил
Верю, правдою, всею любовию.
Спасли мою душеньку святы ангели,
Где святы ангели лик ликуют,
Лик ликуют здесь ангели на земли,
Царствуют праведники на небесах.
Живи ты, мой братец, где Бог повелел,
А мне жить, убогому, в пресветлом раю.
С праведными жить и мне лик ликовать!

Мы нынече Лазарю славу поем,
Во век его слава не минуется!

6

ПЛАЧ АДАМА

Праведное солнце
В раю воссияло,
Весь рай осветило,
Весь рай осветило,
Все райские кущи¹.
Расплакался Адам,

¹ *Куща* — крона деревьев, листва.

Перед раем стоя:
— Ты рай мой, рай!
Пресветлый мой рай!
Меня ради, Адама,
Сотворён, строен;
Меня ради, Адама,
Рай заключили¹.
Ева согрешила,
Адама прельстила,
Весь род наш отгнала
От раю святого,
Себе помрачила,
Во тьму погрузила.
Адам вопияше
К Богу со слезами:
— Боже мой милостивый,
Помилуй нас, грешных!
Увы мне, грешному,
Увы незаконному!
Уже я не слышу
Архангельска гласа,
Уже я не вижу
Райския пищи!
Возговорит Ева,
Адаму глаголет:
— Адаме, Адаме,
Ты мой господине!
Не велит Господь Бог
Земным в раю жити.
Послал нас Господь Бог
На трудную землю.
Велел нам Господь Бог
Трудами кормиться,
Велел нам Господь Бог
Хлеб севати
И хлеб воскушати,
И правдою жити,
А зла не творити.
Христос Бог рождается,
В Иордани крестится.
В Иордани крестится,
Весь мир возновится,
Весь мир возновится,
Адам освободится.
Христос народился,

¹ *Заключили* (рай) — закрыли.

В Иордане крестился,
Весь мир обновился,
Адам освободился.

И мы, друзи-братие,
Прибегнем мы к церкви,
Послушаем, братие,
Божия писания.
Бог нас наказует
Щедрот своих ради,
Чтобы мы не впали
В превечную муку.
Послал нас Господь Бог
На трудную землю,
Велел нам Господь Бог
Правдою жити
И зла не творити.
Оставим мы злобу,
Восприемлем кротость,
Возлюбим мы нищих
Убогую братью,
Накормим мы голодных,
Напоим мы жаждых,
Обуем мы бóсых,
Оденем мы на́гих,
Оденем мы на́гих
Своим одеяньем,
Проводим мы мертвых
От двора до церкви
С ярыми свечами
С горькими слезами, —
Последнего свиданья
И последнего прощанья.
Прижмем руки к сердцу,
Прольем слезы к Богу.
И воззрим мы, братце,
На дубовые гробы.
Ой вы гробы, гробы,
Превечные дома!
Сколько нам ни жити,
Вас не миновати!
Тела наши пойдут
Во сырую землю,
Земле на преданье,
Червям на точенье;
Души наши пойдут
По своим по местам.
Все-то мы знаем

Что слышивали, что виживали?
 — Сам Иисус Христос, сам Небесный Царь!
 Мы хаживали на вольном на свету,
 Много слышали, много видели,
 Как душа с белым светом расставалася.
 Расставши душа, сама прочь пошла,
 И, отошедши, душа возворотилася,
 Со своим с белым телом попростилася:
 «Ты прости, мое тело белое,
 Прости, беззаконие мое!
 Ты пойдешь, тело, во сыру землю,
 Червам тело на́ источение,
 Вы, кости, земле на предание,
 А я, душа, к самому Христу на спокаяние».
 На стречу души сам Иисус Христос:
 — Почему же ты, душа, грехи угадываешь?
 — Потому я, душа, грехи угадываю,
 Что жила я на вольном на свету,
 Середы и пятницы на пащивалась¹,
 Великого говленья не гавливалась²,
 Заутрени, вечерни просыпывала я,
 В воскресный день обедни прогуливала,
 В полюшках душа много хаживала,
 Не по-праведну землю разделявала
 Я ме́жду через межу перекладывала,
 С чуждой нивы земли укрядывала.
 В эвтих во грехах Богу не каялась
 И отцу духовному не сказывала,
 Бескорыстный грех себе получивала.
 — Еще душу Богу согрешила:
 Не по праведну покосы я разделявала, —
 Вешку на вешку затáркивала³,
 Чужую полосу позакáшивала.
 В эвтих по грехах Богу не каялась.
 Еще душа Богу со́грешила:
 В соломах я заломы заламывала⁴,
 Со всякого хлеба спор отнимывала⁵.
 В эвтих во грехах Богу не каялась.
 — Еще душа Богу согрешила:

¹ Не постилась.

² Не говела в начале Великого поста.

³ Меняла места вешек, мет, деливших покосы.

⁴ В соломах я заломы заламывала — колдовское связывание узлом ржи на корню, чтобы прекратить рост и вызревание хлеба.

⁵ Колдовское действие — вынимание спора из хлеба.

Я во полях, душа, много хаживала,
Проворы в полях пораскладывала¹,
Скотину в поле понапущивала,
Суседний хлеб повыстравливала²,
Я добрых людей оголаживала³.
В эвтих во грехах Богу не каялась.
— Еще душа согрешила:
Из коровушек молоки я выкликивала,
Во сырое коренье я выдаивала⁴.
В эвтих во грехах Богу не каялась.
— Еще душа Богу согрешила:
Смалешеньку дитя свое проклинывала⁵,
Во белых во грудях его засыпывала⁶,
В утробы младенца запорчивала⁷.
В эвтих во грехах Богу не каялась.
— Еще душа Богу согрешила:
Мужа с женой я поразваживала,
Золотые венцы поразлучивала.
В эвтих во грехах Богу я не каялась.
— Еще душа Богу согрешила:
По улицам душа много хаживала,
По подоконю душа много слушивала:
Хоть не слышала, скажу — слышала,
Хоть не видела, скажу — видела.
В эвтих во грехах Богу не каялась.
— Еще душа Богу согрешила:
По свадьбам душа много хаживала,
Свадьбы зверьями оборачивала.
В эвтих во грехах Богу не каялась.
— Еще душа Богу согрешила:
По игрищам душа много хаживала,
Под всякие игры много плясывала,
Самого сатану во воспотешивала.
В эвтих во грехах Богу не каялась.
— Еще душа Богу согрешила:
Напилася душа зеленého вина,
От зеленého вина душа пьяна была.

¹ *Проворы в полях пораскладывала* — разгораживала изгородь, чтобы скотина могла пройти и нанести вред посевам, всходам.

² *Повыстравливала* — подвергала порче, вытаптыванию, губила хлеб.

³ Заставляла голодать.

⁴ Выдаивала коров; колдовством делала их недойнными.

⁵ Ругала черным словом, проклинала.

⁶ Во время ночного кормления засыпала и случайно придавливала младенца.

⁷ Наводила порчу на еще неродившегося ребенка.

Померла эта душа без покаяния,
Без того ли без попа без духовного.

Провалилася душа в преисподний ад:
Век мучиться душе и не отмучиться
За свое великое согрешение,
За свое великое беззаконие.

8

О ХРИСТОВЕ ВОЗНЕСЕНИИ

Среди было теплого лета,
Накануне Вознесения Христова,
Расплакалась нищая братья:
— Гой еси, Христос, царь небесный!
На кого-то ты нас оставляешь?
На кого-то ты нас покидаешь?
Кто нас поить-кормить станет,
Одевати станет, обувати,
От темные ночи охраняти?

Проглаголет Христос, царь небесный:
— Дам я вам, нищим-убогим,
Гору крутую — золотую.
Умейте горою владати,
Промежду собою разделяти;
Будете вы сыты и довольны,
Обуты и одеты,
И от темная ночи приукрыты.

Проглаголет Иоанн Златоустий:
— Гой еси, Христос, царь небесный!
Благослови меня слово промолвить
За нищую братью — за убогую:
Не давай нищим гору крутую,
Что крутую гору, золотую;
Не уметь им горою владати,
Не уметь им золотые поверстат¹,
Промежду собой разделяти;
Зазнают гору князи и бояра,
Зазнают гору пастыри и власти,
Зазнают гору торговые гости, —
Отоймут у них гору золотую,
По себе они гору разделят,
По князьям золотую разверстают,
Да нищую братью не допустят;
Много у них будет убийства,

¹ *Поверстать* — здесь, сосчитать, разделить, пустить в дело.

Много у них будет кроволитства,
Промежду собой уголовствия;
Да нечем будет нищим питаться,
Да нечем им будет приодетися,
И от темныя ночи приукрытися.
Дадим мы нищим, убогим
Имя твое святое:
Будут нищие по миру ходити,
Тебя, Христа, величати,
В каждой час прославляти;
Будут они сыты и довольны,
Обуты будут и одеты,
И от темныя ночи приукрыты.
Проглолет Христос, царь небесный:
— Исполать тебе, Иоанн Златоустий!
Умел ты словечко промолвить
За нишую за братию — за убогую;
Да вот тебе уста золотые!
Мы песнь поем: аллилуйя!

9

РАЗГОВОР ИОАСАФА ЦАРЕВИЧА С ПУСТЫНЕЙ¹

Во дальной во долине
Стояла прекрасная пустыня.
Ко той же ко пустыне приходит
Молодой царевич Осафий:
— Прекрасная ты пустыня,
Любимая моя мати!
Прими меня, мать-пустыня,
От юности прелестная,
От своего вольного царства,
От своей белой каменной палаты,
От своей казны золотыя!
Научи ты меня, мать-пустыня,
Волю Божию творити!
Да избави меня, мать-пустыня,
От злыя муки от превечной!

¹ Переводная «Повесть о Варлааме и Иоасафе» в средние века была широко известна русским книжникам. Древнеславянские переводы ее имели монастырские библиотеки. Сюжет был известен в росписях, иконах и миниатюрных изображениях. Известности много способствовала и пьеса, поставленная в России уже в XVII в. Сюжет «Повести» носит полусказочный характер. Молодой царевич Иоасаф уходит в пустыню и совершает отшельнический подвиг. «Разговор» воспроизводит идеальные стремления благочестивого юноши.

Приведи ты меня, мать-пустыня,
В небесное царство!

Отвещует¹ прекрасная пустыня
Ко млáдому царевичу Осафью:
— Ты, млáдый царевич Осафий!
Не жить тебе во пустыне:
Кому владеть твоим царством,
Твоей белой каменной палатой,
Твоей казной золотой?

Отвещует млáдый царевич,
Царевич Осафий ко пустыне:
— Прекрасная ты пустыня,
Любимая моя мати!
Не могу я на свое царство зрети,
Ни на свою каменну палату,
И на свою казну золотую!
А хочю я пребыть во пустыне:
Рад я на тебя работáти,
Земные поклоны исправляти
До своего смертнаго часу!

Отвещует прекрасная пустыня
Ко млáдому царевичу Осафью:
— Ты, млáдый царевич Осафий!
Не жить тебе во пустыне,
Не молясь во мне, Богу молиться,
Не трудясь во мне, Господу трудиться.
Нет во мне царскаго ества,
И нет во мне царскаго пойла;
Есть-воскушáть — гнилая колода,
Испивать — болотная водица!

Отвещует млáдый царевич,
Царевич Осафий ко пустыне:
— Прекрасная ты моя пустыня,
Любимая ты моя мати!
Не стращай ты меня, мать-пустыня,
Своими великими страстями!
Могу я жить во пустыне,
Волю Божию творити,
Есть гнилую колоду:
Гнилая колода
Лучше царскаго ества!
Испивать болотную водицу —
Лучше царскаго пойла!
Житьё наше, мать, часовое,

¹ Отвечает.

А богатство наше, мать, временное!
Я рад на тебя работати,
Земные поклоны исправляти
До своего смертнаго часу!

Отвещует прекрасная пустыня
Ко младому царевичу к Осафью:
— Ты, младый царевич Осафий!
Не жить тебе во пустыне:
Придет мать весна красна,
Лузья¹, болоты разольются,
Древа листьями оденутся,
И запоют птицы райски
Архангельскими голосами,
А ты из пустыни вон изыдешь,
Меня, мать прекрасную, покинешь!

Отвещует младый царевич
Осафий к прекрасной пустыне:
— Прекрасная мать-пустыня,
Любимая моя мати!
Хоща придет мать весна красная,
И лузья, болоты разольются,
И древа листьями оденутся,
И запоют птицы райски
Архангельскими голосами, —
Не прельщусь я на все благовонные цветы;
Отрощу я свои власы
По могучие плечи,
И не буду взирать я вольное царство,
Из пустыни я вон не изыду,
И тебя, мать прекрасная, не покину!

Отвещует прекрасная пустыня
Ко младому царевичу к Осафью:
— Свет, младый царевич Осафий,
Чадо ты мое милое!
Когда ты из пустыни вон не выдешь
И меня, мать прекрасную, не покинешь, —
Дарую я тебя золотым венцом,
Возьму я тебя, младый царевич,
На небеса царствовати,
С праведными лики ликовати!

Все святые, все пустынные жители
Младому царевичу Осафью вздивовалися,
Премногому царскому смыслу.

Поем славу Осафью царевичу,
И во веки его слава не минуется!

¹ *Лузья* — топкие места, заливные луга, озерки, леса в низких местах.

Художественный фольклор

Синтез искусств и поздний быт

Сказки

Сказка отличается от остальных жанров тем, что в ней отсутствует установка на жизненную достоверность. Господствует художественная выдумка. Окончив историю своих героев, сказочники говорили: «Сказка — вся, больше врать нельзя». Но ни один из рассказчиков не предавался бесцельному фантазированию. Хотя в основе сказочного вымысла и не лежит истина, но неправда сочетается с правдой. Истинность сказочных историй не в правдоподобию, а в следовании нравственным истинам и особенно — логике реальной жизни. Правда сказки — это художественная правда, правда высоко поднятых над реальностью широких обобщений. Это правда сублимированных (не соответствующих прямо реальности) форм отражения жизни.

Поэтика и стиль сказок основываются на целеустремленной переработке традиций мифа, обряда и магии. От них усвоена только форма. В сказках народов с развитой культурой нет «доисторического» содержания. Сказки заключают в себе идеи реальные, обыкновенные. Это творчество, свободное от мифотворчества, от обрядово-магических понятий и представлений. Сказка преобразовала прежнее традиционное наследие и сделала его искусством. Правда, иной сказочник мог соединить со своим рассказом нечто такое, чему место в предании, бывальщине, быличке, легенде, но отличие сказки от них всегда налицо.

В качестве образцов взяты сказки о животных, волшебные и бытовые новеллистические сказки преимущественно из классических собраний (в новейших переизданиях). Среди них: Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1984—1985; первое издание — в восьми выпусках. М., 1855—1864); Сказки и преда-

ния Самарского края/Собраны и записаны Д.Н. Садовниковым (СПб., 1884); Северные сказки/Сборник Н.Е. Ончукова (в двух книгах. СПб., 1998; первое издание — СПб., 1908); Сказки и песни Белозерского края/Сборник Б.М. и Ю.М. Соколовых (в двух книгах, СПб., 1999; первое издание — М., 1915).

Сборник А.Н. Афанасьева в непревзойденной и поздними собраниями полноте представил сказку во всем ее традиционном содержании и стиле, хотя знаменитый издатель нередко правил записи. Этот недостаток в полной мере восполнен записями, вошедшими в сборники Д.Н. Садовникова, Н.Е. Ончукова, братьев Б.М. и Ю.М. Соколовых и других собирателей.

О том, какого артистизма могли достигать сказочники, можно судить по сказке о теремке из сборника О.Э. Озаровской «Бабушкины старины» (2-е изд. М., 1922). Сказка записана от знаменитой сказительницы Марии Дмитриевны Кривополеновой (1843—1924), родом из деревни Усть-Ежуга на Пинеге.

В каждой сказке, представленной в подборке, явлено мастерство тех, от кого сказка записана, но это прежде всего традиционное искусство бесчисленных рассказчиков, исподволь сложившееся в народе при передаче сказок из поколения в поколение.

Сказки о животных

1

ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА И ВОЛК

Жил себе дед да баба. Дед говорит бабе:

— Ты, баба, пеки пироги, а я поеду за рыбой.

Наловил рыбы и везет домой целый воз. Вот едет он и видит: лисичка свернулась калачиком и лежит на дороге. Дед слез с воза, подошел к лисичке, а она не ворохнется, лежит себе как мертвая.

— Вот будет подарок жене, — сказал дед, взял лисичку и положил на воз, а сам пошел впереди.

А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза все по рыбке да по рыбке, все по рыбке да по рыбке.

Повыбросала всю рыбу, и сама ушла.

— Ну, старуха, — говорит дед, — какой воротник привез я тебе на шубу.

— Где?

Там, на возу, — и рыба и воротник.

Подошла баба к возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа:

— Ах ты, старый хрен! Такой-сякой! Ты еще вздумал обманывать!

Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мертвая; погоревал, погоревал, да делать-то нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную по дороге рыбу в кучку, села и ест себе.

Навстречу ей идет волк:

— Здравствуй, кумушка!

— Здравствуй, куманек!

— Дай мне рыбки!

— Налови сам, да и ешь.

— Я не умею.

— Эка, ведь я же наловила; ты, куманек, ступай на реку, опусти хвост в прорубь — рыба сама на хвост нацепляется, да смотри, сиди подольше, а то не наловишь.

Волк пошел на реку, опустил хвост в прорубь; дело-то было зимою.

Уж он сидел, сидел, целую ночь просидел, хвост его и приморозило; попробовал было приподняться: не тут-то было.

— Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь! — думает он.

Смотрит, а бабы идут за водой и кричат, завидя серого:

— Волк, волк! Бейте его! Бейте его!

Прибежали и начали колотить волка — кто коромыслом, кто ведром, чем кто попало. Волк прыгал-прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать.

«Хорошо же, — думает, — уж я тебе отплачу, кумушка!»

А лисичка-сестричка, покушавши рыбки, захотела попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть; забралась в одну избу, где бабы пекли блины, да попала головой в кадку с тестом, вымазалась и бежит.

А волк ей навстречу:

— Так-то учишь ты? Меня всего исколотили!

— Эх, куманек, — говорит лисичка-сестричка, — у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили; я насилиу плетусь.

— И то правда, — говорит волк, — где тебе, кумушка, уж идти; садись на меня, я тебя доведу.

Лисичка села ему на спину, он ее и понес.

Вот лисичка-сестричка сидит, да потихоньку и говорит:

- Битый небитого везет, битый небитого везет.
- Что ты, кумушка, говоришь?
- Я, куманек, говорю: битый битого везет.
- Так, кумушка, так!

2

ЛИСА-ПОВИТУХА

Жили-были кум с кумой — волк с лисой. Была у них кадочка медку. А лисица любит сладенькое; лежит кума с кумом в избушке да украдкою постукивает хвостиком.

- Кума, кума, — говорит волк, — кто-то стучит.
- А, знать, меня на повой¹ зовут! — бормочет лиса.
- Так поди сходи, — говорит волк.

Вот кума из избы да прямехонько к меду, нализалась и вернулась назад.

- Что Бог дал? — спрашивает волк.
- *Початочек*, — отвечает лисица.

В другой раз опять лежит кума да постукивает хвостиком.

- Кума! Кто-то стучится, — говорит волк.
- На повой, знать, зовут!
- Так сходи.

Пошла лисица, да опять к меду, нализалась досыта: медку только на доньшке осталось.

Приходит к волку.

- Что Бог дал? — спрашивает ее волк.
- *Серёдышек*.

В третий раз опять так же обманула лисица волка и долизала уж весь медок.

- Что Бог дал? — спрашивает ее волк.
- *Поскребышек*.

Долго ли, коротко ли — прикинулась лисица хворою, просит кума медку принести. Пошел кум, а меду ни крошки.

- Кума, кума, — кричит волк, — ведь мед съеден.
- Как съеден? Кто же съел? Кому кроме тебя! — погоняет лисица.

Волк и кстится² и божится.

¹ Прием новорожденного. Ср. повивать, повивальная бабка.

² Крестится.

— Ну, хорошо! — говорит лисица. — Давай ляжем на солнышке, у кого вытопится мед, тот и виноват.

Пошли, легли. Лисице не спится, а серый волк храпит во всю пасть.

Глядь-поглядь, у кумы-то и показался медок; она ну-тко скорее перемазывать его на волка.

— Кум, кум, — толкает волка, — это что? Вот кто съел!

И волк, нечего делать, повинился.

Вот вам сказка, а мне кринка масла.

3

ЛИСА И ТЕТЕРЕВ

Бежала лисица по лесу, увидала на дереве тетерева и говорит ему:

— Терентий, Терентий! Я в городе была.

— Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Была, так была.

— Терентий, Терентий! Я указ добыла.

— Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Добыла, так добыла.

— Чтобы вам, тетеревам, не сидеть по деревьям, а все бы гулять по зеленым лугам.

— Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Гулять, так гулять.

— Терентий, кто там едет? — спрашивает лисица, услышав конский топот и собачий лай.

— Мужик.

— Кто за ним бежит?

— Жеребенок.

— Как у него хвост-то?

— Крючком.

— Ну, так прощай, Терентий! Мне дома недосуг.

4

ЛИСА-ИСПОВЕДНИЦА

Зело удивительно: шла лисица из дальних пустынь. Завидевши петуха на высокоем древе, говорит ему ласковые словеса:

— О милое мое чадо, петел! Сидишь ты на высокоем древе да мыслишь ты мысли недобрые, проклятые: вы держите жен помногу: кто держит десять, кто — двадцать, и́нный — тридцать, прибывает со временем до сорока! Где сойдетесь, тут и деретесь о своих женах, как о наложницах. Сниди, милое мое чадо, на землю да покай-

ся! Я шла из дальних пустынь, не пила, не ела, много нужды претерпела; все тебя, мое милое чадо, исповедать хотела.

— О мати моя, лисица! Я не постился и не молился; приди в и́нное время.

— О милое мое чадо, петел! Не постился и не молился, но сниди на землю, покайся, да не во грехах умреши.

— О мати моя, лисица, сахарные уста, ласковые словеса, льстивый твой язык! Не осуждайте друг друга, и сами не осуждены будете; кто что посеял, тот и пожнет. Хочешь ты меня силой к покаянию привести и не спасти, а тело мое пожрать.

— О милое мое чадо, петел! Почто ты такую речь говоришь? Почто я учиню так? Читывал ли ты притчу про мытаря и фарисея¹, как мытарь спасся, а фарисей погиб за гордость? Ты, мое милое чадо, без покаяния на высокоем древе погибнешь. Сниди на землю пониже, будешь к покаянию поближе; прощен и разрешен и до царствия небесного допущен.

Узнал петух на своей душе тяжкий грех, умилился и прослезился и стал спускаться с ветки на ветку, с прутка на пруток, с сучка на сучок, с пенька на пенек; спустился петел на землю и сел перед лисицу. Скочила лисица, яко лукавая птица, схватила петуха в свои острые когти, зрит на него свирепыми глазами, скрежешет острыми зубами; хочет, как некоего беззаконника, жива пожрать.

И рече петел лисице:

— О мати моя, лисица, сахарные уста, ласковые словеса, льстивый твой язык! Ты ли меня спасешь, как тело мое пожрешь?

— Не дорого твое тело и цветное платье, да дорого отплатить некую дружбу. Помнишь ли ты? Я шла ко крестьянину, хотела малого куренка съесть; а ты, дурак, бездельник, сидишь на высоких седалах, закричал-завопил велиим гласом, ногами затопал, крыльями замахал; тогда курицы заговорили, гуси заготовали, собаки залаяли, жеребцы заржали, коровы замычали. Услыхали все мужики и бабы: бабы прибежали с помелами, а мужики с топорами и хотели мне за куренка смерть учинить; а сова у них из рода в род пребывает и всегда курят поедает. А тебе, дурак, бездельник, не быть теперь живому!

Рече петух лисице:

— О мати моя, лисица, сахарные уста, ласковые словеса, льстивый твой язык! Вчерашнего числа звали меня ко Трунчинско-му² митрополиту во дяки, выхваляли всем крылосом и собором:

¹ Евангелие от Матфея (7, 2. Нагорная проповедь).

² *Трунчинский митрополит* — предполагают, что шутовское название (от *трунить*).

хорош молодец, изряден, горазд книги читать, и голос хорош. Не могу ли тебя, мати моя лисица, упросить своим прошеньем хоть в просвирни? Тут нам будет велик доход: станут нам давать сладкие просвиры, большие перепечи, и масличко, и яички, и сырчики.

Узнала лисица петушиный признак (*так*), отпустила петуха из своих когтей послабже.

Вырвался петух, взлетел на высокое древо, закричал-завопил велиим гласом:

— Дорогая боярыня просвирня, здравствуй! Велик ли доход, сладки ли просвиры? Не стерла ли горб, нося перепечи¹? Не охоча ли, ворогуша², до орехов? Да есть ли у тебя зубы?

Пошла лисица в лес, яко долгий бес, и возрыда горько:

— Сколько-де я по земле не бывала, а такой срамоты отроду не видала. Когда бывают петухи в дьяконах, лисицы в просвирнях! Ему же слава и держава отныне и до веку, и сказке конец.

5

ЛИСА-ПЛАЧЕЯ³

Живал-бывал старик да старушка. Старушка померла. Старик у стало очень жалко, пошел он искать плачеи.

Идет, а навстречу ему медведь:

— Куда, старик, пошел?

— Плачеи искать, старуха померла.

— Возьми меня в плачеи.

Старик спрашивает:

— Умеешь ли плакать?

Он заплакал: М-е!

Старик говорит:

— Не умеешь, не надобно, голос нехорош!

Пошел вперед, лисица бежит:

— Куда, старик, пошел? — спрашивает его.

— Плачеи искать, старуха померла.

— Возьми-ка меня.

— Умеешь ли плакать? Поплачь-ка.

Она заплакала:

¹ Сладкое сдобное печенье из белой муки.

² *Ворогуша* — от слова ворог, враг.

³ *Плачея* — плакальщица.

У кресть-я-ни-на — бы-ла — ста-руш-ка,
По-утру — ра-но вста-ва-ла,
Боль-ше — простня¹ пряла,
Щи-кашу — ва-ри-ла —
Ста-ри-ка — кор-ми-ла.

Старик сказал лисичке:

— Ступай, ты мастерица плакать! — и привел ее домой, старухе в ноги посадил — та стала плакать, а сам пошел гроб строить.

Пока старик ходил да воротился, а в избе нет ни старухи, ни лисички; все лисичка съела и сама ушла.

Поплакал-поплакал старик и стал жить один.

6

ЛИСА И ВОЛК

[Лиса говорит волку]

— Давай, куманек, построим себе хатки.

— Давай, кумушка!

— Я себе построю лубяную, а ты себе ледяную.

Принялись за работу, сделали себе хатки: лисичке — лубяную, а волку — ледяную, и живут в них.

Пришла весна, волчья хатка и растаяла.

— А, кумушка! — говорит волк. — Ты меня опять обманула², надо тебя за это съесть.

— Пойдем, куманек, еще поконаемся³, кому-то кого достанется есть.

Вот лисичка-сестричка привела его в лес к глубокой яме и говорит:

— Прыгай! Если ты перепрыгнешь через яму — тебе меня есть, а не перепрыгнешь — мне тебя есть.

Волк прыгнул и попал в яму.

— Ну, — говорит лисичка, — сиди же тут!

И сама ушла.

7

ЛИСА, ЗАЯЦ И ПЕТУХ

Жили-были лиса да заяц. У лисицы была избенка ледяная, а у зайчика лубяная⁴; пришла весна красна — у лисицы растаяла, а у

¹ Простень — лен, выпрядываемый на одно веретено.

² Сказка в сборнике А.Н. Афанасьева следует за историей «Битый небитого везет!» (см. № 1).

³ Поконаться — здесь: решить спор испытанием. От *кóнать* — решать.

⁴ Лубяная — из луба, бересты.

зайчика стоит по-старому. Лиса попросилась у зайчика погреться, да зайчика-то и выгнала.

Идет дорогой зайчик да плачет, а ему навстречу собаки:

— Тяф, тяф, тяф! Про что, зайчик, плачешь?

А зайчик говорит:

— Отстаньте, собаки! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная, попросилась она ко мне, да меня и выгнала.

— Не плачь, зайчик! — говорят собаки. — Мы ее выгоним.

— Нет, не выгоните!

— Нет, выгоним!

Подошли к избенке:

— Тяф, тяф, тяф! Поди, лиса, вон!

А она им с печи:

— Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по заулочкам!

Собаки испугались и ушли.

Зайчик опять идет да плачет. Ему навстречу медведь:

— О чем, зайчик, плачешь?

А зайчик говорит:

— Отстань, медведь! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгнала.

— Не плачь, зайчик! — говорит медведь. — Я выгоню ее.

— Нет, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, и ты не выгонишь.

— Нет, выгоню!

Пошли гнать:

— Поди, лиса, вон!

А она с печи:

— Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по заулочкам!

Медведь испугался и ушел.

Идет опять зайчик да плачет, а ему навстречу бык:

— Про что, зайчик, плачешь?

— Отстань, бык! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгнала.

— Пойдем, я ее выгоню.

— Нет, бык, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, медведь гнал — не выгнал, и ты не выгонишь.

— Нет, выгоню.

Подошли к избенке:

— Поди, лиса, вон!

А она с печи:

— Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по заулочкам!

Бык испугался и ушел.

Идет опять зайчик да плачет, а ему навстречу петух с косой:
— Кукуреку! О чем, зайчик, плачешь?
— Отстань, петух! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгнала.
— Пойдем, я выгоню.
— Нет, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, медведь гнал — не выгнал, бык гнал — не выгнал, и ты не выгонишь.
— Нет, выгоню!
Подошли к избенке.
— Кукуреку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!
А она услышала, испугалась, говорит:
— Одеваюсь...
Петух опять:
— Кукуреку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!
А она говорит:
— Шубу надеваю.
Петух в третий раз:
— Кукуреку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!
Лисица выбежала; он ее зарубил косой-то и стал с зайчиком жить да поживать да добра наживать.
Вот тебе сказка, а мне кринка масла.

8

КОТ, КОЧЕТОК И ЛИСА

Жил кот с кочетком¹. Кот идет за лыками в лес и бает² кочетку:
— Если лиса придет звать в гости и станет кликать, не высывай ей головочку, а то унесет тебя.
Вот пришла лиса звать в гости, стала кликать:
— Кочетуношка, кочетуношка! Пойдем на гуменцы³ золоты яблочки катать.
Он глянул, она его и унесла. Вот он и стал кликать:
— Котинька, котинька! Несет меня лиса за крутые горы, за быстрые воды.

¹ Кочеток — петух.

² Баить — говорить.

³ Гумно.

Кот услышал, пришел, избавил кочетка от лисы.

Кот опять идет за лыками и опять приказывает:

— Если лиса придет звать в гости, не высовывай головку, а то опять унесет.

Вот лиса пришла и по-прежнему стала кликать. Кочеток глянул, она его и унесла.

Вот он и стал кричать:

— Котунюшка, котунюшка! Несет меня лиса за крутые горы, за быстрые воды!

Кот услышал, прибежал, опять избавил кочетка.

Кот опять скрутился¹ идтить за лыками и говорит:

— Ну, теперь я уйду далеко. Если лиса опять придет звать в гости, не высовывай головку, а то унесет, и не услышу, как будешь кричать.

Кот ушел; лиса опять пришла и стала опять кликать по-прежнему. Кочеток глянул, лиса опять унесла его.

Кочеток стал кричать; кричал-кричал — нет, не идет кот.

Лиса принесла кочетка домой и крутилась² уж жарить его. Тут прибежал кот, стал стучать хвостом об окно и кликать:

— Лисонька! Живи хорошенько своим подворьем: один сын — Димеша, другой — Ремеша, одна дочь — Чучилка, другая — Пачучилка, третья — Подмети-шесток, четвертая — Подай-челнок!

К коту стали выходить лисонькины дети, один за другим; он их всех поколотил; после вышла сама лиса, он и ее убил и избавил кочетка от смерти.

Пришли оба домой, стали жить да поживать да денежки наживать.

9

КОТ И ЛИСА

Жил-был мужик; у него был кот, только такой шкодливый³, что беда! Надоел он мужику. Вот мужик думал-думал, взял кота, посадил в мешок, завязал и понес в лес. Принес и бросил его в лесу: пускай пропадает!

Кот ходил-ходил и набрел на избушку, в которой лесник жил; залез на чердак и полеживает себе, а захочет есть — пойдет по

¹ Скрутился идтить — собрался уйти.

² Крутилась — собиралась.

³ Шкодливый — вредный, причиняющий убыток.

лесу птичек да мышей ловить, наестся досыта и опять на чердак, и горя ему мало!

Вот однажды пошел кот гулять, а навстречу ему лиса, увидала кота и дивится:

— Сколько лет живу в лесу, а такого зверя не видывала.

Поклонилась коту и спрашивает:

— Скажись, добрый молодец, кто ты таков, каким случаем сюда зашел и как тебя по имени величать?

А кот вскинул шерсть свою и говорит:

— Я из сибирских лесов прислан к вам бурмистром, а зовут меня Котофей Иванович.

— Ах, Котофей Иванович, — говорит лиса, — не знала про тебя, не ведала; ну, пойдем же ко мне в гости.

Кот пошел к лисице; она привела его в свою нору и стала потчевать разной дичинкою, а сама выпрашивает:

— Что, Котофей Иванович, женат ты али холост?

— Холост, — говорит кот.

— И я, лисица, — девица, возьми меня замуж.

Кот согласился, и начался у них пир да веселье.

На другой день отправилась лиса добывать припасов, чтоб было чем с молодым мужем жить, а кот остался дома.

Бежит лиса, а навстречу ей попадается волк и начал с нею заигрывать:

— Где ты, кума, пропадала? Мы все норы обыскали, а тебя не видали.

— Пусти, дурак! Что заигрываешь? Я прежде была лисица-девица, а теперь замужня жена.

— За кого же ты вышла, Лизавета Ивановна?

— Разве ты не слыхал, что к нам из сибирских лесов прислан бурмистр Котофей Иванович? Я теперь бурмистрова жена.

— Нет, не слыхал, Лизавета Ивановна. Как бы на него посмотреть?

— У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: коли кто не по нем, сейчас съест! Ты смотри, приготовь барана да принеси ему на поклон; барана-то положи, а сам схоронись, чтоб он тебя не увидел, а то, брат, туго придется!

Волк побежал за бараном.

Идет лиса, а навстречу ей медведь и стал с нею заигрывать.

— Что ты, дурак, косолапый Мишка, трогаешь меня? Я прежде была лисица-девица, а теперь замужня жена.

— За кого же ты, Лизавета Ивановна, вышла?

— А который прислан к нам из сибирских лесов бурмистром, зовут Котофей Иванович, — за него и вышла.

— Нельзя ли посмотреть его, Лизавета Ивановна?

— У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: коли кто не по нем, сейчас съест! Ты ступай, приготовь быка да принеси ему на поклон; волк барана хочет принести. Да смотри, быка-то положи, а сам схоронись, чтоб Котофей Иванович тебя не увидел, а то, брат, туго придется!

Медведь потащился за быком.

Принес волк барана, ободрал шкуру и стоит в раздумье: смотрит — и медведь лезет с быком.

— Здравствуй, брат Михаило Иваныч!

— Здравствуй, брат Левон! Что, не видал лисицы с мужем?

— Нет, брат, давно дожидаю.

— Ступай, зови.

— Нет, не пойду, Михаило Иваныч! Сам иди, ты посмелей меня.

— Нет, брат Левон, и я не пойду.

Вдруг откуда не взялся — бежит заяц. Медведь как крикнет на него:

— Поди-ка сюда, косою черт!

Зяец испугался, прибежал.

— Ну что, косою пострел, знаешь, где живет лисица?

— Знаю, Михаило Иванович!

— Ступай же скорее да скажи ей, что Михаило Иванович с братом Левоном Иванычем давно уж готовы, ждут тебя-де с мужем, хотят поклониться бараном да быком.

Зяец пустился к лисе во всю свою прыть.

А медведь и волк стали думать, где бы спрятаться.

Медведь говорит:

— Я полезу на сосну.

— А мне что же делать? Я куда денусь? — спрашивает волк. — Ведь я на дерево ни за что не взберусь! Михаило Иваныч! Схорони, пожалуйста, куда-нибудь, помоги горю.

Медведь положил его в кусты и завалил сухим листьем, а сам влез на сосну, на самую-таки макушку, и поглядывает: не идет ли Котофей с лисою?

Зяец меж тем прибежал к лисицыной норе, постучался и говорит лисе:

— Михаило Иванович с братом Левоном Иванычем прислали сказать, что они давно готовы, ждут тебя с мужем, хотят поклониться вам быком да бараном.

— Ступай, косою! Сейчас будем.

Вот идет кот с лисою. Медведь увидал их и говорит волку:

— Ну, брат Левон Иванович, идет лиса с мужем; какой же он маленький!

Пришел кот и сейчас же бросился на быка, шерсть на нем взъерошилась, и начал он рвать мясо и зубами и лапами, а сам мурчит, будто сердится: «Мало, мало!»

А медведь говорит:

— Невелик, да прожорист! Нам четверым не съесть, а ему одному мало; пожалуй, и до нас доберется!

Захотелось волку посмотреть на Котофея Ивановича, да сквозь листья не видать! И начал он прокапывать над глазами листья, а кот услышал, что лист шевелится, подумал, что это — мышь, да как кинется и прямо волку в морду вцепился когтями.

Волк вскочил, да давай бог ноги, и был таков. А кот сам испугался и бросился прямо на дерево, где медведь сидел.

— Ну, — думает медведь, — увидал меня!

Слезать-то некогда, вот он положился на Божью волю да как шмякнется с дерева оземь, все печенки отбил; вскочил — да бежать!

А лисица вслед кричит:

— Вот он вам задаст! Погодите!

С той поры все звери стали кота бояться; а кот с лисой запаслись на целую зиму мясом и стали себе жить да поживать, и теперь живут, хлеб жуют.

10

ВОЛК-ДУРЕНЬ

В одной деревне жил-был мужик, у него была собака; смолоду сторожила она весь дом, а как пришла тяжелая старость — и брехать¹ перестала. Надоела она хозяину; вот он собрался, взял веревку, зацепил собаку за шею и повел ее в лес; привел к осине и хотел было удавить, да как увидел, что у старого пса текут по морде горькие слезы, ему и жалко стало: смиловался, привязал собаку к осине, а сам отправился домой.

Остался бедный пес в лесу и начал плакать и проклинать свою долю.

Вдруг идет из-за кустов большущий волк, увидал его и говорит:

¹ Лаять.

— Здравствуй, пестрый кобель! Долгонько поджидал тебя в гости. Бывало, ты прогонял меня от своего дому, а теперь сам ко мне попался: что захочу, то над тобой и сделаю. Уж я тебе за все отплачу!

— А что хочешь ты, серый волчок, надо мною сделать?

— Да немного: съем тебя со всей шкурой и с костями.

— Ах ты, глупый серый волк! С жиру сам не знаешь, что делаешь; таки после вкусной говядины станешь ты жрать старое и худое песье мясо? Зачем тебе понапрасну ломать надо мною свои старые зубы? Мое мясо теперь словно гнилая колода. А вот я лучше тебя научу: поди-ка да принеси мне пудика три хорошей кобылятинки, поправь меня немножко, да тогда и делай со мною, что угодно.

Волк послушал кобеля, пошел и притащил ему половину кобылы:

— Вот тебе и говядинка! Смотри поправляйся.

Сказал и ушел. Собака стала прибирать мяско и все поела.

Через два дня приходит серый дурак и говорит кобелю:

— Ну, брат, поправился али нет?

— Маленько поправился; коли б еще принес ты мне какую-нибудь овцу, мое мясо сделалось бы не в пример слаще!

Волк и на то согласился, побежал в чистое поле, лег в лощине и стал караулить, когда погонит пастух свое стадо.

Вот пастух и гонит стадо; волк повысмотрел из-за куста овцу, которая пожирнее да побольше, вскочил и бросился на нее; ухватил за шиворот и потащил к собаке.

— Вот тебе овца, поправляйся!

Стала собака поправляться, съела овцу и почуяла в себе силу.

Пришел волк и спрашивает:

— Ну что, брат, каков теперь?

— Еще немножко худ. Вот когда б ты принес мне какого-нибудь кабана, так я бы разжирел, как свинья!

Волк добыл и кабана, принес и говорит:

— Это моя последняя служба! Через два дня приду к тебе в гости.

— Ну ладно, — думает собака, — я с тобою поправлюсь.

Через два дня идет волк к откормленному псу, а пес завидел и стал на него брехать.

— Ах ты, мерзкий кобель, — сказал серый волк, — смеешь ты меня бранить?

И тут же бросился на собаку и хотел ее разорвать. Но собака собралась уже с силами, стала с волком в дыбки и начала его так потчевать, что с серого только космы летят. Волк вырвался, да бе-

жать скорее: отбежал далече, захотел остановиться, да как услышал собачий лай — опять припустил.

Прибежал в лес, лег под кустом и начал зализывать свои раны, что дались ему от собаки.

— Ишь как обманул мерзкий кобель! — говорит волк сам с собою. — Постой же, теперь кого ни попаду, уж тот из моих зубов не вырвется!

Зализал волк раны и пошел за добычей.

Смотрит, на горе стоит большой козел; он к нему, и говорит:

— Козел, а козел! Я пришел тебя съесть.

— Ах ты, серый волк! Для чего станешь ты понапрасну ломать об меня свои старые зубы? А ты лучше стань под горою и разинь свою широкую пасть; я разбежусь да таки прямо к тебе в рот, ты меня и проглотишь!

Волк стал под горою и разинул свою широкую пасть, а козел себе на уме, полетел с горы как стрела, ударил волка в лоб, да так крепко, что он с ног свалился. А козел и был таков!

Часа через три очнулся волк, голову так и ломит ему от боли. Стал он думать: проглотил ли он козла или нет? Думал-думал, гадал-гадал.

— Коли бы я съел козла, у меня брюхо-то было бы полнехонько; кажись, он, бездельник, меня обманул! Ну, уж теперь я буду знать, что делать!

Сказал волк и пустился к деревне, увидел свинью с поросятами и бросился было схватить поросенка, а свинья не дает.

— Ах ты, свиная харя! — говорит ей волк. — Как смеешь грубить? Да я и тебя разорву и твоих поросят за один раз проглочу.

А свинья отвечала:

— Ну, до сей поры не ругала я тебя, а теперь скажу, что ты большой дурачина!

— Как так?

— А вот как! Сам ты, серый, посуды: как тебе есть моих поросят? Ведь они недавно родились. Надо их обмыть. Будь ты моим кумом, а я твоей кумою, станем их, малых детушек, крестить.

Волк согласился.

Вот хорошо, пришли они к большой мельнице. Свинья говорит волку:

— Ты, любезный кум, становись по ту сторону заставки, где воды нету, а я пойду, стану поросят в чистую воду окунать да тебе по одному подавать.

Волк обрадовался, думает: вот когда попадет в зубы добыча-то!

Пошел серый дурак под мост, а свинья тотчас схватила заставку зубами, подняла и пустила воду. Вода как хлынет, и потащила за собой волка, и почала его вертеть. А свинья с поросятами отправилась домой: пришла, наелась и с детками на мягкую постель спать повалилась.

Узнал серый волк лукавство свиньи, насили кое-как выбрался на берег и пошел с голодным брюхом рыскать по лесу.

Долго издыхал он с голоду, не вытерпел, пустился опять к деревне и увидел: лежит около гумна какая-то падла. «Хорошо, — думает, — вот придет ночь, наемся хоть этой падлы». Нашло на волка неурожайное время, рад и падлю поживиться! Все лучше, чем с голоду зубами пощелкивать да по-волчьи песенки распевать.

Пришла ночь; волк пустился к гумну и стал уписывать падлу. Но охотник уж давно его поджидал и приготовил для приятеля пару хороших орехов¹; ударил он из ружья, и серый волк покатился с разбитой головою.

Так и скончал свою жизнь серый волк!

11

СТАРАЯ ХЛЕБ-СОЛЬ ЗАБЫВАЕТСЯ

Попался было бирюк² в капкан, да кое-как вырвался и стал пробираться в глухую сторону. Завидели его охотники и стали следить. Пришлось бирюку бежать через дорогу, а на ту пору шел по дороге с поля мужик с мешком и цепом.

Бирюк к нему:

— Сделай милость, мужичок, схорони меня в мешок! За мной охотники гонятся.

Мужик согласился, запрятал его в мешок, завязал и взвалил на плечи. Идет дальше, а навстречу ему охотники.

— Не видал ли, мужичок, бирюка? — спрашивают они.

— Нет, не видал! — отвечает мужик.

Охотники поскакали вперед и скрылись из виду.

— Что, ушли мои злодеи? — спросил бирюк.

— Ушли.

— Ну, теперь выпусти меня на волю.

Мужик развязал мешок и выпустил его на вольный свет.

Бирюк сказал:

¹ Пуль.

² Волк.

— А что, мужик, я тебя съем!

— Ах, бирюк, бирюк! Я тебя из какой неволи выручил, а ты меня съесть хочешь!

— Старая хлеб-соль забывается, — отвечал бирюк.

Мужик видит, что дело-то плохо, и говорит:

— Ну, коли так, пойдем дальше; и если первый, кто с нами встретится, скажет по-твоему, что старая хлеб-соль забывается, тогда делать нечего — съешь меня!

Пошли они дальше. Повстречалась им старая кобыла. Мужик к ней с вопросом:

— Сделай милость, кобылушка-матушка, рассуди нас! Вот я бирюка из большой неволи выручил, а он хочет меня съесть! — и рассказал ей все, что было.

Кобыла подумала-подумала и сказала:

— Я жила у хозяина двенадцать лет, принесла ему двенадцать жеребят, изо всех сил на него работала, а как стала стара и пришло мне невоготу работать — он взял да и стащил меня под яр¹; уж я лезла, лезла, насилиу вылезла, и теперь вот плетусь, куда глаза глядят. Да, старая хлеб-соль забывается!

— Видишь, моя правда! — молвил бирюк.

Мужик опечалился и стал просить бирюка, чтоб подождал до другой встречи. Бирюк согласился и на это.

Повстречалась им старая собака. Мужик к ней с тем же вопросом. Собака подумала-подумала и сказала:

— Служила я хозяину двадцать лет, оберегала его дом и скотину, а как состарилась и перестала брехать, — он прогнал меня со двора, и вот плетусь я, куда глаза глядят. Да, старая хлеб-соль забывается!

— Ну, видишь, моя правда! Мужик еще пуще опечалился и упросил бирюка обождать до третьей встречи:

— А там делай, как знаешь, коли хлеба-соли моей не попомнишь.

В третий раз повстречалась им лиса. Мужик повторил ей свой вопрос. Лиса стала спорить:

— Да как это можно, чтобы бирюк, этакая большая туша, мог поместиться в таком малом мешке?

И бирюк и мужик побожились, что это истинная правда; но лиса все-таки не верила и сказала:

— А ну-ка, мужичок, покажь, как ты сажал его в мешок-то!

¹ Под крутой берег, в овраг.

Мужик расставил мешок, а бирюк всунул туда голову. Лиса закричала:

— Да разве ты одну голову прятал в мешок?

Бирюк влез совсем.

— Ну-ка, мужичок, — продолжала лиса, — покажи, как ты его завязывал?

Мужик завязал.

— Ну-ка, мужичок, как ты в поле хлеб-то молотил?

Мужик начал молотить цепом по мешку.

— Ну-ка, мужичок, как ты отворачивал?

Мужик стал отворачивать да задел лису по голове и убил ее до смерти, приговаривая:

— Старая хлеб-соль забывается!

12

БАЙКА ПРО ТЕТЕРЕВА

Захотел тетерев дом строить. Подумал, подумал: топора нет, кузнеца нет, — топор сделать некому, некому выстроить тетереву домишко.

— Что же мне — думает, — дом заводить? Одна-то ночь никуда не идет!

Бултых в снег!

В снегу ночью ночевал, поутру рано вставал, по вольному свету полетал, громко-шибко покричал, товарищей искал.

Спустился на землю, свиделся с товарищем. Они тут поиграли, носом из носу слюнку принимали, по кусточкам бродили, местечки искали, гнездышки свивали, яичушки сносили и деток выводили,

С детками они во чисто поле ходили, деток мошками кормили, на вольный свет выводили и по вольному свету летали и опять зимой в снегу ночевали.

— А одна-то ночь с детьми никуда не идет (куда ни шла!). Чем нам дом заводить, лучше на березыньках сидеть, в чисто поле глядеть, красну вёсну(ю) встречать, шўлдар бўлдары кричать!

13

ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ

Летала сова — веселая голова; вот она летала-летала и села, да хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела и опять полетела; летала-летала и села, хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела...

Это присказка, сказка вся впереди.

Жили-были на болоте журавль да цапля, построили себе по концам избышки. Журавлю показалось скучно жить одному, и задумал он жениться.

— Дай пойду посватаюсь на цапле!

Пошел журавль — тят, тят! Семь верст болото месил; приходит и говорит:

— Дома ли цапля?

— Дома.

— Выдь за меня замуж.

— Нет, журавль, нейду за тя замуж: у тебя ноги долги, платье коротко, сам худо летаешь и кормить-то меня тебе нечем! Ступай прочь, долговязый!

Журавль как не солоно похлебал, ушел домой.

Цапля после раздумалась и сказала:

— Чем жить одной, лучше пойду замуж за журавля.

Приходит к журавлю и говорит;

— Журавль, возьми меня замуж!

— Нет, цапля, мне тебя не надо! Не хочу жениться, не беру тебя замуж. Убирайся!

Цапля заплакала со стыда и воротилась назад.

Журавль раздумался и сказал:

— Напрасно не взял за себя цаплю; ведь одному-то скучно. Пойду теперь и возьму ее замуж.

Приходит и говорит:

— Цапля! Я вздумал на тебе жениться; поди за меня.

— Нет, журавль, нейду за тя замуж!

Пошел журавль домой.

Тут цапля раздумалась:

— Зачем отказала? Что одной-то жить? Лучше за журавля пойду!

Приходит свататься, а журавль не хочет.

Вот так-то и ходят они по сю пору один на другом свататься, да никак не женятся.

ПЕТУХ, КОТ, СВИНЬЯ, БАРАН И БЫК

Жили старик со старухой, было у них много скотины: петух, кот, свинья, баран и бык. Сидят летом старик со старухой на зава-линке, старик и говорит:

— А что, старуха, с петухом-то нам нечего делать, скоро у нас праздник, зарежем его к празднику.

— А как знаешь, так и делай, — говорит старуха.

А петух услышал и ночью в лес улетел. Долго на другой день искал старик петуха и не мог найти.

Пришел вечер, опять сидят старики.

— А что, старуха, петух куда-то затерялся, завтра зарежу свинью.

— Зарежь, — говорит старуха.

Свинья услышала и ночью убежала в лес. Пришел утром старик на двор, а на дворе свиньи нет; искал, искал, не мог найти.

Вечером опять сидят, старик и говорит:

— Завтра зарежу барана.

Баран услышал и в лес убежал. Старик и того найти не мог.

Сидят опять вечером, и говорит старуха:

— Бык один на дворе остался, хоть быка зарежь.

— Ладно, — говорит старик.

А бык услышал и в лес убежал. Пришел старик на двор — и быка нет, долго искал и не мог найти.

Пришел и говорит старухе:

— Что за чудо! Вся скотина извелась, поищу еще хорошенько, а если не найду, то и коту убью да из шкуры шапку сошью.

Кот услышал и ночью в лес убежал.

Летом в лесу хорошо и привольно, беглецам тоже хорошо было; быку и барану травы сколько угодно, только кушай, кот мышей ловит да птичек, петух насекомых клюет и семена растений, а свинья все ест. Только и плохо, когда дождик пойдет, так они спрячутся. Но лето прошло, наступила осень, стало холодно, а после осени еще зима придет, еще холоднее будет.

Осень пришла, и бык замерз прежде всех, и надумал он на зиму избу строить, нашел барана и говорит:

— Давай, баран, вместе избу строить. Зима придет, будет холодно, замерзнешь.

— Нет, не замерзну, у меня шуба теплая, буду бегать, мне и тепло будет.

Нашел бык свинью.

— Давай избу строить, свинья, зимой будет холодно — замерзнешь.

— Нет, не пойду избы строить, я вырою глубокую яму в земле, заберусь в яму, а снегу упадет, мне еще теплее будет, так и пролежу до лета.

Пошел бык к петуху.

— Давай, петух, избу строить, зима придет, холодно будет.

— Нет, — говорит петух, — я одно крыло постелю, а другим покроюсь, мне и тепло будет.

Нашел бык кота.

— Давай, кот, избу строить.

— Нет, мне тепло будет, я нос положу под хвост и согреюсь.

Все отказались избу строить.

Бык выбрал сухое место, натаскал бревен, нарвал моху и соорудил избу; печку склал и дров наготовил.

Пришла осень, иной день и холодно, а быку тепло: истопил печку и сидит в избе.

Наступила зима, стало холодно, баран бегал, бегал и согреться не может, и пошел быка искать, нашел и просится в избу.

— Что же, — говорит бык, — ты сказал, что будешь бегать и согреешься, что и шуба теплая, не пушу в избу, зачем строить не пособил.

— А если не пустишь, то я рогами все углы в избе отобью, все равно и тебе не тепло будет.

— Ну, ступай же, — говорит бык.

Баран зашел в избу и сел в угол.

Вырыла свинья яму рылом, легла в нее, стало и свинье холодно, и побежала хавроньюшка быка искать. Прибежала к избе и просится у быка.

Бык и говорит ей:

— Что же ты, хотела зиму пролежать в яме, а сама просишься? Не пушу, избы не строила.

— А не пустишь, так я вырою под все углы ямы, и изба упадет.

Пустил бык свинью, свинья забралась в избу, да показалось ей жарко, и забралась в подполье.

Петух одно крыло подостлал, а другим покрылся, но все холодно; пробрал холод петуха, и полетел он искать быка; еле до избы дотащился и просится у быка в избу.

— Ведь ты сказал, что одно крыло постелишь, а другим прикроешься, тебе и тепло будет, а теперь так просишься; нет, брат, не пушу, избы строить не пособил.

— А не пустишь, так я весь мох выключу из стен, тебе и самому будет холодно.

— Ну, забирайся в избу, тебе немного места нужно.

Забрался петух и сел на жердочку.

Кот еще кое-как сбивался¹, но и того холод пробрал. Пошел тоже быка искать. Добежал до избы, лапки стряхивает и просится в избу.

Бык и говорит коту:

— Что же ты говорил, что кладешь нос под хвост, тебе и тепло будет? Нет, не пущу, избы не строил.

— Если непустишь, то я у тебя весь мох когтями выцарапаю, ты и сам замерзнешь.

Пустил бык и кота.

— Иди, — говорит, — уж мы все тут забрались, куда же тебя одного покинуть.

Кот забрался и прямо на печку, и лежит.

Идут семь волков серых, видят в лесу избушку, один молодой волк и говорит:

— Братцы, я пойду в избушку, а если долго не приду, приходите на выручку.

Приходит волк в избу и устался на барана, испугался баран и от страха хотел уже заблестать, вдруг петух закричал:

— Кукуреку!

Слетел с жердочки и давай волку глаза клевать.

Выскочил кот с печи, фыркнул и ну глаза волку царапать.

Бросился на помощь баран из угла и так бодонул рогами волка, что тот перекувырнулся.

Набежал бык и рогами проткнул бок волку.

А свинья в подполье кричит:

— Хрю, хрю, хрю! Ножики точу, топоры точу, хочу живого съесть.

Едва волк из избы выбрался, бежит и кричит товарищам:

— Ой, братцы, бежите!

Когда убежали далеко и сели отдохнуть, волк и стал рассказывать:

— Как только я зашел в избу, вижу кого-то мохнатого, он устался на меня; вдруг что-то захопало, закричало и на меня, и прямо в глаза клюет; потом небольшой выскочил с печи, наскочил на меня и тоже глаза царапать. Потом из угла выскочил мохнатый, ударил меня чем-то, я на ногах устоять не мог. Потом кто-то большой наскочил, как ткнул меня чем-то, я свету не взвидел, так жаром всего и обдало. А еще кто-то кричал: «Хрю, хрю, хрю, ножики точу, топоры точу. Хочу живого съесть!» Ой, бежите, братцы, чтобы погони не было.

И опять пустились. А в избушке успокоились от страха и живут да поживают.

¹ Сбиваться — обходиться.

НЁБО ПАЛО

Ходила куричка по улочке, костёр¹ дров и просыпался. Пошла к петуху и говорит:

— О, нёбо пало, нёбо пало!

— А тебе кто сказал?

— Сама видела, сама слышала.

Побежали с петухом прочь, встретился заяц.

— Заяц, ты заяц! Нёбо пало, нёбо пало.

— Тебе кто сказал?

— Сама видела, сама слышала.

Побежал и заяц.

Попал им волк.

— Волк, ты волк, нёбо пало, нёбо пало.

— Тебе кто сказал?

— Сама видела, сама слышала.

Побежали с волком.

Встретилась им лиса:

— Лиса, ты лиса! Нёбо пало, нёбо пало.

— Тебе кто сказал?

— Сама видела, сама слышала.

Побежала и лиса.

Бежали, бежали, да в репну яму² и пали.

Полежали, полежали и есь захотели. Волк и говорит:

— Лиса, лиса! Прочитай-ко имена³, чьё имицько⁴ похуже, того мы и съедим.

Лиса и говорит:

— Лисушка имицько хорошо, вóлкушко имицько хорошо, заюшко хорошо... Курушко имицько худое.

Взяли куру и съели.

А лиса была хитра: не столько ес, сколько обирает⁵ кишечки под задницу себе.

Волк опять говорит:

¹ *Костёр* — поленница, уложенные дрова, напиленные и нарубленные.

² *Рэпна яма* — яма для хранения овощей (и репы).

³ *Прочитай-ко* — от *читать*, разбирать грамоту, разбирать слова, здесь: разбирать имена, их смысл с оценкой житейского положения тех, кто их носит.

⁴ *Имецько* — имечко (здесь и далее так называемое цокание, диалектное произношение ч как ц).

⁵ *Обирать* — собирать, класть, здесь: делать запас.

— Лиса, лиса, прочитай-ко имена, чьё имицько похуже, того мы и съедем.

Лиса и говорит:

— Лисушка имицько хорошо, волкушко имицько хорошо, зайушко хорошо, петушково имицько худое.

Взяли петуха и съели.

А лиса была хитра; не столько ес, сколько обирает кишечки под задницу себе.

Опять полежали, полежали и есь захотели.

Волк и говорит:

— Лиса, лиса, прочитай-ко имена, чьё имицько похуже, того мы и съедем.

Лиса и говорит:

— Лисушко имяцько хорошо, волкушко имицько хорошо, зайушко имицько худое.

Взяли съели и зайца.

Лиса кишки лапой и ест да ест; волк спрашивает:

— Что ты ешь?

Свои кишки, зубам¹ да зубам.

Волк запустил зубы в брюхо, вырвал кишки у себя, да и околел.

16

КОЛОБОК

Жил-был старик со старухою. Просит старик:

— Испеки, старуха, колобок².

— Из чего печь-то? Муки нету.

— Э-эх, старуха! По коробу³ поскреби, по сусеку⁴ помети; авось муки и наберется.

Взяла старуха крылышко, по коробу поскребла, по сусеку помела, и набралось муки пригоршни с две. Замесила на сметане, изжарила в масле и положила на окошечко постудить.

Колобок полежал-полежал, да вдруг и покатился — с окна на лавку, с лавки на пол, по полу да к дверям, перепрыгнул через порог в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца на двор, со двора за ворота, дальше и дальше.

¹ *Зубам* — зубами.

² *Пресная лепешка*.

³ *Короб* — ящик для поклажи.

⁴ *Сусек* — закром, засек.

Катится колобок по дороге, а навстречу ему заяц:

— Колобок, колобок! Я тебя съем.

— Не ешь меня, косой зайчик! Я тебе песенку спою, — сказал колобок и запел:

Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон,
Да в масле пряжон¹.
На окошке стужон;
Я у дедушки ушел,
Я у бабушки ушел,
У тебя, зайца, не хитро уйти!

И покатился себе дальше; только заяц его и видел!..

Катится колобок, а навстречу ему волк:

— Колобок, колобок! Я тебя съем!

— Не ешь меня, серый волк! Я тебе песенку спою!

Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон,
Да в масле пряжон,
На окошке стужон;
Я у дедушки ушел,
Я у бабушки ушел,
Я у зайца ушел,
У тебя, волка, не хитро уйти!

И покатился себе дальше; только волк его и видел!..

Катится колобок, а навстречу ему медведь:

— Колобок, колобок! Я тебя съем.

— Где тебе, косолапому, съесть меня!

Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон,
Да в масле пряжон,
На окошке стужон;
Я у дедушки ушел,
Я у бабушки ушел,
Я у зайца ушел,
Я у волка ушел,
У тебя, медведь, не хитро уйти!

¹ Жарен.

И опять укатился; только медведь его и видел!..
Катится, катится колобок, а навстречу ему лиса:
— Здравствуй, колобок! Какой ты хорошенький.
А колобок запел:

Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон,
Да в масле пряжон,
На окошке стужон;
Я у дедушки ушел,
Я у бабушки ушел,
Я у зайца ушел.
Я у волка ушел,
У медведя ушел,
У тебя, лиса, и подавно уйду!

— Какая славная песенка! — сказала лиса. — Но ведь я, колобок, стара стала, плохо слышу; сядь-ка на мою мордочку да пропой еще разок погромче.

Колобок вскочил лисе на мордочку и запел ту же песню.

— Спасибо, колобок! Славная песенка, еще бы послушала! Сядь-ка на мой язычок да пропой в последний разок, — сказала лиса и высунула свой язык.

Колобок дуру прыг ей на язык, а лиса — ам его! и скушала.

17

ЧЕРЕП-ТЕРЕМ

Была муха-горюха.

У какой-то хозяйки накоплено было сметаны череп¹. Ну вот муха-горюха летела и повернула его и назвала «терем».

Бежит блоха:

— Кто в терему, кто в высокóм?

А муха отвечает;

— Я муха-горюха, а ты кто?

— Я блоха-поскакуха. Пусти меня на подворье!

— Иди.

Летит комар:

— Кто в терему, кто в высоком?

¹ Череп — горшок.

- Муха-горюха, блоха поскакуха, а ты хто?
— Комар-пискун. Пустите меня на подворье!
— Поди!

Таракан бежит:

- Кто в терему, кто в высоком?
— Муха-горюха, блоха-поскакуха,
— Комар-пискун... А ты хто?
— Таракан-шеркун¹! Пустите меня на подворье!
— Ну, иди!

Вот уж их четверо живут.

Бежит ящерица, спрашивает:

- Кто в терему, кто в высоком?
— Муха-горюха, блоха поскакуха,
— Комар-пискун, таракан-шеркун... А ты хто?
— Ящериця-ширикаленка²! Пустите меня!
— Иди!

Живут.

Бежит мышь:

- Кто в терему, кто в высоком?
— Муха-горюха, блоха поскакуха,
— Комар-пискун, таракан-шеркун,
— Ящериця-ширикаленка... А ты хто?
— Я — мышь толста-колоколенка³... Пустите меня!
— Иди!

Бежит горносталько⁴:

- Кто в терему, кто в высоком?
— Муха-горюха, блоха-поскакуха,
— Комар-пискун, таракан-шеркун,
— Ящериця-ширикаленка,
— Мышь... толста-колоколенка... Ты хто?
— Я горносталюшко-чирикалюшко⁵! Пустите меня!
— Што ж? Иди.

Вот уж их сколько. Живут да живут. Бежит зайко:

- Кто в терему, кто в высоком?
— Я муха-горюха, блоха-поскакуха,

¹ *Шеркун* — запечник.

² *Шрикаленка* — от *ширкнуть*, стремительно бежать.

³ *Колоколенка* — круглая, толстая.

⁴ *Горносталько* — горносталь, горноста́й.

⁵ *Чирикалюшко* — от *чиркать*, издавать звук.

— Комар-пискун, таракан-шеркун,
— Ящериця-ширика́ленка́,
— Мышь толста́-колоко́ленка́,
— Горносталюшко́-чирикалюшко... Ты кто?
— Я заюшко-попытаюшко¹,
Ушки долги́, ножки корóтеньки.
— Иди к нам.

Вот живут. Бежит лисиця:

— Кто в терему, кто в высоком?
— Муха-горюха, блоха-поскакуха,
— Комар-пискун, таракан-шеркун,
— Ящериця-ширика́ленка́,
— Мышь толста́-колоко́ленка́,
— Горнаста́люшко́-чирикалюшко́,
— Заюшко́-попытаюшко́... Ты кто?
— Я лисиця-подхила гузница²... Пустите меня!
— Поди.

Тожа лисицю пускают. Бежит волк:

— Кто в терему, кто в высоком?
— Муха-горюха, блоха-поскакуха,
— Комар-пискун, таракан-шеркун,
— Ящериця-ширика́ленка́,
— Мышь толста́-колоко́ленка́,
— Горносталюшко́-чирикалюшко́,
— Заюшко́-попытаюшко́,
— Лисиця-подхила гузница... А ты кто?
— Я волчища-большой ротища... Пустите меня!

Пустили и этого. Идет медведь:

— Кто в терему, кто в высоком?
— Муха-горюха, блоха-поскакуха,
— Комар-пискун, таракан-шеркун,
— Ящериця-ширика́ленка́,
— Мышь толста́-колоко́ленка́,
— Горнасталюшко́-чирикалюшко́,
— Заюшко́-попытаюшко́,
— Лисиця-подхила гузница,
— Волчища-большой ротища... Ты кто?
— Я — медведища-толсты пятища...

Всех лапой и затыпал.

¹ *Попытаюшко* — по смыслу, чуткий, прыгун.

² *Гузница* — зад.

ПЕТУШОК ЗАДАВИЛСЯ

Петушок были с курушкой, ходили на попово полё, клевали зёрнышка. Петушок зёрнышком и подавился.

Курушка и побежала к реки просить воды, петушка напоить:

— Река, река, дай воды, вода¹ нести петушку, петушок задавился са бобовым зёрнышком.

А река говорит:

— Ступай поди к липы, попроси листу, тогда дам воды.

Курушка пришла к липы и говорит:

— Липа, липа, дай листу, нести к реке, река даст воды, воды нести к петушку, петушок подавился бобовым зёрнышком.

Липа говорит:

— Сходи к девушки, попроси нитоцьки, нитоцька нести к липы.

Девушка говорит:

— Сходи к коровушке, попроси молоцька.

Курушка побежала к коровушке и говорит:

— Коровушка, коровушка, дай молоцька, нести к девушке, она даст нитоцьку нести к липе, липа даст листу нести к реке, а река даст воды нести к петушку, петушок подавился бобовым зёрнышком.

Коровушка говорит:

— Сходи к сенокосцям, принеси сена, тогда дам молоцка.

Курушка побежала к сенокосцям и говорит:

— Дайте сена, петушок подавился бобовым зёрнышком.

— Сходи к кузнецам, пусть скуют косу.

Курушка побежала к кузнецам, они послали ее к угольникам.

Угольники дали уголь, она пошла обратно, к сенокосцам, к коровушке, к девушке, к липе, к реке.

Когда курушка с водой пришла к петушку, петушок уж задавился.

Волшебные сказки

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Жили старичок со старушкой; у них была дочка да сынок маленький.

— Дочка, дочка! — говорила мать. — Мы пойдём на работу, принесем тебе булочку, сошьём платьце, купим платочек; будь умна, береги братца, не ходи со двора.

¹ Именительный падеж вместо винительного — особенность диалектной речи. Запись фиксирует и другие свойства северного говора (цокание и др.)

Старшие ушли, а дочка забыла, что ей приказывали; посадила братца на травке под окошком, а сама побежала на улицу, заигралась, загулялась. Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крылышках.

Пришла девочка, глядь — братца нету! Ахнула, кинулась туда-сюда — нету. Кликала, заливалась слезами, причитывала, что худо будет от отца и матери, — братец не откликнулся! Выбежала в чистое поле; метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за темным лесом. Гуси-лебеди давно себе дурную славу нажили, много шкодили и маленьких детей крадывали; девочка угадала, что они унесли ее братца, бросилась их догонять.

Бежала-бежала, стоит печка.

— Печка, печка, скажи, куда гуси полетели?

— Съешь моего ржаного пирожка, скажу.

— О, у моего батюшки пшеничные не едятся!

Печь не сказала.

Побежала дальше, стоит яблонь.

— Яблонь, яблонь, скажи, куда гуси полетели?

— Съешь моего лесного яблока, скажу,

— О, у моего батюшки и садовые не едятся!

Побежала дальше, стоит молочная речка, кисельные берега.

— Молочная речка, кисельные берега, куда гуси полетели?

— Съешь моего простого киселика с молоком, скажу.

— О, у моего батюшки и сливочки не едятся!

И долго бы ей бегать по полям да бродить по лесу, да, к счастью, попался еж; хотела она его толкнуть, побоялась наколоться и спрашивает:

— Ежик, ежик, не видал ли, куда гуси полетели?

— Вон туда-то! — указал.

Побежала — стоит избушка на курьих ножках, стоит-поворачивается. В избушке сидит баба-яга, морда жилиная, нога глиняная; сидит и братец на лавочке, играет золотыми яблочками.

Увидела его сестра, подкралась, схватила и унесла; а гуси за нею в погоню летят; нагонят злодеи, куда деваться?

Бежит молочная речка, кисельные берега.

— Речка-матушка, спрячь меня!

— Съешь моего киселика!

Нечего делать, съела.

Речка ее посадила под бережок, гуси пролетели.

Вышла она, сказала:

— Спасибо!

И опять бежит с братцем.

А гуси воротились, летят навстречу. Что делать? Беда! Стоит яблонь.

— Яблонь, яблонь-матушка, спрячь меня!

— Съешь мое лесное яблочко!

Поскорей съела. Яблонь ее заслонила веточками, прикрыла листиками; гуси пролетели.

Вышла и опять бежит с братцем, а гуси увидели — да за ней; совсем налетают, уж крыльями бьют, того и гляди — из рук вырвут!

К счастью, на дороге печка.

— Сударыня печка, спрячь меня!

— Съешь моего ржаного пирожка!

Девушка поскорей пирожок в рот, а сама в печь, села в устьецо¹.

Гуси полетали-полетали, покричали-покричали и ни с чем улетели.

А она прибежала домой, да хорошо еще, что успела прибежать, а тут и отец и мать пришли.

20

МОРОЗ КРАСНЫЙ НОС

У мачехи была падчерица да родная дочка; родная что ни сделает, за все ее глядят по головке да приговаривают:

— Умница!

А падчерица как ни угождает — ничем не угодит, все не так, все худо; а надо правду сказать, девочка была золото, в хороших руках она бы как сыр в масле купалась, а у мачехи каждый день слезами умывалась. Что делать? Ветер хоть пошумит да затихнет, а старая баба расходится — не скоро уймется, все будет придумывать да зубы чесать.

И придумала мачеха падчерицу со двора согнать:

— Вези, вези, старик, ее куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали, чтобы мои уши об ней не слышали; да не вози к родным в теплую хату, а во чисто поле на трескун-мороз!

Старик затужил, заплакал; однако посадил дочку на сани, хотел прикрыть попонкой — и то побоялся; повез бездомную во чисто поле, свалил на сугроб, перекрестил, а сам поскорее домой, чтоб глаза не видали дочериной смерти.

Осталась бедненькая, трясется и тихонько молитву творит.

¹ Устьецо — отверстие, вход.

Приходит Мороз, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает:

— Девушка, девушка, я Мороз красный нос!

— Добро пожаловать, Мороз; знать, Бог тебя принес по мою душу грешную.

Мороз хотел ее тукнуть¹ и заморозить; но полюбились ему ее умные речи, жаль стало! Бросил он ей шубу. Оделась она в шубу, подожмала ножки, сидит.

Опять пришел Мороз красный нос, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает:

— Девушка, девушка, я Мороз красный нос!

— Добро пожаловать, Мороз; знать, Бог тебя принес по мою душу грешную.

Мороз пришел совсем не по душу, он принес красной девушке сундук высокий да тяжелый, полный всякого приданого.

Уселась она в шубочке на сундучке, такая веселенькая, такая хорошенькая!

Опять пришел Мороз красный нос, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает. Она его приветила, а он ей подарил платье, шитое и серебром и золотом. Надела она и стала какая красавица, какая нарядница! Сидит и песенки попевает.

А мачеха по ней поминки справляет; напекла блинов.

— Ступай, муж, вези хоронить свою дочь.

Старик поехал.

А собачка под столом:

— Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут!

— Молчи, дура! На́ блин, скажи: старухину дочь женихи возьмут, а стариковой одни косточки привезут!

Собачка съела блин да опять:

— Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут!

Старуха и блины давала и била ее, а собачка все свое:

— Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не возьмут!

Скрипнули ворота, растворились двери, несут сундук высокий, тяжелый, идет падчерица — панья паньей сияет! Мачеха глянула — и руки врозь!

— Старик, старик, запрягай других лошадей, вези мою дочь поскорей! Посади на то же поле, на то же место.

¹ *Тукнуть* — стукнуть, пришибить.

Повез старик на то же поле, посадил на то же место.

Пришел и Мороз красный нос, поглядел на свою гостью, попрыгал-поскакал, а хороших речей не дождал¹; рассердился, хватил ее и убил.

— Старик, ступай, мою дочь привези, лихих коней запряги, да саней не повали, да сундук не оброни!

А собачка под столом:

— Тяв, тяв! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной в мешке косточки везут!

— Не ври! На пирог, скажи: старухину в злате, в серебре везут!

Растворились ворота, старуха выбежала встретить² дочь, да вместо ее обняла холодное тело. Заплакала, заголосила, да поздно!

21

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

В стары годы, в старопрежни, у одного царя было три сына — все они на возрасте. Царь и говорит:

— Дети! Сделайте себе по самострелу и стреляйте: кака женщина принесет стрелу, та и невеста; ежели никто не принесет, тому, значит, не жениться.

Большой сын стрелил, принесла стрелу княжеска дочь; средний стрелил, стрелу принесла генеральска дочь; а малому Ивану-царевичу принесла стрелу из болота лягуша в зубах. Те братья были веселы и радостны, а Иван-царевич призадумался, заплакал:

— Как я стану жить с лягушей? Век жить — не реку перебрести или не поле перейти!

Поплакал-поплакал, да нечего делать — взял в жены лягушу. Их всех обвенчали по ихнему там обряду; лягушу держали на блюде.

Вот живут они. Царь захотел одиножды посмотреть от невесток дары, котора из них лучше мастерица. Отдал приказ.

Иван-царевич опять призадумался, плачет:

— Чего у меня сделает лягуша! Все станут смеяться.

Лягуша ползат по полу, только квакат.

Как уснул Иван-царевич, та вышла на улицу, сбросила кожух³, сделалась красной дѣвицей и крикнула:

— Няньки-маньки! Сделайте то-то!

¹ Не дождался.

² Встретить.

³ Кожух — кожа, шкурка.

Няньки-маньки¹ тотчас принесли рубашку самой лучшей работы. Она взяла ее, свернула и положила возле Ивана-царевича, а сама обернулась опять лягушей, будто ни в чем не бывала!

Иван-царевич проснулся, обрадовался, взял рубашку и понес к царю.

Царь принял ее, посмотрел:

— Ну, вот это рубашка — во Христов день² надевать!

Средний брат принес рубашку, царь сказал:

— Только в баню в ней ходить!

А у большого брата взял рубашку и сказал:

В черной избе³ ее носить!

Разошлись царски дети; двое-то и судят между собой:

— Нет, видно, мы напрасно смеялись над женой Ивана-царевича, она не лягуша, а кака-нибудь хитра⁴!

Царь дает опять приказанье, чтоб снохи состряпали хлеба и принесли ему напоказ, котора лучше стряпат?

Те невестки сперва смеялись над лягушей; а теперь, как пришло время, они и послали горнишну подсматривать, как она станет стряпать. Лягуша смекнула это, взяла замесила квашню, скатала, печь сверху выдолбила, да прямо туда квашню и опрокинула. Горнишна увидела, побежала, сказала своим барыням, царским невесткам, и те так же сделали.

А лягуша хитрая только их провела, тотчас тесто из печи выгребла, все очистила, замазала, будто ни в чем не бывало, а сама вышла на крыльцо, вывернулась из кожуха и крикнула:

— Няньки-маньки! Состряпайте сейчас же мне хлебов таких, каки мой батюшка по воскресеньям да по праздникам только ел.

Няньки-маньки тотчас притащили хлеба. Она взяла его, положила возле Ивана-царевича, а сама сделалась лягушей.

Иван-царевич проснулся, взял хлеб и понес к отцу. Отец в то время принимал хлебы от больших братовей; их жены как попускали в печь хлебы так же, как лягуша, — у них и вышло кули-мули.

Царь наперво принял хлеб от большого сына, посмотрел и отослал на кухню; от среднего принял, туда же послал.

Дошла очередь до Ивана-царевича, он подал свой хлеб. Отец принял, посмотрел и говорит:

¹ Няньки-маньки — няньки-мамки; маньки — возможно, и от имени Маня (Маша).

² В праздник.

³ Черная изба — курная, без трубы.

⁴ Хитра — колдунья, чародейка.

— Вот это хлеб — во Христов день есть! Не такой, как у бóльших снох, с закалой¹!

После того вздумалось царю сделать бал, посмотреть своих сношек, котора лучше пляшет?

Собрались все гости и снохи, кроме Ивана-царевича; он задумался:

— Куда я с лягушей поеду?

И заплакал навзрыд наш Иван-царевич.

Лягуша и говорит ему:

— Не плачь, Иван-царевич! Ступай на бал. Я через час буду.

Иван-царевич немного обрадовался, как услышал, что лягуша баёт²; уехал, а лягуша пошла, сбросила с себя кожу, оделась чудо как!

Приезжает на бал; Иван-царевич обрадовался, и все руками схлопали: кака красавица!

Начали закусывать; царевна огложет костью³, да и в рукав, выпьет чего — остатки в другой рукав. Те снохи видят, чего она делает, и они тоже кости кладут к себе в рукава, пьют чего — остатки льют в рукава.

Дошла очередь танцевать; царь посылает бóльших снох, а они ссылаются на лягушу. Та тотчас подхватила Ивана-царевича и пошла; уж она плясала-плясала, вертелась-вертелась — всем на диво! Махнула правой рукой — стали леса и воды, махнула левой — стали летать разные птицы. Все изумились. Отплясала — ничего не стало.

Други снохи пошли плясать, так же хотели: котора правой рукой ни махнет, у той кости-та и полетят, да в людей, из левого рукава вода разбрызжет — тоже в людей. Царю не понравилось, закричал:

— Будет, будет!

Снохи перестали.

Бал был на отходе. Иван-царевич поехал наперед, нашел там где-то женин кожух, взял его да и сжег.

Та приезжат, хватилась кожуха: нет! — сожжен.

Легла спать с Иваном-царевичем; перед утром и говорит ему:

— Ну, Иван-царевич, немного ты не потерпел; твоя бы я была, а теперь Бог знат. Прощай! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве.

И не стало царевны.

¹ Плохо пропеченный хлеб, с сырыми комками.

² *Ба́ять* — говорить.

³ Кость.

Вот год прошел, Иван-царевич тоскует о жене; на другой год собрался, выпросил у отца, у матери благословенье и пошел.

Идет долго уж, вдруг попадается ему избушка — к лесу передом, к нему задом. Он и говорит:

— Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, — к лесу задом, а ко мне передом.

Избушка перевернулась.

Вошел в избу, сидит старуха и говорит:

— Фу-фу! Русской коски слыхом было не слышать, видом не видеть, нынче русска коска сама на двор пришла! Куда ты, Иван-царевич, пошел?

— Прежде, старуха, напой-накорми, потом вести расспроси.

Старуха напоила-накормила и спать положила. Иван-царевич говорит ей:

— Баушка! Вот я пошел доставать Елену Прекрасну¹.

— Ой, дитяtko, как ты долго (не бывал)! Она с первых-то годов часто тебя поминала, а теперь уж не помнит, да и у меня давно не бывала. Ступай вперед к средней сестре, та больше знает.

Иван-царевич поутру отправился, дошел до избушки и говорит:

— Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, — к лесу задом, а ко мне передом.

Избушка перевернулась.

Он вошел в нее, видит — сидит старуха и говорит:

— Фу-фу! Русской коски слыхом было не слышать и видом не видеть, а нынче русска коска сама на двор пришла! Куда, Иван-царевич, пошел?

— Да вот, баушка, доступать² Елену Прекрасну.

— Ой, Иван-царевич, — сказала старуха, — как ты долго! Она уж стала забывать тебя, выходит замуж за другого: скоро свадьба! Живет теперь у большой сестры, ступай туда да смотри ты: как станешь подходить — у нее узнают, Елена обернется веретешком³, а платье на ней будет золотом. Моя сестра золото станет вить, как совет веретешко и положит в ящик, и ящик запрет, ты найди ключ, отвори ящик, веретешко переломи, кончик брось назад, а корешок перед себя: она и очутится перед тобой.

¹ Елена Прекрасная — обобщенное имя прекрасной жены, чаровницы.

² Доступать — добывать, здесь: настоятельно искать.

³ Веретеном.

Пошел Иван-царевич, дошел до этой старухи, зашел в избу; та вьет золото, свила его веретешко и положила в ящик, заперла и ключ куда-то положила.

Он взял ключ, отворил ящик, вынул веретешко и переломил по сказанному, как по писаному, кончик бросил за себя, а корешок перед себя.

Вдруг и очутилась Елена Прекрасна, начала здороваться:

— Ой, да как ты долго, Иван-царевич? Я чуть за другого не ушла.

А тому жениху надо скоро быть. Елена Прекрасна взяла ковер-самолет у старухи, села на него, и понеслись, как птица полетели.

Жених-от за ними вдруг и приехал, узнал, что они уехали; был тоже хитрый! Он ступай-ка за ними в погоню, гнал-гнал, только сажон десять не догнал: они на ковре влетели в Русь, а ему нельзя как-то в Русь-то, воротился.

А те прилетели домой, все обрадовались, стали жить да быть, да животы¹ наживать — на славу всем людям.

22

БЕЛАЯ УТОЧКА

Один князь женился на прекрасной княжне и не успел еще на нее наглядеться, не успел с нею наговориться, не успел ее послушаться, а уж надо было им расставаться, надо было ему ехать в дальний путь, покидать жену на чужих руках. Что делать! Говорят, век обнявшись не просидеть.

Много плакала княгиня, много князь ее уговаривал, заповедовал не покидать высока терема, не ходить на беседу, с дурными людьми не ватажиться², худых речей не слушаться. Княгиня обещала все исполнить. Князь уехал; она заперлась в своем покое и не выходит.

Долго ли, коротко ли, пришла к ней женщина, казалось — такая простая, сердечная!

— Что, — говорит, — ты скучаешь? Хоть бы на Божий свет поглядела, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала, голову простудила³.

¹ Животы — достаток, богатство, имение.

² Ватажиться — водиться, знаясь.

³ Освежилась на чистом воздухе.

Долго княгиня отговаривалась, не хотела, наконец подумала: «По саду походить не беда» и пошла.

В саду разливалась ключевая хрустальная вода.

— Что, — говорит женщина, — день такой жаркий, солнце палит, а водица студеная — так и плещет, не искупаться ли нам здесь?

— Нет, нет, не хочу!

А там подумала: ведь искупаться не беда! Скинула сарафанчик и прыгнула в воду. Только окунулась, женщина ударила ее по спине:

— Плыви ты, — говорит, — белою уточкой!

И поплыла княгиня белою уточкой.

Ведьма тотчас нарядилась в ее платье, убралась, намалевалась и села ожидать князя.

Только щенок вякнул, колокольчик звякнул, она уж бежит навстречу, бросилась к князю, целует, милует. Он обрадовался, сам руки протянул и не распознал ее.

А белая уточка нанесла яиц, вывела деточек, двух хороших, а третьего заморышка, и деточки ее вышли — ребяточки; она их вырастила, стали они по реченьке ходить, злату рыбку ловить, лоскутики собирать, кафтаники сшивать, да выскакивать на бережок, да поглядывать на лужок.

— Ох, не ходите туда, дети! — говорила мать.

Дети не слушали; нынче поиграют на травке, завтра побегают по муравке, дальше, дальше, и забралась на княжий двор.

Ведьма чутьем их узнала, зубами заскрипела; вот она позвала деточек, накормила-напоила и спать уложила, а там велела разложить огня, навесить котлы, наточить ножи.

Легли два братца и заснули, — а заморышка чтоб не застудить, приказала (им) мать в пазушке носить — заморышек-то и не спит, все слышит, все видит.

Ночью пришла ведьма под дверь и спрашивает:

— Спите вы, детки, иль нет?

Заморышек отвечает:

Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!

— Не спят!

Ведьма ушла, походила-походила, опять под дверь:

— Спите, детки, или нет?

Заморышек опять говорит то же:

— Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!

— Что же это все один голос? — подумала ведьма, отворила потихоньку дверь, видит: оба брата спят крепким сном, тотчас обвела их мертвой рукою¹ — и они померли.

Поутру белая уточка зовет деток, детки нейдут. Зачуяло ее сердце, встрепенулась она и полетела на княжий двор.

На княжьем дворе, белы как платочки, холодны как пласточки, лежали братцы рядышком. Кинулась она к ним, бросилась, крылышки распустила, деточек обхватила и материнским голосом завопила:

Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Я нуждой вас выхаживала.
Я слезой вас выпаивала,
Темну ночь не досыпала,
Сладок кус не доедала!

— Жена, слышишь небывалое? Утка приговаривает.

— Это тебе чудится! Велите утку со двора прогнать!

Ее прогонят, она облетит да опять к деткам:

Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Погубила вас ведьма старая,
Ведьма старая, змея лютая,
Змея лютая, подколодная;
Отняла у вас отца родного,
Отца родного — моего мужа,
Потопила нас в быстрой реченьке,
Обратила нас в белых уток,
А сама живет — величается!

«Эге!» — подумал князь и закричал:

— Поймайте мне белую утку!

Бросились все, а белая уточка летает и никому не дается; выбежал князь сам, она к нему на руки пала.

Взял он ее за крылышко и говорит:

¹ Есть поверье, что воры запасаются рукою мертвеца и, приходя на промысел, обводят ею спящих хозяев, чтобы навести на них непробудный сон. (Пояснение А.Н. Афанасьева).

— Стань, белая береза, у меня позади, а красная девица — впереди!

Белая береза вытянулась у него позади, а красная девица стала впереди. И в красной девице князь узнал свою молодую княгиню.

Тотчас поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велели в один набрать воды живящей, в другой говорящей.

Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули деток живящею водою — они встрепенились, сбрызнули говорящею — они заговорили.

И стала у князя целая семья, и стали все жить-поживать, добро наживать, худо забывать.

А ведьму привязали к лошадиному хвосту и размыкали по полю: где оторвалась нога — там стала кочерга, где рука — там грабли, где голова — там куст да колода; налетели птицы — мясо поклевали, поднялись ветры — кости разметали, и не осталось от ней ни следа, ни памяти!

23

СИВКО-БУРКО

Жил-был старик, у него было три сына, третий-от Иван-дурак, ничего не делал, только на печи в углу сидел да сморкался.

Отец стал умирать и говорит:

— Дети! Как я умру, вы каждый поочередно ходите на могилу ко мне спать по три ночи, — и умер.

Старика схоронили.

Приходит ночь; надо большому брату ночевать на могиле, а ему — кое лень, коё боится, он и говорит малому брату:

— Иван-дурак! Поди-ка к отцу на могилу, ночуй за меня. Ты ничего же не делаешь!

Иван-дурак собрался, пришел на могилу, лежит; в полночь вдруг могила расступилась, старик выходит и спрашивает:

— Кто тут? Ты, большой сын?

— Нет, батюшка! Я, Иван-дурак.

Старик узнал его и спрашивает:

— Что же больш-от сын не пришел?

— А он меня послал, батюшка!

— Ну, твое счастье!

Старик свистнул-гайкнул богатырским посвистом:

— Сивко-бурко, вещий воронко!

Сивко¹ бежит, только земля дрожит, из очей искры сыплются, из ноздрей дым столбом.

— Вот тебе, сын мой, добрый конь; а ты, конь, служи ему, как мне служил.

Проговорил это старик, лег в могилу.

Иван-дурак погладил, поласкал сивка и отпустил, сам домой пошел.

Дома спрашивают братья:

— Что, Иван-дурак, ладно ли ночевал?

— Очень ладно, братья!

Другая ночь приходит. Средний брат тоже не идет ночевать на могилу и говорит:

— Иван-дурак! Поди на могилу-то к батюшке, ночуй и за меня.

Иван-дурак, не говоря ни слова, собрался и покатил, пришел на могилу, лег, дожидается полночи.

В полночь также могила раскрылась, отец вышел, спрашивает:

— Ты, середний сын?

— Нет, — говорит Иван-дурак, — я же опять, батюшка!

Старик гайкнул богатырским голосом, свистнул молодецким посвистом:

— Сивко-бурко, вещей воронко!

Бурко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом.

— Ну, бурко, как мне служил, так служи и сыну моему. Ступай теперь!

Бурко убежал; старик лег в могилу, а Иван-дурак пошел домой.

Братья опять спрашивают:

— Каково, Иван-дурак, ночевал?

— Очень, братья, ладно!

На третью ночь Иванова очередь; он не дожидается наряду, собрался и пошел. Лежит на могиле.

В полночь опять старик вышел, уж знает, что тут Иван-дурак, гайкнул богатырским голосом, свистнул молодецким посвистом:

— Сивко-бурко, вещей воронко!

Воронко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом.

— Ну, воронко, как мне служил, так и сыну моему служи.

Сказал это старик, простился с Иваном-дураком, лег в могилу.

¹ *Сивко* вместо *Сивка* — так называемый вокатив (звательный падеж вместо именительного), остаток древней системы склонения существительных, сохранившейся в народной речи. Ср. еще *бурко*, *воронко*.

Иван-дурак погладил воронка, посмотрел и отпустил, сам пошел домой. Братья опять спрашивают:

— Каково, Иван-дурак, ночевал?

— Очень ладно, братья!

Живут; двое братовой рóбят¹, а Иван-дурак — ничего.

Вдруг от царя клич: ежели кто сорвет царевнин портрет с дому чрез сколько-то много бревен, за того ее и замуж отдаст.

Братья собираются посмотреть, кто станет срывать портрет. Иван-дурак сидит на печи за трубой и бает²:

— Братья! Дайте мне каку лошадь, я поеду посмотрю же.

— Э!—взъелись братья на него. — Сиди, дурак, на печи; чего ты поедешь? Людей, что ли, смешить!

Нет, от Ивана-дурака отступу нету! Братья не могли отбиться:

— Ну, ты возьми, дурак, вон трехногую кобыленку!

Сами уехали. Иван-дурак за ними же поехал в чисто поле, в широко раздолье; слез с кобыленки, взял ее зарезал, кожу снял, повесил на поскотину³, а мясо бросил; сам свистнул молодецким посвистом, гайкнул богатырским голосом:

— Сивко-бурко, вещей воронко!

Сивко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом. Иван-дурак в одно ушко залез — напил-ся-наелся, в друго вылез — оделся, молодец такой стал, что и братьям не узнать! Сел на сивка и поехал срывать портрет.

Народу было тут видимо-невидимо; завидели молодца, все начали смотреть. Иван-дурак с размаху нагнал, конь его скочил и портрет не достал только через три бревна. Видели, откуда приехал, а не видали, куда уехал!

Он коня отпустил, сам пришел домой, сел на печь. Вдруг братья приезжают и сказывают женам:

— Ну, жены, какой молодец приезжал, так мы такого сроду не видали! Портрет не достал только через три бревна. Видели, откуда приехал, не видали, куда уехал. Еще опять приедет...

Иван-дурак сидит на печи и говорит:

— Братья, не я ли тут был?

— Куда к черту тебе быть! Сиди, дурак, на печи да протирай нос-от.

Время идет. От царя тот же клич. Братья опять стали собираться, а Иван-дурак и говорит:

¹ Рóбят — работают.

² Баёт — говорит.

³ Поскóтина — место для выгона скота; здесь: городьба.

— Братья! Дайте мне каку-нибудь лошадь.

Они отвечают:

— Сиди, дурак, дома! Другу лошадь ты станешь переводить!

Нет, отбиться не могли, велели опять взять хромую кобылешку.

Иван-дурак и ту управил, заколол, кожу развесил на поскотинне, а мясо бросил. Сам свистнул молодецким посвистом, гайкнул богатырским голосом:

— Сивко-бурко, вещий воронко!

Бурко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом. Иван-дурак в право ухо залез — оделся, выскочил в лево — молодцом сделался, соскочил¹ на коня, поехал; портрет не достал только за два бревна. Видели, откуда приехал, а не видели, куда уехал! Бурка отпустил, а сам пошел домой, сел на печь, дожидается братьевей.

Братья приехали и сказывают:

— Бабы! Тот же молодец опять приезжал, да не достал портрет только за два бревна.

Иван-дурак и говорит им:

— Братья, не я ли тут был?

— Сиди, дурак! Где у черта был!

Через немного время от царя опять клич. Братья начали сбираться, а Иван-дурак и просит:

— Дайте, братья, каку-нибудь лошадь; я съезжу, посмотрю же.

— Сиди, дурак, дома! Докуда лошадей-то у нас станешь переводить?

Нет, отбиться не могли, бились-бились, велели взять худую кобылешку; сами уехали. Иван-дурак и ту управил, зарезал, бросил; сам свистнул молодецким посвистом, гайкнул богатырским голосом:

— Сивко-бурко, вещий воронко!

Воронко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом. Иван-дурак в одно ушко залез — напился-наелся, в друго вылез — молодцом оделся, сел на коня и поехал.

Как только доехал до царских чертогов, портрет и ширинку² так и сорвал. Видели, откуда приехал, а не видели, куда уехал!

Он так же воронка отпустил, пошел домой, сел на печь, ждет братьевей.

Братья приехали, сказывают:

¹ Соскочил — вскочил.

² Ширинка — полотенце, платок.

— Ну, хозяйки! Тот же молодец как нагнал сегодня, так портрет и сорвал.

Иван-дурак сидит за трубой и бает:

— Братья, не я ли тут был?

— Сиди, дурак! Где ты у черта был!

Через немного время царь сделал бал, созывает всех бояр, воевод, князей, думных, сенаторов, купцов, мещан и крестьян. И Ивановы братья поехали: Иван-дурак не отстал, сел где-то на печь за трубу, глядит, рот разинул.

Царевна потчует гостей, каждому подносит пива и смотрит, не утрется ли кто ширинкой? — тот ее и жених.

Только никто не утрется; а Иван-дурака не видала, обошла. Гости разошлись.

На другой день царь сделал другой бал; опять виноватого не нашли, кто сорвал ширинку.

На третий день царевна так же стала из своих рук подносить гостям пиво; всех обошла, никто не утрется ширинкой.

«Что это, — думает она себе, — нет моего суженого!» Взглянула за трубу и увидела там Ивана-дурака; платишко на нем худое, весь в саже, волосы дыбом. Она налила стакан пива, подносит ему, а братья глядят, да и думают: царевна-то и дураку-то подносит пиво!

Иван-дурак выпил, да и утрется ширинкой. Царевна обрадовалась, берет его за руку, ведет к отцу и говорит:

— Батюшка! Вот мой суженый.

Братовой тут ровно ножом по сердцу-то резнуло, думают: «Чего это царевна! Не с ума ли сошла? Дурака ведет в сужены».

Разговоры тут коротки: веселым пирком да за свадебку.

Наш Иван тут стал не Иван-дурак, а Иван царский зять; оправился, очистился, молодец молодцом стал, не стали люди узнавать!

Тогда-то братья узнали, что значило ходить спать на могилу к отцу.

ОБ ИВАНЕ-ЦАРЕВИЧЕ, ЖАР-ПТИЦЕ И О СЕРОМ ВОЛКЕ

В некотором было царстве, в некотором государстве был-жил царь по имени Выслав Андронович. У него было три сына-царевича: первый — Димитрий-царевич, другой — Василий-царевич, а третий — Иван-царевич.

У того царя Выслава Андроновича был сад такой богатый, что ни в котором государстве лучше того не было; в том саду росли

разные дорогие деревья с плодами и без плодов, и была у царя одна яблоня любимая, и на той яблоне росли яблочки все золотые.

Повадилась к царю Выславу в сад летать жар-птица; на ней перья золотые, а глаза восточному хрусталу подобны. Летала она в тот сад каждую ночь и садилась на любимую Выслава-царя яблоню, срывала с нее золотые яблочки и опять улетала.

Царь Выслав Андронович весьма крушился о той яблоне, что жар-птица много яблोक с нее сорвала; почему призвал к себе трех своих сыновей и сказал им:

— Дети мои любезные! Кто из вас может поймать в моем саду жар-птицу? Кто изловит ее живую, тому еще при жизни моей отдам половину царства, а по смерти и все.

Тогда дети его царевичи возопили единогласно:

— Милостивый государь-батюшка, ваше царское величество! Мы с великою радостью будем стараться поймать жар-птицу живую.

На первую ночь пошел караулить в сад Димитрий-царевич и, усевшись под ту яблонь, с которой жар-птица яблочки срывала, заснул и не слышал, как та жар-птица прилетала и яблोक весьма много ощипала.

Поутру царь Выслав Андронович призвал к себе своего сына Димитрия-царевича и спросил:

— Что, сын мой любезный, видел ли ты жар-птицу или нет?

Он родителю своему отвечал:

— Нет, милостивый государь-батюшка! Она эту ночь не прилетала.

На другую ночь пошел в сад караулить жар-птицу Василий-царевич. Он сел под ту же яблонь и, сидя час и другой ночи, заснул так крепко, что не слышал, как жар-птица прилетала и яблочки щипала.

Поутру царь Выслав призвал его к себе и спрашивал:

— Что, сын мой любезный, видел ли ты жар-птицу или нет?

— Милостивый государь-батюшка! Она эту ночь не прилетала.

На третью ночь пошел в сад караулить Иван-царевич и сел под ту же яблонь; сидит он час, другой и третий — вдруг осветило весь сад так, как бы он многими огнями освещен был: прилетела жар-птица, села на яблоню и начала щипать яблочки.

Иван-царевич подкрался к ней так искусно, что ухватил ее за хвост; однако не мог ее удержать: жар-птица вырвалась и полетела, и осталось у Ивана-царевича в руке только одно перо из хвоста, за которое он весьма крепко держался.

Поутру лишь только царь Выслав от сна пробудился, Иван-царевич пошел к нему и отдал ему перышко жар-птицы. Царь Выслав весьма был обрадован, что меньшому его сыну удалось хотя одно перо достать от жар-птицы. Это перо было так чудно и светло, что ежели принести его в темную горницу, то оно так сияло, как бы в том покое было зажжено великое множество свеч.

Царь Выслав положил то перышко в свой кабинет как такую вещь, которая должна вечно храниться. С тех пор жар-птица не летала в сад.

Царь Выслав опять призвал к себе детей своих и говорил им:

— Дети мои любезные! Поезжайте, я даю вам свое благословение, отыщите жар-птицу и привезите ко мне живую; а что прежде я обещал, то, конечно, получит тот, кто жар-птицу ко мне привезет.

Димитрий и Василий царевичи начали иметь злобу на меньшего своего брата Ивана-царевича, что ему удалось выдернуть у жар-птицы из хвоста перо; взяли они у отца своего благословение и поехали двое отыскивать жар-птицу.

А Иван-царевич также начал у родителя своего просить на то благословения. Царь Выслав сказал ему:

— Сын мой любезный, чадо мое милое! Ты еще молод и к такому дальнему и трудному пути непривычен; зачем тебе от меня отлучаться? Ведь братья твои и так поехали. Ну, ежели и ты от меня уедешь, и вы все трое долго не возвратитесь? Я уже при старости и хожу под Богом; ежели во время отлучки вашей Господь Бог отымет мою жизнь, то кто вместо меня будет управлять моим царством? Тогда может сделаться бунт или несогласие между нашим народом, а унять будет некому; или неприятель под наши области подступит, а управлять войсками нашими будет некому.

Однако сколько царь Выслав ни старался удерживать Ивана-царевича, но никак не мог не отпустить его, по его неотступной просьбе.

Иван-царевич взял у родителя своего благословение, выбрал себе коня и поехал в путь, и ехал, сам не зная, куды едет.

Едучи путем-дорогою, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, наконец приехал он в чистое поле, в зеленые луга. А в чистом поле стоит столб, а на столбу написаны эти слова: «Кто поедет от столба сего прямо, тот будет голоден и холоден; кто поедет в правую сторону, тот будет здоров и жив, а конь его будет мертв; а кто поедет в левую сторону, тот сам будет убит, а конь его жив и здоров останется».

Иван-царевич прочел эту надпись и поехал в правую сторону, держа на уме: хотя конь его и убит будет, зато сам жив останется и со временем может достать себе другого коня.

Он ехал день, другой и третий — вдруг вышел ему навстречу пребольшой серый волк и сказал:

— Ох ты гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! Ведь ты читал, на столбе написано, что конь твой будет мертв; так зачем сюда едешь?

Волк вымолвил эти слова, разорвал коня Ивана-царевича надвое и пошел прочь в сторону.

Иван-царевич вельми сокрушался по своему коню, заплакал горько и пошел пеший. Он шел целый день и устал несказанно и только что хотел присесть отдохнуть, вдруг нагнал его серый волк и сказал ему:

— Жаль мне тебя, Иван-царевич, что ты пеш изнурился; жаль мне и того, что я заел твоего доброго коня. Добро! Садись на меня, на серого волка, и скажи, куда тебя везти и зачем?

Иван-царевич сказал серому волку, куда ему ехать надобно; и серый волк помчался с ним пуше коня и чрез некоторое время как раз ночью привез Ивана-царевича к каменной стене не гораздо высокою, остановился и сказал:

— Ну, Иван-царевич, слезай с меня, с серого волка, и полезай через эту каменную стену; тут за стеною сад, а в том саду жар-птица сидит в золотой клетке. Ты жар-птицу возьми, а золотую клетку не трогай; ежели клетку возьмешь, то тебе оттуда не уйти будет: тебя тотчас поймают!

Иван-царевич перелез через каменную стену в сад, увидел жар-птицу в золотой клетке и очень на нее прельстился. Вынул птицу из клетки и пошел назад, да потом одумался и сказал сам себе:

— Что я взял жар-птицу без клетки, куда я ее посажу?

Воротился и лишь только снял золотую клетку — то вдруг пошел стук и гром по всему саду, ибо к той золотой клетке были струны приведены. Караульные тотчас проснулись, прибежали в сад, поймали Ивана-царевича с жар-птицею и привели к своему царю, которого звали Долматом.

Царь Долмат весьма разгневался на Ивана-царевича и вскричал на него громким и сердитым голосом:

— Как не стыдно тебе, молодой юноша, воровать! Да кто ты таков, и которых земля, и какого отца сын, и как тебя по имени зовут?

Иван-царевич ему молвил:

— Я есмь¹ из царства Выславова, сын царя Выслава Андроновича, а зовут меня Иван-царевич. Твоя жар-птица повадилась к нам летать в сад по всякую ночь, и срывала с любимой отца моего яблони золотые яблочки, и почти все дерево испортила; для того послал меня мой родитель, чтобы сыскать жар-птицу и к нему привезть.

— Ох ты, молодой юноша, Иван-царевич, — молвил царь Долмат, — пригоже ли так делать, как ты сделал? Ты бы пришел ко мне, я бы тебе жар-птицу честью отдал; а теперь хорошо ли будет, когда я разошлю во все государства о тебе объявить, как ты в моем государстве нечестно поступил? Однако слушай, Иван-царевич! Ежели ты сослужишь мне службу — съездишь за тридевять земель, в тридесятое государство, и достанешь мне от царя Афрона коня златогривого, то я тебя в твоей вине прощу и жар-птицу тебе с великою честью отдам; а ежели не сослужишь этой службы, то дам о тебе знать во все государства, что ты нечестный вор.

Иван-царевич пошел от царя Долмата в великой печали, обещая ему достать коня златогривого.

Пришел он к серому волку и рассказал ему обо всем, что ему царь Долмат говорил.

— Ох ты гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! — молвил ему серый волк. — Для чего ты слова моего не слушался и взял золотую клетку?

— Виноват я перед тобою, — сказал волку Иван-царевич.

— Добро, быть так! — молвил серый волк.

— Садись на меня, на серого волка; я тебя свезу, куды тебе надобно.

Иван-царевич сел серому волку на спину; а волк побежал так скоро, аки² стрела, и бежал он долго ли, коротко ли, наконец прибежал в государство царя Афрона ночью.

И, пришедши к белокаменным царским конюшням, серый волк Ивану-царевичу сказал:

— Ступай, Иван-царевич, в эти белокаменные конюшни (теперь караульные конюхи все крепко спят!) и бери ты коня златогривого. Только тут на стене висит золотая узда, ты ее не бери, а то худо тебе будет.

Иван-царевич, вступая в белокаменные конюшни, взял коня и пошел было назад; но увидел на стене золотую узду и так на нее прельстился, что снял ее с гвоздя, и только что снял — как вдруг

¹ Есть.

² Как.

пошел гром и шум по всем конюшням, потому что к той узде были струны приведены.

Караульные конюхи тотчас проснулись, прибежали, Ивана-царевича поймали и повели к царю Афрону.

Царь Афрон начал его спрашивать:

— Ох ты гой еси, молодой юноша! Скажи мне, из которого ты государства, и которого отца сын, и как тебя по имени зовут?

На то отвечал ему Иван-царевич:

— Я сам из царства Выславова, сын царя Выслава Андроновича, а зовут меня Иваном-царевичем.

— Ох ты, молодой юноша, Иван-царевич! — сказал ему царь Афрон.

— Честного ли рыцаря это дело, которое ты сделал? Ты бы пришел ко мне, я бы тебе коня златогривого с честью отдал. А теперь хорошо ли тебе будет, когда я разошлю во все государства объявить, как ты нечестно в моем государстве поступил? Однако слушай, Иван-царевич! Ежели ты сослужишь мне службу и съездишь за тридевять земель, в тридесятое государство, и достанешь мне королеву Елену Прекрасную, в которую я давно и душою и сердцем влюбился, а достать не могу, то я тебе эту вину прошу и коня златогривого с золотою уздою честно отдам. А ежели этой службы мне не сослужишь, то я о тебе дам знать во все государства, что ты нечестный вор, и пропишу все, как ты в моем государстве дурно сделал.

Тогда Иван-царевич обещался царю Афрону королеву Елену Прекрасную достать, а сам пошел из палат его и горько заплакал.

Пришел к серому волку и рассказал все, что с ним случилось.

— Ох ты гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! — молвил ему серый волк. — Для чего ты слова моего не слушался и взял золотую узду?

— Виноват я пред тобою, — сказал волку Иван-царевич.

— Добро, быть так! — продолжал серый волк. — Садись на меня, на серого волка; я тебя свезу, куды тебе надобно.

Иван-царевич сел серому волку на спину; а волк побежал так скоро, как стрела, и бежал он, как бы в сказке сказать, недолгое время и, наконец, прибежал в государство королевы Елены Прекрасной.

И, пришедши к золотой решетке, которая окружала чудесный сад, волк сказал Ивану-царевичу:

— Ну, Иван-царевич, слезай теперь с меня, с серого волка, и ступай назад по той же дороге, по которой мы сюда пришли, и ожидай меня в чистом поле под зеленым дубом.

Иван-царевич пошел, куда ему велено. Серый же волк сел близ той золотой решетки и дожидался, покуда пойдет прогуляться в сад королева Елена Прекрасная.

К вечеру, когда солнышко стало гораздо опущаться к западу, почему и в воздухе было не очень жарко, королева Елена Прекрасная пошла в сад прогуливаться со своими нянюшками и с придворными боярынями.

Когда она вошла в сад и подходила к тому месту, где серый волк сидел за решеткою, — вдруг серый волк перескочил через решетку в сад и ухватил королеву Елену Прекрасную, перескочил назад и побежал с нею что есть силы-мочи.

Прибежал в чистое поле под зеленый дуб, где его Иван-царевич дожидался, и сказал ему:

— Иван-царевич, садись поскорее на меня, на серого волка!

Иван-царевич сел на него, а серый волк помчал их обоих к государству царя Афрона.

Няньки и мамки и все боярыни придворные, которые гуляли в саду с прекрасною королевною Еленюю, побежали тотчас во дворец и послали в погоню, чтоб догнать серого волка; однако сколько гонцы ни гнались, не могли нагнать и воротились назад.

Иван-царевич, сидя на сером волке вместе с прекрасною королевною Еленюю, возлюбил ее сердцем, а она — Ивана-царевича; и когда серый волк прибежал в государство царя Афрона и Ивану-царевичу надобно было отвести прекрасную королеву Елену во дворец и отдать царю, тогда царевич весьма запечалился и начал слезно плакать.

Серый волк спросил его:

— О чем ты плачешь, Иван-царевич?

На то ему Иван-царевич отвечал:

— Друг мой, серый волк! Как мне, доброму молодцу, не плакать и не крушиться? Я сердцем возлюбил прекрасную королеву Елену, а теперь должен отдать ее царю Афрону за коня златогривого, а ежели ее не отдам, то царь Афрон обесчестит меня во всех государствах.

— Служил я тебе много, Иван-царевич, — сказал серый волк, — сослужу и эту службу. Слушай, Иван-царевич: я сделаюсь прекрасной королевной Еленюю, и ты меня отведи к царю Афрону и возьми коня златогривого; он меня почтет за настоящую королеву. И когда ты сядешь на коня златогривого и уедешь далеко, тогда я выпрошусь у царя Афрона в чистое поле погулять; и как он меня отпустит с нянюшками и с мамушками и со всеми придворными

боярынями и буду я с ними в чистом поле, тогда ты меня вспомяни — и я опять у тебя буду.

Серый волк вымолвил эти речи, ударился о сыру землю — и стал прекрасною королевною Еленою, так что никак и узнать нельзя, чтоб то не она была. Иван-царевич взял серого волка, пошел во дворец к царю Афрону, а прекрасной королевне Елене велел дожидаться за городом.

Когда Иван-царевич пришел к царю Афрону с мнимою Еленою Прекрасною, то царь вельми¹ возрадовался в сердце своем, что получил такое сокровище, которого он давно желал. Он принял ложную королевну, а коня златогривого вручил Иван-царевичу.

Иван-царевич сел на того коня и выехал за город; посадил с собою Елену Прекрасную и поехал, держа путь к государству царя Долмата.

Серый же волк живет у царя Афрона день, другой и третий вместо прекрасной королевны Елены, а на четвертый день пришел к царю Афрону проситься в чистом поле погулять, чтоб разбить тоску-печаль лютую. Как возговорил ему царь Афрон:

— Ах, прекрасная моя королевна Елена! Я для тебя все сделаю, отпущу тебя в чистое поле погулять.

И тотчас приказал нянюшкам и мамушкам и всем придворным боярыням с прекрасною королевною идти в чистое поле, гулять.

Иван же царевич ехал путем-дорогою с Еленою Прекрасною, разговаривал с нею и забыл было про серого волка, да потом вспомнил:

— Ах, где-то мой серый волк?

Вдруг откуда ни взялся — стал он перед Иваном-царевичем и сказал ему:

— Садись, Иван-царевич, на меня, на серого волка, а прекрасная королевна пусть едет на коне златогривом.

Иван-царевич сел на серого волка, и поехали они в государство царя Долмата.

Ехали они долго ли, коротко ли и, доехав до того государства, за три версты от города остановились. Иван-царевич начал просить серого волка:

— Слушай ты, друг мой любезный, серый волк! Сослужил ты мне много служб, сослужи мне и последнюю, а служба твоя будет вот какая: не можешь ли ты оборотиться в коня златогривого наместо этого, потому что с этим златогривым конем мне расстаться не хочется.

¹ *Вельми* — весьма, очень, сильно.

Вдруг серый волк ударился о сырую землю — и стал конем златогривым. Иван-царевич, оставя прекрасную королеву Елену в зеленом лугу, сел на серого волка и поехал во дворец к царю Долмату.

И как скоро туда приехал, царь Долмат увидел Ивана-царевича, что едет он на коне златогривом, весьма обрадовался, тотчас вышел из палат своих, встретил царевича на широком дворе, поцеловал его во уста сахарные, взял его за правую руку и повел в палаты белокаменные. Царь Долмат для такой радости велел сотворить пир, и они сели за столы дубовые, за скатерти браные; пили, ели, забавлялись и веселились ровно два дни, а на третий день царь Долмат вручил Ивану-царевичу жар-птицу с золотою клеткою.

Царевич взял жар-птицу, пошел за город, сел на коня златогривого вместе с прекрасной королевой Еленою и поехал в свое отечество, в государство царя Выслава Андроновича.

Царь же Долмат вздумал на другой день своего коня златогривого объездить в чистом поле; велел его оседлать, потом сел на него и поехал в чистое поле; и лишь только разъярил коня, как он сбросил с себя царя Долмата и, оборотясь по-прежнему в серого волка, побежал и нагнал Ивана-царевича.

— Иван-царевич! — сказал он. — Садись на меня, на серого волка, а королева Елена Прекрасная пусть едет на коне златогривом.

Иван-царевич сел на серого волка, и поехали они в путь.

Как скоро довез серый волк Ивана-царевича до тех мест, где его коня разорвал, он остановился и сказал:

— Ну, Иван-царевич, послужил я тебе довольно верою и правдою. Вот на сем месте разорвал я твоего коня надвое, до этого места и довез тебя. Слезай с меня, с серого волка, теперь есть у тебя конь златогривый, так ты сядь на него и поезжай, куда тебе надобно; а я тебе больше не слуга.

Серый волк вымолвил эти слова и побежал в сторону; а Иван-царевич заплакал горько по сером волке и поехал в путь свой с прекрасною королевою.

Долго ли, коротко ли ехал он с прекрасною королевою Еленою на коне златогривом и, не доехав до своего государства за двадцать верст, остановился, слез с коня и вместе с прекрасною королевою лег отдохнуть от солнечного зною под деревом; коня златогривого привязал к тому же дереву, а клетку с жар-птицею поставил подле себя. Лежа на мягкой траве и ведя разговоры полюбовные, они крепко уснули.

В то самое время братья Ивана-царевича, Димитрий и Василий царевичи, езда по разным государствам и не найдя жар-птицы, возвращались в свое отечество с порожними руками; нечаянно наехали

они на своего сонного брата Ивана-царевича с прекрасною королевною Еленою.

Увидя на траве коня златогривого и жар-птицу в золотой клетке, весьма на них прельстилися и вздумали брата своего Ивана-царевича убить до смерти. Димитрий-царевич вынул из ножен меч свой, заколол Ивана-царевича и изрубил его на мелкие части; потом разбудил прекрасную королеву Елену и начал ее спрашивать:

— Прекрасная девица! Которого ты государства и какого отца дочь и как тебя по имени зовут?

Прекрасная королева Елена, увидя Ивана-царевича мертвого, крепко испугалась, стала плакать горькими слезами и во слезах говорила:

— Я королева Елена Прекрасная, а достал меня Иван-царевич, которого вы злой смерти предали. Вы тогда б были добрые рыцари, если б выехали с ним в чистое поле да живого победили, а то убили сонного и тем какую себе похвалу получите? Сонный человек — что мертвый!

Тогда Димитрий-царевич приложил свой меч к сердцу прекрасной королевы Елены и сказал ей:

— Слушай, Елена Прекрасная! Ты теперь в наших руках; мы повезем тебя к нашему батюшке, царю Выславу Андроновичу, и ты скажи ему, что мы и тебя достали, и жар-птицу, и коня златогривого. Ежели этого не скажешь, сейчас тебя смерти предам!

Прекрасная королева Елена, испугавшись смерти, обещалась им и клялась всею святынею, что будет говорить так, как ей велено.

Тогда Димитрий-царевич с Васильем-царевичем начали метать жребий, кому достанется прекрасная королева Елена и кому конь златогривый? И жребий пал, что прекрасная королева должна достаться Василью-царевичу, а конь златогривый Димитрию-царевичу.

Тогда Василий-царевич взял прекрасную королеву Елену, посадил на своего доброго коня, а Димитрий-царевич сел на коня златогривого и взял жар-птицу, чтобы вручить ее родителю своему, царю Выславу Андроновичу, и поехали в путь.

Иван-царевич лежал мертв на том месте ровно тридцать дней, и в то время набежал на него серый волк и узнал по духу Ивана-царевича. Захотел помочь ему — оживить, да не знал, как это сделать.

В то самое время увидел серый волк одного ворона и двух воронят, которые летали над трупом и хотели спуститься на землю и наесться мяса Ивана-царевича. Серый волк спрятался за куст, и как скоро воронята спустились на землю и начали есть тело Ивана-царевича, он выскочил из-за куста, схватил одного вороненка и хотел

было разорвать его надвое. Тогда ворон спустился на землю, сел поодаль от серого волка и сказал ему:

— Ох ты гой еси, серый волк! Не трогай моего младого детища; ведь он тебе ничего не сделал.

— Слушай, Ворон Воронович! — молвил серый волк. — Я твоего детища не трону и отпущу здрава и невредима, когда ты мне послужишь службу: слетаешь за тридевять земель, в тридесятое государство и принесешь мне мертвой и живой воды.

На то Ворон Воронович сказал серому волку:

— Я тебе службу эту сослужу, только не тронь ничем моего сына.

Выговоря эти слова, ворон полетел и скоро скрылся из виду.

На третий день ворон прилетел и принес с собой два пузырька: в одном — живая вода, в другом — мертвая, и отдал те пузырьки серому волку.

Серый волк взял пузырьки, разорвал вороненка надвое, sprыснул его мертвою водою — и тот вороненок сросся, sprыснул живую водою — вороненок встрепенулся и полетел.

Потом серый волк sprыснул Иван-царевича мертвою водою — его тело срослось, sprыснул живую водою — Иван-царевич встал и промолвил:

— Ах, куды как я долго спал!

На то сказал ему серый волк:

— Да, Иван-царевич, спать бы тебе вечно, кабы не я; ведь тебя братья твои изрубили и прекрасную королеву Елену, и коня златогривого, и жар-птицу увезли с собою. Теперь поспедай как можно скорее в свое отечество; брат твой, Василий-царевич, женится сегодня на твоей невесте — на прекрасной королеве Елене. А чтоб тебе поскорее туда поспеть, садись лучше на меня, на серого волка; я тебя на себе донесу.

Иван-царевич сел на серого волка; волк побежал с ним в государство царя Выслава Андроновича, и долго ли, коротко ли, — прибежал к городу. Иван-царевич слез с серого волка, пошел в город и, пришедши во дворец, застал, что брат его Василий-царевич женится на прекрасной королеве Елене: воротился с нею от венца и сидит за столом.

Иван-царевич вошел в палаты, и как скоро Елена Прекрасная увидала его, тотчас выскочила из-за стола, начала целовать его в уста сахарные и закричала:

— Вот мой любезный жених, Иван-царевич, а не тот злодей, который за столом сидит!

Тогда царь Выслав Андронович встал с места и начал прекрасную королеву Елену спрашивать, чтобы такое то значило, о чем она говорила?

Елена Прекрасная рассказала ему всю истинную правду, что и как было: как Иван-царевич добыл ее, коня златогривого и жар-птицу, как старшие братья убили его сонного до смерти, как стращали ее, чтоб говорила, будто все это они достали.

Царь Выслав весьма осердился на Димитрия и Василья царевичей и посадил их в темницу; а Иван-царевич женился на прекрасной королевно Елене и начал с нею жить дружно, любовно, так что один без другого ниже¹ единой минуты пробыть не могли.

25

МОРСКОЙ ЦАРЬ И ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ

За тридевять земель, в тридесятом государстве жил-был царь с царицею; детей у них не было. Поехал царь по чужим землям, по дальним сторонам; долгое время домой не бывал; на ту пору родила ему царица сына, Ивана-царевича, а царь про то и не ведает.

Стал он держать путь в свое государство, стал подъезжать к своей земле, а день-то был жаркий-жаркий, солнце так и пекло! И напала на него жажда великая; что ни дать, только бы воды испить! Осмотрелся кругом и видит невдалеке большое озеро; подъехал к озеру, слез с коня, прилег на брюхо и давай глотать студеную воду. Пьет и не чует беды; а царь морской ухватил его за бороду.

— Пусти! — просит царь.

— Не пушу, не смей пить без моего ведома!

— Какой хочешь возьми откуп — только отпусти!

— Давай то, чего дома не знаешь.

Царь подумал-подумал — чего он дома не знает? Кажись, все знает, все ему ведомо, — и согласился. Попробовал — бороду никто не держит, встал с земли, сел на коня и поехал восвояси.

Вот приезжает домой, царица встречает его с царевичем, такая радостная; а он как узнал про свое милое детище, так и залился горькими слезами. Рассказал царице, как и что с ним было, поплакали вместе, да ведь делать-то нечего, слезами дела не поправишь.

Стали они жить по-старому; а царевич растет себе да растет, словно тесто на опаре — не по дням, а по часам, и вырос большой.

¹ *Ниже* — ни даже, и не.

— Сколько ни держать при себе, — думает царь, — а отдавать надобно: дело неминуемое!

Взял Ивана-царевича за руку, привел прямо к озеру.

— Поищи здесь, — говорит, — мой перстень; я ненароком вчера обронил.

Оставил одного царевича, а сам повернул домой.

Стал царевич искать перстень, идет по берегу, и попадаетея ему навстречу старушка.

— Куда идешь, Иван-царевич?

— Отвяжись, не докучай, старая ведьма! И без тебя досадно.

— Ну, оставайся с Богом!

И пошла старушка в сторону.

А Иван-царевич пораздумался:

— За что обругал я старуху? Дай ворочу ее; старые люди хитры и догадливы! Авось что и доброе скажет.

И стал ворочать старушку:

— Воротись, бабушка, да прости мое слово глупое! Ведь я с досады вымолвил: заставил меня отец перстня искать, хожу-высматриваю, а перстня нет как нет!

— Не за перстнем ты здесь; отдал тебя отец морскому царю: выйдет морской царь и возьмет тебя с собою в подводное царство.

Горько заплакал царевич.

— Не тужи, Иван-царевич! Будет и на твоей улице праздник; только слушайся меня, старухи. Спрячься вон за тот куст смородины и притаись тихохонько. Прилетят сюда двенадцать голубиц — все красных девиц, а вслед за ними и тринадцатая; станут в озере купаться; а ты тем временем унеси у последней сорочку и до тех пор не отдавай, пока не подарит она тебе своего колечка. Если не сумеешь этого сделать, ты погиб навеки: у морского царя кругом всего дворца стоит частокол высокий, на целые на десять верст, и на каждой спице по голове воткнуто; только одна порожняя, не угоди на нее попасть!

Иван-царевич поблагодарил старушку, спрятался за смородиновый куст и ждет поры-времени.

Вдруг прилетают двенадцать голубиц; ударились о сыру землю и обернулись красными девицами, все до единой красоты несказанные: ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать! Поскидали платья и пустились в озеро: играют, плещутся, смеются, песни поют.

Вслед за ними прилетела и тринадцатая голубица; ударилась о сыру землю, обернулась красной девицей, сбросила с белого тела сорочку и пошла купаться; и была она всех пригожее, всех красивее! Долго Иван-царевич не мог отвести очей своих, долго на нее

заглядывался да припомнил, что говорила ему старуха, подкрался тихонько и унес сорочку.

Вышла из воды красная девица, хватилась — нет сорочки, унес кто-то; бросились все искать, искали-искали — не видать нигде.

— Не ищите, милые сестрицы! Полетайте домой; я сама виновата — недосмотрела, сама и отвечать буду.

Сестрицы — красные девицы ударились о сыру землю, сделали голубками, взмахнули крыльями и полетели прочь. Осталась одна девица, осмотрелась кругом и промолвила:

— Кто бы ни был таков, у кого моя сорочка, выходи сюда; коли старый человек — будешь мне родной батюшка, коли средних лет — будешь братец любимый, коли ровня мне — будешь милый друг!

Только сказала последнее слово, показался Иван-царевич. Подала она ему золотое колечко и говорит:

— Ах, Иван-царевич! Что давно не приходил? Морской царь на тебя гневается. Вот дорога, что ведет в подводное царство; ступай по ней смело. Там и меня найдешь; ведь я дочь морского царя, Василиса Премудрая.

Обернулась Василиса Премудрая голубкою и улетела от царевича. А Иван-царевич отправился в подводное царство; видит: и там свет такой же, как у нас; и там поля, и луга, и рощи зеленые, и солнышко греет. Приходит он к морскому царю. Закричал на него морской царь:

— Что так долго не бывал? За вину твою вот тебе служба: есть у меня пустошь на тридцать верст и в длину и в поперек — одни рвы, буераки да каменьё острое! Чтоб к завтраму было там как ладонь¹ гладко, и была бы рожь посеяна, и выросла б к раннему утру так высока, чтобы в ней галка могла схорониться. Если того не сделаешь — голова твоя с плеч долой!

Идет Иван-царевич от морского царя, сам слезами обливается. Увидала его в окно из своего терема высокого Василиса Премудрая и спрашивает:

— Здравствуй, Иван-царевич! Что слезами обливаешься?

— Как же мне не плакать? — отвечает царевич. — Заставил меня царь морской за одну ночь сровнять рвы, буераки и каменьё острое и засеять рожью, и чтоб к утру она выросла и могла в ней галка спрятаться.

— Это не беда, беда впереди будет. Ложись с Богом спать; утро вечера мудренее, все будет готово!

¹ *Ладонь* — ток, ровное утоптанное место, где молотят хлеб.

Лег спать Иван-царевич, а Василиса Премудрая вышла на крыльечко и крикнула громким голосом:

— Гей вы, слуги мои верные! Ровняйте-ка рвы глубокие, снесите каменьё острое, засевайте рожью колосистою, чтоб к утру поспело.

Проснулся на заре Иван-царевич, глянул — все готово; нет ни рвов, ни буераков, стоит поле как ладонь гладкое, и красуется на нем рожь — столь высока, что галка схоронится.

Пошел к морскому царю с докладом.

— Спасибо тебе, — говорит морской царь, — что сумел сослужить. Вот тебе другая работа: есть у меня триста скирдов¹, в каждом скирду по триста копен — все пшеница белоярая²; обмолоти мне к завтраму всю пшеницу чисто-начисто, до единого зернышка, а скирдов не ломай и снопов не разбивай. Если не сделаешь — голова твоя с плеч долой!

— Слушаю, ваше величество! — сказал Иван-царевич; опять идет по двору да слезами обливается.

— О чем горько плачешь? — спрашивает его Василиса Премудрая.

— Как же мне не плакать? Приказал мне царь морской за одну ночь все скирды обмолотить, зерна не обронить, а скирдов не ломать и снопов не разбивать.

— Это не беда, беда впереди будет! Ложись спать с Богом; утро вечера мудренее.

Царевич лег спать, а Василиса Премудрая вышла на крыльечко и закричала громким голосом:

— Гей, вы, муравьи ползучие! Сколько вас на белом свете ни есть — все ползите сюда и повыберите зерно из батюшкиных скирдов чисто-начисто.

Поутру зовет морской царь Ивана-царевича:

— Сослужил ли службу?

— Сослужил, ваше величество!

— Пойдем, посмотрим.

Пришли на гумно³ — все скирды стоят нетронуты, пришли в житницы⁴ — все закрома⁵ полнехоньки зерном.

¹ *Скирд, скирдá* — долгая большая кладь сена или хлеба (снопов).

² *Белоярая пшеница* — лучший сорт пшеницы; кукуруза, пшенка, в сказках конский корм (В.И. Даль).

³ *Гумно* — место, где молотят, а также — сарай для сжатого хлеба.

⁴ *Житница* — амбар, хранилище.

⁵ *Зáкром, закрóм* — ящик для хранения муки, зерна.

— Спасибо тебе, брат! — сказал морской царь. — Сделай мне еще церковь из чистого воску, чтоб к рассвету была готова: это будет твоя последняя служба.

Опять идет Иван-царевич по двору и слезами умывается.

— О чем горько плачешь? — спрашивает его из высокого терема Василиса Премудрая.

— Как мне не плакать, доброму молодцу? Приказал морской царь за одну ночь сделать церковь из чистого воску.

— Ну, это еще не беда, беда впереди будет. Ложись-ка спать; утро вечера мудренее.

Царевич улегся спать, а Василиса Премудрая вышла на крыльцо и закричала громким голосом:

— Гей вы, пчелы работающие! Сколько вас на белом свете ни есть — все летите сюда и слепите из чистого воску церковь Божию, чтоб к утру была готова.

Поутру встал Иван-царевич, глянул — стоит церковь из чистого воску, и пошел к морскому царю с докладом.

— Спасибо тебе, Иван-царевич! Каких слуг у меня не было, никто не сумел так угодить, как ты. Будь же за то моим наследником, всего царства сберегателем; выбирай себе любую из тринадцати дочерей моих в жены.

Иван-царевич выбрал Василису Премудрую; тотчас их обвенчали и на радостях пировали целых три дня.

Ни много, ни мало прошло времени, стосковался Иван-царевич по своим родителям, захотелось ему на святую Русь.

— Что так грустен, Иван-царевич?

— Ах, Василиса Премудрая, сгрустнулось по отцу, по матери, захотелось на святую Русь.

— Вот это беда пришла! Если уйдем мы, будет за нами погоня великая; царь морской разгневается и предаст нас смерти. Надо ухитриться!

Плюнула Василиса Премудрая в трех углах, заперла двери в своем тереме и побежала с Иваном-царевичем на святую Русь.

На другой день ранехонько приходят посланные от морского царя — молодых подымать, во дворец к царю звать. Стучатся в двери:

— Проснитесь, пробудитесь! Вас батюшка зовет.

— Еще рано, мы не выспались; приходите после! — отвечает одна слюнка.

Вот посланные ушли, обождали час-другой и опять стучатся:

— Не пора-время спать, пора-время вставать!

— Погодите немного; встанем, оденемся! — отвечает вторая слюнка.

В третий раз приходят посланные:

— Царь-де морской гневается, зачем так долго они прохладятся.

— Сейчас будем! — отвечает третья слюнка.

Подождали-подождали посланные и давай опять стучаться; нет отклика, нет отзыва! Выломали двери, а в тереме пусто. Доложили царю, что молодые убежали; озлобился он и послал за ними погоню великую.

А Василиса Премудрая с Иваном-царевичем уже далско-далеко! Скачут на борзых конях без остановки, без роздыху.

— Ну-ка, Иван-царевич, припади к сырой земле да послушай, нет ли погони от морского царя?

Иван-царевич соскочил с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

— Слышу я людскую молвь и конский топ!

— Это за нами гонят! — сказала Василиса Премудрая и тотчас обратила коней зеленым лугом, Ивана-царевича старым пастухом, а сама сделалась смирною овечкою.

Наезжает погоня:

— Эй, старичок! Не видал ли ты — не проскакал ли здесь добрый молодец с красной девицей?

— Нет, люди добрые, не видал, — отвечает Иван-царевич, — сорок лет как пасу на этом месте — ни одна птица мимо не пролетывала, ни один зверь мимо не прорыскивал!

Воротилась погоня назад:

— Ваше царское величество! Никого в пути не наехали, видели только: пастух овечку пaset.

— Что ж не хватали? Ведь это они были! — закричал морской царь и послал новую погоню.

А Иван-царевич с Василисою Премудрою давным-давно скачут на борзых конях.

— Ну, Иван-царевич, припади к сырой земле да послушай, нет ли погони от морского царя?

Иван-царевич слез с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

— Слышу я людскую молвь и конский топ.

— Это за нами гонят! — сказала Василиса Премудрая; сама сделалась церковью, Ивана-царевича обратила стареньким попом, лошадей деревьями.

Наезжает погоня:

— Эй, батюшка! Не видал ли ты, не проходил ли здесь пастух с овечкою?

— Нет, люди добрые, не видал; сорок лет тружусь в этой церкви — ни одна птица мимо не пролетывала, ни один зверь мимо не прорыскивал!

Повернула погоня назад:

— Ваше царское величество! Нигде не нашли пастуха с овечкою; только в пути и видели, что церковь да попа-старика.

— Что же вы церковь не разломали, попа не захватили? Ведь это они самые были! — закричал морской царь и сам поскакал вдогонь за Иваном-царевичем и Василисою Премудрою.

А они далеко уехали.

Опять говорит Василиса Премудрая:

— Иван-царевич! Припади к сырой земле — не слышать ли погони?

Слез царевич с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

— Слышу я людскую молвь и конский топ пуце прежнего.

— Это сам царь скачет.

Оборотила Василиса Премудрая коней озером, Ивана-царевича селезнем, а сама сделалась уткою.

Прискакал царь морской к озеру, тотчас догадался, кто таковы утка и селезень; ударился о сыру землю и обернулся орлом.

Хочет орел убить их до смерти, да не тут-то было: что ни разлетится сверху... вот-вот ударит селезня, а селезень в воду нырнет; вот-вот ударит утку, а утка в воду нырнет! Бился-бился, так ничего и не смог сделать.

Поскакал царь морской в свое подводное царство, а Василиса Премудрая с Иваном-царевичем выждали доброе время и поехали на святую Русь.

Долго ли, коротко ли, приехали они в тридешатое царство.

— Подожди меня в этом лесочке, — говорит царевич Василисе Премудрой, — я пойду, доложусь наперед отцу, матери.

— Ты меня забудешь, Иван-царевич!

— Нет, не забуду.

— Нет, Иван-царевич, не говори, позабудешь! Вспомни обо мне хоть тогда, как станут два голубка в окна биться!

Пришел Иван-царевич во дворец; увидели его родители, бросились ему на шею и стали целовать-миловать его; на радостях позабыл Иван-царевич про Василису Премудрую.

Живет день и другой с отцом, с матерью, а на третий задумал свататься на какой-то королевне.

Василиса Премудрая пошла в город и нанялась к просви́рне¹ в работницы. Стали просви́ры² готовить; она взяла два кусочка теста, слепила пару голубков и посадила в печь.

— Разгадай, хозяйюшка, что будет из этих голубков?

— А что будет? Съедем их — вот и все!

— Нет, не угадала!

Открыла Василиса Премудрая печь, отворила окно — и в ту ж минуту голуби встрепенулися, полетели прямо во дворец и начали биться в окна; сколько прислуга царская ни старалась, ничем не могла отогнать их прочь.

Тут только Иван-царевич вспомнил про Василису Премудрую, послал гонцов во все концы расспрашивать да разыскивать и нашел ее у просви́рни; взял за руки белые, целовал в уста сахарные, привел к отцу, к матери.

И стали все вместе жить да поживать да добра наживать.

26

МАРЬЯ МОРЕВНА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Иван-царевич; у него было три сестры: одна Марья-царевна, другая Ольга-царевна, третья Анна-царевна. Отец и мать у них померли; умирая, они сыну наказывали:

— Кто первый за твоих сестер станет свататься, за того и отдавай — при себе не держи долго!

Царевич похоронил родителей и с горя пошел с сестрами во зеленый сад погулять.

Вдруг находит на небо туча черная, встает гроза страшная.

— Пойдемте, сестрицы, домой! — говорит Иван-царевич.

Только пришли во дворец — как грянул гром, раздвоился потолок, и влетел к ним в горницу ясен сокол, ударился сокол об пол, сделался добрым молодцом и говорит:

— Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я ходил гостем, а теперь пришел сватом; хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать.

— Коли люб ты сестрице, я ее не унимаю³ — пусть с Богом идет!

¹ *Просви́рня* — женщина при церкви, печет просвиры.

² *Просви́ра* — хлебец, которому придается священное значение.

³ Не останавливаю, не мешаю.

Марья-царевна согласилась; сокол женился и унес ее в свое царство.

Дни идут за днями, часы бегут за часами — целого года как не бывало; пошел Иван-царевич с двумя сестрами во зеленый сад погулять.

Опять встает туча с вихрем, с молнией.

— Пойдемте, сестрицы, домой! — говорит царевич.

Только пришли во дворец — как ударил гром, распалась крыша, раздвоился потолок, и влетел орел; ударился об пол и сделался добрым молодцем:

— Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом.

И посватал Ольгу-царевну.

Отвечает Иван-царевич:

— Если ты люб Ольге-царевне, то пусть за тебя идет; я с нее воли не снимаю¹.

Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замуж; орел подхватил ее и унес в свое царство.

Прошел еще один год; говорит Иван-царевич своей младшей сестрице:

— Пойдем во зеленом саду погуляем!

Погуляли немножко; опять встает туча с вихрем, с молнией.

— Вернемся, сестрица, домой!

Вернулись домой, не успели сесть — как ударил гром, раздвоился потолок и влетел ворон, ударился ворон об пол и сделался добрым молодцем: прежние были хороши собой, а этот еще лучше.

— Ну, Иван-царевич, прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом; отдай за меня Анну-царевну.

— Я с сестрицы воли не снимаю; коли ты полюбился ей, пусть идет за тебя.

Вышла за ворона Анна-царевна, и унес он ее в свое государство.

Остался Иван-царевич один; целый год жил без сестер, и сделалось ему скучно.

— Пойду, — говорит, — искать сестриц.

Собрался в дорогу, шел-шел и видит — лежит в поле рать-сила побитая. Спрашивает Иван-царевич:

— Коли есть тут жив человек — отзовися! Кто побил это войско великое?

Отозвался ему жив человек:

¹ Предоставляю самой решить.

— Все это войско великое побила Марья Моревна, прекрасная королевна.

Пустился Иван-царевич дальше, наезжал на шатры белые, выходила к нему навстречу Марья Моревна, прекрасная королевна:

— Здравствуй, царевич, куда тебя Бог несет — по воле аль по неволе?

Отвечал ей Иван-царевич:

— Добрые мѳлодцы по неволе не ездят!

— Ну, коли дело не к спеху, погости у меня в шатрах.

Иван-царевич тому и рад, две ночи в шатрах ночевал, полюбился Марье Моревне и женился на ней.

Марья Моревна, прекрасная королевна, взяла его с собой в свое государство.

Пожили они вместе сколько-то времени, и вздумалось королевне на войну собираться; покидает она на Ивана-царевича все хозяйство и приказывает:

— Везде ходи, за всем присматривай; только в этот чулан не моги заглядывать!

Он не вытерпел, как только Марья Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул — а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован.

Просит Кощей у Ивана-царевича:

— Сжался надо мной, дай мне напиток! Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил — совсем в горле пересохло!

Царевич подал ему целое ведро воды; он выпил и еще запросил:

— Мне одним ведром не залить жажды, дай еще!

Царевич подал другое ведро.

Кощей выпил и запросил третье, а как выпил третье ведро — взял свою прежнюю силу, потрянул цепями и сразу все двенадцать порвал.

— Спасибо, Иван-царевич! — сказал Кощей Бессмертный. — Теперь тебе никогда не видать Марьи Моревны, как ушей своих! — и страшным вихрем вылетел в окно.

Нагнал на дороге Марью Моревну, прекрасную королевну, подхватил ее и унес к себе.

А Иван-царевич горько-горько заплакал, снарядился и пошел в путь-дорогу:

— Что ни будет, а разыщу Марью Моревну!

Идет день, идет другой, на рассвете третьего видит чудесный дворец, у дворца дуб стоит, на дубу ясен сокол сидит.

Слетел сокол с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Ах, шурин мой любезный! Как тебя Господь милует?

Выбежала Марья-царевна, встрела¹ Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать.

Погостил у них царевич три дня и говорит:

— Не могу у вас гостить долго: я иду искать жену мою, Марью Моревну прекрасную королеву.

— Трудно тебе сыскать ее, — отвечает сокол. — Оставь здесь на всякий случай свою серебряную ложку: будем на нее смотреть, про тебя вспоминать.

Иван-царевич оставил у сокола свою серебряную ложку и пошел в дорогу.

Шел он день, шел другой, на рассвете третьего видит дворец еще лучше первого, возле дворца дуб стоит, на дубу орел сидит.

Слетел орел с дерева, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Вставай, Ольга-царевна! Милый наш братец идет.

Ольга-царевна тотчас прибежала навстречу, стала его целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать.

Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

— Дольше гостить мне некогда; я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королеву.

Отвечает орел:

— Трудно тебе сыскать ее; оставь у нас серебряную вилку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать.

Он оставил серебряную вилку и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, на рассвете третьего дворец лучше первых двух, возле дворца дуб стоит, на дубу ворон сидит.

Слетел ворон с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Анна-царевна! Поскорей выходи, наш братец идет.

Выбежала Анна-царевна, встрела его радостно, стала целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать.

Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

— Прощайте! Пойду жену искать — Марью Моревну, прекрасную королеву.

Отвечает ворон:

¹ *Встрела* — встретила.

— Трудно тебе сыскать ее; оставь-ка у нас серебряную табакерку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать.

Царевич отдал ему серебряную табакерку, попрощался и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, а на третий добрался до Марьи Моревны.

Увидала она своего милого, бросилась к нему на шею, залилась слезами и промолвила:

— Ах, Иван-царевич! Зачем ты меня не послушался — посмотрел в чулан и выпустил Кощея Бессмертного?

— Прости, Марья Моревна! Не поминай старого, лучше поедем со мной, пока не видать Кощея Бессмертного; авось не догонит!

Собрались и уехали. А Кощей на охоте был; к вечеру он домой ворочается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чувствуешь какую невзгоду?

Отвечает конь:

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну увез.

— А можно ли их догнать?

— Можно пшеницы засеять, дожждаться, пока она вырастет, сжать ее, смолотить, в муку обратить, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб поесть, да тогда вдогонь ехать — и то поспеем!

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича:

— Ну, — говорит, — первый раз тебя прощаю за твою доброту, что водой меня напоил; и в другой раз прощу, а в третий берегись — на куски изрублю!

Отнял у него Марью Моревну и увез; а Иван-царевич сел на камень и заплакал. Поплакал-поплакал и опять воротился назад за Марьей Моревною.

Кощея Бессмертного дома не случилось.

— Поедем, Марья Моревна!

— Ах, Иван-царевич! Он нас догонит.

— Пускай догонит; мы хоть часок-другой проведем вместе.

Собрались и уехали.

Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чувствуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

— А можно ли догнать их?

— Можно ячменю засеять, подождать, пока он вырастет, сжать-смолотить, пива наварить, допьяна напиться, до отвала выпиться да тогда вдогонь ехать — и то поспеем!

Кошей поскакал, догнал Ивана-царевича:

— Ведь я ж говорил, что тебе не видать Марьи Моревны, как ушей своих!

Отнял ее и увез к себе.

Оставался Иван-царевич один, поплакал-поплакал и опять воротился за Марьей Моревною; на ту пору Кошея дома не случилось.

— Поедем, Марья Моревна!

— Ах, Иван-царевич! Ведь он догонит, тебя в куски изрубит.

— Пускай изрубит! Я без тебя жить не могу.

Собрались и поехали.

Кошей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты спотыкаешься? Али чувствуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

Кошей поскакал, догнал Ивана-царевича, изрубил его в мелкие куски и поклат в смоленую бочку; взял эту бочку, скрепил железными обручами и бросил в синее море, а Марью Моревну к себе увез.

В то самое время у зятьев Иван-царевича серебро почернело.

— Ах, — говорят они, — видно, беда приключилась!

Орел бросился на синее море, схватил и вытащил бочку на берег, сокол полетел за живой водою, а ворон за мертвою. Слетелись все трое в одно место, разбили бочку, вынули куски Ивана-царевича, перемыли и склали как надобно. Ворон брызнул мертвой водою — тело срослось, съединилось; сокол брызнул живой водою — Иван-царевич вздрогнул, встал и говорит:

— Ах, как я долго спал!

— Еще бы дольше проспал, если б не мы! — отвечали зятья. — Пойдем теперь к нам в гости.

— Нет, братцы! Я пойду искать Марью Моревну.

Приходит к ней и просит:

— Разузнай у Кошея Бессмертного, где он достал себе такого доброго коня.

Вот Марья Моревна улучила добрую минуту и стала Кошея выпрашивать. Кошей сказал:

— За тридевять земель, в тридесятом царстве, за огненной рекою живет баба-яга; у ней есть такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света облетает. Много у ней и других славных кобылиц; я у ней три дня пастухом был, ни одной кобылицы не упустил, и за то баба-яга дала мне одного жеребеночка.

— Как же ты через огненную реку переправился?

— А у меня есть такой платок — как махну в правую сторону три раза, делается высокий-высокий мост, и огонь его не достанет!

Марья Моревна выслушала, пересказала все Ивану-царевичу и платок унесла да ему отдала.

Иван-царевич переправился через огненную реку и пошел к баба-яге. Долго шел он не пивши, не евши.

Попалась ему навстречу заморская птица с малыми детками. Иван-царевич говорит:

— Съем-ка я одного цыпленочка.

— Не ешь, Иван-царевич! — просит заморская птица. — В некоторое время я пригожусь тебе.

Пошел он дальше; видит в лесу улей пчел.

— Возьму-ка я, — говорит, — сколько-нибудь медку.

Пчелиная матка отзывается:

— Не тронь моего меду, Иван-царевич! В некоторое время я тебе пригожусь.

Он не тронул и пошел дальше; попадает ему навстречу львица со львенком.

— Съем я хоть этого львенка; есть так хочется, ажно тошно стало!

— Не тронь, Иван-царевич, — просит львица. — В некоторое время я тебе пригожусь.

— Хорошо, пусть будет по-твоему!

Побрел голодный, шел-шел — стоит дом бабы-яги, кругом дома двенадцать шестов, на одиннадцати шестах по человечесьей голове, только один незанятый.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, Иван-царевич! Почто пришел — по своей доброй воле аль по нужде?

— Пришел заслужить у тебя богатырского коня.

— Изволь, царевич! У меня ведь не год служить, а всего-то три дня; если упасешь моих кобылиц — дам тебе богатырского коня, а если нет, то не гневайся — торчать твоей голове на последнем шесте.

Иван-царевич согласился; баба-яга его накормила-напоила и велела за дело приниматься.

Только что выгнал он кобылиц в поле, кобылицы задрали хвосты и все врозь по лугам разбежались; не успел царевич глазами вскинуть, как они совсем пропали. Тут он заплакал-запечалился, сел на камень и заснул.

Солнышко уже на закате, прилетела заморская птица и будит его:

— Вставай, Иван-царевич! Кобылицы теперь дома.

Царевич встал, воротился домой; а баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем вы домой воротились?

— Как же нам было не воротиться? Налетели птицы со всего света, чуть нам глаз не выклевали.

— Ну, вы завтра по лугам не бегайте, а рассыптесь по дремучим лесам.

Переспал ночь Иван-царевич; наутро баба-яга ему говорит:

— Смотри, царевич, если не упасешь кобылиц, если хоть одну потеряешь — быть твоей буйной головушке на шесте!

Погнал он кобылиц в поле; они тотчас задрали хвосты и разбежались по дремучим лесам. Опять сел царевич на камень, плакал, плакал, да и уснул.

Солнышко село за лес; прибежала львица:

— Вставай, Иван-царевич! Кобылицы все собраны.

Иван-царевич встал и пошел домой; баба-яга пуще прежнего и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем домой воротились?

— Как же нам было не воротиться? Набежали лютые звери со всего света, чуть нас совсем не разорвали.

— Ну, вы завтра забегите в сине море.

Опять переспал ночь Иван-царевич, наутро посылает его баба-яга кобылиц пасти:

— Если не упасешь — быть твоей буйной головушке на шесте.

Он погнал кобылиц в поле; они тотчас задрали хвосты, скрылись с глаз и забежали в сине море; стоят в воде по шею. Иван-царевич сел на камень, заплакал и уснул.

Солнышко за лес село, прилетела пчелка и говорит:

— Вставай, царевич! Кобылицы все собраны; да как воротиться домой, баба-яге на глаза не показывайся, пойди в конюшню и спрячься за яслями¹. Там есть паршивый жеребенок — в навозе валяется, ты украдь его и в глухую полночь уходи из дому.

Иван-царевич встал, пробрался в конюшню и улегся за яслями; баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем воротились?

— Как же нам было не воротиться? Налетело пчел видимо-невидимо со всего света и давай нас со всех сторон жалить до крови!

Баба-яга заснула, а в самую полночь Иван-царевич украл у нее паршивого жеребенка, оседлал его, сел и поскакал к огненной реке.

Доехал до той реки, махнул три раза платком в правую сторону — и вдруг, откуда ни взялся, повис через реку высокий, славный мост. Царевич переехал по мосту и махнул платком на левую

¹ Ясли — устройство для кормления скота, в них клали сено, овес и проч.

сторону только два раза — остался через реку мост тоненький-тоненький!

Поутру пробудилась баба-яга — паршивого жеребенка видом не видать! Бросилась в погоню; во весь дух на железной ступе скачет, пестом погоняет, помелом след заметает.

Прискакала к огненной реке, взглянула и думает: «Хорош мост!» Поехала по мосту, только добралась до середины — мост обломился и баба-яга чубурах в реку; тут ей и лютая смерть приключилась!

Иван-царевич откормил жеребенка в зеленых лугах; стал из него чудный конь.

Приезжает царевич к Марье Моревне; она выбежала, бросилась к нему на шею:

— Как тебя Бог воскресил?

— Так и так, — говорит. — Поедем со мной.

— Боюсь, Иван-царевич! Если Кощей догонит, быть тебе опять изрублену.

— Нет, не догонит! Теперь у меня славный богатырский конь, словно птица летит.

Сели они на коня и поехали.

Кощей Бессмертный домой ворочается, под ним конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чувствуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приезжал, Марью Моревну увез.

— А можно ли их догнать?

— Бог знает! Теперь у Ивана-царевича конь богатырский лучше меня.

— Нет, не утерплю, — говорит Кощей Бессмертный, — поеду в погоню.

Долго ли, коротко ли — нагнал он Иван-царевича, соскочил наземь и хотел было сечь его острой саблей; в те поры конь Ивана-царевича ударил со всего размаху копытом Кощей Бессмертного и разможжил ему голову, а царевич доконал его палицей.

После того наклак царевич груды дров, развел огонь, спалил Кощей Бессмертного на костре и самый пепел его пустил по ветру.

Марья Моревна села на Кошеева коня, а Иван-царевич на своего, и поехали они в гости сперва к ворону, потом к орлу, а там и к соколу.

Куда ни приедут, всюду встречают их с радостью:

— Ах, Иван-царевич, а уж мы не чаяли тебя видеть. Ну, да недаром же ты хлопотал: такой красавицы, как Марья Моревна, во всем свете поискать — другой не найти!

Погостили они, попиrowали и поехали в свое царство; приехали и стали себе жить-поживать, добра наживать да медок попить.

ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ И МАЧЕХА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был простой мужик. Жена у него была из той же деревни, откуда и он сам. Прошел год после свадьбы, жена родила девочку, которую назвали Еленой, и так Елена была красива, что ее назвали Прекрасной. Недолго после родов жила мать и умерла, а мужу своему наказала беречь дочь и хранить, так по всему видно, что она выйдет замуж за царя.

Недолго пожил мужик и снова женился, а чтобы сохранить дочь, он увез ее к родне в другую деревню, так что мачеха и не знала, есть ли у мужа дочь. Новая жена была дочь колдуньи, была тоже красива и думала, что красивее ее нет никого на свете.

Смотрится она однажды в свое волшебное зеркало и говорит:

— Хоть и замуж вышла, а я думаю, что нет на свете меня красивее.

— Нет, — говорит зеркальце, — есть красивее тебя, твоя падчерица.

Пристала жена к мужу, чтобы он привез падчерицу, муж долго отказывался, но наконец согласился и привез.

Мачеха обходилась с падчерицей ласково, но замышляла как бы ее извести. А после того, как мачеха родила двух дочерей, Елене и житье стало хуже. Муж заметил, что мачеха не любит падчерицы, но подумал, что уж если Елене на роду написано выйти замуж за царя, то мачехе ничего не сделать. А мачеха подговорила кухарку убить падчерицу.

Однажды они пошли в лес за ягодами, а кухарка в лесу схватила ее и хочет убить ножом; взмолилась Елена кухарке, просит ее не убивать, а отпустить на волю, куда глаза глядят. Кухарка пожалела Елену, остригла с Елены волосы, убила собаку, вынула сердце, сердце завернула кухарка в волоса Елены и понесла на показ мачехе, а Елена пошла вперед, куда глаза глядят.

Шла, шла Елена и пришла к избушке; стоит избушка в лесу, зашла в избушку, никого в ней нет, избушка грязная, все разбросано. Елена достала из колодца воды, избушку вымыла, все вещи прибрала.

Поздно вечером приходят трое молодцов-охотников, а Елена спряталась за печкой. Видят охотники, что в избушке у них чисто и все прибрано, старший брат и говорит:

— Кто это все прибрал?

— Вот что, братец, если это сделала старушка, то пусть будет нам матушка, а если девица, то пусть будет нам сестрица. Будем кормить до смерти.

Стали искать и нашли Елену. И стала Елена жить в избушке с братьями, избушку мыла, все прибирала и приготавливала кушанье.

Между тем мачеха посмотрелась в волшебное зеркальце и говорит:

— Ах, какая я красивая, лучше меня теперь никого нет на свете.

— Есть, — говорит зеркальце, — твоя падчерица красивее тебя.

Набросилась мачеха на кухарку и прогнала от себя, а на падчерицу рассердилась хуже прежнего.

Пришел однажды к мачехе торговец, и она узнала от торговца, что в лесу есть три брата охотника, а у них есть сестра Елена, которая просила ей принести товару. Мачеха дала много денег торговцу и дала ему кольцо, чтобы он продал это кольцо Елене. Торговец доставил кольцо Елене и продал его за малую плату, а братьев в избушке не было.

Продал и ушел, а Елена любовалась, любовалась кольцом, только одела кольцо на палец и умерла.

Пришли братья и видят, что сестра умерла, они положили ее в гроб и поставили под дерево, а когда пойдет запах, тогда и в землю зарыть.

Ушли однажды на охоту, а в это время мимо их избушки проходил молодой рыбак; увидал гроб, подошел и видит: лежит девица и такая красавица, какой он и не видывал, видит и кольцо на руке, и вздумал он взять кольцо; только что снял кольцо с руки, а Елена и ожила.

Рыбак дождался братьев и рассказал им, как он воскресил их сестру, и братья пожалели, что раньше не догадались взять кольца с пальца.

Старик отец между тем искал Елену, проведал он, что Елена живет у охотников и задумал ее домой взять; поехал за ней, приехал и не узнал Елены, она уж невеста стала, да такая красавица, что старик только ахнул.

Уехал муж, а мачеха взяла зеркальце и смотрится.

— Я думаю, нет краше меня на свете, — говорит она.

— Нет, — говорит зеркальце, — есть краше тебя — твоя падчерица.

Бросила мачеха зеркальце и разбила его вдребезги.

Привез старик падчерицу домой и строго-настрого приказал мачехе падчерицу не обижать, но в это время, как нарочно, был объявлен указ, чтобы все девицы собрались к царю на пир, а которая царю понравится, ту он возьмет за себя замуж.

В известный день из всего царства собрались девицы; поехала и мачеха со своими дочерями, а падчерице задала работу — отделить простоквашу от молока, которое было смешано в одной посуде.

Села падчерица к горшку и плачет, а старик и говорит дочери:

— Поди, поплачь у матери на могилке, она горю твоему пособит, а ты поезжай к царю на пир.

Пошла дочь на могилу, а в это время приехал охотник.

Когда Елена пришла, охотник и говорит:

— Я, сестрица, приехал взять тебя на пир к царю, поедем.

Старик их отпустил, а сам остался дома.

Приехали на пир, младшая дочь мачехи прогуливается с царевичем, а царица подошла к Елене и долго с ней говорила; ни мачеха, ни падчерицы не узнали Елены.

Раньше всех девиц вышла от царя Елена с названным братом, и тот привез ее к отцу и сам уехал.

Сидит Елена над горшком, а в нем простокваша отделилась от молока и свернулась в комок, и плавает в середине.

Приехала и мачеха, похвалила падчерицу, а сестры рассказывают, что они видели и что говорил царевич, когда гулял с младшей сестрой.

На второй день мачеха опять уехала с дочерями, а падчерице задала работу: отделить муку от золы в одном лукошке.

Елена опять сходила на могилу матери и поплакала, пришла с могилы, а из охотников средний брат приехал, чтобы везти ее на пир к царю.

Приехали, царевич гуляет с другой дочерью мачехи, а царица опять подошла к Елене и долго с ней говорила.

Уехали они с названным братом раньше всех, привез ее охотник к отцу и сам уехал.

Елены свои опять не могли узнать. Заглянула Елена в лукошко, а там мука отделилась от золы.

Приехала мачеха, похвалила падчерицу, а сестры рассказывают про пир.

На третий день мачеха с дочерями поехала на пир, а падчерице задала работу: в кирпиче отделить глину от песка.

Старик посоветовал поплакать на могиле у матери и ехать.

Елена поплакала, пришла с могилы, а младший брат из охотников ее ожидает, чтобы везти на пир к царю.

Приехали на пир рано, царевич долго ни с кем из девиц не прогуливался, потом подошел к Елене; сам царь с царицей с ней поговорили.

Елена уехала, царевич одарил всех девиц, искал Елену, но она уже уехала.

Привез охотник Елену к отцу и уехал.

Приехали мачеха и дочери. Мачеха посмотрела, что сделано с кирпичом, а глина и песок в кирпиче разобраны на две кучки. Дочери рассказывают, что на пиру было, и злятся на девицу, которая отбила у них царевича.

— Хоть бы красавица была, — говорит младшая, — а то чуть-чуть только на тебя похожа.

— Напрасно тебя не взяли, — говорит другая.

— А и в самом деле, — говорит мачеха, — была бы Еленка, царевич-то наш бы был.

— Теперь уж все, ушло дело, — говорит старик.

На другой день после третьего пира к старику приехало много господ на каретах, царевич сам вошел в избу и взял Елену. Мачеха с дочерьми глазам своим не верят, в себя придти не могут, что это такое значит.

— Нет, уж этому-то не бывать, — говорит мачеха, — душу свою черту продам, а ее изведу, не бывать ей царицей.

Скоро царевич повенчался с Еленой; мачеха ласково живет с падчерицей, часто к ней в гости ездит и живет подолгу.

Через год родила Елена сына, пошла мачеха в баню с падчерицей, вместо нее из бани послала с младенцем свою младшую дочь, а Елену превратила в оленя и спустила в чистое поле. Никто не узнал, что у царского сына жена подменена, сам царевич обманулся.

Прошло несколько времени после того, а младенец день и ночь плачет, не ест и не пьет. Был у царя пастух старик, и предложил он царю снести младенца в лес, может быть, он хоть плакать по ночам не будет. Царь согласился хоть на один день дать пастуху младенца.

Взял пастух младенца и понес в лес; вечером принес его, и младенец всю ночь не плакал, а был веселый и смеялся.

После этого, в которой день пастух сносит младенца в лес, младенец и весел, и спит спокойно, а когда не дадут, младенец и не спит, и не ест, а всю ночь плачет.

«Что за чудо, — думает царь, — надо посмотреть».

Однажды пастух ушел в лес, а царевич за ним.

Сел пастух в лесу, держит младенца, царевич подкрался и смотрит. Видит царевич, что от него недалёко в лесу сидят три охотника. Вдруг показалось стадо оленей, и бегут к пастуху; прибежали близко, увидели пастуха и бежат мимо, а пастух и закричал:

— Олени, олени! Есть ли в этом стаде этому дитяти матери?

Олени пробежали мимо.

Немного погодя мимо опять бежат олени. Пастух и закричал:

— Олени, олени! Есть ли в этом стаде матери этому дитяти?

Олени пробежали мимо.

Бежит третье стадо оленей, пастух закричал:

— Олени, олени! Есть ли в этом стаде матери этому дитяти?

Отделилась из стада одна оленица, подбежала к пастуху, легла на землю, пастух положил младенца к оленице, он стал молоко сосать. Накормила оленица и бросилась бежать, догонять стадо, но в это время раздался выстрел, и оленица поскакала на трех ногах; раздался другой, и оленица скачет на двух; раздался третий, и оленица упала; бросился царевич и захватил оленицу, оленица билась, билась и не может вывернуться.

Прибежали охотники, прибежал и пастух. Пастух представил рожок к уху и заиграл, оленица превратилась в змею; взял пастух змею за хвост и бросил за себя, змея превратилась в россомаху и бросилась на царевича, а царевич накинул на россомаху крест. И стала Елена.

Привел царь Елену, мачеха кланяется и просит простить; хотел царь всех их казнить, но Елена упростила.

Приказал царь мачеху с дочерьми отправить в дальнее от дворца место, и чтобы на глаза не смели больше являться, а с Еленой зажил счастливо и теперь живет.

28

СЛУГА ЕГЕРЬ

В некотором царстве жил-был царь, имя ему было Карь. Хороший был царь, а царица была злая, некрасивая; царь любил ездить на охоту, и всегда брал с собою любимого своего Егеря, а жена у Егеря была первая красавица в свете; влюбился царь в жену Егеря, захотел ее взять к себе, а слугу извести.

Собрал он на совет сенаторов и приказал им обсудить дело, как бы извести Егеря. Собрались сенаторы, посоветовались, придумали службу, которой Егерь не мог бы исполнить, подписались под бумагой, и стряпчий отнес ее к царю.

Вечером призвал царь Егеря и говорит ему:

— Верный мой слуга, сослужи мне службу, в эту ночь шей мне тридевять мундиров, исполнишь — награду получишь, а не исполнишь — голову на плаху.

Пришел Егерь домой кручиноват, печален.

— Что, любезный мой муж, пришел ты кручинovat, печален, — спрашивает его жена, — царь тебя огрубил или службу нарядил?

— Царь не огрубил, а только службу нарядил, велел к утру приготовить тридевять мундиров.

— Ну, это не служба, а службишка, ложись спать, утро вечера мудренее.

Егерь лег спать, а жена его вышла в полночь на крыльцо, переменила перстень, с руки на руку, вдруг явились слуги; она приказала им сшить к утру тридевять мундиров, и слуги скрылись.

К утру мундиры были готовы, Егерь снес их к царю; удивился царь, наградил Егеря золотом и отпустил домой.

На другой день царь снова призвал сенаторов, снова предложил им обсудить, как бы извести Егеря. Сенаторы посоветовались, написали в бумаге, что постановили, подписались и отправили бумагу к царю.

Снова царь позвал Егеря и говорит ему:

— Верный мой слуга Егерь, сослужи мне еще службу: разбросают слуги в поле четыре четверика маку, а ты в одну ночь все семочки собери, не соберешь — голова на плаху, а соберешь — награду получишь.

Пришел Егерь домой печален, кручинен.

— Что ты, любимый мой муж, кручинен, печален, царь ли тебя огрубил или службу нарядил?

Егерь сообщил жене, что нужно было сделать по приказу царя.

— Ну, утро вечера мудренее, ложись спать, а утром рано иди на поле.

Слуги царя вечером разбросали в поле четыре четверика маку, в полночь жена Егеря приказала слугам собрать мак. Рано утром Егерь вышел на поле и нашел, что уже все меры почти полны, походил недолго по полю, меры наполнились, и он ушел домой. Снесли слуги мак к царю, царь подарил Егерю за службу дорогой перстень и отпустил домой.

Через несколько времени царь собрал сенаторов и приказал им каждому отдельно в три дня обдумать, чтобы Егерь принес какую-либо диковинку из чужой земли, а пока не найдет, чтобы домой не являлся.

Через три дня ко дворцу привезли три воза бумаг, собралось у дворца народу видимо-невидимо, вышел и царь, посмотрел и говорит:

— Ну вот из этого всего выберем самое хитрое и невозможное исполнить и пошлем слугу.

В это время мимо царя проходил голь-пьяница кабацкая, остановился он и говорит царю:

— Ваше императорское Величество, на свете все возможно, нет только молока птичьего, да и то можно достать в иноземных царствах. Прикажите все эти возы спалить огнем, а мне разрешите в 70 кабаках пить водку без денег, и я вам скажу то, что лучше будет всех этих бумаг.

Царю захотелось узнать, что такое выдумал голь-кабацкая, приказал написать указ, чтобы пьяница в какой кабак ни зайдет, везде бы отпускали водку безденежно. Подписал бумагу и отдал пьянице, а тот отвел царя в сторону и что-то шептал царю на ухо, и пошел своей дорогой, а царь приказал воз убрать.

Вечером царь позвал Егеря и говорит ему:

— Верный слуга Егерь, послужи мне еще, сослужи службу: иди туда, сам не знаю куда, и принеси то, сам не знаю что. Через три года возвращаясь назад, принесешь — примерно награжу, а не принесешь — голову положишь на плаху.

Кручинен, печален пришел Егерь домой.

— Что, мой любезный муж, — спрашивает жена, — кручиниват, печален? Царь тебя огрубил или службу нарядил?

— Царь службу нарядил, велел идти туда, не знает сам куда, и принести то, сам не знает что.

— Вот это так служба! Ну, ложись спать, утро вечера мудренее.

Лег Егерь спать, а жена его в полночь вышла на крыльцо, с руки на руку переменяла кольцо, и вдруг явились слуги, она и спрашивает их:

— Не знаете ли вы принести то, сама не знаю что?

Подумали слуги и говорят:

— Не знаем.

Приказала она слугам наготовить легкой пищи и принести к утру.

Утром Егерь встал, а жена и говорит ему:

— Тебе придется идти к моей сестре, далеко она живет, пищи я запасла много; вот возьми еще это полотенце, когда придешь к сестре, ночуешь, на другой день будешь утираться, то возьми свое полотенце, она тебя узнает, и там само дело покажет, что тебе придется делать. Когда пойдешь дорогой, то все заворачивай в левую руку на всякой дороге.

Взвалил Егерь мешок на плечи, простился с женой и пошел.

Все заворачивал в левую руку, долго ли, коротко ли шел, пищи уж стало мало, вдруг в лесу увидел избушку; стоит избушка на курьей ножке, на веретеной пятке, кругами вертится, и дверей не видать.

Подошел Егерь к избушке и говорит:

— Избушка, избушка, стань к солнцу задом, ко мне крыльцом.

Избушка остановилась, Егерь вошел в избу, в избушке сидит женщина, шелк прядет, нитки длинные сучит, веретено крутит и под пол спускает. Увидала Егеря и говорит:

— Куда идешь, добрый молодец, куда путь держишь. Туда много народу идет, а назад еще никто не воротился.

— А у нас, тетенька, не так бывает: прежде накормят, напоят, а потом и спрашивают.

Женщина собрала на стол. Егерь поел и лег спать; утром встал, умылся, достал из мешка полотенцо, стал утираться, женщина вдруг и закричала:

— Ах ты, братец мой, муж сестры любезной, куда ты идешь, куда путь держишь?

Егерь рассказал все, женщина сказала, что ночью она попробует узнать что-либо, может быть, не придется идти дальше.

Егерь спит, а женщина вышла в полночь на крыльцо, сняла с правой ноги башмак, и вдруг налетело множество всяких птиц, сняла женщина башмак с левой ноги, и набежало множество разных зверей. Женщина и спрашивает:

— Слуги верные, можете ли вы найти мне то, сама не знаю что?

Все птицы кричат, что не знают, и звери — тоже. Когда все умолкло, приблизилась к женщине одна птица и говорит:

— Есть птица Ногай, она сто лет на свете живет, та, может быть, и знает.

— Сейчас же слетать голубю за птицей Ногаем, — распорядилась женщина.

Голубь улетел, нашел птицу Ногаю в дупле дерева, и через несколько времени с голубем прилетела большущая птица.

Женщина спросила у Ногаю, может ли она найти то, что она и сама не знает. Ногай сказала, что она этого не знает, а есть из зверей Кот-старогод триста лет на свете живет, тот должен знать; он теперь в кусту уж три года живет.

Нарядила женщина за котом оленя. Нашел олень Кота-старогода, и чрез недолгое время явился огромный котище. Женщина и спрашивает кота:

— Можешь ли ты найти то, сама еще не знаю, что?

— Знаю, — говорит кот, — только трудно достать и очень далеко, и достать может только человек.

— Завтра приготовься в путь! — приказала женщина.

Рано утром разбудила женщина Егеря и сказала ему:

— Ты сегодня поедешь дальше на коте, пищи я запасла на три дня, кот свезет тебя до места, а там сам увидишь, что делать.

Поклали пищу на кота, сел ему на спину Егерь, и поскакал кот.

Долго ли, коротко ли скакал кот, только вдруг Егерь видит стоит огромный дом, а вокруг дома высокая стена.

Подскакал кот к самой стене, сбросил с себя Егеря и поскакал назад.

Долго стоял пред воротами Егерь, потом отпер их и пробрался в дом, прошел по всем комнатам — пусто, никого нет, забрался он в одной комнате на печку, сидит и ждет, не явится ли кто к ночи.

Пришел вечер, никого нет, заснул Егерь; вдруг в самую полночь все здание затряслось, шум страшный поднялся. Проснулся Егерь, темень страшная, ничего не видит; вдруг ветром рвануло в окне раму, смотрит — завертелась откуда-то взявшаяся жаровня, вспыхнула ужасным огнем, и в комнате стало светло; в окно влетело что-то черное и круглое и шлепнулось на пол.

Испугался Егерь, сидит чуть жив, а все же смотрит. Вдруг круглое стало разворачиваться, развернулось, и видит Егерь, что чудное что-то пред ним: человек — не человек, зверь — не зверь, и птица — не птица, словом, чудище какое-то.

Село чудище за стол и закричало:

— Некто!

— Что, сударь? — отвечал кто-то.

— Давай есть и пить!

И вдруг на столе явилось всего множество, было чего поесть и попить. Стало чудовище пожирать кушанья и напитки, а Егерь смотрел и удивлялся.

Жрало, жрало чудовище и с таким же шумом улетело, и окно захлопнулось, стало темно; прождал Егерь до утра и только тогда осмелился с печки слезть.

«Вот, — думает Егерь, — здесь я нашел и то, чего и сам не знаю, да как взять-то, вот задача! Чудища-то уж не изловить, а хоть бы Некто-то взять. А что позвать разве, может быть, и откликнется».

— Некто! — крикнул Егерь.

— Чего, сударь! — кто-то откликается.

— Давай есть и пить!

И вдруг на столе появились кушанья и напитки.

Егерь поел и попил, и говорит:

— Некто, пойдешь со мной?

— Пойдем, — говорит Некто, — я твой слуга буду, хоть свет увижу, да человеку и служить лучше, чем этому чудищу. Возьми в жаровне ключик и храни его, когда ключик будет с тобой, и я буду.

Снял из жаровни Егерь ключик и скорее вон из дома.

Подойдет, подойдет и спросит:

— Некто! Тут ли ты?

— Тут, — говорит Некто, — и век с тобой буду.

Шел, шел Егерь и пришел к морю, в море недалеко от берега два корабля стоят, а корабельщики на берегу пьют, едят да гуслиями забавляются, у них гусли-самогуды сами играют.

Подошел к ним Егерь, его пригласили хлеба-соли откусать и гуслиями похвастались.

— Что, видал ли ты такое чудо? — спрашивают корабельщики.

— Это еще чудо небольшое, — говорит Егерь, — а вот у меня так есть чудо. Некто, давай есть и пить!

Вдруг пред корабельщиками появились кушанья и напитки, и корабельщики удивляются и угощение похваляют, а когда подгуляли, то стали Егеря сбивать, чтобы он поменял Некто на гусли-самогуды.

Не знает Егерь, что ему делать, а Некто шепчет ему в ухо:

— У тебя в кармане есть камешек, отдай им, камешок будет им отвечать и представлять кушанье только три дня, а гусли-самогуды возьми.

Поменялся с корабельщиками Егерь, дал им камешек, корабельщики его испробовали — отвечает и пищу дает, отдали гусли-самогуды, а сами поскорей на корабль, думали, что Егеря надули; в ту же минуту подняли паруса и уплыли, а Егерь взял гусли и идет дальше.

Долго ли, коротко ли шел Егерь, пришел к дремучему лесу, слышит кто-то деревья ломает, все ближе и ближе к нему; испугался Егерь, прилег на землю и приказал гуслиям поиграть.

Гусли заиграли, смотрит Егерь, а пред ним в лесу улица стала; дубина деревьев ломает, дорогу очищает, а за ней идет старик плешивый.

Услыхал старик игру гуслей и приказал дубине остановиться, стала дубина, а старик подошел к Егерю и говорит ему:

— Я стар стал, гусли твои мне впригону¹, давай менять, а не сменяешь, и так возьму, только дубинку наряжу².

Испугался Егерь и согласился поменять. Дал старик Егерю крючок от дубинки и говорит дубинке:

— Ну, как мне служила, так служи и новому хозяину!

¹ *Впригону* — пригодятся, потребуются.

² *Наряжу* — здесь: дам наряд, распоряжусь.

Взял Егерь крючок, отдал гусли, а самому жалко с гуслиями расстаться. Вот он и стал дубинку пробовать, будет ли его слушать.

— Ну-ка, дубинка, сломи это дерево!

Дубинка скочила, ударила по дереву, и дерева как не бывало.

— А ну-ка, дубинка, прихлопни своего прежнего хозяина!

Дубинка скакнула, ударила, и старика не стало.

Идет Егерь домой, раньше срока воротился; жена его жива и здорова.

Доложили царю, что Егерь пришел и принес то, сам не знает что. Собрались сенаторы, пришел царь, многое множество гостей собралось. Посмеиваются сенаторы над гуслиями и дубинкой. Приказал царь показать Егерю чудо, которое он достал.

Егерь всех гостей посадил за столы и крикнул:

— Некто! Давай гостям есть и пить!

И вдруг появились на всех столах кушанья и напитки, удивляются гости, пьют, едят и все похваляют: развеселились гости, а Егерь приказал гуслиям:

— Гусли, поиграйте!

Заиграли гусли, никто из гостей такой игры не слыхивал, гости все плясать пошли. Дал волю им Егерь повеселиться, а потом приказал дубинке.

— Ну-ка, дубинка, гони гостей домой!

Начала дубинка гостей хлестать, и гости разбежались.

И стал Егерь жить да поживать: Некто ему кушанье доставляет, гусли тоску разгоняют, а дубинка злых людей наказывает.

Бытовые новеллистические сказки

29

ИВАНУШКА-ДУРАЧОК

Был-жил старик со старухою; у них было три сына: двое — умные, третий — Иванушка-дурачок. Умные-то овец в поле пасли, а дурак ничего не делал, все на печке сидел да мух ловил.

В одно время наварила старуха аржаных клецок¹ и говорит дураку:

— На-ка, снеси эти клецки братьям; пусть поедят.

Налила полный горшок и дала ему в руки; побрел он к братьям. День был солнечный; только вышел Иванушка за околицу, увидал

¹ Аржаные (клецки) — оржаные, ржаные.

свою тень сбоку и думает: «Что это за человек со мной рядом идет, ни на шаг не отстает? Верно, клецок захотел?»

И начал он бросать на свою тень клецки, так все до единой и повыкидал; смотрит, а тень все сбоку идет.

— Эка ненасытная утроба! — сказал дурачок с сердцем и пустил в нее горшком — разлетелись черепки в разные стороны.

Вот приходит с пустыми руками к братьям; те его спрашивают:

— Ты, дурак, зачем?

— Вам обед принес.

— Где же обед? Давай живее.

— Да вишь, братцы, привязался ко мне дорогою незнамо какой человек, да все и поел!

— Какой-такой человек?

— Вот он! И теперь рядом стоит!

Братья ну его ругать, бить, колотить; отколотили и заставили овец пасти, а сами ушли на деревню обедать.

Принялся дурачок пасти: видит, что овцы разбрелись по полю, давай их ловить да глаза выдирать; всех переловил, всем глаза выдолбил, собрал стадо в одну кучу и сидит себе радехонек, словно дело сделал.

Братья пообедали, воротились в поле.

— Что ты, дурак, натворил? Отчего стадо слепое?

— Да пошто им глаза-то? Как ушли вы, братцы, овцы-то врозь рассыпались; я и придумал: стал их ловить, в кучу собирать, глаза выдирать; во как умаюсь!

— Пстой, еще не так умаешься! — говорят братья и давай угощать его кулаками; порядком-таки досталось дураку на орехи!

Ни много, ни мало прошло времени; послали старики Иванушку-дурачка в город к празднику по хозяйству закупать. Всего закупил Иванушка: и стол купил, и ложек, и чашек, и соли; целый воз навалил всякой всячины.

Едет домой, а лошаденка была такая, знать, неудáлая, везет — не везет!

«А что, — думает себе Иванушка, — ведь у лошади четыре ноги, и у стола тож четыре; так стол-от и сам добежит». Взял стол и выставил на дорогу.

Едет-едет, близко ли, далеко ли, а вороны так и вьются над ним да всё каркают. «Знать, сестрицам поесть-покушать охота, что так раскричались!» — подумал дурачок; выставил блюда с ествами на-земь и начал потчевать:

— Сестрицы-голубушки, кушайте на здоровье!

А сам все вперед да вперед подвигается.

Едет Иванушка перелеском; по дороге всё пни обгорелые. «Эх, — думает, — ребята-то без шапок; ведь озябнут, сердечные!» Взял понадевал на них горшки да корчаги¹.

Вот доехал Иванушка до реки, давай лошадь поить, а она не пьет. «Знать, без соли не хочет!» — и ну солить воду.

Высыпал полон мешок соли, лошадь все не пьет.

— Что ж ты не пьешь, волчье мясо! Разве задаром я мешок соли высыпал?

Хватил ее поленом, да прямо в голову, и убил наповал.

Остался у Иванушки один кошель с ложками, да и тот на себе понес.

Идет; ложки назади так и брякают: бряк, бряк, бряк! А он думает, что ложки-то говорят: «Иванушка-дурак!» — бросил их и ну топтать да приговаривать:

— Вот вам Иванушка-дурак! Вот вам Иванушка-дурак! Еще вздумали дразнить, негодные!

Воротился домой и говорит братьям:

— Все искупил, братики!

— Спасибо, дурак, да где ж у тебя закупки-то?

— А стол-от бежит, да, знать, отстал, из блюд сестрицы кушают, горшки да корчаги ребятам в лесу на головы понадевал, солью-то поиво лошади посолил, а ложки дразнятся — так я их на дороге покинул.

— Ступай, дурак, поскорее собери все, что разбросал по дороге.

Иванушка пошел в лес, снял с обгорелых пней корчаги, повышибал днища и надел на батог² корчаг с дюжину — всяких: и больших и малых. Несет домой.

Отколотили его братья; поехали сами в город за покупками, а дурака оставили домовничать.

Слушает дурак, а пиво в кадке так и бродит, так и бродит.

— Пиво, не броди, дурака не дразни! — говорит Иванушка.

Нет, пиво не слушается; взял да и выпустил все из кадки, сам сел в корыто, по избе разъезжает да песенки распевает.

Приехали братья, крепко осерчали, взяли Иванушку, зашили в куль и потащили к реке. Положили куль на берегу, а сами пошли прорубь осматривать.

На ту пору ехал какой-то барин мимо на тройке бурых; Иванушка и ну кричать:

¹ Корчага — большой горшок.

² Батог — палка, дубина.

— Садят меня на воеводство судить да рядить¹, а я ни судить, ни рядить не умею!

— Постой, дурак, — сказал барин, — я умею и судить и рядить; вылезай из куля!

Иванушка вылез из куля, зашил туда барина, а сам сел в его повозку и уехал из виду.

Пришли братья, спустили куль под лед и слушают, а в воде так и буркает.

— Знать, бурка ловит! — проговорили братья и побрели домой.

Навстречу им откуда ни возьмись едет на тройке Иванушка, едет да прихвастывает:

— Вот-ста каких поймал я лошадушек! А еще остался там сивко — такой славный!

Завидно стало братьям; говорят дураку:

— Зашивай теперь нас в куль да спускай поскорей в прорубь! Не уйдет от нас сивко...

Опустил их Иванушка-дурачок в прорубь и погнал домой пиво допивать да братьев поминать.

Был у Иванушки колодец, в колодце рыба елец, а моей сказке конец.

30

БАРИН И МУЖИК

Жил-был мужик, имел у себя много овец. Зимним временем большущая овца обьягнилась, и взял он ее со двора в избу с ягнечком.

Приходит вечер; едет барин, попросился к нему ночевать. Подошел под окошко и спрашивает:

— Мужичок, пусти ночевать!

— А не будете ночью озоровать?

— Помилуй! Нам бы только где темну ночку проспять.

— Заезжай, барин!

Взъехал барин с кучером на двор. Кучер убирает лошадей, а барин в дом пошел. На барине был огромный волчий тулуп. Взошел в хату, Богу помолился, хозяевам поклонился.

— Здорово живете, хозяин с хозяйшккой!

— Добро жаловать, господин!

Сел барин на лавочку.

¹ Рядить — от ряда, порядка; рядить — судить, устанавливать порядок.

Овца волчий тулуп увидала и глядит на барина; сама глядит, а ногой-то топ, и раз, да и два, да и до трех.

Барин говорит:

— А что, мужичок, овца ногой топает?

— Она думает: ты волк, слышит волчий дух. Она у меня волков ловит; вот нынешнюю зиму с десятков пымала¹.

— Ах, дорого бы я за нее дал! Не продажна ли она? Для дороги мне она хороша.

— Продажна, да дорогá.

— Эх, мужичок, да не дороже денег, у барина хватит.

— Пожалуй, уважить можно.

— А сколько она стоит?

— Пятьсот рублей.

— Помилуй, много! Возьми три сотенки.

Ну, мужик согласился, продал.

Барин ночь переночевал, на зорьке встал и в путь собрался; хозяину три сотенки отдал и овечку взял, посадил в санки и поехал.

Едет. Идут встречу три волка. Вот овца увидала волков, так и прыгает на санях, сама через наклёску сикаёт².

Барин говорит кучеру:

— Надо пускать, вишь, как она раззадорилась. Сейчас пымáт³.
(А она боится.)

Кучер и говорит:

— Постой немножечко, сударь, она раззадорится.

Сверста́лись⁴ волки с ними ровно. Барин выпустил овцу; овца испугалась волков, в лес полетела, коротким хвостом завертела. Как волки за ней залились⁵, только снег раздува́тся, а кучер за ней собира́тся.

Поколе лошадушку выпрягал, в погон за овцой скакал, волки овцу пымали и шкуру с нее содрали, сами в лес убежали.

Кучер подскакал — овца на боку лежит, а ее шкура содрана лежит. Подъезжает к барину. Барин его спрашивает:

— Не видал ли чего?

¹ Пымала — поймала.

² Через наклёску сикаёт — мочится от страха. Наклеска — верхний брус у саней.

³ Пымáт — поймает.

⁴ Сверста́ться — поравняться.

⁵ Залились — так обычно говорят о собачьей своре, с лаем кинувшейся догонять волка.

— Ах, сударь, хороша овца! Вся изорвалась, а волкам не подда-лась!

Мужичок три сотенки получил, сидит теперь барину сказочки рассказывает, а три сотенки в кармане лежат.

31

СЕРДИТАЯ БАРЫНЯ

В усадьбе была барыня — и до того была сердитая, никому житья не было! Этта староста утром как придет спросить што, наряд дать какой, ёна ево не отпустит, так што не отхвостнёт. А мужикам-те житья не было никакого; драла, как собак.

Солдатик приходил на побывку домой. Пришлось ему ночевать в этой усадьбе. Ему это все рассказали, а ён и сказал:

— У меня есть сонных капель!

Дали ей сонных капель. Ёна уснула.

Солдат велел лошадей запрячь. В деревне был сапожник, и до того сердит — дак страсть. Вот ён к этому сапожнику и отправил ю. Сапожник не знал, шил сапоги, а ён положил на постелю, и ёво жёну взял туды, положил на барынину кровать.

Вот сапожника жена пробудиласе, видит дом преотлишной. Се-цясь служанки подбегают, подают на руки. «Я до цево дослужила!.. Откуды берётсы? Это што такое?!»

Помылась, подали полотенце, вытерлась.

Подают самовар. Села она цяй пить.

Староста приходит на ципоцьках. Она зглянула, што за мушшина.

— Вам, — говорит, — што надо?

— Я, — говорит, — барыня, к вам пришел спросить, какой на-ряд дадите, што работать.

А ёна догадалась:

— Нешто вы не знаете, што вцера делали, то и севодни делайте!

Староста вышел на кухню и говорит:

— Севонни какая барыня добренная, просто отроду такая не бывала!

Ну ёна живет тут мисяц и другой — и так ею росхвалили хрёстьяна, што цесь отдать.

Вот сапожникова жёна утром пробудилась и кричит:

— Слуги!

А ён сидит, шьет:

— Ты што, растакая мать?

А ёна:

— Што такое, сволоць?

— Ах ты, стерва несцясная!

Скоцил со стула, здернул с ноги ремень и давай ёю нахаживать.

— Ты нешто не знаешь своей должности? Ты должна вставать и печь затоплять!

И до тово катал ёю, колько ему хотелось.

Потом ёна взмолиласе. Побрела за дровами, принесла дров, затопила печь, кой-цево сварила.

Ну, это время так продолжалось месяца два. А ён ёю раза три да четыре изрянно поколотил.

И потом этот солдат дал сонных капель и переменял иф.

Утром встает барыня тихонько, выходит из своей комнаты.

— Што это я в старом доме? Откуда я взялась?

Спросила служанок:

— Служанки! Как жё я сюды попала?

— Ты, барыня, нигде и не бывала!

И с теф пор барыня мягкая-розмягкая розделала.

А швецова жёна стала жить по-старому.

32

ПЕТУХАН КУРИХАНОВИЧ

Жила-была старуха, а у нея сын Иван. Раз Иван уехал в город, а старуха осталась одна дома. Зашли к ней два солдата и просят чего-нибудь поесть горяченького. А старуха скупа была и говорит:

— Ничего у меня нет горяченького, печка не топлена и щечки не варены.

А у самой в печке петух варился.

Проведали это солдаты и говорят между собой:

— Погоди, старая! Мы тебя научим, как служилых людей обманывать.

Вышли во двор, выпустили скотину, пришли и говорят:

— Бабушка! Скотина-то на улицу вышла.

Старуха заохала и выбежала скотину загонять.

Солдаты между тем достали из печки горшок с похлебкой, петуха вынули и положили в ранец, а вместо него в горшок сунули лапоть.

Старуха загнала скотину, пришла в избу и говорит:

— Загадаю я вам, служивые, загадку.

— Загадай, бабушка!

— Слушайте: в Печинске-Горшечинске, под Сквородинским сидит Петухан Куриханович.

— Эх, старая! Поздно хватилась: в Печинске-Горшечинске был Петухан Куриханыч, да переведен в Суму-Запленченску, а теперь там Заплетай Расплетанч; отгадай-ка вот, бабушка, нашу загадку!

Но старуха не поняла солдатской загадки.

Солдаты посидели, поели черствой корочки с кислым кваском, пошутили с старухой, посмеялись над ее загадкой, простились и ушли.

Приехал из города сын и просит у матери обедать.

Старуха собрала на стол, достала из печи горшок, ткнула в лапоть вилкой и не может вытащить.

«Ай, да петушок! — думает про себя, — вишь, как разварился — достать не могу».

Достала, ан... лапоть!

33

КАШИЦА ИЗ ТОПОРА

Пришел солдат с походу на квартиру и говорит хозяйке:

— Здравствуй, божья старушка! Дай-ка мне чего-нибудь поесть.

А старуха в ответ:

— Вот там на гвоздике повесь.

— Аль ты совсем глуха, что не чуешь?

— Где хошь, там и заночуешь.

— Ах ты, старая ведьма, я те глухоту-то вылечу!

И полез было с кулаками:

— Подавай на стол!

— Да нечего, родимый!

— Вари кашицу¹!

— Да не из чего, родимый!

— Давай топор, я из топора сварю.

«Что за диво! — думает баба. — Дай посмотрю, как из топора солдат кашицу сварит».

Принесла ему топор; солдат взял, положил его в горшок, налил воды и давай варить.

Варил-варил, попробовал и говорит:

— Всем бы кашица взяла, только б малую толику круп подсыпать!

Баба принесла ему круп.

Опять варил-варил, попробовал и говорит:

¹ Кашица — суп с крупой.

— Совсем бы готово, только б маслом здобрить!

Баба принесла ему масла.

Солдат сварил кашицу:

— Ну, старуха, теперь подавай хлеба да соли, да принимайся за ложку, — станем кашицу есть.

Похлебали вдвоем кашицу.

Старуха спрашивает:

— Служивый! Когда же топор будем есть?

— Да, вишь, он еще не уварился, — отвечает солдат, — где-нибудь на дороге доварю да позавтракаю.

Тотчас припрятал топор в ранец, распростился с хозяйкою и пошел в иную деревню.

Вот так-то солдат и кашицы поел, и топор унес!

34

СОЛДАТСКАЯ ШКОЛА

Шел солдат из деревни в город на службу и остановился ночевать у одной старухи. Много он наказал ей всякого вздора, а та — известное дело — в лесу родилась, пню молилась, дальше поскотины¹ не бывала и ничего не видала — слушает, развеся уши, всему верит и дивится.

— Где же вас, служивый, учат так мудрости, — наконец спрашивает старуха солдата.

— У нас, бабушка, в полку есть такая школа, где не только человека, но и скотину выучат так, что и не узнаешь, как есть человеком сделают.

— Вот бы мне, родимый, своего бычка отдать в вашу школу.

— И то дело! Собирайся и веди его в город; не бойся — я его пристрою к делу, спасибо скажешь.

Старуха бычка — на веревочку и повела в город.

Пришли с солдатом в казармы.

— Вот, бабушка, и школа наша, — говорит солдат, — оставь бычка да денег дай на корм и за учење.

Старуха раскошелилась, дала денег, оставила бычка и ушла домой.

А солдаты бычка на бойню и зарезали, мясо съели, шкуру продали и деньги пропили.

Прошло времени около года.

¹ *Поскотина* — место, где пасут скотину.

Вот старуха опять бредет в город; пришла в казармы и спрашивает про бычка:

— Что он, каково учится, здоров ли?

— Эх, бабушка, — отвечают ей солдаты, — ты опоздала, твой бычок уж давно выучился и в купцы произведен; вон дом-то каменный — это его; сходи, повидай, может, и признает тебя или ты его.

Старуха пришла к каменному дому и спрашивает у дворника:

— Не здесь ли, почтенный, бычок живет?

— Бычков? Купец Бычков? Здесь, бабушка, здесь; коли дело есть, заходи в дом!

Старуха зашла в дом; вышел к ней хозяин и спрашивает:

— Чего тебе надобно, бабушка?

Старуха смотрит на Бычкова и глазам не верит: как есть человек.

— Ах ты, мой батюшка! Скотинушка благословленная, — вымолвила наконец старуха.

И принялась Бычкова гладить и ласкать, приговаривая:

— Вишь ты, как выправился, и не узнать, что скотина... прусь! прусь!.. пойдём-ка в деревню!

И старуха хотела уже на Бычкова накинуть обротку¹, чтобы вести в деревню, но тот ее оттолкнул и прогнал от себя.

35

ЧТО ДАЛЬШЕ СЛЫШНО?

Жил вдовый крестьянин, было у него три сына, и все были женаты. Жил старик исправно, дети его слушались, и братья между собой жили дружно. Все было хорошо, да одно неладно: невестки между собой жили недружно, постоянно ругались, а все из-за того, что каждая из них хотела большухой² быть. Все были на деле исправны, и каждая из них могла быть большухой. Наскучили старику перекоры невесток; однажды он призвал сыновей и говорит им:

— У невесток каждый день споры, дым коромыслом, надо это прикончить; я надумал задать им загадку, которая отгадает, та пусть и большухой будет; только чтобы после этого уж спору не было, если оне будут согласны, то и делу конец. Призвали невесток, и те на это согласились.

Поздно вечером старик и говорит невесткам:

¹ *Обротка, обрать* — узда с одним поводом для привязи; здесь: веревка.

² *Большуха* — старшая, распорядительница.

— Вы согласились отгадать загадку, а вот на целую ночь вам загадка, отгадайте; что дальше слышно? Завтра рано спрошу у вас, и кто отгадает, та и будет большухой. Первая брань лучше последней, а уговор дороже денег. Помните, на что согласились.

Утром рано старик позвал сыновей с невестками и спрашивает у старшей:

— Что, отгадала ли?

— Петуха голос, когда он весной поет, по заре дальше всего слышно.

— Да, петуха далеко слышно, — говорит старик. — Ну, а ты? — спрашивает он у средней.

— Когда весной собака лает по заре, то гораздо дальше петуха слышно.

— Да, — говорит старик, — пожалуй, собаку и дальше слышно. Ну, а ты что скажешь? — обращается старик к меньшей невестке.

— Хлеб да соль дальше всего слышно, — говорит меньшая невестка.

— Да, — говорит старик, — хлеб да соль за тысячи верст слышно. Будь же ты большухой.

36

КОЛПАК ЗОЛОТА

Жил-был мужик, все по чужим людям в работниках жил; пришел однажды к барину, а барин послал его сетями рыбу на озеро ловить; а он никогда не делал того, что хозяин приказывал, а что на ум придет.

Пришел он к озеру, бросил сети на берег, сел, попил, выпался и принялся яму рыть, вырыл яму глубокую; потом надрал липовой коры и замочил в озеро; ходит по берегу, ждет, когда кора вымокнет, чтобы наделать лыка.

Один раз нашел на берегу двух маленьких зайчат и положил их в ямку, а кругом сделал изгородь.

Вымокла кора, он набрал лыка и вьет веревки.

Ночью в яму попался медведь.

Только лег он спать в эту ночь, из озера выбегает чертенок и говорит ему:

— Что ты, дядюшка, делаешь?

— А вот веревки выю, хочу все озеро сморщить¹ и вас всех чертей скорчить.

Чертенюк сейчас же в озеро, а через несколько времени вышел оттуда и говорит:

— Дедушка мне приказал с тобой потягаться, если ты меня обгонишь, то и морщи озеро, а если я тебя обгоню, то прочь уходи от озера.

— Ака невидаль, — говорит мужик, — с тобой бегать: ты пробежи с моим меньшим братишкой, и тот тебя обгонит, а со мной и тягаться нечего.

Взял мужик одного зайца, держит в руках и говорит:

— Ну, бежи!

Чертенюк побежал, а мужик пустил зайца, недолго его и видел чертенюк; заяц в лес, а чертенюк бежит кругом озера; прибежал чертенюк, а мужик другого зайца в руках держит и говорит:

— Ну, где же тебе тягаться с моим братом, он давно прибежал, вишь, уж отдыхает.

Черт в озеро, а работник поспал и веревки вьет.

Снова выходит из озера чертенюк и говорит:

— Бегаешь ты, дядюшка, лучше, а давай поборемся, кто кого поборет.

— Эко диво бороться, мой средний брат тот тебя обóрет, а где же тебе со мной тягаться.

Спустился чертенюк в яму, а мишка захватил так чертенка, что тот еле живой в озеро нырнул.

В третий раз выходит чертенюк из озера и говорит:

— Вот, дядюшка, я принес палицу, давай тягаться, кто палицу выше бросит, если ты выше меня бросишь, то и морщи нас!

Работник попробовал поднять палицу, палица была тяжела, куда бросать, когда и поднять не может.

— Ну что ж, бросай, я смотреть буду — высоко ли улетит.

Бросил чертенюк палицу, высоко палица улетела и упала назад и завязилась глубоко в землю, одна ручка видна.

— А высоко, брат, ты бросил, а все-таки посмотрим, кто выше бросит!

— Ну, давай, дядя, тащи палицу!

— Сам завязил, сам и тащи, я после, буде придется, вытащу.

Вытащил чертенюк палицу, работник держится за ручку палицы и пошевелить не может.

— Что же ты думаешь? Бросай, — говорит чертенюк.

¹ *Сморщить* — здесь: вызвать на озере волны, причинить чертям беспокойство.

— Не торопись, — говорит мужик, — я вон подожду то облако, пусть нанесет его поближе, я швырну палицу на облако, она там и останется.

— Нет, нет, не бросай палицы на облако, палица дедушке нужна, он без палицы никуда не ходит, и мне велел сейчас принести.

— Ну как хочешь, — говорит работник, — велишь — брошу, не велишь — твое дело.

Чертенюк схватил палицу и — в озеро.

Работник опять вьет веревки, выбегает из озера чертенюк и говорит:

— Что хочешь бери, только от озера уйди и нас не морщи.

— Да что с вас, чертей, возьмешь, как у вас кроме золота ничего нет. Наносите мне колпак золота, да и будет с вас.

Чертенюк согласился и ушел в озеро, а работник убил медведя, на ту яму наклак корьев и прикрыл хворостом; прорезал в колпаке дыру, приладил колпак над ямой, и ночью черти стали носить в колпак золото; выльют золото, а оно чрез дыру в яму, пока полной ямы не наносили; в колпаке не было золота, наконец колпак наполнился.

Снес мужик сети барину и отказался от работы, купил четырех лошадей и на них увез четыре воза золота, и стал жить да поживать, а после еще барин из ямы набрал воз золота и стал жить богачом.

37

ШЕСТЬ БРАТЬЕВ — ВСЕ АГАФОНЫ

Как у нас на селе заспорил Лука с Петром, сомутилася вода с песком, у невестки с золовками был бой большой: на том на бою кашу-горюху поранили, киселя-горюна во полон полонили, репу с морковью подкопом взяли, капусту под меч приклонили. А я на бой не поспел, на лавочке просидел.

В то время жили мы шесть братьев — все Агафоны, батюшка был Тарас, а матушка — не помню, как звалась; да что до названья? Пусть будет Маланья. Я-то родом был меньшей, да разумом большой.

Вот поехали люди землю пахать, а мы, шесть братьев, руками махать. Люди-то думают: мы пашем да на лошадей руками машем, а мы промеж себя управляемся. А батюшка навязал на кнут зерно гречихи, махнул раз-другой и забросил далеко.

Уродилась у нас гречиха предобрая. Люди вышли в поле жать, а мы в бороздах лежать; до обеда пролежали, после обеда проспали,

и наставили много хлеба: скирда от скирды, как от Казани до Москвы. Стали молотить — вышла целая горсть гречихи.

На другой год батюшка спрашивает:

— Сынки мои возлюбленные, где нам нынче гречиху сеять?

Я — брат меньшей, да разумом большей, говорю батюшке:

— Посеем на печке, потому что земля та порожняя, все равно круглый год гуляет!

Посеяли на печке, а изба у нас была большая: на первом венце¹ порог, на другом потолок, окна и двери буравом² наверхены. Хоть сидеть в избе нельзя, да глядеть гожа.

Батюшка был тогда больно заботлив, рано утром вставал — чуть заря занимается, и все на улицу глазел.

Мороз-то и заберись к нам в окно да на печку — вся гречиха позябла. Вот шесть братьев стали горевать: как гречиху с печи собирать?

А я — родом хоть меньшей, да разумом большей.

— Надобно, — говорю, — гречиху скосить, в омет³ свозить.

— Где же нам омет метать?

— Как — где? На печном столбе: место порожнее.

Сметали⁴ большой омет.

Была у нас в дому кошка лыса: почуй она, что в гречихе крыса, бросилась ловить и прямо-таки о печной столб лбом пришлась; омет упал да в лохань попал. Шесть братьев горевать: как из лохани омет убирать?

На ту пору пришла кобыла сера, омет из лохани съела; стала вон из избы бежать, да в дверях и завязла: таково-то с гречихи у ней брюхо расперло. Задние ноги в избе, а передние на улице. Зачала она скакать, избу по улице таскать; а мы сидим да глядим: что-то будет! Вот как брюхо у кобылы-то опало, я сейчас в гриву ей вцепился, верхом на нее ввалился и поехал в кабак. Выпил винца, разгулялся добрый молодец; попалося мне в глаза у целовальника⁵ ружье славное.

— Что — спрашиваю, — заветное аль продажное?

— Продажное.

Ну, хоть полтину и заплатил, да ружье купил.

¹ *Вене́ц* (у избяного сруба) — ряд соединенных между собой бревен.

² *Бура́в* — сверло.

³ *Оме́т* — большой ворох, стог.

⁴ *Смета́ть* — поставить стог.

⁵ *Целова́льник* — содержатель кабака, трактирщик. В старину *целовал* крест, что будет торговать честно, денежную выручку не утаивать.

Поехал в дубовую рощу за дичью; гляжу: сидит тетерев на дубу. Я прицелился, а кремня-то нет! Коли в город за кремнем ехать, будет десять верст — далеко; пожалуй, птица улетит.

Думаючи этак сам с собою, задел невзначай полушубком за дубовый сук; кобыла моя рванула с испугу да как треснет меня башкой о дерево — так искры из глаз и посыпались! Одна искра упала на полку, ружье выстрелило и убило тетерева; тетерев вниз упал да на зайца попал; а заяц сгоряча вскочил, да что про меня¹ дичины набил!

Тут я обозом в Саратов отправился; торговал-продавал, на пятьсот рублей дичины сбывал. На те деньги я женился, взял себе славную хозяйшку: коли вдоль улицы пройдет, всю подолом заметет; малые ребяташки встречают, поленьями кидают. Не надо покупать ни дров, ни лучины; живу себе без кручины.

38

ЗАЯЦ

Бедный мужик шел по чистому полю, увидел под кустом зайца, обрадовался и говорит:

— Вот когда заживу домком-то! Возьму этого зайца, убью плетью да продам за четыре алтына. На те деньги куплю свинушку. Она принесет мне двенадцать поросеночков. Поросятки вырастут, принесут еще по двенадцати. Я всех приколю, амбар мяса накоплю. Мясо продам, а на денежки дом заведу да сам женюсь. Жена-то родит мне двух сыновей: Ваську да Ваньку. Детки станут пашню пахать, а я буду под окном сидеть да порядки давать: «Эй вы, ребятки, — крикну, — Васька да Ванька! Шибко людей на работу не туганьте², видно, сами бедно не живали!»

Да так-то громко крикнул мужик, что заяц испугался и убежал, а дом со всем богатством, с женой и с детьми пропал!

39

ДОКУЧНЫЕ СКАЗКИ

Жили-были два братца, два братца — кулик да журавль. Накопили они стожок сенца, поставили среди польца. Не сказать ли сказку опять с конца?

¹ Для меня.

² Не понуждайте (*пояснение А.Н. Афанасьева*).

*

Жил-был старик, у старика был колодец, а в колодце-то елец¹, тут и сказке конец.

*

Жил-был царь, у царя был двор, на дворе был кол, на колу мочало; не сказать ли с начала?

*

— Сказать ли тебе сказку про белого бычка?

— Скажи.

— Ты скажи, да я скажи, да сказать ли тебе сказку про белого бычка?

— Скажи.

— Ты скажи, да я скажи, да чего у нас будет, да докуль это будет! Сказать ли тебе сказку про белого бычка?²

*

— Рассказать ли тебе докучную сказочку.

— Расскажи.

— Ты говоришь: расскажи, я говорю: расскажи; рассказать ли тебе докучную сказочку?

— Не надо.

— Ты говоришь: не надо, я говорю: не надо; рассказать ли тебе докучную сказочку? — и т. д.

Загадки

Загадка целиком и без остатка относится к роду словесных игр и искусству слова. Традиция условного именованья предмета, идущая от тайной речи древности, преобразована в загадках. Их функция существенным образом отлична от простого называния вещей, предметов и явлений. Стихия загадки — образный художественный парадокс. В ней налицо многообразие поэтических приемов, хотя некоторые исследователи указывают на преобладание метафоры.

¹ Елец — рыба.

² И так далее, пока не наскучит одному спрашивать, а другому отвечать (*примечание А.Н. Афанасьева*).

К числу загадок отнесены затейливые вопросы (часто книжные), игра слов и головоломки. По строгому рассмотрению это не загадки, а особенный вид умственного развлечения и по большей части творчество грамотников и школы. Его распространение среди детей и соединение с загадками — несомненный факт. Тут налицо тенденция к видоизменению жанра, охотно пошедшему навстречу развлечению на основе осведомленности в школьной премудрости.

Представленные загадки выбраны из лучшего сборника: Загадки русского народа/Сост. Д.Н. Садовников (СПб., 1876), ряд текстов взят из сборника: М.А. Рыбниковой «Загадки». (М.; Л., 1932). Рубрикация носит тематический характер.

ЧЕЛОВЕК

1. За стеной
Костяной
Соловейко спой!
(Язык)
2. Маленький, кругленький,
А до неба докинешь.
(Глаз)
3. Два братца
Через дорожку живут,
Друг дружку не видят.
(Глаза)
4. Между двух светил
Я в середине один.
(Нос)
5. Под мостом мостищем
Под соболем соболищем
Два соболька разыгрались.
(Брови и глаза)
6. Полон хлевец
Белых овец.
(Зубы)
7. Плосконька досочка
По краям — обшивочка,
А в середке — дырочка.
(Ухо)

8. Тонок,
Долог,
В траве не видать.
(*Волос*)

9. Идут четыре брата
Навстречу старшему.
— Здравствуй, большак! — говорят.
— Здорово, Васька-указка,
Мишка-середка,
Гришка-сиротка,
Да крошка Тимошка.
(*Пальцы руки*)

10. У двух матерей
По пяти сыновей,
Одно имя всем.
(*Пальцы*)

11. Стоят два кола,
На кольях бочка,
На бочке кочка,
А на кочке дремучий лес.
(*Человек*)

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

12. Сижу верхом,
Не знаю на ком,
Знакомца встречу,
Соскочу — привечу.
(*Шапка*)

13. Пять чуланов,
Одна дверь.
(*Перчатка*)

14. У бедного толсто,
У богатого тонко,
Всегда при себе.
(*Рубашка*)

15. Маленький Данилка
В петелке удавился.
(*Пуговка*)

16. Полон шестик
Воробышков.
(*Кайма и пуговицы*)
17. По дороге я шел,
Две дороги нашел,
По обеим пошел.
(*Штаны*)
18. Днем обручем,
Ночью змеей.
(*Пояс*)
19. Летели две сороки;
У них четыре хвоста.
(*Лапти*)
20. Овца в корове.
(*Чулоч в ботинке*)
21. Под лесом, лесом
Пестрые колеса висят,
Девоч красят,
Молодцов дразнят.
(*Серьги*)

ИЗБА

22. Стоит терем,
В тереме ящик,
В ящичке мучка,
В мучке жучка.
(*Изба, печь, зола, жар*)
23. Основа
Соснова,
Уток¹ соломенный.
(*Крыша*)
24. Стоит Арина
Рот разиня.
(*Труба на крыше*)
25. Два брата
Глядятся,
А вместе не сойдутся.
(*Пол и потолок*)

¹ Уто́к — нить, вставлена в челнок, идет поперек основы и перебором образует ткань.

26. Марья-царевна
Сама в избе,
Рукава на дворе.
(*Матица*¹)

27. Зяб, перезяб
В тонких березях.
(*Оконное стекло*)

28. И зиму и летом
На одном полозу ездит.
(*Волоковое окно*²)

29. В лавке пятак,
Не вынешь никак.
(*Сучок*)

30. Два подъячих
Водят Марью вертячу.
(*Петли и дверь*)

31. По сеням ходит,
А в избу нейдет.
(*Дверь*)

32. Черненька собачка
Свернувшись лежит;
Не лает,
Не кусает,
А в дом не пускает.
(*Замок*)

33. Двое сойдутся,
Приобоймутся.
(*Ворота с запором*)

ОСВЕЩЕНИЕ, ОГОНЬ И ТЕПЛО

34. Мать толста,
Дочь красна,
Сын-сокол
Под небеса ушел.
(*Печь, огонь, дым*)

¹ *Матица* — главная балка, на нее настлан потолок.

² *Волоковое окно* — незастекленное окно, с задвижкой.

35. У нас в печурочке
Золотые чурочки.
(*Дрова в печи*)

36. Белое ест,
Черное роняет.
(*Лучина горит*)

37. Сама нагая,
А рубашка в запазухе.
(*Свеча*)

38. Закопай — не гниет,
Кинь в воду — поплывет.
(*Уголь*)

39. Ударю булатом
По белым каменным палатам,
Выйдет княгиня
И сядет на пуховую перину.
(*Огниво, кремь, искра и трут*)

40. Пришел вор
Во двор,
Хозяина в окно унес.
(*Ветер и дым*)

41. Красенький петушок
По улице бежит.
(*Пожар*)

42. В маленьком амбаре
Держат сто пожаров.
(*Спички*)

ВНУТРЕННЕЕ УБРАНСТВО

43. Четыре братца
Под одним шатром стоят.
(*Стол*)

44. Четыре ноги,
Да не зверь;
Есть перья,
Да не птица.
(*Постель*)

45. Без рук,
Без ног,
Во все стороны клонится.
(Зыбка)

46. Два брюшка,
Четыре ушка.
(Подушка)

47. Светленько,
Чистенько,
Посмотреть любенько.
(Зеркало)

48. Годится молиться,
Годится горшки покрывать.
(Икона)

49. Мах, мах!
Под порог ляг.
(Голик)

ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ И ПОСУДА

50. Черный конь
Скачет в огонь.
(Кочерга)

51. Не бык, а бодает,
Не ест, а еду хватает,
Что схватит, отдает,
Сам в угол идет.
(Ухват)

52. Зашел медведь в избу,
Лапу оставил,
А сам убежал.
(Помело)

53. Через сине море —
Журавлино горло.
(Дужка у котла)

54. — Черныш-загарыш!
Куда поехал?
— Молчи, кручено-верчено,
Там же будешь.
(Чугун и горшок)

55. Был я на копанце,
Был я на хлопанце,
Был на пожаре,
Был на базаре;
Молод был —
Людей кормил,
Стар стал —
Пеленаться стал,
Умер — мои кости негодящие
Бросили в ямку,
И собаки не гложут.
(Горшок)

56. Ни свет, ни заря
Пошел, согнувшись, со двора.
(Коромысло)

57. Два братца
Пошли в воду купаться.
(Ведро)

58. Три братца
Пошли купаться;
Два купаются,
Третий на берегу валяется.
Искупались, вышли,
На третьем повисли.
(Ведро, коромысло)

59. Рыба в море,
Хвост на заборе.
(Ковшик)

60. Стоит попадья,
Тремя поясами подпоясана.
(Кадка)

61. С ушами, да не слышит.
(Ушат)

62. В брюхе — баня,
В носу — решето,
На голове — пупок,
Всего одна рука,
И та на спине.
(Чайник)

63. Кто при царе в шапке сидит?

(Самовар)

64. Все голубки
Вкруг одной пролубки¹.

(Чашка и ложки)

65. Чудо чудом
Сошлось кругом:
Дыр много,
А выскочить некуда.

(Решето)

66. Сивая кобыла
По миру ходила;
К нам пришла —
По рукам пошла.

(Сито)

67. Поевши, конь
В ясли пал.

(Нож)

68. Сам худ,
Голова с пуд.

(Безмен)

69. Железна душа
Не берет барыша.

(Безмен)

70. Узловат Кузьма,
Развязать нельзя.

(Цепь)

ПИЩА И ПИТЬЕ

71. Сидит барыня в ложке,
Свесив ножки.

(Лапша)

72. Чисто, да не вода;
Клейко, да не смола;
Бело, да не снег;
Сладко, да не мед;
От рогатого берут
И живулькам дают.

(Молоко)

¹Пролубка — прорубь.

73. В печь несут —
Жидко, горячо;
Из печи несут —
Густо, холодно.
(Кисель)

74. Бел, как снег,
В чести у всех.
В рот попал —
Там и пропал.
(Сахар)

75. Синий мундир,
Бела подкладка,
В середине сладко.
(Сахарная голова)

76. Одну меня не едят,
А без меня мало едят.
(Соль)

77. Идет в баню черен,
Выходит красен.
(Рак)

78. Крепь-город
Да Бел-город,
А в Беле-городе
Воску брат.
(Яйцо)

79. И комковато,
И ноздревато,
И мягко, и ломко,
А всех милей.
(Хлеб)

ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ И ПТИЦА

80. Не пахарь, не столяр,
Не кузнец, не плотник,
А первый на селе работник.
(Лошадь)

81. Два-ста уха́ста,
Два-ста рога́ста,
Четыре-ста хода́ста,
Один пыхтун,
Один вертун.
(Корова)

82. Четыре сестрицы
В одну лунку це́дят.
(Доят корову)

83. По гора́м, по дола́м
Ходит шуба да кафтан.
(Овца)

84. По земле ходит,
Неба не видит,
Ничего не болит,
А все стонет.
(Свинья)

85. Сер, да не волк,
Длинноух, да не заяц,
С копытами, да не лошадь.
(Осел)

86. На сене лежит,
Сама не ест
И другим не дает.
(Собака)

87. Вся мохнатенька,
Четыре лапки,
Сама усатенька.
(Кошка)

88. Кто ро́дится с усами?
(Котенок)

89. Тур-потатур
Потутурившись сидит,
Ждет гостей из Нова-города.
(Мыши и кот)

90. Вышел Понур
Из под Тура-града,
Спрашивает у царя Кологря:

— Ты, царь-Кологрей,
Не видал ли ты царя Кощея?
— Был он в Греме-граде,
Ушел на Пещоры.
*(Мышь из подполья спрашивает
у петуха, не видал ли он кота.
Был, говорит, на жерновах, ушел
под печку)*

91. Бел, как снег,
Надут, как мех,
На лопатах ходит.
(Гусь)

92. Пришли немцы¹
Под наши сенцы,
Кожу полощут.
(Утки в луже)

93. Харитоновна жена
Под тыном шла,
Семьсот рубах нашла.
Ветер подул,
Все рубахи раздул.
(Курица)

94. Не ездок, а со шпорами,
Не сторож, а всех будит.
(Петух)

95. Ходит царь круг города,
Носит честь на голове.
(Петух)

96. В водице родился —
Ни разу не крестился.
(Цыпленок)

ВРЕДИТЕЛИ В ДОМЕ И НА ОГОРОДЕ

97. Над нами
Вверх ногами,
Ходят — не страшатся,
Никого не боятся.
(Мухи)

¹ Немцы — немые, не говорящие.

98. Жеребец гнед,
На нем шерсти нет.
(Таракан)

99. Черненька,
Маленька
В платье вскочила,
Царя разбудила.
(Блоха)

100. Мала, а проворна;
Где бывает —
Там повелевает;
В шатер взойдет
Богатыря перевернет.
(Блоха)

101. Не по рыбам,
А сети расставляет.
(Паук)

102. Висит сито, не руками свито.
(Паутина)

103. Сивую буренушку
И дома не любят,
И на базаре не купят.
(Мышь)

104. Маленький мальчишка
В сером армячишке,
По дворам шныряет,
Крохи собирает,
В полях ночует,
Коноплю ворует.
(Воробей)

ОГОРОД И САД

105. Сто один брат,
Все в один ряд,
Одним кушаком подпоясаны.
(Изгородь)

106. Алый сапог
В земле горит.
(Свекла)

107. Красна девица
Сидит в темнице,
А коса наружу.
(Морковь)

108. Ни шит, ни кроен,
А весь в рубцах;
Без счету одежек,
И все без застежек.
(Кочан капусты)

109. Ни окон, ни дверей —
Полна горница людей.
(Огурец)

110. Кругла, а не месяц,
Желта, а не масло,
С хвостиком, а не мышь.
(Репка)

111. Желтая курица
Под тыном дуется.
(Тыква)

112. Кину с порошок,
Вырастет с подожок,
На подожке-то городок,
В городке-то шумок.
(Маковка)

113. Не огонь,
А жжется,
(Крапива)

114. Однолетняя трава
Выше двора.
(Хмель)

115. Тряхнетя,
Давнетя,
Кровью обольетя.
(Вишня)

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ РАБОТЫ

116. Бабушка Андреевна,
Сгорбившись стоит,
Ноженьки в землюшку,
Рученьки расширила,
Все хочет схватить.
(Соха)

117. Железный нос
В землю врос;
Роет, копает,
Землю разрыхляет.
(Плуг)

118. Все поле в шнурках.
(Вспаханная полоса)

119. В поле едет на спине,
А по полю на ногах.
(Борона)

120. Один льет,
Другой пьет,
Третий зеленеет да растет.
(Дождь, земля, хлеб)

121. Криво-лукаво
К лесу бежало;
Зелено-кудряво
Спрашивало:
— Криво-лукаво!
Куда побежало?
— Зелено-кудряво,
Тебя стеречи.
(Изгородь в поле)

122. Не море, а волнуется.
(Нива)

123. Что две недели зеленился,
Две недели колосится,
Две недели отцветает,
Две недели наливают,
Две недели подсыхает.
(Рожь)

124. Сто братьев в одну избушку
Соткнулись ночевать.
(*Зерна в колосе*)

125. Месяц
Новец
Днем на поле блестел,
К ночи на небо слетел.
(*Серп*)

126. Лежит мужичок в золотом кафтане,
Подпоясан, а не поясом;
Не поднимешь, так не встанет.
(*Сноп*)

127. Девять братьев под одной шапкой.
(*Бабка снопов*)

128. Летят гуськи,
Дубовые носки,
Летят и говорят:
— То-то мы, то-то мы.
(*Цепами молотят*)

129. Стучит,
Бренчит,
Сто коней бежит;
Что есть в околodge
Весь хлеб поест.
(*Мельница*)

130. Трах-трах,
Стоит дом на горах,
Вода бежит,
Весь дом дрожит.
(*Мельница*)

131. Птица
Юрица
На ветер глядит,
Крыльями машет,
Сама ни с места.
(*Ветряная мельница*)

132. Режут меня,
Вяжут меня,
Бьют нещадно,

Колесуют меня;
Пройду огонь и воду,
И конец мой —
Нож и зубы.
(Хлеб)

133. Все поле в сережках.
(Овес)

134. Матушкой-весной
В платьице цветном,
Матушкой-зимой
В саване одном.
(Поле)

135. Шука-вертуха
Хвостом вернула:
Все леса пали,
Горами стали.
(Косят)

136. Согнута в дугу,
Летом на лугу,
Зимой на лягу¹.
(Коса)

137. Зубасты, а не кусаются.
(Грабли)

ПРЯЖА, ТКАНЬЕ И ШИТЬЕ

138. Били меня, били,
Колотили, колотили,
Ключьями рвали,
По полю валяли,
Под ключ запирали,
На стол сажали.
(Лен — пряжа, холст, скатерть)

139. Бежит свинка,
Вырезана спинка.
(Челнок)

140. Конь стальной,
Хвост льняной.
(Игла с ниткой)

¹ На лягу — на отдыхе, на покое.

141. Весь мир одевает,
Сама нагишом.
(Игла)

142. Маленька боярыня
Весь мир покручивает¹.
(Игла)

НА ПАСЕКЕ

143. В темной темнице
Красны девицы
Без нитки, без спицы
Вяжут вязеницы.
(Улей, соты, пчелы)

144. Ества липка,
Посуда — не крепка;
Посуда — в церковь,
Ества — в мир.
(Соты в улье)

145. Пришел в городок
Разбойник с ножом, с огнем;
Жильцов не режет,
Избы не жжет,
А добро берет.
(Подрезка меда)

146. В потемках родится,
С огнем помирает.
(Воск)

ПЕРЕДВИЖЕНИЕ, УПРЯЖЬ И ДОРОГА

147. Два брата меньших
Бегут впереди,
А два старших — позади,
А догнать никак не могут.
(Колеса в телеге)

148. И стучиха,
И бренчиха,
И четыре шумитихи,

¹ Покручивает — одевает.

И хохол,
И махор,
И змея с хохлом.
(Телега, колеса, лошадь, кнут)

149. Встанет — выше лошади,
Ляжет — ниже курицы.
(Дуга)

150. Купи, денег не жалея,
Со мной ехать веселей.
(Колокольчик)

151. Два кума Аввакума,
Две кумы Авдотьи,
Пять Фалалеев,
Десять Андреев.
(Сани)

152. Бегут плоски,
Загнув носки.
(Лыжи)

153. Шесть ног,
Две головы,
Один хвост.
(Верховой)

154. Ася
Разлеглася;
Кабы встала —
Небо достала;
Кабы руки — вора связала,
Кабы ноги — коня догнала;
Кабы глаза — увидала.
Кабы язык — рассказала.
(Дорога)

155. Сам не видит,
А другим указывает.
(Верстовой столб)

156. Бежит конь вороной,
Много тащит за собой.
(Паровоз)

157. Еду-еду —
Следу нету,
Режу-режу —
Крови нету.
(Лодка)

РЕКА И РЫБОЛОВСТВО

158. Течет, течет —
Не вытечет,
Бежит, бежит —
Не выбежит.
(Река)

159. Два братца
В воду глядятся
Век не сойдутся.
(Берега)

160. Между гор,
Между дол
Бежит белый конь.
(Ручей)

161. День и ночь кричит,
А голос не устанет.
(Водопад)

162. Ни в огне не горит,
Ни в воде не тонет.
(Лед)

163. В новой стене,
В круглом окне
Днем стекло разбито,
За ночь вставлено.
(Прорубь)

164. Дом шумит,
Хозяева молчат;
Пришли люди,
Хозяев забрали;
Дом в окошки ушел.
(Вода, рыба, рыбаки, невод)

165. Драчун и забияка,
Живет в воде,
Кости на спине —
И щука не проглотит.
(Ерш)

В ЛЕСУ И ПОЛЕ: ЖИВОТНЫЕ, РАСТЕНИЯ, НАСЕКОМЫЕ; ОХОТА И РУБКА

166. Зимой и летом
Одним цветом.
(Ель и сосна)

167. Красненько, кругленько,
Красненько, кругленько,
Листочки продолговатеньки.
(Рябина)

168. Шел я лесом,
Нашел я древо;
Из этого древа
Выходит четыре дела:
Первое дело — слепому посвещение;
Второе дело — нагому потешение;
Третье дело — скрипячему поможение;
Четвертое дело — хворому полегчение.
(Береза: лучина, веник, береста, сок)

169 Одно проклятое дерево без ветра шумит.
(Осина)¹

170. Летит тень
На Петров день,
Сел тень на пень.
Стал тень плакать:
— Где моя дубровушка,
Где моя головушка,
Где мое веселое времечко!
(Лист)

171. Летом — девица,
Зимой — молодича.
(Пень в снегу)

172. Бел балахон,
А шапка красная.
(Подосиновик)

¹ По легенде, на осине повесился Иуда.

173. На бору, на яру
Стоит мужичок,
Красный колпачок.
(*Мухомор*)

174. Стоит Егорка
В красной ермолке;
Кто ни пройдет,
Всяк поклон отдает.
(*Земляника*)

175. В лесу выросла,
Из лесу вынесли,
Ножом порезали;
В руках плачет,
А кто слушает — скачет.
(*Дудка*)

176. За горами,
За лесами
Жеребята ржут,
Домой не бегут.
(*Волки*)

177. Страх тепло волочет.
(*Волк и овца*)

178. Пришла из лесу птичница
В рыжей шубке
Кур подсчитать.
(*Лиса*)

179. Маленький, беленький
По лесочку прыг-прыг,
По снежочку тык-тык.
(*Заяц*)

180. Не портной,
А всю жизнь с иголками ходит.
(*Еж*)

181. Летом за пахарем ходит,
А под зиму с криком уходит.
(*Грач*)

182. В болоте плачет,
А из болота нейдет.
(*Кулик*)

183. Молод конь за морем бывал,
Спереди шильце,
Сзади вильце,
На груди белое полотенце.
(*Ласточка*)

184. Бела, как снег,
Черна, как жук,
Зелена, как лук,
Вертится, как бес,
И повертка в лес.
(*Сорока*)

185. Днем спит,
Ночью летает
И прохожих пугает.
(*Сова*)

186. Живет в лесу,
Ухает, как разбойник;
Люди его боятся,
А он людей боится.
(*Филин*)

187. Без рук, без топоренка
Построена избенка.
(*Гнездо*)

188. Выпуча глаза сидит,
По-французски говорит,
По-блошьи прыгает,
По-человечьи плавает.
(*Лягушка*)

189. Под кустом, под ярусом
Лежит пояс гарусный.
(*Змея*)

190. Кто на себе дом возит?
(*Улитка*)

191. Летел,
Гудел
Дюк.
(*Жук*)

192. Черен, да не ворон,
Рогат, да не бык,
Шесть ног без копыт;
Летит — воет,
Падет — землю роет.
(Жук)

193. Летит птица:
Нос долог,
Голос звонок,
И кричит:
— Была я была
У царя в Москве,
У короля в Литве;
Цари меня боялись,
В палаты запирались...
Только я не ела рыбы в море,
Птицы на большой воле! —
Кто эту птицу убьет,
Тот свою кровь прольет.
(Комар)

194. Птичка
Невеличка
По полю катится,
Никого не боится.
(Пуля)

195. Летит птица крылата,
Без глаз, без крыл,
Сама свистит,
Сама бьет.
(Стрела)

196. Шла шалда-балда,
Ее поймали чики-брики,
Увидали мякинники,
Сказали хлебакам:
— Хлебаки, хлебаки,
Садитесь на овсянников,
Берите шалдаки,
Догоняйте шалду-балду,
Бейте чики-брики.
(Овцы, волки, собаки, мужики,
лошади, ружья)

197. В лес идет —
Домой глядит;
Домой идет —
В лес глядит.
(*Топор за поясом*)

198. Едет, едет взад-вперед,
В зубы возьмет,
На две части разоймет.
(*Пила*)

ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ (ПОГОДА)

199. Тур ходит по горам,
Турица-го — по долам;
Тур свистнет,
Турица-го мигнет.
(*Гроза: гром и молния*)

200. Тур(с)ки поскоки,
Оленьи поглядки,
Шерсть черна соболя,
Очи ясна сокола.
(*Туча, гром и молния*)

201. Ревнул вол
За стол сел,
За сто речек.
(*Гром*)

202. Рассыпался горох
На семьдесят семь дорог;
Никто его не подберет:
Ни царь, ни царица,
Ни красная девица.
(*Град*)

203. Шел долговяз,
В землю увяз.
(*Дождь*)

204. На дворе горой,
А в избе водой.
(*Снег*)

205. Лежал, лежал,
Да и в речку побежал.
(Снег)

206. Летит — молчит,
Лежит — молчит,
Когда умрет,
Тогда заревет.
(Снег)

207. Заря-зарница,
Красная девица.
По миру (по свету) ходила,
Слезы (ключи) обронила;
Месяц видел,
Солнце скрало.
(Роса)

208. Без рук, без ног
Под окном стучится,
В избу просится.
(Ветер)

209. Бежал по одной улице,
На другую перешел,
И по третьей полетел.
(Ветер)

210. Шука хвостом махнула,
Лес погнула.
(Вихрь)

211. Старый дед,
Ему сто лет,
Мост намостил
Во всю реку,
А пришла молода,
Весь мост размела.
(Мороз и весна)

НЕБО И ЗЕМЛЯ

212. Синенька шубенка
Покрыла весь мир.
(Небо)

213. Меня бьют, колотят,
Ворочают, режут;
Я все терплю
И всем добром плачу.
(*Земля*)

214. Красная девушка
По небу ходит.
(*Солнце*)

215. Бурая корова
Через прясло глядит.
(*Солнце*)

216. Золот хозяин — на поле;
Серебрян пастух — с поля.
(*Солнце и месяц*)

217. Сестра к брату в гости идет,
А он от сестры прячется.
(*Солнце и месяц*)

218. Лысый жеребец
С белыми глазами,
Круглый, как венец,
Своими очами
На все он глядит.
(*Месяц*)

219. За бабиной избушкой
Висит хлеба краюшка;
Собаки лают,
А достать не могут.
(*Месяц*)

220. Когда я молод был,
Светло светил,
Под старость стал,
Меркнуть стал.
(*Месяц*)

221. Поле не мерено,
Овцы не считаны,
Пастух рогатый.
(*Небо, звезды и месяц*)

222. Рассыпался корабль
По мхам,
По морям,
По всем городам;
Не собрать этого корабля
Ни князьям,
Ни попам,
Ни думным дьякам,
Ни серебряникам.
(*Небо и звезды*)

223. Из какого ковша
Не пьют, не едят,
А только глядят?
(*Большая Медведица*)

224. Махнула птица крылом,
Покрыла (закрыла) весь свет одним пером.
(*Ночь*)

225. Черная корова
Весь мир (всех) поборола,
А белая подняла.
(*День и ночь*)

226. Летит орлица
По синему небу,
Крылья распростала,
Солнышко застлала.
(*Облако*)

227. Крашеное коромысло
Через реку свисло.
(*Радуга*)

228. Ходит без ног,
Рукава — без рук,
Уста без речи.
(*Тень*)

229. У тебя есть,
У меня есть,
У дуба — в поле,
У рыбы — в море.
(*Тень*)

ВРЕМЯ

230. Стоит дуб;
На дубу двенадцать гнезд,
На каждом гнезде
По четыре синицы,
У каждой синицы
По четырнадцати яиц:
Семь беленьких,
Да семь черненьких.
(Год, месяцы, недели, дни и ночи)

231. Двенадцать братьев
Друг за другом бродят,
Друг друга не обходят.
(Месяцы)

232. Есть семь братьев:
Годами равные,
Именами разные.
(Недели и дни)

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ, ОБРЯДЫ

233. Озеро кругленько,
Берега узеньки,
Кто в нем искупается —
К царским слугам причисляется.
(Купель)

234. Два комка,
Третья лакомка.
(Младенец у груди)

235. Лубен город,
Отрепьян город,
А в том городе
Воевода нем.
(Младенец в зыбке)

236. И долга и коротка,
А один одному не верит:
Всяк сам по себе мерит.
(Жизнь)

237. Что без горя живет?
(Бел-горюч камень)

238. Что острее меча?
(*Взор человеческий*)

239. Кого не осилит
Ни царь,
Ни псарь,
Ни княжий выжлок¹.
(*Сон*)

240. На море, на океане,
На острове Буяне
Сидит птица
Юстрица;
Она хвалится,
Выхваляется,
Что все видала,
Всего много едала,
Видала царя в Москве,
Короля в Литве,
Старца в кельи,
Дитя в колыбели,
А того не едала,
Чего в море не достала.
(*Смерть*)

241. Воимчики² поют,
Сухо дерево везут:
Заехал в ухаб,
Не выехать никак.
(*Похороны*)

242. Спереди мужик, а сзади баба.
(*Поп*)

243. Кто с живого и с мертвого дерет?
(*Поп*)

244. С длинными косами,
А не баба.
(*Поп*)

245. Стоит село,
Все заселено,
По утрам петухи поют,
А люди не встают.
(*Кладбище*)

¹ *Выжлок* — выжлец, гончая собака.

² *Воимчики* — священники, от «Во имя Отца и Сына» и т. д.

ГРАМОТА

246. Не куст, а с листочками,
Не рубашка, а сшита,
Не человек, а рассказывает.
(Книга)

247. Семя плоско,
Поле гладко;
Кто умеет,
Тот и сеет;
Семя не всходит,
А плод приносит.
(Бумага и письмо)

248. Носила меня мать,
Уронила меня мать,
Подняли меня люди,
Понесли в торг торговать,
Отрезали мне голову,
Стал я пить
И ясно говорить.
(Гусиное перо)

249. Черный Ивашка
Деревянная рубашка,
Где носом ведет,
Там заметку кладет.
(Карандаш)

ЗАТЕЙЛИВЫЕ ВОПРОСЫ И ИГРА СЛОВ

250. У Бориса — спереди,
У Глеба — сзади,
У девки нет до венца,
У бабы есть и будет до конца.
(Буки (Б))

251. У нас бог без добра.
(Добро (Д))

252. Что находится между горой и долиной?
(Буква И)

253. Среди Волги люди стоят.
(Люди (Л))

254. Чем оканчивается день и ночь?
(*Мягким знаком Ъ*)
255. Без чего человеку жить нельзя?
(*Без имени*)
256. Чего всего на свете мягче?
(*Рука*)
257. Чего нет быстрее?
(*Очей*)
258. Где находится небо, на котором
ангелы не поют и звезды не блистают?
(*Во рту*)
259. Чем хлеб в огонь сажают?
(*Тестом*)
260. Где свету конец?
(*В темной горнице*)
261. Что чаще леса темного?
(*Звезды частые*)
262. Какая птица из сорока букв?
(*Сорока (Сорок А)*)
263. Когда дурак умен бывает?
(*Когда молчит*)
264. Какой в реке камень?
(*Мокрый*)
265. Кто сидит спиной к царю?
(*Кучер*)

ГОЛОВОЛОМКИ

266. У семерых братьев по одной сестрице.
Много ли всех?
(*Одна*)
267. Ты да я, да мы с тобой.
Много ли их стало?
(*Двое*)

268. Шел муж с женой,
да брат с сестрой,
да шурин с зятем.
Много ли всех?
(Трое)

269. Шли гурьбой:
Теща с зятем
Да муж с женой,
Мать с дочерью,
Да бабушка с внучкой,
Да дочь с отцом.
Много ли всех?
(Четверо)

270. Летела стая тетеревов,
села на рощу деревьев;
по двое на дерево сядут —
одно дерево лишне, по одному
сядут — один тетерев лишний.
(4 тетерева и 3 дерева)

271. Летело стадо гусей; попадаетея ему
навстречу гусь и говорит:
— Здравствуйте, сто гусей!
Они ему отвечают:
— Нас не сто гусей,
а как бы было еще столько,
да полстолько,
да четверть столько,
да ты бы, гусь, с нами,
то и было бы нас сто гусей.
Сколько их летело?
($36+36+18+9+1=100$)

Песни старинной формации

Произведения этого рода распадаются на два типа: *балладные* и *лирические*. Оба типа являют собой чисто художественную трактовку сюжета. Они по-своему близки традиции былин, исторических, духовных песен и других песенных произведений, но при всем том имеет место целеустремленное преобразование повествовательности. И балладные и лирические песни имеют целью вызвать сопереживание слушателя.

Для балладных песен отбираются ситуации остро драматического, как правило, трагического характера (рассказ о происшествиях со смертельным исходом и подобных драмах). Неизменны темы гибели человека в расцвете лет, поется об утрате семейного счастья, о судьбе оставшихся без матери сирот и о других происшествиях. Балладные песни с изображением поражающих воображение кровавых драм принадлежат к трагическому роду. Причем художественный акцент неизменно перенесен с изображения события на воспроизведение, как оно переживается персонажами. Отсюда проистекает замещение полных сюжетных структур неполными — воспроизводятся только ситуации, которые являются частью жизненной истории. Об остальном слушателю предоставляется только догадываться и размышлять.

Лирические песни близки балладным в самом типе психологической изобразительности, они сходны с балладными по структуре, но жанр лирической песни выходит за пределы запечатления трагических происшествий. Диапазон жизненных тем не ограничен рассказом о драмах. Лирическая песня находит свои соответствия балладным историям. Как правило, изображены повседневные истории. Сравнительно с балладными историями лирические песни обладают иной изобразительностью. Лирическая песня — семейная бытовая драма: неудачная любовь, неустроенность судьбы, ссоры близких и родных и подобн. Песни могут носить и нетрагический характер — их творцы искали и находили повод даже для бытовой иронии, насмешки.

Новизна песенно-лирического жанра сопровождалась возникновением у структуры и стиля нового качества. Дело касается не только ведения рассказа от первого лица (хотя нередко изложение и в третьем лице), но наблюдается порой и отказ от динамики сюжета, происходит его замещение психологической динамикой варьирования самой передачи чувства — при прямом и иносказательном выражении. Имеет место и соединение со свойствами обрядовой и календарной лирики, с игровым зрелищем. Случается и *синтез* — включение в лирическую структуру свойств хореографии. В итоге возникает усложненный тип структуры, лирика обретает свойства зрелищной игры. Ряд лирических песен исполнялся в хороводах с их приемами повторения действия по «сценарной» схеме действия.

В исследовательской литературе и в антологиях академического и полуакадемического характера не существует четкого деления

материала. Отчасти причиной этому — неразличение разных по существу песенных произведений или соединение их на основе так называемой «контаминации». Имеет место и необоснованное объединение песенных жанров в один вид при полном игнорировании художественных особенностей. В сборниках под видом «новейших баллад» оказываются включенными песенно-романсовые произведения, вопреки их очевидному следованию поэтике профессионального и полупрофессионального околофольклорного и позднефольклорного творчества. Отбор образцов старинного балладного творчества основан на обращении к «классике» фольклорных публикаций, хотя они в свою очередь не лишены недостатков. Многие старинные балладные песни взяты в редакции замечательного публикатора фольклора В.И. Чернышева как составителя антологии «Русская баллада» (Библиотека поэта. Большая серия. Л., 1936).

Лирические песни в современных классификациях не отделены от близких им видов творчества прежде всего по тому соображению, что вместе они образуют *род* фольклорной лирики. Такая принадлежность не вызывает сомнения, но не освобождает от необходимости установить *видовую* (жанровую) разницу песен.

В антологии В.Я. Проппа «Народные лирические песни» (Библиотека поэта. Большая серия. Л., 1961) налицо несомненное расширение понятия «лирической песни» до понятия лирики как рода: отсюда проистекает включение в сборник обрядовых песен земледельческого календаря, свадебных песен, детских песен: колыбельных, потешек, прибауток и др. При всем том составитель антологии удачно выделил собственно лирические песни (как жанровый вид) с его делением на два подвида: «голосовые песни» (о любви, о семейной жизни) и «хороводные, игровые и плясовые песни» (на те же темы). Что же касается «бытовых шуточных и сатирических песен», то их принадлежность к голосовым, хороводным, игровым, плясовым песням очевидна. Выделение таких песен по большей части вызвано только тем, что они могут быть то голосовыми, то хороводными, игровыми, плясовыми. Таким образом, сохраняется общее деление лирических песен с его двумя подвидами. Основанием деления подвидов является характер исполнения: только пение или пение при игре, пляске, при вождении хоровода. Остается добавить, что В.Я. Пропп внес в классификацию и деление песен по тону (серьезные и шуточные).

Подборка лирических песен дана без деления песен на исполнительские подвиды. Только в примечаниях отмечен характер исполнения, если для этого есть сведения, сообщенные собирателями. Критериями отбора служили прежде всего жанровая характерность устного текста и полнота его художественных свойств как старинного творчества.

Балладные песни

1

ДМИТРИЙ И ДОМНА

Ездил Митрий Васильевич
Во чистом поле, на добром коне,
Сидела Домна Александровна
В новой горенке, под косявчатым¹ окошечком,
Под хрустальным под стеколышком.
Думала она, удумливала,
Хулила его, охуливала:

— Ездит-то Митрий Васильевич
Во чистом поле, на добром коне:
Назад горбат, наперед поклѣп²,
Глаза у него быдто³ у совы,
Брови у него быдто у жог⁴,
Нос-то у него быдто у журава⁵.

Прикликала сестрица Марья Васильевна:
— Ай же ты братец Митрий Васильевич!
Заводи, братец, пир-пированьице,
Зазови-тко Домну Александровну
На широкий двор, на почестный пир.

Приходили послы к Домниной матушке,
Они крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому,
На все стороны поклоняются,
Сами говорят таковы слова:
— Ах же ты Домнина матушка!
Ты спусти, спусти Домну Александровну

¹ *Косявчатое* (окошечко) — с косяками.

² *Поклѣп* — поклѣпый, понурый.

³ *Быдто* — будто.

⁴ *Жогá* — жогарка, птица дубонос с навислыми бровями.

⁵ *Жура́в* — журавль.

На широкий двор, на почестный пир.

Говорила Офимья Александровна:

— Не спущу, не спущу Домны Александровны
На широкий двор, на почестный пир.

Первы послы со двора не сошли,
Ощё¹ другие послы на двор пришли,
Говорят Офимье Александровной:

— Ай же ты Домнина матушка!
Ты спусти, спусти Домну Александровну
На широкий двор, на почестный пир.

Говорила Офимья Александровна:

— Не спущу, не спущу Домны Александровны
На широкий двор, на почестный пир.

Ощё другие послы со двора не сошли,
А третьи послы на двор пришли,
Говорят Офимье Александровной:

— Ай же ты Домнина матушка!
Ты спусти, спусти Домну Александровну
На широкий двор, на почестный пир.

Говорила Домна Александровна:

— Ай же ты родна моя матушка!
Если спустишь — пойду, и не спустишь — пойду.

Говорила Офимья Александровна:

— Ай же ты дитятко Домна Александровна!
Не ходи-тко к Митрию Васильичу:

Ты хулила его, охуливала.
Я ночесь² спала, грозен сон видла³:
Быдто золота цепочечка рассыпалася,
Рассыпалася она и укаталася.

Говорит Домна Александровна:

— Ай же родна моя матушка!
Про себя спала, про себя сон видла!
Уйду я замуж за Митрия Васильича.

Говорит же Домнина матушка:

— Ай же ты Домна Александровна!
Надевай-ка ты три платица:
Первое надень венчалное,
А другое надень опальное,
А третье надень умершее.

Садилася она на добра коня,
Поезжала к Митрию Васильевичу.
Приезжала она на белый двор.

¹ *Ощё* — еще.

² *Ночесь* — этой ночью, прошедшей.

³ *Видла* — видела.

Встречает ю¹ Митрий Васильевич,
Опускает ю с добра коня,
Берет за ручки за белые,
Целовал во уста во сахárные,
Вел ю за столы за дубовые.
Отрушил он от себя свой шелков пояс,
И учал он Домну по белу телу;
И шелковый пояс расплетается,
Домнино тело разбивается.
Пала она на кирпичный пол:
Схватились же Домны — живой нету.

Прознала ее родна матушка,
Скоро прибывает на белом дворе²,
Увидала она Домну Александровну,
Пала она со добра коня на кирпичный пол:
Схватились же ее матушки — живой нету.

Говорит тут родной сестрицы³ Митрий
Васильевич:
— Ай же ты моя родная сестрица Марья
Васильевна!

Ты сделала три головки бесповинных!
Он схватил с гвоздя⁴ булатный нож,
Наставил тупым концом во кирпичен пол
И острым концом во белы груди.

2

КНЯЗЬ РОМАН ЖЕНУ ТЕРЯЛ

А князь Роман жену терял⁵,
Жену терял, он тело терзал,
Тело терзал, во реку бросал,
Во ту ли реку, во Смородину.
Слетались птицы разная,
Сбегались звери дубравная;
Откуль взелся млад сизой орел,
Унес он рученьку белую,
А праву руку с золотым перс(т)нем.

¹ Ю — ее.

² Прибывает на белом дворе — прибывает на белый двор, огороженное место вокруг дома.

³ Сестрице.

⁴ Гвоздь — вешалка, деревянный колышек, вставленный в стену.

⁵ Терять — лишаться, утрачивать; здесь: убивать.

Сх(в)атилася молода княжна,
Молода княжна Анна Романовна:
— Ты гой еси, сударь мой батюшка,
А князь Роман Васильевич!
Ты где девал мою матушку?

Ответ держит ей князь Роман,
А князь Роман Васильевич:
— Ты гой еси, молода княжна,
Молода душа Анна Романовна!
Ушла твоя матушка мыться,
А мыться и белиться,
А в цветно платье наряжаться.

Кидалась молода княжна,
Молода душа Анна Романовна:
— Вы гой еси, мои нянюшки-мамушки,
А сенные красны девушки!
Пойдем-та со мной на высокие теремы,
Смотреть мою сударыню-матушку,
Каково она моится, белится,
А в цветно платье нарежается?

Пошла она, молода княжна,
Со своими няньки-мамками,
Ходила она по всем высокоем теремам,
Не могла-то найти своей матушки.

Опять приступила к батюшке:
— Ты гой еси, сударь мой батюшка,
А князь Роман Васильевич!
А где девал ты мою матушку?
Не могли мы сыскать в высокиех тѣремах.

Проговорит ей князь Роман,
А князь Роман Васильевич:
— А и гой еси ты, молода княжна,
Молода душа Анна Романовна,
Со своими няньками-мамками,
Со сенными красными девицами!
Ушла твоя матушка родимая,
Ушла во зеленый сад,
Во вишеньѣ, в орешеньѣ!

Пошла ведь тут молода княжна
Со няньками-мамками во зеленый сад,
Весь повыгуляли, никово не нашли в зеленом саду,
Лишь только в зеленом саду увидели,
Увидели новую диковинку:
Неотколь взялся млад сизой орел,
В когтях несет руку белую,
А и белу руку с золотым перс(т)нем;
Уронил он, орел, белу руку,

Белу руку с золотым перс(т)нем,
Во тот ли зеленой сад.
А втапоры нянюшки-мамушки
Подхватили они рученьку белую,
Подавали оне молодой княжне,
Молодой душе Анне Романовне.
А втапоры Анна Романовна,
Увидела она белу руку,
Опáзнавала она хорош золот перстень
Ее родимья матушки;
Ударилась о сыру землю,
Как белая лебедушка скрикнула;
Закричала тут молода княжна:
— А и гой еси вы, нянюшки-мамушки,
А сennья краснья деушки!
Бегите вы скоро на быстру реку,
На быстру реку Смородину,
А что тамо птицы слетаются,
Дубравнья звери сбегаются?
Бросалися нянюшки, мамушки,
А сennые краснья девушки:
Покрай реки Смородины:
Дубравнья звери кости делят,
Сороки, вороны кишки ташат.
А ходит тут в зеленом саду
Молода душа Анна Романовна,
А носит она руку белую,
А белу руку с золотым перс(т)нем.
А только ведь нянюшки
Нашли они пунту голову,
Сбирали оне с пунтою головой
А все тут кости и ребрушки,
Хоронили оне и пунту голову
Со темя костью, со ребрушки,
И ту белу руку с золотым перстнем.

3

МАТЬ КНЯЗЯ МИХАЙЛА ГУБИТ ЕГО ЖЕНУ

Поехал наш князек Михайло
Он во царскую да во службу,
На половине путé да большой дорожки
Под нем добрый конь спотыкнулся,
Черная шляпушка с нево да долой свалилась.
Как возговорит князь Михайла:

— Что-то в доме в моём нездорово:
Либо матушке моей в живе не стало,
Либо мóлодой моей княгини!

Со дорожки князь назад воротилси.
Подъезжает князь к широкому подворью;
Родная матушка ево встречает,
И за белые рученьки ево принимала,
И во уста его целовала.

Как возговорит князь Михайла:

— Уж ты, матушка моя родима,
А где моя мóлодая княгиня?

— Во собор она ушла Богу молиться!

— Нет, в соборике ее, матушка, там не бывало!

Побежал князь скоро к нянькам и к мамкам.

— Уж вы, нянюшки моё, мамки,

И рос-сенные моё вы, красны девки,

Вы скажите, де(в)ушки, (г)де моя княгиня?

— Мы бы ради тебе, князек, сказали—

Мы твоей мамыньки боимси!

— Вы скажите, деушки, не убойтесь!

— Твоя мамынька родима,

Жаркую банюшку топила,

Бел-горюч камень она разжигала,

И по белой грудé княгини катала,

И сразу две она души загубила:

Первую — твою княгиню,

А второва — в ней младенца.

Побежал скоро князек к матушке родимой.

— Уж ты, матушка моя родима,

Ты змея стала скоропёя¹!

Зачем ты сразу две души загубила:

Первую — мою княгиню, а второва — в ней младенца?

4

ТЕЩА В ПЛЕНУ У ЗЯТЯ

У колодезя у холодного,
Как у ключика у гремучего
Красная девушка воду черпала.
Как наехали злы татаревы,
Полонили они красную девушку,
Полоня ее, замуж выдали,
За младого за татарченка.

¹ *Скоропё* — змея, скорпион.

Как прошло тому ровно три года,
Полонили они старую женщину,
Полоня ее, стали дел делить¹,
Кому она достанется:
Как досталась теща да зятю.

Он заставил ее три дела делать:
Белыми руками тонкий кужель² прясть,
Ясными очами лебедей стеречь,
Резвыми ногами дитя качать.

Качает дитя-прибаюкивает:
— Ты, баю, баю, мое дитятко,
Ты баю, баю, мое милое!
Ты по батюшке млад татарчонок,
А по матушке родной внучек мне.

Как услышал зять тещины слова,
Он бежит к молодой жене:
— Ты послушай-ка, молода жена,
Как работница дитя качает,
Качает дитя — прибаюкивает:
«Ты баю, баю, мое дитятко,
Ты баю, баю, мое милое!
Ты по батюшке млад татарчонок,
А по матушке родной внучек мне».

Бежит, бежит молода жена,
В одной сорочке без пояса:
— Государыня моя, матушка!
Для чего ж ты мне давно не сказалася³?
Ты б пила-ела с одного стола,
Носила б платье с одного плеча!

5

МУЖ УБИВАЕТ ЖЕНУ ПО КЛЕВЕТЕ МАТЕРИ

Летела пава⁴ через улицу,
Ронила пава павино перо;
Мне не жаль пера, жаль мне павушки.
Ой, мне жаль молодца, — один сын в отца,
Один сын в отца, добрый молодец,
Он на службу идет государеву.

¹ Дел (дель) делить — делить добычу.

² Кужель (кўжель) — пучок льна, конопля, приготовленный для прядения, куделя.

³ Сказаться — назвать себя.

⁴ Пáва, пáвушка, пав — павлин.

Он и год служил, и другой служил;
А на третий год ко двору идет.
Его мать встрела¹ среди поля,
А сестра встрела среди села,
А жена встрела среди двора.

Ой, и мать сыну поразжалилась:
— А твоя жена увесь² дом снесла —
Что коней твоих пораспродала,
Соколов твоих пораспустила,
А меды твои поразвыпила.

Вынул молодец саблю вострую,
Он и снес жене буйну голову.
Голова жены покатила
Ворону коню под праву ногу.

Пошел молодец во конюшеньку:
Кони стоят, сено-овес едят.

Пошел молодец во соколенку:
Соколы сидят, почищаются;
И меды стоят не починены³.

Пошел молодец на новы сени:
На новых сенях колыбель висит,
Колыбель висит, там дитя кричит.

— Ты, баю, баю, мое дитятко,
Ты, баю, баю, мое милое!
У тебя, дитя, нету матушки,
У меня, молодца, молодой жены!

Пошел молодец на высок терем, —
Как ударится он о дубовый стол:
— Что не мать ты мне и не матушка,
А змея же ты подколодная!

6

ЖЕНА МУЖА ЗАРЕЗАЛА

У нас было во новом городе,
Во новом городе, во Саратове,
На заре было на утренней,
На восходе красна солнышка,
У купца ли, купца у богатого,
У богатого, у Шахматова,

¹ *Встрела* — встретила.

² *Увесь* — весь.

³ *Не починены* — не начаты, не тронуты.

Несчастье в доме сделалось,
Несчастье немалое,
Как жена-то мужа потеряла,
Вострым ножичком зарезала.
В холостой его погреб бросила,
Дубовой доской захлопнула,
Да желтым песком засыпала;
Сама взошла в нову горницу,
Во столовую светлицу;
Она села под окошечко,
Под хрустальное стеклышко;
Сама плачет, как река льется.

Прилетели к ней два сокола,
Два сокола, два ясных,
Деверья ее любезные.
— Здравствуй, сноха, невестушка,
Сноха, белая лебедушка!
Где же братец наш, Иванушка?
— Ваш братец увел коня поить.
— Ты, сноха наша, невестушка,
Сноха, белая лебедушка!
Его добрый конь в конюшеньке,
Шелкова узда на гвоздике!
— Ты, сноха ль наша, невестушка,
Сноха белая лебедушка!
Да что у тебя в избе за кровь?
— Белу рыбицу пластала,
Бела рыбица больно билася!
— Ты, сноха ли наша, невестушка,
Сноха белая лебедушка!
Да где братец наш, Иванушка?
— Соколы вы мои ясные,
Деверья мои любезные!
Вы возьмите саблю вострую,
Вы срубите мне буйну голову!
Вашего братца я потеряла¹,
Вострым ножичком зарезала,
В холостой² погреб бросила,
Дубовой доской захлопнула
Да желтым песком засыпала!

¹ Потерять — погубить, извести.

² Холостой (о погребе) — здесь: холодная, пустая яма.

ОБРАЩЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ДЕРЕВО

Злое зелье крапивное,
 Еще злее да люта свекра!
 Люта свекра — молодой снохе:
 — Ты поди, моя невестка, во чисту поле,
 Ты стань, моя невестка, меж трех дорог,
 Четырех сторон,
 Ты рябиною кудрявою,
 Кудрявою, кучерявою!

Туда ж ехал добрый молодец,
 Он стал под рябинушку,
 Кудрявую, кучерявую;
 Без ветру рябина зашаталася,
 Без дождю рябина мокра стала,
 Вез вихрю рябина к земле клонится,
 За черные кудри ловится¹.

Приехал сын к матери:
 — Сударыня, моя матушка!
 Иде² ж моя молода жена?
 — Твоя жена с двора сошла,
 С двора сошла, детей свела!
 — Сударыня, моя матушка!
 Сколько в службе не ежживал,
 Такого дива не видывал:
 Как в поле, промеж трех дорог,
 Меж трех дорог, четырех сторон,
 Как стал я под рябинушку,
 Кудрявую, кучерявую,
 Без ветру рябина зашаталася,
 Без дождю рябина мокра стала,
 Без вихрю рябина к земле клонится,
 За черные кудри ловится!

— Возьми, сын, ты остру саблю,
 Ссеки рябину под корень!
 Он раз вдарил, она охнула,
 Другой вдарил, она молвила:
 — Не рябинушку секешь
 Секешь свою молоду жену!
 А что веточки — то наш деточки!

Пришел сын да и к матери:

¹ *Ловится* — здесь: касается, путается в кудрях мужа.

² *Иде* — где.

— Не мать ты мне, не сударыня,
Змея ты мне подколодная!
Свела ж ты мою молоду жену,
Сведи теперь меня!

8

ДЕВИЦА ОТРАВИЛА МОЛОДЦА

Как по крутому, по красному по бережку,
Что по желтому, сыпучему песочку,
Как ходила тут, гуляла красна девица;
Она рыла себе кореньице, зелье лютное;
Натопила она кореньица в меду, в патоке,
Напоила добра молодца дѡбьяна,
Напоивши, положила спать,
Положивши, красна девица насмеялася:
— Ах, ты спишь, моя надѣжа, или так лежишь?
— Я не сплю, не сплю, душа моя, едва жив лежу!
Ты умела, красна девица, отравить меня,
Ты умей, душа, и схоронить меня.
Не клади меня, красна девица, у Божьей церкви,
Положи меня, красна девица, во чистом полѣ,
При широкой дальней при дороженьке;
В головах поставь, красна девица, золотой крест,
На груди поставь, душа моя, калену стрелу,
Подле бок клади звончатым гусли,
Во ногах поставь, красна девица, моего коня!
Буде стар человек пойдет — помолится,
Моему ли телу грешному поклонится;
Как охотники поедут, так настреляются;
Буде млад человек пойдет — в гусли наиграется;
Как поедут мои друзья, братья и товарищи, —
На моем добре коне наездятся!

9

ЖЕНА РАЗБОЙНИКА

Из-под кустышка было ракитова,
Из-под камешка было серого,
Протекала-то-де речка быстрая,
Речка быстрая, вода холодная.
Во этой речке быстрой, в воде холодной
Красна девушка она мылася,
Бедна белилася.

Она мылась, слезно плакала,
Красоты она своей дивилась:
— Красота ли ты моя, красоточка!
Ох ты счастье ли мое, счастьеце!
Талану-участи доля горькая!
На роду ли-то да мне написано,
На делу¹ ли-то да мне досталось,
В жеребьи ли мне сповыпала:
Женихов ли про меня не было?
Сватовья ли на мне не сватались?
Из бояр-то ли да сватались бояра,
Из купцов-то ли сватались на мне купцы,
Из крестьян-то ли сватались молодчики.
Как ныне отдал меня родной батюшко,
Просватала родна матушка
Как за вора да за разбойника,
За ночного да подорожника.
Со вечера да он коня седлал,
Со полуночи в разбой съезжал,
К утру-светичку домой въезжал.
Он кричит-зычит собачьим голосом:
— Ты ставай-ко-ся, жена немилая!
Немилая жена, постылая,
Добывай огня скорехонько,
Затопляй-ко печь крутехонько²,
Уж ты грей-ко-ся воду ключавую,
Уж ты мой-ко-ся платье кровавое,
Кровавое платье, разбойническое.
Я ставала млада скорёшенько,
Топила печку крутёшенько,
Я нагрела воды ключавой,
Я стирала платье кровавое.
Перву³ вымыла я, не раздёрнула,
Втору⁴ вымыла, да развёрнула,
Нашла эту рубашеньку, знакомую,
Знакомую рубашечку, приметную.
Закричала я громким голосом,
Закричала я, сама заплакала:
— Ох ты гой еси, ладо немилое,
Немилый и постылый!
Ты почто убил моего брата любимого?

¹ *На делу* — здесь: за какую-то провинность.

² *Крутёхонько, круто* — здесь: развести сильный огонь.

³ *Перву* — сначала.

⁴ *Втору* — во второй раз.

Своего шурина постылого?
— Не я убил твоего брата любимого,
Своего шурина постылого;
Не я убил — убила темна ноченька,
Подстрелила каленá стрела.

10

РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА

Во славном во городе в Киеве
Жила-была молодá вдова.
У вдовушки было девять сынков,
А дочка десятая.
Один брат с рук, другой нá руки,
Третий брат в колыбель кладет:
— Баю-баю, сестрица-ластухка!
Возлелеявши сестру, гулять пошли,
По Руси воровать пошли.
Без них меня матушка выдала
За море, за морянина.
Я год живу и другой живу,
На третий год сына рóдила.
Сына рóдила — стосковалася.
Морянина стала в гости звать:
— Морянин, морянин, пойдем в гости!
Уж ты к теще, а я к матери,
Ты к шурьям, а я к родным братьям!
День едем и другой едем,
На третий день остановились,
Остановились, огонь рóсклали,
Огонь рóсклали, кашу вáрили,
Кашу вáрили, дитя кóрмили.
Поналетéли черны вóроны,
Понаехали злы разбойники.
Морянина они потéряли¹,
Морянченка в воду бросили,
Морянушку во полбн взяли.
Все разбойнички спать легли,
Один разбойник не спит, не лежит,
Не спит, не лежит, Богу молится,
Меня, морянушку, выпрашивает:
— Ты скажи, скажи, моя морянушка,
Ты чьего роду, чьего племени?

¹ Потéряли — убили, погубили.

Ты купецкого иль княженёцкого?
— Ни купецкого я, ни княженёцкого:
Во славном во городе в Киеве
Там жила-была молодá вдова.
У вдовушки было девять сынков,
А я, дочка, — я десятая.
Один брат с рук — другой нá руки,
А третий брат в колыбель кладет:
— Баю-баю, сестрица-ластушка!
Возлелелевши сестру, гулять пошли,
По Рूसии воровать пошли.
Без них меня матушка выдала,
Что за море, за морянина.

Как возгóворит злой разбойничек;
— Вы встаньте, мои братцы рóдные!
Не морянина мы потёрjali,
Не морянченка в воду бросили,
Не морянушку во полон взяли:
Мы потёрjali зятя милого,
Племjнченка в воду бросили,
Сестрицу-ластушку во полон взяли!

Как возгóвоят злые разбойнички:
— Ты, сестрица наша, голубушка!
Ты возьми у нас золоты́ ключи,
Отворяй ларцы́, ларцы́ кованы,
Ты бери злато сколько надобно!
— Ах вы, братцы мои, ясны соколы!
Мне не надо вашего злата, серебра,
И ни скáтного, крупного жёмчуга,
Приведите моего морянина,
Принесите моего морянченка,
Вы пустите нас к рóдной матушке!

11

НАВОЛЬНОЕ ПОСТРИЖЕНИЕ

Папенька с маменькой спор спорили,
Спор спорили об своей дочери:
Маменька хочет игуменье отдать¹,
Папенька хочет за князя² отдать³.
Маменька пошла за сто двадцать вёрст,

¹ То есть в монастырь..

² Князь — здесь: жених.

³ То есть замуж.

Папенька пошёл за сто семьдесят вёрст.
Немного погода и маменька идёт,
Маменька идёт и игуменью ведёт,
Игуменья идёт, остры ножницы несёт:
— Садись-ка ты, девица, мы станем постригать.
— Дайте мне, девице, цветное платье снять!
— Снимешь ты, девица, как черно надевать!
— Дайте мне, девице, русу косу расплесть!
— Расплетёшь ты, девица, как станем постригать.
— Дайте мне, девице, лицо бело измыть!
— Смоешь ты, девица, горячими слезам(и).
— Дайте мне, девице, с подружками проститься!
— Простишься, девица, как в келью пойдёшь.
Немного погода и папенька идёт,
Папенька идет и князя ведёт;
Князь молодой удивляется:
— Чья это шапочка на столике лежит?
Чья это руса коса на гвоздике висит?
Чья это монашенка хорошая сидит?
— Князь молодой, ступай с Богом домой,
Уж верно мне, девице, не быть за тобой!

12

КНЯЗЬ ВОЛХОНСКИЙ И ВАНЮША-КЛЮЧНИК

Уж на горке возле речки
Стоял нов высок терем;
Уж и в этом теремочке
Жил да был Волхонский князь.
Как у эвного ль у князя
Были слуги верные;
А уж всех-то их вернее
Был Ванюшка-ключничек,
Молодой его княгини
Верный полюбовничек.

Уж и год любил Ванюша,
Он другой любил;
А на третий год про эвто
Сам ли князь доведалься,
Через сенную ли девчонку
Самую паскудную.

Уж и вышел князь Волхонский,
Он на свой красен крылец;

¹ Не быть замужем.

Уж и крикнул князь Волхонский
Своим зычным голосом:
— Ой, вы гой еси, мои холопья,
Слуги мои верные!
Вы возьмите-ка, возьмите
Заступы железные,
Вы копайте-ка, копайте
Две ямы глубокие,
Вы поставьте тут, поставьте
Два столба точеные,
Вы кладите между ними
Тонку перекладину,
Вы повесьте, вы повесьте
Петельку шелковую;
Вы подите, приведите
Вора Ваньку-ключника.

Ой, ведут Ванюшу,
Руки, ноги скованы,
Шелкова его рубашечка изодрана,
Его буйная головка
До мозга проломлена,
А сафьяны сапожки
Кровью залиты.

Ой, ведут, ведут Ванюшу!
Сам князь усмехается:
— Ты скажи, скажи, Ванюшка,
Ты скажи мне, варвар мой!
Ты с какой поры, со времени
Со княгиней сведался?
— Ничего, сударь, не знаю,
Ничего не ведаю.
Уж и где же мне, холопу,
Со княгиней знатися?..

Закричал тут князь Волхонский
Своим зычным голосом:
— Ой вы, слуги мои,
Слуги мои верные!
Вы повесьте-ка, повесьте
Вора Ваньку-ключника!
— Нет, постойте-ка, постойте
Вы, мои товарищи!
Уж вы дайте мне потешить
Нашего боярина!
Уж и третий год я, сударь,
Со княгиней знаюся:
Что в этом теремочке
Много было гуляно,

На пуховой ли перине
Много было лежано,
За белья ли за груди
Много было хватано,
Про твою ли, сударь, милость,
Часто было ругано!
— Ну, повесьте же, повесьте
Вора Ваньку-ключника,
Молодой моей княгини
Верна полюбовничка!
Уж пускай же вор Ванюшка,
Пускай покачается!
Молода моя княгиня
Пускай попечалится!

13

СЕСТРЫ НАХОДЯТ УЕХАВШЕГО БРАТА УБИТЫМ

Воспоил, воскормил отец сына;
Воспоя, воскормя, не взлюбил сына;
Не взлюбя сына, со двора сослал:
— Ты поди, мой сын, со двора долой!
Ты спознай-ка, сын, чужую сторону,
Чужу сторону, незнакомую!
Как у молодца, в него три сестры,
Три сестры, три родные;
Как большая сестра коня вывела,
Как середня седло вынесла,
Как меньшая сестра плетку подала;
(О)на, подавши плетку, все заплакала,
Во слезах братцу слово молвила:
— Ты ко(г)да ж, братец, к нам назад будешь?
— Уж вы, сестры мои, вы родимые!
Вы подите-тка на сине море,
Вы возьмите-тка песку желтого,
Вы посеите-ка в саду батюшки;
Да ко(г)да песок взойдет, вырастет,
Я тогда-ж, сестры, к вам назад буду.
Как прошло братцу ровно девять лет;
На десятой год сестры искать пошли:
Как большая сестра — в море шукою,
Как середняя сестра — в поле соколом,
Как меньшая сестра — в нёбо звёздую.
Как большая сестра про братца не слышала,
Как середняя сестра про братца слышала,

Как меньшая сестра братца видела.

Что лежит убит добрый молодец
На дикой степи, на Саратовской.
Его добрый конь в головах стоит,
Он копытом об сыру землю бьет:
— Ты устань, проснись, добрый молодец!
Тебя сестры все искать пошли!

Не сыскавши брата, все летать стали
По степям, степям, по Саратовским;
Налетали на своо братца, на родимого:
— Ты устань, проснись, добрый молодец!
Как и добрый молодец не просыпается.

Тут девушки слезно плакали;
Похоронили (о)ны своо братца родимого;
Похоронивши, (о)ни слезно плакали;
(О)ны ковыль-травами прикрывали,
(О)ны горяч камень прикладывали,
Приложивши камень, полетели на свою сторонушку.

Лирические песни

1

Уж ты, поле моё, поле чистое,
Ты раздолье моё, ты широкое.
Ты, раздолье моё, ты широкое,
Ничего ты, поле, не спорóдило!
Ничего ты, поле, не спорóдило,
Спорóдило поле част ракивов куст.
Спородило поле част ракивов куст,
Как во этом кусту тело белое.
Как во этом кусту тело белое,
Тело белое, молодецкое.
Тело белое, молодецкое,
Во главах у него сабля вострая.
Во главах у него сабля вострая,
В ретивом у него пуля быстрая.
В ретивом у него пуля быстрая,
Во ногах у него конь ворóнный его.
Во ногах у него конь ворóнный его:
— Уж ты, конь, ты, мой конь, ты товарищ мой.
Уж ты, конь, ты мой конь, ты, товарищ мой.
Ты беги, беги по дорожке вдоль.
Ты беги, беги по дорожке вдоль.
По дорожке вдоль, к отцу, к матери.
По дорожке вдоль, к отцу, к матери,

К отцу, к матери, к молодой жене.
К отцу, к матери, к молодой жене...
Ты жене скажи, что женился я.
Ты жене скажи, что женился я,
Что женила меня пуля быстрая.
Что женила меня пуля быстрая.
Обвенчала меня сабля вострая.

2

У отца было, у матери три сына любимых.
Отец с матерью всю ночь не спят,
Всю ночь не спят, за столом сидят,
За столом сидят, думу думают:
— Нам которого сына в солдаты отдать?
Большого-то отдать — детей много;
Среднего отдать — жена хороша,
Жена хороша, больно услужлива.
Уж отдать ли, нет ли сына малого,
Сына малого, неженатого.

А меньшей-ет сын расплакался,
Отцу с матерью разжаловался:
— Государь ты мой родной батюшка,
Государыня моя матушка!
Или я вам не тот же сын?
Или я вам не кормилец был?
— Уж вы дети мои милые!
Уж вы все-то мне милехоньки,
Милехоньки и больнехоньки!
Вы возьмите-ка по ножичку,
Уж вы срежьте-ка по прутуку;
Сами сделайте по жеребью
И метните-ка по жеребью,
Что которому достанется!

Доставалось большому брату.
Большой брат расплакался,
Перед батюшкой с матушкой стоячи:
— Государь ты мой родной батюшка,
Государыня моя матушка!
Не покиньте мою молодую жену,
Молодую жену, малых детушек!

3

Уж вы, ветры мои, ветерочки,
Тоненькие голосочки,
Вы не дуйте на лесочки,
Вы не дуйте в бору сосну:

И так сосенке стоять тошно,
Стоять тошно, стоять грустно!
Стоит сосенка на рыночке¹,
На крутеньком бережочке;
Не водою сосенку подмывает —
Горноста́й к сосенке подбегает,
Злы коренья подъедает.
С вершинушки сосны сучки гнутся.
К этой сосенке пчелы вьются;
Они вьются, не привьются,
Они гнутся, не пригнутся.
У молодца кудри вьются;
На молодце печаль-горе:
Отдают дружка в солдаты!

4

Не кукушечка, братцы, во сыром бору куковала,
Куковала!
Не соловьюшка, братцы, в зеленóm саду громко свищет,
Свищет.
Добрый мóлодец во неволюшке слезно-горько плачет,
Плачет!
— Никогда ж в мене², раздобрва молодца, тоски горя не бывало,
Не бывало.
А вот нонешний день-то, вот денёчек, тоска-горе обуяла,
Обуяла,
Что куют-то куют меня, раздобрва молодца, куют во железы,
Во железы.
Что везут, везут меня, разудалова, везут во солдаты,
Во солдаты.
Что никто-то, никто, по мне добром молодце, не тужит,
не плачет,
Не плачет!
Что поплакала, по мне порыдала, ах, матушка родная,
Родная!
А ещё по мне по завдалому³ красная девица,
Девица!

5

Шел детинушка дорогою,
Шел удалый молодец широкою.
Пристигала молодца темная ночь,

¹ Рыночек, рынок — крутой отвесный мыс.

² Во мне.

³ По заудалому — по удалому.

Темная ночь осенняя.
И где-то молодцу ночевать будет?
Ночевать молодцу в темном лесу,
В сыром бору под сосною под зеленою.
Буйные-то ветры разбушились,
Зеленая-то сосна расшаталася,
Расшаталася, расшумелася.
Не сосна шумит, то молодца журит:
— Ты зачем же, молодец, под меня зашел?
Как возговорит добрый молодец:
— Не бушуйте, ветры буйные!
Не шатайся ты, не шуми, зелена сосна,
Не жури меня, доброго молодца!
Я не сам, молодец, под тебя зашел,
Занесла меня неволюшка,
Неволюшка, невзгодушка —
Государева солдатчинка!
Припаду я, молодец, ко сырой земле:
Не стонет ли мать сыра земля,
Не плачет ли отец с матерью,
Не горюет ли молода жена,
Молода жена с малыми детушками?

6

Чем-то наша славная земелюшка распахана?
Не сохами-то славная земелюшка наша распахана,
не плугами,
Распахана наша земелюшка лошадиными копытами;
А засеана славная земелюшка казацкими головами...
Чем-то наш батюшка славный тихий Дон украшен?
Украшен-то наш тихий Дон молодыми вдовами.
Чем-то наш батюшка славный тихий Дон цветен¹?
Цветен наш батюшка славный тихий Дон сиротами.
Чем-то во славном тихом Дону волна наполнена?
Наполнена волна в тихом Дону отцовскими,
матерними слезами...

7

А вскрикнули да два лебедя
Посеред моря да на камушку:
— Ох и дай Боже, дай половежье,
Чтобы нам на бережку покупаться
И желтого песку позобаться²!

¹ Цветен — изобилен.

² Позобаться — поклевать.

Как ускрикнули да два молодца
Посеред поля да на площади:
— Ох и дай Боже, дай замиренье.
Чтобы наши царицы замирились,
Чтобы нам на площади постояти
И на белый свет поглядети!

8

Не шуми, мати зелёная дубровушка.
Дубровушка...
Не мешай мне, добру молодцу, думу думати.
Думу думати...
Как на утро мне, молодчику, у допроса быть.
У допроса быть...
Перед грозным судьей, перед самим царем.
Перед самим царем...
Вот как станет меня царь выпрашивать.
Царь выпрашивать...
— Ты скажи-тка, добрый молодец, крестьянской сын,
Ты крестьянской сын...
Уж и с кем же ты воровал, с кем разбойничал¹.
Ты разбойничал...
Да и много ли было во товарищах².
Во товарищах?
— Ты, надежа государь, всеё правду я скажу!
Всеё правду я скажу...
Нас товарищей было всего четверо!
Всего четверо...
Вот как первый товарищ — мой булатный нож.
Мой булатный нож...
А другой товарищ был — сабля вострая.
Сабля вострая...
Как и третий товарищ — ночка тёмная.
Ночка тёмная...
А четвёртый товарищ был сам я молодец³.
Сам я молодец...
Что взговорит надежа православный царь.
Православный царь...
— Исполать тебе, детинушка, крестьянской сын!
Крестьянской сын...

¹ Иногда певец вместо «воровал, с кем разбойничал» пел: «...ты разбой разбойничал» (пояснение Н.М. Лопатина).

² Иногда пел: «вас товарищей» (пояснение Н.М. Лопатина).

³ Иногда пел: «то мой добрый конь» (пояснение Н.М. Лопатина).

Что умел ты воровать, умел ответ держать.
Умел ответ держать...
Я за то тебя, детинушка, пожалую!
Пожалую...
Середі поля хоромами высокими!
Высокими...
Что двумя ли столбами с перекладиной!

9

Ты воспой-кася, воспой, молодой живороночник!
Живороночник...
Ты воспой-кася, воспой весной на проталинке.
На проталинке...
Ты утешь-кася меня, добра молодца.
Добра молодца...
Сидючи меня в тёмной тёмнице.
В тёмной тёмнице...
Что не год то ли я сижу, сижу и не два годá,
И не два годá...
Я сижу ли, молодец, ровно девять лет!
Ровно девять лет...
На десятый-то год стал письмо писать!
Стал письмо писать...
Стал письмо писать к отцу с матерью.
К отцу с матерью...
— Государь ты мой, рódный батюшка!
Рódный батюшка...
Государыня моя, рódная матушка!
Рódная матушка...
Эх, уж выручайте меня разнесчастливого!
Разнесчастливого...
Что из тёмной ли меня, меня из тёмной тёмницы!
Из тёмной тёмницы...
Как отец-то пишет мне, пишет, он отказывается.
Он отказывается...
Что у нас-то ли в родни таких не бывало.
Таких не бывало...
Что воров ли у нас нет разбойничков.
Нет разбойничков...
Ты воспойка-ся, ты воспой, молодой живороночник.
Живороночник...
Ты воспойка-ся, ты воспой весной на проталинке
На проталинке...
Ты утешь-кася меня, доброва молодца.

Доброва молодца...
Сидючи́ меня в тёмной тёмнице.
В тёмной тёмнице...
Пишет грамоту к красной девице.
К красной девице...
К красной девице, прежней полюбовнице
Прежней полюбовнице...
Выкупай меня, выкупай доброва молодца,
Доброва молодца...
Ах ты, душечка красна́ девица.
Красна девица...
Ты прежняя моя полюбовница!
Полюбовница...
Красна девица горько вспла́кнула.
Горько всплакнула...
Горько вспла́кнула, слово молвила,
Слово молвила:
— Ох, вы, нянюшки, мои мамушки.
Мои мамушки...
Вы берите скорей золотые ключи.
Золотые ключи...
Вы берите казны сколько надобно,
Сколько надобно...
Выкупайте доброва молодца,
Добро́ва молодца...
Из тёмной тёмницы, заключеньица!

10

Я по цветикам ходила,
Я по маленьким гуляла,
Алый цветочек искала;
Не нашла цветка такого
Спротив дружка милого.
Мой миленький хорош,
Чернобров, душа, пригож.
Он любовь ко мне принес,
Да и подарок дорогой —
С ручки перстень золотой
На мизинец на правой.
Люди бают-говорят,
Любить друга не велят.
Я людей-то не слушаю,
Люблю друга всей душой.

11

Как по лугу, по лужочку вода соливат¹,
 По зеленому лужочку золота струя бежит,
 Что и струинька за струинькой, белой лебедь плывет.
 Что белая-то лебедка — красна девица душа;
 Что и серый селезень — добрый молодец.
 Что увидит девка молодца, обрадуется,
 Во белом-то лице кровь появится.

12

Соловей мой, соловей, солóбушко молодой!
 Не летай ты, соловей, во зелёный сад гулять,
 Не садись ты, соловей, в зеленом моём саду,
 В зеленом моём саду, на ракитовом кусту,
 Не пой рано на заре, не трави ты сердце мне!
 И так тошно молодцу, сам не знаю почему;
 Коли знать, так всё по ней, по сударушке моей.
 Ах, кого бы мне нанять, за сударушкой послать?
 Коли старого нанять — греха на душу принять:
 До неё стар не дойдёт, во дорожке пропадёт;
 Коли малого нанять — мал не знает, что сказать;
 Коли ровнюшку нанять — ровня любит сам гулять.
 Уж как, знать-то, молодцу подниматься самому,
 Подниматься самому по сударушку свою!

13

Туманно красное солнышко, туманно,
 Что в тумане красного солнышка не видно.
 Кручинна красная девица, печальна;
 Никто ее кручинушки не знает:
 Ни батюшка, ни матушка родные,
 Ни белая голубушка сестрица.
 Печальна душа красна девица, печальна,
 Не можешь ты злу горю пособити,
 Не можешь ты мила друга забыти
 Ни денною порою, ни ночью,
 Ни утренней зарею, ни вечерней.
 В тоске своей возговорит девица:
 — Я в те поры мила друга забуду,
 Когда подломятся мои скорые ноги,
 Когда опустятся мои белые руки,
 Засыплются глаза мои песками,
 Закроются белы груди досками!

¹ *Соливат* — соливает, льется, время весеннего разлива.

14

— Ты мой сизенький, мой беленький голубчик,
 Ты к чему рано с тепла гнезда слетаешь,
 На кого ты меня, голубушку, покидаешь?
 Али я тебе, голубчик мой, не по мысли,
 Не по твоему голубиному воркованью?
 — Ах ты душечка, удаленький молодчик,
 Ты куда от меня, красной девицы, отъезжаешь,
 На кого ты меня, красну девицу, покидаешь?
 Али я тебе, мой милый друг, не по мысли,
 Не по твоему молодецкому обычью?

15

Ах вы ветры, ветры буйные,
 Вы буйны ветры осенние,
 Потяните вы с эту сторону,
 С эту сторону, со восточную,
 Отнесите вы к другу весточку,
 Что нерадостную весть, печальную!
 Как вечер-то мне, младешеньке,
 Мне мало спалось, много виделось;
 Не хорош-то мне сон привиделся:
 Уж кабы у меня, у младешеньки,
 На правой руке, на мизинчике
 Распаялся мой золот перстень,
 Выкатался дорогой камень,
 Расплеталася моя руса коса,
 Выплеталася лента алая,
 Лента алая, ярославская,
 Подареньице друга милого,
 Свет дородного доброго молодца.

16

Ах, не одна-то, не одна,
 Эх, во поле дороженька, эх, одна пролегалала!
 Ах, заростала та дорожка,
 Эх, ельничком да березничком, эх, горьким
 частым осинничком!
 Ах, что нельзя-то, нельзя,
 Эх, к любушке-сударушке, эх, нельзя в гости ехать молодцу.
 Ах, ты прости-прощай,
 Эх, мил сердечный друг, эх, прощай, будь здорова!
 Ах, коли лучше меня найдешь,
 Эх, меня, доброва молодца, эх, меня позабудешь.
 Ах, коли хуже меня найдешь,
 Эх, меня, доброго молодца, эх, меня вспомянешь,
 Ах, меня ты вспомянешь,
 Эх, горючими слезами, эх, запла... ты заплачешь!

17

Калинушка с малинушкой, лазоревый цвет...
 Веселая беседа, где батюшка пьет.
 Он пить не пьет, родимый мой, за мной, молодой, шлет.
 А я, млада-младешенька, замешкалася,
 За утками, за гусями, за лебедями,
 За мелкою за пташечкой, за журушкою.
 Как журушка по бережку похаживает,
 Шелковую он травушку пощипывает,
 Студеную водицею захлебывает,
 За реченьку за быструю поглядывает.
 За реченькой за быструю четыре двора;
 Во этих ли во двориках четыре кумы...
 — Вы кумушки, голубушки, подружки мои!
 Пойдете вы в зеленый сад, возьмите меня;
 Вы станете цветочки рвать, нарвите и мне;
 Вы станете венки плести, сплетите и мне;
 Пойдете вы на реченьку, возьмите меня;
 Вы будете венки бросать, вы бросьте мой!
 Как все венки посверх воды, а мой потонул;
 Как все друзья домой пришли, а мой не бывал!

18

Цвели в поле цветики, да поблекли,
 Любил меня миленький, да покинул.
 Ох, спокинул, душа моя, ненадолго,
 Ах, на малое времечко, ох, на часочек.
 Часочек мне кажется да за денечек,
 Денечек покажется за недельку,
 Неделька покажется за май месяц.

19

Ах, матушка, тошно мне, голова болит,
 Сударыня, грустно мне, сердечко ноет.
 Болит моя головушка, — не знаю, как быть.
 Сяду я на лавочку, погляжу ль в окно,
 Погляжу ль в окошечко — на улице дождь,
 На улице дождичек, во поле туман.
 Во поле большой туман-туман затуманился,
 А мой-то любезный друг припечалился,
 Припечалился, душа моя, призадумался.
 Вечор-вечор милый друг у девушек был,
 У девушек был, про меня забыл.
 Привел с собой душечку он лучше меня,
 Забыл совсем милый друг, забыл про меня.

20

Как у ключика у гремучего,
 У колодезя у студеного
 Добрый молодец сам коня поил,
 Красна девица воду черпала;
 Почерпнув, ведра поставила,
 Как поставивши, призадумалась,
 Призадумалась, заплакала,
 А заплакавши, слово молвила:
 — Хорошо тому жить на сем свете,
 У кого как есть отец и мать,
 И отец, и мать, и брат-сестра,
 Ах брат-сестра, что и род-племя!
 У меня ль, у красной девицы,
 Ни отца нету, ни матери,
 Как ни брата, ни родной сестры,
 Ни роду, ни племени,
 Ни того ли то мила друга,
 Как мила друга полюбовника!

21

— Ах что ж ты, голубчик, не весел сидишь,
 Не весел сидишь и не радостен?
 — Как же мне, голубчику, веселому быть,
 Веселому быть и радостному?
 Вечор у меня голубка была,
 Голубка была, со мной сидела,
 Поутру голубка убита лежит,
 Убита лежит, застреленная!
 — Ах что ж ты, молодчик, не весел сидишь,
 Не весел сидишь и не радостен?
 — Как же мне, молодчику, веселому быть,
 Веселому быть и радостному?
 Вчера у меня девица была,
 Девица была, со мной сидела,
 Речи говорила и руку дала,
 И руку дала выйти за меня,
 А нынче девицу замуж отдают,
 Замуж отдают, просватывают.

22

Ты гуляй, гуляй, душа милый друг,
 Ты потуль¹ гуляй, как не женишься;
 Ах, ты женишься — переменишься,

¹ *Потуль* — по то время.

Переменишься, друг, успокаешься!
Ты возьмешь себе молоду жену,
Молоду жену, змею лютую:
Из норы ползет — озирается,
По песку ползет — извивается,
По траве ползет — мураву сушит.

23

Не пыль, не кура¹ в поле подымалася —
То белые лебеди с моря поднимались;
Как один-то с них лебедь не подыметса,
Лебедь не подыметса, лебедь не шелохнется.
Напрежь² по ночам белый лебедь летал,
Лебедушке по зарям кричал:
— Отзовись-откликнись, лебедушка белая!
Ты скажи-покажи, где твое гнездышко?
— Как мое-то гнездо посеред моря,
Посеред моря, посеред Каспицкого...

24

Хожу я, гуляю вокруг коровода³,
Занька, беленький! (*припев*)⁴
Гляжу я, смотрю по всему народу,
Гляжу я, смотрю богатого тестя.
Нашел я, выбрал богатого тестя.
Будь ты мне тесть, а я тебе зять буду!

Хожу я, гуляю вокруг коровода,
Гляжу я, смотрю по всему народу,
Гляжу, выбираю я ласкову тещу.
Нашел я, выбрал ласкову тещу.
Будь ты мне теща, а я тебе зять буду!

Хожу я, гуляю вокруг коровода,
Гляжу я, смотрю по всему народу,
Гляжу, выбираю молодого шурина⁵.
Нашел я, выбрал молодого шурина.
Будь ты мне шурин, а я тебе зять буду!

¹ *Кура* — дым.

² *Напрежь* — прежде.

³ *Коровод* — хоровод.

⁴ Припев повторяется после каждого стиха.

⁵ Брат будущей жены.

Хожу я, гуляю вокруг коровода,
Гляжу я, смотрю по всему народу,
Гляжу, выбираю молоду свояченицу¹.
Будь ты мне свояченица, а я тебе зять буду!

Хожу я, гуляю вокруг коровода,
Гляжу я, смотрю по всему народу,
Гляжу, выбираю хорошу невесту.
Будь ты мне невеста, а я тебе муж буду!

— Покажи-ка, зятюшка, свое лицо бело!
— А вот мое лицо, а вот бело!
— Покажи-ка, зятюшка, свои брови черны!
— А вот мои брови, а вот мои черны!
— Покажи-ка, зятюшка, свои русы кудри!
— Вот мои кудри, вот мои русы!

25

Лебедь мой, лебедек,
Да лебедушка белая!
Просилася молода
У старого старика:
— Пусти меня, старичок,
В чисто поле погулять,
А я тебе, старичок,
Много ягод принесу.
— А я ягод не хочу,
Тебя, младу, не пущу,
Подле себя сокрушу².

Лебедь мой, лебедек,
Да лебедушка белая!
Просилася молода
У старого старика:
— Пусти меня, старичок,
В зеленый сад погулять;
А я тебе, старичок,
Много яблок принесу.
— А я яблок не хочу,
Тебя, младу, не пущу,
Подле себя сокрушу.

¹ Сестра будущей жены.

² *Сокрушу* — опечалю, смирю, одолею своеволие.

Лебедь мой, лебедек,
Да лебедушка белая!
Просилася молода
У старого старика:
— Пусти меня, старичок,
На быстру реку погулять;
А я тебе, старичок,
Много рыбы принесу.
— А я рыбы не хочу,
Тебя, млада, не пущу,
Подле себя сокрушу.

— Спасибо тебе, старичок,
Что ты меня не пустил,
Подле себя сокрушил!
В чисто поле просилась —
Уйтить, млада, хотела;
В зеленый сад просилась —
Удавиться хотела;
На быстру реку просилась —
Утопиться хотела!

Лебедь мой, лебедек,
Да лебедушка белая!

26

Уродилася сильна ягода в бору;
Заблудилася красна девица во лесу;
Заблудившись, путь-дорожку не нашла.
Выходила на крутенький бережок,
Садилася под ракитовый кусток,
Расстилала бел-муравчатый¹ платок,
Становила сладкой водки полуштоф²,
На закуску сладких яблоков пяток.
Выходивши на крутенький бережок,
Закричала громким голосом она:
— Перевозчик, перевозчик молодой,
Перевези ты меня на ту сторону домой!
— Перевоз мой, перевоз мой очень дорогой.
— Что ты хочешь, что ты хочешь, то
с меня бери.
— Мне не надо, мне не надо твоего ничего,

¹ *Муравчатый* — покрытый глазурью (муравой).

² *Полуштоф* — половина штофа, питейной меры; здесь: стеклянная посуда в эту меру (В.И. Даль).

Только надо: поди замуж за меня!
— В этом воля не моя, воля батюшкина,
Воля батюшки, воля матушки моей.

27

Чарочки по столику похаживают,
Рюмочки походя всё речь говорят:
Сватался-присватался к девице богатый купец,
Сказывал-рассказывал житье-бытье,
Житье-бытье, всё богатство свое:
— Есть у меня, девица, семь деревень,
Есть у меня, красная, семь деревень,
Семь деревень, что с приселочками.
— Думаю-подумаю; пойти ли за него?
Разумом раскину — не быть делу так:
Ты поедешь на море,
Меня покинешь на горе.

Чарочки по столику похаживают,
Рюмочки походя все речь говорят:
Сватался-присватался к девице богатый музыкант,
Сказывал-рассказывал житье-бытье,
Житье-бытье, всё богатство свое:
— Есть у меня, девица, скрипочка, дудок,
Есть у меня, красная, скрипочка, дудок,
Скрипочка, дудок, балалаечка, смычок.
— Думаю-подумаю: пойти ли за него?
Разумом раскину — быть делу так:
Ты будешь мне играть,
А я буду тебе танцевать.

28

Ах, по речке, ах, по Казанке,
Сизый селезень плывет.
Как по бережку, вдоль по крутому
Добрый молодец идет;
Чешет свои кудри, чешет свои черны
Частым гребнем-гребешком;
Сам со кудрями, сам со черными
Разговаривает:
— Кому, мои кудри, кому, мои черны,
Вы достанетесь чесать?
Доставались кудри, доставались черны
Старой бабе чесать,
Она не умеет, она не горазда
Чесать кудри гребешком.

Ах, по речке, ах, по Казанке
Сизый селезень плывет.
Как по бережку, вдоль по крутому
Добрый молодец идет;
Чешет свои кудри, чешет свои черны
Частым гребнем-гребешком;
Сам со кудрями, сам со черными
Разговаривает:
— Кому, мои кудри, кому, мои черны,
Вы достанетесь чесать?
Доставались кудри, доставались черны
Молодой вдове чесать.
Она не умеет, она не горазда
Чесать кудри гребешком.

Ах, по речке, ах, по Казанке
Сизый селезень плывет.
Как по бережку, вдоль по крутому
Добрый молодец идет;
Чешет свои кудри, чешет свои черны
Частым гребнем-гребешком;
Сам со кудрями, сам со черными
Разговаривает:
— Кому, мои кудри, кому, мои черны,
Вы достанетесь чесать?
Доставались кудри, доставались черны
Красной девице чесать.
Она ведь умеет, она и горазда
Чесать кудри гребешком.

29

Калинку с малиною вода поняла¹,
На ту пору матушка меня родила,
Не собравшись с разумом, замуж отдала,
Замуж отдала за неровнюшку,
За неровнюшку в чужу сторону,
В чужу сторонушку — во лиху семью.
Чужая сторонушка — без ветру сушит,
Чужой отец с матерью — без дела бранят.
Посылают меня, молоду, во полночь по воду;
Зябнут-зябнут ноженьки, у ключа стоя,
Прищипало² рученьки к коромыслицу,
Текут-текут слезоньки по белу лицу,

¹ *Поняла́* — затопила.

² *Прищипало́* — приморозило.

Утираю слезоньки белым платком.
Не буду я к матушке ровно три года;
На четвертом годике — пташкой полечу,
Горькою я пташечкой-кукушечкою;
Сяду я у матушки в зеленом саду,
На любиму яблоньку — на матушкину.
Горькими слезами я весь сад потоплю,
Тяжелыми вздохами весь сад посушу,
Закукую я в садике жалобнехонько,
Горькими причетами я мать разбужу.
Матушка по горенке похаживает,
Любезных невестушек побуживает:
— Вставайте, невестушки, голубки мои!
Что это за чудо у нас случилось?
Что у нас зеленый сад без ветру посох,
Без дождя без сильного садик потонул?
Что у нас во садике за пташка поет,
Жалобною песенкой сердечушко рвет,
Ретиву сердечушку назолу¹ дает?
Большая невестушка возговорила:
— Что за пташечка, пойдём поглядим!
Средня невестушка: — Пойдем изловим!
А малый-то братец: — Пойдем застрелим!
Жена ему молвила: — Пташечки не бей,
Пташечка-кукушечка — сестрица твоя,
Прилетела горькая с чужой стороны,
Со чужой сторонунки из лихой семьи!
— Али ты безумная! Сестрица моя —
Белая, румяная, всегда весела,
А эта хозяйюшка худа и бледна.
— Оттого худа-бледна — в чужой стороне:
На чужой сторонуншке — плохое житье.

30

Ах, кабы на цветы не морозы,
И зимой бы цветы расцветали;
Ох, кабы на меня не кручина,
Ни о чем-то бы я не тужила,
Не сидела бы я подпершиися,
Не глядела бы я в чисто поле.
И я, батюшке говорила,
И я свету своему доносила:
— Не давай меня, батюшка, замуж,
Не давай, государь, не за ровню,

¹ Назола — тоска, печаль.

Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы:
Не с хоромами жить — с человеком,
Не с богатством жить мне — с советом!
Много цветного платья на грядке¹,
А неровня лежит на кровати;
Он велит разувать, раздевати.
Мне ж не хочется рук марати,
Золотых перстней поломати.
Уж как я за сапог, а он в щеку;
Уж как я за другой, он в другую.
А меня, молоду, горе взяло,
Я канальей его называла:
Не тебе было мною владети,
А владеть было мной милу другу,
Я которого во девушках любила,
Золотым кольцом подарила!

31

Выдала матушка далече замуж;
Хотела матушка часто езжати,
Часто езжати, подолгу гостити.
Лето проходит — матушки нету;
Другое проходит — сударыни нету;
Третье в доходе² — матушка едет.
Уж меня матушка не узнавает:
— Что это за баба, я не старуха?
— Я ведь не баба, я не старуха,
Я — твое, матушка, милое чадо.
— Где твое девалося бело тело,
Где твой девался алый румянец?
— Белое тело — на шелковой плетке,
Алый румянец — на правой на ручке:
Плеткой ударит — тела убавит;
В щеку ударит — румянцу не станет.

32

Ах ты ноченька, ночка темная!
Ночь ты темная, ночь осенняя!
Что ж ты, ноченька, так нахмурилась?
Ни одной в небе нету звездочки!
С кем мне ноченьку ночевать будет,

¹ *Грядка* — жердь под потолком в избе, служила вешалкой.

² *В доходе* — кончается.

С кем осеннюю коротать будет?
Нет ни бабушки, нет ни матушки;
Лишь один-то есть мил сердечный друг,
Да и тот со мной не в любви живет.

33

Ах вы сени мои, сени, сени новые мои,
Сени новые, кленовые, решетчатые!
Уж знать, что мне по сеничкам не хаживати,
Мне мила дружка за рученьку не важивати!
Выходила молода за новые ворота,
За новые дубовые, за решетчатые;
Выпускала сокола из правого рукава:
Полети ты, мой сокол, высоко и далеко,
И высоко, и далеко, на родиму сторону!
На родимой на сторонке грозен бабушка живет;
Он грозен, сударь, грозен да немилостивый:
Не велит позд(н)о гулять, с холостыми мне играть!
Я не слушаю отца, а потешу молодца!
Я за то его потешу, что один сын у отца,
Он один сын у отца, уродился в молодца,
Зовут Ванюшкою-пивоварушкою.
Пивовар пиво варит, зелено вино курит,
Зелено вино курит, красных девушек манит:
— Вы пожалуйста, девицы, на поварню на мою!
На моей ли на поварне сладко пиво на ходу,
Пиво на ходу, на холодном на леду!

34

Во поле береза стояла,
Лей-ли-лей, стояла,
Во поле кудрявая стояла;
Некому березу заломати,
Некому кудряву заломати.
Я ж пойду погуляю,
Белую березу заламаю;
Срежу с березы три пруточка,
Сделаю три гудочка,
Четвертую балалайку.
Пойду на новые на сени,
Стану в балалаечку играти,
Стану я старого будити:
— Встань ты, мой старый, проснися,
Борода седая, пробудися!
Вот тебе помон, умойся!
Вот тебе рогожка, утрися!

Вот тебе лопата, помолися!
Вот тебе борона, расчещися!
Вот тебе лапотки, обуйся!
Вот тебе шубенка, оденься!

Во поле береза стояла,
Во поле кудрявая стояла;
Некому березу заломати,
Некому кудряву заломати.
Я ж пойду погуляю,
Белую березу заламаю;
Срежу с березы три пруточка,
Сделаю три гудочка,
Четвертую балалайку.
Пойду на новые на сени,
Стану в балалаечку играти,
Стану я милого будити;
— Встань ты, мой милый, проснися!
Ты, душа моя, пробудися!
Вот тебе водица, умойся!
Вот полотенце, утрися!
Вот тебе икона, помолися!
Вот гребешок, расчещися!
Вот тебе башмачки, обуйся!
Вот тебе кафтанчик, оденься,
Лей-ли-лей, оденься!

35

Хожу, млада, по Дунаю, ой, по Дунаю,
Хожу, млада, по тихому, ой, по тихому.
Зайду, млада, во беседу, ой, во беседу,
Зайду, млада, во смиренну, ой, во смиренну.
Во смиренной сидит старый, ой, кашливый;
На коленах держит гусли, ой, лубяные,
По гусям-то струны водит, ой, лычаные¹.
У меня, младой-младеньки, ой, сердце ноет!
Сердце ноет, унывает, ой, унывает!

Хожу, млада, по Дунаю, ой, по Дунаю,
Зайду, млада, во беседу, ой, во смиренну.
Во смиренной сидит малый, ой, сопливый;
На коленах держит гусли, ой, дощатые,
По гусям-то струны водит, ой, силяные².

¹ Лычаные — из лык.

² Силяные — из конского волоса; силó — волос из хвоста.

У меня, молодой-младеньки, ой, сердце ноет,
Сердце ноет, унывает, ой, унывает!

Хожу, млада, по Дунаю, ой, по Дунаю,
Хожу, млада, по быстрому, ой, по быстрому,
Зайду, млада, во беседу, ой, во веселу.
Во веселой сидит младый, ой, мой милый;
На коленях держит гусли, ой, звончатые,
По гусям-то струны водит, ой, золотые.
У меня, молодой-младеньки, ой, сердце радо,
Сердце радо, взрадовалось, ой, взрадовалось,
Резвы ножки заплясали, ой, заплясали,
Белы ручки защелкали, ой, защелкали.

36

Воля, воля, воля, волюшка!
Кому воля, кому нет воли гулять?
— Воля, воля красным девушкам гулять,
А молодушкам нет волюшки,
Нет волюшки, им мужья не велят,
Не велят, не приказывают;
Наша воля миновалась гулять;
Красота с лица скатилась,
Черной грязью помаралась.

37

— Сосенка, сосенушка зелененькая!
Чего ты, сосенушка, не зеленая?
— Отчего мне, сосенушке, зеленой-то быть?
Роса на меня пала полуночная,
Печат меня солнушко полуденное!
— Молодка, молодушка молоденькая!
Чего ты, молодушка, не веселая?
— Отчего мне, молодушке, веселой-то быть?
Свекор называет медведицею;
Свекровь называет лютою змеей;
Деверья называют доможилкою¹;
Невестки называют расточиною;
Золовки называют щеголихою.
А я со милым другом в совете жила;
Научил меня милый друг,
Как свекру сказать, свекровье отказать:
Медведица, батюшка, — во темных лесах;
Люта змея, матушка, — во чистых полях;

¹ Доможилка — домовка, не работающая в поле во время страды.

Доможилка, деверьюшки, — собака на дворе;
Расточиха, невестушки, — томышь в закрое;
Щеголиха, золовушки, — утка на воде¹.

38

Лучина, лучинушка березовая!
Что же ты, лучинушка, не ясно горишь,
Не ясно горишь, горишь, не вспыхиваешь?
Или ты, лучинушка, в печи не была,
Или ты, лучинушка, не высушена,
Или свекровь лютая водой подлила?
Подружки-голубушки, ложитесь спать!
Ложитесь, подруженьки, вам некого ждать!
А мне, молодешеньке, всю ночь не спать!
Всю ночь не спать, младой, постелюшку стлать,
Постелюшку стлать-то мне, мила друга ждать!
Первый сон заснула я — мила друга нет;
Другой сон заснула я — сердечного нет;
Третий сон заснула я — заря-белый свет!
По белой по зорюшке мой милый идет:
Сапожки на ноженьках поскрипывают,
Соболина шубушка пошумливает,
На шубушке пуговицы погромливают.

39

Спится мне, младешенькой, дремлется,
Клонит мою головушку на подушечку;
Свекор-батюшка по сеничкам похаживает,
Сердитый по новым погуливает.

Стучит-гремит, стучит-гремит,
Снохе спать не дает:
— Встань, встань, встань ты, сонливая!
Встань, встань, встань ты, дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

Спится мне, младешенькой, дремлется,
Клонит мою головушку на подушечку;
Свекровь-матушка по сеничкам похаживает,
Сердитая по новым погуливает.

Стучит-гремит, стучит-гремит,
Снохе спать не дает:
— Встань, встань, встань ты, сонливая!

¹ Утка на воде — вероятно, речь идет о девушках-невестах.

Встань, встань, встань ты, дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

Спится мне, младешенькой, дремлется,
Клонит мою головушку на подушечку;
Мил-любезный по сеничкам похаживает,
Легохонько, тихохонько поговаривает:

— Спи, спи, спи ты, моя умница,
Спи, спи, спи ты, разумница!
Загонена, забронена, рано выдана.

40

Ты заря моя, ты заря вечерняя!
Ты игра моя, ты игра веселая!
Поиграйте, девушки, поиграйте, красные,
Поиграйте, красные, у отца, у матери!
Батюшка у ворот стоит, батюшка домой кличет.
Батюшки не слушаю, от игры домой нейдю:
Не доиграна игра, не допета песенка!

Ты заря моя, ты заря вечерняя!
Ты игра моя, ты игра веселая!
Поиграйте, девушки, поиграйте, красные,
Поиграйте, красные, у отца, у матери!
Матушка у ворот стоит, матушка домой кличет.
Матушки не слушаю, от игры домой нейдю:
Не доиграна игра, не допета песенка!

Ты заря моя, ты заря вечерняя!
Ты игра моя, ты игра веселая!
Поиграйте, девушки, поиграйте, красные,
Поиграйте, красные, у отца, у матери!
Свекор у ворот стоит, свекор домой кличет.
Хоть не рада, да слушаю, от игры домой пойду,
Хоть не доиграна игра, хоть не допета песенка!

41

Ветры мои, ветры, вы буйные ветры!
Не можете ли, ветры, горы раскачати?
Гусли мои, гусли, звончатые гусли,
Не можете ли вы, гусли, вдову взвеселити?
У меня, у вдовушки, четыре кручины,
Четыре кручины, да пятое горе,
Да пятое горе, что нет его боле!
Первая кручина — нет ни дров, ни лучины;

Другая кручина — нет ни хлеба, ни соли;
Третья кручина — молода овдовела;
Четверта кручина — малых детушек много;
А пятое горе — нет хозяина в доме.
Я посею горе во чистым поле.
Ты взойди, мое горе, черной чернобылью,
Черной чернобылью, горькою полынью!

42

— Куманечек, побывай у меня,
Душа-радость, побывай у меня,
Побывай-бывай-бывай у меня,
Душа-радость, побывай у меня!
— Я бы рад побывать у тебя,
Побывать-бывать-бывать у тебя,
У тебя, кума, ведь улица грязна,
Что грязна-грязна-грязна-таки, грязна!
— Куманечек, тому горю помогу,
Помогу-могу-могу, помогу,
Через дорогу я мосточек намощу,
Намощу-мощу-мощу, намощу!

— Куманечек, побывай у меня,
Душа-радость, побывай у меня,
Побывай-бывай-бывай у меня,
Душа-радость, побывай у меня!
— Я бы рад побывать у тебя,
Побывать-бывать-бывать у тебя,
У тебя ль, кума, ворота скрипучи,
Скрипучи-пучи-пучи, скрипучи!
— Куманечек, тому горю помогу,
Помогу-могу-могу, помогу,
Под ворота кусок сала положу,
Положу-ложу-ложу, положу!

— Куманечек, побывай у меня,
Душа-радость, побывай у меня,
Побывай-бывай-бывай у меня,
Душа-радость, побывай у меня!
— Я бы рад побывать у тебя,
Побывать-бывать-бывать у тебя,
У тебя, кума, собачка лиха,
Что лиха-лиха-лиха-таки, лиха!
— Куманечек, тому горю помогу,
Помогу-могу-могу, помогу,
Я собачку на цепочку привяжу,
Привяжу-вяжу-вяжу, привяжу!

— Дома ль кум воробей?
 — Дома.
 — Что он делает?
 — Болен лежит.
 — Что у него болит?
 — Плечики.
 — Сходи, кума, в огород,
 Сорви травы гречки¹,
 Попарь ему плечки.
 — Парила, кумушка,
 Парила, голубушка.
 Его пар не берет,
 Только к сердцу придает².

— Дома ль кум воробей?
 — Дома.
 — Что он делает?
 — Болен лежит.
 — Что у него болит?
 — Животок.
 — Сходи, кума, в огород,
 Сорви травки репеёк³,
 Попарь ему животок,
 — Парила, кумушка,
 Парила, голубушка.
 Его пар не берет,
 Только к сердцу придает.

— Дома ль кум воробей?
 — Дома.
 — Что он делает?
 — Болен лежит.
 — Что у него болит?
 — Лыточки⁴.
 — Сходи, кума, в огород,
 Сорви травки сныточк⁵,
 Припарь ему лыточки.
 — Парила, кумушка,

¹ *Греча* — растение, так называют кашку, рудометку, тысячелистник, рябинку и другие травы.

² *Придает (к сердцу)* — вызывает сердцебиение.

³ *Репеёк* — репейник.

⁴ *Лыточки, лытки* — здесь: либо колени, либо пятки.

⁵ *Сныточка* — лечебная трава.

Парила, голубушка.
Его пар не берет,
Только к сердцу придает.

— Дома ль кум воробей?
— Дома.
— Что он делает?
— Болен лежит.
— Что у него болит?
— Пяточки.
— Сходи, кума, в огород,
Сорви травки мяточки,
Припарь ему пяточки.
— Парила, кумушка,
Парила, голубушка,
Его пар не берет,
Только к сердцу придает.

44

Что задумал наш комаричек жениться,
Что задумал наш комарик муху взять.
Прилетел слепец¹ — муху расхаял:
— Это что же тебе муха за невеста?
Она прясть-то, ткать не умеет,
Она шелком шить не училась,
Она золото класть не горазда².
Она с клеточки³ на клеточку летала,
Она с криночки на криночку садилась,
Из-под крайчика сметанку выедала.

Полетел наш комарик в чисто поле,
Уж как сел комарик на дубинку⁴,
На осиноу на осинку.
Вот свалился комарик с дубинки,
Свалился тут и убился.
Туто шли-прошли два прохожих —
Один-то поп, другой да разбойник.
— Это что это лежит да за покойник?
По одеже-то похожий сын попovich,
По окладистой бородке сын торговый.
Еще сделали ему гробочек

¹ *Слепец* — слепень.

² Не умеет.

³ *Клеточка* — клеть, чулан.

⁴ *Дубинка* — дерево (не обязательно дуб).

Из ореховой скорлупинки,
Его ноженьки да не уходят¹.
Схоронили комарика в чисто поле,
В чисто поличко, да во раздолье.
— Ты зачем же, комарик, не держался,
Большеглазенький, да оборвался!

45

Жила-была Дуня,
Дуня-тонкопряха.
Вáли-вáли, Дуня,
Дуня-тонкопряха!

Пряла наша Дуня
Ни толсто, ни тонко,
Ни толсто, ни тонко,
Потолще каната,
Потолще каната,
Потоньше оглобли.

Стала наша Дуня
Холсточек сновати².
Сновала, сновала —
Колья³ поломала.

Стала наша Дуня
Холсточки ткати.
Семь сел проходила,
Берда⁴ не добыла.
В огороде ткала,
Колом прибывала.

Ехали бояре,
— Бог помощь, — сказали,
Бог помощь, — сказали,
Рогоженьку ткати.
— Брешет ваша рожа,
Это не рогожа,
Это не рогожа —
Тонкая холстина.

¹ Не входят в скорлупинку-гроб, не помещаются.

² *Сновать* — натягивать нити (основу) на ткацком станке.

³ *Колья* — колышки, деревянные гвозди, которые держат нити.

⁴ *Бёрдо* — гребень в ткацком станке.

Стала наша Дуня
Рубашонку краить¹:
Долотом² примерит,
Обухом³ ударит.

Стала наша Дуня
Рубашонку шити:
Буравлем⁴ прокрутит,
Бечевкой⁵ протянет.

Стали нашей Дуне
Рубашку надевати:
Семеро держали,
Девять надевали.

Семь годов носила —
Смены не просила.
Смены не просила,
В баню не ходила.
Вáli-вáli, Дуня,
Дуня-тонкопряха!

46

Мой муж домой едет,
Постылый домой едет.
Некуда гостя дети,
Некуда схоронити.
Я гостя — в лукошко,
Войлоком накрыла,
Под лавку подбила.

Как муж приезжает,
Он жену пытается:
— Жена моя, женка,
Жена-боярыня,
Что у тебя в лукошке
Войлочком накрыто,
Под лавку подбито?

¹ Краить — кроить.

² Долото — плотницкий инструмент.

³ Обух — обратная сторона топора.

⁴ Буравль — инструмент для сверления дыр.

⁵ Бечева — веревка.

— Уж ты, муж-мужишко,
Глупый, неразумный!
Черная овечка барана родила
С крутыми рогами,
С головой кудрявой,
С длинными ногами.

— Жена моя, женка,
Жена-боярыня,
Покажи мне барана
С крутыми рогами,
С длинными ногами!

— Да ты, муж-мужишко,
Глупый, неразумный!
Этого барана
До трех дней не кажут,
До трех не любят.

Денечек проходит,
Другой наступает,
Муж жену пытается:
— Жена моя, женка,
Покажи мне барана
Черного, кудрява!

— Этого барана
Я в сад относила;
Свинья дверь отбила,
Барана упустила;
Этого-барана
Серы волки съели.

47

У меня ль муж не уда́ла голова,
Не купил он мне чернóва соболя,
А купил он мне коровушку,
Погубил мою головушку:
Перво дело-то коровушку подой,
Другое дело-то подойничек помой,
Третье дело-то теленочка напой.

Погоню ли я коров на росу,
Попадался мне медведь во лесу;
Я медведя испугалася,
Во часты кусты бросалася,

Я за те кусты дубовые,
Я за прутья за кленовые:
— Ты медведюшка, мой батюшка!
Обдери мою коровушку,
Обдери мою коровушку —
Слобонй мою головушку!

48

Было у тещи
Семь зятьев:
Хомка зять,
И Пахомка зять,
И Гришка зять,
И Гаврюшка зять,
И Макарка зять,
И Захарка зять,
Зятюшка Ванюшка —
Милей всех зятьев.

И стала теща
Зятьев в гости звать.
Хомка идет,
И Пахомка идет,
И Гришка идет,
И Гаврюшка идет,
И Макарка идет,
И Захарка идет.
— Зятюшка. Ванюшка,
Иди поскорей!

И стала теща
Зятьев за стол сажать.
Хомка сел,
И Пахомка сел,
И Гришка сел,
И Гаврюшка сел,
И Макарка сел,
И Захарка сел.
— Зятюшка Ванюшка,
Поди вот тут сядь!

Стала теща зятьев
Вином потчевать:
Хомке рюмка,
И Пахомке рюмка,
И Гришке рюмка,

И Гаврюшке рюмка,
И Захарке рюмка,
Зятюшке Ванюшке —
Рюмочка с винцом.

Стала теща с зятьев
Деньги обирать.
С Хомки — рубль,
И с Пахомки — рубль,
И с Гришки — рубль,
И с Гаврюшки — рубль,
И с Макарки — рубль,
И с Захарки — рубль,
С зятюшки Ванюшки —
Пара серебра.

Стала теща
Зятьев провожать:
И Хомке — в шею,
И Пахомке — в шею,
И Гришке — в шею,
И Гаврюшке — в шею,
И Макарку — в шею,
И Захарку — в шею,
А зятюшку Ванюшку —
За святые волоса.

Детский фольклор

Детский фольклор являет собой обширную область творчества, соединенного с педагогическими функциями, что не мешает ему быть художественным. Деление его на виды и роды предполагает прежде всего учет возраста тех, кому оно предназначено. Для классификации важна связь с тем фольклором, который был воспринят у взрослых или возник у детей как подражание ему. Все древние традиции в детском фольклоре преобразованы. Ни у взрослых, ни у детей нет того, что можно назвать в собственном смысле «мифологией», хотя и в языке, и в формах художественного мышления сохраняется часть реликтовых отголосков и «переживаний». Суждение о существовании у детей «мифологического мышления» основано на смещении понятий. Мифологическое сознание — далекое прошлое человечества. От старины у людей нашего времени сохра-

няется лишь то, что отвечает условиям позднего исторического быта. Мифология как система мышления отсутствует. Дети усваивают влияния среды, сообразные с представлениями и понятиями поздней семьи и цивилизованного общества.

Как искусство слова детский фольклор представляет собой единство. Художественное начало преобладает, остальные (педагогика во всех ее проявлениях) ему сопутствуют. При многообразии жанров в сочетании свойств функций в них отсутствуют соединения, характерные для древнейшего синкретизма, и налицо обычный для позднего состояния культуры *синтез* (искусства и педагогики). В частности, по этой причине на одну и ту же мелодию исполняются разные песни, возможны перемещения потешек, прибауток, небылиц, приговоров и других детских произведений из разряда в разряд. Однако переходы ограничены и сопровождаются изменением жанровой функции произведений.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

1

Ой, лю-лю, мое дитяtko,
Лю-лю, лю-лю (*припев*).

Спи-тко, усни,
Дитя материно.

Спи-ко ты, дитяtko,
С Богом, со Христом.

Все ласточки спят,
И касаточки спят.

Куницы спят,
И лисицы спят.

Сóколы спят,
И сóболи спят.

Нашему (*имя*)
Спать же велят.

Для чего, зачем
(*Имя*) не спать?

Ласточки спят
Все по гнездышкам,

Касаточки спят
Все по кусточкам,

Лисицы спят
Все по подкустичкам,

Куницы спят
Все по норочкам,

Сóколы спят
Все по гнездышкам,

Сóболи спят,
Где им вздумалось,

Маленькиё детки
В колыбелочках спят.

2

Баюшки-баю!
Я сугревушку свою,
Я сугревушку свою,
Я к чему примерю?
Примерю теплу
Свою сугреву
Летом — к алому цветочку,
Зимой — к белому снежочку.

3

Гуркота, гуркота!
А Митеньке дремота.
Сон да дрема
Вдоль по улице прошла,
К мому Митеньке зашла,
Под головушку спать легла.
Баюшки-баю,
Баю деточку мою!
Прилетели гулюшки,
Садилась на люлюшку,
Они стали гурковать,
Стали Митеньку качать,
Прибаюкивати:
— Спи, Митенька, засни,
Угомон тебя возьми.
Лучше выспишься
Не закуражишься,

Пойдешь в сад —
Разгуляешься,
Да и с нянюшками,
Да и с мамушками.
Будешь в золоте ходить,
Много серебра носить.
Баю, баюшки, баю,
Баю диточку мою.

4

Бай-бай, бай-бай!
Спи-ко, милое дитя,
До восхода солнышка,
До заката месяца.
Бай-бай, бай-бай!
Когда солнышко взойдет,
Роса наземь упадет.
Бай-бай, бай-бай!
Роса наземь упадет,
Тогда Костюшка встает.
Бай-бай, бай-бай!
Тогда Костюшка встает —
На работушку пойдет.

5

Бай-бай, бай-бай!
Спи-ко, Костя, в зыбке новой
На периночке пуховой.
Бай-бай, люли, бай,
На периночке пуховой —
Много перья петухова...

6

Сон да дрема
По качульку брела,
По качульку брела,
К дочке в люльку забрела.
Лелюшки-люли,
Прилетели голуби.
Стали гули ворковать —
У меня дочка — засыпать.
Спи-ко, дочка моя,
Прикачаю я тебя.
Байки-качй,
Под подушку — калачи,
В ручках — прянички,
В ножках — яблочки...

7

Бай-бай, бай-бай!
 Я Костюшеньку люблю,
 Костю вицей не секу.
 Бай-бай, бай-бай,
 Костю вицей¹ не секу —
 Лучше яичко испеку.

8

Спи, усни, —
 Бай, бай, бай!
 Угомон тебя возьми.
 Сон да дрема
 У тя в сердцах,
 Кунья-та шуба
 У тя в ногах,
 Соболина-та шапка
 У тя в головах.
 Спи, посыпай,
 На повоз поспевай:
 Доски готовы,
 Кони спяжены.
 Спи, посыпай,
 Боронить поспевай.
 Мы те шапочку купим,
 Зипун сошьем,
 Зипун сошьем,
 Боронить пошлем
 В чистые поля,
 В зелены луга.

9

Баю-бай, баю-бай,
 Коля, рано не вставай,
 Коля, рано не вставай,
 Головы не поднимай,
 Головы не поднимай
 Да обряжаться² не мешай.
 Коля рано встает —
 Обряжаться не дает...
 Не дадим Коле спать,
 Будем рано разбужать,
 Будем рано разбужать,

¹ Ви́ца — прут.

² Обряжаться — вести хозяйство, работать по дому.

На работку посылать,
На работу на такую,
Да на веселую страду,
Будем сено косить
Да будем в кучки носить.

10

Я качаю день и ночь,
Отойди, бессонье, прочь!
Отойди да отвались,
В темном лесе заблудись,
В темном лесе, во кустах,
Во малиновых листьях.

11

Пошел котик во лесок, —
Нашел котик поясок,
Чем люлечку подцепить
Да Ванюшку положить.
Ваня будет спать,
Котик Ваню качать.
А котик его качать
Да, серенький, величать.
«Сон да дрема,
Усыпи мое дитя!»
Пошел коток во торжок,
Купил себе пирожок.
Идет котик на лавочке,
Ведет киску за лапочку,
Ходят вместе они —
А ты, маленький, усни.

12

Еще серые коты
Из-за моря шли,
Из-за моря шли,
Много сна нанесли,
Все по зыбочкам трясли.

13

Уж я Ванюшку качала,
Уж я котнику кричала:
— Приди, котик, ночевать,
Мово Ваню покачать.
Уж я серому коту
За работу заплачу,
Дам я мяса кусок,

Молока туюсок!¹
Бай да побай,
Ты, Ваня, засыпай!

14

А качй, качй, качй,
Прилетели к нам грачи.
Они сели на ворота,
Ворота-то: скрип, скрип!
А Коленька спит, спит.

15

Бай-бай, бай-бай,
Не вались, Коля, на край...
Придет серенький волчок,
Схватит Колю за бочок
Схватит Колю за бочок
Да потащит во лесок.
Он потащит во лесок,
Во ракитовый кусток...

16

Баю-баюшки, баю.
Живет мужик на краю.
Он не беден, не богат,
Полна горница ребят.
Все по лавочкам сидят,
Кашу маслену едят.
Кашка масленая,
Ложка крашенная,
Ложка гнется,
Сердце бьется,
Душа радуется

17

Баю-побаю,
Скоро в речке накупаю,
В родничке наполощу,
Никуда я не спущу.

18

Баю-баю, баю-баю,
Пошел отец за рыбою,
Мать пошла пеленки мыть,
Бабушка дрова рубить.

¹ Туюсок — сосуд из бересты.

Баю-бай, баю-бай,
 Поди, бука на сарай.
 Поди, бука на сарай,
 Коням сена надавай.
 Кони сена не едят,
 Все на буконьку глядят.

ПЕСТУШКИ И ПОТЕШКИ

1

Когда ребенок гулит или агукает [приговаривают]:

Ах, поет, поет
 Соловушка!
 Ах, поет, поет
 Молоденький;
 Молоденький,
 Хорошенький,
 Пригоженькой!

2

Когда ребенок проснется и потягивается, его гладят по животу, приговаривая:

Потягунюшки, порастунюшки!
 Роток-говорунюшки,
 Руки-хватунюшки,
 Ноги-ходунюшки.

3

Говорят, когда ребенок зевает, и хотят, чтобы он уснул:

Первый хамочек — на потолок,
 А другой — на стенку,
 А третий — в постельку.

4

В бане приговаривают, окачивая водой:

С гоголя — вода,
 С младенца — худоба!
 Вода — под пол,
 Младенец — на пол..

5

Ангелы купались,
 А нам остаточки оставались.
 Водица в мѳря,
 А Никола расти в гѳру.

6

Когда ребенок начинает становиться на ножки:

Дыб, дыб, дыбѳчек
 На первый годочек!

7

Когда ребенок учится ходить:

— Ножки, ножки,
 Куда вы бежите?
 — В лесок по мошок:
 Избушку мшить¹,
 Чтобы не холодно жить.

8

Движениями детских ручек изображают растягивание холста и говорят:

Тяни холсты,
 Тяни холсты,
 На рубашечку,
 На столешничек².

9

Мать или няня сажает ребенка на колени и, держа его за ручки, покачивает то к себе, то — от себя, приговаривая:

Тѳню³ тѳну,
 Рыбу ловлю,
 В кѳшель кладу,
 Домой нѳсу:
 Щѳрки в кѳчки,
 Плотѳчки в полѳчки.
 Один ершок —
 Да и тот в горшок.
 Щей наварю,

¹ *Мшить* — конопатить избу мохом.

² *Столешник* — скатерть.

³ *Тѳня* — здесь: невод, сеть.

Николая накормлю,
Спите-тко, ребята,
Не чухкайте¹.

10

Взяв ребенка, его качают вверх и вниз, напевая и приговаривая:

А тпру, тпру, тпру!
А тпру, тпру, тпру!
Не вари кашу круту,
Вари жиденькую,
Вари мякенькую,
Да молошенькую.

11

Тюшки, тютюшки,
На горе пичужки.
Там Ванюшка был,
Пичужку поймал.

12

Посадивши ребенка на руку, его качают вверх и вниз под следующий мерный напев:

А тари, тари, тари!
Куплю Маше янтари,
Останутся деньги,
Куплю Маше серьги.
Останутся пятаки,
Куплю Маше башмаки,
Останутся грошики,
Куплю Маше лож(и)ки,
Останутся полушки,
Куплю Маше подушки.

13

Ехала барыня
По ровненькой дорожке,
По кочкам, по кочкам —
Да бух!

¹ По смыслу: спите крепко, ничего не чужа.

14

Ребенка водят под мышки или за ручки вдоль лавочки, приговаривая:

Три-та, та, три-та, та!
 Вышла кошка за кота.
 Ходит кот по лавочке,
 А кошечка по подлавочке,
 Ловит кота за лапочки:
 — Ох ты, котик, коток,
 Крутолобенький!
 Поиграй ты, кот, со мной,
 С Машкой, кошкой молодой!

15

Ребенка ставят или сажают к себе на колени и, подкачивая его, припевают в такт.

Скок-поскок!
 Молодой дроздок
 По водичку пошел,
 Молодичку нашел.
 Молодиченька,
 Невеличенька:
 Сама с вершок,
 Голова с горшок.
 Шу-вы! полетели,
 На головушки и сели.

16

Изображая пальцами правой руки рога, слегка щекоцуют ими ребенка и припевают речитативом:

Идет коза рогатая,
 Идет коза бодатая:
 Ножками: топ! топ!
 Глазками: хлоп, хлоп!
 Кто кашки не ест,
 Кто молока не пьет,
 Того забодает, забодает.

Взяв ручки ребенка, хлопают ими в ладоши, в такт, а при последних словах ручки разводят и поднимают на голову ребенка:

— Ладушки, ладушки!
 Где были? — У бабушки.
 — Что ели? — Кашку.
 — Что пили? — Бражку*.
 Кашка сладенька,
 Бражка пьяненька,
 Бабушка добренька.
 Попили, поели, —
 Шу-у-у — полетели,
 На головушку сели.

** Отсюда по варианту из Самарской губернии, сообщенному Г.Н. Потаниным, продолжение иное:*

— Кого били? Машку.
 — За что про что?
 — Не ешь нашу кашку
 — Не пей нашу бражку.

Конец — как в приведенном тексте.

Берут у ребенка ручку и водят по ладошке указательным пальцем и приговаривают:

Сорока, сорока,
 Сорока-белобока
 Кашку варила,
 На порог скакала,
 Гостей скликала.
 Гости услышали,
 Быть обещали.
 Гости — на двор,
 Кашицу — на стол.
 Этому дала на блюдечке,
 Этому — на тарелочке,
 Этому — на ложечке,
 Этому — поскребушки,
 А этому — нет ничего.
 Шувы! полетели,
 На головушку сели.

И затем, щекоча слегка ладонь ребенка и суставчики рук, колен и, наконец, подмышку, приговаривают:

Тут пень,
Тут колода,
Тут студеная вода.
Тут кипятков, кипятков!

19

Перебирают по очереди пальчики ребенка и приговаривают:

Большаку дрова рубить (*большой палец*),
А тебе воды носить (*указательный*),
А тебе печка топить (*безымянный*),
А малышке песни петь (*мизинец*),
Песни петь да плясать,
Родных братьев потешать.
Песни петь да плясать,
Родных братьев потешать.

20

Перебирают пальцы и при этом говорят:

Идут четыре брата
Навстречу старшему.
— Здравствуй, большак! — говорят.
— Здорово, Васька-указка,
Мишка-середка,
Гришка-сиротка
Да крошка Тимошка.

21

Ехали гусары, гусары, гусары,
Ехали уланы, уланы, уланы.
Ехали казаки, казаки, казаки
По гладенькой дорожке,
По гладенькой дорожке,
По кочкам, по кочкам.
По кочкам, по кочкам,
По ухабам, по ухабам, по ухабам,
По мостику, по мостику, по мостику —
Бух в ямку!

- Горбок, горбок!
- Что в горбу?
- Денежки.
- Кто дал?
- Дедушка.
- А много ли?
- Сто рублей.

ПРИБАУТКИ

1

Дон, дон, дон!
 Загорелся кошкин дом.
 Бежит курица с ведром —
 Заливать кошкин дом.

2

Долгоногий журавель
 На мельницу ездил,
 Диковинку видел:
 Коза муку мелет,
 Козел засыпает,
 А маленьки козленочки
 Муку выгребают,
 А барашки круты рожки
 В дудочку играют,
 А сороки-белобоки
 Пошли танцевати,
 А вороны стережены¹
 Пошли примечати.
 Сова из-за угла смотрит,
 Ногами топчет,
 Головой вертит.

3

Зайка серенький,
 Где был-пропадал?
 В огороде капустку
 Ел-глодал.

4

Зайчик, ты зайчик,
 Коротеньки ножки,
 Сафьянны сапожки!

¹ Стережены (вороны) — осторожные.

Куда мне бежати
Медведя женити?
Медведь-то мне дядя,
Лисица сестрица,
Комар провожатый <...>

5

Синичка, синичка,
Воробью сестричка.
Воробей-воришка
Залез в амбаришко,
Клевать просо
Своим носом.

6

Гуля, гуля-голубок,
Гуля сизенький,
Сизокрыленький,
Всем миленький.

7

Сова, совинышка, сова,
Большая голова,
На колу сидела,
В стороны глядела,
Головой вертела.

8

Курочка-ряба
Все овес толкла,
Просо сеяла,
Горох веяла.

9

— Девица, девица,
Сходи но водицу.
— Я волка боюсь,
Я лисицы боюсь,
Я медведя боюсь.
— Волк на работе,
Лиса на болоте
Платьице мыла,
Валек опустила.
Сама-то смеется,
Хохолок трясется.

10

— Бабушка Ульяна,
 Где была? — Гуляла.
 — Како чудо видала?
 — Курочку-рябушку
 С петушком на дрожках.

11

Скачет галка
 По ельничку,
 Вьет хвостом
 По березничку.
 Наехали на галку
 Разбойнички,
 Сняли они с галки
 Синь кафтан.
 Не в чем галочке
 По городу гулять.
 Плачет галка,
 Да негде взять.

12

Зайчишка-трусишка
 По полю бежал,
 В огород забежал,
 Морковку нашел.
 Морковку нашел —
 Сидит, грызет.
 Ай, кто-то идет!

13

Бегал заяц по болоту,
 Он искал себе работу,
 Да работы не нашел,
 Сам заплакал и пошел.

14

У царева кабака
 Была яма глубока,
 Мышка с мышкой разодрались —
 В одну яму оборвались.

15

Ты Назар, ты Назар,
 Поди-ка на базар,
 Купи мне сарафан:

Ни долог, ни короток —
Ни в лес ходить,
Ни зайцев ловить.

16

Идет кузнец из кузницы,
Несет кузнец два молота.
Тук, тук, тук,
Да ударил разом вдруг.

17

Стучит, брячит на улице,
Фома едет на курице,
Тимошка на кошке —
Туда же по дорожке.
— Куда, Фома, едешь,
Куда погоняешь?
— Сено косить,
— На что тебе сено?
— Коровок кормить.
— На что тебе коровы?
— Молоко доить.
— На что тебе молоко?
— Ребяток поить.

18

А дуду, дуду, дуду!
Потерял мужик дуду
На поповом на току,
Шарил, шарил — не нашел,
Ко боярыне пошел:
— Сударыня-боярыня!
Прикажь вора поймать,
Руки, ноги обломать,
На низеньких ножках,
В синеньких сапожках.

19

Воробей пиво варил,
Молодой вино курил;
Всех созвал
Мелких пташечек,
Как одну сову не звал
Савельевну.
Ай, сова Савельевна —
Незваной гость.

Ай, пошел воробей,
Ай, пошел молодой
Плясать в присядку,
Отдавил сове ножку,
Отдавил Савельевне.
Сова осердилась...
Воротами хлопнула.
Воробей в погон:
— Воротись, Савельевна!
— Не того сова роду,
Чтоб назад воротилась,
Воробью поклонилась.

20

Ой, люли, та-ра-ра!
На горе стоит гора,
А на той горе лужок,
А на том лужку дубок,
А на том дубку сидит
Ворон в красных сапогах,
Во зелененьких серьгах.
Черный ворон на дубу
Играет во трубу.
Труба точеная —
Позолоченная.
Он утром в трубу трубит,
А вечером сказки говорит.
Сбегаются зверьки
Ворона послушать,
Пряничка покушать.

21

Ехал чичик через мост,
Вел кобылушку за хвост.
Кобылка пала,
Шкурка не пропала,
А из шкурки — сапожки,
Из копытца — гребешки.

22

У нашего Данилы
Разыгралась скотина,
И коровы и быки
Разинули кадыки,
Утки в дудки,
Тараканы в барабаны;

Коза в синем сарафане,
Во льняных штанах,
В шерстяных чулках,
Вол и пляшет,
Ногой машет,
Журавли пошли плясать,
Долги ноги выставлять,
Бух, бух, бух.

23

Коси, коса, пока роса.
Роса долой — косец домой.
Коса любит лопатку¹,
Лопатка — песок,
Лопатка — песок,
Сам косец — пирожок,
Чтобы сердце обжег.

24

— Ох ты, козонька, коза!
Где же ты была?
— У попа я на дворе.
— Что там делала?
— Коней пасла.
— Что ж ты выпасла?
— Жеребеночка
В золотой узде
Позолоченной.
— Где жеребеночек?
— В клетку² ушел.
— Где же клетка?
— Водой снесло.
— Где вода?
— Быки выпили.

Окончание не записано.

25

Продолжение предыдущей:

— Где быки?
— За бугор ушли.
— Где бугор?

¹ *Лопатка* — дощечка с мелким песком, приклеенным на смоле, служила для правки кос.

² *Клетка* — здесь: место, огороженное тыном, оградой.

- Черви выточили.
- Где черви?
- Гуси выклевали.
- Где гуси?
- В тростник ушли.
- Где тростник?
- Девки выжали.
- Где девки?
- Замуж повышли.
- Где мужья?
- На войне стоят.

26

Как по речке по реке
Ехал рыжий на быке.
Рыжий красного спросил:
— Чем ты бороду красил?
— Я не краской, не помазкой,
Я на солнышке лежал,
Кверху бороду держал.

Примечание собирателя: В Шуйском уезде Владимирской губернии еще прибавляют:

А как солнышко взошло,
Всю бородушку сожгло.

27

Уж и где же это видано,
Уж и где же это слыхано,
Чтобы курочка бычка принесла,
Поросеночек яичко снес,
Чтоб по поднебесью медведь летал,
Черным хвостиком помахивал.

28

Лыко мужиком подпоясано,
Ехала деревня середь мужика,
Глядь, из-под собаки лают ворота,
Ворота-то пестры, собака-то нова.
Мужик схватил собаку
И давай бить палку.
Собака амбар-то поджала
Да под хвост и убежала.
Изба пришла в мужика,
Там квашня бабу месит.

<...>Облоухая¹ свинья
 На дубу гнездо свила,
 Поросила поросят
 Ровным счетом шестьдесят,
 Распустила поросят
 Все по маленьким сучкам.
 Поросята визжат,
 Полетец яны хоцяць.
 Полецели, полецели
 И на воздухе присели.
 Косолапый мядзвездзь
 С мухи шкуру содрав,
 Полсапожки себе сшив,
 В полсапожках щеголяв,
 Оскользнувся и упав,
 В сине море ён попав.
 Сине море все повыгорело,
 Бела рыба вся повывлетела.
 А на печке мужик
 Осетра-рыбу поймав,
 А в пламени другой
 Быстру щуку схватив.
 Как пошло на чудеса,
 Идзе море — там леса,
 Водой палюць леса.

30

Жил-был царь Ватуга,
 И вся сказка тута.

31

Летел ворон,
 Сел на колоду
 Да бух в воду!
 Уж он мок, мок, мок
 Уж он кис, кис, кис.
 Вымок, выкис,
 Вылез, высох,
 Сел на колоду
 Да бух в воду...

¹ Облоухая — ушастая, длинноухая.

ЗАКЛИЧКИ И ПРИГОВОРКИ

1

В начале марта дети закликивали весну:

— Весна красна! На чем пришла?
— На сошечке, на бороночке,
На овсяном снопочку,
На ржаном колосочку.

2

Дождик, дождик, пуше
Дам тебе гущи,
Выйду на крылечко,
Дам огуречка...
Дам и хлеба каравай
Сколько хочешь понуждай¹.

3

Уж дождь-дождем,
Поливай ковшом!

4

Дождичек, росй, росй,
Девушка, расти, расти!

5

Когда дожди «зарядят», станут вредными для посевов, закликают солнышко, просят радугу прекратить дождь:

Солнышко, солнышко,
Выгляни в окошечко —
Дам тебе веретешечко²,
Насыплю горошечка.

6

Радуга-дуга,
Не давай дождя,
Давай солнышка,
Колоколнышка³.

¹ *Понуждать* — гнать, торопить, заставлять, здесь: литься сильнее.

² *Веретешечко (веретёшко)* — название детской посуды (Словарь русских народных говоров. Вып 4. Л., 1969. С.138).

³ *Колоколнышко* — по-видимому, от *коло* (*коло-колнышко*): обод, обруч, колесо, круг.

7

Радуга-дуга,
Перебей дождя!

8

Когда случается засуха, а дожди идут мимо или выпадает небольшой дождь, просят у радуги, чтобы она не уносила дождя:

Радуга-дуга,
Принеси нам дождя.

9

Радуга-дуга,
Не пей нашу воду.

10

С наступлением дня Матери Елены (21 мая) или немного раньше сеют репу. Как узнают али увидят ребята, што баба пошла репу сеять, и зачнут петь «репку»... Делается это с целью испортить посев репы:

Уродися, репка,
Ни густа, ни редка,
С мыший хвост,
С тараканий нос...

11

Коровушка, буренушка,
Подай молочка,
Покорми пастушка.

12

После купанья, чтобы избавиться от воды, налившейся в уши, прыгают на одной ноге, прижимая к уху ладонь, приговаривают в такт прыжкам:

— Мышка, мышка,
Вылей воду
За косую огорóду¹!

¹ *Косая огорóда* — ограда из жердей, поставленных не прямо, а косо.

13

— Водолей, водолей,
Вылей воду из ушей!

14

Бросали в подпечек выпавший молочный зуб со словами:

— Мышка, мышка!
На тебе зуб липяной,
Дай мне гребяной.

15

У детей, которые бегали босиком по грязи, в иных случаях заболела кожа, ноги и руки покрывались «цыпками». Цыпки лечили коровьим маслом с приговоркой:

— Цыпи, цыпи под порог,
Дам вам маслица комок.

16

Вызывали улитку из раковины:

— Улитка, улитка,
Высуни рога:
Дам тебе пирога.

17

— Бабка-липка,
Сядь на травку —
Зеленую муравку!

18

— Божья коровка,
Вёдро иль ненастье?

Гаданье-примета: если жучок полетит — к вёдру, а если — нет, погода не изменится; если коровка поползет, будет ненастье.

19

Божья коровка,
Черная головка,
Полетай за море!

Там тепленько,
Здесь холодненько.

20

Передразнивая вечерний крик перепелов, приговаривают:

Спать пора!
Спать пора!

21

Подражание перепелиному крику:

Под полоть!
Под полоть!

22

Пигалице вторят:

У пигалицы хохол горит,
Детей зорит.

23

Завидев летящих галок и ворон, кричат:

— Галки, вороны,
Где ваши хоромы?
— На дубу, на сосне,
У матери кресне(ой).

24

Когда летит ворон, кричат:

— Крикни, ворон,
На сухой корень,
Корень сохнет,
Ворон сдохнет.

25

В поисках грибов приговаривают:

Грибы на грибы, а мой поверху.

СЧИТАЛКИ И ИГРЫ

1

Заяц белый,
Куда бегал?
— В лес дубовый.
— Что там делал?
— Лыжи драл.
— Куда клал?
— Под колоду.
Кто украл?
— Родион.
Выйди вон.

2

Ехала телега,
Сломалось колесо.
Сколько гвоздей
На починку пошло?

При ответе считают: раз, два, три и т. д. Выходит тот, на кого пришлось названное число.

3

Катилась торба
С высокого горба.
В этой торбе
Хлеб, соль, пшеница.
С кем ты хочешь поделиться?

Выходящий выводит из считающихся кого-нибудь.

4

Раз, два,
Голова;
Три, четыре,
Прицепили;
Пять, шесть,
Сено везть;
Семь, восемь,
Сено косим;
Девять, десять,
Деньги весить;
Одиннадцать, двенадцать,
На улице бранятся,
В избе ссорятся.

5

Тара-бара
Домой пора
Коров доить,
Тебе водить.

6

Катилось яблоко
Мимо сада,
Мимо сада,
Мимо града.
Кто поднимет,
Тот и выйдет.

7

Конь ретивый
С длинной гривой
Скачет по полям
Тут и там.
Где проскачет он,
Выходи вон.

8

Аты-баты — шли солдаты
Аты-баты — на базар,
Аты-баты — что купили?
Аты-баты — самовар,
Аты-баты — сколько дали?
Аты-баты — три рубля.

9

Шишел-вышел, вон пошел,
На боярский двор зашел,
Там бояре шапки шьют,
На окошко их кладут.

10

Раз, два, три —
Полетели комары!

11

Раз, два, три —
Огонь, пли!

Горелки

Играющие образуют пары и становятся вереницей. Впереди на два шага «горящий» («горельщик», «горюн» и пр.) — тот, кто водит. Ему запрещено оглядываться назад. Играющие поют — выкрикивают:

Гори, гори ясно,
 Чтобы не погасло.
 Стой подоле —
 Глади в поле.
 Едут там трубачи
 Да едят калачи.
 Погляди на небо —
 Звезды горят,
 Журавли кричат —
 Гу, гу, гу, убегу.
 Раз, два, не воронь,
 Беги, как огонь.

«Горящий» должен взглянуть на небо, а между тем задняя пара разъединяется и бежит один по одну сторону вереницы пар, а другой по другую, стараясь соединиться снова впереди «горящего». Если это паре удастся, то «горящий» продолжает водить, если нет и «горящий» ловит кого-нибудь, то оставшийся без пары водит — становится «горящим». Новая пара занимает место непосредственно за новым «горящим» и игра продолжается.

Гуси-лебеди и волк

Играющие выбирают из своей среды волка и хозяина, а сами изображают гусей-лебедей. Волк уходит на место, называемое играющими «горой». Гуси-лебеди, посидев некоторое время дома у хозяина, уходят в поле. Через некоторое время хозяин кричит:

— Гуси-лебеди, домой!

Гуси отвечают — [и происходит разговор:]

- Волк под горой!
- Что волк делает?
- Траву щиплет.
- Ну, бегите же домой!

Гуси бегут, а волк их ловит и по одиночке уводит на свою гору.

Когда волк переловит всех гусей, хозяин топит для волка баню и просит его помыться. Волк идет, парится, моется. По выходе из бани хозяин берет камень или палку и, показывая их волку, говорит:

— Волкушко! Я тебе коровушку брошу!

Бросает палку или камень, волк бежит за «коровушкой», гуси-лебеди тем временем бегут домой к хозяину.

14

Шли кони

А шли кони по улице,
 Чем они попутаны?
 Золотым путем
 Под копытом.
 Зайка идет,
 Травку рвет —
 Что вырвет,
 То в пучок.

Спев эту песню, дети приседают, кто не поспеет сесть, тот «квач-бельмач, черные глаза».

15

Селезень и утка

Играющие становятся в круг, в середину которого ставят утку, за кругом — селезень, который старается ворваться в круг и поймать утку. При этом поют:

Селезень ловил утку,
 Молодой ловил серую.
 — Поди, утица, домой!
 Поди, серая, домой,
 У тебя семеро детей,
 Восьмой — селезень.

Медведь в бору

Один из играющих изображает медведя, а другие идут в бор за грибами и ягодами, поют:

У медведя на бору
Грибы-ягоды беру!
Медведь постыл
На печи застыл!

При этих словах медведь, до сих пор как будто дремавший, тихо ворочается, потягивается и как будто неохотно идет на детей, которые бегут от него. Медведь ловит кого-нибудь. Пойманный становится медведем, и игра продолжается.

Дрема

Играющие становятся в кружок, в середине на скамье сидит Дрема. Хор поет о Дреме:

Сиди, Дрема,
Сиди, Дрема,
Выбирай-ай, Дрема,
Выбирай-ай, Дрема,
Бери-и, Дрема,
Бери-и, Дрема!

Дрема встает со скамьи, выбирает кого-нибудь, и выбранный считается Дремой.

Курилка

Играющие садятся рядом, зажигают тонкую лучину и, когда она разгорится, тушат. Пока огонь тлеет, передают лучину из рук в руки до той поры, пока она не перестанет куриться. Тот, у кого она погаснет, должен исполнить какое-нибудь приказание. Пока лучину передают, поют.

Жил-был Курилка,
Жил-был душилка.
Уж у Курилки,
Уж у душилки
Ножки маленьки,
Душа коротенька.
Не умри, Курилка,
Не умри, душилка!
Уж у Курилки,
Уж у душилки —
Ножки маленьки,
Душа коротенька.
Жив, жив Курилка,
Жив, жив душилка.

СКОРОГОВОРКИ

1

Сыворотка из-под простокваши.

2

Добры бобры идут в боры.

3

Сыпь песочек в желтенький черепочек.

4

В печурке три чурки, три гуся, три утки.

5

Под матицей, под потолком
Висит полколпака гороху
Без червячка, без червоточинки.

6

Бык, тупогуб,
У быка губа тупа.

7

На дворе трава,
На траве дрова.

8

На горе, на пригорке,
 Стояли двадцать два Егорки.
 Раз — Егорка,
 Два — Егорка,
 Три — Егорка
 (до стиха «Двадцать два — Егорка».)

9

Шел мужик из торгу.
 Говорят в торгу
 Не про по́кром,
 Не про покровку,
 Говорят про покупку.

10

Стоит копна с подприкопечком.

11

Стоит поп на копне,
 Колпак на попе,
 Копна под попом,
 Поп под колпаком.

12

Сшит колпак,
 Вязан колпак,
 Да не по-колпаковски.

13

Шел Прокоп, кипел укроп,
 И при Прокопе кипел укроп,
 Так и без Прокопа кипел укроп.

14

Выдерни лычко из-под кадычка.

15

Нашего пономаря никто не перепономарит,
 А наш пономарь всех перепономарит.

16

У нас на дворе-подворье
 Погода размокропогодилась.

17

Два дровосека,
Два дровокола,
Два дроворуба
Говорили про Ларю,
Про Ларьку, про Ларину жену.

18

Хохлатые хохотушки
Хохотом хохотали:
Ха! ха! ха! ха! ха!

19

От топота копыт пыль по полю летит.

ДРАЗНИЛКИ И ПОДДЕВКИ

1

Алешка — лепешка,
Мать — картошка,
Отец — огурец.

2

Алексей — не бей гусей.

3

Как у Ваньки на носу
Черти ели колбасу.

4

Иван — болван,
Пустой барабан.

5

Глебушка,
Дай хлебушка.

6

Данило — кривое рыло.

7

Прокоп-укроп,
Медный лоб,
Сам с ноготок,
Голова с локоток.

8

Федул
Губы надул.

9

Валя-кряля.

10

Катя, Катя, Катерина,
Нарисована картина —
А с картины на портрет,
Лучше Кати нашей нет.

11

Печеный рак,
Полезай сюда в колпак.

12

Вор-воришко
Украл топорिशко,
Полез в окно,
Упал давно,
Не смерил оком,
Полетел боком.

13

Тили-тили-тесто,
Жених и невеста.

14

Кабы, кабы да кабы
На носу росли грибы,
Сами бы сварилися
Да и в рот катилися.

15

— Скажи «Баня».
— Баня.
— Тебя любит Ваня.

16

- Когда?
- На ту осень,
- Годов через восемь.

17

- Тебе поклон послала.
- Кто?
- Маша.
- Кака Маша?
- Свинья наша.

18

- Говорят.
- Говорят, что кур доят,
- Коров на яйца садят.

Зрелища и театр

Почти у каждого элемента народного зрелища, не говоря уже о театре, есть традиционные особенности, восходящие к древности. Элементы драмы содержатся в обрядах, хороводах, играх, ритуальном пении. Однако только в позднем виде зрелищные и театральные явления обрели художественную природу и образовали отдельный род творчества со всеми свойствами драматического искусства. В зрелищах можно указать лишь на элементы театральности. Их много в медвежьей потехе, или, как ее еще называют, «медвежьей комедии», в «ряженье», когда разыгрывались небольшие диалоги. Собственно театр начался с появления кукольных представлений и сценической игры живых актеров, осознававших нарочитость и художественность своих действий и речей.

Сведения о характере медвежьей потехи сохранили документы, свидетельства зрителей, писателей. Помещенные в разделе описания медвежьей потехи характеризуют зрелище во всем его своеобразии. Комедия «Петрушка» и вертепные представления являют собой театральное действие с использованием кукол. Полнота художественного смысла сцен почти всецело сосредоточивается в диалогах и немногих действиях. Театральные декорации и внешний вид кукол статичны. От зрителей требовалась значительная доля домысливания и работа воображения. Многие особенности зрелищ,

патетика серьезных сцен-мистерий, фарсовые свойства кукольных представлений перешли в игру живых актеров, у которых ориентация на имитацию профессионального театра сочеталась с продолжением традиции зрелищ и кукольных пьес. Балаганные остроловы и закликалы демонстрировали свойства театральных сцен в условиях игры одного актера.

Медвежья потеха

ОБЪЯВЛЕНИЕ

(из «Петербургских Ведомостей» от 8 июля 1771 г.).

«Для известия. Города Курмыша Нижегородской губернии крестьяне привели в здешний город двух больших медведей, а особливо одного отменной величины, которых они искусством своим сделали столь ручными и послушными, что многие вещи, к немалому удивлению зрителей, но по их приказанию, исполняют, а именно: 1) вставши на дыбы присутствующим в землю кланяются, и до тех пор не встают, пока им приказано не будет; 2) показывают, как хмель вьется; 3) на задних ногах танцуют; 4) подражают судьям, как они сидят за судейским столом; 5) натягивают и стреляют, употребляя палку, будто бы из лука; 6) борются; 7) вставши на задние ноги и воткнувши между оных палку, ездят так, как малые ребята; 8) берут палку на плечо и с оною маршируют, подражая учащимся ружью солдатам; 9) задними ногами перебрасываются через цепь; 10) ходят, как карлы и престарелые; 11) как леженка без рук и без ног лежит и одну голову показывает; 12) как сельские девки смотрятся в зеркало и прикрываются от своих женихов; 13) как малые ребята горох крадут и ползают, где сухо, на брюхе, а где мокро, на коленях, выкравши же, валяются; 14) показывают, как мать детей родных холит, и как мачеха пасынков убирает; 15) как жена милого мужа приголубливает; 16) порох из глаза вычищают с удивительной бережливостью; 17) с наименьшей осторожностью табак у хозяина из-за губы вынимают; 18) как теща зятя подчивала, блины пекла, угоревши повалилась; 19) допускают каждого на себя садиться и ездить без всякого супротивления; 20) кто хочет, подают тотчас лапу; 21) подают шляпу хозяину и барабан, когда «козой» играет; 22) кто поднесет пиво или вино, с учтивостью принимают и, выпивши, посуду назад отдавая, кланяются.

Хозяин при каждом из вышеупомянутых действий сказывает замысловатые и смешные поговорки»...

ПРИХОД ВОЖАКА С МЕДВЕДЕМ

Приход вожака с медведем еще очень недавно составлял эпоху в деревенской заглушной жизни: все бежало к нему навстречу, — и старый и малый; даже бабушка Анофревна, которая за немогогоу уже пятый год с печки не спускалась, и та бежит.

— Куда ты это, старая хрычовка? — кричит ей вслед барин.

— Ах батюшки, — прихлебывает Анофревна: — так уж медведя-то я и не увижу? — и семенит далее.

Представление производится обыкновенно на небольшой лужайке; вожак — коренастый пошехонец; у него к поясу привязан барабан; помощник — коза, мальчик лет десяти-двенадцати, и, наконец, главный сюжет — ярославский медведь Михаило Иваныч, с подпиленными зубами и кольцом, продетым сквозь ноздри; к кольцу приделана цепь, за которую вожак и водит Михаилу Иваныча; если же Михаило Иваныч очень «дурашлив», то ему, для опаски, выкалывают и гляделки.

— Ну-тка, Мишенька, — начинает вожак: — поклонись честным господам, да покажи-ка свою науку, чему в школе тебя пономарь учил, каким разумом наградил. И как красные девицы, молодичицы, белятся, румянятся, в зеркальце смотрятся, прихорашиваются.

Миша садится на землю, трет себе одной лапой морду, а другой вертит перед рылом кукиш, — это значит девица в зеркало смотрится.

— А как, Миша, малые дети лазят горох воровать.

Миша ползет на брюхе в сторону.

— А как бабушка Ерофеевна блины на масляной печь собралась, блинов не напекла, только со слепу руки сожгла, да от дров угорела. Ах, блинцы, блинцы!

Мишка лижет себе лапу, мотает головой и охает.

— А ну-ка, Михаило Иваныч, представьте, как поп Мартын к заутрени неспеша идет, на костыль упирается, тихо вперед подвигается, — и как поп Мартын от заутрени домой гонит, что и попадья его не догонит.

— А как бабы на барскую работу не спеша бредут?

Мишенька едва передвигает лапу за лапой.

— И как бабы с барской работы домой бегут?

Мишенька принимается шагать в сторону.

— И как старый Терентьич из избы в сени пробирается, к молодой снохе подбирается.

Михаило Иваныч семенит и путается ногами.

— И как барыня с баб в корзинку тальки¹ да яйца собирает, складывает, а барин все на девичью работу посматривает, не чисто-делен прядут, ухмыляется, знать до Паранькинова льна добирается.

Михаиле Иваныч ходит кругом жожака и треплет его за гашник.

— А нуте, Мишенька, представьте, как толстая купчиха от Николы на Пупышах, напившись, нажравшись, как налитой к... сидит, мало говорит; через слово рыгнет, через два пе...нет.

Мишенька садится на землю и стонет.

Затем жожек пристраивает барабан, а мальчик его устраивает из себя козу, т. е. надевает на голову мешок, сквозь который, вверху, проткнута палка с козлиной головой и рожками. К голове этой приделан деревянный язык, от хлопанья которого происходит страшный шум. Жожек начинает выбивать дробь, дергает медведя за кольцо, а коза выплясывает около Михаила Иваныча трепака, клюет его деревянным языком и дразнит; Михаилу Иваныч бесится, рычит, вытягивается во весь рост и кружится на задних лапах около жожака, — это значит: он танцует.

После такой неуклюжей пляски жожек дает ему в руки шляпу, и Михаилу Иваныч обходит с нею честную публику, которая бросает туда свои гроши и копейки. Кроме того, и Мише и жожаку подносится по рюмке водки, до которой Миша большой охотник; если же хозяева тароватые, то к представлению прибавляется еще действие: жожек ослабляет Мишину цепь, со словами: «А ну-ка, Миша, давай поборемся», схватывает его под силки и происходит борьба, которая оканчивается не всегда благополучно, так что жожаку иногда приходится и самому представлять, «как малые дети горох воруют», — и хорошо еще если он отделается при этом одними помятыми боками, без переломов.

С.В. Максимов

СЕРГАЧ

Приступая к рассказу об одном из оригинальных промыслов, составляющем исключительную особенность русского нрава, спешим оговориться. Промысел или способ прокормления себя посредством потехи досужих и любопытных зрителей шутками и пляскою ученых медведей не так давно был довольно распространен. Теперь, при изменившихся взглядах, при усилиях общества

¹ *Талька* — моток ниток определенной длины. Крепостные девушки ежегодно сдавали барыне их известное количество.

покровительства животных, промысел сергачей значительно упал и близок к окончательному падению. От столиц сергачей положительно отогнали; теперь не видать ученых медведей, пляшущих на окраинах, на дачах наших столиц в летнее время. Кое-как держится еще этот промысел около мелких ярмарок в глухих и отдаленных местностях, всего больше в северных лесных и южных степных губерниях...

В наших северных великороссийских губерниях обычай водить медведей усвоен жителями известных местностей; большею частью водят татары Сергачского уезда Нижегородской губернии. И вот происхождение названия сергача, которое переходит с хозяина-поводыря и на мохнатого плясуна; один проводник остается при своем неизменном названии — козы. Имя «сержач» сделалось в последнее время до того общим, что будь поводырь из Мышкина (Ярославской губернии), владимирец, костромич, ему непременно дается имя нижегородского городка. Часто, однако, появление плясунов повешается и еще более общим криком — говорят обыкновенно: «Медведи пришли!» Впрочем, мало-мальски знакомый с коренными, главными отличиями великороссийских наречий и говоров, легко отличит сергача от мышкинца и владимирца: первый говорит своим мягким низовым — нижегородским наречием, оба остальных — суздальским грубо окающим. Цыгане с медведем решительно никогда не заходят на север, вероятно, ограничиваясь своей благодатной Украиной. Однако нелишне заметить и то обстоятельство, что нет правил без исключений, нет закона безусловно неизменного; попадают и такие, которые так себе надумали приняться за медведя, без исконного обычая предков, и потому неудивительно, если при расспросах признается поводырь, что он не ближе, не дальше — сосед ваш, только бы жил он на бору, да водились в этом лесу медведи. Но это бывает очень и очень редко.

Ученые медведи носят еще название сморгонцев, наш «сержачий барин» переименовывался в «сморгонского студента», «сморгонского бурсака», но это медвежье прозвище было распространено лишь в западной половине России, да и там теперь исчезло. <...>

* * *

— Ну-ка, Михаило Потапыч, поворачивайся! Привстань, приподнимись, на цыпочках пройдишь, поразломай-ка свои старые кости. Видишь, народ собрался подивиться да твоим заморским потяпкам поучиться.

Слова эти выкрикивал нараспев и тем низким наречием, в котором слышится падение на мягкие буквы с некоторой задержкой или как бы коротеньким, едва приметным заиканьем (каким говорят по всей правой стороне Волги), низенький мужичок в круглой изломанной шляпе с перехватом посередине, перевязанным ленточкой. Кругом поясницы его обходил широкий ремень с привязанною к нему толстою железною цепью; в правой руке у него была огромная палка — орясина, а левой держался он за середину длинной цепи.

В одну минуту на заманчивый выкрик сбежалась толпа со всех концов большого села Бушнева, справлявшего в этот день свой годовой праздник летней Казанской¹. Плотной обступила глашатая густая и разнообразная стена зрителей: тут были и подвязавшие пестрые передники под самые мышки — доморощенные орженушки, охотницы щелкать орехи, хихикать, закрываться рукавом и прятаться друг у дружки за спиной, когда какой-нибудь незнакомый любезник начнет *отгибать колена* и поведет медовые речи. Толкались и ребята в рубашках, без шапок, готовые при первом удобном случае прилично встретить и проводить захожего любезника, если он не сойдется с ними заранее. Подобрался позевать и приезжий посадский парень, вырядившийся в свою праздничную синюю сибирку, страстный любитель пощелкать в бабки и для того всегда державший в заднем кармане несколько гнезд и свинцовую битку, за которую часто доставалось его бокам и микиткам. Подошел посмотреть и волостной писарь в халате, мастер выкуривать одним духом целую трубку самбраталического и не поперхнуться. Не было только одних стариков и солидных гостей, которые, забравшись в избы, поднимали страшный шум о какой-нибудь запущенной мельнице, да бабы-большухи, как угорелые, метались от шестка к столу и обратно, выставляя жирные пироги и поросят с кашей на потребу дорогих гостей, которые кучами валили из избы в избы от раннего полудня до позднего вечера.

Между тем на площадке раздавалось звяканье цепи, и мохнатый медведь с необычайным ревом поднялся на дыбы и покачулся в сторону. Затем, по приказу хозяина, немилосердно дергавшего за цепь, медведь кланялся на все четыре стороны, опускаясь на передние лапы и уткнув разбитую морду в пыльную землю.

— С праздником, добрые люди, поздравляем! — приговаривал хозяин при всяком новом поклоне зверя, а наконец, и сам снял свою измятую шляпу и кланялся низко.

¹ *Летняя Казанская* — 8 июля по старому стилю.

Приподнявшись с земли в последний раз, медведь пятится назад и переступает с ноги на ногу. Толпа немного осаживает, и повода-
тарь начинает припевать козлиным голосом и семенить своими из-
мочаленными лаптишками, подергивая плечами и уморительно по-
вертывая бородкой. Поется песенка, возбуждавшая задор во всех
зрителях, начинавших снова подаваться вперед:

Ну-ка, Миша, попляши,
У тя ножки хороши!
Тили, тили, тили-бом,
Загорелся козий дом,
Коза выскочила,
Глаза выпучила.
Таракан дрова рубил,
В грязи ноги завязил.

Раздается мучительный, оглушительно-нескладный стук в лу-
кошко, заменяющее барабан, и медведь с прежним ревом — яс-
ным признаком недовольства — начинает приседать и, делая круг,
загребает широкими лапами землю, с которой поднимается густая
пыль. Другой проводник, молодой парень, стучавший в лукошко и
до времени остававшийся простым зрителем, ставит барабан на
землю и сбрасывает привязанную на спине котомку. Вытащив от-
туда грязный мешок, он быстро просовывает в него голову и через
минуту является в странном наряде, имеющем, как известно, на-
звание козы. Мешок этот оканчивается наверху деревянным сна-
рядом козлиной морды, с бородой, составленной из рваных тря-
пиц; рога заменяют две рогатки, которые держит парень в обеих
руках. Нарядившись таким образом, он начинает дергать за веревочку, отчего обе дощечки, из которых сооружена морда, щелкают
в такт уродливым прыжкам парня, который, переплетая ногами,
время от времени подскакивает к медведю и щекочет его своими
вилами. Этот уже готов был опять принять прежнее, естественное
положение, но дубина хозяина и щекотки козы продолжают дер-
жать его на дыбах и заставляют опять и опять делать круг под ве-
селое продолжение хозяйской песни, которая к концу перешла
уже в простое взвизгиванье и складные выкрики. С трудом можно
различить только следующие слова:

Ах, коза, ах, коза,
Лубяные глаза!
Тили, тили, тили-бом,
Загорелся козий дом,

Медведь огрызается, отмахивает козу лапой, но все-таки приседает и подымает пыль.

Между тем внимание зрителей доходит до крайних пределов: девки хохочут и толкают друг дружку под бочок, ребята уговаривают девок быть поспокойней и в то же время сильно напедают вперед, отчего место пляски делается все уже и уже и Топтыгину собственною спиною и задом приходится очищать себе место.

Песенка кончилась; козы как не бывало. Хозяин бросил плясуну свою толстую палку, и тот, немного огрызнувшись, поймал в охапку и оперся на нее всею тяжестью своего неуклюжего тела.

— А как, Михайло Потапыч, бабы на барщину ходят? — выкрикнул хозяин и самодовольно улыбнулся.

Михайло Потапыч прихрамывает и, опираясь на палку, подвигается тихонько вперед, наконец, оседлал ее и попятился назад, возбудив неистовый хохот, который отдался глухим эхом далеко за сельскими овинами.

— А как бабы в гости собираются, на лавку садятся да обуваются?

Мишук садится на корточки и хватается передними лапами за задние, в простоте сердца убежденный в исполнении воли поводатаря, начавшего между тем следующие приговоры:

— А вот молодицы — красные девицы студеной водой умываются: тоже, вишь, в гости собираются.

Медведь обтирает лапами морду и, по-видимому, доволен собой, потому что совершенно перестает реветь и только искоса поглядывает на неприятелей, тихонько напевая про себя какой-то лесной мотив. Хозяин между тем продолжает объяснять:

— А вот одна дева в глядельцо поглядела, да и обомлела: нос крючком, голова тычком, а на рябом рыле горох молотили.

Мишка приставляет к носу лапу, заменяющую на этот случай зеркало, и страшно косится глазами, во всей красоте выправляя белки.

— А как старые старухи в бане парятся, на полке валяются? А веничком во как!.. во как!.. — приговаривает хозяин, когда Мишка опрокинулся навзничь и, лежа на спине, болтал ногами и махал передними лапами. Эта минута была верхом торжества медведя; смело можно было сказать ему: «Умри, медведь, лучше ничего не сделаешь!»

Ребята закатились со смеху, целой толпой присели на корточки и махали руками, болезненно охая и поминутно хватаясь за бока. Более хладнокровные и видавшие виды сделали несколько замечаний, хотя и довольно сторонних, но все-таки более или менее объяснявших дело.

— Одна, вишь, угорела, — продолжал мужик, — у ней головушка заболела! А покажи-ка, Миша, которо место?

Медведь продолжал валяться, видимо, желая до конца напотешить зрителей, но хозяйская палка, имевшая глупое обыкновение падать как раз не на то место, где чешется, напомнила зверю, что нужно-де всему меру знать, а хозяйские уроки не запамятовать. Очнувшийся Мишка сел опять на корточки и приложил правую лапу сначала к правому виску, потом перенес ее к левому, но не угодил на хозяина. Этот, желая еще больше распотешить зрителей, сострил и, дернув порывисто за цепь и ударив медведя по заду, промолвил:

— Ишь ведь, старый хрыч какой! Живот ему ломит, а он скулу подвязал! Покажи-ка ты нам, как малые ребята горох воруют, через тын перелезают,

Мишка переступает через подставленную палку, но вслед за тем ни с того, ни с сего издает ужасный рев и скалит уже неопасные зубы. Видно, сообразил и вспомнил Мишка, что будет дальше, и крепко не по нутру ему эта штука. Но, знать, такова хозяйская воля и боязно ей поперечить: медведь ложится на брюхо, слушаясь объяснений поводатаря:

— Где сухо — тут брюхом, а где мокро — там на коленочках.

Недаром Топтыгин неприязненным ревом встретил приказание: ему предстоит невыносимая пытка. Хозяин тащит его за цепь от одной стены ребят до другой, противоположной, как бы забыв о том, что зверь всегда после подобной штуки утирается лапой. С величайшею неохотою поднимает он брошенную палку и, схватив ее в охапку, кричит и не возвращает. Только сильные угрозы, на время замедлившие представление, да, может быть, воспоминание о печальных следствиях непослушания заставляют медведя повиноваться. Сильно швырнул он палку, которая, прокозырявши в воздухе, далеко перелетела за толпу зевак. Наказанный за непослушание, медведь начинает сердиться еще больше и яснее, он уже мстит за обиду, подмяв под себя вечно неприязненную козу-барабанщика, когда тот, в заключение представления, схватился с ним побороться. Прижал медведь парня лапой, разорвал ему армяк, и без того худой и заплатанный, и остановился, опустив победную головушку. Только хозяйская памятка привела его в себя, громко напомнив и о плене, и о том, что пора-де оставить шутки, не место им здесь.

Осталось мишке только пожалеть об этом и сойти со сцены, но неумолимая толпа трунит над побежденным и поджигает его схватиться снова с медведем. Однако этот последний совсем не расположен тягаться, достаточно уверенный в собственных силах. Он

окончательно побеждает противника уже простою уступкою: Мишка валится навзничь, опрокидывая на себя и козу-барабанщика.

— Прибодришь же, Михайло Потапыч, — снова затянул хозяин после борьбы противников. — Поклонись на все четыре ветра, да благодари за почет, за гляденье, — может, и на твою сиротскую долю кроха какая выпадет.

Мишка хватает с хозяйской головы шляпу и, немилосердно комкая, надевает ее на себя, к немалому удовольствию зрителей, которые, однако же, начинают пятиться в то время, как мохнатый артист, снявши шляпу и ухватив ее лапами, пошел по приказу хозяина за сбором. Вскоре посыпались туда яйца, колобки, ватрушки с творогом, гроши, репа и другая посильная оплата за потеху. Кончивши сбор, медведь опустил голову и тяжело дышал, сильно умявшись и достаточно поломавшись.

Театр кукол

А.Д. Алферов, А.Е. Грузинский

ПЕТРУШКА

Шарманка сипло наигрывает русскую песню; из-за ширм слышатся то резкие, гнусавые возгласы, то кряхтение, то подпевание Петрушки, и в одну из минут усталого ожидания, когда публика готова уже развлечься посторонним, он неожиданно показывается из-за ширм и кричит: «Здравствуйте, господа!» и пускается в разговор с музыкантом, просит его сыграть плясовую и танцует, сначала один, потом с супругой (которую по некоторым вариантам зовут «Маланьей Пелагевной»; а по другим «Пигасьей Николавной») и наконец прогоняет ее.

Является цыган и продает ему лошадь; Петрушка ее уморительно осматривает, тащит за хвост, за уши, садится и гарцует и поет:

Как по Питерской.
По Тверской-Ямской...

Лошадь начинает брыкаться, сбрасывает его, и Петрушка падает, громко стучая деревянным лицом о рамку ширмы, охает, кряхтит, стонет и зовет доктора.

Приходит «доктор-лекарь, из-под Каменного моста аптекарь» и, рекомендуясь публике, говорит, что он «был в Италии, был и далее», и спрашивает у Петрушки:

— Что у тебя болит?

— Какой же ты доктор, — кричит ему Петрушка, коли спрашиваешь, где болит? На что ты учился? Сам должен знать, где болит.

Начинается осмотр Петрушки: доктор ищет больного места, тыкает Петрушку пальцем и спрашивает: «Тут? тут?», а Петрушка все время кричит: «Повыше! Пониже! Крошечку повыше!» и вдруг неожиданно вскакивает и колотит доктора. Доктор скрывается.

Затем появляется клоун-немец: Петрушка его убивает, и немец мертвый лежит на краю ширм. Музыкант говорит Петрушке: «Что вы наделали, Петр Иванович? Сейчас полиция придет». Петрушка сначала храбрится и, весело заглядывая в физиономию лежащего немца, говорит: «Немец-то притворился мертвым». Затем взваливает его себе на спину, тащит домой и кричит беспечно: «Картофелю, картофелю! Поросят, поросят!..»

Появляется татарин, продает халаты, а Петрушка думает, что его берут в солдаты; татарин рекомендуется незатейливой остротой:

Я татарский поп.

Пришел ударить тебя в лоб!

И исчезает, преследуемый Петрушкой. Петрушка возвращается один. Он в тревоге: боится наказания, обращается к музыканту и говорит: «Что, меня никто не спрашивал?» Старается спрятаться, наконец, садится, пригорюнившись, и поет жалобную песню:

Пропала моя головушка

С колпачком и с кисточкой.

Из-за ширмы показывается квартальный, и Петрушку берут в солдаты; он протестует и говорит, что горбат — служить не может. Квартальный возражает: «Где ж у тебя горб? У тебя нет горба!» Петрушка кричит: «Потерял!»

Следует комическая сцена обучения Петрушки воинскому артикулу, и, делая дубиной ружейные приемы, он ударяет ею своего учителя; тот кричит на него, а Петрушка вытягивается во фронт и говорит: «Споткнулся, ваше сковородне!» И затем прогоняет квартального, а между тем приближается возмездие за его безобразное поведение.

Прибегает рычащая собака. Петрушка видит, что его дело уже плохо, пробует обратиться за помощью к музыканту, но получает отказ и старается умаслить собаку ласковыми названиями, гладит и приговаривает: «Шавочка, душечка! Орелочка!», но собака неожиданно хватается его за нос и тащит, а Петрушка, не успев поблагодарить публику за внимание, только кричит, намекая на свой нос: «Моя табакерка! Моя табакерка! Моя скворешница!..» и при общем хохоте скрывается за ширмами. Приумолкнувший шарманщик опять начинает вертеть шарманку и наигрывает русскую песню.

ПЕТРУШКА, ОН ЖЕ ВАНЬКА-РАТАТУЙ

ЯВЛЕНИЕ 1-е

За сценой, где-то внизу, слышится сперва дребезжащий, громкий крик: «А-о-о-о-у! у! Ха-ха-ха-ха». Вслед затем появляется Петрушка. Одет он в красную сорочку, плисовые штаны и лаковые сапоги. На голове дурацкий колпак.

П е т р у ш к а (раскланивается с публикой). Здравствуйте, господа! Я пришел... Я, Петрушка, мусье, пришел повеселить вас всех: больших и малых, молодых и старых! (Поет:)

Я Петрушка, Петрушка,
Веселый мальчуган!
Без меры вино пью,
Всегда весел и пою:
Тра-ля-ля! тра-ля-ля-ля-ля!..
Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

Так вот я каков Петрушка!.. Ах (ударяет себя по лбу), забыл! Петрушка-то Петрушка, а прозвище как?.. Ра-та-туй!.. слышите? Ра-та-туй!.. (Смеется. Садится на барьер и стучит рукою.) Музыкант!

ЯВЛЕНИЕ 2-е

М у з ы к а н т. Что скажешь, Петрушка?

П е т р у ш к а. Я тебе новость скажу.

М у з ы к а н т. Какую?

П е т р у ш к а. Я задумал, брат, жениться. Что за жизнь холостого!.. Все тебя обижают... А вот когда женюсь, приданое возьму... Ой, ой, ой, как заживу!..

М у з ы к а н т. А на ком ты, Петрушка, жениться задумал?

Петрушка. На дочери купца. *(Называет фамилию самого богатого в данной местности купца или помещика.)*

Музыкант. А приданого много берешь?

Петрушка. У-у-у!.. Больше чем сам стою.

Музыкант. Да врешь ты, Петрушка, она за тебя не пойдет, только в изъян введет; последние гроши потратишь, да еще по спине схватишь... Брось!

Петрушка. Ну, брат, врешь. Такого молодца кто не полюбит? *(Охорашивается.)*

Музыкант. Так ты покажи невесту.

Петрушка. Это можно!.. Дело несложно. Сейчас приведу и тебе покажу. *(Скрывается и выводит куклу.)* Смотри, музыкант, хороша невеста?

Музыкант. Хороша-то хороша... да курноса.

Петрушка. Ай врешь, музыкант! Да ты посмотри, что за глазки, что за ротик!.. Ручки!! Губки!! Шейка!! Добыть такую сам сумей-ка!.. А пляшет-то!.. Ну-ка сыграй кусочек чего-нибудь!

Музыка играет Камаринского. Петрушка с невестой пляшет.

Музыкант. Все это хорошо и ладно, да для тебя будет накладно: барышня богата, спесива, ходить пешком ленива... Нужно, брат, лошадь купить...

Петрушка *(озабоченно)*. А где ее купишь?

Музыкант. Да у цыган.

Петрушка *(важно)*. Ну, так сегодня лошадь приведи!

Музыкант. И сам не барин: сходишь и приведешь.

Петрушка. Так не пойдешь?

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Те же и Цыган. Кукла одета по-цыгански и с кнутом за поясом.

Цыган *(кланяясь)*. Здравствуй, Петрушка мусье!

Петрушка. Здравствуй, здравствуй, фараоново отродье! Что тебе надобно, говори скорее, а то, у меня недолго, погоню и по шею.

Цыган. Петрушка мусье, мне сказали на шоссе, что тебе лошадь нужна.

Петрушка. А лошадь?!. Нужна, нужна, нужна... А хороша ли лошадь?

Цыган. Лошадь хоть куда! Без гривы, без хвоста...

Петрушка (*перебивая*). Что хвост и грива?.. одно украшение... А голова есть?

Цыган. Только и есть, что голова одна... Да и ее еще нет... коновалу в починку отдана.

Петрушка. А масти какой?

Цыган. Серая.

Петрушка. А добра-то она?

Цыган. Очень добрая: под гору — бежит-скачет, а на гору ползет-плачет. А если в грязь упадет — сам тащи, как знаешь, зато божиться готов, что не трясет: рысью не бегаёт, а шагом еле-еле идет.

Петрушка. Ха-ха-ха! Вот так лошадь! Как раз по мне и по будущей жене. Дамы трусливы, а лошадь без головы, значит, смиренная будет. (*Цыгану*) Пойди, приведи.

Цыган уходит.

Петрушка. Музыкант!

Музыкант. Что?

Петрушка. Сколько ему за лошадь дать?

Музыкант. Да рублей 15 дай.

Петрушка. Дорого. А вот я с ним поторгуюсь.

ЯВЛЕНИЕ 4-е

Цыган входит, ведя лошадь.

Петрушка. Ну и лошадка!.. Ай, ай, ай!.. Сколько тебе за нее?

Цыган. 200 рублей.

Петрушка. Дороговато... Получи палку-кучерявку, да дубинку-горбинку и по шее тебе и в спинку.

Цыган. Прибавь, Петрушка мусье, детишкам на сало...

Петрушка. Так это тебе мало?.. Ну так подожди; я пойду тебе задаток принесу. (*Уходит, немедленно возвращается с палкой. Подходит к Цыгану сзади и бьет его по голове.*) Вот тебе задаток! Вот тебе задаток!..

Цыган убегает, оставив лошадь.

ЯВЛЕНИЕ 5-е

Те, же, без Цыгана.

Петрушка. Послушай, музыкант, хороша лошадь?

Музыкант. Хороша, да стара.

Петрушка. А врешь!.. Я сейчас узнаю, как ее оседлаю. (*Садится на лошадь. Та бьет задом. Петрушка кричит.*) Тр! тр!.. пру!.. тпру!.. (*Падает.*) Доктора! Ой, пропал!..

ЯВЛЕНИЕ 6-е

Те же. Входит Доктор. Одет весь в черное с огромными очками.

Доктор (к публике). Я доктор, с Кузнецкого моста пекарь, лекарь и аптекарь. Когда приходят больные господа, я их лечу удачно всегда; живо их что делать научу... Иногда вместо хины мышьяку всучу... Ко мне людей ведут на ногах, а от меня везут на дрогах. А каких принесут на руках, так тех везут на погост на санях...

Петрушка (жалобно). Ах, доктор, не губи меня: пусть от тебя я не поеду ни на дрогах, ни на санях... меня бы в пролетке отправил и тем от смерти избавил.

Доктор. Ну говори, где болит, покажи!

Петрушка. Вот тут.

Доктор. Тут?

Петрушка. Пониже.

Доктор. Тут?

Петрушка. Повыше.

Доктор. Тут?

Петрушка. Пониже.

Доктор. Тут?

Петрушка. Повыше.

Доктор. То пониже, то повыше!.. Встань, встань, да покажи.
(Берет его за ухо.)

Петрушка (вскакивает). А!.. Гм!.. Благодарю!.. Я уже здоров.

Доктор. Теперь плати за лечение!

Петрушка. Наше почтение!.. За что?

Доктор. Известно: за лечение.

Петрушка. Хорошо. Я пойду, плату принесу. (Уходит и возвращается с палкой.) Я даром не лечусь и с тобою, доктор, расплачусь по-своему. (Бьет его по голове. Тот бежит. Петрушка за ним. Доктор убегает. Петрушка за ним.)

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Музыка играет вальс. Выходит Немец и пляшет. Входит Петрушка.

Петрушка. Музыкант, что это за птица?

Музыкант. Это француз, Петрушка мусье.

Петрушка. Что ему тут нужно?

Музыкант. Не знаю. Сам спроси.

Петрушка. А как с ним здороваться?

Музыкант. Скажи: бон жур!

Петрушка (немцу). Бон жур!

Немец (молча кланяется).

Петрушка. Отчего он молчит?

Музыкант. Это немец.

Петрушка. Немец!.. Дойч, чорт бы тебя побрал! Да как ты сюда попал?

Немец. Я... я... я...

Петрушка. Ты да я, нас с тобой двое... Да ты говори не по-вороньи, а по-ярославски.

Немец. Ва-а-с?

Петрушка. Ква-а-с?.. Какой тут квас?.. Пошел вон от нас, мы не хотим знать вас. (Выталкивает Немца вон.) Музыкант! Немец ушел квас пить?

Музыкант. Нет, Петрушка мусью, он сказал: сейчас наливки принесу.

Петрушка. Это хорошо. А я сяду и песню спою. (Садится и, хлопая рукой по барьеру, поет.)

Чижик-пыжик, где ты был?
За горою водку пил.
Выпил рюмку, выпил две:
Зашумело в голове.

Входит Немец и ударяет Петрушку палкой. Тот хватается за голову. «Ой-ой, ой!.. Что это такое?»

Музыкант. Это тебя комар укусил.

Петрушка. Какой чорт «комар укусил»; это вроде оглоблей залепил...

Музыкант. Не стоит внимания. Петрушка, пой песню.

Петрушка (поет).

Чижик-пыжик, где ты был?
За горою водку пил.
Выпил рюмку, выпил две:
Зашумело в голове.

Является Немец и снова бьет его по голове. Петрушка быстро оборачивается и бросается на Немца. Начинается свалка. Петрушка побеждает. Опрокидывает Немца на барьер и его же палкой водит ему по горлу, крича: «Зарежу!» Потом,

поворотив лицом вниз, ударяет его головою о барьер, приговаривая: «В зубы!.. в зубы!.. в зубы!..» Потом садится на него верхом и толчется на нем. Немец не шевелится. Петрушка несколько раз прикладывает ухо к груди немца и окончательно убеждается, что тот не дышит.

Петрушка. Музыкант, а ведь немец пьян!..

Музыкант. Какое «пьян»? Ты его убил.

Петрушка. Кто его купил? Он сам пришел.

Музыкант. Убил, говорю я.

Петрушка. Убил?! Так придержи!

Музыкант. Ну, нет! Ты убил, ты и придержи.

Петрушка. Нечего делать, нужно пойти за черничками.
(*Музыкантам.*) А вы играйте... Камаринского. Немца хороним!!..
(*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 8-е

Входят две Чернички. Берут они убитого Немца и закатывают в холст. Затем кланяются публике и уходят за гробом.

ЯВЛЕНИЕ 9-е

Входит Петрушка.

Музыкант. Что, Петрушка, печален?

Петрушка. Ах, музыкант, хоронить немца нечем: денег не хватит.

Музыкант. А ты проси у публики. Может, что и дадут на похороны.

Петрушка. И то правда! Вот тебе тарелочка, возьми да обойди.

Музыкант берет тарелочку и обходит публику за пожертвованиями.

Петрушка (кланяется и просит). Пожертвуйте! Пожертвуйте, господа, на похороны немца-подлеца! Он нечаянно на ярославца Петрушку налетел да гриб съел и... подавился!..

Музыкант отдает собранное Петрушке.

Петрушка. Ого!.. Да тут еще от похорон на поминки останется!

Чернички вносят гроб. Берут Немца и начинают мерять. В длину он оказывается короток, а и ширину узок. Три раза примеряют. Потом задумываются. Потом схватывают Немца, складывают, комкая его, втрое и запихивают в гроб. Одна из монахинь-черничек низко нагибается, чтобы посмотреть, удобно ли помещен усопший. Другая, по рассеянности, не замечает этого, прикрывает крышку гроба, причем защемляет голову своей товарки. Та кричит благим матом, стараясь всеми силами вырваться. Когда ей это наконец удастся, затевает драку с рассеянной товаркой. Наконец, под звуки Камаринского, гроб уносят.

ЯВЛЕНИЕ 10-е

Петрушка (вбегает вприсядку и, весело хлопая в ладошки, кричит). Музыкант, похоронил шельму-немца!.. Три рубля стоило... А без меня тут никто не приходил?

Музыкант. Приходил офицер, тебя искал.

Петрушка. А на что я ему?

Музыкант. За убийство немца, говорит, Петрушку в солдаты взять велел.

Петрушка (плачет). Ой-ой-ой!!... А ты ему, музыкант, скажи, что Петрушки дома нет: в Москву за песнями поехал.

ЯВЛЕНИЕ 11-е

Входит Капрал и ударяет Петрушку по голове.

Петрушка (хватаясь за голову). Караул!

Капрал. Чего шумишь-кричишь, благородным людям покою не даешь? *(Бьет еще.)*

Петрушка. Караул!!.. Полиция!!.. Музыкант, что ж ты меня не оборонишь?

Музыкант. Это, Петрушка мусью, сам капрал...

Петрушка. А чтоб его чорт побрал!.. Да что ему нужно?

Музыкант. Он тебя по-солдатски учить будет.

Петрушка. Ой, ой, ой!!.. Что вам нужно?

Капрал. Вот я тебя в солдаты возьму.

Петрушка. Я не гожусь.

Капрал. Почему?

Петрушка. У меня горб.

Капрал. А где он у тебя?

Петрушка. Он там, хата на горе, так он остался в трубе.

Капрал. Ты что чепуху порешь? Вот я тебя приемам учить буду. Будешь человек казенный.

Петрушка. Как же я буду человек скажонный¹?

Капрал. Так ты шутики шутить?! (*Бьет его.*)

Петрушка (*хватается за голову*). Ой, ой!.. что мне теперь делать? Пропал я с головой; пропала и моя шапочка с кисточкой! Музыкант, наймись за меня служить.

Музыкант. Сколько дашь?

Петрушка. Две копейки, да кулаком по зашейке.

Музыкант. Ну, и сам не барин, отслужишь!

Капрал. Слушай команду!.. Говори: раз!

Петрушка. Слушай команду!.. Говори: раз!

Капрал (*бьет его*). Не переговаривать! Говори: раз!

Петрушка. Раз.

Капрал. Два!

Петрушка. Два!

Капрал. Три!

Петрушка. Сколько?

Капрал. А вот сколько (*Бьет его.*)

Петрушка. Пошел ты к чорту с своей наукой!

Капрал бьет сильнее.

Капрал. Говори: раз!

Петрушка. Раз!

Капрал. Два!

Петрушка. Два!

Капрал. Три!..

Петрушка. Четыре!..

Капрал. Раз!.. Два!.. Три!.. (*Каждый раз бьет его.*) Бери ружье!

Петрушка. Разве это ружье?.. Это дубина.

Капрал. Молчать, скотина!.. Напра-во!

Петрушка, размахнув ружьем, бьет Капрала.

Капрал. Это что такое? (*Бьет его.*)

Петрушка. Это я споткнулся...

Капрал. Я тебе дам!.. Слушай!.. направо, налево — марш!

¹ Скажонный — взбесившийся.

Петрушка (*взяв в обе руки ружье, бьет Капрала, приговаривая*). И на-право, и на-лево!... И на-право... И на-лево... Получай!

Капрал убегает. Петрушка за ним.

ЯВЛЕНИЕ 12-е

Петрушка (*вбегают*). Музыкант, капрала проводил и концы схоронил. Теперь я человек свободный!... Ха-ха-ха! Вот так Петрушка!.. (*Гладит себя рукой по голове.*) Невесту добыл, немца убил, лошадь купил и подлеца капрала проводил! Теперь песню спою.

Музыкант. Спой, Петрушка!

Петрушка (*поет*).

В огороде собачка гуляла,
Загнула крючком хвостик
И убежала...
Начнем песенку сначала.

Хороша песня, музыкант?

Музыкант. Хороша.

Петрушка поет ту же песню. В это время является Собака внушительных размеров и хватает Петрушку за рукав.

Петрушка (*кричит*). Пошел!.. Пошел!.. Музыкант, обори меня!

Музыкант. Это собака охотничья; она не укусит.

Петрушка (*жметя в угол*). Я боюсь... Пошел!.. Пошел!..

Собака уходит.

Петрушка. Постой, музыкант, я палку возьму. (*Бежит и возвращается с палкой.*) Ну, теперь посмотрим!.. (*Зовет.*) Кутю!.. Кутю!.. На!.. кутюк, гав, гав, гав!.. Кутюк... гр! гр!..

Вбегает Собака и бросается на Петрушку. Тот бьет ее по голове, но Собака обезоруживает его, вырвав палку. Собака убегает.

Петрушка. Кутюк, кутюк, кутюк, на!..

Является Собака.

Петрушка. Музыкант, она укусит меня?

Музыкант. Нет. Она смиренная.

Петрушка (*подходит осторожно к Собаке и старается ее приласкать*). Кутю, кутю, кутюшечка!.. Собака, собачка, собачечка!.. Сучечка!.. Сучечка!.. Сучечка! (*Подходит все ближе.*)

В это время Собака схватывает Петрушку за голову и начинает трепать. Петрушка отчаянно кричит. Собака его уносит за кулисы. Выскакивает другой (кукла одетая паяцем) и кричит публичке.

Паяц. Кончилось дело. Петрушку собака съела. Одно кончается — другое начинается. Пожалуйста, заходите. Петрушку досмотрите. А денег, если хотите, так хоть и не несите. И так пустим посмотреть. Не отдадите в кассе, отдадите в балагане... Как-нибудь помиримся с вами!.. Господа, господа! Пожалуйста сюда! Пять копеек деньги небольшие, а удовольствия — три короба!.. Заходите, заходите!..

Н.А. Полевой

ВЕРТЕП

В Иркутске, где я родился и жил до 1811 года, не было тогда театра, не заводили и благородных домашних спектаклей. <...> Театр заменяли для нас вертепы. Знаете ли, что это такое? Кажется, что такой род увеселений перешел в Сибирь из Киева, но когда и как, не знаю, ибо в других городах ничего не слыхивал я о вертепах. Вероятно, какой-нибудь школяр киевский, переведенный в Иркутск, образовал их там. Вертеп — кукольная комедия, род духовной мистерии. Устраивается род подвижного шкафа, разделенного на два этажа; куклы водятся невидимо руками представителей; грубый хор поет псалмы, нарочно для того сочиненные; иногда присокупляется к ним скрипка; иногда импровизируются разговоры.

Содержание вертепной комедии всегда бывало одинаково: представляли мистирию Рождества; в верхнем этаже устраивали для того вертеп и ясли, в нижнем — трон Ирода. Куклы одеты бывали царями, барынями, генералами, и вертепы важивали и нашивали семинаристы и приказные по улицам в святочные вечера, ибо только о святках позволялось такое увеселение. Боже мой! С каким, бывало, нетерпением ждем мы святок и вертепа! С наступлением вечера, когда решено *пустить вертеп*, мы, бывало, сидим у

окошка и кричим от восторга, чуть только в ставень застучат, и на вопрос наш: «Кто там?» — нам отвечают: «Пусти́те с вертепом!» Начинаются переговоры: «Сколько у вас кукол? Что возьмете?» Представители отвечают, что кукол пятьдесят, шестьдесят, одних чертей четыре, и что у них есть скрипка, а после вертепа будет комедия. Мы трепещем, что переговоры кончатся несогласием, покажется дорого... Но нет! Все слажено... И вот несут вертеп, ставят полукругом стулья; на скамейках утверждается самый вертеп; раскрываются двери его — мишура, фольга, краски блестят, пестреют; является первая кукла — Пономарь, он зажигает маленькие восковые свечки, выбегает Трапезник¹, с кузовом, и просит на свечку. Один из нас, с трепетом, подходит и кладет в кузов копейку. Пономарь требует дележа; сыплются шутки, начинается драка, и мы предвкушаем всю прелесть ожидающего нас наслаждения.

И вот закричала скрипка; раздались голоса — являются Ангелы и преклоняются перед яслями при пении:

Народился наш Спаситель,
Всего мира искупитель.
Пойте, воспойте
Лики, во веки.
Торжествуйте, ликуйте,
Воспевайте, играйте!
Отец будущего века
Пришел спасти человека!

Нет, ни Каталани², ни Зонита³, ни Реквием⁴, ни Дон-Жуан⁵ не производили потом на меня таких впечатлений, какое производило вертепное пение! Думаю, что и теперь я наполовину еще припомню все вертепные псалмы. И каких потрясений тут мы не испытывали: плачем, бывало, когда Ирод велит казнить младенцев; задумываемся, когда смерть идет наконец к нему при пении: «Кто же может убежать в смертный час?» — и ужасаемся, когда открывается ад; черные, красные черти выбегают, пляшут над Иродом под песню «О, коль наше на сем свете житие плачевно!» — и хохочем, когда вдова Ирода, после горьких слез над покойником, тотчас утеша-

¹ *Трапезник* — церковный староста или сторож.

² Каталани Анжелика (1780—1849) — итальянская оперная певица.

³ Зонтаг Генриетта (1806—1854) — немецкая певица. Пела в петербургской опере.

⁴ Реквием — знаменитое произведение В.-А. Моцарта.

⁵ «Дон-Жуан» — опера В.-А. Моцарта.

ется с молодым генералом и пляшет при громком хоре: «По мосту, мосту, по калинову мосту!»

Комедия после вертепа составлялась обыкновенно из пантомимы самих вертепщиков: тут являлся род Скапена-слуги¹, род Оргона-Барина², Немец да Подьячий; разговор состоял из грубых шуток, импровизировался, и обыкновенно слуга, бывало, всех обманывает, бьет Немца и дурачит Подьячего...

СМЕРТЬ ЦАРЯ ИРОДА

Представление для публики с пением и рассказами

Действующие лица:

Ц а р ь И р о д (фигура его выше всех остальных кукол), в синей куртке, красных штанах и красной мантии; на голове — корона, через плечо — полоска золоченой бумаги в виде орденской ленты, грудь в крестах и медалях, в руке обнаженный меч.

Д в а А н г е л а, в белой длинной одежде, украшенной полосками серебряной бумаги; за плечами крылья из перьев, в руках древесные ветви.

Т р и Ц а р я. Два — в черных, один — в желтой куртке, в красных штанах, в голубых мантиях; на голове короны из серебряной бумаги, на груди кресты и медали (но меньше, чем у царя Ирода), в руках нечто неопределенной формы, долженствующее изображать, по словам хозяев театра, «злато, ливан и смирну».

П а с т у ш о к, в обыкновенной крестьянской одежде, в высокой шапке, в лапотках; кнут свит кольцом — через плечо, в руках — большой пастуший рог и палка-посох.

При Пастушке (соединены с ним проволокой) две о в е ч к и — белая и черная с белыми пятнами.

В о и н ы (числом шесть), трое в золоченых и трое в серебряных доспехах, в касках, с копьями и обнаженными саблями. Кроме того, по задней стенке театра, по сторонам трона царя Ирода стоят еще шесть неподвижных воинов, одетых точно так же.

Р а х и л ь, одета в модное платье с пышными рукавами, юбка красная, кофта голубая, на шее бусы, простоволосая; в руках — спеленатый ребенок.

К с е н д з, в черной рясе, с очень большими рукавами; на голове — красная шапочка вроде ермолки; в руках четки.

¹ Скапен — персонаж пьесы Ж.-Б. Мольера «Проделки Скапена».

² Оргон — герой пьесы Ж.-Б. Мольера «Тартюф».

С м е р т ь (вырезанный из картинки скелет, подклеенный на картон), в белом покрывале (саван), с косой в руках.

Ч е р т, весь обшит черной овчиной; рот, нос, глаза и уши красные; с рогами и с хвостом.

Ц ы г а н (самая толстая кукла), в красной кумачной рубашке, в черных плисовых штанах, без шапки; в руках — палка, в зубах — трубка, за поясом — кнут.

М е ж е в о й, в сюртуке с погонами и пуговицами, обклеенными золотой бумагой, в черных штанах; на голове — фуражка с кокардой, в правой руке платок.

М е ж е в а я, в модном костюме, в жакете, юбка зеленая; на голове шляпка, надетая на платок; в руках цветок.

Д е в и ц ы (две), одеты по-крестьянски: красные пестрядинные сарафаны, белые рубашки, на голове — платки, в руках — по связке кренделей («бараночки»).

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Из правой двери выходят два Ангела с зажженными свечами, идут к пещере с пением:

Дево днесь пресущественного рождает,
И земля вертеп к неупреступному приносит,
Ангелы же с пастырями славословят,
Волствие же со звездою путешествуют,
Нам бо ради родися,
Отроча млада, предвечный Бог.

Ангелы поклоняются и уходят в левую дверь с пением.

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Из правой двери Пастушок гонит двух овечек к пещере, падает на колени и молится с пением.

П а с т у ш о к.

Нова радость стала,
Яко в небе хвала,
Над вертепом звезда ясна,
Светла воссияла.
Пастушки идут с ягняткам,
Пред малым дитятком
На колени упали,
Христа прославляли:
«Молим, просим, Христе-царю,

Небесный государю,
Даруй лето счастливое,
Всему (сему? — В.А.) господину!»

Уходит в левую дверь с пением.

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Выходят три Царя. Один входит в правую дверь, а два — в левую дверь, поворачиваются к пещере с поклонами и с пением.

Ц а р и (поют).

Шедше трие цари
Ко Христу со дары,
Ирод им предвластен,
Куда идут спросити.

Здесь говор.

Идем к рожденному,
Идем поклониться,

Снова пение.

Идем поклониться,
Пред царем явиться,
Аще поклонюся,
Пред царем смирюся,
Где Христос родися.
Там звезда явися;
Звезда грянет чудно
С востока до полудня.

Цари поворачиваются все вместе к правой двери с пением.

Ангел им являет,
На путь наставляет.

ЯВЛЕНИЕ 4-е

Выходит к ним Ангел из правой двери и говорит им.

Идите иным путем,
К Ироду не ходите:
Ирод смущает,
Волхвов созывает,
Младенцев избивает.

Пение Царей.

Шёдше трне цари
Во свои во страны,
Христа славословят,
Чая в небе быти,
На веки хвалити.

Цари с пением уходят: два — в левую дверь, а один — в правую с Ангелом.

ЯВЛЕНИЕ 5-е

Выходит царь Ирод в правую дверь, садится на царский трон и говорит.

И р о д.

Аз есмь царь,
Кто может мя снить?
Пошлю своя войны
В страны вифлеемския
Избить младенцев,
Сущих первенцев.

(Встает на троне с громким говором.)

Воины мои, воины,
Воины вооруженные,
Встаньте предо мной.

ЯВЛЕНИЕ 6-е

Воины входят в правую дверь и становятся перед царским троном в два ряда.

В о и н ы.

Почто, царю, нас призываете,
Что творить повелеваете?

И р о д.

Подите в страны вифлеемские,
Избейте всех младенцев,
Сущих первенцев.

Ответ В о и н о в.

Ваше царское величество,
Ходили мы в вифлеемские страны,
Избивали всех младенцев,
Сущих первенцев.

Одна госпожа Рахиль
Не дает своего чада убить,
А хочет идти
К вашей милости просить.

И р о д.

Кто она такова?
Привести ее сюда!

В о и н ы.

Идем и приведем!

Воины уходят все в левую дверь.

ЯВЛЕНИЕ 7-е

Один Воин приводит Рахиль к царю Ироду; Рахиль падает на колени и плачет.

Р а х и л ь.

О, царю,
Великий государю!
Помилуйте мое чадо-отрочате.
Чтобы не было чего на том свете отвечать!

И р о д.

Воин, возьми его и убей,
Чтобы не было более душе и телу скорбей.

Р а х и л ь.

Царь, помилуй мое чадо!

И р о д.

Воин, возьми и убей его!

Воин вытаскивает младенца у нее из рук и втыкает его на копье. Рахиль падает на землю и плачет.

Плач Р а х и л и.

Ах, увы! Ах, увы!
В горести, печали!
Ах, увы! Ах, увы!
В горести, печали!
Вижу младенца прободенную утробу
И предаюся гробу.

Плач повторяется два раза сряду. Рахиль все время лежит на полу у трона.

ЯВЛЕНИЕ 8-е

Является к ней (Рахили) Ангел в белой одежде, с крыльями, поднимает ее и говорит.

А н г е л.

Не плачь, Рахиль,
Восстань, Рахиль,
Увидишь свое чадо
У царя небесного в руцех.

Ангел идет с пением и уводит Рахиль в правую дверь.

Пение Ангела.

Не плачь, Рахиль,
Зря чада тело,
Не убьют душу
Военные крылы,
Но Бог принимает
Во своя святыни <...>
Маленькое чадо
В рае будет радо.

Пение повторяется два раза.

ЯВЛЕНИЕ 9-е

В правую дверь входит Ксендз, подходит к Ироду на троне и говорит с дерзостью.

К с е н д з.

О, Ироде...
За твоя превеликия злости
Придет гибель-дьябель
И поберет черт душу твою и кости.

И р о д.

Аз злу непричастен,
Ирод есмь предвластен,
Царствовать — царствую,
Царство мати — маю,
Равного себе не знаю.

К с е н д з. Поментуй, поментуй. На том-то свете — бездна,
смола, деготь будешь пытати. Амент!

Ксендз уходит в левую дверь.

ЯВЛЕНИЕ 10-е

В правую дверь выходит Смерть в белом саване.

С м е р т ь.

Аз есть малахия,
Сильнейший воин.
Всему свету пани.
Где пребываю,
Все там цари и князи,
Все под властью моею.
Всех я, всех я истребляю
Косою своею.

(От сего говор к Ироду).

Полно тебе, Ирод,
Проклятый, безумный,
На сем свете жить.
Пора тебе, Ирод,
Во ад снить!

И р о д.

Ах, Смерть моя, мати,
Я не хочу с тобой добровольно поступати,
А хочу воевати,
Дабы неповинное царство узнати.

С м е р т ь.

Ах, ты, Ирод,
Проклятый, безумный,
Не хочешь со мной добровольно поступати,
А хочешь воевати,
Дабы неповинное царство узнати!
Воскликну я своего брата
Из пропускного ада.

*Смерть поворачивается к левой двери и говорит громким
голосом.*

С м е р т ь.

Ах, брат мой,
Стань предо мной!

ЯВЛЕНИЕ 11-е

Является Ч е р т, с рогами, с хвостом, страшный, как пишется.

Ч е р т.

Ого, сестра,
Зачем призвала?

С м е р т ь.

Да вот, Ирод
Проклятый, безумный,
Не хочет со мной добровольно поступать,
А хочет со мной воевать,
Дабы неповинное царство узнать.

Ч е р т.

Возьми, сестра, косу,
Сними ему голову.
Ему труп и голова,
А нам с тобой держава.

Черт отходит. Смерть царю Ироду на троне голову снимает косой и держит за волосы, а тело упадает с трона. Черт подбегает к телу царя Ирода.

Ч е р т.

О, проклятый Ироде,
За твоя превеликия злости
Поберу тя в преисподнюю бездну...

Захватывает тело царя Ирода. Ирод проваливается вместе с Чертом в люк (в преисподнюю).

Смерть с главой Иродовой уходит в левые двери.<...>

ЯВЛЕНИЕ 14-е

С правой двери выходит Межевой, а с левой двери — Межевая. Сходятся вместе и здороваются за руку.

Межевая я. Здравствуйте, сударь!

Межевой й. Да здравствуйте, сударыня! Я Межевой, иду с ландкартами из поля домой.

Межевая я.

А я, сударь, Межевая,
Да у меня и ножка кривая.

Межевой й.

Нельзя ли милость вашу затрудить:
С вами танцевать идтить?

Межевая я. Извольте, сударь! Я для вас хоть сто раз!

Межевой й. Господин музыкант, сыграй-ка нам «Чижика», да позабористее.

Межевой да Межевая танцуют оба вместе, взявшись за руки, уходят в правую дверь.

ЯВЛЕНИЕ 15-е

С левой двери входят две Девы из Валдая, бараночницы, в крестьянской одежде.

Девы из Валдая. Господин музыкант, а нам сыграйте Камаринского, да почаще.

Музыкант играет, а Девы из Валдая танцуют Камаринского и убегают в левую дверь.

ЯВЛЕНИЕ 16-е

В правую дверь входит Цыган с колпаком в руке и говорит, обратясь лицом к публике.

Ободега, Вичинега!
За вертепное строение,
А за наше представление.
Ради господ вас было
Показано кукол не менее
Как три дюжины,
И кончилось все до ужины.
Ободега, Вичинега!
За вертепное строение,
А нам на розовые платънца.

Нечего нам здесь долго проедаться,
Пора в другие места отправляться.
Ободега, Вичинега!
Всепочтеннейшей публике
Многая лета!

Цыган уходит в левую дверь.

Конец всему представлению.

Театр актеров

ЦАРЬ МАКСИМИЛИАН

Действующие лица

Ц а р ь М а к с и м и л и а н, высокого роста, с бородой, лицом грозный, речь громкая, резкая.

А д о л ь ф, его сын, молодой, лет 18, тонкий, голос тихий. После тюремного заключения очень слабый и изможденный.

А н и к а - в о и н, необыкновенного роста, толстый, лицом грозный, с длинными усами и бородой, голос толстой.

Б р а м б е у с, рыцарь, сам седой, 130 лет, большая седая борода, говорит редко и густо.

И с п о л и н с к и й р ы ц а р ь (он же Ч у ж е с т р а н н ы й р ы ц а р ь), молодой, высокого роста, говорит резко.

С к о р о х о д - м а р ш а л, молодой, с усами, роста среднего.

К у з н е ц, старик, борода седая, говорит по-мужицки.

С т а р и к - г р о б о к о п а т е л ь, волосы и борода длинные, кашляет; разговаривает по-мужицки.

С т а р у х а, его жена, без речей.

С м е р т ь, говорит толсто, не шибко.

Д в а п а ж а, молодые, говорят резко.

Ц а р е д в о р ц ы, свита, воины.

Костюмы действующих лиц

Ц а р ь М а к с и м и л и а н: форма древних царей, в военной шапке, при камзоле, при орденах и при шашке; штаны генеральские простые, сапоги высокие со шпорами. В пятом явлении надевают ему корону и дают в руку скипетр и державу и все царские принадлежности.

А д о л ь ф, его сын: в военной форме, на голове корона, при орденах, та же одежда, что и у царя, только похуже и кавалерии¹ меньше. В десятом явлении Адольф является безо всяких заслуг и царских принадлежностей, в опальном виде.

И с п о л и н с к и й - р ы ц а р ь: в латах, в одной руке пика, в другой — шашка, в полном вооруженье, при медалях; шапка военная с пером, на лице — черная маска, сапоги со шпорами.

А н и к а - в о и н: в латах, пика и сабля при нем; на руке — медный щит, на голове блестящий шлем; пика позлаченная; при орденах и медалях.

Б р а м б е у с - р ы ц а р ь: в древних доспехах, большая шапка, латы, сабля и копьё, безо всякой кавалерии и заслуг, сапоги простые.

С к о р о х о д - м а р ш а л: форма одежды военная, военный сюртук, при шашке, шапка придворная, с пером, высокая, кверху уже; сапоги простые, со шпорами; две медали; при погонах.

К у з н е ц: одет по-мужицки, в рубахе, в лаптях, без шапки, при фартуке, весь в уголье.

С т а р и к - г р о б о к о п а т е л ь: в кафтане, волосы и борода длинные, кашляет, с толстой палкой в руках, в лаптях и в онучах, шапка мужицкая и все по-мужицки.

С т а р у х а: в пестрядинном сарафане и во всем старушечьем уборе, как по-крестьянски ходят, на голове кичка.

С м е р ь: одежды белые, как бы в саване, в руках коса на длинном косье, на ногах ничего нет.

П а ж и (д в а): при шашках, без заслуги, костюмы красивые, красные куртки, синие штаны, высокие шапки, наполеоновские, с пером; пояса разноцветные.

Ц а р е д о р ц ы (два, которые подносят царские принадлежности): форма одежды военная, сюртуки с крестами и звездами, штаны с красными лампасами, шапки треугольные, с пером и бантом; при шашках через плечо. Остальные царедворцы в военной одежде, но без кавалерии, одеты проще.

С в и т а: форма одежды военная, с копьями и при шашках, с медалями.

В о и н ы: форма одежды солдатская, при шашках, без заслуг.

Обстановка и принадлежности

Обыкновенная комната, где какая есть, даже простая крестьянская изба. Посреди ее становятся разукрашенный в виде кресел трон царя Максимилиана. Для него же корона, скипетр и держава на золо-

¹ Кавалерия — орденский знак.

том блюде, оклеенные золотой и серебряной бумагой. Железные кандалы для Адольфа. Молот для кузнеца. Табакерка для гробокопателя.

ЯВЛЕНИЕ 1-е

На сцену скорыми шагами выходит Скороход и, запыхавшись от быстрой ходьбы, говорит.

С к о р о х о д.

Здравствуйте, господа-сенаторы¹,
Не сам я к вам прибыл сюда,
А прислан из царской конторы.
Уберите все с этого места вон,
А здесь постановится царский трон.
Прощайте, господа,
Сейчас сам царь будет сюда. *(Уходит.)*

На сцену выходят сенаторы, царская стража и воины.

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Входит царь Максимилиан и обращается к публике.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н.

Здравствуйте, господа сенаторы,
Я пришел из царской конторы,
За кого вы меня считаете:
За императора русского
Или короля французского?
Я не император русский,
Не король французский,
Я есть грозный царь ваш Максимилиан.
Силен и по всем землям славен
И многою милостью своей явен.

Взглядывает на приготовленный для него трон и обращается ко всем окружающим, указывая на него рукою.

Воззрите на сие предивное сооружение,
Воззрите на сие великолепное украшение,
Для кого сия Грановита палата воздвигнута,
И для кого сей царственный трон
На превышнем месте сооружен?

¹ *Сенаторы* — старинное произношение.

Не иначе, что для меня, царя вашего.
Сяду я на оное место
И буду судить своего непокорного сына Адольфа.

Садится на троне, грозно оглядывает всех вокруг и кричит, что есть мочи.

Верные мои нелицемерные пажы, предстаньте скоро пред тронном своего монарха!

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Царь Максимилиан и два пажа.

Пажи входят, маршируя в ногу, и останавливаются, немного не доходя до трона, разом вытаскивают сабли из ножен, делают «на караул» и расходятся по обеим сторонам трона. Затем один встает перед тронном на одно колено и говорит.

П а ж.

О, могучий государь, милостивый царь,
Почто нас, пажов, к себе ты призываешь
И что нам делать повелеваешь?

Встает и отходит на свое место.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н. Подите в мои царские белокаменные чертоги и приведите ко мне любезного моего сына Адольфа, нужно мне с ним промежду собой тайный разговор вести.

П а ж и (оба в один голос). Идем и приведем! (Делают саблями на караул, сходятся и маршируют в публику.)

Ц а р ь М а к с и м и л и а н. Скороход-маршал, явись пред тронном своего монарха!

ЯВЛЕНИЕ 4-е

Те же и Скороход-маршал.

Скороход (входит очень быстро, подходит близко к тронну, становится на одно колено и, как бы запыхавшись от быстрого бега, говорит).

О, могущественнейший государь,
Милосерднейший царь Максимилиан,
Почто ты своего скорого и легкого
Скорохода-маршала призываешь,
Или что делать повелеваешь?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н. Поди, поведай моей свите, что я хочу снять с себя все недостойности и надеть на себя все пристойности и царские принадлежности, какие моему высокому царскому сану подобают.

С к о р о х о д. Пойду и распоряжусь всеми делами. (*Уходит, пнясь задом и низко кланяясь царю.*)

ЯВЛЕНИЕ 5-е

Те же, царедворцы и свита.

Растворяются двери избы, два царедворца на золотых подносах несут корону царскую, скипетр, державу, золотую саблю и пр. За ними идет свита, несколько воинов с обнаженными саблями на плечо.

В с е (*поют*).

Мы к царю, царю идем,
Злат венец ему несем,
Наш монарх сидит на троне
В позолоченной короне,
Славой, честью вознесен,
Высоко произведен.
Вся почетная стража
Держит сабли обнажа.
Ура, ура, ура!
Нашему царю!

Воины заходят и поровну становятся вокруг царского трона, держа все время сабли на плечо. Царедворцы подходят к самому трону, становятся на колени перед Максимилианом и протягивают ему подносы с царскими регалиями.

О д и н и з ц а р е д в о р ц е в. Прими, всемилостивейший монарх, из наших недостойных рук ваши царские принадлежности.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н .

Други мои, други,
Верные мои слуги,
Снимите с меня мои недостойности
И наденьте на меня все мои принадлежности.

Царедворцы снимают с него военную фуражку, медали и простую саблю, надевают корону, ордена, дают в руки скипетр и державу, кладут прежние уборы на подносы и уходят, низко кланяясь. Свита все время стоит около трона¹.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н (*помахивая скипетром, грозно*).
Что же это мои верные пажы медлят приводом любезного сына моего Адольфа? Или они не слушаются моего царского приказа?

ЯВЛЕНИЕ 6-е

Те же, Адольф и два пажа.

Растворяются двери, входит Адольф, по бокам его два пажа с обнаженными саблями. Адольф подходит к трону и становится на колени; пажы встают сзади его.

О д и н и з п а ж е й. Исполнили ваше царское приказание и привели вселюбезного сына Адольфа.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н. Теперь удалитесь с глаз моих.

Пажы уходят.

А д о л ь ф (*все время на коленях*).

О, всемилостивейший государь
И преславный Максимилиан царь,
Вселюбезнейший мой родитель, батюшка,
Бью тебе челом о матушку-сыру землю.
Зачем любезного твоего сына Адольфа призываетшь
Или что делать ему повелеваешь?

¹К этому месту в оригинале (с которого сделана копия) было примечание: «Далее в тексте пьесы замазана почти целая страница (2 явления). Из отрывочных слов, видимых довольно явственно, можно было разобрать, что царь Максимилиан встречается с богиней Венерой, пленяется ее прелестями, принимает вместе с сыном Адольфом кумирическую веру и в награду за вероотступничество получает руку богини. Сбоку, на полях тетради, сделаны две заметки: “не идет” и “не годица”. Вероятно, нельзя было найти актера на женские роли».

Ц а р ь М а к с и м и л и а н .

Любезный Адольф, сын мой,
Не радостен мне ныне приход твой:
Ныне я от супруги известился,
Что ты от наших кумирических богов отступился
И им изменяешь,
А каких-то новых втайне почитаешь.
Страшишь моего родительского гнева
И поклонись нашим кумирическим богам.

А д о л ь ф (*не вставая с колен*).

Я ваши кумирические боги
Подвергаю под свои ноги,
А верую в господу Иисуса Христа,
Изображаю против ваших богов знамение креста
И содержу его святой закон.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н (*сильно разгневанный встает с трона и, протягивая вперед руку со скипетром, грозно обращается к Адольфу*).

О, непокорный, изверг материнского чрева,
Страшишь ты родительского гнева.
Я думал, что ты, непокорный изверг,
будешь сидеть на царском престоле,
А ты хочешь уйти отсоле¹.

(*Кричит громко, обращаясь к дверям*.)

Верные мои пажы, предстаньте перед тронем своего монарха.

ЯВЛЕНИЕ 7-е

Те же и два пажы.

Выходят два пажы так же, как и ранее, и исполняют все те же действия, как и ранее. Вообще пажы всегда действуют однообразно.

О д и н и з п а ж е й .

О, могущественный царь,
Всех пресветлый государь,
Почто нас, пажов своих, так скоро вызываешь
И что нам делать назначаешь?

¹ Отсоле — отселе, отсюда.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н (*поднимается с трона и, указывая пальцем на сына, говорит грозным голосом*).

Отведите сего непокорного сына моего в темницу,
И чтобы не пропускать туда ни зверя, ни птицу,
И за его дерзкое непослушание
Посадите его на воздержание.

П а ж и (*оба в один голос*). Все исполним, как приказано.

Поднимают Адольфа с колен и ведут под конвоем с обнаженным оружием.

ЯВЛЕНИЕ 8-е

Царь Максимилиан и Исполнинский рыцарь.

Открывается дверь, в ней показывается Богатырь исполнинского роста, обнажает саблю, медленно идет к трону царя Максимилиана; подойдя, ударяет тупым концом копья в пол, становится в грозную позу и говорит.

И с п о л и н с к и й р ы ц а р ь .

Здравствуй, царь Максимилиан,
Покоритель чуждых стран,
Прошел я иноземные царства,
И все римские государства,
Все говорят, что несправедлив твой суд.
Ты должен себя оправдать,
Дозволь мне, Римскому послу,
Перед тобой речь держать.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н .

Говори, дерзкий посол.

И с п о л и н с к и й р ы ц а р ь .

Знай же ты, варвар и душегубец,
Ты невинную душу губишь,
Своему любезному сыну Адольфу голову рубишь.
(*Размахивая кругом копьем.*)

Посмотри, как все его жалеют,
Все по нем слезы проливают
И истинным героем почитают.
Одумайся, пока есть время!

Ц а р ь М а к с и м и л и а н (*встает на троне и, топая ногами, кричит*).

Прочь с глаз моих, дерзкий посол!

И с п о л и н с к и й р ы ц а р ь. Прощай пока, варвар и душегубец, но я вскоре вернусь отмстить за неповинную кровь. (*Уходит.*)

Ц а р ь М а к с и м и л и а н. Верные мои пажы, предстаньте пред троном своего монарха.

ЯВЛЕНИЕ 9-е

Царь Максимилиан и два пажа.

О д и н и з п а ж е й.

О, могущественный царь,
Пресветлый государь,
Почто нас, пажов своих, так скоро призываешь
Или что делать повелеваешь?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н.

Подите в мою прежнюю столицу,
В темную заключенную темницу,
И приведите ко мне непокорного моего сына Адольфа.

П а ж и (*в один голос*).

Идем и приведем твоего непокорного сына Адольфа.

ЯВЛЕНИЕ 10-е

Царь Максимилиан, Адольф и два пажа.

Пажи приводят Адольфа так же, как и в первый раз, Адольф приближается к трону и становится на колени. Пажи остаются стоять сзади его с обнаженными саблями.

А д о л ь ф.

О, всемилостивый государь,
Пресветлый Максимилиан царь,
Вселюбезнейший мой родитель батюшка,
Бью тебе челом о сыру землю.
Зачем непокорного своего сына Адольфа призываешь
Или что делать ему повелеваешь?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н .

Ну что, непокорный сын мой,
Каков будет ныне ответ твой,
Одумался или нет,
Не надоела ли тебе темная темница и голодная смерть?
Будешь ли веровать нашим богам,
Будешь ли подвергать их своим ногам?

А д о л ь ф .

Нет, я по-старому ваши кумирческие боги
Подвергаю под свои ноги,
Верую во единого бога
И содержу его святой закон.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н (*в сильном гневе поднимается с трона и, потрясая скипетром, грозно говорит*).

О, непокорный, изверг материнского чрева,
Страшись моего родительского гнева!
Я думал тебя сделать наследником своего царства,
А ты производишь надо мной коварства.
Предам я тебя иным мукам
И заставлю преклониться нашим богам. (*Садится
и кричит скороходу:*)

Скороход-маршал,
Явись пред троном своего монарха!

ЯВЛЕНИЕ 11-е

Те же и Скороход-маршал.

Скороход приходит так же, как и в первый раз. Вообще его выходы похожи всегда один на другой, см. явление 4-е.

С к о р о х о д .

О, могучий государь,
Милостивый царь Максимилиан,
Почто своего легкого Скорохода-маршала призываешь
Или что делать повелеваешь?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н .

Поди в мои белокаменны царские палаты
И приведи ко мне самолучшего кузнеца ты.

С к о р о х о д.

Иду и приведу самолучшего кузнеца.

Адольф все время стоит на коленях, грустно склонив голову и не поднимая глаз.

ЯВЛЕНИЕ 12-е

Те же и Кузнец.

С к о р о х о д.

Сходил и привел самолучшего кузнеца.

К у з н е ц.

Здорово, батюшка,
Зачем ты меня призываешь
Или что делать повелеваешь?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н (*указывая на Адольфа*). Закуй в крепкие кандалы сего изверга.

К у з н е ц (*как бы не доверяя своим ушам, повторяет про себя*). Закуй сего изверга. (*Смотрит на царя.*)

Ц а р ь М а к с и м и л и а н (*начиная сердиться*). Я тебе русским языком говорю: закуй сего изверга.

К у з н е ц. Заковать-то я закую, да кто же мне за работу-то заплатит?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н. Я дам тебе монету.

К у з н е ц. Да у меня, батюшка, и кармана-то нету.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н. Ничего, старуха сошьет.

К у з н е ц. Ну, ин, видно делать нечего, примусь благословясь. (*Берет свой молот, накладывает на ноги Адольфа цепь и заковывает.*) Заковал, батюшка, теперь крепко будет.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н. На вот тебе монету и поди домой к своей старухе,

К у з н е ц. Прощенья просим. (*Уходит.*)

Ц а р ь М а к с и м и л и а н. Верные мои пажы, предстаньте пред троном своего монарха.

ЯВЛЕНИЕ 13-е

Те же и два пажы.

О д и н и з п а ж е й.

О, могущественный царь,
Пресветлейший государь,
Почто ты нас, пажов твоих, так скоро призываешь
Или что делать повелеваешь?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н .

Сего дерзкого и непокорного изверга возьмите
И в темную его темницу посадите,
И морите его голодною смертию,
Доколе не одумается и не поверит нашим
кумирческим богам.

П а ж и .

Пойдем и отведем Адольфа в темницу.

Берут Адольфа за руки. Адольф поднимается с колен и медленно, опустя голову на грудь, двигается к двери. Поет заунывным голосом песню.

А д о л ь ф .

Я в темницу удаляюсь
От прекрасных здешних мест,
Сколько горестей смертельных
Я в разлуке должен снести.
Оставляю град любезный
И тебя, родитель мой.

При этих словах Адольф оборачивается и обращается к Максимилиану и жалобно смотрит на него, кланяется. Затем, поворотившись, продолжает идти до дверей с пением.

Знать судьба моя такая,
Что в разлуке жить с тобой.

(Скрывается за дверями.)

Царь Максимилиан остается сидеть в грустной задумчивости, пошибшись¹ локтем о ручку трона.

ЯВЛЕНИЕ 14-е

Царь Максимилиан и Исполнинский рыцарь.

Исполнинский рыцарь (входит, громко стуча оружием и безо всякого почтения подойдя к самому трону, кричит во всю мочь).

Воинским жаром пылаю,
Под ваше царство подступаю,
Град Антон² огнем сожгу,

¹Пошибшись — облокотясь.

²Град Антон — столица («Повесть о Бове-королевиче»).

А тебя самого в полон возьму.
Выставляй против меня супротивника
На мечях булатных тешиться,
На острых копьях сходиться.
Я стою под стенами твоего града.
Защищайся, а не то будет тебе смерть награда
За твой несправедливый суд.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н (*разгневанный кричит громким голосом, потрясая скипетром*). Прочь, дерзкий рыцарь! Жди себе вскоре супротивника под стенами моего града Антона.

И с п о л и н с к и й р ы ц а р ь. Прощай, варвар и душегубец; жди себе скорой отместки. (*Уходит безо всякого почтения к царю*).

Ц а р ь М а к с и м и л и а н (*кричит*).

Скороход мой маршал,
Явись пред тронем своего монарха!

ЯВЛЕНИЕ 15-е

Царь Максимилиан и Скороход-маршал.

С к о р о х о д.

О, могучий государь,
Ты наш царь Максимилиан,
Зачем так грозно легкого Скорохода-маршала
призываешь.

Или что делать повелеваешь?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н.

Поди скоро в мои белокаменны палаты,
Призови ко мне древнего и храброго Анику-воина,
Которого одна смерть победить может.

С к о р о х о д.

Пойду и призову древнего богатыря Анику-воина,
Которого одна смерть победить может.

ЯВЛЕНИЕ 16-е

Царь Максимилиан и Аника-воин.

А н и к а - в о и н (громادного роста, в латах, в шлеме и в прочем вооружении подходит к трону, потрясает оружием и говорит).

Здравствуй, царь Максимилиан,
Зачем ты меня, Анику-воина, призываешь
Или что делать мне повелеваешь?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н .

Древний и непобедимый воин Аника,
Подступил к нашему граду некий невежа,
Хочет он град Антон огнем сжечь,
Всех моих рыцарей перебить,
А меня самого в полон взять.

А н и к а - в о и н . Этого до сей поры не бывало и быть никогда
не может.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н .

Храбрый и непобедимый Аника-воин,
Поди за белокаменные стены,
Защити от невежи сей город,
И честь и хвала тебе будет воздана по всему царству,
как герою.

А н и к а - в о и н . Сейчас пойду и предам смерти дерзкого не-
вежу. (*Уходит, потрясая оружием.*)

Ц а р ь М а к с и м и л и а н . Верные мои пажы, предстаньте
пред троном своего монарха.

ЯВЛЕНИЕ 17-е

Царь Максимилиан и два пажы.

О д и н и з п а ж е й .

О, преславный Максимилиан царь
И могучий государь,
Почто нас к себе скоро призываешь
Или что делать повелеваешь?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н .

Подите в темную темницу,
Оследствуйте моего непокорного сына Адольфа;
Если он жив, то ко мне приведите,
Если он мертв, то там похораните.

О б а п а ж а . Идем и все оследствуем. (*Уходят.*)

ЯВЛЕНИЕ 18-е

Царь Максимилиан, Адольф и два пажы.

П а ж и. Жив твой непокорный сын Адольф и приведен сюда.

А д о л ь ф (*измученный, в цепях, еле движется, говорит тихим голосом, жалостно; не дойдя до трона, падает на колени*).

О, всемилостивейший и вселюбезнейший государь-ба-
т^юшка,

Почто истерзанного своего сына Адольфа призываешь
Или что делать повелеваешь?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н.

Ну что, непокорный и дерзкий сын Адольф,
Одумался или нет?

Не испугала ли тебя предстоящая мучительная
с^мерть?

Откажись, пока не поздно, дерзкий нечестивец,
И я возвращу тебе царскую порфиру и венец.
Брось свою христианскую православную веру,
Поклонись нашим кумирческим богам!

Адольф молчит, склонив на грудь голову.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н.

Ну, что же молчишь? Отвечай, кому веруешь?

А д о л ь ф.

Дражайший государь мой батюшка,
Я верую все по-старому в господу Иисуса Христа,
Который создал небо и землю
И ваших кумирческих богов.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н.

Ах ты, изверг непокорный,
Распалил ты мое сердце гневом,
Более я тебя щадить не стану,
А сейчас же повелю злой смерти предать.

(Кричит.)

Скорород-маршал,
Явись пред троном своего монарха!

ЯВЛЕНИЕ 19-е

Те же и Скорород-маршал.

С к о р о х о д - м а р ш а л.

О, великий государь,
Могучий наш царь Максимилиан,
Почто своего легкого Скорохода-маршала призываешь
Или что делать ему повелеваешь?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н .

Скорый и верный мой Скороход-маршал,
Поди скоро в мои белокаменны палаты,
Есть там древний Брамбеус-рыцарь¹,
Призови его сюда как можно поскорей.

С к о р о х о д .

Сейчас иду в твои царские белокаменны палаты
И приведу к тебе скоро Брамбеуса-рыцаря.

ЯВЛЕНИЕ 20-е

Царь Максимилиан, Адольф и Брамбеус.

Брамбеус (подходит близко к трону, становится перед Царем Максимилианом, ударяет копьём об пол, делает саблей на караул и говорит толстым голосом).

Дай бог тебе, царь Максимилиан, столько лет здравствовать,
сколько и я, древний рыцарь, на свете живу.

Зачем меня, сильного и древнего рыцаря Брамбеуса, призываешь;
Или что делать повелеваешь?

Царь Максимилиан (указывая скипетром на Адольфа, который все время стоит на коленях, опускает голову на грудь).

Возьми сего непокорного сына Адольфа
И предай его злой смерти на моих глазах.

Брамбеус (в ужасе пятится назад и смотрит то на царя, то на Адольфа).

О, великий государь,
Грозный царь Максимилиан,
Сто пятьдесят лет я на свете жил
И ни одного человека жизни не решил,
И под старость свою решать не стану.
Когда мой меч
Снесет непокорную царскую голову с плеч,
Когда юношеская горячая кровь брызнет
на мою седую голову,
То и я сам должен смертию помереть!

¹ Персонаж переводных повестей «О Францыле Венециане» и «Кедриль-обжора».

Ц а р ь М а к с и м и л и а н (*грозно*). Непокорный старик,
слушайся приказаний своего монарха.

Б р а м б е у с. Делать нечего, не могу послушником быть своему
монарху. (*Обращается к Адольфу.*)

Адольф, прощайся с белым светом,
Ты должен помереть на месте этом.

А д о л ь ф (*встает с колен, кланяется на все четыре сто-
роны и причитает*).

Прощай, родимая земля,
Прощайте, рódные поля,
Прощайте, солнце и луна,
Прощай, весь свет и весь народ.

(*Кланяется царю Максимилиану.*)

Прощай и ты, отец жестокий!

Ц а р ь М а к с и м и л и а н. Брамбеус, продолжай приказание
своего монарха, не медли долее, а не то и сам будешь казнен.

Б р а м б е у с.

Я продолжать продолжаю,
Но и сам себя не пощажаю.

(*Ударяет коленопреклоненного Адольфа по шее, тот падает
ничком.*)

Его рублю,
Но и сам себя гублю!

(*Пронзает себе грудь и падает мертвым.*)

Ц а р ь М а к с и м и л и а н.

Скороход-маршал,
Явись пред троном своего монарха.

ЯВЛЕНИЕ 21-е

Те же и Скороход-маршал.

С к о р о х о д.

О, могучий государь,
Грозный царь Максимилиан,

Зачем так скоро грозного Скоророхода-маршала
призываешь

Или что делать ему повелеваешь?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н .

Поди скорей в ближнюю деревню
И призови сюда Старика-гробокопателя.

С к о р о х о д .

Сейчас пойду и приведу сюда Старика-гробокопателя.

ЯВЛЕНИЕ 22-е

Царь Максимилиан и Старик-гробокопатель.

Старик (с толстой палкой в мужицкой одежде выходит на сцену, кашляет, трясет головой и рассуждает сам с собой).

И зачем это меня к себе царь призывает...
Видно, меня далеко знают,
Коли такие большие дела доверяют.

Зевает, крестит рот, чешет затылок и смотрит кверху на воображаемое солнышко.

Охо-хо-хо-хо-хонюшки!
Еще солнышко высоко,
А до царя нуж¹ недалеко,
Присяду-ка я да отдохну,
Маненечко табачку ножну,
А потом и до царя махну.

Садится, не торопясь вытаскивает тавлинку², запускает по понюшке в обе ноздри, чихает, сморкается, затем встает со словами:

Ну, тепере нужно, видно, уж итти; царь-то ведь тоже не шутка, не моя Малашка.

Подходит к трону, видит лежащих Адольфа и Брамбеуса, останавливается и, глядя на них, в недоумении чешет затылок.

Вот те и есёна-зелёна,
Тетка Матрена:
Царь-то, видно, меня постоять за этих богатырей звал,
А я с Малашкой прокаталажился, да и опоздал.

¹ Нуж — уж.

² Тавлинка — коробочка с табаком.

(Снимает перед царем Максимилианом шапку, говорит ему.)

Здорово, ваше-высоко-не-перескочишь!
Почто ты меня, знаменитого старика, призываешь
Или кого защищать повелеваешь?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н (указывая на лежащих Адольфа и Брамбеуса).

Убери ты два сии тела,
Чтобы сверх земли не тлели,
Чтобы червь их не точил,
Чтобы дождь их не мочил.

С т а р и к (идет к трупам и бормочет себе под нос). Что-бы черт их не точил, а куда же им и деваться-то теперь, как не к черту. (Берет то одного, то другого, то за ноги, то за голову, но поднять не может. Оборачивается за сцену и кричит жену.) Малашка, а, Малашка! (Молчание. Старик кричит снова.) Маланья, иди, дура, скорей сюда, дело есть.

(Снова молчание.)

С т а р и к (к публике). Вишь ты, чортова фигура, николи не выдет, пока по-настоящему не звеличаешь. (К жене.) Маланья Роговна, пожалуйста сюда, до вас дельце есть. (Из куты выходит старая сморщенная старушонка.)

С т а р и к. Смотри-ка, что бог на нашу долю послал.

Выбирай любого,
Оставляй худого;
Вытащим да оберем,
А потом нуж и уберем.

Тащат Адольфа и Брамбеуса за ноги в куть.

Входит Аника-воин.

ЯВЛЕНИЕ 23-е

Царь Максимилиан и Аника-воин.

А н и к а - в о и н (гордо подходит к самому трону царя Максимилиана, стучит о пол копьем и говорит, ударяя себя в грудь).

То ли я не воин,
То ли я не рыцарь?
Стану на землю,
Земля потрясется;
Взгляну на море,
Сине море всколыхнется,
Горы и холмы,
И те раздадутся.
Азия, Африка, Америка, Европа —
И те вострепешут!
Победил я всех басурман
И спас от злой смерти тебя, царь Максимилиан.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н .

Хвала, хвала тебе, герой,
Что град Антон спасен тобой.

(Кричит.)
Скороход-маршал,
Явись пред троном своего монарха!

ЯВЛЕНИЕ 24-е

Те же и Скороход-маршал.

С к о р о х о д .

О, великий государь,
Грозный царь Максимилиан,
Почто Скорохода-маршала призываешь
Или что делать ему повелеваешь?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н . Поди и призови в мои царские чертоги всех храбрых и могучих моих рыцарей отдать воинские почести Анике-воину за его освобождение нашего града Антона.

С к о р о х о д . Иду и призову. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 25-е

Царь Максимилиан, Аника-воин и толпа рыцарей.

Входят рыцари попарно и становятся в ширинку¹ по обе стороны царского трона, обнажа сабли.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н . Храбрые мои воины, воздайте честь непобедимому Анике-воину за освобождение града Антона.

¹ *Ширинка* — здесь: шеренга.

Х о р в о и н о в.

Хвала, хвала тебе, герой,
Что град Антон спасен тобой;
Твоей могучею десницей
Дерзкий враг повержен в прах...

Слышен сильный стук в дверь и женский вой.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н. Храбрые мои воины, прекратите
ваше пение.

Все умолкают и смотрят в недоумении на дверь.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н.

Что там за баба,
Что там за пьяна?

ЯВЛЕНИЕ, 26-е

Те же и Смерть.

*Дверь открывается, на пороге появляется Смерть с ко-
сою, становится у самого порога и говорит.*

С м е р т ь.

Я ведь не баба,
Я ведь не пьяна,
Я есть смерть твоя упряма.

Начинает двигаться от дверей к царскому трону.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н (*в ужасе встает на троне и
просит воинов*). Воины, мои воины, защищали вы меня неодно-
кратно от всяких врагов, защитите ныне от лютой смерти.

*Воины встают перед тронном царя и обнаженными сабля-
ми заграждают дорогу Смерти. Смерть приближается, дела-
ет движение косою, и сабли воинов со звоном падают. Воины
пугаются и раздвигаются перед Смертью.*

С м е р т ь (*подойдя к трону, обращается к царю Макси-
милиану*). Следуй за мной!

Ц а р ь М а к с и м и л и а н.

Мати моя, любезная смерть,
Дай мне сроку житья хоть на три года,
Чтобы мне нажиться
И своим царством распорядиться.

С м е р т ь.

Нет тебе житья и на один год.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н.

Мати моя, любезная смерть,
Дай мне житья хоть на три месяца.

С м е р т ь.

Не будет тебе и на месяц житья.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н.

Мати моя, любезная смерть,
Дай ты мне сроку хоть на три дня.

С м е р т ь.

Не будет тебе сроку и на три часа,
А вот тебе моя вострая коса.

Ударяет его косою по шее. Царь падает.

ЯВЛЕНИЕ 27-е

Скорород-маршал выходит на средину и обращается к зрителям.

С к о р о х о д.

Вот, почтеннейшая фублика,
Занавеска закрывается,
И приставленьё всё кончается,
А ахтерам с вас на чай полагается.

С.В. Максимов

БАРИН

Из числа других игр, представляющих собой зародыш младенческой комедии, необходимо указать на очень распространенную «игру в барина». Эта комедия, несомненно, носит сатирический характер, и происхождение ее восходит ко временам крепостного права. В избу для посиделок ряженные вводят под руки человека необыкновенной толщины, в высокой шапке, с лицом, густо вымазанным сажей, и с длинным чубуком в руках. Это и есть «барин».

Подле него суетятся казачок, подающий огонь для трубки, и кучер (он же бурмистр), гарцюющий на палочке верхом и хлещущий

бичом то палочку, то девок. Барин неповоротлив, глух и глуп, кучер, наоборот, хитрая бестия, хорошо знающая барские вкусы и барскую повадку.

Барин усаживается и начинает ворчать и ругаться, а кучер подобострастно вертится около и поминутно спрашивает:

— Что прикажете, барин-батюшка?

Самое представление начинается с того, что кучер, обращаясь к парням, спрашивает у них, не желает ли кто жениться, и приказывает спрашивать разрешения барина. Вслед за тем один из парней приближается к барину, кланяется в ноги и говорит:

— Батюшка-барин, прикажи жениться!

— Что-о? Не слышу, — переспрашивает глухой барин,

— Жениться! — кричит во весь голос парень.

— Телиться?

— Жениться!

— Ягниться?..

— Жениться!

— А, жениться!.. Ну, что ж, женись, женись, выбирай девку.

Парень выбирает девушку. Товарищи его подхватывают ее под руки и подводят к барину.

Девушка, разумеется, всеми силами упирается и не идет. Тогда кучер бьет ее «шелепугой» (бичом) и кричит: «Благовари барина, целуй барина!» Как только девушку подведут к барину, с него как рукой снимет прежнюю апатию и сонливость: он делается необыкновенно подвижен, оживлен, рассыпается мелким бесом и то лезет целовать и обнимать девушку, то делает полные непристойности жесты. Кучер же в это время изо всех сил помогает барину ухаживать и придерживает увертывающуюся от поцелуев девушку.

Потом к барину подходит второй парень, который тоже спрашивает разрешения жениться, и так продолжается до тех пор, пока все не переженятся.

В некоторых местах эта сатирическая комедия представляется с различного рода вариантами, причем характерно, что комедия не застыла в раз навсегда определенной форме, а подвергалась целому ряду изменений, сообразно с новейшими переменами в судьбе барина.

Так, например, в ней нашло свое отражение и современное помещичье оскуднение. По крайней мере, наш смоленский корреспондент свидетельствует, что в Юхновском уезде действующими лицами пародии являются промотавшийся помещик и его слуга-пройдоха.

Пародия начинается монологом помещика, который жалуется на трудные времена и на то, что народ от рук отбился. Ему, барину, сейчас нужны деньги, он вчера дотла проигрался в карты, а староста между тем не несет оброка, хотя давно должен был бы явиться. От нетерпения барин наконец кличет слугу.

— Ванька новый!

— Чего изволите, барин голый?

— Что-о? Что ты сказал?

— Я говорю: чего изволите, мол, барин?

Барин посылает слугу в лавку набрать товару в долг. Но слуга возвращается и говорит:

— Не дает лавочник-то. Говорит: этакому шерамыжнику да в долг давать? Твой, говорит, барин больше ничего, как мазурик...

— Молчи, молчи, дурак! — прерывает барин расходившего лакея.

Но лакей не унимается.

— Я что же-с, я молчу. А только лавочник говорит: такому, говорит, жулику — и в долг? Сохрани меня Боже... Ежели бы, говорит, порядочному господину — я с моим удовольствием, а твоему, говорит, беспортошному барину ни в жисть... Много, мол, разве-лось их нынче, рвани всякой...

Барин наконец не выдерживает и кидается на лакея с чубуком. Лакей убегает, и на его место является староста. Барин очень рад старосте, но боится прямо спросить про оброк и заводит разговор издали, осведомляясь о деревенской жизни и о своем хозяйстве.

Староста начинает с того, что на деревне все обстоит благополучно, и незаметно возбуждает у барина надежду на получение денег. Но как только эта надежда переходит в уверенность, староста докладывает, что хотя и все благополучно, но жеребец издох.

— Что? — кричит барин. — Мой жеребец?

— Ваш, батюшка-барин, ваш. И дом сгорел.

— Что-о? Мой дом?

— Ваш, сударь, ваш. И рожь уродилась такая, что сноп от снопа — столбовая верста, а копна от копны — целый день ходьбы.

Помещик подавлен всеми этими известиями, а староста не унимается и выкладывает все новые и новые беды, пока барин не прогоняет его.

Кончается пьеса тем, что к барину является кредитор, и барин опрометью, без души, улепетывает от него на улицу.

Эта пародия очень нравится крестьянам, так что актеров-любителей не только принимают с распростертыми объятиями, но угощают и дарят деньгами.

МНИМЫЙ БАРИН

Действующие лица

Б а р и н, в военной форме, с погонями; белая соломенная шляпа, в усах, с тростью, при зонтике.

Б а р ы н я, переодетый мужчина из молодых парней; в платье, в чепце. Старается говорить тонким голосом.

Т р а к т и р щ и к, в рубашке навыпуск, в жилетке, на груди зеленый фартук, на голове картуз.

Л а к е й, во фраке или сюртуке, на голове фуражка, на руках перчатки.

С т а р о с т а, старик в сермяге, на голове черная шляпа котлом, за плечами сумка, на ногах лапти.

Б а р и н. Марья Ивановна, пойдемте прогуляться. (*Входят в трактир, обращаются к Трактирщику.*) Трактирщик!

Т р а к т и р щ и к. Что угодно, барин голый!

Б а р и н. Ах, как ты меня пристрабил.

Т р а к т и р щ и к. Нет, барин добрый, я вас похвалил.

Б а р и н. Есть ли у вас комнаты, нам с Марьей Ивановной расположиться, чаю-кофею напиться.

Т р а к т и р щ и к. Есть, даже шпалерами¹ обиты-с.

Б а р и н. И пообедать будет можно?

Т р а к т и р щ и к. Как же-с, барин, можно.

Б а р и н. А что именно будет приготовлено?

Т р а к т и р щ и к. Жаркое-с.

Б а р и н. Именно какое?

Т р а к т и р щ и к. Комар с мухой, таракан с блохой на двенадцать частей разрезаны-с, на двенадцать персон приготовлены-с.

Б а р и н. Мария Ивановна! Какое жаркое чудесное-с! (*К Трактирщику.*) Сколько будет стоить-с?

Т р а к т и р щ и к. Полтора шесть гривен-с!

Б а р и н. Болван, не лучше ли бы тебе сказать: два десять.

Т р а к т и р щ и к. Мы не болваны, а живем с людьми на обманы-с.

Б а р и н. И водочки достать можно?

Т р а к т и р щ и к. Как же, барин, можно-с.

Б а р и н. Каки именно водки?

Т р а к т и р щ и к. Шампанское донское.

Б а р и н. Сколько будет стоить?

¹ Шпалеры — обои.

Т р а к т и р щ и к. Два шесть гривен-с.

Б а р и н. Какие цены! Был я в Италии, был и далее, был в Париже, был и ближе, таких цен не слыхал. И дурман-водки достать будет можно?

Т р а к т и р щ и к. Как же, барин, можно.

Б а р и н. Сколько будет стоить?

Т р а к т и р щ и к. Три-шесть гривен-с.

Б а р и н. Полтора шесть гривен-с, два шесть гривен-с, три шесть гривен-с, какие цены! Был я в Италии, был и далее, был в Париже, был и ближе, таких цен не слыхал! Поэтому вы, трактирщик, болван.

Т р а к т и р щ и к. Нет, мы не болваны, а живем с людьми на обманы; не таких видали, без шинели домой отпускали, а если вас порядочно угостить, можно без мундира отпустить; у вас в одном кармане вошь на аркане, в другом блоха на цепи.

Б а р и н. Ах, Марья Ивановна! Должно быть, он в наш карман лазил. Не хочю гулять, иду дальше. (*Уходит.*) Афонька-малый!

Является его Лакей.

Л а к е й. Что, барин голый?

Б а р и н. Ах, как ты меня пристрашил!

Л а к е й. Нет, барин добрый, я вас похвалил.

Б а р и н. Афонька-малый, подай-ка нам полведра водки алой.

Л а к е й. А где бы я ее взял?

Б а р и н. В поста́ве.

Л а к е й. А черт ее там поста́вил.

Б а р и н. Посмотри в другом.

Л а к е й. Я семь раз обежал кругом, ни черта не нашел.

Б а р и н. А что же мы вчерась пили?

Л а к е й. У вашей маменьки в гостях были.

Б а р и н. Афонька-малый, поил ли ты моих коней?

Л а к е й. Как же, барин, поил.

Б а р и н. Почему же верхняя губа суха?

Л а к е й. Не могли достать.

Б а р и н. А ты бы подрубил.

Л а к е й. Я и так по колен ноги отрубил.

Б а р и н. Дурак, ты бы корытце подрубил.

Л а к е й. Я и так все четыре ноги отрубил.

Б а р и н. Дурак, ты моих коней сгубил.

Л а к е й. Нет, я на Волынской двор спровадил.

Б а р и н. Афонька-малый, посмотри-ко, не едет ли дядя староста.

Л а к е й (бежит и кричит из-за двери). Едет дядя староста.

Староста входит, кланяется Барину и говорит.

С т а р о с т а. Здорово, барин-батюшко, синей жеребеч, Михаил Петрович! Я был на Нижегородской ярмонке, видел свиной вашей породы, да вашу барску шкуру продал, на вашу милость остался хомут очень прочен; еще привез вам подарочек: гуся да индюшечку.

Б а р и н. Что ты, дурак, разве бывает свинина барской породы?

С т а р о с т а. Вашего завода.

Б а р и н. Ах да, моего завода! А разве бара носят хомуты?

С т а р о с т а. Очень прочен, боярин-батюшко.

Б а р и н. Ну, расскажи, дядя староста, откуда ты?

С т а р о с т а. С вашей новой деревни.

Б а р и н. Ну, как в деревне мужички поживают?

С т а р о с т а. Порáто¹ дородно поживают: с ножки на ножку попрыгивают, у семи дворов один топор.

Б а р и н. Что ты болтаешь, ничего не поймешь!

С т а р о с т а. Каждый крестьянин по семи топоров имеет.

Б а р и н. Ах, как хорошо! А что они топорами делают?

С т а р о с т а. Занимаются вырубкой лесов.

Б а р и н. Поди, много вырубают?

С т а р о с т а. Порáто много, боярин-батюшко.

Б а р и н. Как много?

С т а р о с т а. А вот как соберутся всёй-то деревней в лес да возьмут веревку, на вершину наложат, клонят, клонят, дерево-то и сломят, всёй деревней и пружат² целый день.

Б а р и н. Что ты болтаешь, ни черта не поймешь!

С т а р о с т а. На каждый топор по семи дерев вырубают, боярин-батюшко.

Б а р и н. Ах, как много! А что же они из лесу делают?

С т а р о с т а. Дóмы строят.

Б а р и н. Поди-ко большие?

С т а р о с т а. Порáто большие, боярин-батюшко.

Б а р и н. А как большие?

С т а р о с т а. А собачки бежат, в окошечко глядят,

Б а р и н. Что ты болтаешь, ничего не поймешь!

¹ Порáто — очень.

² Прúжить — сплавлять по реке.

С т а р о с т а. Куричи на крышу вылетают, с неба звезды хватают. Я утром вышел: петух идет, полмесяца волокет.

Б а р и н. Ах какие дома громадные! Поди, у них и окна большие?

С т а р о с т а. Порато большие, боярин-батюшко.

Б а р и н. А как большие?

С т а р о с т а. А вот как: долотчом¹ намечено, а муравчом² проверчено, твоя маменька, кривая сука, — впиялит глаза и смотрит.

Б а р и н. Что ты болтаешь, ни черта не поймешь!

С т а р о с т а. Весь свет в одно окно видно.

Б а р и н. Ах каки окна большие! А у наших крестьян хлебопашество есть?

С т а р о с т а. Есть, боярин-батюшко.

Б а р и н. Поди-ко, много.

С т а р о с т а. Порато много, боярин-батюшко.

Б а р и н. А как много?

С т а р о с т а. В ту сторону сажень, да в другу сажень, дак кругом-то четыре будет.

Б а р и н. Что ты болтаешь, ни черта не поймешь!

С т а р о с т а. Каждый крестьянин по семи десятин имеет.

Б а р и н. Ах как много! Поди-ко, наши крестьяне на многих лошадях и на пашню выезжают?

С т а р о с т а. Порато на многих.

Б а р и н. А как на многих?

С т а р о с т а. Всей деревней на одной сохе, и то на козе.

Б а р и н. Что ты болтаешь, ни черта не поймешь!

С т а р о с т а. Каждый крестьянин на пары лошадях выезжает.

Б а р и н. Ах как много! А рано, поди, и на пашню-то выезжают?

С т а р о с т а. Порато рано, боярин-батюшко.

Б а р и н. А как рано?

С т а р о с т а. В пабедок³ поедут, а в обед⁴ уж дома.

Б а р и н. Что ты болтаешь, ничего не поймешь!

С т а р о с т а. С утра до вечера, с восходу до заката работают.

Б а р и н. Ах хорошо! У наших крестьян и посев большой бывает?

С т а р о с т а. Порато большой.

Б а р и н. А как большой?

С т а р о с т а. В полосу зерно, в борозду друго, и посев весь.

¹ Долотчом — долотом.

² Муравчом — маленьким буравчиком.

³ Часов около трех пополудни (примечание Н.Е. Ончукова).

⁴ В девять часов утра (примечание Н.Е. Ончукова).

Б а р и н. Что ты болтаешь, ничего не поймешь!

С т а р о с т а. Каждый крестьянин по семь кулей высевает.

Б а р и н. Ах хорошо! А эдак у них и урожай хорошей бывает?

С т а р о с т а. Порато хорошей, боярин-батюшко.

Б а р и н. А как велик?

С т а р о с т а. Колос от колоса — не слышно человеческого голоса.

Б а р и н. Что ты болтаешь?

С т а р о с т а. Куриче пробреть некуда.

Б а р и н. Ах как хорошо! А эдак и нажин большой бывает?

С т а р о с т а. Порато большой, боярин-батюшко.

Б а р и н. А как большой?

С т а р о с т а. Сноп от снопа — столбовая верста, а копна от копны — день езды, тихо едешь, два проедешь.

Б а р и н. Что ты болтаешь, ничего не поймешь!

С т а р о с т а. На каждой десятине по сто копен становится.

Б а р и н. Ах как хорошо! Эдак и копны у них большие?

С т а р о с т а. Порато большие, боярин-батюшко.

Б а р и н. А как большие?

С т а р о с т а. Курича перешахнет.

Б а р и н. Как, как?

С т а р о с т а. Палкой не перекинешь.

Б а р и н. Ах как хорошо! А эдак и примолот у них большой бывает?

С т а р о с т а. Порато большой.

Б а р и н. А как большой?

С т а р о с т а. Начнут молотить, дак и зерно не летит.

Б а р и н. Как, как?

С т а р о с т а. С каждого овина по семи кулей вымолачивают.

Б а р и н. Ах как много! Эдак у наших крестьян и коровы есть?

С т а р о с т а. Есть, боярин-батюшко.

Б а р и н. Поди-ко, дойливые?

С т а р о с т а. Порато дойливые.

Б а р и н. А как дойливые?

С т а р о с т а. Пойдут донть — чух-бух, подойник сух.

Б а р и н. Что ж ты болтаешь?

С т а р о с т а. Каждая корова по десять крынок в удой дает.

Б а р и н. Ах как много! А поди-ко, у наших крестьян и куры есть?

С т а р о с т а. Есть, боярин-батюшко.

Б а р и н. Поди-ко, кладливые?

Староста. А вот как: у нас была одна курица, дак три года на ей быки не скакали; собрались мужики, пошли в лес, вырубил шест сажен шесть, двое наставляють, трое пехают, как тут и яйца!

Барин. Что ты болтаешь, ни черта не поймешь!

Староста. Каждая кура по два яйца в день несет.

Барин. Был ли на моей новой мельнице?

Староста. Как же, барин, был.

Барин. У меня ведь мельница на семи поставах¹.

Староста. Черт ее там поставил: на одном столбе чуть-чуть-чуть дёржится, пихнуть — дак и свалится. А начнешь молотить, дак поскрести да подмести, нечего вам с Марьей Ивановой и под нос поднести.

Барин. Что, что ты болтаешь?

Староста. Каждые сутки по семи кулей размальывает.

Барин. А был ли ты, староста, на моей новой мызе²?

Староста. Как же, барин, был.

Барин. Все там благополучно?

Староста. Все получено, боярин-батюшко, а вот тетка Марфунька за лапоть писульку заткнула.

Барин. Подай-ко ее сюда.

Староста. Сейчас, боярин-барин.

Барин. Только не изорви.

Староста. Не изорву, только изомну. *(Тащит письмо из лая.)* О-о-н! Да еще блоха укусила. *(Чешет спину и подает записку.)* На-ко, барин, прочти.

Барин *(берет записку и говорит)*. Как у вас написано-то, по азам?

Староста. Не разобрать твоим чертовским глазам.

Барин *(читает)*. Как же вы сказали, все благополучно? Во-первых, мой перочинный ножик сломался.

Староста. Сломали, боярин-батюшко, сломали, прогневили Бога, сломали.

Барин. Ну, расскажи, как его сломали?

Староста. Вот я расскажу, как его сломали: как твой сиво-пегий жеребец помер, мы с него шкуру сдирали, кругом хвостика обернули, а он был стальной, да и хрупнул.

Барин. Как, разве мой сиво-пегий жеребец поколел?

Староста. Помер, боярин-батюшко.

Барин. Поколел же?

¹ *Постава* — каждая пара жерновов на мельнице.

² *Мыза* — бумагокрасильная фабрика.

С т а р о с т а. Помер.

Б а р и н. Ну, расскажи, отчего поколел?

С т а р о с т а. Расскажу, отчего помер: как твоя маменька, кривая сука, поколела, ей на кладбище повезли, он был сердечком-то ретив, себе ножку сломал, тут и помер.

Б а р и н. Как, разве моя маменька померла?

С т а р о с т а. Поколела, стара сука.

Б а р и н. Померла же?

С т а р о с т а. Поколела.

Б а р и н. Видите ли, Марья Ивановна, лошади помирают, а люди поколевают. Ну, расскажи, отчего моя маменька померла?

С т а р о с т а. Расскажу, отчего поколела. Как твой-то трехэтажный домик загорелся, твоя-то маменька сердечком была ретива и с крылечка скочила, себе ногу сломила, тут и поколела.

Б а р и н. Как, разве мой трехэтажный дом сгорел?

С т а р о с т а. Ау в траву, ноги в осоку, давным-давно.

Б а р и н. Как же, ведь там у меня были винные подвалы, ренсковые погреба?

С т а р о с т а. Были, боярин-батюшко; мы раз шли, да нашли две бутылки рэнского, взяли да и раскокали,

Б а р и н. Ведь вы выпили?

С т а р о с т а. Нет, раскокали.

Б а р и н. А ты на пожаре-то был?

С т а р о с т а. Как же, боярин-батюшко, был. Три раза кругом обежал, таких три кирпича красных вытащил!

Б а р и н. Неужели с пожару ничего не осталось?

С т а р о с т а. Нет, осталось много.

Б а р и н. А что такое?

С т а р о с т а. А чем чай-то пьют.

Б а р и н. Что такое, чай, что ли?

С т а р о с т а. Нет, крупнее.

Б а р и н. Дак сахар, что ли?

С т а р о с т а. Нет, чернее.

Б а р и н. Дак уголья, что ли?

С т а р о с т а. Вот гальё, гальё.

Б а р и н. Ты, староста, кажется, и посейчас-то пьян.

С т а р о с т а. Нет, я для вашей милости упрям.

Б а р и н. Где ты по сие время шлялся?

С т а р о с т а. Я на вашей красной шлюпочке катался.

Б а р и н. Видите ли: у барина петля на шее, а он на красной шлюпочке катался!

С т а р о с т а. Если бы была у вас, барин, петля на шее, я взял бы тримбамбули-бом, да и задавил бы.

ЛОДКА

Действующие лица

А т а м а н, грозного вида, в красной рубашке, черной поддевке, черной шляпе, с ружьем и саблей, с пистолетами за поясом; поддевка и шляпа богато украшены золотой бумагой.

Э с а у л, одет почти так же, как и Атаман; украшения из серебряной бумаги.

Р а з б о й н и к и, одеты в красные рубахи, на головах меховые шапки с значками из разноцветной бумаги, за поясом различное оружие.

Н е и з в е с т н ы й (он же Б е з о б р а з о в), одет в солдатский мундир, с ружьем в руках и кинжалом за поясом.

Б о г а т ы й п о м е щ и к, пожилой, иногда седой, в туфлях, пиджаке или халате, на голове котелок, в руках трубка с длинным чубуком.

Действие происходит на широком раздолье матушки-Волги, на косной лодке; последняя сцена на берегу, в доме Богатого помещика. Ни декораций, ни кулис, ни суфлера, ни вообще каких-либо сценических приспособлений не полагается.

Все участвующие в представлении входят в определенную заранее избу с пением какой-либо песни. Чаще всего исполняется следующая:

Ты дозвожь, дозвожь, хозяин,
В нову горенку войти!

Припев:

Ой калина! ой малина!
Черная смородина. (*Дважды*)

В нову горенку войти,
Вдоль по горенке пройти, (*Дважды*)

Слово вымолвити.
У тебя в дому, хозяин,
Нет ли лишнего бревна?
Если лишнее бревно,
Давай, вырубим его!

По окончании песни выступает вперед Эсаул и, обращаясь к хозяину, говорит: «Не угодно ли вам, хозяин, представленье посмотреть?» Хозяин обыкновенно отвечает: «Милости просим!», «Добро жаловать!» или что-нибудь в этом роде.

Все участники представления выходят на середину избы и образуют круг, в середине которого становятся друг против друга Атаман и Эсаул.

СЦЕНА 1-я

Атаман (*топает ногою и кричит грозно*). Эсаул!

Эсаул (*точно так же топает ногою и кричит в ответ*). Атаман!

Атаман.

Подходи ко мне скорей,
Говори со мной смелей!
Не подойдешь скоро,
Не выговоришь смело —
Велю тебе вкатить сто,
Пропадет твоя эсаульская служба ни за что!

Эсаул.

Вот я перед тобой,
Как лист перед травой!
Что прикажешь, Атаман?

Атаман. Что-то скучно... Спойте мне любимую мою песню.

Эсаул. Слушаю, Атаман! (*Запевает песню, хор подхватывает. Начало каждой строки запекает Эсаул.*)

Ах, вы, горы мои, горы,
Горы Воробьевские!
Ничего-то вы, ах, да горы,
Не спородили.
Спородили вы только, горы,
Бел-горюч камень.
Из-под камешка бежит
Быстра реченька... и т. д.

Атаман во время пения песни в глубокой задумчивости ходит взад и вперед со скрещенными на груди руками. По окончании песни останавливается, топает ногою и кричит

Атаман. Эсаул!

Подходи ко мне скорей
Говори со мной смелей!
Не подойдешь скоро,
Не выговоришь смело —
Велю тебе вкатить сто,
Пропадет твоя эсаульская служба ни за что!

Эсаул. Что прикажешь, могучий Атаман?

А т а м а н.

Будет нам здесь болтаться,
Поедем вниз по матушке по Волге разгуляться.
Мигментально сострой мне косную лодку!

Э с а у л. Готова, Атаман:

Гребцы по местам,
Весла по бортам!
Все в полной исправности.

В это время все разбойники садятся на пол, образуя между собою пустое пространство (лодка), в котором расхаживают Атаман и Эсаул.

А т а м а н (обращаясь к Эсаулу). Молодец! скоро потрафил!
(Обращаясь к гребцам.) Молись, ребята, Богу! Отваливай.

Гребцы снимают шапки и крестятся; затем начинают раскачиваться взад и вперед, хлопая рукою об руку (изображается гребля и плеск весел).

А т а м а н. Эсаул! Спой любимую мою песню!

Эсаул вместе со всеми разбойниками поет: «Вниз по матушке по Волге...»

А т а м а н (перебивая песню). Эсаул!

Подходи ко мне скорей,
Говори со мной смелей!
Не подойдешь скоро,
Не выговоришь смело —
Велю тебе вкатить сто,
Пропадет твоя эсаульская служба ни за что!

Э с а у л. Что прикажешь, могучий Атаман?

А т а м а н.

Возьми подозрительную трубку,
Поди на атаманскую рубку,
Смотри во все стороны:
Нет ли где пеньев, кореньев, мелких мест?
Чтобы нашей лодке на мель не сесть!

Эсаул берет картонную трубку и осматривает кругом.

А т а м а н (*кричит*). Зри верней, сказывай скорей!
Э с а у л. Смотрю, гляжу и вижу!
А т а м а н. Сказывай, что видишь?
Э с а у л. Вижу: на воде колода!
А т а м а н (*как бы не расслышав*).

Какой там чорт—воевода!
Будь их там сто или двести —
Всех их положим вместе!
Я их знаю и не боюсь,
А если разгорюсь,
Еще ближе к ним подберусь.

Эсаул-молодец!
Возьми мою подозрительную трубку,
Поди на атаманскую рубку,
Посмотри на все четыре стороны,
Нет ли где пеньев, кореньев,
Мелких мест,
Чтобы нашей лодке на мель не сесть?
Гляди верней,
Сказывай скорей!

Эсаул снова начинает оглядывать окрестности. В это время издали слышно пение песни:

«Среди лесов дремучих
Разбойнички идут...»

А т а м а н (*сердито топает и кричит*).

Кто это в моих заповедных лесах гуляет
И так громко песни распевает?
Взять и привести сюда немедленно!

Э с а у л (*выскакивает из лодки, но сейчас же возвращается*).

Дерзкий пришлец в ваших заповедных лесах гуляет
И дерзкие песни распевает,
А взять его нельзя,
Грозится убить из ружья!

А т а м а н.

Ты не эсаул, а баба,
У тебя кишки слабы!
Сколько хошь казаков возьми,
А дерзкого пришельца приведи!

Эсаул берет несколько человек и вместе с ними выскакивает из лодки.

СЦЕНА 2-я

Эсаул с разбойниками возвращается и приводит с собою связанного Незнакомца.

Атаман (*грозно*). Кто ты есть таков?
Незнакомец. Фельдфебель Иван Пятаков!
Атаман.

Как ты смеешь в моих заповедных лесах гулять
И дерзкие песни распевать?

Незнакомец.

Я знать никого не знаю;
Где хочу, там и гуляю
И дерзкие песни распеваю!

Атаман.

Расскажи нам, чьего ты роду-племени?

Незнакомец.

Роду-племени своего я не знаю,
А по воле недавно гуляю...
Нас было двое — брат и я,
Вскормила, вспоила чужая семья.
Житье было не в сладость
И взяла нас завидость;
Наскучила горькая доля,
Захотелось погулять по воле.
Взяли мы с братом вострый нож
И пустились на промысел опасный:
Взойдет ли месяц среди небес,
Мы из подполья — в темный лес,
Притаимся и сидим
И на дорогу все глядим:
Кто ни идет по дороге —
Жид богатый,
Или барин брюхатый, —
Всех бьем,
Все себе берем!
А не то в полночь глухую
Заложим тройку удалую,
К харчевне подъезжаем,

Все даром пьем и подъедаем...
Но не долго молодцы гуляли,
Нас скоро поймали
И с братом вместе кузнецы сковали.
И стражи отвели в острог.
Я там жил, а брат не мог;
Он скоро захворал
И меня не узнавал,
А все за какого-то старика признавал.
Брат скоро помер, я его зарыл,
А часового убил.
Сам побежал в дремучий лес
Под покров небес;
По чащам и трущобам скитался
И к вам попался.
Ежели хочешь, буду служить вам,
Никому спуску не дам!

А т а м а н (обращаясь к Эсаулу). Запиши его! это будет у нас первый воин.

Э с а у л. Слушаю, могучий Атаман! (*Обращаясь к Незнакомцу.*) Как тебя зовут?

Н е з н а к о м е ц. Пиши — Безобразов!

Атаман снова приказывает Эсаулу взять подзорную трубку и посмотреть, нет ли какой-нибудь опасности.

Э с а у л (заявляет). На море чернедь¹.

А т а м а н (как бы не расслышав),

Что за черти?
Это — в горах черви,
В воде — черти,
В лесу — сучки,
В городах — судейские крючки —
Хотят нас изловить,
Да по острогам рассадить,
Только я их не боюсь,
А сам поближе к ним подберусь.
Смотри верней,
Сказывай скорей,
А не то велю вкатить разиков сто —
Пропадет вся твоя эсаульская служба ни за что!

¹ Чернедь — птицы.

Э с а у л (*посмотрев снова в трубу*). Смотрю, гляжу и вижу!

А т а м а н. А что ты видишь?

Э с а у л. Вижу на берегу большое село!

А т а м а н. Вот давно бы так, а то у нас давно брюхо подвело.
(*Обращаясь к гребцам.*) Приворачивай, ребята!

Все разбойники хором подхватывают и весело поют песню:

Приворачивай, ребята,
Ко крутому бережочку — и т. д. до конца.

*Лодка пристает к берегу. Атаман приказывает Эсаулу уз-
нать, кто в этом селе живет.*

Э с а у л (*кричит, обращаясь к публике*). Эй, полупочтен-
ные, кто в этом селе живет?

Кто-нибудь из публики отвечает: «Богатый помещик!»

А т а м а н (*посылает Эсаула к Богатому помещику узнать*).

Рад ли он нам,
Дорогим гостям?

СЦЕНА 3-я

Э с а у л (*выходит из лодки и, подойдя к одному из участ-
ников представления, спрашивает*). Дома ли хозяин? Кто здесь
живет?

П о м е щ и к. Богатый помещик.

Э с а у л.

Тебя-то нам и надо!
Рад ли ты нам,
Дорогим гостям?

П о м е щ и к. Рад!

Э с а у л. А как рад?

П о м е щ и к. Как чертям!

Э с а у л (*грозно*). Ка-ак? Повтори!

П о м е щ и к (*дрожащим голосом*). Как милым друзьям.

Э с а у л. Ну, то-то же!

*Эсаул возвращается назад и докладывает обо всем Ата-
ману. Атаман велит разбойникам идти в гости к Богатому
помещику. Шайка подымается и несколько раз обходит во-
круг избы с пением «Эй, усы! Вот усы! Атаманские усы!...»*

Кончивши песню, шайка подходит к Богатому помещику. Атаманом и Помещиком повторяется почти буквально диалог с Эсаулом.

А т а м а н. Деньги есть?

П о м е щ и к. Нет!

А т а м а н. Врешь, есть!

П о м е щ и к. Тебе говорю — нет!

А т а м а н (*обращаясь к шайке, кричит*). Эй, молодцы, жги, пали Богатого помещика!

Происходит свалка, и представление кончается.

РЕЧИ БАЛАГАННЫХ ЗАЗЫВАЛ

Петербургские балаганные прибаутки

I

1. Книга

Вот что, милые друзья, я приехал из Москвы сюда, из гостиного двора — заниматься в повара; только не рябчиков жарить, а с рыжим¹ по карманам шарить.

Вот моя книга-раздвига. В этой книге есть много чего, хотя не видно ничего. Тут есть диковинная птичка, не снигирь и не синичка, не петух, не воробей, не щегол, не соловей, — тут есть портрет жены моей. Вот я про ее расскажу, и портрет вам покажу. От прелести-лести сяду я на этом месте.

Вы, господа, на меня глядите, а от рыжего карманы берегите.

2. Свадьба

Задумал я жениться, не было, где деньгами разжиться. У меня семь бураков² медных пятак, лежат под кокорой³, сам не знаю под которой.

Присваталась ко мне невеста, свет-Хавроньюшка любезна. Красавица какая, хромоногая, кривая, лепетуныя и зайка. Сама

¹ *Рыжий* — здесь: вор-карманник.

² *Бура́к* — плетенный короб.

³ *Кокóра* — коряга, вывороченный пенёк, павшее дерево.

ростом не велика, лицо узко, как лопата, а назади-то заплата, оборвали ей ребята.

Когда я посватался к ней, какая она была щеголиха, притом же франтиха. Зовут ее Ненила, которая юбки не мыла. Какие у ней ножки, чистые, как у кошки. На руках носит браслеты, кушает всегда котлеты. На шее два фермуара¹, чтобы шляпку не сдувало. Сарафан у ней французское пике² и рожка в муке.

Как задумал жениться, мне и ночь не спится. Мне стало сниться, будто я с невестой на бале; а как проснулся, очутился в углу в подвале. С испугу не мог молчать, начал караул кричать. Тут сейчас прибежали, меня связали, невесте сказали, так меня связанного и венчали.

Венчали нас у Флора, против гостиного двора, где висят три фонаря. Свадьба была пышная, только не было ничего лишнего. Кареты и коляски не нанимали, ни за что денег не давали. Невесту в телегу вворотили; а меня, доброго молодца, посадили к мерину на хвост и повезли прямо под Тучков мост³. Там была и свадьба.

Гостей-то гостей было со всех волостей. Был Герасим, который у нас крыши красил. Был еще важный франт, сапоги в рант, на высоких каблуках, и поганое ведро в руках. Я думал, что придворный повар, а он был француз Гельдант, собачий комендант. Еще были на свадьбе таракан и паук, заморской петух, курица и кошка, старый пономарь Ермошка, лесная лисица, да старого попа кобылица.

Была на свадьбе чудная мадера, нового манера. Взял я бочку воды да полфунта лебеды, ломочечек красной свеклы утащил у тетки Феклы; толочна два стакана в воду, чтобы пили слаще меду. Стакана по два поднести, да березовым поленом по затылку оплести — право, на ногах не устоишь.

3. Жена

У меня жена красавица. Под носом румянец, во всю щеку сопля. Как по Невскому прокатит, только грязь из-под ног летит.

Зовут ее Софья, которая три года на печке сохла. С печки-то я ее снял, она мне и поклонилась, да натрое и развалилась. Что мне делать? Я взял мочалу, сшил, да еще три года с нею жил...

Пошел на Сенную, купил за грош жену другую, да и с кошкой. Кошка-то в гроше, да жена-то в барыше, что ни дай, так поест.

¹ *Фермуар* — застежка.

² *Пике* — плотная хлопчатобумажная или из искусственного шелка ткань.

³ Тучков мост в Санкт-Петербурге.

4. Жена

Жена моя солидна, за три версты видно. Стройная, высокая, с неделю ростом и два дни загнувши. Уж признаться сказать, как было в красный сарафан нарядится, да на Невский проспект покажется — даже извозчики ругаются, очень лошади пугаются. Как поклонится, так три фунта грязи отломится.

5. Баня¹

Я по Невскому шел, четвертака искал, да в чужом кармане рубль нашел, едва и сам ушел. Потом иду да подумываю.

Вдруг навернулся купец знакомый да не здоровый, только очень толсторожий. Я спросил: дядюшка, в которой стороне деревня? А он мне сказал: у нас деревни нет, а все лес. А я к нему в карман и влез. Он меня взял да в баню и пригласил, а я этого дела не раскусил: я на даровщинку и сам не свой.

Приходим мы в баню. Баня-то баня — высокая. У ворот стоит два часовых в медных шапках. Как я в баню-то вошел, да глазом-то окинул, то небо и увидел. Ни полка, ни потолка, только скамейка одна. Есть полок, на котором чорт орехи толоч. Вот, голова, привели двоих парильщиков, да четверых держальщиков. Как положили меня, дружка, не на лавочку, а на скамеечку, как начали парить, с обеих сторон гладить. Вот тут я вертелся, вертелся, насилу согрелся. Не сдержал, караул закричал. Банщик-то добрый, денег не просит, охапками веники так и носит.

Как с этой бани сорвался, у ворот с часовым подрался.

6. Лотерея²

Разыгрывается лотерея: киса³ старого бородобрея, в Апраксином рынке в галерее. Вещи можно видеть на бале⁴, у огородника в подвале.

В лотерее будут раздавать билеты два еврея; будут разыгрываться воловий хвост и два филея.

Чайник без крышки, без дна, только ручка одна.

¹ Баня — иносказательно: полицейский участок.

² В речи зазывалы много заимствований из известной старинной сатиры «Роспись приданого».

³ Киса — котомка, мешок.

⁴ Бал — вероятно, от *балы*, пустые разговоры, росказни.

Из чистого белья два фунта тряпья; одеяло, покрывало, двух подушек вовсе не бывало.

Серьги золотые, у Берта на заводе из меди литые, без всякого подмеса, девять пудов весу.

Бурнус вороньего цвету, передних половинок совсем нету. Взади есть мешок, кисточки на вершок. Берестой наставлен, а зад-то на Невском проспекте за бутылку пива оставлен.

Французские платки, да мои старые портки, мало ношенные, только были в помойную яму брошенные. Каждый день на меня надеваются, а кто выиграет — назад отбираются.

Двенадцать подсвечников из воловьих хвостов, чтобы рыжие не забывали великих постов.

Будет разыгрываться золотая булавка, — а у этой кухарки под носом табачная лавка.

Перина ежового пуха, разбивают кажнее утро в три обуха.

Шляпка из навозного пуха, носить дамам для духа.

Сорок кадушек соленых лягушек.

Материя маремор с Воробьиных гор.

Шкап красного дерева, и тот в закладе у поверенного.

Красного дерева диван, на котором околевал дядюшка-Иван.

Два ухвата да четыре поганых ушата.

Пять коз да мусору воз.

Салоп на лисьем меху, объели крысы для смеху. Атласный весь красный, с бахромой лилового цвету, воротника и капишона¹ совсем нету.

Будет разыгрываться Великим постом под Воскресенским мостом, где меня бабушка крестила, на всю зиму в прорубь опустила. Лед-то раздался, я такой чудака и остался.

7. Прохожий

Вижу, голова, я нынче на Рождестве — прохожий, вот на этого рыжего похожий. Он меня, голова, и позвал Христа славить, в чужих домах по стенам шарить, Мы, голова, и прославили, шубу с бобровым воротником сгладили.

Потом, голова, в светло Христово воскресенье мне он попался у заутрени. Священник сказал: «Христос воскрес», а он к купцу прямо в карман и влез.

Он, голова, хороший мастеровой: кузнец, слесарь, токарь, столяр, а еще плотник, по чужим карманам лазить охотник. Еще, голо-

¹ Капишон — капюшон.

ва, литейщик, башмачник, сапожник, портной — только он, голова, за московской заставой с вязовой иглой¹ стоял. Раз, голова, стегнул, енотовую шубу сразу и махнул.

8. Цырульник

Был я цырульником на большой Московской дороге. Кого побрить, постричь, усы поправить, молодцом поставить, а нет, так и совсем без головы оставить. Кого я ни бривал, тот дома никогда не бывал. Эту цырульню мне запретили.

9. Публика

Рыжий, помнишь Великий пост, как теленка тащил за хвост. Теленок кричит «ме», а он говорит: «Пойдем на праздник ко мне». У кого есть в кармане рублей двести, у рыжего сердце не на месте. Признаться сказать, у кого волосы чёрны, и те на эти дела задорны. В особенности рыжие да плешивые, самые люди фальшивые. Кому лапоть сплесть, кому в карман влезть — и то умеют.

А вишь и русский не дает чужому карману трусу². Как увидит, так и затрясет, в свой карман понесет.

Вот этот капрал у меня два хлеба украл. А вот дикий барин дрожавши спотел, купаться захотел.

Господа, вам фокус покажу: что вы дадите, я в свой карман положу.

Вот что я вам, господа, скажу. У меня сегодня несчастье случилось, в пустой корзинке кошка утопилась. Осталось семеро котят, на молочко-то, господа, давайте сюда.

А я вот что, господа, скажу: пряники да орех кидать великий грех. Лучше отдохните, да копеек по шести мне махните.

II

1

Настает, братцы, Великий пост,
Сатана поджигает хвост
И убирается в ад,
А я этому и рад.
Пошел я гулять в Пассаж —

¹ С дубиной.

² Не трусит, лезет в карман.

Красоток там целый вояж:
Одни в штанах да в валенках,
Другие просто в тряпках,
От одной пахнет чесноком,
От другой несет вином.
А у моей жены имения не счесть,
Такие часы есть,
Их чтоб заводить
Нужно из-под Смольного за Нарвскую заставу ходить.
А рыжий-то, рыжий, глядит-ка, люд православный,
Так и норовит к кому-нибудь в карман.

2

Была у нас с Матреной дочка —
Из себя кругла, как бочка.
Посватался к ней из царева кабака отшельник.
Да и повенчался в чистый понедельник.
Уж и приданое мы ей, братцы, закатали —
Целый месяц тряпки стирали и шили.
Платье мор-мор
С Воробьиных гор,
А салоп соболиного меха —
Что ни ткни рукой, то прореха.
Воротник елот —
Вот что лаает у ворот.
На прощанье ее побили
И полным домом наградили.
Дали разные вещи:
Молоток да клещи,
Чайник без дна,
Лишь ручка одна
Да резиновые калоши
С отдушиной, без подошвы,
Рогатого скота ей — петух да курица
И медной посуды — крест да пуговица.
И за это награждение
Оказала нам дочка угощение:
Сварила суп
Из каменных круп,
А пирог был с такой начинкой,
Что у меня Матрена три дня возилась с починкой;
Все брюхо себе чинила,
А жареное, братцы, бычьи рога
Да комарина нога.

3

Дед показывает толпе исписанный крупными каракулями список.

Вот, ребята, разыгрывается у меня лотерея:
 Хвост да два филея,
 Чайник без ручки, без дна,
 Только крышка одна —
 Настоящий китайский фарфор,
 Был выкинут на двор,
 А я подобрал, да так разумею,
 Что можно фарфор разыграть в лотерею,
 Часы на 13 камнях,
 Что возят на дровнях.

Показывает огромные часы и заводит их с треском.

А чтобы их заводить,
 Надо к Обуховскому мосту заходить.
 Ну, ребята, покупайте билеты — на цыгарки годятся,
 А у меня в мошне пятаки зашевелятся.

4

Показывает портрет уродливой женщины.

А вот, ребята, смотрите:
 Эта моей жены патрет
 Только в рамку не вдет.
 У меня жена красавица —
 Увидят собаки — лаются,
 А лошади в сторону кидаются.
 Зовут ее Ирина,
 Пухла, что твоя перина,
 Под носом румянец,
 А во всю щеку — сопля.

5

Указывает в толпе на девушку.

А вон красотка — девка аль молодка
 Стоит, на деда улыбается,
 А рыжий-то к карману подбирается.
 Знаю я этого детину,
 Звал меня в трахтир под машину,
 Уговаривал меня и жену мою Маланью

Вступить в их воровскую компанию.
Я с дуру-то тогда не согласился,
А вот теперь спохватился.
Эй, рыжий, подходи ко мне поближе,
Поделись со мной, а я не скажу, что видал.
Как ты в чужой карман залезал.

6

А еще, робята, что я вам скажу:
Гулял по Невскому прищепту
И ругнулся по «русскому диалекту».
Ан тут как тут передо мной хожалый:
В фартал, говорит, пожалуй!
За што ж? говорю... А не ругайся! —
Вот за то и в часть отправляйся!
Хорошо еще, что у меня в кармане рупь-целковый случился,
Так я по дороге в фартал откупился.
Так вот, робята, — на Невском прищепте
Не растабарывайте на «русском диалекте».
Так-то!

7

Обнимает нарумяненную плясунью.

А вот, робята, это — Параша,
Только моя, а не ваша.
Хотел было я на ней жениться,
Да вспомнил: при живой жене это не годится.
Всем бы Параша хороша, да больно щеки натирает,
То-то в Питере кирпичу не хватает.

8

А знаете, робята, я ведь в поварах служил, право!
И вот скажу я вам, например,
Вот послушайте, да не напирайте,
Как готовил я обед на барский манер.
А слюнки потекут — не кулаком, а платком
утирайте, —

По-барски так полагается,
Что всякая грязь в платок собирается.
Так вот обед:

Показывает исписанный каракулями лист.

Это у бар зовется «меню»,
Так и я это прозвище не перемену.
Первое: суп-сайте

На холодной воде,
Крупинка за крупинкой
Гоняются с дубинкой.
На второе: пирог —
Начинка из лягушечных ног,
С луком, с перцем
Да с собачьим сердцем.
На третье, значит, сладкое,
Да, сказать по правде, такое гадкое:
Не то желе. не то вроде тортю.
Только меня за него послали к чорту
И жалованья дать не пожелали!..
С тех пор я перестал поварничать — невыгодно!

9

Ну, робята, неча все торчать у карусели,
Заходите сюда поглазеть, как танцуют мамзели!
Эй вы, парни, девки и молодки,
Идите покататься на лодке!
Наш хозяин с публики
Охоч собирать рублики.
Да и деду бросьте в шапку медяки,
Да не копейки, а пятаки!..
Ну-ка раскошеливайтесь!

Подставляет шапку и ловит в нее деньги, что бросают довольные прибаутками деда слушатели. Дед, собрав деньги, слезает с перил и, удаляясь, кланяется толпе.

Пока до свиданья!
Вам-то забавно, а у меня в глотке пересохло!
Эх-ма! С кого бы получить,
Чтобы деду глотку промочить.

Ю.А. Дмитриев

ДЕД-ЗАЗЫВАЛА

Эхва,
Для ваших карманов
Столько понастроено балаганов,
Каруселей и качелей
Для праздничных веселий!
Веселись, веселись,
У кого деньги завелись.

У кого же в кармане грош да прореха,
Тому не до смеха...
Есть же такие чудаки,
А прозывают их — бедняки,
Где им до богатых,
Коли ходят в заплатках,
А на ногах туфли,
Чтоб ноги не пухли!
Так-то.
Ну, веселись-шевелись,
У кого деньги завелись!

В.А. Гиляровский

ЮШКА-КОМЕДИАНТ

<...> А какие там типы были! Я знал одного из них. Он брал у хозяина отпуск и уходил на масленицу и Пасху в балаганы на Девичьем поле в деды-зазывалы. Ему было под сорок, жил он с мальчиком у одного хозяина. Звали его Ефим Макариевич. Не Макарыч, а из почтения — Макариевич.

У лавки солидный и важный, он был в балагане неузнаваем с своей седой подвязанной бородой. Как заорет на все поле:

— Рррра-ррр-ра-а! К началу! У нас Юлия Пастраны — двоюродная внучка от облизьяны! Дыра на боку, вся в шелку!..

И пойдет, и пойдет...

Толпа уши развесит. От всех балаганов сбегаются люди «Юшка-комедианта» слушать. Тарашим и мы на него глаза, стоя в темноте и давке, задрав головы. А он седой бородой трясет да над нами же издевается. Вдруг ткнет в толпу пальцем да как завизжит:

— Чего ты чужой карман шаришь?

И все завертят головами, а он уже дальше: ворону увидал — и к ней.

— Дура ты, дура! Куда тебя зря нечистая сила прет... Эх ты, девятиногая буфетчица из помойной ямы!.. Рр-ра-ра! К началу-у, к началу! Сорвет бороду, махнет ею над головой и исчезнет вниз.

А через минуту опять выскакивает, на ходу бороду нацепляет:

— Эге-ге-гей! Публик почтенная, полупочтенная и которая так себе! Начинайте торопиться, без вас не начнем. Знай наших, не умирай скорча.

Вдруг остановится, сделает серьезную физиономию, прислушивается. Толпа замрет.

— Ой-ой-ой! Да никак начали! Торопись, ребя!

И балаган всегда полон, где Юшка орет.

МОНОЛОГ ПЕРЕД СПЕКТАКЛЕМ

Эй, господа, пожалуйте сюда!

Здравствуйте, москвичи, жители провинциальные, ближние и дальние: немцы-лекари, еврей-аптекари, французы, итальянцы и заграничные мириканцы, расейские баре, астраханские татаре! Господам купцам, молодцам, бледнолицым современным девицам — мое почтение! Всякая шушера нашу комедию слушала, осталась довольна за представление — еще раз мое вам низжайшее почтение!

Эй, ты там! Протри глаза спьяна! Увидишь самого царя Максимилиана! Царь он оченно грозный и человек весьма сурьезный, чуть что ему не по нраву, живо сотворит расправу.

Эй, вы, господа, подбородки бритые, в зубы битые, по-праздничному скулы сворочены, глаза разворочены!

Масленице — все племянники!

Эй, вы, дорогие алтынники, вынимайте-ка свои полтинники и гривны, сейчас увидишь дела дивны!..

ЭПИЛОГ

А теперь позвольте отдать вам наше низжайшее почтение, благодарить за посещение.

Приходите в другой раз, уважим и одно вам скажем, что тешились этой шуткой в старину не только голь и баре, а и самые первеющие бояре, для всех мой был встарь Максимилян грозный царь!

А теперь ступайте, по манежу гуляйте, разными штуками себя развлекайте.

Господа умные и глупцы, дворяне и купцы и купчихи краснощекые — всем вам мои поклоны глубокие. (*Кланяется на все стороны.*) А если хотите узнать, кто я такой, что за молодец лихой? Почему у меня такая храбрость и отвага? Я — пьяница Ванька Шмага!

Адю-с, ухожу-с!

Ярмарочный фольклор

Фольклор возник на стыке практической целесообразности и художественного домысливания бытовых торговых ситуаций и намерений. Соединение столь далеких функций осуществлено на основе синтеза и ничего общего не имеет с синкретизмом древнейших вре-

мен. Разнообразие жанровых видов ярмарочного фольклора детально охарактеризовано его собирателем и первым толкователем Василием Ивановичем Симаковым (1879—1955) («Красноречие русского торжка. Материалы из архива В.И. Симакова. Публикация Т.Г. Булак // Из истории русской фольклористики. Л., 1978. С. 107—157).

Речи владельца особого ящика-райка отнесены к ярмарочному фольклору вследствие близости пояснений и острословия раешника к устной рыночной рекламе, хотя они столь же близки и к красноречию балаганных закличал.

ВЫКРИКИ И ЗАЗЫВАНИЯ

1

Огурчиков, огурчиков!
Зелененьких огурчиков!

2

Яблок ранет,
Каких на свете лучше нет!

3

Кому яблоки продам?!
Кому дешево отдам?!

4

Кому дрожжи,
Свежие дрожжи?!

5

Есть семечки жареные!
Кому семечки?!

6

Ай да подсолнышки!
Ай да каленые!
Все се(й)час бы их приел,
Да хозяин не велел!

7

Семечки калены
Продают Алены
Нюркам и Шуркам!
Сашкам и Пашкам!

Варюшкам, Манюшкам!
Наташкам, Парашкам!
Тимкам и Мишкам!
Ванёнкам, Васёнкам!
Гришуткам, Мишуткам!
Ганькам и Санькам!
Всем, всем продаем!
И всем сдачи даем!
Стакан — гривенник цена,
Накладываем всем сполна,
Высыпаем всем до дна,
И цена будет одна.
Во как тут!
Покупай, не ленис(ь)!
И плати, не стыдис(ь)!

8

Вот орешки!
Хорошие орешки!
Вкусные, на меду,
Давай в шапку накладу!

9

Мармелад, шоколад!
Кому надо мармелад?
Кому надо шоколад?
Вот он! Вот он!

10

Селедка, селедка!
Копченая селедка!

Давай, давай,
Да любую выбирай!
Сам ловил,
Сам солил
И сам продавать принес!

11

Сами мы рязанские!
Сельди — астраханские!
Давай — покупай!
Забирай — выбирай!

12

Кому пирожки,
Горячие пирожки?
С пылу с жару —
Гривенник за пару
Нажарила, напекла
Акулина для Петра!
Давай —
Наскакивай!

13

Меж долами, меж горами
Сидит баба с пирогами
Она недорого берет,
А кто купит — того рвет!

14

Вот блины — блиночки!
Кушайте, милые дочки!

15

Ай да блины!
Три дня как испечены,
А посейчас кипят!!
Вкусные блиночки!
Кушайте, сыночки
И мои любимые дочки!

16

Ай да квас!
С медком,
С ледком!
С винной брагой!
И густой,
И забористой!

17

Ай да сбитень-сбитенек!
Подходи-ка, паренек!
Сбитень тетушка варила,
Сама кушала, хвалила
И всем ребятам говорила:
«Вы, ребята, пейте,
Сбитня не жалейте!

Сбитень варен на меду,
Не на рошеном солоду!
Вкусен, ароматен,
Для всякого приятен!»

18

Ай да махорка, вырви глаз!
Аромат — не зелье,
Курить — одно веселье!
Кто курит табачок,
Тот веселый мужичок!

19

Вот так табачок!
Закуривай, мужичок.
Как курнешь,
Так уснешь.
Как вскочишь,
Так опять захочешь!

20

Кому мыльце
Умыть рыльце?!
Вот оно! Вот оно!

21

Всем необходима
Проходящим мимо
Детская игрушка —
Веселый Петрушка!
Веселый бим-бом
Веселит весь дом!

22

Детская игрушка —
Живой Петрушка!
Такого молодца-оригинала
Вся Москва не видала!
Вина не пьет,
Стекол не бьет,
С девками не якшается,
Худым делом не занимается,
А вот к мамкину карману подбирается!
Купи-ка, мамаша, папаша, —

Деточка-то ваша!
И с этой игрушкой
Пусть он поиграет, повеселится,
Потешится, порезвится!
Ай да Петрушка!
Ноги дубовые,
Кудри шелковые,
Сам ходит,
Сам бродит,
Сам шевелится
И никакого квартального не боится!

23

Американская обезьянка Фока!
Танцует без отдыха и срока!
Пьяна не напивается,
С мужем не ругается!
Пляшет и весело живет
И пьяницей не слывет!

24

Вот кот! Вот кот!
«Везде хожу, гуляю
И хвостом виляю!
Птичек ловлю,
Мышей давлю!»

25

Ай да птичка!
Сама летит,
Сама свищет,
Сама и покупателя ищет!
Сама клюет,
Сама питается,
Сама и с деточками забавляется!

26

Вот они! Вот они!
Детские подарки
Красивы и ярки!
Дудки! Хлопушки!
Бубны! Побрякушки!
Налетай, выбирай!
Выбирай, забирай!
Вот они! Вот они!

27

Вот она! Вот она!
Только что сработана.
Трам, треск,
Писк, вереск!
Детский крик:
Что случилось?
Что приключилось?
Вот так пушка,
Детская хлопушка!
Ребята, ребята!
Живите богато!
Становитесь в ряд,
Покупайте подряд
Пушки-хлопушки,
Веселы побрякушки!
Сам весел будешь
И других посмешишь!
Смешно — грешно,
Весело — потешно!
Красиво — приятно,
Для детей занятно!

28

Всегда без пороху!
Всегда без промаху
Бьет и палит,
И дым не валит!

29

Ай да шар-летун!
Вот он как взвивается,
Во как подымается, —
Весь честной народ удивляется;
Выше лесу-то стоячего,
Выше облака ходячего!

30

Ай да мяч!
Прыгает, скачет!
Упадет — не плачет!

31

А вот деточкам —
Малолеточкам
Медведь-топтун!
Соловей-свистун!

32

Лужу, паяю,
Старые керосинки покупаю,
Примусы чиню!

33

Ведро починяю,
Старые кровати покупаю!
У бадей дны вставляю!
Старые тазы покупаю!

34

Ключи подбираем!
Старые замки починяем!

35

Стекла вставляем,
Стекла!

36

Точим ножи, ножницы!
Бритвы правим!

37

Все, все берем!
За все дорого даем!
Всякое старье покупаем!
Старьё берем!

38

Постричь, побрить,
Побрить, поголить,
Бороду поправить,
Ус поставить!

39

У нас да для вас
Башмачки есть в самый раз!
На слово поверьте
Сядьте и примерьте!

40

А вот валенки
Большие и маленькие!

41

Кому продам, кому
Оригинальную шляпу?
О пыли, от загара,
От солнечного удара!

42

Есть ниточки!
Есть катушечки!
Подходите покупать,
Девки-душечки!

43

Иголки не ломки,
Нитки, тесемки,
Румяна, помада!
Кому чего надо?!

44

У дедушки Марка
Товару барка:
Мыла пахучие!
Ситцы нелиночие!

45

Булавки, иголки!
Стальные приколки!
За один пучок
Плати пяточок!

46

В нашей палатке
Нет нехватки!
Духи и помада!
Кому чего надо?!

47

Пальто и жилеты!
Сапоги и жакеты!
Товары французские,
А ребята русские!
Торгую — не спешу,
Двигай к нашему шалашу¹!

¹ *Шалаш* — здесь торговая палатка.

ЗАКЛИЧКИ И БАЛАГУРЬЕ

48

Зазывай всех Иванов!
Купят — не купят, —
Пускай поглядят!

49

Кто с базара,
А наш дядюшка Назар
Только едет на базар.

50

Ай да-да!
У нашего продавца
Разных сказок — без конца!

51

Ай-вай,
Да хорошо покупай!
Да и денежку подай!

52

«Ай, ай! — кричит Мишка. —
Хорошее, худое, —
Выбирай любое!»

53

Ай да дядя Лука!
С шуткой и со смехом
Продает с успехом.

54

Ай да распродажа!
Старым и молодым,
Неженатым, холостым!

55

Наш дедушка Федул
Никого он не надул.
Он торгует честно,
Всеи Москве известно!

56

Подходи дядя Роман,
Разворачивай карман,
Выбирай, не торопис(ь)!
Купивши, не хохлис(ь)!

57

Глядите, не моргайте,
Рты не разевайте,
Ворон не считайте,
По дешевке покупайте!

58

Время зря не проводи,
Давай подходи!
Наш дед Селифан
Не делает обман!

59

Вот как тут:
Хочу — не хочу,
По три денежки плачу,
Не уважу богачу!

60

Девки, сюда,
И молодки, сюда!
Караул, караул!
Мужик бабу обманул.

61

И Аленка, и Аненка,
И красивая Матренка —
Все к нам пришли
И подруг привели!

62

Наш Мишка
Не берет лишка:
Он по совести живет,
По дешевке продает!

63

Опять дядюшка Назар
К вам приехал на базар!
Давай подходи
И других подводи!

64

У дядюшки Якова
Товару хватит всякого!
Тары-бары, растабары!
Расторговываем товары!

65

Вали валом, народ,
От Яузских ворот,
Со Стретенки, с Лубянки,
С Тверской, Моховой
На товар дешевой!

66

У нашего свата,
Дядюшки Филата,
Продаются два сига
Да комариная нога,
После хромого клюшка
Да от ведра дужка!
Подходи, подваливай,
Пока не затерло!

Эх, старые, усатые,
Рыжи, бородатые,
Девки-вострушки,
Старушки-хлопотушки,
Свахи-сводницы
И московские огородницы!
Подваливай валом,
По дешевке продаем,
Чуть не даром отдаем!

67

Эх, шевелис(ь), шевелис(ь),
У кого денежки завелис(ь)!
Подходи, кума Татьяна,
За собой веди Лукьяна!
Как Лукьян-то подойдет,

У нас на́ ход все пойдет.
Мы не только разуваем, —
Чего нет, и то покажем!

68

Тары-бары, растабары,
Есть хорошие товары!
Продаю без барыша,
Зато и слава хороша!
Все Аленки, все Матренки —
Все сюда, все сюда,
Здесь распродажа, господа!

69

Хоть сам я и не пригож,
А товар привез хорош:
Для Анюток-баламуток
Сарафаны-растеганы.
Для Машонок и Грушонок
Канифасы и атласы.
Для молoduшек-лебедушек
Платки, гребешки,
Расписные петушки!
Для красных девушек
Шпильки, иголки,
Булавки, приколки,
И белила, и румяна!
Эй, подходи, честной народ!
Да я и сам не урод!
Тряси все, потряхивай,
Гляди все, поглядывай!
Подходи, подваливай,
Пока не затерло!

70

Заходи сюда, народ!
Дорогие, милые,
Корявые и сивые,
Старые, молодые,
Толстые и худые,
Большие и малые,
Тихие и удалые!
(К) торгашу Игашке
В красной рубашке —
Он не дорого берет,

По дешевке продает!
Вот где пошло-то!
Вот где повалило-то!
Шумят, гамят,
Надвигаются,
К моему-то шалашу
Подбираются.
Два Ивана, три Петра
Усмехаются,
Две Матрены, две кумы
Удивляются, —
Все к товару моему
Подбираются,
Все купить нарасхват
Собираются.
Даром не даем,
А по дешевке продаем!
Поминай добром
Нас — Луку с Петром,
Тюху и Матюху,
Сидора, Захара,
Климентя и Макара!
Всех, всех поминай,
Никого не забывай!
Они в долг не дают,
А по дешевке продают.
И с Таганки,
И с Лубянки,
И с самой матушки Землянки
Все узнали,
Все прибежали...
В очередь стояли,
Плакали, рыдали,
Товару дожидали!
Эх, подваливай народ
От Красных ворот,
С Курского вокзала,
С Земляного вала!
Дешево здесь продается,
Чуть не даром отдается!
Ох, рой до дна —
И цена будет одна!
Эй вы, канашки,
Милые Наташки,
Все ли вы пришли,
Всех ли вас сюда привели?
Да не забыли ли

Старух-лепетух,
Молодцов-сорванцов,
Бабок, да дедок,
Да молодых лебедек?
А красные девушки
И незвавши придут,
За белилами, за румянами
Придти придут,
Да нам и деньгу принесут!
Ни с кем мы не бранимся,
Шутим, веселимся
Да уступаем, не скупимся!
Эй вы! Курочки-дурочки,
Милые дочурочки!
Белолицы, круглолицы,
Все вы модницы —
Благородницы!
Не ходите никуда,
Заходите все сюда!
А наш дядюшка Тарас
Сказки сказывать горазд!
Эх, по случаю моей
Карманной невзгоды
Дешево продаются
Два яблока мочены
Да две репы сушены!
Судак заливной,
Судак вяленый!
Два рака живых
Да два шпареных!
Пожалуйте к нам сюда
На распродажу, господа!
Все вы тетушки,
Все золовушки,
Все стары старики
И бородаты мужики!
Вот она! Вот она!
Всякая снедь:
Треска и сельдь,
Клюква подснежная,
Белорыбца нежная,
Рыжечки, груздочки,
Всякие сняточки,
Изюм и халва
И китайская трава!..
Кушайте, питайтес(ь),
На нас не обижайтес(ь)!
Берите повкуснее,

Платите посходнее!
Дядюшка Филат
Каждому покупателю рад,
И всегда у него
Весь товар нарасхват!
Всех мы зазываем,
Всех мы приглашаем:
Сеньку-музыканта,
И Ваньку-поплюханта,
Тишку и Мишку,
И косоного Гришку!
Все сюда заходи,
Все сюда подваливай!
Двери не заперты,
Товар не уложен.
Мы не только продаем, —
Бывает и даром даем!
Перцу стрючок
Да по затылку щелчок!
Не забывай, дедушка Гаврила,
Да помни, дедушка Вавила, —
Наш торгош Демьян
Постоянно весел, пьян!
Пьяный напьется —
С женой подерется,
На базар придет
И песенку запоет:
«Наша хата
Утехами богата?
Расчески, гребешки,
Свистульки, петушки!
Есть мыла пахучие,
Ситцы нелинючие,
Пудра, помада,
Кому чего надо?!
Старому и малому,
И парню удалому,
Беззубой старухе
И красивой молодухе
Товар продаем,
А за присказку
Денег не берем!
Только слушай, кума,
Да набирайся ума!
У меня есть дом,
На колу висит
Кверху дном,

Дверями в воду,
Куда нет ходу.
Есть при доме огород,
А в огороде
Винный завод.
Колеса вертятся паром,
А водка подносится даром.
Есть там пряники медовые,
Зато и люди
Там живут бедовые.
Девицы замуж не выходят,
Да и без мужей
Хорошо девчата родят.
Да и бабы там гладкие
И до товару падкие.
Как ко мне соберутся,
Так из-за товара
Все и раздерутся!»
Степка стоит у ворот
И хайлит¹ во весь народ:
«Православны, не зевайте,
Кому нужно, покупайте, —
По дешевке продается,
Чуть не даром отдается!
Купцы мы московские,
Товары ростовские!»
Торгует дедушка Мартын —
Продает за алтын:
Сам выбирай,
Сам и денежки подавай!
Эх, навалис(ь), навалис(ь),
У кого денежки завелис(ь)!
Эх, становися в ряд
Да кричи всем подряд.
Товар показывай, хвали
Да приятно говори!
Продавай с потехой,
С шуткой и со смехом!
Ври тут, не стесняйся,
Со смеху валяйся!
Товар без обмана,
Дешев для кармана:
Тормоши, тряси,
К свету глядеть выноси!
Не по старому шаблону —

¹ Орет.

Живи по новому фасону!
Клади все в ряд,
Продавай подряд:
Башмачки, чулочки,
Юбки и носочки,
Сорочки и ленты,
Бусы, прозументы,
Кольца, крючки
И все другие пустячки!
Я сегодня продаю,
Чуть не даром отдаю!
Дешевку узнали,
Все тут набежали:
Мужчины элегантны,
Танцоры, музыканты,
Акробаты, певцы,
И другие молодцы,
Все купчихи и купцы,
Старикашки и юнцы,
Подгулявшие саврасы¹,
Стрекачи и лоботрясы,
Все вдовы и вдовцы,
И старухи и отцы!
Пошел раздор —
На товар разбор!
Все сам делаю:
Сам разбираю,
Сам раскладываю,
Сам продаю
(И сам за денежки продаю!) —
Все сам, все сам!
Сам ношу, сам вожу,
Сам размечаю,
Сам и денежки получаю!
Всем, всем продаю,
Всем, что надо, даю:
И Захарию, и Макарию,
И монаху Дарию,
И пузатым, и мохнатым,
И тощим, и солощим,
И Феклушкам, и Марфушкам,
И Демьянам, и Лукьянам,
Забиякам, грубиянам,
Вздорным и задорным,
Лукавым, вороватым,

¹ Здесь: гуляки.

Умным и дураковатым —
Всех милости прошу
Двигать к нашему шалашу!
А я новую присказку скажу:
Тары да бары,
Да мои новые товары
Раскладываю, развязываю.
Развязавши, показываю,
Показавши, рассказываю:
Где сухо, где помазано,
И все к делу будет сказано!
Только слушай, кума,
Да набирайся ума,
Куда сходить,
Где дешевле купить.
А у нас для всех дешевле всех, —
Берите на ходу,
Покупайте на лету!
Товар товаром,
А присказку скажем даром:
Знай Фому
И завсегда ходи к нему!
Он продаст вам, разуважит
И веселую присказку расскажет.
У меня есть дом —
На колу висит кверху дном.
Вот мой адрес, как идти:
Иди правой стороной,
Налево и будет дом мой.
На пути будет сосна ку(д)реватая,
А под сосной
Сидит баба рябоватая.
Есть еще приметочка:
На окне висит
Птичка в клеточке,
А на другом, боковом,
Сидит серая кошка
И вертит хвостом немножко.
Как вот эти
Все приметы попадут,
Так я живу тут!
А когда я сказку кончу,
То рот не надо разевать,
А скорее покупать,
Пока не распродали,
Да вор бы не забрался
В ваш карман,

Да не сделал бы вам изъян!
Эво они, —
Носки! Чулки!
Перчатки! Варежки!
Для Авдотьи и для Марьюшки!
Мужские и дамские,
Воровские и хамские!..
Каждому необходимо
Проходящему мимо!
Небывалая дешевка,
Громадный выбор,
Колоссальная скидка
С четвертаго этажа!
У нас дешевле Мюра, Пассажа,
Гума и Мострикотажа!
Конкуренция всем:
Трестам и синдикатам!
Частникам и спекулянтам!
Рой и копай до дна —
Цена одна!
От края до края
Полтина — любая!
Кому делать нечего,
Копайся до вечера!
Льготные условия:
Двадцать месяцев кредит
И с доставкой на дом! <...>

71

Когда я во хмелю,
Чего-хоть намелю.
А как просплюс(ь),
От всего отопрус(ь).
Скажу: я — не я,
И лошадь не моя,
И я не извошик!
У нас — не как у вас,
И есть чем похвастывать
Для всех вас!
Приезжайте к нам,
Мы покажем вам,
Мы живем так:
Как в нашей-то Москве
Берега кисельные,
Реки текут хмельные,
На деревьях растут пряники,

А на кустах-то пироги
Да пеклеванники!
У вас — не как у нас:
У вас петухи поют
И вам спать не дают,
А у нас
Курицы поют
И петухам воли не дают!

РАЁК

Нижегородский раёк

Площадь перед самокатами¹ вся залита народом; со всех сторон из балаганов слышится самая разнообразная музыка, раздаются громкие зазывания в «комедии», крики разносчиков, громкий говор толпы, остроты забубенной головушки-мастерового, и в том числе однообразно звучит рассказ служивого, от которого у публики животики подводит, а служивый-то сам и усом не поведет и глазом не мигнет.

— Вот я вам буду спервоначально рассказывать и показывать, — говорит он монотонным, всего на двух или трех нотах, голосом, — иностранных местов, разных городов, городов прекрасных; города мои прекрасные, не пропадут денежки напрасно; города мои смотрите, а карманы берегите.

— Это, извольте смотреть, Москва-золотые маковки, Ивана Великого колокольня, Сухарева башня², усиленский собор³, 600 вышины, а 900 ширины, а немножко поменьше; ежели не верите, то пошлите поверенного, — пускай поверит, да померит.

— А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, как на Хотинском поле⁴ из Петросьского дворца⁵ сам анпиратор Александра Николаич выезжает в Москву на каранацию: ангилерия, кавалерия по правую сторону, а пехота по левую.

— А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, как от фрянцюсьского Наполеона бежат триста кораблев, полтораста галетов, с дымом, с пылью, с свиными рогами, с замор-

¹ Самокаты — качели.

² Сухарева башня — высокая башня, возведенная по приказанию Петра I. Снесена при реконструкции Москвы.

³ Успенский собор — Успенский собор в Московском Кремле.

⁴ Ходынское поле.

⁵ Петровский замок в Москве.

ским салом, дорогим товаром, а этот товар московского купца Левки, торгует ловко.

— А это вот, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, город Париж, поглядишь — угоришь; а кто не был в Париже, так купите лыжи: завтра будете в Париже.

— А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, Лександровский сад; там девушки гуляют в шубках, в юбках и в тряпках, в шляпках, зеленых подкладках; пукли фальшивы, а головы плешивы.

— А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, Царьград; из Царяграда выезжает сам салтан турецкий со своими турками, с мурзами и татарами-булгаметами и с своими пашами; и сбирается в Рассею воевать, и трубку табаку курит, и себе нос коптит, потому что у нас, в Рассее, зимой бывают большие холода, а носу от того большая вреда, а копченый нос никогда не портится и на морозе не лопається.

— А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, как князь Меньшиков Сивостополь брал: турки палят — все мимо, да мимо, а наши палят — все в рыло, да в рыло; а наших Бог помиловал: без головушек стоят, да трубочки курят, да табачок нюхают, да кверху брюхом лежат.

— А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, как в городе в Адесте¹, на прекрасном месте, верст за двести, прапорщик Щеголев² агличан угощает, калеными арбузами в зубы запускает.

— А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, московский пожар; как пожарная команда скачет, по карманам пироги прячет, а Яшка-кривой сидит на бочке за трубой да плачет, что мало выпил, да кричит: «Князя Голицына дом горит».

— А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, нижегородская макарьевская ярманка; как московские купцы в нижегородской ярманке торгуют; московский купец Левка, торгует ловко, приезжал в макарьевскую ярманку, — лошадь-от одна пегая, со двора не бегают, а другая, — чала, головой качает; а приехал с форсу, с дымом, с пылью, с копотью, а домой-то придет, — неча лопати: барыша-то привез только три гроша: хотел было жене купить дом с крышкой, а привез глаз с шишкой...

¹ Адеста — Одесса.

² А.П. Щеголев, прапорщик, отличился при обороне города. Умер в 1904 году в чине генерала.

Петербургский раёк

I

А вот, извольте видеть, господа,
Андерманир штук — хороший вид,
Город Кострома горит¹;
Вон у забора мужик стоит — с.т.;
Квартальный его за ворот хватает,
Говорит, что поджигает,
А тот кричит, что заливает.
А вот андерманир штук — другой вид,
Петр Первый стоит;
Государь был славный
Да притом же и православный;
На болоте выстроил столицу,
.....
Государь был славный,
Да притом же и православный.
А вот андерманир штук — другой вид,
Город Палерма стоит;
Барская фамилия по улицам чинно гуляет
И нищих тальянских русскими деньгами щедро
наделяет,
А вот, извольте посмотреть, андерманир штук —
другой вид.
Успенский собор в Москве стоит;
Своих нищих в шею бьют,
Ничего не дают.

II

Подходите, подходите,
Да только карманы берегите
И глаза протрите!..
А вот и я, развеселый потешник,
Известный столичный раешник,
Со своею потешною панорамою:
Картинки верчу-поворачиваю,
Публику обморачиваю,
Себе пяточки заколачиваю!..
А вот, извольте видеть, город Рим,
Дворец Ватикан,

¹ Первый публикатор текста высказал предположение, что тут намек на знаменитые костромские пожары. Выгораживая себя, власть обвиняла случайных людей. (*Примечание Д.А. Ровинского*).

Всем дворцам великан!..
А живет в нем римский папа,
Загрёбистая лапа!..
А вот город Париж,
Как туда приедешь —
Тотчас угоришь!..
Наша именитая знать
Ездит туда денежки мотать:
Туда-то едет с полным золота мешком,
А оттуда возвращается без сапог пешком...
А вот, извольте видеть, город Берлин!..
Живет в нем Бисмарк-господин,
Его политика богата,
Только интригами таровата!..
В неметчине народ грубый,
На все точит зубы...
Им давно хочется
На балтийский край броситься,
Да боятся, как бы сдуру
Не лишились б сами шкуры —
Ведь вот в двенадцатом году
Француз сам себе наделал беду!..

III

Подходи, люд честной, люд Божий,
Крытый рогожей,
За медный пятак
Покажу все этак и так.
Будете довольны.
Вот французский город Париж,
Приедешь — угоришь.
Ономедни и самому там сенатору Гамбету¹
Подали карету, —
Дескать проваливай.
А вот коварный англичан,
Надулся ровно чан.
Хоша он нам и гадит,
Зато и наш брат русский его не гладит.
Супротив русского кулака
Аглицкая наука далека,
И слова мы не скажем,
Уж так-то разуважим, —
Мокренько будет.

¹ Гамбетта Леон (1838—1882) — политический деятель Франции.

Московский раёк

Вот рядом со своим ящиком со стеклами, называемым косморамой или райком, стоит человек, по ухваткам отставной солдат, бывалый, ловкий и сметливый. На нем серый, обшитый красной или желтой тесьмой кафтан с пучками цветных тряпок на плечах, шапка-коломенка, также украшенная яркими тряпками. На ногах у него лапти, к подбородку привязана льняная борода. Это — дед-раешник.

На самом ящике надпись: «В сей космораме показывается всякий город и разные виды житейски, страны халдейски и город Париж, куда въедешь — угоришь, и страны американски, откуда привозят калоши дамски».

Дед комментировал показываемые им картины, и в этих комментариях часто была заключена главная сущность его своеобразного театра.

«А вот, извольте видеть господа, андерманир штук хороший вид, город Кострома горит, у забора мужик стоит... кварталный его за ворот хватает, говорит, что он поджигает, а тот кричит, что заливаает.

А вот андерманир штук другой вид, город Палерма стоит, барская фамилия по улицам гуляет и нищих итальянских деньгами оделяет.

А вот, извольте видеть, андерманир штук другой вид. Успенский собор в Москве стоит, своих нищих в шею бьют, ничего не дают.

Вот погляди город Аривань, князь Иван Федорович¹ въезжает и войска созывает, посмотри, как турки валются, как чурки.

Вот посмотри турецкую баталию, где воюет тетка Наталья. Сделала по всей деревне колокольный звон, пушечную стрельбу, сама три кочерги разбила, деревню в полон взяла, а деревня большая: два двора, три кола, пять ворот, прямо Андрюша в огород. Нищим жить просторно. Печей нет, труб не закрывают, никогда не угорают, и гарью не пахнет. Ага, хороша штука, да последняя».

Песни новой формации

Историческая новизна в массовом песенном творчестве отмечена развитием художественных начал, заданных почином известных, малоизвестных и совсем не известных авторов. Их творчество оказало прямое влияние на возникновение и развитие массовых песен нового времени (XVIII—XX вв.). Авторская образность и стиль профессиональ-

¹ *Аривань* — Еревань. Князь Иван Федорович — граф И.Ф. Паскевич (1782—1856), генерал-фельдмаршал, царский наместник, главнокомандующий русской армии на Кавказе в 1827—1830 гг.

ного и полупрофессионального творчества были восприняты народом, соединились с традициями фольклора. Возник причудливый поэтический синтез. Первоначально он поражал неоднородностью, соединением несовместимых художественных качеств. Однако в исторической перспективе у такой лирики было преодоление неоднородности. Усвоение авторского творчества порождало отклик во встречном творчестве народа. Хотя оно и имело отправным пунктом авторский «первоисточник», но отличалось от него собственными свойствами. Как и в старинном песенном фольклоре, в песнях новой формации действовали факторы массового творчества. Имели место преемственная работа творцов, не только следовавших свойствам перерабатываемого литературного образца, но и особенностям самостоятельной работы в *аналогичном* направлении. Этот процесс творчества указал на самый факт приобщения народной массы к сотворчеству в границах новой, *литературной эстетики*. Возникла *полулитературная, полуфольклорная традиция*. Образовалась отличающаяся от прежнего фольклора массовая песенная поэзия нового типа.

Раздел открывается авторскими песнями, ставшими образцами для фольклора и удержавшими в себе их главные черты и свойства. О том, как многочисленны такие произведения, можно судить по антологии В.Е. Гусева «Песни и романсы русских поэтов» (Большая серия «Библиотека поэта», М.; Л. 1965; 2-е изд.: В 2 т. М.; Л. 1988). Из песен этого типа представлены немногие образцы — как правило, в массовой «редакции». В некоторых случаях публикуются и авторские первоисточники. Сравнение их с фольклорным продолжением позволяет понять характер осмысления первоисточника. Тут налицо не недопонимание, не искажение образца (хотя и это имело место), а преимущественно характерное расхождение. Происходило и сокращение авторского текста. Когда давало о себе знать стремление сохранить авторский текст, возникали художественные аналогии, но, как правило, они стояли ближе к фольклору, чем к свойствам усвоенного образца.

Таким образом, процесс возникновения песен новой формации начальным пунктом развития имел усвоение авторского творчества. Дальнейший шаг состоял в сохранении самостоятельности фольклора. Народное творчество обретало вид выборочно воспринятых литературных форм с последовательным их преображением в пределах самостоятельных поэтических актов. Образцы такого творчества представлены подборкой текстов, составивших второй раздел — в нем предложено деление песен и романсов на разряды: *любовные; балладные; тюремные и каторжные; гражданские патетические; шуточные* (в том числе *пародии*).

Влияние литературного творчества не было кратковременным моментом в истории песен новейшей формации. Воздействие авторского творчества осталось постоянно действующим фактором. Творчество поэтов подпитывало сложение фольклорных песен на всем протяжении XIX и XX столетий. Оно остается таким и ныне.

Массовое творчество сопровождалось возникновением в фольклорной лирике ряда жанрово-тематических разновидностей. В науке они сведены в группы нестрого. Группы соприкасаются, происходит *скрепление* их свойств. При всем том по признаку преобладания жанрово-тематического качества среди песен и романсов немало таких, в которых преимущественно представлены интимные темы — это *любовные* песни и романсы о людских драмах, о человеческих волнениях и ожиданиях. Это — песни о семейном неурядицах, бытовых трагедиях: в таких песнях и романсах, как правило, преобладает *балладная* трактовка сюжета. Особый разряд образуют песни *каторги и тюрьмы*, тесно соприкасающиеся с *гражданскими* патетическими песнями-призывами. В них выражены чувства и умонастроение людских масс, вовлеченных в общественные коллизии и социальные столкновения. В особенности многочисленны песенные отклики на события военных сражений с их победами и поражениями. Неизменно народное восхищение погибающими за великое дело защиты отечества. Свои особенности и у *шуточных* песен и *пародий*.

Таким образом, может быть предложена следующая классификация песен и романсов (с перекрестным совмещением качеств, но с преобладанием характерного). Масса песен и романсов распадается на два разряда: *I. Песни и романсы литературного происхождения*; *II. Фольклорные песни и романсы*. В каждом из разрядов, в свою очередь, могут быть выделены: *любовные*; *балладные*; *тюремные и каторжные*; *гражданские патетические*. *Шуточные песни и пародии* тоже существуют в каждом из главных двух разрядов. В подборке песен и романсов литературного происхождения дробное деление не произведено. Это, конечно, не означает, что и песни и романсы этого разряда не нуждаются в дальнейшем различении и у них нет конкретных жанрово-тематических свойств. Просто в сравнительно небольшой подборке, составленной с целью представить только самые характерные произведения, нет необходимости предлагать дальнейшее классификационное деление. Хрестоматия только представляет важнейшие жанрово-тематические группы и дает понятие о сложении песенного творчества нового типа.

Песни и романсы

I. ПЕСНИ И РОМАНСЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

1

Среди долины ровная,
На гладкой высоте,
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте.

Высокий дуб, развесистый,
Один у всех в глазах;
Один, один, бедняжка,
Как рекрут на часах!

Взойдет ли красно солнышко —
Кого под тень принять?
Ударит ли погодушка —
Кто будет защищать?

Ни сосенки кудрявые,
Ни ивки близ него;
Ни кустики зеленые
Не вьются вокруг него.

Ах, скучно одинокому
И дереву расти!
Ах, горько, горько молодцу
Без милой жизнь вести!

Есть много серебра, золота —
Кого им подарить?
Есть много славы, почестей
Но с кем их разделить?

Встречаюсь ли с знакомыми —
Поклон, да был таков;
Встречаюсь ли с пригожими —
Поклон, да пара слов.

Одних я сам пугаюся,
Другой бежит меня.
Все други, все приятели
До черного лишь дня!

Где ж сердцем отдохнуть могу,
Когда гроза взойдет?
Друг нежный спит в сырой земле,
На помощь не придет!

Ни роду нет, ни племени
В чужой мне стороне;
Не ластится любезная
Подруженька ко мне!

Не плачется от радости
Старик, глядя на нас;
Не вьются вокруг малюточки,
Тихохонько резвясь!

Возьмите же все золото,
Все почести назад;
Мне родину, мне милую,
Мне милой дайте взгляд!

2

Под вечер, осенью ненастной,
В далеких дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.
Всё было тихо — лес и горы,
Всё спало в сумраке ночном;
Она внимательные взоры
Водила с ужасом кругом.

И на невинном сем творенье,
Вздыхнув, остановила их...
«Ты спишь, дитя, мое мученье,
Не знаешь горестей моих,
Откроешь очи и тоскуя
Ко груди не прильнешь моей,
Не встретишь завтра поцелуя
Несчастной матери твоей.

Ее манить напрасно будешь!..
Стыд вечный мне вина моя, —
Меня навеки ты забудешь,
Тебя не позабуду я;
Дадут покров тебе чужие
И скажут: «Ты для нас чужой!» —
Ты спросишь: «Где ж мои родные?»
И не найдешь семьи родной.

Мой ангел будет грустной думой
Томиться меж других детей
И до конца с душой угрюмой
Взирать на ласки матерей;
Повсюду странник одинокий,
Предел неправедный кляня,
Услышит он упрек жестокий...
Прости, прости тогда меня.

Быть может, сирота унылый,
Узнаешь, обоймешь отца,
Увы! где он, предатель милый,
Мой незабвенный до конца?
Утешь тогда страдальца муки,
Скажи: «Ее на свете нет,
Лаура не снесла разлуки
И бросила пустынный свет».

Но что сказала я?.. быть может,
Виновную ты встретишь мать,
Твой скорбный взор меня встревожит!
Возможно ль сына не узнать?
Ах, если б рок неумолимый
Моею тронулся мольбой...
Но, может быть, пройдешь ты мимо,
Навек рассталась я с тобой.

Ты спишь — позволь себя, несчастный,
К груди прижать в последний раз.
Закон неправедный, ужасный
К страданью присуждает нас.
Пока лета не отогнали
Беспечной радости твоей,
Спи, милый! горькие печали
Не тронут детства тихих дней!»

Но вдруг за рощей осветила
Вблизи ей хижину луна...
С волньем сына ухватила
И к ней приблизилась она;
Склонилась, тихо положила
Младенца на порог чужой,
Со страхом очи отвратила
И скрылась в темноте ночной.

3

Под ракитою зеленой
 Русский раненый лежал,
 Ко груди, штыком пронзенной,
 Крест свой медный прижимал.

Кровь лилась из свежей раны
 На истоптанный песок;
 Над ним вился черный ворон,
 Чую лакомый кусок.

«Ты не вейся, черный ворон,
 Над моею головой!
 Ты добычи не дождешься,
 Я солдат еще живой!

Ты слетай в страну родную,
 Снеси маменьке поклон.
 Передай платок кровавый
 Моей женке молодой.

Ты скажи: она свободна,
 Я женился на другой:
 Я нашел себе невесту
 В чистом поле под кустом;

Моя сваха—востра сабля
 И венчал граненый штык;
 Взял невесту тиху, скромну
 И приданно небольшо.

Взял приданно небольшое —
 Много лесу и долин,
 Много сосен, много елок,
 Много, много вересин».

4

Черный ворон, черный ворон,
 Ты не вейся надо мной!
 Ты добычи не дождешься,
 Черный ворон, я не твой!

Что ты когти распускаешь
 Над моею головой?
 Иль добычу себе чаешь?
 Черный ворон, я не твой!

Завяжу смертельную рану
Подаренным мне платком,
А потом с тобой я стану
Говорить все об одном.

Полети в мою сторонку
К милой любушке моей,
Ты скажи моей любезной,
Что за родину я пал.

Отнеси платок кровавый
Милой любушке моей,
Ты скажи, она свободна:
Я женился на другой.

Взял невесту тиху-скромну
В чистом поле под кустом;
Обвенчальна была сваха,
Сабля вострая моя.

5

Вот мчится тройка удалая
Вдоль по дорожке столбовой,
И колокольчик, дар Валдая,
Звенит уныло под дугой.

Ямщик лихой — он встал с полночи
Ему взгрустнулося в тиши,
И он запел про ясны очи,
Про очи девицы-души:

«Вы, очи, очи голубые,
Вы сокрушили молодца,
Зачем, о люди, люди злые!
Вы их разрознили сердца?»

Теперь я горький сиротина!»
И вдруг махнул по всем по трем,
И тройкой тешился детина —
И заливался соловьем.

6

Сон русского на чужбине

*Отечества и дым нам сладок и приятен!
Державин*

Свеча, чуть теплясь, догорала,
Камин, дымясь, погасал;
Мечта мне что-то напевала,

И сон меня околдовал...
Уснул — и вижу я долины
В наряде праздничном весны
И деревенские картины
Заветной *русской* стороны!..
Играет рог, звенят цевницы,
И гонят парни и девицы
Свои стада на влажный луг.
Уж веял, веял теплый дух
Весенней жизни и свободы
От долгой и крутой зимы.
И рвутся из своей тюрьмы
И хлещут с гор кипучи воды.
Пловцов брадатых на стругах
Несется с гулом отклик долгий;
И широко гуляет Волга
В заповедных своих лугах...
Поляны муравы одели,
И, вместо пальм и пышных роз,
Густые молодеют ели,
И льется запах от берез!..
И мчится тройка удалая
В Казань дорогой столбовой,
И колокольчик — дар Валдая —
Гудит, качаясь под дугой...
Младой ямщик бежит с полночи:
Ему сгрустилося в тиши,
И он запел про *ясны очи*,
Про очи девицы-души:
«Ах, очи, очи голубые!
Вы иссушили молодца!
Зачем, о люди, люди злые,
Зачем разрознили сердца?
Теперь я горький сиротина!»
И вдруг махнул по всем по трем...
Но я расстался с милым сном,
И чужеземная картина
Сияла пышно предо мной.
Немецкий город... всё красиво,
Но я в раздумье молчаливо
Вздыхнул по стороне родной...

7

Не слышно шуму городского,
За Невской башней тишина,
И на штыке у часового
Горит полночная луна.

Вот бедный юноша, ровесник
Младым, цветущим деревьям,
В глухой тюрьме заводит песню
И отдает тоску волнам:

«Прости, мой край, моя отчизна,
Прости, мой дом, моя семья!
Здесь, за решеткою железной,
Навек от вас сокрылся я.

Прости, отец, прости, невеста,
Сломись, венчалное кольцо,
Навек закройся, мое сердце,
Не быть мне мужем и отцом.

Сосватал я себе неволю,
Мой жребий — слезы и тоска,
Но я молчу и таю долю —
Ее взяла моя рука».

8

Песнь узника

Не слышно шуму городского,
В заневских башнях тишина!
И на штыке у часового
Горит полночная луна!

А бедный юноша! ровесник
Младым цветущим деревьям,
В глухой тюрьме заводит песни
И отдает тоску волнам!

«Прости, отчизна, край любезный!
Прости, мой дом, моя семья!
Здесь за решеткою железной —
Уже не свой вам больше я!

Не жди меня отец с невестой,
Снимай венчалное кольцо;
Застынь мое навеки место;
Не быть мне мужем и отцом!

Сосватал я себе неволю,
Мой жребий — слезы и тоска!
Но я молчу — такую долю
Взяла сама моя рука.

¹ *Заневские башни* — бастионы Петропавловской крепости.

Откуда ж придет избавленье,
Откуда ждать бедам конец?
Но есть на свете утешенье
И на святой Руси отец!

О русский царь! в твоей короне
Есть без цены драгой алмаз.
Он значит — милость! Будь на троне,
И, наш отец, помилуй нас!

А мы с молитвой крепкой к Богу
Падем все ниц к твоим стопам;
Велишь — и мы пробьем дорогу
Твоим победным знаменам».

Уж ночь прошла, с рассветом в злате
Давно день новый засиял!
А бедный узник в каземате —
Всё ту же песню запевал!..

9

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит —
То мое сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит;

Извела меня кручина,
Подколотная змея!..
Догорай, моя лучина,
Догорю с тобой и я!

Не житье мне здесь без милой:
С кем теперь идти к венцу?
Знать, судил мне рок с могилой
Обручиться молодцу.

Расступись, земля сырая,
Дай мне, молодцу, покой,
Приюти меня, родная,
В тесной келье гробовой.

Мне постыла жизнь такая,
Съела грусть меня, тоска...
Скоро ль, скоро ль гробовая
Скроет грудь мою доска!

10

Помню, я еще молодухой была,
Наша армия в поход куда-то шла.

Вечерело. Я стояла у ворот,
А по улице все конница идет.

Вдруг подъехал ко мне барин молодой,
Говорит: «Напой, красавица, водой!»

Он напился, крепко руку мне пожал,
Наклонился и меня поцеловал...

Долго, долго я смотрела ему вслед:
Оглянулся — помутился белый свет.

Целу ноченьку мне спать было невмочь:
Раскрасавец-барин снился мне всю ночь.

А потом уж, как я вдовушкой была,
Четырех я дочек замуж отдала,

К нам приехал на квартиру генерал...
Весь изранен и так жалобно стонал...

Пригляделась — встrepенулася душой:
Это тот же прежний барин молодой!

Та же удаль, тот же блеск в его глазах,
Только много седины в его усах.

И опять я молодешенька была,
И опять я целу ночку не спала,

Целу ноченьку мне спать было невмочь:
Раскрасавец-барин снился мне всю ночь.

11

Что стоишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Головой склоняясь
До самого тына.

А через дорогу,
За рекой широкой,
Так же одиноко,
Дуб стоит высокий.

Как бы мне, рябине,
К дубу перебраться.
Я б тогда не стала
Гнуться и качаться.

Тонкими ветвями
Я б к нему прижалась
И с его листьями
День и ночь шепталась.

Но нельзя рябине
К дубу перебраться,
Знать, ей, сиротине,
Век одной качаться.

12

Рябина

— Что шумишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Низко наклоняясь
Головою к тыну?

— С ветром речь веду я
О своей невзгоде,
Что одна расту я
В этом огороде.

Грустно, сиротинка,
Я стою, качаюсь,
Что к земле былинка,
К тыну нагибаюсь.

Там, за тыном, в воле,
Над рекой глубокой,
На просторе, в воле,
Дуб растет высокий.

Как бы я желала
К дубу перебраться;
Я б тогда не стала
Гнуться да качаться.

Близко бы ветвями
Я к нему прижалась
И с его листьями
День и ночь шепталась.

Нет, нельзя рябинке
К дубу перебраться!
Знать, мне, сиротинке,
Век одной качаться.

13

Сиротой я росла,
Как былинка в поле.
Моя молодость прошла
У чужих в неволе.

Лет с двенадцати-то я
По людям ходила,
Где качала я детей,
Тут коров доила.

Светлой радости-то я,
Ласки не видала
Износилась моя
Красота, завяла.

Износили ее
Горе да неволя,
Что такая, как моя,
Уродилась доля.

Уж ты доля моя,
Доля сиротинки,
Что полынка есть трава,
Горче ты осинки!

Хороша я, хороша,
Плохо я одета —
Никто замуж не берет
Девушку за это.

Пойду с горя в монастырь,
Богу помолюся,
Пред иконою святой
Вся в слезах зальюся.

Не пошлет ли мне Господь
Той доли счастливой,
Не полюбит ли меня
Паренек красивый.

Как у пташки есть птенцы,
У волчицы — дети,
У меня, у сироты, —
Никого на свете.

Канарейка желтая
Жалобно пропела,
Не мое ли счастьеице
С нею улетело?

14

Среди лесов дремучих
Разбойнички идут.
В своих руках могучих
Товарища несут.
Носилки не простые:
Из ружей сложены,
А поперек стальные
Мечи положены.
На них лежал сраженный
Сам Чуркин молодой,
Он весь окровавленный,
С разбитой головой.
Ремни его кольчужны
Повисли по краям,
А кровь из ран струится
По русым волосам.
Несли его до места,
Несли в глуши лесной.
Мы шли, остановились,
Сказали: «Братцы, стой!»
Мы наземь опустили
Носилки с мертвецом
И дружно приступили
Рыть яму вшестером.
Мы вырыли глубоко
На желтым песке,
На желтым песочке,
На крутым бережке!
«Прощай ты, наш товарищ,
Наш Чуркин молодой,
Уж нам теперь не время
Беседовать с тобой.
Идем, идем скорее!
Мы снова, братцы, в бой!»

Кочегар

Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали.
Товарищ, мы едем далеко,
Подальше от нашей земли.

Не слышно на палубе песен,
И Красное море волною шумит,
А берег суровый и тесен, —
Как вспомнишь, так сердце болит.

На баке уж восемь пробило, —
Товарища надо сменить.
По трапу едва он спустился,
Механик кричит: «Шевелись!»

«Товарищ, я вахты не в силах стоять, —
Сказал кочегар кочегару, —
Огни в моих топках совсем прогорят;
В котлах не сдержать мне уж пару,

Пойди заяви, что я заболел
И вахту, не кончив, бросаю.
Весь потом истек, от жары изнемог,
Работать нет сил — умираю».

Товарищ ушел... Лопатку схватил,
Собравши последние силы,
Дверь топки привычным толчком отворил,
И пламя его озарило:

Лицо его, плечи, открытую грудь
И пот, с них струившийся градом, —
О, если бы мог кто туда заглянуть,
Назвал кочегарку бы адом!

Котлы паровые зловеще шумят,
От силы паров содрогаясь,
Как тысячи змей пары же шипят,
Из труб кое-где пробиваясь.

А он, извиваясь пред жарким огнем,
Лопатой бросал ловко уголь;
Внизу было мрачно: луч солнца и днем
Не может проникнуть в тот угол.

Нет ветра сегодня, нет мочи стоять.
Согрелась вода, душно, жарко, —
Термометр поднялся на сорок пять,
Без воздуха вся кочегарка.

Окончив кидать, он напился воды —
Воды опресненной, не чистой,
С лица его падал пот, сажи следы.
Услышал он речь машиниста:

«Ты, вахты не кончив, не смеешь бросать,
Механик тобой недоволен.
Ты к доктору должен пойти и сказать, —
Лекарство он даст, если болен».

За поручни слабо хватаясь рукой,
По трапу наверх он взбирался;
Идти за лекарством в приемный покой
Не мог — от жары задыхался.

На палубу вышел — сознания уж нет,
В глазах его всё помутилось,
Увидел на миг ослепительный свет,
Упал... Сердце больше не билось...

К нему подбежали с холодной водой,
Стараясь привести его в чувство,
Но доктор сказал, покачав головой:
«Бессильно здесь наше искусство...»

Всю ночь в лазарете покойник лежал,
В костюме матроса одетый;
В руках на груди крест из воску держал;
Воск таял, жарою согретый.

Проститься с товарищем утром пришли
Матросы, друзья кочегара,
Последний подарок ему поднесли —
Колосник обгорелый и ржавый.

К ногам привязали ему колосник,
В простыню его труп обернули;
Пришел пароходный священник-старик,
И слезы у многих сверкнули.

Был чист, неподвижен в тот миг океан,
Как зеркало воды блестели;
Явилось начальство, пришел капитан,
И «вечную память» пропели.

Доску приподняли дрожащей рукой,
И в саване тело скользнуло,
В пучине глубокой, безвестной морской
Навеки, плеснув, утонуло.

Напрасно старушка ждет сына домой;
Ей скажут, она зарыдает...
А волны бегут от винта за кормой.
И след их вдали пропадает.

16

Раскинулось море широко
И волны бушуют вдали.
«Товарищ, мы едем далеко,
Подальше от нашей земли».

«Товарищ, я вахты не в силах стоять, —
Сказал кочегар кочегару, —
Огни в моих топках совсем не горят,
В котлах не сдержать мне уж пару.

Пойди заяви ты, что я заболел
И вахту, не кончив, бросаю.
Весь потом истек, от жары изнемог,
Работать нет сил — умираю».

На палубу вышел — сознания уж нет,
В глазах его всё помутилось,
Увидел на миг ослепительный свет,
Упал. Сердце больше не билось.

Проститься с товарищем утром пришли
Матросы, друзья кочегара,
Последний подарок ему поднесли —
Колосник обгорелый и ржавый.

Напрасно старушка ждет сына домой,
Ей скажут, она зарыдает...
А волны бегут от винта за кормой,
И след их вдали пропадает.

Славное море, священный Байкал,
 Славный корабль — омулевая бочка¹.
 Эй, баргузин², пошевеливай вал³, —
 Плыть молодцу недалечко.

Долго я звонкие цепи влачил,
 Душно мне было в горах Акатуй⁴,
 Старый товарищ бежать пособил,
 Ожил я, волю почую.

Шилка и Нерчинск⁵ не страшны теперь,
 Горная стража меня не поймала,
 В дебрях не тронул прожорливый зверь,
 Пуля стрелка миновала.

Шел я и в ночь и средь белого дня,
 Вкруг⁶ городов озирая зорко,
 Хлебом кормили крестьянки меня,
 Парни снабжали махоркой.

Славное море, священный Байкал,
 Славный мой парус — халат дыроватый.
 Эй, баргузин, пошевеливай вал, —
 Слышатся бури раскаты.

Есть на Волге утес — диким мохом порос
 От вершины до самого края...
 И стоит сотни лет, диким мохом одет,
 Ни заботы, ни горя не зная.

На вершине его не растет ничего,
 Только ветер свободно гуляет,
 Да свободный орел там гнездовье завел,
 И над ним он свободно летает.

¹ *Омулевая бочка* — большая бочка для омуля (рыба), приспособленная для плаванья. Парусом беглецу служит халат (см. далее).

² *Баргузин* — северо-восточный ветер с одноименного горного хребта.

³ *Вал* — быстрая прибыль воды.

⁴ *Акатуй* — Акатуйский рудник.

⁵ *Шилка и Нерчинск* — название острогов с жестоким каторжным режимом.

⁶ *Вкруг* — здесь: обходя, минуя.

Из людей лишь один на утесе том был,
До вершины его добирался,
И утес в честь его — человека того —
С той поры его именем звался.

И поныне утес там стоит и хранит
Все заветные думы Степана,
И на Волге родной вспоминает порой
Удалое житье атамана.

Но зато, если есть на Руси человек.
Кто корысти житейской не знает, —
Пусть тот смело идет, на утес тот взойдет,
О Степане всю правду узнает.

Кто свободу любил, кто за родину пал.
Кто на Волге за родину ляжет, —
Тот утес-великан всё, что думал Степан,
Он тому смельчаку всё расскажет.

19

Что затуманилась, зоренька ясная,
Пала на землю росой?
Что призадумалась, девица красная,
Очи блеснули слезой?

Припев:

Там за лесом, там за лесом
Разбойнички шалят, шалят
Там за лесом, там за лесом
Убить меня хотят.
Нет, нет, не поеду,
Лучше дома я умру.

Жаль мне покинуть тебя, черноокая,
Жаль мне расстаться с тобой...
Вот уже полночь... Дай чару глубокую,
Вспень поскорее вином!

Припев.

Время! Ведите коня мне любимого,
Крепче держите под уздцы!
Едут с товаром из-под Касимова
Муромским лесом купцы!

Припев.

Есть для тебя у них кофточка шитая,
Шубка на лисьем меху;
Будешь ходить ты вся в злато залитая,
Спать на лебяжьем пуху!

Припев:

Много за душу твою одинокую,
Много я душ загублю;
Я ль виноват, что тебя, черноокою,
Больше, чем душу, люблю!

Припев.

20

Что отуманилась, зоренька ясная,
Пала на землю росой?
Что ты задумалась, девушка красная,
Очи блеснули слезой?

Жаль мне покинуть тебя, черноокою!
Певень¹ ударил крылом,
Крикнул... Уж полночь!.. Дай чару глубокую,
Вспень поскорее вином!

Время! Веди мне коня ты любимого,
Крепче веди под уздцы!
Едут с товарами в путь из Касимова
Муромским лесом купцы!

Есть для тебя у них кофточка шитая,
Шубка на лисьем меху!
Будешь ходить ты, вся златом облитая,
Спать на лебяжьем пуху!

Много за душу свою одинокую,
Много нарядов куплю!
Я ль виноват, что тебя, черноокою,
Больше, чем душу, люблю!

21

Белой акации гроздьга душистые
Вновь аромата полны,
Вновь разливается песнь соловьиная
В тихом сиянии чудной луны!

¹ Певень — петух.

Помнишь ли лето: под белой акацией,
Слушали песнь соловья?..
Тихо шептала мне чудная, светлая:
«Милый, поверь мне!.. навеки твоя».

Годы давно прошли, страсти остыли,
Молодость жизни прошла,
Белой акации запаха нежного,
Верь, не забыть мне уже никогда...

22

Вот вспыхнуло утро, румянятся воды,
Над озером быстрая чайка летит;
Ей много свободы, ей много простора,
Луч солнца у чайки крыло серебрит!

Но что это? — выстрел, нет чайки прелестной,
Она умерла, трепеща в камышах,
Шутя ее ранил охотник безвестный,
Не глядя на жертву, он скрылся в горах.

Так девушка чудная, чайке подобна,
Над озером тихо, спокойно жила,
Но в душу вошел ей чужой, неизвестный, —
Она ему сердце свое отдала.

Как чайку охотник, шутя и играя,
Он бедное сердце навеки разбил;
Вся жизнь молодая навеки разбита,
Нет веры, нет жизни, нет счастья, нет сил...

23

Под впечатлением «Чайки» Чехова

Заря чуть алеет. Как будто спросонка
Все вздрогнули ивы над светлой водой,
Душистое утро, как сердце ребенка,
Невинно и чисто, омыто росой.
А озеро будто, сияя, проснулось
И струйками будит кувшинки цветы.
Кувшинка, проснувшись, лучам улыбнулась,
Расправила венчик, раскрыла листья...
Вот вспыхнуло утро. Румянятся воды.
Над озером быстрая чайка летит:
Ей много простора, ей много свободы,

Луч солнца у чайки крыло серебрит...
Но что это? Выстрел... Нет чайки прелестной;
Она, трепеща, умерла в камышах.
Шутя её ранил охотник безвестный,
Не глядя на жертву, он скрылся в горах.

...И девушка чудная чайкой прелестной
Над озером светлым спокойно жила.
Но в душу вошел к ней чужой, неизвестный, —
Ему она сердце и жизнь отдала.
Как чайке охотник, шутя и играя,
Он юное, чистое сердце разбил.
Навеки убита вся жизнь молодая:
Нет веры, нет счастья, нет сил!

24

Бывали дни веселые —
Гулял я, молодец,
Не знал тоски-кручинушки,
Как вольный удалец.

Бывало, спашешь пашенку,
Лошадок уберешь,
А сам тропой знакомою
В заветный дом пойдешь.

Иду, там дожидается
Красавица моя,
Глаза полуоткрытые,
Румяна и бела.

Но вот однажды осенью
Пришел любви конец,
И к ней приезжий с ярмарки
Посватался купец.

Красавица-изменница
Забыла про меня,
Забыла мою хижину,
В хоромы жить пошла.

Живет у чорта старого,
Как в клетке золотой,
Как куколка наряжена,
С распущенной косой.

Не раз я чорта старого
Просил и умолял,
Не раз просил и кланялся,
Но он не уступал.

И идучи оттудова,
Я точно опьянел,
Всю темную я ноченьку
В раздумье просидел.

Напала мысль злодейская,
Впотьмах нашел топор,
Простился с отцом, с матерью
И вышел через двор.

Иду, а ночка темная,
Вдали журчал ручей,
И дело совершилось,
С тех пор я стал злодей...

В Сибирь меня, на каторгу,
Погонят молодца,
За девку черноокою,
За чорта за купца.

25

Ты, моряк, красивый сам собою,
Тебе от роду двадцать лет.
Полюби меня, моряк, душою,
Что ты скажешь мне в ответ?

По морям, по волнам —

Нынче здесь, завтра там.

По морям, морям, морям, морям, эх!

Нынче здесь, а завтра там.

Ты, моряк, уедешь в сине море,
Оставляешь меня в горе,
А я буду плакать и рыдать,
Тебя, моряк мой, вспоминать.

По морям, по волнам... *и т. д.*

«Ты не плачь, моя Маруся, —

Я морскому делу научуся.

И не стоит плакать и рыдать,

Меня так часто вспоминать».

По морям, по волнам... *и т. д.*

Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит,
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдет — и спозаранок
В степь далеко, милый мой,
Я уйду с толпой цыганок
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни!
Как концы ее, с тобою
Мы сходились в эти дни.

Кто-то мне судьбу предскажет?
Кто-то завтра, сокол мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой?

Вспоминай, коли другая,
Друга милого любя,
Будет песни петь, играя
На коленях у тебя!

Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит,
Мы простимся на мосту.

II. ФОЛЬКЛОРНЫЕ ПЕСНИ И РОМАНСЫ

Любовные песни и романсы

1

— Когда б имел золотые горы
И реки, полные вина,
Все отдал бы за ласки, взоры,
И ты б владела мной одна.

— Не упрекай несправедливо,
Скажи всю правду ты отцу,
Тогда свободно и счастливо
С молитвою пойдем к венцу.

— Не раз, Мария, твою руку,
Просил я у отца, не раз...
Отец не понял мою муку,
Жестокий сердцу дал отказ.

Проси у сердца ты совета,
Страданием тронута моим. —
И он мне шепчет на рассвете:
— Давай, Мария, убежим!

— А как я брошу и спокину
Семью, родную сторону?
Ты заведешь на край-чужбину
И бросишь там меня одну.

— Клянусь, Мария, пред тобою,
Клянусь распятием Христа,
Что будешь ты моей женою,
Поверь, любовь моя чиста. —

Тогда бежать я с ним решилась,
Поверив клятве роковой,
На Божий храм перекрестилась,
С слезой взглянув на дом родной.

Умчались мы в страну чужую,
А через год он изменил...
Забыл он клятву ту святую,
А сам другую полюбил.

Потом сказал, стыдясь измены:
— Ступай обратно в дом отца!
Оставь, Мария, мои стены,
Я провожу тебя с крыльца.

Ты знай, что я богач ужасный,
Я награжу тебя конем —
Уздечка блещет золотая,
Седельце шито жемчугом.

— На кой мне черт твое богатство!
Оно все прахом полетит.
А ты, изменщик-обольститель,
Ко мне обратно прикатишь! —

И вот проходит год с неделей...
И что случилось потом?
С пустой котомкой за плечами
Стучится кто-то под окном.

Мария двери отворила
И видит друга пред собой;
И шибко, громко закричала:
— Уйди, уйди, изменщик злой!

С пустой котомкой за плечами
Ты не войдешь в отцовский дом!
Ты пропил горы золотые
И реки, полные вина!

Теперь уж гор златых не стало
И не течет вина ручей,
И той красавицы не стало,
И не слышать ее речей.

2

Потеряла я колечко,
Потеряла я любовь,
А по этом по колечке
Буду плакать день и ночь.
Где девался тот цветочек,
Что долину украшал,
Где мой миленький дружочек,
Что словами обольщал?
Обольстил милый словами,
Он уверил навсегда:
«Не плачь, девица, слезами, —
Будешь вечно ты моя».
Мил уехал и оставил
Мне малютку на руках,
Как взгляну я на малютку,
Так слезами и зальюсь:
Чрез тебя, моя малютка,
Пойду в море утоплюсь.
А тебя, мой злой мучитель,
Я навеки прокляну.
Долго русою косою
Трепетала по волне,
Правой рученькой махала —
Прощай, миленький, прощай!

Ни на что так не взирала,
Как на этот темный бор.
Ни о ком так не страдала,
Как о миленьком своем.

3

Пускай могила меня накажет
За то, что я его люблю!
А я могилы не боюсь —
Кого люблю я, с тем умру.

Он подходил ко мне с улыбкой
И руку жал, меня ласкал;
Он называл меня голубкой
И в алы губки целовал.

И поцелуй тот был прощальный,
Когда настал жестокий час...
А я, дитя, любви не знала,
Не знала, как любить, страдать.

В постели я лежу больная,
А мне всего семнадцать лет,
А завтра лягу я в могилу...
Пускай все скажут — меня нет.

А зажигай же, мать, лампаду,
Вот скоро, скоро я помру:
Весь белый свет я спускаю,
В могилу хладну жить пойду.

Мою могилу землей зароят,
В которой буду я лежать.
И придешь будешь, мой милый,
Мою могилу посещать.

И вот придешь ты на кладбище
И спросишь деда-старика:
«Мои́ла эта чья такая,
И чья такая померла?»

«А тут лежит одна девица
И от любви померла,
От любви, от чахотки
В сырую землю жить пошла».

В сырой земле, там нет измены
И нет коварных, злых людей,
И там залечатся все раны,
Которы есть в груди моей.

4

Ах, зачем эта ночь
Так была хороша!
Не болела бы грудь,
Не страдала душа...

Ароматной весной
Повстречался я с ней.
Расцветали цветы,
Сладко пел соловей.

Полюбил я ее,
Полюбил горячо,
А она на любовь
Смотрит так холодно.

Всей душою отдался,
Лишь одной ею жил,
Целовал, миловал
И безумно любил.

Не внимая мольбам
И рыданиям моим,
Вдруг пошла под венец
Не со мной, а с другим.

И никто не видал,
Как я в церкви стоял,
Прислонившись к стене,
Безутешно рыдал.

Звуки вальса лились,
Веселился весь дом.
Я к камерке своей
Пробирался с трудом.

Так к чему ж мне страдать,
Для чего же мне жить,
Коль ее злой судьбой
Не дано мне любить?!

5

Ох, насколько любовь зла!
 Я тебя не знала.
 Иногда любовь порой
 Плакать заставляла.
 Вспомни, вспомни, милый мой,
 Как с тобой гуляли.
 Эх, в саду алые цветы
 Мы с тобой срывали.
 Эх, на головушку венки
 Мы с тобой сплетали.
 Эх, говорила я дружку,
 Повторяла часто:
 «Не влюбляйся в черный глаз,
 Черный глаз — опасный.
 А влюбляйся в голубой,
 Голубой — прекрасный.
 Эх, и посмотри, мил, на меня,
 Какова я стала...
 Эх, моя молодость прошла,
 И краса завяла».

6

Любила меня мать, уважала,
 Что я ненаглядная дочь,
 Я с милым дружком убежала
 В осеннюю темную ночь.
 Бежала я лесом дремучим,
 Бежала я рощей густой,
 Взглянула на небо, вздохнула
 И вспомнила дом свой родной.
 На что мне зеленая роща,
 На что мне и свет голубой?
 Заслышу я милого речи,
 Зальюся я горькой слезой.
 Долго я думать не стану,
 Запруся я в спальню одна,
 В стакане я яд размешаю
 И выпью отраву до дна.
 Подруги, ко мне приходите,
 Я буду лежать на столе...
 Прошу вас, меня не судите,
 Заройте мой труп в тишине.

7

Все пташки, канарейки
 Так жалобно поют —
 А нам с тобой, мой милый
 Разлуку придают.

Разлука, ты, разлука,
 Чужая сторона...
 Никто нас не разлучит,
 Как мать сыра земля.

Зачем нам разлучаться,
 Зачем в разлуке жить?
 Не лучше ль обвенчаться,
 Друг друга любить?..

8

Все говорят, что я многих любила,
 Все говорят, что я ветрена была,
 Многих я любила, всех позабыла,
 Одного я забыть не могла.
 Сколько я писем ему ни писала,
 Он говорит, что он их не получал;
 Сколько я ни плакала, сколько ни рыдала,
 Он говорит, что он слез не видал.
 Пусть он походит, пусть он поищет,
 Пусть он найдет красивее меня:
 Сердцем милее, глазом веселее,
 Личиком белее — не так, как у меня.
 Все говорят, что я многих любила,
 Все говорят, что я ветрена была.
 Многих я любила, всех позабыла,
 Одного я забыть не могла.

9

Стаканчики граненые
 Стояли на столе.
 А парочка влюбленная
 Сидела при луне.

Стаканчики граненые
 Упали со стола,
 Упали и разбились —
 Разбита жизнь моя.

Ах, некому стаканчиков
Граненых подобрать;
Ах, некому мне горюшка,
Печали рассказать!

Вот ветер занавесочку
Тихонько шевелит...
А милый под окошечком
С другою говорит...

10

Куда ведешь, тропинка милая,
Куда веде-ошь, куда зовешь?
Кого ждала, кого любила я,
Уж не догонишь, не вернешь.
Кого ждала, кого любила я,
Уж не догонишь, не вернешь.

За той рекой, за тихой рощей,
Где мы гуляли с ним вдвоем,
Плыла луна-а — любви помощница.
Напомина-ает мне о нем.
Плыла луна-а — любви помощница.
Напоминает мне о нем.

Была девчонка я беспечная.
От счастья глупая была.
Моя подру-уга бессердечная
Мою любовь подстерегла.
Моя подру-уга бессердечная
Мою любовь подстерегла.

И отняла его, неверного,
У всех счастли-ивых на виду.
Ох, ты, печ-а-аль моя неверная,
Кому пожалуюсь, пойду?
Ох, ты, печ-а-аль моя неверная,
Кому пожа-а-луюсь, пойду?

Куда, куда, тропинка милая,
Куда зовешь, куда ведешь?
Кого ждала, кого любила я,
Уж не воротишь, не вернешь.
Кого ждала, кого любила я,
Уж не воротишь, не вернешь.

11

Шумел камыш, деревья гнулись,
А ночка темная была.
Одна возлюбленная пара
Всю ночь гуляла до утра.

А поутру они расстались,
Кругом помятая трава,
То не одна трава помята —
Измята девичья краса.

Пришла домой, а там спросили:
— Где ты гуляла, где была? —
Она в ответ: — В саду гуляла.
Домой тропинки не нашла. —

Он говорил: — Ругаться будут,
То приходи опять сюда. —
Она пришла: его там нету,
Уже не будет никогда.

Она платок к лицу прижала
И горько плакать начала:
— Куда ж краса моя досталась?
Кому ж я счастье отдала? —

Шумел камыш, деревья гнулись,
А ночка темная была.
Одна возлюбленная пара
Всю ночь гуляла до утра.

12

На окраине где-то в городе
Я в убогой семье родилась
И девчонкою лет пятнадцати
На кирпичный завод нанялась.

Было трудно мне время первое,
Но изменчива злая судьба.
И однажды мне счастье выпало,
Где кирпичная в небо труба.

На заводе том Сеню встретила,
Он на тачке возил кирпичи.
Ох, кирпичики, вы кирпичики,
Полюбила его от души.

Он кирпич возил и со мной шутил:
Развеселым он мальчиком был.
И сама тогда не заметила,
Как он тоже меня полюбил.

Каждый раз мы с ним там встречались,
Где кирпич образует проход.
Вот за эти-то за кирпичики
Полюбила я этот завод.

Но потом — война буржуазная.
Сеню взяли туда моего.
Ох, кирпичики, вы кирпичики,
Тяжело было мне без него.

Сеня кровь свою проливал в боях,
За Россию всю жизнь он отдал.
И судьбу мою разнесчастную,
Как нежженный кирпич, поломал.

Балладные песни и романсы

13

На пригорке земляничка
Под закрытием росла.
А княгиня молодая
С князем в тереме жила.
А у князя был слугою
Ванька-ключник молодой,
Ванька-ключник, злой разлучник —
Разлучил князя с женой.
Он не даривал княгиню
И ни золотом-серебром,
Только даривал княгиню
Своим белым он лицом.
А княгиня к Ване льнула,
Что сорочка ко плечу;
Целовала-миловала,
На постелю спать клала:
— Ты ложись, ложись, Ванюша,
Спать на князеву постель! —
Ванька с нянькой поругался,
Нянька князю донесла.
— Ты послушай, князь Волконский,
Всю я правду расскажу! —
Вот живет, живет княгиня

С Ванькой-ключником давно...
Князь дознался, догадался,
Посадил жену в тюрьму.
— Ой вы слуги, мои слуги,
Слуги верные мои!
Вы подите, приведите
Ваньку-ключника ко мне! —
Вот ведут, ведут Ванюшу
По широкому двору.
На нем белая рубашка,
Ветер кудри ему вьет.
А княгиня молодая
По нем горько слезы льет.
— Ты скажи, скажи, Ванюша,
Сколько лет с княгиней жил?
— Про то знает, князь, подушка
И перина пухова;
Еще милая подружка,
Свет-княгиня молода! —
Вот повесили Ванюшу
На шелковом поясу,
А княгиню молодую —
На ремennom на кнуту.

14

Ехали солдаты
Со службы домой.
Ой, на плечах погоны,
На грудях кресты.
Ой, ехали по дорожке —
Родитель стоял.
— Эх, здорово, папаша!
— Здорово, сын родной!
— Расскажи, папаша,
Про семью свою.
— Ой, семья, слава Богу,
Прибавилась,
Ой, женка молодая
Сыночка родила. —
Ой, сын с отцом ни слова,
Садился на коня,
Ой, на коня гнедого,
Ехал со двора.
Ой, подъезжает к дому —
Мать с женой стоят.
Мать стоит с улыбкой,

Жена-то во слезах.
— Эх, тебя, мать, прощаю,
Жену-то никогда! —
Эх, закипело сердце
В солдатской груди,
Ой, заблестала шашка
Во правой руке,
Эх, сняла буйну голову
С неверной жены.
— Что я наделал,
Что я натворил!
Жену я зарезал,
Сам себя сгубил,
Маленьку малютку
Навек осиротил!

15

Живет моя красотка
В высоком терему,
А в терем тот высокий
Нет хода никому.
Я знаю, у красотки
Есть стража у крыльца —
Никто не загородит
Дорогу молодца.
Зайду я быстро, смело
К красотке на крыльцо,
Затенькает у двери
Чугунное кольцо,
И встретит меня хилый
И дряхлый, и седой,
Муж старый и ревнивый
Красотки молодой.
Короткая расправа
С ним будет у меня —
Ни слова он не скажет,
Отведав кистеня.
А мой кистень сильнее
Десятка кистеней...
Была бы только ночка
Сегодня потемней.
Глухой удар раздался,
Старик уж под ногой...
Теперь пойду поздравлю
Красавицу вдовой.
— А здравствуй-ка, красотка,

Здорова будь, краса!
Поедем мы с тобою
В дремучие леса!

16

Как во нашей во деревне,
Во веселой слободе
Жил мальчишка лет семнадцать,
Неженатый, холостой;
Ой, вздумал мальчик пожениться,
Ой, не знал, кого спросить,
Ой, добры люди натакали¹:
Спроси матери-отца.
Ой, сын пошел к отцу с поклоном,
Со покорной головой:
— Ой, позволь, папенька, жениться,
Позволь взять, кого люблю. —
Ой, отец сыну не поверил,
Что на свете есть любовь:
Ой, все на свете люди равны,
Надо всех равно любить.
Отвернулся сын, заплакал,
Отцу слова не сказал.
Ой, шел дорожкой, шел он длинной,
Ой, прямо к Маше на крыльцо.
Стукнул, брякнул в лист стеклянный²:
— Выйди, Маша, на крыльцо,
Отдай с рученьки кольцо. —
Ему Маша ни словечка,
На крылечко да не пошла...
Пошел он в лес, пошел в дремучий,
Сел на камень отдохнуть.
Он вынул саблю, вынул остру,
Снял головушку свою.
— Ой, ты катись, моя головка,
Прямо к Маше на крыльцо!

17

По муромской дорожке
Стояли три сосны.
Прощался со мной милый
До будущей весны.

¹ *Натакали* — научили, посоветовали.

² *Лист стеклянный* — застекленное окно.

Он клялся и божился
Одной лишь мною жить,
На дальней на сторонке
Одну меня любить.

Однажды мне приснился
Ужасный, страшный сон:
Мой миленький женился,
Нарушил клятву он.

А я над сном смеялась
При ясном свете дня:
«Да разве это будет,
Чтоб мил забыл меня?!»

Но сон мой скоро сбылся —
И раннею весной
Мой милый возвратился
С красавицей женой.

Я у ворот стояла,
Когда он проезжал.
Меня в толпе народа
Он взглядом отыскал.

Увидел мои слезы,
Главу на грудь склонил.
Он понял: мое сердце
Навеки он сгубил.

18

Вот сейчас, друзья, расскажу я вам,
Этот случай был в прошлом году.
Только, граждане, не мешайте мне,
Я сейчас этот случай спою.
Отец, мать и дочь жили весело,
Но изменчива злая судьба:
Надсмеялася над сироткою, —
Мать в сырую могилу легла.
Отец дочь любил после матери.
Но недолго была благодать,
Он нашел себе жену новую:
— Надя, Надя, вот новая мать. —
Неродная мать ненавидела
Восьмилетнюю крошку сперва,
Но ничем ее не обидела,

А задачу отцу задала:
— Всей душой люблю тебя, миленький,
Только жить мне с тобою не в мочь.
Говорить тебе это совестно —
Жить с тобою мешает мне дочь.
Иль убей ее, иль в приют отдай,
Только сделай все это скорей;
А не сделаешь — я уйду тогда,
И одна буду жить веселей. —
Мысль звериная пришла в голову,
И не стал отец дочку любить.
Но в приют отдать было совестно
И решил зверь-отец дочь убить.
Пахло зеленою, холодок в тени,
На могилку малютку стал звать.
Не хотелось идти с папою,
Но хотелось проведать ей мать.
Пахло зеленою, духота кругом.
Стала рвать цветы, венки плести,
Ей хотелось могилку убрать.
Пахло зеленою, духота кругом.
Вдруг отец: — Надя, Надя! — стал звать. —
Ты иди, иди ко мне, милая,
Я хочу тебе что-то сказать. —
Подошла к отцу бедная девочка
И упала на грудь головой:
— Папа, папочка, это мать моя,
На могилку пришли мы с тобой.
— Ты, родная дочь, иди к матери,
Ты мешаешь на свете мне жить;
Пусть душа твоя горемычная
Вместе с мамой в могиле лежит. —
Лицо белое — испугалась...
Он схватил и начал ее жать,
Чтобы крик ее не услышали,
И на помощь людей не дал звать.
Засверкал тут нож у отца в руке,
И послышался слабенький стон;
И кровь алая по земле текла,
И над трупом отец-зверь стоял.
Зверь-отец такой ради женщины
Совершил он такую комедию.
Поднялась рука свою дочь убить,
Чужой женщине жертву отдать.

— Хас-Булат удалой,
Бедна сакля твоя,
Золотою казной
Я усыплю тебя.

Саклю пышно твою
Разукрашу кругом,
Стены в ней обобью
Я персидским ковром.

Дам коня, дам кинжал,
Дам винтовку свою,
А за это за все
Ты отдай мне жену.

Ты уж стар, ты уж сед,
И с тобой не житье,
На заре юных лет
Ты погубишь ее.

Под чинарой густой
Мы сидели вдвоем,
Месяц плыл золотой,
Все молчало кругом.

Лишь играла река
Перекатной волной
И скользила рука
По груди молодой.

Она мне отдалась
До последнего дня
И аллахом клялась,
Что не любит тебя.

— Князь, рассказ ясен твой,
Но напрасно ты рек —
Вас с женой молодой
Я вчера подстерег.

Береги, князь, казну
И владей ею сам,
А неверну жену
Тебе даром отдам.

Ты сходи, посмотри
На невесту свою —
Она в спальне своей
Спит с кинжалом в груди.

Я глаза ей закрыл,
Утопая в слезах.
Поцелуй мой застыл
У нее на устах.

20

Окрасился месяц багрянцем,
И волны шумели у скал...
— Поедем, красотка, кататься,
Давно я тебя ожидал!

— Поедем, я еду охотно,
Я волны морские люблю;
Дай парусу полную волю.
Сама я присяду к рулю.

— Ты правишь в открытое море,
Где с бурей не справиться нам —
В такую шальную погоду
Нельзя доверяться волнам.

— Нельзя, почему ж, дорогой мой?
Как в прошлой минувшей судьбе
Ты вспомни, изменник коварный,
Как я доверялась тебе!

От этой измены коварной
Немало страдает сердец...
И только скажу, умирая,
Обоим нам будет конец!

— Послушай, мы жизнью рискуем,
Безумная, руль поверни!
На это сердитое море,
На эти на волны взгляни!

Здесь волны бросаются с ревом
На наш беззащитный челнок...
— Прочь весла от гибели верной,
Никто чтоб спасти нас не мог!

Всю ночь волновалось море,
И волны шумели у скал...
Наутро же ветер два трупы
И щепки от лодки пригнал.

21

Девушку из маленькой таверны
Полюбил суровый капитан
За глаза пугливой дикой серны,
За улыбку, как морской туман.

Полюбил за пепельные косы,
Алых губ нетронутый коралл,
В честь которых brave матросы
Осушили не один бокал.

С берегов, похожих на игрушки,
Где коврами бархат на лугах,
Для нее скупались безделушки,
Ожерелья, кольца, жемчуга.

Каждый год с апрельскими ветрами
Из далеких океанских стран
Белый бриг, наполненный дарами,
Привозил суровый капитан.

А она с улыбкой величавой
Принимала ласки и привет,
Но однажды гордо и лукаво
Бросила безжалостное «Нет!»

Он ушел, суровый и далекий,
Не сказав ни слова в этот миг,
А на утро в море на востоке
Далеко маячил белый бриг.

И в тот год с весенними ветрами
Из далеких океанских стран
К берегам, приветливым и теплым,
Не вернулся больше капитан.

Девушка из маленькой таверны
Целый день сидела у окна,
И глаза пугливой дикой серны
Налились слезами доплна.

И никто не понимал в таверне,
Даже сам хозяин кабака —
Девушка из маленькой таверны
Бросилась в море с маяка.

Так погибли пепельные косы,
Алых губ нетронутый коралл
В честь которых brave матросы
Осушили не один бокал.

22

Гудки тревожно загудели,
Народ валит густой толпой.
А молодого коногона
Несут с разбитой головой.

— Зачем ты, парень, торопился,
Зачем коня так быстро гнал?
Или десятника боялся,
Или в контору задолжал?

— Десятника я не боялся.
В контору я не задолжал.
Меня товарищи просили,
Чтоб я коня быстрее гнал.

Ох, шахта, шахта, ты — могила.
Зачем сгубила ты меня?
Прощайте, все мои родные, —
Вас не увижу больше я. —

В углу заплачет мать-старушка.
Слезу рукой смахнет отец.
И дорогая не узнает,
Каков мальчишки был конец.

— Прощай, Маруся ламповая¹,
Ты мой товарищ стволовой².
Тебя я больше не увижу —
Лежу с разбитой головой. —

Гудки тревожно загудели,
Народ валит густой толпой.
А молодого коногона
Несут с разбитой головой.

¹ *Ламповая* — ламповщица, заправляла керосином лампы шахтеров.

² *Стволовой* — рабочий, регулирующий движение клетки по шахтному стволу.

Вот вечер вечереет.
 Все с фабрики идут.
 Маруся отравилась.
 В больницу повезут.

В больницу привозили,
 Ложили на кровать.
 Два доктора с сестрицей
 Старались жизнь спасти.

— Спасайте, не спасайте —
 Мне жизнь не дорога.
 Я милого любила,
 Такого подлеца. —

Пришла ее мамаша:
 Хотела навестить.
 А доктор отвечает:
 — Без памяти лежит. —

Пришли ее подружки:
 Хотели навестить.
 А доктор отвечает:
 — Уж при смерти лежит. —

Пришел и друг любезный:
 Хотел он навестить.
 А доктор отвечает:
 — В часовенке лежит. —

Идет милой в часовню.
 Там черный гроб стоит.
 А в этом черном гробе
 Марусенька лежит.

— Маруся ты, Маруся,
 Открой свои глаза.
 А если не откроешь,
 Умру с тобой и я.

Маруся ты, Маруся,
 Открой свои глаза. —
 А сторож отвечает:
 — Давно уж померла. —

А вечер вечереет,
 Густая тьма легла.
 Маруся отравилась.
 Маруся умерла.

24

Там вдали при долине
Громко пел соловей...
А я мальчик на чужбине
Позабыт от людей.

Позабыт-позаброшен
С молодых юных лет,
Я остался сиротою,
Счастья-доли мне нет.

Я куда ни поеду,
Я куда ни пойду,
А родного уголочка
Для себя не найду.

Вот нашел уголочек,
Да и тот не родной,
В исправдоме за решеткой,
За кирпичной стеной.

Привели, посадили,
А я думал — шутя,
А наутро объявили:
— Расстреляют тебя. —

Вот убьют, похоронят,
И не будет меня,
И родные не узнают,
Где могила моя.

На мою на могилку,
Знать, никто не придет,
Только раннею весною
Соловей пропоет.

Пропоет, прошебечет
И опять улетит...
Моя бедная могилка
Одиноко стоит.

У других на могилках
Все венки да цветы,
У меня, сиротинки, —
Обгорелы пеньки.

25

Эх ты, доля, моя доля,
Доля-долюшка моя,
Ах, зачем же, злая доля,
До Сибири довела?

Не за пьянство иль буянство,
Не за ночной разбой,
Стороны родной лишился
За крестьянский мир честной.

Год в ту пору был голодный,
Стали подати собирать
И последнюю скотинку
За бесценок продавать...

Эх ты, доля, моя доля,
Доля-долюшка моя,
Ах, зачем же, злая доля,
До Сибири довела?

26

Далеко в стране Иркутской,
Между двух огромных скал
Обнесен большим забором
Александровский централ¹.
На передних на воротах
Огромна вывеска висит,
А над ней орел двуглавый
Позолоченный стоит.
Чистота кругом, порядок,
Нигде соринки не найдешь,
А подметалов там немало, —
В каждой камере найдешь.
По дорожке тройка мчится,
В ней неизвестный господин;
Поравнялся с подметалом —
Тройку вмиг остановил:
— Ты скажи мне, подметало,
Это чей огромный дом,
Кто хозяин сего дома
И как фамилия ему?
— Этот, барин, дом казенный,

¹ Александровский централ — центральная ссыльно-каторжная тюрьма в селе Александровском Иркутской губернии.

Александровский централ,
А хозяин того дому
Кровопивец Николай¹. —
Шапку снял, перекрестился,
Как заметил кандалы;
— А за что тебя карают,
Ты, голубчик, расскажи.
— Всего, барин, не припомнишь,
Кто за что сюда попал:
Кто за пьянку, кто за драку,
Кто за подделку векселей²,
Кто за побег с военной службы,
Кто за начальство-сволочей.
А я попал сюда случайно —
За изменницу-жену.
Я убил ее не тайно,
Сам сознался на суду.
Всего, барин, не расскажешь,
Кто за что сюда попал,
Я уж сам седьмое лето,
Как свободы не видал.

27

По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.

Идет он густою тайгой,
Где пташки одни лишь поют,
Котел его сбоку тревожит,
Сухие коты³ ноги бьют.

На нем рубашонка худая,
Со множеством разных заплат,
Шапчонка на нем арестанта
И серый тюремный халат.

Бежал из тюрьмы темной ночью,
В тюрьме он за правду страдал —
Идти дальше нет больше мочи,
Пред ним расстился Байкал.

¹ Николай — Николай II, российский император.

² *Вексель* — денежный документ.

³ *Коты* — грубая кожаная (и веревочная, лапти) обувь.

Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбацкую лодку берет
И грустную песню заводит —
Про родину что-то поет:

«Оставил жену молодую
И малых оставил детей,
Теперь я иду наудачу,
Бог знает, увижусь ли с ней!»

Бродяга Байкал переехал,
Навстречу родимая мать.
— Ах, здравствуй, ах, здравствуй, мамаша,
Здоров ли отец, хочу знать?

— Отец твой давно уж в могиле,
Сырою землею зарыт,
А брат твой давно уж в Сибири,
Давно кандалами гремит.

Пойдем же, пойдем, мой сыночек,
Пойдем же в курень¹ наш родной,
Жена там по мужу скучает
И плачут детишки гурьбой.

28

Глухой неведомой тайгою,
Сибирской дальней стороной
Бежал бродяга с Сахалина
Звериной узкою тропой.

Шумит, бушует непогода,
Далек, далек бродяге путь.
Укрой, тайга его глухая,
Бродяга хочет отдохнуть.

Там далеко за темным бором
Оставил родину свою,
Оставил мать свою родную,
Детей, любимую жену.

— Умру, в чужой земле зарюют,
Заплачет маменька моя...
Жена найдет себе другого,
А мать сыночка никогда.

¹ Курень — жилище: дом, изба, шалаш.

29

Окрести, мамаша, маленьким кресточком,
Помогают нам великие кресты.
Может, сыну твоему, а может, дочке
Отбивают срок казенные часы.

Припев:

А ну-ка, парень, подними повыше ворот,
Подними повыше ворот и держись.
Черный ворон, черный ворон, черный ворон
Переехал мою маленькую жизнь.

На глаза надвинутая кепка,
Рельсов убегающий пунктир.
Нам попутчиком с тобой на этой ветке
Будет только лишь строгий конвоир.

Припев.

А если вспомнится красавица молодка,
Если вспомнишь отчий дом, родную мать,
Подними повыше ворот и тихонько
Начинай ты эту песню напевать.

Припев.

30

Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый!
Развевайся, чубчик, по ветру!
Раньше, чубчик, я тебя любила,
И теперь забыть я не могу.
Раньше, чубчик, я тебя любила,
И теперь забыть я не могу.

Бывало, шапку наденешь на затылок,
Пойдешь гулять иль днем иль вечерком,
Из-под шапки чубчик так и вьется,
Эх, так и вьется, вьется по ветру
Из-под шапки чубчик так и вьется,
Эх, так и вьется, вьется по ветру.

Пройдет зима, настанет лето,
В саду деревья пышно расцветут,
А мне бедному да мальчонке,
Эх, цепями ручки-ножки закуют,
А мне бедному да мальчонке,
Эх, цепями ручки-ножки да закуют.

Но я Сибири, Сибири не страшуся!
Сибирь ведь тоже русская земля!
Эх! Вейся, так вейся, чубчик кучерявый!
Эх, развевайся, чубчик, по ветру!
Так вейся, вейся, чубчик кучерявый!
Эх, развевайся, чубчик, по ветру!

31

Цыганка с картами, дорога дальняя,
Дорога дальняя, казенный дом,
Быть может, старая тюрьма Центральная
Меня, бездомного, по-новой ждет.
Быть может, старая тюрьма Центральная
Меня, бездомного, по-новой ждет.

Припев:

Централка, все ночи, полные огня.
Централка, зачем сгубила ты меня?
Централка, я твой бессменный арестант,
Погибли юность и талант в твоих стенах.

И без гадания всю знаю правду я:
Решетки толстые мне суждены,
Опять по пятницам пойдут свиданьица
И слезы горькие моей жены.
Опять по пятницам пойдут свиданьица
И слезы горькие моей жены.

Припев.

Прощай, не встретимся, живи случайностью,
Иди привычною своей тропой,
И пусть останется навеки тайною,
Что и у нас была весна с тобой.
И пусть останется навеки тайною,
Что и у нас была весна с тобой.

Припев.

32

В воскресенье мать-старушка
К воротам тюрьмы пришла,
В узелке родному сыну
Передачу принесла
— Передайте передачу,
А то люди говорят,
Что в тюрьме-то заключенных

Сильно голодом морят. —
Усмехнулся надзиратель:
— Твой сыночек осужден,
Осужден прошедшей ночью,
На покой отправлен он.
Твое сына расстреляли
У тюремной у стены;
Когда приговор читали,
Знали звездочки одни. —
Побледнела мать-старушка,
Пошатнулася слегка,
Ноги старые устали —
Сорок верст пешком прошла.
У надзирателя невольно
Покатилась слеза.
— Передачу я купила
На последние гроши,
Передай же передачу
На помин его души. —
Побледнела мать-старушка,
От ворот тюрьмы пошла...
И никто про то не знает,
Что в душе она несла.

33

Когда качаются фонарики ночные,
И вам на улицу опасно выходить,
Я из пивной иду, я ничего не жду,
Я ничего уже не в силах изменить

Мне бабы ноги целовали, как шальные,
Одна вдова со мной пропила отчий дом.
А мой нахальный смех всегда имел успех,
И моя юность раскололась, как орех.

Сижу на нарах, как король на именинах,
И пайку черного мечтаю получить.
Гляжу, как сыч, в окно, теперь мне все равно,
Я никого уж не сумею полюбить!

Гражданские патетические песни и романсы

34

Слушай, рабочий,
Война началась,
Бросай свое дело,
В поход собирайся.

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов
И как один умрем
В борьбе за это!

Слушай, крестьянин,
Война началась,
Бросай свою соху
На фронт собирайся.
Войны мы не хотим,
Но в бой готовы,
Ковать мы не дадим
Для нас оковы!

Рвутся снаряды,
Трещат пулеметы,
Но не боятся их
Красные роты.
Смело мы в бой пойдем
За власть Советов
И как один умрем
В борьбе за это!

Вот и окопы,
Летают снаряды,
Смело вперед идут
Наши отряды.
Войны мы не хотим,
Но в бой готовы,
Ковать мы не дадим
Для нас оковы!

35

Там, вдали за рекой, загорались огни,
В небе ясном заря догорала,
Сотня юных бойцов из буденновских войск
На разведку в поля поскакала.

Они ехали долго в ночной тишине
По широкой украинской степи,
Вдруг вдали у реки засверкали штыки —
Это белогвардейские цепи.

И отряд боевой наскочил на врага,
Завязалась жестокая битва,
И боец молодой вдруг поник головой —
Комсомольское сердце разбито...

Он упал возле ног вороного коня
И закрыл свои карие очи;
— Ты, конек вороной, передай, дорогой,
Что я честно погиб за рабочих!

Там, вдали за рекой, уж погасли огни,
В небе ясном заря разгоралась,
Сотня юных бойцов из буденновских войск
Из разведки домой возвращалась...

36

По долинам и по взгорьям¹
Шла дивизия вперед,
Чтобы с боем взять Приморье
Белой армии оплот.

Наливались знамена
Кумачом последних ран,
Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан².

Этих лет не смолкнет слава,
Не померкнет никогда.
Партизанские отряды
Занимали города,

И останутся, как сказка,
Как манящие огни,
Штурмовые ночи Спасска³,
Волочаевские дни⁴.

Разгромили атаманов,
Разогнали воевод
И на Тихом океане
Свой закончили поход.

¹ У автора: «по загорьям». *Загорье* — подножье сопок.

² У П.С. Парфенова: «Становились под знамена, / Создавали ратный стан / Удалые эскадроны / Приамурских партизан». Изменение внесено поэтом С.Я. Алымовым (1892—1948).

³ Спасск — город Спасск. Освобожден от интервентов и белогвардейцев 9 октября 1922 г.

⁴ Волочаевские дни — у Волочаевки, станции Амурской железной дороги, на подступах к Хабаровску 5—14 февраля 1922 г. произошли последние сражения, завершившиеся освобождением Приморья.

Как на грозный Терек выгнали казаки,
 Выгнали казаки сорок тысяч лошадей.
 И покрылось поле, и покрылся берег
 Сотнями порубленных, пострелянных людей.

Припев: Любо, братцы, любо,
 Любо, братцы, жить.
 С нашим атаманом
 Не приходится тужить.

Атаман наш знает, кого выбирает.
 — Эскадрон по коням! — да оставили меня.
 И осталась воля, да казачья доля,
 Мне досталась пыльная горячая земля.

Припев

А первая пуля, а первая пуля,
 А первая пуля в ногу ранила коня.
 А вторая пуля, а вторая пуля,
 А вторая пуля в сердце ранила меня.

Припев

Жинка погорюет — выйдет за другого,
 За мово товарища, забудет про меня.
 Жалко только волюшки во широком полюшке,
 Жалко сабли вострой да буланого коня.

Припев

38

Двадцать второго июня ровно в четыре часа
 Киев бомбили, нам объявили, что началась война.

Кончилось мирное время, нам расставаться пора.
 Я уезжаю и обещаю верным вам быть навсегда.

И ты смотри, чувством моим не шути,
 Выйди, подруга, к поезду друга, друга на фронт проводи.

Дрогнут колеса вагона, поезд помчится стрелой.
 Ты мне — с перрона, я — с эшелона грустно помашем рукой.

Пройдут года, снова увижу тебя.
 Ты улыбнешься, к сердцу прижмешься, вновь
 поцелуешь меня.

За нами холодное море,
И рвутся снаряды вокруг.
Дымится в развалинах город,
Смыкается вражеский круг.

Мы долгие месяцы дрались в кольце,
За свой Севастополь сражались,
Дома эти, улицы, камни его
Недешево гадам достались.

И если, товарищ, нам здесь умирать,
Умрем же в бою, как герои,
Ни шагу назад — нам нельзя отступать,
Пусть нас в эту землю зароят.

Прощай, Севастополь, наш город-боец,
Прощайте, орлята-ребята,
Патронам в обойме приходит конец,
Одна лишь осталась граната.

Пускай мы погибнем в неравном бою,
Но братья победы добьются,
Взойдут они снова на землю свою,
С врагами сполна разочтутся.

Так яркое солнце нельзя потушить,
Так шторм успокоить нет силы,
Не будут враги в Севастополе жить,
Он станет им только могилой.

40

Я встретил его близ Одессы родной,
Когда в бой пошла наша рота.
Он шел впереди с автоматом в руках,
Матрос Черноморского флота.

Матрос шел спокойно, пример подавал,
Он был уроженец с Ордынки.
А ветер играл за широкой спиной
И в лентах его бескозырки.

А враг приближался, огнем поливал,
Идя во весь рост полным строем.
Матрос оглянулся и тихо сказал:
— Вот здесь им могилу устроим.

Я встретил его после боя в селе,
В украинской беленькой хате,
Лежал он на докторском белом столе,
В кровавом матросском бушлате.

Двенадцать ранений хирург насчитал,
Две пули засели глубоко.
В бреду черноморский матрос напевал:
«Раскинулось море широко...»

В сознание пришел он, мне тихо сказал:
— Зайди ты ко мне на Ордынку,
Жене передай мой прощальный привет,
А сыну — мою бескозырку.

41

Раскинулись рельсы далеко,
По ним эшелоны гремят,
Они с Украины вывозят
В Германию наших девчат.

Прощай же, родной городишко,
И ты, дорогая семья,
И ты, чернобровый мальчишка,
И первая встреча моя.

Прощайте, зеленые парки, —
Мне больше уж вас не видать.
Я буду в неметчине этой
Свой век молодой горевать.

А если вернется с победой
Мой брат, черноморец, домой,
То вы ему всё расскажите
Тогда о сестренке родной.

42

На поле танки грохотали,
Солдаты шли в последний бой,
А молодого командира
Несли с пробитой головой.

По танку вдарила болванка —
Прощай, родимый экипаж.
Четыре трупа возле танка
Дополнят утренний пейзаж.

Машина пламенем объята,
Вот-вот рванет боекомплект,
А жить так хочется, ребята,
И вылезать уж мочи нет.

Нас извлекут из-под обломков,
Поднимут на руки каркас,
И залпы башенных орудий
В последний путь проводят нас.

И полетят вслед телеграммы
Родных и близких известить,
Что сын ваш больше не вернется
И не приедет погостить.

В углу заплачет мать-старушка,
Смахнет слезу старик-отец
И молодая не узнает,
Какой у парня был конец.

И будет карточка пылиться
На полке пожелтевших книг —
В военной форме при погонах;
И ей он больше не жених.

Шуточные песни и пародии

43

Я гимназистка седьмого класса,
Пью политуру¹ вместо квасу,
Ах, шарабан мой, американка²,
А я девчонка, я шарлатанка.

Порвались струны моей гитары,
Когда бежала из-под Самары.
Ах, шарабан мой, американка,
А я девчонка, я шарлатанка.

Помог бежать мне один парнишка,
Из батальона офицеришка.
Ах, шарабан мой, американка,
А я девчонка, я шарлатанка.

¹ *Политүра* — спиртовой лак.

² *Шарабан-американка* — четырехколесный экипаж с двумя поперечными скамьями, с откидным верхом, капотом.

А выпить хотца¹, а денег нету,
Со мной гуляют одни кадеты.
Ах, шарабан мой, американка,
А я девчонка, я шарлатанка.

Продам я книжки, продам тетради,
Пойду в артистки я смеха ради.
Ах, шарабан мой, американка,
А я девчонка, я шарлатанка.

Продам я юбку, жакет короткий,
Куплю я квасу, а лучше б водки.
Ах, шарабан мой, американка,
А я девчонка, я шарлатанка.

Прощайте, други, я уезжаю,
Кому должна я, я всем прощаю.
Ах, шарабан мой, американка,
А я девчонка, я шарлатанка.

Прощайте, други, я уезжаю
И шарабан свой вам завещаю.
Ах, шарабан мой, обитый кожей,
Куда ты лезешь с такою рожей?

44

Ночь надвигается, фонарь качается,
Фонарь качается в ночную мглу.
А я, несчастная, торговка частная,
Стою и бублики здесь продаю.

Припев:

Купите бублики, горячи бублики,
Купите бублики да поскорей.
За эти бублики платите рублики,
Что для республики всего милей.

Отец мой — пьяница, за рюмкой тянется.
А мать — уборщица, какой позор!
Сестра — гулящая, тварь настоящая,
А братик маленький — карманный вор.

Припев:

Купите бублики, горячи бублики,
Купите бублики да поскорей.
Меня, несчастную, торговку частную,
Да в ночь ненастную ты пожалей.

¹ Хочется.

Инспектор с папкою да с толстой палкою
Все собирается забрать патент¹.
Но я одесская, я всем известная
И без патента все продам в момент.

Припев:

Купите бублики, горячи бублики,
Купите бублики да поскорей.
За эти бублики платите рублики,
Что для республики всего милей.

45

Я Мишу встретила на клубной вечериночке,
Картину ставили тогда «Багдадский вор»²,
Глазенки карие и желтые ботиночки
Зажгли в душе моей пылающий костер.

Ах, сколько прелести дает своей походочкой,
Все говорят, что он бывалый морячок.
Когда идет, его качает, словно лодочку,
И этим самым он закидывал крючок.

Была весна, цвела сирень и пели пташечки.
Братишка с Балтики сумел кой-что забыть.
Он очень нравился хорошенькой Наташечке,
И не хотел такой кусочек упустить.

Что вы советы мне даете, словно маленькой,
Ведь для меня уже давно решен вопрос!
Оставьте, папенька, ведь мы решили с маменькой,
Что моим мужем будет с Балтики матрос.

Я Мишу встретила на клубной вечериночке.
Картину ставили тогда «Багдадский вор».
Глазенки карие и желтые ботиночки
Зажгли в душе моей пылающий костер.

46

Цилиндром на солнце сверкая,
Надев самый лучший сюртук,
По Летнему саду гуляя,
С Маруськой я встретился вдруг.

¹ *Патент* — документ, разрешение торговать.

² *Картину ставили тогда «Багдадский вор»* — показывали известный фильм «Багдадский вор».

Гуляя я с ней четыре года,
На пятый я ей изменил.
Однажды в сырую погоду
Я зуб коренной застудил.

От этой невыносимой боли
Три дня, как безумный, рыдал,
К утру, потеряв силу воли,
К зубному врачу побежал.

Схватил меня доктор за горло,
Связал мои руки назад,
Четыре здоровые зуба
Он выхватил с корнем подряд.

В тазу лежат четыре зуба,
А я, как безумный, рыдал,
А женщина-врач хохотала —
Я голос Маруськи узнал.

— Тебя я безумно любила,
А ты изменил мне, палач.
Теперь я тебе отомстила,
Изменник и подлый трепач!

Тебе отомстила за это,
Клади свои зубы в карман,
Носи их в кармане жилета
И помни Маруськин обман!

47

Расскажу я вам, ребята,
Про душевный мой разлад
И о том, как я когда-то
Неудачно был женат.
Но судьба довольно строго
Отнеслась к моей жене —
Две недели проболела,
Умерла, оставив мне:

Тридцать метров крепдешина,
Пудру, крем одеколон,
Два бидона керосина,
Ленинградский патефон,
Белой шерсти полушалок,
Фирмы Мозера часы,
Два атласных одеяла.
И спортивные трусы.

Солнца свет не замечая,
Шел по парку, как во сне.
Вижу — дева молодая
Улыбнулась будто мне.
Как порядочный мужчина,
Не замедлил к ней подсесть
И, как будто между прочим,
Рассказал, что в доме есть:

Тридцать метров крепдешина,
Пудра, крем, одеколон,
Два бидона керосина,
Ленинградский патефон,
Белой шерсти полушалок,
Фирмы Мозера часы,
Два атласных одеяла
И спортивные трусы.

Дни проходят на работе,
В сердце розы расцвели!
А пришел домой — сказали,
Что ушла, и с ней ушли:

Тридцать метров крепдешина,
Пудра, крем, одеколон,
Два бидона керосина,
Ленинградский патефон,
Белой шерсти полушалок,
Фирмы Мозера часы,
Два атласных одеяла
И спортивные трусы.

Я был тронут до безумья
И подумал, что умру.
Но после долгого раздумья
Всем совет такой даю:
Не влюбляйтесь безоглядно,
Осмотритесь вокруг,
Никому не доверяйте,
А не то исчезнут вдруг:

Тридцать метров крепдешина,
Пудра, крем, одеколон,
Два бидона керосина,
Ленинградский патефон,
Белой шерсти полушалок,
Фирмы Мозера часы,
Два атласных одеяла
И спортивные трусы.

48

Мама, я летчика люблю,
 Мама, я за летчика пойду.
 Он летает выше крыши,
 Получает больше тыщи.
 Мама, я летчика люблю!

Мама, я повара люблю,
 Мама, я за повара пойду,
 Повар делает котлеты,
 «Оливье» и винегреты.
 Мама, я повара люблю!

Мама, я доктора люблю,
 Мама, я за доктора пойду.
 Доктор делает аборты,
 Посылает на курорты.
 Мама, я доктора люблю.

Мама, я жулика люблю,
 Мама, я за жулика пойду,
 Жулик будет воровать,
 А я буду продавать.
 Мама, я жулика люблю!

49

Коперник целый век трудился,
 Чтоб доказать Земли вращенье.
 Дурак, уж лучше бы напился —
 Тогда бы не было сомненья!
 Так наливай, брат, наливай
 И все до капли выпивай!
 Вино, вино-вино-вино,
 Оно на радость нам дано!

Исак Ньютон всю жизнь трудился,
 Чтоб доказать тел притяженье.
 Чудак, зачем он не влюбился?
 Тогда бы не было сомненья!
 Так наливай, сосед, соседке,
 Соседка тоже пьет вино.
 Непьющие соседки редки,
 Они повывелись давно!

Колумб Америку открыл,
 Страну для нас совсем чужую.
 Дурак, уж лучше бы открыл

На нашей улице пивную!
Так наливай, брат, наливай
И все до капли выпивай!
Вино, вино-вино-вино,
Оно на радость нам дано!

50

Зачем Герасим утопил Муму?
Зачем Герасим утопил Муму?
Зачем Герасим утопил Муму?
Ему все это было ни к чему.

Два кирпича он привязал к Муме,
Два кирпича он привязал к Муме,
Два кирпича он привязал к Муме,
Чтоб лучше ей лежать на дне.

А ведь Мума могла еще пожить,
А ведь Мума могла еще пожить,
А ведь Мума могла еще пожить —
Зачем же Мумочку топить?!

Вот так жестоко поступил с Мумой,
Вот так жестоко поступил с Мумой,
Вот так жестоко поступил с Мумой
Литературный наш герой.

Мы за Герасима стоим стеной,
Мы за Герасима стоим стеной,
Все за Герасима стоим стеной:
Ведь был Герасим — крепостной.

Частушки

Наряду с песнями и романсами во второй половине XIX столетия в творчестве крестьян и горожан появились частушки, жанр лирической миниатюры. Исторически они оформились преимущественно в двух видах: как четырехстрочные куплеты и как двустишия. Некоторое время сохранялись восьми- и шестистишия. Они просуществовали недолго, хотя и позднее число стихов певцы иногда увеличивали до пяти-шести, раздвигая пределы изобразительности. Случалось и соединение куплетов — при так называемом «спеве»: на пропетую

частушку следовал ответ или подряд исполняли тематически сходные куплеты, если их сочетание отвечало замыслу.

Своим появлением частушки ознаменовали движение фольклора в сторону профессиональной культуры, обнаружили отзывчивость на социальную новизну, выразили отношение людей к радикальным переменам в быту. Историк найдет в частушках правдивое свидетельство взвихренного состояния российской жизни. Сравнительно с «долгими» песнями в частушке существенно обновлен стиль. Дело касалось не только структуры краткого высказывания, отличающего частушку от протяжной песни. В частушках немало тематико-стилистической новизны песенно-романсового происхождения: поют о «розах» и «завлекательных взорах», встречаются высказывания: «Ах, зачем безумный губит, / Завлек сердце, а не любит». Есть и другие приметы городской культуры. Если сюда прибавить обороты «умру, любя» и подобные, то родственность частушки и романса станет очевидной. Частушки называют «вокзал», «станцию», «машину», «вагоны», «чугунку» (железнодорожные пути), «пароходы» «телеграммы». Герои частушек ходят в «калошах», носят «часы», знают назначение «декалона», неизменно упоминают игру на «тальянке» (гармошке). Это Россия с ее бытовыми новшествами. Изменилось все, даже — одежда. К примеру, в частушках назван «дипломат», верхняя мужская и женская одежда особого кроя — о ней запели в московских, тверских, ярославских, костромских, тамбовских, саратовских деревнях, селах и пригородах. При всем том воздействие новых понятий на частушку остается значительно меньше сравнительно с песнями и романсами. Импульс частушечного творчества в XIX — начале XX в. оставался прежним. Частушка связана преимущественно с деревенским творчеством — новизна в ней никогда не преобладала над стариной.

Необозримо море частушек, но оно не так велико, как может показаться. Многообразны вариации и версии одних и тех же песенных образований. В частушках повторяются образы, сравнения, эпитеты, параллели, символы, не говоря уже о «стандартных» приемах композиции, о строении стиха. Существуют и шаблоны, которым подчиняется вся художественная структура.

Повторяющиеся модели и привычные композиции сделали частушку открытой для произвольных изменений. Уже в первые десятилетия XX столетия распространилась мода на сочинение частушек — это «самодеятельное» творчество, мнимый фольклор. Как правило, на нем лежит печать искусственности. «Авторские» подражания чужды настоящей *массовой* частушке. Сочинительство пред-

ставлено в многочисленных сборниках. В 30—80-е годы XX в. их издавали под видом «народного» отклика на политические кампании власти. Такие публикации не имеют научной ценности и характеризуют лишь взгляды составителей сборников, а иногда и творчество сбитых с толку людей, диктовавших свои вымученные выдумки собирателям. Такой же характер несут и публикации частушек, осуществленные позднее, уже в 90-х годах, отличающиеся от прежних лишь противоположностью политических целей. Подлинный частушечный фольклор XX столетия еще ждет своих публикаторов.

Объективным критерием фольклорности является *распространенность* частушки, но одного этого признака недостаточно. Важно соответствие записанной частушки *традициям жанра*. Подлинный фольклор всегда возникал в соответствии со своей поэтикой и в пределах его *возможностей* как массового искусства. В подлинном фольклоре налицо безусловное и полное соответствие текста жанровой природе частушек.

При отборе взяты прежде всего записи частушек, осуществленные в первые десятилетия XX в., того времени, когда собиратели еще не нарушали принципов собирания фольклора, да и частушки еще не были засорены подделками. Высокую оценку давно снискала публикация профессионального исследователя фольклора преподавательницы Московских Высших женских курсов Елены Николаевны Елеонской. Под ее редакцией был напечатан «Сборник великорусских частушек», издание Комиссии по народной словесности при Этнографическом отделе имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (М., 1914). Ценны и публикации В.И. Симакова: «Сборник деревенских частушек Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской, Петербургской губ.» (Ярославль, 1913) и др. Из публикаций недавних лет заслуживают отдельного упоминания сборник Александра и Геннадия Заволокиных «Частушки родины Шукшина», с предисловием поэта В.Ф. Бокова. (Барнаул, 1986), а также антологии: «Частушка» (Большая серия «Библиотеки поэта»/Вступит. статья, подготовка текста и примечания В.С. Бахтина. М.; Л. 1966); Частушки в записях советского времени/Издание подгот. З.И Власова, А.А. Горелов. М; 1965).

Можно сожалеть о том, что существуют немногие образцы точной диалектологической записи частушек. Частушка — яркий пример соблюдения норм местного говора. К примеру, вблизи уездного города Череповца, в Шухтовской волости в 1897 г. была записана

«сбирушка»: «Ой милашка, соньчѣ / Подарила кольчѣ / Не иму куды деть / Али нá палець надеть» (Этнографическое обозрение. 1897. № 2. С.110). Система аллитераций и ассонансов: повторение звуков *ш—ч* (*чѣ-чь; о-а*) — в случае литературной записи разрушила бы ритмический и звуковой строй частушки. Ему соответствует и диалектная форма вспомогательного глагола «имать»: *не иму деть*. В отобранных частушках нередко нет полного соответствия особенностям говоров. Таково качество записи.

Из опытов классификации удачным можно считать тематическое деление частушек, предложенное в сборнике Е.Н. Елеонской в виде «Указателя групп частушек по их содержанию»: *любовные, семейные, солдатские (рекрутские), юмористически-сатирические* и *varia* (то есть разнообразные, не вошедшие в предыдущие разряды). Группы: *юмористически-сатирические, varia* — требуют пояснения. Юмористически-сатирические частушки во многом перекликаются с предыдущими тематическими группами, а выделение *varia* указывает на существование смешанного типа частушек.

Наша подборка в главном следует классификационным группам Е.Н. Елеонской (с уточнением их именования). Основанием деления сделано свойство самого материала: *любовные, семейные, социальные* (преимущественно возникавшие как выражение отношения народа к солдатской службе) и *шутливые* (тематически могут быть включены в предыдущие группы).

Самая обширная группа — *любовные* частушки — запечатлела преимущественно чувства парней и девушек, но отложился и опыт старших, особенно заметный среди *семейных* частушек, вышедших из быта замужних и женатых людей. *Социальные* частушки порождены непосредственным запечатлением переживаний той части населения российской деревни и малых городов, которая была вовлечена в решение государственных дел (рекрутчина, служба в солдатах, участие в войнах и проч.), в перемену устройства России, а также в изменение уклада деревенской жизни в годы коллективизации. На особицу в частушках представлен трагический опыт военных побед и поражений, время многомиллионных потерь во время Великой Отечественной войны (1941—1945), трудности послевоенного времени, вплоть до драматических перемен в жизни народа на исходе XX в.

Шутливые частушки по существу являют собой ироническую вариацию художественных трактовок во всех названных тематических группах. Их выделение сделано исключительно с целью показать объем и меру комического искусства в частушках. Оно не-

обычайно велико и разнообразно и характеризует психологический склад русского народа как коренное свойство его менталитета. Так что основным в классификации частушек остается деление их на группы: любовные, семейные (совокупно характеризующие мир *личных, бытовых* чувств) и социальные (мир *гражданских* переживаний).

Что касается деления частушек *по характеру исполнения* (припевки-попевки, плясовые и нескладухи), то оно может сочетаться с тематическим, хотя наблюдается несомненное тяготение некоторых к группам по названной тематике: *нескладух* — к плясовым, *плясовых* — к припевкам и т. д. Выделение частушек *по типу исполнения* («попевка», «яблочко», «страдание», «семеновна») — легко сочетается с тематическим делением, в чем тоже можно убедиться по частушкам, включенным в группы.

Остается заметить, что под каждым названием групп помещен перечень тем, которые характеризуют состав рубрики.

ЛЮБОВНЫЕ ЧАСТУШКИ

(*милый, красота, волнение, томление, ожидание встречи, чаяния, игра на гармошке, встречи, взаимность, поцелуи, возвращение с гуляния, воровжба, ошибки, размолвки, ссоры, неверность, помехи, любовь к женатому, супостатка, измена, горе, расставание, пересуды, разрыв, разлука, сожаление, кончина, воспоминания, обманутые надежды, милый жениться на другой, выбор жениха и проч.*)

1. Ставь, мамаша¹, самовар,
Золотые чашки, —
Придет миленький ко мне²
В голубой³ рубашке.
2. Сколько⁴ в доме украшенья,
Когда солнышко взойдет.
Сколько сердцу утешенья,
Когда миленький придет.

¹ *Вариант:* мама.

² *Варианты:* Придет милый чаю пить; Ко мне миленький придет; Приведу я гостя к вам.

³ *Варианты:* в вышитой; шелковой; беленькой, бордовой, розовой и проч.

⁴ *Вариант:* только.

3. На рябинушке сидела,
Не могла накушаться,
Про милова говорили,
Не могла наслушаться.
4. — Девушки-беляночки,
Где вы набелилися?
— Мы вчера коров доили,
Молочком помылися.
5. Моя мила точно роза,
Только разница онна¹,
Роза вянет от мороза,
Моя мила никогда.
6. Шел миленочек косить
В красненькой рубашке.
— Для кого ты нарядился?
— Для своей милашки.
7. Говорят, что не красива,
Ну, да что поделаешь!
За красотой-то — не за ягодой —
В лесок не сбегаеть.
8. Рожь густа,
Умолотиста,
Ничево, што некрасива,
Оборотиста.
9. Я думала, это лебедь, —
Это милый в лодке едет.
10. Што ты, белая береза²,
Ветру³ нет, а ты шумишь?⁴
Ретивое моё сердце⁵,
Горя нет, а ты болишь⁶.

¹ Одна.

² *Вариант:* Раскудрявая береза.

³ *Вариант:* Ветра.

⁴ *Варианты:* Ветру нету — ты шумишь.

⁵ *Варианты:* Мое ретивое сердечко; Что, ретивое сердечко; Ретиво мое сердечко;
Ах, сердечушко девичье.

⁶ *Вариант:* Горя нету — ты болишь.

11. Дайте острую пилу —
Пойду рябинушку спилю:
Не шумела бы она —
Не болело б сердце у меня.
12. До чего ветер додует,
До чего он додумит?
До чего мое сердечико
Доноет, доболить?
13. Мое сердце взволновалось,
Как на Волхове вода.
Вода на время устоится —
Мое сердце никогда.
14. Эх, пересохни, Клязьма-речка,
Перестань болеть сердечко.
15. Ваня, Ваня, Иванок,
Ваня, Иванушка,
Я тоскую по тебе,
Как в бору кукушка.
16. Не кукуй, кукушка сера,
Не на ту березу села,
Пересядь на елочку —
Снеси поклон миленочку.
17. Ноци¹ темные, осенние,
Частые дожди льют,
Глазки серые, веселые
Спокою не дают.
18. Много звездочек на небе —
Полуночной звезды нет².
Много девушек³ на свете —
Да одной милее нет⁴.

¹ *Ноци, ночи* — особенность местного говора, «цоконье».

² *Вариант*: А одна светлее всех.

³ *Вариант*: Много девок.

⁴ *Вариант*: А одна милее всех.

19. Черный ворон, черный ворон,
Черный вороненок,
Чернобровый, черноглазый
У меня миленок.
20. Милый мой, милый мой,
Милый, нареченый,
Поиграй, милый, в гармонь
На заре вечерней.
21. Заиграли с переливом,
Бьется сердце с перерывом.
22. — Открой¹, маменька, окошечко²:
Головушка болит.
— Не обманывай-ко, дитячко³:
Тальяночка манит.
23. Лучше цвету того нету⁴,
Когда яблонька⁵ цветет,
Веселей беседы⁶ — нету⁷,
Когда миленький⁸ придет.
24. Пряла-пряла, не видала,
Прилетевши соловей
Прилетевши, пораспевши⁹
Возле прялочки моей.
25. Мой милый далеко,
На заимке¹⁰ пашет,
Я поскотиной¹¹ иду,
Он рукою машет.

¹ *Вариант:* отворь, отвори.

² *Вариант:* окошко.

³ *Вариант:* доченька.

⁴ *Вариант:* Лучше нету того цвету.

⁵ *Вариант:* яблоня.

⁶ *Беседа* — сбор девушек в избе с работой или только для увеселения с ребятами.

⁷ *Вариант:* Лучше нету той минуты.

⁸ *Вариант:* шарочка (милый).

⁹ *Прилетевши, пораспевши* — прилетел, пораспелся-распелся (в народных говорах особая глагольная форма, со значением перфекта).

¹⁰ *Займка* — место в лесу для выпаски скота, где пашня.

¹¹ *Поскотина* — выгон, часто огороженный, по которому выгоняют и пасут скотину.

26. Я сударку¹ свою знаю —
На прогоне живет с краю,
На прогоне, на углу —
Третий год ее люблю.
27. Я стояла на ледку
Да на холодном ветерку,
Увидала я дружка —
Нагрелась, как от солнышка.
28. Пойду на ручей текущий,
Где проточная вода —
Не поит ли мой зазнобушка²
Воронова коня³?
29. Скоро, скоро снег растает,
Вся земля согреется.
Скажи верное словечко:
Можно ли надеяться?
30. В поле, черная черемушка,
Чернеешь или нет?
Скажи, миленочек, по совести:
Жалеешь⁴ или нет?
31. Заплету я в косу ленту,
Посмотри, алеет ли?
Кума, спроси у сероглазого
Меня жалеет ли?
32. Я кошу — валится на косу
Зеленая трава.
Я люблю, а ты не любишь,
Ягодиночка моя.
33. Залеточка, где бываешь?
На заре идешь — играешь.

¹ Сударка — милая.

² Зазнобушка — милый.

³ Варианты: Не придет ли мой хороший / Поить серого коня; Не придет ли миленок.

⁴ Жалеть — любить.

34. Кабы ты, моя хорошая,
Была не по душе,
Не ходил бы ночи темные,
Не спал бы в шалаше.
35. Не ходи на росто́пашку¹,
Ягоди́ночка² моя,
Не показывай рубашку,
Я и так люблю тебя.
36. Под ножкой мороз
Поскрипывает,
Ко мне миленький идет,
Посвистывает.
37. Карие глазеночки
Стояли у сосеночки,
Стояли, улыбались,
Кого-то дожидались.
38. Меня милый провожал,
У крылечка постоял,
Сколько звездочек на небе,
Столько раз поцеловал.
39. Наша реченька глубока,
На ней тоненький ледок,
Целовал меня миленок,
Губы сладки как медок.
40. Расшивала я платок,
Золотые коймы,
Расшивала, говорила:
— Люби, милый, помни!
41. Не ругай меня, мамаша,
Не ругай ро́нна³,
Сама была молода,
Приходила позна⁴.

¹ На росто́пашку — расстегнув рубашку, пальто, платье.

² Ягоди́ночка — любимый.

³ Ро́нна — рódна, родная.

⁴ По́зна — поздно.

42. Приду домой, стукну в сенцы,
Мать не знает, что на сердце.
43. Хорошо иметь бы туфельки
На легоньком ходу,
Чтобы маменька не слышала,
Когда домой иду.
44. Через быструю речёнку
Ходил, буду я ходить.
Чернобровую девчонку
Любил, буду я любить.
45. Ягодиночка, у синего у моря постоим —
Ягодиночка, про тайную любовь поговорим.
46. Цвети, цветочек алый,
Цвети, не усыхай¹ —
Люби, дружочек милый,
Люби, не забывай.
47. С миленочком гуляла
На крылечке вечером,
Наши тайные словечки
Относило ветерком.
48. Ничего, что я мала —
С неба звездочку сняла,
Один вечер посидела,
Паренька с ума свела.
49. Эх, Семен, Семен, ты как луг зелен,
А я, Семеновна, трава зеленая.
50. Ах, Семен, Семен, милый Сёнечка,
Поцелуй меня хорошенечко.
51. Неужели мой соколик
Не придет, не успокоит?

¹ Певица спела «не утихай».

52. Я вечер, девчоночки,
Стояла у ветелочки;
Я ветелочки рвала —
Сказали — милого ждала.
53. Я косила, косила,
Косу в реку бросила,
Грабельки — под елочку,
Сама пойду к миленочку.
54. Ловил, ловил серу уточку,
Ловил да упустил.
Лет семнадцати девчоночку
Словами улестил.
55. Через речку не был мост,
Я кричала перевоз,
Меня душечка Ванюшечка
На ручках перенес.
56. Ах ты, милая моя,
Какая несговорная, —
Раз пятнадцать поцелуешь,
А ты недовольная.
57. Суди, люди, суди, Бог,
Кого я любила,
По морозу босиком
К милому ходила.
58. Дролечка¹ мой,
Овались² о плечико,
Все изныло, изболело
Об тебе сердечико.
59. Ты зачем же завлекала,
Когда я тебе не мил?
Ты бы с осени сказала —
Я бы зиму не ходил.
60. Говорят, что мне измена,
А я стою у ручейка.
Не четыре года гуляно —
Четыре вечерка.

¹ Дро́лечка, дро́ля — любимый.

² Ова́лись — здесь: прижмись.

61. Милая, горячая,
Тебя любить не для чева:
Сердце — камень у тебя:
Сидишь, не взглянешь на меня.
62. Ой, дорожка торна, торна,
Кони принатопали.
От залеточки¹ отстать,
Подумайте, охота ли?
63. Проводила — осерчала,
А потом по нем скучала.
64. Странанье какое злое —
Опущусь на дно морское.
65. Я страдала, страдать буду,
Тибя, милай, не забуду.
66. Через речку, чрез масточик
Падай, гуля², галасочик.
67. Больше нету, больше нету,
Больше нету никого,
Ты один, один и будешь
У сердечка моего.
68. Было время — милый бегал
Почти каждый вечерок,
Не держала темна ноченька,
Не широкий ручеек.
69. Ой, матаня³ мотовой —
То с подругой, то со мной.
Домотаешься, мотыга⁴,
Не увидишь ни одной.
70. Шел я вечером поздненько
На бардинский⁵ длинный мост,
Поздоровался с милашкой —
Но прошла, задравши нос.

¹ Залёточка — милый.

² Гуля — милый.

³ Матаня — милый.

⁴ Мотыга — здесь: от слова «мотовой», неверный.

⁵ Бардинский мост — локальная примета.

71. Я лошадку запрягала
И колеса мазала,
Я бы с миленьким гуляла,
Да подруга сглазила.
72. Чего лампа не горит —
Керосин с водою;
Чего милый не пришел —
Гуляет с другою.
73. Вы разбейте эту лампу
И разлейте керосин,
Разлучите эту пару,
А меня сведите с ним.
74. Думала, что лук не горький,
Думала, глаза не ест,
Думала, что милый бойкий,
Думала не надоест.
75. Погляжу в окошко, в сени,
Милый треплется со всеми.
Потрепись, трепло-трепало,
Затрепался с кем попало.
76. Уточка купается —
Водичка колыхается.
Брось, миленочек, смеяться:
После будешь каяться.
77. Ох, ты не стой, не стой у дуба зелена,
Твоя любовь давно потеряна.
78. Ты не стой, не стой у окон моих,
Я не пойду с тобой: ты провожал других.
79. Ой, гора, гора, гора гористая,
А на той горе трава, трава волнистая.
80. — Чернобровая цыганка,
Погадай на ручке мне! —
Цыганка рученьку взяла,
Меня несчастной назвала.
81. Ты гармонь, гармошечка,
Развей тоску малешенько,
Развей ты горюшко-тоску
По дорожке, по песку.

82. Надувает, надувает
На дороженьку снежку,
Нагоняет, нагоняет
На девчоночку тоску.
83. Ты зачем сорвал василек во ржи?
Ты зачем завлек, дорогой, скажи.
84. Ты зачем сорвал василек во ржи?
Ты короче лишь язычок держи.
85. От страданья от лихого
Нет лекарства никакого.
86. Не тобой дорожка мята,
Не тебе по ней ходить,
Не тобой я занята,
Не тебе меня любить.
87. Меня зарей не нарумянить
И росой не набелить —
Красно солнышко не греет,
Светлый день не веселит.
88. Ягодиночка на льдиночке,
А я на берегу.
— Перекинь сюда тесиночку,
К тебе перебегу.
89. Все я речки исходила,
Все крутые бережка,
Я такой травы искала,
Чтоб повысушить дружка¹.
90. Шла я шла доро́гою —
Ой, какая даль!
Мне дорога отвечала
— Не придет, не дождай.
91. Деньги — дело нажитое
По ним нечего тужить,
А любовь, дело другое,
Ею надо дорожить.

¹ Чтобы приворожить.

92. На горюшке стоит елка,
В елке червоточина,
Без тебя, мой дорогой,
Хожу как черна ноченька.
93. Хотел я уточку убить —
Серая закричала,
Хотел девушку забыть —
Бедная заплакала.
94. Ой хохонюшки, хо-хой!
Сердце колет как иглой,
Сердце колет как иглой,
Милашка ходит ко другой.
95. Отворила бы окошко,
Петелечки скрипят;
Поговорила бы с мальчишечкой,
Родители не спят.
96. Травушка шелковая
Вкруг березы вилась,
Девчонка бестолковая —
В кого я влюбилась.
97. Неужели лесу мало —
Я березыньку рублю.
Неужель ребяток мало —
Я женатого люблю.
98. В поле много, в поле много
Овсеца несжатого,
За мной ходят холостые —
Я люблю женатого.
99. Ох-охони, вышли кони
За поскотину в овес.
Мы бы с милкой постояли —
Черт товарища принес.
100. Ой, у воротнего столба
Нету счастья никогда:
Когда — ветер, когда — дождь,
Когда — милку долго ждешь.

101. На горе гора,
Под горой гора,
Нету милого мне —
Домой пора!
102. Горе нам, горе нам,
Горе нашим матерям:
Некрасивые родились.
Но куда деваться нам?
103. Мы с миленочком стояли,
Снег растаял до земли;
Где навеки распрощались,
Ручеечки протекли.
104. Не от ветру ли рябина
Кисти повесила?
Не от горя ли девчонка
Голову повесила?
105. Супостаточка¹ тонка,
Носит по две юбочки.
Я любила — бросила,
Люби мои облюбочки.
106. Ты, подруженька моя,
Носи коротки юбочки.
Я любила — ты отбила,
Так люби облюбочки.
107. Мой миленький — через поле,
А подружкин — через пять,
Через поле, а не ходит,
Через пять — идет опять!
108. Улочка, панель
Последний раз иду по ней, ей!
Не видать тебе, курносая,
Походочки моей, ей!
109. Вей, погода, вей, погода,
Вей, погода — белый снег,
Заметай, погода, в поле
Моего милаши след.

¹ Супостáточка — соперница.

110. Чаво стоишь, чаво глядишь,
Чаво ты дожидаясь,
Не пойду за тя замуж:
Пьяный напиваешься.
111. Понапрасно, Ванька, ходишь,
Понапрасно ножки бьешь,
Кого любишь — не получишь,
Дураком домой пойдешь.
112. Закатилось красно солнышко
До самой до земли;
Мой милой ушел на Волгу
До самой до зимы.
113. Поезд дальний, огоньки,
Дальняя дорога,
Сердце ноет от тоски,
А в душе тревога.
114. Ты, машина, ты, вагончик,
Свези милому поклончик.
115. Милый мой — червонный лебедь,
Не дождусь, когда приедет,
Не дождусь тех я дён,
Когда рядышком пойдём.
116. Уточки, гагарочки
Все плывут по парочке,
А я, бедна сирота,
Брожу по полюшку одна.
117. Я на пожинку¹ ходила,
По прокосью грабила²,
Золотую слезоньку
На пожинке оставила.
118. Милый, что, милый, что?
Милый сердисься на что?
То ли люди, что сказали,
То ли сам заметил что?

¹ *Пóжинка* — пожня, поле.

² *По прокосью грабила* — сгребала траву по прокоосу, в полосе, скошенной косой.

119. На что, милый, рассердился?
Ты скажи ж, скажи ж — на что?
Иль подруги наболтали,
Или сам заметил что?
120. У нас улочки прямые,
Заулки косоватые,
Нельзя по улочке пройти:
Соседки зубоватые.
121. Ягодиночка, тебе
Чего наговорили-то?
Когда хаяли меня,
Кого тебе хвалили-то?
122. — Ах, милка! — Что?
Говорят про что:
Бают, ты меня не любишь,
Бают, не за что.
123. Я стояла за крыльцом,
А сказали — с молодцом.
Я платочек вынимала,
А сказали — целовала.
124. Вижу, вижу, не скажу,
Как парочки влюбляются.
Они напротивно¹ живут,
В окошечки смигаются².
125. Не ходи ты нараспашку,
Мой залетка³ дорогой,
Не выказывай характер,
Гулять кончила с тобой.
126. И погуляла бы я,
Дролечка, с тобою —
Между нами лес густой
Да реченька с водою.
127. Отходили мои ножки
По Мещеринской⁴ дорожке.

¹ Напротив.

² Смигиваются.

³ Залётка — милый.

⁴ Мещеринская — в Мещёрском крае (Подольский уезд Московской губернии).

128. Что бы стоило милому моему
Сесть на карюшка¹ — приехать одному?
Заросла дорожка тинушкой,
Меня покинул сиротинушкой.
129. Хорошо было слюбляться,
Расставаться каково?
Трои суточки проплакала,
Не ела ничево.
130. Хорошо было слюбляться,
Тошно, тошно расставаться.
Легче — рыбоньке с водой,
Нежли, миленькой, с тобой.
131. Вспомни, вспомни, милка, это,
Как гуляли с тобой лето,
Вспомни, вздумай ты про тое.
Как гуляли с тобой, двое.
132. Снежки белы и пушисты
Принакрыли все поля,
Не накрыли одно
Горюшка лютова мово.
133. Выйду, выйду в чисто поле,
Посмотрю в такую даль.
Ветры буйные сказали:
— Дролечку² не ожидай!
134. В поле пташки не поймаешь,
Рукам(и) счастья не складешь,
От своей судьбы несчастной
Не уедешь, не уйдешь.
135. Я помру — меня положут
Во передний уголок,
Придет миленький — поплачет
У моих холодный ног.
136. Ох, гора, гора, гора малинова,
Как на той горе убили милова.

¹ Карюшка — конь, лошадь карей масти.

² Дро́лечка, дро́ля — милый, возлюбленный.

137. Убили милого, положили в гроб,
Я долго плакала у холодных ног.
138. Милый, счастье потеряешь —
Меня замуж не возьмешь.
Я один денек поплачу,
Ты навеки пропадешь.
139. Ноченька осённая,
В бору водичка темная,
Потому вода темна —
Живу без милого одна.
140. Ах, поверьте, сердцу тошно,
Если влюбишься в кого.
В один час влюбиться можно,
А потом-то какво?
141. Вспомни, милый, дорогой,
Как стояли мы с тобой,
Шумела белая черемуха
Над нашей головой.
142. Мы влюбились — кудри вилися,
Расставались — слезы лилися.
143. Он позабыл любовь и позабыл меня,
Он пошел с другой, а я пошла одна.
144. Мы влюбились на горе крутой,
Расставались у сосны густой.
145. Прощай, лес, прощай, орешник,
Прощай, милый мой насмешник.
146. «До свиданья!» — милый скажет,
А на сердце камень ляжет.
147. Заросла дорожка мохом,
По которой ходил, охал.
148. Вспомни, милый, где сидели —
Там расцвел кустик сирени.
149. Где ж ты, милый, где ж ты тама?
А я здесь с тоски пропала.

150. Эх, по лугам-то с ним шаталась,
Он уехал, я осталась.
151. Вспомни горку, вспомни санки,
Вспомни, как каталися,
Вспомни первое свиданье,
Вспомни, как рассталися.
152. О-ё-ё, какая скука!
К скуке надо привыкать.
Что поделаешь! Разлука,
Надо дролю забывать.
153. Завлекательные глазки
Завлекли умеючи,
Завлекли, оставили,
Горюй-ка я теперечи¹.
154. Встанька-ка, маменька, пораньше,
Вымой горенку песком,
Пойдет дробочка венчаться —
Я заплачу голоском.
155. Не ругай, мама, за дролю:
Скоро дроля будет зять —
Через два года на третий
Обещался замуж взять.
156. Дорогой по осени
Сказал словечко тайное:
«Припасай, сударушка,
Колечко обручальное».
157. Милый свататься поехал —
Я на улочке была,
Потихошенько спросила:
— Где платочек у тебя?
158. Поедешь миленький венчаться,
Заезжай ко мне прощаться,
Возьми думушку мою,
Положь под гривушку коню.

¹ *Теперечи* — теперь.

159. Надоела в девках воля,
Пойду замуж терпеть горе,
Передамся, бабы, вам
Ко горючим слезам.
160. Татинька и маменька,
Не отдавайте рано-то,
Я пойду запричитаю:
Поголяла мало-то.
161. — Милый мой, твои родители
Желают ли меня?
— Желают, любушка хорошая,
Желает вся моя семья.
162. За любого, маменька,
Не бей, не уговаривай,
Если нелюб не любим,
Отдай, не разговаривай.
163. Запрягай, папаша, лошадь,
Черную, косматую,
На примете есть девчонка,
Я ее сосватаю.
164. За высокие хоромы,
Папенька не отдавай:
Человек дороже дома —
Человека выбирай.

СЕМЕЙНЫЕ ЧАСТУШКИ

(предстоящая бабья жизнь, слезы родных, приезд жениха, венчание, чужая сторона, замужнее житье, слезы, нелюбимый муж, побои, тоска по родительскому дому и др.)

165. Не ходите, девки замуж,
Бабья жизнь не красота.
Подневольная работа —
Горьки слезы, сухота.
166. Не кукушечка кукует,
Не соловушка поет,
Не моя ль мамаша плачет,
Меня замуж выдает.

167. — Кто-то едѣт, хто-то едѣт
На зеленых саночках,
Сбруя нова, конь воробный.
За тобой, беляночка.
168. Зазвенели колокольчики,
Затопал вороной:
Ты готова ли, сударушка¹?
Приехал за тобой.
169. Меня тятенька просватал,
Пошел по мосту², заплакал:
Одинешенька³ моя,
Да жаль тошнихонько тебя.
170. Занавесили окошки
Тонким белым полотном:
Знать, просватали подружку
Сидит, плачет под окном.
171. Таку молоденьку, хорошеньку
И ставят под венец,
Она повянет, как травиночка,
Гуляночке конец.
172. Меня, тоненьку, молоденьку,
Становят под венец,
А мне тоненькой, молоденькой
Всего шестнадцать лет.
173. Девушки, отстала я
От стада лебединого,
Девушки, отстала я
От своего милого.
174. Матушка родимая,
Свеча неугасимая —
Горела, да растаяла,
Жалела да оставила.

¹ Сударушка — милая, любезная.

² По мосту — по селям.

³ Одинешенька — единственная.

175. Речка матушка широка,
Пойду к реке с тоской,
Родима матушка далека,
Унеси горе волной.
176. Ты, родима матушка,
Родила бы камушком,
Опустила б в морюшко —
Не знала б дочка горюшка.
177. Охо-хо, хо-хо-нюшки,
Да на чужой сторонушке,
На чужой сторонушке,
Да заключут воруишки.
178. Чужая дальняя сторонушка
Не медом полита,
Она не сахаром посыпана,
Слезами облита.
179. На чужой на стороне
Солнышко не греет,
Кроме маменьки родной
Никто не пожалеет.
180. Меня мама зародила
Во чистом во полюшке,
Она меня не благословила —
Век живу во горюшке.
181. Попую да попою
Маме на поминочек¹,
Пуская она попоминает
В поле у осиночек.
182. Встань-ка, маменька, пораньше
Да послушай по заре:
Не твоя ли дочка плачет
На чужой на стороне?
183. Мамочка неродная,
Похлебочка холодная,
Кабы родная была,
Щей горячих налила.

¹ Поминочек — поминочек; «цоканье» (особенность говора).

184. Я у мамки корки ела —
За работой песни пела,
У свекрови чай пила —
За столом слезы лила.
185. Уж ты мил, ты мой мил,
Ты за что меня бил?
Ты и прежде меня знал,
Зачем замуж меня брал?
186. Мой муж постыл,
На печи застыл,
Тулупом оделся —
И то не согрелся.
187. Мой муж водовоз
Поехал на речку,
Дай Бог, чтоб издох,
Поставила бы свечку.
188. Я бывало распевала.
Как во саде соловей,
А теперь меня поймали —
Нету волюшки моей.
189. Воля девичья летела —
Я поймать ее хотела.
190. Как бы были легки крылышки —
Слетала бы домой;
Посмотрела бы в окошечко
У маменьки родной.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЧАСТУШКИ

*(рекрутские, солдатчина, деревня и власть, войны, не-
устройство и другое)*

191. Женют, женют нас молодчиков
Во нынешнем году,
Дадут, дадут по невесте,
По казенному ружью,
Вдоль бока — острый штык,
На головушку — башлык¹.

¹ Башлык — суконый головной убор, широкий капюшон.

192. Нынче призыв, завтра к ставке¹,
Двадцать первого — к отправке.
193. Тятя, тятя, тятя мой,
Сядь на лавочку со мной,
Я теперь стал не твой —
Не косец я луговой,
Я не пахарь полевой.
194. Скоро, скоро, шесть недель,
Уедет серая шинель,
Шапочка военная —
Останусь плакать, бедная.
195. Как Смоленская² дорога
Вся слезами улита,
Потому она улита,
По ней ходят некрута³.
196. Снеги пали, снеги пали,
Напали, растаяли,
Залетку⁴ сдали, записали,
Меня здесь оставили.
197. Милый, в армию поедешь,
Примечай, кака вода:
Это я слезой наполнила
Крутые берега.
198. Слышу, девчоночка, невзгодушку,
Вздымается война —
Угонят милого в солдатушки,
Останусь я одна.
199. Гуси-лебеди крылаты,
Сдали шурочку⁵ в солдаты,
Полетели — крякали,
По шурке девки плакали.

¹ *Ставка* — рекрутский набор.

² *В других местных вариантах*: Старица, ко Крестцам и проч.

³ *Некрут* — рекрут, рекрутируемый, забираемый в солдаты.

⁴ *Залётка* — милый, ухажер.

⁵ *Шурочка* — любимый, милый.

200. Милый мой, моя утеха,
Я любила, ты уехал,
Ты уехал воевать,
Меня оставил горевать.
201. Что-то бело прилетело,
На мое окошко село —
Белая касаточка.
Осталась я солдаточка.
202. У салдатах жить — мученья,
Салдат гонют на ученья.
203. Ах, ты, матушка родима,
Лучше б камушком родила,
Бросила бы в морюшко,
Не знал бы мальчик горюшка.
204. — Свейся, миленький, клубочком,
Прилети-ка голубочком.
— Рад бы, милая моя,
Солдату воля не своя.
205. Пурга-вьюга, пурга-вьюга,
Пурга-вьюга и метель,
Развевает пурга-вьюга
На залеточке шинель.
206. Пойдем же, братцы, за границу,
Хоти турочек побьем —
Мы за матушку царицу
И за весь за царский род.
207. Девоньки, война, война —
На нас идет Германия,
С нею идет Австрия —
Для нас неопасная.
208. В Петербурге зазвонили —
Звон раздался по Неве,
В это времечко убили
Дорогого на войне.
209. Ой, какие круты горы,
Крутые, карпатские,
Походили по вас, горы,
Ноженьки солдатские.

210. Эх, яблочко,
Все червивое,
Слово царское — вода,
Сроду лживое.
211. Эх, яблочко,
Да нежеланное,
А буржуйная речь —
Вся обманная.
212. Эх, яблочко,
Милкой подано,
Генералами Россия
Давно продана.
213. Эх, яблочко,
Покатилось,
А кадетская власть
Повалилася.
214. Эх, яблочко,
Куда котишься?
В ЧеКа попадешь —
Не воротисься.
215. Купи, маменька, на платье,
Постарайся — кумачу,
У дроли красная рубашка,
В один цвет я с ним хочю.
216. Пятилетка, пятилетка,
Пятилетка, девушки,
Из-за этой пятилетки
Не видать беседушки¹.
217. Ой, калина-малина,
Закружило Сталина,
Закружило-повело
Все шибановско село.
Самовариха-вдова,
Тоже — кругом голова².

¹ *Беседушка, беседа* — вечеринка.

² Отклик на статью И.В. Сталина «Головокружение от успехов» (1930).

218. Женихи ольховские
Все они таковские,
Девки в положение —
Головокружение.
219. Ой, спасибо Сталину,
Станем жить по-старому,
Ишо бы Рыкова спросить —
Молоко бы не носить¹.
220. Председатель — на трубе,
Счетовод — на крыше,
Председатель говорит:
— Я тебя повыше.
221. Председатель блины пек,
Счетовод подмазывал,
Кладовщик об этом знал,
Никому не сказывал.
222. Повезли на Соловки²,
Море засинелось.
Холостому, молодому
Ехать не хотелось.
223. Не ругай меня, мамаша,
Что в читальню я хожу:
Не зря время убиваю —
За политикой слежу.
224. Тятка гонит самогон —
Чтоб залить кручину,
Сын добрался до икон —
Щиплет на лучину.
225. Рассчитай меня, контора,
Много денег за тобой.
Дай на первый раз пятерку,
Остальное — черт с тобой!

¹ О налоге сдавать государству молоко. А.И. Рыков (1881—1938) — председатель Совнаркома и Совета труда и обороны СССР в 1924—1930 гг.

² В 20—30-е годы место ссылки и заключения.

226. Я залетку проводила
В Красну армию служить,
Хоть два года не неделька —
Не могу его забыть.
227. Через Бию, через Бию¹
Отправляется паром,
На войну матаней плавят,
Мы по берегу ревём.
228. Получила письмецо
Военное, без марочки.
Милый карточку прислал,
Покажу товарочке.
229. Черна туча, черна туча,
Черна туча тучится,
От фашистов-палачей
Вся Европа мучится.
230. Сколько ветер ни буйнит,
Волга все течет на юг,
Сколько Гитлер ни воюет,
Все равно ему каюк.
231. Ой, бей боты,
Добивай боты:
Командир роты
Еще купит боты.
232. Когда кончится война,
Пойдут ребята ротами,
Я залетку своего
Встречу за воротами.
233. Вот окончилась война
Я осталася одна,
Я и лошадь, я и бык,
Я и баба, и мужик.
234. Не одна я на полоске,
Не одна на полосе,
Не одна я овдовела,
Овдовели нынче все.

¹ *Бія* — река на Алтае.

235. Эх, надоели мне бараки,
Надоели коечки,
А еще мне надоели
Лесозаготовочки.

236. Горя много, горя много,
Горе некуда девать,
Завяжу горе в платочек,
Буду песни припевать.

ШУТОЧНЫЕ ЧАСТУШКИ

(мнимый испуг, хитрость, манеры, болтливость, нарочитое страдание, наряды, сватовство, охота жениться, выйти замуж, свидания, кисет, платок, неумение, старики, небылицы, нескладухи и проч.)

237. Мы с миленочком гуляли
Возле нашего пруда,
Нас лягушки напугали —
Не пойдешь больше туда.

238. Встань-ка, маменька, поутру,
Обойди вокруг двора,
Есть протоптана тропинка —
Не подумай на меня.

239. На дворе по лужку
Бегают утята,
А я с печки босиком:
Думала — ребята!

240. У милова поговорка
«Ничего подобно».
Где же мне его любить
Такова благородно!?

241. Ветер дуё, ветер дуё —
Ветерочка не унять.
Говори, милый, пореже —
Мне словечка не понять.

242. Я по радио влюбился,
И по радио женился,
И по радио у нас
Октябрина родилась.

243. Побежишь, милый, топиться,
Ты зайди ко мне проститься,
Я до речки провожу,
Глубже место укажу.
244. — До чего ты довела —
Стал я тоньше ковьяля!
— Что ты шутишь, что ты шутишь,
Ковылиночка моя!
245. Погоди, милой, жениться,
Походи по улице:
Еще перина не готова —
Перышки на курице.
246. — Дорогой, куда идешь?
— Дорогая, по воду.
— Дорогой, не простудись
Да по такому холоду.
247. — Дорогой, куда идешь?
— Дорогая, в лавочку.
— Дорогой, не позабудь
Купить помады баночку.
248. Черт те знат¹, как я страдаю,
Черт те знат, как я люблю,
День и ночь, как свечка, таю,
По ночам никак не сплю.
249. Приезжали меня сватать
С позолоченной дугой,
Пока пудрилась, румянилась,
Уехали к другой.
250. Скоро я хозяйкой стану
У милого в дому:
Будут ужинать садиться
По приказу моему.
251. Жени-ка, тятенька, скорее,
На которой я хочу,
Если сей зимы не женишь,
Печку на бок сворочу.

¹ Те знат — тебя знает.

252. Ну, какая это статья,
Ведро на гору таскать?
Я пойду замуж туда,
Где под окошечком вода.
253. У меня на сарафане
Косолапы петухи,
Я сама не косолапа,
Косолапы женихи.
254. Полюбила двух Иванов,
Еще третьего — Петра,
За Иванов бранит мама,
За Петра бранит сестра.
255. Яблочко,
Куда котишься?
Ай, маменька,
Замуж хочется.
256. Посмотрела на часы —
Пять минут девятого!
Отвернулась и сказала:
— Долго нет проклятого!
257. — Милашка, лебедь белая,
Куда с ведерком бегала?
— Милый мой, не за тобой,
На колодец за водой.
258. — Миленький, не стучайся,
Хорошенький, не брякайся,
Под среднее окно
Тихонько поцарапайся.
259. Мимо милкиных окошек
Втихомолку не пройду:
Либо стукну, либо брякну,
Либо песенку спою.
260. Шила милому кисет,
Пока мамы дома нет,
Маменька за скобочку,
Кисетик я — в коробочку.

261. Шила милому кисет —
Вышла рукавица,
Меня милый похвалил:
— Эка мастерица!
262. Я платочек вышивала
Петухами, утками.
Я миленка ожидала
Часами, минутками.
263. Подарила я платочек,
А он спрашивает другой:
— У меня не кооперация,
Залетка дорогой.
264. Маменька ругается:
— Куда платки деваются! —
Того не догадается,
Что милый утирается.
265. Ктой-то, ктой-то к нам идет,
В горку поднимается,
Моим беленьким платочком,
Идет, утирается.
266. Карман ваты,
Муки куль,
Тина, тина,
Гуль, гуль, гуль!
267. Уж, как топну я,
Проломись, доска!
Проломись, доска,
Провались, тоска!
268. Ах, вы лапти мои,
Да лапоточки мои,
Разносились — не спросились,
Растоптались — не сказались.
269. Ох, вы кашнички¹,
Неудашнички.
Пироги не допеку,
За ребятам² побегу.

¹ *Кашнички* — пироги с кашей.

² За ребятами.

270. Чай пила,
Самоварничала,
Всю посуду перебила —
Накухарничала.
271. Дорогой и дорогая,
Дорогие оба¹,
Дорогая дорогого
Довела до гроба².
272. Я сидела на диване,
Вышивала платок Ване
Петухами, курами,
Всякими фигурами.
273. На зеленом лугу
Стояла чашка творогу,
Прилетели две тетери,
Поклевали — улетели.
274. Мишкина мать
Собиралась помирать,
Ей гроб тесать,
А она плясать!
275. Пошла плясать присядку,
Полюбила Васятку,
А теперь Васятку —
Под левую пятку.
276. Пошла плясать³ —
Дома нечего кусать!
Сухари да корки,
На ногах опорки.
277. Ходи, хата, ходи, печь,
Хозяюшке негде лечь.
278. Из колодца вода льется,
Надо мной милый смеется.

¹ *Вариант:* оба два.

² *Вариант:* до гроба, да.

³ *Вариант:* Пошла бы плясать.

279. Ах, ай, айда айдовая,
Сладкая, медовая,
Сладкий сахар, сладкий мед,
Слаще нет, как обоймет.

280. Подою я, подою
Черную коровушку:
Молочко — теленочку,
Сливочки — миленочку.

281. Ходи, хата, ходи, хата,
Ходи, курица мохната,
Ходи, сени и порог,
И сметана, и творог.

282. Ой, топни, нога,
Не жалея сапога,
Тяжка новые сошьет
Или эти подошьет.

283. Гуляй, Матвей,
Не жалея лаптей,
Батька лыка надерет,
Лапти новые сплетет.

284. Аль засыпать, аль задать,
Аль разуться — дробь дать?
Засыпала, задала,
Разулася, дробь дала.

285. В те края похожено,
Крыжовнику поношено,
Вишенья повижено¹,
С забавочкой² посижено.

286. Я за то люблю Ивана,
Что головушка убрана³,
Лицо бело, румянó,
Разговариват⁴ умно.

¹ *Пови́жено* — от «видеть» («повидать»), в говоре страдательная форма причастия прошедшего времени.

² *Забáвочка* — милый.

³ *Убрáна* — причесаны волосы.

⁴ Разговаривает.

287. Ох, кошка, брысь!
На порог не садись,
А то милый пойдет,
Спотыкнется — упадет.
288. Через пень, через плетень,
Через пять проточин¹
До залетки² летел —
Торопился очень.
289. Девушки-голубушки,
Писанные любушки —
Хиханьки да хаханьки,
Скачете, что махоньки.
290. Не ругай меня, мамаша,
Что сметану пролила.
Под окошком шел Алешка,
Я без памяти была.
291. В Шульгино³ пришли —
Мы им докажем!
Эти туфли стопчем —
Новые закажем.
292. Где мои золотые горы,
Где мои семнадцать лет?
Куда делись ухажеры —
То ли живы, то ли нет?
293. Кто бы, кто бы задавался
Красивый на личко,
Но не этот Шарик-Бобик,
Из трубы затычка?
294. Через быструю реку
Переплыла на махах⁴,
Полюбила гармониста —
Вся рубаха в петухах⁵.

¹ Проточина — ручей.

² Залётка — милая.

³ Дер. Шульгино в Одинцовском районе Московской области.

⁴ На махах — плыть «саженьками».

⁵ В петухах — украшена, расшита.

295. Супостатка перебила¹,
Перевысила рублем,
Мы пятерочку набавим —
Перебейку перебьем.
296. Ой, рублен табак
И не рублен табак!
Ходи, миленький, почаще,
Не бойся собак.
297. Ох, мать — плетию,
И отец — плетию!
Не дают постоять
У ворот с Петею.
298. Одна ножка топотит,
А другая не хотит,
А я тую растотую —
И друга закопотит².
299. Тына-тына — у Мартына,
Тына — у Мартынихи,
Собирали огурцы,
Ели у Данилихи.
300. Ой, чйчи бью,
Чйчи выбиваю!
Хотя юбка из куля,
Хожу, воображаю.
301. Все почаще, почаще,
Повежливее,
Помоложе, подороже,
Понадежливее.
302. Было три, было четыре,
Довела до одного,
Довертелась, докружилась —
И не стало никого.
303. Посылала меня мать
Загонять гусака,
А я вышла за ворота —
И давай плясака.

¹ *Переби́ла* — отбила милого.

² *Закопотит* — начнет топтать.

304. Поухаживал — дак мало,
Поухаживай ещё,
Пообманывал — дак мало,
Пообманывай ещё.
305. Все угоры, все угоры,
Все угоры да пески,
Никакого нет веселья —
Кроме горя да тоски.
306. Меня мама научила
Лен перемолачивать,
А я, дура, научилась
Дроби выколачивать.
307. Алеша, Алеша,
Алешенька,
Полюби меня, Алеша,
Я хорошенька.
308. Об-да, мало
Музыка играла,
Меня мама с рогачом¹
Бегала искала!
309. Шел деревней, девки спали,
Заиграл в гармошку — встали,
Встали, пробудилися,
Окна растворилися.
310. Хороша милая-та,
Хороша и эта-та,
Вот и эта, вот и та,
Не хуже той и эта-та!
311. Вы пляшите, мои туфли,
Вам не долго поплясать,
Выйду замуж — стану плакать,
Вам под лавочкой лежать.
312. Плясать пойду,
Головой трягну,
Своими серыми глазами
Завлекать начну.

¹ Рогач — ухват.

313. Прялку продам,
Веретешко продам,
Гармонь куплю —
Плясать пойду.
314. Ох, матаня, ты, матаня,
Я должна ему сказать,
Так меня он заматанил,
Что во век не разматать!
315. Миленькой
Да кудреватенькой,
Не зови меня Настюхой,
Зови Настенькой.
316. Я по лесу шла — лягушка квакала,
Дура я была — по мйлу плакала.
317. Песни петь — ноги кривые,
Плясать — голос не дает,
Я пошел бы к теще в гости,
Да не знаю, где живет.
318. Это что-то будет-то?
Больно рано будят-то,
По утру по холоду
Посылают по воду.
319. Рокотлива-та¹ свекровушка
За печкой, за трубой —
Зубы долги, нос кривой,
Сама притоптыват² ногой.
320. Ты не пой, не пой, не пой,
У тебя голос не такой,
Есть такое голосье —
Встает дыбом волосье!
321. Матка рыжа, батько рыжий,
Сам я рыжий, рыжу взял,
Вся семейка стала рыжа,
Рыжий поп нас повенчал.

¹ *Рокотли́ва-та* — от «рокотать», кричать, браниться.

² *Притоптыват* — притоптывает.

322. Запрягу я кошку в дрожки,
А котенка в тарантас,
Повезу свою милашку
Всем я людям на показ.
323. У меня милашка есть,
Срам по улице провесть:
Рот широкий до ушей,
Хоть завязочки пришей.
324. У меня дролечек-то шесть,
Все порядочные:
Два кривые, два косые,
Два припадочные.
325. Замяукал милой мой
У мого¹ окошка —
Мать подкралась да метлой, —
Думала, что кошка.
326. Мой миленок — как теленок,
Только разница одна:
Мой миленок пьет из чашки,
А теленок — из ведра.
327. На веселую беседу
Дроли не явились,
Они шли через болото,
Клюквой подавились.
328. В нашей маленькой деревне
Два колодца рядом.
Отчего все девки рябы?
Их побил градом.
329. Если хочешь любовь бросить,
Поезжай на станцию,
Положи любовь в багаж,
Потеряй квитанцию.
330. Все пришли, все пришли,
Все на лавки сели,
А моёго да твоёго,
Видно, кошки съели.

¹ У моего.

331. Две старухи без зубов
Толковали про любовь:
Мы с тобою влюблены:
Ты — в кисель, а я — в блины.
332. Мою милашку звать Наташкой,
Рукодельная была:
В решето коров доила,
Топором овец стригла.
333. Про меня люди сказали,
Говорят, что я дурак,
Черно-пеструю корову
Вместо лошади запряг.
334. Едет милый по базару,
Едет, улыбается:
Оказалось, зубы вставил,
Рот не закрывается.
335. У м'ня милка по хозяйству
Очень беспокоится,
Три часа козла доила,
А козел не доится.
336. У мово миленка
Плохая кобыленка:
Она стала у горы,
Её заели комары.
337. Вологодская корова
Забодала паровоз.
Ну, кому какое дело —
Я щекотки не боюсь.
338. Сяду я на огород,
Вези меня, машинушка!
Машина свистнула, пошла,
Поцелуй, дроля, кирпич.
339. Сапоги сшил из рубашки,
А рубашку из сапог,
Дом поставил из опилок,
Вышел славненький домок.

340. У кого какой миленок,
У меня ремесленный:
Отдала ботинки шить,
Сшил бурак¹ берестяный.
341. Я сидела у окошка,
Ехал милый мой на кошке,
Стал к окошку подъезжать,
Не мог кошку удержать.
342. Вы послушайте, ребята,
Нескладуху вам спою:
Летит бык на эроплане,
Ногу свесил, воду пьет.
343. Я с высокого забора
Прямо в воду упаду,
Ну, кому какое дело,
Куда брызги полетят.
344. Сидит заяц на березе
При калошах, при часах,
Я спросила: — Сколько время?
Неженатый, холостой.
345. Сапоги мои с карманом,
А жилетка с каблуком,
Что-то мельница не мелет,
Видно, холодно рукам.

Анекдоты

В современном фольклоре анекдот едва ли не самый распространенный вид творчества. Как жанр он остается мало изученным, чему причиной, помимо разных других, отсутствие точных записей, хотя нет недостатка в публикациях в форме газетных, журнальных подборок, множества серийных брошюр и массовых сборников для чтения на досуге.

¹ *Бура́к* — сосуд из бересты круглой формы.

Многообразна жанровая форма анекдотов: помимо остроумных историй небольшого повествовательного типа существуют анекдоты в форме предельно кратких суждений — это острословие, основанное на игре слов, на парадоксальном сближении несовместимых понятий и явлений. Соответственно, изменчива и речевая функция анекдота — от подтверждения какого-либо общего суждения в виде истории до иронии по поводу частности, но такой, которая устраняет серьезную трактовку предмета речи в целом. Общее свойство анекдотов в любой форме — осуждение алогизма быта и людских действий посредством доведения их до крайних форм, через перевод ситуации в область невероятного, при котором неразумность и глупость становятся очевидными. Ирония, как правило, становится ясной лишь в конце, поражая эффектом неожиданности.

Острословие в виде небольших остроумных рассказов существует с самых отдаленных времен. Как отдельный вид творчества анекдот в фольклоре возникал при сокращении объема комических устных рассказов и сказок, через их преобразование и приспособление к нуждам устной речи. Образцы смешанной формы анекдота и сказки-новеллы представлены в немногих записях. В нынешнем речевом обиходе, сохраняя свои коренные свойства, анекдот включил в себя многочисленные аллюзии, ассоциации и прямые отклики на явления современного быта, политической жизни. Обильны в современных анекдотах упоминания литературных персонажей, героев фильмов. Все они живут в новой для себя роли, с иными характерными чертами. Таковы Чапаев, его ординарец Петька, Буратино, Чебурашка, Крокодил Гена и др. Получили распространение и прямые заимствования из американского, африканского фольклора, из фольклора других стран и континентов. Какие заимствования сохраняются в отечественном фольклоре, покажет время.

Удачной классификации анекдотов не существует. В обиходе лишь их группировка по принадлежности к тематическим «циклам»: о чукче, Вовочке и др., но основной массив анекдотов остается за их пределами.

В разделе представлены образцы анекдотов, записанных в XIX — начале XX в.: такие анекдоты еще тесно связаны со сказками-новеллами и заметно отличаются от современных.

Пока нет научных сборников, приходится довольствоваться ненаучными записями. В подборку включены записи составителя хрестоматии.

1. Шут Балакирев

Жил мужицк¹ со своей жоной и всё прищуивал. Вышел на дорогу и поставил горошечек, и варит кашу. Вокруг ходит да па-лоцькой приговаривает:

— Кипи, кипи горшечек, не плесни²!

Подошло двенадцать целовек мастерóво народу к нему туды.

— Што вы варите?

— А варю кашу.

— А што бы нас накормил!

— Можно, говорит, садитесь!

Посадил их, зацял варить кашу и накормил их досыта двена-дцать целовек. Каши ешшо осталось.

Этот тут прославилсы.

Дошло дело до Петра Первого. Петр-от Первой его приказал³.

Когда Петр потужит, ён ево развеселит. Коды весел, ён ево притуманит⁴.

Сказал Петру Первому:

— Вы берите меня нацяльником хоть над мухами!

А Петр Первой сказал:

— Будь ты нацяльник над мухами!

Было у ево⁵ бал большой, собраны были енералы и князья. Пришёл и Петр Первой. Ён на одна енерала сердит был, больно сердит был.

Сделана была у ево (шута. — В.А.) шалапуга⁶, фунта три, такая. Вот ходит, значит, по горнице, выглядывает. Выглядывал, выглядывал, подвернулся под енерала, да по лысине хлоп шалапугой! И ён со стулом ковырнулсы.

Вот тут все закрицали:

— Што ты, што ты делаешь?

А шут ответил:

— Ах ты, стерва проклятая! На такое лицо не моги садитсы!

¹ Здесь и далее запись с учетом особенности местного говора.

² По смыслу: не перекипай!

³ *Приказать* — вызвать, приказал прибыть.

⁴ *Притуманить* — убавить веселья, озаботить и проч.

⁵ То есть у Петра.

⁶ *Шалапуга* — здесь: дубина.

Петр улыбнулся Первой, только ево отставил на время. И за это ему напротив нацяльника было совесно и приказал дать три лóзана¹, и за это подарил ему шубу енотовую.

Шут цезез несколько время с шубой идёт от государя. Попада-ется ему енерал навстречу. Шуба пондравиласе.

— Шут, говорит, отдай мне шубу!

— Купи! За што и я купил, за то и продам.

— Все равно, говорит, я отдам те же деньги, што и ты отдал!

— Когда возьмёшь за то, што и я дал, — дай мне росписку, а я тебе шубу отдам! — говорит.

А у шута была трость.

Ён дал росписку шуту, а шут снял шубу с плечь. Ну и спрашивает:

— За сколько же ён² мне отдал, за столько и я тебе отдам.

Снял шубу, развернулсы на онну рубашку — и этой тростью и как съездит по спине енерала! Он заревел дурным матом.

— Ой, подожди, ешшо два раза дам!

Он не поспел стать, ён ево ешшо раз ожуравил³.

Так и в третий раз.

Государю это было неприлишно: енерал пожаловалсы. Ён про-гнал ево с земли со своей:

— Штобы тебя не было на земле здесь на моей!

А шут взял лошадь и телегу, запряг и отправилсе во Швецию.

Съехал ко швецкому королю, называет ево:

— Отдайте мне земли, говорит, пудов десять!

Король ему сказал:

— Бери сколько угонно и так!

А шут ответил:

— Мне так не надо! — говорит.

Свисили десять пудов, и сделал купцюю крепость. Оклал земли в телегу и поехал домой.

Идет мимо царьского дворьца, Петр Первой увидел ево.

— Ты што, проказник, опять приехал на мою землю?! Штобы тебя не было!

А шут ответил ему:

— Врёшь, Петр Алексеевич! У меня своя земля привезена из Швеции! Вот погляди, где у меня купцяя крепость есть на ею!

Вынул, подал Петру Алексеевичу. Тот процитал и сказал:

— Поезжай домой, полно, проказник!

Он и живёт дома.

¹ Лозан — удар лозой, прутом. Петр приказал высечь Балакирева.

² То есть Петр.

³ Ожуравить — ударить.

2. Ваня и Ма́ха

Человек молодой ходил в лес, сидит за́ец, под зайца подошел, ружьё наладил зайца подстрелить и говорит:

— Шкуру продам, на шкуру женюсь, детей будет двоё, Ванька и Машка. Дети выростут и забалуют, я их буду унимать: «Ваня да Ма́ха, полноте баловать!»

Скрычал, заец и убежал.

3. Как звали?

Пришла баба, муж помер, к священнику.

— Похорони, батюшко.

Он приказал тащить в церковь.

Покойника принесли, священник стал у жены спрашивать:

— Как звали?

— Батюшко, в гори забыла, не помню, как и звали.

— Дак, подумай, бабка, не придёт-ле на ум.

— А, батюшко, Наум и был, Наум.

ИЗ НЕДАВНИХ И СОВРЕМЕННЫХ ЗАПИСЕЙ

4

Жена пришла к мужу на свидание в тюрьму. Посидела немного, говорит:

— Мне пора, милый. Я все время думаю, как тяжело нашей собачке целый день сидеть взаперти.

5

Жене разрешили свидание с мужем в тюрьме.

— Ты одна? — спросил осужденный.

— Я не смогла уговорить детей пойти к тебе. Дети предпочли зоопарк.

6

В вырезвителе раздается звонок. Пьяный голос спрашивает:

— Иванов сегодня не поступал?

— Петр Иванович?

— Он самый.

Дежурный листает журнал.

— Странно, почему-то сегодня нет.

— И не будет. Я сегодня дома бухаю¹.

¹ Буха́ть — пьянствовать, выпивать.

Пришел хозяин в свой сад, смотрит, а на яблоне соседский мальчишка сидит и яблоки собирает.

— А ну, слазь! — крикнул хозяин, — пойдем к отцу, я ему покажу, кого он воспитал...

Мальчик ему:

— Тише, дядя, чтобы папа не услышал. Он вон на той яблоне сидит.

Судят убийцу, который убил старушку с целью ограбления.

Судья:

— За что вы убили старушку? У нее в кошельке было только 20 копеек!

Убийца:

— Ну и что? А пять старушек — это уже рубль.

Посадил дед репку. А Репка вышел из тюрьмы и убил дедку.

10. Сообразил

Вовочка спрашивает у отца:

— Папа, что такое «горилка»?

— Так, сынок, на Украине водку называют.

— А вот и нет! Это — маленькая обезьянка.

11. Яблоко от яблони...

— Папа, что имела в виду наша учительница, когда сказала, что яблоко от яблони недалеко падает?

— Опять дрался на перемене, бандит!

12. Шея

Бабушка:

— Вовочка! Вымой шею. Придет тетя Вера.

— А если не придет, я так и буду ходить, как дурак, с мытой шеей?!

13. Писатель

Поступает чукча в Литературный институт. Экзаменатор спрашивает:

- Вы Толстого читали?
- Не-а! Чукча не читал, однако.
- А Шекспира читали?
- Не-а! Чукча не читал, однако.
- А Тургенева?
- Тоже не читал, однако.
- Так зачем вы сюда пришли? — удивился экзаменатор.
- Чукча хочет быть писателем, а не читателем.

14. Магазин «Принцип»

Чукча в Москве садится в такси, говорит шоферу:

— Магазин «Принцип»!

Шофер морщит лоб, пытается вспомнить:

- Простите, но такого магазина в Москве нет.
- Как же так? В поезде мне все говорили, что в Москве ничего нигде нету, но в «Принципе» купить можно все.

15. Приехали

Чукча едет в московском такси. Приехали.

Таксист говорит:

— Двести рублей.

Чукча подает сто.

— А почему сто? — спрашивает таксист.

— Как — почему? Ты ведь тоже ехал.

16. Не знаю

В чукотский поселок приезжает командированный. Видит старого чукчу, тот несет огромную рыбу.

— Простите, где здесь улица Оленеводов?

Чукча на минуту задумывается, потом дает рыбу приезжему:

— Подержи.

Широко разводит руками и говорит:

— Не знаю, однако.

17. Ушастенький

Волк пришел в роддом навестить волчицу.

- Где тут мой зубастенький?
- Не зубастенький, а ушастенький.
- Ну, заяц, погоди!..

18. На базаре

Стоит мужик на базаре. Петуха продает. К нему подходит покупатель:

- Почему продаешь?
- За 35 кусков отдам.
- Ого! А что так дорого-то? Племенной, что ли?
- Да нет, деньги до зарезу нужны!

19. Все на воскресник!

Бежит лиса и видит — на дереве сидит ворона и держит во рту кусок сыра. Остановилась лиса:

— Здравствуй, ворона! А ты не знаешь, что сегодня у нас в лесу субботник?

Ворона перекладывает сыр и говорит:

— А я была?
— Молодец, — говорит лиса. — А ты знаешь, что на завтра объявили воскресник?

— Ка-ак?! — взмахнула крыльями ворона...

20. Лягушка у фотографа

Пришла лягушка фотографироваться. Фотографу не понравился рот у лягушки, и он говорит:

— Скажи: бу-у-у-лочка с изюмом.

Лягушка молчит, фотограф опять:

— Скажи: бу-у-у-лочка с изюмом.

Лягушка:

— Кекс!

21. Под елью

Сидят под елью два мужика и пьют, а закусить нечем. Видят, на ветке ворона сидит и в клюве сыр держит. Думают, как бы у нее сыр выманить.

— Ворона, стакан есть?

— Нет, — отвечает, и сыр падает.

Закусили. Еще захотелось пить. Достают вторую бутылку. Смотрят, а ворона кусок колбасы держит.

— Ворона, стакан есть?

Молчит.

— Третьей будешь?

— Буду.

И колбаса упала.

Они закусили. Достают третью бутылку. А ворона с куском пирога сидит.

Один мужик говорит:

— Ворона, стакан есть?

Молчит.

— Эй, третьей будешь?

Опять молчит.

Второй говорит:

— Да оставь ты ее, не видишь, она уже пьяная.

Ворона:

— А ты мне наливал?

22. Кто о чем...

По двору бежит петух за курицей.

Курица:

— А не быстро ли я бегу?

Петух:

— Ну, не догоню, так согреюсь.

23. Неужели

В зоопарке на клетке слона написано, что он съедает 40 килограммов хлеба, 30 килограммов картошки, 50 килограммов капусты, 20 килограммов бананов...

Один посетитель спрашивает служащего:

— Неужели слон все это съест?

— Съесть-то, он съест, но кто ему *дать*?

24. Как заяц кондуктора надул

Заяц рассказал медведю:

— А я кондуктора надул!

— Как это?

— Купил билет, а в поезд взял да и не сел.

25. Попались

Пришли к Бабе-Яге русский и поляк. Вдруг прилетел Змей Горыныч. Баба-Яга взяла и превратила поляка в шкаф, а русского — в пепельницу.

Змей Горыныч сел, закурил и положил сигарету в пепельницу.

Русский закричал:

— Горим, горим!!!..

Поляк:

— Мебель, мебель выноси!

26. Доигрались

Залезли Чебурашка и Крокодил Гена на крышу, тут Чебурашка и говорит:

— Гена, а Гена, давай в лошадки поиграем!

Начали играть в лошадки, бегали по крыше, бегали. Гена споткнулся и полетел вниз. Чебурашка смотрит вслед и думает: «Больше в лошадки не играем. Гена, кажется, копыта отбросил!»

27. На охоте

Василий Иванович с Петькой пошли на охоту. Видят: утки летят. Василий Иванович — бах, бах, бах. Все — мимо.

Петька:

— Ну, Василий Иванович, молодец! Все в цель: помирать полетели...

28. Музыковеды

Василий Иванович и Петька пошли в разведку. Долго ползли полем. Вдруг увидели избушку. Из нее доносится музыка.

— Глинка, — Сказал Василий Иванович.

— Какая глинка, второй час по навозу ползем, — проворчал Петька.

29. «Белые»

Прибегает Петька:

— Василии Иванович! Белые в лесу!

Василий Иванович задумчиво:

— Не время, Петька, сейчас по грибы ходить...

30. «Бабыё»

- Посылали Петьку во Францию учить язык.
Вернулся — Василий Иванович спрашивает:
— Выучил?
— Ага.
Ну, как по-французски «человек»?
— Ом.
— А «баба»?
— Фам.
— А «бабы»?
— Дак — «бабыё»!

31. Прыжок

- Василий Иваныч и Петька прыгнули с парашютом. Петька кричит:
— Василь Иваныч, раскрывай парашют: километр остался!
— Погодим, Петька!
Петька опять кричит:
— Пятьсот метров осталось! Раскрывай!
— Погоди!
— Двести метров осталось!
Молчит.
— Сто!
Ничего не отвечает.
— Десять!!
Ни слова!
— Три метра, Василь Иваныч!!!
— Ты что, Петька, с трех метров с сарая не прыгал?!

32. На кольцевой

Штирлиц ехал на машине. На обочине голосовал Мюллер. Штирлиц проехал мимо. Едет — снова увидел: на обочине голосует Мюллер. Когда в третий раз увидел Мюллера, Штирлиц подумал: «Кольцевая».

«Издевается», — подумал Мюллер.

33. Предупреждение

Мюллер звонит Штирлицу:

— Штандартенфюрер Штирлиц! Если вы еще хоть раз будете резать на секретных бумагах колбасу, я вам не позволю брать документы из моего сейфа!

34. Пчела

Пчела залетела в кабинет Брежнева и начала кружить вокруг его золотых звезд. Тот отмахнулся.

— Лети к Жукову, у него четыре звезды.

Пчела:

— Так у него звезды порохом пахнут, а у тебя — липой.

35. Что за порядки?!

Заходит медведь в ресторан. Сел за столик, ждет полчаса, час — не обслуживают.

Смотрит — явился заяц, сел за столик. К нему сразу несколько официантов подбежали и вмиг обслужили. Медведь взревел:

— Позвать сюда директора!

Пришел директор. Медведь рычит:

— Я целый час сижу — не обслуживают, а заяц только пришел — и сразу ему все несут. Это что за порядки?

— А твоя как фамилия?

— Топтыгин!

— А зайца — Косыгин!

36. «Выведи козла!»

Встретились приятели:

— Как живешь?

— Плохо.

— Что так?

— Тесно.

— А ты заведи козла.

Прошло время — снова встретились:

— Как живешь?

— Ой, плохо.

— А ты выведи козла.

Ушел приятель. Послушался друг совета — вывел козла.

Встретились опять.

— Ну, как живешь?

— Хорошо: козла вывел!

37. Спор

Заспорил русский с иностранцем, что крепче — водка или виски, брэнди. Стали пить. Сначала по стакану виски. Действует!

Потом — еще по стакану брэнди. Подействовало еще сильнее.

— Ну, а теперь выпьем водки.

Налили — выпили. Обоих развезло.

Водка крепче.

38. Команда

Старшина — курсанту:

— От меня до следующего столба ша-агом аарш!

39. «Кума не курит!»

Кум кума звал в гости:

— Приходи!

Пришел кум. Сидят — говорят.

Видит гость, что угощать не собираются. Встал — стал прощаться. Хозяин говорит:

— Приходи опять, с кумой!

— Кума не курит!

40. «А вы что хотите?»

Подает официант бифштекс, а из блюда торчит тряпка.

— Что за безобразие!

— А вы что хотите? Чтобы это был бархат?

41. «Вентилятор забыли выключить!»

Вошел врач в больничную палату, а дистрофики летают под потолком:

— Здоровы, орлы!

— Какие мы орлы? Вентилятор забыли выключить!

42. Почему закрыли «Армянское радио»?

— Почему?

— Потому что не ответило на два вопроса: «Отчего заводятся клопы?» и «Куда деваются деньги?»

43. «Душа меру знает»

Встретились на Эльбе русский капитан и американский майор. Выпили. И заспорили: кто кого перепьет?

Пили, пили.

Русский говорит американцу:

— Всё! Больше не пью! Твоя взяла.
Разошлись. Ушли — каждый к себе.
Среди ночи сержант разбудил капитана, русского, и говорит:
— А майор-то, американец, помер!
— Ну и ну! — сказал капитан. — Всегда говорю: «Душа меру знает».

Примечания

НАРОДНАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ (МИФЫ)

1. Домовой. *В.И. Даль*. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. // *Даль В.И.* Полн. собр. соч., в десяти томах. Т. 10. СПб.; М., 1898. С. 299—305.
2. Водяной // *Там же*. С. 336—337.
3. Оборотень. // *Там же*. С. 340—341.
4. Русалка // *Там же*. С. 342—344.
5. Ведьма // *Там же*. С. 345—349.
6. Черти-дьяволы (бесы) // *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб. Этнографическое бюро князя В.Н. Тенишева. 1903. С. 3—29.
7. Баенник // *Там же*. С. 49—55.
8. Овинник (гуменник). // *Там же*. С. 56—60.
9. Леший // *Там же*. С. 68—77.
10. Колдун-чародей. // *Там же*. С. 109—132.
11. Ведьма // *Там же*. С. 133—140.
12. Знахари-шептуны // *Там же*. С. 175—183.

ТРУДОВЫЕ (РАБОЧИЕ) ПЕСНИ

1. *Банин А.А.* Трудовые артельные песни и припевки. М., 1971. № 9. Далее: *Банин*.
2. *Там же*. № 1.
3. *Там же*. № 26.
4. *Там же*. № 123.
5. *Там же*. № 150.
6. *Там же*. № 78.
7. *Там же*. № 130.
8. *Там же*. № 131.
9. *Там же*. № 136.
10. *Соболевский А. И.* Великорусские народные песни. СПб., 1900. Т. VI. № 568. Запис. в Новгородской губ., Новгородском уезде. «Поется рабочими на сенных барках». После каждого куплета повторяется припев: первые пять стихов.
11. *Банин*. № 113.

ЗАГОВОРЫ

1. *Майков Л.Н.* Великорусские заклинания — печатается в редакции сборника, переизданного в 1994 г. (первое издание — СПб., 1869). № 277. Запис. в Южной Сибири. Первоначальная публикация С.И. Гуляева (1848). Отсылки в сокращении: *Майков* (с указанием номера).

2. *Майков.* № 360. Записано в с. Канава, Симбирская губ.

3. Русские заговоры и заклинания. Изд-во МГУ., 1996. № 932. Запис. в дер. Петрухино, Верхнетоемский район, Архангельская обл. в 1969 г. Далее указание на источник дано в сокращении: *Русские заговоры и заклинания* (с указанием номера).

4. *Русские заговоры и заклинания.* № 1004. Запис. в дер. Малое Коново, Каргопольский район, Архангельская обл. в 1963 г.

5. *Русские заговоры и заклинания.* № 1027. Запис. в с. Чёлмохта, Холмогорский район, Архангельская обл. в 1969 г.

6. *Майков.* № 286. Шенкурский уезд, Архангельская губ. Первоначальная публикация в 1847 г.

7. *Русские заговоры и заклинания.* № 1367. Запис. в 1991 г. в дер. Комлево, Котельнический район, Кировская обл.

8. *Майков.* № 291. Запис. в Череповецком уезде Новгородской губ.

9. *Майков.* № 297. Из старинной рукописи: первоначальная публикация в 1866 г.

10. *Майков.* № 310. Запис. в Шенкурском уезде Архангельской губ. Первоначальная публикация в 1847 г.

11. *Майков.* № 324. Запис. в Енисейском окр. Первоначальная публикация в 1865 г.

12. *Майков.* № 97. Запис. в Приаргунском крае Забайкальской обл. Первоначальная публикация в 1860 г.

13. *Майков.* № 95. Запис. в Туренском погосте, Валдайском уезде Новгородской губ.

14. *Майков.* № 120. Запис. в Южной Сибири. Первоначальная публикация С.И. Гуляева (1848).

15. *Майков.* № 69. Из рукописи, найденной в Шенкурске. Первоначальная публикация в 1866 г.

16. *Майков.* № 227. Запис. в Архангельской губ. Первоначальная публикация в 1864 г.

17. *Майков.* № 230. Запис. в Архангельской губ. Первоначальная публикация в 1864 г.

18. *Майков.* № 14. Запис. в Южной Сибири. Первоначальная публикация С.И. Гуляева (1848).

19. *Майков.* № 17. Запис. в Троицком уезде Оренбургской губ.

20. *Майков.* № 39. Запис. в Южной Сибири. Первоначальная публикация С.И. Гуляева (1848).

21. *Майков.* № 32. Запис. в Симбирской губ.

22. *Виноградов Н.* Заговоры, обереги, спасительные молитвы и пр. // «Живая старина», 1908. Вып. 4. С. 73.

23. *Майков.* № 258. Запис. в Симбирской губ.

24. *Майков*. № 336. Из Лечебника XVII в.
25. *Русские заговоры и заклинания*. № 2396. Запис. в дер. Рубцово, Каргопольском районе Архангельской обл. в 1962 г.
26. *Русские заговоры и заклинания*. № 2398. Запис. в дер. Рубцово, Каргопольском районе Архангельск. обл. в 1962 г.
27. *Майков*. № 342. Запис. в Симбирской губ.

КАЛЕНДАРНЫЙ ФОЛЬКЛОР

Встреча года

Колядки и поздравления

1. *Шейн П.В.* Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т.п. СПб., 1900. Т. 1. Вып. 1. № 1030. Далее — сокращенная отсылка: *Шейн. Великорус*. (с указанием номера).
2. *Там же*. № 1032. Тверь.
3. Сказки и песни Белозерского края. Сборник *Б.М. и Ю.М. Соколовых*. СПб., 1999 (в двух книгах). Кн. 2. С. 329 (первое издание. М., 1915). Далее: *Сказки и песни Белозерского края*.
4. *Традиционный фольклор Новгородской области* (по записям 1963—1976 гг.) / Под ред. В.Г. Базанова, А.А. Горелова, А.Д. Соймонова. Л., 1979. № 286. Запис. в Валдайском районе Новгородской обл.
5. *Шейн*. Великорус. Вып. 1. № 1040.
6. *Снегирев И.М.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 1—4. М., 1837—1839. Вып. 2. С.111.
7. *Смирнов М.И.* Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде (Владимирской губернии) по этнографическим наблюдениям // Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведческого музея. Вып. 1. Старый быт и хозяйство Переславской деревни. Переславль-Залесский, 1927. С. 15.
8. *Песни Печоры*. М.; Л., 1963. № 126.
9. *Чичеров В.И.* Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков. М., 1957. С. 127. Запис. в Московской обл.
10. *Календарно-обрядовая поэзия сибиряков*. Сост., вступ. статья и примеч. Ф.Ф.Болонева, М.Н. Мельникова. Новосибирск, 1981. № 119. Запис. в Новосибирской обл. в 1973 г.
11. *Там же*. № 121. Запис. в Новосибирской обл. в 1976 г.
12. *Курские народные песни*. Сост. П. Бульбанюк, П. Лебедев. Курск, 1962. № 5.

Святочные обыкновения и гадания

1. *Смирнов В.И.* Народные гаданья в Костромском крае // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 41. IV этнографический сборник. Кострома, 1927. № 8. Вся подборка святочных гаданий приводится в редакции антологии: *Жекулина В.И., Розов А.Н.* Обрядовая поэзия. М., 1989. С. 119—141.
2. *Там же*. № 16.

3. *Лазарев А.И.* Уральские посиделки. Челябинск., 1977. С. 68. Запис. в 20-е годы XX в.

4. *Зимин М.М.* Ковернинский край. Наблюдения и записи // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1920. Вып. 17. С. 29.

5. *Можаровский А.* Святочные песни, игры и гадания Казанской губернии. Казань, 1873. С. 99.

6. *Смирнов В.И.* Народные гаданья в Костромском крае. № 277.

7. Новые поступления в фольклорный архив. 1976—1982. Календарные обряды. Ч. 1. Сост. К.Е. Корепова. Горький, 1982. С. 27.

8. *Авдеева Е.А.* Записки и замечания о Сибири. М., 1837. С. 63.

9. *Смирнов В.И.* Народные гаданья в Костромском крае. № 19.

10. *Там же.* № 368.

11. *Там же.* № 20.

12. *Смирнов В.И.* Народные гаданья в Костромском крае. № 397.

13. *Терещенко А.В.* Быт русского народа. Ч. VI и VII. М.: «Русская книга», 1999. С. 210—214.

Подблюдные песни

14. Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / Сост. *Г.Г. Шаповалова, Л.С. Лаврентьева.* Л., 1985. С. 12. Помета: *к богатству.*

15. *Жекулина В.И., Розов А.Н.* Обрядовая поэзия. № 83. Первоначальная публикация А.М. Мехнецова, 1985. Записано в Белозерье. *К урожаю.*

16. *Там же.* № 84. Из архива ИРЛИ. Запис. в Смоленской обл. в 1979 г. Помета: *к урожаю.*

17. *Сахаров И.П.* Сказания русского народа. Т. I. Кн. 3. № 4. *К заму- жеству.*

18. Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Вып. I. М., 1911. № 1059. С. 293. *К богатству.*

19. *Шейн Т.И.* Вып. 1. № 1105. Записано в Тульской губ. *К богат- ству.* Ср. № 21.

20. *Жекулина В.И., Розов А.Н.* Обрядовая поэзия. № 123. Из песен- ника 1799 г. Ср. № 21.

21. *Пушкин А.С.* Евгений Онегин. Гл. V. Строфа VIII и прим.

22. *Жекулина В.И., Розов А.Н.* Обрядовая поэзия. № 101. Помещена в разделе песен к счастью и богатству. Первоначальная публикация А.М. Мехнецова (1985). Запис. в Вологодской обл. в 1979 году.

23. *Жекулина В.И., Розов А.Н.* Обрядовая поэзия. № 105. Припев по- сле каждого стиха. Из журнальной публикации «И то и сё» за 1769 г.

24. *Семевский М.И.* Торопец // Записки Русского географического об- щества. 1864. Кн. 1—2. № 38. Запис. в Тверской губ. Толкование ясное: *к свадьбе.*

25. *Сказки и песни Белозерского края.* Кн. 2. № 357.

26. *Семевский М.И.* Торопец // Записки Русского географического об- щества. 1864. Кн. 1—2. № 42. Записано в Тверской губ. *К свадьбе.*

27. *Жекулина В.И., Розов А.Н.* Обрядовая поэзия. № 121. Припев после каждого стиха. Из журнальной публикации «И то и сё» за 1769 г.

28. *Там же.* № 124. Припев после каждого стиха. Из той же журнальной публикации за 1769 г.

29. *Поэзия крестьянских праздников.* Вступ. статья, состав., подготовка текста и примеч. И.И. Земцовского. Л., 1970. № 268. Первоначальная публикация И.В. Некрасова и Ф.М. Истомина (1903). Запис. в Тульской губ. В разных местностях толкование разное: *к замужеству, отъезду, смерти, солдатчине.*

30. *Лазарев А.И.* Уральские посиделки. Челябинск, 1977. С. 73. Запис. в 20-е годы XX в. Помета: *к безбрачию.*

31. *Жекулина В.И., Розов А.Н.* Обрядовая поэзия. № 142. Припев «Да кому мы спели...» после каждого стиха. Из журнальной публикации «И то и сё» за 1769 г.

32. *Васнецов А.* Песни северо-восточной России. М., 1894. С. 245. Запис. в Вятской губ. Припев «Слава» после каждого стиха. Толкование: *к несчастью.*

33. *Поэзия крестьянских праздников.* № 304. Запис. в Костромской обл. в 1959 г. Помета: *к смерти.*

Масленица

1. *Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым.* М., 1989. С. 328—334.

2. *Шейн.* Великорус. С. 333. Сообщено из Калужской губ., Калужского уезда, с. Песочна.

3. *Там же.* № 1170. Запис. П.В. Шейном «от старой няни господ Севемских» (Псковская губ., Великолуцкий уезд, с. Федорцево).

4. *Там же.* № 1171. Запис. П.В. Шейном от нее и там же.

5. *Зернова А.Б.* Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае // «Советская этнография», 1932, № 3. С. 18. Запис. в Московском обл.

6. *Календарно-обрядовая поэзия сибиряков.* Сост., вступ. статья и примечания Ф.Ф. Болонева, М.Н. Мельникова. Новосибирск, 1981. № 277. Запис. в Новосибирской обл. в 1973 г.

7. *Поэзия крестьянских праздников.* № 354. Запис. в Вятской губ. в 1927 г. Пели во время катания с гор.

8. *Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979. С. 64. Запис. в Калужской обл. Из архива кафедры фольклора МГУ.

9. *Шейн.* Великорус. № 1173. Запис. в Курской губ. Исполнялась при провах Масленицы.

10. *Календарно-обрядовая поэзия сибиряков.* № 330. Запис. в Новосибирской обл. в 1976 г.

11. *Жекулина В.И., Розов А.Н.* Обрядовая поэзия. № 291. Запис. в Псковской губ.

12. *Там же*. № 294. Первоначальная публикация: Русские народные песни Прикамья. Запис. Ф.В. Пономарева. Сост., обработка текстов, нотная запись, вступит. статья и примечания С.И. Пушкиной. Пермь, 1982.

Кликание весны *Веснянки*

1. *Красноженова М.В.* Из народных обычаев крестьян деревни Покровки (Томской губернии) // Известия Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. Т. 2. Вып. 6. Красноярск, 1914. № 8.

2. *Поэзия крестьянских праздников*. № 408. Запис. в Смоленской обл.

3. *Шейн*. Великорус. № 1178. Запис. в Смоленской губ.

4. *Якушкин П.И.* Сочинения. М., 1886. С. 440. Запис. в середине XIX в.

5. *Шейн*. Великорус. № 1175. Запис. в Курской губ.

6. *Поэзия крестьянских праздников*. № 415. Первоначальная публикация — в 1889 г. в Оренбургской губ.

7. *Там же*. № 420. Опущены четыре последние стиха, несомненное заимствование из необрядового фольклора.

8. *Там же*. № 426. Из рукописных материалов Центрального музея народов СССР (Москва). Опущены первые четыре стиха.

9. *Красноженова М.В.* Из народных обычаев крестьян дер. Покровки (Томской губернии). С. 72. Пели трижды.

10. *Шейн*. Великорус. № 1181.

Средокрестная среда

1. *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 382.

2. *Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. С. 96. Запис. в Костромской обл., Макарьевском районе в 1959 г. Из архива Института русской литературы Академии наук.

Вербное воскресенье

1. *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 382—383.

2. Русский фольклор в Латвии. Песни, обряды и детский фольклор. Составитель И.Д. Фридрих. Рига, 1972. № 25.

Великий Четверг

1. *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 389—391, 395—396.

2. *Зернова А.Б.* Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае // Советская этнография. 1932. № 3. С. 22.

Пасха

1. *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 398—401, 408—410, 413—416.
2. *Жекулина В.И., Розов А.Н.* Обрядовая поэзия. № 356. Первоначальная публикация в 1907 г.
3. *Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. С. 134—135. Запис. в Рыбинском уезде Ярославской губ. в начале XX в. Из архива Института этнографии Академии наук СССР.
4. *Жекулина В.И., Розов А.Н.* Обрядовая поэзия. № 367. Запис. в Костромской губ. в 1920-х годах. Припев после каждого стиха.

Весенняя пахота и сев

Зернова А.Б. Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае // Советская этнография. 1932. № 3. С. 24. Запис. в Московской обл.

Выгон скота

Добровольский В.Н. «Егорьев день» в Смоленской губернии // Живая старина. 1908. Вып. 2. Отд. 1. С. 150.

Егорьевская песня

Жекулина В.И., Розов А.Н. Обрядовая поэзия. № 380.

Хороводы

1. *Шейн.* Великорус. № 382. Запис. в Оренбургской губ.
2. *Листопадов А.М.* Песни донских казаков. Т. 4. М., 1953. № 183.
3. *Шейн.* Великорус. № 388. Запис. в Оренбургской губ. (Илецкая Защита). В публикуемом тексте восстановлены сокращения.
4. *Там же.* № 344. Запис. в Вологодской губ.

Вознесенье, Семик, Троица

1. *Жекулина В.И., Розов А.Н.* Обрядовая поэзия. № 411. Запис. в Смоленской обл. в 1981 г.
2. *Смирнов М.И.* Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде. По этнографическим наблюдениям // Труды Переславль-Залесского Историко-художественного и краеведческого музея. Вып. 1. Старый быт и хозяйство переславской деревни. Переславль-Залесский, 1927. С. 29—31.
3. *Шейн.* Великорус. № 1203. Запис. в г. Шуе Владимирской губ.
4. *Римский-Корсаков Н.А.* Сто русских народных песен для голоса с фортепьяно. М.; Л., 1951. № 51.

Русальная неделя

Шейн. Великорус. С. 366. Запис. в Зарайском уезде Рязанской губ. в 1876 г.

Похороны Костромы

Шейн. Великорус. №№ 1256—1260 (С. 368—370). Муромский уезд, Владимирская губ. Первоначальная публикация в 1874 г.

Праздник Ивана Купалы

Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 473—476.

Петров день

Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. С. 259—260. Первоначально: *В. Броневский.* Путешествие от Триеста до С.-Петербурга (1828).

Жатва

1. *Зернова А.Б.* Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае. С. 30.

2. *Жекулина В.И., Розов А.Н.* Обрядовая поэзия. № 440. Записано в XIX в.

3. *Поэзия крестьянских праздников.* № 721. Запис. в Смоленской обл. в 1940-х годах. Первый стих всюду повторяется.

4. Песни Пинежья. Материалы фотограмархива, собранные и разработанные Е.В. Гиппиус и З.В. Эвальд / Под ред. Е.В. Гиппиус. М., 1937. Кн. 2. С. 439. Записано в Архангельской обл.

Осень

Семина день

Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 498—499.

Воздвижение

Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 506—507.

Покров Пресвятой Богородицы

Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 508—509.

Кузьминки

Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 519—521.

СВАДЕБНЫЙ ФОЛЬКЛОР

Свадьба в Ярославской губернии // Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном. Т. 1. СПб., 1900. С. 644—662:

первоначальная публикация С.Я. Дерунова, ярославского крестьянина-собиранителя, автора очерка о селе Козмодемьянском Щетинской волости Пешехонского уезда (1889—1890); сведений «Из русской народной космогонии» (1890); очерков Пошехонья (1898) и других работ.

О свадьбах и свадебных обрядах и обычаях русских крестьян. Автор — П.И. Страхов // Ученые записки имп. Моск. университета, 1836. Ч. 12. Апрель. № 10; Май. № 11. Печатается по сборнику: Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Вып. I. Песни обрядовые. М., 1911. С. 235—249.

Песни, причитания, величания и «корильные» шутки (из свадеб разных мест).

Сватовство

1. Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Вып. 1. Песни обрядовые. № 38. Архангельская губ., г. Шенкурск. Запис. А. Борисовым в 1844 г.

2. Там же. № 351. Московская губ., Звенигородский уезд, дер. Воронки. Запис. в 1833 г.

3. Там же. № 839. Место и время записи не указаны.

4. Там же. № 612. Орловская губ., Малоархангельский уезд, с. Липовица-Перехожи. Восстановлено сокращение.

5. Там же. № 3. Архангельская губ., г. Холмогоры. Запис. П.Н. Базилевским в 1843 году.

6. Там же. № 862. Запис. в Поволжских губерниях. «От г. Лихутина». Пояснение: «Невеста плачет, когда ее просватают».

7. Там же. № 253. Костромская губ. Пояснение: «На сговоре, когда отец приезжает из города с гостинцами от жениха, с калачами и пр. и входит в дверь, невеста начинает выть». Вариант последнего стиха: «За письмо-то» вместо «За грамоты, за боярские» возможно свидетельствует и о продаже крепостной, что скреплялось письменным документом.

8. Там же. № 254, 255. Костромская губ.

9. Там же. № 451. Рязанская губ., Зарайский уезд. Названа: «Попойная песнь», исполнялась на сговоре.

Баня и девичник

Баня

10. Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Вып. 1. Песни обрядовые. № 97—99. Пермская губ. Пояснения по порядку пения: «По приходе в баню девушки, раздевши невесту, поют»; «Когда девушки одевают невесту в бане»; «По выходе из бани». По форме — причитания, но исполнялись как песни — от имени невесты.

11. Там же. № 693. Воронежская губ. Бобровский уезд. «Доставлены А. фон Кремером при письме А.А. Краевского 29 января 1848 г.» Пояснение: «Из бани невеста идет за ними (подругами) и голосит песню».

Девичник

12. Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Вып. 1. Песни обрядовые. № 433. Калужская губ. Помечена: «Калужская». И пояснение: «Начальная на девичнике».

13. *Там же*. № 860. Оренбургская губ., Уфимский у., Новоселки (предположительно).

14. *Там же*. № 206. Тверская губ., г. Осташков. Доставлено И.М. Снегиревым. Примечание: «Поется, если жених приехал издалеча».

15. *Там же*. № 857. Место записи не установлено.

16. *Там же*. № 354. Тульская губ., Белевский уезд, д. Зиково. Запис. в 1840 г. неизвестно кем.

17. *Там же*. № 863. Из «Поволжских губерний». Изменена разбивка на стихи.

18. *Там же*. № 593. Орловская губ., Малоархангельский уезд, с. Успенское.

19. *Там же*. № 699. Симбирск. Запис. Е.П. Языковой.

20. *Там же*. № 317. Московская губ., Звенигородский уезд, д. Воронки. Запис. в 1833 г.

21. *Там же*. № 604. Орловская губ., Малоархангельский уезд, д. Сабурово.

22. *Там же*. № 740. Место записи неизвестно. Пояснено, что предназначена жениху; дополнительное замечание: «После каждой подобной песни одна из девиц подходит к тому лицу, для кого пели, с подносом или тарелкою, со стаканом пива или меду и просит выпить и подарить за песню и выпитое».

23. *Там же*. № 161. Псковская губ., Опочецкий уезд, с. Михайловское(?). Запис. А.С. Пушкиным. Сверена с публикацией: «Литературное наследство. Т. 79. Песни, собранные писателями. Новые материалы. Из архива П.В. Киреевского». М., 1968. С. 207.

Утро перед венчанием

24. Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Вып. 1. Песни обрядовые. № 725. Симбирская губ., Сызранский уезд. Доставлено от Дм. Орлова через М.Н. Погодина 16 декабря 1853 г. Причитание невесты.

25. *Там же*. № 276. Московская губ., Верейский уезд. Запис. П.В. Киреевским.

26. *Там же*. № 316. Московская губ., Звенигородский уезд, д. Воронки.

27. *Там же*. № 334. Запис. там же.

28. *Там же*. № 566. Орловская губ., Малоархангельский уезд, с. Колпна. Запис. П.И. Якушкиным. Пояснение: «Когда приедет жених за невестой на двор».

29. *Там же*. № 249. Костромская губ. Причитание. Обращение невесты к дружке.

30. *Там же*. № 246. Костромская губ. Причитание невесты («воет»).

31. *Там же*. № 735. Место записи не указано. Причитание невесты, дано пояснение: «при благословении невесты».

32. Там же. № 421. Калужская губ., Лихвинский уезд, с. Алфоновское. Пояснение: «Поется, когда жених приедет за невестой, чтобы ехать к венцу. В это время невесте чешут голову».

33. Там же. № 244. Запис. в Костромской губ., г. Лух, «от мещанина». Пояснение: «Когда благословляют».

34. Там же. № 137. Псковская губ., Торопецкий уезд.

35. Там же. № 330. Московская губ., Звенигородский уезд, д. Воронки. «Поется, когда жених едет за невестой, и ее подружки завидят его в окно».

36. Там же. № 811. Место записи не указано. Вариант предыдущей.

37. Там же. № 829. Место записи неизвестно.

38. Там же. № 280. Москва. Запис. П.В. Киреевским.

39. Там же. № 697. Воронежская губ. Доставлены В. Аскоченским «при письме из Житомира» на имя А.А. Краевского.

40. Там же. № 664. Орловская губ., Малоархангельский уезд, д. Татарино. Пояснение: «Подвенечная. Когда отправляют к венцу жениха».

41. Там же. № 610. Орловская губ., Малоархангельский уезд, д. Липовица-Перехожи.

Венчание и княжий пир

42. Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Вып. 1. Песни обрядовые. № 31. Архангельская губ., г. Мезень. Запис. Г. Портовым и доставлено через В.И. Даля в декабре 1842 г.

43. Там же. № 633. Орловская губ., Малоархангельский уезд, д. Татарино. Пояснение: «Вышедши из церкви» (выйдя из церкви после венчания).

44. Там же. № 424. Калужская губ., Лихвинский уезд, с. Алфоновское. Доставлены Н.А. Костровым. Пояснение: «Поется в доме невесты, когда молодых везут от венца».

45. Там же. № 665. Орловская губ., Малоархангельский уезд, д. Татарино. Пояснение: «Когда едут после венца».

46. Там же. № 577. Орловская губ., Малоархангельский уезд, с. Колпна. Пояснение: «Когда приедут молодые и сядут за стол». Запис. П.И. Якушкиным.

47. Там же. № 462. Рязанская губ., Зарайский уезд. Пояснение: «Тысяцкого величают, как от венца приедут».

48. Там же. № 463. Рязанская губ., Зарайский уезд. Пояснение: «Дружку величают, как от венца приедут».

49. Там же. № 214. Тверская губ., г. Осташков.

50. Там же. № 139. Псковская губ., Опочечкий уезд, с. Михайловское(?). Запис. А.С. Пушкиным. Сверено с публикацией: «Литературное наследство. Т. 79. Песни, собранные писателями. Новые материалы. Из архива П.В. Киреевского». С. 202—203.

51. Там же. № 688. Воронежская губ., Бобровский уезд. «Доставлены А. фон Кремером при письме А.А. Краевского 29 января 1848 г.»

52. Там же. № 158. Сверено с публикацией: «Литературное наследство. Т. 79. Песни, собранные писателями. Новые материалы. Из архива

П.В. Киреевского». С. 215—216. Псковская губ., Опочецкий уезд, с. Михайловское(?). Запис. А.С. Пушкиным. Пояснение: «Величают гостью как девушку, так и замужнюю».

53. *Там же*. № 160. Псковская губ., Опочецкий уезд, с. Михайловское(?). Запис. А.С. Пушкиным. Сверено с публикацией: «Литературное наследство. Т. 79. Песни, собранные писателями. Новые материалы. Из архива П.В. Киреевского». С. 208.

54. *Там же*. № 293. Московская губ., Верейский уезд. Запись П.В. Киреевского (предположительно). Пояснение: «Поют, когда расходятся гости, сначала хозяину, потом всем гостям».

ОБРЯДОВЫЕ И НЕОБРЯДОВЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

Словарь устойчивых метафорических замен

Составлен К.В. Чистовым. Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым. Т. 2. Издание подготовили Б.Е. Чистова, К.В. Чистов. СПб., 1997. С. 647—649.

Похоронный обряд и плачи

Барсов Е.В. Погребальные обычаи на Севере России. Первоначальная публикация: «Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым. Часть I. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные» (М., 1872). Печатается по: Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым. Т. I. Похоронные причитанья / Издание подгот. Б.Е. Чистова, К.В. Чистов. СПб., 1997. С. 245—252.

Плач вдовы к мужу. Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым. Т. I. С. 25—40. Запис. составителем в Петрозаводске от И.А. Федосовой из Заонежья, дер. Кузаранда; под ее диктовку в 1867 г. Запись «имеет типовой характер» (см. примечания: Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым. Т. I. Похоронные причитанья / Издание подготовили Б.Е. Чистова, К.В. Чистов. С. 336).

Бытовые заплачки

1. Плач об одинокой доле. Запис. в 1938 г. от У.Г. Моисеевой, из села Ножево Коловского сельсовета Пудожского района КАССР. Первоначальная публикация: Русские плачи Карелии. Подг. текстов и примечания М.М. Михайлова. Петрозаводск, 1940. Печатается по: Причитания / Подг. текста Б.Е. Чистовой и К.В. Чистова (Библиотека поэта. Большая серия). Л., 1960. С. 351—352.

2. Плач по сестре. Первоначальная публикация: *Бурдин Е.* Причитания по покойнику в Кунгурском уезде. «Пермский сборник» Кн. 2. М., 1860. Печатается по: Причитания (Библиотека поэта. Большая серия). С. 281—282.

3. Плач о матери. Запис. Ф.О. Нефедовым в Кологривском уезде Костромской губ., в 70-х годах XIX в. Печатается по: Причитания. (Библиотека поэта. Большая серия). С. 292—293.

4. Плач по ребенку. Запис. в Новгородской губ. Первоначальная публикация: 1907 г. Печатается по сборнику: Причитания. (Библиотека поэта. Большая серия). С. 307—308.

5. Причитание по малолетнем сыне. Записано от казачки Шестаковой, жительницы Амурской области, хут. Кикелевского Михайло-Семеновской станицы. Печатается по: Русские плачи (причитания) / Ред. текстов и примечания Г.С. Виноградова (Библиотека поэта. Большая серия). 1937. С. 204.

6. Причитание о матери. Запис. В.И. Чернышевым от уроженки д. Горлова (в ста верстах от Гдова Петроградской губ.). Печатается по: Русские плачи (причитания). (Библиотека поэта. Большая серия). С. 207.

Рекрутские и солдатские причеты

Е.В. Барсов. Рекрутский обряд. Печатается по изданию: Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым. Т. 2. Рекрутские и солдатские причитанья. Свадебные причитанья. Издание подготовили Б.Е. Чистова, К.В. Чистов. СПб., 1997. С. 248—249.

Плач по холостом рекруте. Причитанья Северного края, собранные *Е.В. Барсовым*. Т. 2. Рекрутские и солдатские причитанья. Свадебные причитанья. С. 46—53. Запис. от И.А. Федосовой.

Плач по солдате, пришедшем на побывку. Причитанья Северного края, собранные *Е.В. Барсовым*. Т. 2. Рекрутские и солдатские причитанья. Свадебные причитанья. С. 210—218. Запис. от нее же.

ПАРЕМИИ

Пословицы, поговорки, побасенки

Взяты из сборников: Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. В [И.] Даля. Издание Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1862; Русские народные пословицы и притчи, изданные И. [М.] Снегиревым. М., 1848; Новый сборник русских пословиц и притчей, служащих дополнением к собранию русских народных пословиц и притчей, изданных в 1848 году И. [М.] Снегиревым. М., 1857; *Иллюстров И.И.* Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. Сборник русских пословиц и поговорок Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1915.

Приметы

Подборка произведена с учетом публикации: Историко-литературная хрестоматия. Часть I. Устная народная словесность с историческими и этнографическими комментариями / Сост. Н.Л. Бродский, Н.М. Мендельсон, Н.П. Сидоров. Изд. 4-е. М.; Петроград. 1923. С. 43—45.

О русских календарных приметах

Ключевский В.О. Сочинения в восьми томах. Т. I. Курс русской истории. Часть I. М., 1956. С. 311—314.

Предания

1. О построении Киева, трех братьях и сестре их Лыбеди // Повесть временных лет. Часть первая. Текст и перевод / Подгот. текста и пер. Д.С. Лихачева. Пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова. Под ред. чл.-корр. АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 208—209.
2. Обры — мучители славян // Там же. С. 210.
3. От дыма по мечу // Там же. С. 212—213.
4. Призвание варягов // Там же. С. 214.
5. Мать городов русских // Там же. С. 216.
6. Поход Олега на Царьград // Там же. С. 220—222.
7. Смерть Олега // Там же. С. 226—227.
8. Убийство Игоря // Там же. С. 236—237.
9. Мечь Ольги // Там же. С. 237—239.
10. Поход Ольги на Искоростень // Там же. С. 239—240.
11. Святослав // Там же. С. 244.
12. Осада Киева и подвиг отрока // Там же. С. 244—246.
13. Поход Святослава на греков // Там же. С. 247—249.
14. Женидьба князя Владимира на Рогнеде // Там же. С. 252.
15. Пищанцы волчьего хвоста бегают // Там же. С. 257.
16. Понщем себе лапотников // Там же.
17. Поход на Корсунь и принятие Владимиром христианства // Там же. С. 274—276.
18. Свержение идолов и крещение киевлян, всей Руси // Там же. С. 279—280.
19. Подвиг Кожемяки и основание Переяславля // Там же. С. 283—284.
20. Щедрость и пиры Владимира // Там же. С. 285—286.
21. Белгородский кисель и сыта // Там же. С. 286—287.
22. Пряничная гора // Сказки и предания Самарского края / Собраны и запис. Д.Н. Садовниковым. СПб., 1884. № 122.
23. Волга и Кама. // Там же. № 123.
24. Иван Грозный в Вологде // Северные предания (Беломорско-Обо-нежский регион) / Издание подготовила Н.А. Криничная. Л., 1978. № 166. Запис. от Крохина П. И. Падмозеро, 1957.
25. Зимовье Стеньки Разина // Волжский фольклор. Сост. В.М. Сидельников, В.Ю. Крупянская. М., 1937. С. 70.
26. Стенька Разин // Великорусские народные легенды, сообщ. Ив. Мамакиным // Живая старина. 1890. Вып. 2. С. 139. Отрывок. приводится по изд.: Тысяча лет русской истории в преданиях, легендах, песнях / Сост. С.Н. Азбелев. М., 1999. С. 245.
27. Трубка Стеньки Разина // Лозанова А.Н. Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М., 1935. С. 170.
28. О Демидове и Демидовских заводах // Толычева Т.Т. Предания о Демидовых и Демидовских заводах (Русский архив. 1878. Кн. 2). Печ. по:

Тысяча лет русской истории в преданиях, легендах, песнях. Сост. С.Н. Азбелев. С. 304—305.

29. Петр Первый после поражения под Нарвой принимает совет пушечного мастера // Из книги «Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого. Собранные Иваном Голиковым». Изд. 2. Исправленное, дополненное и умноженное. М., 1798. С. 99—101.

30. Петр Первый наказывает Ладожское озеро // Барсов Е.В. Петр Великий в народных преданиях Северного края // Беседа. 1872. № 5. С. 296.

31. Меншиков и смерть Петра Первого // Сибирские сказы, предания, легенды. Сборник А. Мисюрева. [Новосибирск, 1959]. С. 119—120.

32. Гора Благодать // Предания и легенды Урала / Сост. В.П. Кругляшовой. Свердловск. 1991. С. 98—99. Записано в г. Кушве.

33. Пугач и Салтычиха // Лозанова А.Н. Песни и сказания о Разине и Пугачеве. С. 199—200.

34. О названии Соловецких островов // Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Зап. от помора М. Кологриева (Архангельская обл., Приморский район). Архангельск, 1983. С. 102—103.

35. Уходящая чужь // Криничная Н.А. Предания Русского Севера. СПб., 1991. С. 72. Сообщ. А. В. Нифанин из с. Выя Верхнетоемского р-на Архангельской обл. Первоначальная публикация А. Тунгусова в 1971 г.

Бывальщины

1. Первый сеятель пшеницы на Алтае // Сибирские сказы, предания, легенды. Сборник А. Мисюрева. Новосибирск, 1959. С. 100—101. Запис. в с. Каменском, вблизи Тюмени в 1949 г. от А.Д. Слободенниковой, 91 г.

2. Как везли камень царю // Там же. С. 32—33. Запис. в с. Горная Колывань от 80-летнего Ф.А. Ивачева.

3. Про беглеца Сороку. Здешний, салаирский // Там же. С. 34—35. Запис. в 1937 г. от И.И. Вершинина, потомственного горняка в Салаире Гурьевского района Новосибирской обл.

4. Желтенькие цветки // Там же. С. 91. Запис. в 1939 г. в с. Спаском.

5. Всем миром. // Там же. С. 110. Запис. в 1950 г. от М.К. Истоминой, 70 лет, в с.Колывань Новосибирской обл.

6. Про Лиханова. Наборная уздечка // Там же. С. 111. Запис. в 1947 г. в с. Богашево.

7. Ребятишек одаривал (в тексте: награждал) // Там же. С. 112. Запис. от К.И. Балтовского, потомка ямщиков, в 1947 г.

8. Лиханов и старуха // Там же. С. 113—114. Запис. в 1947 г. в Томске.

9. Лихановский конь // Там же. С. 114. Запис. в 1947 г. в с. Богашево.

10. Деньги // Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б.М. и Ю.М. Соколовых. Кн. 1. СПб., 1999. № 100. Помечено: «Бывальщина».

Былички

1. Чертовка // Северные сказки. Сборник Н.Е. Ончукова. Кн. 2. СПб., 1998. № 266 а. Идет под общим заголовком «Про чертей», отнесенным и к следующей быличке (№ 2). Запис. от И.Н. Макарова, «из лучших моих сказочников» (Н.Е.Ончуков).

2. «А этот год тебе хуже всех» // Там же. № 266 б. См. примечание к предыдущему тексту.

3. Про лешего // Там же. № 179. Запис. М.М. Пришвиным в дер. Корельский Остров от Степаниды Максимовны.

4. Леший путает // Там же. № 198 в. Запис. М.М. Пришвиным в дер. Корельский Остров от охотника Ивана. Опубликовано в составе других текстов под общим заголовком «Рассказы про лешего».

5. В праздник нельзя полесовать // Там же. № 198 е. См. примечание к предыдущему тексту.

6. Леший-оборотень // Там же. № 235 а. Опубликовано со следующим текстом под общим заголовком «Рассказы про лешего». Запис. Н.Е. Ончуковым в Архангельской губ. от П.М. Кашина (посад Нёнокса на Летнем берегу).

7. «Уведи ты лешой!» // Там же. № 235 г. См. предыдущее примечание.

8. В няньках у лешего // Там же. № 234. Запис. Н.Е. Ончуковым от П.М. Кашина (см. еще: № 6, 7).

9. Про рыболова и лесовоно // Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б.М. и Ю.М. Соколовых. Кн. 1. СПб., 1999. № 47.

10. Водяной // Сборник Н.Е. Ончукова. Северные сказки. Кн. 2. № 273. Запис. Н.Е. Ончуков в с. Красный Бор (Архангельская губ.).

11. Рыбий клеск // Там же. № 230.

12. Рыбьи головы // Сборник Н.Е. Ончукова. Северные сказки. Кн. 1. № 72.

13. Мужик-медведь // Там же. Кн. 2. № 174. Запис. М.М. Пришвиным в дер. Морская Масельга. О сказочнике Мануйле Петровом см. там же. С. 71—72.

14. Как девки на беседе сидели // Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б.М. и Ю.М. Соколовых. Кн. 1. № 64. С пометой собирателей: «Былица».

15. Мытье в бане // Сборник Н.Е. Ончукова. Северные сказки. Кн. 1. № 29. У Ончукова название: «Бывальщина».

16. Бочка с золотом // Сборник Н.Е. Ончукова. Северные сказки. Кн. 2. № 229.

17. Охотник и нечистая сила // Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б.М. и Ю.М. Соколовых. Кн. 1. СПб., 1999. № 110.

18. Кушак // Сборник Н.Е. Ончукова. Северные сказки. Кн. 2. № 294. Запис. Н.Е. Ончуковым в Тамице (Архангельская губ.).

19. Колдун и священник // Там же. № 228.

20. Видения вдовы // Там же. № 180 б. Запис. М.М. Пришвиным в дер. Корельский остров.

21. Покойная кумушка // Там же. № 285. Запис. Н.Е. Ончуковым в Нижимозере (Архангельская губ.).

Легенды

1. Касьян и Никола // Народные русские легенды А.Н. Афанасьева. Предисловие, составление и комментарии В.С. Кузнецовой. Новосибирск, 1990. № 11. Запис. в Орловском уезде П.И. Якушкиным.
2. Илья-пророк и Никола // *Там же*. № 10. Запис. со слов крестьянина Ярославской губернии.
3. Чудо на мельнице // *Там же*. № 2.
4. Иван Милостивый и мужик // *Там же*. С. 33—34. Запис. П.И. Якушкиным в Орловском уезде. Опубликовано без названия. Название дано составителем хрестоматии.
5. Бедная вдова // *Там же*. № 3а. Запис. А.Н. Афанасьевым в Воронежской губ., Бобровском уезде.
6. Пятница // *Там же*. № 13. Запис. в Липецком уезде Тамбовской губ. сельским учителем Елисеем Сабуровым.
7. Царевич Евстафий // *Там же*. № 23. Запис. в Саратовской губ. Из собрания В.И. Даля.
8. Солдат и Смерть // *Там же*. № 16b. Запис. в Нижнем Новгороде.
9. Соломон Премудрый // *Там же*. № 15. Запис. в Орловском уезде П.И. Якушкиным.
10. Озеро Светлояр и город Китеж // Нижегородские христианские легенды. Сост., вступ. статья и комментарии Ю.М. Шеваренковой. Отв. ред. К.Е. Корепова. Нижний Новгород, 1998. № 305.
11. Звон // Нижегородские христианские легенды. № 320.
12. Град Китеж под горами // Град Китеж. Сост., автор вступ. статьи и примечаний. В.Н. Морохин. Горький, 1985. С. 89—90. Запис. от А.Н. Авдеева, 1908 г. рождения, дер. Шадрино (Воскресенское, Горьковская обл.) в 1974 г. А.П. Кузнецовым.
13. Град Китеж — подводный // *Там же*. С. 84—86. Запис. от А.В. Кабиной, 1928 года рождения в дер. Шадрино (Воскресенское, Горьковская обл.) в 1982 г. Н.В. Морохиным, Д.Д. Худайбердиевым.
14. «Я маленькая еще была» // *Там же*. С. 52—54. Запис. от А.О. Шадуновой, 1902 г. рождения, в дер. Шадрино (Воскресенское, Горьковская обл.) в 1982 г. О.В. Бороздиной и Н.Е. Морохиным.
15. О Семене Праведном // Предания и легенды Урала. Сост. В.П. Кругляшовой. Свердловск, 1991. С. 239—240. Запис. от И.А. Халявиной, 1916 г. рождения.

ПЕСЕННЫЙ ЭПОС

БЫЛИНЫ

1. Вольх Всеславьевич // Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым / Издание подгот. А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов. М.; Л., 1958. № 6. С. 39—44.
2. Потук Михайла Иванович // *Там же*. № 23, С. 148—155.
3. Святогор // Песни, собранные П.Н. Рыбниковым / Под ред. А.Е. Грузинского. Т.1. М., 1909. № 86. С. 453—454, без разбивки на стихи.

4. О женитьбе князя Владимира [Дунай Иванович] // Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым. № 11. С. 67—79.

5. Добрыня и Змей // Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Т. 1. Подг. текста и комментарий А.И. Никифорова и Г.С. Виноградова. М.; Л., 1940. № 5. С. 130—140. Взята лишь часть из записи, соединившей несколько былинных сюжетов под общим названием «Добрыня Никитич».

6. Сухмантий // Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Т. 2. М., 1910. № 148. С. 338—344.

7. Илья Муромец и Соловей разбойник // Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Т. 2. Подг. текста и комментарий А.И. Никифорова. М.; Л., 1950. № 74. С. 10—17. В сборнике названа «Илья и Соловей». Записано от прославленного сказителя Трофима Григорьевича Рябинина, крестьянина дер. Середки (Кижы).

8. Илья Муромец и сын // Григорьев А.Д. Архангельские былины и исторические песни, собранные в 1899—1901 гг. Т. III. СПб., 1910. № 4 (308). Вариант названия: Наезд на богатырскую заставу и бой Подсокольника с Ильей Муромцем. Упущены фонетические особенности записи.

9. Илья Муромец и голи кабацкие // Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Т. 3. Подг. текста и комментарий А.И. Никифорова и Г.С. Виноградова. М.; Л., 1951. № 257. С. 353—358. Вариант заглавия: Илья в погребе.

10. Алеша Попович // Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым. № 20. С. 125—135.

11. Добрыня и Алеша Попович // Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Т. 2. Подг. текста и коммент. А.И. Никифорова. № 149. С. 473—484

12. Ставер // Песни, собранные П.Н. Рыбниковым / Под ред. А.Е. Грузинского. Т. 1. М., 1909. № 30. С. 202—212.

13. Садко // Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Т. 1. № 71. С. 640—657.

14. Василий Буслаев // Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Т. 2. № 150. С. 352—359.

15. Василей Буслаев молиться ездил // Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым. № 19. С. 116—125.

16. Вольга и Микула // Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Т. 2. № 73. С. 4—9.

17. Василий Игнатьевич и Батыга // Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Т. 1. № 60. С. 549—554.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

1. Щелкан // Исторические песни XIII—XVI веков / Издание подгот. Б.Н. Путилов, Б.М. Добровольский. М.; Л. 1960. (Памятники русского фольклора). №. 39. С. 76—78. Первоначальная публикация: Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым.

2. Взятие Казани // *Там же*. № 58. С. 97—98. Первоначальная публикация: Саратовские губернские ведомости. 1854. № 12, часть неофициальная. С. 49—50.
3. [Темрюк-Мастрюк] // *Там же*. № 134. С. 196—198. Первоначальная публикация: Песни, собранные П.В. Киреевским. Вып. VI. М., 1864. С. 125—132. Запис. в с. Старый Ярыкл Сенгилеевского уезда Симбирской губ.
4. [Гнев Ивана Грозного на сына] // *Там же*. № 210. С. 325—327. Запис. в дер. Каменицы Повенецкого уезда Олонецкой губ. предположительно в 1864 г.
5. Набег Крымского хана // *Там же*. № 272. С. 467—468. Из песен, записанных для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг.
6. Ермак в казачьем кругу // *Там же*. № 332. С. 506—507. Записано в ст. Пичуженской Астраханской губ. в 1902—1903 гг.
7. Гришка Отрепьев // Исторические песни XVII в. / Издание подгот. О.Б. Алексеева, Б.М. Добровольский, Л.И. Емельянов, В.В. Коргузалов, А.Н. Лозанова, Б.Н. Путилов, Л.С. Шептаев. М.; Л., 1966. № 4. С. 27—29. Текст обнаружен П.А. Бессоновым среди бумаг К.Ф. Калайдовича.
- 8—9. Плач Ксении Годуновой // *Там же*. № 24. С. 44—45; № 25. С. 45. Полный снимок и тексты песен по подлинной рукописи, хранящейся в Оксфорде: *Симони П.К.* Великорусские песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса на Крайнем севере Московского царства. СПб., 1907.
- 10—11. Скопин-Шуйский // *Там же*. № 30. С. 47—48. Запис. для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг.; № 48. С. 75—76. Запис. на Нижней Кольме.
12. Минин и Пожарский // *Там же*. № 76. С. 94—95. Запис. в Боровском уезде Калужской губ.
13. Убийство Карамышева // *Там же*. № 82. С. 100—101.
14. Разин и казачий круг // *Там же*. № 143. С. 148—149.
15. Поход Разина на Яик // *Там же*. № 158. С. 156. Исполнялась хором: запев «Течет Яик быстрехонько»; хор: «Урываючи круты бережки».
16. Сынок // *Там же*. № 163. С. 159. Запис. П.И. Якушкиным в д. Сабурово Малоархангельского уезда Орловской губ.
17. Разин под Астраханью // *Там же*. № 295. С. 253—254. Первоначальная публикация: Саратовские губернские ведомости. 1854. № 16.
18. Разин гуляет на Волге // *Там же*. № 302. С. 259. Запис. в Саратовской обл. в 1923 г.
19. Песня разинцев // *Там же*. № 333. С. 274. Запис. в с. Гвардейцы Борского района Самарской обл.
20. Разин видит сон // *Там же*. № 349. С. 280.
21. Есаул сообщает о казни Разина // *Там же*. № 341. С. 277.

ВОИНСКИЕ ПЕСНИ

1. Князь Голицын возвращается в Москву // Исторические песни XVIII века / Издание подгот. О.Б. Алексеева и Л.И. Емельянов. Л., 1971. № 1. С. 20. Первоначальная публикация: Воронежская беседа. 1861. Запис. в Воронежском уезде.

2. Царь судит стрельцов // *Там же*. № 38. С. 38. Запис. П.В. Киреевский.
3. О начале Северной войны // *Там же*. № 60. С. 50. Запис. в Нерчинске.
4. [Поход на шведский рубеж] // *Там же*. № 105. С. 79. Запис. в г. Шенкурске Архангельской губ.
5. [Молодец идет в поход под Полтаву] // *Там же*. № 66. С. 53. Запис. в Вологодской губ.
6. [Шведский король хочет овладеть Полтавой] // *Там же*. № 67. С. 53.
7. Шереметев под Красной Мызой // *Там же*. № 73. С. 59—60. Запис. адмиралом Кузьмишевым в Шенкурском уезде Архангельской губ.
8. Солдаты готовы штурмовать Орешек // *Там же*. № 81. С. 65.
9. Молодцев отправляют на Ладожский канал // *Там же*. № 171. С. 112.
10. Царь Петр на корабле // *Там же*. № 208. С. 128.
11. Краснощек на допросе // *Там же*. № 94. С. 71—72.
12. Корабельщики бранят князя Гагарина // *Там же*. № 187. С. 118.
13. Смерть царя Петра // *Там же*. № 252. С. 154.
14. Войско выступает в поход // *Там же*. № 279. С. 167—168.
15. Начало восстания на Яике // *Там же*. № 501. С. 270. Запис. И.И. Железновым от старого казака в 1852 г.
16. [Капитан Сурин] // *Там же*. № 504. С. 271—272. Из записной книжки А. С. Пушкина.
17. Пугачев и Панин // *Там же*. № 511. С. 274.
18. Наполеон пишет письмо Александру // Исторические песни XIX века / Издание подгот. Л.В. Домановский, О.Б. Алексеева, Э.С. Литвин. Л., 1973. № 36. С. 44—45.
19. Кутузов призывает победить французов // *Там же*. № 46. С. 50. Запис. в дер. Чакола Пинежского уезда в 1900 г.
20. Наполеон в Москве // *Там же*. № 51. С. 52. Запис. в Пермской губ.
21. Платов // *Там же*. № 70. С. 60. Запис. в Саратовской губ.
22. Француз похвальноется Парижем // *Там же*. № 83. С. 65. Запис. в Кирсановском уезде Тамбовской губ. в 1887 г.

ДУХОВНЫЕ ПЕСНИ И СТИХИ

1. Егорий Храбрый и царице Демьянище // Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 г. Записали Ф.М. Истомин, С.М. Ляпунов. СПб., 1899. № 4. С. 11—20. Запис. в деревне Печенкиной Яранского уезда Вятской губернии.
2. О спасении Елисавии Арахлинской царевны // Стихи духовные. Слова золотые / Вступ. статья Е.А. Ляцкого. Тексты избрал Е.А. Ляцкий при участии Н.С. Платоновой. СПб., 1912. С. 205—207. Запис. Е.А. Ляцкий в Олонецкой губернии.
3. Алексей Божий человек // Калики переходящие. Сборник стихов и исследование П.[А.]Бессонова. Вып. 1. М., 1861. № 29.

4. Голубина книга сорока пядень // Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым. Издание подгот. А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов. М.; Л., 1958. № 59. С. 269—274.

5. Два Лазаря // Калики перехожие. Сборник стихов и исследование П.[А.] Бессонова. Вып. 1. № 24.

6. Плач Адама // Калики перехожие. Сборник стихов и исследование П.[А.] Бессонова. Вып. 6. М., 1864. № 649.

7. Стих про душу великой грешницы // Соч. П.И. Якушкина. СПб., 1884. № 10. Учена редакция Н.П. Андреева.

8. О Христове Вознесении // Сборник русских духовных стихов, составленный В.[Г.] Варенцовым. С. 59—61. Записано в Нолинске Вятской губ.

9. Разговор Иоасафа царевича с пустыней // Русские народные песни, собранные Петром [В.] Киреевским. Часть 1-я. Русские народные стихи. М., 1848. С. 181—182.

СКАЗКИ

Сказки о животных

1. Лисичка-сестричка и волк // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. Издание подгот. Л.Г. Бараг и Н.В. Новиков. Т. I. М., 1984. № 1. С. 11—12.

2. Лиса-повитуха // Там же. № 9.

3. Лиса и тетерев // Там же. № 31.

4. Лиса-исповедница // Там же. № 16. Запис. в Перми от девяностолетнего старика из мастеровых Мотовилихинского завода.

5. Лиса-плачя // Там же. № 22.

6. Лиса и волк // Там же. № 1. С. 12.

7. Лиса, заяц и петух // Там же. № 14.

8. Кот, кочеток и лиса // Там же. № 39.

9. Кот и лиса // Там же. № 40.

10. Волк-дурень // Там же. № 55.

11. Старая хлеб-соль забывается // Там же. № 27.

12. Байка про тетерева // Сказки и предания Самарского края. Собранные и записаны Д.Н. Садовниковым. СПб., 1884. № 56.

13. Журавль и цапля // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Т. I. № 72.

14. Петух, кот, свинья, баран и бык // Северные сказки. Сборник Н.Е. Ончукова. Кн. 2. СПб., 1998. № 149. Запис. в Петрозаводском уезде Олонецкой губ. учителем с. Муромли Д. Георгиевским в 1890-х годах. Обычное название «Зимовье зверей».

15. Небо пало // Там же. Кн. 2. № 216. Запис. в Шуньге.

16. Колобок // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Т. I. № 36.

17. Череп-терем // Озаровская О.Э. Бабушкины старины. 2-е изд. М., 1922. С. 110—112. Запис. от знаменитой северной сказительницы М.Д. Кривополеновой.

18. Петушок задавился // Северные сказки. Сборник Н.Е. Ончукова. Кн. 2. № 277.

Волшебные сказки

19. Гуси-лебеди // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Т. I. № 113.
20. Мороз красный нос // Там же. № 96. В сборнике дано название, общее для ряда вариантов: «Морозко».
21. Царевна-лягушка // Там же. Т. II. М., 1985. № 267.
22. Белая уточка // Там же. № 265.
23. Сивко-бурко // Там же. № 179.
24. Об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке // Там же. Т. I. № 168. Перепечатана А.Н. Афанасьевым под заголовком «Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке» // Дедушкины прогулки, содержащие в себе 10 русских сказок (первое издание — СПб., 1786). Книжный стиль изложения очевиден. Влияние книг — один из факторов, осложнявших творчество народных сказочников.
25. Морской царь и Василиса Премудрая // Там же. Т. II. № 222.
26. Марья Моревна // Там же. Т. I. № 159.
27. Елена Прекрасная и мачеха // Северные сказки / Сборник Н.Е. Ончукова. Кн. 2. № 154.
28. Слуга Егерь // Там же. № 151.

Бытовые новеллистические сказки

29. Иванушка-дурачок // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Т. III. М., 1985. № 400.
30. Барин и мужик // Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д.Н. Садовпиковым. СПб., 1884. № 41.
31. Сердитая барыня // Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б.М. и Ю.М. Соколовых. Кн. I. СПб., 1999. № 45.
32. Петухан Куриханович // Смирнов А.М. Сборник великорусских сказок Архива Русского географического обществ. В. 2. Пг., 1917. № 277. С. 723—724.
33. Кашица из топора // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Т. III. № 503.
34. Солдатская школа // А.М. Смирнов. Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества. В. 2. №. 267. С. 713—714.
35. Что дальше слышно? // Северные сказки. Сборник Н.Е. Ончукова. Кн. 2. № 163.
36. Колпак золота // Там же. № 162.
37. Шесть братьев — все Агафоны // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Т. III. № 424. У А.Н. Афанасьева входит в подборку текстов, названную: «Не любо — не слушай».
38. Заяц // Там же. № 510. А.Н. Афанасьев поместил сказку в раздел «Народные анекдоты» без названия.
39. Докучные сказки // Там же. № 528—532.

Взяты из сборников: Д.Н. Садовникова. Загадки русского народа. (СПб., 1876) и М.А. Рыбниковой «Загадки». (М.; Л., Academia. 1932). Тематическая рубрикация в целом соответствует разделам Д.Н. Садовникова.

ПЕСНИ СТАРИННОЙ ФОРМАЦИИ

Балладные песни

1. Дмитрий и Домна // Народные баллады / Вступ. статья, подготовка текста и примечания Д.М. Балашова. Общ. ред. А.М. Астаховой. М.; Л., 1963. С. 45—47. Первоначальная публ.: Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Ч. 1, № 79. Запис. в Олонецк. губ. от молодницы из Кижской губы в 1860 г.

2. Князь Роман жену терял // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Издание подгот. А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов. М.; Л. 1958. № 51. С. 248—251.

3. Мать князя Михайла губит его жену // Русская баллада. Предисл., ред. и примеч. В.И. Чернышева. М., 1936. С. 265—266. Запис. В.И. Чернышев в 1901 г. в с. Борнукове Княгининского уезда Нижегородской губ. Примечание В.И. Чернышева: «Текст на местном говоре».

4. Теща в плену у зятя // Там же. С. 74—75. Первоначальная публикация: Песни, собранные П.В. Киреевским. М. Вып. 7. С. 175. Запис. в Тульской губ. К.Д. Кавелиным.

5. Муж убивает жену по клевете матери // Там же. С. 238—239. Из собрания Д.П. Ознобишина, Олонецкие песни (архив П.К. Симони). Первые четыре стиха — очевидное заимствование из лирических песен.

6. Жена мужа зарезала // Там же. С. 222—224. Запис. в Саратовской губ.

7. Обращение женщины в дерево // Там же. С. 268—269. Первоначальная публикация: М. Халанский. Русские народные песни, записанные в Щигровском уезде Курской губ. № 28 (Русский Филологический Вестник. 1883. № 3. С.135). Запис. в с. Росоховце. Обычное название: «Рябинка».

8. Девушка отравила молодца // Сочинения Михаила Дмитриевича Чулкова. Т. 1. Собрание разных песен. Ч. 1, 2 и 3. СПб., 1913. Ч. 2. № 150 (первоначальная публикация: Собрание разных песен. Ч. 2. СПб., 1770. С. 202).

9. Жена разбойника // Народные баллады. Вступ. статья, подготовка текста и примечания Д.М. Балашова. С. 128—129. Первоначальная публикация: Печорские былины. Записал Н.Е. Ончуков. СПб., 1904.

10. Разбойники и сестра // Русская баллада. Предисл., ред. и примеч. В.Н. Чернышева. С. 35—37.

11. Невольное пострижение // Там же. С. 252. С названием по первому стиху «Папенька с маменькой спор спорили».

12. Князь Волхонский и Ванюша-ключник // Там же. С. 44—46.

13. Сестры находят уехавшего брата убитым // Там же. С. 151—152. Запис. в Калужской губ., Лихвинском уезде, дер. Адроновское П.И. Якушкиным. Первоначальная публикация: Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. В. 2. Ч. 2. № 1775.

Лирические песни

1. Уж ты, поле моё, поле чистое... // *Лопатин Н.М., Прокунин В.П.* Русские народные лирические песни / Под ред. и с вступит. статьей В. Беляева. М., 1956. С. 99.

2. У отца было, у матери три сына любимых // *Великорусские народные песни.* Изданы А.И. Соболевским. Т. VI. СПб., 1900. № 82. Первоначальная публикация: *Сборник песен Самарского края, составленный В. Варенцовым.* СПб., 1862. С. 189.

3. Уж вы, ветры мои, ветерочки... // *Там же.* № 23. Первоначальная публикация: Статистическое описание Саратовской губернии, составленное Андреем Леопольдовым. СПб., 1839. С. 78.

4. Не кукушка, братцы, во сыром бору куковала... // *Лопатин Н.М., Прокунин В.П.* Русские народные лирические песни. С. 99. С. 223. Примечание составителей: «Записана за [П.И.] Якушкиным».

5. Шел детинушка дорогою... // *Великорусские народные песни.* Изданы А.И. Соболевским. Т. VI. № 186. Новгородская губ. Первоначальная публикация в «Новгородских губернских ведомостях» (1876).

6. Чем-то наша славная земелюшка распахана?.. // *Там же.* № 3. Донская обл. Первоначальная публикация: *Донские казачьи песни.* Собрал и издал А. Пивоваров. Новочеркасск, 1885. С. 108.

7. А вскрикнули да два лебедя... // *Там же.* № 210. Первоначальная публикация: «Сведения и заметки о говорах русского языка (о некоторых особенностях народного говора в северной части Путивльского уезда Курской губернии)». М. Халанского // *Русский Филологический Вестник.* 1886. № 4. Любопытно пояснение: «поется во время половодья»; к сезону и народному календарю прямого отношения не имеет.

8. Не шуми, мати зелёная дубровушка // *Лопатин Н.М., Прокунин В.П.* Русские народные лирические песни. С. 177—178. Москва. «Минорная песня одиночного склада» (пояснение собирателей).

9. Ты воспойка-ся, воспой, младой живорóночик!.. // *Там же.* С. 182—183. Москва. Распространенная песня. По словам составителя одного из песенников (1799): «Поется самым жалким и протяжным голосом».

10. Я по цветикам ходила... // *Великорус в своих обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п.* Материалы, собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном. Т. I. СПб., 1900. № 1148. Исполнялась на игрищах в Вятской губ., Котельничском уезде.

11. Как по лугу, по лужочку вода соливат... // *Великорусские народные песни.* Изданы А.И. Соболевским. Т. IV. СПб., 1898. № 242. Первоначально: *Сборник песен Самарского края, составленный В. Варенцовым.* СПб., 1862.

12. Соловей мой, соловей, соловушко молодой!.. // *Русские народные песни, собранные и изданные для пения и фортепьяно Даниилом [Никитичем] Кашиным.* М., 1959. № 34. Первоначальное издание сборника в 1833—1834 гг.

13. Туманно красное солнышко, туманно... // *Великорусские народные песни / Изд. А.И. Соболевским.* Т. V. СПб., 1899. № 50. Первоначальная

публикация в сборнике: Собрание разных песен М.Д. Чулкова. Части I—III с прибавлением. СПб., 1770—1773. Ч. I. № 178.

14. Ты мой сизенький, мой беленький голубчик... // *Там же*. № 478. Первоначальная публикация в сборнике: Собрание разных песен М.Д. Чулкова. Ч. III. № 148.

15. Ах вы ветры, ветры буйные... // *Там же*. № 1. Первоначальная публикация в сборнике: Собрание разных песен М.Д. Чулкова. Ч. I. № 143.

16. Ах, не одна-то, не одна... // *Лопатин Н.М., Прокунин. В.П.* Русские народные лирические песни. № 22. Рыбинск. В примечании говорится об известности песни «по всей России и преимущественно же в средней и северной ее полосе» (С. 117).

17. Калинушка с малинушкой, лазоревый цвет... // *Великорусские народные песни* / Изд. А.И. Соболевским. Т. II. СПб. 1896. № 262. Тверская губ., Ржев.

18. Цвели в поле цветики, да поблекли... // *Линева Е.* Великорусские песни в народной гармонизации. В. I. СПб., 1904. № 8. Первая половина каждого стиха исполняется запевалой; строки повторяются дважды.

19. Ах, матушка, тошно мне, голова болит... // *Великорусские народные песни* / Изд. А.И. Соболевским. Т. V. № 307. Первоначальная публикация: Сочинения П.И. Якушкина. СПб. 1884. С. 596.

20. Как у ключика у гремучего... // *Великорусские народные песни* / Изд. А.И. Соболевским. Т. II. № 1. Первоначальная публикация: Собрание разных песен М.Д. Чулкова. Ч. II. № 144.

21. Ах что же ты, голубчик, не весел сидишь... // *Народные лирические песни* / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. В.Я. Проппа. Л., 1961. С. 166. Первоначально: *Гурилев А.* Избранные народные русские песни. М., 1868. С. 58.

22. Ты гуляй, гуляй, душа милый друг... // *Великорусские народные песни* / Изд. А.И. Соболевским. Т. II. № 179. Взята из сборника: Былины и песни южной Сибири. Собрание С.И. Гуляева (1848). Алтайский горный округ. Запись первой половины XIX в. Опущено семь строк другой песни.

23. Не пыль, не курá в поле подымалася... // *Великорусские народные песни* / Изд. А.И. Соболевским. Т. IV. № 155. Терская область.

24. Хожу я, гуляю вокруг коровода... // *Великорусские народные песни* / Изд. А.И. Соболевским. Т. VII. СПб., 1902. № 505. Владимирская губ., Ковровский уезд. Опущен конец: другая песня. Хороводная.

25. Лебедь мой, лебедек... // *Великорусские народные песни* / Изд. А.И. Соболевским. Т. II. № 430. Курская губ.

26. Уродилася сильно ягода в бору... // *Там же*. № 205. Тамбовская губ., Моршанский уезд.

27. Чарочки по столику похаживают... // *Великорусские народные песни* в своих обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном. Т. I. № 585. Курская губ., Путивльский уезд.

28. Ах, по речке, ах, по Казанке... // *Великорусские народные песни* / Изд. А.И. Соболевским. Т. IV. № 137. Каждый второй стих повторяется.

29. Калинку с малиною вода поняла... // Великорусские народные песни / Изд. А.И. Соболевским. Т. III. СПб. 1897. № 31. Саратовская губ.
30. Ах, кабы на цветы не морозы... // Там же. № 15.
31. Выдала матушка далече замуж... // Там же. № 44. Первоначальная публикация в сборнике: Собрание разных песен М.Д. Чулкова. Ч. I. № 158.
32. Ах ты ноченька, ночка темная!.. // Великорусские народные песни / Изд. А.И. Соболевским. Т. II. № 462.
33. Ах вы сени мои, сени, сени новые мои... // Великорусские народные песни / Изд. проф. А.И. Соболевским. Т. II. № 72. Печатается в редакции В.Я. Проппа («Народные лирические песни». С. 193). Плясовая песня.
34. Во поле береза стояла... // Великорусские народные песни / Изд. А.И. Соболевским. Т. II. № 347. Припев «Лей-ли-лей» и последнее слово предыдущего стиха повторяются. Кроме первых четырех стихов, остальные и припев повторяются дважды. Игровая песня.
35. Хожу, млада, по Дунаю, ой, по Дунаю... // Там же. № 376. Пермская губ., Чердынский уезд. Игровая песня.
36. Воля, воля, воля, волюшка!.. // Там же. № 141. Терская область. Соединена с опущенной другой песней «Да и что за милый друг такой?».
37. Сосенка, сосенушка зелененькая!.. // Там же. № 589. Курская губ.
38. Лучина, лучинушка березовая!.. // Великорусские народные песни / Изд. А.И. Соболевским. Т. II. № 557.
39. Спится мне, младешенькой, дремлется... // Великорус в своих обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Материалы, собранные и приведенные в порядке П.В. Шейном. Т. I. № 833. Запис. Шейном в 1859 г. в Твери. Пояснение собирателя: «Суровое обращение свекра и свекрови с молодой своей невесткой; иное к ней отношение со стороны любящего мужа». Повторяющаяся строфа «Стучит-гремит...» (и последняя) исполнялась хором.
40. Ты заря моя, ты заря вечерняя!.. // Великорусские народные песни / Изд. А.И. Соболевским. Т. II. № 632.
41. Ветры мои, ветры, вы буйные ветры!.. // Великорусские народные песни / Изд. А.И. Соболевским. Т. III. № 214. Саратовская губ.
42. Куманечек, побывай у меня... // Великорусские народные песни. Изданы А.И. Соболевским. Т. IV. № 347. Игровая песня.
43. Дома ль кум воробей?.. // Великорус в своих обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Материалы, собранные и приведенные в порядке П.В. Шейном. Т. I. № 449. Запис. П.В. Шейном в 1859 г. в Тверской губ., Тверском уезде. Игровая.
44. Что задумал наш комаричек жениться... // Уральский фольклор / Под ред. М.Г. Китайника. Свердловск. 1949. Запис. М.Г. Китайником в 1948 г. в Свердловской обл., Сухоложском районе, с. Куры.
45. Жйла-была Дуня... // Народные лирические песни / Вступ. ст., подготовка текста и примечания В.Я. Проппа. Л., 1961. С. 389—390. Воронежская обл. Запись А.М. Новиковой в 1936 г.

46. Мой муж домой едет... // Великорусские народные песни / Изд. А.И. Соболевским. Т. VII. № 184.

47. У меня ль муж не удала голова... // Песни, собранные П.В. Киревским. Новая серия. Вып. 2. ч.1. М., [1918]. № 1503.

48. Было у тещи... // Великорус в своих обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном. Т. I. № 922. Рязанская губ., Данковский уезд.

ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Колыбельные песни

1. *Попов Н.* Народные предания жителей Вологодской губернии, Кадниковского уезда (этнографический материал собран в 1857 г.) (фрагмент). // Живая старина, 1903 г., вып. 1—2. С. 203—204.

2. Запис. от М.П. Кузнецовой в Архангельской обл., Каргопольском районе, дер. Бабкино В.П. Аникиным, 1963.

3. *Шейн П. В.* Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т.п. СПб., 1898. Т.1, вып. 1. № 6. Тула.

4. Запис. от М.П. Кузнецовой в Архангельской обл., Каргопольском районе, дер. Бабкино В.П. Аникиным в 1963 г.

5. Запис. от Н.А. Павловой в Архангельской обл., Холмогорском районе, дер. Сельцо В.П. Аникиным в 1969 г.

6. Запис. от А.И. Петуховой в Вологодской обл., Верховажском районе, дер. Спирино В.П. Аникиным в 1969 г.

7. Запис. от М.П. Кузнецовой в Архангельской обл., Каргопольском районе, дер. Бабкино В.П. Аникиным в 1963 г.

8. *Шейн П. В.* Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1898. Т.1, вып. 1. № 16.

9. Запис. от Н.А. Павловой в Архангельской обл., Холмогорском районе, дер. Сельцо В.П. Аникиным в 1969 г.

10. Запис. от Н.Ф. Ляпуновой в Архангельской обл., Онежском районе, дер. Клещево В.П. Аникиным в 1965 г.

11. *Шейн П.В.* Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т.п. СПб., Т.1, вып. 1. № 17. Первоначальная публикация: Е.А. Авдеева, 1849.

12. Запис. от М.П. Кузнецовой в Архангельской обл., Каргопольском районе, дер. Бабкино В.П. Аникиным в 1963 г.

13. Запис. от М.Н. Копалиной в Архангельской обл., Холмогорском районе, дер. Красный Яр В.П. Аникиным в 1969 г.

14. *Шейн П.В.* Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. СПб., Т.1. Вып. 1. № 29. Смоленская губ., Духовщинский уезд.

15. Запис. от Н.А. Павловой в Архангельской обл., Холмогорском районе, дер. Сельцо В.П. Аникиным в 1969 г.

16. *Шейн П. В.* Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1898. Т.1. Вып. 1. № 4. Смоленская губ., Духовщинский уезд.

17. Запис. от М.П. Кузнецовой в Архангельской обл., Каргопольском районе, дер. Бабкино В.П. Аникиным в 1963 г.

18. Запис. В.П. Аникиным от П.Е. Засыпкиной, уроженки Калининской области, в Москве в 1957 г.

19. Детский поэтический фольклор. Антология. Сост. А.Н. Мартынова. СПб., 1997. № 1. Курганская область, 1942.

Пестушки и потешки

1. *Шейн П.В.* Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1898. Т.1. Вып. 1. № 50.

2. *Можаровский А.Ф.* Из жизни крестьянских детей Казанской губернии. Казань. № 10.

3. Запис. В.П. Аникиным в 1963 г. от М.П. Кузнецовой в Архангельской области, Каргопольском уезде, дер. Бабкино.

4. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П.С. Ефименко. Ч. 2. Народная словесность. М., 1878 (Труды этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, кн. V). С. 199.

5. *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. Ч.4. М., 1903. С. 476.

6. Запис. В.П. Аникиным в 1969 г. в Архангельской области, Холмогорском районе, дер. Крюк от Т.М. Ермолиной.

7. *Шейн П.В.* Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. Т.1. Вып. 1. № 57.

8. *Можаровский А.Ф.* Из жизни крестьянских детей Казанской губернии. Казань. № 9.

9. *Шейн П.В.* Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. Т.1. Вып. 1. № 41.

10. Там же. № 70. Самарская губ.

11. *Можаровский А.Ф.* Из жизни крестьянских детей Казанской губернии. Казань. № 3.

12. Там же. № 53. Москва.

13. *Виноградов Г.С.* Русский детский фольклор. Кн. 1. Иркутск, 1930. № 380.

14. *Шейн П.В.* Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. Т.1. Вып. 1. № 62. Самарская губ.

15. Там же. № 55.

16. Там же. № 58. Тула.

17. Там же. № 42. Москва.

18. Там же. № 47.

19. *Капица О.И.* Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Изучение. Собираание, обзор материала. Л., 1928. С. 60. Запис. М.М. Серовой в Новгородской губернии.

20. Рыбникова М.А. Загадки М.; Л. Academia (1932). С. 136.

21. Детский поэтический фольклор. Антология. Сост. А.Н. Мартынова. СПб., 1997. № 655. Первоначальная публикация: Сказки, песни, частушки, присловья Ленинградской области. Запись, сост., обработка и примеч. В.С. Бахтина. Л., 1982.

22. Можаровский А.Ф. Из жизни крестьянских детей Казанской губернии. Казань, 1887. С. 11.

Прибаутки

1. Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. СПб., Т.1. Вып. 1. № 131.

2. Там же. № 82.

3. Запис. В.П. Аникиным в 1979 г. от Е.Н. Курзаевой (Москва).

4. Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. Т.1. Вып. 1. № 85. Тверь. Фрагмент.

5. Сборник народных детских песен, игр и загадок. Составил А.Е. Грузинский по материалам П.В. Шейна. М., 1898. С. 25.

6. Там же.

7. Там же.

8. Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. Т.1. Вып. 1. № 79. Курская губерния.

9. Балов А.<В>. Колыбельные и детские песни и детские прибаутки, записанные в Пошехонском уезде Ярославской губернии // Живая старина, 1901. Вып. 1. С.117. Отрывок.

10. Можаровский А. Ф. Очерки жизни крестьянских детей Казанской губернии в их потехах, остротах, стихках и песнях // Труды этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Кн. IV. М., 1877 («Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии». Т. XXVIII). С. 120.

11. Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. СПб., Т.1. Вып. 1. № 86. Сообщено А.Н. Островским.

12. Виноградов Г.С. Русский детский фольклор. Кн. I. Иркутск, 1930. № 386 б.

13. Там же. № 360.

14. Завойко Г.К. Колыбельные и детские песни и детские игры у крестьян Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1915. № 1—2. С. 120. Владимирская губерния, Вязниковский уезд, дер. Белиха.

15. Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. СПб., Т.1. Вып. 1. № 91. Москва.

16. Капица О.И. Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Изучение. Собираение, обзор материала. С. 95.

17. Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. СПб., Т.1. Вып. 1. № 104.

18. Там же. № 111.

19. *Марков А.В.* Детские песни, записанные А.В. Марковым в центральных губерниях в 1892—1896 годах // Вестник Московского университета. Серия VII. Филология. Журналистика. 1861. № 4. С. 83—84. Рязанская губерния, Михайловский уезд, дер. Лукьяновка.

20. *Капица О.И.* Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Изучение. Собрание, обзор материала. С. 92—93.

21. *Виноградов Г.С.* Русский детский фольклор. Кн. I. № 265.

22. *Капица О.И.* Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Изучение. Собрание, обзор материала. С. 101.

23. *Шейн П.В.* Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. Т. 1. Вып. 1. № 206. Владимирская губерния, г. Шуя.

24. *Там же.* № 102 (фрагмент). Московская губерния, Богород. уезд.

25. *Там же.* № 98 (фрагмент). Рязанская губерния, Данковский уезд.

26. *Там же.* № 197.

27. *Капица О.И.* Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Изучение. Собрание, обзор материала. С. 102.

28. *Там же.* С. 103.

29. *Шейн П.В.* Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. Т. 1. Вып. 1. № 962. Смоленская губерния, Краснинский уезд, село Ивановское. Образец сохранения при записи местного говора.

30. Детский поэтический фольклор. Антология / Сост. А.Н. Мартынова. СПб., 1997. № 707. Докучная сказка.

31. *Там же.* № 720. Изменено деление на стихи. Можно сказывать бесконечно.

Заклички и приговорки

1. *Капица О.И.* Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Изучение. Собрание, обзор материала. Л., 1928. С.76.

2. *Виноградов Г.С.* Детский народный календарь (Из очерков по детской этнографии) // Этнографический сборник / Под ред. М.К. Азадовского, Г.С. Виноградова. Вып. II. Иркутск, 1924. С.70.

3. *Шейн П.В.* Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1898. Т.1. Вып. 1. № 134. Тула.

4. От прибаутки до былины. Русский фольклор. Сост. В.П. Аникина. М., 1991. С. 20.

5. *Виноградов Г.С.* Детский народный календарь (Из очерков по детской этнографии). С. 75.

6. *Шейн П.В.* Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. Т. 1. Вып. 1. № 147.

7. *Там же.* № 145.

8. *Там же.* № 144.

9. *Там же.* № 146.

10. *Виноградов Г.С.* Детский народный календарь (Из очерков по детской этнографии). С. 68.

11. *Капица О.И.* Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Изучение. Собрание, обзор материала. С.73.

12. Запис. в 1965 году В.П. Аникиным от 14-летней А. Котовой в Архангельской области, Онежском районе, дер. Клещево.

13. Запис. В.П. Аникиным в 1969 г. от М.Н. Копалиной в Архангельской области, Холмогорском районе, дер. Красный Яр.

14. *Можаровский Ап.Ф.* Очерки жизни крестьянских детей Казанской губернии в их потехах, остротах, стихах и песнях // Труды этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Кн. IV. М., 1877 («Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии»). Т. XXVIII). С. 113.

15. *Там же.*

16. *Капица О.И.* Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Изучение. Собрание, обзор материала. С.70.

17. Запис. В.П. Аникиным в 1965 г. в Архангельской области, Онежском районе, дер. Чешьюга от ребятишек.

18. *Виноградов Г.С.* Детский народный календарь (Из очерков по детской этнографии). С. 71.

19. Сборник народных детских песен, игр и загадок / Сост. А.Е. Грузинский по материалам П.В. Шейна. М., 1898. С. 24.

20. От прибаутки до былины. Русский фольклор / Сост. В.П. Аникина. С. 23.

21. *Там же.*

22. *Там же.*

23. *Можаровский Ап.Ф.* Очерки жизни крестьянских детей Казанской губернии в их потехах, остротах, стихах и песнях. С.112.

24. *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. Ч. 4. М., 1903. С. 494.

25. *Капица О.И.* Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Изучение. Собрание, обзор материала. С. 74.

Считалки и игры

1. *Ильинский Я.* Свадебные причеты, детские песни и пр., записанные в Щетинской, Хмелевской и Меленковской волостях Пошехонского уезда // Живая старина. 1896. Вып 2. С. 236. Ярославская губерния.

2. Запис. В.П. Аникиным в 1965 г. в Архангельской области, Онежском районе, дер. Чешьюга.

3. Запис. В.П. Аникиным в 1966 г. в Вологодской губернии, Верховажском районе, дер. Плосково.

4. *Шейн П.В.* Великокорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1898. Т.1. Вып. 1. № 215. Новгородская губерния, Валдайский уезд.

5. *Виноградов Г.С.* Русский детский фольклор. Кн. I. Иркутск, 1930. № 297.

6. *Там же.* № 396 а.

7. *Там же.* № 430.

8. Меткое слово. Песни. Сказки. Дореволюционный фольклор Прикамья. Собрал В.Н. Серебрянников. Пермь, 1964. С. 302.
9. *Виноградов Г.С.* Русский детский фольклор. № 360.
10. Запис. В.П. Аникиным от подростков в Карельской АССР, Кемском районе, с. Гридино в 1968 г.
11. Запис. им же от ребят в Архангельской области, Холмогорском районе, дер. Сельцо в 1968 г.
12. *Соболев А.Н.* Детские игры и песни // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. XVI. Владимир, 1914. С. 21—23.
13. *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. Ч. 4. М., 1903. С. 493.
14. *Там же.* С. 492.
15. *Покровский Е.А.* Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогикой и гигиеной). М., 1887. С. 193.
16. *Там же.* С. 173—174.
17. *Там же.* С. 197.
18. Игры народов СССР. Сборник материалов, составленный В.Н. Всеволодским-Гернгроссом, В.С. Ковалевой и Е.И. Степановой. М.; Л., 1933. С. 457. Рязанская губерния.

Скороговорки

1. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1957. С. 976.
2. Фольклор Московской области. Вып. 1. Календарный и детский фольклор. Составитель В.Б. Сорокин. М., 1979. С. 64.
3. *Там же.*
4. *Там же.*
5. *Там же.*
6. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. С. 977.
7. Меткое слово. Песни. Сказки. Дореволюционный фольклор Прикамья / Собр. В.Н. Серебрянников. Пермь, 1964. С. 85.
8. Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 1. Младенчество, детство. Сост. В.П. Аникин. М., 1991. С. 301.
9. Меткое слово. Песни. Сказки. Дореволюционный фольклор Прикамья / Собр. В.Н. Серебрянников. С. 85.
10. *В.П. Аникин.* Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957. С. 230.
11. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. С. 977.
12. *Там же.* С. 976.
13. Меткое слово. Песни. Сказки. Дореволюционный фольклор Прикамья / Собр. В.Н. Серебрянников. С. 85.
14. Фольклор Московской области. Вып. 1. Календарный и детский фольклор / Сост. В.Б. Сорокин. С. 64.
15. *Там же.*
16. *Даль В. И.* Пословицы русского народа. С. 976.
17. *Там же.*
18. *Там же.* С. 977.
19. *Там же.*

Дразнилки и подделки

1. Детский поэтический фольклор. Антология / Сост. А.Н. Мартынова. СПб., 1997. № 875.
2. Там же. № 878.
3. Там же. № 903
4. Там же. № 908.
5. Там же. № 934.
6. Там же. № 944.
7. Мельников М.Н. Русский детский фольклор. М., 1987. С. 202.
8. Балов А.<В.> Материалы по народному языку, собранные в Пошехонском уезде Ярославской губернии // Живая старина. 1899. Вып. 2. С. 278.
9. Мельников М.Н. Русский детский фольклор. С. 200.
10. Детский поэтический фольклор / Антология. Сост. А.Н. Мартынова. № 1051.
11. Балов А.<В.> Материалы по народному языку, собранные в Пошехонском уезде Ярославской губернии. С. 279.
12. Детский поэтический фольклор. Антология / Сост. А.Н. Мартынова. № 1134.
13. Там же. № 1162.
14. Там же. № 1192.
15. Виноградов Г.С. Детская сатирическая лирика. Иркутск, 1925. С. 39.
16. Балов А.<В.> Материалы по народному языку, собранные в Пошехонском уезде Ярославской губернии. С. 280.
17. Виноградов Г.С. Детская сатирическая лирика. С. 40.
18. Детский поэтический фольклор. Антология. Сост. А.Н. Мартынова. № 1215.

ЗРЕЛИЩА И ТЕАТР

Медвежья потеха

Объявление. Из «Петербургских Ведомостей» от 8 июля 1771 г. Печатается по Историко-литературной хрестоматии. Часть I. Устная народная словесность с историческими и этнографическими комментариями / Сост. Н.Л. Бродский, Н.М. Мендельсон, Н.П. Сидоров. Изд. 4-е. М.; Петроград. 1923. С. 235—236.

Приход вожака с медведем // Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Т.V. С. 227—229. Печатается по сборнику: Русская народная драма XVII—XX веков. Тексты пьес и описания представлений. Редакция, вступительная статья и комментарии П.Н. Беркова. М., 1953. С. 137—138.

Сергач. Впервые опубликовано в 1854 г. в «Библиотеке для чтения» (кн. XI). Печатается по сб.: Сергей Максимов. Избранное. Подготовка текста, составление, вступит. статья и примечания С.И. Плеханова. М., 1981. С. 52—59.

ТЕАТР КУКОЛ

Петрушка

А.Д. Алферов, А.Е. Грузинский. Допетровская литература и народная поэзия. Изд 5-е. М., 1911. С. 372—374. Публикуется по: Русская народная драма XVII—XX веков. Тексты пьес и описания представлений. Ред., вступ. статья и комментарии П.Н. Беркова. С. 113—114.

Петрушка, он же Ванька-Рататуй

Русская народная драма XVII—XX веков. Тексты пьес и описания представлений / Ред., вступ. статья и комментарии П.Н. Беркова. С. 115—123.

Вертеп

Впервые опубликовано: *Полевой Н.А.* Мои воспоминания о русском театре и русской драматургии (1840). Печатается по: Фольклорный театр / Сост., вступит. статья, предисловия к текстам и комментарии А.Ф. Некрыловой, Н.И. Савушкиной. (Классическая библиотека «Современника»). М., 1988. С. 331—332.

Смерть царя Ирода

Записано Н. Н. Виноградовым от кукольника из Новгорода на волжском пароходе. Впервые опубликовано в 1905 г. Печатается по: Фольклорный театр / Сост., вступит. статья, предисловия к текстам и комментарии А.Ф. Некрыловой, Н.И. Савушкиной. (Классическая библиотека «Современника»). С. 335—345.

ТЕАТР АКТЕРОВ

Царь Максимилиан

Публикуется по: Русская народная драма XVII—XX веков. Тексты пьес и описания представлений. Ред., вступ. статья и комментарии П.Н. Беркова. С. 180—199. Первоначально: *Виноградов Н.Н.* Народная драма «Царь Максимилиан» // Сб. отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 90. № 7. С. 1—188; и ранее — публикация 1905 года.

Барин

Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Этнографическое бюро князя В.Н. Тенишева, 1903. С. 302—305.

Мнимый барин

Северные народные драмы. Сборник Н.Е. Ончукова. СПб., 1911. С. 124—133.

Лодка

Печатается по: Русская народная драма XVII—XX веков. Тексты пьес и описания представлений / Ред., вступ. статья и комментарии П.Н. Беркова. С. 143—149.

Речи балаганных зазывал

Петербургские балаганные прибаутки

I. Печатается по: Русская народная драма XVII—XX веков. Тексты пьес и описания представлений / Ред., вступ. статья и комментарии П.Н. Беркова. С. 129—133. Первоначальная публикация: Петербургские балаганные прибаутки, записанные В.И. Кельсиевым (Труды Этнографического отдела Имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1889. Кн. IX. С. 113—118). Записано весной 1871 г. от отставных солдат Ивана Евграфова и Гаврилы Казанцева.

II. Первоначально: *Лейферт А.В.* Балаганы. Петроград, 1922. С. 65—69. Печатается по: Русская народная драма XVII—XX веков. Тексты пьес и описания представлений / Ред., вступ. статья и комментарии П.Н. Беркова. С. 133—136.

Дед-зазывала

Дмитриев Ю.А. Русский цирк. М., 1953. С. 35.

Юшка-комедиант

Гиляровский В.А. Москва и москвичи. Избранное: В 3 т. М., 1961. Т. 3. С. 74—75.

Монолог перед спектаклем. Эпилог

Печатается по: Фольклорный театр / Сост., вступ. статья, предисловия к текстам и комментарии А.Ф. Некрыловой, Н.И. Савушкиной. (Классическая библиотека «Современника»). С. 408—409.

ЯРМАРОЧНЫЙ ФОЛЬКЛОР

Печатается по материалам: Красноречие русского торжка. Материалы из архива В.И. Симакова. Публикация *Т.Г. Булак* // Из истории русской фольклористики / Отв. ред. А.А. Горелов. Л., 1978. С. 107—157.

Раёк

Печатается по: Русская народная драма XVII—XX веков. С. 124—128.

ПЕСНИ И РОМАНСЫ

Песни и романсы литературного происхождения

1. Среди долины ровныя... // Русские песни / Сост. И.Н. Розанов. М., 1952. С. 83—84. С указанием источника: Песни и романсы А. Мерзлякова. М., 1830, песня № 1. По свидетельству современника М.А. Дмитриева,

«большую часть своих романсов и престо народных песен» поэт написал до 1812 г., в Жодочах, подмосковном имении Вельяминовых-Зерновых. См. об этом: примечание В.Е. Гусева к публикации песен поэта в: Песни и романсы русских поэтов («Библиотека поэта». Большая серия. М.; Л., 1965. С. 217, а также С. 995).

2. Под вечер, осенью ненастной... // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. 1. С. 89—91. Раннее стихотворение поэта (1814). Авторское определение жанра «Романс». Предполагают, что опубликовано без ведома автора в альманахе «Памятник отечественных муз на 1827 год», неоднократно перепечатывалось в песенниках и лубке; музыку сочиняли разные композиторы: Н.С. Титов (1829) и др.

3. Под раkitюю зеленой... // Городские песни, баллады, романсы. Сост., подготовка текста и комментарии А.В. Кулагиной, Ф.М. Селиванова. М., 1999. № 25. Запис. от А.А. Епифановой в г. Онеге Архангельской области (1970). Автор — Николай Федорович Верёвкин (около 1800 — после 1837). Первоначальная редакция — «Под зеленой раkitюю» (Русский инвалид. 1831. 8 сентября). Отдельное лубочное издание — М., 1831.

4. Черный ворон, черный ворон... // Городские песни, баллады, романсы. № 26. Запис. от Е.Д. Бушневой в дер. Б. Пысса Удорского района Коми АССР (1977 г.). Массовый вариант предыдущей — «Под раkitюю зеленой» (начиная с 3-го куплета и далее).

5. Вот мчитс я тройка удалая... // «Песни и романсы русских поэтов» («Библиотека поэта». Большая серия). М.; Л., 1965. № 672. Запис. в 1944 г. (Русские народные песни / Сост. А.М. Новикова. М., 1957. С. 369). Источник — стихотворение Ф.Н. Глинки (1786—1880). См. № 6.

6. Сон русского на чужбине // Песни и романсы русских поэтов, № 227. Автор — Федор Николаевич Глинка (1786—1880). Первая публикация в «Северной пчеле» (1825, 20 июня). Отрывок под названием «Тройка» был опубликован в «Русском альманахе на 1832—1833 год» с указанием, что, отделившись от всего стихотворения, песня сделалась народной, что ее поют с разными изменениями (см. об этом в антологин В.Е. Гусева «Песни и романсы русских поэтов» (С. 1008).

7. Не слышно шуму городского... // Русские песни. Сост. И.Н. Розанов. С. 347—348. Песенная переработка стихотворения Ф.Н. Глинки «Песнь узника» (1826). См. № 8.

8. Песнь узника // Песни и романсы русских поэтов. № 228. Автор — Ф.Н. Глинка. Публикация — «Венера на 1831 год». В песенниках — с 1850-х годов.

9. То не ветер ветку клонит... // Песни и романсы русских поэтов. № 418. Автор — С.И. Стромиллов. Музыку к его стихам написал известный композитор А.Е. Варламов. В песенниках публикуется с 50-х годов XIX в.

10. Помню, я еще молодущою была... // Русские песни. Сост. И.Н. Розанов. С. 357. Песенная переработка стихотворения «Молода еще девица я была...». Автор — Евгений Павлович Гребенка (1812—1848).

11. Что стоишь, качаясь... // Там же. С. 369—370. Автор — крестьянский поэт Иван Захарович Суриков (1841—1880). Его текст см. под № 12.

12. Рябина // Песни и романсы русских поэтов. № 546. Первоначальная публикация: Воскресный досуг. 1864. № 95. С. 317.

13. Сиротой я росла... // Городские песни, баллады, романсы. № 421. Запис. в с. Ильинское Вилегодского района Архангельской обл. в 1974 г. Песенный вариант стихотворения И.З. Сурикова: см. «Песни и романсы русских поэтов», № 553. Было опубликовано в «Иллюстрированной газете» за 1870. № 13. С. 203.

14. Среди лесов дремучих... // Песни и романсы русских поэтов. № 685. Песенная переделка стихотворения «Погребение разбойника» (1846). Автор — Федор Богданович Миллер (1818—1881): см. «Песни и романсы русских поэтов». С. 645—647.

15. Кочегар // Песни и романсы русских поэтов. № 683. Переделка стихотворения Николая Федоровича Щербины (1821—1869) «Моряк» (1843). Как матросская песня стихотворение «Кочегар» обязано созданием поэту-любителю Г.Д. Зубареву. Многократно перепечатывалось в песенниках, подверглось правке. См. один из многочисленных вариантов — № 16.

16. Раскинулось море широко... // Песни и романсы русских поэтов. № 684. Песенный вариант стихотворения «Кочегар» (см. № 15). При пении сокращалась, устранялась избыточная детализация.

17. Славное море, священный Байкал... // Песни и романсы русских поэтов. № 688. Песенная переделка стихотворения «Думы беглеца на Байкале» (1858). Автор — сибирский поэт, деятель культуры и просветитель Дмитрий Павлович Давыдов (1811—1888). Бытовала в качестве песни с 60-х годов XIX в.

18. Есть на Волге утес — диким мохом порос... // Песни и романсы русских поэтов. № 693. Песенная переделка стихотворения «Утес Стеньки Разина». См.: Песни и романсы русских поэтов. № 564. Автор — Александр Александрович Навроцкий (1839—1914).

19. Что затуманилась, зоренька ясная... // Городские песни, баллады, романсы. № 462. Запис. в дер. Варушцы Суворовского района Тульской области. Переделка песни из авторской повести в стихах «Муромские леса». Отдельно печаталась в лубке, песенниках, включалась в народную драму «Шлюпка» (см.: Северные народные драмы. Сборник Н.Е. Ончукова. СПб., 1911. С. 76). См. авторский текст — № 20.

20. Что отуманилась, зоренька ясная... // Из повести в стихах «Муромские леса» (М., 1831). Автор — Александр Фомич Вельтман (1800—1870). «Песни и романсы русских поэтов». № 359.

21. Белой акации гроздь душистые... // Песни и романсы русских поэтов. № 708. Слова А.А. Пугачева, автора нескольких «цыганских» романсов (начало XX в.): «Жалобно стонет ветер осенний» и др. Составитель антологии «Песни и романсы русских поэтов» В.Е. Гусев датирует романс 1902 годом.

22. Вот вспыхнуло утро, румянятся воды... // Городские песни, баллады, романсы. № 307. Запис. в дер. Ирта Ленского района Архангельской области в 1973 году. Переделка стихов

23. Под впечатлением «Чайки» Чехова // Первоисточник романа «Вот вспыхнуло утро, румянятся воды», автор — Елена Алексеевна Буланина (1876—1941[?]). Датируется 1901 г. «Песни и романсы русских поэтов». № 628.

24. Бывали дни веселые... // Русские песни. Сост. И.Н. Розанов. С. 372—373. Переработанное стихотворение «Изменница» (1901). Автор — Прохор Григорьевич Горохов (1869—1925).

25. Ты, моряк, красивый сам собою... // Песни и романсы русских поэтов. № 681. Литературный текст, переработанный в песенном обиходе. Из драмы «Артур, или шестнадцать лет спустя» (1839). Автор — Василий Степанович Межевич (1814—1849).

26. Мой костер в тумане светит... // Русские песни. Сост. И.Н. Розанов. С. 240. Автор — Яков Петрович Полонский (1819—1893). «Песня цыганки» впервые опубликована в: Современник. 1853. № 11.

Любовные песни и романсы

1. Когда б имел золотые горы... // Городские песни, баллады, романсы. № 277. Записано в с. Киреевское Козельского района Калужской области в 1971 г.

2. Потеряла я колючку... // Песни и романсы русских поэтов. № 657.

3. Пускай могила меня накажет... // Городские песни, баллады, романсы. № 131. Запис. в дер. Фенино Люберецкого района Московской области в 1960 г.

4. Ах, зачем эта ночь... // Там же. № 242.

5. Ох, насколько любовь зла!.. // Там же. № 328. Запис. в дер. Захнево Рузского района Московской области в 1963 году.

6. Любила меня мать, уважала... // Там же. № 162. Запис. в дер. Кудиново Малоярославецкого района Калужской области в 1968 г.

7. Все птички, канарейки... // Там же. № 195. Запис. в г. Волоколамске Московской области в 1963 г. Опушены три строфы (альбомного характера, не имеющего отношения к песне).

8. Все говорят, что я многих любила... // Там же. № 123. Записано в с. Мосеево Медынского района Архангельской области в 1975 г.

9. Стаканчики граненые... // Там же. № 264. Записано в дер. Гусево Медынского района Калужской области в 1970 г.

10. Куда ведешь, тропинка милая... // Современная баллада и жестокий романс / Составители С. Адоньева, Н. Герасимова. СПб., 1996. С. 21—22. Запис. в с. Фёдово Плисецкого района Архангельской области в 1980 г.

11. Шумел камыш, деревья гнулись... // Уличные песни / Сост. Т.В. Ахметова. М., 2000. С. 207.

12. На окраине где-то в городе... // Там же. С. 275.

Балладные песни и романсы

13. На пригорке земляничка... // Городские песни, баллады, романсы. № 394. Записано в дер. Шамордино Козельского района Калужской области в 1971 г. Песенный вариант стихотворения Всеволода Владимировича Крестовского (1840—1895) «Ванька-ключник» (1861).

14. Ехали солдаты... // Там же. № 355. Запис. в с. Лампожня Мезенского района Архангельской области в 1975 г. Измененный вариант стихотворения Сергея Тимофеевича Аксакова (1791—1859) «Уральский казак (Истинное происшествие)» (1821).

15. Живет моя красotka... // Там же. № 407. Запис. в дер. Новоселки Гаврилово-Посадского района Ивановской области в 1961 г. Песенный вариант стихотворения Сергея Федоровича Рыскина (1859—1895) «Удалец» (1882).

16. Как во нашей во деревне... // Там же. № 413. Запис. в дер. Рябово Котласского района Архангельской области в 1974 г.

17. По муромской дорожке... // Гори, гори, моя звезда. Старинный русский романс / Сост. В.Д. Сафошкин. М., 1999. С. 104—105.

18. Вот сейчас, друзья, расскажу я вам... // Городские песни, баллады, романсы. № 363. Запис. в дер. Подпорожье Каргопольского района Архангельской области в 1970 г.

19. Хас-Булат удалой... // Там же. № 395. Песенный вариант стихотворения «Элегия» (1858) Александра Николаевича Аммосова (1823—1866).

20. Окрасился месяц багрянцем... // Там же. № 399. Запис. в дер. Матчино Козельского района Калужской области в 1970 г.

21. Девушку из маленькой таверны... // Исп. Кира Петровна Смирнова. Запис. 8 января 1995 г. (радиопередача «В нашу гавань заходили корабли»).

22. Гудки тревожно загудели... // Уличные песни. С. 235. Известна под названием «Коногон».

23. Вот вечер вечерет... // Там же. С.265—266. Обычное название «Маруся отравилась».

Тюремные и каторжные песни и романсы

24. Там вдали при долине... // Городские песни, баллады, романсы. № 458. Запис. в дер. Речково Котласского района Архангельской области в 1974 г.

25. Эх ты, доля, моя доля... // Гори, гори, моя звезда. Старинный русский романс / Сост. В.Д. Сафошкин. С. 88—89.

26. Далеко в стране Иркутской... // Городские песни, баллады, романсы. № 482. Запис. в дер. Горка Каргопольского района Архангельской области в 1958 г.

27. По диким степям Забайкалья... // Песни и романсы русских поэтов. № 655. В массовых публикациях называют: «Бродяга» с пояснением «Из песен каторжан».

28. Глухой неведомой тайгою... // Там же. № 659.

29. Окрести, мамаша, маленьким кресточком... // Песни. В нашу гавань заходили корабли. С. 73.

30. Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый!.. // Гори, гори, моя звезда / Сост. В.Д. Сафошкин. С. 233—234.

31. Цыганка с картами, дорога дальняя... // Запис. в 1965 г. В.Л. Анцикин^{ым} от студентов-филологов, участников фольклорной экспедиции Московского университета. Варианты: вместо начальных слов «Цыганка с картами» пели «Цыганка старая»; «Централка», «Тюрьма Центральная» заменяли «Таганкой», «Тюрьмой Таганскою».

32. В воскресенье мать-старушка... // Городские песни, баллады, романсы. № 510. Записано в г. Иваново в 1960 г.

33. Когда качаются фонарики ночные... // Песни. В нашу гавань заходили корабли. С. 77.

Гражданские патетические песни и романсы

34. Слушай, рабочий... // Русские народные песни. Вступ. статья, примечания и составление А.М. Новиковой. М., 1957. С. 545. Запис. А.М. Новиковой в 20-е годы в Тульской области.

35. Там, вдали за рекой, загорались огни... // Там же. С. 550. Автор первоначального текста (1924), участник гражданской войны Николай Мартынович Кооль, повторил фольклорный мотив обращения умирающего к коню. Ритм был задан старинной каторжной песней. Об истории песни см.: Долматовский Е.А. Рассказы о твоих песнях. М., 1973. С. 93—95.

36. По долинам и по взгорьям... // Там же. С. 560. Автор первоначального текста (1920) П. С. Парфенов (1894—1943). См. его статьи: «Как создалась песня “По долинам, по загорьям”» // Красноармеец и краснофлотец. 1934. № 21.

37. Как на грозный Терек выгнали казаки... // Песни. В нашу гавань заходили корабли. С. 13.

38. Двадцать второго июня ровно в четыре часа... // Там же. С. 232.

39. За нами холодное море... // Материалы по истории песни Великой Отечественной войны / Сост. В.Ю. Крупянская, С.И. Минц. Отв. ред. В.И. Чичеров. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XIX). М., С. 98. Записано в июле 1944 г.

40. Я встретил его близ Одессы родной... // Незабываемые годы. Русский песенный фольклор Великой Отечественной войны в записях К.Г. Свитовой. М., 1985. № 49.

41. Раскинулись рельсы далеко... // Русский советский фольклор. Антология. Составление и примечания Л.В. Домановского, Н.В. Новикова, Г.Г. Шаповаловой. Л., 1967. № 162. Из газеты «Известия», 22 декабря 1945. Публикация поэта А.Т. Твардовского «Из песен о немецкой неволе». Песня из рукописного сборника, найденного советским офицером в бараче для «восточных рабочих» в Штаблаке (Германия). Сборник Надежды Коваль, помечен ею 1944 г.

42. На поле танки грохотали... // Печатается по варианту в исполнении певца С. Чигракова. Другие варианты см.: Русский советский фольклор. Антология. № 121; Песни. В нашу гавань заходили корабли. С. 240. Первоначальный текст, породивший тематические вариации — шахтерская песня о гибели коногона (см. сборник А.В. Ионова «Песни и сказы Донбасса». Сталино—Донбасс, 1960. С. 121—123).

Шуточные песни и пародии

43. Я гимназистка седьмого класса... // Песни. В нашу гавань заходили корабли. С. 23.
44. Ночь надвигается, фонарь качается... // Там же. С. 35.
45. Я Мишу встретила на клубной вечериночке... // Там же. С. 44.
46. Цилиндром на солнце сверкая... // Там же. С. 328.
47. Расскажу я вам, ребята... // Там же. С. 342—343.
48. Мама, я летчика люблю... // Там же. С. 320.
49. Коперник целый век ... // Там же. С. 367.
50. Зачем Герасим утопил Муму?... // Там же. С. 313.

ЧАСТУШКИ

Любовные частушки

1. *Водарский В.А.* Частушки // Труды Владимирской учен. Арх. Комиссии, 1914. № 52. Запис. в Саратовской губ.
2. Русская частушка. Подг. текста и примечания В.Ф. Бокова (малая серия «Библиотеки поэта»). Л., 1950. С. 99. См. вариант: Сборник великорусских частушек / Под ред. Е.Н. Елеонской. М., 1914. № 1162 (Московск. губ., Звенигородск. уезд).
3. Сборник великорусских частушек. Ярославск. губ., Даниловск. уезд, 1912 г.
4. Запис. составителем в 1969 г. в Архангельск. обл., Холмогорск. район, дер. Высокое (Сельцо) от М.Е. Павловой, 1915 г. рождения.
5. Сборник великорусских частушек. № 772. Новгородск. губ., Тихвинск. уезд, с. Озерёво, 1911 или в 1912 г.
6. Сборник великорусских частушек. № 471. Псковск. губ., Порховск. уезд, начало 80-х гг. XIX в.
7. Частушки в записях советского времени / Издание подгот. З.И. Владова и А.А. Горелов («Памятники русского фольклора»). М.; Л., 1965. № 922. Лешуконский район, Архангельская область, 1958.
8. Сборник великорусских частушек. № 1093. Новгородск. губ., Тихвинск. уезд, с. Озерёво. 1911 или 1912 г.
9. Частушки в записях советского времени. № 560. Архангельск. обл., Онежский район.
10. Сборник великорусских частушек. № 1068. Новгородск. губ., Тихвинск. уезд, с. Озерёво. 1911 или 1912 г.
11. Запис. составителем в 1966 г. в Вологодской. обл., Верховажском районе, дер. Олютино от Г.Ф.Баландиной, 1918 г. рождения.
12. Частушки в записях советского времени. № 403. Архангельск. обл., Котласский район, 1936 г.
13. Русская частушка. С. 100.
14. Запис. составителем в 1964 г. в Калужской обл., Калужск. районе, дер. Корекозово от М.К. Сафроновой, 1908 г. рождения, жила до 1942 г. в Мытищах Московской области.

15. Частушки родины Шукшина / Собр. и сост. Александр и Геннадий Заволокины. Барнаул, 1986. С.17.
16. Запис. составителем в 1969 г. в Архангельск. обл., Холмогорск. районе, дер. Высокое (Сельцо) от М.Е. Павловой, 1915 г. рождения.
17. Запис. составителем в 1966 г. в Вологодской. обл., Верховажском районе, дер. Олютино от Г.Ф. Баландиной, 1918 г. рождения.
18. Запис. составителем в 1963 г. в Архангельской обл., Каргопольском районе, Ошевенском погосте от М.И. Шнякиной, 1907 г. рождения. Вариант: Сборник великорусских частушек. № 1629. Тверская губ., Весьегонск. уезд, с. Расторлово. 1912 г.
19. Запис. составителем в 1966 г. в Вологодской обл., Верховажском районе, дер. Олютино от Г.Ф. Баландиной, 1918 г. рожд. Особенность местного говора — «цоканье».
20. Запис. составителем в Архангельской обл., Холмогорском районе, дер. Красный Яр от М.Н. Копалиной, 1897 г. рождения.
21. Русская частушка. С. 186.
22. Из рукописного сборника Николая Ивановича Заборского, местного собирателя частушек, жителя с. Зачачье Архангельской области, Холмогорского района (записи 30-х гг. XX в.). Некоторые частушки собиратель получал из других мест, переписывал и из печатных изданий. Близкий вариант см.: Сборник великорусских частушек. № 282 (Архангельская губ., Шенкурский уезд).
23. Там же. Вариант: Сборник великорусских частушек. № 561 (Новгородская губ., Белозерский уезд): вместо «миленького» — «шарочка».
24. Сборник великорусских частушек. № 1037 (Новгородская губ., Крестецкий уезд). Записана в 1911—1912 гг.
25. Русская частушка. С. 196.
26. Из рукописного сборника *Н.И. Заборского*.
27. Сборник великорусских частушек. № 200. Архангельский уезд, Шенкурский уезд.
28. Этнографическое Обозрение, 1897, № 2. С. 105. Новгородская губ., Череповецкий уезд. Вариант: Сборник великорусских частушек. № 445 (Псковская губ., Порховский уезд).
29. Частушка / Вступ. статья, подг. текста и примеч. В.С. Бахтина. М.; Л. № 241.
30. Запис. составителем в 1966 г. в Вологодской. обл., Верховажском районе, дер. Олютино от Г.Ф.Баландиной.
31. Запис. составителем в 1963 г. в Архангельской обл., Каргопольском районе, Ошевенском погосте от М.И. Шнякиной.
32. Из рукописного сборника Н.И. Заборского.
33. Записана составителем в 1964 г. в Калужской обл., Калужск. районе, дер. Корекозово от группы женщин.
34. Запис. составителем в 1966 г. в Вологодской. обл., Верховажском районе, дер. Олютино от Г.Ф. Баландиной.
35. Сборник великорусских частушек. № 47. Архангельский губ., Онега.
36. Частушка / Подг. текста и примеч. В.С. Бахтина. № 1417.
37. Русская частушка. С. 137.

38. Там же. С. 149.
39. Из рукописного сборника Н.И. Заборского.
40. Русская частушка. С. 207.
41. Запис. составителем в 1964 г. в дер. Гóлодское, Калужская обл., Калужский район.
42. Русская частушка. С. 189.
43. Запис. составителем в 1963 г. в дер. Хóлуй Архангельской обл., Каргопольского района от девочки 11 лет Шуры Третьяковой, научившейся петь от матери и бабушки.
44. Запис. составителем в 1963 г. в Архангельской обл., Каргопольском районе, Ошевенском погосте от М.И. Шнякиной.
45. Запис. составителем тогда же, там же и от нее же.
46. Запис. составителем в 1966 г. от К.А. Постниковой, 1908 г. рождения, в дер. Олютино Вологодской обл., Верховажского района.
47. Запис. составителем в 1963 г. от Н.В. Солдатовой, 1903 г. рождения, в дер. Бабкино Архангельской обл., Каргопольского района.
48. Запис. составителем в 1969 г. в Архангельск. обл., Холмогорск. районе, дер. Высокое (Сельцо).
49. Запис. составителем в 1968 г. в Кемском районе Карельской АССР, с. Гридино от Д.Ф. Ивановой, 1941 года рождения.
50. Запис. составителем там же и от нее же.
51. Русская частушка. С. 187.
52. Запис. составителем в 1951 году в Самарской области.
53. Сборник великорусских частушек. № 1682. Тверская губ., Вышневолоцкий уезд, 1912 г.
54. Русская частушка. С. 85.
55. Сборник великорусских частушек. № 76. Архангельская губ., Онега.
56. Русская частушка. С. 86.
57. Сборник великорусских частушек. № 350. Вологодская губ., Вологодский уезд.
58. Частушки в записях советского времени. № 1237. Архангельская обл., Мезенский район, 1958 г.
59. Из рукописного сборника Н.И. Заборского.
60. Запис. составителем в 1966 г. от девушек дер. Спирино Верхневажского района Вологодской обл.
61. Из рукописного сборника Н.И. Заборского.
62. Частушки родины Шукшина. С. 58.
63. Запис. составителем в 1964 г. в Калужской обл., Калужском районе, дер. Корекозево.
64. Запис. составителем там же и тогда же от М.К. Сафроновой.
65. Сборник великорусских частушек. № 4432. Воронежская губ.
66. Там же. № 4485. Воронежская губ.
67. Частушки родины Шукшина. С. 53.
68. Запис. составителем в 1965 г. в Архангельской области, Онежском районе, дер. Сырья.

69. Частушки родины Шукшина. С. 103.
70. Там же. С. 84.
71. Там же. С. 34.
72. Там же. С. 32.
73. Там же.
74. Там же. С. 130.
75. Там же. С. 90.
76. Там же. С. 29.
77. Запис. составителем в 1963 г. в дер. Хóлуй Архангельской обл., Каргопольского района от подростков.
78. Частушка / Подг. текста и примеч. В.С. Бахтина. № 3455.
79. Запис. составителем в 1964 г. в Калужской обл., Калужском районе, дер. Корекозово от М.К. Сафроновой.
80. Сборник великорусских частушек. № 541. Новгородская губ., Боровичский уезд, 1911—1912 гг.
81. Частушка / Подг. текста и примеч. В.С. Бахтина. № 469.
82. Водарский В.А. Частушки. № 512. Владимирская губ.
83. Частушка / Подг. текста и примеч. В.С. Бахтина. № 3478.
84. Частушки в записях советского времени. № 699. Архангельская область, Пинежский район, 1958 г.
85. Запис. составителем в 1964 г. в Калужской обл., Калужском районе, дер. Корекозово от М.К. Сафроновой.
86. Сборник великорусских частушек. № 1252. Московская губ., Звенигородский уезд, 1912.
87. Частушка / Подг. текста и примеч. В.С. Бахтина. № 555.
88. Белов В.И. Год великого перелома // Роман-газета. 1991. № 9. С. 44.
89. Сборник великорусских частушек. № 1783. Тверская губ., Старицкий уезд, с. Нестеровское. 1912 г.
90. Запис. составителем в 1965 г. в дер. Клещево Прилуцкого сельсовета Онежского района от Н.Ф. Ляпуновой.
91. Сборник великорусских частушек. № 1621. Тверская губ., Бежецкий уезд, 1912 г.
92. Запис. составителем в 1968 г. в Кемском районе Карельской АССР, с. Гридино от Д.Ф. Ивановой.
93. Из рукописного сборника Н.И. Заборского.
94. Сборник великорусских частушек. № 408. Олонецкая губ., Каргопольский уезд, Конорецкая волость. Запис. 80-е гг. XIX в.
95. Там же. № 655. Новгородская губ., Крестецкий уезд. Запис. в 1911—1912 гг.
96. Русская народная поэзия. Лирическая поэзия / Сост. А.А. Горелов. Л., 1984. № 1201.
97. Из рукописного сборника Н.И. Заборского.
98. Частушки родины Шукшина. С. 125.
99. Там же. С. 14.
100. Запис. составителем в 1965 г. в Архангельской обл., Онежском районе, дер. Клещёво от Н.Ф. Ляпуновой, 1881 г. рождения.

101. Запис. составителем в 1947 г. в Калининской обл., Бологовском районе, дер. Волково от М.А. Ивановой, 1910 г. рождения.
102. Частушка / Подг. текста и примеч. В.С. Бахтина. № 2507.
103. Частушка / Подг. текста и примеч. В.С. Бахтина. № 659.
104. *Водарский В.А.* Частушки. № 587. Владимирская губ.
105. Частушки в записях советского времени. № 782. Архангельская обл., Красноборский район. 1962 г.
106. Сборник великорусских частушек. № 3001. Костромская губ., Кологривский уезд, 1913 г.
107. Русская частушка. С. 146.
108. Запис. составителем в 1947 г. в Калининской обл., Бологовском районе, дер. Волково от В.Г. Андреева.
109. Из записей П.Ф. Югова, Кировская обл., дер. Вожгалы, 1951 г.
110. Сборник великорусских частушек. № 2424. Тверская губ., Старицкий уезд, с. Страшевичи, 1912 г.
111. *Там же.* № 1358. Тверская губ., Старицкий уезд, дер. Панкратово. 1912 г.
112. Русская частушка. С. 132.
113. Из рукописного сборника Н.И. Заборского.
114. Сборник великорусских частушек. № 1105. Московская губ., Звенигородский уезд, 1912 г.
115. Частушки родины Шукшина. С. 21.
116. *Соколов Ю.М.* Русская народная песня. М., 1938. С.126.
117. Записана составителем в 1963 г. в Архангельской обл., Каргопольском районе, Ошевенском погосте от М.И. Шнякиной.
118. Частушка / Подг. текста и примеч. В.С. Бахтина. № 2673.
119. Сборник великорусских частушек. № 1698. Тверская губ., Вышневолоцкий уезд, 1912 г.
120. Записана составителем в 1965 г. в Архангельской обл., Онежском районе, дер. Сырья от П.Ф. Андреевой.
121. Запис. составителем в 1966 г. в Вологодской обл., Верховажском районе, дер. Олютино от Г.Ф. Баландиной.
122. Русская частушка. С. 198.
123. Из рукописного сборника Н.И. Заборского.
124. Частушки в записях советского времени. № 526.
125. Сборник великорусских частушек. № 1704. Тверская губ., Вышневолоцкий уезд, 1912 г.
126. Частушки в записях советского времени. № 1176. Архангельская обл., Лешуконский район, 1958 г.
127. Сборник великорусских частушек. № 1564. Московская губ., Подольский уезд, 1912 г.
128. *Там же.* № 138. Архангельская губ., Онега.
129. *Там же.*
130. *Там же.* № 190. Архангельская губ., Шенкурский уезд.

131. *Там же*. № 489. Псковская губ., Порховский уезд. Запис. в начале 80-х гг. XX в.
132. *Там же*. № 1055. Новгородская губ., Старорусский уезд. Запис. 1911—1912 гг.
133. *Там же*. № 594. Новгородская губ., Кирилловский уезд. Запис. 1911—1912 гг.
134. *Там же*. № 826. Новгородская губ., Боровичский уезд. Запис. 1911—1912 гг.
135. *Там же*. № 1705. Тверская губ., Вышневолоцкий уезд. Запис. в 1912 г.
136. Запис. составителем в 1947 г. в Калининской обл., Бологовском районе, дер. Волково от В.Г. Андреева.
137. Запис. составителем тогда же и там же.
138. Из рукописного сборника Н.И. Заборского.
139. Частушки в записях советского времени. № 837. Архангельская обл., Вилегодский район. 1962 г.
140. Русская частушка. С. 104.
141. Запис. составителем в 1964 г. в дер. Гóлодское, Калужская обл., Калужский район.
142. Запис. составителем в 1968 г. в Кемском районе Карельской АССР, с. Гридино от Д.Ф. Ивановой.
143. Частушка / Подг. текста и примеч. В.С. Бахтина. № 3415.
144. Запис. составителем в 1968 г. в Кемском районе Карельской АССР, с. Гридино от Д.Ф. Ивановой.
145. Русская частушка. С. 184.
146. *Там же*. С. 190.
147. Запис. составителем в 1964 г. в дер. Гóлодское, Калужская обл., Калужский район.
148. Запис. тогда же и там же.
149. Запис. тогда же и там же.
150. Запис. составителем в 1947 г. в Калининской обл., Бологовском районе, дер. Волково от Т. Федорова.
151. Из рукописного сборника Н.И. Заборского.
152. Запис. составителем в 1963 г. в Архангельской обл., Каргопольском районе, Ошевенском погосте от М.И. Шнякиной.
153. Запис. там же и тогда же.
154. Запис. составителем в 1965 г. в Архангельской обл., Онежском районе, дер. Сырья от П.Ф. Андреевой.
155. Запис. составителем тогда же, там же и от нее.
156. Запис. составителем в 1963 г. в Архангельской обл., Каргопольском районе, Ошевенском погосте от группы женщин.
157. Запис. от М.Н. Копалиной в Архангельской обл., Холмогорском районе, дер. Красный Яр В.П. Аникиным, в 1969 г.
158. Запис. составителем в 1963 г. в Архангельской обл., Каргопольском районе, Ошевенском погосте.

159. Этнографическое Обозрение. 1897. № 2. С. 105. Новгородская губ., Череповецкий уезд.

160. Запис. составителем в 1969 г. от М.И. Казниной, 1896 г. рождения, родом из Сельца Архангельской обл., Холмогорского района.

161. Частушки в записях советского времени. № 593. Архангельская обл., Онежский район, 1962 г.

162. Запис. составителем в 1947 г. в Калининской обл., Бологовском районе, дер. Волково от В.Г. Андреева.

163. Из рукописного сборника Н.И. Заборского.

164. Запис. составителем в 1969 г. от М.Е. Павловой, 1915 г. рождения, родом из Сельца Архангельской обл. Холмогорского района.

Семейные частушки

165. Из рукописного сборника Н.И. Заборского.

166. Запис. составителем в 1947 г. в Калининской обл., Бологовском районе, дер. Волково от В.Г. Андреева.

167. Сборник великорусских частушек. № 777. Новгородская губ., Тихвинский уезд, с. Озерёво. Запис. 1911—1912 гг.

168. Частушка / Подг. текста и примеч. В.С. Бахтина. № 877.

169. Запис. от М.Н. Копалиной в Архангельской обл., Холмогорском районе, дер. Красный Яр В.П. Аникиным в 1969 г.

170. Русская частушка. С. 89.

171. Сборник великорусских частушек. № 180. Архангельская губ., Онега.

172. *Там же*. Тверская губ., Нестеровский уезд, с. Нестеровское. 1912 г.

173. Русская народная поэзия. Лирическая поэзия. № 241. С. 386.

174. Сборник великорусских частушек. № 843. Новгородская губ., Крестецкий уезд. Запис. в 1911—1912 гг.

175. *Там же*. № 1070. Новгородская губ., Тихвинский уезд, с. Озерёво. Запис. в 1911—1912 г.

176. Частушка / Подг. текста и примеч. В.С. Бахтина. № 1079.

177. Сборник великорусских частушек. № 1074. Новгородская губ., Тихвинский уезд, с. Озерёво. Запис. в 1911—1912 гг.

178. *Там же*. № 1061. Новгородская губ., Тихвинский уезд. Запис. 1911—1912 гг.

179. Запис. составителем в 1968 г. в Кемском районе Карельской АССР, с. Гридино от Д.Ф. Ивановой.

180. Запис. составителем в 1947 г. в Калининской обл., Бологовском районе, дер. Волково от Н.Г. Андреевой.

181. Запис. составителем в 1966 г. от А.И. Петуховой, 1904 года рождения, в дер. Спирино Верхневажского района, Вологодской обл.

182. Сборник великорусских частушек. № 1380. Московская губ., Звенигородский уезд.

183. Запис. от Н.А. Павловой в Архангельской обл., Холмогорском районе, дер. Сельцо В.П. Аникиным в 1969 г.

184. Русская частушка. С. 173.

185. Сборник великорусских частушек. № 3803. Калужская губ., Малоярославского уезда. Запись 1912 г.

186. Там же. № 3887. Калужская губ., Медынский уезд. Запис. в 1910 или 1912 г.

187. Сборник великорусских частушек. № 3825. Калужская губ., г. Жиздра.

188. Там же. № 3573. Владимирская губ., Покровский уезд. Запис. в 1911 г.

189. Частушки в записях советского времени. № 563. Архангельская обл., Онежский район.

190. Сборник великорусских частушек. № 2080. Тверская губ., Старицкий уезд, 1912 г.

Социальные частушки

191. Сборник великорусских частушек. № 2142. Тверская губ., Старицкий уезд, пос. Сверчково. Запись 1912 г.

192. Там же. № 4341. Курская губ.

193. Там же. № 1427. Московская губ., Звенигородский уезд. Запись 1912 г.

194. Частушки в записях советского времени. № 583. Архангельская обл., Онежский район.

195. Сборник великорусских частушек. № 1420. Московская губ., Звенигородский уезд, 1912 г.

196. Там же. № 1663. Тверская губ., Вышневолоцкий уезд. дер. Семяникова, 1912 г.

197. Запис. составителем в одном из сел Салаватского района Башкирии в 1949 г. См. вариант: Русская частушка. Фольклорный сборник / Вступ. статья и составление А.В. Кулагиной. М., 1993. № 378.

198. Сборник великорусских частушек. № 504. Псковская губ., Порховский уезд. Запис. в начале 80-х годов XIX в.

199. Частушка / Подг. текста и примеч. В.С. Бахтина. № 1032.

200. Русская частушка. С. 71.

201. Частушка / Подг. текста и примеч. В.С. Бахтина. № 1046.

202. Сборник великорусских частушек. № 4348. Курская губ., Курский уезд. Запис. в 1912 г.

203. Частушка / Подг. текста и примеч. В.С. Бахтина. № 957.

204. Русская частушка. С. 60.

205. Там же. С. 300.

206. Сборник великорусских частушек. № 915. Новгородская губ., Старорусский уезд. Зап. 1911—1912 гг.

207. Запис. составителем от П.Е. Засыпкиной, урожденной Тверской области, в 50-х годов XX в. в Москве.

208. Запис. составителем в 1966 г. в Вологодской обл., Верхневажском районе, дер. Чушевицы от Е.Д. Петуховой; пояснение певицы: «девоцья».

209. Русская частушка. С. 80.

210. Из сборника М.С. Коробченко. Запис. в 1919 г. в с. Ярославце Лог Алтайского края от Н.Е. Пекшева, 1891 года рождения.
211. *Там же*. Записана тогда, там же и от того же.
212. *Там же*. Записана тогда, там же и от того же.
213. Частушка. Подг. текста и примеч. В.С. Бахтина. № 1880.
214. Народно-поэтическая сатира. Подг. Д.М. Молдавский. Л., 1960.
- С. 349.
215. Русская частушка. С. 102.
216. *Белов В.И.* Год великого перелома // Роман-газета. 1991. № 9.
- С. 42.
217. *Там же*. С. 80.
218. *Там же*.
219. *Там же*. С. 77.
220. *Там же*. С. 80.
221. Русские народные песни Поволжья / Под общ. ред. Н.П. Колпаковой. М.; Л. 1959. С. 56.
222. *Белов В.И.* Год великого перелома. С. 87.
223. Из рукописного сборника Н.И. Заборского.
224. *Там же*.
225. Запис. составителем в 1966—1969 годах в Архангельской обл.
226. Частушка / Подг. текста и примеч. В.С. Бахтина. № 2315.
227. Частушки родины Шукшина. С. 21.
228. Русская частушка. С. 321.
229. *Там же*. С. 326.
230. *Там же*. С. 328.
231. Частушка / Подг. текста и примеч. В.С. Бахтина. № 2483.
232. *Там же*. № 2464.
233. *Там же*. № 2485.
234. Русская частушка. Фольклорный сборник / Вступ. статья и состав. А.В. Кулагиной. № 496.
235. Запис. составителем в одном из сел Славатского района Башкирии в 1949 г. См.: вариант: Русская частушка. Фольклорный сборник / Вступ. статья и составление А.В. Кулагиной. № 567.
236. Саратовская частушка / Сост. В.К. Архангельская. Саратов, 1968. С. 105.

Шуточные частушки

237. Запис. составителем в 1963 г. в дер. Хóлуй Архангельской обл., Каргопольского района от Шуры Третьяковой.
238. Сборник великорусских частушек. № 240. Архангельская губ., Шенкурский уезд.
239. Русская частушка. С. 135.
240. *Белов В.И.* Год великого перелома. С. 109.
241. Запис. составителем в 1963 г. от Н.В. Солдатовой, 1903 г. рождения, в дер. Бабкино Архангельской обл., Каргопольского района.

242. *Артем Веселый*. Частушки колхозных деревень. М., 1936. С. 102.
243. Частушка / Подг. текста и примеч. В.С. Бахтина. № 424.
244. Русская частушка. С. 96.
245. Уральские частушки о любви / Сост. И.В. Зырянов. Пермь, 1966. С.189.
246. *Эммануил Герман (Эмиль Кроткий)*. Из книги о Есенине // жури. Огонек. 1991. № 19. С. 28. По свидетельству автора, эту частушку и следующую пел С. Есенин.
247. *Там же*. С. 29.
248. Частушки родины Шукшина. С. 131.
249. Русская частушка. С. 230.
250. Записана составителем в 1963 г. от группы женщин в дер. Бабкино Каргопольского района Архангельской обл.
251. Сборник великорусских частушек. № 819. Новгородская губ., Боровичский уезд. Зап. в 1911—1912 гг.
252. Русская частушка. С. 111.
253. Запис. составителем в 1965 г. от Н.Е. Воиновой, 1913 г. рождения, в с. Клещево Онежского района, Архангельской обл.
254. Запис. от нее же, тогда же.
255. Сборник великорусских частушек. № 3793. Калужская губ., Жиздринский район, дер. Мужитино, 1912 г.
256. Частушки родины Шукшина. С. 152.
257. Сборник великорусских частушек. № 639. Новгородская губ., Крестецкий уезд. Зап. в 1911—1912 гг.
258. Из рукописного сборника Н.И. Заборского.
259. Русская частушка. С. 94.
260. Запис. составителем в 1969 г. от М.Н. Копалиной в Архангельской обл., Холмогорском районе, дер. Красный Яр.
261. Сборник великорусских частушек. № 593. Новгородская губ., Кирилловский уезд. Запис. в 1911—1912 гг.
262. Саратовская частушка / Сост. В.К. Архангельская. С. 108.
263. *Там же*. С. 97.
264. *Там же*.
265. Сборник великорусских частушек. № 1120. Московская губ., Звенигородский уезд. Запис. в 1912 г.
266. Сборник великорусских частушек. № 3819. Калужская губ.
267. *Там же*. № 3876. Калужская губ., Медынский уезд.
268. *Там же*. № 1053. Новгородская губ., Новгородский уезд. Запис. в 1911—1912 гг.
269. *Там же*. № 1092. Новгородская губ., Тихвинский уезд, с. Озерёво. Запис. в 1911—1912 гг.
270. Частушка / Подг. текста и примеч. В.С. Бахтина. № 1504.
271. Сборник великорусских частушек. № 610. Новгородская губ., Крестецкий уезд. Запис. в 1911—1912 гг.
272. *Там же*. № 123. Архангельская губ., Онега.

273. *Там же.* № 1028. Новгородская губ., Крестецкий уезд. Запис. в 1911—1912 гг.

274. *Там же.* № 1319. Московская губ., Звенигородский уезд. Запис. в 1912 г.

275. *Там же.* № 1364. Запис. тогда же.

276. Запис. составителем в 1964 г. в Калужской обл., Калужск. районе, дер. Корекозово.

277. Сборник великорусских частушек. № 1512. Московская губ., Звенигородский уезд. Зап. в 1912 г.

278. *Там же.* № 1203. Запис. там же и тогда же.

279. *Там же.* № 1842. Тверская губ., Старицкий уезд, поместье Свечрково. Запис. в 1912 г.

280. Частушка / Подг. текста и примеч. В.С. Бахтина. № 745.

281. *Там же.* № 1513.

282. *Там же.* № 203.

283. *Там же.* № 1436.

284. *Там же.* № 1411.

285. *Там же.* № 249.

286. Сборник великорусских частушек. № 117. Архангельский губ., Онега.

287. Запис. составителем в 1964 г. в Калужской обл., Калужск. районе, дер. Голодское.

288. Частушки родины Шукшина. С. 65.

289. Русская частушка. Фольклорный сборник / Сост. А.В. Кулагиной. № 641.

290. *Там же.* № 1001.

291. Запис. составителем в 1958 г. в дер. Шульгино Одинцовского района Московской обл. от группы женщин.

292. Запис. тогда же и там же.

293. Частушки родины Шукшина. С. 29.

294. *Там же.* С. 30.

295. *Там же.* С. 74.

296. *Там же.* С. 61.

297. *Там же.* С. 72.

298. *Там же.* С. 98.

299. *Там же.* С. 149.

300. *Там же.* С. 25.

301. Русская частушка. Фольклорный сборник / Сост. А.В. Кулагиной. № 783.

302. Частушка / Подг. текста и примеч. В.С. Бахтина. № 2973.

303. Русская частушка. С. 134.

304. Частушки в записях советского времени. № 864. Ненецкий национальный округ. 1956.

305. *Там же.* № 724. Архангельская обл., Пинежский район, 1958 г.

306. Частушки в записях советского времени. № 735. Запис. там же и тогда же.

307. *Там же.* № 1050. Архангельская обл., Лешуконский район. 1958 г.

308. Частушки родины Шукшина. С. 20.
309. Русская частушка. С. 87.
310. Запис. составителем в 1963 г. от группы женщин в Архангельской обл., Каргопольском районе, дер. Бабкино.
311. Из рукописного сборника Н.И. Заборского.
312. Запис. составителем в 1965 г. в дер. Малашуйка Онежского района, Архангельской обл. от А.И. Касьяновой, 1924 г. рождения.
313. Запис. составителем в 1965 г. в дер. Сырья Онежского района, Архангельской обл.
314. Частушки родины Шукшина. С. 53.
315. Запис. составителем от М.Н. Копалиной в Архангельской обл., Холмогорском районе, дер. Красный Яр в 1969 г.
316. Запис. составителем в 1968 г. в Кемском районе Карельской АССР, с. Гридино от Д.Ф. Ивановой.
317. Частушка / Подг. текста и примеч. В.С. Бахтина. № 1338.
318. Русская частушка. С. 172.
319. Частушки в записях советского времени. № 769. Архангельская обл., Красноборский район.
320. Там же. № 493. Архангельская обл., Онежский район.
321. Сборник великорусских частушек. № 951. Новгородская губ., Крестецкий уезд. Зап. 1911—1912 гг.
322. Частушка / Подг. текста и примеч. В.С. Бахтина. № 398.
323. Сборник великорусских частушек. № 950. Новгородская губ., Крестецкий уезд. Зап. 1911—1912 гг.
324. Частушки в записях советского времени. № 966. Архангельская обл., Лешуконский район. 1958 г.
325. Частушки родины Шукшина. С. 30.
326. Запис. составителем в 1966 г. от девушек дер. Спирино Верхневажского района Вологодской обл.
327. Частушки / Составл., подг. текстов, предислов. и коммент. Л.А. Астафьевой. М., 1987. № 3841.
328. Из рукописного сборника Н.И. Заборского.
329. Частушки / Сост. Л.А. Астафьева. № 3835.
330. Русская частушка. Фольклорный сборник / Сост. А.В. Кулагиной. № 634.
331. Сборник великорусских частушек. № 2173. Тверская губ., Старицкий уезд, с. Нестеревское. Запис. в 1912 г.
332. Там же. № 2186. Тверская губ., Старицкий уезд, с. Страшевичи. Запис. в 1912 г.
333. Запис. составителем в дер. Заборье Холмогорского района, Архангельской обл. в 1969 г.
334. Частушки / Сост. Л.А. Астафьева. № 3886.
335. Запис. составителем в 1964 г. в Калужской обл., Калужск. районе, дер. Корекозеве.
336. Частушка / Подг. текста и примеч. В.С. Бахтина. № 371.

337. Там же. № 1323.
 338. Там же. № 1325.
 339. Симаков В.И. Сборник деревенских частушек. Ярославль, 1913. № 3273.
 340. Запис. составителем в 1963 г. в Ошевенском погосте Каргопольского района Архангельской обл. от Е.Е. Дружининой, 1911 г. рождения.
 341. Из рукописного сборника Н.И. Заборского.
 342. Частушки родины Шукшина. С. 157.
 343. Частушка / Подг. текста и примеч. В.С. Бахтина. № 1327.
 344. Там же. № 1322.
 345. Там же. № 1344.

АНЕКДОТЫ

Из старинных записей

1. Шут Балакирев // Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б.М. и Ю.М. Соколовых. Кн. 1. СПб., 1999. № 40.
2. Ваня и Мáха // Северные сказки. Сборник Н.Е. Ончукова. Кн. 2. СПб., 1998. № 271.
3. Как звали? // Там же. № 237.

Из недавних и современных записей

4. Жена пришла к мужу... // Криминальные анекдоты от Ю.В. Никулина. М., 1996. С. 83.
5. Жене разрешили свидание... // Там же. С. 163.
6. В вырезителе раздаётся звонок... // Там же. С. 159.
7. Пришел хозяин... // Там же. С. 146.
8. Судят убийцу... // Там же. С. 194.
9. Посадил дед репку... // Там же. С. 214.
10. Сообразил // Анекдоты о Вовочке. Сост. Т.Г. Нечипорович. Минск, 1997. С. 305.
11. Яблоко от яблони... // Там же. С. 273.
12. Шея // Там же. С. 173.
13. Писатель // Анекдоты о чайниках. Сост. Т.Г. Нечипорович. Минск, 1997. С. 136—137.
14. Магазин «Принцип» // Там же. С. 60.
15. Приехали // Там же. С. 59.
16. Не знаю // Там же. С. 32—33.
17. Ушастенький // Анекдоты о животных / Сост. Т.Г. Нечипорович. Минск. 1997. С. 75.
18. На базаре // Там же. С. 283.
19. Все на воскресник! // Там же. С. 249.
20. Лягушка у фотографа // Там же. С. 63.
21. Под елью // Там же. С. 296.
22. Кто о чем... // Там же. С. 268.

23. Неужели // Там же. С. 403.
24. Как заяц кондуктора надул // Там же. С. 33.
25. Попались // Там же. С. 327—328.
26. Доигрались // Там же. С. 320.
27. На охоте // Анекдоты о Чапаеве и Штирлице / Сост. Т.Г. Нечипорович. Минск, 1997. С. 390.
28. Музыковеды // Там же. С. 398.
29. «Белые» // Там же. С. 403.
30. «Бабьё» // Слышал составитель в Москве в 1993 г.
31. Прыжок // Запис. составителем в 1971 г. в Москве.
32. На кольцевой // Анекдоты о Чапаеве и Штирлице. С. 433.
33. Предупреждение // Там же. С. 438.
34. Пчела // Анекдоты о животных. С. 442.
35. Что за порядки?! // Там же. С. 47—48.
36. «Выведи козла!» // Слышал в конце 50-х годов в Москве.
37. Спор // Рассказал составителю сосед по дому в Москве. 1969.
38. Команда // Запис. в 1975 г. в Москве.
39. «Кума не курит!» // Запис. в 1992 г. в Москве от пожилого мужчины, любителя острого слова.
40. «А вы что хотите?» // Запис. в 1981 г.
41. «Вентилятор забыли выключить!» // Запис. в 1973 г., в Москве.
42. Почему закрыли «Армянское радио»? // Анекдот ходил в 60-е годы. Москва.
43. «Душа меру знает» // Рассказал П.Д. Ухов, фронтовик, начало 50-х годов, Москва.

Содержание

От составителя	3
В.П. Аникин. История фольклора	6

Бытовой обрядовый фольклор

Традиции древнейшей утилитарности и синкретизма

Народная демонология (мифы)	27
<i>В.И. Даль.</i> Домовой (28). Водяной (32).оборотень (33). Русалка (34). Ведьма (36). <i>С.В. Максимов.</i> Черти-дьяволы (бесы) (39). Баенник (53). Овинник (гуменник) (57). Леший (60). Колдун-чародей (66). Ведьма (77). Знахари-шептуны (81).	

Трудовые (рабочие) песни	86
------------------------------------	----

Заговоры	91
От засухи (92). На ведение скотины (93). Пчеловодство (94). Охота (95). Рыбный промысел (96). Здоровье и болезни (97). Приворотные, присушки (99). Отсуды, отсушки (101). При отправлении в путь (102). Воинские (102). На подход к властям или на умилоствление судей (103).	

Календарный фольклор	103
Встреча года. Колядки и поздравления (104). Святочные обыкновения и гадания (112). Подблюдные песни (119). Весна. Масленица (124). Похороны Масленицы (130). Песни (131). Кликание весны. Веснянки (134). Средокрестная неделя (139). Вербное Воскресенье (140). Великий Четверг (141). Пасха (143). Весенняя пахота и сев (149). Выгон скота (150). Егорьевская песня (150). Хороводы (151). Вознесенье, Семик, Троица (158). Русальная неделя (162). Похороны Костромы (162). Лето. Праздник Ивана Купалы (166). Петров день (169). Жатва (169). Осень. Семин день (173). Воздвиженье (174). Покров Пресвятой Богородицы (175). Кузьминки (176).	

Свадебный фольклор	178
Свадьба в Ярославской губернии (180). <i>П.И. Страхов.</i> О свадьбах и свадебных обрядах и обычаях русских крестьян (215). Песни, причитания, величания и «корильные» шутки (из свадеб разных мест) (238).	

Обрядовые и необрядовые причитания	264
<i>К.В. Чистов.</i> Словарь устойчивых метафорических замен (266). <i>Е.В. Барсов.</i> Похоронный обряд и плачи (268). Бытовые заплачки (296). Рекрутские и солдатские причеты (301). <i>Е.В. Барсов.</i> Рекрутский обряд (301). Плач по холостом рекруте (302). Плач по солдате, пришедшем на побывку (311).	

Необрядовый фольклор

Традиции мировоззренческого синкретизма

- Паремии. 323
Пословицы, поговорки, побасенки (325). В.О. Ключевский. О русских календарных приметах (354).
- Устная проза. 357
Предания (359). Бывальщины (388). Былички (395). Легенды (408).
- Песенный эпос 424
- Былины 424
Вольх Всеславьевич (426). Потук Михайла Иванович (431). Святогор (437). О женитьбе князя Владимира [Дунай Иванович] (438). Добрыня и Змей (447). Сухмантий (456). Илья Муромец и Соловей разбойник (461). Илья Муромец и сын (467). Илья Муромец и голи кабацкие (474). Алеша Попович (478). Добрыня и Алеша Попович (487). Ставер (497). Садко (505). Василий Буслаев (519). Василей Буслаев молиться ездил (526). Вольга и Микула (533). Василий Игнатьевич и Батыга (538).
- Исторические песни 543
Щелкан (544). Взятие Казани (547). [Темрюк-Мастрюк] (548). [Гнев Ивана Грозного на сына] (552). Набег Крымского хана (556). Ермак в Казачьем кругу (557). Гришка Отрепьев (558). Плач Ксени Годуновой (561). Скопин Шуйский (563). Минин и Пожарский (565). Убийство Карамышева (567). Разин и казачий круг (567). Поход Разина на Яик (568). Сынок (569). Разин под Астраханью (570). Разин гуляет на Волге (571). Песня разинцев (572). Разин видит сон (572). Есаул сообщает о казни Разина (573).
- Воинские песни 573
Князь Голицын возвращается в Москву (574). Царь судит стрельцов (575). О начале Северной войны (576). [Поход на шведский рубеж] (576). [Молодец идет в поход под Полтаву] (578). [Шведский король хочет овладеть Полтавой] (578). Шереметев под Красной Мызой (579). Солдаты готовы штурмовать Орешек (580). Молодцев отправляют на Ладожский канал (581). Царь Петр на корабле (582). Краснощеков на допросе (582). Корабельщики бранят князя Гагарина (583). Смерть царя Петра (584). Войско выступает в поход (584). Начало восстания на Яике (585). [Капитан Сурин] (587). Пугачев и Панин (587). Наполеон пишет письмо Александру (588). Кутузов призывает победить французов (588). Наполеон в Москве (589). Платов (589). Француз похвальноется Парижем (590).
- Духовные песни и стихи 590
Егорий Храбрый и царице Демьянище (592). О спасении Елисавии Арахлинской царевны (600). Алексей Божий человек (605). Голубина книга сорока пядень (616). Два Лазаря (620). Плач Адама (625). Стих про душу великой грешницы (628). О Христове Вознесении (631). Разговор Иоасафа царевича с пустыней (632).

Художественный фольклор

Синтез искусств и поздний быт

Сказки 637

Сказки о животных: Лисичка-сестричка и волк (638). Лиса-повитуха (640). Лиса и тетерев (641). Лиса-исповедница (641). Лиса-плачеха (643). Лиса и волк (644). Лиса, заяц и петух (644). Кот, кочеток и лиса (646). Кот и лиса (647). Волк-дурень (650). Старая хлеб-соль забывается (653). Байка про тетерева (655). Журавль и цапля (655). Петух, кот, свинья, баран и бык (656). Небо пало (660). Колобок (661). Череп-терем (663). Петушок задавился (666). *Волшебные сказки:* Гуси-лебеди (666). Мороз Красный нос (668). Царевна-лягушка (670). Белая уточка (674). Сивко-Бурко (677). Об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке (681). Морской царь и Василиса Премудрая (692). Марья Моревна (699). Елена Прекрасная и мачеха (708). Слуга Егерь (712). *Бытовые новеллистические сказки:* Иванушка-дурачок (718). Барин и мужик (721). Сердитая барыня (723). Петухан Куриханович (724). Кашица из топора (725). Солдатская школа (726). Что дальше слышно? (727). Колпак золота (728). Шесть братьев — все Агафоны (730). Заяц (732). Докучные сказки (732).

Загадки 733

Человек (734). Одежда и украшения (735). Изба (736). Освещение, огонь и тепло (737). Внутреннее убранство (738). Домашняя утварь и посуда (739). Пища и питье (741). Домашние животные и птица (742). Вредители в доме и на огороде (744). Огород и сад (745). Земледельческие работы (747). Пряжа, ткань и шитье (749). На пасеке (750). Передвижение, упряжь и дорога (750). Река и рыболовство (752). В лесу и поле: животные, растения, насекомые; охота и рубка (753). Явления природы (погода) (757). Небо и земля (758). Время (761). Жизнь и смерть, обряды (761). Грамота (763). Затейливые вопросы и игра слов (763). Головоломки (764).

Песни старинной формации 765

Балладные песни 768

Дмитрий и Домна (768). Князь Роман жену терял (770). Мать князя Михайла губит его жену (772). Теща в плену у зятя (773). Муж убивает жену по клевете матери (774). Жена мужа зарезала (775). Обращение женщины в дерево (777). Девушка отравила молодца (778). Жена разбойника (778). Разбойники и сестра (780). Навольное пострижение (781). Князь Волхонский и Ванюша-ключник (782). Сестры находят уехавшего брата убитым (784).

Лирические песни 785

Уж ты, поле моё, поле чистое... (785). У отца было, у матери три сына любимых... (786). Уж вы, ветры мои, ветерочки... (786). Не кукушечка, братцы, во сыром бору куковала... (787). Шел дегинушка дорогою... (787). Чем-то наша славная земляшка распахана?... (788). А вскрикнули да два лебедя... (788). Не шуми, мати зелёная дубровушка... (789). Ты воспой-кася, воспой, молодой живороночик!... (790). Я по цветикам ходила... (791). Как по лугу, по лужочку вода соливат... (792). Соловей мой, соловей, соловушко молодой!... (792). Туманно красное солнышко, туманно... (792). Ты мой сизенький, мой беленький голубчик... (793). Ах вы ветры, ветры буйные... (793). Ах, не одна-то, не одна... (793). Калинушка с малинушкой, лазоревый цвет... (794). Цвели в поле цветики, да поблекли... (794). Ах, матушка, тошно мне, голова болит... (794). Как у ключика у гремучего... (795). Ах что ж ты, голубчик, не весел сидишь... (795). Ты гуляй, гуляй, душа милый друг... (795). Не пыль, не кура в

поле подымалась... (796). Хожу я, гуляю вокруг коровода... (796). Лебедь мой, лебедок... (797). Уродилась сильна ягода в бору... (798). Чарочки по столу похаживают... (799). Ах, по речке, ах, по Казанке... (800). Калинку с малиною вода поняла... (800). Ах, кабы на цветы не морозы... (801). Выдала матушка далече замуж... (802). Ах ты ноченька, ночка темная!.. (802). Ах вы сени мои, сени, сени новые мои... (803). Во поле береза стояла... (803). Хожу, млада, по Дунаю, ой, по Дунаю... (804). Воля, воля, воля, волюшка!.. (805). Сосенка, сосенушка зелененькая!.. (805). Лучина, лучинушка березовая!.. (806). Спится мне, младешенькой, дремлется... (806). Ты заря моя, ты заря вечерняя!.. (807). Ветры мои, ветры, вы буйные ветры!.. (807). Куманечек, побывай у меня... (808). Дома ль кум воробей?.. (809). Что задумал наш комаричек жениться... (810). Жила-была Дуня... (811). Мой муж домой едет... (812). У меня ль муж не удала голова... (813). Было у тещи семь зятьев... (814).

Детский фольклор 815

Колыбельные песни (816). Пестушки и потешки (822). Прибаутки (828). Заклички и приговорки (836). Считалки и игры (840). Скороговорки (845). Дразнилки и поддевки (847).

Зрелища и театр 849

Медвежья потеха 850

Объявление (850). *Д.А. Ровинский*. Приход жоака с медведем (851). *С.В. Максимов*. Сергач (852).

Театр кукол 858

А.Д. Алферов, А.Е. Грузинский. Петрушка (858). Петрушка, он же Ванька-Рататуй (из собрания *П.Н. Тиханова*) (860). *Н.А. Полевой*. Вертеп (869). Смерть царя Ирода (запись *Н.Н. Виноградова*) (871).

Театр актеров 880

Царь Максимилиан (*Н.Н. Виноградов*) (880). *С.В. Максимов*. Барин (901). Мнимый барин (*Н.Е. Ончуков*) (904). Лодка (*Н.Н. Виноградов*) (911). Речи балаганных зазывал (918). *Ю.А. Дмитриев*. Дед-зазывала. (926). *В.А. Гиляровский*. Юшка-комедиант (927). Монолог перед спектаклем (928). Эпилог (928).

Ярмарочный фольклор 928

Выкрики и зазывания (929). Заклички и балагурье (937). Раёк (948). Нижегородский раёк (948). Петербургский раёк (950). Московский раёк (952).

Песни новой формации 952

Песни-романсы 955

I. Песни и романсы литературного происхождения (955). II. Фольклорные песни и романсы: Любовные песни и романсы (976). Балладные песни и романсы (985). Тюремные и каторжные песни и романсы (996). Гражданские патетические песни и романсы (1002). Шуточные песни и пародии (1008).

Частушки 1014

Любовные (1018). Семейные (1036). Социальные (1039). Шуточные (1045).

Анекдоты 1057

Из старинных записей (1059). Из недавних и современных записей (1061).

Примечания 1070

Учебное издание

Русское устное народное творчество ХРЕСТОМАТИЯ

Составитель **Аникин Владимир Прокопьевич**

Ведущий редактор *Т.А. Феокистова*
Внешнее оформление *В.Н. Хомяков*
Технический редактор *Н.И. Тростянская*
Компьютерная верстка *О.М. Чернова*
Корректор *Т.Д. Венедиктова*

Лицензия ИД № 06236 от 09.11.01.

Изд. № ЛЖ-279. Подп. в печать 16.02.06. Формат 60 x 88^{1/16}.

Бум. офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная.

Объем 69,09 усл. печ. л., 70,59 усл. кр.-отт.

Тираж 3000 экз. Зак. № 6017.

ФГУП «Издательство «Высшая школа», 127994, Москва, ГСП-4,
Иеглинная ул., 29/14.

Тел.: (495) 200-04-56

<http://www.vshkola.ru> E-mail: info_vshkola@mail.ru

Отдел реализации: (495) 200-07-69, 200-31-47, факс: (495) 200-34-86.

E-mail: sales_vshkola@mail.ru

Отпечатано в ОАО ордена «Знак Почета»
«Смоленская областная типография им. В.И. Смирнова».
214000, г. Смоленск, пр-т. им. Ю. Гагарина, 2.



ИПНІА ПІНСІА ІАКШОСЪ



УНА ПІНСІА ІАКШОСЪ
УК ПІНСІА ІАКШОСЪ
УКШОСЪ ІАКШОСЪ ІА
ІАКШОСЪ ІАКШОСЪ ІА
ІАКШОСЪ ІАКШОСЪ ІА
ІАКШОСЪ ІАКШОСЪ ІА

ІАКШОСЪ ІАКШОСЪ ІАКШОСЪ
ІАКШОСЪ ІАКШОСЪ ІАКШОСЪ
ІАКШОСЪ ІАКШОСЪ ІАКШОСЪ
ІАКШОСЪ ІАКШОСЪ ІАКШОСЪ
ІАКШОСЪ ІАКШОСЪ ІАКШОСЪ

ISBN 5-06-004238-3

8